

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА,

СОБРАННЫЕ ВЪ 1861—1862 ГОДАХЪ.

ТОМЪ I.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1890.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые въ настоящей книгѣ матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова собраны были Н. Г. Чернышевскимъ непосредственно по смерти Добролюбова въ концѣ 1861 и началѣ 1862 года. Въ то время собиратель уже воспользовался ими отчасти въ статьѣ о Добролюбовѣ, помѣщенной въ первой книгѣ «Современника» 1862 года. Личныя обстоятельства прервали надолго эту работу: только въ 1887 году Н. Г. Ч. получилъ возможность снова пересмотрѣть собранные имъ нѣкогда матеріалы; біографія Добролюбова должна была стать одной изъ ближайшихъ предстоящихъ его работъ,—но предварительно онъ рѣшилъ издать въ полномъ составѣ тѣ матеріалы, которые, кромѣ его личныхъ воспоминаній, доставляли главную основу для этой біографіи.

Первый томъ былъ имъ приготовленъ почти сполна; 27 листовъ настоящей книги были прочтены въ корректурѣ самимъ Ч—мъ. «Обзоръ бумагъ» остался неоконченнымъ. Въ настоящемъ изданіи трудъ собирателя сохраненъ нетронутымъ.

Планъ второго тома былъ уже намѣченъ: въ него должны были войти еще нѣсколько писемъ Добролюбова, не вошедшихъ въ настоящую книгу; воспоминанія о немъ его родныхъ и товарищей; наконецъ, обзоръ бумагъ (начатый уже въ 1:мъ томѣ), которыя представляютъ тотъ или другой біографическій интересъ.

Настоящій томъ—полное изданіе переписки, чрезвычайно обстоятельный обзоръ сохранившихся бумагъ—

указываетъ, съ какою внимательностью Н. Г. Ч. относился къ предположенному біографическому труду, съ какой любовью сохранялъ онъ малѣйшія подробности о жизни столь безвременно умершаго писателя, который былъ самой горячей его привязанностью.

Исполненіе второго тома, матеріалъ котораго былъ уже собранъ, хотя не обработанъ, Н. Г. Ч—мъ, принимаетъ на себя одно изъ близкихъ ему лицъ. Кромѣ того, что было предположено самимъ собирателемъ этихъ матеріаловъ, во второй томъ войдутъ, быть можетъ, личныя воспоминанія Н. Г. Ч—го, сохранившіяся въ письмахъ его къ этому близкому лицу.

Мартъ 1890.

ПЕРЕПИСКА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Августъ 1853—августъ 1854.

Отъѣздъ въ Петербургъ.—Поступленіе въ педагогическій институтъ.—Смерть матери.—Поѣздка въ Нижній на каникулы.—Смерть отца.

(Вторая половина 18-го и первая половина 19-го года жизни Н. А. Добролюбова).

ПИСЬМО НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853, авг. 6. Москва. Получено 10 авг. (помѣтка, сдѣланная рукою отца).

Воображаю, милые мои папаша и мамаша, съ какимъ мучительнымъ безпокойствомъ смотрѣли Вы вслѣдъ удалявшемуся дилижансу, который оторвалъ меня отъ родимаго крова. Васъ тревожила не столько горесть разставанья, сколько страхъ грядущихъ непріятностей, которыя могли встрѣтиться со мной на невѣдомомъ пути. Но Богъ, которому молились такъ усердно всѣ мы, и особенно Вы, добрая мамаша,—милосердый Богъ сохранилъ меня цѣла и невредима. Вотъ мой путь:

Когда мы поѣхали, товарищъ мой [1]), вслѣдствіе нѣкоторыхъ вліяній, находился довольно въ телячьемъ расположеніи духа и потому началъ тотчасъ сердечныя изліянія. Я не мѣшалъ ему, и потому скоро самъ пришелъ незамѣтно къ участію въ его разговорѣ, т. е. сталъ его слушать со вниманіемъ. Впрочемъ онъ не успѣлъ этимъ воспользоваться [2]), и дѣло тѣмъ кончилось. Немного погодя, я почувствовалъ вдругъ, что мы остановились [3]); скоро я выглянулъ, вижу: ямщикъ

---

[1]) Воспитанникъ Нижегородской семинаріи Иванъ Гавриловичъ Журавлевъ, посланный въ Петербургскую духовную академію на казенный счетъ, или, какъ тогда это называлось, „по вызову". Отправленіе „по вызову" производилось такъ: духовная академія присылала въ семинарію требованіе прислать воспитанника; семинарское начальство выбирало воспитанника и, по одобреніи выбора архіереемъ, посылало въ академію на казенный счетъ.

[2]) Онъ заснулъ, какъ это видно по ходу дѣла.

[3]) То-есть, вслѣдъ за товарищемъ уснулъ и Николай Александровичъ.

хлопочетъ около лошадей; хочу спросить кондуктора—его нѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ, впрочемъ, является и онъ, и на вопросъ мой о причинѣ остановки отвѣчаетъ, что это, дескать, станція. Съ этимъ словомъ мы тотчасъ поѣхали: тутъ я понялъ, какъ хорошо вы сдѣлали, отправивъ меня въ дилижансѣ. Вся ѣзда была такого рода. Дорога, большею частью, шла лѣсами. Ельнику и сосняку— несмѣтное число: не диво, что нашимъ не дается ремесло топить торфомъ. Вечеромъ 4-го пили мы чай въ какомъ-то Чернорѣчьѣ, кажется; по утру 5-го, въ четвертомъ часу—въ Вязникахъ; напившись чаю, пока закладывали лошадей, я прошелъ его [1]) вдоль и поперегъ, и, кажется навелъ на жителей великое удивленіе: по крайней мѣрѣ всѣ встрѣчные кланялись мнѣ съ какою-то нерѣшительностью и боязнью. Чѣмъ заслужилъ такое уваженіе, я, впрочемъ, не понимаю. Обѣдали мы во Владимірѣ: это очень недурной городокъ, и, если судить по той улицѣ, черезъ которую мы проѣзжали, то—не хуже Нижняго; но кондукторъ говоритъ, что только одна улица и есть порядочная во всемъ Владимірѣ. Затѣмъ по вечеру мы еще гдѣ-то пили чай, ночью проѣхали Покровъ и Богородскъ, и въ девятомъ часу во вторникъ пріѣхали въ Москву [2]). До самой Москвы мы продовольствовались почти однимъ домашнимъ запасомъ, а чаю, я полагаю, и въ Петербургѣ мнѣ не выпить: ужасающее количество; мятныхъ лепешекъ станетъ на цѣлую вѣчность, по замѣчанію Ивана Гавриловича. За все это я, разумѣется, очень благодаренъ Вашей трогательной заботливости. Что касается до матушки Москвы, то я ничего не скажу о ней: «дистанція огромнаго размѣра!» Сейчасъ почти видѣлъ я ее съ колокольни Симонова монастыря: я влѣзалъ на самый верхъ, и дѣйствительно могу похвалиться, что видѣлъ всю Москву,—разумѣется, черезъ два стеклушка [3]). Сходя съ колокольни, большею частью по винтовой лѣстницѣ, я насчиталъ 363 ступени; вышины въ ней, говорятъ, 47 саженъ; впрочемъ, это, не знаю вѣрно ли. Нынче же видѣлъ въ Новоспасскомъ и Высокопреосвященнаго Филарета: онъ еще очень свѣжъ, сѣдъ меньше Васъ, папаша, но говорить едва можетъ, какъ слѣдуетъ въ церкви. Я стоялъ отъ него черезъ

---

[1]) Городъ Вязники.

[2]) Вторникъ въ 1853 году былъ въ 4-ое число августа, а не въ 6-ое, какъ выходитъ по обозначенію числъ Н. А—ча: „вечеромъ 4-го пили чай въ Чернорѣчьѣ; поутру 5-го—въ Вязникахъ; ночью проѣхали Покровъ и Богородскъ и въ девятомъ часу пріѣхали въ Москву". — На письмѣ выставлено Н. А—чемъ: „Августа 6. Москва". — Но сохранился лоскутокъ бумаги, на которомъ онъ отмѣчалъ то, что писалъ съ 12 іюня до 18 авг. 1853; тамъ отмѣчено: „4 авг. Письмо домой". — Когда-же пріѣхалъ Н. А—чъ въ Москву — во вторникъ, то-есть 4-го августа, или въ четвергъ? Соображая то, что онъ написалъ первое письмо свое изъ Петербурга 10 августа, должно полагать, что онъ пріѣхалъ въ Москву 6 августа, а не раньше, и что противорѣчащіе этому счетъ дней недѣли и отмѣтка числа мѣсяца въ реэстрѣ писаннаго, ошибочны.

[3]) „Черезъ два стеклушка" значитъ, вѣроятно, не черезъ бинокль, а черезъ очки. Н. А—чъ еще въ Нижнемъ сталъ носить очки; но, кажется, рѣдко надѣвалъ ихъ; такъ должно думать по разсказу его въ „Дневникѣ" 1853 года о томъ, какъ онъ въ залѣ дворянскаго собранія смотрѣлъ съ хоровъ на выборы: онъ пришелъ туда безъ очковъ и долго не рѣшался надѣть; надѣлъ только когда подошелъ дядя и сказалъ, что надѣть ихъ не будетъ нарушеніемъ приличія.

три человѣка и едва могъ разслушать нѣкоторыя слова изъ Евангелія, которое онъ читалъ на молебнѣ... Съ нимъ служили два архимандрита, но отца Аполлонія не было; поэтому прямо изъ Новоспасскаго поѣхали мы въ Симоновъ, но намъ сказали, что онъ (не Симоновъ, а Аполлоній) можетъ принять насъ не ранѣе вечерни; мы попросили отца Веніамина (бывшаго — — [1]) іеромонаха: онъ вамъ свидѣтельствуетъ почтеніе) доложить отцу архимандриту, что мы были; и за тѣмъ отправились кататься по Москвѣ; извозчикъ, по обыкновенію, содралъ съ насъ ужасно дорого. Завтра отправляемся въ Петербургъ: въ Бѣлокаменной смотрѣть больше нечего. Ходить по ней пѣшкомъ— невозможно, а поѣдешь—

Мелькаютъ мимо: будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари и пр. и пр.

См. у Пушкина.—Кстати: если хотите имѣть понятіе о всей Москвѣ (вообще, то-есть), то—возьмите только у Ал. Ив. [2]) «Физіологію Петербурга», прочтите статью Бѣлинскаго «Петербургъ и Москва», и Вы будете понимать ее лучше, нежели побывши въ ней недѣлю: статья писана за десять лѣтъ, но съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось въ главномъ.

NB. Надѣюсь, мнѣ нѣтъ еще нужды увѣрять Васъ, что я люблю Васъ столько, сколько можно любить нѣжнѣйшему сыну, и что я никого изъ знакомыхъ не позабылъ.

Н. Добролюбовъ.

Если кто нибудь будетъ обижаться, что поклоновъ нѣтъ, то, умоляю Васъ, напишите: слѣдующее письмо будетъ состоять изъ поклоновъ, низкихъ, нижайшихъ и глубочайшихъ.

ПИСЬМО КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853. Авг. 10. Петербургъ. Получено 15 августа.

Изъ перваго письма моего Вы уже знаете, добрые и милые мои папаша и мамаша, что я благополучно прибылъ въ Москву. Такъ же точно благополучно переѣхалъ отъ Москвы до Петербурга, по пресловутой въ нашихъ краяхъ желѣзной дорогѣ. Я не успѣлъ разсмотрѣть хорошо устройство станцій на этой дорогѣ,—ни Московской, ни Петербургской: Московской потому, что пріѣхалъ поздно, за четверть часа до отправленія. Сначала задержалъ насъ Высокопреосвященный Филаретъ, къ которому ходили мы принять его благословеніе, а потомъ долго хлопоталъ я въ почтамтѣ, съ деньгами Леонида Ивано-

---

[1]) Въ нашемъ спискѣ здѣсь оставленъ пробѣлъ вмѣсто неразобраннаго слова; оно—безъ сомнѣнія прилагательное отъ названія или монастыря, въ которомъ прежде находился этотъ іеромонахъ, или города, въ которомъ находится этотъ монастырь: „бывшаго нижегородскаго іеромонаха, или, вмѣсто „нижегородскаго", что нибудь такое-же.

[2]) Александра Ивановича Щепотьева; прежде онъ жилъ въ домѣ Добролюбовыхъ. Они оставались близкими знакомыми.

вича [1]). Кстати увѣдомьте его при случаѣ, что порученіе его я исполнилъ—самымъ неудачнымъ образомъ: не нашелъ въ Москвѣ никого изъ тѣхъ, которымъ могъ передать его деньги, и переслалъ ихъ въ Горки по почтѣ, а перстень такъ и остался у меня. Такимъ образомъ сама судьба идетъ на перекоръ убѣжденіямъ Леонида Ивановича, который прочитъ меня въ монахи: [2]) черезъ него же она посылаетъ мнѣ перстень... Пріѣхавъ на станцію желѣзной дороги, я прежде всего долженъ былъ завѣсить чемоданъ, отдалъ за него рубль серебр. (по двѣ коп. сер. съ фунта) получилъ нумеръ [3]), который наклеили также и на чемоданѣ, потомъ показалъ свой билетъ [4]), взялъ билетъ на мѣсто, заплатилъ семь руб. [5]) и сѣлъ въ вагонъ. Въ Нижнемъ я имѣлъ самое нелѣпое понятіе о вагонѣ и даже нѣсколько удивился, когда ввели меня въ настоящій, а не воображаемый. Я представлялъ себѣ вагонъ просто экипажемъ, хоть и особенной формы, но все же экипажемъ; а между тѣмъ онъ есть ничто иное какъ маленькій четвероугольный домикъ,—настоящій Ноевъ ковчегъ,—состоящій изъ одной большой комнаты, въ которой подѣланы скамейки для пассажировъ. Онъ имѣетъ двери съ двухъ сторонъ, окошечко вверху и по бокамъ четыре; аршина четыре въ ширину и саженъ пять или шесть даже—въ длину. Въ рядъ садится въ немъ—вдоль 10, а поперегъ 4 человѣка, и того 40 человѣкъ всего: обстоятельство довольно непріятное, потому что въ вагонѣ дѣлается душно, особенно, если попадется сердитый кондукторъ, который никакъ не хочетъ ни отворить дверь, ни выпустить пассажира на платформу, изъ опасенія, что онъ упадетъ. Весь день ѣхали мы прекрасно, ночью не совсѣмъ удобно, потому что спать не ловко, особенно ежели попадется сосѣдъ довольно безпокойный. Со мной рядомъ сидѣла во всѣхъ отношеніяхъ очень пріятная дама, но только постоянно ворчала къ вечеру, что очень счастливы тѣ, кому пришлось сидѣть одному на скамейкѣ (а надобно замѣтить, что скамьи разставлены поперегъ,—по двѣ въ ряду—и на каждой помѣщается по два человѣка; если же полнаго числа нѣтъ, то на нѣкоторыхъ сидитъ одинъ). Я отвѣчалъ ей, что совершенно согласенъ съ ней и что если бы была пустая скамейка, то я непремѣнно бы занялъ ее, чтобы сидѣть одному, и она замолчала. Я сидѣлъ въ вагонѣ 3-го класса. Вагоны 2-го отличаются только тѣмъ, что въ нихъ ставится обыкновенно

---

[1]) Леонидъ Ивановичъ былъ одинъ изъ профессоровъ Нижегородской семинаріи; онъ упоминается между ними въ одной изъ приписокъ М. А. Кострова къ письмамъ Александра Ивановича.

[2]) Леонидъ Ивановичъ „прочилъ“ его въ монахи, то есть, уговаривалъ поступить въ монахи, когда будетъ въ академіи, внушая ему, безъ сомнѣнія, ту мысль, что пошедши въ монахи, онъ навѣрное станетъ архіереемъ.

[3]) Контрамарку.

[4]) Тотъ документъ, которымъ семинарское начальство удостовѣряло, что предъявитель его—воспитанникъ Нижегородской семинаріи такой-то и проч., ѣдущій въ Петербургъ съ разрѣшенія начальства. Въ первое время по открытіи Московско-Петербургской желѣзной дороги, пассажирскіе билеты выдавались только по предъявленіи такъ называемаго „вида“ (паспорта или другаго документа удостовѣряющаго личность).

[5]) Это была цѣна билета третьяго класса.

не голая деревянная скамья, а софа. Въ первомъ классѣ—и драпировки, и кушетки, и кресла, и ломберные столы съ зеленымъ сукномъ—всѣ удобства: вагонъ огромный. Впрочемъ, когда вы поѣдете ко мнѣ въ Петербургъ, я бы совѣтовалъ вамъ сѣсть лучше во второй, чѣмъ въ третій вагонъ. Удобство одинакое, но дѣло въ томъ, что туда не всякій садится, что̀ для васъ имѣетъ большую важность. Конечно, при насъ [1]) самыя великія непріятности этого рода состояли въ томъ, что возлѣ меня немилосердно истребляли балыкъ, да еще одинъ купецъ выдралъ за уши мальчишку, за то, что онъ ушелъ съ своего мѣста, оставивъ безъ присмотра вещи, а тотъ не совсѣмъ вѣжливо, хотя и съ большимъ юморомъ, высказывалъ ему причину своей отлучки; но въ другое время, съ другими пассажирами можетъ случиться и что-нибудь худшее. Затѣмъ вы, конечно, сами видите, что страху тутъ нѣтъ никакого: впереди ѣдетъ паровозъ, за нимъ—въ нашемъ поѣздѣ ѣхали восемь вагоновъ; мы мчались такъ, что я и не замѣчалъ ничего, что̀ дѣлается за стѣнами моего ковчега... Пріѣхали мы въ Петербургъ во время дождя, и дождя осенняго, мелкаго, спораго. Нанялъ я извозчика за 25 коп. сер. до Духовной Академіи, товарищъ мой также. Смотримъ, довезъ насъ извозчикъ до Казанскаго моста и остановился: «здѣсь»—говоритъ. Такъ и сякъ, спрашиваемъ будочника, гдѣ найти академію (а ужь я зналъ, что у Казанскаго моста нѣтъ ея), онъ указалъ намъ, и насъ привезли на Васильевскій островъ, условившись, что еще четвертакъ я долженъ отдать за это. Пріѣхали—смотрю: Академія Художествъ!.. «Что ты за болванъ, братецъ мой! куда ты завезъ меня?»... «Да куда же сударь? Мы только и знаемъ, что одну Микодемію; развѣ еще есть какая?»... Дѣлать нечего, растолковалъ кое-какъ, что Духовная академія и Невская лавра значитъ то же, что Невскій монастырь, и что тутъ же Невскій проспектъ. Негодяй понялъ наконецъ, но очень основательно началъ доказывать, что провезши меня сюда за полтинникъ, онъ не иначе можетъ довезти меня отсюда, какъ за полтинникъ же. Дождикъ продолжалъ лить, чемоданъ довольно тяжелъ, и я увидѣлъ себя въ необходимости согласиться. Пріѣхавши въ академію, я нашелъ тотчасъ отца Іустина, и узналъ отъ него, что подобная исторія случается очень со многими. Вы бы сказали, говоритъ, чтобъ везъ въ Невскій монастырь или еще лучше на Невскій проспектъ; а то вѣдь они ни Духовной Академіи, ни Лавры не знаютъ. Я обѣщалъ съ рѣдкою искренностью, что впередъ всегда такъ буду дѣлать... Иванъ Гавриловичъ [2]) оказался въ этомъ случаѣ ровно столько же глупъ, какъ и я... Въ академіи видѣлъ я всѣхъ земляковъ, кончившихъ здѣсь курсъ, представлялся А. П. Соколову, пилъ чай у него, сходилъ въ столовую академическую, былъ у всенощной, послѣ того представленъ былъ инспектору и услыхалъ отъ него объявленіе, что до окончанія экзаменовъ (т. е. до сентября, вѣроятно) я долженъ жить на квартирѣ, а Ивану Гавриловичу велѣлъ онъ отвести комнату, хотя и замѣтилъ ему: «Что вы звѣрькомъ

---

[1]) То-есть: при мнѣ и Журавлевѣ.

[2]) Журавлевъ.

смотрите? Здѣсь это не понравится»... Земляки еще заранѣе отъискали мнѣ комнатку не далеко отъ академіи, за три рубля серебр. въ мѣсяцъ, впрочемъ безъ стола. «Да что-жъ я буду ѣсть-то?» подумалъ я: «Одной булкой нельзя питаться, а въ трактирѣ за разъ возьмутъ, пожалуй, мой недѣльный бюджетъ»... Предложилъ хозяину доставлять мнѣ столъ; говоритъ: «Не могу; вы иной день не придете, а я буду готовить; вѣдь у меня пропадетъ».—Я обѣщалъ съ вечера сказывать, когда не приду, и долженъ былъ согласиться платить рубль двадцать коп. асс. за каждый день за столъ... Конечно это не совсѣмъ выгодно, но мое положеніе теперь таково, что имъ всякій спекуляторъ можетъ пользоваться. Теперь разскажу вамъ дѣло...

Здѣсь случилось со мной весьма важное и, можетъ быть счастливое обстоятельство. На моей квартирѣ нашелъ я поселившагося въ одной комнатѣ со мной студента Педагогическаго Института, одного изъ тѣхъ, которые въ предпрошломъ году поступили въ институтъ, не выдержавъ экзамена въ Духовную Академію. На верху жили въ томъ же домѣ два брата,—одинъ кончившій курсъ въ здѣшней академіи, другой—студентъ Вятской семинаріи, сыновья тамошняго ректора. Младшій братъ пріѣхалъ было держать экзаменъ въ Духовную Академію, но братъ не посовѣтовалъ ему, и онъ подаетъ прошеніе въ Педагогическій Институтъ. Вчера къ студенту Института пришелъ товарищъ, живущій на дачѣ, которую нанимаютъ для студентовъ каждое лѣто, и на которую мой сожвартирецъ не попалъ только потому, что пріѣхалъ изъ отпуска [1]) раньше срока (не подумайте, чтобъ кто нибудь изъ студентовъ долженъ былъ все время ученія жить на квартирѣ). Этотъ товарищъ разсказывалъ: «Въ Институтѣ, братъ, слезы; на 56 ваканcій явилось только 23 человѣка, и изъ числа ихъ только 20 могли быть допущены къ экзамену, потому что изъ трехъ остальныхъ—одному 38 лѣтъ, другому 14, третій какой-то отчаянный [2]). Черезъ нѣсколько дней еще былъ экзаменъ: явилось пять человѣкъ, и всѣ приняты почти безъ экзамена»... Я сказалъ, что если не примутъ въ академію, то и я бы попытался, и студенты начали такія увѣренія [3]), что мнѣ даже не вѣрилось. Наконецъ одинъ началъ совѣтовать, чтобъ я сходилъ на дняхъ въ Институтъ, проэкзаменовался тамъ (а это можно сдѣлать безъ всякихъ письменныхъ документовъ моихъ) [4]) и потомъ быть спокойнымъ. Я сказалъ, что не вижу причины, для чего бы рѣшаться на такую мистификацію, и онъ объявилъ мнѣ вотъ что: «Теперь они [5]) въ отчаяніи и принимаютъ всякаго, а между тѣмъ хлопочутъ по всѣмъ гимназіямъ и семинаріямъ [6]). Напримѣръ, одинъ профессоръ выписалъ шесть человѣкъ изъ одной Смоленской семинаріи, гдѣ онъ самъ учился... Министръ объявилъ,

---

1) Изъ отпуска на каникулы.

2) Полоумный.

3) Относительно легкости пріемнаго экзамена въ Институтъ.

4) Находившихся у академическаго начальства, которому были представлены при заявленіи просьбы о допущеніи къ экзамену въ академію.

5) Лица, составляющія институтское управленіе, директоръ и конференція, членами которой были профессоры.

6) Посылая приглашенія ѣхать въ Институтъ.

что если къ 1-му сентября не будетъ полнаго комплекта, то онъ закроетъ заведеніе; а между тѣмъ у васъ [1]) къ тому времени только кончатся экзамены. Если васъ постигнетъ неудача [2]), куда вы тогда дѣнетесь?.. А теперь: [3]) выдержавши экзаменъ [4]), вы можете быть спокойны на счетъ академіи. Если же васъ пріймутъ [5]), то придите только къ директору и скажите: «Ваше Превосходительство! Я получилъ отъ родителей письмо, въ которомъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ не совѣтуютъ поступать въ Педагогическій Институтъ»—и онъ, не имѣя въ рукахъ вашихъ документовъ, не можетъ никакъ вступиться за это»...—Такой ходъ дѣла поставилъ меня въ страшное раздумье. Мнѣ бы такъ хотѣлось поступить въ Институтъ, что выдержавши тамъ экзаменъ, я бы сталъ умышленно молчать на экзаменѣ академическомъ [6]). Но во всякомъ случаѣ, я не рѣшусь избрать окончательно мѣсто воспитанія безъ воли вашей, мои милые, дорогіе, безцѣнные папаша и мамаша, которыхъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь люблю. Умоляю васъ, рѣшите мое недоумѣніе, выведите меня поскорѣе,—если можно—нынѣ [7]) изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь теперь... Пока еще можно воротиться мнѣ [8]); а между тѣмъ, кромѣ другихъ выгодъ, у меня

---

[1]) Въ академіи.

[2]) На академическомъ экзаменѣ.

[3]) „А теперь"—разговорное выраженіе, имѣющее смыслъ: „а теперь, подумайте хорошенько о моихъ словахъ".

[4]) Выдержавши экзаменъ въ Институтъ.

[5]) Пріймутъ въ академію.

[6]) Для чего-жь идти на академическій экзаменъ, если идти съ намѣреніемъ молчать на немъ, чтобъ оказаться не выдержавшимъ его?—Для того, чтобъ отецъ имѣлъ оправданіе передъ архіереемъ, могъ сказать ему: мой сынъ поступилъ въ Педагогическій Институтъ лишь потому, что не выдержалъ экзамена въ академіи.—Николай Александровичъ предполагалъ, что архіерей разсердится на него за поступленіе не въ академію, а въ свѣтское учебное заведеніе. Опасеніе было напрасное. Въ тѣ времена, поступленіе воспитанника семинаріи въ университетъ или въ одно изъ двухъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, равныхъ университетамъ—въ Педагогическій Институтъ или Медико-Хирургическую академію—считалось успѣхомъ, дѣлающимъ честь семинаріи; непосредственное начальство семинаріи гордилось этимъ; пріятно это было и архіерею, высшему начальнику семинаріи.

[7]) „Выведите меня поскорѣе, если можно, то нынѣ—изъ" и т. д.—смыслъ ясенъ: „отвѣчайте мнѣ, если можно, въ тотъ же день, какъ будетъ получено вами это письмо"; возможность отвѣчать въ тотъ же день зависѣла отъ того, почтовый ли день это будетъ (почта изъ Нижняго въ Москву—и черезъ Москву, въ Петербургъ—ходила тогда или только три или даже только два раза въ недѣлю).—Итакъ, смыслъ слова „нынѣ" ясенъ; но оно употреблено неправильно. Николай Александровичъ ужь не дѣлалъ тогда ошибокъ подобнаго рода. Но вотъ теперь, переносясь воображеніемъ въ тотъ день, когда получится его письмо, онъ ужь называлъ этотъ день нынѣшнимъ; такая неправильность выраженія показываетъ, что когда онъ дѣлалъ ее, мысли его путались отъ волненія.

[8]) Трудно разобрать, о чемъ именно думалъ Николай Александровичъ, когда писалъ, что „пока" ему еще можно „воротиться". Хотѣлъ ли онъ сказать, что ему еще не поздно отказаться отъ намѣренія поступить въ Институтъ и вернуться къ намѣренію поступить въ академію, или онъ считалъ свои слова имѣющими то значеніе, что ему еще можно возвратиться въ Нижній, въ нижегородскую семинарію?—Кажется, онъ хотѣлъ сказать именно это: дальше онъ говоритъ, что если вернется, то будутъ сбережены деньги, которыя пришлось бы ему внести въ академію за одежду академической формы. Но обратный путь въ

останутся въ карманѣ (зашитыми) 35 цѣлковыхъ, которые право жалко отдать за неуклюжую шляпу и не совсѣмъ тонкій сюртукъ академическій [1]). Весь нынѣшній день я въ такомъ волненіи, что какъ видите, даже бумагу взялъ вверхъ ногами, начиная писать къ вамъ. Простите.—Все, что говорили о болѣзняхъ, и климатѣ, и водѣ—чистый вздоръ. Я живу двое сутокъ здѣсь и не чувствую ихъ вліянія. Желаю Вамъ всего, всего, что только есть лучшаго на землѣ. Знакомыхъ я, дѣйствительно, позабылъ бы на этотъ разъ: [2]) такъ пожалуй не сказывайте имъ, что я писалъ къ Вамъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853, авг. 23, С.-Петербургъ [3]). Получено 29 августа.

Простите меня, мои милые, родные мои, папаша и мамаша, которыхъ такъ много люблю и почитаю я въ глубинѣ души моей!.. Простите моему легкомыслію и неопытности! Я не устоялъ въ своемъ

Нижній стоилъ бы ему дороже, нежели путь изъ Нижняго въ Петербургъ: онъ ѣхалъ изъ Нижняго до Москвы въ дилижансѣ; теперь ему пришлось бы или прожить въ Москвѣ нѣсколько дней, пока достанется на его очередь мѣсто въ дилижансѣ, идущемъ въ Нижній (мѣста въ дилижансахъ разбирались на расхватъ, надобно было записаться и ждать очереди); или, если-бъ онъ не захотѣлъ проживать деньги въ Москвѣ, дожидаясь мѣста въ дилижансѣ, ему пришлось бы ѣхать на перекладныхъ; хотя-бъ нашелся попутчикъ, какъ тогда говорилось, то и половина „прогоновъ" составляла сумму больше цѣны мѣста въ дилижансѣ; потому, съ мыслью о возвращеніи въ Нижній была несообразна мысль о сбереженіи 35 рублей, „зашитыхъ" по тогдашнему провинціальному обычаю, для вѣрнѣйшей безопасности, подъ подкладку одежды.—О чемъ же собственно думалъ Николай Александровичъ, когда писалъ, что ему еще не поздно „воротиться"?—Мысли у него путались; кажется, онъ хотѣлъ сказать, что ему не поздно воротиться въ Нижній (то есть, въ Нижегородскую семинарію); дѣйствительно, было бы не поздно: онъ еще оставался воспитанникомъ семинаріи, былъ только уволенъ въ отпускъ. Но когда онъ писалъ эти слова, въ его воображеніи была неотвязная мысль о поступленіи въ Институтъ, и въ числѣ „выгодъ" возвращенія въ Нижній оказалось сбереженіе, которое обусловливалось поступленіемъ въ Институтъ и было несовмѣстно съ мыслью о возвращеніи въ Нижній.

[1]) Тѣ воспитанники семинаріи, которые пріѣзжали въ Духовную академію не на казенный, а на свой счетъ, должны были, при поступленіи въ нее, вносить деньги за выдаваемую имъ одежду академической формы. Принимаемые въ Педагогическій Институтъ всѣ получали обмундировку безплатно.

[2]) Вѣроятно, ему говорили передъ отъѣздомъ изъ Нижняго, что онъ въ своихъ письмахъ изъ Петербурга станетъ забывать правило тогдашняго провинціальнаго приличія, требующее писать поклоны знакомымъ.

[3]) Въ 1853 году 21 августа приходилось въ пятницу; отвѣчать въ слѣдующій день, въ субботу, было-бы напрасно, потому что, пришедши въ Москву въ воскресенье, письмо лежало бы тамъ до дня отправленія почты въ Нижній; Николай Александровичъ зналъ это, какъ видно, потому и не писалъ свой отвѣтъ въ субботу; но и написанный въ воскресенье, 23 авг., отвѣтъ долженъ былъ пролежать въ Москвѣ два дня: почта въ Нижній не отходила изъ Москвы ни по понедѣльникамъ, ни по вторникамъ, и письма въ Нижній, посылаемыя изъ Петербурга въ воскресенье, отправляемы были изъ Москвы по средамъ. Этого, вѣроятно, еще не зналъ тогда Николай Александровичъ; вѣроятно, онъ думалъ, что письмо его ужь не будетъ лежать въ Москвѣ, если будетъ послано въ воскресенье.

послѣднемъ намѣреніи [1]), и письмо Ваше пришло уже слишкомъ поздно—къ вечеру того дня, въ который поутру объявленъ я студентомъ Главнаго Педагогическаго института... Не оправдалъ я надеждъ и ожиданій Вашихъ, и—горе непослушному сыну!... Тоска, какой никогда не бывало, надрываетъ меня эти два дня, и только Богу извѣстно, сколькихъ слезъ, сколькихъ мукъ безплоднаго раскаянія стоило мнѣ послѣднее письмо Ваше!.. Какъ въ горячкѣ метался я оба дня, дожидаясь почты, и, еслибъ можно, самъ полетѣлъ бы къ Вамъ, чтобы у ногъ Вашихъ вымолить прощеніе. Не стану теперь оправдываться, не стану ничего разсказывать Вамъ, потому что я слишкомъ возмущенъ [2]); но, съ полнымъ сознаніемъ своей вины, прибѣгаю къ Вамъ съ мольбой о прощеніи и благословеніи... Оно только можетъ возвратить мнѣ потерянное спокойствіе, котораго нигдѣ я не нахожу теперь. Какъ ни хорошъ Педагогическій институтъ, и какъ ни хорошо принятъ я въ немъ, но я лучше бы желалъ быть послѣднимъ въ Академіи,—именно потому только, что Вы это одобряете... Не считайте же меня ослушнымъ, непокорнымъ сыномъ... Клянусь, еслибъ я зналъ, что Вы такъ сильно вооружитесь противъ института,—не поступилъ бы я туда ни за какія блага въ мірѣ. Всѣми преимуществами, всей будущностью своей пожертвовалъ бы я, чтобы только исполнить волю Вашу,—волю любящихъ родителей, которыхъ счастье для меня дороже моего, котораго я еще не понимаю. Но я ошибся, я обманулся, и жестоко наказываюсь [3]) за опрометчивость! Горе же мнѣ, несчастному своевольнику, безъ благословенія родителей! Я чувствую, что не найду счастья съ одной своей неопытностью и глупостью... Неужели же оставите Вы меня [4]), столь много любившіе меня, такъ много желавшіе мнѣ всего добраго? Неужели по произволу пустите Вы меня [5]) за мою вину передъ Вами? Простите, умоляю Васъ! Простите и требуйте, чего хотите, чтобъ испытать мое послушаніе. Скажите слово—и я уволюсь тотъ же часъ изъ Института, ворочусь въ семинарію и потомъ пойду, куда Вамъ будетъ угодно, хоть въ Казанскую Академію. Лучше вытерпѣть всѣ пытки горькаго униженія и пошлыхъ насмѣшекъ, лучше испытать всѣ муки раздраженнаго самолюбія, разбитыхъ надеждъ и несбывшихся мечтаній, чѣмъ нести на себѣ тяжесть гнѣва родительскаго. Я вполнѣ испыталъ это въ послѣдніе дни послѣ полученія Вашего письма. Избавьте же меня отъ этого состоянія, простите, простите меня... Я знаю, Вы меня любите... Не смѣю подписаться тѣмъ, чѣмъ недавно я сдѣлался [6]), чтобы не раздражить Васъ... Но все еще надѣюсь, что Вы позволите мнѣ назваться сыномъ Вашимъ.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Въ своемъ намѣреніи ждать ихъ рѣшенія.

[2]) Возмущенъ раскаяніемъ, печалью; взволнованъ, разстроенъ.

[3]) Наказываюсь раскаяніемъ, страданіями совѣсти.

[4]) Оставите вы безъ вашего благословенія, безъ вашихъ совѣтовъ.

[5]) Неужели покинете меня на произволъ моей неопытности, на волю судьбы.

[6]) Семинаристы, поступившіе въ какое нибудь высшее училище, имѣли обычай подписываться въ первое время по поступленіи: „студентъ“ такого-то учрежденія. Такъ подписался и Николай Александровичъ въ письмѣ 6 сент., получивъ увѣреніе, что отецъ и мать не сердятся на него.

Съ слѣдующей почтой, поуспокоившись, я буду обстоятельно писать къ Вамъ. Но горько смущаетъ меня, тяжело налегаетъ на сердцѣ [1]) страшная мысль, какъ будетъ принято это письмо мое. Еще разъ — ради Господа Бога, ради всего святаго и дорогого для Васъ — простите моей неопытности, не лишите меня Вашей любви и благословенія, безъ которыхъ нѣтъ въ мірѣ счастья; не оставьте Вашими совѣтами, безъ которыхъ я пропаду здѣсь. Ради Бога, ради Христа умоляю любовь Вашу. Иначе я не знаю, что будетъ со мною...

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853, сентября 6, Петербургъ.

Такъ Вы на меня не сердитесь, такъ Вы благословили меня! И даже ни одного упрека за своевольство. Какъ я теперь веселъ, спокоенъ и счастливъ, этого невозможно высказать... Теперь я буду писать Вамъ, милые мои папаша и мамаша, много, много, все буду писать Вамъ. Вотъ, если хотите, съ начала исторія. Когда сказали мнѣ, что можно поступить въ Педагогическій институтъ, я не могъ не впасть въ сильное раздумье. Я соображалъ и припоминалъ, я молился и, послѣ долгаго, мучительнаго размышленія—только съ самимъ собой и ни съ кѣмъ больше,—рѣшился я на этотъ важный шагъ, опредѣляющій судьбу моей будущности. Я припомнилъ, что и Вы говорили мнѣ о поступленіи въ Институтъ при неудачѣ въ академіи, или даже послѣ ученья въ академіи; я сообразилъ и совѣты, и отзывы нѣкоторыхъ знакомыхъ, вошелъ въ свои собственныя наклонности и, послѣ всего этого, приступилъ къ дѣлу. Отправивши письмо къ Вамъ [2]), я не разсчиталъ, что отвѣтъ придетъ очень поздно [3]), и потому писалъ, что безъ Вашего согласія не рѣшусь ни на что. Но потомъ увидѣлъ я, что если до этого ни на что не рѣшаться, то ничего и не сдѣлаешь. Поэтому вечеромъ 12 числа отправился я къ инспектору Института Александру Никитичу Тихомандритскому; спросилъ его, можно-ли держать экзаменъ безъ документовъ моихъ, которые представлю послѣ, объяснилъ обстоятельно все дѣло и получилъ позволеніе явиться на экзаменъ 17 числа. Въ этотъ же самый день назначенъ былъ первый экзаменъ въ академіи (Поэтому я вечеромъ 16-го послалъ Журавлеву [4]) записку, что зуб-

---

[1]) Лежитъ на сердцѣ.

[2]) Письмо отъ 10 августа, съ просьбой о дозволеніи держать экзаменъ въ Педагогическій Институтъ.

[3]) Вмѣсто „слишкомъ“ поздно; провинціализмъ, по которому смѣшивались слова „очень“ и „слишкомъ“.—Отвѣтъ отца и матери пришелъ, дѣйствительно, только 21 августа, когда экзаменъ для поступленія въ Педагогическій институтъ былъ ужь конченъ.

[4]) Тому воспитаннику нижегородской семинаріи, который былъ посланъ въ петербургскую академію начальствомъ и вмѣстѣ съ которымъ Николай Александровичъ ѣхалъ въ Петербургъ. Онъ, какъ отправленный въ академію на казенный счетъ, былъ немедленно по пріѣздѣ помѣщенъ въ домѣ академіи.

ная боль препятствуетъ мнѣ быть на экзаменѣ. Онъ тотчасъ пришелъ освѣдомиться, потому что квартира моя была почти возлѣ академіи. Я легъ и очень болѣзненно отвѣчалъ ему, что къ несчастью... и проч.). На другой день пошелъ я въ Институтъ вмѣстѣ съ сыномъ вятскаго ректора. Пришедши туда, прежде всего долженъ я былъ написать сочиненіе: «О моемъ призваніи къ педагогическому званію», и какъ написать что-нибудь дѣльное нельзя было на такую пошлую тэму, то я и напичкалъ тутъ всякаго вздору: и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту поучить кого-нибудь, и то, что мнѣ 17 лѣтъ, и то, что мнѣ самому прежде очень хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ, и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо. На экзаменъ [1]) я вышелъ прежде всего къ Лоренцу. Онъ прогналъ меня по всей всеобщей исторіи и заключилъ: «Ви отшень хорошо знаете исторію». Это меня ободрило, и съ веселымъ духомъ держалъ я экзаменъ по другимъ предметамъ, а послѣ экзамена подошелъ къ инспектору и спросилъ его: «Александръ Никитичъ! позвольте узнать, могу ли я надѣяться поступить въ Институтъ? Иначе я могу еще теперь обратиться въ Академію». Онъ, вмѣсто отвѣта, развернулъ списокъ, и показалъ мнѣ мои баллы, довольно высокіе, сказалъ: «Помилуйте, а это что-же?» Затѣмъ 20 числа былъ другой экзаменъ. Въ этотъ день, поутру, спросилъ я инспектора о моихъ документахъ, не нужны ли они. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Вы только держите экзаменъ такъ, какъ начали, и все будетъ хорошо. Объ этомъ не безпокойтесь». По окончаніи экзамена онъ поздравилъ меня съ поступленіемъ. На другой день пришли мы на докторскій осмотръ; согнали насъ въ одну комнату, разоблачили до нага, и потомъ докторъ осматривалъ каждаго... Я оказался здоровымъ, какъ нельзя больше, и потому съ этой стороны вы имѣете теперь сильное ручательство. Затѣмъ въ этотъ-же день, 21 числа, позвали насъ въ конференцію, и директоръ прочиталъ: «Принимаются такіе-то безусловно». Такихъ нашлось человѣкъ 12, меня не было. Безъ благословенія родителей нѣтъ счастья, подумалъ я; но директоръ началъ снова: «Затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые, хотя оказались хорошими, даже очень хорошими по всѣмъ предметамъ, но слабы или въ нѣмецкомъ, или французскомъ языкѣ и потому» (тутъ —можете представить—онъ остановился и закашлялся; я задрожалъ) «могутъ быть приняты только съ условіемъ, что они къ первымъ зимнимъ праздникамъ окажутъ свои успѣхи въ этихъ языкахъ». Въ этотъ разрядъ попала бо́льшая часть семинаристовъ, и я—первый. Такимъ образомъ, я былъ уже принятъ, когда, пришедши домой, получилъ второе письмо Ваше [2]), которое въ одинъ мигъ повергло меня въ такое отчаяніе. Вы, кажется, недовольны слишкомъ силь-

---

[1]) То-есть, на изустный экзаменъ, удовлетворительно сдавъ письменный.

[2]) Письмо ихъ, бывшее отвѣтомъ на просьбу его о дозволеніи держать экзаменъ въ Институтъ,—то письмо, отзывомъ на которое было письмо Николая Александровича отъ 23 августа.

нымъ тономъ моего письма [1]), въ которомъ я ничего путемъ не объяснилъ Вамъ; но я тогда рѣшительно не могъ писать иначе: такъ быстръ и такъ тяжелъ былъ этотъ переходъ отъ полнаго счастья къ безнадежной горести. Хорошо еще, если бы я могъ кому нибудь сказать мое горе [2]); но Вы знаете мой характеръ. Получилъ я письмо при товарищахъ; слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я прочелъ его, но я только свистнулъ и очень равнодушно [3]) положилъ его въ карманъ... За то послѣ [4]) плакалъ цѣлый вечеръ. Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ написалъ я Вамъ мое письмо, которымъ, можетъ быть, даже напугалъ Васъ. Простите, но вспомните,—вѣдь Вы писали, что, если я не поступлю въ академію, то осрамлю и себя, и Васъ, и семинарію, что Вы не думали, чтобъ я былъ такъ легковѣренъ, и пр. и пр.... Было отъ чего придти въ отчаяніе. Я даже не ожидалъ отъ Васъ и теперь такого всепрощенія. Но за то теперь я совершенно счастливъ!.. Такъ дѣло у меня оставалось за документами. И, какъ нарочно, долго преслѣдовало меня несчастіе послѣ этого дня. Сначала инспекторъ обѣщалъ требовать ихъ изъ академіи оффиціально, но въ понедѣльникъ, 24-го, директоръ призвалъ меня съ 4-мя другими, не представившими документовъ, и объявилъ, что если къ 1-му сент. не представимъ своихъ бумагъ, то не будемъ приняты. Я отправился въ академическое правленіе... Но, позвольте, — здѣсь произошла маленькая сценка, которая можетъ служить образчикомъ, какъ обходятся съ студентами въ академіи. Вошелъ я въ пріемную,- сторожъ кричитъ: «Что надо?» — «Евграфа Ивановича»,—отвѣчаю (это секретарь).— «Вонъ онъ сидитъ»,—говоритъ сторожъ и указываетъ пальцемъ.— «Такъ доложи, что его спрашиваютъ».—«Какъ я могу!..»—съ испугомъ прерываетъ онъ.—«Такъ скажи хоть письмоводителю»... Ну, сказалъ письмоводителю; выходитъ... «Что вамъ?»—«Евграфа Ивановича». Сходилъ, доложилъ. Евграфъ Ивановичъ высылаетъ опять спросить, по какому дѣлу пришелъ я. Я объяснилъ; письмоводитель сходилъ и сказалъ ему, и опять онъ выслалъ сказать, что это не его дѣло. чтобъ шелъ къ его помощнику. А помощникъ еще предъ этимъ посовѣтовалъ сходить къ преосвященному [5]), узнать, что мнѣ дѣлать... Видя такой порядокъ и доброжелательство, я написалъ прошеніе о выдачѣ документовъ и отправился въ Духовно-Учебное Управленіе, не безъ трепета при мысли, что же такое секретарь Духовно-Учебнаго Управленія, если таковъ академическій секретарь. Но оказалось совсѣмъ не то; секретарь тамъ очень просто вышелъ ко мнѣ, попросилъ подождать, доложилъ тотчасъ вице-директору, Ив. Ив. Домонтовичу, который управлялъ въ отсутствіе Карасев-

---

[1]) „Слишкомъ сильнымъ тономъ" письма отъ 23 августа—слишкомъ взволнованнымъ тономъ, слишкомъ сильнымъ выраженіемъ огорченія.

[2]) Высказать мое горе, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь моимъ горемъ.

[3]) „Очень равнодушно"—сохраняя видъ совершеннаго равнодушія.

[4]) Когда остался одинъ.

[5]) Вѣроятно къ тому архіерею, который былъ или председателемъ петербургской духовной консисторіи или ректоромъ петербургской духовной академіи; кажется одну изъ этихъ должностей или и обѣ ихъ занималъ помощникъ петербургскаго митрополита, викарный епископъ.

скаго [1]), и ввелъ меня въ присутствіе. Домонтовичъ очень вѣжливо разспросилъ меня о моихъ обстоятельствахъ, припомнилъ, что у меня батюшка протоіерей [2]) въ самомъ Нижнемъ, что обо мнѣ писалъ преосвященный, потребовалъ дѣло обо мнѣ, прочелъ прошеніе, и такъ какъ оно написано было довольно искусно, т. е. очень неопредѣленно и чуть не двусмысленно, то онъ началъ меня разспрашивать на словахъ о дѣлѣ. Я представилъ ему все такъ, что онъ сначала подумалъ, будто я пришелъ къ нему съ жалобой на академическое начальство [3]); я поспѣшилъ отстранить такое подозрѣніе и, послѣ долгаго разговора, онъ заключилъ: «Такъ вы такъ и говорите, что просто перемѣнили рѣшеніе, а не то, что васъ не допустили къ экзамену»... Я промолчалъ на это. Домонтовичъ поговорилъ еще со мной о холерѣ, о здоровьи преосвященнаго [4]) и ректора [5]) и отпустилъ меня, приказавъ тотчасъ заготовить докладъ и графу [6]). Графъ, разумѣется, подписалъ, не читая. 28-го я получилъ изъ академическаго правленія свои документы, представилъ директору [7]) и въ тотъ-же день поселился въ Институтѣ, гдѣ пребываю и до сихъ поръ, въ добромъ здоровьи и совершенномъ теперь счастьи.

Теперь я отвѣтилъ на бо́льшую часть вашихъ вопросовъ. Остается еще сказать о томъ: «лучшимъ ли я нахожу для себя Институтъ, чѣмъ академія?» Вы можете такъ спрашивать, не видавши Института и академіи и, чтобы вполнѣ представить превосходство перваго, надобно самому присмотрѣться къ обоимъ. Разумѣется, у кого какой вкусъ; кому что нравится: еще не дальше какъ вчера одинъ студентъ нашъ восхищался Медицинской академіей, потому что тамъ можно курить, когда и гдѣ угодно, и ходить по корпусу безъ сюртука, или, лучше сказать прямо,—просто «въ натурѣ» [8]). Другимъ нравится и духовная академія; но что касается до меня, то вы, конечно, припомните, что я поѣхалъ въ Духовную академію только отъ крайности. Давнишняя мысль моя и желаніе было поступить въ университетъ; но когда сказали мнѣ [9]), что это невозможно, я старался найти хоть какое нибудь средство освободиться отъ вліянія— —[10]), и это средство

---

1) Директора.

2) Домонтовичъ ошибся; Александръ Ивановичъ не былъ протоіереемъ.

3) То-есть не съумѣлъ разсказать, какъ слѣдовало говорить въ оффиціальномъ изложеніи дѣла.

4) Нижегородскаго преосвященнаго, Іереміи.

5) Нижегородской семинаріи.

6) Протасову, оберъ-прокурору синода.

7) Директору Педагогическаго института.

8) „Въ натурѣ“—выраженіе, взятое изъ Гоголя.

9) „Сказали мнѣ“—то-есть: сказано было мнѣ; сказалъ это отецъ, думавшій, что на содержаніе въ университетѣ надобно было не меньше тысячи рублей ассигнаціями (или, по другому способу выраженія, триста рублей серебромъ).

10) Здѣсь въ спискѣ, по которому печатаются письма Николая Александровича, находится небольшой пробѣлъ, соотвѣтствующій двумъ или тремъ словамъ, уничтоженнымъ въ подлинникѣ; ихъ уничтожилъ, по всей вѣроятности, отецъ; и если дѣйствительно онъ, то, безъ сомнѣнія, изъ предосторожности (онъ показывалъ и читалъ письма сына знакомымъ; могъ спросить ихъ у него и архіерей, съ которымъ онъ часто видѣлся. Уничтоженныя слова были, очевидно, собственныя имена. Одно изъ нихъ, безъ сомнѣнія, „Паисій“, инспекторъ Нижегородской

я нашелъ въ Петербургской академіи. Но и при этомъ у меня всегда оставалась мысль не только поступить на статскую службу, но даже учиться въ свѣтскомъ заведеніи [1]). Мысль эта глубоко вкоренилась во мнѣ и ничуть не была пустою мечтой, какъ увѣрялъ одинъ человѣкъ [2]). Я уже умѣлъ наблюдать за своими склонностями, умѣлъ сообразить кое-что, и давно понялъ, что я совсѣмъ не склоненъ и не способенъ къ жизни духовной и даже къ наукѣ духовной [3]). И, припомните, слышали-ль Вы отъ меня хоть разъ, хоть одно слово о преимуществѣ духовной академіи предъ университетомъ? Кажется, никогда. Я покорился судьбѣ, хвалилъ академію петербургскую на счетъ другихъ академій духовныхъ, но никогда не возвышалъ ее надъ свѣтскими заведеніями... И что же могъ я чувствовать, когда, пріѣхавши сюда, вдругъ увидѣлъ возможность осуществить давнишнія мечты, когда я опять нашелъ то, что считалъ уже невозвратно потеряннымъ? Я не могъ не броситься на эту мысль—поступить въ Институтъ [4]), не могъ упустить благопріятный случай, тѣмъ болѣе, что экзаменъ институтскій былъ легче [5]) академическаго (въ академіи изъ 49 человѣкъ желающихъ принято 27 или 29; изъ осталь-

---

семинаріи, преподававшій богословіе въ томъ изъ двухъ параллельныхъ отдѣленій богословскаго класса, въ которомъ находился Николай Александровичъ. Паисій былъ человѣкъ недалекій и менѣе ученый, чѣмъ другіе профессоры семинаріи, придумывалъ нелѣпыя производства русскихъ словъ отъ латинскихъ, восхищался ими, толковалъ въ классѣ вмѣсто богословія о нихъ и о другихъ нелѣпыхъ выдумкахъ своей мнимой учености, смѣшилъ этими вздорами слушателей и наводилъ тоску на Николая Александровича.—Къ имени Паисія присоединено было, по всей вѣроятности, имя „Ерема“, какъ называли архіерея, Іеремію.

[1]) То-есть: мысль не только выйти изъ духовнаго званія по окончаніи курса въ академіи, но и не оставаться въ академіи до окончанія курса, перейти изъ нея при первой возможности въ высшее свѣтское учебное заведеніе и потомъ поступить на службу. Поступленіе въ свѣтское учебное заведеніе соединено было съ увольненіемъ изъ духовнаго званія, или, какъ тогда говорилось, переходомъ въ свѣтское званіе.

[2]) Какой-то знакомый; быть можетъ, тотъ Леонидъ Ивановичъ, который, какъ упоминается въ письмѣ Н. А. Добролюбова отъ 6 августа къ отцу и матери, убѣждалъ его поступить въ монахи, когда будетъ въ академіи.

[3]) Не по недостатку религіозности (Николай Александровичъ былъ тогда человѣкъ вѣрующій), а потому, что формы преподаванія въ духовныхъ заведеніяхъ казались ему очень неудовлетворительны, формы быта духовенства тяжелы и, что всего важнѣе, ему хотѣлось посвятить себя литературѣ.

[4]) Педагогическій институтъ занималъ въ системѣ высшихъ учебныхъ заведеній положеніе, одинаковое съ университетами, считали какъ будто университетомъ, который имѣетъ лишь ту особенность, что предназначенъ собственно для приготовленія преподавателей въ гимназіи и принимаетъ всѣхъ поступающихъ на казенное содержаніе.

[5]) Это еще отголосокъ того настроенія мыслей, которое давало Н. А—чу извиненіе передъ самимъ собою въ намѣреніи держать экзаменъ въ Институтъ. Далѣе въ этомъ письмѣ онъ, отвѣчая на одинъ изъ вопросовъ отца, самъ приводитъ фактъ, показывающій, что экзаменъ въ Институтъ не былъ легокъ для семинаристовъ: сынъ вятскаго ректора не выдержалъ этого экзамена. Нѣкоторые воспитанники семинарій, не выдержавъ академическаго экзамена, выдерживали институтскій, но не потому, чтобъ онъ былъ легче, а потому, что они, мало занимаясь спеціальными предметами семинарскаго курса, занимались „свѣтскими предметами“, какъ назывались на семинарскомъ языкѣ исторія, географія, математика и т. п. науки.

ныхъ пять поступили въ Институтъ. Экзамены тамъ [1]) кончились 26 числа; отъ 17-го продолжались непрерывно) и что перейти изъ академіи въ институтъ, какъ вы писали, можно не черезъ годъ, а только черезъ два [2]). Для чего-же безполезно тратить ихъ? Притомъ въ институтскомъ начальствѣ, товарищахъ и проч. я нашелъ совсѣмъ другое, чѣмъ въ академическихъ. Когда я пріѣхалъ въ академію, прежде всего мнѣ сказали, чтобъ я снялъ очки; здѣсь, говорятъ, на первый разъ это не годится. Я послушался и въ первый же день пропустилъ мимо себя Іоанна, инспектора [3]), не поклонившись ему. Затѣмъ пошелъ я въ садъ съ землякомъ; погуляли, хотѣли идти назадъ, я спросилъ, по какой дорожкѣ ближе прійти въ корпусъ [4]); мнѣ сказали, что вотъ, дескать, по этой гораздо ближе, да тутъ нельзя идти... «Почему?»—«Тутъ профессоръ гуляетъ»... (Лучицкій какой-то) Потомъ меня отправили на квартиру; но я иногда приходилъ въ академію до начала экзаменовъ,—и, повѣрите ли—не слышалъ другого разговора, кромѣ какъ на слѣдующія тэмы: «Какъ мы будемъ держать экзаменъ?» и «изъ какой вы семинаріи?» [5]) Между тѣмъ какъ студенты института такъ были образованы и такъ радушны, что, поживши съ однимъ только сутки, я будто вѣкъ зналъ его, а другой всего нѣсколько часовъ провелъ со мной и былъ какъ родной. Потомъ увидѣлъ я старшихъ студентовъ [6]), высоко, высоко вознесенныхъ,—потому что имъ въ академіи дана велія власть,—величающихъ каждаго младшаго студента «милостивымъ государемъ», говорящихъ грубости и самихъ же потомъ обижающихся. Напротивъ здѣсь, у насъ, старшіе студенты почти то-же самое, что и свои товарищи, потому что у насъ за всѣмъ смотритъ гувернеръ, а не старшій студентъ, который столько же подлежитъ этому надзору, какъ и мы [7]); потому всѣ здѣсь равны, всѣ радушны, всѣ пріятели. На-

1) Въ академіи.

2) Совѣтъ поступить въ Академію и перейти черезъ годъ въ Институтъ былъ данъ отцомъ, вѣроятно, въ письмѣ, порицавшемъ намѣреніе сына не поступать въ Академію Перейти въ Институтъ черезъ годъ нельзя было потому, что курсы классовъ Института были тогда двухлѣтніе, соотвѣтственно тому и пріемъ въ Институтъ происходилъ лишь разъ въ два года (по нечетнымъ годамъ).

3) Инспекторъ академіи.

4) Корпусомъ назывался тотъ домъ, въ которомъ жили студенты академіи.

5) То-есть воспитанники семинарій, съѣхавшіеся въ петербургскую академію держать экзаменъ для поступленія въ нее, дичились другъ друга, медлили сближаться между собой; это была та обыкновенная семинарская дикость, которую въ припискѣ къ одному изъ писемъ Зинаиды Васильевны, младшая сестра ея, Варвара Васильевна, справедливо считаетъ принадлежностью „кутьи", и радуется, что племянникъ избавится отъ нея, поступивъ въ свѣтское учебное заведеніе.

6) Студентовъ старшаго отдѣленія академіи. Четырехлѣтній курсъ академіи дѣлился на два двухлѣтніе класса, называвшіеся отдѣленіями. Студентамъ старшаго отдѣленія былъ порученъ надзоръ за студентами младшаго; пока студенты младшаго отдѣленія были новичками, надзоръ студентовъ старшаго отдѣленія за ними не былъ совершенно пустой формальностью; потомъ натянутыя отношенія сглаживались, студенты старшаго отдѣленія переставали держать себя начальниками и установлялись хорошія товарищескія отношенія между обоими отдѣленіями студентовъ. Но въ началѣ нѣкоторые изъ студентовъ старшаго отдѣленія держали себя высокомѣрно передъ младшими.

7) Скоро Николай Александровичъ увидѣлъ, что гувернеры въ Институтѣ го-

конецъ увидѣлъ я въ академіи и кончившихъ курсъ студентовъ, блѣдныхъ, испитыхъ, неуклюжихъ, удовлетворяющихъ потребности наслажденія отвратительною шарманкою (Да, я былъ одинъ вечеръ боленъ оттого, что какой-то кончившій курсъ студентъ пришелъ къ моему хозяину и вздумалъ потѣшиться шарманкою: у меня просто головушку разломило, а онъ себѣ только приплясывалъ); увидѣлъ, что они, даже будущіе баккалавры, прогнаны жить въ подвалѣ, окрещенномъ по ученому катакомбами (страсть во все вмѣшивать науку господствуетъ въ академіи; о катакомбахъ можете узнать отъ Ал. Андреича); что они не знаютъ, а иные и не надѣятся, когда получать и получать-ли они мѣсто, и однимъ словомъ бѣдствуютъ, и будутъ бѣдствовать еще,—лучшіе—съ мѣсяцъ, а худшіе—мѣсяца четыре, а—можетъ быть—и цѣлый вѣкъ. Напротивъ, съѣздивъ на дачу института [1]), я увидѣлъ, что кончившіе курсъ веселы и довольны: живутъ вмѣстѣ съ прочими студентами, пользуются пока тѣми же правами и нисколько не заботятся о будущей судьбѣ своей. И дѣйствительно, къ 1 сентября оставалось только трое незамѣщенныхъ студентовъ,—и всѣ посланы въ учителя гимназіи,—младшіе и старшіе (въ уѣздные учители не послано ни одного). Какъ же еще не лучше въ Институтѣ противъ академіи? Именно Вы сказали правду—промыслъ привелъ меня сюда, и я вижу въ этомъ вознагражденіе за то терпѣніе, за ту кротость, съ которой я покорился судьбѣ и перенесъ отказъ Вашъ, или, лучше, рѣшеніе необходимости касательно поступленія въ университетъ. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ—припомните, Вы, папаша, нѣсколько разъ спрашивали, видя меня за исторіей, за словесностью, за математикой: «да что ты все этимъ занимаешься? развѣ это тамъ важно, развѣ это тамъ требуютъ? Подъ *тамъ* [2]) вы разумѣли академію, а я почему то готовился съ этихъ именно предметовъ, совсѣмъ не имѣя ея въ виду, и вотъ—это мнѣ пригодилось. И вѣдь нужно же было случиться, чтобы со мной послали на казенный счетъ Журавлева, чтобы мы выѣхали 4-го, совершенно, безъ всякой нужды, чтобы меня помѣстили земляки мои на квартирѣ именно тамъ, гдѣ былъ и тотъ студентъ (Ал. Ив. Чистяковъ), который посовѣтовалъ мнѣ поступить въ институтъ. Внушилъ же вамъ Господь ни о чемъ не просить Карасевскаго [3]) при свиданіи съ нимъ... Да и опять: надо же было извозчику привезти меня въ первый разъ прямо къ Институту (онъ возлѣ почти Академіи Художествъ) и надобно было Вамъ въ первомъ письмѣ [4]) ни слова не сказать объ академіи, даже не пожелать мнѣ успѣха на экзаменѣ. Всѣ эти обстоятельства я принялъ за знаки того, что именно премудрый промыслъ награждаетъ мою преданность и покорность своей судьбѣ и приводитъ къ поступленію въ институтъ. Да и то сказать: меня въ

раздо болѣе стѣсняютъ жизнь всѣхъ студентовъ, чѣмъ въ академіи старшіе студенты жизнь новопоступившихъ.

[1]) На ту дачу, гдѣ жили студенты Института.

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[3]) Директоръ Духовно-учебнаго управленія Карасевскій незадолго передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Нижній.

[4]) Несохранившемся.

Академіи постоянно убивала бы мысль, что я поступилъ туда не самъ собою, а по разнымъ протекціямъ—Преосвященнаго, Волкова, графа Толстого, который просилъ за меня Макарія [1]), какъ мнѣ здѣсь сказали. Между тѣмъ здѣсь я поступилъ именно самъ собою, а не по чужой милости, или лучше—по одной милости Божіей, которую постараюсь заслуживать всегда, сколько возможно слабому человѣку. По нѣкоторымъ вашимъ отзывамъ обо мнѣ и о моемъ характерѣ, я думаю, что вы достаточно знаете меня и потому поймете, что послѣднее обстоятельство тоже для меня не послѣдней важности.

Вы еще спрашиваете меня, все ли у меня цѣло, есть ли деньги? Да куда же я дѣну 35-то цѣлковыхъ? Вѣдь я не вносилъ ихъ въ академію. Вещи всѣ также въ совершенной сохранности. Только мнѣ теперь кажется, всѣ почти для меня совершенно безполезны. Сюртукъ, пальто, шинель, триковые брюки, жилетъ мнѣ уже нельзя носить: форменное все [2]). Манишки, сорочки и проч. бѣлье—совершенно безполезно: каждый четвергъ и воскресенье выдается казенное бѣлье; манишекъ совсѣмъ не носятъ. Такимъ образомъ все это сдѣлалось здѣсь лишнимъ для меня и осталось на квартирѣ. Кстати,—Вы безпокоились о томъ, спокойно-ли, сытно-ли мнѣ и проч. [3]). Теперь увѣдомляю Васъ, что все было какъ нельзя лучше. Хозяева мои были такіе добрые, что право смѣшно смотрѣть было на нихъ. Хозяйка, старая чухонка, совершенно впрочемъ обрусѣвшая, Елена Васильевна по имени, старалась набивать меня всякими пряностями и сладостями и постоянно жаловалась, что мало ѣмъ,—точно какъ дома... Она точно по чутью узнавала, что я люблю, и готовила постоянно то котлеты, то картофельную драчону, то сладкій супъ и т. п. А съ наступленіемъ мясоѣда у меня постоянно былъ кофе и сухари. Словомъ, Вы, мамаша, можете быть совершенно спокойны на этотъ счетъ: я не голодалъ (Получилъ я вашу посылку [4]).—«Ну, братъ, ты видно изнѣженъ»,—сказалъ мнѣ одинъ товарищъ, увидавъ ее, а потомъ онъ-же принялъ участіе въ истребленіи этихъ очень сладкихъ и сдобныхъ вещицъ). Но ничто меня столько не радуетъ, какъ Ваши письма, особенно послѣднее. Я терпѣть не могу чувствительности, однако-же умилился, прочтя письмо, и весь день былъ очень глупъ. Пишите же ко мнѣ прямо въ Институтъ, а то я заждался послѣдняго письма: я разсчитывалъ получить его 2-го или 3, а получилъ 5-го: оно гостило у Журавлева. Много еще осталось писать, но это уже послѣ. Прощайте...

Сынъ вашъ С. Г. П. И. Н. Добролюбовъ [5]).

---

[1]) Макарій, ужь начинавшій пріобрѣтать ученую извѣстность своими трудами по исторіи русской церкви и пользоваться нѣкоторымъ вліяніемъ въ духовно-учебномъ управленіи, жилъ тогда въ Петербургѣ. Прежде онъ былъ инспекторомъ нижегородской семинаріи.

[2]) То-есть студенты Института должны постоянно быть въ форменной одеждѣ; это было въ то время правиломъ и для студентовъ университета, жившихъ на казенномъ содержаніи въ университетскомъ домѣ.

[3]) Подразумѣвается: было на квартирѣ.

[4]) Въ посылкѣ были, какъ видимъ, какія-то сладкія печенья, дѣланныя, вѣроятно, самой Зинаидой Васильевной.

[5]) То-есть: сынъ вашъ Студентъ Главнаго Педагогическаго Института Н. Добролюбовъ.

PS. Отъ 2 числа послалъ я письмо къ отцу Антонію, въ которомъ плачу о томъ, что обманулъ ожиданія начальства, преосвященнаго и проч. и прошу его быть ходатаемъ передъ преосвященнымъ, съ которымъ не знаю какъ и раздѣлаться [1]).

Объ увольненіи меня изъ духовнаго званія скоро Вы вѣроятно получите отношеніе изъ конференціи Главнаго Педагогическаго Института. Сынъ вятскаго ректора, о которомъ вы спрашиваете, теперь вѣроятно на дорогѣ въ Вятку: не принятъ въ Институтѣ, а въ Духовную академію не допущенъ уже былъ и къ экзамену. Прошу передать мое глубочайшее почтеніе, нижайшій поклонъ и проч. и проч. всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, которыхъ я очень помню, и желалъ-бы отъ нѣкоторыхъ получить по нѣсколько строчекъ. Антонина Александровна, я думаю, успѣваетъ въ музыкѣ; желаю того-же и Аннѣ Александровнѣ [2])... Всѣмъ сестрамъ желаю здоровья. Володѣ пора учиться, а Ванѣ говорить. Михаила Алексѣевича прошу переслать мнѣ исторію Устрялова. Примѣнительно къ ней Устряловъ читаетъ у насъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ БЛАГООБРАЗОВУ.

11 сентября 1853 г.

О тебѣ ужь я знаю наизустъ, mein liebster Bruder, что не будешь сердиться за долгое молчаніе. Право, братъ, нечего писать. Пожалуй вѣдь я напишу, что здѣсь, напримѣръ, носится слухъ, будто единственная причина будущей войны Россіи съ Турціей состоитъ въ томъ, что въ Турціи христіанъ называютъ собаками, а въ Россіи собакъ зовутъ султанами; но что-же будетъ хорошаго въ этомъ и подобныхъ сказаніяхъ? Тѣмъ болѣе, что отсюда нельзя вывести никакого утѣшительнаго заключенія касательно турецкаго табаку... Можно-бы взять предметъ и поближе ко мнѣ, да вотъ въ чемъ бѣда: у меня не достанетъ потребнаго для такого дѣла вдохновенія и поэтическаго жара. Жалѣю, право, что я такой черствый человѣкъ... Цѣлый мѣсяцъ въ Петербургѣ и ни строчки о немъ не сказалъ никому въ своихъ письмахъ. Я разъ пятьдесятъ, по крайней мѣрѣ, прошелъ насквозь весь Невскій проспектъ, гулялъ по гранитной набережной, переходилъ висячіе мосты, глазѣлъ на Исакія, былъ въ

---

[1]) Опасеніе, что Іеремія будетъ досадовать на поступленіе Николая Александровича въ Институтъ оказалось напраснымъ, какъ и могъ-бы предвидѣть на мѣстѣ Николая Александровича каждый, не запугивавшій себя фантастическими страхами всяческихъ нравственныхъ наказаній за мнимое преступленіе. Черезъ нѣсколько дней Николай Александровичъ узналъ изъ письма о. Антонія, что Іеремія, въ первыя минуты, не сообразивъ дѣла, вздумалъ-было, по своему характеру, поворчать, но тутъ-же разсудилъ, что извѣстіе, на которое онъ сталъ ворчать, пріятно для него, и высказалъ удовольствіе успѣхомъ, съ какимъ выдержалъ экзаменъ въ высшее свѣтское учебное заведеніе воспитанникъ семинаріи, находившейся подъ его начальствомъ.

[2]) „Антонина Александровна“, „Аннѣ Александровнѣ“—шутливая почтительность выраженій.

Лѣтнемъ саду, въ Казанскомъ соборѣ, созерцалъ картины Тиціана и Рубенса и все это произвело на меня весьма ничтожное впечатлѣніе. Только однажды вечеромъ видъ взволнованной Невы нѣсколько поразилъ меня, и то болѣе потому, что я стоялъ въ это время на мосту, который колебался подъ моими ногами и будто двигался съ своего мѣста, такъ что я вздрогнулъ въ первый разъ, какъ примѣтилъ это движеніе. Былъ я здѣсь въ театрѣ, видѣлъ Каратыгина, Мартынова, Максимова и др. Игра Каратыгина сначала заставила меня забыть, что я въ театрѣ и что это игра: такъ просто и естественно выходитъ у него каждое слово. Потому я не вдругъ даже понялъ, какъ много таланта и труда нужно для такой игры: мнѣ казалось это такъ просто, что не за что и хвалить Каратыгина. Уже по приходѣ домой раскусилъ я загадку. Ну-съ, что-же еще?.. Да, все-таки—объ институтѣ. Кстати же я не описывалъ еще порядка моей нынѣшней жизни (я предполагаю, что ты читалъ мои прежнія письма, *не* къ тебѣ писанныя).

Въ 6 часовъ раздается пронзительный звонокъ, и я встаю. Одѣвшись и умывшись, иду въ камеру и принимаюсь за дѣло до половины 9-го. Въ это время новый звонокъ, и всѣ идемъ завтракать. На завтракъ дается, обыкновенно, булка и кружка молока—сыраго или вареннаго; я беру обыкновенно сырое. Предъ завтракомъ читаются утреннія молитвы, дневные—Апостолъ и Евангеліе. Потомъ въ 9 часовъ начинаются лекціи, каждая по полутора часа. Въ 12 часовъ приносятъ оловянное блюдо, нагруженное ломтями чернаго хлѣба: это еще завтракъ или полдникъ. Потомъ опять лекціи продолжаются до 3 часовъ. До обѣда обыкновенно бываетъ 4 лекціи. Въ три часа обѣдъ, на которомъ бываетъ три блюда, а послѣ обѣда до 4-хъ съ половиной мы можемъ и даже почти должны гулять по городу. Въ половинѣ 5-го еще лекція до 6 часовъ. Въ 6 часовъ пьемъ чай, свой, а не казенный. Въ $8^1/_2$—ужинъ изъ двухъ кушаній. Въ 10 спать отправляемся, какъ вотъ и теперь, сейчасъ отправлюсь. Прощай, братъ, спокойной ночи. Пиши ко мнѣ, пожалуйста, что-нибудь.

Желаю всѣхъ благъ и наслажденій, радостей и веселостей тетушкѣ Фавстѣ Васильевнѣ [1]) на многія лѣта.

Скажите [2]), что я помню и люблю по прежнему всѣхъ родныхъ и знакомыхъ нашихъ. Лукѣ Ивановичу и Варварѣ Васильевнѣ я, кажется, скоро буду писать особо.

Твой и проч.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОСТРОВУ.

11 сентября 1853 г.

Наконецъ собрался я писать къ Вамъ, Михаилъ Алексѣевичъ. Извините, что такъ долго собирался; но я былъ увѣренъ, что всѣ воз-

---

[1]) Михаилъ Ивановичъ, сынъ Фавсты Васильевны, жилъ при ней.

[2]) „Скажите"—подразумѣвается: вы, тетушка и ты, Мишель.

можныя свѣдѣнія обо мнѣ передаются Вамъ отъ моихъ родныхъ. Потому-то я считалъ излишнимъ писать въ одно время и къ Вамъ, и къ нимъ. Но теперь, когда я уже поосмотрѣлся здѣсь, и когда домашніе мои не имѣютъ особенной надобности въ непосредственныхъ свѣдѣніяхъ обо мнѣ, вотъ и къ Вамъ является маленькая эпистола. Разумѣется, Вамъ нѣтъ надобности сказывать, что я не поступилъ и не поступалъ въ академію вопреки—увы!—всѣмъ нашимъ предположеніямъ... Если-бы я сдѣлалъ это самъ, намѣренно, то я гордился бы своимъ искусствомъ и считалъ бы себя великимъ человѣкомъ. Но, къ счастью или нѣтъ, судьба моя перемѣнилась почти безъ моего вѣдома и я знаю только то, мнѣ весьма нравится этотъ оборотъ дѣла. Скажите, пожалуйста, моимъ роднымъ, чтобы они не вѣрили различнымъ нелѣпостямъ, разсказываемымъ какимъ нибудь Пав. Ив. Ник. Положимъ, что онъ 15 лѣтъ учителемъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ ничего не смыслитъ касательно Педагогическаго института [1]). Желательно-бы знать, напримѣръ, на какихъ данныхъ основано извѣстіе, что Педагогическій институтъ упадаетъ, и въ какомъ смыслѣ должно понимать его? Что касается самого зданія, то оно, могу васъ увѣрить, стоитъ цѣло и невредимо, даже не покривилось на одинъ бокъ. Въ отвлеченномъ смыслѣ—тоже, кажется, нельзя найти признаковъ упадка. Директоръ нашъ, И. И. Давыдовъ, давно уже извѣстенъ ученостью своей и трудами. Профессора—все славы, и большею частью заслуженныя; предметомъ своимъ каждый изъ нихъ занимается навѣрное лучше какого нибудь — — [2]). Да и во всякомъ случаѣ, такіе профессора, какъ Лоренцъ, Устряловъ, Срезневскій, Благовѣщенскій, Михайловъ, Ленцъ, Остроградскій и другіе не ударятъ въ грязь лицомъ никакого заведенія. Стало быть упадокъ въ ученикахъ? Такъ это еще Богъ вѣсть, гдѣ они лучше—въ Академіи или здѣсь. И сюда поступаютъ многіе семинаристы и, во всякомъ случаѣ, могутъ украсить это заведеніе своими богословскими и философскими познаніями. Увѣрьтесь же, пожалуйста, и увѣрьте всѣхъ тамъ [3]), что моя особа ничего, ровно ничего не потеряла, попавши въ Институтъ, а не въ Академію, а что ежели и суждено когда нибудь упасть институту, то я, по всей вѣроятности, не дождусь этого (развѣ будетъ сильное наводненіе: онъ стоитъ на самомъ берегу Невы)... Точно то же долженъ я сказать объ отзывѣ директора Нижегородскаго института. Онъ застращалъ нашихъ семинаристовъ и по его милости — — [4]). Раф. Остроумовъ, напримѣръ, доселѣ разгуливаетъ

---

[1]) Скоро Николай Александровичъ увидѣлъ, что П. И. Ник., котораго онъ такъ мальтретируетъ въ своей досадѣ на „нелѣпости", разсказываемыя имъ о Педагогическомъ Институтѣ, былъ совершенно правъ, что Институтъ дѣйствительно падаетъ.

[2]) Здѣсь зачеркнута (вѣроятно Михаиломъ Алексѣевичемъ) фамилія, принадлежавшая, очевидно, какому нибудь нижегородскому преподавателю, говорившему, что Педагогическій институтъ падаетъ подъ управленіемъ Давыдова; вѣроятно, это фамилія П. И. Ник—а.

[3]) „Тамъ", то-есть, въ нашемъ домѣ или въ нашемъ кругу.

[4]) Здѣсь зачеркнуты (вѣроятно, Михаиломъ Алексѣевичемъ) какія-то слова, конечно, потому что они были оскорбительны для кого нибудь изъ его знакомыхъ, которымъ онъ показывалъ письма Николая Александровича.

не пристроившись. А между тѣмъ ничего страшнаго не было въ этомъ экзаменѣ. Не спрашивали ни тригонометріи отъ поступающихъ на историческій факультетъ, ни математической географіи по Талызину; даже французскій языкъ не былъ необходимымъ условіемъ принятія. Даже и дьяческихъ дѣтей троихъ приняли [1]); только для профоры директоръ сказалъ, что конференція института беретъ на себя ходатайствовать за нихъ предъ министромъ. — Да и кандидатовъ явилось не болѣе 80, а Сперанскій [2]) говорилъ, что до 200 будетъ. Вотъ какія невѣрныя показанія разглашаются у насъ въ Нижнемъ, или въ Нижегородскѣ, какъ здѣсь многіе называютъ его. Что касается до Академіи, вы знаете, что ею я очень недоволенъ. Болѣе ничего не могу сказать, потому что ничего не знаю. Развѣ сообщить Вамъ нѣсколько свѣдѣній объ X. Здѣсь опять нужно начать съ того, что извѣстіе о его поступкѣ съ Z. здѣсь единодушно отвергается и признается выдумкою [3]). Напротивъ X—мъ всѣ недовольны и даже начальство академіи не намѣрено долѣе удерживать его при академіи. На его мѣсто назначенъ уже новый баккалавръ. Теперь X. хлопочетъ о мѣстѣ для себя въ Швейцаріи. Хорошо, если выйдетъ; но если это дѣло и не состоится, все-таки, говорятъ, на своемъ мѣстѣ онъ не останется, а будетъ посланъ куда-нибудь въ инспекторы семинаріи. Недавно былъ я у него съ Журавлевымъ и слышалъ, будто Вы намѣрены выйти во священники въ Арзамасъ, только прόсите смотрительскаго мѣста [4]). Вѣроятно это нелѣпость, въ родѣ упадка института. Глоріантовъ здѣсь оставленъ баккалавромъ математики и физики, и уже началъ свои лекціи и баккалаврство.

Письмо изъ Петербурга не можетъ обойтись безъ новостей; но— да будутъ въ качествѣ оныхъ вышеприведенныя. Еще, впрочемъ, слышалъ я,—не знаю вѣрно-ли,—что отецъ Іоаннъ получилъ степень доктора богословія, и что здѣшній викарій Христофоръ просится на покой, и что ректоръ московской академіи дѣлается викаріемъ московскимъ, а ректоръ семинаріи тоже куда-то переходитъ,—чуть ли не въ ректоры-то академіи... Все это, конечно, очень неважные слухи, да и тѣ дошли до меня при посѣщеніи академіи. Здѣсь-же, въ институтѣ, я гораздо дальше отъ свѣта, чѣмъ Вы. Нѣтъ у насъ подъ рукой ни газетъ, ни журналовъ, да некогда и читать ихъ—все повторяю зады. Принялся вплотную за греческій языкъ, за нѣмецкую словесность, за географію, съ увлеченіемъ читаю латинскихъ классиковъ. Ахъ, если-бы вы слышали нашего Благовѣщенскаго! Какъ живо и увлекательно читаетъ онъ Энеиду и дѣлаетъ объясненія на латинскомъ языкѣ. Просто заслушаешься!.. Не увидишь, какъ пройдетъ полтора часа на его лекціи... Съ дивнымъ одушевленіемъ также читаетъ Лоренцъ; жаль, что я $^{9}/_{10}$ изъ его лекціи никакъ не могу понять по незнанію нѣмецкаго языка. Но о всѣхъ профессорахъ я

---

[1]) Въ тѣ времена существовало правило, воспрещавшее принимать дьяческихъ сыновей въ высшія свѣтскія учебныя заведенія.

[2]) Директоръ Нижегородскаго дворянскаго института.

[3]) Первое лицо названо по имени и отчеству; мы замѣнили ихъ буквой X; второе лицо названо по фамиліи; мы замѣнили ее буквой Z. Оба эти лица были люди посторонніе Михаилу Алексѣевичу и семейству Добролюбовыхъ.

[4]) Начальникъ духовнаго уѣзднаго училища назывался смотрителемъ.

напишу когда нибудь въ другое время, послѣ того, какъ получше узнаю ихъ. Есть, впрочемъ, двое и плохихъ преподавателей, нужно сознаться; въ семьѣ не безъ урода. Прощайте-съ пока, и будьте увѣрены, купно со всѣми знаемыми, что я какъ нельзя больше доволенъ своей судьбой...

Н. Добролюбовъ.

Прошу передать мое почтеніе Ивану Алексѣевичу [1]).

PS. Пожалуйста наблюдайте, чтобъ мамаша не слишкомъ обо мнѣ безпокоилась и была повеселѣе. Разсѣйте также въ папашѣ предубѣжденіе противъ института, если оно еще существуетъ, и пожелайте имъ отъ меня много, много здоровья и счастья...

Нельзя ли узнать, какое впечатлѣніе произвело мое письмо на о. Антонія и какія были дальнѣйшія его слѣдствія [2]). Кстати увѣдомьте его, что у Касторскаго я былъ недавно, отдалъ письмо и получилъ приглашеніе приходить къ нему когда нибудь, за что о. Антонію очень благодаренъ.

ПИСЬМО А. АНТОНІЯ.

12 сентября 1853 г. Нижній Новгородъ.

Возлюбленный Николай Александровичъ!

Успокойтесь, утѣшьтесь. Не все то, что намъ желательно, бываетъ для насъ безопасно и полезно во всѣхъ отношеніяхъ, и не все то, отъ чего мы отвращаемся, и опасно и вредно для насъ. Конечно, наши надежды о Васъ были добрыя и Ваши намѣренія были также благія. Но гдѣ, въ какомъ званіи и мѣстѣ Вы можете быть полезны церкви и отечеству,—это знаетъ одинъ Всевѣдущій. И онъ, Премудрый и Всеблагій, устроилъ всѣ Ваши обстоятельства такъ, чтобъ быть Вамъ тамъ, гдѣ Вы никогда и не воображали. Вѣрно нужно было, чтобъ Васъ не пустили въ Духовную Академію—пожить тамъ хоть нѣсколько времени, вѣрно нужно было, чтобъ Вы остановились въ квартирѣ, и въ такой квартирѣ, гдѣ всѣ одно Вамъ будутъ говорить и одно совѣтовать, т. е., чтобъ вы держали экзаменъ въ Институтѣ; еще: вѣрно надобно было Вамъ заболѣть и по болѣзни не успѣть явиться въ свое время на экзаменъ въ Академію, потомъ получить письмо отъ родителя—отказное на Вашу просьбу, уже по выдержаніи Вами экзамена въ институтѣ, а отъ меня принять письмо къ г. профессору университета Касторскому, который самъ воспитывался въ Вашемъ заведеніи и со всѣми учащими знакомъ. Если Вы сами явитесь къ нему съ моимъ письмомъ, и онъ узнаетъ отъ

---

1) Брату Михаила Алексѣевича.

2) То-есть, говорилъ-ли о. Антоній съ архіереемъ о поступленіи Николая Александровича въ Педагогическій институтъ, и какъ принялъ это извѣстіе Іеремія.

Васъ, что Вы поступили въ институтъ, то, я увѣренъ, онъ приметъ живое участіе въ Вашей судьбѣ. Я нынѣ же пишу къ нему и прошу его о Васъ.

Родитель Вашъ, у котораго я весьма пріятно провелъ время вечеромъ 9-го числа, прочитавъ нѣсколько разъ письмо Ваше ко мнѣ отъ 2-го числа, съ живѣйшею радостію и вмѣстѣ со слезами на глазахъ, сказалъ: «Вѣрно такъ угодно Богу!» У него, вмѣстѣ со мною, былъ и Михаилъ Алексѣевичъ, Вашъ бывшій учитель, и мы всѣ вмѣстѣ, поблагодаривъ Господа Бога за устроеніе Вашего жребія, выпили за Ваше здоровье по бокалу шампанскаго. Начальство Ваше бывшее на Васъ нисколько не гнѣвается. Преосвященный, услышавши отъ Вашего родителя о поступленіи Вашемъ въ институтъ, хотя съ перваго раза поскорбѣлъ объ этомъ, но потомъ обѣими руками Васъ благословилъ и приказалъ также родителю Вашему благословить Васъ; конечно Вы уже получили отъ него отпустительную или разрѣшительную грамоту, и еще получите. И такъ, имѣю честь поздравить Васъ съ благополучнымъ вступленіемъ Вашимъ въ высшее учебное заведеніе. Намъ извѣстно, что многіе весьма желали бы поступить въ Ваше заведеніе, такъ какъ всѣ выходящіе изъ онаго получаютъ мѣста; но не рѣшаются держать экзаменъ, потому что знаютъ, что гораздо легче выдержать экзаменъ на поступленіе въ Университетъ или Медико-хирургическую Академію, чѣмъ въ Ваше заведеніе. И такъ, снова поздравляю Васъ съ новымъ мѣстомъ и званіемъ, и отъ души желаю такъ же или еще болѣе счастливо кончить образованіе свое въ этомъ свѣтилищѣ наукъ. Высокое, можно сказать священное назначеніе быть воспитателемъ юношества. Мы надѣемся, что Вы постараетесь сохранить тѣ благія правила и развить тѣ начала, какія въ Васъ посѣяны въ богоспасаемомъ градѣ Нижнемъ, какъ Вы сами обѣщаете мнѣ въ письмѣ вашемъ. Конечно, исконный врагъ нашъ будетъ сѣять плевелы посредѣ пшеницы; но намъ нужно быть мудрыми, яко змія, и чистыми, яко голубіе; надобно умѣть различать истину отъ лжи и заблужденія, и пріобрѣсть такой вкусъ и обоняніе, чтобъ тотчасъ понять, коего духа есть предлагаемое, и блюсти себя. Да дастъ же Вамъ Отецъ Щедротъ и Богъ всякія утѣхи, духа премудрости и откровенія въ познаніи Іисуса Христа, просвѣщенна очеса сердца во еже разумѣти преспѣющую разумъ любовь Христову и вся творити во славу Божію. Этого отъ души желаетъ Вамъ усердный Вашъ доброжелатель

Іеромонахъ Антоній.

PS. Когда буду у преосвященнаго, постараюсь еще извинить Васъ передъ нимъ.

Когда увидитесь съ г. Журавлевымъ, скажите, что письмо его мною получено и весьма насъ обрадовало.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ И ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ КОЛОСОВСКИМЪ.

16 сентября, 1853 г., Петербургъ.

Я полагаю, вамъ извѣстно, почтеннѣйшіе дядюшка и тетушка, что Вашъ любезнѣйшій племянничекъ мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову, и теперь сидитъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, которому скоро придается новый титулъ «Императорскаго». Это по случаю юбилея, который будетъ праздноваться у насъ 30 сентября этого года. Говорятъ, праздникъ будетъ великолѣпный, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ этого. Но пока дѣло не въ юбилеѣ, а въ томъ, какъ я здѣсь живу, и что дѣлаю. На это отвѣчать не трудно: живу-поживаю себѣ по добру по здорову, по средамъ и пятницамъ скоромное поѣдаючи, по утрамъ молоко попиваючи, дядюшку съ тетушкой и купно со всѣми присными вспоминаючи... Облекся я въ форменный сюртукъ съ синимъ воротникомъ, и возбудилъ разнорѣчащіе отзывы въ своихъ товарищахъ: одни говорятъ, что форма пристала мнѣ, другіе увѣряютъ, что нѣтъ. Я разрѣшилъ ихъ сомнѣніе, сказавши, что для того воротникъ и застегивается нà-глухо, до подбородка, чтобы лучше и крѣпче приставала форма. Къ несчастью только нельзя еще гулять по Невскому и проч., потому что не сшиты шинели и треуголки и не выданы шпаги. А въ форменномъ сюртукѣ и партикулярной шинели ходить здѣсь не пригоже. Такимъ образомъ, собираясь гулять по праздникамъ, я еще просто надѣваю свой старый сюртукъ и, такимъ образомъ, все еще выглядываю отчасти семинаристомъ. Ну, да за то есть утѣшеніе хоть въ томъ, что насъ посѣщаютъ иногда добрые люди. Недавно былъ у насъ извѣстный грамматикъ Н. И. Гречъ, а третьяго дня, въ воздвиженье, былъ попечитель кавказскаго округа, баронъ Николаи, походилъ по классамъ, слушалъ одну лекцію, поспорилъ даже съ наставникомъ, а потомъ былъ у насъ и въ столовой. Въ столовой насъ кормятъ обыкновенно довольно хорошо: каждый день щи или супъ, потомъ какой нибудь соусъ—картофельный, брюквенный, морковный, капустный (этого я, впрочемъ, никогда не ѣмъ: какъ-то приторно и непріятно); иногда-же вмѣсто этого какіе нибудь макароны, сосиски и т. п.; наконецъ всегда бываютъ или пирожки, или вотрушки. По воскресеньямъ прибавляются еще въ видѣ дессерта слоеные пирожки. Все это не важная вещь, но хорошо то, что каждому ставятъ особый приборъ, никто не стѣсняетъ, хочешь ѣсть,—подадутъ еще тарелку, словомъ—какъ будто дома. Это не то, что въ академіи, гдѣ, кажется, нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ «хлебаютъ», изъ общей чаши. Лекціи здѣсь, кромѣ двухъ или трехъ, читаются превосходныя. Директоръ очень внимателенъ, инспекторъ—просто удивительный человѣкъ по своей добротѣ и благородству. Начальство вообще превосходное, и держитъ себя къ воспитанникамъ очень близко. Напримѣръ, недавно одинъ студентъ говорилъ съ инспекторомъ, чтó ему дѣлать съ нѣмецкимъ языкомъ, котораго онъ не знаетъ. Инспекторъ успокоилъ

его; въ это время подошелъ я, и онъ [1]), указывая на меня, сказалъ: «Да вотъ вамъ, напримѣръ, посмотрите, г. Добролюбовъ тоже по французски не знаетъ, т. е. совсѣмъ не знаетъ, и не учился, а я увѣренъ, что онъ будетъ у насъ отличный студентъ, лучше этихъ гимназистовъ»... Слыша такіе отзывы, видя такую внимательность, невольно захочешь заниматься, и весело работаешь, зная, что трудъ не останется безъ вознагражденія. Да и трудъ-то по душѣ!

Такъ какъ до десяти часовъ остается немного, а въ это время мы должны идти спать немедленно (т. е. здѣсь не гонятъ насъ, а просто-на-просто приходитъ служитель, гаситъ лампу,—и дѣло съ концомъ; свѣчей и въ заводѣ нѣтъ), поэтому я и кончаю мое письмо, съ увѣреніемъ, что не перестаю помнить и любить васъ по прежнему. Желаю Вамъ всего добраго; желаю здоровья Сонечкѣ и Машенькѣ [2]),— я думаю онѣ не забыли меня,—и прошу васъ вспомнить иногда далекаго племянничка, приписавши хоть что-нибудь къ письму папаши.

Помнящій васъ

Н. Добролюбовъ [3]).

Приписка на особомъ листкѣ, обращающаяся съ просьбою собственно къ Варварѣ Васильевнѣ.

Пожалуйста, передайте мое почтеніе и память всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Нельзя-ли узнать, гдѣ теперь князь Трубецкой? Если онъ не пріѣхалъ еще въ Нижній, ежели онъ здѣсь, въ Петербургѣ, то попросите папашу увѣдомить меня объ этомъ [4]). Да еще скажите имъ [5]), что нынѣ (16 сентября) я получилъ письмо о. Антонія, и вчера письмо отъ Михаила Алексѣевича, которыя совершенно меня успокоили. Очень благодаренъ имъ за ихъ заботливость обо мнѣ, и буду стараться заслужить ее, тѣмъ болѣе, что Институтъ представляетъ всѣ побужденія и средства вести себя какъ нельзя лучше.

Я думаю, мамаша уже привыкла къ моему отсутствію; если-же нѣтъ,—ради Бога, утѣшьте и успокойте ее, сколько возможно; не смѣйтесь надъ материнской любовью, которая такъ дорога для меня, такъ оживляетъ и подкрѣпляетъ меня [6]). Теперь я вполнѣ понимаю,

---

1) Инспекторъ.

2) Дочкамъ Луки Ивановича и Варвары Васильевны.

3) Это письмо было и къ Лукѣ Ивановичу и къ Варварѣ Васильевнѣ, вмѣстѣ; къ нему былъ приложенъ листокъ, на которомъ Николай Александровичъ обращается съ просьбой собственно къ Варварѣ Васильевнѣ.

4) Николай Александровичъ не зналъ, что узнать объ этомъ можно было гораздо проще и скорѣе: князь В. А. Трубецкой былъ управляющій нижегородской удѣльной конторой; стоило зайти въ Департаментъ удѣловъ, и спросить, остается ли все еще въ Петербургѣ князь Трубецкой, или ужь уѣхалъ; Николай Александровичъ не догадывался, что въ Департаментѣ извѣстно это; такой неопытный юноша-провинціалъ онъ еще оставался въ первые мѣсяцы своей институтской жизни.

5) Отцу и матери Николая Александровича.

6) Варвара Васильевна любила шутить; и вѣроятно она, передъ отъѣздомъ племянника, подсмѣивалась въ шутку надъ сестрой, которая тоскуетъ, будто боится отпустить отъ себя семнадцатилѣтняго сына, точно маленькаго ребенка.

какъ должна обо мнѣ тревожиться мамаша, не зная, что со мной дѣлается. И тѣмъ болѣе хочется мнѣ, чтобъ она увѣрилась, что тревожиться рѣшительно нечѣмъ, что я здѣсь совершенно счастливъ и ни въ чемъ не нуждаюсь. Дай Богъ, чтобы все было хорошо у Васъ, на моей милой родинѣ, съ близкими сердцу моему. Передайте же мою сыновнюю любовь и почтеніе папашѣ и мамашѣ, и за меня сто разъ поцѣлуйте ихъ, какъ это обыкновенно говорится.

Вашъ Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(*Отъ 16 сентября 1853 г.*)

Получено 26 сентября.

Письмо Ваше, Николай Александровичъ, нянюшка получила 12-го числа. И Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна весьма рады теперь, что Ваше дѣло сдѣлалось весьма хорошо; я также вмѣстѣ съ ними порадовался и радуюсь. Слава Богу, когда все идетъ такъ! И Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна теперь гораздо и гораздо поуспокоились. Вотъ Вамъ Русская Исторія Н. Устрялова. Ранѣе послать ее къ Вамъ не собрался я, да и теперь съ грѣхомъ пополамъ посылаю: много случилось у меня хлопотъ какъ вчера и третьяго дня, такъ и сегодня; пишу разныя вѣдомости объ ученикахъ, и спѣшу приготовить ихъ какъ есть къ сроку. Но вѣроятно она скоро-то Вамъ не понадобится. Ваши всѣ живы и здоровы, но, кажется, будутъ писать къ Вамъ попозже меня; во всякомъ случаѣ много не промедлятъ; имъ такъ хочется поскорѣе успокоить и Васъ своимъ письмомъ. Когда удосужитесь, то непремѣнно напишите что нибудь и сколько нибудь Фавстѣ Васильевнѣ и Варварѣ Васильевнѣ. И здѣсь и тамъ, а особенно въ Кунавинѣ [1]) крѣпко дожидаются Вашихъ писемъ. Варвара Васильевна такъ и проповѣдуетъ, что не напрасно же я вмѣстѣ съ Зиночкой плакала;—должно мнѣ получить отъ него письмо. А Михаилъ Ивановичъ и Фавста Васильевна вѣроятно долго, долго будутъ бранить васъ, если даже и долго [2]) не напишете къ нимъ. Варвара Васильевна радуется вашему поступленію въ институтъ, особенно потому, что оттуда выходятъ студенты «вѣрно уже гораздо образованнѣе, чѣмъ изъ Духовныхъ Академій, что вѣрно уже сами они напередъ поклонятся при встрѣчѣ какой нибудь дамѣ, чѣмъ отъ нея первой будутъ ждать поклона» и т. д. Потому не мѣшаетъ вамъ, въ письмѣ къ нимъ [3]), кое-что сказать и на эту тему. Въ письмѣ къ Фавстѣ Васильевнѣ не мѣшаетъ быть поблагочестивѣе. А въ письмѣ къ Александру Ивановичу и Зинаидѣ Васильевнѣ опишите поподробнѣе и пообстоятельнѣе весь порядокъ Вашей жизни въ Институтѣ съ утра и до поздней ночи, говорите о всемъ, и о

---

[1]) Гдѣ жила Варвара Васильевна.
[2]) То-есть: въ особенности, если долго.
[3]) То-есть: къ ней и Лукѣ Ивановичу.

мелочахъ какихъ-нибудь. Зинаида Васильевна рада будетъ читать все, что только будетъ отъ васъ. Но—извините, я уже говорю много лишняго. Можетъ быть не мѣшаетъ Вамъ поскорѣе узнать, какъ хотятъ посовѣтовать Вамъ распорядиться съ своимъ чемоданомъ Ваши папенька и маменька, потому кстати скажу Вамъ и объ этомъ. Они думаютъ, что если Вамъ не понадобится въ Институтѣ Ваше домашнее (привезенное Вами) бѣлье и платье даже и въ томъ случаѣ, когда бы Вы вздумали чрезъ годъ или чрезъ два побывать въ Нижнемъ,—потому что можетъ быть Вамъ можно будетъ ѣхать сюда во всемъ казенномъ,—то переслали-бы все, что получше и поновѣе, въ Нижній, и не жалѣли бы для этого трехъ рублей серебромъ. Ну, прощайте, будьте здоровы. Я живъ и здоровъ.

Извѣстный Вамъ [1]) М. Костровъ.

Братъ мой поздравляетъ Васъ и кланяется.

Сентября 16 дня 1853 года.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

(*Отъ 20 сентября 1853 г.*).

Михаилъ Алексѣевичъ!

Недавно получилъ я отъ Васъ письмо, которое первое принесло мнѣ радостную вѣсть объ окончаніи моего дѣла у преосвященнаго [2]). Весьма радъ его благословенію. Вѣроятно Вы получили отъ меня письмо, пущенное отъ 12 числа этого мѣсяца. Но еще прежде родные мои должны были получить мое письмо, и отъ нихъ нѣтъ отвѣта. Страшно. Напишите хоть Вы, что за причина такого молчанія. Долго писать некогда. Лампу сейчасъ гасятъ. Дѣло вотъ въ чемъ: сдѣлайте милость, передайте мое письмо мамашѣ въ самый день ея рожденія, въ субботу: оно, по всей вѣроятности, дойдетъ до Васъ къ тому времени. Простите... Солдатъ понукаетъ.

Приписка карандашомъ.

Пишу еще въ спальнѣ, добившись огня для запечатанія письма. Завтра нигдѣ не добьешься... Свѣчей здѣсь нѣтъ совсѣмъ... Лампы... Вы пишете, что маменька сердится за то, что я не пишу къ ней. Какъ понимать это? Неужели я долженъ писать отдѣльно къ папенькѣ, особо къ маменькѣ? [3]) Пожалуйста объяснитесь.

---

[1]) „Извѣстный вамъ"—форма подписи, которая была тогда очень употребительна въ среднемъ кругу провинціальнаго общества.

[2]) Рѣчь идетъ не о письмѣ Михаила Алексѣевича отъ 16 сент. (оно еще не было получено Николаемъ Александровичемъ 20 сент.), а о другомъ, болѣе раннемъ (и не сохранившемся) письмѣ, которое онъ получилъ 15 сент., и о которомъ говоритъ въ письмѣ къ Варварѣ Васильевнѣ отъ 16 сент., что оно, вмѣстѣ съ письмомъ о. Антонія (полученнымъ 16 сент.) совершенно успокоило его.

[3]) Дѣло было вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что мать желала получать отъ

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 21 сент. 1853 г.*).

Получено 26 сентября.

Я думалъ долго, какъ начать: милый—нехорошо, любезный—тоже, просто твое имя—тоже нехорошо; а это все оттого, что тебя угораздило *нелегкое* написать мнѣ привѣтствіе на халдейскомъ языкѣ; и такъ, я поставлю точки [1]). . . . .
. . . .

Письмо твое получилъ 19 числа и очень удивился, что оно перешло чрезъ нѣсколько рукъ, впрочемъ, въ цѣлости. Очень радъ, что судьба объ тебѣ сильно заботилась и устроила такъ, какъ ты хотѣлъ, потому что и мнѣ извѣстны нѣкоторыя обстоятельства изъ писемъ, которыя ты писалъ къ своимъ. Ты пишешь, что увѣренъ во мнѣ, что я не буду сердиться за твое молчаніе,—и это правда. И я очень радъ, что ты такого обо мнѣ мнѣнія. Что же дѣлать, нельзя же вдругъ разорваться на части и удовлетворить всѣ прихоти другихъ. Я бы желалъ, чтобы ты всегда меня считалъ такимъ, какъ я есть, т. е. въ собственномъ смыслѣ твоимъ другомъ. Понимаешь, какъ я думаю, это слово и важность его. Обо мнѣ никогда и ничего не вспоминай въ письмахъ, которыя будутъ не прямо ко мнѣ. Это обстоятельство тоже очень важно. Я тебя нисколько не хочу обременять, чтобы ты писалъ часто, потому что не скоро, въ самомъ дѣлѣ, надумаешь, что писать, да и время иногда не позволитъ, и лишній расходъ денегъ. А прошу только не забывать меня. И сдѣлать не такъ, какъ Володя... Кстати: объ немъ ты чего не слыхалъ ли? Время у насъ стоитъ страхъ какъ не хорошо— —[2]). Пишу въ канцеляріи, и приставъ сейчасъ пошлетъ въ казначейство, потому и времени нѣтъ... А писать нынѣ непремѣнно хотѣлось. И такъ, за симъ послѣ онаго [3]), остаюсь извѣстный тебѣ

М. Благообразовъ.

PS. Маменька тебѣ кланяется.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

26 сентября 1853 г.

Я полагаю, Вы очень пріятно проводите теперь время у нашихъ, празднуя именины Ванечки и, главное, рожденіе мамаши моей. Ко-

---

него письма чаще, нежели получала; нѣкоторыя запаздывали на почтѣ, другія вовсе терялись, а иногда и самъ Николай Александровичъ былъ виноватъ, пропуская сроки, по которымъ мать ждала отъ него писемъ.

1) Семинарское остроуміе. Михаилъ Ивановичъ черезъ нѣсколько времени освободился отъ семинарскихъ привычекъ, и привыкъ писать простымъ, хорошимъ тономъ.

2) Тутъ Михаилъ Ивановичъ излагаетъ свое мнѣніе объ одномъ изъ бывшихъ товарищей Николая Александровича по семинаріи. Оно не имѣетъ важности.

3) Семинарская и канцелярская очень употребительная острота.

нечно, не обошлось безъ воспоминанія и обо мнѣ. Вотъ и я вспомнилъ о Васъ, и отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи фехтовальнаго учителя и потомъ всенощной, принялся за письмо къ Вамъ. Надѣюсь, что Вы простите меня, любезнѣйшая и почтеннѣйшая тетушка, купно съ Михаиломъ Ивановичемъ, моимъ драгоцѣннымъ и безцѣннымъ братцемъ, что я такъ мало, между прочимъ только, написалъ Вамъ въ прошедшій разъ... Право, я не могу еще въ мысли своей отдѣлить моихъ родныхъ; мнѣ все кажется, что когда я пишу къ однимъ, то и всѣхъ другихъ вспоминаю, и надѣюсь, что мои письма всѣ Вы знаете и не нуждаетесь ни въ какихъ особенныхъ свѣдѣніяхъ обо мнѣ... Но, чтобы еще болѣе умилостивить Васъ, вотъ Вамъ еще особое письмо отъ меня, хотя опять предупреждаю, что я въ немъ ровно ничего особеннаго не напишу Вамъ. Теперешняя жизнь моя течетъ такъ тихо и ровно, что рѣшительно не найдешь ничего, что бы выходило изъ обыкновеннаго порядка. Каждый день въ шесть часовъ встаю я, какъ и всѣ, а если просплю дольше, то черезъ четверть часа подходитъ надзиратель, стучитъ въ край желѣзной кровати и, когда очнешься, провозглашаетъ, будто не относясь ни къ кому: «Господа! вставать пора»... Затѣмъ отправляется къ другому и тѣмъ же порядкомъ будитъ его, называя и его тоже господами. Ночью, обыкновенно, проходитъ по спальнямъ директоръ, вмѣстѣ съ такъ называемымъ у насъ старшимъ надзирателемъ, который отправляетъ здѣсь должность инспектора по нравственной части, тогда какъ инспекторъ здѣшній занимается только книжными и вообще учеными дѣлами.—Нынѣ, напримѣръ, у насъ чрезвычайно туманная погода; печки недавно стали топить въ дортуарахъ; выдали теплыя одѣяла,—и къ утру спится необыкновенно сладко. А все-таки разбудили, и будилъ самъ старшій надзиратель, низенькій, горбатенькій старичекъ, по чину статскій совѣтникъ и, кромѣ другихъ должностей, —нашъ профессоръ. Зовутъ его Андрей Ивановичъ; и никогда, я думаю, Павлу Ал. Духовскому съ братіей не надоѣдалъ столько Андрей Ивановичъ Остроумовъ, сколько бóльшей части студентовъ этотъ Андрей Ивановичъ, человѣкъ, впрочемъ, очень почтенный... Впрочемъ, увлеченный воспоминаніемъ о сладкомъ, прерванномъ снѣ, я написалъ цѣлую страницу, совсѣмъ не интересную.

Нынѣ получилъ я книги, присланныя отъ Михаила Алексѣевича, которому очень благодаренъ за эту присылку, тѣмъ болѣе, что она пришла въ самое время. Изъ письма его узналъ я, что мною очень недовольны и Вы, и прочіе и прочіе... Но оправданіе теперь—это письмо. Не правда-ли, что лучше ничего не писать, нежели писать ничего... Ахъ,—вотъ богатый предметъ, котораго еще я никогда не касался въ своихъ письмахъ: средства сообщенія и дороги въ Петербургѣ. Я вспомнилъ объ этомъ потому, что сейчасъ разносятъ у насъ листы съ предложеніемъ, не угодно ли кому изъ студентовъ пригласить своихъ родственниковъ и знакомыхъ на 25-лѣтній юбилей, который имѣетъ быть празднованъ 30-го числа сего сентября, въ среду. Вотъ, еслибы Вы жили, напримѣръ, въ Новой улицѣ,—не въ той, гдѣ живетъ или жилъ Александръ Ивановичъ и Анна Ѳедоровна [1])

[1]) Щепотьевы.—Слова „живетъ“, „жилъ“, написанныя, какъ очевидно, съ

съ чадами и домочадцами, а въ той, гдѣ я жилъ въ Петербургѣ до поступленія въ институтъ,—за Александроневской лаврою,—если бы Вы жили въ этой улицѣ, я бы вышелъ изъ института; подождавъ на крыльцѣ не болѣе пяти минутъ, увидѣлъ бы карету красняго цвѣта, крикнулъ бы кондуктору: «стой!»—сѣлъ бы въ карету, заплатилъ бы 10 коп. сер., и за эту цѣну, вмѣстѣ съ 9 другими пассажирами, проѣхалъ-бы весь Невскій проспектъ и далѣе, около 5 верстъ всего, и подъѣхалъ бы почти къ самому дому... Затѣмъ Вы точно такъ же могли бы отправиться въ институтъ: здѣсь 25 нумеровъ такихъ дилижансовъ ходитъ постоянно. И никакой омнибусъ не можетъ дать понятія объ удобствахъ этихъ экипажей. Но если погода такъ хороша, Петербургъ Вамъ такъ незнакомъ, что Вы хотите непремѣнно идти пѣшкомъ—Вы не раскаетесь. Совѣтую всегда начинать отъ Лавры; прошедши немного, обернитесь направо: Вамъ представляется зданіе, довольно обширное, но испещренное желтыми пятнами и облупившееся, какъ Нижегородская духовная консисторія. Это и есть консисторія. Вы скажете, что въ Петербургѣ такія вещи невозможны... Да это не въ Петербургѣ; это вдали, за городомъ, куда очень благоразумно отнесено это священное судилище. Вскорѣ послѣ этого начинается Невскій проспектъ, и Вы очутились на ярмаркѣ: на 3-хъ-саженныхъ тротуарахъ здѣшнихъ постоянно такая же толкотня, какъ у насъ на ярмарочномъ мостѣ. Но, вообразите, здѣсь менѣе душно, менѣе пахнетъ городомъ, чѣмъ въ Москвѣ или даже у насъ. Улицы въ 20 сажень; куда ни пойдешь, вездѣ то Фонтанка, то Нева, то Невка, то Большая Нева, то Малая Нева, то Малая Невка... и не сочтешь, и перепутаешь. Не диво, что здѣсь хорошъ воздухъ. Кстати, вотъ занимательное обстоятельство: во время моего «пребыванія» въ Петербургѣ дважды уже начиналось наводненіе; съ Петропавловской крѣпости палятъ пушки и жители низменныхъ мѣстъ выбираются изъ нижнихъ этажей. Въ послѣдній разъ это случилось съ недѣлю тому назадъ... Впрочемъ, позвольте пожелать Вамъ всего добраго и попросить, чтобы Вы вспомнили меня когда-нибудь, конечно поскорѣе, своимъ *письмецомъ*.

Н. Добролюбовъ.

PS. А какъ, mon cher, идетъ у тебя изученіе французскаго языка? У меня дѣло мало подвигается впередъ. Учитъ французъ, не знающій ни слова по русски, а я ничего не понимаю по французски. Можешь представить, какая выходитъ у насъ путаница.

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Получено окт. 5. Н. Н—родъ, 27 сентября 1853 г.

При семъ и еще десять рублей [1])—милый Николай Александровичъ. Я увѣренъ, что ты не употребишь оныя деньги безразсудно. А въ

мыслью упомянуть только имя мужа, остались по недосмотру непоправлены по прибавленіи имени жены.

[1]) Подразумѣвается: „посылаемъ"; это слово не пропущено по недосмотру;

необходимомъ и даже полезномъ [1]) не затрудняйся. Не отказывай себѣ ни въ чемъ... Чаю покупай лучшаго. Исторію Лоренца купи; но что-то слишкомъ дорого [2]),—развѣ новаго какого изданія. Впрочемъ, если она продается собственно отъ него, то дай ему сколько угодно. Если и еще нужны тебѣ какія книги, то купи, хотя и на 30 рублей и даже болѣе. Только двойную цѣну не давай. Вѣдь въ Петербургѣ онѣ должны быть дешевле.—У насъ, благодареніе Господу, все благополучно. Желаю и тебѣ всего, всего добраго и счастливаго... Вполнѣ увѣренъ, что ты мамашинъ совѣтъ касательно писемъ исполнишь и будешь осторожнѣе и солиднѣе. Съ друзьями не будь, какъ говорится, на-распашку.

Искренно любящій тебя отецъ твой, Николаевской церкви священникъ,

Александръ Добролюбовъ.

Я вчерась писала къ тебѣ, милый Николенька, и была очень утѣшена полученнымъ отъ тебя письмомъ. Никакъ не ожидая, чтобы ты, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, могъ вспомнить день моего рожденія, я была спокойна, какъ давно не бывала; но каково же мое удивленіе [3]): къ вечеру нашъ добрый Михаилъ Алексѣевичъ принесъ твое письмо, такъ неожиданно полученное, которое еще больше меня обрадовало, потому что я его не ожидала. Благодарю тебя, что ты меня не только что любишь, но помнишь. Мы къ тебѣ не скоро отвѣчали, потому что писалъ къ тебѣ и послалъ даже книги Михаилъ Алексѣичъ, такъ чтобы не затруднить тебя излишней перепиской. Мы разсчитали, что у тебя, за покупкою книгъ, останется не много денегъ, поэтому посылаемъ тебѣ ихъ. Береги свое здоровье и не отказывай себѣ въ необходимомъ. Папаша торопился къ обѣднѣ, поэтому такъ и написалъ [4]), а велѣлъ докончить мнѣ. Ты пишешь, что можно продать шинель, продай, и ежели еще что можно. А чемоданъ, ежели можно, то оставь при себѣ: онъ тебѣ понадобится, когда поѣдешь къ намъ въ гости; а я надѣюсь, что это будетъ: дождусь тебя къ себѣ, чтобы на тебя полюбоваться въ твоемъ мундирѣ и треугольникѣ [5]) со шпагой. Т. Ф. В. [6]) была у насъ вчера и просила написать отъ нея тебѣ поклонъ. Также Володя и сестры тебѣ кланяются. Будь здоровъ, спокоенъ и счастливъ. Тысячу разъ благодарю тебя за письмо твое; оно меня очень радуетъ. Но только

выраженію преднамѣренно данъ такой оборотъ, что глаголъ должно подразумѣвать; это одна изъ такъ называемыхъ фигуръ, употреблять которыя пріучались по старинной реторикѣ воспитанники семинарій въ тѣ времена, когда Александръ Ивановичъ проходилъ курсъ семинарскихъ наукъ.

1) То-есть: и даже въ томъ, что не необходимо, а только полезно.

2) То-есть: но что-то слишкомъ дорого продается она.

3) То-есть: но каково жь было мое удивленіе; слово „было“ не пропущено по ошибкѣ, а подразумѣвается; но это не фигура старинной реторики, а простой разговорный оборотъ рѣчи.

4) То-есть: потому такъ мало (или кратко) и написалъ; это опять разговорный оборотъ рѣчи.

5) Вмѣсто: треуголкѣ, треугольной шляпѣ; провинціализмъ.

6) То-есть: тетушка (подразумѣвается: твоя) Фавста Васильевна.

папаша велѣлъ мнѣ написать, чтобы ты не тратилъ время дорогое, —котораго такъ мало даютъ тебѣ,—на ненужныя письма. Но къ намъ прошу тебя писать хоть понемногу. Да еще папаша проситъ тебя, когда будетъ время въ праздники, написать хоть немного, утѣшить старуху Авдотью Ивановну; она всегда о тебѣ спрашиваетъ, и будетъ очень рада, что ты ее вспомнишь. Прощай, мой милый, мой дорогой Николенька, какъ ты самъ себя назвалъ въ тѣмъ [1]) письмѣ; мнѣ это названіе очень пріятно [2]).

Остаюсь всегда помнящая и любящая тебя много, очень много

М. Т. [3]) З. Добролюбова.

Приписка Варвары Васильевны.

Благодарю тебя, милый Николенька, за память. Радуюсь, что ты не пошелъ въ кутьи [4]). Я только-что пришла сюда и написала тебѣ не знаю что́; сдѣлай милость,—не смѣйся надо мной.

Варвара К..........[5]).

Приписка Михаила Алексѣевича.

Письмо писано 27, а посылается 28 сентября. Мамашѣ хочется узнать, есть ли у васъ въ Институтѣ своя церковь, и во имя какого святого она построена. Когда будете писать, скажите имъ [6]) объ этомъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(*Отъ 27 сент. 1853 г.*).

Получено 5-го окт.

Письмо Ваше [7]) я получилъ вчера въ 5 часовъ, только-что воротившись изъ Вашего дома, а мамашѣ [8]) принесъ его черезъ часъ по полученіи. Кстати, какъ нельзя болѣе къ случаю оно.

Мамаша жаловалась мнѣ до полученія предпослѣдняго письма Вашего къ нимъ, будто Вы (конечно, занятые своимъ положеніемъ и

---

[1]) „Тѣмъ"—провинціализмъ, вмѣсто „томъ".

[2]) Въ тѣ времена, въ кругу провинціальнаго средняго общества, было принято называть взрослыхъ дѣтей въ письмахъ къ нимъ по имени и отчеству. Александръ Ивановичъ обыкновенно и называетъ такъ сына. Зинаида Васильевна иногда поддавалась этому обычаю. Сынъ просилъ ее называть его по прежнему Николенькой.

[3]) Мама твоя.

[4]) Провинціализмъ; вмѣсто: „въ кутейники".

[5]) Варвара Колосовская.

[6]) „Имъ" вмѣсто „ей"; обыкновенное въ среднемъ кругу перенесеніе этой формы учтивости изъ разговорнаго въ письменный.

[7]) То письмо, при которомъ Николай Александровичъ послалъ Михаилу Алексѣевичу письмо къ Зинаидѣ Васильевнѣ для передачи ей въ день рожденія.

[8]) Подразумѣвается: „Вашей".

потомъ вопросомъ, что скажутъ о Вашемъ поступленіи въ Институтъ нашъ владыка, папаша и т. д.) не хотѣли оказать вниманіе къ ней, когда, во-первыхъ, не написали поскорѣе, какъ Вы стали жить на квартирѣ, чѣмъ Васъ стала кормить старая, но добрая чухонка, и т. д., т. е. не написали поскорѣе и побольше того, что мамашѣ знать хотѣлось бы поскорѣе; во-вторыхъ, не отвѣчали на ея письмо и посылку съ пирожнымъ и, такимъ образомъ, какъ бы мало безпокоились объ ней (какъ видите, дѣло не слишкомъ великой важности). Потому и я сказалъ Вамъ: мамаша обижается тѣмъ, что Вы не пишете къ ней; но это говорилось и прошло уже [1]), и мамаша теперь какъ нельзя болѣе спокойна; потому и Вы объ этомъ уже не думайте и не безпокойтесь, а пусть это покроется пылью невниманія, пепломъ забвенія, какъ кто-то выражался— —[2]). Мамаша, повторю, очень спокойна теперь и очень довольна послѣднимъ письмомъ Вашимъ. Будете писать, разумѣется, одно письмо и къ папашѣ, и мамашѣ вмѣстѣ, только когда досужно будетъ Вамъ, все, что ни взбредетъ на умъ. Въ такомъ случаѣ и Александръ Ивановичъ будетъ доволенъ тѣмъ, что вы живы и здоровы (для меня, говоритъ онъ, довольно и того, что онъ, слава Богу, живъ и здоровъ), и Зинаида Васильевна найдетъ для себя пріятное развлеченіе, слушая Вашу рѣчь о разныхъ подробностяхъ изъ Вашей институтской жизни. Будьте спокойны относительно Вашихъ домашнихъ и не думайте много о томъ, живы ли и здоровы ли они, благополучны ли и т. д. Богъ дастъ, у нихъ все будетъ по добру да по здорову; а для Васъ спокойствіе нужно. Въ случаѣ надобности какой нибудь вещи, не лучше ли не стѣсняться нисколько, и вообще въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по своему гардеробу и шкафу съ книгами поступить свободнѣе и сообщать родителямъ къ свѣдѣнію только: они такъ любятъ Васъ, что все готовы сдѣлать и разрѣшить Вамъ, что будетъ хорошо и полезно для Васъ. Богъ дастъ, все будетъ обходиться хорошо. О. Антоній весьма доволенъ Вашимъ письмомъ, но имѣлъ ли случай говорить о Васъ съ владыкой, какъ обѣщался онъ, я пока еще не знаю. Когда удосужитесь, то напишите еще письмо къ нему— —[3]). Жалко, что жалованье за сентябрь мнѣ еще не выдали, а то можно бы послать Вамъ гостинецъ и отъ меня. Ну, прощайте, будьте здоровы; поскорѣе привыкайте къ Институту. Понимаю, что высшее теперь для Васъ удовольствіе слушать лекціи знаменитыхъ наставниковъ, и радъ за Васъ. Я еще инспекторствую пока, и не знаю, скоро ли и кончится мое дѣло, да и кончится ли мое инспекторство. Живъ и здоровъ. Братъ мой Вамъ кланяется.

Сентября 27 дня 1853 года.

---

[1]) Обыкновенный разговорный оборотъ рѣчи; смыслъ его: „но это было говорено прежде, о прежнемъ, и теперь этого ужь нѣтъ“.

[2]) Здѣсь опущены нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя Михаиломъ Алексѣевичемъ о самомъ себѣ.

[3]) Передается поклонъ отъ одного изъ знакомыхъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1 октября 1853 г. Получено 14 октября.

Вѣроятно Вы получили, мои милые папаша и мамаша, послѣднее письмо мое отъ 20 сентября и получили, какъ я надѣюсь, отъ Михаила Алексѣевича въ самый день Вашего рожденія, моя безцѣнная мамашенька... За то и я вчера, въ весёлый день нашего домашняго, институтскаго праздника, былъ обрадованъ Вашимъ письмомъ [1])... Да, это былъ для насъ веселый день. Въ отвѣтъ на всѣ Ваши прежніе вопросы посылаю Вамъ книгу [2]), при которой прилагается и это письмо, и въ которой я сдѣлалъ кое-какія отмѣтки, чтобы Вы знали, чтó прочитать, потому что всей ея читать нельзя [3]), да и нѣтъ никакой надобности. Но здѣсь мало Вы можете узнать о самомъ актѣ, и потому я опишу Вамъ его поподробнѣе. Вечеромъ 29-го числа были мы всѣ у всенощной, по утру. 30-го—у обѣдни въ своей церкви, которая считается общею у Института съ Университетомъ, впрочемъ называется университетскою [4]). Въ этотъ день всѣ мы въ первый разъ надѣли мундиры и прицѣпили шпаги; 120 человѣкъ въ блестящихъ шитыхъ мундирахъ [5]), выстроенные въ два ряда возлѣ стѣнъ церкви, составляли довольно хорошій видъ. Впереди встали, въ началѣ обѣдни, директоръ и наши наставники, но подъ конецъ наѣхало болѣе десятка разныхъ генераловъ съ синими и красными лентами,—это тоже было очень красиво,—и всѣ наши статскіе и надворные совѣтники (перечень ихъ найдете въ концѣ книги) должны были податься назадъ. По окончаніи обѣдни служили молебенъ благодарственный, и затѣмъ всѣ отправились въ залу. Зала эта тоже общая и для Института и для Университета и тоже называется университетскою. Тамъ всѣ, и публика и мы, были разсажены въ слѣдующемъ видѣ:

(Здѣсь Николай Александровичъ начертилъ планъ зала, въ которомъ происходилъ актъ, и сдѣлалъ на чертежѣ надписи, гдѣ сидѣли профессоры, студенты, посѣтители).

Извините, ежели Вы тутъ ничего не разберете, но мнѣ такъ пришла фантазія пошалить, и при томъ же я недавно взялъ одинъ урокъ рисованія и отъ того рука невольно чертитъ различныя линіи.—Въ первомъ ряду сидѣли изъ извѣстныхъ намъ, младшимъ студентамъ, здѣшній генералъ-губернаторъ Шульгинъ, адмиралъ П. И. Рикордъ, извѣстный русскій морякъ и путешественникъ вокругъ свѣта, П. А.

---

[1]) Это письмо не сохранилось.

[2]) „Актъ 25-лѣтія Главнаго Педагогическаго Института".

[3]) То-есть многіе отдѣлы этой книги сухи, такъ что скучно для васъ было-бы читать всю ее.

[4]) Эта церковь находилась въ домѣ, одну половину котораго, ближайшую къ Невѣ, занималъ Университетъ, а другую Институтъ. Церковь находилась, кажется, въ средней части зданія, подлѣ большого зала, который занималъ средину его; акты института происходили въ этомъ залѣ, но онъ считался, кажется, принадлежащимъ университету.

[5]) То-есть въ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ.

Плетневъ, ректоръ Университета здѣшняго, Христофоръ, викарій Петербургскій, Макарій и еще нѣсколько неизвѣстныхъ военныхъ и статскихъ генераловъ. Но не было ни митрополита, ни министра, никого изъ царской фамиліи, потому что самого государя здѣсь нѣтъ, а безъ него какъ-то рѣдко устраиваются подобныя посѣщенія. Вслѣдствіе этого нашъ актъ былъ въ собственномъ смыслѣ только домашнимъ праздникомъ. Съ самого начала Н. Г. Устряловъ, отъ имени министра, прочелъ бумагу, въ которой онъ извѣщалъ, что по болѣзни не можетъ быть на актѣ, но что вполнѣ раздѣляетъ наше торжество и что, по его представленію, утверждены профессоры Штейнманнъ и Благовѣщенскій—ординарными, а Лебедевъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, и пожалованы инспекторъ Тихомандритскій и— —Смирновъ [1]) орденами Анны 2-й степени, и еще нѣсколько лицъ чѣмъ-то пожалованы. Все это Вы скоро найдете въ газетахъ. Затѣмъ Н. А. Вышнеградскій взошелъ на каѳедру и произнесъ рѣчь, которая напечатана въ началѣ этой книги. Можете сами судить о достоинствѣ; я могу только сказать, что онъ читалъ ее превосходно и вполнѣ соотвѣтственно содержанію... Онъ самъ преподаетъ въ Институтѣ старшимъ студентамъ педагогику. Послѣ него А. И. Смирновъ прочиталъ нѣкоторыя мѣста изъ исторіи Института и, подъ конецъ ея, директоръ началъ разносить почетнымъ посѣтителямъ книги: этотъ «Актъ» и «Труды» студентовъ, кончившихъ курсъ въ нынѣшнемъ году. Книгъ этихъ множество было навалено и на столѣ, нарочно для того поставленномъ передъ каѳедрою, и назади, за портретомъ Императора, гдѣ еще остается довольно мѣста... Наконецъ, самъ директоръ произнесъ краснорѣчивую рѣчь къ посѣтителямъ. Она напечатана отдѣльно. По окончаніи ея хоръ пѣвчихъ пропѣлъ, разумѣется, «Боже Царя храни», и потомъ всѣ отправились въ конференцъ-залу, гдѣ была приготовлена закуска. Посѣтители, профессоры и студенты перемѣшались, многіе нализались препорядочно, стащили на плечахъ съ шумными восклицаніями П. И. Рикорда, потомъ такимъ же порядкомъ взнесли директора, который разцѣловалъ всѣхъ насъ и сказалъ, что онъ не можетъ высказать, какъ благодаренъ за любовь нашу... Затѣмъ пошумѣли довольно и надъ прочими профессорами, пообѣдали на скорую руку съ большими интервалами, хотя обѣдъ былъ приготовленъ очень хорошій, и весь день пользовались совершенною свободою: плясали, курили и пѣли во все горло, и надзиратели только ходили да посмѣивались... Для увѣковѣченія этого торжества насъ уволили отъ лекцій до понедѣльника, т. е. до 5-го числа этого мѣсяца.

Пользуясь этимъ временемъ отдыха, я пишу къ Вамъ длинное письмо, и, наговорившись о прошедшемъ праздникѣ, перехожу къ будущему, который еще болѣе родной и желанный для меня, нежели тотъ, который мы только-что отпраздновали. Это Ваши именины, машенька, по случаю которыхъ я посылаю Вамъ эту книгу, съ желаніемъ, чтобы вы могли съ такою же радостью прочитать нѣкогда

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ находятся два слова, написанныя неразборчиво. Ихъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ читать „старшій наблюдатель"; г. Смирновъ занималъ эту должность.

актъ пятидесятилѣтія Института, съ какою, я увѣренъ, прочитаете нѣкоторыя мѣста *этого акта 25-лѣтія*... Я помню малѣйшія обстоятельства того, какъ мы, бывало, праздновали день именинъ Вашихъ, и дай Богъ нынѣ праздновать Вамъ его еще веселѣе, еще радостнѣе прежняго... Это легко можетъ быть, когда Вы представите, что нынѣ сынъ Вашъ находится на гораздо лучшемъ мѣстѣ, чѣмъ прежде, что онъ любитъ Васъ такъ же сильно, какъ прежде, и даже еще болѣе ощущаетъ въ себѣ это чувство любви, ничѣмъ теперь не возмущаемое и не затемняемое: ни тѣнью неудовольствія, своенравія, ослушанія, которыми, бывало, я такъ часто огорчалъ Васъ. Съ спокойной и свѣтлой душею, съ радостнымъ сердцемъ приношу я Вамъ поздравленіе со днемъ Вашего ангела и молю Господа, да подастъ онъ Вамъ здоровье, долголѣтіе, радость, миръ и спокойствіе... Пусть весь кружокъ родныхъ, которыхъ поздравляю я съ дорогою именинницею, восполнитъ своею внимательностью мое отсутствіе на Вашемъ мирномъ праздникѣ.

Благодарю Васъ, мои родные, безцѣнные мои папаша и мамаша, за всѣ Ваши заботы обо мнѣ; но прошу Васъ, не безпокойтесь такъ много о моемъ здоровьи, аппетитѣ и проч... Все здѣсь прекрасно. Запрещеніе пить чай простирается только на первые дни... Теперь и по утрамъ, и по вечерамъ мы пьемъ втроемъ чай безъ всякой помѣхи и безъ зазрѣнія совѣсти. При этомъ я всегда пожираю невѣроятное количество сухарей или булокъ, такъ что каждый день отдаю булочнику не менѣе 10 коп. сер. [1]). Впрочемъ, скоро я намѣренъ сократить эти разорительные и совершенно безполезные расходы и употребить свои финансы на что-нибудь болѣе полезное... Брюквенный и капустный или морковный соусъ, которые мнѣ окончательно опротивѣли [2]), готовятся здѣсь только два раза въ недѣлю, т. е. не каждый два раза, а который нибудь,—въ остальные же дни бываетъ что нибудь получше, и я, по благости Божіей, оплетаю кушанья очень порядочно, такъ что, вопреки II-му положенію напечатаннаго на 172 страницѣ «Акта»,—иногда прошу себѣ другой порціи, что, впрочемъ, ведется у всѣхъ почти студентовъ [3])... Вы говорили въ прошедшемъ письмѣ о пересылкѣ къ Вамъ вещей моихъ... Нѣтъ ли какой особенной причины для того, чтобы мнѣ сдѣлать такъ? Если же нѣтъ, то я думаю, что это будетъ не совсѣмъ удобно и почти совсѣмъ излишне. Во-первыхъ—все мое будетъ сохранено здѣсь въ совершенной цѣлости; во-вторыхъ—за пересылку нужно много заплатить, да я и

---

[1]) Подробность, сообщенная неосторожно; она должна была произвести на отца и въ особенности на мать впечатлѣніе, противоположное тому, какое хотѣлъ возбудить въ нихъ сынъ. Онъ хвалился своимъ аппетитомъ, доказывая этимъ, что здоровье его находится въ превосходномъ состояніи. Но онъ не былъ охотникъ ѣсть много. Отецъ и мать должны были подумать: „каковы же институтскіе завтракъ, обѣдъ и ужинъ, если нашъ Николенька, который ѣстъ довольно мало, долженъ покупать булокъ на 10 коп. въ день, чтобы не оставаться голоднымъ отъ казенной ѣды“.

[2]) Объ этихъ соусахъ говорилось въ письмѣ Николая Александровича къ Варварѣ Васильевнѣ отъ 16 сент. (1853).

[3]) Подробность тоже неосторожная. Отецъ и мать должны были подумать: „почти всѣ студенты просятъ себѣ второй порціи; каковъ же размѣръ порцій, когда такъ?“

не умѣю сдѣлать хорошенько этого дѣла; въ-третьихъ—если я не поѣду на вакацію домой,—мнѣ очень можетъ понадобиться бѣлье и проч.; въ-четвертыхъ, я могу переслать къ вамъ вещи не иначе, какъ въ чемоданѣ и, такимъ образомъ, если черезъ годъ или черезъ два я вздумаю ѣхать домой, мнѣ не въ чемъ будетъ везти то, что у меня будетъ тогда... Впрочемъ, если есть какая-нибудь надобность въ этой присылкѣ, то напишите, и я исполню. Теперь же послать нельзя мнѣ и потому, что еще не сшиты казенныя шинели, и поэтому, выходя изъ Института, я надѣваю обыкновенно партикулярное платье, и тутъ опять идутъ въ ходъ манишечки, галстучки, жилетъ, сюртукъ, шинель и рыжая бархатная фуражка, съ успѣхомъ замѣняющая мою форменную треуголку.

Читая «Актъ», Вы, конечно, пропустите V-ю и VIII-ю главу и многія другія мѣста, какъ, напримѣръ, тѣ, гдѣ трактуется объ обязанностяхъ экзекутора, эконома и т. п., какъ я и самъ пропустилъ ихъ; но обратите вниманіе на тѣхъ въ алфавитномъ спискѣ студентовъ, которые отмѣчены = [1]): это люди замѣчательные въ нашемъ кругу... Кто они таковы, Вы узнаете изъ самаго описанія... Въ концѣ положенія отмѣченное + не соблюдается, а ∠ соблюдается не всегда и не во всей строгости [2]).

Михаилъ Ивановичъ Касторскій [3]) принялъ меня такъ себѣ, какъ обыкновенно принимаютъ нашу братію эти люди. Впрочемъ, пригласилъ меня приходить къ нему еще, и я постараюсь сколько можно приличнѣе воспользоваться этимъ приглашеніемъ.—Вы, папаша, желаете мнѣ успѣвать *блистательно*,—могу обѣщать Вамъ не болѣе, какъ полученіе мною, при окончаніи курса, серебряной медали. Больше здѣсь не добьешься, хоть лобъ разбей... Много есть здѣсь людей и съ умомъ, и съ познаніями, гораздо бóльшими, чѣмъ у меня. Я назначалъ цифрами въ алфавитномъ спискѣ, кто какимъ принятъ до меня включительно... Да есть еще нѣкоторые, поступившіе безъ экзамена (т. е. кончившіе въ гимназіи курсъ съ медалью), которыхъ и нельзя класть въ счетъ... Впрочемъ и посредственности очень много...

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853, окт. 6.

Просвѣщенный филологическими наставленіями профессора Срезневскаго и прочихъ, я съ увѣренностью полагаю теперь, что русскій языкъ,—хотя весьма силенъ, звученъ и выразителенъ, но не имѣетъ

---

[1]) Въ подлинникѣ поставленъ здѣсь знакъ равенства. Отмѣтки этимъ и другими знаками, о которыхъ говорится ниже, сдѣлалъ въ „Актѣ“ Николай Александровичъ.

[2]) Формалистика институтской жизни студентовъ была такъ мелочна, что Николай Александровичъ, посылая книгу, въ которой излагались ея правила, самъ видѣлъ: они произведутъ своею стѣснительностью тяжелое впечатлѣніе на его отца и мать, и позаботился сдѣлать отмѣтки, которыми разсчитывалъ разсѣять это впечатлѣніе. Разумѣется онъ не достигъ цѣли: отецъ и мать увидѣли, что ихъ предположенія о стѣснительности институтской жизни справедливы.

[3]) М. И. Касторскій былъ профессоръ петербургскаго университета.

достаточной мягкости и нѣжности для выраженія глубочайшихъ чувствованій любящаго сердца. Какъ, напримѣръ, по русски назову я Васъ, папаша и мамаша? Милый, добрый, дорогой и пр., и пр., и пр.—все это—согласитесь—выражаетъ слишкомъ мало [1]). Поэтому впредь я отказываюсь передавать свои чувства подобными эпитетами и называю Васъ просто—папаша и мамаша безъ всякихъ прибавленій, надѣясь, что и эти два слова очень достаточно выражаютъ сущность нашихъ взаимныхъ отношеній... Это присказка ведется, сказка будетъ впереди...

Еще разъ поздравляю Васъ, мамаша, съ днемъ Вашего Ангела, для Васъ, можетъ быть, уже прошедшимъ, когда Вы читаете это письмо, а для меня еще будущимъ. Повторяю Вамъ всѣ мои задушевныя желанія и радуюсь, что у Васъ все, слава Богу, благополучно. Вчера получилъ я отъ Васъ письмо [2]) и деньги... Вы слишкомъ меня балуете... Пожалуйста, не думайте, что мнѣ много нужно; здѣсь все есть казенное и можно даже безъ большой нужды прожить, совсѣмъ не имѣя денегъ въ карманѣ. Конечно—кругъ товарищей получше семинарскаго [3]), но того, что у меня есть, очень довольно; и у меня будетъ воротникъ и пуговицы на сюртукѣ и шинели не хуже другихъ. Даже теплую шинель теперь я могу купить себѣ. А «Исторія» Лоренца—дѣло обходимое; я самъ теперь разсудилъ, что 12 цѣлковыхъ дорого дать за нее. Дѣло, вотъ видите, въ чемъ: Лоренцъ читаетъ на нѣмецкомъ языкѣ, но на репетиціяхъ всѣ должны отвѣчать ему по русски и обыкновенно готовятся по его «Исторіи». Между тѣмъ эта «Исторія» — по нѣкоторымъ, какъ говорятъ, особеннымъ отношеніямъ—не въ ходу въ Институтѣ [4]) и считается запрещенною: заперта въ шкафѣ и никому изъ студентовъ не выдается. Теперь нѣсколько десятковъ экземпляровъ можно достать только у Глазунова и здѣсь-то хотѣлъ я купить ее... Но у насъ въ камерѣ явилось уже двѣ книги [5]), третья скоро будетъ, и потому особенной необходимости въ покупкѣ теперь нѣтъ. Притомъ обстоятельства могутъ дойти до того, что станутъ отбирать эту книгу... И пріятно и опасно имѣть ее. Лучше на будущій годъ Вы или я самъ поищемъ этой книги на ярмаркѣ.

Вы кажется думаете, что мнѣ мало времени для занятій [6]). Напро-

---

1) Эта тяжелая и неловкая шутка—остроуміе въ семинарскомъ вкусѣ. Въ письмахъ Николая Александровича, принадлежащихъ первымъ мѣсяцамъ его институтской жизни, встрѣчаютъ еще два, три мѣста подобнаго характера.

2) Это было письмо отъ 27 сент., первое сохранившееся письмо отца и матери.

3) То есть они имѣютъ привычки людей круга нѣсколько болѣе зажиточнаго, чѣмъ сословіе, къ которому принадлежатъ семинаристы.

4) За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ произошла по поводу „Всеобщей Исторіи“ Лоренца непріятность цензурнаго характера, но маловажная; въ 1853 году она была давно забыта цензурнымъ вѣдомствомъ, но директоръ Педагогическаго института, Давыдовъ, не любившій Лоренца, продолжалъ пользоваться ею, чтобы дѣлать мелкія досады профессору, котораго желалъ бы, и не могъ, вытѣснить изъ Института.

5) То есть, два экземпляра книги.

6) Александръ Ивановичъ могъ узнать распредѣленіе дня студентовъ института изъ „Акта“, присланнаго сыномъ, если не было изложено это распредѣленіе въ одномъ изъ утраченныхъ писемъ Николая Александровича. Институт-

тивъ, очень довольно, и время это распредѣлено, какъ нельзя лучше. Во первыхъ, занимаемся мы отъ 6½ до 8½ утра, 2 часа, потомъ 6 часовъ въ классѣ, гдѣ пишемъ лекціи за профессорами: это тоже очень важное занятіе. Другіе не могутъ записывать со смысломъ и вполнѣ, и потому вечеромъ еще составляютъ лекціи, у меня же онѣ остаются въ томъ видѣ, какъ записаны въ аудиторіи и потому вечеръ я посвящаю другимъ занятіямъ. Потомъ время для занятій дается отъ 3½ послѣ обѣда до 5½. Это по слѣдующей причинѣ: недавно раздѣлили у насъ классы новыхъ языковъ на два отдѣленія: въ первомъ читается литература, во второмъ языкъ нѣмецк. и франц., потому что, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно же слушать толки о членѣ, о спряженіяхъ тому, кто говоритъ по-французски или по-нѣмецки. Такъ послѣ обѣда бываютъ всегда лекціи новыхъ языковъ: отъ 4 до 5½ литература, отъ 5½ до 7—языкъ. Такимъ образомъ въ этотъ промежутокъ мнѣ остается еще два часа, потому что я хожу на языкъ; вечеромъ [1]) отъ 7 до 8½, полтора часа, и отъ 9, послѣ ужина, до 10½—полтора часа. Слѣдовательно 7 или даже 14½ часовъ для занятій, исключая время обѣда, чая и ужина. Больше 7 час. въ день, кромѣ классныхъ занятій, я, кажется, никогда не занимался.

Между прочимъ въ это время я нахожу возможность ходить еще и заниматься въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Недавно былъ я и въ Академіи Художествъ на открытой въ этомъ мѣсяцѣ картинной выставкѣ. Не будучи записнымъ любителемъ живописи, я однако же незамѣтно пробылъ тамъ часа три, любуясь выставленными картинами, да ещо думаю еще когда нибудь сходить туда.

Я думаю, что Ниночка, и Анночка, и Катенька, и Юленька, и Володя, и Ваня—помнятъ меня и слѣдовательно здоровы, потому что отъ больныхъ нельзя и ожидать, чтобы помнили. Всѣмъ роднымъ мое глубокое почтеніе. Кстати, одинъ изъ студентовъ, завербовавшихъ меня въ Институтъ, спрашивалъ все меня, что мои родные не сердятся ли и проч. Вчера передалъ я ему. что̀ написала тетушка Варвара Васильевна и онъ замѣтилъ: «должно быть очень умная женщина»... А между тѣмъ онъ самъ (К. П. Ѳеоктистовъ) изъ кутейниковъ... Авдотью Ивановну я очень помню и уважаю, но что же писать ей?.. «Не возьму я въ толкъ, не придумаю», какъ говоритъ Кольцовъ.

Н. Добролюбовъ.

NB. Вчера часовъ въ 9 вечера услышали мы вдругъ выстрѣлъ изъ пушки; предполагая, что вода прибываетъ, мы не обратили на это вниманія; но скоро послѣдовалъ другой, третій, почти безпрерывно, числомъ, по крайней мѣрѣ, до 100. Нынѣ сказали намъ, что у Наслѣдника родился кто-то. Но опредѣленно и оффиціально еще не знаю.

ская формалистика была и въ этомъ отношеніи такъ стѣснительна, что неудобство ея для молодаго человѣка, привыкшаго къ самостоятельнымъ, серьезнымъ занятіямъ было замѣчено его отцомъ. Письмо, въ которомъ Александръ Ивановичъ высказывалъ свое мнѣніе объ институтскомъ распредѣленіи дня, утратилось.

[1]) Подразумѣвается: „также свободнымъ остается время“ и т. д.

Михаилу Алексѣевичу мой нижайшій поклонъ. Что касается нашихъ профессоровъ семинаріи, то я вполнѣ увѣренъ, что лучше ихъ свѣтъ не видывалъ, и все такое. Слѣдовательно имъ нечего безпокоиться [1]).

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Ниж. Новгородъ, 15 октября 1853 г. Получено 20 окт. 1853 г.

Письма твои, милый, дорогой, добрѣйшій сынъ нашъ, Николай Александровичъ—а) отъ 6-го октября, получено нами 11-го октября въ день ангела—нашего кроткаго ангела—Зинаиды Васильевны, б) а отъ 1-го октября—вмѣстѣ съ книгою; «Актомъ 25-ти лѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института»—получено уже 14-го сего октября... Это письмо вполнѣ утѣшило насъ. Благодаримъ тебя за аккуратность. Видимъ мы въ тебѣ то, чего ожидали, и радуемся. Да дастъ тебѣ Господь Милосердый силы преуспѣвать въ дальнѣйшемъ образованіи ума и сердца, и получить то, что обѣщаешь. Это *развѣ не блистательно*?.. [2]) Все данное тебѣ, если можно сохранить въ цѣлости, оставь у себя, а что окажется лишнимъ и совершенно ненужнымъ, можешь, по усмотрѣнію своему, продать. Не отказывай себѣ, дружочекъ нашъ, ни въ чемъ нужномъ, даже и полезномъ [3]). Если нужны будутъ деньги, пиши, ни мало не смущаясь.—Краткое описаніе Институтскаго торжества и прекрасную рѣчь или слово генерала И. И. Давыдова мы читали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 11-го октября, которыя прислалъ къ намъ Яковъ Ивановичъ

---

[1]) Въ томъ письмѣ отца, на которое отвѣчаетъ Николай Александровичъ было, какъ видимъ, сказано что нибудь о неудовольствіи профессоровъ нижегородской семинаріи на бывшаго воспитанника, не приславшаго имъ поклоновъ. Но изъ этого не должно выводить заключенія, что неудовольствіе было серьёзно, или что выражавшіе его профессоры были люди обидчивые, тщеславные; нѣтъ, это была только обыкновенная манера провинціальныхъ разговоровъ того времени: слыша, что бывшій знакомый прислалъ письмо къ кому нибудь, провинціалы того времени при встрѣчѣ съ получившимъ письмо спрашивали, не присланы ли поклоны имъ, и если получившій письмо имѣлъ неосторожность отвѣчать правду, что поклоновъ имъ не прислано, они находили обязанностью свѣтскаго приличія пожалѣть, что не приславшій поклоновъ имъ забылъ ихъ. Неглупые люди лишь говорили такъ; на самомъ дѣлѣ обижались только такіе, которые считались неуживчивыми, слишкомъ требовательными; они составляли и въ тогдашнемъ провинціальномъ обществѣ, какъ нынѣшнемъ свѣтскомъ, меньшинство.—Вообще не слѣдуетъ придавать большаго значенія поклонамъ и напоминаніямъ о поклонахъ, которыхъ такъ много въ перепискѣ Николая Александровича съ его родными. Это лишь формалистика того круга, державшагося старомодныхъ обычаевъ.

[2]) Слова „развѣ не блистательно" написаны съ широкой разстановкой буквъ, соотвѣтствующей курсиву. Они и предъидущіе слова составляютъ отвѣтъ на слова сына (въ письмѣ отъ 1 окт.): „Вы, Папаша, желаете мнѣ успѣвать блистательно; могу обѣщать Вамъ не болѣе, какъ полученіе мною, при окончаніи курса, серебряной медали". Письмо отца, въ которомъ было выражено желаніе сыну успѣвать блистательно, не сохранилось; оно было написано раньше перваго сохранившагося письма (отъ 27 сент.).

[3]) Подобное выраженіе уже было въ письмѣ отъ 27 сент.; смыслъ его: „не только въ нужномъ, но и въ просто полезномъ".

Пятовъ.—Преосвященнѣйшій назначилъ меня въ представленіи [1]) своемъ къ награжденію наперснымъ крестомъ. Я считаю себя уже награжденнымъ, если и не удостоюсь таковой награды... [2])

При пожеланіи тебѣ здоровья и счастливыхъ успѣховъ остаюсь искренно любящій тебя отецъ твой Николаевской церкви Священникъ

Александръ Добролюбовъ.

Милый и дорогой нашъ Николай Александровичъ. Благодарю тебя за твое вниманіе и любовь ко мнѣ, тысячу разъ благодарю; ничто такъ не утѣшаетъ и не радуетъ меня, какъ твои пріятныя письма. Мы читали о картинной выставкѣ. Тамъ описано прекрасно; и я очень рада, что ты ее видѣлъ. Желаю отъ души, чтобы ты былъ здоровъ, веселъ и счастливъ.

З. Добролюбова.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

22 октября, 1853. Получено 1 ноября.

Мое письмо, я думаю, застанетъ тебя, удалый добрый молодецъ (видишь, какъ я ухитрился возвеличить тебя), въ какихъ нибудь воинсвенныхъ занятіяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ отважныхъ предположеніяхъ, если только долгое ожиданіе не вселило въ юную душу болѣе мирныя чувства. Нынѣшній день, наконецъ, прочитанъ у насъ манифестъ, которымъ объявляется война туркамъ,—манифестъ, данный еще третьяго дня. (Нынѣ, послѣ обѣдни часть войкъ отправилась уже въ походъ. Императоръ самъ поздравилъ солдатъ съ походомъ). Какъ видишь, и здѣсь не слишкомъ скоро доходятъ до насъ политическія новости.—Стремись же, о юноша, на поле брани, гдѣ несомнѣнные лавры ожидаютъ тебя, гдѣ, можетъ быть, посчастливится тебѣ поймать за бороду султана или, по малой мѣрѣ, какого нибудь визиря и въ тріумфѣ въѣхать въ пышный Петербургъ, съ полнымъ правомъ на всеобщее вниманіе и уваженіе.

Но мы, въ тишинѣ и мирѣ предавшіе себя на служеніе разнокалибернымъ музамъ, мы—увы! не можемъ, если бы и хотѣли, служить отечеству мечемъ и прочими смертоубійственными препаратами. Турецкая война, по признанію всѣхъ мудрецовъ, не просвѣщаетъ народа, а мы обязаны непремѣнно прослужить восемь лѣтъ по министерству Народн. Просвѣщенія! Только, какъ бы на смѣхъ, учатъ насъ фехтованію; да и то какъ учатъ: никакой свободы и въ этомъ-то не даютъ!.. Недавно одинъ изъ нашихъ слишкомъ размахнулся и изо всей силы ткнулъ рапирой въ грудь учителя,—такъ сейчасъ же

---

[1]) Въ ежегодномъ представленіи Синоду о наградахъ, испрашиваемыхъ архіереемъ для своихъ подчиненныхъ.

[2]) То есть: для меня достаточно ужъ и того, что преосвященный считаетъ меня достойнымъ такой награды.

тотъ и замѣтилъ: «ого, какъ вы сильно колете»... А вѣдь, кажется, зачѣмъ бы и учиться, какъ не затѣмъ, чтобы умѣть колоть хорошенько?..

Но всѣ прочія занятія у насъ отличаются весьма мирнымъ характеромъ. Развѣ Устряловъ иногда разгуляется и завяжетъ полемику съ Карамзинымъ и иногда отдѣлаетъ какого нибудь Эверса, Лерберга, Байера, порѣшитъ, что Соловьеву такая ошибка непростительна, что изслѣдованіе Морошкина никуда не годится и т. п. Да еще, случается, Срезневскій дѣлаетъ грозныя нападенія на всѣ существующія грамматики и разбиваетъ ихъ въ пухъ и прахъ. Сначала еще Штейнманнъ, читающій греческую словесность, горячился, доказывая, что нужно произносить по гречески не лбгосъ, лаосъ, [1]) а лёгосъ, ляосъ, не типто, а тюпто, и подобн. вещи. Сначала было дико, но потомъ всѣ мы [2]) привыкли, и нападенія Штейманна, человѣка дѣйствительно очень крикливаго, сдѣлались рѣже.

А тутъ уже слѣдуютъ самые мирные люди. Во-первыхъ, батюшка [3]) протоіерей Солярскій, имѣющій еще нѣсколько характеристическихъ прозваній, которыя неудобны для письма. Онъ по закону Божію задаетъ намъ урки́ [4]) «отъ сихъ до сихъ» [5]), отмѣчаетъ по нѣскольку строчекъ, которыя можно выпустить;—вообще, какъ быть семинаристъ, поучившійся въ академіи и считающій высшимъ достоинствомъ студента твердое зубреніе «Исторіи» Богданова, «Догматики» Антонія и психологіи его собственнаго, домашняго произведенія. Потомъ Бессеръ—нѣмецъ очень, говорятъ, не глупый и, дѣйствительно, очень бойко говорящій на нѣмецкомъ діалектѣ, но весьма убого на россійскомъ. Между тѣмъ, онъ имѣетъ претензію на русскій языкъ и читаетъ лекціи политической экономіи по русски. Потѣха, когда его лекція приходитъ!.. За то въ руководство намъ по этому предмету далъ «Опытъ о народномъ богатствѣ» Бутовскаго,—пренелѣпая книга. Это темныя стороны нашего Института, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ почти не за что похаять.

Порядокъ ученія у насъ такой. Приходитъ профессоръ, читаетъ лекцію, кромѣ батюшки и еще одного новенькаго—всѣ наизусть; студенты записываютъ и потомъ по очереди составляютъ лекцію, переписываютъ и подаютъ для просмотра профессору, который читаетъ ее въ классѣ, поправляетъ и потомъ уже сдаетъ для всеобщаго употребленія. Кажется, не велика вещь написать то, что́ говоритъ профессоръ, но немногимъ удается хорошо сдѣлать это дѣло. Тутъ главное не въ томъ, чтобы скоро писать, потому что записывать все, что говорится, слово въ слово, нѣтъ человѣческой возможности, какимъ бы скорописнымъ талантомъ ни обладалъ студентъ. Нужно только

---

1) Какъ произносили въ семинаріяхъ.

2) Семинаристы, составлявшіе большинство студентовъ филологическаго отдѣленія Института.

3) Профессоръ богословія.

4) „Урки“ вм. уроки—такъ говорили полубезграмотные учители низшихъ школъ; да и у нихъ ужь выходила тогда изъ обычая эта форма слова; Солярскій, очевидно, смѣшилъ студентовъ, употребляя ее.

5) Выраженіе, которымъ задавали уроки преподаватели, требовавшіе заучиванія наизусть.

малую толику довольно быстраго соображенія, чтобы записывать именно то, что нужно, и выбирать изъ сотни словъ—десять, которыя вполнѣ выражали бы высказанную профессоромъ мысль. Многіе въ этихъ лекціяхъ врутъ неимовѣрнымъ образомъ, особенно семинаристы, для которыхъ славянская филологія, исторія русскаго языка, русское государственное право—все вещи неслыханныя. Я составлялъ уже лекцію одному профессору, и онъ замѣтилъ мнѣ, что моя лекція хорошо составлена. Вообще, за исключеніемъ языковъ, я по всѣмъ предметамъ здѣсь—очень не изъ послѣднихъ. Прощай, братъ; отвѣчай мнѣ хоть на это письмо; ты что-то лѣнишься. Кланяйся нашимъ, скажи, что я здоровъ и проч. Письмо изъ дому получилъ 20 числа.

Н. Добролюбовъ.

Вотъ, братъ, бѣду-то былъ сдѣлалъ. Все время, пока писалъ, помнилъ о достоуважаемой моей тетушкѣ, твоей матушкѣ, а какъ дописалъ, и позабылъ. Къ счастью, вспомнилъ во время. Передай ей отъ меня глубочайшее почтеніе, неизмѣримую душевную привязанность, всегдашнюю память и пр., и пр. Желаю вамъ всѣхъ радостей.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853. Октября 27. Получено 1-го ноября.

Вы, папа, постоянно пишете, чтобы я не затруднялъ себя излишней перепиской; а Вы, мамаша, говорите, что для Васъ читать мои письма составляетъ великое удовольствіе. Полагая, что Васъ увлекаетъ не краснорѣчіе мое и не интересъ моихъ писемъ, а просто извѣстіе о мнѣ,—я рѣшаюсь писать къ Вамъ, даже и ничего не имѣя, чтò бы нужно было написать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое рѣшеніе избавляетъ меня отъ лишняго труда придумывать матерію для письма.

Надобно сказать правду, папаша: Вы совершенно правы. Времени для занятій здѣсь мало...! Я почувствовалъ это теперь, когда намъ дали тэмы для сочиненій. Занятные часы такъ часто прерываются, что нѣтъ возможности втянуться въ работу. Только начнешь завлекаться, вдумываться, сосредоточишь мысль на одномъ предметѣ,—какъ вдругъ звонокъ—ужинать. Тутъ пойдутъ разныя шалости, вздорные разсказы и пр., развлечешься и опять трудно приняться за прежнее дѣло. И только вновь соберешься съ мыслями—приходитъ гувернеръ и желаетъ спокойной ночи. Встанешь по утру—скоро ли еще разгуляешься; займешься немного—опять завтракать, потомъ пить чай, а за тѣмъ классы... Но и это бы еще не важное обстоятельство... Главное то, что бóльшую часть времени, даннаго для другихъ предметовъ, я, какъ и многіе другіе, долженъ убивать на языки, древніе и новые. Конечно, это не продолжится навсегда, но, тѣмъ не менѣе, для начала успѣвать довольно не легко. Впрочемъ—съ доброю волею, съ прекрасными пособіями, сильными и благородными побужденіями и—главное—съ Божіей помощью я не теряю надежды и бодрости. Замѣчу

еще для Вашего успокоенія, что здѣшнія занятія не оказываютъ рѣшительно никакого вреднаго вліянія на мое здоровье. Я здѣсь ни разу не былъ боленъ, ни разу даже не чувствовалъ себя дурно... Думаю, что это много зависитъ отъ регулярности занятій и постоянно легкой скоромной пищи.

Въ прошедшее воскресенье у насъ передъ обѣдней читали манифестъ и служили молебенъ объ успѣхахъ русскаго оружія и послѣ обѣдни еще молебенъ благодарный за рожденіе и крещеніе дочери у Наслѣдника. Вѣроятно и къ Вамъ скоро придетъ манифестъ объ этомъ, а можетъ быть уже и пришелъ. Замѣчательное обстоятельство: здѣсь о войнѣ перестали уже говорить, какъ будто бы ея и не существуетъ. Вѣроятно, скоро новыя извѣстія изъ арміи дадутъ новую пищу толкамъ.

Въ прошлое же воскресенье былъ у насъ, въ университетской залѣ, первый концертъ, подъ управленіемъ Шуберта. Нѣсколько такихъ концертовъ дается каждый годъ. Нынѣ ихъ будетъ десять. Студенты ходятъ на хоры безплатно. Въ прошлый концертъ особенно хорошо игралъ—по моему—на віолончели Кологривовъ и на фортепіано какой-то цыганъ или жидъ, котораго фамиліи я еще не узналъ.

Весьма много радовался я, что Вы, папаша, представлены преосвященнымъ къ наградѣ: [1]) значитъ, онъ не измѣнилъ своего благорасположенія къ Вамъ... Я заранѣе радуюсь и воображаю видѣть Васъ, украшеннаго этой наградой. Господь Богъ услышитъ искреннія, общія молитвы наши и дастъ намъ свидѣться скоро въ мирѣ и радости.

Н. Добролюбовъ.

PS. Кажется, на той недѣлѣ были именины Катеньки; и вѣрно она стала еще лучше и умнѣе, чѣмъ прежде, съ чѣмъ я ее отъ всей души поздравляю. NB. Всѣ родные и знакомые, наше Вамъ наиглубочайшее!

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Получено 2 ноября. Нижній Новгородъ, 2 ноября 853 г.

Милый сынъ Николай Александровичъ!

Ноября 1-го дня, у насъ въ Нижнемъ совершено было два торжественныхъ молебна—одинъ предъ литургіею, благодарственный о крещеніи В. Княжны Маріи Александровны, а другой послѣ литургіи, просительный, по прочтеніи манифеста о побѣдѣ надъ супостатомъ. Это было и въ приходскихъ церквахъ и въ каѳедральномъ соборѣ. Кромѣ того, я служилъ еще четыре молебна въ домахъ и исправлялъ разныя требы, а потому отъ самой утрени (3-хъ часовъ пополуночи), пришелъ въ домъ уже въ 4-мъ часу [2]), довольно ослабѣв-

[1]) Къ награжденію наперснымъ крестомъ.

[2]) Въ 4-мъ часу по полудни. На молебнахъ, совершавшихся въ царскіе дни архіереемъ въ каѳедральномъ соборѣ послѣ литургіи, должны были присутствовать

шій въ силахъ [1]), какъ приходъ почталіона и въ то же время мальчика отъ удалого молодца Михаила Ивановича Благообразова—съ твоими письмами, совершенно оживилъ меня и обрадовалъ мамашеньку твою. Мы читали эти письма съ полнымъ удовольствіемъ и радостію, которую раздѣлялъ съ нами Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ и И. А. Веселовскій; отъ послѣдняго, впрочемъ, я долженъ былъ нѣчто скрыть, считая это не нужнымъ, даже излишнимъ.

26 числа былъ у насъ Валеріанъ В. Лаврскій, читалъ твое къ нему письмо, хвалилъ заведеніе и проч., и проч. и, какъ казалось, самъ хотѣлъ въ Институтъ, взялъ книгу, «Отчетъ 25-лѣтняго юбилея», и на другой день по утру предъ классомъ, возвративъ оную, сказалъ: «хотя бы манной кормили, я не соглашусь туда поступить» [2]). Какъ было уже 8¼ часовъ, то я, не спрашивая причины, сказалъ ему на это: «пора вамъ въ семинарію—вы и такъ уже опоздали».

При пожеланіи тебѣ счастливыхъ успѣховъ въ филологіи и языкознаніи [3]), а паче всего здоровья и благоповеденія—съ осторожною предусмотрительностію касательно обращенія съ гг. знаменитыми наставниками и товарищами,

Остаюсь искренно любящій тебя—сынъ мой милый и добрый,

Священникъ Александръ Добролюбовъ.

Да, твоя правда, милый мой Николенька, что всего больше утѣшаютъ меня твои письма; и какихъ родителей не утѣшали бы они? Мы не получавши отъ тебя писемъ двѣ недѣли слишкомъ, я очень скучала и начинала безпокоиться о твоемъ здоровьѣ. Еще разъ благодарю тебя за книгу: я ее всю прочитала, а особенно послѣдніе листы всѣ твердо знаю. Признаюсь тебѣ, я съ особеннымъ удовольствіемъ прочитала въ книгѣ твое имя и фамилію. Ты такъ умно вздумалъ удовлетворить всѣмъ нашимъ вопросамъ; а ихъ у насъ было бы довольно, а отвѣчать на все было бы затруднительно тебѣ. Теперь мы знаемъ весь порядокъ, гдѣ и какъ ты проводишь время. И скажу тебѣ, что я совершенно успокоилась, тѣмъ больше, что тебѣ нравится и что ты всѣмъ доволенъ. Остается мнѣ радоваться, что тебя такъ Господь устроилъ, и молиться о твоемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ. А тебѣ оно очень нужно въ твоихъ трудныхъ, хотя и пріятныхъ занятіяхъ. Желаю тебѣ во всемъ совершенныхъ успѣховъ. Еще спрошу тебя, можно ли имѣть тебѣ при себѣ деньги. Ты даже и въ книгѣ сдѣлалъ свое замѣчаніе. И кто носитъ письма на почту? — Прошу тебя, хотя немного отвѣчай на наше письмо. Катя въ восхищеніи, что ты ее вспомнилъ, и благодаритъ тебя. Только немного ошибся

всѣ городскіе священники. Эта служба длилась до половины перваго, даже до половины втораго. Она была утомительна для священниковъ, служившихъ въ своей церкви позднюю обѣдню и шедшихъ въ соборъ не напившись чаю.

[1]) Потому что до возвращенія домой не ѣлъ, а былъ все это время на ногахъ.

[2]) Очевидно, что В. В. Лаврскій нашелъ отвратительнымъ порядокъ институтской жизни, правила котораго прочелъ „Актѣ Юбилея".

[3]) Филологіею называется тутъ изученіе классическихъ языковъ, а языкознаніемъ—изученіе новыхъ.

ты: ей было рожденіе — — октября [1]), а именинница еще будетъ 24 ноября.—Прочіе всѣ здоровы и тебѣ кланяются. Платонъ Петровичъ также тебѣ кланяется. Дядюшка твой Василій Ивановичъ [2]) получилъ чинъ.

Остаюсь всегда любящая тебя и желающая тебѣ всего, всего хорошаго

З. Добролюбова.

NB *Не пиши, дружочекъ, много и ко многимъ... Тебѣ время нужно болѣе на полезное* [3]).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

4 ноября 1853.

Опять моя безпечность и забывчивость дѣлаютъ меня виноватымъ предъ Вами, почтеннѣйшій Михаилъ Алексѣевичъ. Мое искреннее поздравленіе со днемъ Вашего Ангела придетъ къ Вамъ развѣ на другой день Вашихъ именинъ и застанетъ ихъ уже черствыя. Впрочемъ, опять вполнѣ надѣюсь на Вашу снисходительность, которою Вы всегда отличались въ отношеніи ко мнѣ, хотя можетъ быть и не въ отношеніи къ Вашимъ мальчикамъ [4]). Однако, странно; что никто не пишетъ мнѣ о Васъ... Инспекторствуете ли Вы и есть ли надежда Вамъ долго остаться при этомъ занятіи, — или уже Вы лишились права на казенную квартиру и толкуете не объ Эллинахъ, а о разныхъ варварахъ, разрушившихъ великій Римъ [5]). Право—я боюсь, что мое письмо не дойдетъ по адресу, который я надписываю по прежнему... А, — говорятъ, у васъ въ семинаріи еще одно мѣсто опросталъ Андрей Иванычъ... Кто же поступаетъ на это мѣсто? Помнится, давно я не писалъ къ Вамъ, а особенно замѣчательнаго и нынѣ написать нечего. Новости здѣсь, конечно, скоро къ намъ доходятъ, быстро смѣняются; но все это Вы тоже узнаете изъ газетъ, и весьма вѣроятно, что онѣ дойдутъ до Васъ прежде, чѣмъ мое письмо. Такимъ образомъ, я о всѣхъ политическихъ, литературныхъ и

---

1) Цифра стерлась, такъ что трудно разгадать ее по небольшой уцѣлѣвшей части; вѣроятно она была 3 или 5.

2) Слова „Василій Ивановичъ“ приписаны вверху строки рукой Александра Ивановича.

3) Приписано рукою отца. Почеркъ употребленъ очень мелкій, соотвѣтствующій курсиву.

4) Ученикамъ.—Предположеніе, что Михаилъ Алексѣевичъ слишкомъ требовательный учитель высказывается въ видѣ шутки; онъ былъ добрый, снисходительный учитель.

5) Михаилъ Алексѣевичъ, будучи инспекторомъ духовнаго училища, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ учителемъ въ высшемъ отдѣленіи его; это отдѣленіе имѣло двухъ учителей; каждый преподавалъ по нѣскольку предметовъ; у одного главнымъ предметомъ былъ латинскій языкъ, у другаго греческій. По должности инспектора онъ занималъ казенную квартиру. Онъ желалъ перейти въ семинарію на должность профессора всеобщей и русской исторіи.

проч. и проч. новостяхъ красноречиво умалчиваю. Думаю,—Вы не будете столько взыскательны, какъ N. N. [1]), отъ котораго я на дняхъ получилъ записочку, состоящую изъ упрековъ и известій о томъ, что такой-то и такой-то товарищъ недоволенъ мной за то, что я не поименовалъ его [2]) въ письме къ Ивану Александровичу. Вообразите, онъ требуетъ, чтобы я описывалъ ему Петербургъ et omnia, quae in eo sunt et fieri possunt [3]). Странное притязаніе! Потрудитесь, пожалуйста, при случае, если зайдетъ речь о такомъ предмете, внушить ему, что я совсемъ не намеренъ быть фельетонистомъ единственно для услажденія его взыскательнаго вкуса, и что мне даже некогда хлопотать о такихъ вещахъ. Да притомъ въ первомъ письме онъ выразилъ такую мысль: пиши ко мне, чтобы мне безъ зазренія совести можно было ходить къ вашимъ домашнимъ, подъ предлогомъ известій о тебе... Я думаю, онъ страшно надоедаетъ тамъ, и потому едва ли буду къ нему писать... Онъ, конечно, не сказалъ того, что я вывелъ, но что-то подобное.

Собственно въ Институте все, до меня касающееся, очень хорошо идетъ, какъ и прежде. Занятіями и затворничествомъ, довольно непріятнымъ для другихъ, я нисколько не стесняюсь. Мне даже все кажется, что мало времени для занятій и что я очень мало работаю. Только классы почтеннаго Кресѝ затрудняютъ, не только меня, но и бо̀льшую часть студентовъ. Какъ хотите — утомительно незнающему по французски, учиться этому языку у человека, который ни слова не говоритъ по русски. Бормочетъ, вертится, вызываетъ къ доске, спрашиваетъ... Выходишь и отвечаешь, иногда скажетъ— ne ce pas bien, monsieur [4]), иногда très bien,—и решительно не понимаешь за что... Теперь начинается для насъ трудное время: съ субботы начнется репетиція по русской исторіи у профессора Устрялова; съ среды—репетиція по психологіи у протоіерея Солярскаго, съ среды же репетиція по всеобщей исторіи и древней географіи у Смирнова; ко вторнику я долженъ приготовить лекцію для ответа Лоренцу, который спрашиваетъ по порядку, по одному—въ каждый классъ. Завтра я подаю профессору Срезневскому окончательную тетрадку собранныхъ мною областныхъ словъ Нижегородской губерніи (помните, —Дмитрій Ивановичъ дивился, зачемъ я бралъ у него Академическій словарь)? Къ 15 декабрю должно приготовить сочиненіе по словесности профессору Лебедеву. Я изъ множества тэмъ избралъ сравненіе перевода Энеиды (Шершеневича) съ подлинникомъ, и именно взялъ одну первую песнь. Такимъ образомъ, я не безъ дела. За то у насъ не будетъ экзаменовъ къ Рождеству, тогда какъ въ Духовной Академіи приказано Св. Синодомъ «произвести строжайшій экзаменъ принятымъ въ довольно благонадежныхъ, и наистрожайшій принятымъ въ числе сомнительныхъ». Кстати — недавно одинъ изъ нашихъ былъ въ Духовной Академіи и сказывалъ, будто N. N. N.

---

[1]) Написано имя и отчество одного изъ товарищей по семинаріи.

[2]) Не написалъ поклона ему.

[3]) Эта фраза употреблялась какъ присловье въ шутливомъ тоне: „и все, что находится и можетъ происходить въ немъ“.

[4]) Эта французская фраза составлена неправильно.

повышенъ изъ баккалавра въ профессоры семинаріи [1]). Въ слѣдующее воскресенье постараюсь справиться.—Прошедшее воскресенье кончили у насъ молиться объ отвращеніи холеры, и начали — объ успѣхѣ россійскаго оружія... Я же съ своей стороны желаю всѣхъ успѣховъ и благъ Вамъ, Михаилъ Алексѣевичъ. Простите.

Н. Добролюбовъ.

P. S. Прошу Васъ—передайте мое глубочайшее почтеніе отцу Антонію и Александру Андреевичу. Александра Андреевича доселѣ съ благодарностью вспоминаетъ здѣшній студентъ старшаго курса Ал. Ивановичъ Чистяковъ изъ Ярославской губер. Скажите ему объ этомъ. Еще—поздравьте отъ меня со днемъ Ангела и Михаила Ивановича [2]). Я по Вашему совѣту писалъ благочестивое письмо къ Василію Васильевичу и въ — — [3]) смыслѣ либеральное къ Михаилу Ивановичу, но онъ ни на одно не отвѣчалъ мнѣ.

P. S. 2. Я не говорю Вамъ о моей благодарности за то участіе, которое Вы принимали въ милой моей мамашѣ. Но не могу не просить Васъ, еще и еще разъ, будьте добры къ намъ по прежнему, постарайтесь утѣшить мамашу, успокоить, развеселить, если опять она будетъ грустить обо мнѣ. Скажите, что меня одно только и тревожитъ здѣсь -мысль, не плачетъ ли обо мнѣ мамаша, не тревожится ли папаша. Болѣе всего умоляю Васъ: ради Бога, не смѣйтесь надъ щекотливымъ чувствомъ материнской любви. Въ одномъ изъ писемъ мамаши есть выраженіе, которое заставляетъ думать, что вы (т. е. не Вы собственно, а всѣ наши родные вообще) забавляетесь этимъ. Но я здѣсь очень хорошо понимаю, что это чувство святое и великое, и что нужно болѣе чтить его. Я надѣюсь на Вашу доброту и расположеніе къ нашему семейству. Передайте мое почтеніе и Ивану Алексѣевичу.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Ноября 14 дня 1853 года. Получено 22 ноября.

Письмо Ваше я получилъ во вторникъ въ часъ пополудни, затѣмъ одну его половину прочиталъ въ два, другую вь четыре часа [4]), а потомъ часа черезъ два далъ его прочитать Вашимъ папашѣ и ма-

---

[1]) Смыслъ таковъ: „повышенъ—въ профессоры академіи, Вы думаете? Нѣтъ, семинаріи". Это было не повышеніе, а утрата карьеры.

[2]) Благообразова.

[3]) Въ копіи, съ которой печатаются письма Николая Александровича, здѣсь оставленъ пробѣлъ, обозначающій неразборчиво написанное въ подлинникѣ и не прочтенное слово; его должно читать, вѣроятно „нѣкоторомъ", такъ что текстъ будетъ: „въ нѣкоторомъ смыслѣ".—Выраженіе „по вашему совѣту" относится только къ тому, что Николай Александровичъ написалъ письмо къ Василію Васильевичу; о томъ, въ какомъ тонѣ писать къ Михаилу Ивановичу, Михаилъ Алексѣевичъ не говорилъ.—Свое письмо къ Михаилу Ивановичу Николай Александровичъ называетъ либеральнымъ только въ шутку, въ смыслѣ „веселое, чуждое церемонныхъ увѣреній въ почтеніи".

[4]) То есть, до класса и послѣ класса.

машѣ. Оба они, какъ это и всегда бываетъ, были рады прочитать его. Но Михаила Ивановича съ прошедшимъ днемъ его Ангела я еще не поздравилъ, думая, что поздравить съ прошедшимъ все равно черезъ день или черезъ двѣ недѣли.

Ваши домашніе всѣ живы и здоровы и объ Васъ уже не тревожатся. У нихъ все идетъ по прежнему, по старому. Самъ я продолжаю инспекторство, но когда будетъ конецъ ему—не знаю; думаю, впрочемъ, что дѣло о моемъ перемѣщеніи въ семинарію [1]) скоро кончится, т. е. скоро меня перемѣстятъ въ семинарію или скажутъ опять: будь инспекторомъ... Я скажу Вамъ, что будетъ — — [2]). О требованіяхъ и извѣстіяхъ N. N. N. [3]) много и не думайте. Пускай одинъ требуетъ что ему угодно, а другой обижается тѣмъ, что его не назвали по имени, обижается также сколько ему угодно. Сегодня послѣ всенощной О. Антоній (ему и Ал. Андреевичу я сказалъ отъ Васъ, что слѣдуетъ) сообщить мнѣ, что владыка приказалъ отослать Вашу книгу «Актъ 25-лѣтняго юбилея Института», взятую имъ у папаши, въ Арзамасскую училищную библіотеку. Я живу по прежнему благополучно. Именины свои праздновалъ не дурно, гостей было человѣкъ девять — — [4]). У папаши Вашего въ понедѣльникъ и вторникъ болѣла нога, потому Ваши пока еще не были у меня.

Ну, пока прощайте. Желаю Вамъ всего хорошаго.

М. Костровъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1853, ноября 18 дня, Петербургъ. Получено 26-го ноября.

Еще дѣла поубыло немножко и, конечно, я тотчасъ пользуюсь временемъ, чтобы писать къ Вамъ, любимые папаша и мамаша, потому что для меня самого необыкновенно пріятно бываетъ думать, что Вы спокойны и нисколько не тревожитесь обо мнѣ. На этотъ разъ я особенно могу успокоить Васъ, такъ какъ я совершенно спокоенъ, веселъ, здоровъ и доволенъ.

Въ субботу, какъ я заранѣе писалъ къ Вамъ, пришлось мнѣ отвѣчать Устрялову. Тутъ случилось обстоятельство, которое я не считаю совсѣмъ обыкновеннымъ и которому подобныя примѣчалъ уже не разъ въ своей жизни... Я все думаю, что Ваши молитвы хранятъ меня... Дѣло вотъ въ чемъ: Вы не будете скучать, если я стану писать подробно; другіе могутъ не читать этого письма... Устряловъ мѣсяца два толковалъ намъ объ источникахъ русской исторіи и нѣ-

---

[1]) На должность профессора. Инспекторъ духовнаго училища получалъ по двумъ должностямъ, инспекторской и учительской, меньше жалованья, чѣмъ профессоръ семинаріи по одной своей.

[2]) Тутъ сообщаются свѣдѣнія о дѣлахъ духовнаго училища и семинаріи, не имѣющія отношенія къ интересамъ Николая Александровича.

[3]) Желавшаго, что бы Николай Александровичъ описывалъ ему Петербургъ и сообщалъ извѣстія о петербургскихъ новостяхъ.

[4]) Здѣсь Михаилъ Алексѣевичъ сообщаетъ подробности о своихъ именинахъ.

сколько классовъ спрашивалъ объ этомъ студентовъ, преимущественно о лѣтописяхъ. На субботу онъ назначилъ тоже объ источникахъ и далѣе. Всѣ читали объ источникахъ; я зналъ превосходно, потому что постоянно слушалъ и писалъ въ классѣ, да еще читалъ кое-что по этому предмету. Дѣйствительно, профессоръ пришелъ и спросилъ ѳдного студента о лѣтописи. Потомъ спрашиваетъ меня и говоритъ: «Скажите объ основанiи Руси и первоначально о норманнахъ». Я испугался; вотъ тебѣ и добросовѣстное занятiе—подумалъ я! По «Исторiи» Устрялова я не могъ прочитать этой огромной статьи и положилъ, что горестная участь ждетъ меня... Надобно еще знать, что первая репетицiя Устрялова имѣетъ здѣсь чрезвычайное значенiе: его голосъ сильнѣе всѣхъ на конференцiи, а первое впечатлѣнiе установляетъ взглядъ на студента въ продолженiи всего курса... Но съ утра я молился объ отвѣтѣ; въ этомъ критическомъ положенiи я вспомнилъ о молитвѣ, и дрожащимъ госомъ началъ читать о норманнахъ... Но только сказалъ я нѣсколько словъ, какъ профессоръ остановилъ меня, и заставилъ пересказать и разобрать разныя мнѣнiя о томъ, откуда пошла русская земля. Эти мнѣнiя онъ разбиралъ въ классѣ, а я, какъ сказалъ уже, постоянно слушалъ его и потому отвѣтилъ очень удачно, такъ что по окончанiи нашей бесѣды Устряловъ сказалъ мнѣ: «Хорошо, сударь; видно, что занимался»... И къ этому еще прибавьте то обстоятельство, что послѣ меня опять началъ онъ спрашивать объ источникахъ, и опять пошли толковать о Прокопiѣ и Маврикiѣ, Герберштейнѣ и Павлѣ Iовiѣ, которыхъ я такъ хорошо зналъ, но о которыхъ не удалось мнѣ отвѣчать, какъ будто нарочно для того, чтобы предохранить меня отъ ложной гордости и показать, на кого всегда я долженъ надѣяться... И я счастливъ теперь тѣмъ, что сознал эту истину.

Для всякаго другаго, даже самаго близкаго ко мнѣ человѣка, это обстоятельство само по себѣ не важно; но я разсказываю Вамъ его, потому что изъ самаго разсказа Вы можете видѣть мою настроенность.

А право здѣсь больше благочестiя, чѣмъ въ академiи. Батюшка [1]) немного мудритъ у насъ [2]), но главныя истины христiанства всетаки ясны для насъ. Мы съ большимъ благоговѣнiемъ смотримъ на все священное именно потому, что оно далеко отъ насъ. Для студента академiи, котораго часто изъ-подъ палки заставляютъ учить наизустъ мертвую букву закона и находить таинственное знаменованiе въ каждой цѣпочкѣ кадила, въ каждой ленточкѣ поручей,—все это дѣлается уже слишкомъ обыкновеннымъ, что бы не сказать—пошлымъ,—и они очень неприлично ведутъ себя въ этомъ отношенiи. Напримѣръ, недавно въ здѣшней духовной академiи одинъ iеромонахъ, N., былъ уволенъ отъ преподаванiя введенiя въ Богословiе именно за вольномыслiе. Этотъ N. товарищъ Ал. Ан. Крылову: отъ него можно и знать объ этомъ человѣкѣ.

---

1) Профессоръ богословiя.

2) Читаетъ лекцiи въ схоластическомъ духѣ, затемняющемъ важнѣйшiе предметы богословскаго изложенiя изслѣдованiемъ формалистическихъ тонкостей, не имѣющихъ значенiя въ богословской наукѣ.

Я, впрочемъ, давно уже не былъ въ духовной академіи, да и не знаю, скоро ли и пойду. Вѣрный Вашимъ предостереженіямъ, мамаша, я не рѣшаюсь еще идти черезъ Неву, которая нынче только стала. Нашъ Институтъ, вѣдь, на «Васильевскомъ славномъ островѣ»... На дняхъ я переѣзжалъ черезъ Неву на ту сторону и уже льды, шедшіе изъ Ладожскаго озера, очень густо лежали по рѣкѣ; нынѣ, говорятъ, ходили черезъ Неву. Впрочемъ—въ случаѣ надобности—у насъ есть Благовѣщенскій мостъ, который однако довольно далеко.

Теперь, кажется, можно Васъ поздравить съ именинницей, а Катеньку съ ангеломъ. Сестеръ и братьевъ тоже поздравляю. Къ Василію Ивановичу хотѣлъ было я писать и поздравить его съ чиномъ; но—и некогда, и нечего, и не могу собраться, и потому поздравьте его отъ меня... Я еще долженъ скоро писать къ кому нибудь изъ товарищей: не постарается ли кто-нибудь изъ нихъ понабрать простонародныхъ словъ, пословицъ, пѣсенъ или сказокъ; какъ бы я былъ за это благодаренъ...

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ И ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

30 ноября 1853 г.

Чтобы оправдать свое долгое молчаніе, любезнѣйшіе дядюшка и тетушка, я пригоняю свое письмо къ такому сроку, въ который Вы будете очень веселы и склонны къ прощенію... Это письмо, по всей вѣроятности, будетъ получено Вами въ самый день ангела драгоцѣнной тетушки, съ которымъ нижайше имѣю честь поздравить, и пожелать при томъ, что бы Вы были всегда столько же веселы, какъ я нынѣ веселъ. А отчего я веселъ, тому слѣдуютъ пункты.

Пунктъ 1) понеже побѣдоносное Россійское оружіе увѣнчалось недавно новою неувядаемою славою,—или иначе сказать—побѣдою надъ турками, за которую вчера правили мы молебенъ;

Пунктъ 2)—понеже нынѣшній день прекрасная погода и я ходилъ гулять;

Пунктъ 3)—понеже вчера отъискалъ я здѣсь земляка и стараго пріятеля—отца Макарія, проживающаго здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ, по какимъ-то особеннымъ дѣламъ.

Пунктъ 4) понеже вчера успѣлъ я раздразнить г. Журавлева своими наставниками, и преподаваніемъ, и обращеніемъ съ студентами Института, и наконецъ самою формою.

Пунктъ 5) наконецъ—главное основаніе, главная причина и главное событіе, возбуждающее мой восторгъ,—это то, что у насъ нынче, по случаю торжества побѣды, не было послѣ обѣда нѣмецкаго класса!..

Занятія наши идутъ своимъ чередомъ. Живемъ и учимся, живемъ и дурачимся въ перемежку. Сейчасъ вотъ разсказываютъ передо мною недавнее происшествіе въ Москвѣ. Не угодно ли и вамъ прослушать?..

Въ Москвѣ ведется обычай, что церковный староста, ходя съ блюдомъ для сбора съ православныхъ, имѣетъ при себѣ звонокъ и позваниваетъ имъ. Вотъ однажды случилось зайти къ заутрени, на

Пасхѣ, мужичку-извозчику. Веселое пасхальное пѣніе убаюкало его, и онъ, прислонясь къ стѣнкѣ, задремалъ. Дремлетъ нашъ мужичекъ, а ухо держитъ востро,—рукавицы за пазухой, кнутъ за поясомъ,—совсѣмъ на готовѣ... Слышитъ онъ, что звучитъ колокольчикъ старосты, и воображаетъ, что это онъ ѣдетъ съ горки на горку, и что его кони побрякиваютъ звонками. Наконецъ, староста дошелъ до него, и остановился, ожидая подачки. Слыша, что звонокъ замолкъ, извозчикъ нашъ въ мигъ сообразилъ, въ чемъ дѣло: выхватилъ изъ-за пояса кнутъ и гаркнулъ во всю силу молодецкую: «Ну, встали, голубчики!.. Чего надо?.. Вотъ я васъ, лѣнивые»!!.. Да вѣдь какъ бы Вы думали?—и хватилъ кнутомъ старосту!..

Разсказавши этотъ анекдотъ, веселый господинъ, сообщившій его, весьма важно принялся за «Notitia ad litteraturam Romanam». и просидитъ за ними до конца вечера... Потомъ пойдемъ въ спальню, и опять начнутся анекдоты, остроты, шутки, и проч. до тѣхъ поръ, пока придетъ надзиратель и скажетъ: «Пора вамъ, господа, спать». Тогда мы всѣ поворотимся на другой бокъ и разомъ захрапимъ во всю мочь.

Между прочимъ, я очень сожалѣю, что не видѣлся съ г. Охотинымъ, который назначенъ въ нашу семинарію и недавно уѣхалъ отсюда,—жалѣю тѣмъ болѣе, что я бы могъ кое-что прислать съ нимъ въ Нижній. Вѣроятно онъ уже началъ теперь свое прекрасное поприще и засѣлъ въ нижегородскомъ семинарскомъ домѣ, если только удостоился казенной квартиры. Изъ всѣхъ этихъ господъ [1]), мнѣ кажется, лучшую карьеру нашелъ Пав. Ал. Матвѣевскій: онъ вышелъ во дьяконы въ Парижъ!.. Между тѣмъ, бѣдный Ал. П. Соколовъ прозябаетъ теперь профессоромъ семинаріи въ С.-Петербургѣ.

Такъ какъ [2]) мое письмо можетъ попасть Вамъ въ руки прежде вѣдомостей [3]), я скажу Вамъ о побѣдѣ, о которой заговорилъ сначала. Это морская битва, въ которой турецкій флотъ разбитъ совершенно; изъ 22 кораблей непріятельскихъ, 7 линейныхъ взято въ плѣнъ, прочіе повреждены или истреблены. Вчера носили по Невскому турецкія знамена, взятыя въ битвѣ при Ахалцыхѣ. Теперь все; прощайте.

Н. Добролюбовъ.

P. S. Ноября 10 получилъ я Вашу посылку и письмо, которое меня очень обрадовало. Благодарю Васъ за Вашу память; но, право, мнѣ совѣстно, что Вы такъ безпокоитесь... Я здѣсь рѣшительно казенный человѣкъ, и не нуждаюсь ни въ чемъ особенно.

Желаю добраго здоровья и всякихъ радостей Сонечкѣ и Машенькѣ [4]). Онѣ, я думаю, еще помнятъ меня.

---

[1]) Студентовъ Петербургской духовной академіи, кончившихъ курсъ въ томъ году.
[2]) Слово „какъ“ пропущено по недосмотру.
[3]) Слово „вѣдомости“ употреблено здѣсь въ смыслѣ „газеты“.
[4]) Дочкамъ Лукѣ Ивановича и Варвары Васильевны.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1 дек. 1853, С.-Петербургъ. **Получено 6 декабря.**

Отъ субботы до среды изъ Москвы не ходитъ почта до Нижняго, и потому, получивши Ваше письмо, милые мои папаша и мамаша, въ пятницу вечеромъ, я отложилъ писать къ Вамъ до вторника, и теперь приступаю къ дѣлу, хотя у меня еще дрожитъ немного рука отъ фехтовальнаго урока, продолжавшагося нынче для меня довольно долго. Я думаю, письмо мое опять застанетъ Васъ, папаша, въ трудахъ по случаю нашего роднаго праздника [1]), съ которымъ заранѣе поздравляю Васъ, и вмѣстѣ въ торжествѣ—по случаю побѣды надъ турками очень значительной, которая и здѣсь занимаетъ многихъ. Дай же Богъ Вамъ какъ можно больше веселья и радости!.. Только меня очень тревожитъ Ваша болѣзнь, дорогой мой папаша. У Васъ все еще болитъ нога, вѣдь это очень непріятно. Пожалуйста, папаша,—какъ сынъ прошу Васъ,—не пренебрегайте этой болѣзнью. Михаилъ Алексѣевичъ писалъ мнѣ, что Вы даже у него не были на именинахъ, потому что у Васъ нога болѣла. Особенно теперь, для наступающихъ трудовъ и праздниковъ Вамъ нужно здоровье... А Вы, мамаша, неужели все еще страдаете головною болью? За тысячу верстъ умоляю сестеръ и братьевъ дать покой, утѣшать какъ можно больше, любить и лелѣять милую мамашеньку и такого добраго папашу. Я недавно читалъ нѣсколько Вашихъ писемъ [2]), мои дорогіе, и представилъ себѣ живо всю домашнюю жизнь нашу. Впрочемъ — я не скучаю и не тоскую. Я какъ будто нахожусь въ какомъ-то забытьи. Здѣшняя жизнь, здѣшнія занятія для меня то же, что, бывало, классъ въ семинаріи, только несравненно продолжительнѣйшій... И я все думаю,—вотъ пройдетъ срокъ, вотъ я кончу свои лекціи, пробьетъ послѣдній звонокъ къ выходу и я отправлюсь домой и разскажу моимъ роднымъ и о своихъ трудахъ, и о внимательности инспектора, и объ отзывѣ директора, и о похвалахъ Срезневскаго [3]), и пр., и проч. Подумаешь такъ, и снова примешься за дѣло и какъ-то веселѣе и живѣе пойдетъ оно.

Вы пишете, чтобы я сказалъ Вамъ, чтó мнѣ нужно. Право, ничего не нужно. Недавно я передѣлалъ сюртукъ и шинель холодную

---

[1]) Престольнаго праздника въ Николаевской церкви, 6 декабря. Престольный праздникъ былъ соединенъ для духовенства церкви съ большими хлопотами, когда пріѣзжалъ совершать литургію самъ преосвященный, какъ это, обыкновенно, и бывало во всѣхъ церквахъ епархіальнаго города: надобно было приготовить облаченіе для участвующихъ въ архіерейскомъ богослуженіи, сдѣлать много другихъ приготовленій къ нему. Съ самой заутрени причтъ церкви былъ занятъ этими хлопотами, не имѣя отдыха до конца архіерейской литургіи, иногда очень поздняго. Проводивъ преосвященнаго, приходское духовенство должно было служить молебны въ церкви, потомъ служить ихъ въ домахъ прихожанъ.

[2]) То есть, перечитывалъ нѣкоторыя изъ прежнихъ писемъ.

[3]) Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, занимавшій каѳедру славянскихъ нарѣчій въ петербургскомъ университетѣ, былъ профессоромъ этого предмета и въ Институтѣ. Николай Александровичъ сблизился съ нимъ вскорѣ по вступленіи своемъ въ Институтъ.

на теплую, заплатилъ за все 9 руб. сер., и теперь еще, по крайней мѣрѣ скоро, мнѣ ничего не понадобится дѣлать себѣ. Вы еще спрашиваете, можно ли имѣть при себѣ деньги? Конечно, можно,—никто насъ не обыскиваетъ. Но только, если деньги мои пропадутъ, я не имѣю права жаловаться, потому что формальное-то запрещеніе все-таки существуетъ. Не знаю, для чего Вы спрашивали также, мамаша, кто носитъ письма на почту [1]). Это дѣлается такимъ образомъ: вечеромъ я запечатываю письмо, причемъ главная трудность состоитъ въ томъ, чтобы достать огня; по утру я иду въ правленіе, оставляю письмо на окнѣ и говорю сторожу, чтобы онъ отправилъ. Въ девять или десять часовъ его относитъ на почту служитель, нарочно для подобныхъ дѣлъ существующій въ Институтѣ; этого требуетъ обширная корреспонденція нашего директора. Такимъ образомъ все обходится благополучно.

PS. Нельзя ли узнать, хоть отъ Александра Ивановича Щепотьева, что за лицо Арзамасскій купецъ В. Д. Подсосовъ? Онъ доставилъ г. Терещенко собраніе арзамасскихъ пословицъ; и тотъ тиснулъ ихъ. Но мнѣ думается, что онъ списалъ ихъ изъ одной извѣстной мнѣ книги. Главное, нельзя ли узнать способенъ ли онъ къ ученымъ трудамъ?—Я теперь въ такомъ расположеніи, что склоненъ все припоминать. Скажите же, перестала ли вопить нянюшка (Наталья Осиповна, кажется)? Если перестала, то прошу засвидѣтельствовать ей мою искреннюю благодарность.—Аксинья Якимовна [2]) тоже, я думаю, приходитъ иногда въ патетическое расположеніе духа и плачетъ до того, что наконецъ забываетъ, о чемъ она плакала. А за что, подумаешь, разобидѣлъ [3]) я этихъ «добрыхъ, чувствительныхъ женщинъ?»—какъ выражается Иванъ Александровичъ. Право, я не вспо-

---

[1]) Читая правила, которымъ подчинена жизнь студентовъ Института, отецъ и мать Николая Александровича видѣли, что этихъ юношей держатъ подъ такимъ мелочнымъ надзоромъ, какъ маленькихъ дѣтей въ тогдашнихъ закрытыхъ заведеніяхъ. Натурально было Зинаидѣ Васильевнѣ предположить возможнымъ, что письма студентовъ Педагогическаго Института отправляются на почту лишь по просмотрѣ ихъ начальствомъ, какъ это дѣлалось съ письмами дѣвочекъ въ тогдашнихъ институтахъ. Этимъ предположеніемъ и должно объяснять вопросъ ея, причину котораго Николай Александровичъ, безъ сомнѣнія, угадывалъ; конечно, только для лучшаго разсѣянія мыслей, тревожившихъ мать, онъ говоритъ, что не можетъ понять, почему она спрашиваетъ его, какъ отправляются на почту письма студентовъ Института. Онъ въ это время ужь видѣлъ, каковы на самомъ дѣлѣ институтскіе порядки, показавшіеся ему сначала хорошими. Ему не хотѣлось дѣлать огорченіе отцу и въ особенности матери признаніемъ, что институтская жизнь скудна, стѣснительна, тяжела.

[2]) Это были служанки Зинаиды Васильевны.

[3]) Онъ шутитъ, называя обидою имъ то, что въ письмѣ къ матери посмѣялся теперь надъ ихъ склонностью слѣдовать обычаю русскихъ простолюдинокъ, по которому, при упоминаніи объ отсутствующихъ дѣтяхъ хозяевъ, служанка проливала слезы умиленія и тоски.

[4]) Передѣлка выраженія, употребленнаго бывшимъ товарищемъ Николая Александровича, Иваномъ Александровичемъ Веселовскимъ; — онъ этими словами, говорилъ, вѣроятно, объ оскорбленіи „добрыхъ, чувствительныхъ“ профессоровъ и семинаристовъ забвеніемъ Николая Александровича, что слѣдовало не ограничиться общимъ поклономъ всѣмъ имъ, а прислать особый поклонъ каждому поименно.

минаю ихъ иначе, какъ съ самымъ добрымъ и веселымъ чувствомъ. Однако, я позабылъ одно важное обстоятельство: Вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе и любовь отецъ игуменъ Макарій, числящійся инспекторомъ Пермской семинаріи, но проживающій уже около мѣсяца въ Петербургѣ. Третьяго дня я видѣлся съ нимъ; онъ обласкалъ меня, какъ родного, съ большимъ участіемъ распрашивалъ о профессорахъ; когда я упомянулъ о Срезневскомъ и его лекціяхъ, сказалъ, что и онъ бы, пожалуй, этого не прочь послушать. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ, что, бывши въ Нижнемъ, былъ на вечеринкѣ у Виктора Ник., что Васъ, папаша, тамъ не было,— «должно быть нездоровъ былъ», прибавилъ онъ... Ну еще, это кажется не должно быть. Отъ него узналъ я также, что Лаврентій говорилъ, будто я побоялся держать экзаменъ въ Академію [1]).

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА ДОБРОЛЮБОВА.

(*Отъ 9 декабря 1853 г.*).

Получено 15 декабря.

Давно мнѣ хотѣлось написать тебѣ, драгоцѣнный мой Николай Александровичъ, хоть что нибудь, хоть: желаю успѣха въ наукахъ; но не знаю какъ объяснить обстоятельнѣе, что-то все отклоняло меня отъ этого пріятнаго дѣла. Нынѣ убѣдясь удобнымъ случаемъ [2]), я, понатужась, рѣшился наконецъ возобновить свои бесѣды съ тобой, бывшія по обстоятельствамъ [3]) и прежде не совсѣмъ частыя.

— — [4])

Въ моей жизни новаго нѣтъ; да и не надобно: повышеніе рано, пониженія не хочется. Дѣти мои [5]) учатся со стараніемъ, а особенно твой тезка; онъ не даромъ названъ Николенькой. Глядя на него, я часто вспоминаю и твое усидливое и прочное изученіе уроковъ; право, онъ во многомъ на тебя похожъ.

— — [6]).

---

[1]) Въ томъ, что говорили это, виноватъ былъ самъ Николай Александровичъ. Онъ просилъ у отца и матери дозволенія держать экзаменъ въ Педагогическій Институтъ потому, что академическій экзаменъ труденъ для него. Такія разсужденія не могли оставаться скрытыми отъ родныхъ и знакомыхъ семейства Добролюбовыхъ и не могли не разойтись по всему нижегородскому духовному обществу.

[2]) Удобный случай состоялъ въ томъ, что одинъ изъ общихъ знакомыхъ, Василій Ивановичъ Духовскій, ѣхалъ въ Петербургъ. Василій Ивановичъ хотѣлъ послать письмо съ нимъ; онъ обѣщалъ взять.

[3]) Обстоятельства эти состояли въ томъ, что Василій Ивановичъ былъ заваленъ дѣлами по службѣ, имѣлъ мало досуга.

[4]) Отвѣчая на поздравленіе съ полученіемъ перваго чина, высказанное ему Николаемъ Александровичемъ въ письмѣ къ отцу и матери, Василій Ивановичъ поздравляетъ племянника съ поступленіемъ въ студенты Института.

[5]) Сыновья сестеръ его и Александра Ивановича, учившіеся въ одномъ изъ нижегородскихъ духовныхъ училищъ и жившіе у него. (Отцы ихъ жили далеко отъ Нижняго, будучи сельскими священниками.

[6]) Высказываются добрыя пожеланія.

Письмо это ты получишь поздно, потому что Василій Ивановичъ Духовскій долго пробудетъ въ Москвѣ.—Василій Ивановичъ уѣхалъ часомъ раньше противъ назначеннаго и я, опоздавши, посылаю сіе письмо по почтѣ.

— — [1]).

Прими увѣреніе въ искреннемъ желаніи тебѣ всего отличнаго
преданнаго дяди В. Добролюбова.

9 декабря 1853 года.

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Получено 26 декабря. Нижній Новгородъ 16 декабря 1853 г. *среда.*

Поздравляемъ тебя, милый, дорогой нашъ Николай Александровичъ, съ великимъ, свѣтлымъ праздникомъ и наступающимъ новымъ годомъ, съ искреннѣйшимъ желаніемъ и теплою постоянною молитвою встрѣтить и провести тебѣ весь этотъ годъ въ хорошемъ здоровьѣ, чистой радости и преуспѣяніи въ наукахъ—*неослабно* [2]).—Посылаемъ тебѣ на разные мелочные расходы мелкихъ денегъ 10 рублей серебромъ.—Мы получили отъ тебя два письма, отъ 19 ноября и 2 декабря, читали также письма твои къ Александру Ивановичу Щепотьеи Лукѣ Ивановичу [3]). Всѣ эти четыре письма очень насъ радуютъ. Александръ Ивановичъ Щепотьевъ съ Анною Ѳедоровною [4]) и Лука Ивановичъ съ Варварою Васильевною свидѣтельствуютъ тебѣ свое почитаніе, съ желаніемъ всѣхъ благъ. Обѣщались сами писать къ тебѣ. «Арзамасскій купецъ Подсосовъ—какой писатель!»—сказалъ г. Щепотьевъ:—«развѣ», повторилъ [5]) онъ, «кто нибудь набралъ ему пословицы и обычаи арзамасскаго края».—2-го сего декабря ѣздилъ я съ іеромонахомъ Тарасіемъ, настоятелемъ Благовѣщенскаго единовѣрческаго скита Керженскаго, въ оный, по порученію Преосвященнѣйшаго, возвратился оттуда въ Нижній (около 70 верстъ), 4-го числа, исполнилъ порученіе, какъ слѣдуетъ, ибо заслужилъ похвалу и благодарность.—Этотъ іеромонахъ Тарасій въ концѣ сего мѣсяца будетъ въ С.П.Бургѣ; обѣщался зайти и къ тебѣ. Трубецкіе и Шестаковъ просили меня засвидѣтельствовать тебѣ отъ нихъ почтеніе и любовь. Почтеннѣйшая старица Авдотья Ивановна также желаетъ тебѣ всего добраго.

Прощай, дружочекъ мой, до свиданья. Мамашенька твоя еще хочетъ что-то писать къ тебѣ, а потому я и оканчиваю, и иду сейчасъ служить литургію.

Отецъ твой, священникъ
Александръ Добролюбовъ.

---

[1]) Высказываются добрые совѣты и надежда, что Николай Александровичъ держитъ себя и въ Петербургѣ скромно.

[2]) „Неослабно“ написано крупнѣе другихъ словъ; это тоже, какъ и широкая разстановка буквъ, соотвѣтствуетъ курсиву.

[3]) Колосовскому.

[4]) Щепотьевой, женой его.

[5]) „Повторялъ“—провинціализмъ, вмѣсто „прибавилъ“ или „продолжалъ“.

И я поздравляю тебя съ великимъ праздникомъ, милый и драгоцѣнный мой сынокъ Николай Александровичъ; желаю и молю Бога, чтобы ты былъ здоровъ, и всѣ праздники провелъ весело и покойно. Мы очень жалѣли, что тебя безпокоили нашей болѣзнью. Это правда, у папаши болѣла нога; но не съ тѣхъ поръ, какъ думаешь. Онъ повернулъ жилу на ногѣ, и она у него опухла, и нѣсколько дней нельзя было обуться; но, слава Богу, прошло благополучно. А моя болѣзнь, ты знаешь, давнишняя. Я не была покойна до тѣхъ поръ, какъ получила отъ тебя письмо и книгу 15-го октября; тутъ я совершенно успокоилась, и болѣзнь моя прошла. Теперь я здорова. Благодарю тебя за твою любовь и внимательность. Твои милыя и пріятныя письма меня всегда утѣшаютъ и много, много радуютъ. Дай Богъ, чтобы ты всегда такъ хорошъ былъ къ намъ.

Сестры твои и братья всѣ здоровы и также поздравляютъ тебя съ праздникомъ. Нянюшка Наталья О. [1]) посмѣялась и очень рада, что ты ее вспомнилъ; а нельзя же не поплакать съ радости, когда читаемъ твое письмо. Она тебѣ кланяется низко. Къ ней пришелъ сынъ Николай, солдатъ, на побывку. Желаю тебѣ такъ же весело встрѣтить новый годъ и провести его здоровымъ и благополучнымъ, и быть всегда веселымъ и спокойнымъ, и успѣвать во всѣхъ наукахъ отлично.

Остаюсь любящая тебя

м. З. Д. [2]).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

21 декабря 1853 г. Получено 29 декабря.

Никогда не ждалъ я съ такимъ нетерпѣніемъ письма отъ Васъ, дорогіе мои Папаша и Мамаша, какъ нынѣ. Самъ не знаю почему, но я даже начинаю тревожиться о Вашемъ здоровьѣ и о Вашихъ обстоятельствахъ. Вотъ уже недѣлю, со дня на день, жду я письма отъ Васъ, и все не могу дождаться. Я уже подумалъ было, не послали ли Вы письма съ В. И. Духовскимъ, о которомъ пишетъ мнѣ Василій Ивановичъ; но онъ же пишетъ, что Духовской уѣхалъ, не дождавшись даже его письма; тѣмъ болѣе онъ не взялъ, вѣроятно, письма Вашего. Правда, я виноватъ, что и самъ не писалъ къ Вамъ долго, но и не писалъ-то я именно потому, что ждалъ Вашего письма и думалъ уже отвѣчать на него. Наконецъ, хоть поздно, я пишу къ Вамъ, все еще надѣясь, однако, получить до праздниковъ отъ Васъ вѣсточку. Мое письмо не поспѣетъ къ Вамъ на первый день праздника, но въ этомъ, кажется, большой бѣды нѣтъ.

Святки вѣроятно приведется мнѣ провести довольно скучно. Знакомыхъ нѣтъ, т. е. такихъ знакомыхъ, у которыхъ бы можно провести время безъ церемоній и опасеній; книги всѣ нужно сдать въ

[1]) „О“—первая буква отчества; Николаю Александровичу припоминалось, что ея отчество—Осиповна; вѣроятно, память не обманула его.

[2]) То есть: „мама З. Д.“.

библіотеку, потому что ихъ всѣ пересматриваютъ къ концу года. Такимъ образомъ, дѣлать будетъ нечего и я еще не знаю, какъ приведется мнѣ устроиться на это время. Впрочемъ, отдыхъ нашъ продолжится только до 2-го января.

У насъ въ Институтѣ затѣвается очень много перемѣнъ и преобразованій. Историко-филологическій факультетъ въ старшемъ курсѣ раздѣляется на два: собственно историческій (къ которому будутъ относиться русская и всеобщая исторія, государственныя учрежденія, т. е. часть науки права, проходимой въ Институтѣ не вполнѣ, и политическая экономія съ статистикой), и филологическій (къ которому должны принадлежать славянская филологія, исторія русскаго языка, словесность, латинскій и греческій языки). Общій предметъ будетъ педагогика. Французскихъ и нѣмецкихъ классовъ въ старшемъ курсѣ уже не бываетъ. Такое раздѣленіе много облегчитъ студентовъ и будетъ способствовать тому, что каждый лучше узнаетъ свой предметъ, имѣя уже въ виду прямую спеціальную цѣль.... Кромѣ того, предполагается раздѣлить студентовъ на 4, а не на два курса. Тогда будетъ каждый годъ пріемъ; студентовъ въ каждомъ курсѣ будетъ гораздо меньше, чѣмъ нынѣ; прибавится число профессоровъ; при пріемѣ будутъ гораздо разборчивѣе, и тогда Институтъ много еще улучшится. Говорятъ, что и министръ на это согласенъ, остается только Высочайшее утвержденіе. Кстати, у насъ Норова называютъ уже министромъ, хотя онъ еще, кажется, и не утвержденъ. Товарищемъ министра, говорятъ, назначенъ Гаевскій, директоръ Департамента народнаго просвѣщенія.

Носятся здѣсь еще темные слухи о какомъ-то не очень благопріятномъ для насъ сраженіи съ турками; но этому пока еще нельзя вѣрить, особенно потому, что слухи слишкомъ далеко простираются, именно, будто Горчакова отзываютъ и на его мѣсто отправляютъ Паскевича. Это уже слишкомъ. Впрочемъ, что нибудь подобное и было, можетъ быть.

Въ послѣднемъ письмѣ Михаила Алексѣевича написано было, что нашъ нижегородскій преосвященный изволилъ отнять у Васъ «Актъ», присланный мною, и распорядился отослать его въ Арзамасскую училищную библіотеку. Это распоряженіе, какъ нельзя болѣе достойное его! Не знаю почему, оно очень дурно на меня подѣйствовало и заставило подумать о томъ, о чемъ я было позабылъ уже: какъ много безпокойствъ причиняетъ Вамъ въ разныхъ случаяхъ произволъ этого человѣка.

Вчера видѣлся я съ отцомъ Макаріемъ. Онъ все распрашивалъ о Васъ, Папаша; но я, къ несчастью, ничего не могъ сказать ему. Онъ опять поручилъ мнѣ свидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе.

Молю Господа, чтобы письмо мое застало Васъ, Папаша и Мамаша, и всѣхъ родныхъ нашихъ въ добромъ здоровьѣ и радости.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Декабря 24 дня 1853 года. Получено 29 декабря.

Поздравляю Васъ, Николай Александровичъ, во-первыхъ съ благополучнымъ окончаніемъ первой трети перваго Вашего учебнаго года въ Институтѣ, а во-вторыхъ съ праздникомъ Рождества Христова. Затѣмъ желаю Вамъ провести и всѣ святки какъ нельзя лучше.

По обѣщанію своему, честь имѣю доложить Вамъ, что мое перемѣщеніе въ семинарію не состоялось и я остался еще и еще инспекторствовать въ Нижегородскомъ училищѣ, потому и недавнее испытаніе я сдавалъ уже какъ настоящій инспекторъ училища, какъ крѣпко уже сѣвшій на этомъ мѣстѣ, а не какъ временно только исправляющій возложенныя на меня должности—какъ я доселѣ воображалъ еще. — — [1]).

Теперь я, кажется, на нѣсколько дней совершенно успокоился отъ дѣлъ; ученики отпущены почти всѣ, а бумаги, какія слѣдовало написать, написаны и сданы въ Семинарское Правленіе. Третьяго дня я уже и началъ свое гулянье, а именно, вечеромъ того дня я просидѣлъ у Васъ до 12 часовъ. Ваши всѣ живы и здоровы. — — [2])

Думаю, что Арзамасскому купцу г. Подсосову кто нибудь доставилъ и продалъ тамошнія пословицы и пѣсни. Вѣдь это бываетъ на бѣломъ свѣтѣ.

Братъ мой Вамъ кланяется и желаетъ всего хорошаго.

Скоро вотъ настанетъ новый годъ, такъ позвольте уже мнѣ заранѣе и за-одно поздравить васъ и съ новымъ годомъ — — [3]).

Ну, за симъ прощайте. Мой гостинецъ Вамъ все еще за мной будетъ.

Инспекторъ М. Костровъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

28 декабря 1853 г.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я нагородилъ Вамъ, мои безцѣнные Папаша и Мамаша, какой-то, кажется, чепухи [4]). Это оттого, что пи-

---

1) Здѣсь Михаилъ Алексѣевичъ разсказываетъ о томъ, какъ шли у него экзамены.

2) Здѣсь разсказываются семинарскія новости.

3) Выпущены новости о посѣщеніи семинаріи архіереемъ и т. п.

4) Эти слова относятся во-первыхъ къ тому, что въ предъидущемъ письмѣ передавался слухъ о неблагопріятномъ для насъ оборотѣ дѣлъ на театрѣ войны, во-вторыхъ къ разсужденіямъ по поводу того, что Іеремія, не спросясь хозяина книги, данной ему на прочтеніе, отослалъ ее въ библіотеку Арзамасскаго духовнаго училища. Николай Александровичъ въ особенности тревожился опасеніями за эти разсужденія и былъ правъ, что находилъ ихъ опасными для отца. Такъ или иначе, Іеремія могъ услышать, что сынъ Александра Ивановича говоритъ о немъ дурно въ своихъ письмахъ къ отцу; а если-бъ Іеремія узналъ это, то разумѣется сталъ бы винить Александра Ивановича во внушеніи сыну непочтительныхъ мыслей о немъ.

салъ я къ Вамъ изъ больницы, хотя почти совершенно здоровый. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ воскресенье, 20-го числа, я ходилъ въ Духовную академію и заходилъ, между прочимъ, на старую квартиру свою. Тамъ напился я кофе, потомъ у отца Макарія засталъ чай. Это смѣшеніе какъ-то нехорошо на меня подѣйствовало; я потомъ было почувствовалъ, что идти мнѣ трудно, взялъ извозчика, но при этомъ подвергся другой крайности: сидя безъ движенія, я перезябъ. Пришедши домой, я почувствовалъ рѣзь въ животѣ и головную боль и долженъ былъ идти въ больницу. Можно было бы, правда, обойтись и безъ этого, но у насъ на этотъ счетъ какъ-то строго. Чуть почувствовалъ себя дурно, ступай въ больницу, иначе директоръ узнаетъ и дастъ нагоняй: что вы не бережетесь, да что вы не хотите предупредить болѣзнь и т. п. Такимъ образомъ 21-е число я пробылъ въ больницѣ, тамъ меня подчивали овсянкой, мятой и прочими снадобьями. Тутъ у меня, не знаю отъ чего-то, распухли десны; я показалъ подлекарю. Ничего, говоритъ, мы его вынемъ. И привяжись ко мнѣ, старый шутъ!—дай ему зубъ выдернуть. На силу отдѣлался отъ него. На другой день я вышелъ изъ больницы. 23-го послѣ первыхъ лекцій насъ отпустили. Къ болѣзни моей нужно еще прибавить потерю перчатокъ [1]). Не правда ли, чрезвычайно странно потерять дорогой перчатки. Но со мной это случилось. Я долженъ уже нынѣ носить перчатки, потому что это принадлежитъ тоже къ формѣ студентской; но при всякомъ удобномъ случаѣ я освобождаю себя отъ этого бремени и кладу перчатки въ карманъ или держу въ рукѣ, на случай если вдругъ прійдется отдать честь кому нибудь. Послѣ этого объясненія Вы уже легко поймете, какъ могъ я въ торопяхъ вытащить изъ кармана перчатки вмѣстѣ съ платкомъ и обронить ихъ на дорогѣ. Еще прежде, когда я не привыкъ къ новой формѣ и не зналъ мѣстоположеніе кармановъ въ мундирѣ, случилось мнѣ обронить такимъ же образомъ шелковый носовой платокъ, а другой такой же у меня вытащили особаго рода искусники въ Москвѣ, въ Успенскомъ, кажется, соборѣ. Вотъ Вамъ кстати маленькій перечень моихъ потерь.—25-е число я провелъ нѣсколько скучно, потому что не имѣлъ извѣстій изъ Нижняго. Но 26-го числа я получилъ съ городской почты записку, въ которой Э. Х. Панова просила меня придти по адресу. Я пошелъ, вхожу въ гостинницу, спрашиваю человѣка: здѣсь остановилась г-жа Панова? и получаю въ отвѣтъ, что она сейчасъ прошла мимо меня. Я поскорѣе сбѣжалъ внизъ, представился, она тотчасъ воротилась, отъискала Вашу посылочку и спросила, что же ей сказать Вамъ отъ меня. Мнѣ не хотѣлось давать ей какихъ нибудь порученій и я просто отвѣтилъ, что самъ буду писать къ Вамъ на дняхъ. Послѣ этого, однако, я просилъ позволенія еще разъ когда нибудь побывать у ней; только не знаю, соберусь ли. Мы поговорили съ ней минутъ пять; она восхищается Володей. Я

[1]) Очевидно, что упоминаніемъ о другой бѣдѣ, потерѣ перчатокъ, Николай Александровичъ хочетъ успокоить отца и мать, которыхъ должно было встревожить то, что онъ провелъ нѣсколько времени въ больницѣ. Онъ хочетъ убѣдить ихъ, что первая бѣда, болѣзнь, была такая же важная, какъ вторая, состоявшая въ потерѣ перчатокъ.

Вамъ какъ нельзя болѣе благодаренъ, Папаша, за Вашу заботливость обо мнѣ: Вы даже прежде прошенія вѣдаете, яко требуется сихъ всѣхъ въ этомъ блестящемъ и холодномъ городѣ. А какой холодъ стоитъ здѣсь съ перваго дня праздника доселѣ! Просто замерзъ бы, если бы издали не согрѣвала меня горячая любовь родимыхъ Папаши и Мамаши. Съ тѣхъ поръ, какъ узналъ я, что Вы здоровы и спокойны, и самъ я сталъ гораздо спокойнѣе. Вчера я подвергался маленькой опасности, но дѣло обошлось благополучно. Именно, я вчера отправился съ утра въ Духовную академію. Побылъ тамъ не много, потомъ пошелъ съ Журавлевымъ къ А. П. Соколову, профессору здѣшней семинаріи. Онъ нанимаетъ недалеко отъ академіи уютненькую и чистенькую квартирку со столомъ и прислугой, и платитъ за все цѣлковыхъ 14. О своемъ перемѣщеніи онъ совсѣмъ повидимому не тужитъ и все собирается выдти въ священники куда-нибудь за-границу. Отъ Ал. П. пошли мы къ Н. И. Глоріантову [1]). Этотъ имѣетъ квартирку казенную, еще меньше, чѣмъ у Ал. П.; у того двѣ комнаты съ половиной, а у этого только полторы, да и то пустыя. Не смотря на то, я у него довольно весело провелъ часа четыре; пилъ чай, поужиналъ на дорогу и пошелъ домой. Но у Ник. Ив. нѣтъ часовъ и потому я запоздалъ у него: когда я пошелъ, былъ уже десятый часъ. Еслибы пройти черезъ Лавру, то я, конечно, успѣлъ бы придти во время: у насъ ворота запираютъ въ 11 часовъ, а отъ академіи до Института считается немного болѣе часа пути. Но я бросился къ монастырскимъ воротамъ: заперто. Долженъ былъ обходить различными проулками, прошелъ нѣсколько, дошелъ до Черной рѣчки, а изъ нея и не знаю какъ выбраться. Поплуталъ, поплуталъ и рѣшилъ, что такъ какъ въ Институтъ къ сроку уже не успѣю явиться (а уже послѣ 11-ти часовъ достучаться нѣтъ никакой возможности; недавно одинъ изъ нашихъ, возвратившись поздно изъ театра, долженъ былъ ночевать въ гостинницѣ), такъ я и рѣшилъ, что поэтому лучше воротиться назадъ. И остался ночевать у Глоріантова. Еслибы узнали объ этомъ въ Институтѣ, было бы дурно, — засадили бы подъ арестъ дня на три. Но я разсчитывалъ, что въ этотъ день будетъ дежурнымъ надзиратель, который меня знаетъ. Въ учебное время бываетъ обыкновенно два дежурныхъ надзирателя — одинъ у старшихъ и одинъ у младшихъ студентовъ, и они такъ и чередуются по два (всѣхъ ихъ 6); а въ святки, когда многіе отпущены, на обѣихъ половинахъ остается одинъ надзиратель. Какъ я разсчитывалъ, такъ и случилось, и я поутру воротился домой никѣмъ не примѣченный. За то утро у Ник. Ив. напомнило мнѣ счастливый домашній кругъ, отъ котораго я такъ рано оторвался. Представьте, я легъ спать съ не совсѣмъ спокойнымъ духомъ, но не смотря на то, я проспалъ очень спокойно до 8 часовъ. Просыпаюсь, и слышу: въ смежной комнатѣ шипитъ самоваръ, стучатъ чашками, мимо моей постели пробирается солдатъ [2]) съ булками, чухонскимъ масломъ и

---

[1]) Н. И. Глоріантовъ былъ баккалавръ (адъюктъ-профессоръ) петербургской духовной академіи. Онъ и А. П. Соколовъ, вѣроятно, воспитывались въ нижегородской семинаріи. Оба они были еще молодые люди.

[2]) Отставной солдатъ, академическій сторожъ, прислуживавшій Н. И. Глоріантову.

сливками. И вспомнилъ я, какъ мы съ Вами, милая Мамаша, пили, бывало, чай въ свѣтлые праздники, пришедши отъ обѣдни, въ то время какъ Папаша трудился для насъ. Вспомнилъ я и бѣлую, чистую скатерть, и свѣтлый, шумящій самоваръ на столѣ, и чашки кругомъ самовара и всѣхъ насъ кругомъ чашекъ, занятыхъ милыми домашними мелочами, проказами Вани, шалостями Володи, обученіемъ Юленьки, которая теперь, вѣрно, очень прилежно учится, или неисправленіемъ Ниночки, которая теперь, вѣрно, уже въ этомъ не нуждается. Вотъ, можетъ быть, черезъ полгода еще пріѣду и я посмотрѣть на всѣхъ ихъ, если правда то, что говорятъ здѣсь о пароходномъ сообщеніи отъ Твери до Нижняго. Тогда за 10 цѣлковыхъ можно будетъ доставить себѣ удовольствіе путешествія и свиданія съ родными. Нельзя ли узнать, правда ли это и дѣйствительно ли постоянное пароходство откроется съ будущаго года? Мы уже строимъ у бездѣлья множество плановъ съ тверяками, ярославцами и костромичами.

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, желаю Вамъ хорошаго новаго и уничтоженія худаго стараго, если оно у Васъ было или есть теперь, чего впрочемъ не дай Господи! Вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляю со днемъ рожденія Анночку и Ниночку, желаю имъ жить дружно и весело.

Во второмъ часу нынѣ я ходилъ по заламъ Императорской библіотеки; этотъ осмотръ бываетъ каждый вторникъ, но мнѣ первый разъ удалось быть тамъ въ этотъ день и часъ, назначенный для осмотра. Видѣлъ я тамъ множество старыхъ книгъ и рукописей, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, на пергаментѣ, пальмовыхъ листахъ и папирусѣ, видѣлъ превосходные эстампы, рѣдкіе переплеты, автографы и подписи многихъ великихъ людей, ученыхъ, литераторовъ и даже царственныхъ особъ. Между прочими выставлены тутъ и два опыта каллиграфіи нынѣ царствующаго Императора: одно письмо къ его нянюшкѣ по линейкамъ крупно, всего шесть строкъ, 1803 г., и другой опытъ—пропись, писанная въ 1808 г. Это уже писано гораздо лучше. Тутъ же и нѣсколько его подписей 1850, 1852 г. Если въ понедѣльникъ не будетъ у насъ лекцій, пойду осматривать Румянцевскій музеумъ. На дняхъ какъ-то хотѣлъ я посмотрѣть «Ревизора» на Александринскомъ театрѣ; согласились шестеро взять ложу, пошли наканунѣ за билетомъ: нѣтъ билетовъ. Мѣсто за креслами — тоже нѣтъ. Мѣсто въ галлереѣ 70 коп. сер. тоже не успѣли захватить. Просто драка у кассы изъ-за билетовъ. Оставались мѣста въ 25 к. сер., но туда студенты не могутъ и не смѣютъ ходить,—неприлично.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МАТЕРИ.

(*Отъ 29 декабря 1853 г.*).

1853 г. 28. Получено 1 января 1854 г.

Еще разъ поздравляю тебя съ новымъ годомъ и проходящимъ праздникомъ, милый и дорогой нашъ Николай Александровичъ! Всего больше

желаю, чтобы письмо мое нашло тебя совершенно здоровымъ. Мы всѣ здоровы и встрѣтили праздникъ благополучно; только одно меня очень огорчаетъ и вмѣстѣ ужасаетъ [1]): здоровъ ли ты, мой милый? Я была у обѣдни въ первый день [2]) и когда на молебнѣ запѣли «Царю небесный», я не могла удержать слезъ, вздумавши, что тебя нѣтъ съ нами;—не только тебя, даже и письма твоего нѣтъ, которое бы такъ успокоило и утѣшило насъ въ столь великій праздникъ. Можетъ быть, тебѣ некогда; хотя бы нѣсколько словъ написалъ, что живъ и здоровъ, какъ говорилъ у насъ бывши [3]), я бы и тѣмъ была очень довольна. А не получать цѣлый мѣсяцъ писемъ отъ милаго сына, это очень огорчаетъ. Мы послали къ тебѣ 2 письма, 1-е 5-го, а 2-е 15-го [4]) съ генеральшей Пановой; мы его приготовили на почту и папаша его носилъ, но въ тотъ день не принимали съ деньгами; а Панова была у насъ и говорила, что ѣдетъ завтра для свиданія съ дѣтьми въ Петербургъ; мы ее просили передать тебѣ посылку маленькую, и она была очень рада, чтобы ты познакомился съ ея дѣтьми, которыя тамъ учатся. Она очень милая и добрая дама. Передъ праздникомъ былъ экзаменъ въ семинаріи, былъ Преосвященный и присутствующіе [5]), а послѣ были у ректора. Преосвященный спрашивалъ о тебѣ, пишешь ли ты къ намъ, и что вѣрно у васъ тоже экзамены, но только не такіе, какъ здѣсь, прибавилъ онъ,—вѣрно потруднѣе. А на другой день праздника папаша обѣдалъ у Преосвященнаго. Да, у насъ, слава Богу, все хорошо; только одно насъ безпокоитъ, что такъ давно ты къ намъ не пишешь, и что здоровъ ли ты. Неужели тебя такъ приковали золотыя цѣпи [6]), что нѣтъ времени написать нѣсколько строкъ намъ. Не только я одна безпокоюсь, но и папаша частенько говоритъ, что отъ тебя нѣтъ писемъ [7]). Все ждали къ празднику, но и тутъ нѣтъ какъ нѣтъ. Разъ онъ шелъ мимо семинаріи и, увидѣвши у служителя въ рукахъ письмо съ твоимъ почеркомъ [8]), такъ обрадовался, что, забывши, что оно не къ намъ, принесъ домой; но, закусивши, поѣхалъ самъ къ Лаврскому, впрочемъ [9]), затѣмъ, чтобы прочитать его тамъ [10]), а В. В. [11]) такъ былъ добръ ко мнѣ, что на другой день приносилъ его ко мнѣ прочитать [12]). Василія Өедоровича, профессора, посвятили

---

[1]) Тревожитъ, пугаетъ.

[2]) То есть: въ первый день праздника.

[3]) То есть, какъ передъ отъѣздомъ обѣщался писать хоть по нѣскольку словъ, если не будетъ времени писать длинныя письма.

[4]) Подразумѣвается: „декабря“.

[5]) „Присутствующіе: было обыкновенное выраженіе вмѣсто „присутствующіе въ консисторіи“, то есть члены консисторіи. Александръ Ивановичъ былъ тоже тутъ, какъ членъ консисторіи.

[6]) То есть: драгоцѣнныя, милыя для тебя цѣпи науки.

[7]) То есть: часто говоритъ о томъ, что отъ тебя нѣтъ писемъ, такъ что видно: тревожится и онъ.

[8]) То есть съ твоимъ почеркомъ на адресѣ.

[9]) „Но впрочемъ“—народный плеоназмъ, вмѣсто простаго „но“.

[10]) То есть, въ увѣренности, что Лаврскій, распечатавъ и просмотрѣвъ письмо, дастъ прочесть ему.

[11]) Валеріанъ Викторовичъ (Лаврскій).

[12]) Это, безъ сомнѣнія, было письмо къ Лаврскому отъ 10 декабря. (Письма

въ 1-й день праздника въ семинарскаго священника. Я, что узнаю, все тебѣ пишу. Не знаю, не безпокою ли [1]) этимъ я тебя. Папашѣ нынче писать совершенно некогда; у нихъ [2]) труды съ заутрени и до ночи. Онъ тебѣ посылаетъ свое благословеніе и желаетъ, чтобы ты былъ здоровъ и совершенно спокоенъ и счастливъ. А я тебѣ желаю во-первыхъ здоровья, и всего, всего, что есть на свѣтѣ хорошаго; желаю также тебѣ на святкахъ повеселиться. Цѣлую тебя заочно безъ счету разъ и остаюсь никогда не забывающая тебя мама твоя

Зинаида Добролюбова.

ПИСЬМО КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

(Второй листъ) [3]).

.... пяти [4]) по всѣмъ предметамъ ни у кого нѣтъ; но все таки отъ 4,70 (это самый высшій баллъ, полученный на нашемъ факультетѣ) до 4,25,—разстояніе въ $^{45}/_{100}$, т. е. пол-балла въ общемъ выводѣ... Но дѣлать нечего... Досадно только одно, что два дурака получили по 4,29, и такимъ образомъ изъ-за $^{4}/_{100}$ считаются лучше... Но во всякомъ случаѣ—я не ниже того, какъ былъ принятъ, а при нѣкоторомъ прогрессѣ и при успѣхѣ на экзаменѣ могу быть и выше... Это, впрочемъ, мало занимаетъ меня, и если я пишу Вамъ, такъ это просто по желанію передать Вамъ подробнѣе и опредѣленнѣе свѣдѣнія о моемъ пребываніи въ Институтѣ.—Нынче отвѣчалъ я Михайлову изъ законовѣдѣнія и получилъ за отвѣтъ: «очень хорошо»...Отвѣчалъ еще новоопредѣленному греку Гумалику; тоже—«хорошо».

Кстати, — Гумалику поручено въ возможно скорѣйшемъ времени составить греческо-русскіе разговоры для русскихъ войскъ, и недѣли черезъ три явятся въ печати эти разговоры съ присовокупленіемъ, кажется, таковыхъ же на валахскомъ и болгарскомъ языкахъ. Гумаликъ сказывалъ намъ еще, что Даль—«его знакомецъ» (?)—представилъ собраніе пословицъ, до 16.000.... Попались онѣ для просмотра одному духовному академику, и тотъ, нашедши много насмѣшливыхъ пословицъ о попахъ и т. п., объявилъ, что печатать пословицы нельзя, потому что въ нихъ много противнаго религіи, что «здѣсь кадка меду, да ложка дегтю»... Вѣдь пословицей же и подтвердилъ, бестія!...

Наши, я думаю, всѣ здоровы... Папашѣ и мамашѣ скажите, что

Николая Александровича къ В. В. Лаврскому помѣщены послѣ письма Николая Александровича къ отцу и матери отъ 1 марта 1854 г.).

1) „Не безпокою ли"—провинціализмъ, вмѣсто „не утруждаю ли".

2) То есть, у причта Никольской церкви.

3) Первый листъ затерялся. По содержанію видно, что письмо относится къ концу декабря 1853 г.

4) Это окончаніе фразы, начинавшейся на первомъ листѣ, должно быть понимаемо такъ: „полныхъ пяти балловъ въ общемъ выводѣ ни у кого изъ студентовъ нашего отдѣленія нѣтъ" (по отмѣткамъ, полученнымъ на тѣхъ полугодичныхъ экзаменахъ).

я тоже здоровъ и веселъ. Писать къ нимъ буду уже по полученіи письма отъ нихъ; вѣроятно, на слѣдующей недѣлѣ. Потомъ, если Устряловъ еще вздумаетъ сдѣлать репетицію, то удѣльный періодъ рѣшительно свяжетъ мнѣ руки. Хоть и говоритъ Устряловъ, что теперь не трудно изучить этотъ періодъ по его исторіи, но это легче сказать, и то для него... Передайте, пожалуйста, мое почтеніе Ивану Алексѣевичу [1]). Также поклонитесь отъ меня при случаѣ отцу Антонію, которому я очень благодаренъ за поклонъ, полученный мною недавно отъ Журавлева. Леониду Ивановичу и Григ. Алек. засвидѣтельствуйте мое почтеніе.

Н. Добролюбовъ.

Вмѣстѣ съ листкомъ, на которомъ находится это окончаніе письма къ Михаилу Алексѣевичу, лежалъ листокъ, вѣроятно, составлявшій приложеніе къ письму, посланному около того же времени Николаемъ Александровичемъ отцу и матери; на этомъ листкѣ переписано патріотическое стихотвореніе:

Насъ призвалъ Царь съ бреговъ Дуная,
Чтобъ кровью послужить Христу и т. д.

Подъ стихотвореніемъ подпись: „Монахъ Кавелинъ".

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

С.-П.-Бургъ, 6 янв. 1854 г. Получено 12 янв.

1854 годъ начался для меня веселѣе, чѣмъ я ожидалъ. Въ первый разъ начертилъ я это число надъ строками Вашего письма, милая Мамаша,—письма, которое было получено мною какъ разъ въ самое утро новаго года. Я отмѣтилъ, какъ всегда, на верху письма время, когда оно получено, и при этомъ вспомнилъ, что у насъ уже 1854-й, который суждено мнѣ начать вдали отъ родныхъ и близкихъ, въ который ждутъ меня новые труды и испытанія, невѣдомыя радости и, можетъ быть, непредвидимыя горести. Противъ воли какъ-то задумаешься, когда прервется эта нить, которая шла такъ ровно до самого конца, день за днемъ, когда уничтожится грань, отдѣляющая одинъ годъ отъ другаго, до самаго послѣдняго часа 31-го декабря. Мысленно послалъ я Вамъ тысячу искреннихъ желаній всего добраго и, между прочимъ, порадовался тому, что къ новому году, вѣроятно, Вы получили уже мое письмо къ Вамъ отъ 21-го декабря. Если же нѣтъ, постарайтесь, пожалуйста, отъискать его на почтѣ: нехорошо, если оно попадется въ руки посторонняго человѣка. Съ больной головой и въ дурномъ расположеніи духа я навралъ Вамъ какихъ-то глупыхъ политическихъ слуховъ и, главное, что-то сказалъ о человѣкѣ [2]), произволъ котораго много значитъ для Васъ. Я бы не сталъ сомнѣваться въ полученіи Вами моего письма, но меня навело на эти мысли Ваше увѣдомленіе, Мамаша, что Вы посылали ко мнѣ письма отъ 5-го и 16-го декабря. Но я получилъ

---

[1]) Брату Михаила Алексѣевича.

[2]) Объ Іереміи.

только послѣднее, а передъ этимъ было отъ Васъ письмо ко мнѣ отъ 28 ноября: значитъ, Нижегородская почтовая контора несовсѣмъ исправна. Святки кончились; завтра начнутся опять лекціи. У насъ собственно должны бы онѣ начаться еще 2-го числа; но профессора не пришли, и директоръ уволилъ опять всѣхъ собравшихся студентовъ до 7-го. Изъ развлеченій, которыя особенно можно было позволить себѣ въ неучебное время, скажу только о посѣщеніи мною Эрмитажа и Румянцевскаго музеума. Въ Эрмитажѣ пробылъ я часа четыре, но все не наглядѣлся достаточно, и при первой возможности опять постараюсь сходить туда. Самое убранство этихъ залъ удивляетъ непривычные глаза: мраморная лѣстница, золоченая мебель. малахитовые и порфировые столы, все это показываетъ царское жилище. Но собственно богатство Эрмитажа составляютъ произведенія искусствъ, живописи и ваянія. Тутъ и Послѣдній день Помпеи нашего покойника Брюллова, и мадонны Рафаэля, и головки Рембрандта и Грёза, и пейзажи Верне, и портреты Рубенса и Тиціана, тутъ и Ванъ-Дикъ, и Доминикино, и Перуджино, и Караччи, и прочіе и прочіе знаменитые представители итальянской, фламандской, французской и русской школъ. Это дивныя произведенія, о которыхъ никакого понятія не даетъ ни печатный эстампъ, ни мертвая ученическая копія, какихъ нѣсколько случалось намъ видать въ прежнее время. Нѣсколько залъ въ Эрмитажѣ занято древними и новыми медалями, деньгами всѣхъ вѣковъ и народовъ, медальонами съ оттисками различныхъ фигуръ изъ миѳологіи и исторіи, большею частью древней. Внизу находится собраніе статуй; тутъ уже мы останавливались недолго: было довольно поздно и потому темно. Едва успѣли мы посмотрѣть на нѣкоторыя замѣчательнѣйшія произведенія. Въ Румянцевскомъ музеумѣ особенно интересенъ минералогическій кабинетъ и множество предметовъ изъ животнаго царства: раковины, нѣсколько чучелъ, зубы и ребро мамонта, также древніе шлемы, кольчуги и пр., нѣсколько простыхъ произведеній, корзинъ, поясовъ, игрушекъ и т. п. съ Алеутскихъ, Сандвичевыхъ острововъ и др.; собраніе денегъ и медалей, довольно богатое, уже не интересовало меня послѣ того, что я видѣлъ въ Эрмитажѣ.

Это новости для меня, для Васъ вообще новости въ моей жизни. Новости петербургскія нечего и разсказывать. Петербургъ движется и кружится безпрерывно; каждый день онъ въ новыхъ положеніяхъ, каждый день стремится поймать на лету какую нибудь новость, повертѣть ее въ рукахъ и на языкѣ, опошлить, превратить въ давно всѣмъ извѣстную истину и бросить безъ сожалѣнія, чтобы повторить подобный процессъ съ другой, третьей и четвертой новостью. Давно ли, напр., было синопское сраженіе, а нынѣ у насъ уже шумно толкуютъ, что подъ этимъ названіемъ поставлена драма на здѣшнемъ театрѣ. Завтра уже это не будетъ новостью и что-нибудь другое займетъ здѣшнихъ жителей. Недавно статейка преосвященнаго Филарета въ «Христіанскомъ Чтеніи», въ первой книжкѣ на нынѣшній годъ, возбудила опять толки о стологаниданіи; но выходитъ, что почтенный пастырь напрасно безпокоится: надъ этимъ гаданіемъ только шутятъ, и никто не думаетъ, чтобы черти въ самомъ дѣлѣ говори-

ли посредствомъ столовъ. Но это въ сторону. Давно собирался я спросить Васъ, Папаша, когда уволенъ и уволенъ ли я изъ духовнаго званія, и не говорилъ ли чего по этому случаю нашъ преосвященный? Кстати: я очень радъ, что мое поступленіе въ Институтъ не вызвало никакихъ непріятностей для Васъ съ этой стороны. Особенно поэтому-то радуетъ меня всякое извѣстіе о хорошихъ отношеніяхъ къ Вамъ преосвященнаго.

Недавно получилъ я письмо отъ Михаила Алексѣевича съ подробнымъ описаніемъ училищнаго и симинарскаго экзамена. Я очень виноватъ передъ нимъ; вотъ уже на два письма я не отвѣчалъ ему. И многое множество такихъ долговъ набралось у меня: но все какъ-то не хочется приняться, да правду сказать и расходъ лишній; хоть въ недѣлю по одному лишнему письму,— наборчиво [1]). При томъ я все еще сочиненія [2]) своего не кончилъ, а послѣдній срокъ ему 15 января. Г. Шерпеневичъ славно надулъ меня своимъ переводомъ. Я взялся за повѣрку его, думая, что тутъ дѣла будетъ не такъ много, а принялся и увидѣлъ, что пришлось дѣлать замѣчанія рѣшительно на каждый стихъ. Да я, впрочемъ, и радъ: безъ этого дѣла — просто тоска была бы въ праздники; знакомые у меня, какъ Вамъ извѣстно, находятся только въ Духовной академіи; но до нея изъ Института 5 верстъ. Профессоръ Касторскій слишкомъ серьезенъ, чтобы къ нему ходить для развлеченія, и слишкомъ занятъ всегда, чтобы поучиться отъ него въ его бесѣдѣ. Такъ же, какъ и въ Институтѣ, долженъ сидѣть у него и читать что-нибудь. Потомъ пообѣдаешь, онъ ложится отдохнуть, или занимается, или идетъ въ гости. Впрочемъ, съ завтрашняго дня всѣ мы будемъ сидѣть дома и мнѣ не скучно будетъ, развѣ только по воскресеньямъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

С.-Петербургъ, 9 янв. 1854. Получено 18 января.

11-го числа madame Панова ѣдетъ изъ Петербурга, и я не могу пропустить случая писать къ Вамъ, мои безцѣнные Папаша и Мамаша. Недавно писалъ я къ Вамъ и нечего прибавить къ тому, что Вы уже знаете изъ предъидущаго письма моего. Начались у насъ лекціи, началась дѣятельность; опять все пошло своимъ чередомъ. Опять 10 разъ въ день аккуратно пронзительный звонокъ докладываетъ намъ о разныхъ потребностяхъ умственной и физической жизни; опять мы встаемъ по утру и читаемъ, сидимъ на лекціяхъ и пишемъ, ходимъ послѣ обѣда по камерѣ и читаемъ, сидимъ послѣ ужина на своихъ мѣстахъ и пишемъ, идемъ въ $10^1/_2$ спать и на койкахъ расправляемъ усталые члены. Славная жизнь; только, говорятъ, угро-

---

[1]) Провинціализмъ, вмѣсто убыточно, накладно или составляетъ разсчетъ.

[2]) Это сочиненіе было—сличеніе первой пѣсни „Энеиды“ въ переводѣ г. Шершеневича съ подлинникомъ.

жаетъ скорымъ геморроемъ. Я, впрочемъ, не слишкомъ предаюсь обманчивой прелести занятій учебныхъ и ученыхъ... Вполнѣ сознавая свои нравственныя силы, готовый помѣряться въ этомъ отношеніи съ любымъ изъ товарищей, я однако же очень хорошо понимаю, что не могу гнаться за многими изъ нихъ въ отношеніи терпѣливой усидчивости, которая для нихъ ничего не стоитъ, а для меня можетъ быть гибельна. Да и для чего хлопотать такъ много? Доселѣ мои скромныя надежды осуществляются съ избыткомъ, и мнѣ остается только идти прежнимъ путемъ, не выбиваясь изъ силъ, ровно и твердо.

Не знаю, правду ли говорятъ, но говорятъ, что нашего директора переводятъ отъ насъ или въ попечители Московскаго округа или же, какъ недавно пошелъ слухъ, въ сенаторы. На его мѣсто назначенъ будетъ статскій совѣтникъ Шевыревъ, московскій профессоръ, а по другимъ г. Рейцъ, инспекторъ Школы правовѣдѣнія. Что бы ни было, но во всякомъ случаѣ жаль будетъ лишиться такого просвѣщеннаго, неутомимо дѣятельнаго, заботливаго и благороднаго начальника. Нѣтъ предѣловъ его внимательности, нельзя выразить всей его заботливости даже о будущей судьбѣ питомцевъ Института. Онъ бываетъ у насъ почти на каждой лекціи, замѣчаетъ всякую мелочь, каждый день спрашиваетъ у наставниковъ объ успѣхахъ того или другаго студента, обращаетъ вниманіе даже на то, кто какъ пройдетъ и поклонится. Недавно старался онъ доставить студентамъ возможность и право поступать безъ экзамена въ преподаватели военно-учебныхъ заведеній. Нужно замѣтить, что прежде можно было поступать туда преподавателемъ только выдержавши предварительно особый и очень строгій экзаменъ. Теперь, говорятъ, утверждено это преимущество, по ходатайству директора, за студентами Института.

Еще у насъ опредѣляется адъюнктъ по греческому языку, грекъ, который, кажется, будетъ преподавать намъ и ново-греческій языкъ.

Кромѣ того, опредѣленъ у насъ новый надзиратель комнатный, нѣкто г. Шпилевскій. Онъ полякъ, учился въ здѣшней Духовной академіи, кончилъ кандидатомъ, былъ гдѣ-то уѣзднымъ учителемъ и теперь вышелъ въ свѣтское званіе и опредѣлился къ намъ. Онъ извѣстенъ немножко и въ литературѣ. Довольно его статей можно найти въ «Современникѣ» и «Москвитянинѣ» 1850—1853 годовъ.

Вечеръ 6 января провелъ я у Э. Х. Пановой. Вы правду писали, что это прекрасная и добрая дама. Эта свѣтская обходительность, соединенная съ радушнымъ участіемъ и большою снисходительностью къ моей робости,—очаровали меня. Я былъ совершенно какъ у родныхъ и такъ забылся, что просидѣлъ гораздо долѣе, нежели слѣдовало. А въ это время была больна дочь Э. Х. А какія миленькія дѣти у нихъ! Особенно младшій сынъ—такой бойкій и острый мальчикъ. Старшій какъ-то солиднѣе и спокойнѣе. Оба они, кажется, отлично пойдутъ и въ корпусѣ, и на службѣ. Завтра я опять пойду къ нимъ, конечно, не надолго и проведу еще нѣсколько пріятныхъ минутъ. Удивляюсь, что я ихъ совсѣмъ почти не зналъ въ Нижнемъ, кромѣ какъ только по Вашимъ прекраснымъ отзывамъ, Папаша.

Радуюсь, что Вы всѣ здоровы, мои родные, мои милые, и желаю Вамъ всего добраго надолго, надолго.

Поздравьте отъ меня Ивана Алексѣевича [1]) съ прошедшимъ днемъ его ангела: это будетъ немножко поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Н. Добролюбовъ.

PS. Вчера Анночкѣ и Ниночкѣ минуло, кажется, 13 лѣтъ? Поздравляю ихъ съ этимъ еще разъ [2]). Думаю, что онѣ стали теперь такія умныя, прилежныя, хорошія и, вѣрно, прекрасно пишутъ. Не хотите ли, мои милыя, показать мнѣ свое искусство, какъ Катенька показала, за что я ей очень благодаренъ. Ну, она немного написала, а вы, какъ побольше, такъ и напишите побольше. Вотъ что Вы сдѣлайте: у васъ няня большая мастерица сказки сказывать и пѣсни пѣть. Такъ вы заставьте ее разсказывать вамъ что-нибудь новенькое и хорошенькое, да и запишите. Потомъ и перешлите мнѣ сюда. Мы, душеньки, до того заучились, что рады всякой сказочкѣ или пѣсенкѣ, только бы было что нибудь такое, чего въ нашихъ книгахъ нѣтъ.

Можетъ быть, долго не буду писать еще, такъ кстати поздравляю и Юленьку со днемъ рожденія. Охъ, я думаю,—какая вострушка-то. Вотъ бы ее къ намъ въ Институтъ или въ Кадетскій корпусъ.

Позабылъ я еще сказать Вамъ о томъ, о чемъ непростительно забыть. Другой день у насъ стоитъ такая благодатная погода, что какъ будто чувствуешь дыханіе весны. И какъ же обрадовался Петербургъ этой погодѣ! На Невскомъ чуть не давка; извозчики, не смотря на таксу, зазываютъ сѣдоковъ, называя ихъ и графчиками, и сіятельствомъ—и не могутъ зазвать. Все идетъ пѣшкомъ, впиваетъ въ себя этотъ чудный, свѣжій воздухъ, наслаждается благодатной теплынью. Нынѣ у насъ послѣдній концертъ, но я хочу оставить его, чтобы прогуляться въ утренніе часы, т. е. во 2-мъ, 3-мъ, когда гуляетъ аристократическій Петербургъ, и потомъ зайти къ Э. Х. Пановой отдать это письмо. Вечеромъ они собираются въ театръ.

Синопское сраженіе дано 6 янв. подъ названіемъ: «Морской праздникъ въ Севастополѣ», повторяется каждый день и привлекаетъ тысячи зрителей.

Еще разъ желаю Вамъ здоровья, счастья, всего, всего, всего.

Вашъ сынъ

Н. Д.

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

11 янв. 1854 г.

Вотъ прошли и великіе праздники, а съ ними и труды церковные и приходскіе—труды не малые, но тутъ же начались и продолжаются труды новые, разнообразные,—и по церкви и, по службѣ [3]), и разнымъ порученіямъ. Впрочемъ, церковные документы всѣ сданы уже благо-

---

[1]) Кострова, младшаго брата Михаила Алексѣевича.

[2]) Эти двѣ дочери Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны родились вмѣстѣ.

[3]) „По службѣ“—по службѣ въ консисторіи.

чинному и дѣла консисторскія тоже всѣ, по моей экспедиціи [1]), покончены на-чисто. Благодареніе Богу, труды еще не превышають силъ. Есть время и для отдыха и веселья.—Какъ-то ты поживаешь, милый сынъ нашъ Николай Александровичъ?.. Много, много можно бы писать тебѣ по предмету сему отъ нашей опытности и родительскаго благожеланія; но мы твердо надѣемся, что милосердый Господь хранитъ и сохранитъ тебя во всѣхъ путяхъ жизни твоея и умудритъ во благое. У насъ все благополучно. Генеральша Пещурова съ Софьей Алексѣевной [2]) пріѣхала къ князю Трубецкому на житье 8 сего января. Г. Шестаковъ также поживаетъ у насъ.—На мѣсто С. А. Гребенщикова, совершенно упавшаго въ торговлѣ по своему роскошному житью, живетъ теперь внизу церковнаго дома и имѣетъ магазинъ Вас. Флег. Цѣлованьевъ, за 230 руб. въ годъ.

Пароходъ отъ Твери до Нижняго съ будущей весны непремѣнно будетъ ходить, и, какъ говорятъ, скорымъ маршемъ. Милости просимъ,—очень рады.

Засвидѣтельствуй отъ меня искреннѣйшее высокопочитаніе Его Высокопреподобію о. Макарію.—Вѣроятно, ты былъ и еще у г-жи Пановой. Она добрая и умная нѣмочка. Прощай, милѣйшій нашъ; блюди и храни себя во всемъ, и да пребудетъ на тебѣ Божіе благословеніе и наше родительское отнынѣ и до вѣка.

Искренно любящій тебя отецъ твой
свящ. Александръ Добролюбовъ.

Получено 15 января [3]). 11 янв. 1854 г.

Милый и дорогой нашъ, Николай Александровичъ! Письма твои мы получили 1-е 29 дек., а 2-е 3 янв. Очень были обрадованы, что ты здоровъ. Прошу тебя какъ можно больше беречь свое здоровье и быть во всемъ осторожнымъ. Мы не получали отъ тебя почти цѣлый мѣсяцъ писемъ и очень безпокоились; а особенно праздникъ мнѣ было грустно; я такъ и думала, что больше нѣтъ причины не писать тебѣ, какъ твоя болѣзнь. Мы послали къ тебѣ письмо большое 13 декабря, въ которомъ даже и Катя тебя благодарила за твою память о ней [4]); еще я къ тебѣ послала письмо на 3 день праздника; и въ этихъ письмахъ, между прочимъ, писали, какъ папаша 23 ноября служилъ

---

1) „По моей экспедиціи"—по тому отдѣленію консисторіи, которымъ завѣдывалъ Александръ Ивановичъ.

2) Елизавета Никитична Пещурова, тетка княгини Марьи Алексѣевны Трубецкой; Софья Алексѣевна Пальчикова, сестра княгини.

3) Письмо Александра Ивановича занимаетъ двѣ страницы листа; съ третьей начинается письмо Зинаиды Васильевны; оно занимаетъ всю третью страницу, и послѣдняя строка его полная, такъ что если взглянуть лишь мелькомъ, не читая, то должно подумать, что письмо продолжается на слѣдующей страницѣ (между тѣмъ какъ она бѣлая). Когда Николай Александровичъ хотѣлъ отмѣтить время полученія письма, листъ лежалъ, какъ видно, сложенный такимъ образомъ, что второй полулистъ былъ сверху; Николай Александровичъ принялъ третью страницу за первую и сдѣлалъ отмѣтку на ней.—„Янв." поправлено карандашемъ по ошибочно написанному чернилами „дек."; карандашъ блѣденъ, но прочесть „янв." легко, если всмотрѣться.

4) Это письмо не сохранилось.

въ дворянскомъ Институтѣ съ преосвященнымъ, который говорилъ, что сынъ его [1]), можетъ быть будетъ здѣсь директоромъ, и какъ по порученію его же папаша ѣздилъ въ Керженскій скитъ, исполнилъ [2]) славно и съ похвалою, и прочее. Но они вѣрно къ тебѣ не доходили. А я, признаюсь, иногда сильно огорчалась, что ты мои письма оставляешь безъ вниманія и отвѣта. Папаша пишетъ, чтó нужно, а я все, чтó знаю. И нынѣ мы ожидали отвѣта на мое письмо отъ 27 дек., цѣлую недѣлю [3]); но его нѣтъ, какъ нѣтъ.—Да, у насъ 8 янв. въ ночь сгорѣлъ театръ.—Ниночка и Анночка благодарятъ тебя за твое вниманіе и память. Желаю тебѣ здоровья и успѣховъ.

Остаюсь любящая тебя мама

З. Д.

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Суббота, 16 января 1854 г. Получено 23 янв.

Письмо твое, милый, дорогой сынъ нашъ Николай Александровичъ, отъ 6-го января имѣли счастіе мы получить 12-го числа. Оно очень, очень насъ обрадовало, тѣмъ болѣе, что не многимъ въ твоихъ лѣтахъ, званіи и состояніи удается, не говоря уже о провинціалахъ, видѣть все прекрасное и изящное, видѣть и обнимать это съ развитіемъ ума и сердца для дальнѣйшаго, высшаго образованія и назиданія.

Привѣтствуемъ тебя со днемъ твоего рожденія и желаемъ тебѣ... «А какъ желаемъ?» — мамаша, сидя подлѣ меня, спрашиваетъ.— «Желаемъ», отвѣчаю, «какъ родители, нѣжно любящіе добраго и умнаго сына»,—всѣхъ благъ отъ Милосердаго Господа, при нашемъ благословеніи на все хорошее и нравственно-счастливое, каковое благословеніе и посылаемъ тебѣ, прилагая и десять рублей серебромъ, хотя и полагаемъ, что въ деньгахъ ты не нуждаешься.—Если онѣ тебѣ не нужны, отдай ихъ для сбереженія, кому слѣдуетъ. Впрочемъ, увѣдомь, дружочекъ, откровенно: не нуждаешься ли, или не нуждался ли въ оныхъ?.. Не случилось ли чего съ тобою непріятнаго непредвидѣннаго? Къ чему скрывать? Вѣдь мы тебя любимъ, и ты всегда достоинъ былъ нашей любви. А грѣхъ да бѣда на кого не бываетъ. Пиши во всемъ откровенно, ничего не скрывай отъ насъ. Потеря шелковыхъ платочковъ, перчатокъ, «вотъ перечень потерь моихъ», пишешь ты. Это еще ничего не значитъ. Нѣтъ ли чего поважнѣе? И въ Нижнемъ есть тонкіе воры и плуты, а въ утонченныхъ городахъ, хотя и просвѣщеннѣйшихъ, едва ли ихъ не больше. Надобно держать ухо востро́. Напиши, пожалуйста, обо всемъ откровенно, и успокой насъ.

---

[1]) „Сынъ его“, то есть, сынъ лица, съ которымъ бесѣдуетъ говорящій, сынъ Александра Ивановича.

[2]) Исполнилъ порученіе.

[3]) Цѣлую недѣлю послѣ того срока, въ какой могъ бы прійти отвѣтъ на письмо отъ 27 дек.

Объ увольненіи твоемъ изъ духовнаго званія, для поступленія въ министерство *свѣтлаго* [1]) просвѣщенія, куда уже и опредѣленъ, поступило отношеніе къ Его Преосвященству отъ Его Сіятельства г. оберъ-прокурора Св. Пр. Синода графа Н. А. Протасова еще отъ 13-го ноября, съ приказаніемъ уволить воспитанника Нижегородской семинаріи Николая Добролюбова и выслать объ немъ надлежащее свидѣтельство, и по резолюціи Его Преосвященства: «Исполнить по сему немедленно», въ скоромъ времени и исполнено въ точности. Удивительно, какъ ты, милый нашъ, этого еще не знаешь.

Мы писали къ тебѣ также отъ 11-го сего января, гдѣ приглашаемъ тебя на вакацію, если угодно. Не знаемъ, получилъ ли ты это письмо. У насъ, благодареніе Богу, все благополучно, только цѣны на все возвышаются, особенно на сахаръ—почти вдвое.

Володенька славный становится малютка, учится уже, басенки читаетъ наизустъ, и непремѣнно хочетъ ѣхать въ Петербургъ. Ваня все строитъ чертежи и на столахъ и на дверяхъ и на чемъ попало. Сестры твои также учатся прилежно и желаютъ тебѣ всего лучшаго. Еще кое что хотѣлъ было писать къ тебѣ, но уже 7 часовъ. Отправляюсь служить литургію. Мамашенька пусть строкъ пять, шесть прибавитъ.

Прощай, любезнѣйшій, будь здоровъ, уменъ и счастливъ.

Нѣжно любящій тебя отецъ твой

свящ. Александръ Добролюбовъ.

Поздравляю тебя со днемъ рожденія твоего, милый и дорогой нашъ Николай Александровичъ. Желаю тебѣ съ новымъ годомъ новаго счастія, здоровья, успѣховъ и всего, что есть лучшаго въ мірѣ. Родные наши всѣ здоровы. Къ Лукѣ Ивановичу священника не опредѣлили [2]). Преосвященный отложилъ до окончанія курса студентовъ. Твой институтскій «Актъ» мы не получили [3]). и я очень жалѣла, а не писала къ тебѣ потому, что папаша меня успокоилъ тѣмъ: когда ты къ намъ пріѣдешь, то привезешь другую книгу. Я ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ, когда ты можешь къ намъ пріѣхать; и какъ ни считаю время, а все еще долго. Но что жъ дѣлать, надо подождать. Будь здоровъ и счастливъ.

Остаюсь любящая и помнящая тебя

З. Д.

Приписка Михаила Алексѣевича.

По училищу нашему и семинаріи все теперь въ добромъ порядкѣ— —[4]). И я поздравляю Васъ съ днемъ рожденія.

---

[1]) Слово „свѣтлаго" подчеркнуто.

[2]) Не назначили третьяго священника къ той двуштатной церкви, при которой служитъ священникомъ Лука Ивановичъ. Преосвященный отложилъ назначеніе священника въ эту церковь до окончанія курса студентовъ семинаріи (то есть, до лѣта того года).

[3]) Не получили обратно отъ Іереміи, который, взявъ эту книгу, отослалъ ее въ Арзамасское духовное училище.

[4]) Сообщаются семинарскія новости.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

С. Б. П. 19 января 1854 г. Получено 25 января.

И на этотъ разъ я заставляю Васъ ждать моего письма, милые мои Папаша и Мамаша. Что дѣлать... Получилъ я его [1]) въ пятницу 15-го числа вечеромъ. Въ субботу, воскресенье и понедѣльникъ, я знаю—посылать нечего; все равно—проваляется въ Москвѣ до середы. Нужно бы послать нынѣ [2]), но вышло маленькое обстоятельство, которое задержало меня. Одинъ очень умный и близкій со мною нѣмчикъ, В., попросилъ меня поправить его переводъ. Просилъ онъ меня объ этомъ еще до святокъ, но я все откладывалъ. Нынче ему последній срокъ и потому вчерашнее утро и вечеръ и нынѣшнее утро я провозился за этимъ переводомъ. Теперь свободенъ и пишу, пишу къ Вамъ, мои милые, хотя еще много есть за мною писемъ, на которыя я не отвѣчалъ разнымъ лицамъ.

Какъ нельзя болѣе жалѣю я, мои неоцѣненные, мои родные, что я былъ причиною Вашей печали, Вашего безпокойства. Но, право, не стоитъ объ этомъ безпокоиться: часто виновато какое нибудь случайное обстоятельство, подобное вышеописанному, а часто и почта виновата. Удивительное дѣло, въ самомъ дѣлѣ: письмо отъ 28-го дек. Вы получаете 3 января, а отъ 21 дек.—только 29-го того же мѣсяца,—черезъ 8 дней! Виноватъ я также, что мало пишу Вамъ о нижегородскихъ происшествіяхъ, въ отвѣтъ на Ваши извѣстія. Но, право, я принимаю въ нихъ живѣйшее участіе. Я узнаю здѣсь всѣми мѣрами даже то, чего Вы не пишете.—Отъ отца Макарія, узналъ я, напримѣръ, еще прежде Вашего увѣдомленія, что Вас. Ѳеод. опредѣленъ въ семинарскаго священника и что Иванъ Львовичъ овдовѣлъ. Отъ Э. Х. Пановой услышалъ я, что Матвѣй Кузьмичъ получилъ чинъ и вышелъ въ статскую службу; что И. К. Зенгбушъ оставляетъ службу въ Нижнемъ и пробирается черезъ Петербургъ на родину, въ Остзейскія губерніи. Видите, какое участіе принимаю я въ отечественныхъ событіяхъ. Тѣмъ больше становятся они для меня драгоцѣнными, когда ихъ описываетъ Ваша ручка, милая Мамаша. Значитъ, Вы никакъ не можете предположить, чтобы я оставлялъ безъ вниманія Ваши письма. Впрочемъ, каюсь,—пожаръ Нижегородскаго театра не опечалилъ меня: пора ему уже было кончить свой вѣкъ. Надѣюсь, что къ лѣту будетъ готово новое зданіе, предпринятое Бузовымъ, и вѣроятно нижегородскій театръ въ собственномъ смыслѣ слова возродится, какъ фениксъ изъ пепла. Желаю этого отъ всей

[1]) Должно понимать: „получилъ я ваше письмо". Николай Александровичъ не замѣтилъ, что у него осталось не написаннымъ выраженіе, въ которомъ онъ хотѣлъ сказать что-то о письмѣ отца и матери. Это было что нибудь такое: „я заставляю Васъ ждать моего письма въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ 11 января" или, короче: „я заставляю Васъ ждать отвѣта на Ваше письмо". Думая, что у него написаны слова „Ваше письмо", онъ потомъ и говоритъ „получилъ его",—вмѣсто того, что слѣдовало бы сказать „Ваше письмо".

[2]) Во-вторникъ, чтобы письмо попало въ Москвѣ въ ту почту, которая отправляется оттуда въ Нижній въ среду.—Онъ пишетъ во вторникъ вечеромъ, и письмо его не успѣетъ быть отправлено въ этотъ день въ Москву.

души. А знаете ли, какъ здѣсь развивается чувство родины, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова! Меня, какъ нельзя болѣе, интересуетъ теперь Нижній-Новгородъ и нижегородцы. Напримѣръ, въ Нижнемъ я едва зналъ по слуху о П. И. Ильенковѣ, профессорѣ въ здѣшнемъ университетѣ. Теперь, не знаю почему-то, мнѣ кажется, что онъ нижегородецъ и я принимаю очень близко къ сердцу разные толки о немъ, его статьи, его успѣхи на ученомъ поприщѣ. Мнѣ даже очень интересно было бы узнать что нибудь о его отцѣ, семействѣ, первыхъ годахъ и первоначальномъ образованіи. Точно такое же участіе явилось во мнѣ и къ протоіерею Соколову, недавно умершему за-границей. Мнѣ даже хотѣлось бы отыскать могилу Ѳ. А. Надежина, только не знаю, гдѣ и какъ искать ее.. Не дастъ ли Вамъ какихъ нибудь свѣдѣній Василій Алекс., дьяконъ, сопровождавшій сюда Преосвященнаго Гаова? [1]) Въ настоящее время меня сильно занимаетъ также личность Кулибина. Недавно въ «Москвитянинѣ» (іюль, 1853) прочиталъ я статью о немъ какого-то Пятерикова, и подосадовалъ, что она такъ неполна. Помнится, Мамаша, Вы мнѣ что-то говорили о Кулибиныхъ и Пятериковыхъ; пожалуйста, напишите все, что Вы знаете объ этомъ предметѣ. Не знаете ли и Вы, Папашенька, чего нибудь? Вамъ, вѣроятно, странна моя просьба; но это не прихоть. Здѣсь вообще всякій долженъ знать свою губернію, какъ можно лучше, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, и я жалѣю, что совсѣмъ не знаю нижегородской статистики. По крайней мѣрѣ стараюсь выѣхать на исторіи. Кромѣ того, всѣ подобныя свѣдѣнія очень могутъ пригодиться, и въ скоромъ времени. Намъ предлагали сочиненіе: описать свою губернію, свой уѣздъ или свой городъ въ историческомъ, статистическомъ или этнографическомъ отношеніи. Мнѣ сильно хотѣлось взяться за него, но я долженъ былъ отказаться по недостатку данныхъ. Богъ дастъ, въ вакаціи уже я присмотрюсь къ своей родинѣ побольше.

Что касается до моего житья-бытья, то оно по прежнему ровно и однообразно, по прежнему полно дѣятельности и бездѣлья. Со всѣми вообще товарищами я здѣсь въ отличныхъ отношеніяхъ; когда нибудь въ другомъ письмѣ я разскажу Вамъ, какъ и чѣмъ достигъ я этого, а теперь уже мѣста недостаетъ; это исторія довольно длинная. О переводѣ директора [2]) нѣсколько времени толковали у насъ чрезвычайно шумно, но теперь замолчали. Да и хорошо. Новый нашъ профессоръ грекъ оказывается грекомъ присланнымъ отъ аѳинскаго правительства въ здѣшнюю духовную академію, кончившимъ тамъ курсъ и перешедшимъ въ наше министерство. Онъ былъ у насъ въ аудиторіи, но еще не въ качествѣ преподавателя, а только посторонняго посѣтителя. У него очень пріятное лицо и довольно складныя манеры. Въ пятницу будетъ у насъ и его первая лекція.

Недавно обнаружилось у насъ ужасное зло, до сихъ поръ еще не уничтоженное, хотя и прекратившееся. На святки книги для чтенія

---

[1]) Такъ прочтено имя этого архіерея; быть можетъ, слѣдуетъ читать: „Іакова“ (бывшаго предмѣстникомъ Іеремія на нижегородской каѳедрѣ и пріѣзжавшаго въ 1846, 1847 годахъ быть членомъ Св. Синода).

[2]) Давыдова, директора Педагогическаго Института.

сдавались [1]), а учебныя оставались у студентовъ. Вдругъ послѣ святокъ [2]) оказывается недочетъ: рѣдкій студентъ нашелъ всѣ книги у себя цѣлыми. Одинъ хватился «Общесравнительной грамматики», нашего Ив. Ив. Давыдова,—нѣтъ ея. Затѣмъ другой, третій и что же?—изъ 42 студентовъ 11-ть недосчитались «Общесравнительной грамматики». Въ число этихъ несчастныхъ попалъ и я. А книга чуть ли не два р. сер. У другихъ пропали «Исторіи» [2]) Устрялова. Не удивительно, что пропали книги, потому что у насъ есть солдатъ пьяница; во время святокъ онъ кутилъ, а въ камерахъ по цѣлому дню не было ни одного студента, шкафы не всѣ запираются. Но странно, что нападеніе учинено было именно на «Общесравнительную грамматику». Впрочемъ, такъ какъ книги изъ учебной библіотеки, то ихъ не спросятъ до окончанія курса, а тогда вычтутъ изъ будущаго жалованья.

PS. Напишите мнѣ, пожалуйста, въ слѣдующемъ письмѣ, когда будетъ именинница тетушка Фавста Васильевна. Знаю, что въ февралѣ, а когда, не вѣдаю.

Приписка на отдѣльномъ листкѣ.

20 янв. Вотъ, кстати: у насъ ходятъ по рукамъ стихи; не знаю, напечатаны ли они. Если это новость для Васъ, то прочтите. если же нѣтъ, то во всякомъ случаѣ письмо не отяготится этимъ [3]), оно очень легко.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ.
— — [4]).

Стихи эти многимъ здѣсь очень нравятся.

PS. Нынѣ день рожденія Юленьки. Вѣрно ей теперь икнулось. Желаю ей быть здоровой, умной и проч.

Всѣмъ Вамъ желаю всего лучшаго, мои добрые, милые, неоцѣненные Папаша и Мамаша. Пишите ко мнѣ почаще.

Извините меня передъ добрымъ Михаиломъ Алексѣевичемъ и также передъ Василіемъ Ивановичемъ, что доселѣ я не отвѣчалъ имъ. Надѣюсь писать на этой недѣлѣ.

Н. Добр.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

27 января 1854 г. Получено 2 февраля.

Наканунѣ дня моего рожденія, 23 янв., получилъ я письмо Ваше, мои добрые Папаша и Мамаша, и не могъ надивиться, для чего при-

---

[1]) То есть: книги, взятыя для чтенія студентами изъ институтской библіотеки, сдавались въ нее.
[2]) То есть: экземпляры „Исторіи".
[3]) Не получитъ черезъ приложеніе этого листка къ нему вѣсъ болѣе одного лота.
[4]) И т. д., переписано все это стихотвореніе, съ подписью имени автора: Н. Кукольникъ.

ложены при немъ эти 10 р. сер. Наконецъ, рѣшилъ я, что Вы просто хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ ко дню рожденія, не больше. По поводу этихъ денегъ я сосчиталъ, сколько всѣхъ денегъ передали Вы мнѣ отъ августа мѣсяца, и нашелъ огромную сумму. Съ собою я взялъ въ дорогу 67 р. сер. Потомъ уже живя здѣсь, получилъ отъ Васъ 31 р.—вѣдь это почти сто рублей. А между тѣмъ прошло только полгода. Но я очень хорошо помню, что главнымъ препятствіемъ для моего поступленія въ университетъ было то, что на содержаніе тамъ нужно до 200 р. [1]). Какъ же теперь, на казенномъ, могу я такъ много получать отъ Васъ? Разумѣется, сколько ни присылайте денегъ, ихъ всѣ можно истратить на предметы очень полезные и даже, пожалуй, нужные. Но если нѣтъ денегъ, такъ и обойдешься безъ нихъ,— а черезъ годъ, посмотришь, они [2]) уже и не нужны. Такимъ образомъ разсуждаю я, сидя безъ денегъ, такъ же точно думаю и будучи при деньгахъ. Съ этой стороны я могу совершенно успокоить Васъ, и благодаря за присылку, могу сказать, что я дѣйствительно, какъ Вы предполагали, не нуждался въ деньгахъ. Доселѣ я никому не былъ долженъ, даже булочнику,—доселѣ я никогда не сидѣлъ безъ копѣйки въ карманѣ,—доселѣ я честнѣе всѣхъ [3]) велъ свое маленькое хозяйство, т. е. не пробивался на шаромыжку, а всегда имѣлъ свой чай [4]), со своей булкой, свою бумажку, сургучикъ, ниточку, пуговку, и проч., и проч. Очень благодаренъ я теперь Вашей нѣжной заботливости, Мамаша. Ваша коробочка съ разными принадлежностями все еще не истощилась. Не понимаю, почему Вы пред-

---

[1]) Николай Александровичъ ошибся, припоминая цифру, о которой говорилъ ему тогда отецъ; Александръ Ивановичъ находилъ, что на содержаніе его въ казанскомъ университетѣ надобно было бы не меньше 300 рублей. Николай Александровичъ увѣрялъ отца, что можетъ прожить въ Казани и на 150 рублей, но отецъ отвѣчалъ, что этого было бы слишкомъ мало.—При томъ набрать въ полгода 100 рублей и знать, что въ слѣдующія полугодія не понадобится сыну столько денегъ—это совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ ежегодный расходъ по 300 рублей въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Сосчитывая, сколько получилъ въ эти полгода, Николай Александровичъ забывалъ принять въ соображеніе, что двѣ трети этихъ денегъ, 67 рублей изъ 98, были предназначены на издержки его проѣзда въ Петербургъ и перваго обзаведенія новыми необходимыми вещами въ Петербургѣ; за вычетомъ этого оказывалось, что на расходы въ продолженіе полугодія ему было прислано 31 рубль; такимъ образомъ счетъ обыкновенныхъ расходовъ составлялъ по надобностямъ его петербургской жизни, какъ думали отецъ и мать, рублей 60; такія деньги Александръ Ивановичъ могъ удѣлять сыну, если не совершенно безъ стѣсненія, то безъ особеннаго обремененія себѣ.

[2]) Предметы, которые были бы куплены на эти деньги.

[3]) Всѣхъ товарищей.

[4]) Въ Институтѣ не было казеннаго чаю. Кто изъ студентовъ хотѣлъ пить чай, долженъ былъ имѣть свой (да и то допускалось лишь по невозможности вынудить студентовъ къ соблюденію правила, воспрещавшаго имъ чай). Пища въ Институтѣ была недостаточная; кто изъ студентовъ, имѣвшихъ мало денегъ, но все жъ имѣвшихъ какія нибудь деньги, не хотѣлъ голодать, принужденъ былъ покупать хоть булку къ чаю. Вовсе не имѣющіе денегъ тоже пили чай съ булкой,—съ ними дѣлились товарищи; по крайней мѣрѣ такъ было въ томъ курсѣ, къ которому принадлежалъ Николай Александровичъ; главнымъ организаторомъ пособій товарищамъ былъ онъ, и когда у другихъ участвовавшихъ своими взносами въ этомъ товарищескомъ обществѣ пособія, не случалось свободныхъ денегъ, онъ давалъ изъ своихъ всѣ надобные рубли, говоря получающему, что это деньги товарищескаго общества.

полагаете, что со мной случилась какая нибудь непредвидѣнная непріятность, и думаете, что я скрываю отъ Васъ что-то. Не подалъ-ли я Вамъ такой мысли въ которомъ-нибудь изъ прежнихъ писемъ? [1] Если это такъ, то вѣрно—совершенно неумышленно, и вѣрно—тутъ вышло какое нибудь недоразумѣніе. Повѣрьте, что кто самъ ведетъ себя благородно и не шатается на сторону, а идетъ прямо по пути, на который поставило его доброе домашнее воспитаніе, того не обманутъ мошенники, какъ бы ни были они хитры, тотъ не пойдетъ за плутомъ, что бы ни обѣщалъ онъ ему. Да здѣсь, въ Институтѣ, и нѣтъ подобныхъ людей, или по крайней мѣрѣ они во все время пребыванія здѣсь должны не развивать, а таить свои расположенія. Для совершеннаго удостовѣренія, я по пріѣздѣ домой, а если угодно даже и раньше, могу представить Вамъ мою записную книжку, въ которой записана почти каждая копѣйка, истраченная мною со времени поступленія въ Институтъ. Впрочемъ, полно объ этомъ. Я увѣренъ, что Вы не подозрѣваете меня, и я написалъ все это только для того, чтобы Васъ успокоить и сказать Вамъ, что мнѣ деньги совершенно не нужны и я могу обойтись теперь безъ новыхъ присылокъ, пожалуй, хоть до самыхъ каникулъ.

Я думаю, послѣ письма отъ 6 янв. Вы получили еще два письма отъ меня. Въ нихъ я говорилъ Вамъ объ опредѣленіи къ намъ новаго преподавателя, грека. Въ прошлую пятницу, 22-го числа, была у насъ его первая лекція, довольно торжественная. Пришелъ А. С. Норовъ, ректоръ [2]) университета П. А. Плетневъ, какой-то греческій монахъ, еще одинъ молодой грекъ, потомъ нашъ директоръ, инспекторъ, профессоръ греческаго языка И. С. Штейнманъ, старшій надзиратель А. И. Смирновъ. Всѣ усѣлись около каѳедры, а новый преподаватель, Гумаликъ по фамиліи, взошелъ на каѳедру и началъ намъ объяснять Демосѳена. По предложенію Норова онъ спросилъ нѣкоторыхъ переводить, сначала по алфавиту, такъ какъ мы и разсажены всѣ по алфавиту. Первый по алфавиту, N., [3]) перевелъ дурно, а второй, Ароматовъ (который по всей вѣроятности будетъ у насъ первымъ) отличился. N—гимназистъ, Ароматовъ—рязанскій семинаристъ, и директоръ объяснилъ это министру; онъ, какъ видно, принялъ къ свѣдѣнію. Затѣмъ еще спросили одного гимназиста и одно-

---

1) Онъ своимъ разсказомъ (въ письмѣ отъ 28 дек.) о потерѣ перчатокъ и о пропажѣ двухъ платковъ возбудилъ въ отцѣ и матери опасеніе, что у него пропало много вещей. Разсказывая тогда о своей ничтожной болѣзни онъ хотѣлъ объяснить ею неосторожность, съ какою вдался въ разсужденія о непріятностяхъ, дѣлаемыхъ его отцу Іереміей; а шутливымъ разсказомъ о перчаткахъ и платкахъ хотѣлъ разсѣять опасеніе, что болѣзнь была серьезна; и вмѣсто того встревожилъ отца и мать, наведя ихъ на мысль, что онъ по неопытности попалъ въ руки столичныхъ плутовъ, которые обобрали его; такъ онъ слишкомъ усерднымъ разъясненіемъ мелкой неосторожности, о которой не стоило и толковать, возбудилъ въ отцѣ и матери опасеніе, которое безъ того и не пришло бы въ мысли имъ. Впрочемъ, напрасно придалъ онъ въ своемъ воображеніи важность этому безпокойству ихъ: оно, какъ по всему видно, вовсе не было сильно: отецъ и мать оставались увѣрены, что онъ благоразуменъ и что промелькнувшее у нихъ опасеніе, не обобранъ ли онъ столичными плутами, было напраснымъ.

2) Подразумѣется: пришли также ректоръ и т. д.

3) Здѣсь написана фамилія этого студента.

го семинариста: опять семинаристъ перевелъ лучше, и министръ замѣтилъ: «Да видно семинаристы-то лучше знаютъ, чѣмъ гимназисты». По окончаніи лекціи А. С. [1]) попросилъ грека-монаха сказать намъ что-нибудь по гречески. Онъ сказалъ словъ тридцать, и одинъ студентъ перевелъ ихъ на русскій въ сокращеніи; А. С. былъ очень доволенъ этимъ и сказалъ, что мы должны изучать греческій языкъ не только ученымъ образомъ, но и практически, такъ чтобы, «когда бы вамъ пришлось быть въ Греціи», прибавилъ онъ, «то чтобы можно вамъ было понимать другихъ и чтобы васъ тамъ понимали»... Нѣкоторые изъ нашихъ доморощенныхъ политиковъ утверждаютъ, что эти слова имѣютъ ближайшую связь съ восточнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, въ понедѣльникъ, на вторую лекцію Гумалика пришелъ къ намъ директоръ и по окончаніи лекціи долго говорилъ съ нами о томъ, что необходимо изучать греческій языкъ не какъ мертвый, но какъ живой, современный, подобно нѣмецкому и французскому. Если кто хорошо узнаетъ этотъ языкъ, то, прибавилъ онъ, можетъ быть, по политическимъ обстоятельствамъ проложитъ себѣ совсѣмъ иную дорогу. Приманка ли это для насъ, или въ самомъ дѣлѣ въ основаніи всѣхъ этихъ убѣжденій лежитъ истинная мысль, не знаю. Скажу Вамъ еще, что г. Гумаликъ присланъ былъ изъ Аѳинъ въ с.-петербургскую духовную академію; кончилъ тамъ курсъ назадъ тому два года, имѣлъ довольно хорошія связи, говорятъ, даже училъ Норова новогреческому языку, и такимъ образомъ поступилъ къ намъ.

Радуюсь, что Вы всѣ здоровы и благополучно проводите время. Радуюсь также, что къ дядюшкѣ Лукѣ Ивановичу и почтенному Эльпидифору Алексѣевичу не опредѣлили третьяго священника [2]). Когда увидитесь, засвидѣтельствуйте имъ, пожалуйста, мое почтеніе. А что дѣло Ипполита Ивановича? Я ничего не знаю о немъ. Скажите мнѣ также, выздоровѣлъ ли Дмитрій Борисовичъ? [3]) Вы писали, что онъ началъ только поправляться отъ паралича.

Меня просто досада беретъ, что я никому не отвѣчаю на письма. Право некогда. Что станешь дѣлать. Бывало, швейцаръ, разнося письма, то и дѣло провозглашаетъ мое имя. А нынѣ нѣтъ-нѣтъ недѣли черезъ двѣ получишь письмо. Никто не пишетъ, кромѣ Васъ, мои милые, неоцѣненные, истинно родные мои! Чувствую, что я самъ виноватъ въ этомъ, но не въ силахъ помочь горю. Своего кровнаго дѣла вдоволь, а тружусь я—нельзя сказать, чтобы до поту лица. Прежняя привычка сильно донимаетъ меня: часовъ въ 9 вечера и

---

1) Норовъ.

2) Лука Ивановичъ Колосовскій (женою котораго была младшая сестра Зинаиды Васильевны, Варвара Васильевна) былъ священникомъ при церкви подгородной слободы Кунавиной; церковь была двуштатная; Эльпидифоръ Алексѣевичъ былъ другой священникъ при ней. У нихъ обоихъ, у него и у Луки Ивановича, доходъ уменьшился бы на третью долю, еслибъ къ церкви былъ опредѣленъ третій священникъ.

3) Одинъ изъ сыновей Бориса Ефимовича Прутченко, бывшаго тогда предсѣдателемъ казенной палаты; Борисъ Ефимовичъ жилъ въ приходѣ Никольской церкви и былъ хорошъ съ Александромъ Ивановичемъ.

хочется заниматься, просидѣлъ бы, кажется, часу до втораго. Но въ $10^1/_2$ неумолимый ламповщикъ гаситъ огонь и мы по неволѣ должны сейчасъ броситься въ объятія Морфея.

Н. Добролюбовъ.

Письмо Н. А—ча къ Михаилу Ивановичу и Фавстѣ Васильевнѣ.

1 февр. 1854 г.

Нѣсколько часовъ тому назадъ получилъ я письмо мамаши и твою приписку, mon cher ami Michel. Спѣшу отвѣчать тебѣ, чтобы успѣть вмѣстѣ съ тѣмъ принести мое искреннее поздравленіе со днемъ ангела любезнѣйшей и почтеннѣйшей моей Тетушкѣ, Фавстѣ Васильевнѣ. И такъ, не тратя лишнихъ словъ:

Честь имѣю поздравить Васъ, неоцѣненная Тетушка, пожелать Вамъ много, много счастья и радостей во всѣ дни жизни Вашей и засвидѣтельствовать мое искреннее уваженіе и любовь.

Проговоривши это оффиціальное привѣтствіе, я свободнѣе могу поговорить о всякой всячинѣ и набросать двѣ-три странички разнаго вздора. Къ несчастью я не обладаю талантомъ сообщать новости: мнѣ все кажется, что это нѣкоторымъ образомъ даже неприлично, что оскорбляетъ нравственное достоинство того существа, которое я подчую новостями. Вѣдь это ужасно въ самомъ дѣлѣ: положимъ, я вздумаю сообщить тебѣ, что съ весны Исакіевскій мостъ будетъ перенесенъ гораздо выше, прямо противъ институтскаго подъѣзда, что́ разумѣется, для насъ чрезвычайно пріятно, потому что сократитъ путь на Невскій проспектъ и вообще на городской континентъ. Но что же тебѣ за дѣло до этого? Что тутъ интереснаго для Васъ, безцѣнная Тетушка? Вѣроятно Васъ больше займетъ жемчужная слезинка достопочтенной Аксиньи Якимовны [1]), чѣмъ подобная новость. Пожалуй я стану вамъ также говорить о Рашели, которой не видалъ, о первомъ представленіи «Севастопольскаго праздника», на которомъ (т. е. на представленіи..... а впрочемъ, понимайте, пожалуй, и на праздникѣ) я не былъ; о бѣгахъ на Невѣ, въ которыхъ я ничего не понимаю и пр., и пр. Но мнѣ рѣшительно совѣстно начинать рѣчь объ этомъ: мнѣ такъ и думается, что Вы, подобно Ивану Александровичу [2]), возвѣстите мнѣ великую истину, что Вы не того ждали отъ меня, что я пишу пустячки и проч. Я скоро рѣшусь подняться на фуфу и съ высоты петербургскаго величія написать ему или Вамъ фельетонъ со всевозможными пуфами, обманами, слухами и проч. А сколько слуховъ-то, слуховъ-то, особенно—въ понедѣльникъ [3]). Нын-

---

[1]) Той няньки, о которой не разъ упоминается въ перепискѣ Николая Александровича съ отцемъ и матерью. Она, по обычаю русскихъ простолюдинокъ, плакала при всякомъ упоминаніи объ отсутствующихъ.

[2]) Тому бывшему товарищу Николая Александровича по семинаріи, который ждалъ отъ него подробныхъ описаній всего замѣчательнаго въ Петербургѣ.

[3]) По возвращеніи студентовъ, уходившихъ на воскресенье къ знакомымъ въ городъ. Они имѣли право оставаться ночевать тамъ.

че, напримѣръ, возвратившіеся домой студенты, послѣ праздника, принесли ровно тридцать три слуха: я считалъ... И все одинъ другаго занимательнѣе, одинъ другаго нелѣпѣе. Кто говоритъ, что французскій и англійскій посланники уже выѣхали изъ Петербурга; кто увѣдомляетъ объ открытіи новаго судоходнаго сообщенія Каспійскаго моря съ Аральскимъ и далѣе по Аму-Дарьѣ до Индіи; кто толкуетъ, что самъ В. К. Константинъ Николаевичъ отправляется къ флоту; кто разсуждаетъ о желаніи московскихъ университетскихъ студентовъ поступить въ военную службу; кто увѣряетъ, что Грецію положено соединить съ Россіей; кто сообщаетъ отрывочныя мысли изъ новаго, будто бы распространеннаго въ рукописи сочиненія, приписываемаго М. П. Погодину, мысли, въ которыхъ доказывается необходимость для Россіи взять Константинополь и проч., и проч. Въ общемъ эти слухи имѣютъ еще видъ вѣроятія, но въ развиваемыхъ нами частностяхъ рѣшительно теряютъ его. Напр., одинъ говоритъ: «Я слышалъ, что открыто сообщеніе Каспійскаго и Аральскаго моря».—«Говорятъ, между ними прокопали каналъ», подхватываетъ другой.—«Нѣтъ, кажется, проложена желѣзная дорога», подаетъ голосъ третій».—«Говорятъ, между ними положили Людвига (огромнаго роста надзиратель) съ одного берега на другой и по немъ будутъ переѣзжать», возражаетъ четвертый, и т. д., и т. д. Всѣ хохочутъ; пятый, шестой, десятый также принимаются острить и тутъ уже достается всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

2 февраля. А вѣдь ужасная лѣнь. Я вполнѣ извиняю тебя, братъ, въ твоей лѣни, потому что самъ здѣсь совершенно излѣнился. Вчера вѣдь не могъ я дописать письма; хотѣлъ встать нынче пораньше, но проспалъ до половины 8-го, и теперь сейчасъ начну рыскать по камерамъ, выпрашивая спички и свѣчки запечатать письмо. Можешь ли ты повѣрить, что я здѣсь ничего не дѣлаю или дѣлаю ничего. Я очень часто шатаюсь по Невскому, расхаживаю въ рекреаціонныхъ залахъ и очень рѣдко сижу въ репетиціонсъ-залахъ, болтаю съ товарищами, слѣжу за политикой по газетамъ (я не писалъ еще, что мы выписываемъ газеты, сложившись около полтинника съ человѣка), учу нѣмецкіе стихи, пишу на лекціяхъ, по вечерамъ занимаюсь разборомъ перевода Энеиды, или русскими пословицами по порученію [1]) Срезневскаго. Только и есть... Ахъ, кстати, у Кеморскаго [2]), вѣроятно, получены портреты профессоровъ С.-Петербургскаго университета, издаваемые нынѣ выпусками. Посмотри изъ числа ихъ на Срезневскаго, Устрялова и Благовѣщенскаго: это лучшіе и наиболѣе уважаемые мною профессора. Какимъ умомъ, бойкостью блещутъ глаза Срезневскаго! Какъ величавъ Устряловъ! И какой гордой, спокойной классичностью вѣетъ отъ Благовѣщенскаго!...

---

[1]) „По порученію“ неточное выраженіе. Срезневскій только высказалъ сочувствіе дѣлу, которымъ занимался Николай Александровичъ еще въ Нижнемъ; оно было почти ужъ кончено, когда онъ сказалъ о немъ Срезневскому; тогда оставалось только переписать на-бѣло эту работу (собраніе нижегородскихъ пословицъ).

[2]) Нижегородскаго торговца, у котораго продавались, между другихъ товаровъ, книги и рисунки.

Въ прошедшемъ письмѣ къ нашимъ я сообщилъ невѣроятную новость: будто Христофоръ [1]) въ Ярославлѣ и проч... Нѣтъ-съ, далеко кулику... Въ Ярославль на мѣсто Евгенія назначенъ Нилъ изъ Иркутска. А Христофоръ, Іоанникій и даже нашъ о. Макарій только еще надѣются имѣть мѣсто въ ожидаемой передвижкѣ.

Н. Добролюбовъ.

P. S. Къ папашѣ и мамашѣ я буду писать на дняхъ. Кланяйся имъ и скажи, что я здоровъ. Пиши, пожалуйста, ко мнѣ, не лѣнись. Что твой французскій языкъ? Я на вакаціи пріѣду къ тебѣ учиться... Еще разъ желаю Вамъ всего добраго, милая Тетушка.

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Получено 1854 г. февр. 10. — 6 февр. 1854 года.

Три письма получили мы отъ тебя, милый, дорогой сынъ нашъ Николай Александровичъ. Первое, отъ 9-го янв., 18-го, второе, отъ 19-го, 25-го и третье, отъ 27-го янв., 2-го февраля; изъ коихъ во второмъ и третьемъ отвѣчаешь ты, между прочимъ, и на наши письма, посланныя къ тебѣ отъ 11 и 16 числа января.

Радуемся, что ты здоровъ и благополученъ, и идешь путемъ прежнимъ, не выбиваясь изъ силъ, ровно и твердо.

П. А. Ильенковъ—сынъ бывшаго здѣшней Духовной консисторіи секретаря Антона Софоныча Ильенкова, переведеннаго въ 844 году въ секретари же въ Казань и въ томъ же году тамъ умершаго. Я былъ при немъ членомъ консисторіи менѣе двухъ лѣтъ. Онъ очень коротко знакомъ былъ съ протоіереемъ А. Г. Драницынымъ, который давно уже совѣтуетъ мнѣ написать тебѣ, чтобы ты сходилъ къ П. Антоновичу и засвидѣтельствовалъ отъ него ему и маменькѣ его искреннѣйшее почитаніе.

Исторія объ Иванѣ Петровичѣ, знаменитомъ Кулибинѣ, напечатана въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1845 годъ въ разныхъ статьяхъ, предлинная, почти во всемъ году растянутая, такъ что списать ее едва ли можно и на 24 листахъ. Хотѣлъ было я послать тебѣ Губернскія Вѣдомости за весь 845-й годъ въ переплетѣ; но какъ это, съ пересылкою, стоило болѣе трехъ руб. сер., то я и отложилъ до твоего радостнаго къ намъ пріѣзда на вакацію, благословляя тебя заняться теперь другими, болѣе нужными для тебя предметами.

Священникъ И. И. Свѣтовидовъ 2 сего февраля произведенъ въ санъ протоіерея, и скоро отправится въ городъ Макарьевъ. На его мѣсто въ соборъ переведенъ священникъ Фонтенелевъ, второй священникъ при Всѣхсвятской кладбищенской церкви, а туда живоносновскій Александръ Смысловъ, къ Живоносновской же церкви бывшій Ильинской церкви священникъ Петръ Амбелюновъ. Смотритель

---

[1]) Подразумѣвается: „назначенъ архіереемъ“.

Арзамазскаго духовнаго училища свящ. А. Тихомировъ все еще безъ мѣста... Степанъ А. Добротворскій назначенъ къ произведенію въ санъ протоіерея въ село Городецъ, съ оставленіемъ при смотрительской и учительской должности. Это только для полученія протоіерейскаго сана, а заслужить оный санъ нынѣ не легко. Но дай Богъ! потому что это безъ обиды всякому. По мнѣ хоть въ оберъ-священники.

Эльпидифоръ Алексѣевичъ назначенъ миссіонеромъ для обращенія раскольниковъ по Нижегородской Епархіи, и, кажется, скоро отправится въ Петербургъ для наставленія отъ Высокопреосвященнаго архіепископа Григорія.

У насъ въ консисторіи два новыхъ присутствующихъ: рождественскій священникъ Я. Милорадовскій, и покровскій А. Востоковъ; утверждены св. синодомъ съ увольненіемъ георгіевскаго о. протоіерея Граціанова [1]). Мы писали къ тебѣ объ этомъ обстоятельно; но, какъ видится, ты не получилъ того письма.

Димитрій Борисовичъ съ Александрой Максимовной [2]) въ Москвѣ уже болѣе мѣсяца; говорятъ, что онъ поправляется теперь въ здоровьѣ.

Не заботься, дружочекъ нашъ, о письмахъ. Что тебѣ въ нихъ? Мы пишемъ тебѣ—и довольно. У тебя есть и безъ того много писанія и дѣлъ... Охъ, этотъ новогреческій и французскій языки! Мы опасаемся, чтобы ты не разстроилъ съ ними драгоцѣннаго, (всего болѣе для человѣка нужнаго) здоровья своего.

Очень рады и признательны къ твоей аккуратности и разсчетливой [3]) вѣрности, милый нашъ Николай. Въ такомъ случаѣ, для своей существенной пользы и любознанія не отказывай себѣ. Мы всегда готовы помогать тебѣ, и даже я и теперь едва не соблазнился послать тебѣ хотя десяточекъ руб. сер. отъ чистаго моего усердія.

У насъ, благодареніе Господу, все идетъ по хорошему. Въ семействѣ и у родныхъ все благополучно. Собираемся къ имениннницѣ Фавстѣ Васильевнѣ. Мишель [4]) все веселится, а къ тебѣ, какъ слышимъ, не пишетъ. Не мѣнять же и тебѣ дѣло на бездѣлье [5]).

Отецъ твой, искренно тебя любящій и почитающій, желающій тебѣ всего, всего добраго и счастливаго и успѣховъ, по мѣрѣ силъ твоихъ, свящ. Александръ Добролюбовъ.

Приписка на полѣ.

Сестрицы [6]) и братъ Володя съ Ваничкой тебѣ желаютъ всего прекраснаго. Анюта съ Антошей [7]) просятъ у тебя прощенія, что сказочки еще не сочинили. Благодарятъ за память объ нихъ.

---

1) То есть: отца протоіерея Георгіевской церкви Граціанова.
2) Г-жею Прутченко, матерью его.
3) Было написано „разсчетной“ и поправлено вставкой буквъ; смыслъ: „мы рады тому, что ты аккуратно ведешь счетъ расходовъ и разсчетливъ въ нихъ“.
4) Михаилъ Алексѣевичъ Благообразовъ, сынъ Фавсты Васильевны.
5) То есть, на трату времени для переписки съ нимъ, вовсе не нужной.
6) Подразумѣвается: твои.
7) Антониночкой.

Папаша радуется, что обо всемъ написалъ тебѣ, милый, неоцѣненный нашъ Николай Александровичъ, и смѣется надо мной, что мнѣ не о чемъ больше писать къ тебѣ;—но я все-таки хочу непремѣнно что нибудь да написать. Вотъ, напримѣръ, случилось происшествіе важное и доселѣ у насъ неслыханное. Въ началѣ января ѣхала почта отъ Казани до Нижняго съ деньгами, которыхъ, говорятъ, было болѣе 400 сотъ тысячъ рублей серебромъ; провожали ее одинъ почтальонъ да старый и малый извощики; на ихъ [1]) напали какіе то отставные солдаты и, какъ говорится, сильно ошеломили, но не убили ни одного, а разбили почту и всѣ деньги вытаскали. Они, отдохнувши, поскакали и объявили, гдѣ слѣдуетъ. Въ это время князя Урусова [2]) не было въ Нижнемъ; какъ нарочно всѣ такія обстоятельства случаются безъ него. Онъ уѣхалъ въ Москву; у него тамъ скончался батюшка. Откомандировали чиновниковъ для отысканія преступниковъ и денегъ, а въ томъ числѣ г. — — [3]), и вотъ уже они живутъ 2 недѣли въ селѣ Воротынцѣ съ командою солдатъ, которые ихъ охраняютъ и день и ночь. И уже нашли болѣе 200 тысячъ рубл. сер., не въ тюкахъ и зашитыя, не просто находятъ въ тряпкахъ завернутыя и спрятанныя въ оврагахъ, въ навозѣ и подъ соломой. И надѣются отыскать какъ виновныхъ (и отысканы трое, кромѣ одного) [4]) такъ и остальныя деньги. Вотъ и я написала тебѣ, сколько осталось бумаги; сущность узнаешь, а объ сочиненіи не взыщи. Желаю отъ души тебѣ здоровья и успѣховъ во всемъ. Поздравляю тебя съ наступающей масляницей. Желаю тебѣ ее видѣть [5]), да и намъ что нибудь послѣ сказать о ней.

З. Д.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

12 февраля, 1854 г.

Давно уже собираюсь я, мои милые Папаша и Мамаша, написать къ Вамъ; но никакъ не могу оторваться отъ своего дѣла. Теперь я переписываю сочиненіе [6]). До понедѣльника нужно переписать, а еще осталось больше шести листовъ. Вы знаете, что переписка для меня дѣло самое затруднительное. Ивана Александровича здѣсь нѣтъ, и волей не-волей, я долженъ корпѣть цѣлую недѣлю подъ некрасивыми каракульками, которымъ стараюсь придать какъ можно болѣе ровности и симметріи. Но чего нѣтъ, такъ ужь нѣтъ, и въ учители каллиграфіи я рѣшительно не гожусь. Я было хотѣлъ отложить еще

---

[1]) „На ихъ" провинціализмъ, вмѣсто „на нихъ".

[2]) Губернатора.

[3]) Фамилію мы опускаемъ, потому что дѣло, о которомъ разсказываетъ сыну Зинаида Васильевна, было впослѣдствіи взято Николаемъ Александровичемъ за основу для одной изъ его повѣстей.

[4]) Слова въ скобкахъ (и отысканы трое, кромѣ одного) приписаны сверху строки Александромъ Ивановичемъ.—„Отысканы трое, кромѣ одного", значитъ: ихъ было четверо; трое ужь отысканы; остается отыскать одного.

[5]) То есть, видѣть масляничныя народныя развлеченія.

[6]) Рѣчь идетъ о сличеніи перевода г. Шершеневича съ подлинникомъ „Энеиды".

писать къ Вамъ до вторника [1]; но третьяго дня получилъ я письмо Ваше, вспомнилъ, что я обѣщалъ скоро писать къ Вамъ въ письмѣ къ тетушкѣ Фавстѣ Васильевнѣ и Михаилу Ивановичу и что я еще не отвѣчалъ на Ваше письмо, Мамаша, отъ 22 янв., и рѣшился написать къ Вамъ нынѣ, чтобы Вы не стали обо мнѣ безпокоиться.

Потому прежде всего спѣшу увѣдомить Васъ, что я по прежнему здоровъ и веселъ. Нѣкоторое напряженіе послѣднихъ дней произвело во мнѣ маленькую слабость, несбытое съ рукъ сочиненіе немного тяготитъ меня; но это рѣшительно ничего не значитъ. Тѣмъ веселѣе буду я гулять на масляницѣ, когда освобожусь отъ этого груза.

Благодарю Васъ, мои милые, добрые, заботливые, Папаша и Мамаша, за всю Вашу любовь и попеченія о мнѣ. Я не умѣю расточать нѣжностей—Вы это знаете; но право—я много, сильно, горячо люблю Васъ. Если я не старался и не стараюсь говорить объ этомъ, то это служитъ только доказательствомъ, что я стараюсь жить и поступать такъ, чтобы во всемъ показать Вамъ любовь свою. Ваше участіе, Ваша радость, Ваши ожиданія одушевляютъ меня въ трудахъ, руководятъ моимъ поведеніемъ, сопутствуютъ мнѣ и въ занятіяхъ, и въ отдыхѣ. Я еще слишкомъ не установился въ своемъ характерѣ, своихъ взглядахъ, въ своихъ пристрастіяхъ [2] и стремленіяхъ. Я могу быть и совершеннымъ лѣнтяемъ, на сколько это возможно въ высшемъ учебномъ заведеніи; могу и затянуться, работать до упаду, чтобы выйти лучше другихъ. Но я не хочу явиться передъ Вами неучемъ и олухомъ, не хочу и того, чтобы Вы увидали меня блѣднымъ, испитымъ, истощеннымъ усиленными занятіями. Я иду, не выбиваясь изъ силъ, и Богъ дастъ, мѣсяцевъ черезъ пять Вы увидите меня попрежнему свѣжимъ и веселымъ и попрежнему довольнымъ своимъ положеніемъ, своими успѣхами. Здѣсь вѣдь, право, не очень трудно: сиди да читай, да пиши, да говори—только; больше ужь ничего не спросятъ. Конечно, и танцовать нужно, но это всетаки дѣло постороннее. Но я воображаю, какъ велики, тяжки и разнообразны труды Ваши, папаша. Подкрѣпи Васъ Боже! И Вы еще все заботитесь обо мнѣ. А я-то здѣсь разгуливаю.

Мнѣ очень пріятно было узнать изъ Вашихъ писемъ нѣсколько нижегородскихъ новостей. Радуюсь, что, по крайней мѣрѣ, всѣ новости хорошія. Разграбленіе транспорта на большой дорогѣ дѣйствительно дѣло страшное; но какъ Вы пишете, къ счастью, виновные отысканы, и деньги тоже. N. [3] мастеръ своего дѣла. Я полагаю, что этотъ случай не пропадетъ для него даромъ: вѣрно обратятъ вниманіе на такую дѣятельность и искусство.—Что касается до Кулибина, то я просилъ Васъ только сообщить, нѣтъ ли какихъ разсказовъ въ Нижнемъ о послѣднихъ годахъ его жизни и пр., но разсказовъ непечатныхъ. Пожалуйста, ничего печатнаго. Я все перечиталъ о Кулибинѣ, знаю и статью «Нижегородскихъ Вѣдомостей»; она не кончена, доведена только до царствованія императора Павла I;—вѣдь

---

[1] 12 февраля было въ пятницу, вторникъ приходился 16 февраля.

[2] Склонностяхъ.

[3] Здѣсь написано имя того чиновника, о которомъ говорила мать, что онъ послалъ разыскать грабителей и похищенныя деньги.

послѣ этого-то вскорѣ Кулибинъ и удалился въ Нижній и жилъ тамъ. Говорятъ, что въ Нижнемъ есть или, по крайней мѣрѣ, было много преданій о его — —[1]), о его смерти и т. п. Помнится, что-то Вы мнѣ объ этомъ разсказывали, Мамаша; потому я и спросилъ Васъ. А особенной надобности въ этомъ, разумѣется, нѣтъ.

Къ П. А. Ильенкову—было бы зачѣмъ и съ чѣмъ идти. Еще если бы Ар. Гр. [2]) велъ съ нимъ переписку. А то онъ, вѣроятно, по обычаю петербургскихъ жителей, и позабылъ совершенно о другѣ его отца, старинномъ, давнишнемъ другѣ, котораго онъ, можетъ быть, и въ глаза не видалъ.

Здѣсь теперь всѣ умы заняты войною Россіи съ Англіей и Франціей. Энергическій манифестъ Императора былъ прочитанъ намъ въ аудиторіи 10-го февраля. Никого онъ не поразилъ, потому что давно уже ждали его; но тѣмъ не менѣе послѣ него какъ-то сильнѣе забилось сердце. Намекъ на 12-й годъ, многозначительный намекъ, былъ всѣми замѣченъ и всѣ теперь ждутъ съ началомъ весны чего-то необыкновеннаго.

На насъ собственно большое впечатлѣніе произвело извѣстіе о томъ, что кончающіе курсъ студенты московскаго университета пожелали поступить въ дѣйствующую армію. Не знаю только, какъ бы это не пролгалось.

Равнымъ образомъ не ручаюсь я за достовѣрность слѣдующихъ двухъ слуховъ, которые здѣсь носятся. Въ одномъ сраженіи съ турками, говорятъ, явилась чудная Дѣва, которая ободряла русскихъ. Прибавляютъ, что объ этомъ пишетъ экзархъ грузинскій. Другой случай, будто однажды ночью явился Государю Императору какой-то монахъ, сказалъ: «не бойся, будь твердъ и мудръ, какъ прежде», и исчезъ. Нигдѣ не могли его отыскать. Во времена чрезвычайныхъ политическихъ событій часто случаются чрезвычайныя явленія и въ мірѣ нравственномъ. Но во всякомъ случаѣ передаю Вамъ это только какъ слухъ и притомъ такой слухъ, которому сердце мое хотѣло бы вѣрить. Желаю Вамъ счастья. Кланяюсь низко роднымъ и знакомымъ и извиняюсь, что повидимому забылъ ихъ.

На масляницѣ напишу Вамъ побольше.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

18-го февраля 1854 г. Петербургъ.

Пришла наша масляница... Нынѣ кончились у насъ лекціи, и на остальные три дня мы свободны... За обѣдомъ сегодня подавали намъ блины, а за ужиномъ кисель съ молокомъ, какъ слѣдуетъ на православной масляницѣ... Средоточіе всѣхъ вообще масляничныхъ за-

[1]) Здѣсь въ нашемъ спискѣ пропущено неразборчиво написанное слово; вѣроятно, „жизни“.

[2]) Протоіерей А. Г. Драницынъ.

тѣй находится противъ Института, только перейти Неву... На Адмиралтейской площади выстроены отъ Зимняго дворца до самаго Исакіевскаго собора различные балаганы, балаганчики, горы, качели, катальныя лодочки, временныя лавочки и пр., и пр. Музыка гремитъ непрерывно и громко, такъ что едва уши выдерживаютъ... Народу бездна... ходятъ, толпятся, стоятъ и глазѣютъ... Вдоль улицы тянутся въ четыре ряда, а иногда и больше, катающіеся, тихо, чинно, съ неизбѣжными остановками; посереди разъѣзжаютъ жандармы... Словомъ, совершенно то же, что и въ Нижнемъ бываетъ въ это время... Въ балаганахъ многочисленную публику извѣстнаго разряда привлекаетъ звѣринецъ, Раппо, фокусникъ, который ѣстъ паклю и т. п.; но особенное вниманіе возбуждаетъ панорама синопскаго сраженія... Народъ толпами валитъ смотрѣть на разрушеніе турецкихъ кораблей. Вообще нужно замѣтить, что здѣсь послѣдній фокусникъ умѣетъ задѣть за живое современностью... Нужно однако же сознаться, что всѣ эти балаганы, качели, горы и пр. убраны очень недурно, такъ что можно остановиться и посмотрѣть на нихъ. Народъ веселится такъ разгульно, беззастѣнчиво, пляшетъ подъ музыку съ такой доброй веселостью, что и въ самомъ дѣлѣ какъ-то веселѣе становится посреди этой всеобщей толкотни и суматохи... Этому много способствуетъ и то, что здѣсь начинаетъ весной попахивать... Снѣгъ таетъ, солнце свѣтитъ и даже грѣетъ иногда, вѣтеръ дуетъ уже довольно прохладный [1]; чувствуешь, что проводили уже мы декабрь и январь,—дѣло идетъ къ марту...

Среди катающихся случается видѣть иногда и экипажъ съ дѣтьми Наслѣдника или съ Великими князятами; иногда Николай и Михаилъ Николаевичи—всегда вмѣстѣ—бодро пронесутся верхомъ по Невскому отъ одного дворца до другого... Но ни Государя, ни Наслѣдника я не видалъ здѣсь... Видѣлъ, правда, однажды, какъ Наслѣдникъ проѣхалъ шагахъ въ сорока отъ меня; но на такомъ разстояніи я ничего не могъ разглядѣть.... Да здѣсь какъ-то и не ищетъ [2]) этой чести; всѣ вообще очень равнодушны къ этому... Придется увидѣть, такъ придется, скажетъ человѣкъ, пришедши домой: Императора видѣлъ нынче... А не видѣлъ, такъ и горя мало. Недавно вышелъ, напр., случай... Шелъ студентъ по Невскому; вдругъ догоняетъ его товарищъ; начали разговаривать и именно о томъ, кто куда и откуда идетъ... при этомъ одинъ спрашиваетъ другого: «Значитъ, ты видѣлъ сейчасъ Государя?»—«Когда? Да развѣ онъ проѣхалъ?» — «Да гдѣ же у тебя глаза-то были»?..—«Да нѣтъ, я никого не видалъ»... Оказалось, что Императоръ проѣхалъ мимо его въ десяти шагахъ, а онъ ему и чести не сдѣлалъ...

Война, послѣ Рашели, теперь, кажется, нераздѣльно занимаетъ умы. Пробудились политики, патріоты, хвастуны, поэты... Разсказываютъ, что нѣкоторые купцы жертвуютъ милліонами; въ особенности указываютъ на Алексѣева и Яковлева... Графъ Шереметевъ будто бы хо-

---

1) То есть: не холодный, а тепловатый.

2) Или пропущено слово „никто“ (никто и не ищетъ), или сдѣлана опечатка „ищетъ“ вмѣсто „ищешь“ или „ищутъ“.

четъ содержать полкъ на свой счетъ... Всё это можетъ быть, но еще недостовѣрно... За то достовѣрно, что поэты дѣятельно вооружились риѳмами; осѣдлали Пегаса и начинаютъ служить отечеству перомъ... Вотъ, напримѣръ, прошедшую субботу пришелъ къ намъ Срезневскій и прочиталъ недавно полученные изъ-за границы стихи князя Вяземскаго. Мы тотчасъ списали ихъ и, не смотря на ихъ обширность, я рѣшаюсь выписать ихъ для Васъ, Папашенька и Мамашенька, потому что думаю, что до Васъ еще не дошли они. А если Васъ заинтересовали такіе стихи, какъ «Воевода Пальмерстонъ», то тѣмъ болѣе, вѣрно, займутъ слѣдующія:

Современныя замѣтки.

«Отдохнувъ отъ непогодъ,
«Забывается Европа
— — [1].

Вотъ, отъ нечего дѣлать, сколько я Вамъ написалъ.... А въ самомъ дѣлѣ, дѣлать теперь нечего: сочиненіе подалъ-таки въ понедѣльникъ. Дня два послѣ того болѣла поясница, но теперь расправилась совершенно. Постъ до четвертой недѣли пройдетъ у насъ въ занятіяхъ. На четвертой недѣлѣ будемъ говѣть... Тамъ еще немножко поучимся... А послѣ пасхи грознымъ привидѣніемъ стоятъ экзамены, страшные, невѣдомые, рѣшительные... У насъ наконецъ утверждено раздѣленіе филологическаго и историческаго факультета... Впрочемъ, на младшій курсъ это раздѣленіе не простирается...

А у Васъ, мои милые, родные, опять начнутся тяжкіе труды и безпокойства... Говорю у Васъ, т. е. и у Васъ, Мамаша, потому что я знаю, какъ много Вы заботитесь и безпокоитесь о миломъ, драгоцѣнномъ Папашѣ нашемъ, во время тяжкихъ трудовъ церковныхъ и служебныхъ... Эти-то труды теперь начинаются для Васъ, Папаша. Дай Богъ Вамъ здоровья, спокойствія, всѣхъ радостей, всего, чего только Вы желаете и просите. Молю Господа совершить мои и Ваши моленія... Мое письмо придетъ къ Вамъ уже на первой недѣлѣ поста и масляничные разсказы читать будетъ немножко скоромно. Но въ нихъ, кажется, ничего нѣтъ дурного; при томъ же на масляницѣ нельзя еще писать по-великопостному, — и колокола еще не такъ звонятъ...

Въ Нижнемъ, говорятъ, недавно появился какой-то прорицатель и чудотворъ... Что за счастье нашему городу?—То лже-христосъ явится, то чудотворецъ, то ясновидящій какой-нибудь, вродѣ содержавшагося когда-то въ больницѣ сумасброда Ивана Ивановича!.. Кстати объ Иванѣ Ивановичѣ... Не просваталъ ли онъ дочку за Дм. Иванов. Страхова, какъ предполагали?... Еще, когда отправится сюда Эльпидифоръ Алексѣевичъ и одинъ-ли онъ изъ нашей эпархіи,—увѣдомьте пожалуйста...

---

[1] Переписано стихотвореніе и поставлена подъ нимъ подпись:

Кн. Вяземскій.

Карльсруэ, 6/18 янв. 1854 г.

Глубочайшее почтеніе мое Михаилу Алексѣевичу, Ивану Алексѣевичу. На Михаила Ивановича я сердитъ,—не пишетъ да и только. А вѣдь у него свой кружокъ, который онъ могъ бы описать мнѣ... Нельзя ли еще сказать мнѣ, что сдѣлалось съ Апола. Алекс.? Когда я поѣхалъ, его схватила холера и вмѣстѣ съ тѣмъ пришло назначеніе его въ тамбовскую семинарію... Куда онъ отправился, въ Тамбовъ, или на тотъ свѣтъ?...

Вамъ, Папаша, свидѣтельствуетъ почтеніе о. Макарій.

ПОСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Февраля 25 дня 1854 г. Получено 1 марта.

Давно я собирался пописать [1]) къ вамъ, Николай Александровичъ; но всякій разъ, какъ нарочно, къ отходу почты или не успѣвалъ приготовить письма, или вовсе забывалъ написать его и отправить; вотъ теперь только я поменьше занятъ и разсѣянъ и кое что посылаю къ Вамъ. Ну,—поздравляю Васъ съ честнымъ постомъ и желаю Вамъ провести Св. четыредесятницу въ добромъ здоровьѣ; дай Богъ въ радости встрѣтить Вамъ и свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова!..

О себѣ скажу Вамъ только то, что (очень пріятное извѣстіе) я въ настоящее время ужасъ какъ излѣнился. Нѣтъ ни энергіи, нѣтъ даже и охоты приняться за что нибудь. Вотъ уже чаю [2]) съ мѣсяцъ читаю я «Греческую грамматику» Ив. Л. Бюрнуфа [3]) и доселѣ прочиталъ едва половину книги; принесутъ газету, и ту читаю кое-какъ; даже по инспекторской должности, кажется, менѣе замѣтно было рвенія. Вотъ ужь развѣ со второй недѣли поста поправлюсь. А кстати сказать Вамъ:—мы съ новаго года получаемъ и «Отечественныя записки», и «Современникъ», и «Московскія Вѣдомости» [4]). Участвуютъ въ выпискѣ этихъ журналовъ и газеты всѣ наставники Семинаріи, а къ нимъ и я прицѣпился. Вотъ какъ разливается нынѣ по Нижегородской Духовной Семинаріи свѣтъ просвѣщенія!

Въ прошедшее воскресенье я былъ у Вашихъ. Они всѣ живы и здоровы и надѣются получить отъ Васъ на этой недѣлѣ письмо.

— — [5]).

Въ одномъ письмѣ сюда Вы выразили, кажется, сожалѣніе о томъ, что не отвѣчали мнѣ на мое письмо; объ этомъ прошу много не думать. Я увѣренъ, что у Васъ дѣла много, да и убивать свободный часъ на письмо ко мнѣ собственно, кажется, нѣтъ нужды: если что

---

1) „Пописать“—позаниматься тѣмъ, чтобы писать, по аналогіи съ „потолковать“, „поприсѣсть“ и т. п.

2) Я думаю (чай, чать).

3) То есть, Жана Луи Бюрнуфа.

4) „Московскія Вѣдомости“ считались тогда лучшею газетою; онѣ были по направленію одинаковы съ „Отечественными Записками“ и „Современникомъ“.

5) Здѣсь сообщаются новости по семинарскому и вообще по епархіальному вѣдомству.

напишете въ Нижній, то это я прочитаю и читаю [1]) въ Вашемъ письмѣ къ Вашимъ домашнимъ...

Ну, за симъ прощайте! Братъ мой живъ и здоровъ и кланяется Вамъ. Я также кланяюсь Вамъ.

Вашъ покорный слуга М. Костровъ.

Прошу извинить, что мало пишу; а мамашѣ [2]) буду доставлять книги для чтенія уже послѣ поста.

ПИСЬМО ОТЦА И МАТЕРИ.

Получено 2 марта. 27 февраля 1854 г. Суб. 1-я поста.

24-го числа сего мѣсяца послали мы къ тебѣ, милый сынъ нашъ Николай Александровичъ, письмо и при немъ пять руб. золотомъ съ Михаиломъ Борисовичемъ г. Прутченко [3]), въ коемъ, между прочимъ, писали, что письмо твое отъ 12 февр. получили 24 уже, и чтобы ты напомнилъ Михаилу Борисовичу постараться выполнить данное ему порученіе отъ папаши его касательно награжденія меня наперснымъ крестомъ, на полученіе котораго хотя имѣю я законное уже право за выслугою положенныхъ лѣтъ; но, вѣдь Богъ знаетъ, какъ взглянутъ! [4]). Нынѣ же пишемъ мы къ тебѣ потому, что Михаилъ Борисовичъ хотѣлъ пробыть дня три или четыре въ Москвѣ, и слѣдовательно это письмо можетъ предупредить его съ тобою свиданье, ибо посылаемъ съ почтою—кажется—*скороходкою* [5]). Михаилъ Борисовичъ будетъ жить, какъ и прежде, въ домѣ генеральши Анненковой, противъ Театральной площади. Понавѣдайся объ этомъ. Онъ вѣрно приметъ и будетъ принимать тебя радушно, какъ добраго земляка.

При пожеланіи тебѣ всѣхъ благъ отъ Господа остаюсь любящій тебя отецъ твой

священникъ Александръ Д.

Милый, неоцѣненный другъ мой, Николай Александровичъ! Я очень рада, что ты здоровъ и веселъ и доволенъ своимъ поступленіемъ въ Институтъ. Отъ души радуюсь, что этимъ исполнилось всегдашнее твое желаніе. Жалѣю и о твоихъ многотрудныхъ занятіяхъ [6]). Но

---

[1]) То есть: будьте увѣрены, что все это я прочту (и дѣйствительно читаю все) въ Вашемъ и т. д.

[2]) Подразумѣвается: „Вашей“.

[3]) Сыномъ Бориса Ефимовича.

[4]) Какъ взглянутъ въ Синодѣ на представленіе архіерея къ награжденію его наперснымъ крестомъ. Порученіе, данное Борисомъ Ефимовичемъ Прутченко сыну очевидно въ томъ и состояло, чтобъ онъ справился въ Синодѣ, будетъ ли уважено это представленіе.

[5]) „Скороходкою“ написано съ разстановкой буквъ, означающее то же, что подчеркиваніе.

[6]) „Жалѣю и о твоихъ“. Однобуквенное слово находящееся передъ „о“ ка-

да поможетъ тебѣ Господь. Прошу тебя, береги всего больше свое драгоцѣнное здоровье; оно ничѣмъ не можетъ замѣниться: ни честью [1]), ни богатствомъ. Мы съ удовольствіемъ читали и радовались твоей умѣренности [2]). Да и къ чему [3]) такъ много изнурять себя излишнимъ занятіемъ: не всѣмъ же можно быть первыми [4]); а мы очень въ тебѣ увѣрены, что ты и не при усиленныхъ занятіяхъ будешь не изъ послѣднихъ. А всего лучше, когда ты къ намъ пріѣдешь совершенно здоровымъ, какъ обѣщаешь; но только не черезъ пять мѣсяцевъ,—это очень долго [5]). Мы всѣ тебя съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и разсчитываемъ время твоего отпуска. Я бы желала знать, какъ ты кончилъ свое сочиненіе [6]) и порадовало ли оно тебя, и какъ ты проводилъ масляницу, не видалъ [7]) чего интереснаго для насъ и новаго. А ты же и обѣщалъ написать побольше. Но вотъ у насъ прошла и первая недѣля поста, а мы отъ тебя не получали обѣщаннаго письма, и опять начинаю безпокоиться о твоемъ здоровьѣ [8]). Можетъ быть тебѣ совершенно и некогда писать къ намъ при своихъ трудныхъ занятіяхъ; но что же дѣлать, дружочекъ мой, прошу тебя, хотя понемногу, а пиши, хоть 2 письма въ мѣсяцъ, для моего спокойствія. А я въ тебѣ увѣрена, что ты меня по прежнему любишь. Папаша въ церкви; у насъ много причастниковъ, въ томъ числѣ и Михаилъ Ивановичъ нашъ. Родные наши всѣ здоровы. Желаю и прошу Бога, чтобы и ты былъ совершенно здоровъ, веселъ и успѣвалъ во всемъ хорошо.

Остаюсь любящая тебя много, много З. Д.

жется на первый взглядъ „и“; но верхняя часть первой черты его нѣсколько загнута внутрь; подобную форму имѣетъ иногда у Зинаиды Васильевны буква „я“; потому быть можетъ должно читать: „жалѣю я о твоихъ“. Если же читать „жалѣю и о твоихъ“, должно понимать это „и“ въ томъ смыслѣ, что слова матери служатъ отвѣтомъ на слова сына въ его письмѣ отъ 18 февр.: „у Васъ, мои милые, родные, опять начнутся тяжкіе труды“.

1) Почестями.

2) Умѣренности въ занятіяхъ.

3) „Такъ много“—плеоназмъ; смыслъ словъ: „Да и къ чему было бъ изнурять себя“?

4) По письмамъ Николая Александровича нельзя догадаться, что въ это время хорошіе профессоры (какъ напр. Срезневскій) ужъ видѣли: студента такого даровитаго и съ такими обширными знаніями еще не бывало въ Институтѣ.

5) Дѣйствительно, Николай Александровичъ выразился не точно, сказавъ, что надѣется пріѣхать черезъ пять мѣсяцевъ; когда онъ писалъ эти слова, до начала каникулъ въ Институтѣ (до половины іюня) оставалось лишь нѣсколькими днями больше четырехъ мѣсяцевъ; а теперь, когда писала Зинаида Васильевна, оставалось ужъ только три съ половиною мѣсяца до начала каникулъ, а до времени пріѣзда ея сына въ Нижній—меньше четырехъ мѣсяцевъ.

6) Сличеніе первой книги „Энеиды“ въ переводѣ г. Шершеневича съ подлинникомъ.

7) Не видалъ ли.

8) Письмо сына, на которое она отвѣчаетъ, было писано 18 февраля; слѣдовательно, прошло еще только дня четыре, много дней пять по полученіи извѣстія о сынѣ, а она ужъ снова безпокоится, здоровъ ли онъ.

Приписка Антонины Александровны.

Любезный братецъ нашъ, благодаримъ Васъ за Вашу любовь и память о насъ. Мы давно желали написать къ Вамъ, но мамаша не позволяла, потому что мы дурно пишемъ [1].

Антонина Д.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1 марта 1854, Петербургъ.

Давно ожидая отъ Васъ письма, милые мои Папаша и Мамаша, я былъ нынче очень обрадованъ, когда услыхалъ, что получено письмо на мое имя. Я тотчасъ побѣжалъ изъ своей камеры къ швейцару, желая скорѣе получить давно желанное... Письмо однако же оказалось отъ нашего добраго, незлопамятнаго Михаила Алексѣевича [2]. Я, разумѣется, и ему былъ радъ, какъ родному... Но все же мнѣ осталось неизвѣстнымъ, получили ли Вы мои письма отъ 12-го и 18-го февраля... Я утѣшенъ былъ вѣстью, что Вы всѣ находитесь въ добромъ здоровьѣ, и теперь рѣшился писать къ Вамъ, не дожидаясь Вашего отвѣта на мои письма. Между прочимъ, вспомнилъ я и о томъ, что нынче именинница наша Ниночка, съ чѣмъ я ее и поздравляю, желаю всего, всего лучшаго, ума и здоровья, и скромности, и послушанья... Вѣрно, она и на фортепіано учится нынѣ хорошо... Я бы вотъ и хотѣлъ теперь поучиться, да и некогда, и не на чемъ, и не у кого... Жалѣю теперь, что не выучился дома такъ, чтобы могъ играть легко и свободно... Тогда бы я могъ собственно для этого и черезъ это найти здѣсь знакомыхъ въ семействахъ своихъ товарищей. Хотѣлъ бы я поздравить со днемъ ангела почтеннѣйшую нашу Авдотью Ивановну, но подоспѣла репетиція по всеобщей исторіи,—по которой и отвѣчалъ я въ субботу—и я никакъ не могъ исполнить моего и вмѣстѣ Вашего желанія... Теперь, если заблагоразсудите, поздравьте ее отъ меня...

Здѣсь пока мы живемъ довольно спокойно, дѣлаемъ большею частью то, что хотимъ, а не то, что нужно приготовить къ завтрему... Это, по крайней мѣрѣ, для меня—очень важное обстоятельство; теперь по мѣрѣ возможности занимаюсь я нѣмецкимъ языкомъ и старославянскимъ нарѣчіемъ; вожусь около Остромирова Евангелія, читаю грамматику Добровскаго и т. п. Послѣ святой вскорѣ начнутся у насъ экзамены, будутъ продолжаться цѣлый мѣсяцъ, если не болѣе, въ обоихъ

---

1) Это должно понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что Зинаида Васильевна говорила старшимъ дочерямъ: учитесь писать хорошенько, чтобы братъ не осудилъ васъ за плохой почеркъ; когда выучитесь, то и будете писать ему.—Внушенія такого рода, обыкновенно, дѣлались тогда, чтобы возбудить прилежаніе дѣтей; такъ дѣлается, впрочемъ, и теперь.

2) Незлопамятнымъ онъ названъ здѣсь потому, что снова пишетъ Николаю Александровичу, который все еще не собрался отвѣчать ему на письмо отъ 24 дек.

курсахъ... Стращаютъ тѣмъ, что не всѣ перейдутъ во второй курсъ, что экзаменъ будетъ очень строгъ и т. п. Я, впрочемъ, не прочь бы и остаться—такъ, по своей волѣ—въ первомъ курсѣ, именно для того, чтобы поближе познакомиться съ различными древними и новыми, славянскими и не славянскими языками... Только бѣда въ томъ, что, говорятъ, не успѣвшихъ не будутъ оставлять въ первомъ курсѣ, а просто-на-просто ушлютъ въ уѣздные учителя... Отъ этого ужъ упаси Господи!... Недавно, однако, сошедшись одинъ на одинъ съ инспекторомъ, я спросилъ его, каковы мои баллы, и онъ объявилъ мнѣ, что баллы мои хороши и что я могу надѣяться быть въ числѣ первыхъ пяти... Этого, разумѣется, даже много для меня по моимъ занятіямъ... потому что, надобно признаться, я крѣпко занимался всѣмъ только первый мѣсяцъ; а потомъ занимался только такъ, чтобы никто не могъ упрекнуть меня въ плохомъ отвѣтѣ [1])...

Всю первую недѣлю мы постились; давались намъ кушанья обыкновенно съ приправою грибовъ; въ субботу подали рыбу; а въ воскресенье уже опять скоромное... И такимъ образомъ пошло опять до 4-й недѣли, когда мы будемъ говѣть... Все это дѣлается, впрочемъ, съ разрѣшенія Свят. Синода, и скоромная пища рѣшительно не лежитъ у насъ на совѣсти... Прошу и Васъ не безпокоиться...

Въ послѣднее время множество литературныхъ новостей завелось у насъ. Сообщаетъ ихъ намъ по большей части И. И. Срезневскій... Такъ, напр., на дняхъ прочиталъ я въ рукописи «Странствующаго жида», поэму Жуковскаго, сколько ея написано... Также ходитъ у насъ по рукамъ нѣсколько записокъ по поводу восточнаго вопроса: Погодина, Попова, маленькая поэмка Майкова подъ названіемъ: «Клермонскій соборъ»—прекрасная вещь и имѣющая тоже современный интересъ. Если она Вамъ неизвѣстна и если Вамъ угодно, въ слѣдующемъ письмѣ я могу сообщить ее Вамъ... Кромѣ того, здѣсь появилось множество стихотвореній по поводу настоящей войны... Они обыкновенно не достигаютъ печати, а ходятъ по рукамъ. Здѣсь считаютъ ихъ десятками. Нѣкоторыя, дѣйствительно, стоятъ вниманія, другія— такъ себѣ, безцвѣтны и ничѣмъ не выдаются... Если гг. Шевелевъ и Наставинъ, недавно уѣхавшіе отсюда, какъ увидѣлъ я въ газетахъ, не навезли этого хлама въ Нижній, то вѣрно, многія изъ стихотвореній этихъ неизвѣстны у васъ. Не угодно ли нѣсколько?

— — [2]).

. . . .

[1]) Онъ занимался тѣмъ, чего не требовала школьная программа.
[2]) Переписаны стихотворенія:

Вопросъ.

Пускай французъ бы горячился
и т. д.
(Подпись: Русскій Солдатъ. 1854 г., февр. 16, Петербургъ).

———

Ура! на трехъ ударимъ разомъ
и т. д.
Подпись: Тверь. Ѳ. Глинка.

Вотъ пока Вамъ два... Я, впрочемъ, опасаюсь, что безполезно выписывалъ ихъ, потому что они уже, можетъ быть, извѣстны у Васъ... Множество есть и другихъ: стихотворенія Майкова, Аксакова, Аксеновскаго, монаха Кавелина, графини Ростопчиной, неизвѣстныхъ NN и т. п... Всюду разлилась стихотворная горячка... Того и гляди, что изъ этого хаоса вдругъ встанетъ могучая душа и силою поэтическаго чувства своего воззоветъ къ жизни нашу упавшую поэзію. Даже студенты Медико-хирургической академіи отличились стихами, не очень, впрочемъ, скромными. Да и изъ насъ нѣкто бросился туда же, именно г. Авенаріусъ, о которомъ я уже писалъ Вамъ однажды и который еще нѣсколько разъ просилъ меня послать отъ него поклонъ А. П. Гильдебрандту... Всѣ эти стихотворенія, разумѣется, сами по себѣ не имѣютъ большой цѣны, кромѣ «Клермонскаго собора»; но они интересуютъ, на сколько удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ и толкамъ. Но на этотъ разъ, кажется, довольно объ этомъ; въ слѣдующемъ письмѣ опять надѣюсь возвратиться къ тому же.

Чтобы не оставлять бѣлой страницы, я плутовски пользуюсь ей, чтобы написать на ней цѣлыхъ два письма, хотя безъ особенныхъ воззваній и т. п.

И такъ, почтеннѣйшаго Михаила Алексѣевича отъ всей души благодарю я за память и любовь. Право, мнѣ давно хотѣлось отвѣчать, Михаилъ Алексѣевичъ, но все какъ-то не могъ собраться... Развѣ ужь вотъ съ «Клермонскимъ соборомъ» пущу голубка къ Вамъ... Впрочемъ, что много толковать! Скоро увидимся... А между прочимъ я очень радъ, что у васъ въ Семинаріи развивается просвѣщеніе и журналы выписываются и читаются. По крайней мѣрѣ профессоры-то будутъ слѣдить за наукой и литературой... А тамъ, можетъ быть, и ученики...

Н. Добролюбовъ.

Еще мое слово дядюшкѣ Лукѣ Ивановичу и тетушкѣ Варварѣ Васильевнѣ... Желаю Вамъ жить по прежнему, управляясь безъ Эльпидифора Алексѣевича. Вашу записочку и платочекъ я получилъ отъ него и благодарю Васъ... Отъ отца Эльпидифора узналъ я, что Вы всѣ здоровы, по прежнему благополучны,—чему я очень радъ, и желаю Вамъ прожить такъ до того времени, когда мы явимся къ Вамъ съ Эльпидифоромъ Алексѣевичемъ.

Н. Добролюбовъ.

PS. А нельзя ли на мѣстѣ узнать пообстоятельнѣе о пароходствѣ до Нижняго... Въ Вѣдомостяхъ [1]) объявляютъ, что Самолетъ будетъ ходить только до Ярославля...

Кромѣ писемъ къ роднымъ (и къ Михаилу Алексѣевичу Кострову, который былъ все равно, что родной), сохранились отъ перваго года институтской жизни Николая Александровича четыре письма его къ Валеріану Викторовичу Лаврскому, товарищу по семинаріи, о которомъ часто упоминается въ его перепискѣ съ родными (и много говорится въ его дневникахъ семинарскаго времени).

---

1) Слово „вѣдомости" употреблено въ смыслѣ „газеты".

Эти письма составляютъ особое цѣлое. Потому мы печатаемъ ихъ всѣ вмѣстѣ. Страницами, на которыхъ помѣщаются они, та часть переписки Николая Александровича съ родными, которая принадлежитъ времени до смерти его матери, отдѣляется отъ слѣдующей части, въ которой тревога за жизнь матери и потомъ печаль о ея смерти совершенно измѣняетъ характеръ писемъ Николая Александровича къ роднымъ и, сообразно этому, измѣняетъ характеръ ихъ писемъ къ нему.

ПИСЬМА Н. А—ЧА КЪ ВАЛЕРІАНУ ВИКТОРОВИЧУ ЛАВРСКОМУ.

Письмо первое.

Санктпетербургъ 1853 года, 25 августа.

Я не обѣщалъ писать къ Вамъ, Валеріанъ Викторовичъ, но, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, не держу своего слова. Это—велѣдствіе того соображенія, что не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, адресовать мое письмо просто въ нижегородскую семинарію, для того, чтобы оно было прочитано всѣми товарищами, какъ говорилъ я Вамъ на прощаньѣ. Будьте же Вы за всѣхъ ихъ и передайте имъ всѣмъ нѣжнѣйшее чувство любви и преданности моей, которыя не премину сохранить на вѣки нерушимо ко всѣмъ имъ вообще, хотя всѣхъ почти позабуду въ частности. Раздѣлавшись съ ними такимъ образомъ, спѣшу принести Вамъ повинную въ томъ, что я ничего не осматривалъ и ничего не видалъ особенно хорошаго въ Москвѣ, въ которой былъ всего одинъ день. Только церковь Василія Блаженнаго доставила мнѣ нѣкоторое удовольствіе: дома [1]) смѣялся я подъ разноцвѣтными ея головами. Не вкусилъ я даже и саекъ московскихъ, и калачей не отвѣдалъ... то есть просто совершеннымъ профаномъ остался на счетъ всѣхъ московскихъ прелестей. Очень сожалѣю объ этомъ, и тѣмъ болѣе искренно, что еслибы я присмотрѣлся побольше къ Москвѣ, то, полагаю, восхищеніе мое Петербургомъ было бы гораздо полнѣе и внезапнѣе... Здѣсь я занимаю пока небольшую, впрочемъ чистенькую, комнатку, отдѣленную только перегородками отъ другихъ двухъ, что даетъ мнѣ возможность знакомиться съ петербургскими нравами (въ нисшемъ, конечно, классѣ). Впрочемъ, безпрестанныя розсказни двухъ старухъ очень мѣшали мнѣ два—три вечера, когда я готовился къ экзамену. Экзамены въ академіи кончатся, кажется, завтра. Журавлевъ отличается и поддерживаетъ честь семинаріи; я же не имѣлъ этого счастья. По общему отзыву экзаменующихся, нынѣшнее испытаніе довольно безалаберно, и потому—не то, чтобы строго и не то, чтобы слабо, а такъ—куда вывезетъ. Впрочемъ, не смотря на то, всѣ согласны въ томъ, что кто плохо отвѣчаетъ, тотъ всеконечно плохъ, а кто бойко держитъ этотъ пріемный экзаменъ, тотъ и впредь будетъ умный человѣкъ. Я съ своей стороны много объ этихъ предметахъ не любопытствую, и потому—извините, что не могу сказать ничего опредѣленнаго... Еще одинъ

---

[1]) Вѣроятно, ошибка переписывавшаго, и слѣдуетъ читать „долго смѣялся“.

землякъ нашъ потерпѣлъ здѣсь самое незаслуженное несчастіе. Это—Авроринъ, который еще нѣкогда обратилъ Ваше вниманіе своей проповѣдью, которую говорилъ онъ въ Мироносицкой церкви. Такъ онъ выдержалъ очень хорошо экзаменъ въ Педагогическомъ институтѣ и затѣмъ былъ принятъ, но на другой день послѣ принятія опять уволенъ за старостью лѣтъ: ему 22 года. Теперь не знаю уже куда онъ, бѣдный, дѣвался: дня два я его не видалъ здѣсь...

Позвольте, однако, обременить Васъ нѣкоторыми порученіями. Митрофану Ефимовичу [1]) скажите мое почтеніе и вмѣстѣ передайте, что писать къ нему я скоро не буду, потому что причина или стимулъ для этого болѣе не существуетъ. За то я попрошу Журавлева обо всемъ его увѣдомить. Ивану Александровичу [2]) скажите, что 7-е сентября я не забылъ и не забуду, но что письма отъ меня онъ не дождется долго, по всей вѣроятности до Рождества. У меня въ эти мѣсяцы будетъ очень много работы: къ рождественскимъ экзаменамъ я долженъ выучиться французскому языку, если не хочу отправиться обратно въ Нижній. Дмитрію Ивановичу Соколову объявите, что въ Медико-хирургической академіи прекрасное житье и что вакансій для стипендіатовъ открывается все болѣе и болѣе. Нынѣ увеличено число флотскихъ стипендіатовъ и предложены новыя стипендіи отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Стало быть, поступить въ число стипендіатовъ гораздо легче, чѣмъ прежде; но за то экзаменъ сталъ строже,—оттого говорятъ, что сюда [3]) обращается нынѣ очень много поляковъ, которыхъ права очень ограничены теперь во всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Потомъ поклоны товарищамъ раздайте, какъ сами знаете... Это уже совершенно въ Вашей волѣ и на Вашей отвѣтственности. Можетъ быть, я отправлю скоро оффиціальное посланіе къ кому нибудь изъ начальствующихъ нашихъ, которымъ подобныхъ нигдѣ не нашелъ я здѣсь. Жалко, право, становится, какъ вспомнишь о нѣкоторыхъ. Здѣсь,—хоть бы въ академіи, [4])—все прекрасно, все безукоризненно, но все-таки мало веселья, все слишкомъ серьезно; ни анекдоты, ни переходы чрезъ Геликонъ какой нибудь, ничего этого столь знакомаго и столь милаго... Право, только за тѣмъ, чтобы послушать такихъ прекрасныхъ вещей, чрезъ годы захочется въ Нижній. А до тѣхъ поръ между тѣмъ не томиться же мнѣ духовной жаждой, влачась въ этой пустынѣ незнакомаго города. Такъ вотъ что: не оставьте поднести чашу студеныхъ анекдотовъ, чтобы не вдругъ лишиться мнѣ этого сокровища. Въ самомъ дѣлѣ—пишите ко мнѣ, пожалуйста. Очень пріятно будетъ знать, что дѣлается *на родинѣ*. Адресъ пишите: студенту Главнаго Педагогическаго Института NN, которымъ имѣю честь быть.

[1]) Лебедеву; онъ былъ товарищемъ Николая Александровича по семинаріи. Впослѣдствіи, М. Е. Лебедевъ жилъ въ Петербургѣ; въ послѣднее время болѣзни Николая Александровича, Митрофанъ Ефимовичъ ухаживалъ за нимъ съ неутомимою заботливостью самаго любящаго родного брата.

[2]) Веселовскому.

[3]) Вмѣсто: „туда“ (въ Медико-хирургическую академію).

[4]) Въ духовной академіи.

Письмо второе.

2 октября 1853 года.

Ваши опасенія, Валеріанъ Викторовичъ, что я не скоро соберусь написать къ Вамъ, были такъ нельзя болѣе справедливы; инерція моя все такъ же сильна, какъ и прежде; дѣла ещё больше и все дѣло письменное; не мудрено позабыть старые должки... Да, правда,— и хлопотать-то не о чемъ: для Васъ, умѣреннѣйшій изъ смертныхъ, такъ хорошо и спокойно въ настоящемъ положеніи, что, навѣрное, Васъ не забираетъ особенная охота узнавать положенія другихъ, особенно такихъ отдаленныхъ людей, которые еще при томъ такъ рѣдко даютъ знать о себѣ. По крайней мѣрѣ я такъ сужу по себѣ: у меня совсѣмъ пропала охота узнавать семинарскіе анекдоты и остроты и т. п. Такимъ образомъ думаю я извинить мою невѣжливость и прикрыть непростительную лѣность... Кстати, почему не признаться, если уже началъ, что поводомъ и къ этому письму былъ собственно совѣтъ профессора Срезневскаго... Впрочемъ, прежде отвѣчу на Ваши вопросы, которые Вы предлагаете мнѣ въ своемъ письмѣ. Отвѣтъ будетъ немножко поздній, но думаю—не запоздалый. Вѣрно извѣстія обо мнѣ не съ такою же быстротою разносятся по богоспасаемому Нижнему, чтобы Вы уже слышали ихъ изъ другихъ устъ.

И такъ, буди Вамъ извѣстно, что я поступилъ на историко-филологическій факультетъ и сообразно съ тѣмъ провожу время свое, день за днемъ, въ занятіяхъ преимущественно филологическихъ; отъ 9 до 3-хъ часовъ сижу на лекціяхъ; потомъ отъ 5½ до 7 еще бываетъ лекція по французскому или нѣмецкому языку. Два раза въ недѣлю, во вторникъ и субботу, бываютъ классы танцованія, фехтованія, рисованія и даже нотнаго пѣнія. Кромѣ танцованія ни одно изъ этихъ искусствъ, какъ у насъ называютъ, не обязательно. Нѣкто спрашивалъ инспектора, почему не учатъ музыкѣ, но онъ сказалъ, что для этого нужно бы на 60 студентовъ [1]) по крайней мѣрѣ 20 учителей, да и то было бы неудобно... Рисовать учатъ здѣсь очень потѣшно. Пришелъ я въ первый разъ въ комнату, посвященную рисовальному классу; меня встрѣтилъ сѣденькій, маленькій старичекъ и ломаннымъ русскимъ языкомъ спросилъ: «Вы рисовать желаете?»—«Да».—«Вы никогда не рисовали?»—«Никогда».—«Это вамъ не трудно будетъ»—и далъ мнѣ срисовать женскую головку. Я отказался, сказавши, что это трудно. Тогда онъ вытащилъ изъ кучи рисунковъ какую-то лодочку; я сѣлъ, срисовалъ ее, худо ли, хорошо ли, показалъ ему; онъ замѣтилъ только, что я больше сдѣлалъ лодочку... Тѣмъ и кончилось. На другой классъ домикъ, на третій домикъ, на четвертый церковь, и пошло, и пошло. И все-таки я ничего не умѣю начертить; только по-пусту теряю два часа въ недѣлю, и потому скоро, кажется, прекращу эти занятія. Кстати скажу нѣсколько словъ о художественной выставкѣ, хотя Вы, какъ записной любитель, конечно давно уже прочли о ней множество разно-

---

1) Перваго курса.

родныхъ толковъ въ газетахъ. Потому я упомяну Вамъ объ одной только странности: я три часа проходилъ по заламъ, въ которыхъ расположена выставка, и не соскучился, даже не замѣтилъ этого; мало того, я пошелъ въ другой разъ и тоже пробылъ почти три часа. Не зная толку собственно въ живописи, я не былъ пораженъ и даже не замѣтилъ ничего особеннаго въ двухъ картинахъ, заслужившихъ первыя медали. Впрочемъ, эти картины представляютъ чрезвычайно много разнородныхъ фигуръ, въ которыя я не могъ всмотрѣться, потому что народу постоянно было очень много. Всѣхъ болѣе мнѣ собственно понравились двѣ картины, изображающія смерть Гектора: столько горести выражается въ лицѣ Андромахи и всѣхъ окружающихъ. И какъ хорошъ тутъ на одной изъ картинъ маленькій сынъ Гектора!.. Потомъ хороша Эсѳирь предъ Артаксерксомъ, Периклъ со статуей Минѣрвы; въ другомъ родѣ мнѣ очень понравились: игра въ носки, сцена въ погребкѣ и особенно—дѣвочка за книгой... Что это за чудный взглядъ у этой дѣвочки! Она держитъ передъ собой книжку и такъ лукаво смотритъ въ сторону. Постоянно предъ этой картиной было множество народу и каждый почти привѣтствовалъ ее какимъ нибудь милымъ словцомъ... Нѣкоторые пейзажи тоже были чрезвычайно хороши... А какіе были портреты миленькіе! Одна головка цѣлую недѣлю меня преслѣдовала!.. Еще одна картина, Воскресеніе Христово, заинтересовала меня своей новостью: Спаситель изображенъ не на воздухѣ съ знаменемъ въ простертой рукѣ, какъ обыкновенно, а просто Онъ стоитъ надъ гробомъ въ прямомъ положеніи, съ спокойнымъ величіемъ и полуопустивъ руки... Но полно же наконецъ объ этомъ. Всѣхъ нумеровъ на выставкѣ было до 300; всего не перечислишь... И такъ, по милости этой выставки я долженъ отложить на неопредѣленное время нѣкоторые Ваши вопросы. Теперь ограничусь необходимымъ. Наставники наши, кромѣ двухъ или трехъ, всѣ извѣстны въ нашемъ кружкѣ учеными или литературными трудами. Но какъ Вы не обязаны знать все, что пишется и печатается на православной Руси, то Вамъ я назову только Срезневскаго, Устрялова, Лоренца, Благовѣщенскаго и Михайлова (М. М., юриста) на нашемъ факультетѣ, потомъ Остроградскаго, Ленца, Куторгу, Брандта, Савича, которыхъ мы только созерцаемъ, а не слушаемъ, потому что они на математическомъ факультетѣ. Директоръ нашъ И. И. Давыдовъ... Профессоръ Срезневскій читаетъ славянскую филологію и очень интересуется областными словами. Я представилъ ему нѣсколько сотъ; онъ былъ очень доволенъ и замѣтилъ, что здѣсь припоминать не совсѣмъ удобно, а набрать еще можно много. Такъ вотъ, говоритъ, Вы пишите письмо домой, къ товарищамъ, и скажите, чтобы тамъ потрудились. Я ничего не обѣщалъ ему, потому что не знаю, какъ далеко простирается Ваша скромность; но полагаю, что Вы могли бы переслать къ нему собранныя Вами слова, если только не имѣете въ виду лучшаго употребленія ихъ.

Н. Добролюбовъ.

(*Приписка на полѣ*).

Я жду отъ Васъ письма въ непродолжительномъ времени. Мы съ Вами, кажется, нерѣдко бываемъ въ противуположности; слѣдовательно, если я Вамъ долго не отвѣчалъ, то могу надѣяться, что Вы отвѣтите скоро.

Письмо третье.

10 декабря 1853 г.

«Золотыя цѣпи» такъ крѣпко держали меня цѣлый мѣсяцъ, что я не могъ отвѣчать Вамъ, Валеріанъ Викторовичъ, на ваше письмо отъ 28—29 октября. Да и теперь отрываюсь отъ дѣла, отъ множества репетицій и прочей работы, единственно потому, что все это мнѣ страхъ какъ надоѣло! Теперь вотъ уже нѣсколько [1]),—только утѣшаютъ меня Срезневскій и Благовѣщенскій; прочіе всѣ, кромѣ Лоренца, начали репетиціи, которыя такъ же почти скучны, какъ и всѣ репетиціи на свѣтѣ,—особенно когда самъ уже отвѣчалъ и сидишь въ аудиторіи безъ дѣла. Лоренцъ у насъ и репетируетъ и читаетъ вмѣстѣ,—читаетъ, какъ Вамъ справедливо говорили,—на нѣмецкомъ, и какъ читаетъ!.. Не запнется, не заикнется, не остановится среди недоконченной мысли; рѣчь его звучна и тверда и течетъ безостановочно,

Als Regenstrom aus Felsenrissen,—

по русски трудно это выразить... Я не понимаю десятой доли его лекцій, но и то, что̀ понимаю, возбуждаетъ во мнѣ удивленіе къ необыкновенному уму и познаніямъ этого человѣка. Въ этотъ годъ еще не надѣюсь его понимать совершенно; но если черезъ годъ не буду понимать, это уже моя вина. Здѣсь есть всѣ средства хорошо изучить нѣмецкій языкъ: это не то, что французскій, преподаватель котораго толкуетъ намъ начала языка на французскомъ же... А мы сидимъ и напрасно напрягаемъ вниманіе... Скоро, впрочемъ, будетъ кажется, нѣчто въ родѣ адъюнкта у нашего почтеннаго Кресѝ, и тогда авось пойдетъ дѣло на ладъ.

Недавно я былъ у Измаила Ивановича Срезневскаго по дѣлу о пословицахъ. Онъ очень доволенъ «всякимъ добросовѣстнымъ трудомъ, лишь бы не было общихъ мѣстъ и не преслѣдовалось то, что уже сдѣлано кѣмъ нибудь и когда нибудь»... Такъ онъ говорилъ мнѣ о трудахъ по части русскаго народнаго языка,—по поводу пословицъ, помѣщенныхъ въ «Москвитянинѣ» 1852 г. г.-мъ Терещенко, пословицъ собранныхъ будто бы въ Арзамасѣ!.. Я ему не говорилъ ничего о Вашемъ предпріятіи, потому что это еще журавль въ небѣ, а обманывать Измаила Ивановича довольно опасно тому, кто находится подъ его вліяніемъ. Тѣмъ болѣе не высказывалъ я ему своихъ или Вашихъ замѣчаній о словахъ, доставленныхъ изъ Нижегородской губерніи. Я самъ приискивалъ и разсматривалъ многія изъ этихъ словъ и не нашелъ невѣрностей, кромѣ какъ въ пяти или шести словахъ... А что каса-

---

[1]) Вѣроятно, пропущено слово „дней“ и должно читать „нѣсколько дней“.

ется до неполноты, то кто же можетъ поручиться, что какое нибудь опредѣленіе, можетъ быть, не полно? [1]) Вы представите десять значеній, а можетъ быть еще двадцать останется, и никто не имѣетъ права упрекнуть Васъ въ этомъ. При томъ, если уже говорить о томъ, къ какому племени принадлежитъ о. Макарій, къ рязанскому, нижегородскому или пермскому (!), то лучше рѣшить, что онъ относится къ петербургскому, потому что теперь онъ живетъ въ Санктъ-Петербургѣ, и недавно видѣлся со мной, и передалъ мнѣ, впрочемъ въ очень скромныхъ выраженіяхъ, Вашъ отзывъ о моемъ отправленіи въ академію и поступленіи въ Институтъ. Подивился я, съ какими странными подробностями доходятъ до Васъ самыя ничтожныя вѣсти. Напримѣръ, объ Авроринѣ слухъ вѣдь имѣетъ нѣкоторое основаніе... Я думалъ,—не самъ ли онъ смастерилъ такое извѣстіе, показывалъ ему Ваше письмо, но онъ отрекся... Я рѣшаюсь объяснить Вамъ дѣло. Когда намъ объявили, кто принятъ въ институтъ, то въ началѣ были названы тѣ, которые приняты безусловно, т. е. безъ всякихъ препятствій. Такихъ было, кажется, 13... Потомъ начали вызывать тѣхъ, которые удовлетворительно выдержали экзаменъ, но оказались неудовлетворительными въ новыхъ языкахъ. Изъ этихъ первымъ вызвали меня, третьимъ Аврорина. Вы видите, что это выходитъ не третій, а шестнадцатый. Затѣмъ, Вы, кажется, имѣете неправильное понятіе о нашихъ экзаменахъ и спискахъ. Списки [2]) здѣсь составляются послѣ экзаменовъ конференціею; до тѣхъ же поръ вездѣ употребляются списки алфавитные; только въ спальнѣ виситъ списокъ составленный по росту, для особыхъ хозяйственныхъ цѣлей, которыя не скоро объяснишь. Въ этомъ спискѣ я 38-мъ. Профессора здѣсь списковъ тоже не составляютъ, а просто выставляютъ каждому баллы и такъ подаютъ въ конференцію. Это, между прочимъ, много способствуетъ къ истребленію зависти и недоброжелательства между студентами. Каждый заботится только о себѣ, и получивши 5, нисколько не досадуетъ на хорошіе отвѣты другихъ. Однако—прощайте. Десять било и мы должны идти спать.

Н. Добролюбовъ.

NB. Если кому угодно изъ семинаріи нашей попытать счастья въ Институтѣ, то увѣдомьте ихъ, между прочимъ, что здѣсь носится слухъ о раздѣленіи Института на 4 курса, вмѣсто двухъ. Если это будетъ, то пріемъ студентовъ будетъ и на слѣдующій годъ.

Письмо четвертое.

18 февраля 1854 г.

Февраля 8 получилъ я послѣднее письмо Ваше, Валеріанъ Викторовичъ, и при немъ посылку подъ литерою L. 13-го числа передалъ я ее И. И. Срезневскому. Пишу къ Вамъ по его порученію и даже вмѣсто его самого, какъ онъ сказалъ. Слѣдовательно, прежде

[1]) То есть: поручиться, что какое нибудь опредѣленіе не окажется неполнымъ?
[2]) То есть, списки студентовъ по порядку ихъ успѣховъ.

всего о дѣлѣ: это тѣмъ болѣе *прежде*, что для меня всегда какъ нельзя болѣе пріятно исполнить слова Измаила Ивановича, а въ настоящемъ случаѣ, независимо отъ этого, самое приказаніе очень пріятно.

Я отдалъ ему тетрадку, объяснилъ обстоятельства ея полученія мною и попросилъ, чтобы онъ сказалъ свое мнѣніе. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ въ тотъ день былъ особенно въ духѣ, и цѣлую лекцію читалъ намъ патріотическіе стихи, предлагалъ новое сочиненіе,—и разсказывалъ очень живо и краснорѣчиво содержаніе новой поэмы Майкова «Клермонскій соборъ» и т. п. Послѣ лекціи, когда только что я еще отдалъ ему Ваши дополненія, онъ сказалъ «прекрасно». Потомъ, когда я спросилъ его мнѣнія, чтобы передать Вамъ, то онъ отвѣчалъ: «Да вѣдь уже данъ образецъ въ Областномъ словарѣ и въ словарѣ Академическомъ»... Затѣмъ онъ перевернулъ нѣсколько страницъ, прочиталъ примѣчаніе, поставленное Вами на концѣ, и заключилъ: «Прекрасно-съ. По одному этому примѣчанію я вижу, что трудъ очень дѣльный. Напишите ему, что я буду ожидать продолженія. А между тѣмъ—Областной Словарь, Вы говорите, у него есть,—такъ я пошлю ему Извѣстія II-го Отдѣленія. Я ему ничего не буду писать, потому что у меня теперь множество дѣла и мнѣ нельзя заводить переписку. Такъ Вы напишите ему, чтобы онъ ожидалъ казеннаго пакета. Если будетъ онъ встрѣчать какія нибудь недоумѣнія, то можетъ передать ихъ Вамъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что если онъ будетъ такъ заниматься и внимательно читать Извѣстія, то самъ увидитъ, какъ это дѣлается; и разумѣется, труды его не будутъ безплодны».—Затѣмъ онъ [1]) распросилъ меня о Васъ и, между прочимъ, спросилъ, куда Вы намѣрены поступить по окончаніи курса. Я сказалъ, что вѣроятно будете посланы въ Духовную Академію. Онъ спросилъ: въ какую-же, сюда? На это я отвѣчалъ, что Нижегородская семинарія въ Казанскомъ округѣ. Срезневскій промолчалъ. Думаю, что Вамъ пріятенъ будетъ этотъ маленькій успѣхъ и потому Вы будете продолжать ревностно и скоро кончите свой словарь. Только, просматривая то, что Вами доставлено, я замѣтилъ, что мысль отдѣлить слова, разнящіяся однимъ произношеніемъ, пришла къ Вамъ уже позже. Иначе въ первой части у Васъ не встрѣтилось [2]) бечевы, бичевы, бичевки, бичевочки, болохрыстить... ну и пр.; теперь мнѣ и некогда припоминать да и не нужно, Вы, вѣрно, сами знаете. Нѣсколько словъ замѣтилъ я и такихъ, которыя просто-таки буква въ букву стоятъ въ Академическомъ Словарѣ, значенія ихъ объяснены у Васъ другими словами, но существеннаго отличія въ смыслѣ я не нашелъ. Потомъ еще нѣсколько словъ такихъ, въ которыхъ находится а вмѣсто о. Если Вы читали статью Даля о нарѣчіяхъ русскаго языка, то, вѣроятно, убѣдились, что помѣщать отдѣльно всѣ такія слова—совершенно безполезно. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ въ Вашихъ тетрадяхъ находится, кажется, богатый запасъ матеріаловъ. И даже собранныя мною слова не служатъ помѣхою. Во-первыхъ, я ихъ собралъ очень мало,—всего на

---

1) То есть, Срезневскій.

2) То есть: „иначе должно назвать не полнотою то, что въ первой“ и т. д.

всего съ небольшимъ 400 (не считая, разумѣется, разныхъ видовъ одного глагола, уменьшительныхъ и разныхъ формъ одного слова, которыя я подписывалъ подъ тѣмъ же словомъ, къ которому они относились); во-вторыхъ, живя среди этого говора, Вы легче могли набрать и опредѣлить слова, нежели я, и трудъ вашъ, конечно, долженъ быть плодовитѣе. Какъ бы то ни было, Вулканъ не нуженъ Вамъ [1]) и отчаянный стихъ написанъ Вами всуе.

Что касается до о. Макарія, то я право не могу удовлетворить Вашему вопросу о томъ, зачѣмъ онъ сюда вызванъ. Онъ какъ будто и самъ этого опредѣленно не зналъ еще въ то время, какъ я въ послѣдній разъ съ нимъ видѣлся (это было недѣли три тому назадъ). Онъ прикомандированъ къ какой-то должности въ Синодѣ; я видѣлъ у него нѣсколько статей разныхъ профессоровъ семинарій, присланныхъ (т. е. статей, а не профессоровъ и семинарій: се не собака, а левъ) въ Синодъ и данныхъ ему на разсмотрѣніе. Онъ говорилъ что-то о частыхъ посѣщеніяхъ имъ Войцеховича и другихъ свѣтскихъ властей въ Синодѣ; но кажется доселѣ онъ числится инспекторомъ пермской семинаріи. Кстати, съ чего взяли Вы, что я могъ обидѣться Вашимъ скромнымъ отзывомъ? [2]) Какое тайное чувство заставило Васъ оправдываться и думать, что въ «скромныхъ выраженіяхъ» можно передать только дурной отзывъ? Что до меня, то Вы, конечно знали, что я и въ Нижнемъ не мастеръ былъ сердиться, а здѣсь, въ этомъ холодномъ, гранитномъ городѣ, совершенно разучился, такъ что даже нѣмцы-товарищи говорятъ мнѣ: «ты очень хитрый—никогда не сердишься». Такое заключеніе обнаруживаетъ немножко нѣмецкую силлогистику; но, тѣмъ не менѣе, смѣю увѣрить, что я нисколько не обиженъ Вашимъ отзывомъ, хотя и переданнымъ мнѣ въ скромныхъ выраженіяхъ, и въ доказательство того намѣренъ дописать и эту страничку и даже слѣдующую, если только сейчасъ не погасятъ лампы и не оставятъ меня во тьмѣ ночной, изъ которой я долженъ буду бѣжать прямо въ объятія Морфея, чтобы приготовиться-таки къ троекратному пронзительному звонку завтрашняго утра.

Василій Варѳоломѣевичъ шлетъ мнѣ поклонъ. Такъ въ этомъ-то заключалась его салютація. А вѣдь я ждалъ письма... Онъ, кажется, изъ задорныхъ—раззадорьте-ко его написать подробное и всестороннее описаніе села Пестовки, въ родѣ описанія Ульяновки, помѣщеннаго въ «Этнографическомъ сборникѣ»; онъ, кажется, можетъ сработать подобную вещь.

Пересматривая письмо, замѣчаю, что писалъ его очень дурно. И знаете ли, отчего это особенно? Нынѣ за тремя профессорами нужно было записывать, и я, въ три часа съ небольшимъ, исписалъ больше трехъ листовъ со всѣми сокращеніями и недописками.... Рука ужасно устала; почеркъ у меня давно уже сбился совершенно. А все-таки какъ-то весело... Здѣсь какъ-то вольнѣе, какъ-то свободнѣе дышать мнѣ. Иногда припомнишь лекцію и при этомъ сердишься,

---

1) Вашъ трудъ не таковъ, чтобы бросить его въ печь.

2) Этотъ отзывъ былъ переданъ Николаю Александровичу Макаріемъ.

что еще мало успѣлъ записать. А помните, какъ мы въ семинаріи собирались записывать за Андреемъ Егоровичемъ?

Пишите ко мнѣ до окончанія Вашего труда.

Н. Добролюбовъ.

Продолжается переписка Николая Александровича съ родными.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1854 г., 17 марта, Петерб.

Вчера получилъ я письмо ваше, Папаша и Мамаша мои, посланное съ Михаиломъ Борисовичемъ; а нынѣ получилъ еще письмо отъ Васъ, Папаша, отъ 13-го марта [1]). Первыя строки обрадовали меня, извѣстивши о новой сестрицѣ... Но далѣе ужасная вѣсть поразила меня, какъ нельзя болѣе, и только слабая надежда меня поддерживаетъ... Я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастіе... Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для насъ милая, нѣжная, кроткая, любящая Мамаша наша, нашъ благодѣтельный геній, нашъ милый другъ и хранитель... Боже мой! Въ прахѣ и смиреніи повергаюсь предъ твоею святою волею! Едва дерзкія мысли посѣтили было мою голову [2]), какъ вотъ страшная кара грозитъ уже мнѣ, видимымъ образомъ наказывая самонадѣянность надменнаго ума... Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи!.. Помози моему невѣрію, подкрѣпи меня, сохрани мнѣ, моимъ милымъ, добрую нашу хранительницу! Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Господу Богу съ моею глубокою горестію... Но я вѣрю, что сильно это орудіе, я твердо вѣрую, Господи, что ты слышишь вопли моего сердца, и не только моего,—Ты слышишь молитвы, совершаемыя предъ алтаремъ твоимъ [3]), слышишь молитвы, произносимыя невинными устами чистыхъ младенцевъ, и Ты помилуешь всѣхъ насъ; Ты услышишь эти молитвы! Вѣрую, вѣрую, вѣрую—твердо и крѣпко, съ любовью и молитвой...

Но, Боже мой! отчего я не съ Вами, Папаша?.. Отчего я не могу видѣть и утѣшать теперь Васъ, отчего много дней долженъ я ждать Вашего новаго извѣстія, которое рѣшитъ все!.. Еслибъ я былъ съ Вами, еслибы чудомъ какимъ нибудь могъ я перенестись къ Вамъ,—о, я вылѣчилъ бы мою Мамашу, я влилъ бы бодрость и свѣжесть въ печальную душу Вашу, я далъ бы крѣпость и силу ослабѣвшимъ членамъ больной моей милой, неоцѣненной Матери, я пробудилъ-бы въ ней новыя силы, остановилъ бы дыханіе жизни на устахъ ея. Ея любовь откликнулась бы на горячій призывъ сыновняго сердца...

---

[1]) Зинаида Васильевна скончалась 8 марта. Александръ Ивановичъ пять дней медлилъ послать сыну письмо, которое должно было возбудить въ немъ предположеніе, что мать умерла; отецъ надѣялся, что сила удара будетъ ослаблена мыслью: „Если Мамаша умерла, то смерть ея была ужь за много дней до полученія мною этого письма“.

[2]) Мысли о томъ, что онъ будетъ радостью и гордостью матери.

[3]) Молитвы отца во время литургіи.

Но что есть, того не перемѣнишь... Нужно предаться Провидѣнію и ждать... Но еслибы могъ я скорѣе, скорѣе получить письмо отъ Васъ, радостную вѣсть о выздоровленіи Мамаши. Что бы ни было, —пишите ко мнѣ, пишите скорѣе, пишите каждый день [1]), если можно, хоть по двѣ строчки, если еще не все кончено. Пишите Вы, Михаилъ Алексѣевичъ, пишите чаще, больше, подробнѣе, не скрывая ничего отъ меня... Я все приму и перенесу съ твердостью, хотя вѣсть можетъ быть ужасна, такъ ужасна, что ничего ужаснѣе, кажется, не можетъ быть для меня...

Мамашенька, Мамашенька!.. Слышите ли еще вы?.. Благословите меня, успокойте меня, утвердите меня, утвердите во мнѣ вѣру въ Провидѣніе, спасите меня и на этомъ пути!..

Я увѣренъ, Папаша, что Вы ничего не пожалѣете, употребите всѣ средства для того, чтобы сохранить драгоцѣнную, слабую жизнь... Я самъ съ своей стороны, молясь Богу, вмѣстѣ прошу заочно и докторовъ нашихъ, особенно добраго Егора Егорыча, который уже давно знаетъ натуру Мамаши, который однажды и меня спасъ отъ смерти... Пусть употребитъ онъ все стараніе и искусство... Благодарный сынъ отплатитъ за мать свою.

Сестры и братья мои! Не плачьте, не шумите пожалуйста!.. Умоляю васъ... Можетъ быть, вы не понимаете всей опасности... Покойте, радуйте Мамашу, не давайте повода ни къ какому потрясенію... Нянюшка!—побереги ихъ, посмотри за ними! Ради Господа Бога!.. Добрые родные наши,—всѣ, всѣ вы, которые любили меня и насъ всѣхъ!.. Употребите свои старанія и заботы... Услужите этимъ всей семьѣ нашей, обяжите насъ на вѣки, на вѣки!.. Издали, но близко къ вамъ, умоляю я васъ объ этомъ...

Но, Папаша, если уже нѣтъ надежды, если все кончено,—да подкрѣпитъ Васъ Господь!.. Да вынесетъ могучая душа Ваша тяжкое горе, покоряясь Премудрому Промыслу, въ которомъ Вы всегда почерпали силу и мужество!.. Но уже я сказалъ, что твердо вѣрую въ опредѣленіе Промысла, который молю о спасеніи Мамаши!.. И если это письмо будетъ Вами получено еще тогда, когда не будетъ все кончено, оно послужитъ Вамъ залогомъ радостной перемѣны; оно должно успокоить Васъ и оправдать надежду мою... Это испытаніе, посланное отъ Бога... Кто знаетъ,—можетъ быть это устроено для утвержденія меня въ вѣрѣ... Вѣдь и одна душа много значитъ у Бога!.. Мужайтесь же, мужайтесь, мой добрый Папаша! Будемъ другъ другу облегчать тяжкое бремя горести.—Вчера былъ я у Михаила Борисовича, получилъ письмо и деньги,—благодарю Васъ... Просилъ я его и о томъ, о чемъ Вы говорили мнѣ... Онъ сказалъ, что это уже исполнено, и что онъ писалъ объ этомъ къ Борису Ефимовичу. Значитъ, Вы уже знаете... Къ Алекс. П. сходить была у меня мысль и прежде. Я думалъ все разузнать отъ него, попросить его, и мечталъ уже о счастьѣ быть первому вѣстникомъ монаршей Вамъ милости. Но, справившись о немъ, я узналъ, что онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ вице-губернаторомъ въ Полтавѣ. Впрочемъ, и безъ всякой просьбы вѣрно Ваши заслуги будутъ награждены, какъ должно, какъ давно бы уже слѣдовало...

[1]) То-есть: если можно,—ведите дневникъ и присылайте мнѣ съ каждой почтой.

Нынѣ мы говѣемъ и, черезъ два дня [1]), готовясь приступить къ страшнымъ тайнамъ Христовымъ, я заочно прошу у Васъ прощенія во всемъ, въ чемъ когда нибудь огорчилъ Васъ... Прошу прощенія и благословенія у Васъ, Мамаша, твердо вѣря, что Вы и заочно, и еще не получивъ этого письма, благословляете меня со всей прежней, горячей любовью...

Выздоравливайте, моя милая Мамашенька, дождитесь радостнаго свиданія со мной черезъ какіе нибудь три мѣсяца... Насъ нынѣ отпустятъ [2]), кажется, ранѣе обыкновеннаго... И я твердо вѣрую, что Господь милосердый не лишитъ меня счастія увидѣться скоро, скоро съ милою, доброю моей Маменькой...

Я совершенно здоровъ, и былъ-бы доволенъ и спокоенъ, еслибы не тревожила мысль о тяжкой болѣзни Мамашеньки... Боже, помилуй насъ!..

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

25 марта, Петерб.

Не дождавшись Вашего письма, пишу къ Вамъ, мои милые Папашенька и Мамашенька. Я много грустилъ о болѣзни Вашей, Мамашенька, но крѣпкая надежда не покидала меня и въ самой грусти. Въ субботу, 20 числа, пріобщился я Св. Таинъ и много, много молился я о Вашемъ здоровьѣ, Мамашенька, о Вашемъ спокойствіи, Папаша. Послѣ того стало мнѣ веселѣе и надежда моя укрѣпилась еще больше. Сладостно прозвучали въ ушахъ моихъ слова воскреснаго Евангелія: «Вся возможна вѣрующему»,—и съ полной готовностью взывалъ я ко Господу: «вѣрую, Господи, помози моему невѣрію». Съ полной увѣренностью теперь пишу я къ Вамъ, что мое письмо найдетъ Васъ, Мамаша, внѣ опасности. Господь милосердый услышалъ, вѣрно, сердечные вопли дѣтей, чистыя молитвы Ваши, Папаша, и внялъ слезнымъ прошеніямъ и обѣтамъ любящаго сына. Теперь со дня на день буду ждать отъ Васъ письма, которое подтвердитъ мои убѣжденія и надежды. А въ отвѣтѣ на это письмо я уже надѣюсь найти словечка три, написанныя Вашей рукою, Мамашенька, моя милая, добрая Мамашенька. Ахъ, еслибъ Вы знали, сколько я люблю Васъ... Но вѣдь Вы и сами меня такъ же любите, если еще не больше.

Умоляю Васъ,—берегите себя. Пусть доктора употребятъ всѣ усилія, пусть будутъ удалены отъ Васъ всѣ горести и непріятности, всѣ заботы семейныя, пусть нѣжная любовь окружитъ постель Вашу, и Ваше здоровье быстро станетъ поправляться. Тяжело, я думаю, было Вамъ, мой добрый Папаша, вынести тяжкую болѣзнь, дрожать при видѣ опасности... Но вѣкъ безъ несчастья нельзя прожить; только бы это несчастье не было невозвратимо, невознаградимо... Болѣзнь прой-

---

[1]) Это должно было быть въ субботу; суббота въ томъ году приходилась на 20 марта; и такъ, письмо было докончено въ четвергъ, 18 марта.

[2]) На каникулы.

деть и воспоминаніе о ней будетъ пріятно во время совершеннаго здоровья... Вѣдь Вамъ, Мамаша, и не въ первый разъ такая болѣзнь. Кажется, послѣ родовъ Васеньки, Вы тоже были сильно больны нѣсколько дней... И тотъ же Егоръ Егорычъ Эвеніусъ и г. Линдеманнъ вылѣчили Васъ. И теперь они могутъ сдѣлать это.

Я совершенно здоровъ и ничего теперь не желаю, кромѣ радостной вѣсти отъ Васъ о Вашемъ выздоровленіи, Мамаша.

На дняхъ я былъ въ Музеѣ зоологическомъ или, какъ обыкновенно говорятъ, въ Кунсткамерѣ, и здѣсь разыгралъ роль Любопытнаго [1]... Я видѣлъ множество звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ и минераловъ. Особенно занялся я насѣкомыми, по старой памяти [3]). Дѣйствительно, здѣсь коллекція бабочекъ—превосходная. Видѣлъ и слона. Его, впрочемъ, не диво не примѣтить: онъ стоитъ отдѣльно, въ боковой комнатѣ. А, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательная личность... Но я сталъ говорить объ этихъ звѣряхъ, особенно о насѣкомыхъ, съ однимъ студентомъ; онъ какъ-то помянулъ о китѣ... Я говорю ему: «Да кита тамъ нѣтъ»... И поднялся смѣхъ, что я кита не примѣтилъ. Оказалось, что въ Музеѣ находится остовъ его, который я и пропустилъ безъ вниманія [2])... Молю Бога о Вашемъ здоровьѣ, мои милые, родные...

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

25 марта 1854 г. С.-Петербургъ.

Больше недѣли жду писемъ изъ Нижняго, добрый нашъ Михаилъ Алексѣевичъ, и все-таки ихъ нѣтъ... Я страшно тоскую... Нѣсколько разъ собирался писать на этой недѣлѣ къ нашимъ. Но какъ писать? Я ничего не знаю... Писать ли къ двоимъ, или ужь къ одному? Говорить ли о живыхъ или плакать о мертвыхъ? Гдѣ она, моя Мамаша? Выздоравливаетъ ли, ходитъ ли по комнатѣ, по крайней мѣрѣ сидитъ на стулѣ, или все еще лежитъ въ постелѣ, или уже на столѣ, въ гробѣ, наконецъ — въ могилѣ?.. Господи, какъ томительна эта неизвѣстность! И какъ Вы безжалостны ко мнѣ! Написавши о тяжкой болѣзни Мамаши и давши совѣтъ не плакать, потому что слезами не помочь горю, неужели Вы думали успокоить меня? Неужели Вы предполагали во мнѣ столько безчувственности и холодности, чтобъ я могъ равнодушно покориться черствымъ разсужденіямъ и не дрожать каждый часъ, каждую минуту за драгоцѣнную для меня жизнь? Простите меня, но, право, мое положеніе горько, горько! Какъ ни много во мнѣ силъ, какъ ни много плановъ задушевныхъ и тайныхъ толпится въ душѣ моей, какъ ни весело и гордо смотрю я на безграничную даль жизни, разстилающуюся передо мной—

---

[1]) Въ баснѣ Крылова.

[2]) Этотъ шутливый разсказъ, очевидное дѣло усилія воли, имѣетъ цѣлью показать отцу (и матери, которую Н. А—чъ хочетъ предполагать еще живою), что онъ сохраняетъ способность одолѣвать свою тоску, успокоить ихъ этимъ.

но все это не для себя! Мнѣ ничего не нужно самому: я въ своей гордости, или просто въ сознаніи,—теперь доволенъ собой, такъ же, какъ могу только быть доволенъ хоть и черезъ двадцать лѣтъ; но мнѣ хочется сдѣлать себя достойнымъ попеченій и надеждъ родительскихъ,—я воображаю милый взглядъ, доброе участіе Матери въ моихъ трудахъ, въ моихъ надеждахъ. И для чего же я буду жить, для чего работать, когда не будетъ сердца, которое одно можетъ со всей горячностью, со всѣмъ простодушіемъ материнской любви приласкать, ободрить, успокоить меня? Сердце мое рвется на части при всѣхъ этихъ мысляхъ. Цѣлую недѣлю брожу я какъ шальной, ничего не дѣлая, ни за что не умѣя взяться, хотя берусь за все... Въ послѣдніе дни читалъ я Жуковскаго первый томъ, и его элегическая поэзія подѣйствовала еще больше на мою горесть. Каждая фраза, каждый намекъ на смерть, на вѣчную разлуку съ любимыми—страшно отзывался въ моемъ сердцѣ. Со слезами повторялъ я эти стихи:

«Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
«Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ,
«Я могъ,—о сладкій сонъ!..—той счастье искупить»!..

Вотъ и праздникъ. Вчера за всенощной въ нашей маленькой университетской церкви было такъ свѣтло, такъ радостно. У всѣхъ какъ-то праздничныя лица. А для меня нѣтъ Благовѣщенья, подумалъ я, и сердце заныло сильнѣе, сильнѣе. Слезы душили меня, и между тѣмъ я не могъ плакать, лишенъ былъ и этого послѣдняго утѣшенія. Неужели печальная дѣйствительность еще тяжелѣе этой воображаемой тоски?..

Неужели Богъ не склонится на наши мольбы? Пусть меня онъ наказываетъ праведно, но чѣмъ же виноваты эти невинныя малютки, которыя безъ матери останутся горькими, жалкими сиротами? Пишите ко мнѣ пожалуйста. Я знаю, что Папашѣ не до писемъ теперь; но Вы можете, Михаилъ Ивановичъ могъ бы написать, Василій Ивановичъ могъ бы.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ [1].

25 марта 1854 г. С.-Петербургъ.

Добрый мой, милый мой, драгоцѣнный для меня Папашенька! Что мнѣ отвѣтить Вамъ на Ваше послѣднее письмо? Велика моя горесть, но прежде всего не могу я не поблагодарить Васъ за Вашу предусмотрительность... Ваша любовь, Ваше благоразуміе разсчитали вѣрно... Въ теченіи недѣли я привыкъ къ тягостной мысли, и нынѣшняя вѣсть поразила меня уже не такъ сильно, какъ я ожидалъ... Тяжко, тяжко, невыразимо тяжко мнѣ; но я не изнемогъ подъ бременемъ

---

[1]) Письмо къ отцу и матери и письмо къ Михаилу Алексѣевичу, написанныя въ этотъ день, были, очевидно, ужъ сданы на почту, когда Николай Александровичъ получилъ письмо (несохранившееся), въ которомъ отецъ извѣщалъ его о смерти матери и на которое отвѣчалъ онъ въ тотъ же день этимъ письмомъ.

страданій, я сохранилъ силу разсудка и мысли. Всего болѣе безпокоюсь я о Васъ, мой милый, несравненный Папаша... Вамъ вѣрно было горько присутствовать при послѣднихъ страданіяхъ нашей милой Мамашеньки. Вѣрно и теперь еще тяжело, горько, грустно Вамъ... Вы пишете, успокоивая меня, что Вы предаетесь въ волю Благаго и Премудраго Промысла... Дай Богъ Вамъ силу и твердость къ перенесенію этого бѣдствія! И что же еще можемъ мы дѣлать, какъ не покоряться волѣ Господней, распоряжающейся неисповѣдимо, но всегда премудро... Наши сѣтованія не могутъ намъ помочь, не могутъ утѣшить... Твердая воля способна къ перенесенію всякихъ бѣдствій и твердость воли, сила духа, показываемая въ несчастіяхъ, благоразуміе, распорядительность въ тяжелыхъ обстоятельствахъ возвышаютъ человѣка, показываютъ истинное его достоинство... Вы, Папашенька, ни въ чемъ не можете упрекнуть себя: Вы употребили все, что отъ Васъ зависѣло, для спасенія жизни Мамаши... Богъ не судилъ такъ... Что же дѣлать: такова Его святая воля!.. Въ отношеніи ко мнѣ тоже Вы сдѣлали весьма много при этомъ... Вы спасли меня отъ тягостнаго отчаянія, Вы поддержали мои силы, дали мнѣ время оправиться, привыкнуть къ тягостной мысли, и я не сомнѣваюсь, что всѣ Ваши распоряженія по дому и хозяйству будутъ также прекрасны и вполнѣ замѣнятъ для моихъ милыхъ сестеръ и братьевъ попеченія матери [1]... Наша добрая бабенька будетъ вѣрно такъ добра, что позаботится о нихъ, приложитъ все свое попеченіе объ ихъ воспитаніи и образованіи [2]... Бѣдныя, бѣдныя мои сестры, милые братья мои! Какъ бы нужна для васъ теперь любовь материнская! Но Господь оставилъ вамъ милаго, несравненнаго Папашу: любите его, радуйте, утѣшайте, молитесь, чтобы Господь Богъ подкрѣпилъ его!... Такъ много, такъ много горя!.. Папашенька! надѣйтесь, надѣйтесь, что еще счастье снова посѣтитъ смиренную долю нашу, и въ кругу дѣтей, которыя будутъ тѣмъ больше любить и утѣшать Васъ, Вы найдете отраду и забвеніе о незабвенномъ... На этихъ дняхъ читалъ я Жуковскаго: онъ много утѣшилъ меня. Вотъ что нашелъ я у него:

Лучшій другъ намъ въ жизни сей—
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.

И мы, будетъ время, пробудимся отъ этого несчастья и, осѣненные благодѣтельнымъ геніемъ нашей доброй Хранительницы-Мамашеньки, узнаемъ радость... Я буду находить утѣшеніе, подкрѣпленіе въ Васъ, и съ своей стороны буду стараться дѣлать все, отъ меня зависящее, для спокойствія и радости Вашей. Отнынѣ вся моя жизнь,

---

[1]) Эти увѣренія, что онъ не сомнѣвается въ благоразуміи распоряженій отца, служатъ, очевидно, отвѣтомъ на выраженныя отцомъ сомнѣнія, съумѣетъ ли по возможности хорошо устроить обстановку жизни для дочерей и маленькихъ сыновей.

[2]) Александръ Ивановичъ просилъ свою мать, жившую съ дочерьми далеко отъ Нижняго, переселиться теперь къ нему.

всѣ труды, всѣ старанія мои будутъ посвящены Вамъ, Вамъ однимъ, нераздѣльно... Мамашѣ теперь уже ничего не нужно: нужны ей только святыя молитвы церкви, и я надѣюсь, что наши молитвы и особенно Ваши предъ престоломъ Божіимъ, при страшной жертвѣ Господней, дойдутъ до Всевышняго и онъ успокоитъ земную страдалицу въ ангельскихъ селеніяхъ... Я не сомнѣваюсь, ей тамъ лучше, свободнѣе, веселѣе. Добрая душа ея найдетъ тамъ въ безконечной красотѣ несозданной, въ неизреченномъ блаженствѣ святыхъ осуществленіе того, о чемъ тосковала она въ этой бѣдной жизни... Ее воззвалъ Господь, чтобы наградить за горести, претерпѣнныя ею въ мірѣ... И теперь вѣрно съ небесъ смотритъ она на насъ, и будетъ радоваться, если мы будемъ достойны того... Объ ней нечего жалѣть: я томлюсь только безпокойствомъ о Васъ, мой добрый Папаша,— жалѣю о себѣ, о своемъ бѣдномъ сердцѣ, на которое всегда такъ сладостно отзывалось сердце матери, и о моихъ братьяхъ и сестрахъ. Но въ Васъ есть столько любви, что вы можете развить [1]) ее на все окружающее Васъ и сдѣлать потерю безцѣнной матери по крайней мѣрѣ менѣе ощутительною для насъ...

Мнѣ хотѣлось бы знать о новомъ устройствѣ въ домѣ, какое заведено Вами; хотѣлось бы знать опредѣленнѣе о состояніи моихъ сестеръ... Прикажите, Папаша, чтобы онѣ писали ко мнѣ.... А что бѣдная, невинная причина нашей горести, Лизанька?.. Что Володя и Ваня?.. На нихъ нужно обратить теперь вниманіе... Папашенька, Папашенька!—я вполнѣ, вполнѣ надѣюсь на Васъ... Да поможетъ Вамъ Господь милосердый!

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ОТЦА.

Суббота 27 марта 1854 г. [2]).

Вотъ и 20-й день нашему незабвенному другу!—Сейчасъ съ кладбища... Священное безмолвіе... Блажени умирающіи о Господѣ... Ей тамъ право лучше... Каково-то намъ? Особенно мнѣ... Я лишился въ ней всѣхъ болѣе... Впрочемъ, опять начинаю благодушествовать [3]). Не унывай и не ропщи и ты, милый мой Николай. Прошу тебя, увѣ-

---

[1]) „Развить“ въ смыслѣ: дать ей такое развитіе, что она обойметъ всѣхъ окружающихъ Васъ.

[2]) Верхній край этого листка срѣзанъ Николаемъ Александровичемъ, такъ что въ словахъ: „Получ. 31 марта“, написанныхъ выше отцовской помѣтки числа, верхнія части буквъ „П“ и „л“ (написанной съ росчеркомъ вверхъ, какъ латинское h), обѣихъ цифръ 31 и всхъ трехъ буквъ слова „мар.“ отрѣзаны. Вѣроятно, выше этой надписи были написаны Николаемъ Александровичемъ какія нибудь горькія слова отчаянія и когда онъ черезъ нѣсколько времени взглянулъ на нихъ, то ужаснулся (онъ въ то время еще былъ человѣкомъ религіознымъ) и въ раскаяніи уничтожилъ свою, какъ ему казалось, преступную хулу.—То, что верхній край листка срѣзанъ имъ, а не кѣмъ другимъ, достовѣрно: въ такомъ видѣ оно было найдено при разборѣ его бумагъ, немедленно по его смерти, когда онѣ еще не были ни въ чьихъ чужихъ рукахъ, кромѣ рукъ разбиравшаго ихъ.

[3]) Слово „благодушествовать“ употреблено въ старинномъ своемъ смыслѣ: быть спокойнымъ и твердымъ душой, въ упованіи на премудрость и благость Промысла Божія.

щевадю,—нѣтъ! повелѣваю быть равнодушнѣе... Конечно, потеря великая, ни съ чѣмъ несравненная, особенно для меня; но если бы это случилось со мною при неустроенныхъ и доселѣ еще дѣлахъ моихъ, что тогда было бы съ другомъ моимъ милымъ при ея слабомъ здоровьѣ, и съ дѣтьми? Разсуди повнимательнѣе и ободрись. Успокой меня своимъ терпѣніемъ. Она ничего не потеряла, напротивъ пріобрѣла вѣнецъ правды. Будемъ молить Бога, чтобы онъ даровалъ намъ здоровье и продлилъ лѣта твои и мои не для услажденій плотскихъ [1]), но для поддержанія и устроенія дѣтей.

Я писалъ къ тебѣ отъ 20 и 24 сего марта. Во всѣхъ письмахъ прошу тебя не предаваться мрачной скорби и сѣтованію. Позволь же мнѣ надѣяться на твою твердость и успѣхи въ наукахъ, какія ты оказывалъ всегда [2]).

Отецъ твой священникъ
Александръ Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Марта 27 дня 1854 г. Получено 31 марта.

Наконецъ и я спѣшу побесѣдовать съ Вами, дорогой мой Николай Александровичъ! Вполнѣ раздѣляю Вашу глубокую горесть и много, много жалѣю о несравненной Вашей мамашѣ и о Васъ самихъ. Но какъ быть, дорогой мой? Надобно покориться несчастію и перенести его твердо и благодушно, надобно стараться сколько можно болѣе умѣрять вполнѣ понятную и естественную скорбь, умѣрять добрымъ размышленіемъ, твердою вѣрою и упованіемъ на Бога, и молитвой. Съ мамашей Вашей случилось то же, что случается и будетъ и съ нами, и что́, ранѣе или позднѣе, а все-таки случилось бы съ ней. Конечно, рано еще оставила она насъ, по всѣмъ нашимъ шаткимъ соображеніямъ слѣдовало еще пожить ей: но какъ узнать? Можетъ быть это рано только по нашему узкому и недальновидному взгляду, можетъ быть это рано только для насъ, а не для нея самой; а въ такомъ случаѣ ужели же будемъ столько самолюбивы [3]), что станемъ думать о своихъ только радостяхъ и о пользахъ? Будемъ вѣрить и надѣяться, что для нея настало время освобожденія отъ суеты житейской, отъ заботъ и безпокойствъ, отъ болѣзней и трудовъ, что Богъ избралъ ее отъ міра и воззвалъ для покоя и прочныхъ и чистыхъ радостей. Вся жизнь ея и самая кончина служатъ тому ручательствомъ. Не буду говорить о первой; но кончина мамаши была достойна доброй супруги, доброй матери, доброй христіанки. Она приготовилась къ ней, какъ нельзя лучше, и за нѣсколько времени до смерти вполнѣ примирилась съ мыслію о послѣдней, вполнѣ предала себя Божію милосердію и совершенно успокоилась. Я былъ у ней ми-

---

[1]) Церковно-славянское выраженіе; по-русски: „не для радостей земныхъ“.

[2]) Смыслъ этихъ словъ — косвенный совѣтъ: „ищи забвенія скорби въ твоихъ занятіяхъ науками“.

[3]) Въ смыслѣ: „себялюбивы“, эгоистичны.

нуты за двѣ до самой кончины и не могу припомнить, когда я видѣлъ на лицѣ ея столько чистаго и ничѣмъ не возмутимаго спокойствія. Это спокойствіе осталось на ея лицѣ и по смерти. Да, кончина мамаши много успокоиваетъ и утѣшаетъ всѣхъ насъ и папашу!.. Будемъ также вѣрить и надѣяться, что Богъ не оставитъ и осиротѣвшихъ. Онъ уже заранѣе промыслилъ о Васъ все доброе и лучшее! Много бываетъ въ нашей жизни несчастій еще болѣе тяжкихъ, чѣмъ Ваше, много на свѣтѣ сиротъ совершенно безъ призрѣнія и безъ надежды на защиту и утѣшеніе, и однако же Промыслъ Божій печется о всѣхъ и все благоустрояетъ. Но у Васъ есть еще добрый, умный и заботливый папаша, который, Богъ дастъ, постарается хоть сколько нибудь вознаградить для дѣтей потерю матери, и съ папашей—будьте увѣрены—все, при помощи Божіей, устроится о Васъ хорошо; надобно только молить Бога о папашѣ и утѣшать и успокоивать его. Старайтесь же сколько возможно успокоивать и утѣшать себя, укрѣпляйтесь и этимъ самымъ укрѣпляйте и поддерживайте и папашу; для него теперь—я знаю это—Ваше спокойствіе и терпѣніе весьма важны и много значатъ. Извините меня, что, по недосугу своему, говорю съ Вами кое-что и кое-какъ: но я искренно желаю, чтобы слова мои навели Васъ на добрыя и утѣшительныя мысли и Вы успокоились сколько-нибудь и утѣшились.

Не задолго до кончины мамаши Фавста Васильевна спрашивала ее, что̀ отъ нея сказать Вамъ и мамаша приказала сказать Вамъ: «Я благословляю его и пусть онъ живетъ такъ же, какъ жилъ доселѣ». Она была съ полнымъ сознаніемъ до послѣдней минуты.

У васъ я бываю каждый день и по-долгу. Папаша успокоивается помаленьку, утѣшается и укрѣпляется; всѣ дѣти ведутъ себя благодушно и съ этой стороны папаша спокоенъ. Пишите къ нему и успокойте его своимъ спокойствіемъ и твердостью. Къ бабушкѣ всѣ привыкаютъ. Хозяйничаетъ Ниночка и, какъ она къ всему была пріучена, то все идетъ пока хорошо.

Ну, будьте здоровы и тверды и молитесь: молитва будетъ полезна для мамаши и для Васъ!

М. Костровъ.

ПИСЬМО Н. А.—ЧА КЪ ОТЦУ.

1854 г. 29—30 марта. Спб.

Нынѣ я хотѣлъ непремѣнно писать къ Вамъ, мой милый, добрый, несравненный Папаша. Я знаю, что Вы и при своемъ тяжкомъ горѣ грустите и заботитесь обо мнѣ. Нынѣ, 29-го получилъ я еще утѣшительное письмо Ваше, со вложеніемъ листка «Нижегородскихъ Губ. Вѣд.»; нѣсколько разъ прочиталъ статью Павл. Иван. [1]),—и не могъ

[1]) „Статья“ эта была некрологъ Зинаиды Васильевны; „Пав. Иван.“, авторъ статьи, быть можетъ протоіерей Павелъ Ивановичъ Лебедевъ, назначенный по смерти Александра Ивановича однимъ изъ опекуновъ его дѣтей. Судя по тому, какъ держалъ себя П. И. Лебедевъ въ качествѣ опекуна, должно думать, что онъ былъ человѣкъ хорошій и разсудительный.

удержаться отъ слезъ... Я счастливъ тѣмъ, что жизнь и смерть нашего чистаго Ангела, неоцѣненной нашей Мамашеньки, возбуждаетъ во всѣхъ, знавшихъ ее, такое участіе. Послѣ Вашего письма отъ 20 марта, полученнаго мною 25, я уже нѣсколько извѣстій получилъ о нашей горькой потерѣ... Эльпидифоръ Алексѣевичъ, у котораго я былъ въ воскресенье, слышалъ о ней отъ какого-то Знаменскаго, нижегородца, служащаго въ здѣшней консисторіи; отецъ Макарій получилъ извѣстіе о томъ же отъ о. Паисія; вчера одинъ мой товарищъ, Авенаріусъ, сказалъ мнѣ, что слышалъ объ этомъ отъ Гильдебрандта... Всѣ принимаютъ участіе, всѣ стараются утѣшать меня. Я теперь довольно спокоенъ, хотя еще не могу надолго оторваться отъ печальной мысли. Пишу ли, читаю ли,—мнѣ все представляется кроткій образъ Мамаши, встаютъ въ памяти воспоминанія дѣтства, и при первой мысли, что все это невозвратно исчезло, тяжко, тяжко ноетъ сердце. Но я стараюсь одолѣть себя, я представляю Вашу любовь, Папашенька, о которой и Мамаша такъ часто писала мнѣ; я воображаю маленькихъ сестеръ и братьевъ, которые теперь такъ нуждаются въ подкрѣпленіи, утѣшеніи; думаю, что самъ я долженъ Васъ утѣшать и поддерживать въ Вашей скорби,—и моя печаль разсѣявается, и остается только неизбѣжная тихая грусть. Я усердно молюсь за Мамашу, и надѣюсь, что Господь сподобитъ ее быть въ селеніяхъ праведныхъ, въ неизрѣченной славѣ и блаженствѣ райскомъ. Молитвы церкви восполнятъ недостатки ея, если какіе отыщутся передъ Единымъ Непогрѣшимымъ.

Ваше увѣдомленіе о болѣзни моей Мамаши поразило меня не менѣе, даже можетъ быть болѣе, нежели самая вѣсть о смерти ея. Такъ это было неожиданно, такъ много противорѣчило моимъ надеждамъ. Въ борьбѣ между страхомъ и надеждою провелъ я недѣлю, и когда все рѣшилось, я сдѣлался какъ-то тупъ къ печали. Безъ слезъ, безъ мысли, безъ воспоминанія, а просто съ какой-то тяжестью въ сердцѣ часто оставался я по нѣскольку минутъ. Къ счастью, нашлись здѣсь два добрые человѣка, которые утѣшили меня. Одинъ изъ нихъ Радонежскій [1]), сынъ рыбинскаго протоіерея, самъ очень хорошо знаетъ всю силу подобной утраты. Въ прошломъ году, на одной недѣлѣ онъ лишился отъ холеры: матери, бабушки, зятя и еще двухъ родственниковъ. Поэтому онъ принялъ во мнѣ живое участіе и горевалъ вмѣстѣ со мной, такъ какъ и его утрата еще очень, очень свѣжа. Другой изъ моихъ товарищей, Щегловъ (Мих. Ал. учился въ академіи съ его братомъ), человѣкъ очень умный и бойкій, прекрасно говоритъ и имѣетъ стремленія, до которыхъ еще не можетъ подняться бо́льшая часть нашихъ студентовъ. Онъ много видалъ людей и свѣта, имѣетъ большую любознательность, даже любопытство и стремится уяснить себѣ высокіе вопросы о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ бытія. Въ своихъ изысканіяхъ и выводахъ онъ попадаетъ иногда на ложный путь [2]), но, тѣмъ не менѣе, нельзя не уважать въ немъ чело-

---

[1]) Институтскій товарищъ Николая Александровича.

[2]) Отвергаетъ обычныя понятія, которыхъ еще держался тогда Николай Александровичъ.

вѣка мыслящаго, хотящаго жить сознательно, а не безсмысленно... Съ глубокой проницательностью онъ понялъ мое положеніе, мой характеръ, мои чувства и утѣшилъ меня. Онъ сначала сталъ меня расспрашивать о моей матери, и въ рыданіяхъ моихъ при этомъ разсказѣ вылилась грусть моя, и мнѣ стало легче. Безъ этого слезы задушили бы меня, сожгли бы сердце мое. Онъ насильно вытаскивалъ меня изъ Института, и по цѣлымъ часамъ ходили мы съ нимъ по берегу Невы, текущей передъ окнами Института, и я освѣжался весеннимъ вѣтромъ, облегчалъ тоску разсказомъ и жалобами. Онъ терпѣливо слушалъ меня, давалъ мнѣ высказаться, потомъ сталъ утѣшать, но утѣшать по своему... Онъ не говорилъ мнѣ ни о тлѣнности земнаго, ни о непреложномъ законѣ судьбы, и т. п. Онъ говорилъ мнѣ: «Со смертью матери ты сталъ играть значительную роль въ семействѣ; теперь ты одинъ можешь больше всего поддержать своего отца, который такъ много нуженъ всему семейству. Ты долженъ также наблюдать издали и за своими сестрами, за домашнимъ устройствомъ. Пиши къ отцу какъ можно чаще, заведи переписку съ твоими сестрами; пусть онѣ сказываютъ тебѣ о всѣхъ мелочахъ домашней жизни. Ты можешь скорѣе, чѣмъ кто нибудь другой, понять ихъ нужды и желанія; ты можешь даже быть посредникомъ между ними и отцомъ». Такіе совѣты и убѣжденія дѣйствительно вливали въ меня мужество и отвлекали мысль мою отъ тяжкой потери къ Вашему положенію, Папашенька, заставляли думать о живыхъ болѣе, чѣмъ о мертвыхъ... Теперь, благодаря Бога, я довольно спокоенъ, подкрѣпленный Вашими письмами, Вашимъ примѣромъ, Вашими молитвами... Я радъ, что преосвященный такъ внимателенъ къ Вамъ: это тоже можетъ много утѣшить Васъ.

Я думаю, что добрая наша бабенька утѣшаетъ дѣтей, дѣлитъ съ Вами горесть Вашу и также занимается хозяйствомъ, которое не можетъ быть оставлено на руки одной Ниночки, какъ она ни смѣтлива и умна въ этихъ дѣлахъ. Разумѣется, бабенькѣ трудно управиться со всѣмъ этимъ, но что же дѣлать? Кто же можетъ замѣнить родной глазъ, родное сердце въ этомъ дѣлѣ?.. Хорошо бы, еслибъ тетушка Фавста Васильевна занялась иногда дѣтьми, поучила бы ихъ чему нибудь, посмотрѣла бы за ними... Она совершенно знаетъ все наше домашнее житье-бытье; она знакома со всѣми нашими знакомыми; значитъ, иногда бы могла доставить дѣтямъ развлеченіе, сходивши съ ними куда нибудь, когда Вы, мой милый Папашенька, бываете заняты своими разнообразными, тяжкими трудами. Неужели наши родные будутъ имѣть такъ мало участія, такъ мало любви, что не захотятъ сдѣлать нѣкотораго пожертвованія для того, чтобы уменьшить сколько нибудь для бѣдныхъ дѣтей незамѣнимую ихъ потерю... Да и Вы сами вѣдь были бы этимъ много успокоены. Я, впрочемъ, вполнѣ полагаюсь на Васъ, мой добрый, милый, любящій Папаша.

Обо мнѣ прошу Васъ не безпокоиться. Я пристроенъ уже и мнѣ остается только увѣнчать своими трудами и успѣхами Ваши безчисленныя заботы и попеченія обо мнѣ. Вы пишете, что ждете меня на вакацію: я съ радостью поспѣшу утѣшить Васъ и постараюсь за-

ставить Васъ забыть въ объятіяхъ сыновнихъ Ваше горе, нашу общую невозвратимую утрату.

Вы еще пишете о статьѣ Павла Иван., такъ дорогóй для насъ... Я не знаю, хорошо ли было бы видѣть эту статью въ фельетонѣ столичной газеты, наполняющемся обыкновенно разсказами о театрахъ, концертахъ, маскарадахъ, лотереяхъ... При томъ я и не имѣю средствъ передать ее куда нибудь въ газету. Да и къ чему давать на позоръ свѣта святыя завѣтныя чувства, которыя такъ милы, такъ дороги для насъ и могутъ не имѣть никакого значенія для другихъ... Намъ довольно, что добрый нашъ П. И. принялъ такое участіе въ нашей горести; мы знаемъ объ этомъ, есть у насъ и печатный документъ; Мама [1]) теперь ничего этого не нужно, а что до другихъ, Богъ съ ними... Я, впрочемъ, опасаюсь, Папаша, что Вы лишили себя удовольствія имѣть и читать этотъ листокъ, переславши его ко мнѣ. Я буду беречь его, какъ святыню; но—Вы какъ же?..

Н. Добролюбовъ.

P. S. Мнѣ хотѣлось бы знать, прочла ли Мамаша мои послѣднія письма, при ея жизни полученныя Вами 2-го и 7-го марта.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

1-го апрѣля 1854 г.

Вы не отвѣчали на прежнія письма мои къ Вамъ, любезнѣйшая тетушка, Фавста Васильевна, и ты, мой другъ, Michel. Это, разумѣется, и не нужно было въ прежнее счастливое время. Но теперь—умоляю Васъ, пишите ко мнѣ въ отвѣтъ на письмо мое, пишите больше и подробнѣе. Опишите мнѣ всѣ мельчайшія обстоятельства, сопровождавшія грустную кончину мамаши,—все, что она говорила и чувствовала передъ смертью, задолго ли до родовъ стала замѣчать нездоровье, не разстроена ли была чѣмъ-нибудь особенно, не огорчалась ли, что нѣтъ долго писемъ отъ меня, не находила ли чего нибудь непріятнаго въ самыхъ письмахъ, не имѣла ли какихъ-нибудь огорченій домашнихъ. Все, все пишите мнѣ, не скрывая ни малѣйшей правды. Не бойтесь растерзать мое сердце. Я хочу до конца вынести тяжкую пытку, посланную Господомъ Богомъ Праведнымъ. Отъ добраго папаши моего я не хочу этого требовать: это значило бы наложить на него адскую работу. Я прошу Васъ даже не сообщать ему этого письма... Умоляю Васъ, исполните же мою просьбу поскорѣе.

Потомъ къ Вамъ же прибѣгаю я и съ другой просьбой, просьбой священной и важной, которую Вы должны исполнить ради памяти сестры Вашей, столько Васъ любившей... Къ Вамъ особенно обращаюсь я, тетушка, Васъ умоляю о благодѣяніи, которое можете Вы оказать жалкимъ, истинно-жалкимъ сиротамъ. Я увѣренъ, что мать

---

[1]) „Мамà“, несклоняемая форма слова вѣроятно описка, вмѣсто „мамашѣ“.

моя на одрѣ смерти, передъ послѣднимъ издыханіемъ, отдавая въ руки Божіи душу свою, молилась за нихъ и, вѣрно, поручила ихъ Вамъ послѣ отца... И я умоляю Васъ теперь, сдѣлайте для нихъ, что можете. Можетъ быть, Вы опасаетесь непріятныхъ отношеній съ кѣмъ нибудь при этомъ дѣлѣ... Но увѣряю Васъ, что папаша, для котораго теперь всего дороже счастіе дѣтей, приметъ съ живѣйшею благодарностью Ваше искреннее участіе [1]). Но если бы даже онъ и могъ не оцѣнить Вашихъ благодѣяній, ихъ оцѣнятъ, поймутъ ихъ бѣдныя дѣти, которымъ во многомъ Вы можете быть вмѣсто матери, ихъ оцѣню я,—слишкомъ 17 лѣтъ бывшій свидѣтелемъ Вашихъ отношеній къ нашему дому... Я, право, не считаю мою просьбу слишкомъ навязчивой: я увѣренъ, что родственное чувство говоритъ въ Васъ сильнѣе, нежели мой голосъ... И неужели не пробуждается въ Васъ жалость при видѣ этихъ малютокъ, которыя теперь не знаютъ еще даже и своихъ нуждъ, а узнавши, не будутъ знать, кому и какъ сказать о нихъ? Можетъ ли папаша самъ входить въ дѣвичьи мелочи, разбирать, кому нужно сшить платьеце, кому шляпочку, кому рубашечку, кого поучить шить, кого вязать, вышивать, кого сводить въ гости къ знакомымъ, что́ купить, чтобы подать на столъ, если къ самимъ будутъ гости? Папаша никогда этимъ не занимался, и если примется теперь, то я думаю, все будетъ обходиться — если и не хуже, то несравненно дороже. Бабенька тоже не можетъ много помочь въ этомъ дѣлѣ. И неужели Вы, посмотрѣвъ на это разстройство, бросите его безъ вниманія, помянете сестру, вздохнете, скажете, что при ней было лучше и отойдете, сказавши: «мое дѣло сторона!»... Я увѣренъ въ душѣ моей, что въ Васъ больше родственнаго великодушія, что Вы не перестанете дѣлать добро бѣднымъ сестрамъ и братьямъ моимъ, даже если бы встрѣтили какое нибудь препятствіе въ нашемъ домѣ. Не чуждайтесь, не чуждайтесь, умоляю Васъ, этихъ невинныхъ, бѣдныхъ дѣтей. Если они теперь привыкаютъ къ бабушкѣ, любятъ бабушку, которую рѣдко видали прежде,—неужели Вы не можете пріобрѣсти любви ихъ, Вы, которую они и прежде такъ любили любовью наслѣдованной отъ матери?.. Обяжите же на цѣлый вѣкъ наше семейство, заставьте и въ отдаленіи, въ трудахъ, и въ счастіи вспоминать Васъ съ любовью и благодарностью, какъ благодѣтельницу нашего дома.

Скоро надѣюсь получить письмо отъ Васъ, въ которомъ Вы напишете мнѣ также и о томъ, какъ нынѣ живутъ наши. Только не въ общихъ чертахъ, а поподробнѣе; все, что́ Вы замѣтили, что́ Вамъ кажется хорошаго или нехорошаго въ этомъ устройствѣ. Вамъ вѣдь ближе знать это. Я отсюда ничего не могу видѣть, я могу быть только увѣреннымъ въ любви, благонамѣренности [2]) и заботливости моего папаши. Пожалуйста же, напишите мнѣ. Напиши хоть ты, мой другъ, Michel,—все равно. Мы же съ тобой были въ прежнее время

---

[1]) Предположеніе Николая Александровича, что Фавста Васильевна можетъ опасаться навлечь на себя неудовольствіе Александра Ивановича, если будетъ заботиться о его дѣтяхъ, было, безъ сомнѣнія, совершенно напрасно.

[2]) Т. е. добрыхъ намѣреніяхъ.

такъ дружны, такъ откровенны, что и теперь ты, вѣрно, представишь мнѣ всю истину.

О себѣ мнѣ увѣдомлять нечего: ты видишь мое письмо, значитъ я живъ и здоровъ; и больше нельзя и требовать. Всѣ мои мысли, вся моя жизнь сосредоточивается теперь на этой страшной потерѣ и на желаніи сколько нибудь вознаградить ее для отца и дѣтей. Спросите, пожалуйста, у Михаила Алексѣевича, только наединѣ,— получилъ ли онъ письма мои отъ 8 и 25 марта. Онъ писалъ ко мнѣ, вчера только я получилъ его письмо, но объ этомъ ничего не упоминаетъ.

Пишите же ко мнѣ скорѣе и ради Христа исполните мою просьбу.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

1854 г. апр. 5.

Это письмо, мой безцѣнный Папаша, Вы получите, вѣрно, уже въ Свѣтлый праздникъ. Грустно, когда подумаю, что въ первый разъ встрѣтите Вы его съ горькимъ воспоминаніемъ, а не съ тихой, невозмутимой семейной радостью. Любимая супруга—невозвратно потеряна, родной сынъ—въ сторонѣ далекой... Но какъ ни хорошо чувствую я всю силу Вашей грусти, я умоляю Васъ успокоиться. Вспомните,—вѣдь Вы и прежде не бывали вмѣстѣ съ семействомъ въ эти свѣтлые дни... Мы—бывало—разговлялись часто одни, обѣдали одни съ Мамашей, Вы же трудились для насъ, Вы жертвовали удовольствіемъ любящаго сердца отца и супруга общей, существенной пользѣ. Но тогда Вы цѣлый день питались надеждою, что Васъ ждетъ милая подруга и дѣти, что къ вечеру она встрѣтитъ, обойметъ, утѣшитъ, успокоитъ Васъ, и Вы съ радостью спѣшили къ ней и дѣтямъ. Теперь этого нѣтъ. Но вѣдь Вы знаете, Вы вѣрите, что наша милая Мамаша не оставила насъ духомъ, что она смотритъ на насъ, невидимо летаетъ надъ Вами, Папаша, и теперь, успокоивая Васъ, вливая утѣшеніе и бодрость, подкрѣпляя въ трудахъ. Вы ее не видите теперь, но Вы увидите ее, мы увидимъ ее, и послѣ прожитаго нами дня (дай Богъ, чтобы онъ былъ для Васъ, нашъ милый, безцѣнный Папаша, и для насъ также,—дай Богъ, чтобы онъ былъ дологъ, дологъ, какъ желала того сама Мамаша, которая теперь вѣрно молится объ этомъ предъ Господнимъ престоломъ), и послѣ этого долгаго, можетъ быть, бурнаго дня всѣ мы дойдемъ до тихаго вечера, за которымъ настанетъ радостное утро,—и въ свѣтломъ, невещественомъ блескѣ, въ неземной красотѣ, въ славѣ нетлѣнной предстанетъ намъ образъ нѣжно любимой нашей Мамаши.... И, сбросивъ земныя, житейскія думы, заботы и горести, сольемся мы съ ея душой въ чудной гармоніи, едиными устами прославляя Всевышняго. О, какъ высоки, какъ недосягаемо высоки обѣтованія святой вѣры нашей... Будемъ молиться о нашей матери, будемъ молиться о насъ самихъ, да сподобитъ насъ Богъ блаженнаго общенія съ нею. Но еще и здѣсь Господь посылаетъ намъ утѣшеніе, какъ Вы сами писали мнѣ, мой доб-

рый Папаша. Позвольте же мнѣ напомнить Вамъ Ваши слова и обѣщать Вамъ утѣшеніе въ дѣтяхъ... Теперь еще много заботъ требуемъ мы всѣ отъ Васъ же, Папаша; много безпокойства причиняемъ мы Вамъ; но Господь поможетъ намъ вознаградить впослѣдствіи своею любовью всѣ Ваши попеченія...

Надѣйтесь же, мой несравненный Папаша, и удержите грусть свою въ Свѣтлый день Пасхи Христовой... Христосъ Воскресъ!— И нечего намъ плакать о мертвыхъ... Позвольте же мнѣ, наконецъ, поздравить Васъ съ наступающимъ праздникомъ; позвольте пожелать Вамъ не только утишенія грусти, но—пожелать радости въ эти свѣтлые дни, въ которые такъ радостно бьется сердце христіанина, славящаго и умомъ, и чувствомъ возстаніе Христа Спасителя... Я еще не привѣтствую Васъ вожделѣннымъ «Христосъ Воскресе!» потому что нынѣ только вечеръ вторника, день скорби, — но скоро надѣюсь снова писать къ Вамъ и издалека съ Вами похристосоваться. Повѣрьте, мой Папаша, что нѣтъ ни одного часа, въ который бы я не подумалъ о Васъ, въ который бы не былъ съ Вами—мыслію и сердцемъ. Любовь, любовь къ Вамъ одушевляетъ меня во всемъ, подкрѣпляетъ, утѣшаетъ меня.

Пишите ко мнѣ, хоть понемногу, мой любимый, свято-любимый Папаша! Пишите о себѣ, здоровы ли Вы, успокоиваетесь ли... Всѣмъ, что только есть святого, умоляю Васъ, берегите, Папашенька, Ваше здоровье, Ваше спокойствіе. Оставьте безъ вниманія, пожалуй, всѣхъ насъ, но заботьтесь о себѣ, живите для себя: Ваше спокойствіе, Ваше счастіе—есть наше спокойствіе и счастіе... Мы безъ Васъ существовать не можемъ: я нравственно, остальные братья и сестры даже матеріально. Хоть ради этого успокойтесь, Папашенька; скажите только, чтó нужно для Вашего спокойствія: я увѣренъ, что всѣ дѣти ваши безусловно и охотно исполнятъ, какъ святыню, Вашу волю...

Вашъ сынъ
Н. Добролюбовъ,

ПИСЬМО КЪ ОТЦУ, БАБУШКѢ И СЕСТРАМЪ.

1854 г. апрѣля 11-го. Получено 20 апрѣля.

Христосъ Воскресе!—мой милый, дорогой Папашенька! Христосъ Воскресе, добрая бабенька наша! Христосъ Воскресе, милыя сестры, милые братья!.. О, какъ жаль, что нѣтъ еще одного сердца, которому я отъ всей искренности души, съ горячей, святой любовью могъ бы сказать: Христосъ Воскресе! Но-не будемъ отравлять свѣтлой радости всего православнаго міра безплоднымъ сѣтованіемъ о невозвратно утраченномъ... Сердце ея съ нами, и намъ нужно только молиться о ней... 16 числа, въ пятницу, будетъ сороковой день со времени смерти Мамаши: помянемъ ее, поплачемъ;—но неужели не будемъ ей сочувствовать въ ея чистой, небесной радости? Я увѣренъ, что она теперь радуется, прославляя на небесахъ Воскресшаго Господа. Будемъ же и мы радоваться, не оскорбляя ея памяти...

7 числа, въ среду, я получилъ, Папаша, письмо Ваше отъ 3 апрѣля и еще получилъ другое письмо отъ Михаила Алексѣевича. Я былъ очень радъ, что Вы живы, здоровы и успокоиваетесь; но жалѣлъ, что такъ долго не доходятъ къ Вамъ мои письма... Я писалъ къ Вамъ въ тотъ же вечеръ (25 марта), когда получилъ Ваше извѣстіе, но голова моя была въ такомъ огнѣ, что я не могъ продолжать и кончилъ уже по утру 26 числа. Но, по особенному случаю, оно не пошло въ этотъ день: директоръ задержалъ долго разсыльнаго, который ходитъ съ письмами, и письмо не поспѣло въ этотъ день на станцію желѣзной дороги. На другой день почта Нижегородская не отправляется и такимъ образомъ письмо было задержано. Я еще посылалъ Вамъ письма отъ 2-го и 6-го апрѣля. Вчера, въ 7 часовъ вечера, я получилъ еще письмо Ваше и при немъ коробочку съ 10-ю рублями серебромъ.— Я было легъ, послѣ чая, спать, чтобъ вставать къ заутренѣ, вдругъ швейцаръ отыскалъ меня въ спальнѣ и сказалъ, что меня спрашиваетъ кто-то, пріѣхавшій изъ Нижняго... Я одѣлся, пошелъ и увидѣлъ человѣка [1]) И. Н. Сущова; онъ передалъ мнѣ письмо и деньги; я спросилъ, не приказывалъ ли баринъ еще чего нибудь, не далъ ли адреса, гдѣ онъ остановился; по оказалось, что ничего больше не было приказано; какъ только отдать посылку. Я спросилъ, однако [2]), остановились Сущевы; только едва ли найду ихъ... Да и Богъ съ ними: они меня не знаютъ совершенно; я ихъ только видалъ нѣсколько разъ.. Очень утѣшаетъ меня—главное—Ваша заботливость обо мнѣ, мой добрый, дорогой Папаша. Право, Вы слишкомъ балуете меня. Я ничѣмъ еще не доказалъ Вамъ, что такъ много заслуживаю Вашей любви. Я только могу отвѣчать на любовь любовью, да и ту не умѣю выразить Вамъ, какъ слѣдуетъ...

Сегодня, послѣ заутрени и обѣдни, мы разговлялись у себя сыромъ, куличемъ, яйцами, ветчиною. Потомъ немного соснули; въ 9 часовъ опять завтракали, т. е. пили кофе съ куличемъ. Все вообще довольно хорошо было... Я вспомнилъ, какъ мы, бывало, дома разговлялись, подумалъ о томъ, какъ Вы нынѣ встрѣтили праздникъ, какъ разговлялись мои милыя сестры и братья. Напишите мнѣ объ этомъ, пожалуйста, или прикажите написать Анночкѣ или Ниночкѣ.

У насъ множество новостей: за обѣдней, т. е. послѣ обѣдни, читанъ былъ нынѣ манифестъ, объявляющій о войнѣ съ Англіей и Франціей. Нынѣ же, христосуясь съ директоромъ, мы узнали, что А. С. Норовъ утвержденъ министромъ. Директору нашему прибавили еще звѣздочку: онъ получилъ Св. Владиміра 2-й степени... На дняхъ у насъ произошло необыкновенное рвеніе на службу отечеству. Объявили было подписку въ пользу раненыхъ воиновъ; но такъ какъ у насъ все народъ голый, то подписка не состоялась, и студенты изъявили желаніе жертвовать собою и просили позволенія учиться

[1]) То есть, слугу.

[2]) По недосмотру, пропущено „гдѣ"; должно читать: „Я спросилъ, однако, гдѣ остановились".

военному артикулу. Директоръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра. Министръ хотѣлъ доложить Государю. Въ самомъ дѣлѣ, война принимаетъ размѣры, кажется, очень обширные. Скоро, говорятъ, съ 15-го апрѣля, Петербургъ будетъ уже объявленъ въ осадномъ положеніи. Около Кронштадта ходятъ англійскіе фрегаты по временамъ, для рекогносцировки. Императоръ безпрестанно ѣздитъ въ Кронштадтъ. Въ Петербургѣ на крайнихъ пунктахъ строятъ баттареи. Что-то будетъ?

Хотѣлось бы мнѣ отправить это письмо нынѣ же; не знаю только, успѣетъ-ли оно дойти до станціи желѣзной дороги къ сроку, т. е. къ 11-ти часамъ. Впрочемъ, поспѣшу опустить его въ ящикъ: можетъ быть, и отправится. Скоро надѣюсь писать Вамъ много, много... Да подкрѣпитъ Васъ Господь въ трудномъ подвигѣ.

Я вчера не могъ удержаться отъ слезъ, слушая «Не рыдай мене, Мати»... Но нынѣ я спокойнѣе. Прощайте, милый, добрый Папаша; берегите свое драгоцѣнное здоровье и спокойствіе для семьи Вашей, въ Васъ видящей единственное утѣшеніе и опору.

Вашъ сынъ

Н. Добролюбовъ.

Позвольте мнѣ поздравить съ Свѣтлымъ Христовымъ торжествомъ и Васъ, моя добрая Бабенька, замѣняющая теперь мать для сестеръ и братьевъ моихъ. Я радуюсь, что все-таки не чужой, а родной глазъ смотритъ за ними. Я вѣрю въ доброе сердце Ваше, которое, вѣрно, позабыло теперь все, что и бывало иногда непріятнаго между Вами и моей матерью... Я пишу Вамъ смѣло и открыто объ этомъ, потому что могила все должна примирить, и бѣдныя дѣти не виноваты ни въ чемъ... Ваша любовь, вмѣстѣ съ отеческою любовью и попеченіями папаши, загладитъ для нихъ несправедливость судьбы, лишившей ихъ матери. Бѣдные братья мои, я думаю, еще не понимаютъ всей силы своей потери: Володя, вѣрно, все хочетъ ѣхать въ Петербургъ отыскивать Мамашу; Ваня, можетъ быть, и не знаетъ, чего онъ лишился. Да и кто изъ нихъ, кромѣ старшихъ сестеръ, понимаетъ, что такое смерть? Горько ихъ положеніе; на Васъ лежитъ священный долгъ подкрѣпить, утѣшить ихъ, замѣнить имъ собою любящую и нѣжно любимую мать. И я увѣренъ, что Вы не откажетесь отъ этого, не оставите ихъ безъ вниманія... Сердце мое въ томъ увѣряетъ меня.

Любящій Васъ, внукъ Вашъ Н. Добролюбовъ.

Теперь обращаюсь къ Вамъ, милыя мои сестры; желаю Вамъ встрѣтить и провести свѣтлый Христовъ праздникъ, сколько возможно, весело. Бывало, милая Мамашенька такъ хорошо умѣла все устроить для насъ; теперь этого нѣтъ. Что же дѣлать? Не плачьте напрасно, —отъ этого лучше не будетъ,—а учитесь изъ этого, берите себѣ примѣръ для будущаго... Теперь только поняли Вы, какъ много значитъ мать для дѣтей, а прежде Вы на это не хотѣли обращать вниманія. Будьте же теперь умнѣе, осмотрительнѣе, любите, утѣшайте, покойте добраго оставшагося намъ Папашу, единственную нашу опору и утѣшеніе, старайтесь, чтобы Папаша всегда былъ Вами доволенъ.

Жизнь еще велика передъ нами; мы еще можемъ много видѣть и счастья, и горестей, и все будетъ зависѣть отъ того, какъ сами будете вести себя... Я, впрочемъ, увѣренъ, что Вы всѣ помните наставленія Мамаши нашей, и подъ надзоромъ добраго Папаши и нашей Бабеньки, оправдаете родительскія попеченія... Вы ко мнѣ пишите, мои милые, больше пишите, и не только Ниночка, а и Анночка, и Катенька также должны писать иногда... Вѣдь должны же Вы пріучаться къ этому. Ради Бога, не чуждайтесь меня, Вашего брата.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

15 апрѣля *(1854)*. Получено 26 апр.

Христосъ воскресе!

Милая моя тетенька! Любезный мой другъ Мишель! Благодарю Васъ, мои родные, за Ваше доброе участіе въ нашемъ семействѣ, въ моемъ горѣ... И еще разъ прошу и умоляю Васъ, Тетенька, защитить бѣдныхъ сиротъ отъ наемнаго глаза, отъ непрошенной заботливости чужихъ, отъ неосмотрительныхъ распоряженій родныхъ. Заступитесь за нихъ, научите ихъ, говорите за нихъ моему Папашѣ: вѣдь я увѣренъ, что онъ любитъ своихъ дѣтей. Напишите мнѣ еще разъ; Ваше письмо такъ меня обрадовало; Ваша рука напомнила мнѣ руку матери, которой я не увижу ужь никогда, никогда!.. Боже мой! Какъ жаль, что я не принялъ ея послѣдняго благословенія, что ея послѣдняя мысль была не обо мнѣ, что я не получилъ отъ нея никакого наказа, никакого порученія... Вѣрно, слишкомъ велики были ея страданія, что она не хотѣла даже узнать обо мнѣ, когда было получено письмо мое. Скажите, по прежнему ли Мамаша тревожилась обо мнѣ, —не это ли имѣло вліяніе на ея разстройство, или она въ послѣднее время уже была спокойнѣе?.. Въ какомъ положеніи теперь мои сестры? Хозяйство, я думаю, плохо идетъ? Теперь все будетъ обходиться въ три-дорога и будетъ хуже... Тетенька! Сдѣлайте намъ благодѣяніе!

Н. Добролюбовъ.

Обращаюсь теперь къ тебѣ, мой другъ, съ намѣреніемъ отвѣчать на твои упреки. Ты бранишь меня за холодность и за романичность въ письмахъ: два упрека совершенно противоположные. Что я холоденъ ко всему,—ты это зналъ хорошо,—слѣдовательно, ты не могъ отъ меня требовать большой чувствительности и пылкости, когда ничто не возбуждало ея... Но теперь другое дѣло... Я раскрою тебѣ все. Не притворство, не желаніе выставить на показъ свои чувства водятъ мною: я удивляюсь, какъ ты могъ это подумать... Я эгоистъ, я холоденъ, нечувствителенъ, но все же я человѣкъ, а не скотъ; а во всякомъ человѣкѣ есть сердце, есть сердечныя чувства. Есть характеры, которые горятъ любовью ко всему человѣчеству: это пылкіе, чувствительные характеры, для которыхъ не слишкомъ чувствительна однако потеря одного любимаго предмета, потому что у нихъ

еще много, много осталось въ мірѣ, что имъ нужно любить, и пустой уголокъ въ ихъ сердцѣ тотчасъ замѣщается. Но человѣкъ, который ко всему холоденъ, ни къ чему не привязанъ въ мірѣ, долженъ же на что нибудь обратить запасъ любви, находящійся неизбѣжно въ его сердцѣ. И эти люди не расточають своихъ чувствъ зря, всякому встрѣчному: они обращають его [1]) на существо, которое уже слишкомъ много имѣетъ правъ на ихъ привязанность. Въ этомъ существѣ заключается для нихъ весь міръ, и съ потерею его міръ дѣлается для нихъ пустымъ, мрачнымъ и постылымъ, потому что не остается уже ничего, чѣмъ бы могли они замѣнить любимый предметъ, на что могли бы обратить любовь свою. Изъ такихъ людей и я. Былъ у меня одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, который любилъ со всею пылкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ моей душѣ,— этотъ предметъ была мать моя. Поймешь ли ты теперь, какъ много, необъятно много потерялъ я въ ней? Теперь все въ мірѣ мнѣ чужое, все я могу подозрѣвать, ни къ кому не обращусь я съ полною, дѣтскою довѣрчивостью, ко всякому я желалъ бы проникнуть въ сердце и узнать сокрытыя его мысли. Повѣришь ли, я часто желалъ знать, что́ думаетъ обо мнѣ, какія намѣренія касательно меня имѣетъ отецъ мой, какія чувства онъ питаетъ ко мнѣ; но о матери никогда мнѣ въ голову этого не приходило; я зналъ, что душа ея раскрыта передо мною, что въ ней я найду только безпредѣльную любовь, заботливость и полное желаніе счастливой будущности... Теперь уже никто не взглянетъ на меня такимъ взглядомъ, полнымъ безпредѣльной любви и счастія, никто не обойметъ меня съ такой простодушной лаской, никто не пойметъ моихъ внутреннихъ, мелкихъ волненій, печалей и радостей... Душа моя должна быть закрыта для всѣхъ, да и самъ я не могу съ сердечнымъ участіемъ внимать разсказамъ другихъ объ ихъ внутренней жизни. Все исчезло для меня вмѣстѣ съ обожаемою матерью... Отчій домъ не манитъ меня къ себѣ, семья меньше интересуетъ меня, воспоминанія дѣтства только растравляютъ сердечную рану, будущность представляется мнѣ теперь въ какомъ-то жалкомъ, безотрадномъ видѣ; я, какъ лермонтовскій Демонъ, представляю себѣ:

«Какое должно быть мученье
«Всю жизнь, весь вѣкъ безъ раздѣленья
«И наслаждаться, и страдать»...

Знаешь ли, что во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ всегда съ думой о счастьи матери? Всегда она была на первомъ планѣ; при всякомъ успѣхѣ, при всякомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, я думалъ только о томъ, какъ это обрадуетъ маменьку... Мнѣ кажется, что будь она счастлива, я бы тоже былъ счастливъ ея счастьемъ, не смотря на всякаго рода непріятности собственныя. Я бы скрылъ ихъ отъ нея, какъ доселѣ скрывалъ многое, о чемъ разскажу тебѣ при свиданіи,—и наслаждался бы съ нею вдвоемъ... И вдругъ всего этого лишиться, такъ рано, такъ нежданно,

---

[1]) Описка, вмѣсто „ихъ“.

такъ жестоко!.. По крайней мѣрѣ молитесь о ней, чтобы хоть въ небесахъ она была блаженна; молитесь жарко и часто... Я рѣдко могу молиться, я слишкомъ ожесточенъ...

Ты скажешь опять, можетъ быть, что я разсуждаю, а не чувствую. Но въ томъ-то и бѣда моя, что я разсуждаю. Еслибы я могъ, какъ другіе, разразиться слезами и рыданіями, воплями и жалобами, то разумѣется, тоска моя облегчилась бы и скоро прошла. Но я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собой и потому-то мое положеніе такъ безотрадно, такъ горько. Разсудокъ подсказываетъ мнѣ всю великость моей утраты, не позволяетъ мнѣ забыться ни на минуту; я вижу страшное горе во всей его истинѣ, и между тѣмъ слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ. За этимъ письмомъ едва ли не въ первый разъ я плакалъ, и мнѣ стало легче послѣ этихъ слезъ, легче послѣ моихъ признаній. Не отвергай же ихъ, не бросай на нихъ тѣни сомнѣнія, отвѣть мнѣ подружески. А то—ужасное положеніе!.. Опять, какъ Демонъ, остаюсь я

«Съ своей холодностью надменной,
«Одинъ, одинъ во всей вселенной,
«Безъ упованья и любви!...»

Пожалѣй меня, подумай обо мнѣ...

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

14 апрѣля, 1854 года. Получено 21 апрѣля.

Со всѣми родными и знакомыми, и Вашими и моими, я уже похристосовался, а съ кѣмъ еще не успѣлъ поцѣловаться, такъ поцѣлуюсь сегодня, или завтра; надобно же похристосоваться и съ Вами. И такъ — Христосъ воскресе!—дорогой мой Николай Александровичъ. Желаю, чтобы общую нашу радость о Воскресшемъ раздѣлили съ нами и Вы, и взяли отъ нея на свою долю, сколько возможно больше.

За симъ слѣдуютъ вѣсти о Вашихъ родныхъ. Папаша и дѣти всѣ здоровы. Папаша и ходитъ со крестомъ и бываетъ дома, дѣти также и сидятъ дома и ѣздятъ въ гости. Въ первый день Антонина и Анна послѣ ранней обѣдни заходили къ Фавстѣ Васильевнѣ, на второй день почти всѣ были у Трубецкихъ, а вчера у Николаевыхъ. Я былъ у васъ въ первый день отъ 10 утра до 10 вечера, а вчера отъ 5 до 9 вечера. Фавста Васильевна и Михаилъ Ивановичъ здоровы. Лука Ивановичъ и Варвара Васильевна (съ дѣтьми) также здоровы. Я былъ у нихъ (съ братомъ) въ понедѣльникъ вечеромъ — —[1]).

Будьте здоровы и прощайте!

М. Костровъ.

---

[1]) Михаилъ Алексѣевичъ разсказываетъ, что, возвращаясь отъ Луки Ивановича (изъ подгородной слободы Кунавиной), онъ простудился, спрашиваетъ, не братъ ли его бывшему товарищу П. Фил. Щеглову товарищъ Николая Александровича Щегловъ, котораго онъ ошибочно называетъ Мих. Фил., говоритъ, у кого думаетъ побывать на праздники.

Сегодня мнѣ опять нужно будетъ быть у васъ вечеромъ, потому что я взялся къ вечеру переписать папашѣ проповѣдь на Ѳомино воскресенье.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

17 апрѣля, 1854 года.

А я скажу Вамъ, Николай Александровичъ, на этотъ разъ вотъ что: добрые люди поплачутъ, поплачутъ да и за дѣло возьмутся; такъ сдѣлайте и Вы. Вы довольно уже погоревали; пора и за книгу, и за перо, да за бумагу; не надобно забывать и себя, надобно подумать и о себѣ; оставимъ мертвымъ плакать о своихъ мертвыхъ, а намъ это и стыдно, и грѣшно. Слѣдующіе два мѣсяца пойдутъ у Васъ репетиціи да отчеты за прожитый Вами годъ, и этотъ годъ первый еще у Васъ, а отъ перваго-то года многое, пожалуй, будетъ зависѣть въ Вашей судьбѣ, такъ надо будетъ потрудиться теперь, а погрустите послѣ; такъ съ Богомъ, другъ, за книги, да за дѣло!

Желаю вамъ успѣха!

Новаго у насъ, кажется, нѣтъ ничего; недавно только я видѣлъ во снѣ довольно интересную вещь — —[1]).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

1854 г., 20 апрѣля.

Испуганное страшною потерею сердце боится и трепещетъ при малѣйшей неизвѣстности и безпокойствѣ. Во всемъ видитъ оно грозный призракъ новаго бѣдствія. Всю святую недѣлю я ждалъ письма отъ Васъ, мой милый, неоцѣненный, горячо-горячо любимый Папашенька. Съ наступленіемъ нынѣшней недѣли безпокойство мое страшно усилилось. Не могу придумать, отчего Вы не пишите ко мнѣ. Я посылалъ въ Вамъ письма 2-го, 6-го, 11-го апрѣля. Не знаю, получили ли Вы ихъ. Я писалъ къ Вамъ о нѣкоторыхъ своихъ успѣхахъ, о радостныхъ новостяхъ русскихъ; но признаюсь, все это не веселитъ меня. Что всѣ земныя радости, что все счастье наше, если не съ кѣмъ раздѣлить его, некого порадовать своею радостью. Теперь, послѣ горькой утраты нашей милой, нашей родимой, больше нѣтъ для меня радости, какъ Ваше счастье, Ваше спокойствіе и радость, добрый, любимый Папаша мой!.. Не мнѣ утѣшать Васъ безплодными разсужденіями, не мнѣ говорить Вамъ о терпѣніи и покорности промыслу... Я слишкомъ слабъ для этого, я слишкомъ сильно чувствую наше общее горе. Но, Папаша, если возможна радость на землѣ, послѣ столь тяжкаго горя, я обѣщаю Вамъ радость въ дѣтяхъ Вашихъ, которыя теперь принадлежатъ Вамъ нераздѣльно и единственно, всею

---

[1]) Разсказывается смѣшная сцена, которую Михаилъ Алексѣевичъ видѣлъ на улицѣ.—Подписи подъ письмомъ нѣтъ, потому что не осталось мѣста для нея.

душой, всей любовью и мыслію. Любите насъ, и счастье снова посѣтитъ нашу смиренную, опустѣлую обитель. Горько буду плакать я черезъ полтора или два мѣсяца, пріѣхавши домой, но надѣюсь найти отраду въ Вашей отеческой любви. Но до тѣхъ поръ мнѣ хочется знать подробности послѣднихъ дней Мамаши... Впрочемъ, зачѣмъ это. Ваше сердце разорвется отъ страшнаго воспоминанія. Нѣтъ, не пишите мнѣ этого, а скажите только, какъ Вы устроились нынѣ, какъ встрѣтили праздникъ; все ли такъ хорошо, какъ бывало прежде?.. Господи! дай мнѣ забвеніе прошлыхъ печалей и радостей! Дай позабыть незабвенное; дай хоть на часъ успокоиться! Вдали отъ родного, привѣтнаго слова, безъ Вашихъ отрадныхъ писемъ я невольно поддаюсь мучительному объятію тоски. Страшная потеря растетъ, растетъ предо мною и принимаетъ все болѣе и болѣе гигантскіе размѣры. За что я ни возмусь, ничто не занимаетъ и не развлекаетъ меня. Достаточно одной черты, одного незначительнаго слова, одного легкаго намека, чтобы перенести меня въ прежнее, невозвратно минувшее, счастливое прошедшее, представить тоскливому воображенію кроткій образъ бѣдной матери... О, Папаша, простите, простите меня, что я такъ безжалостно раздираю Вашу душу... Я самъ не понимаю, что со мной дѣлается...

16 апрѣля я былъ у обѣдни въ здѣшней Благовѣщенской церкви. Жарко молился я о душѣ милой Мамаши нашей и пѣніе Пасхи Господней какъ-то отрадно было для меня. Только это не всегда такъ на меня дѣйствуетъ. 12 разъ въ день, утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ слышу я: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», — но часто эта святая пѣснь кажется мнѣ горькой, жестокой насмѣшкой надъ моимъ положеніемъ. И при этомъ я страшусь за Васъ, Папашечка!.. Здоровы ли Вы, спокойны ли, утѣшаютъ ли Васъ дѣти Ваши? Каковы оказываются наши родные? Хорошо ли обходится съ дѣтьми и съ хозяйствомъ наша нянюшка?.. Вѣрно, многое Васъ разстроиваетъ. Что дѣлать, мой милый, великодушный Папаша. Нужно ждать и надѣяться, что все это устроится со временемъ. Вдругъ всего нельзя же сдѣлать. Ниночка не замѣнитъ Мамашу съ перваго раза даже и въ хозяйствѣ. Но вѣрно, она попривыкнетъ и будетъ распоряжаться лучше.

Вокругъ меня все такія веселыя лица. Нѣкоторые ѣздили на святую домой, напр. въ Тверь, Москву... Всѣ радуются веснѣ, хорошей погодѣ, скорому окончанію лекцій, успѣхамъ русскаго оружія. И я на минуту позабываюсь иногда въ общей радости. Нынѣшній день весь Петербургъ взволнованъ извѣстіемъ о блистательной побѣдѣ, одержанной Нахимовымъ надъ англійскимъ флотомъ близъ Одессы. Разбито, говорятъ 18 (по другимъ 13) кораблей. Нахимовъ, по слухамъ, возведенъ въ графское достоинство. Еще осыпанъ царскими милостями недавній прапорщикъ Щоголевъ, только что вышедшій изъ корпуса. Ему пожалованъ годовой окладъ жалованья, Георгій, чинъ штабсъ-капитана. Таковы здѣшніе слухи. Завтра или послѣ завтра узнаемъ все обстоятельно и навѣрное. Говорили еще, будто Силистрія взята нашими; но это какъ-то прошло мимо ушей. Въ общихъ огромныхъ событіяхъ отечества какъ-то невольно поддаешься патріотичес-

кому чувству и откликаешься на общую радость. Но свое горе все-таки близко къ сердцу и тяжелымъ камнемъ давитъ его. Вы это знаете, мой добрый Папаша, и я напрасно тревожу Васъ; но, право, я самъ не знаю, что такъ мучитъ меня, именно потому что нѣтъ писемъ ни отъ Васъ, ни отъ другихъ родныхъ и знакомыхъ. Порой находитъ на меня какое-то забытье: я на яву дремлю и мнѣ все представляется въ какихъ-то туманныхъ, неявственныхъ образахъ; тогда я спрашиваю себя, не есть ли все это тяжкій сонъ, не мечта ли разгоряченнаго воображенія... Но всѣ мысли такъ ясны, воспоминанія имѣютъ такую обстоятельность, подробность и свѣтлость, какой не бываетъ въ сновидѣніяхъ. Горькая дѣйствительность предстаетъ во всей ужасной своей истинѣ.

А между тѣмъ съ 1 мая начнутся экзамены... Нужна вся энергія, вся сосредоточенность мыслей и памяти. Едва ли я могу сдать экзамены совершенно удачно. Помолитесь обо мнѣ, Папашенька. Вы такъ добры и чисты, что Господь услышитъ молитву Вашу, Вчера, впрочемъ, отвѣчалъ я двумъ профессорамъ на репетиціяхъ: ничего, обошлось, какъ слѣдуетъ. Нынѣ профессоръ [1]) разбиралъ въ классѣ мое сочиненіе, о которомъ спрашивала меня еще моя милая, обожаемая Мамаша [2]); разборъ свой онъ заключилъ тѣмъ, что мой трудъ отлично хорошій, во всѣхъ отношеніяхъ образцовый трудъ... О, какъ бы порадовалась Мамашенька, еслибы могла узнать это при своей жизни!.. Порадуйтесь же Вы за нее, мой нѣжно любимый Папаша!..

Что же не пишете ко мнѣ Вы, милыя сестрицы мои? Вѣдь я Васъ просилъ объ этомъ, и самъ писалъ къ Вамъ. Вы бы много могли успокоить меня, написавши просто, что всѣ наши здоровы, что Папашенька спокоенъ, что Вы его утѣшаете своею любовью, послушаніемъ, добротою; что Вы молитесь за Мамашу. Молитесь, мои милыя, молитесь крѣпко, часто и горячо... Богъ услышитъ Ваши молитвы; Вы вѣдь хотите, чтобы Мамашенька наша была въ свѣтломъ раю, съ ангелами и праведниками. Она, вѣрно, удостоилась райскаго жилища и, вѣрно, молитъ милосердаго Господа за всѣхъ насъ, бѣдныхъ дѣтей ея, и особенно за нашего добраго Папашу, который такъ сильно, такъ много любитъ насъ. Берегите, мои милыя, его здоровье и спокойствіе, утѣшайте и радуйте его... Слушайтесь доброй нашей бабеньки.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

22 апрѣля 1854 г.

Вчера поутру отправилъ я жалобное письмо къ папашѣ, а вечеромъ получилъ вдругъ три письма: отъ 10-го и 17 чиселъ отъ папаши и 14 числа Ваше письмо, Михаилъ Алексѣевичъ. Изъ нихъ узналъ я, что наши живые всѣ здоровы, что понемногу успокоиваются,

---

[1]) Русской словесности Лебедевъ.

[2]) Сличеніе перевода г. Шершеневича съ подлинникомъ „Энеиды".

и что̀ должно было послужить мнѣ утѣшеніемъ. Кромѣ того, увидѣлъ я, что въ нашихъ краяхъ все пошло обыкновеннымъ порядкомъ, что хмель и молодость вступаютъ въ свои права, что тамъ могутъ видѣться такіе странные сны, около Чернаго Пруда,—и мнѣ стало совѣстно моей неутѣшной грусти. Я подумалъ, что этимъ только разстраиваю папашу и родныхъ и теперь спѣшу увѣдомить Васъ о полученіи мною писемъ, чтобы Вы передали это и папашѣ. Къ нему я буду писать уже на той недѣлѣ. Дѣла ужасно много; 3-го мая экзаменъ, при митрополитѣ, министрѣ и пр. Экзаменъ первый будетъ по закону Божію. Нынѣ я хлопочу тоже очень много: нынѣшній день Срезневскій поручилъ мнѣ и еще двоимъ составить къ субботѣ программу, т. е. краткое обозрѣніе всего, что прочитано въ годъ по славянской филологіи. Дѣла тутъ тоже будетъ довольно. Эти усиленныя занятія будутъ для меня даже полезны въ отношеніи къ моей грусти. Право, я не вижу силы въ Вашихъ доводахъ, что мамаша умерла уже давно и что я довольно погоревалъ. Для Васъ это такъ. Но я вѣдь не видалъ, какъ она умирала. Она умираетъ для меня каждый часъ, какъ только я о ней вспомню и подумаю. О спокойствіи мнѣ думать нечего, до тѣхъ поръ, пока я не буду дома, не наплачусь на могилѣ моей родимой. Въ последнемъ письмѣ я писалъ папашѣ о новостяхъ военныхъ: оказывается, что это очень сомнительно. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничто не подтверждаетъ этихъ извѣстій. Говорили, что ихъ хранятъ до завтра, чтобы обрадовать народъ въ тезоименитство императрицы; впрочемъ, и въ этомъ завѣрять нельзя.

А по Институту у насъ есть новости, и несомнѣнныя. Институтъ будетъ называться не Главнымъ, а Императорскимъ. Инспекторъ переименовывается въ помощника директора; старшій надзиратель въ инспектора; срокъ службы за воспитаніе будетъ, вмѣсто 8, только 6 лѣтъ. Выпускать будутъ два разряда—кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ. Все вообще устройство болѣе и болѣе приближается къ университетскому. Впрочемъ, Высочайшаго утвержденія на этотъ проектъ еще не послѣдовало.

Щегловъ, мой товарищъ, не родной братъ Петра Фил., а двоюродный. Его зовутъ Дмитрій Ѳедорычъ. Петръ Фил. теперь въ Петрозаводскѣ, читаетъ словесность.

Пожалуйста, увѣдомьте меня, получили ли Вы всѣ письма мои. Отъ какихъ именно чиселъ получили Вы письма отъ меня въ послѣднее время?

Если увидите, спросите также г. Лаврскаго, получилъ ли онъ письмо мое отъ 18 февраля и почему на него не отвѣчалъ, если получилъ.

Простите до свиданья... Мнѣ очень некогда. Надѣюсь, что увижусь съ Вами около половины іюня. Во время экзаменовъ писать мнѣ будетъ некогда... Но Вашихъ писемъ я всегда буду ждать съ удовольствіемъ. Скажите Ниночкѣ, что я очень, очень благодарю за ея письмо. Пусть пишетъ еще ко мнѣ...

ПИСЬМО ОТЦА.

Субб., 24 апрѣля, 1854 г. Получено 28 апрѣля.

Письмо твое, милый сынъ мой Николай Александровичъ, отъ 12 апр. получилъ 20 числа. Очень радуюсь, что ты становишься равнодушнѣе; благодарю тебя отъ чистаго сердца [1]). Это укрѣпляетъ и утѣшаетъ меня и всѣхъ насъ много, очень много... Лизанька (нынѣшній день именинница) славная дѣвочка [2]). Прочія дѣти мои всѣ живы и здоровы... Дѣла домашнія идутъ своимъ порядкомъ, только нянька выходитъ негодяйкою [3])... Ахъ, люди, люди, а хуже чужіе!.. *Наемникъ, яко наемникъ есть*... Впрочемъ, Богъ милостивъ, былъ бы живъ и здоровъ я, все будетъ по хорошему. Я ей уже вынужденнымъ нашелся сказать: «У меня жить, такъ живи, какъ слѣдуетъ, а носъ не поднимай. Были бы деньги, прислуга будетъ, право, лучше тебя»...—Теперь стала посмирнѣе. Не знаю, что дальше... Опять повторяю: *наемникъ, яко наемникъ есть*... Хитрая,—привязала такъ сильно къ себѣ Ванечку, что безъ нея онъ изъ рукъ вонъ, а я его очень люблю, да и Мамашенька любила. Онъ, если не весь въ тебя, очень, очень похожъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Преосвященный съ 18 числа сего апрѣля сдѣлался нездоровъ довольно тяжело, но нынѣ ему лучше. Я видѣлся съ Бажановымъ и Е. Е. Эвеніусомъ. Они его пользуютъ.

Прощай, любезнѣйшій мой! Не пиши много никому. Береги время. Оно для тебя дорого. Теперь экзамены... Просимъ и молимъ Бога, да подкрѣпитъ Онъ силы твои и увѣнчаетъ труды твои счастливыми, прекрасными отвѣтами.

Отецъ твой свящ. Ал. Добролюбовъ.

Бабенька и всѣ родные и Михаилъ Алексѣевичъ добрый нашъ—тебѣ кланяются и желаютъ всего, всего наилучшаго.

Вальдемаръ, съ Катяй съ Луки Ивановича [4]) уѣхали еще въ четвертокъ, т. е. 22 сего апрѣля.

---

[1]) „Очень радуюсь, что ты становишься равнодушнѣе"—эти слова, составляющія цѣлую строку, прибавлены послѣ; они вставлены между первоначальными 2-ю и 3-ю строками.—Вторая строка—полная, и третья была непосредственнымъ продолженіемъ находящихся на ней словъ; тогда было такъ: „Письмо твое" и т. д., „получилъ 20 числа. Благодарю тебя и т. д.,—то есть, благодарность отца была относима къ тому, что сынъ утѣшилъ его своимъ письмомъ. Вставкою между строками отецъ высказалъ опредѣлительнѣе, въ чемъ же собственно состояло утѣшеніе, данное ему письмомъ сына: въ томъ, что сынъ начинаетъ преодолѣвать свою печаль.

[2]) Лизанька—та дочка, рожденіе которой имѣло послѣдствіемъ смерть матери.

[3]) Оставшись безъ надзора, она стала держать себя нагло.

[4]) Вальдемаръ—шутливо вмѣсто Володя.—„Съ Катяй съ Луки Ивановича"—шутливое подражаніе ребяческому лепету маленькаго Володи. Александръ Ивановичъ хочетъ показать сыну, что ужъ можетъ шутить, смѣяться.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

1854 г. мая 3-го.

22 апрѣля писалъ я къ Михаилу Алексѣевичу, увѣдомляя его о нашихъ занятіяхъ. Съ тѣхъ поръ я получилъ отъ Васъ, Папаша, два письма, отъ 24 и 28 апрѣля. Они очень много облегчили меня, особенно послѣднее. Я покорился волѣ Господней и подумалъ, что столько же долженъ заботиться о Вашемъ спокойствіи, сколько почитать память милой матери. Вы простите меня за мою грусть: она неизбѣжна... Впрочемъ, въ наставшей теперь кипучей дѣятельности я могу найти развлеченіе и позабыть о томъ, что такъ много тяготитъ мою душу.

Нынѣ у насъ былъ экзаменъ по богословію. Меня спросили первымъ, при преосвященномъ Макаріѣ. Онъ остался очень доволенъ. Послѣ того, часовъ въ 12 онъ уѣхалъ. Во второмъ часу пріѣхалъ Норовъ. Вообще, экзаменъ шелъ хорошо... Такимъ образомъ, Вы видите, что грусть моя не помѣшала дѣлу. Надѣюсь того же и въ будущемъ. Въ четвертокъ у насъ экзаменъ по русской исторіи, у Устрялова; въ среду по психологіи. Опять нужно готовиться. Поэтому, послѣ этого коротенькаго письма, я не буду опять писать къ Вамъ дней десять, чтобы опять увѣдомить Васъ о результатѣ испытаній.

Недавно еще сочиненіе мое удостоилось особенной чести. Профессоръ, читавшій его, С. И. Лебедевъ, представилъ его, вмѣстѣ съ двумя другими, какъ отличное, директору. Черезъ нѣсколько дней директоръ два другія сочиненія отдалъ студентамъ, а мнѣ объявилъ, что мое сочиненіе взялъ у него ректоръ университета П. А. Плетневъ, который самъ занимается тоже разборомъ перевода Энеиды Шершеневича... Доселѣ этого сочиненія я еще не получилъ, можетъ быть, и не получу.

Если это можетъ сколько-нибудь занять и порадовать Васъ, мой дорогой, безцѣнный Папаша, то и я считаю себя счастливымъ Вашею радостью. Болѣе всего въ настоящемъ положеніи утѣшаетъ меня Ваша твердость и спокойствіе, Папашенька... Я и самъ бы желалъ быть спокойнымъ, но я не могу еще достигнуть этого... Я не мужъ, искушенный жизненнымъ опытомъ, я еще слишкомъ молодъ, и первое, страшное несчастіе, постигшее меня отъ начала жизни моей, должно было сильно на меня подѣйствовать... Впрочемъ, я покоряюсь Промыслу, какъ уже сказалъ Вамъ.

На счетъ моего отъѣзда я не знаю, какъ сказать Вамъ. Предоставляю все рѣшить Вамъ самимъ. Разумѣется,—я не могу не хотѣть увидѣть родныя мѣста, пожить нѣсколько времени подъ родной кровлей съ родными, съ милыми сестрами и братьями, не могу не хотѣть увидѣть Васъ, мой милый Папашенька, единственное утѣшеніе и любовь моя!.. Но я боюсь навести на Васъ тоску неизбѣжнымъ плачемъ, съ которымъ встрѣчу я могилу Матери. При томъ не знаю, удобна ли будетъ поѣздка. Пароходъ [1]) «Самолетъ» объявляетъ, что будетъ ходить только до Рыбинска. О цѣнахъ я еще не справлялся.

---

[1]) То есть: общество пароходства.

Не знаю, можно ли будетъ найти пароходъ изъ Рыбинска.... Дилижанса въ Москвѣ, говорятъ, въ концѣ іюня я тоже могу не скоро дождаться. Впрочемъ, я постараюсь узнать все это необстоятельнѣе. Постарайтесь и Вы, если можно.

Милымъ сестрамъ и братьямъ желаю всего добраго, здоровья и счастья. Совѣтую имъ, какъ и прежде, быть болѣе откровенными съ Папашей, слушать няню, но не довѣряться ей слѣпо. Чужая душа— потемки.

Н. Доб.

P. S. Добрый мой товарищъ, Димитр. Өедоровичъ Щегловъ, проситъ меня передать Вамъ, Папаша, его глубокое почтеніе и благодарить за Ваше вниманіе къ нему. Онъ продолжаетъ утѣшать меня.

ПИСЬМО ОТЦА.

8 мая, 1854 г. Получено 12 мая.

Преуспѣвай и отличайся, милый сынъ мой Николай Александровичъ! Теперь пора твоя къ тому настала. Объ этомъ проситъ и молитъ всечасно Бога любящій тебя отецъ Твой свящ. А. Добролюбовъ.

У насъ все идетъ своимъ прежнимъ порядкомъ. Всѣ живы и здоровы. Это письмецо пишу [1]) у твоей крестной, Елизаветы Васильевны, которая отъ всей души желаетъ тебѣ всего добраго и отличиться на экзаменахъ. Письмо отъ 2 мая съ приложеніемъ 10 р. сер., вѣрно уже ты получишь или наканунѣ, т. е. нынѣ, или въ день самыхъ твоихъ именинъ. Еще разъ поздравляю тебя со днемъ твоего ангела. Да сохранитъ тебя Господь и ангелъ-хранитель во всѣхъ путяхъ жизни твоея. Береги свое здоровье паче всего...

Николай Петровичъ и Александръ Петровичъ свидѣтельствуютъ тебѣ свое почитаніе съ желаніемъ всего наилучшаго. Катенька и Юленька [2]) все еще гостятъ у тетеньки Варвары Васильевны. У насъ въ церкви завтра обѣщался служить преосвященный; но едва ли будетъ: не совсѣмъ еще здоровъ. Сейчасъ къ нему иду. Вчера я довольно съ нимъ бесѣдовалъ. Онъ посылаетъ тебѣ свое благословеніе.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

1854 г. мая 12-го.

Письма Ваши, мой милый Папашенька, отъ 2 и 8 мая я получилъ, равно какъ и письмо Михаила Алексѣевича... Много благодарю Васъ за всѣ заботы Ваши. Посланныя Вами деньги получилъ я наканунѣ своихъ именинъ. Вы много меня балуете, Папаша. Когда есть деньги, находятся и новыя нужды, и если я поѣду домой, опять придет-

---

[1]) То есть: „это письмо дописываю“ или: „эту приписку къ заготовленному дома письму прибавляю“.

[2]) Третья и четвертая сестры Николая Александровича.

ся значительно безпокоить Васъ. Касательно отъѣзда все еще ничего опредѣленнаго не знаю. Къ сожалѣнію, срокъ нашего отпуска оттянулся: хотѣли отпустить 6 іюня, а теперь по новому росписанію 14 числа только еще кончатся экзамены.

Экзамены мои идутъ благополучно. Горе мое не повредило мнѣ въ этомъ отношеніи. Я подумалъ, что еще не все совершенно потерялъ въ жизни, что если я не успѣлъ или не умѣлъ (потому что и прежде можно было) утѣшить и порадовать собою милую мою Мамашу, то по крайней мѣрѣ я долженъ утѣшать Папашеньку, который, вѣрно, не меньше Мамаши любитъ меня, хоть и меньше говоритъ объ этомъ. Поэтому я крѣпко принялся за дѣло. Вы знаете, что я оказываюсь необыкновенно и крѣпкимъ именно въ крайнихъ обстоятельствахъ. Они-то способны пробудить во мнѣ энергію, поднять меня изъ постоянной холодной апатіи, къ которой я какъ-то расположенъ по природѣ. А съ энергіей чего не сдѣлаешь. Я не занимался [1]) въ продолженіи года; кажется, объ этомъ я уже увѣдомлялъ Васъ... Нынѣ я взялся и въ два, три дня обработываю цѣлую науку [2]). Разумѣется, я отвѣчаю не блестящимъ образомъ; самъ я сознаю, что могъ бы отвѣтить несравненно лучше, но другимъ, вѣроятно, этого не кажется... Изъ богословія (3 мая), русской исторіи (6 мая), Психологіи (12 мая)—я получилъ по 5—высшій балъ... Больше этого, хоть лобъ разбей, не получишь... Чего же мнѣ больше желать?.. И удивительно, что на людей, которые цѣлый годъ долбили, и наконецъ выдолбили, и получили 5,—на этихъ людей товарищи смотрятъ не совсѣмъ хорошо, завидуютъ; а мнѣ никто... Какъ будто это такъ и должно быть, и иначе быть не можетъ.

14 числа, въ пятницу, у насъ еще будетъ экзаменъ по греческому языку, 19-го по русской словесности, 22-го по политической экономіи; послѣ этого экзамена я опять буду писать къ Вамъ, а до тѣхъ поръ долженъ готовиться. Оттого-то и нынѣ я пишу къ Вамъ такъ не много, хоть много бы было о чемъ писать.

Какъ ни мало у меня времени, но не могу я не спросить Васъ, Папаша, о томъ, какъ идетъ надзоръ за моими сестрами и братьями?.. Нянькѣ во всякомъ случаѣ, я думаю, нельзя много довѣрять... Лучшее средство, о которомъ я давно уже писалъ сестрамъ—совершенная откровенность съ Вами, Папаша; Вашъ отеческій взглядъ тотчасъ пойметъ настоящее положеніе дѣла. Иначе бѣднымъ сиротамъ нѣтъ спасенія. Такъ молоды, такъ неопытны—они поддадутся и вліянію няньки, будутъ обмануты и кухаркой, и даже не примѣтятъ этого...

Скажите мнѣ, пожалуйста, Папашенька, кто изъ родныхъ принимаетъ болѣе участія въ нашемъ семействѣ? Мнѣ хотѣлось бы знать это... Кажется, тетенька Варвара Васильевна приголубила дѣтей. Очень, очень много благодарю ее. Прошу Васъ передать ей и дяденькѣ Лукѣ

---

[1]) Не занимался предметами школьной программы.

[2]) То есть, весь годичный курсъ предмета школьной программы; „въ два—три дня“ то есть въ дни, отдѣляющіе экзаменъ по одному предмету школьной программы отъ экзамена по другому.

Ивановичу, что я очень помню и люблю ихъ. Всѣмъ нашимъ роднымъ свидѣтельствую мое почтеніе.

Пожалуйста, Папашенька, рѣшите за меня и распорядитесь на счетъ моего пріѣзда на каникулы. Я ничего этого не знаю. Еще прошу у Васъ совѣта въ одномъ экономическомъ дѣлѣ. Въ Нижнемъ, вѣроятно, понадобится мнѣ для нѣсколькихъ визитовъ, быть въ мундирѣ. Но казенный мундиръ съ позументами вмѣсто шитья на воротникѣ не совсѣмъ приличенъ. Чтобы пришить къ нему новый воротникъ, нужно заплатить цѣлковыхъ 8—10. Почти столько я могу отдѣлить изъ тѣхъ денегъ, которыя Вы мнѣ прислали. Совѣтуете ли сдѣлать это?.. Это, разумѣется, только въ случаѣ, если я поѣду домой.

Н. Добролюбовъ.

P. S. Недавно я получилъ еще письмо отъ В. В. Лаврскаго и отъ Н. А. Рачинскаго. Очень благодаренъ за нихъ, но отвѣчать едва ли буду. Новый пріемъ въ Институтъ будетъ въ этомъ году непремѣнно.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Мая 12 дня 1854 года. Получено 16 мая.

Письмо Ваше къ папашѣ отъ 4 мая (какъ значится на его конвертѣ) получено и вчера было прочитано и мной. Александръ Ивановичъ много порадовался и радуется вашимъ успѣхамъ, я также; дай Богъ Вамъ благополучно кончить и хорошо начавшіяся испытанія!

На этой недѣлѣ папаша не обѣщается писать къ Вамъ, и поручилъ мнѣ переслать Вамъ поклоны отъ него и всѣхъ домашнихъ вашихъ; «да скажите ему» говорилъ онъ мнѣ, «чтобы онъ писалъ ко мнѣ теперь не много и покороче, только самое нужное, не отвлекаясь отъ своихъ трудовъ, чтобы о дорогѣ много не думалъ, а сѣлъ-бы, если можно будетъ, въ Москвѣ въ дилижансъ да и ѣхалъ, во всякомъ случаѣ деньгами не стѣснялся бы, да сказалъ-бы, сколько по его счету нужно выслать ему денегъ, да назначилъ бы больше—пригодится!»—Пріѣзжайте, какъ можно будетъ и какъ повезутъ васъ обстоятельства, а здѣсь Вамъ нужно быть и полезно будетъ какъ для домашнихъ, такъ и для Васъ самихъ.

Дома у Васъ всѣ живы и здоровы, родные Ваши также. Въ воскресенье, въ день Вашихъ именинъ, я былъ у васъ и за обѣдомъ нарочно выпросилъ рюмку водки, чтобы поздравить Васъ:—желаю Вамъ всякаго благополучія на весь годъ!—Со мной обѣдала у васъ Фавста Васильевна; но папаша былъ въ приходѣ. Послѣ обѣда я разсказывалъ Володѣ Эзоповы басни, и онъ такъ заслушался, что заснулъ и проспалъ два часа съ половиной. Славный малый Володя, все умнѣе и умнѣе становится, и какъ старшій братъ теперь въ домѣ, какъ онъ иногда называетъ себя, дѣлается по-скромнѣе или по-смирнѣе, да по-солиднѣе. Иногда немного и позабавитъ меня; такъ однажды замѣчаетъ мнѣ: «Да вы не говорите мнѣ *ты*, а говорите *вы*». Почему-же, спросилъ я?—«Да какъ почему? Вѣдь вы поѣдете въ де-

ревню, да будете тамъ мужикомъ, а я поѣду въ Петербургъ, да надѣну тамъ шпагу; да—вотъ что!».

Да сударь, пріѣзжайте къ намъ въ Нижній, и мнѣ уже хочется увидѣться съ Вами!

Хотѣлъ бы я побольше написать Вамъ, да люди помѣшали, а теперь уже былъ звонокъ и нужно идти въ классъ.—До свиданія!

Братъ мой Вамъ кланяется.

М. Костровъ.

ПИСЬМО ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

15 мая, 1854 года. Нижній. Кунавино. Получено 21 мая.

Сколько разъ хотѣла я писать къ тебѣ, милый Николенька, но стыдъ, что ты будешь смѣяться надъ моимъ почеркомъ и слогомъ безъ грамматики всегда меня останавливали. Но наконецъ любовь моя къ тебѣ превозмогла; зная, что ты въ большой потерѣ и печали и не получаешь писемъ, писанныхъ женской рукой, и я [1]) рѣшилась. Не могу вспомнить объ томъ, какъ ты въ послѣдній разъ прощался со своей мамашей, и болѣе никогда ее не увидишь; но что дѣлать, такъ Богу угодно; что прошло, того не воротишь. Теперь надо думать объ томъ, какъ утѣшить папашу, у него стало много заботъ, всякая мелочь до него доходитъ. Ты знаешь свою бабашу, она и теперь, какъ прежде, ни во что не входитъ; всѣ домашнія заботы зависятъ отъ Ниночки. Няня очень много о себѣ мыслитъ; но это не мое дѣло, самъ пріѣдешь и увидишь все, если только не будешь слушать ея лепетанья; она терпѣть не можетъ, что мы ходимъ къ вамъ въ домъ, особенно сестрицу [2]), и зоветъ насъ распорядительницами. Милый Николенька! какъ хочется мнѣ поглядѣть на тебя; я думаю, что ты совсѣмъ перемѣнился, выросъ, похорошѣлъ, семинарскій духъ потерялъ въ столицѣ. Пріѣзжай поскорѣе и тогда, можетъ быть, будетъ стыдно и неприлично намъ называть тебя Николенькой, а теперь все еще представляешься воображенію моему прежнимъ тихимъ племянничкомъ, разсказывающимъ веселые анекдоты; я надѣюсь, что ты и теперь такой же и не будешь меня чуждаться. Право, я люблю тебя много; не могу замѣнить матери, но все-таки скажу, что не знаю, которая изъ тетокъ любитъ ли тебя болѣе моего. Ты смѣешься и думаешь: «вотъ тетушка какъ себя хвалитъ»; не думай этого, Николенька; ты меня знаешь, я не могу льстить кому надо, не только тебѣ, отъ котораго я ничего не ищу, и пишу что на сердцѣ, то и на языкѣ, за что на меня часто сердятся; но что дѣлать: такой характеръ, не люблю особенно іезуитовъ. Извини, много наболтала.

---

[1]) Слово „рѣшилась" вставлено между строкъ; при этомъ по недосмотру остался не поправленъ прежній порядокъ словъ; слѣдуетъ читать: ...„женской рукой, я и рѣшилась".

[2]) Фавсту Васильевну, которая бывала въ домѣ Александра Ивановича гораздо чаще Варвары, жившей въ слободѣ за Окой.

Желаю отъ всей души, чтобъ ты отличился на экзаменахъ и насъ этимъ порадовалъ. У насъ вѣдь нѣту сына, и завидовать не станемъ. Я надѣюсь во-первыхъ на Бога, что Онъ тебѣ поможетъ, а во-вторыхъ, на твой умъ и разсудительность. Дѣти мои, Соня и Маша, и сестры твои Катя и Юля—кланяются, онѣ гостятъ у меня вотъ уже 3 недѣли, за что я очень благодарна Александру Ивановичу за его ко мнѣ довѣріе. Мы живемъ, слава Богу, хорошо; дядя [1]) что-то все прихварываетъ. Много бы тебѣ написала, но надѣюсь скоро увидаться съ тобой, тогда все переговоримъ, если ты не возгордишься. Еще прошу тебя, Николенька, чтобъ Ты никому не показывалъ моего письма,—право, не хочется, чтобы надо мной смѣялись, какъ тогда мою приписку ты казалъ своимъ товарищамъ. Я пишу безъ сочиненія, прямо на-бѣло, отъ сердца.

Остаюсь любящая тебя

т. В. В. К. [2]).

ПИСЬМО ОТЦА.

22 мая, 1854 г. Получено 27 мая.

Письмо это, милый мой сынъ Николай Александровичъ, пишу къ тебѣ у Алекс. Иван. г. Щепотьева, у котораго служили мы молебенъ о благополучномъ путешествіи его въ С.-Петербургъ [3]). Вѣроятно, прежде сего получишь ты отъ меня письмо со вложеніемъ двадцати пяти руб. серебромъ. Онъ [4]) нѣсколько дней хотѣлъ пробыть въ Москвѣ.—У насъ, благодареніе Богу, все теперь благополучно.— Когда кончатся у тебя экзамены, ты можешь погулять съ нимъ по Петербургу, сходить въ театръ и другія благородныя мѣста. Онъ лично передастъ тебѣ о состояніи нашего житья-бытья. Нельзя ли будетъ тебѣ и пріѣхать съ нимъ къ намъ въ Нижній? Можетъ быть, онъ окончитъ къ тому времени дѣла свои. Впрочемъ, какъ найдешь для себя удобнѣе.

Прощай, дорогой мой, до радостнаго свиданья.

Свящ. Ал. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

24 мая, 1854.

Вчера, мой милый Папашенька, получилъ я записочку Ниночки и при ней письмецо Михаила Алексѣевича. Изъ него узналъ я, что Вы здоровы и очень заняты въ настоящее время, и пожелалъ Вамъ счастливо и легко кончить труды свои. Узналъ я также, что у насъ былъ 18 числа Оранскій образъ Пресвятыя Владычицы, предъ кото-

---

[1]) Подразумѣвается „твой" (то-есть, Лука Ивановичъ).
[2]) То-есть, „тетка Варвара Васильевна Колосовская".
[3]) Подразумѣвается, что письмо это и посылается съ А. И. Щепотьевымъ.
[4]) А. И. Щепотьевъ.

рымъ, вѣрно, помолились Вы о душѣ нашей милой, незабвенной Мамаши; не забыли, вѣрно, помолиться и о тоскующемъ на чужбинѣ сынѣ Вашемъ. Не понимаю самъ, что со мною дѣлается: чѣмъ лучше идетъ все, лично до меня касающееся по Институту, тѣмъ сильнѣе грущу я о потерѣ Мамаши. Вотъ уже кончились три экзамена, о которыхъ я писалъ Вамъ, изъ тѣхъ самыхъ предметовъ и въ тѣ самые сроки. Изъ всѣхъ предметовъ получилъ я по 5. По-гречески пришлось мнѣ отвѣчать въ присутствіи министра. Онъ слушалъ меня, спрашивалъ, и въ заключеніе сказалъ: «Очень хорошо, очень хорошо, Добролюбовъ». По русской словесности, разумѣется, я и не боялся ничего, потому что постоянныя мои занятія съ самыхъ раннихъ лѣтъ и постоянная любовь къ этой наукѣ ручались мнѣ за успѣхъ. Достаточно приготовленный разнообразнымъ чтеніемъ всякаго рода книгъ—и думая себя посвятить русской словесности и въ школѣ, и на службѣ, и въ обществѣ,—я потому съ легкостью и съ любовью могъ заниматься этимъ предметомъ и здѣсь. Политическая экономія тоже сошла съ рукъ хорошо, и хотя я не вдругъ отвѣчалъ на возраженіе профессора касательно отношенія между желѣзными дорогами и каналами, но самый отвѣтъ былъ хорошъ, и по окончаніи экзамена инспекторъ, читая баллы, сказалъ, что мнѣ стоитъ 5. Теперь еще предстоитъ трудный экзаменъ по славянской филологіи у Срезневскаго, 26 числа; потомъ по латинскому языку у довольно тяжелаго [1]) профессора Благовѣщенскаго, 28 числа; далѣе—по государственному праву, 2 іюня. Далѣе что будетъ; я напишу Вамъ. Скажу только, что затѣмъ будетъ ужь не страшно, и во всякомъ случаѣ теперь несомнѣнно, что я перейду во второй курсъ. Соображая свои успѣхи и то, какъ легко они мнѣ достались, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что избранный мною путь есть вѣрный и безошибочный. Вѣрно въ академіи большихъ и большихъ трудовъ стоило бы мнѣ возиться съ различными Герменевтиками, Гомилетиками, Литургиками, Пасториками, Канониками, Археологіями, Патрологіями, Онтологіями, Метафизиками и т. д. и т. д... И никогда бы я не выкарабкался изъ посредственности самой жалкой, будучи принужденъ писать каждый мѣсяцъ по два сочиненія о томъ, можно ли научиться логикѣ изъ разсматриванія природы, объ отношеніи между логикой и психологіей, и т. п. въ томъ же родѣ, невыносимо тяжеломъ, отвлеченномъ, скучномъ, нисколько не приложимомъ къ жизни. Теперь уже я не словами, а дѣломъ надѣюсь оправдаться передъ Вами въ своемъ нѣсколько произвольномъ поступкѣ. Говорю *нѣсколько* потому, что знаю, что Вы никогда не имѣли предубѣжденія противъ свѣтскихъ заведеній и единственно матеріальныя средства были причиною того, что я не отправился въ Казанскій университетъ... Одно только страшно терзаетъ меня по временамъ, это—мысль, что мое своевольное поступленіе въ Институтъ и сопровождавшія его обстоятельства, имѣли, можетъ быть, слишкомъ гибельное вліяніе на разстроенное и безъ того здоровье моей Мамаши, особенно въ тогдашнемъ ея положеніи, и приблизили ее ко гробу. Какъ я ни гоню отъ себя эту мысль, но

---

[1]) Требовательнаго.

она довольно часто приходитъ мнѣ въ голову и шепчетъ мнѣ, что я невольный убійца своей матери... Тяжко, неизъяснимо тяжко становится на душѣ, когда посѣщаетъ меня эта безотрадная, отчаянная мысль, и тѣмъ больше тяготитъ она меня, что поправить дѣло уже невозможно... Я не оправдаюсь передъ матерью, не представлю ей своихъ успѣховъ, не скажу, что я имѣлъ право такъ поступить, какъ поступилъ, потому что надѣялся вознаградить ее за всѣ лишенія и горести, которыя она потерпѣла отъ меня послѣ разлуки со мной. Не успѣлъ я ее порадовать, не услышитъ она отчаяннаго, безнадежнаго сыновняго вопля, не увидитъ горькихъ слезъ, не отвѣтитъ на радостный призывъ и не встрѣтитъ ея кроткаго взора, полнаго безпредѣльной любви, свѣтлый, полный гордаго сознанія своихъ силъ и исполненнаго долга взглядъ ея сына. И что бы смерти подождать эти три мѣсяца!.. Какого полнаго, невозмутимаго счастья дождались бы тогда и я, и моя Мамаша, и всѣ, насъ окружающіе... Теперь въ Вашей любви, въ Вашемъ сердцѣ, Папаша, буду искать я моего счастья. Всѣ эти успѣхи, эти чужія похвалы, сказанныя съ видомъ покровительства, на которое не имѣютъ права, или съ искусно скрытой завистью, эти знанія, питающія умъ, а не сердце, — все это, право, чистый вздоръ и не можетъ доставить счастья... Хорошо еще, что я имѣю такого отца, какъ Вы, мой милый, несравненный Папаша. О, я очень, очень люблю Васъ, и любилъ, и буду любить всегда; только мнѣ какъ-то совѣстно говорить Вамъ объ этомъ. Мнѣ кажется, что это естественно, что иначе и не можетъ быть. Скоро жду отъ Васъ письма въ отвѣтъ на мое отъ 12-го. Вы дважды писали мнѣ о деньгахъ на проѣздъ. Я полагаю, что на пароходѣ не дороже обойдется ѣхать, чѣмъ въ дилижансѣ. Если же дороже, то я на немъ и не поѣду. Слѣдовательно, никакъ не болѣе 20 руб. сер. станетъ эта поѣздка. Разумѣется, и это довольно много. Но... впрочемъ, Вы знаете сами это.

Желаю Вамъ быть здоровымъ и спокойнымъ. Особенно обо мнѣ не безпокойтесь. Ниночка очень одолжила меня своимъ письмомъ; жаль, что она пишетъ такъ мало и ничего особеннаго... Заставьте ее еще написать мнѣ что нибудь побольше; да и Анночку тоже и Катеньку.

Недавно получилъ я письмо отъ тетушки [1]) Варвары Васильевны... Чрезвычайно благодаренъ за это радушное, милое письмо, и черезъ два дня, сдавши экзаменъ по славянскимъ нарѣчіямъ, буду писать къ нимъ [2]).

Н. Добролюбовъ.

NB. Я писалъ Вамъ, кажется, что А. П. Волковъ вице-губернаторомъ въ Полтавѣ; я ошибся: онъ тамъ гражданскимъ губернаторомъ.

---

[1]) Или „тетеньки“; написано сокращенно: „тет.“.
[2]) То-есть: къ ней и къ Лукѣ Ивановичу.

ПИСЬМО ОТЦА.

(22-го) 24 мая, 1854 г. Получено 1 іюня.

Письмо твое, милый сынъ мой Николай Александровичъ, отъ 12-го (на поч. 13) мая [1]) получилъ я 18 числа. Очень радъ, что у тебя идетъ все своимъ чередомъ, хотя не по блестящему, но по хорошему [2]). Довольно съ насъ и этого. У меня въ домѣ и дѣлахъ также все хорошо. Въ именины твои служилъ у насъ въ церкви Преосвященнѣйшій, еще не совсѣмъ поправившійся отъ болѣзни, а потому къ концу очень ослабѣлъ и никуда не заѣзжалъ.—16 числа служилъ [3]) въ приходѣ Мироносицкомъ, 20—въ Вознесенскомъ. 21 числа изъ Георгіевской церкви, въ которой служилъ литургію отецъ архимандритъ Паисій съ мѣстнымъ протоіереемъ І. Граціановымъ и протоіереемъ П. Лебедевымъ, отправился послѣ крестный ходъ въ сопровожденіи верхнепосадскаго духовенства и множества всякаго сословія народа на Волгскую набережную, гдѣ противъ Сѣннаго базара была торжественная закладка Александринскаго благороднаго дѣвичья Института. Преосвященный прибылъ въ началѣ молебствія, привезъ образъ перваго митрополита Кіевскаго Михаила, но молебствіе совершалъ от. Паисій. По окончаніи молебна Преосвященный положилъ первый осповной камень вмѣстѣ съ г. военнымъ губернаторомъ кн. Урусовымъ, генераломъ Каменскимъ, директрисою Дѣвичья Института и директоромъ [4]) Сперанскимъ и пр. и пр...

Но пора обратиться къ своему дѣлу. На проѣздъ посылаю тебѣ 25 руб. серебромъ. Можетъ быть, Алекс. Иван. Щепотьевъ, который нынѣ или завтра придетъ къ тебѣ, къ окончанію твоихъ экзаменовъ кончитъ и свои дѣла; и тогда можешь ты пріѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

На счетъ воротника къ мундиру вотъ мое мнѣніе: если Государь и начальство находятъ приличнымъ и для столицы воротники съ позументами, то къ чему шитье для губернскаго города, и тратить на сіе 10 руб. серебромъ,—вѣдь это, другъ мой, по-русски-то 35 рублей... Впрочемъ, какъ найдешь для себя лучше. Я ничего не жалѣю для тебя. Вся жизнь моя и все мое—для дѣтей, тѣмъ паче для тебя. Если даже встрѣтится и еще какая нужда, обратись къ Ал. Ив. Щепотьеву: я говорилъ уже съ нимъ объ этомъ.

Братья и сестры твои всѣ живы и здоровы; свидѣтельствуютъ тебѣ свое почитаніе и любовь. Пожалуйста не безпокойся объ нихъ. Все хорошо. Вся тяжесть лежитъ на мнѣ и на мнѣ одномъ суждено ей лежать. Не увеличивай ее,—не безпокой меня своимъ безпокойствомъ.

Мнѣ совѣтуютъ многіе помѣстить одну или двухъ дочерей въ С.-Пб. Александровское училище благородныхъ дѣвицъ. Читалъ я и правила, напечатанныя на особомъ листѣ (вѣрно они у васъ есть). Принимаются дочери отъ чина подполковника до штабсъ-капитана и коллеж-

---

[1]) То есть: „отъ 12-го, (на почту отданное, какъ видно по штемпелю, 13-го) мая".

[2]). По письмамъ Николая Александровича, отцу еще и теперь нельзя было видѣть, какое высокое уваженіе профессоровъ и товарищей пріобрѣлъ сынъ.

[3]) Преосвященный.

[4]) Дворянскаго (мужскаго) Института

скаго совѣтника до титулярнаго [1]), равно протоіереевъ и священниковъ—отъ $10^1/_2$ до $12^1/_2$ лѣтняго возраста. При первомъ взглядѣ это хорошо; но при основательномъ, глубокомъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ... и послѣдствій...[2]) заходить, какъ говорится, умъ за разумъ [3]). Не будетъ ли тебѣ время разузнать хорошенько? Не спросилъ я Александра Ивановича, куда онъ хочетъ помѣстить дѣтей своихъ. Поговори и съ нимъ объ этомъ.

Бабенька желаетъ тебѣ всего, всего наилучшаго. Лука Ивановичъ и Варвара Васильевна, которымъ наипаче я благодаренъ (Катя и нынѣ гоститъ еще у нихъ), а равно и Фавста Васильевна, которая также посѣщаетъ насъ и вразумляетъ дѣтей моихъ, и Михайло Иванычъ, который, кажется, только одинъ разъ былъ у насъ въ теченіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ, а равно и Василій Иванычъ—славный малый,—а также и добрѣйшій мой другъ и утѣшитель Михаилъ Алексѣевичъ свидѣтельствуютъ тебѣ свое почтеніе съ искреннимъ желаніемъ всѣхъ благъ. Няня нынѣ лучше. Бьетъ тебѣ челомъ. Работница все та же, и все также дурища. Да что дѣлать? Не вдругъ дѣлать перевороты.

Прощай, милый сынъ мой Николай. Береги *паче всего свое здоровье* [4]). Не простудись, или не повредись въ дорогѣ. Да соблюдетъ тебя Ангелъ хранитель.

Свящ. Александръ Добролюбовъ.

(*Приписка на нижнихъ поляхъ 1-й, 2-й и 3-ей страницъ письма*).

24 мая. Вчера я былъ въ слободѣ Кунавинской у Луки Ивановича. При всемъ, теперь, равнодушіи моемъ къ чужимъ бѣдствіямъ, я не могъ хладнокровно смотрѣть на ужасное пепелище... 18 числа пожаръ истребилъ почти всѣ лучшія зданія... Около 200 домовъ. Остались только нѣкоторые домы къ шоссе, и отъ Владимірской до Кладбищенской церкви домишки ветхіе. До дома Луки Ивановича отъ ярмарки не сгорѣло только три дома.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

1854 г., іюня 3-го; вечеромъ.

Давно уже я не писалъ Вамъ, мой милый Папашенька. Это, разумѣется, ничего; но дѣло въ томъ, что я обѣщалъ писать скоро къ Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу, а между тѣмъ обѣщанія не сдержалъ и, можетъ быть, заставилъ васъ всѣхъ безпокоиться обо

---

[1]) То есть: „и отъ коллежскаго совѣтника до титулярнаго“.

[2]) При соображеніи того, годится ль для дѣвушки, не имѣющей большаго приданаго, получить воспитаніе, которое пріучитъ ее держать себя барышней, нуждаться въ барской обстановкѣ жизни.

[3]) Трудно рѣшить, слѣдуетъ ли хлопотать о принятіи дочери въ это училище.

[4]) Слова „паче всего свое здоровье“ написаны съ разстановкой буквъ, равнозначительной подчеркиванью.

мнѣ. Но мое долгое молчаніе было совершенно случайно. Я увидѣлся съ Ал. Ив. Щепотьевымъ и все думалъ, что онъ въ своемъ письмѣ написалъ и обо мнѣ... Но сегодня узналъ, что онъ еще ничего не писалъ объ этомъ и потому спѣшу самъ извѣстить Васъ, прежде всего о себѣ и своихъ успѣхахъ. Еще три экзамена сдалъ я, и, сдалъ очень хорошо. На латинскомъ экзаменѣ какъ-то удалось мнѣ напомнить директору о моемъ сочиненіи, т. е. о сравненіи съ подлинникомъ перевода «Энеиды»; этимъ поразилъ я самого профессора латинской словесности, который не подозрѣвалъ во мнѣ такой удали, потому что мое сочиненіе читалъ не онъ, а профессоръ русской словесности. Благовѣщенскій же давалъ эту тэму въ старшемъ курсѣ, но тамъ никто за нее не взялся. По поводу моего сочиненія и отвѣта директоръ самъ,—въ первый разъ,—похвалилъ меня и сказалъ профессору, что я очень хорошо знаю латинскій языкъ. Благовѣщенскій отвѣчалъ: «прекрасно; это вѣдь и видно»... На экзаменѣ у Срезневскаго, еще прежде этого, я уже былъ совершенно въ своей тарелкѣ: съ любовью и усердіемъ занимался я его лекціями, и потому ничего не боялся, не смотря на трудность предмета и взыскательность профессора. Дѣйствительно, я отвѣчалъ хорошо: Срезневскій при этомъ похвалилъ меня передъ директоромъ за составленную мною програму и за мои прежніе труды и усердіе. Директоръ сказалъ, что онъ очень радъ и очень благодаренъ за это. Послѣ того, т. е. послѣ уже латинскаго экзамена, слѣдовалъ экзаменъ по государственному праву. Три дня, данные для приготовленія по этому предмету, прогулялъ я съ Алекс. Ив. [1]) и только наканунѣ посмотрѣлъ немного [2]). Думалъ, что получу 4 на экзаменѣ. Но случилось иначе. Только я взялъ билетъ и потомъ вышелъ отвѣчать, сказалъ словъ двадцать, тридцать, профессоръ Михайловъ далъ мнѣ какой-то частный вопросъ, я отвѣтилъ на него основательно и вѣрно... сказалъ еще что-то... другой вопросъ; тоже отвѣчаю. Меня и слушать не стали: Михайловъ говоритъ инспектору: «Онъ у меня всегда очень хорошо занимался»,—и дѣло съ концомъ... А что это значитъ: хорошо занимался? Я у него всегда слушалъ и записывалъ лекціи; да два раза сряду отвѣтилъ на репетиціи, т. е. во второй разъ совершенно неожиданно. На всѣхъ этихъ экзаменахъ я получилъ, разумѣется, по пяти, какъ и по всѣмъ прочимъ предметамъ на прежнихъ экзаменахъ. Не знаю, писалъ ли я Вамъ объ этомъ. А 5 ставится за что́, это Вы увидите изъ програмы нашихъ экзаменовъ, которую доставитъ Вамъ Ал. Ив. Щепотьевъ черезъ нѣсколько дней по полученіи Вами этого письма. Теперь, 9 числа у насъ будетъ экзаменъ по всеобщей исторіи, 11-го по исторіи русскаго языка, 12-го по французскому и 14-го по нѣмецкому языку. Тутъ, разумѣется, я не выдержу своихъ балловъ [3])... Но что же дѣлать? не все вдругъ... Остается еще три года. Успѣю все сдѣлать и опять могу обѣщать

[1]) Щепотьевымъ.
[2]) Лекціи государственнаго права.
[3]) То есть, пяти балловъ, которые получилъ или получу по всѣмъ другимъ предметамъ.—То, что онъ не получитъ 5 балловъ, относится только къ французскому и нѣмецкому языкамъ.

Вамъ, что при помощи Божіей, по Вашимъ молитвамъ и съ благословеніемъ доброй моей матери (я надѣюсь, что она со всѣмъ примирилась [1]) и все благословила на небесахъ) я буду достоинъ Васъ и и оправдаю Ваши надежды обо мнѣ...

Объ одномъ теперь кончилъ... Начну другое. Въ прошедшій четвергъ, 27-го мая, послѣ обѣда сижу я въ Публичной библіотекѣ и вожусь съ «Абевегой русскихъ суевѣрій» Чулкова и съ «Архивомъ историческихъ свѣдѣній» Калачова,—вдругъ слышу, знакомый голосъ кличетъ меня: «Никол. Ал.! Ник. Ал.!»... Оборачиваюсь и вижу: Александръ Ивановичъ [2]). Я обрадовался, какъ давно не радовался... тотчасъ сдалъ свои книги и вышелъ съ нимъ на Невскій. Прошлись немного и отправились къ нему на квартиру. Тамъ я пилъ чай у него, сидѣлъ часа три, говорилъ, разсказывалъ, разспрашивалъ, горевалъ, утѣшался, и вообще мнѣ было какъ-то легко; даже почти весело при немъ. Отъ него получилъ я Вашу маленькую записочку, изъ которой узналъ только, что Вы, благодаря Бога, здоровы и что ранѣе этого послали мнѣ письмо... Я ждалъ отъ Васъ подробнаго извѣстія, потому что Ал. Ив. могъ все-таки передать мнѣ только внѣшнюю сторону Вашей жизни, и дѣйствительно—въ субботу уже, 29-го, получилъ я повѣстку на 25 рублей сер. Послѣ этого случились праздники, въ которые нельзя было получать писемъ и я отложилъ это до вторника. Между тѣмъ, въ Троицу и Духовъ день были мы съ Ал. Ив. у обѣдни въ Александро-Невской Лаврѣ, помолились и приложились къ мощамъ св. Александра Невскаго и сладко мнѣ было молиться ему о Вашемъ здоровьѣ и спокойствіи. Во вторникъ, т. е. 1-го іюня, получилъ я Ваше письмо. Вы пишете, чтобъ я былъ спокоенъ... Я чувствую, что такъ долженъ я дѣлать; но что дѣлать? Одинъ между чужими. Поневолѣ безумныя мысли лѣзутъ въ голову. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, отъ 24-го мая, я тоже много позволилъ себѣ высказать непріятнаго для Васъ и для меня, въ порывѣ горячности. Повторяю, что дѣлать? Простите меня.—Надѣюсь, что въ каникулы среди родного семейства это пройдетъ.—На счетъ воротника къ мундиру Вы прекрасно разсудили, Папаша, даже не зная нашихъ обстоятельствъ. Но къ Вашимъ замѣчаніямъ я долженъ прибавить еще то, что мундиръ намъ и не даютъ на каникулы домой. Я долженъ отдать его на сохраненіе гардеробщику Института подъ росписку. Поэтому, еслибы я захотѣлъ взять его домой, то долженъ бы сдать гардеробщику другой мундиръ, выпросивъ у товарища, который остается на каникулы въ Институтѣ. Мое желаніе было просто ни на чемъ не основанная прихоть. Теперь денегъ, Вами присланныхъ, для меня слишкомъ довольно, слишкомъ довольно.

О сестрахъ моихъ, т. е. о помѣщеніи ихъ куда нибудь въ учебное заведеніе я думалъ еще прежде, только боялся предложить Вамъ. Мнѣ кажется, что это—прекрасная мысль. Теперь безъ матери Катенька и Юленька не могутъ получить такого воспитанія, какъ могли бы

1) „Со всѣмъ примирилась“—то есть, примирилась съ моимъ самовольнымъ, огорчившимъ ее поступленіемъ въ Институтъ. Онъ все еще не можетъ отбросить свою пустую мысль, что она была огорчена этимъ.

2) Щепотьевъ.

при ней... Вамъ, Папаша, совершенно некогда, меня нѣтъ, взять гувернантку—это не по средствамъ для васъ, отъ нянекъ онѣ не многому научатся, учитель тоже не много сдѣлаетъ, если не будетъ постоянно кто нибудь заниматься съ ними дома, заставлять ихъ учиться, растолковывать имъ каждую малость. Можно ли требовать этого отъ Васъ, мой милый Папаша, да и сами Вы рѣшитесь ли на это?.. А женскія различныя искусства,—гдѣ онѣ имъ научатся? Можно полагать, что ихъ образованіе дома будетъ весьма недостаточно. А между тѣмъ сколько хлопотъ, заботъ, безпокойства принесетъ Вамъ это! Отдавши ихъ въ учебное заведеніе, Вы будете гораздо болѣе спокойны; на Васъ не будетъ лежать тяжелая забота объ ихъ воспитаніи. Разумѣется, тяжело Вамъ будетъ съ ними разстаться, но это, кажется, не такое непреодолимое препятствіе. Нужно только замѣтить, что помѣстивши ихъ здѣсь въ заведеніе, Вамъ нужно будетъ найти хоть одинъ или два дома, гдѣ бы мои сестры могли быть приняты хорошо, куда бы могли ѣздить во время праздниковъ. Я думаю, это можно для Васъ. Но по своему опыту я знаю, что это необходимо. Не нужны семейства знатныя и богатыя: тутъ дѣло идетъ не о претензіи и комфортѣ, а о томъ, чтобы человѣкъ, въ особенности нѣжная, молоденькая дѣвочка могла отдохнуть, отрадно успокоиться въ непринужденномъ обществѣ знакомыхъ отъ всѣхъ формальностей и приличій этой оффиціальной, такъ сказать, «струночной» жизни... Имъ можетъ быть тяжело сначала, но вѣдь и многія другія нѣжнѣе ихъ живутъ и учатся. При опредѣленіи ихъ Вамъ нужно будетъ, я думаю, самимъ пріѣхать сюда. Все это будетъ вѣроятно стоить рублей полтораста; но эта одновременная издержка, безъ сомнѣнія, покроется будущими плодами отъ воспитанія моихъ сестеръ. Онѣ будутъ такъ умны, что постараются вознаградить Ваши попеченія... Послѣдствія... Но что же можетъ быть послѣдствіемъ хорошаго воспитанія?.. Развѣ Вы думаете, что онѣ будутъ слишкомъ требовательны, слишкомъ свѣтски, выше нашихъ средствъ и нашего круга. Но ихъ доброе сердце, ихъ умъ, ихъ память о томъ, какъ онѣ теперь живутъ и какъ живутъ ихъ братья и сестры, развѣ не удержатъ ихъ отъ слишкомъ многаго? [1]) Притомъ, зачѣмъ предполагать дурное?— Черезъ пять-шесть лѣтъ, когда онѣ выйдутъ изъ училища,—Ваши долги, Папаша, нѣсколько убавятся, я выйду на мѣсто, буду получать порядочные доходы; Анночка и Ниночка будутъ выданы. Тогда будетъ и побольше средствъ для дѣтей [2])... Для нихъ это будетъ служить вознагражденіемъ за то, что такъ мало пользовались онѣ попеченіями доброй матери.

Касательно Александровскаго Института я могу узнать не болѣе того, что Вы знаете изъ правилъ его. А я узналъ вотъ что: дѣвочекъ, дочерей священника, не старше 12 лѣтъ, если у нихъ нѣтъ матери, можно помѣстить *въ Сиротскій институтъ*. Этотъ Институтъ кажется, лучше Александровскаго; онъ состоитъ подъ покровительствомъ Императрицы... Въ немъ дѣвочка можетъ кончить курсъ съ ученою степенью кандидатки и тогда она должна служить ужъ,

[1]) Отъ желанія требовать слишкомъ многаго, отъ излишней требовательности.
[2]) То есть, для младшихъ дѣтей.

право, не знаю,—классною дамой что ли, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Впрочемъ, если не хочетъ, очень легко избавиться отъ этого, взявъ свидѣтельство врача о слабости здоровья; во всякомъ случаѣ она можетъ служить только до выхода замужъ, а выйдти, разумѣется, можетъ когда захочетъ. Здѣсь даютъ образованіе не только теоретическое, но и собственно женское—разныя рукодѣлья, искусства и т. п.—все это входитъ въ кругъ занятій дѣвушекъ. Содержаніе вообще прекрасное. Просить о помѣщеніи нужно Ст. Секр. Гофмана. Въ воскресенье одинъ мой товарищъ обѣщался разспросить обо всемъ подробно Гречулевича, законоучителя тамошняго, весьма уважаемаго здѣсь священника. Въ понедѣльникъ я все узнаю и во вторникъ напишу Вамъ подробно.

Я надѣюсь еще получить отъ Васъ болѣе одного письма. Впрочемъ, на всякій случай послѣ 9-го числа писемъ ко мнѣ уже не посылайте.

Н. Добролюбовъ.

(*Приписка на особомъ листкѣ*).

Вчера позабылъ сказать Вамъ, что Вы напрасно тревожитеть *излишней* перепиской. Прочитать Ваше письмо и написать къ Вамъ отвѣтъ—всего полчаса; за то я послѣ этого нѣсколько дней бываю совершенно спокоенъ и способенъ ко всякому занятію. Напротивъ, если я долго не получаю отъ Васъ письма послѣ того, какъ по моимъ разсчетамъ должно прійти оно, я—самъ не знаю почему—бываю довольно безпокоенъ и иногда во время занятій болѣе думаю о Нижегородской губерніи [1]), нежели о древней Скиѳіи и Сарматіи. Не считайте же, пожалуйста, свои письма излишними.—Съ третьяго дня по утрамъ у насъ является что-то въ родѣ снѣгу, однако-жь не снѣгъ,—не иней [2]).

ПИСЬМО ОТЦА.

Получено 13 іюня. Среда 9 іюня 1854 г.

Письмо твое, милый сынъ мой Николай Александровичъ, отъ 3-го числа (4-го) [3]), полученное мною 8, очень меня обрадовало. Надѣюсь, что Богъ поможетъ тебѣ и по остальнымъ предметамъ отвѣтить также хорошо. У насъ все благополучно и всѣ мы и родные наши живы и здоровы. Писать много нечего, да и не люблю безъ нужды многословить... При свиданіи, поговоримъ обо всемъ. Главная цѣль сего письма та, что ярмарочный священникъ Василій Ив. Сахаровъ теперь въ Москвѣ и пробудетъ тамъ до 20 или 21 числа сего мѣсяца. Онъ видѣлся со мною предъ отъѣздомъ и желалъ изъ Москвы въ Нижній ѣхать съ тобою вмѣстѣ. Онъ будетъ проживать на По-

---

[1]) То есть, о нашемъ домѣ.
[2]) То есть, не снѣгъ, а нѣчто среднее между снѣгомъ и инеемъ.
[3]) То есть: отъ 3 іюня по твоей отмѣткѣ на немъ, отданное на почту 4 іюня, какъ видно по штемпелю.

сольскомъ подворьѣ, близь Кремля, на Ильинской улицѣ. Спросить тамъ нижегородскаго купца, торгующаго шляпами, Ѳедора Васильевича Брылина. Если найдешь удобнымъ, то я совѣтую тебѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Впрочемъ, дѣйствуй, какъ для тебя лучше. Береги свое здоровье паче всего.

Прощай дорогой мой, до пріятнаго свиданья. Да соблюдетъ тебя Ангелъ Хранитель во всемъ, во всемъ.

Отецъ твой свящ. Александръ Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

11 іюня 1854 г.

Нѣсколько недѣль уже, кажется, собираюсь я отвѣчать на Ваше письмо, моя милая, добрая тетенька; давно уже хочется мнѣ поблагодарить Васъ и дяденьку Луку Ивановича за Ваше вниманіе и участіе къ бѣднымъ сироткамъ, сестрамъ моимъ, за Ваше искреннее утѣшеніе и родственную любовь къ моему несравненному папашѣ, за Вашу память обо мнѣ... Дѣла, заботы, свои—ничтожныя, но хлопотливыя—занятія не давали мнѣ времени... Но я не хочу не сдержать слова, и пишу Вамъ, вмѣсто чтобы писать къ папашѣ... Теперь особеннаго ничего у насъ не случается. Не могу я уже найти неизсякаемаго источника для письма въ веселомъ, немножко насмѣшливомъ, взглядѣ на жизнь и все окружающее, которымъ я отличался прежде. Не то занимаетъ меня теперь, и долго еще не буду я разсказывать веселыхъ анекдотовъ, а если и начну, то это будетъ (какъ сказано въ одной книгѣ) «видимый людямъ смѣхъ и невидимыя имъ слезы»... Горько мнѣ, тяжело, между чужими, безъ ласковаго слова и роднаго сердца, думать постоянно о томъ, что и на далекой родинѣ оставило меня существо, можетъ быть нѣжнѣе, если не больше всѣхъ меня любившее... Я такъ привыкъ къ домашней жизни и порядку, гдѣ постоянно въ каждомъ самомъ мелочномъ дѣлѣ трудилась и хлопотала мамаша, что не могу даже представить теперь, какъ живутъ наши безъ нея... Но скоро увижу я все это, скоро буду имѣть наслажденіе молиться и плакать на могилѣ матери, горевать вмѣстѣ съ тѣми, которые поймутъ и почувствуютъ мое горе. На это письмо канула слеза. Нѣтъ, оно и завтра не будетъ отослано... Я не могу теперь писать больше... Во мнѣ встаютъ и ростутъ воспоминанія. Голова горитъ, меня жжетъ и душитъ.

16 іюня.

Пожалуйста не показывайте этого листка моему папашѣ... Моей грусти была особенная причина: недавно у нашего университетскаго священника тоже умерла жена. Нѣсколько дней встрѣчалъ я въ саду печальныя, заплаканныя лица маленькихъ дѣтей, которыхъ осталось послѣ матери девятеро.... Я живо представилъ себѣ домашнее бѣдствіе. Въ понедѣльникъ мы похоронили ее. Я помолился надъ ея гро-

бомъ и заплакалъ, переносясь мыслью въ Нижній, къ тому бездыханному трупу, который такъ дорогъ, такъ священъ для меня. Но какъ все въ мірѣ проходитъ, такъ прошла и моя тоска... И опять могу я быть спокойнымъ, хотя и не веселымъ...

Нынѣ или завтра я ѣду... Ѣду до Твери на машинѣ, а потомъ на пароходѣ. Папаша писалъ мнѣ о священникѣ ярмарочномъ И. И. Сахаровѣ; но особенныя причины, которыя я объясню въ особомъ письмѣ къ папашѣ, заставляютъ меня ѣхать не на Москву, а на Тверь. Числа 23-го или 24-го я буду уже дома... Все кончено по институту. Отпущены мы еще вчера, только я еще не получилъ билета. Теперь пишу Вамъ, сидя въ маленькой комнаткѣ на своей прежней квартирѣ, противъ Академіи... Здѣсь такъ весело, такъ отрадно мечталъ я о родномъ кровѣ, о ласкахъ матери... А теперь... Но полно объ этомъ... Успѣемъ наплакаться. Не смотря на близость свиданія, не могу не высказать Вамъ теперь же, какъ много удивляютъ и печалятъ меня Ваши сомнѣнія и оговорки на счетъ моей къ Вамъ любви и всегдашняго расположенія. Съ чего Вамъ вздумалось, что я буду смѣяться надъ Вами, надъ Вашимъ письмомъ, тогда какъ я съ наслажденіемъ, съ искреннимъ увлеченіемъ и отрадою читалъ его?.. Вотъ, бывало, и мамаша тоже... Всегда оговаривается, что плохо пишетъ... Какъ будто мнѣ нужны были слогъ и сочиненіе [1]) въ письмахъ матери. Какъ будто не высказывала она въ этихъ безъискуственныхъ строкахъ всей прекрасной, безгранично-любящей души своей!.. Въ послѣднихъ письмахъ она перестала даже называть меня Николенькой и звала Николаемъ Александровичемъ... Неужели она могла думать что я разлюбилъ ее?... О, Боже мой, какъ это грустно... [2])

Простите до скораго свиданья. Простите за грусть, которую навелъ я на Васъ.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) „Сочиненіе"—это слово находилось въ письмѣ Варвары Васильевны, потому Николай Александровичъ употребляетъ его, возражая на ея опасеніе.

[2]) Вовсе не то. Зинаида Васильевна, какъ видно изъ упоминанія въ одномъ изъ писемъ Михаила Алексѣевича, любила читать; потому немножко усвоила себѣ литературныя понятія людей своего круга, считавшихся знающими формы письменнаго слога. У этихъ людей было принято за правило называть взрослыхъ дѣтей въ письмахъ къ нимъ по имени и отчеству. Александръ Ивановичъ въ письмахъ къ сыну до смерти Зинаиды Васильевны постоянно называлъ его по имени и отчеству (только по ея смерти, онъ въ глубокомъ волненіи сталъ забывать иногда это правило хорошаго слога, называлъ сына или просто Николаемъ или Николенькой). Зинаида Васильевна не была такъ привычна слѣдовать правиламъ хорошаго слога, но иногда увлекалась ими. Память обманывала Николая Александровича, когда ему казалось, что мать стала называть его по имени и отчеству въ послѣднихъ письмахъ; нѣтъ, съ самаго начала она поддавалась этому правилу письменнаго слога: въ первомъ изъ сохранившихся писемъ ея, отъ 27 сентября, уже находится отвѣтъ на просьбу сына, чтобы она называла его не Николаемъ Александровичемъ, а Николенькой. Фавста Васильевна имѣла меньше литературныхъ понятій, чѣмъ Зинаида Васильевна, потому никогда не называла племянника по имени и отчеству, всегда называла его въ своихъ письмахъ просто Николенькой.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ОТЦУ.

Іюня 16, 1854 г.

Кончились наши труды, наши годовые отчеты, мой добрый Папашенька! Кончились они не для всѣхъ радостно. Изъ 32 человѣкъ нашего отдѣленія 5 оставлены въ томъ же курсѣ, трое посланы въ уѣздные учителя; изъ Варшавскаго отдѣленія [1]) трое тоже оказались недостойными перевода, и объ нихъ пошло отношеніе къ Паскевичу, такъ какъ варшавцы отъ него зависятъ, а не отъ нашего министерства. Аврооринъ перешелъ. Если Вамъ Ал. Ив. [2]) доставилъ уже программу нашихъ экзаменовъ и если сказалъ, что баллы, равные моимъ были только у четырехъ человѣкъ, то Вы уже знаете, чего нужно было ожидать отъ меня. Я дѣйствительно перешелъ во второй курсъ четвертымъ. Перешелъ бы и выше, если бы не языки [3]). Изъ-за незнанія языка получилъ я 4 и по всеобщ. исторіи, потому что не слушалъ Лоренца и не понималъ его... Разумѣется, были тутъ и другія обстоятельства, о которыхъ теперь не стоитъ распространяться. Черезъ недѣлю мы увидимся и наговоримся. Главное, изъ-за чего я пишу, состоитъ въ томъ, чтобы увѣдомить Васъ о пути, который я избралъ. Я долго думалъ о предложеніи Вашемъ, но не нашелъ особенной выгоды ѣхать съ Вас. Ив. [4]). Да вѣрно Вы и сами написали бы обстоятельнѣе, если бы видѣли какія нибудь особенныя причины и выгоды. Я разсчелъ, что если сегодня отправлюсь въ Москву, и буду тамъ завтра, то долженъ буду прожить тамъ три дня попусту. Какъ я буду жить? Вѣдь не *на харчахъ* же у Василія Ивановича? А прожить тамъ три дня будетъ стоить 5—6 цѣлковыхъ. Потомъ— если В. И. поѣдетъ въ дилижансѣ, то вѣроятно въ каретѣ, а я сяду снаружи: что же будетъ за удовольствіе? Если же на перекладныхъ, долженъ буду заплатить, конечно, половинныя издержки; а это будетъ дороже, нежели весь расходъ на пароходѣ. А безпокойство? А однеобразіе пути?.. Напротивъ, мнѣ очень весело будетъ ѣхать по новымъ мѣстамъ, погулять въ Твери, проѣхать мимо Рыбинска, Мологи, Углича, посмотрѣть Ярославль, побывать въ Костромѣ. Это будетъ въ непринужденномъ, веселомъ обществѣ товарищей... Будетъ удобно, дешево, скоро... А то, что въ самомъ дѣлѣ сиднемъ жить, проѣхать отъ Нижняго до Петербурга и ничего не видать кромѣ Московскихъ старыхъ стѣнъ, расплывшихся домовъ, мрачныхъ соборовъ, потомъ дряннаго Владиміра и низкопоклонныхъ Вязниковъ? [5]) Вмѣстѣ

---

[1]) Въ Педагогическомъ Институтѣ было нѣсколько стипендій такъ называвшагося тогда царства польскаго; студенты, получившіе ихъ, обязывались прослужить нѣсколько лѣтъ въ царствѣ польскомъ; группа ихъ называлась на институтскомъ разговорномъ языкѣ варшавскимъ отдѣленіемъ.

[2]) Щепотьевъ.

[3]) „Языками" по институтской разговорной терминологіи назывались только новые языки.

[4]) Сахаровымъ, нижегородскимъ священникомъ, ѣздившимъ въ Москву, о которомъ говорилъ Александръ Ивановичъ въ письмѣ отъ 9 іюня.

[5]) Припоминаніе о томъ, что когда онъ, на пути въ Петербургъ, пошелъ прогуливаться по Вязникамъ, то всѣ встрѣчавшіеся (простолюдины) кланялись ему; онъ разсказывалъ это въ письмѣ изъ Москвы отъ 6 авг. 1853 г.

съ этимъ письмомъ посылаю я учтивое (кажется), увѣдомленіе къ Василію Ивановичу [1]) о томъ, что я не поѣду съ нимъ.

Объ Александровскомъ училищѣ и Сиротскомъ Институтѣ я много хлопоталъ, и узналъ, что въ Сиротскій Институтъ поступить хоть и можно, да трудно, а въ Александровское училище можно попасть на баллотировку. А что̀ будетъ по баллотировкѣ, рѣшаетъ судьба. Баллотируютъ по жребіямъ, которые вынимаютъ сами малютки, воспитывающіяся здѣсь. О подробностяхъ поговоримъ. Пора нести письмо па почту... До свиданія... Можетъ быть, напишу Вамъ изъ Твери или изъ Костромы.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ДМИТРІЮ ѲЕДОРОВИЧУ ЩЕГЛОВУ.

Нижній-Новгородъ, 25 іюля 1854 г.

Скоро мѣсяцъ, какъ я живу дома, мой закадычный Дмитрій Ѳедоровичъ, и только теперь собрался писать къ тебѣ, и то потому, что на дворѣ такой дождь и такая слякоть, что нѣтъ возможности выйти изъ комнаты и некого ждать къ себѣ. Сердись или не сердись, но кромѣ своей лѣни и всегдашней безпечности я не могу представить другой причины, почему такъ долго не писалъ къ тебѣ. Теперь, за то, думаю писать много, ежели кто нибудь не помѣшаетъ. Я думаю ни Шир., ни Рад. [2]) не писали въ Институтъ, и потому я могу разсказать тебѣ свое путешествіе. Началось оно, какъ тебѣ извѣстно, при весьма благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, и, что касается до меня, эти предзнаменованія меня не обманули. Я доѣхалъ до Твери чрезвычайно спокойно, нисколько не жалѣя, что заплатилъ 2, а не 5 рублей [3]). Но за то Рад. былъ въ страшномъ негодованіи на судьбу, заставившую его поступить такимъ образомъ. Онъ все боялся, что испортитъ свою рожу, какъ онъ выражался [4]). Къ счастію, мы были тутъ въ такомъ обществѣ, что могли не стѣсняться и Рад. преспокойно обвернулъ себѣ голову пестрымъ рѣденькимъ платкомъ, сквозь который можно было еще видѣть кое-что. Ширскій все говорилъ, что нужно бы завести какое нибудь приключеніе, однако же никакихъ покушеній къ этому не обнаружилъ. Въ Тверь пріѣхали мы въ 12 часовъ ночи 18-го, а въ 7-мъ часу 19-го отправились на пароходѣ. Здѣсь Радонежскій былъ совершенно утѣшенъ въ своей неудачѣ на желѣзной дорогѣ: онъ занялъ мѣсто въ первомъ классѣ и хоть погода была превосходная и онъ большею частью былъ съ нами же на палубѣ, но онъ имѣлъ право ходить по всѣмъ каютамъ и обладалъ еще тѣмъ преимуществомъ, что *долженъ* былъ платить за обѣдъ 75

---

[1]) Сахарову.

[2]) „Шир.“ (Ширскій) и „Рад.“ (Радонежскій)—товарищи, поѣхавшіе изъ Петербурга вмѣстѣ съ Николаемъ Александровичемъ.—Д. Ѳ. Щегловъ остался на каникулы въ Петербургѣ.

[3]) Это значитъ: Николай Александровичъ взялъ мѣсто не въ 3-мъ классѣ пассажирскаго поѣзда, а въ послѣднемъ классѣ товарнаго. Товарищи его сдѣлали то же.

[4]) Вагоны того класса товарнаго поѣзда были открытые.

коп. сер. Все это много льстило его утонченному дендизму, который много еще поддерживало пресловутое мохнатое пальто, послужившее невинною причиною изгнанія Радонежскаго изъ Академіи. На пароходѣ свелъ онъ знакомство съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ à la Хлестаковъ. Это помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ душъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, бывшій разгульный студентъ Московскаго Университета, богачъ и энциклопедистъ, любитель искусствъ и древностей. Проѣхавши по Волгѣ на пароходѣ, онъ хочетъ издать подробное описаніе своего путешествія, съ изслѣдованіями о всѣхъ достопримѣчательностяхъ по берегамъ Волги, въ отношеніяхъ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ и проч. ическихъ [1]). Съ нимъ ѣдетъ нѣмецъ живописецъ, снимавшій, и очень хорошо, виды многихъ мѣстъ, черезъ которыя мы проѣзжали. Интересно, что нѣмецъ заговаривалъ съ Рад. по-нѣмецки, а новый Хлестаковъ нашъ—по-французски; Р. говоритъ, что ему приходилось удачно отдѣлываться и онъ просилъ меня, что если меня спросятъ о немъ, то чтобы я сказалъ, что онъ—ярославскій помѣщикъ и назвалъ бы какую нибудь нѣмецкую фамилію. Я предложилъ ему Анемподистзонъ, но это ему не понравилось и мы условились назвать его Радонсонъ. Впрочемъ, онъ напрасно безпокоился: какъ только онъ сошелъ у — — [2]) съ парохода, у насъ, кромѣ меня и Ширскаго, никто не помянулъ о немъ ни слова. Интересное знакомство его пришлось продолжать мнѣ, потому что отъ Плеса, Костромской губерніи, до Нижняго почти двои сутки. А какъ я съ хвастливымъ помѣщикомъ одинъ одинехонекъ— —[3]).

Ѣзда на пароходѣ гораздо спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ въ дилижансѣ, по шоссе. Въ Твери сѣло на пароходъ 146 человѣкъ (а не 20 или 30, какъ ты увѣрялъ), общество было самое разнообразное, всѣ были очень веселы. Съ Волги очень хорошъ видъ на Тверь, расположенную по обоимъ берегамъ ея. Далѣе также попадаются довольно живописные виды, но вообще до Рыбинска мало; хорошъ видъ на Калязинъ, на Угличъ, гдѣ мы были на берегу и успѣли даже осмотрѣть дворецъ Димитрія царевича. На Ярославль—видъ превосходный; недурно также смотрѣть съ рѣки и на Кострому. Кромѣ того, отъ Рыбинска, даже выше нѣсколько, часто попадаются очень хорошенькія села. Черезъ двои сутки мы были въ Костромѣ, и я остановился тамъ у брата Ширскаго, который мнѣ очень понравился. На нашего Кон. Ив. онъ совсѣмъ не похожъ. Здѣсь я прожилъ тоже двои сутки, осмотрѣлъ всю Кострому, былъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ и во дворцѣ Михаила Ѳеодоровича. Но тутъ застигла меня бѣда: ждалъ, ждалъ я парохода, на которомъ бы можно мнѣ доѣхать до Нижняго, и не могъ дождаться. У Костромы пароходы не останавливаются; придешь на пристань, спросишь, не было ли парохода, говорятъ: пробѣжали два сейчасъ.—«А развѣ они не пристаютъ здѣсь?»—«Рѣдко». Такимъ образомъ, прождавши двои сутки, на третьи рѣшился я на-

---

1) Должно читать: „и прочихъ ическихъ“, то есть, всяческихъ ученыхъ.

2) Здѣсь неразборчиво написано названіе мѣстности, начинающееся буквою „К“ и кончающееся буквами „на“; быть можетъ, „у Калязина“.

3) Здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ словъ; смыслъ ихъ, вѣроятно, таковъ: такъ какъ я съ нимъ одинъ остался, то онъ и заговорилъ со мною.

нять лодку. Нашелъ славный досчаникъ за два цѣлковыхъ до Нижняго и отправился. Сначала ѣхалъ хорошо, съ попутнымъ вѣтромъ, потомъ вѣтеръ сталъ стихать, потомъ ударилъ въ бокъ, а наконецъ такъ подулъ напротивъ, что мы принуждены были совсѣмъ стать. Въ это время увидѣли мы пароходъ, плывшій внизъ по рѣкѣ, и я велѣлъ спустить меня на пароходъ. Оказалось, что 15 часовъ плылъ я на лодкѣ этой, и отъѣхалъ только 50 верстъ до Плёса... Новый пароходъ, на который пересѣлъ я съ лодки, назывался Луна и былъ не пассажирскій. Онъ велъ съ собою двѣ баржи. На пароходѣ самомъ я нашелъ только прежняго знакомца помѣщика съ живописцемъ и тутъ уже мнѣ одному приходилось слушать его хвастливые разсказы. Только странно, что со мной онъ ни разу не заговаривалъ по-французски. Неужели говорящаго по-французски отъ неговорящаго «и съ виду отличаютъ?»... [1]) Новый нашъ пароходъ летѣлъ, нигдѣ не останавливаясь, и потому Кинешма, Юрьевецъ, Городецъ, Балахна промелькнули мимо меня очень скоро. 26 іюля по утру я былъ уже близъ Нижняго. Верстъ за 10 взялъ я подзорную трубу и стоялъ на пароходѣ не спуская глазъ съ прекрасной картины, которая открывалась передо мною. Въ первый разъ ощутилъ я это чувство родины, которое такъ мало уважалъ и которому такъ мало вѣрилъ прежде. Въ эти минуты я чувствовалъ сильно, и ты бы не узналъ своего деревяннаго пріятеля въ этомъ задумчивомъ человѣкѣ, который неподвижно смотритъ на приближающійся берегъ, у котораго сердце бьется такъ сильно, лицо такъ одушевлено и по щекамъ катятся слезы. «Вѣрно это ваша родина», спросилъ, подошедши ко мнѣ, N [2]), мой единственный спутникъ на пароходѣ... «Да».—«И вѣрно тамъ много близкихъ сердцу?»—«Меньше, нежели сколько бы нужно. Я много потерялъ въ этотъ годъ, въ который не былъ на родинѣ»... «А, это жаль. Но все-таки пріятно на родину... Я не знаю Нижняго, а должно быть хорошій городъ. У меня 2000 душъ въ саратовской губерніи, но я въ этомъ имѣніи никогда не бывалъ, и не видалъ тоже вашего Нижняго. Я во многихъ помѣстьяхъ еще не былъ... Въ Тверской губерніи у меня тоже 1500 душъ»... и такъ далѣе... Но я его уже не слушалъ. Я уже совершенно явственно различалъ церкви, дома, сады, видѣлъ церковь, въ которой служитъ мой отецъ, видѣлъ нѣсколько знакомыхъ домовъ, близкихъ къ нашему, и могъ опредѣлить мѣсто, гдѣ стоитъ и нашъ домъ. Горько, братъ, быть такъ близко отъ счастія и чувствовать его невозможность. Наконецъ, подъѣхали къ пристани; я сошелъ, взялъ извозчика, поѣхалъ... Мнѣ страшно было ѣхать въ свой домъ.... Слышу, во всѣхъ церквахъ благовѣстятъ къ обѣднѣ. Наша церковь по дорогѣ; я велѣлъ остановиться извозчику и зашелъ въ церковь. У насъ въ этотъ день, какъ я узналъ, былъ храмовой праздникъ [3]) и потому обѣдня была позже. Папеньки въ церкви я еще не нашелъ, но встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, въ томъ числѣ одну добрую старушку, мою крестную мать.

---

[1]) Стихъ изъ Крылова.

[2]) Здѣсь написана фамилія помѣщика, о которомъ говорилось прежде.

[3]) Одного изъ „придѣловъ"; освященнаго, вѣроятно, во имя Іоанна Предтечи, рожденіе котораго празднуется 24 іюня.

которая любила меня какъ родного. Долго не могъ я говорить отъ слезъ, которыхъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ удержать... Не много побывъ тутъ, я поѣхалъ домой... Мрачно какъ-то посмотрѣлъ на меня знакомый съ дѣтства переулокъ, грустно мнѣ было увидѣть нашъ домъ. Отецъ выбѣжалъ встрѣчать меня на крыльцо. Мы обнялись и заплакали оба, ни слова еще не сказавши другъ другу... «Не плачь, мой другъ»,—это были первыя слова, которыя я услышалъ отъ отца послѣ годовой разлуки... Грустное свиданье, не правда ли. Потомъ встрѣтили меня сестры. Маленькихъ братьевъ нашелъ я еще въ постелѣ. Младшій (въ сентябрѣ будетъ 3 года) и не узналъ меня съ перваго раза, а Володя узналъ тотчасъ... Папаша провелъ меня по всѣмъ комнатамъ, и я шелъ за нимъ, все какъ будто ожидая еще кого-то увидѣть, еще кого-то найти, хотя зналъ, что уже искать нечего. Вездѣ все было по прежнему, все то же и такъ же, на томъ же мѣстѣ, только прежняя двуспальная кровать замѣнилась маленькою односпальною... Отецъ пошелъ потомъ къ обѣднѣ, а я остался и долго плакалъ, сидя на томъ мѣстѣ, гдѣ умирала бѣдная маменька. Наконецъ, и я собрался съ сестрами къ обѣднѣ, пришелъ къ концу, но признаюсь—усердно молился. Я искалъ какого нибудь друга, какого нибудь близкаго сердца, которому бы я могъ, не опасаясь и не стѣсняясь, вылить свое горе, свои чувства. Не было этого сердца, и мнѣ пріятно было думать, что хоть невидимо моя дорогая, любимая мать слышитъ и видитъ меня. Это было такое непривычное для меня положеніе, что я измѣнилъ всегдашней своей положительности. При томъ самая церковь наша имѣетъ для меня высокую pretium affectionis [1]). Все здѣсь на меня дѣйствовало давно знакомымъ воздухомъ, все пробуждало давно прошедшія, давно забытыя и давно осмѣянныя чувства.

Послѣ обѣдни сходилъ я на кладбище. Тутъ я не плакалъ, а только думалъ, тутъ я даже успокоился немного. Теперь я грущу очень не много. Отецъ все еще иногда плачетъ. Маленькую нашу взяла къ себѣ года на два, на три одна знакомая намъ помѣщица [2]). Папенька безъ труда согласился на это. Положеніе нашего семейства вблизи гораздо лучше, нежели представляется издали. Теперь уже мнѣ некогда и негдѣ распространяться объ этомъ. Если не будетъ лѣнь, напишу тебѣ въ другой разъ подробно о своемъ пребываніи въ Нижнемъ; теперь скажу только, что всѣ мои великолѣпныя предположенія о занятіяхъ въ каникулы исчезли. Въ цѣлый мѣсяцъ я съ большимъ трудомъ могъ прочитать нѣсколько нумеровъ «Современника» прошлаго и нынѣшняго года. Совершенно нѣтъ времени... Когда я дома и у меня никого нѣтъ, то я вожусь съ братьями, да еще съ двумя гимназистами, однимъ нижегородскимъ, другимъ петербургскимъ. Это братъ и племянникъ князя Трубецкаго, живущіе нынѣ въ нашемъ домѣ [3]). Одинъ изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ 13, дѣлаетъ мнѣ, впрочемъ, пользу: взялся учить меня по-французски.

---

1) Цѣну, придаваемую привязанностью.
2) Катерина Петровна Захарьева.
3) То есть, у князя.

Я, можетъ быть, еще съ мѣсяцъ пробуду дома. Извѣсти меня, пожалуйста, что́ дѣлается у насъ въ Институтѣ... Къ вамъ хочетъ ѣхать одинъ мой товарищъ, Митрофанъ Лебедевъ. Когда онъ явится, обрати на него, пожалуйста, свое вниманіе и научи разнымъ экзаменскимъ хитростямъ. Онъ хотѣлъ ѣхать въ академію, но послѣ долгаго раздумья счелъ за лучшее послѣдовать моему примѣру. Онъ славный малый, но семинаристъ и ужасный фантазеръ. Я надѣюсь, что его можно образовать.

Н. Добролюбовъ.

P. S. Что наша лотерея? Посматривай, пожалуйста, не выдетъ ли вѣнская коляска на № 6722? Я позабылъ тогда оставить тебѣ свой билетъ [1]).

ПИСЬМО Н. А.—ЧА КЪ Д. Ѳ. ЩЕГЛОВУ.

9 августа, 1854 г.

Тяжело мнѣ, мой другъ Дмитрій Ѳедоровичъ, не кажется, что я долженъ проститься съ Институтомъ. Судьба жестоко испытываетъ меня и ожесточаетъ противъ всего, лишая того, что мнѣ было особенно дорого въ мірѣ. 6 августа мой отецъ умеръ—отъ холеры. Семеро маленькихъ дѣтей остались на моихъ рукахъ, запутанныя дѣла по дому—тоже. А между [2]) я еще тоже считаюсь малолѣтнимъ и подверженъ опекѣ. Ты теперь понимаешь, въ какія отношенія вступилъ я теперь къ своему семейству. Ты читалъ не повѣсть, а трагедію...

Я надѣюсь на твое расположеніе даже и въ такомъ случаѣ, если я не возвращусь больше въ Институтъ. Но, можетъ быть, я найду средства устроить моихъ сестеръ и братьевъ гораздо лучше, нежели какъ могъ бы сдѣлать, еслибы остался въ Нижнемъ уѣзднымъ учителемъ. Папеньку всѣ въ городѣ такъ любили, что принимаютъ теперь въ насъ живѣйшее участіе. Подличаетъ съ нами одно только духовенство и архіерей. Вчера на похоронахъ я былъ страшно золъ. Не выронилъ ни одной слезы, но разругалъ дьяконовъ, которые хохотали, неся гробъ моего отца; разругалъ моего бывшаго профессора, который сказалъ препелѣпую рѣчь, увѣряя въ ней, что Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, что онъ любитъ сиротъ и проч.

Пиши мнѣ что нибудь...

Я страшно разстроенъ. Чувствую, что ничего хорошаго не могу сдѣлать и, между тѣмъ, знаю, что все долженъ дѣлать я, за всѣхъ сестеръ и братьевъ. Къ счастію еще, я деревянный, иначе я бы непремѣнно разбился.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Д. Ѳ. Щегловъ отвѣчалъ письмомъ, которое было написано на двухъ листахъ почтовой бумаги маленькаго формата; изъ нихъ уцѣлѣлъ второй. Д. Ѳ. Щегловъ въ немъ разсказываетъ о томъ, какъ проводитъ время, какіе уроки и литературныя работы надѣется получить, сообщаетъ институтскія новости; говоритъ, что къ 2 августа ждетъ брата (итакъ, онъ писалъ раньше этого числа), сообщаетъ, что возвратиться въ Институтъ надобно къ 16 августа, а если прійдется пропустить этотъ срокъ, надобно будетъ привезти медицинское свидѣтельство о болѣзни.

[2]) По недосмотру пропущено „тѣмъ“; должно читать: „А между тѣмъ я“.

ПЕРЕПИСКА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Августъ 1854—іюнь 1857.

Бѣдность.—Пріобрѣтеніе уроковъ и возможности помогать сестрамъ и младшимъ братьямъ.—Начало литературной дѣятельности.—Окончаніе курса.

(Вторая половина 19-таго—первая половина 22-го года жизни Н. А. Добролюбова).

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 20 авг. 1854*).

Получено 25 августа.

Мы здоровы, нашъ милый Николай Александровичъ; ты благополучно ли доѣхалъ до Питера? Дай тебѣ Господи всего лучшаго. Протоколъ объ опекѣ утвержденъ преосвященнымъ. Павелъ Иванычъ [1]), Фавста Васильевна и я назначены опекунами, а о назначеніи пособія сиротамъ предоставлено распорядиться Духовному попечительству. Я все ночую въ домѣ со сторожемъ изъ собранія [2]). Завтра въ субботу сдѣлаемъ съ Фавстой Васильевной распредѣленіе имущества между собою [3]).

За квартиру [4]) даютъ сильно [5]) 8 рублей [6]), но мнѣ хочется дождаться 10 рублей; впрочемъ, если кузнецъ Иванъ Савельевъ, у котораго въ семействѣ *) жена, тетка и сынъ маленькій, дастъ 100 рублей въ годъ не требуя починки и по контракту на 3 года, то я съ

---

[1]) Лебедевъ.

[2]) Изъ Дворянскаго собранія, въ которомъ служилъ Василій Ивановичъ.

[3]) То есть: она возьметъ къ себѣ вещи, необходимыя для дѣтей покойной сестры; остальное будетъ принято на сохраненіе Василіемъ Ивановичемъ.

[4]) За ту квартиру, которую занималъ Александръ Ивановичъ съ семействомъ, за флигель.

[5]) Даютъ, сильно упрашивая взять эту цѣну.

[6]) Въ мѣсяцъ.

*) А кузнецы живутъ отдѣльно подъ горой. *Примѣчаніе Василія Ивановича.* „Кузнецы“, то есть, работники; итакъ, Савельевъ былъ хозяинъ кузнечнаго заведенія.

согласія князя и Фавсты Васильевны, для вашей пользы порѣшусь отдать флигель [1]). Дѣти ведутъ себя хорошо: Ваня плакалъ два разъ хотя и сильно, но это отъ появленія няньки; есть большая надежда, что онъ будетъ вести себя примѣрно. Юленьку я видѣлъ, она весела и довольна своимъ состояніемъ. Володю [2]) навѣщала Фавста Васильевна; онъ какъ и всегда рѣзвъ, но рѣзвъ не безъ границъ; его тамъ любятъ. Фавста Васильевна нашла, что ему тамъ жить хорошо. О прочихъ трехъ [3]) нечего и писать: онѣ у родныхъ.

Покуда будетъ. Да, про дѣтей архіерей ничего не сказалъ; значитъ, хлопотъ объ удержаніи ихъ у родныхъ не будетъ [4]).

Преданный тебѣ,
В. Добролюбовъ.

20 августа 1854 г.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 3 сентября 1854*).

Получено 8 сентября.

Прости, милый Николай Александровичъ, я тебѣ не писалъ ужъ долго. За то нынѣ, вдругъ скажу тебѣ о многомъ: тебя вѣроятно князь В. А. Трубецкой, который уѣхалъ въ Петербургъ 29 августа, предупредилъ, что князь Урусовъ [5]) согласился ходатайствовать о сложеніи съ дома ссудныхъ денегъ; прошеніе объ этомъ Павелъ Ивановичъ [6]) возилъ къ нему нынѣ, и онъ на немъ написалъ: можно

, другъ милый, доброе
концѣ: когда пойдетъ
ису Ефимовичу [7]) по-
посодѣйствовалъ намъ
я, съ согласія Фавсты
скому за 75 руб. въ
а, ты знаешь, что я
й, если только можно,
ь я тебѣ писалъ, что

---

[1]) Подразумѣвается: Савельеву за эту цѣну.

[2]) Взятаго на воспитаніе богатымъ купцомъ Мичуринымъ.

[3]) То есть, объ Антонинѣ Александровнѣ, Аннѣ Александровнѣ и Екатеринѣ Александровнѣ.

[4]) Въ письмѣ Николая Александровича Екатеринѣ Александровнѣ отъ 25 ноября 1854 г. упоминается, что ее „хотѣли отдать въ монастырь" (на воспитаніе)—то есть, что Іеремія хотѣлъ сдѣлать такъ. Быть можетъ, такое же намѣреніе высказывалъ онъ и относительно двухъ старшихъ сестеръ.—Василій Ивановичъ видитъ, что теперь онъ не будетъ настаивать на этой мысли.

[5]) Нижегородскій губернаторъ, и, по должности губернатора, предсѣдатель строительной коммиссіи, выдававшей ссуды для окончанія постройки начатыхъ постройкой домовъ. Такая ссуда была дана Александру Ивановичу, когда онъ строилъ свой домъ (въ 1839 году).

[6]) Лебедевъ, одинъ изъ опекуновъ; онъ былъ протоіерей, потому для него удобнѣе было имѣть свиданія съ высшими административными лицами, чѣмъ для Василія Ивановича, маленькаго чиновника, имѣвшаго только еще первый чинъ.

[7]) Прутченко.

кузнецъ съ маленькимъ семействомъ даетъ 96 руб. въ годъ *); цѣна высока противу взятой, но тогда на это не такъ смотрѣлъ князь [1]), да и я, желая лучшаго, пріостановился отдачею флигеля. Нанимаетъ квартиру чиновникъ особыхъ порученій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Огородниковъ, и даетъ 120 рублей, потомъ уклоняется за сыростью; я ему обѣщаюсь комнаты отдѣлать, сырость уничтожить, сколько можно, но по силамъ, чтобы это не было стѣснительно по нашимъ средствамъ. Огородниковъ знакомъ съ княземъ и поэтому толковать объ квартирѣ отправляемся къ нему; долго я съ ними разсуждалъ, гдѣ нужно обстаивалъ, а индѣ—вилялъ, а иногда и вовсе молчалъ, видя ихъ барскіе взгляды [2]). Они мнѣ предложили отдѣлку флигеля въ 60 рублей серебромъ [3]), — мнѣ, человѣку неопытному и безъ гроша денегъ, и, урезонивъ меня, что это можно сдѣлать, Огородниковъ отправился со мной во флигель для осмотра вновь квартиры. По его замѣчаніямъ, весьма много нужно было перемѣнить: и косяки, и подоконки, и рамы, и вмѣсто окраски комнатъ, обить ихъ обоями, выкрасить полы и подоконки масляною краскою, сломать перегородку, пропустить душники въ гостиную и спальную комнаты, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перекрыть крышу; въ заключеніе г. Огородниковъ говоритъ плотнику, что за сырость онъ будетъ отвѣчать платой за всѣ работы, а поэтому на вопросъ его: что эта поправка будетъ стоить, отвѣтилъ [4]) 50р. с.; маляръ же выпросилъ [5]) 40 р. с. Ну, чтобы ты сдѣлалъ, отдалъ ли бы ты г. Огородникову за 120 р. въ годъ? А на меня княгиня высказала неудовольствіе; впрочемъ, это въ началѣ, а тутъ уже и она поняла, почему я не сошелся съ нимъ. Терскій даетъ 75 руб.; не хотѣлось мнѣ отдавать ему такъ дешево, хотя необходимыя поправки, служащія къ сохраненію дома [6]) отъ сырости и къ его прочности и будутъ стоить ему не менѣе 35 рублей; поэтому-то я и рѣшился было перейти за даванную имъ цѣну самъ, принимая на себя и отдѣлку; говорю объ этомъ князю; и онъ и княгиня съ перваго раза были рады моему переходу, но потомъ, когда я имъ отказалъ въ квартирѣ,—въ нижнихъ двухъ комнатахъ,—которую они хотѣли взять для своихъ кучеровъ и столяра за 2 рубля въ мѣсяцъ, сильно начали отстаивать въ неудобствахъ моего перехода. Но, любезный,

*) Но онъ хотѣлъ пускать постояльцевъ, и можетъ быть флигель раздѣлилъ бы на три квартиры, напуская въ нихъ по своему произволу, можетъ быть, до 15 человѣкъ. *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

[1]) То есть: но князю (Трубецкому) не хотѣлось, чтобы во флигелѣ жилъ мастеровой, отъ котораго будетъ и шумъ и соръ на дворѣ.

[2]) Квартира Александра Ивановича обветшала, потому что всякую свободную копѣйку надобно было ему употреблять на уплату долговъ, не оставалось у него денегъ на поправку своей квартиры. Что жъ за охота была бъ Огородникову поселяться въ квартирѣ, обветшавшей до того, что стала сырой? „Барскими" взглядами нельзя по справедливости назвать требованій его и признанія основательными ихъ княземъ Трубецкимъ. Но изъ того, что они кажутся Василію Ивановичу „барскими", видно, какъ жилъ онъ самъ и какъ жили Александръ Ивановичъ и Зинаида Васильевна.

[3]) То есть, они увѣряли меня, что поправки, которыхъ требуетъ Огородниковъ, обойдутся не дороже 60 руб.

[4]) Плотникъ.

[5]) Просилъ.

[6]) То есть, флигель.

вспомни или лучше знай, что я перейти хотѣлъ не для себя: это было бы для меня крайнимъ изнуреніемъ,—а для васъ, или лучше для тебя, желая, чтобы при мнѣ было болѣе порядка въ домѣ, чтобы я могъ, не выбирая времени, какъ теперь, говорить князю о разныхъ дѣлахъ по дому и безпорядкахъ тотчасъ, какъ только это нужно будетъ, чтобы видя нечистоты по дому, тотчасъ же могъ распорядиться объ очищеніи ихъ и прочее; хотѣлъ, чтобы домъ не былъ безъ хозяина и чтобы въ немъ не распоряжался и кучеръ, и лакей, и горничная. Такъ теперь уже, по желанію князя, квартира за Терскимъ, но не безпокойся: я все-таки буду навѣщать домъ каждый день — — [1]). Такъ какъ теперь идетъ дѣло о сложеніи ссуды, то мы 200 р. с. [2]). хотимъ погодить вносить: они еще у князя. Павелъ Ивановичъ сказывалъ мнѣ, что Ив. И. Лебединскій заперся въ долгѣ [3]) ему братца, говоритъ, дескать, что онъ никогда ему денегъ не давалъ, это, вѣроятно, изъ опасенія отъ отвѣтственности за 10%; а намъ и на руку: на-дняхъ или я самъ отъ него потребую записочку, или пошлемъ къ нему запросъ отъ всѣхъ опекуновъ. Пущай отказывается; да если не откажется, то, вѣроятно, ему братецъ давалъ заемное письмо отъ своего имени, безъ поручительства сестрицы [4]); а такъ какъ у братца имѣнія не осталось, то и пущай дожидается уплаты, когда захотите вы и, разумѣется, безъ процентовъ — — [5]).

Дѣти здоровы. Былъ я у Василія Климовича [6]); видѣлъ его жену, дѣтей и съ ними Володеньку; онъ веселъ и доволенъ своимъ житьемъ, съ Алешей [7]) друженъ братски, ему жить очень хорошо. Объ Анночкѣ сказать надо то же. Ниночка, Катенька и Ванечка живутъ смирно, имъ всѣхъ лучше [8]): Фавста Васильевна вполнѣ для нихъ сестрица [9]), Михаилъ Ивановичъ также хорошъ, кажется. Я у нихъ бываю каждый день, а иногда и два раза. Александра Максимовна [10]) къ нимъ внимательна, какъ нельзя больше: она прислала къ нимъ много и муки, и крупы, и масла, и картофелю, ситцевъ на платья, коленкору, терна на покрытіе двухъ салоповъ, и обѣщалась купить Катенькѣ мѣхъ. Нынѣ я не былъ у Фавсты Васильевны; вѣроятно, ужь исполнила свое обѣщаніе. Остается сказать объ Юленькѣ: ну,

---

[1]) Василій Ивановичъ сообщаетъ племяннику подробности о мелкихъ своихъ распоряженіяхъ по дому.

[2]) Уплата ссуды производилась полугодичными взносами по 100 руб. въ Строительную коммиссію.

[3]) Отрекся отъ долга Александра Ивановича ему, сказалъ, что Александръ Ивановичъ не былъ долженъ ему ничего.

[4]) Домъ былъ записанъ на имя Зинаиды Васильевны; таковъ былъ тогда обычай у духовенства, строить дома „на женнино имя“, какъ это говорилось.

[5]) Слѣдуютъ подробности о мелкихъ долгахъ Александра Ивановича.

[6]) Мичурина.

[7]) Василій Ивановичъ ошибочно называетъ Алешей сына Мичурина; его звали Пашей. Онъ былъ нѣсколько постарше Володи.

[8]) Фавста Васильевна, которая взяла ихъ къ себѣ, жила очень небогато, но Варвара Васильевна жила еще беднѣе; потому-то Аннѣ Александровнѣ, которую взяла она къ себѣ, доставалось еще меньше удобствъ и лакомствъ, чѣмъ сестрамъ и брату у Фавсты Васильевны.

[9]) „Сестрицею“ Василій Ивановичъ называетъ Зинаиду Васильевну.

[10]) Прутченко.

ей, кажется, похуже другихъ; напиши къ Софьѣ Алексѣевнѣ [1]), что ты имъ благодаренъ и прочее, да потомъ и попроси, чтобы нянькѣ и прочимъ не позволяли ее ругать и прочее, въ благородныхъ выраженіяхъ [2]).

Фавста Васильевна недовольна, что ты не пишешь къ ней, а къ князю:. всѣ—люди, любезный; не слишкомъ разсчитывай на благоразуміе людское; пиши ей чаще; но отъ меня тебѣ запрещеніе: ко мнѣ не пиши; тебѣ некогда, да и лишняя трата, а что ей, то и мнѣ; мнѣ все равно будетъ прочесть твое письмо или на ея имя, или на мое: дѣло въ дѣлѣ, а не въ приличіяхъ, которыя идутъ къ постороннимъ. Фавста Васильевна перешла въ переднія комнаты [3]).

Маменька [4]) поправляется: ходитъ, дескать, понемногу съ подожкомъ. Невѣста моя выздоровѣла. Нынѣ пріѣхалъ Митрофанъ Евфимовичъ [5]); его назначили въ Печеры [6]) учителемъ 3-го класса; онъ тебѣ кланяется.

Михаилъ Алексѣевичъ [7]) пріѣхалъ; онъ все такъ же добръ для насъ и тебѣ кланяется.

Ты даже поэтому ко мнѣ не пиши, что 15-го сентября думаю уѣхать въ Лукояновъ до 12-го октября.

21-го августа я получилъ письмо твоего товарища, господина Щеглова,—видно, что хорошій товарищъ; онъ тебѣ пишетъ по возмужалому—по опытному. Онъ, вѣрно, тебѣ передалъ уже содержаніе своего письма. Я уважаю этого студента; дай Богъ, чтобы твое дружество продолжалось съ нимъ подольше.

Утѣшать тебя—ты самъ знаешь утѣшеніе: поддерживай свои успѣхи, вотъ твое утѣшеніе, вотъ наша радость; теперь покуда въ тебѣ одномъ надежда—надежда за всѣхъ.

3 сентября 1854 г.

Преданный тебѣ В. Добролюбовъ.

Теперь у меня дѣла много: сижу часто по ночамъ, и поэтому ты не суди на простомъ слогѣ этого письма: оно написано на самую скорую руку; да тебѣ, вѣрно, только и нужны въ немъ однѣ мысли.

Пособія [8]) еще не назначили. Подписку [9]) прихожанамъ предложу на-дняхъ.

---

[1]) Пальчиковой.

[2]) То есть, напиши это въ деликатныхъ выраженіяхъ.

[3]) Часть своего домика она сдавала жильцамъ. Ясно, что когда она взяла къ себѣ трехъ дѣтей покойной сестры, то пришлось ей занять комнаты попросторнѣе тѣхъ, которыми довольствовалась для себя и сына прежде.

[4]) Мать Александра Ивановича и Василія Ивановича, Марья Өедоровна, жившая въ селеніи у одной изъ дочерей. При извѣстіи, о смерти Зинаиды Васильевны съ нею сдѣлался параличъ.

[5]) Лебедевъ, братъ невѣсты Василія Ивановича, бывшій товарищъ Николая Александровича по семинаріи, кончившій курсъ лѣтомъ того года. Онъ пріѣхалъ изъ Лукоянова, гдѣ жило его семейство, погостить въ которомъ ѣздилъ онъ на каникулы.

[6]) Въ нижегородское Печерское духовное училище; Печеры—одна изъ частей Нижняго Новгорода.

[7]) Костровъ.

[8]) Сиротамъ изъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

[9]) То есть: „подписку о пособіи сиротамъ предложу прихожанамъ".

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Писано около 8 сент. 1854*).

Получено 12 сент.

Хлопочи, любезный Николай Александровичъ, не стѣсняйся консисторской пенсіей, которая, впрочемъ, и до сихъ поръ не назначена; да и какимъ образомъ она можетъ служить тебѣ препятствіемъ?—вѣдь зачисленіе мѣста за сиротами [1]) и пенсія—это какъ небо отъ земли: мѣсто дастъ 400 р. сер., а пенсіи нельзя надѣяться получить и того, что ты пишешь [2]); да притомъ едва ли что и будетъ: я тебѣ не писалъ въ прошлыхъ письмахъ откровенности [3]), опасаясь разстроить тебя, но нынѣ эта откровенность можетъ быть полезна при твоихъ хлопотахъ. Архіерей, читая журналъ объ опекунахъ и о назначеніи сиротамъ пенсіи, противу сей послѣдней статьи сдѣлалъ черту и подозвалъ къ себѣ Городкова [4]) (это было въ Консисторіи) и, указывая на это, сказалъ: «Это къ чему?»—«Малыя дѣти и ихъ такъ много», былъ отвѣтъ.—«У нихъ богатые дома; вотъ тебѣ и пенсія». Резолюцію же написалъ: «исполнить [5]); но видимо, что надлежащимъ образомъ не попеклися объ оставшихся домахъ и сиротахъ». Долго не было исполненія по этому журналу, то есть, не писалось въ Попечительство, чтобы оно сдѣлало распоряженіе о назначеніи пенсіи, потому что не знали, какъ совмѣстить слова архіерея съ его резолюціей; но, наконецъ, какъ я тебѣ писалъ, сообщили [6]). Недавно Павелъ Ивановичъ [7]) былъ у архіерея, и самъ вызвался сказать [8]), что онъ былъ у сиротъ, онѣ веселы и спокойны. Нѣтъ, это дѣло надобно пересмотрѣть. Вотъ и еще резолюція [9]). Хлопочи, но по силамъ, не изнури своего здоровья. Помни, что ты одинъ теперь и отецъ по хлопотамъ, и мать по сердоболію, и надежда въ будущемъ. При хлопотахъ особенно указывай на прихожанъ, на ихъ просьбу, и если пойдетъ дѣло, они еще болѣе поддержатъ свое прежнее желаніе. Положеніе же свое высказывай какъ написано въ запискѣ, которую князь [10]), вѣрно, давалъ тебѣ прочитать.

---

[1]) Зачисленіе отцовскаго мѣста за одной изъ дочерей. До ея замужества и посвященія мужа ея на зачисленное за нею мѣсто, она получала половину дохода отъ этого мѣста, а другую половину бралъ въ вознагражденіе себѣ священникъ, временно исправлявшій должность.

[2]) Пенсіи изъ попечительства были ничтожныя,—рублей 25 въ годъ осиротѣвшему семейству священника, если оно было многочисленно, а если невелико, то меньше.

[3]) Откровенной правды.

[4]) Кажется, это былъ секретарь консисторіи.

[5]) То есть: исполнить постановленіе консисторіи о назначеніи пенсіи—формально отказать было бы неловко.

[6]) Попечительству.

[7]) Протоіерей Лебедевъ, одинъ изъ опекуновъ.

[8]) Безъ вызова со стороны архіерея на этотъ разговоръ, отважился сказать.

[9]) То есть: вотъ какъ велика надежда на резолюцію архіерея; онъ, очевидно, сказалъ, чтобы попечительство не спѣшило исполненіемъ ея, назначеніемъ пенсіи. Надобно стараться, чтобъ это дѣло было пересмотрѣно въ Синодѣ.

[10]) Трубецкой, пріѣзжавшій иногда въ Петербургъ.

Шванерка [1]) съ бумагами, шкафъ съ книгами, картины и образъ Спасителя, что стоялъ въ столовой; у меня, и будь увѣренъ, что ты ихъ во всякое время найдешь въ цѣлости и сохранности. Церковныя книги, бумаги и планы отданы: Портретъ преосвященнаго Іоанна я отослалъ къ Александру Евграфовичу, по его словамъ [2]), для памяти батюшки и Преосвященнаго. При досугѣ я пришлю къ тебѣ опись; съ имуществомъ распорядились попросту: дали намъ указъ, что мы опекуны, дали шнуровую книгу для записки прихода и расхода, а объ имуществѣ и объ оцѣнкѣ его ни слова; что дѣлать, иду въ Консисторію и тамъ (диво, батюшка), говорятъ, что это лишнее, что вы родные и, вѣрно, все будетъ сохранно. Книги я тебѣ пришлю тотчасъ по полученіи твоего письма. Адресъ Екатерины Петровны: Его Высокоблагородію Александру Васильевичу Ливанову. Нижегор. губ. и уѣзда, въ село Богоявленіе, а Васъ покорнѣйше прошу передать сіе письмо въ сельцо Борцово, Ея Высокобл. Е. П. Захарьевой. Василію Климовичу можно написать: Его Высокоблагородію, Его Степенству или безъ благородія и степенства—то, что онъ есть: Нижегородскому городскому головѣ, почетному гражданину, купцу 1-й гильдіи.—Я позабылъ тебѣ написать, что квартира за Терскимъ съ 1-го сентября; ее отдѣлали славно и хозяйственно: въ слѣдующій годъ можно взять и 100 руб. Вещи мы не продаемъ: если будетъ случай продать за дѣйствительную цѣну, то продадимъ, а то пусть остаются: мы теперь размѣстились, отъ нихъ тѣсноты не видно.

Я пробуду въ Нижнемъ до 20 числа (это по новому распредѣленію), и если при мнѣ пойдетъ бумага къ Клейнмихелю, тебя съ этой же почтой увѣдомлю, если же безъ меня, то прошу сдѣлать это Михаила Ивановича, а ты тамъ понавѣдайся объ дѣлѣ. Не дастъ ли скоро Господь радости; пиши ко мнѣ, если будетъ и надежда [3]), съ первой же почтой: твоя радость—мое все удовольствованіе. Пиши въ Лукояновъ Евфиму Ивановичу. [4]) для доставленія мнѣ.

Ты меня тѣшишь своимъ спокойствіемъ [5]) и веселостью. Я тебѣ скажу, другъ мой, что ты сильно разстроенъ, разстроенъ до отчаянія; обратись къ другой дорогѣ, покорись волѣ Божіей, и тогда, дѣйствительно, тебѣ легче будетъ; покорись безъ разсужденій; все не безъ добра (боюсь сказать: къ лучшему); можетъ быть, сложатъ съ дома ссуду, можетъ быть ты выхлопочешь и мѣсто, откажется формально отъ долгу Лебединскій, не возьмутъ ничего Кругликовъ и Шапошниковъ [6]); и тогда—конечно, не будетъ достойнаго отца, нѣжной матери—вы успокоитесь [7]) милостями добрыхъ людей и обезпеченіемъ въ будущемъ. Конечно, жалко отца, сильно жалко матери, но надобно же знать, что вся наша жизнь идетъ для того, чтобы

---

[1]) Шифоньерка.

[2]) Что онъ желаетъ имѣть этотъ портретъ.

[3]) То есть, если будетъ хотя надежда.

[4]) Лебедеву, отцу невѣсты Василія Ивановича.

[5]) Только утѣшаешь, напрасно увѣряя, что ты спокоенъ.

[6]) Другіе кредиторы.

[7]) Хотя останется невозвратима потеря отца и матери, но вы (ты и твои сестры и братья) успокоитесь.

умереть, для жизни вѣчной. Завидна кончина сестрицы. Тяжело было ей страдать, но она при отличномъ [1]) расположеніи духа умерла мученицей 5-тидневной — умерла и боли прошли, и теперь не страждетъ, а радуется. Не безпокоитъ ли тебя, мой дорогой, скорая кончина папеньки [2])—ничего не опасайся: онъ былъ молчаливъ и скрытенъ, но молчаливъ—выдумывая [3]) лучшее, скрытенъ, не желая никого обидѣть правдой, а во всемъ прочемъ онъ открытъ былъ до нельзя: его исповѣдь всегдашняя, что все грязь, суета и мученіе; его добросовѣстность, аккуратность постоянныя будутъ неминуемой наградой; всѣ его дѣйствія основывались на голосѣ совѣсти. Онъ умеръ не для того такъ скоро, чтобы предстать на судъ Божій не приготовясь, а для того, чтобы долгой болѣзнію не отяготить и не свести съ собой въ могилу васъ; а въ самомъ дѣлѣ тогда бы было въ 200 разъ тяжелѣе. Такъ успокойся, другъ милый, успокойся собой: умеръ папаша, прежде его у тебя не стало мамаши, но они умерли успокоиться, и теперь у тебя, у васъ остался вмѣсто ихъ и себя ты; ты теперь и отецъ, и мать, и хозяинъ дома, и воспитатель, и успокоитель въ будущемъ; у тебя есть и сильные помощники, готовые по твоему указанію на всякое доброе дѣло. Руководи собой, руководи родственниками и твоими сестрами и братьями, а не смущайся духомъ; все дрянь и ветошь, но однако все и необходимо: надежды нѣтъ, чтобы и ты жизнь прожилъ философомъ, а тѣмъ болѣе твои сестры; учись по старому, веди себя такъ же, выискивай случай пользоваться временемъ съ пользой, береги деньги, но не скупись, чтобы не отягчить себя, и тогда мы эту тяжелую жизнь проведемъ безъ трудностей. Будь терпѣливъ, скрытенъ [4]) по папашиному, молчаливъ, такъ же добръ и чистосердеченъ, однимъ словомъ, мудръ, какъ и онъ, и тогда ты вѣрно будешь, какъ пишетъ твой товарищъ г. Щегловъ, Срезневскимъ или Бодянскимъ, т. е. на мѣстахъ ихъ. Ходи въ знакомымъ только туда, гдѣ видишь радушіе и пользу, отъ излишняго знакомства остерегись—оно, кромѣ вреда, ничего не принесетъ, но будь со всѣми ласковъ и вѣжливъ *). Ты меня умнѣе и ученѣе, а я тебя поопытнѣе, такъ и не обидься, что тебѣ по опыту рѣшился высказать ближайшій родственникъ и преданный тебѣ дядя

В. Добролюбовъ.

Трубецкіе всѣ поочередно тебѣ кланяются. Сергѣй Павловичъ [5]) съ недѣлю уже въ разъѣздахъ, и поэтому ничего не могу сказать о 100 руб. и документѣ.

---

[1]) Спокойномъ, покорномъ волѣ Божіей.

[2]) То, что скорая кончина не дала ему времени приготовиться къ смерти продолжительнымъ обрядомъ покаянія.

[3]) Придумывая.

[4]) Сдержанъ, замкнутъ.

*) Вглядывайся въ характеры людей, въ ихъ обращеніе съ низшими, въ обхожденіе съ тобой при разныхъ случаяхъ, и тогда гляди, къ чему способны эти люди; если они тебѣ нужны, то есть оказавшіеся негодными, при нуждѣ потрафляй имъ, а во всякое другое время удаляйся. *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

[5]) Галаховъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга въ Нижній, вѣроятно, ревизовать почтовое управленіе.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*отъ 21 сент. 1854*).

Получено 27 сент. 1854.

Ты, Николенька, удивляешься, что письмо твое отъ 27-го августа, я получилъ 3-го сентября; нынѣ ты еще больше удивишься, когда узнаешь, что письмо твое отъ 10-го сенября, я получилъ 18 числа; что дѣлать: вѣроятно, по причинѣ ненастнаго времени такая медленность въ доставленіи писемъ. Мнѣ совѣстно, другъ мой, стало, когда я прочиталъ письмо твое: тебѣ, дѣйствительно, грустно одному; надо было писать и извѣщать тебя о положеніи дѣлъ вашихъ чаще; я вполнѣ съ тобой согласенъ, потому что испыталъ мучительнее ожиданіе и обвинялъ Митрофана [1]) за неполноту писемъ и за неаккуратную присылку ихъ, но, объяснившись, простилъ ему, — прости и ты меня, и тебѣ сейчасъ выскажусь. Неполны мои письма и безъ особенныхъ подробностей,—это происходитъ отъ довѣрчивости къ самому себѣ, отъ довѣрчивости въ справедливыхъ своихъ поступкахъ и отъ сильной готовности помочь твоему дѣлу больше тебя самаго; поэтому прошу тебя: не обижаясь, задавай мнѣ вопросные пункты по предметамъ, которые для тебя неизвѣстны, и я тебѣ буду отвѣчать съ полнотою; по этому же не писалъ тебѣ въ продолженіи мѣсяца и много писемъ, а только еще четвертое, [2]) вполнѣ надѣясь, что ты въ моихъ распоряженіяхъ увѣренъ, что они всѣ къ твоей пользѣ; а главная причина медленности отъ того, что не всегда соберешься съ мыслями написать и такого письма, какое ты получилъ отъ меня на двухъ маленькихъ листочкахъ [3]). Столько, другъ, хлопотъ и заботъ по вашимъ дѣламъ, по своимъ, по службѣ—и все это въ одно время—что, право, только одна натура все превозмогаетъ: часто случается верстъ по 15-ти избѣгать до обѣда, и иногда безъ толку. Сколько при горѣ придется выслушать, или даже исполнить, глупыхъ капризовъ, по часамъ даже выжидать, стоя, какого нибудь не всегда годнаго рѣшенія и пр.

Ну, теперь начнемъ о дѣлѣ. Квартиру г. Терскій отдѣлалъ чудно! Жить во флигелѣ будетъ одно маленькое семейство: его сестры; если не велика цѣна, то не много и порчи будетъ. Увѣрься, милый мой Николай Александровичъ, что квартира отдана Терскому, а не Огородникову по необходимости; пожалуй опять скажу по какой: Огородниковъ, требуя починки на 90 рублей, требовалъ вмѣстѣ, чтобы я этотъ мѣсяцъ жилъ въ Нижнемъ и надсматривалъ за рабочими, а какой еще я хозяинъ, и притомъ квартиру занялъ бы [4]) только съ 1-го октября. Терскій же, занявъ квартиру только нынѣшній день, заплатитъ за нее съ 1-го сентября. Я объ твоихъ дѣлахъ забочусь

---

[1]) Митрофана Евфимовича Лебедева, брата невѣсты Василія Ивановича.

[2]) Т. е. „поэтому же я и не писалъ тебѣ много писемъ, въ продолженіе мѣсяца пишу только четвертое.

[3]) Это было письмо отъ 20 авг. (того года):

[4]) Огородниковъ.

болѣе, нежели о своихъ, и вотъ мои дѣйствія: по моему направленію князь [1]) ѣздилъ къ губернатору—— [2]). Завтра, но никакъ уже не долѣе пятницы, пойдетъ бумага къ Клейнмихелю [3]). Узнай и попроси начальника отдѣленія самъ, чтобы дали сей бумагѣ ходъ поскорѣе, а мы покуда въ коммиссію платить не будемъ—— [4]). Далѣе, по моей мысли Павелъ Ивановичъ (мнѣ, родному, неудобно) ходилъ къ Цѣлованьеву и Кругликову, и они долгъ, тутъ же и за сахаръ, съ особеннымъ удовольствіемъ просили исключить изъ счетовъ [5]). Къ Лебединскому же ходилъ самъ. Лебединскій сказалъ, что онъ въ самый еще день кончины [6]), изъ участія къ сиротамъ порѣшилъ у себя въ мысляхъ не брать долга; благодарю его, и говорю: такъ какъ объ уменьшеніи долга я обязанъ показать опекѣ документъ, то прошу, и прочее. И онъ мнѣ на другой день прислалъ отношеніе, что онъ и наслѣдники его никогда должныхъ денегъ требовать не будутъ и просилъ деньги эти изъ долговыхъ счетовъ исключить. Прими его пожертвованіе. Тутъ гордость неумѣстна. Не откажись принять и пожертвованіе для васъ прихожанъ: они составили положеніе только еще 19 числа, поздно потому, что мнѣ некогда было: я его составлялъ; видна готовность сильно приняться за дѣло; есть надежда получать съ нихъ и 150 руб. сер. въ годъ.

Шапошниковъ объявилъ долгу на 25 руб. 50 к. ассигн.; обѣщался подождать. Плотникъ не явился, а отыскать не знаю гдѣ; слышалъ я, что будто бы долгъ уплатилъ ему А. И. Щепотьевъ.

Съ княгиней [7]), мы ладимъ, не безпокойся любезный; Трубецкіе—люди рѣдкіе и по своему образованію, и по добротѣ души. Юленька ими довольна. Вотъ ты правду разсудилъ на счетъ ея житья у нихъ: да, иногда и при матери и отцѣ отъ нянекъ терпятъ; но ей жить очень хорошо; вотъ уже сряду два дня я у нихъ былъ и два раза заставалъ ее у Елизаветы Никитичны [8]). Она ее выучила читать наизустъ двѣ басни Крылова. Ахъ, она [9]), тебя любитъ, разспрашиваетъ съ радушіемъ и проситъ тебя чрезъ меня заняться съ любовью французскимъ языкомъ и порадовать ее письмомъ на этомъ языкѣ: это, дескать, не много занявшись, ты можешь сдѣлать. Княгиня хотѣла къ тебѣ писать чрезъ свою сестрицу — — [10]). Будь спокоенъ, что я пекусь обо всемъ не менѣе папаши, разумѣется, съ разницею въ опытности; поэтому, другъ, умоляю тебя: успокойся, успокойся по необходимости, позаботься въ эту треть о своихъ дѣлахъ у Клейнмихеля. Напиши къ Александру Ивановичу Щепотьеву, Сергѣю Ивано-

---

[1]) Трубецкой.
[2]) Слѣдуютъ подробности.
[3]) Опущены подробности.
[4]) Опущены подробности.
[5]) То есть, изъ нашихъ счетовъ.
[6]) Александра Ивановича.
[7]) Трубецкой.
[8]) Пещуровой.
[9]) Пещурова.
[10]) Снова идутъ мелкія подробности о дѣлахъ, подобно тому, какъ были онѣ и въ мѣстахъ, пропуски которыхъ отмѣчены цифрами 7, 8, 9 и слѣдующихъ пропускахъ, оставленныхъ безъ отмѣтокъ цифрами.

вичу Переплетчикову,—онъ, когда Фавста Васильевна стала его благодарить и за то, и за то, и проч., это числа 1-го, заплакалъ отъ обиды, что ты его не поблагодарилъ;——[1]) Ниночка занимается работой исправно, то же и Катенька; Ваня милый дитя, его любитъ Михаилъ Ивановичъ; и тетенька. У Луки Ивановича не былъ, братъ,—право некогда, но 14 сентября Анночка была въ Нижнемъ и въ церкви и на гробѣ. Она здорова и своими воспитателями довольна. Ты пишешь, что надѣешься, что я исполню твои просьбы, какія найду въ письбѣ отъ 28-го августа. На письмо это я отвѣчалъ——[2]). 23-го рано утромъ я ѣду въ Лукояновъ. — Консисторія дѣлаетъ распоряженіе о назначеніи пенсіи одной Ниночкѣ, потому, что на прочихъ, дескать, обѣщались давать пособіе извѣстные прихожане, по 15 руб. въ годъ сер. [3]); у архіерея не было еще этого журнала. Володѣ жить очень хорошо. Его кормятъ и рядятъ, а больше ему пока и не нужно. Въ октябрѣ, по пріѣздѣ, предложу В. К. [4]) услуги Михаила Алексѣевича; онъ все еще желаетъ учить его [5]).

Преданный тебѣ
В. Добролюбовъ.

По совѣсти говорю, что дѣтямъ всѣмъ жить очень хорошо— —[6]).

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Сентября 22 дня 1854 года. Получено 27 сентября 1854.

Пишу къ Вамъ, Николай Александровичъ, еще—по поводу Вашихъ писемъ къ Василію Ивановичу. Я читалъ два Вашихъ письма (послѣднее отъ 9 сентября) къ нему и когда прочиталъ, то мнѣ весьма стало жаль Васъ. Думаю, что вся бѣда въ Вашей молодости и неопытности, да пожалуй, и въ одностороннемъ развитіи, оттого-то въ письмахъ Вашихъ и нѣтъ вѣрнаго взгляда на бѣдную жизнь нашу и разныя обстоятельства, какія могутъ случиться въ ней, и не умѣете Вы помириться съ разными личностями, съ какими намъ приходится сталкиваться, и не можете придержать себя и приростить, наконецъ, къ себѣ добрую мысль, которая бы поддержала, успокоила сколько нибудь, утѣшила Васъ, облегчила тяжелое горе Ваше и оживила и укрѣ-

---

1) Перечисляются другія лица, которымъ долженъ написать Николай Александровичъ.

2) Слѣдуютъ подробности о томъ, почему не высланы Николаю Александровичу книги, забытыя имъ въ Нижнемъ; Василій Ивановичъ не знаетъ, какія именно это книги, и говоритъ, что вышлетъ ихъ, когда получитъ списокъ.

3) Смыслъ таковъ: консисторія назначила пенсію одной Ниночкѣ, по 15 руб. сер. въ годъ; для другихъ сестеръ и для братьевъ не назначили никакой пенсіи, выставляя основаніемъ отказа то, что нѣкоторые прихожане обѣщались давать имъ пособіе.

4) Василію Климовичу Мичурину, у котораго жилъ Володя.

5) Володю.

6) Далѣе говорится, что Михаилъ Ивановичъ не считаетъ глубокимъ чувствомъ печаль Николая Александровича по матери и отцѣ.

пила Васъ. Нѣтъ, пожалуйста, не горячитесь столько, а поуспокойтесь немного и пообдумайтесь... Прежде всего: съ какой стати думать, будто въ нашей жизни всегда и всѣмъ можно прожить покойно, беззаботно, ровно, безъ огорченій и несчастій, сладко припѣваючи, зачѣмъ смотрѣть на нее, какъ на путь, какъ на время и средство только порадоваться, потѣшиться, поблагоденствовать? Опять — если съ нами случится въ жизни какая нибудь неровность, непріятность, горе малое или большое—зачѣмъ исключать все это изъ обыкновеннаго порядка въ жизни? Право, — что случилось съ Вами, то очень обыкновенно въ жизни, случается и повторится еще со многими другими. А жизнь-то наша, какъ посмотришь на нее со стороны, и есть постоянная смѣна радостей и скорбей, благополучія и горя... Не будемъ думать и такъ, будто все въ ней идетъ по какому нибудь слѣпому порядку. Право, все, что ни случается съ нами, все это бываетъ по особеннымъ, хотя и мало яснымъ для насъ, законамъ промысла Божія, и я смотрю на Ваше горе именно какъ на особенное дѣло промысла Божія... Теперь, разумѣется, дѣло въ сиротахъ: всѣ вы молоды, малы, непристроены, некому хорошенько позаботиться о васъ, заняться воспитаніемъ малыхъ, присмотрѣть за ними, некому приласкать Васъ и сколько нибудь облегчить тяжелое горе Ваше, некому и Вамъ передать дѣтскій лепетъ свой, не съ кѣмъ и Вамъ подѣлиться своими радостями или скорбями,—но Богъ, взявши къ себѣ отца и мать Вашу, въ то же время взялъ и васъ всѣхъ, такъ сказать, на руки свои. Онъ заранѣе уже все обдумалъ объ васъ, какъ нельзя лучше для васъ, никого изъ васъ не оставитъ, и, Богъ дастъ, судьба всѣхъ сиротъ устроится какъ нельзя лучше; надобно только быть благоразумнѣе, имѣть покорность Его волѣ и терпѣніе, и молиться, чтобы Онъ не оставилъ васъ...

Вы много горячитесь противъ нашего архипастыря; но, право, лучше быть равнодушнѣе и покойнѣе. Своей горячкой Вы ничего не сдѣлаете; равно и онъ, если бы вздумалъ намѣренно или ненамѣренно чѣмъ нибудь обидѣть сиротъ, не обидитъ ихъ; Богъ самъ постоитъ за васъ и самъ устроитъ все, что нужно и какъ нужно. Да и вообще, по моему, надобно легче смотрѣть на него [1]: хорошъ онъ для насъ, Богъ его далъ намъ, плохъ, — опять Богъ его далъ намъ.

О братьяхъ и сестрахъ много не безпокойтесь: и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи ихъ состояніе пока очень удовлетворительно. Всѣ они пока и сыты, и здоровы, и одѣты, и всѣ объ нихъ, сколько могутъ, заботятся;—такъ по крайней мѣрѣ я вижу. Аннушку къ сороковому дню [2] я привозилъ сюда [3] и на третій день опять отвезъ туда. Въ Кунавинѣ, какъ и здѣсь, всѣ пока живы и здоровы. Луку Ивановича, какъ я слышалъ, Владыка представилъ къ скуфьѣ.—Могилы обѣ обложены теперь дерномъ и на нихъ поставлены кресты; я еще не видѣлъ, какъ это хорошо сдѣлано [4], но мастеръ, дѣлавшій это, вчера увѣрялъ меня, что все сдѣлано очень хорошо. На-дняхъ посмотрю. На-дняхъ же будетъ посажена и березка.

---

1) Архіерея.
2) По смерти отца.
3) Въ городъ изъ Кунавина.
4) Не видѣлъ, хорошо ли.

Можетъ быть, жестоко и обидно для Васъ написалъ я, и даже несправедливо; но такъ мнѣ вздумалось и такъ написалось, и Вы ужь извините меня въ томъ; но на лежачаго нападать я вовсе не хочу. Пишите ко мнѣ, когда вздумается Вамъ, и все, что ни случится, и какъ ни напишется, пишите, и радость и горе, все раздѣлю съ Вами!

Пока Вы еще не писали къ тетушкамъ, и, какъ я видѣлъ изъ письма къ Василію Ивановичу, затрудняетесь и писать къ нимъ;— ужь не виноватъ ли я, что, по крайней довѣрчивости и откровенности къ Вамъ, предупредилъ Васъ объ ихъ требованіяхъ? Но Вы можете писать къ нимъ и попрежнему и дѣло это уладится. Старайтесь успокоиться, смотрите на горе свое легче, покоритесь волѣ Божіей и надѣйтесь на Бога, молитесь и вѣрьте! Въ то же время садитесь за дѣло, а мысль черезъ годъ быть младшимъ учителемъ гимназіи выбросьте изъ головы своей,—садитесь за дѣло и идите тѣмъ путемъ, какой Вамъ предначертывается промысломъ; и Васъ и другихъ сиротъ, повѣрьте, Богъ не оставитъ, и дѣло сиротъ, помимо Вашей воли и Вашихъ усилій, уладится и устроится по волѣ Божіей, какъ слѣдуетъ, и какъ нельзя лучше. Говорю это Вамъ по собственному соображенію и убѣжденію и искренно. А своимъ гореваньемъ, своей тоской и отчаяніемъ ничего не сдѣлаете, а только повредите и себѣ и другимъ. Больше всего теперь старайтесь пока о себѣ и берегите себя; на Васъ впереди большія надежды у сиротъ.

Не знаю, чтó писала къ Вамъ Ниночка, но сказывала она, что написала довольно. Прощайте пока; если что нужно будетъ написать къ Вамъ, то еще напишу. Сестеръ Вашихъ и братьевъ навѣщаю, но къ Мичурину и къ Софьѣ Алексѣевнѣ [1]) не ходилъ и вѣрно не пойду никогда, особенно къ послѣдней. Прощайте.

Владыка, я слышалъ, назначилъ Ниночкѣ въ годъ 15 рублей сер., а Иванъ Ивановичъ Лебединскій прощаетъ долгъ свой и далъ записку въ томъ.

Въ то время, когда Василій Ивановичъ отправлялъ это письмо, были ужь написаны Николаемъ Александровичемъ письма къ нѣкоторымъ изъ лицъ, ожидавшихъ отъ него выраженія признательности за ихъ заботы объ осиротѣвшихъ сестрахъ и братьяхъ его. Въ его бумагахъ сохранилось письмо А. И. Щепотьева отъ 27 сентября, служащее отвѣтомъ на его письмо, полученное 25 сентября. Приводимъ извлеченіе изъ этого письма А. И. Щепотьева:

ПИСЬМО А. И. ЩЕПОТЬЕВА.

(*Въ извлеченіи*).

27 сентября 1854. Нижній. Получено 3 окт.

Дѣйствительно, любезнѣйшій Николай Александровичъ, я начиналъ уже сердиться на столь долгое Ваше молчаніе, и не одинъ я, но и всѣ Ваши родные. Мы не знали, чему приписать; предполагали, что Вы нездоровы; другой же причины никакъ отъ Васъ не ожидали. Я впол-

---

[1]) Пальчиковой.

нѣ чувствую все Ваше положеніе, но будьте совершенно спокойны. Дѣла Ваши идутъ весьма хорошо. Князю губернатору все передано Ваше положеніе и онъ принялъ самое искреннее участіе. Съ недѣлю тому назадъ или болѣе онъ сдѣлалъ представленіе къ графу Клейнмихелю о сложеніи съ покойнаго батюшки должной имъ въ казну ссуды— —[1]). Относительно дѣтей: они всѣ живутъ весьма хорошо, спокойно и весело; часто бываютъ у насъ и даже вчера сидѣли долго. Тетушка Ваша Фавста Васильевна прилагаетъ объ нихъ истинно отеческое попеченіе; Ниночка, Катенька и Ванечка у ней живутъ весьма покойно, всѣмъ нужнымъ снабжены въ достаточности. Володенька живетъ у Василія Климовича прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ; у Трубецкихъ Юленькѣ также очень хорошо. Однимъ словомъ, дѣти такъ покойны, что ихъ даже узнать нельзя; и потому не думайте объ нихъ и не огорчайтесь; берегите себя для себя и для нихъ. Друзей и расположенныхъ къ Вамъ не забывайте. Еще разъ повторяю Вамъ: всѣ дѣла Ваши идутъ хорошо, а дѣтямъ еще лучше. Повѣрьте, что есть люди, которые принимаютъ во всемъ до Васъ относящемся живѣйшее участіе. Анна Ѳедоровна [2]) Вамъ кланяется и тоже посердилась на Васъ за долгое Ваше молчаніе. Прощайте и не забывайте душою Вамъ преданнаго.

А. Щепотьева.

Письмо Ваше я получилъ 25 сего сентября, и замѣтьте, отвѣчаю 27.

ПИСЬМО СОФЬИ АЛЕКСѢЕВНЫ ПАЛЬЧИКОВОЙ.

Нижній Новгородъ. 8 октября 1854.

Получа Ваше письмо назадъ тому нѣсколько дней, я всякій день собираюсь на него отвѣчать и до сихъ поръ никакъ не могла взяться за перо по многосложнымъ причинамъ семейной жизни. Начнешь писать—кто нибудь кликнетъ, или кто нибудь пріѣдетъ съ визитомъ, или самой надо выѣхать и по-неволѣ отрываешься отъ того дѣла, за которое бы всего охотнѣе взялся.—Мнѣ совѣстно было читать въ Вашемъ письмѣ, любезный Николай Александровичъ, всѣ чувства признательности за малыя услуги, которыя Богъ позволилъ мнѣ оказать Вашимъ покойнымъ родителямъ; это было влеченіе сердца. Я такъ ихъ любила и уважала, а о батюшкѣ Александрѣ Ивановичѣ до сихъ поръ не могу вспомнить безъ особеннаго сжиманія сердца. Утѣшительно думать, что имъ хорошо тамъ, *гдѣ нѣсть болѣзней, и печали, и воздыханія;* а намъ еще долго, долго не привыкнуть къ нашей осиротѣлой церкви и къ отсутствію истинно отеческой любви нашего возлюбленнаго пастыря.

Обратимся теперь къ Вашимъ бѣднымъ сестрамъ, о которыхъ Вы бы желали имѣть нѣкоторыя подробности. Старшихъ я каждое воскресенье вижу въ церкви. Ниночка выросла замѣтно и потолстѣла;

[1]) Опущены подробности, которыя ужь были изложены Василіемъ Ивановичемъ.
[2]) Супруга Александра Ивановича Щепотьева.

Катенька все такая же хорошенькая и, кажется, она привыкла къ новому роду жизни въ домѣ тетушки, которая, сколько замѣтно, ихъ искренно любитъ и во всѣхъ отношеніяхъ бережетъ. Анночку видѣла только одинъ разъ; она живетъ далеко, да и Варвару Васильевну я почти совсѣмъ не знаю, но полагаю, что и ей жить хорошо. Володя у Мичурина какъ дома; два раза я водила къ нему Юленьку въ гости и, сколько я могла замѣтить, его въ домѣ ни въ чемъ не отдѣляютъ отъ собственныхъ дѣтей. Ванечка все тотъ же, проводитъ время въ играхъ, веселъ и здоровъ. Юленька наша также здорова и про нее я могу съ Вами говорить нѣсколько поподробнѣе, имѣя ее безпрестанно подъ глазами. Добрая и прекрасная дѣвочка наша Юленька. Это правда, жива до чрезвычайности, но послушна, а о капризахъ и рѣчи нѣтъ. Вотъ росписаніе ея занятій во всѣхъ подробностяхъ. Встаетъ она въ 8 часовъ вмѣстѣ съ — —[1]), потому что спитъ съ ней въ одной комнатѣ, завтракаетъ съ нею же. Въ 10 часовъ сходятъ внизъ къ чаю и пьютъ чай вмѣстѣ съ нами. Въ одиннадцать Юленька отправляется къ Марьѣ Алексѣевнѣ [2]) и шьетъ, или лучше сказать учится шить до 12-ти. Потомъ приходитъ ко мнѣ, гдѣ ее ожидаетъ тетрадь и карандашъ, и пишетъ она часа полтора. Послѣ того спускается въ послѣдній этажъ къ тетенькѣ [3]), которая заставляетъ ее читать и учиться наизусть для лучшаго произношенія русскаго языка. Обѣдаетъ съ нами, послѣ обѣда до 8 часовъ вяжетъ чулокъ, отъ 8 до 9 бѣгаетъ и играетъ, въ 9 часовъ ужинаетъ вмѣстѣ съ нашей маленькой [4]) и съ ней же вмѣстѣ уходитъ спать. Съ людьми она не имѣетъ никакихъ сношеній и потому надоѣдать имъ никакъ не можетъ [5]). Не хочу Васъ увѣрять, что я не нахожу случая ее иногда побранить, — нѣтъ, браню я ее почти всякій день, но точно такъ, какъ бы я бранила моего собственнаго ребенка, и больше всего за ея чрезмѣрную *ажитацію*, и иногда за ея вѣтренность и суетливость. Но вѣдь ей 8 лѣтъ и совершенства отъ нея требовать невозможно. Я не понимаю тоже, за что она у васъ дома прослыла лѣнивой. Она не только не лѣнива, но чрезвычайно любитъ учиться всему и хотя иногда мало старается дѣлать успѣхи, но не любитъ сидѣть сложа руки. Вообще, она добрый и повадливый ребенокъ, и надо взять въ соображеніе и то, что ей трудно привыкнуть вдругъ къ тому, что по нашему мнѣнію необходимо въ хорошо воспитанномъ ребенкѣ: напримѣръ, держаться прямо, ходить порядочно, говорить тихо и ясно, и милліонъ маленькихъ вещей, ничего не значащихъ для спасенія души, но необходимыхъ въ свѣтѣ. — Все это придетъ понемножку. Скоро начнемъ ариѳметику, катихизисъ и священную исторію. Не думаю, чтобъ она была помѣщена въ институтъ ранѣе 10 лѣтъ, надо ее немножко приготовить. Вообще, будьте совершенно по-

[1]) Неразборчиво написано какое-то, по видимому произвольно составленное, имя, которымъ въ ласковомъ и шутливомъ семейномъ разговорѣ называли дочку князя и княгини Трубецкихъ, Дашеньку.

[2]) Княгинѣ Трубецкой.

[3]) Лизаветѣ Никитичнѣ Пещуровой.

[4]) Дочкой княгини.

[5]) Это, очевидно, отвѣтъ на то, что Николай Александровичъ написалъ по совѣту, который далъ ему Василій Ивановичъ въ письмѣ отъ 3 сент.

койны на ея счетъ, она намъ не въ тягость и я думаю, что и она съ своей стороны не можетъ ни на кого жаловаться. Прощайте, Николай Александровичъ; будьте спокойны и здоровы. Не хотите ли, чтобъ я другой разъ Вамъ писала по-французски? И Вы будете ко мнѣ писать по-французски,—это будетъ для Васъ случай изучать языкъ.

Любящая и уважающая васъ Софья Пальчикова.

Юленька вамъ кланяется и обнимаетъ Васъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

14 октября 1854 года.

Цѣлый мѣсяцъ ждалъ я отвѣта на мое письмо отъ Васъ, моя милая тетенька, или хоть отъ тебя, братъ Михаилъ Ивановичъ. Наконецъ, увѣрившись, что Вы не получали совсѣмъ моего письма (иначе Вы бы отвѣтили), рѣшаюсь писать снова съ повтореніемъ той же покорной, родственной просьбы, увѣдомить меня, хоть въ короткой записочкѣ, о томъ, какъ живутъ мои сестры. Если, наконецъ, я потерялъ уже ваше родственное расположеніе (въ чемъ, къ сожалѣнію, убѣждаетъ меня каждый день безплоднаго ожиданія писемъ отъ васъ), то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ, не *препятствуйте* Ниночкѣ написать ко мнѣ иногда... Хоть добрые люди и увѣдомляютъ меня въ въ отсутствіе Василія Ивановича о положеніи дѣлъ, но все это изъ другихъ и третьихъ рукъ.... Напримѣръ, пишутъ мнѣ Александръ Ивановичъ Щепотьевъ, Мих. Флор. Грацинскій,—что же могутъ они знать обстоятельнаго? Вчера письмо Софьи Алексѣевны порадовало меня свѣдѣніями объ Юленькѣ... Объ *Анночкѣ* никто ничего не пишетъ... Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что всѣмъ дѣтямъ хорошо, особенно же тѣмъ, которые у родныхъ... Я знаю, что и Вы [1]), и тетенька Варвара Васильевна имѣете весьма доброе и чувствительное сердце, и *безпомощное, жалкое* положеніе сиротъ не можетъ не возбуждать Вашего сострадапія... Для нихъ, собственно для нихъ можете Вы сдѣлать многое, и вѣрно любовь къ нимъ не уничтожилась въ Васъ вмѣстѣ съ любовью ко мнѣ... А увѣренный, что Ваше необъяснимое нерасположеніе ко мнѣ лично не можетъ простираться на моихъ сестеръ и братьевъ,—я спокоенъ съ этой стороны. Я лишился любви материнской и отцовской и вѣдь переношу же свою судьбу. Послѣ этого, что бы ни случилось, мнѣ не будетъ хуже теперешняго. Не смѣю отягощать Васъ, говоря о моихъ страданіяхъ, *которымъ Вы, конечно, не повѣрите, и спѣшу кончить*, прося Васъ на будущее время не оставить меня Вашимъ расположеніемъ и объяснить, хотя посредственно, если уже я не достоинъ нѣсколькихъ строкъ Вашей руки, причину Вашего внезапнаго *нерасположенія и холодно-*

---

1) „Вы“ здѣсь и далѣе относится ужъ къ одной Фавстѣ Васильевнѣ.

сти. Увѣряю Васъ, что если я виноватъ, то, узнавши вину свою, всѣми силами постараюсь *ее загладить* [1]).

Любящій васъ, какъ и всегда, почтительный племянникъ

Н. Добролюбовъ.

P. S. Извините меня, прошу Васъ, за небрежность этого письма. Я теперь такъ занятъ, что не имѣю времени вновь переписать его на чистой бумагѣ [2]).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

14 сентября 1854 г.. [3]).

Ниночка, милая Ниночка! поживши теперь въ чужомъ, хоть и въ родномъ домѣ, ты, я надѣюсь, можешь понимать меня... Надѣюсь, что ты не разлюбишь, не забудешь меня, своего роднаго, кровнаго брата... Надѣюсь, что ты не оставишь и остальныхъ сестеръ и братьевъ... Теперь, моя милая, я и ты—мы должны другъ друга поддерживать и утѣшать, другъ о другѣ заботиться... Только заботы эти должны быть совершенно различныя... Я тебѣ не писалъ, не утѣшалъ тебя, потому что я зналъ, что это не нужно, это безполезно... Я самъ плюнулъ бы въ глаза тому, кто сталъ бы въ это время предлагать мнѣ какія нибудь пошлыя увѣщанія и утѣшенія... Наша горесть глубока, неутѣшна, неисцѣлима... Но я заботился о тебѣ много, много... Можетъ быть, мои заботы пропадутъ даромъ, но можетъ быть, что онѣ и будутъ имѣть успѣхъ... Я еще доселѣ не теряю надежды, хоть, правду говоря, дѣло наше очень мало подвинулось, и это именно оттого, что я не могъ дѣйствовать положительно и основательно, не зная сначала ничего о нашихъ дѣлахъ. Я бы написалъ все подробно, но... ты, душенька, не поймешь, и притомъ эти вещи пишутся только тогда, когда дѣло совершенно окончено. По крайней мѣрѣ я такъ дѣлаю... Такъ видишь, моя милая, что я тебя не позабылъ здѣсь... А ты меня забыла... Я получилъ твое письмо 23 сентября и не отвѣчалъ на него, потому что 17-го послалъ къ Вамъ уже письмо и ждалъ на него отвѣта. Отвѣта не было; письмо, вѣрно, не получено, и я снова пишу и говорю тебѣ, что ты много, много утѣшишь меня и облегчишь мое горе. Это вотъ какъ, я тебѣ разскажу.

Со смертью папаши и мамаши, ты и всѣ маленькіе потеряли людей, которые васъ могли воспитать, содержать, выучить, выдать замужъ и пр. Вмѣстѣ съ ними вы потеряли средства для жизни... Если бы добрые люди не пріютили васъ, вамъ бы нужно идти по міру. Ты

---

[1]) Слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты карандашемъ; подчеркнулъ ихъ, вѣроятно, Михаилъ Ивановичъ, для того, чтобы отвѣчать на нихъ.

[2]) Это относится къ тому, что нижній уголъ третьей страницы листа нѣсколько замаранъ чернилами и отъ него замаранъ—но еще меньше—нижній уголъ 2-ой страницы, въ томъ мѣстѣ, которое ложилось на него, когда листъ складывался.

[3]) „Сентября" описка; слѣдуетъ читать „октября".

это понимаешь, я думаю. Теперь забота любящаго брата—доставить Вамъ средства, какія возможно... И, будь увѣрена, я это сдѣлаю... Если не нынѣ, то черезъ два, три года... но вы всѣ найдете во мнѣ помощника въ жизни... Я самъ, напротивъ, со смертью нашихъ милыхъ не потерялъ ничего, въ матеріальномъ отношеніи, въ жизни Я и теперь точно также могу жить, учиться, кончить курсъ, какъ и при папашѣ. Маленькія лишенія отъ недостатка денегъ ничего для меня не значатъ. Да я, притомъ, могу доставать деньги своими трудами и скоро буду доставать. Слѣдовательно, потеря моя именно сердечная... Теперь не осталось у меня въ свѣтѣ людей, которыхъ бы я любилъ совершенно довѣрчиво, безкорыстно, безотчетно, такъ какъ я любилъ нашего Ангела святаго, нашу Мамашу. Нѣтъ теперь человѣка, которому бы съ совершеннымъ довѣріемъ, съ любовью и съ надеждой встрѣтить ту же любовь могъ я передать свои чувства, свои мысли, какъ дѣлалъ я бывало съ отцомъ и съ матерью. Теперь все, что у меня на сердцѣ, такъ и остается на сердцѣ. Я какъ будто въ могилѣ: некому сказать про свое горе, некого спросить о томъ, что мучитъ душу... никто теперь не приласкаетъ, не приголубитъ меня. Всѣ на меня или сердятся, или смѣются надо мной, или, просто, отходятъ прочь... Сестры и братья еще слишкомъ малы, чтобы мнѣ съ ними мѣняться мыслями и чувствами. Но, можетъ быть, ты выросла (Софья Алексѣевна [1]) пишетъ, что ты въ самомъ дѣлѣ выросла)... Будь же ты моей утѣшительницей, моей милой, доброй сестрой; люби меня откровенно и простодушно; разсказывай мнѣ всѣ пустяки и мелочи своей жизни; пусть наши сердца будутъ родными сердцами. Пиши ко мнѣ часто, какъ можешь, какъ умѣешь.... Не давай другимъ сочинять писемъ, какъ то письмо, которое я получилъ отъ тебя въ послѣдній разъ, а пиши собственно сама отъ чистаго сердца, ничего не тая, ничего не убавляя и не прибавляя, пиши мнѣ: «ты», а не «Вы», какъ прежде. Сначала ты напишешь, можетъ быть, безсмыслицу, но потомъ, черезъ два, три письма привыкнешь... И если ты любишь меня, то письма твои будутъ хороши. Ничто въ мірѣ не можетъ сравниться съ нѣжными письмами Мамаши, а кто ее училъ?., Она только умѣла любить, и любовь подсказывала ей выраженія... Пиши же ко мнѣ, моя милая, пиши обо всемъ... Если можешь, попроси тетеньку [2]) писать ко мнѣ. Богъ знаетъ, за что на меня сердятся... Ну, да Богъ съ ними... Я ихъ люблю всѣхъ за то, что они васъ любятъ. Этого довольно. Но прошу тебя, Ниночка, если меня любишь, старайся не быть ни кому въ тягость; будь умна, послушна, кротка, терпѣлива. Прошло для тебя золотое время, настало серебряное безъ Мамаши, теперь уже мѣдное безъ Папаши... Бойся, можетъ придти желѣзное... Прощай, милая. Поцѣлуй и приласкай за меня Катю [3]) и Ваню. Напомни имъ объ ихъ бѣдномъ, одинокомъ на чужбинѣ братѣ.

Н. Добролюбовъ.

---

1) Пальчикова.

2) Фавсту Васильевну, у которой жила Антонина Александровна.

3) Въ этомъ мѣстѣ, лоскутокъ бумаги вырванъ; письмо было сложено въ маленькій форматъ, запечатано облаткой и съ надписью „Антонинѣ Александровнѣ“

ПИСЬМО КНЯГИНИ МАРЬИ АЛЕКСѢЕВНЫ ТРУБЕЦКОЙ.

15 октября 1854 г.

Добрый и милый Николай Александровичъ!

Очень, очень много благодарю Васъ за столь доброе письмо Ваше; очень оно меня порадовало; и я бы тотчасъ на него отвѣчала, если бы не ждала князя съ часу на часъ и отъ этого была въ такомъ волненіи и безпокойствѣ, что рѣшительно не могла склеить двухъ порядочныхъ мыслей. Хотя онъ еще не пріѣхалъ, но я получила по крайней мѣрѣ меня успокоивающее [1]) на счетъ его здоровья—и то слава Богу! Не безпокойтесь, ради Бога, на счетъ нашихъ отношеній съ Вашими родными; они остаются по прежнему прекрасными; дядюшка Вашъ, дѣйствительно, перемѣнилъ распоряженіе князя, но, оно кажется, теперь вышло къ лучшему, потому что Огородникова отсюда перевели, а Терскій остается; жалко только, что дешево отдали [2]), но дядюшка Вашъ говоритъ, что они [3]) поправили все хорошо на свой счетъ; что жь дѣлать, на этотъ годъ и этого довольно, а на будущій, что Богъ дастъ. Будьте покойны, совершенно покойны, ничего [4]) не заставитъ насъ перемѣниться къ Вамъ и къ Вашимъ братьямъ и сестрамъ. Они всѣ, слава Богу, здоровы; Юленька ходитъ къ тетенькѣ Фавстѣ Васильевнѣ по воскресеньямъ. Она милая и умненькая дѣвочка, любитъ учиться и заниматься. Не безпокойтесь о томъ, какъ она съ нашими людьми: она съ ними никогда не бываетъ [5]). Она спитъ возлѣ меня съ моей маленькой, встаетъ съ ней вмѣстѣ и завтракаетъ тоже вмѣстѣ въ моихъ глазахъ или подъ моими ушами, потому что ихъ дверь всегда отворена; какъ только я встаю, онѣ обѣ не выходятъ изъ моей спальни; идемъ мы вмѣстѣ чай пить внизъ, потомъ обѣ идутъ гулять съ Софьей Алексѣевной, потомъ Юленька у нея пишетъ, потомъ приходитъ ко мнѣ шить, это мой урокъ, потомъ у тетеньки читаетъ и учится [6]) басни, а послѣ обѣда они втроемъ съ Жоржемъ [7]) бѣгаютъ въ залѣ, все при насъ или съ нами, такъ что она до людей совершенно не касается, кромѣ Софьи Алексѣевны дѣвушки [8]), которой она поручена, потому что сестра особенно взяла туалетъ ея и ее самое подъ свое попеченіе.

вложено въ конвертъ письма къ Фавстѣ Васильевнѣ; при распечатываніи, облатка вырвала лоскутокъ бумаги; отъ слова „Катя" осталась только первая буква: но несомнѣнно, что тутъ слѣдуетъ читать: „Катю".

[1]) Пропущено слово „письмо" (или „извѣстіе"); должно читать: „получила по крайней мѣрѣ письмо, меня" и т. д.

[2]) Флигель.

[3]) Терскіе.

[4]) Разговорное употребленіе этой формы слова вмѣсто „ничто".

[5]) Княгиня, очевидно, отвѣчаетъ на тѣ же самыя слова Николая Александровича, на которыя ужь отвѣчала ея сестра Софья Алексѣевна въ письмѣ отъ 8 окт.

[6]) Разговорная форма слова, вмѣсто „учитъ басни" или „учится читать наизусть басни".

[7]) Сыномъ князя и княгини.

[8]) Разговорный оборотъ, вмѣсто: „дѣвушки Софьи Алексѣевны", то есть, горничной ея.

Юленька имѣетъ прекрасныя способности и хорошую память, она въ Васъ, жаждетъ науки и въ свободное время читаетъ *страстно*. О помѣщеніи ея [1]) я еще не имѣю никакихъ свѣдѣній; двоюродная сестра князя, княгиня Оболенская, обѣщала это устроить, но еще ничего нѣтъ сдѣланнаго. Вы хотѣли съ Вашей стороны разузнать о царскосельскомъ заведеніи; напишите, могли ли Вы это сдѣлать. Еще повторяю Вамъ, не безпокойтесь о Вашей или лучше сказать нашей общей, милой Юленькѣ. Мы ее всѣ любимъ и она начинаетъ очень привыкать; моя маленькая [2]) съ ней въ большихъ ладахъ, Юленька, кажется, тоже ее любитъ и онѣ играютъ вмѣстѣ какъ нельзя лучше. Мило видѣть сердце этого ребенка: ласковая [3]), чувствительная, въ высшей степени привязанная къ своимъ, при всякомъ случаѣ вспоминаетъ о вашихъ добрыхъ родителяхъ: *папата говорилъ то-то*, *мамаша любила то-то*. Славная природа, дай Богъ ей счастливаго развитія! Дядюшка Вашъ былъ въ Лукояновѣ и явился сегодня женатый; завтра хотѣлъ привезти жену показать. Прощайте, мой добрый и любезный Николай Александровичъ. Я очень рада, что Вы полюбили сестру Наталью Алексѣевну [4]) и она Васъ тоже очень любитъ. Пишите ко мнѣ, я Вамъ всегда аккуратно отвѣчать буду.

Любящая Васъ искренно

Кн. М. Трубецкая.

Характеръ Василія Ивановича достаточно виденъ изъ предшествовавшихъ писемъ его. Достаточно видны изъ нихъ и его отношенія къ Николаю Александровичу. Поэтому мы будемъ брать изъ слѣдующихъ его писемъ только наиболѣе важныя мѣста. Онъ постоянно отдаетъ племяннику очень подробный отчетъ въ своихъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ по опекѣ, завѣдываніе которою предоставили въ полную свободу ему Фавста Васильевна и П. И. Лебедевъ,—довѣріе, дѣлающее честь ихъ разсудительности.

Мы будемъ опускать мелочныя подробности его отчетовъ племяннику. Оговорокъ о содержаніи опускаемыхъ нами мѣстъ мы вообще не будемъ дѣлать, какъ не дѣлали и относительно выпусковъ въ предшествующемъ письмѣ. Довольно будетъ разъ навсегда сказать, что въ опускаемыхъ нами мѣстахъ обыкновенно излагаются подробности дѣйствій Василія Ивановича по управленію опекой и соображенія, которыми руководился онъ въ этихъ дѣйствіяхъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

19 октября 1854 г. Получено 24 окт.

Здравствуй, любезный Николенька! какъ ты поживаешь, какъ переносишь великія потери въ жизни? Мужайся, милый, стой крѣпко и вѣруй въ Бога! Нынѣ я былъ у Павла Ивановича [5]), онъ мнѣ казалъ твое письмо, въ которомъ ты высказываешь свое неудовольствіе на родныхъ, забывшихъ тебя; тутъ же сердишься и на меня:

---

[1]) Въ царскосельское училище.
[2]) Дочка, Дашенька.
[3]) Подразумѣвается „она“, то есть: она ласковая и д. д.
[4]) Галахову.
[5]) Лебедева.

съ 20-го августа по 21-е сентября я тебѣ посылалъ четыре длинныхъ, подробныхъ и обстоятельныхъ письма съ описаніемъ всѣхъ дѣйствій своихъ по управленію твоимъ домомъ и прочимъ имуществомъ; съ 23-го отправился въ Лукояновъ.— — Писать изъ Лукоянова я рѣшительно ничего не находилъ къ твоему утѣшенію. Зная хорошо твое расположеніе ко мнѣ, я не думаю, чтобы ты требовалъ отъ меня однѣхъ любезностей безъ дѣла; притомъ же въ Лукояновѣ я такъ занятъ былъ своимъ дѣломъ [1]), что рѣшительно не въ состояніи былъ писать, да и некогда было— —. Если ты на меня сердишься за неправильныя мои дѣйствія по твоимъ дѣламъ, еще разъ и въ послѣдній разъ умоляю тебя, упрашиваю и приказываю именемъ покойнаго папаши, не церемонься со мной: ты, я думаю, видѣлъ уже, какъ я преданъ вамъ ——; приказывай мнѣ, пиши безъ всякихъ ограниченій [2]): это не такъ, или же то-то сдѣлайте и прочее. Да слушай же, мой прекрасный, а то я на тебя разсержусь, если ты мнѣ не будешь приказывать. Ты Павла Ивановича просишь внести въ страховое общество деньги; я уже писалъ тебѣ, что о твоемъ дѣлѣ я забочусь не менѣе твоего: еслибы я думалъ пробыть въ Лукояновѣ далѣе 22 октября [3]), то — — написалъ бы ему [4]) оттуда о немедленной уплатѣ въ страховое общество денегъ; но я возвратился въ Нижній 17-го октября, и объ уплатѣ страховому обществу денегъ позаботился 18-го числа.— —.

Напрасно, дружочекъ, ты не пишешь тетушкамъ,—это поведетъ къ разъединенію твоему съ ними; — — напиши имъ — — , а причиной долгаго молчанія напиши разстроенное свое положеніе.

Учись, дружочекъ, съ любовью: наука тебя вразумитъ, разсѣетъ грусть и утѣшитъ. — — .

Въ послѣднемъ письмѣ, помнится, я тебѣ писалъ, что одной Ниночкѣ [5]) назначили пособіе въ 15 руб. сер. въ годъ; не знаю, писалъ [6]) я тебѣ въ немъ, что консисторія, по приказанію архіерея, отказала и въ этой пенсіи — —.

Я женился 4-го октября. Свадебное дѣло мое, послѣ нашихъ долгихъ и величайшихъ несчастій, хотя не было для меня весело, но за то пріятно и утѣшительно: я себѣ пріобрѣлъ добрую жену и отличную хозяйку — — .

Елена [7]) тебѣ кланяется и проситъ принять въ родство. — — .

Преданный тебѣ

В. Добролюбовъ.

---

[1]) Онъ ѣздилъ въ Лукояновъ жениться.
[2]) Оговорокъ, церемоній.
[3]) Очевидно, что срокомъ взноса этихъ денегъ было 22-е октября.
[4]) П. И. Лебедеву.
[5]) То-есть, только ей одной; о сестрахъ ея и младшихъ братьяхъ было рѣшено, что пособіе изъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія не нужно имъ, потому что имъ обѣщались давать пособіе прихожане.
[6]) Разговорный оборотъ, вмѣсто „писалъ ли“.
[7]) Имя супруги Василія Ивановича, Елены Ѳеоимовны.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

24 октября 1854 г.

Два мѣсяца дожидался я отъ Васъ письма, милая моя тетенька и добрый дяденька; но письма я не дождался, а вмѣсто того получилъ увѣдомленіе отъ Василія Ивановича, что «родные всѣ (такъ писалъ онъ) недовольны тѣмъ, что я не пишу къ нимъ»... Берусь теперь за перо, для того только, чтобы доказать Вамъ, что я рѣшительно не виноватъ въ томъ, что не писалъ къ Вамъ. Если Васъ это не интересуетъ, можете совсѣмъ не читать письма, больше Вы въ немъ ничего не найдете... Да и чтó могъ бы я написать Вамъ теперь въ моемъ положеніи?.. Слушайте же, мои добрые родные, т. е. прочитайте чтó я скажу Вамъ, если хотите знать, почему я не писалъ Вамъ... Если не хотите знать этого, бросьте письмо въ огонь и позабудьте о томъ несчастномъ, который писалъ его: онъ Вамъ не напомнитъ больше ни одной строчкой о своемъ горькомъ существованіи... Прощаясь съ Вами, я видѣлъ такую нѣжность, такую любовь, такую заботливость со стороны Вашей, моя добрая тетенька Варенька (какъ, бывало, позволялъ я себѣ называть Васъ), я видѣлъ такое расположеніе и состраданіе ко мнѣ и въ Васъ, дяденька, что былъ глубоко разстроенъ [1]) и во всю дорогу хранилъ воспоминаніе объ этомъ нѣжномъ прощаньи, радуясь, что у меня есть еще родные, которые меня искренно и нѣжно любятъ... Съ этими чувствами пріѣхалъ я въ Петербургъ, и, кажется, имѣлъ полное право думать, что мои родные, если уже утѣшали и успокоивали меня въ Нижнемъ, то никакъ не оставятъ, тѣмъ болѣе,—утѣшить меня здѣсь, на чужой сторонѣ, одинокаго, съ горькою думою, съ непонятной, странною мечтою, которая меня вездѣ преслѣдовала и о которой сейчасъ Вамъ скажу. Я думалъ, что черезъ нѣсколько дней, вспомнивши обо мнѣ, пошлютъ мнѣ письмо тѣ, кто меня любитъ, и словомъ живого участья и любви облегчатъ эту мучительную тяжесть, которая была у меня въ душѣ... Но писемъ не было: видно, я милъ былъ нѣкоторымъ, только пока былъ въ глазахъ; а вонъ изъ глазъ, вонъ и изъ сердца... Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ я тогда... И въ это-то время случилось со мною странное обстоятельство, которое заставило меня серьезно испугаться и думать, что я скоро сойду съума... Мнѣ вдругъ представилось то время, когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ... Все здѣсь было по прежнему; подъѣзжая къ Петербургу, я такъ же увидѣлъ мелькнувшіе предо мною Царское, Пулково; такъ же засіялъ предо мною исполинскій куполъ Исакія, тѣ же гранитные тротуары на Невскомъ; такъ же пестрѣетъ онъ вывѣсками и разнообразнымъ веселымъ народомъ, такъ же величаво и граціозно течетъ Нева въ своихъ гранитныхъ берегахъ... Все это какъ-то болѣзненно подѣйствовало на меня; потому, что я самъ былъ уже не тотъ. И какъ-то странно, неловко мнѣ было идти по этому великолѣпному городу, между этимъ веселымъ народомъ... Еще хуже было, когда я

[1]) Растроганъ.

появился въ Институтѣ: здѣсь встрѣтили меня съ распростертыми объятіями, съ радостными лицами,—всѣ, добрые, спокойные по прежнему. Все, все то же... А я... я... И вдругъ представилось мнѣ: почему же и мнѣ не быть тѣмъ же? И вздумалось мнѣ,—нельзя ли воротить того, что было?.. За этой странной мыслью послѣдовала еще болѣе странная мечта: я забылъ всѣ послѣднія событія, только воспоминанія дѣтства встали передо мной и заняли мое воображеніе,—и, наконецъ, я дошелъ до того, что сталъ сомнѣваться, умерли ли точно мать и отецъ мои?.. Я зналъ, что они умерли; но никакъ не могъ себѣ ясно представить этого... Все какъ-то думалось, что это былъ сонъ, обманъ и т. п. Однажды получилъ я отъ Василія Ивановича письмо, запечатанное папенькиною печатью: задрожавъ, распечаталъ я его, увидѣлъ руку Василія Ивановича и все-таки съ жадностью читалъ, что тамъ было написано, думая найти увѣдомленіе, что папаша живъ, мамаша здорова и пр. Получивши письмо, одинъ день я сознавалъ себя, но на другой день опять... Эта мечта ласкала меня, убѣждала... Иногда возвращался я къ дѣйствительности, и это возвращеніе было ужасно, какъ Вы можете себѣ представить. Я въ это время крайне нуждался въ поддержкѣ, въ убѣжденіи, что дѣйствительно мое бѣдствіе таково, каково оно есть... Доходило до того, что я боялся писать, боясь какъ нибудь проговориться, какъ нибудь всклепать на себя смерть родимыхъ, которые еще, можетъ быть, живы... Рѣдки были въ первое время минуты просвѣтленія, и въ это время я горько плакалъ,—уже не о томъ, что лишился отца, а о томъ, что я скоро сойду съ ума и не буду въ состояніи жить для счастья сестеръ моихъ... Тогда я размышлялъ, и чѣмъ болѣе припоминалъ себѣ то, какъ я велъ себя при гробѣ отца, тѣмъ болѣе убѣждался, что я близокъ къ сумасшествію... Эта горесть безмолвная, холодная, безъ слезъ, безъ жалобъ—ужасала меня... Подумайте обо всемъ этомъ, и рѣшите, могъ ли я писать къ Вамъ, когда первое слово искренняго горя, выраженное въ письмѣ моемъ, неминуемо разразилось бы потомъ дикими воплями отчаянія и скоро превратилось бы въ неразумный горячечный бредъ? Я чувствовалъ, что мнѣ нужно или крѣпиться до конца, не говоря ни слова, или—если я начну—то нужно было все позволить себѣ: я зналъ, что съ перваго слова я не выдержу.

А между тѣмъ какъ бы отрадно, легко и прекрасно было въ это время слово любви искренней, непритворнаго участья, отъ тѣхъ, кого я любилъ и въ комъ не сомнѣвался!.. Два—три письма отъ родныхъ—и я бы вдвое, втрое меньше чувствовалъ этой разрушительной тоски, впятеро больше бы плакалъ, и въ десять разъ меньше таилъ въ себѣ.

И такъ, до сихъ поръ я не могъ писать,—увѣряю Васъ въ этомъ... Если я и писалъ къ другимъ,—то что же это было?.. Дѣловыя записки, вопросы о томъ, что мнѣ нужно, фразы учтивости и приличія... Еслибы къ Вамъ прислалъ я такое письмо, Вы бы въ правѣ были обидѣться на мою холодность. А вспомните—хоть Вы про себя, что Вы чувствовали и дѣлали, когда умеръ отецъ Вашъ? Вспомните и подивитесь, что я еще умѣлъ такъ переносить до сихъ поръ

мое горе... До сихъ поръ, а что дальше?.. Не знаю... Отецъ мой пять мѣсяцевъ переносилъ,—и находились люди, которые говорили, что онъ ни мало не жалѣетъ жены... и эти люди были родные!...

Жду отъ Васъ письма [1])

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ И ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

(*Письмо къ Михаилу Ивановичу*).

1 ноября 1854 г.

Измѣняю всегдашнему своему правилу—никогда не поддаваться первому порыву чувства и пишу къ вамъ, мои добрые родные, тотчасъ по полученіи вашего письма. Этотъ листокъ назначается для тебя, любезный другъ Михаилъ Ивановичъ.

Признаюсь,—твоя доля въ этомъ послѣднемъ письмѣ глубоко поразила, огорчила и оскорбила меня... Сколько въ немъ обвиненій, ложныхъ мнѣній, недовѣрчивости. Ты подозрѣваешь меня въ чемъ-то ужасномъ и стараешься выдумать самыя странныя вещи для объясненія самыхъ простыхъ обстоятельствъ.

Прежде всего ты стараешься доказать мнѣ, что вы добры и хороши;—да развѣ я когда нибудь сомнѣвался въ этомъ, развѣ я подалъ тебѣ поводъ сомнѣваться въ моихъ расположеніяхъ?.. Кажется, нѣтъ.

Потомъ, ты не хочешь вѣрить тому, что я писалъ къ вамъ въ половинѣ сентября. Это такое подозрѣніе, котораго я никогда не ожидалъ отъ тебя. Кажется, ты хорошо зналъ меня и могъ понимать, что я не способенъ на такія выдумки. Я могъ не писать, могъ быть неаккуратнымъ, виноватымъ, пожалуй... Но унизиться до лжи, сдѣлаться гадкимъ до того, чтобы такой пошлой выдумкой оправдывать свое молчаніе—это уже слишкомъ!.. Вмѣсто того, чтобы взводить такую горькую нелѣпость на меня, ты бы лучше сдѣлалъ, справившись о письмѣ на почтѣ: можетъ быть, я не совсѣмъ полно прописалъ тогда твой адресъ.

Продолжая далѣе, ты говоришь, что вы приписали мое молчаніе тому, что я сердитъ, а сердитъ за то, что дѣти у васъ, а не у Александры Максимовны [2]). Что мнѣ сказать на это? Предположеніе ваше до того странно,—чтобы не сказать болѣе,—что мнѣ кажется, довольно тебѣ подумать о немъ и самъ ты отъ него тотчасъ откажешься... Слава Богу, ты не маленькій, не первый день меня знаешь и не имѣешь, кажется, права считать меня совершеннымъ дуракомъ.

Ты обижаешься тѣмъ, что я прошу Ниночку писать ко мнѣ самое... Напрасно ты отыскиваешь для этого какія-то темныя причины. Причина очень простая: я еще въ тотъ годъ получилъ отъ Ниночки

---

[1]) Это письмо три недѣли пролежало на почтѣ и только 21 ноября дошло до Варвары Васильевны.

[2]) Прутченко, супруги Бориса Ефимовича Прутченко, бывшаго тогда предсѣдателемъ нижегородской казенной палаты.

однажды письмо, которое меня очень обрадовало, такъ оно было написано хорошо для нея, такія братскія [1]) чувства были въ немъ выражены... я восхищался,—и вдругъ, представь себѣ мое удивленіе, горесть, досаду, когда, пріѣхавши въ Нижній, я увидѣлъ въ другихъ бумагахъ это самое письмо, писанное вчернѣ рукою Михаила Алексѣевича. Такія разочарованія слишкомъ горьки, и непріятно подвергаться имъ два раза...

Наконецъ, ты пробуешь увѣрить меня, что матеріальное состояніе нашего семейства очень хорошо, что мы не должны называться бѣдными и пр. Можетъ быть, говоря это, ты имѣлъ намѣреніе утѣшить меня,—благодарю, но прошу впередъ не представлять мнѣ такихъ утѣшеній, которыя, конечно, не могутъ имѣть своего дѣйствія, потому что я не двухлѣтній мальчикъ и хорошо понимаю всю тяжесть, всю горесть, всю безвыходность положенія нашихъ дѣлъ въ матеріальномъ отношеніи. Если все останется въ настоящемъ положеніи, то черезъ три года мои сестры будутъ имѣть уже неотъемлемое (даже твоею хитрою логикою) право назваться нищими невѣстами или запереться въ монастырь послушницами...

Вотъ мой отвѣтъ на тѣ пункты, которые ты представилъ мнѣ въ твоемъ письмѣ. Ты еще говоришь: «Насъ всѣ спрашивали, не получили ли мы письма отъ тебя; и всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ,—нѣтъ». Это для меня совершенная новость... Я не воображалъ, чтобы по смерти матери и отца я могъ интересовать еще кого нибудь своею жалкою личностью. Не могу придумать, что это за сострадательныя сердца хотѣли знать о моей участи!!..

Но—пусть же они узнаютъ теперь, что вы получили письмо и изъ него ничего не узнаете обо мнѣ. Я уже не могу писать такъ открыто и довѣрчиво, какъ прежде, и особенно къ вамъ, къ тебѣ... Я храню письма, которыя писалъ ты ко мнѣ по смерти моей матери; я помню, что ты говорилъ мнѣ лично, касательно моей тоски по матери и даже по отцѣ, когда эта тоска была еще такъ недавня... Ты имѣлъ жестокость смѣяться надо мною, не вѣрить мнѣ, сравнивать мои страшныя бѣдствія съ твоими мелкими непріятностями, состоявшими въ твоихъ капризахъ. У меня сердце повернулось, когда ты говорилъ мнѣ это и во всю жизнь мою не забуду я того, какъ принялъ мою, самую глубокую, самую искреннюю горесть одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ... И вотъ тебѣ (скажу, наконецъ) настоящая причина моего долгаго молчанія... Истинное чувство боится всего болѣе насмѣшки... Въ письмѣ моемъ въ первое время не могло не прорваться горькое чувство; а отъ тебя я ждалъ обыкновенной насмѣшки. Вотъ почему мѣсяцъ я не писалъ къ вамъ (до 16 сент.), да и тамъ писалъ, кажется, очень немного, очень умѣренно. Прости меня за эту непріятную правду, какъ я простилъ тебѣ твою неправду противъ меня.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Вмѣсто сестринскія,—неправильность выраженія, оставшаяся неисправленной по недосмотру.

(*Письмо къ Фавстѣ Васильевнѣ*).

2 ноября. Спб.

Вчера получилъ я драгоцѣнное письмо Ваше, милая моя тетенька, и вчера же было началъ отвѣчать, но не успѣлъ кончить. Нынѣ пишу къ Вамъ, а вчера написалъ къ Михаилу Ивановичу.

Простите меня за долгое молчаніе; я виноватъ, я ошибался въ Вашихъ чувствахъ, и чувствую, что тяжело оскорбилъ Васъ своимъ послѣднимъ, нецеремоннымъ письмомъ. Но могъ ли я не поколебаться, могъ ли не усомниться въ Васъ, два мѣсяца безплодно ожидая отъ Васъ хоть одной, отрадной для меня, строчки?.. Вы сами ждали отъ меня письма: да что же я сталъ бы писать Вамъ?... Не гораздо ли больше дорогого, близкаго сердцу, успокоительнаго, отраднаго могли сообщить Вы мнѣ, нежели я Вамъ?...Повѣрите ли,— Ваше письмо, произведши на меня впечатлѣніе очень трогательное и грустное, вмѣстѣ съ тѣмъ повѣяло на меня чѣмъ-то материнскимъ... Я вспомнилъ... но не буду говорить, о чемъ я вспомнилъ... Что тратить слова понапрасну?..

Вы такъ нѣжны, такъ трогательно высказываете Вы свои чувства, что въ мигъ разсѣялись всѣ мои опасенія въ Вашемъ нерасположеніи и мнѣ хотѣлось бы теперь же броситься въ Ваши объятія, облить моими слезами Ваши руки... Благодарю, отъ всей души благодарю Васъ за эти отрадныя минуты, которыя испыталъ я, можетъ быть послѣ долгаго времени, при чтеніи Вашего письма... Увѣряю Васъ всѣмъ, чѣмъ хотите,—никогда не переставалъ я любить Васъ въ глубинѣ души своей, никогда не терялъ я увѣренности, что Вы, по сердцу и по родству, всѣхъ ближе къ нашему семейству... Я думалъ въ послѣднее время, что Вы на меня сердиты и причину объяснялъ, признаюсь Вамъ, довольно глупо. Въ первомъ письмѣ моемъ я писалъ Вамъ о своихъ дѣлахъ и хлопотахъ и потомъ прибавилъ просьбу, что Вы не сказывали объ этомъ Лебед. [1]) Не получая отъ Васъ отвѣта, я подумалъ, что Вы обидѣлись на это. Теперь вижу, что причина Вашего молчанія была другая... Я же, повѣрьте, всегда любилъ Васъ и думалъ о Васъ, хотя и далъ Вамъ поводъ думать, что позабылъ Васъ... Но, право, я не считалъ свое письмо стоющимъ такъ много, не придавалъ ему никакого значенія и думалъ, что для Васъ все равно, получить ли письмо отъ меня или узнать отъ Василія Ивановича или отъ Трубецкихъ, что я *живъ*... Болѣе этого я, кажется, ничего о себѣ не сообщалъ никому, да и не намѣренъ сообщать...

О дѣлахъ моихъ [2]) тоже нельзя писать прежде времени. Богъ зна-

---

[1]) Павлу Ивановичу Лебедеву. Опека надъ сиротами была поручена тремъ лицамъ: Василію Ивановичу Добролюбову, Фавстѣ Васильевнѣ, протоіерею П.И. Лебедеву.—Василій Ивановичъ и Николай Александровичъ хотѣли хлопотать объ облегченіи долговъ, лежавшихъ на домѣ, не стѣсняясь тѣмъ, понравятся ль Іеремія хлопоты ихъ; протоіерей Лебедевъ опасался предпринимать что нибудь безъ его предварительнаго одобренія.

[2]) О томъ, что̀ онъ предпринимаетъ для облегченія положенія сестеръ и братьевъ.

етъ, будетъ ли успѣхъ... Скажу только, что хотя Михаилъ Ивановичъ и говоритъ, что мы не бѣдны и ни въ чемъ не нуждаемся, но мнѣ кажется напротивъ, и я старался хлопотать здѣсь о пособіи для сиротъ... Одинъ изъ значительныхъ людей въ синодѣ [1]) наконецъ взялся за наше дѣло и написалъ объ этомъ письмо къ преосвященному Іеремiи, сказавши мнѣ, впрочемъ, заранѣе, что не ручается за успѣхъ, потому что преосвященный Іеремія человѣкъ очень капризный и большой оригиналъ... Не знаю, что отвѣтитъ преосвященный... Всѣ подробности моихъ хлопотъ, очень тяжелыя, пропускаю, какъ не могущія нисколько занять Васъ.

Я очень радъ, что Вы довольны дѣтьми... [2]) Я такъ и ожидалъ, что они будутъ лучше, чѣмъ прежде, подъ Вашимъ призоромъ... Мое ожиданіе исполнилось, и слава Богу. Недавно получилъ я письмо отъ Александры Максимовны, на которое хотѣлъ еще вчера отвѣчать, да не успѣлъ. Здѣсь [3]) она тоже пишетъ, что дѣти спокойны и веселы. Меня чрезвычайно радуетъ эта заботливость, это нѣжное вниманіе, которымъ окружаютъ нашихъ дѣтей. Благодарности моей нѣтъ предѣловъ...

Къ дѣтямъ теперь я ничего не пишу, потому что и времени нѣтъ (и то ужь два дня это письмо не отослано) и притомъ нечего писать къ нимъ: я увѣренъ, что Вы сами сообщите мнѣ все, что нужно. Но все-таки я прошу Васъ, заставляйте Ниночку и Катеньку писать ко мнѣ: я очень благодаренъ имъ за эти письма, которыя онѣ написали ко мнѣ въ послѣдній разъ. Надѣюсь, что и впередъ онѣ исполнятъ мою просьбу—писать самимъ. Это мнѣ будетъ пріятно, потому что тогда я буду знать, что получилъ письмо отъ сестры, а не отъ кого нибудь другого... какъ бывало прежде.

Прошу Васъ, поклонитесь отъ меня тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ и дяденькѣ Лукѣ Ивановичу и скажите имъ, что я писалъ къ нимъ 23 окт. [4]) Получили ли они?.. Странно также, что я не имѣю отвѣта отъ Василія Климыча Мичурина [5]). Изъ письма Ниночки я увидѣлъ, что письмо мое имъ получено и даже читано было Вами. Въ другой разъ—я не знаю, что писать ему. Когда увидите Володю, Анночку, Юленьку [6]),—скажите, что я ихъ люблю и помню и поцѣлуйте за меня; Ваню тоже.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Карасевскій, бывшій тогда директоромъ Духовно-учебнаго управленія.

[2]) Фавста Васильевна говорила, вѣроятно, въ частности о тѣхъ изъ „дѣтей“ (какъ называетъ Николай Александровичъ своихъ сестеръ и младшихъ братьевъ), которыя жили у нея; это были Антонина Александровна, Катенька и Ваня.

[3]) То есть, въ своемъ письмѣ.

[4]) Небольшая ошибка памяти: письмо къ нимъ помѣчено „24 окт.“, а не 23.

[5]) Который взялъ къ себѣ на воспитаніе Володю, старшаго изъ братьевъ Николая Александровича.

[6]) Анна Александровна жила у Варвары Васильевны, Юленька у княгини М. А. Трубецкой.

ПИСЬМО КНЯГИНИ М. А. ТРУБЕЦКОЙ.

Получено 12 ноября. 3 ноября 1854 г.

Доброе письмо Ваше я получила вчера, милый мой Николай Александровичъ, и спѣшу отвѣчать на него, видя сколь нуждаетесь Вы въ извѣстіяхъ о всѣхъ Вашихъ. Первый разъ какъ увижу Ниночку, непремѣнно побраню ее, что она Вамъ не пишетъ, она должна это дѣлать; тетеньку Вашу [1]) я давно не видала: вотъ ужь недѣли двѣ, что я никуда не выѣзжаю, отъ зубной боли совсѣмъ измучилась. Юленьку также мы никуда не выпускаемъ, потому что время сырое, холодное и недолго простудиться, такъ что отъ Вашихъ я ничего не знаю, кромѣ отъ Василія Ивановича, который дѣйствительно, кажется, Васъ очень любитъ. Но будьте покойны, я приведу это все въ извѣстность. Сестра Софья Алексѣевна мнѣ говорила, что Вы безпокоитесь на счетъ дома; пожалуйста, не хлопочите,—Вы знаете, я думаю, что князь назначенъ Вашимъ попечителемъ. Василій Ивановичъ съ своей стороны, кажется, очень аккуратенъ и деньги за оба срока страхованья внесены впору. Я ихъ сама отдала въ руки дядѣ Вашему и онъ при мнѣ ихъ вписалъ въ книгу. Очень понимаю я то, что Вы пишете о Вашемъ грустномъ расположеніи духа; знаю тоже то, что на это одно лекарство—время; кромѣ его, мнѣ кажется, нѣтъ вѣрнаго средства. Облегчить душу страдающаго можно, но на время; а какъ часто возвращаются минуты отчаянія, минуты сокрушающей тоски! Я сама перешла черезъ непостижимую, невыносимую скорбь; Вы это знаете, и помните, о чемъ я хочу говорить; были минуты отчаянія. Покойный батюшка Вашъ много мнѣ тогда помогалъ, и помогалъ не тѣми пустыми увѣщаніями, которыя считаютъ обязанностью говорить человѣку истерзанному страданіями, у котораго духъ возмущается и уши вянутъ, слушая хладнокровное изреченіе того, что онъ и безъ того знаетъ наизусть, и противъ чего возстаетъ все сердце: батюшка Вашъ ничего мнѣ подобнаго не говорилъ, онъ плакалъ со мною и говорилъ, что онъ чувствуетъ, что мнѣ такъ горько, что утѣшенія безполезны, а всетаки, говорилъ онъ, попробуйте помолиться, можетъ быть легче будетъ, да и притомъ надо думать, что всякій день уноситъ жизнь нашу, а съ ея концомъ и горю конецъ. Для меня оно было такъ; но все-таки и мнѣ было для кого жить, и Вамъ есть для кого жить и для кого учиться: въ Вашихъ рукахъ будущность братьевъ Вашихъ, даже нѣкоторымъ образомъ и сестеръ Вашихъ: Вашими связями, Вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ и ихъ судьба можетъ улучшиться. Скорбь Ваша велика, но она въ порядкѣ природы; дѣти должны переживать своихъ родителей; конечно, Вашимъ рано было Васъ покидать; но, можетъ быть, оно было суждено для того, чтобы Васъ поставить въ прямое столкновеніе съ жизнію; еще годъ, два, и Вы успокоитесь довольно, чтобы начать быть *самостоятельнымъ*; это должна быть Ваша главная цѣль; тяжело ея достигать, это я

[1]) Фавсту Васильевну.

чувствую, и повѣрьте, что, написавъ Вамъ эти строки, я боюсь ихъ перечитать, чтобъ онѣ мнѣ не показались невыносимо слабы и пошлы передъ глубокой горестью Вашей. Но Вы—мужчина, Вамъ нужна сила для борьбы; постарайтесь стряхнуть угнетающую Васъ скорбь; старайтесь работать усиленно, не давайте себѣ время на долгія и грустныя мысли, а какъ Вамъ захочется облегчить сердце, садитесь за перо и пишите мнѣ все, что у Васъ на душѣ, не бойтесь меня затруднить, не скрывайте Вашихъ мыслей и будьте увѣрены, что я всегда буду отвѣчать Вамъ съ дружескимъ участіемъ и съ желаніемъ чѣмъ нибудь утѣшить Васъ. Чтобъ сколько нибудь Васъ развлечь, разскажу Вамъ про Юленьку; она милая и смышленая дѣвочка, любознательная до чрезвычайности, и иногда дѣлаетъ такіе вопросы, что похожи на задачи. Тетенька Елизавета Никитична, которая до нея добра какъ ангелъ, учитъ ее священной исторіи; и когда дошло до потопу, то тетенька ей говоритъ, что люди такъ были преступны, что Богъ ихъ захотѣлъ наказать и потопить ихъ и всѣхъ животныхъ. «А животныхъ-то за что жь»? — сейчасъ спросила Юленька: «Чѣмъ же они были виноваты»? Тетенька очень была озадачена, но однако жь отвѣчала ей, что такъ какъ животныя были нужны для службы людей, то когда людей не стало, то и они сдѣлались безполезны. «А птицы»,—возразила Юленька»,—«какъ же онѣ могли утонуть? Вѣдь онѣ могли подняться выше воды, да онѣ и не служатъ людямъ». Что тетенька отвѣчала, ужь не знаю, но знаю, что она не знала какъ выгодно разсуждать съ такимъ аргументалистомъ. Вы разсмѣетесь навѣрно, и вотъ и мнѣ минута кончить. Прощайте, любезный Николай Александровичъ; если Вы слишкомъ сгрустнете, думайте о несчастныхъ нашихъ севастопольцахъ: сколько несчастій! Баронъ Дельвигъ [1]) раненъ, но еще не знаютъ какъ; Александра Борисовна въ Симферополѣ; хорошо, что она поѣхала. Христосъ съ Вами. Князь Вамъ кланяется. Пишите и будьте здоровы.

Княгиня Трубецкая.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*8 ноября 1854*).

Получено 13 ноября.

Ты, любезный Николенька, какъ будто бы опытный человѣкъ судишь о медовомъ мѣсяцѣ: мнѣ дѣйствительно трудно теперь выбрать время писать къ тебѣ большія письма, и особенно при нынѣшнихъ занятіяхъ по выборамъ, которые начнутся 10 декабря; и поэтому ты извини меня, если я до этого времени не соберусь писать къ тебѣ, разумѣется не имѣя въ виду интереснаго или необходимаго, а то тотчасъ же письмо мое полетитъ къ тебѣ——.

Да, я живу хорошо; Елена моя дѣйствительно добрая и нѣжная жена и я очень радъ своимъ жребіемъ женитьбы. Митрофанъ Ефимовичъ тебѣ кланяется——. Фавста Васильевна утихаетъ, продолжи пе-

[1]) Мужъ Александры Борисовны, дочери Бориса Ефимовича Прутченко.

реписку. А что Варвара Васильевна, она получаетъ ли отъ тебя письма? Объ этомъ всѣ такъ хлопочутъ [1]), и я тебѣ рѣшился напомнить, что для тебя извѣстно болѣе моего.

Княгиня [2]) со мной хороша очень.

Преданный тебѣ В. Добролюбовъ.

Елена тебѣ кланяется низко и проситъ пожалѣть себя [3]), и я тебя объ этомъ же прошу.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ И МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 17 ноября 1854*).

Любезный Николенька!

Ты не можешь представить себѣ, какъ твое письмо меня утѣшило; мы получили 8 числа его, оно замѣнило мнѣ любезныхъ сердцу папашу и мамашу твоихъ; они, бывало, этотъ день [4]) дѣлили вмѣстѣ съ нами. Какъ горька эта потеря!—я сколько разъ принималась плакать, и мы провели очень грустно и одиноко этотъ день; хорошо, что Варенька и Лука Ивановичъ къ вечеру пріѣхали и двѣ ночи ночевали у насъ; поэтому я и не отвѣчала тебѣ тотчасъ. Я очень рада, что ты меня не разлюбилъ совсѣмъ; повѣрь, Николенька, что родные всегда будутъ родными и поэтому не надо удаляться и скрывать свои чувства. Какъ можно тебѣ подумать, чтобъ я твои дѣла и стараніе о дѣтяхъ могла разсказывать чужимъ. Пожалуйста, не подозрѣвай меня въ этомъ, ты меня этимъ обидишь. Пиши ко мнѣ все, что ты дѣлаешь, какъ идутъ твои занятія по классу и успѣхи по дѣламъ—это меня будетъ радовать. Твои письма такъ мы часто читаемъ, что почти знаемъ наизустъ.—А мы живемъ пока слава Богу; дѣти у меня не теряютъ времени напрасно, всегда занимаются чѣмъ нибудь полезнымъ и поэтому меньше грустятъ, а Ванечка насъ утѣшаетъ своими забавами; его даже постояльцы всѣ безъ ума любятъ. Онъ часто собирается къ тебѣ, но только со мной. Онъ заочно тебя цѣлуетъ. Какъ будетъ дорóга за Оку, я съ нимъ поѣду къ Анночкѣ; мнѣ очень грустно оставлять его и на нѣсколько часовъ,—такъ онъ ко мнѣ привязанъ. Прошу тебя, Николенька, будь покоенъ на счетъ ихъ [5]): покуда они устроены всѣ очень хорошо, а тамъ, когда будутъ больше, то ты самъ пріѣдешь. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю увидѣться съ тобою. Учись, батюшка, оканчивай курсъ, а тамъ можно постараться объ должности

---

[1]) То есть: всѣ такъ сильно желаютъ получать отъ тебя письма.

[2]) Трубецкая.

[3]) Не разстраивать своего здоровья, отдаваясь печали; стараться о томъ, чтобъ одолѣть ее.

[4]) Это былъ день именинъ Михаила Ивановича.

[5]) Сестеръ и братьевъ.

въ Нижнемъ, и тогда съ помощію Бога будемъ общими силами стараться устраивать ихъ. Будь здоровъ и не забывай насъ.

Тетка твоя

Фавста Благообразова.

Мой другъ

Николай Александровичъ!

Письмо твое отъ 1 ноября мы получили 8 числа. Я увидѣлъ изъ него, что ты принялъ мои чувства не только [1]) дружески, но даже обидѣлся. Въ немъ я хотѣлъ высказать чувства особенной дружбы. Мы прежде жили съ тобой хоть и хорошо, все-таки не назывались друзьями. Тогда ты былъ молодъ. Теперь твои обстоятельства уравниваютъ года и я хотѣлъ быть тебѣ истиннымъ другомъ. Тебѣ легче бы было, зная, что въ Нижнемъ есть человѣкъ—все равно, что ты самъ. Вижу, что до этого не достигъ я, и можетъ быть не достигну. У насъ характеры разные. Если бы мы жили вмѣстѣ, то можетъ быть ты бы и узналъ меня.

Мое письмо не убѣдило тебя и твое [2]) тоже. Отвѣты я не признаю. Я бы могъ возражать опять, но это будетъ не дружба, а споръ. Спорить не для чего, когда не имѣли успѣха чувства.

Я въ прошедшій разъ писалъ тебѣ не для обиды тебѣ и не для того, чтобы только что нибудь написать, а по причинѣ, которую ты не хотѣлъ понять.

Правда, я много говорилъ въ видѣ укоровъ и наставленій, но повѣрь, что не хотѣлъ выставить себя больше и опытнѣе тебя; не хотѣлъ сдѣлать себя старымъ человѣкомъ въ родѣ наставника, но напрашивался въ друзья—на откровенность.

Ты высказываешь опасенія, что я на твои чувства отвѣчу насмѣшками. На это ничего не скажу. Понимай меня, какъ хочешь! Божба нынѣ не имѣетъ силы, а то я побожился бы самымъ страшнымъ образомъ, въ доказательство правдивости моихъ словъ.

Пиши къ намъ. Я буду соображаться съ твоими письмами, и избѣгну утѣшеній. Однимъ словомъ—буду писать, какъ и ты.....

Теперь позволь сказать одинъ совѣтъ. Мнѣ жалко видѣть, какъ ты обижаешь человѣка, котораго уважали твои родители. Можетъ быть и онъ обидѣлъ тебя своими письмами; прошу, прости его. Онъ это сдѣлалъ по добротѣ своей и по расположенію къ вашему семейству. Я говорю о Михаилѣ Алексѣевичѣ Костровѣ. Пожалуйста, напиши къ нему, тѣмъ болѣе, что онъ просилъ меня, когда я буду писать къ тебѣ, передать поклонъ.

Твой другъ

Михаилъ Благообразовъ.

17 ноября 1854 года.

---

[1]) По недосмотру, пропущено второе „не“; должно читать: „Не только не дружески.“

[2]) Подразумѣвается: „меня“.

P. S. Я было просилъ маменьку побольше оставить бумаги, но моя умственная машина скоро иступилась, и я остановился.

Скажу тебѣ новость.

Мы съ матушкою 14 числа ходили смотрѣть *театръ*, который упалъ лѣтомъ. Онъ будетъ готовъ къ Святкамъ. Собираюсь плясать въ немъ.

ПИСЬМО БОРИСА ЕФИМОВИЧА ПРУТЧЕНКО.

Нижній. 18 ноября 1854.

Съ 9 ноября, когда мы получили письма Ваши, мой добрый и любезный Николай Александровичъ, выискивали случай поговорить съ нашимъ владыкой о семейныхъ дѣлахъ Вашихъ и до сихъ поръ нѣтъ даже надежды, чтобы наше [1]) участіе не повредило Вамъ. Вы хорошо знаете нашего владыку; но онъ особенно ко мнѣ не благоволитъ послѣ защиты моей покойнаго Вашего батюшки, когда хотѣли дать ему [2]) помощника. Впослѣдствіи онъ [3]) убѣдился въ справедливости моихъ похвалъ искренно любимому и всегда — — [4]) доброму нашему Александру Ивановичу; даже пользовался онъ особою довѣренностью владыки; но ко мнѣ чувства этого владыки не измѣнились, и когда на другой день кончины Вашего батюшки я былъ у него и толковалъ съ нимъ о помощи семейству, онъ обѣщалъ общими фразами не оставить, а вслѣдъ за тѣмъ перевелъ [5]) неизвѣстнаго намъ священника безъ всякаго ограниченія въ пользу сиротъ. Съ такимъ начальникомъ толковать мнѣ нельзя и Вы избрали прекрасную дорогу черезъ посредство Якова Аникіевича. Вамъ остается продолжать начатое. Если и тутъ ожиданіе не сбудется, то намъ остается надежда на милосердіе Божіе: авось дадутъ намъ другого владыку, посговорчивѣе. Какъ бы то ни было, но Вы все-таки увѣдомьте насъ, что будетъ отвѣчать [6]) Якову Аникіевичу: это нужно намъ для соображенія въ будущемъ. Увѣдомляйте насъ о себѣ хотя изрѣдка. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ читали Ваши письма. Вы справедливо говорите, что молитва и вѣра въ Вашемъ положеніи только предохраняютъ отъ отчаянія, но не могутъ утѣшить, возвративъ Вамъ отца и мать. Совершенная правда. Но Вы забыли, что милосердый Богъ, распоряжая судьбою человѣка, все устроиваетъ къ лучшему. Развѣ мы можемъ предвидѣть, какія горькія испытанія предстояли Вашимъ родителямъ въ то самое время, когда Господь Богъ призвалъ ихъ къ себѣ. Можетъ быть, не разъ вознесли [7]) бы свои мольбы, чтобы взялъ ихъ въ могилу для избавленія отъ душевныхъ огорченій. Я твердо этому вѣрю, а по-

---

[1]) Борисъ Ефимовичъ говоритъ о себѣ и своей супругѣ.
[2]) Вашему батюшкѣ.
[3]) Владыка.
[4]) Слово, написанное неразборчиво.
[5]) Въ Никольскую церковь, на мѣсто Александра Ивановича.
[6]) Владыка.
[7]) Они вознесли бы.

тому мы должны благодарить Господа Бога за все случающееся съ нами. Не удивляемся Вашей меланхоліи и даже мизантропіи: эти чувства неразлучны съ мягкою, нѣжною душой. Но дать имъ собою овладѣть—вотъ ужъ это явное доказательство слабости характера; это будетъ похоже на готтентота, который всю жизнь свою проводитъ смотря на конецъ своего носа. Нѣтъ, и да будетъ надъ Вами благословеніе добрыхъ Вашихъ родителей, ожидающихъ найти въ Васъ поддержку своимъ сироткамъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, благодаря нашему правительству, успѣхами своими въ наукахъ и нравственными качествами Вы найдете покровителей; но въ повышеніи Вы будете обязаны Богу и самому себѣ. Не умѣю передать Вамъ, какъ намъ было пріятно читать въ письмѣ Александра Максимовича [1]) похвалы, высказанныя Вамъ при немъ; мы только перекрестились и благодарили Бога за Его великое вниманіе къ Вамъ. Не оставляйте посѣщать добраго Александра Максимовича; въ немъ Вы всегда найдете самую горячую, самую радушную готовность помогать, поддержать Васъ.

Всѣ Ваши здоровы и благополучны. Вчера была у насъ маленькая Юленька съ Софіею Алексѣевною Пальчиковою. Славная дѣвочка Юленька; играла съ нашими дѣтьми и оставалась до 10 часовъ вечера.

Христосъ съ Вами, мой любезный Николай Александровичъ! Жена моя кланяется Вамъ и благословляетъ Васъ вмѣстѣ со мною.

Всегда искренно Васъ любящій

Борисъ Прутченко.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРЫ МАКСИМОВНЫ ПРУТЧЕНКО.

19-го ноября 1854 года. Нижній-Новгородъ.

Вчерашній день не могла я писать къ Вамъ, мой милый и любезный Николай Александровичъ. Борисъ Ефимовичъ отправилъ свое письмо, а я отложила до лучшаго времени, когда могу свободнѣе побесѣдовать съ Вами, мой любезнѣйшій. Между тѣмъ, въ это короткое время случилось многое, близкое Вашему и моему сердцу, что необходимо передать Вамъ. И такъ, не отлагая, хочу описать Вамъ все подробно. Вы знаете, что еще при Васъ княгиня Трубецкая начала хлопотать о помѣщеніи Юленьки въ Царскосельское заведеніе, откуда еще отвѣта нѣтъ; но въ это же время хлопотали тоже о помѣщеніи двухъ или одной [2]) въ симбирское такое же заведеніе, на казенный счетъ. Тамъ хлопотали, и увѣдомляютъ, что архіерей тамошній, входя въ положеніе сиротъ, согласился, по открывшейся вакансіи, не смотря на безчисленное множество кандидатокъ, зачислить одну изъ нашихъ на казенный счетъ, съ тѣмъ, чтобы при опредѣленіи внести за нее отъ 35-ти до 50-ти руб. сереб., и каждый годъ на одежду 10 руб. серебромъ; а при выпускѣ сто рублей серебромъ. Всѣ знающіе заве-

---

[1]) Княжевича, бывшаго впослѣдствіи министромъ финансовъ; онъ былъ друженъ съ Борисомъ Ефимовичемъ.

[2]) Подразумѣвается: сестеръ Вашихъ.

деніе единогласно отдаютъ ему большія похвалы. Правила тамъ такія, что, по окончаніи воспитанія, выдаютъ ихъ [1]) за священниковъ, избирая лучшіе приходы. Конечно, это тѣхъ, которыя не пожелаютъ сами чего нибудь другого. Но я полагаю, что въ случаѣ, если бъ онѣ сами, воспитанницы, или ихъ родные не пожелали оставить ихъ въ той эпархіи, то, вѣроятно, не попрепятствуютъ возвратиться, по желанію, къ роднымъ или куда найдутъ [2]) для нихъ полезнѣе. Это извѣстіе получено вчерашній день. Мы долго разсуждали съ княгиней: которую бы отправить туда? Думали—Анночку; но боимся, чтобы, по слабости ея здоровья и по лѣтамъ, не возвратили обратно, и мы не потеряли бы напрасно мѣсто. Антонина уже и совсѣмъ не можетъ быть отправлена [3]). И такъ оставалось рѣшиться между двумя: Катей и Юліей. Рѣшено послать Катю: она старѣе, слѣдовательно не можетъ столько времени ожидать, какъ Юленька, во-вторыхъ, если отдать Юленьку, а ей выйдетъ въ Царское, то опять хлопоты перепрашивать, такъ какъ просьба подана прямо на имя Юліи; да притомъ Юлія можетъ ожидать помѣщенія и два года, тогда какъ Катѣ черезъ два года, легко можетъ статься, откажутъ, такъ какъ ей уже будетъ тогда 13 лѣтъ; да при томъ въ перепискахъ пройдетъ время, котораго опредѣлить заранѣе нельзя. Вотъ въ какомъ положеніи теперь дѣла. Завтра скажутъ объ этомъ здѣшнему архіерею, потомъ будемъ отыскивать хорошую оказію, какой нибудь проѣзжающей въ Симбирскъ помѣщицы, что бываетъ здѣсь не рѣдко, и съ которой могли бы мы покойно отправить Катю для передачи Ренненкамфовымъ [4]), которые прежде отвезутъ ее показать преосвященному, а потомъ въ институтъ; и этотъ же Ренненкампфъ и невѣстка Трубниковыхъ будутъ насъ увѣдомлять о Катѣ. Да притомъ мы найдемъ и другихъ, которые не откажутся насъ извѣщать. Ренненкампфъ этотъ—бывшій здѣсь прокуроръ, а теперь занимаетъ въ Симбирскѣ то же мѣсто, что́ здѣсь князь Трубецкой [5]). Вотъ Вамъ, мой милый, подробный отчетъ дѣйствій, и который ясно доказываетъ Вамъ, что Господь непрестанно о всѣхъ насъ печется, и что Его Святой Промыслъ всегда устраиваетъ все ко благу нашему, лишь бы только мы умѣли цѣнить Его милосердіе и Его о насъ попеченіе. Вотъ одна по милости Его устроена; можетъ, скоро и Юленька тоже будетъ у берега; да къ тому же, увѣряю Васъ, и теперь она весьма въ хорошемъ положеніи. Объ ней такъ пекутся, какъ больше быть нельзя. Слѣдовательно, заботиться Вамъ объ ней совершенно нечего. Мальчики такъ малы, что для нихъ кромѣ попеченія о здоровьѣ еще долго ничего не потребуется, а въ этомъ они не нуждаются. Слѣдовательно, остаются двѣ старшія, о которыхъ, я увѣрена, что Милосердый Господь такъ печется, какъ и о прочихъ, и неожиданно и невидимо пошлетъ все

---

[1]) Воспитанницъ.

[2]) Онѣ или ихъ родные.

[3]) Анна Александровна росла медленно, и потому, имѣя теперь 13 лѣтъ, казалась имѣющей меньше. Антонина Александровна была выше ея ростомъ и ужъ по одному этому не могла быть принята въ училище, куда принимали только маленькихъ дѣвочекъ.

[4]) Разговорная форма фамиліи, вмѣсто: Ренненкампфамъ.

[5]) То есть, должность управляющаго удѣльной конторой.

для нихъ лучшее, чего мы сами и придумать не съумѣемъ. Вы же, мой милый, пожалуйста не тревожьте себя напрасно, а предоставьте больше Богу; насильно [1]), право, ничего не сдѣлаешь, да притомъ къ лучшему ли будетъ настаивать: только раздражимъ архіерея, который сдѣлается еще упрямѣе, и еще болѣе вооружимъ его противъ себя и тѣмъ докажемъ, что человѣческое мудрованіе совершенно ни къ чему [2]), когда не основано на покорности къ Богу. Вы же, мой милый, берегите свое здоровье, старайтесь поддерживать себя душевно, и занятіями, и преуспѣвайте болѣе и болѣе, что составитъ будущее Ваше благополучіе. Теперь Вы еще въ чаду горя, мой милый, да притомъ такъ мало знаете свѣтъ и мало опытны въ жизни, что я нахожу весьма естественнымъ, что все Васъ такъ поражаетъ; поживете болѣе—пріобрѣтете опытности и перестанете удивляться человѣческому непостоянству. Таковъ свѣтъ былъ, есть и будетъ; не мы его перемѣнимъ; слѣдовательно, надобно умѣть въ немъ уживаться, чтобъ не казаться чудаками или смѣшными. Впрочемъ, и этого бояться нечего; каждый человѣкъ смотритъ съ своей точки зрѣнія, и на общій взглядъ нельзя приноравливаться, а каждому надо имѣть свое собственное сужденіе, только было бы оно утверждено не на пескѣ, а на камнѣ, какъ говоритъ Евангеліе. Съ этими правилами, я увѣрена, человѣкъ всегда пройдетъ жизнь благополучно. Вы же такъ хорошо начали, мой милый Николай Александровичъ, что Вамъ стоитъ только продолжать. Трудно заслужить такое хорошее о себѣ мнѣніе, но, пріобрѣтя, непростительно будетъ пренебречь имъ. Простите, мой милый, что я Васъ заняла такимъ длиннымъ посланіемъ. Не скрою, что я душевно бы желала видѣть въ Васъ не то душевное расположеніе, и не отчаяваюсь, что милосердый Господь пошлетъ Вамъ болѣе твердый и покорный Его Святой волѣ духъ, который успокоитъ Васъ въ Вашемъ горѣ. Грусть Ваша, конечно, должна быть велика, потому что она неизмѣнна, но она должна быть покорна, а не бурная, должна Васъ сближать съ Богомъ, а не ожесточать противъ Его Святаго Промысла. Да и что пользы, что мы можемъ безъ Него и безъ покорности Его Святой волѣ? Покоримся же Ему и пойдемъ тихо и покорно предназначенною намъ стезею; повѣрьте, не будемъ раскаяваться. Прощайте, мой милый, да благословитъ Васъ Господь на все доброе и не оставитъ своимъ милосердіемъ.

Любящая Васъ душевно
Александра Прутченко.

(*Приписка Бориса Ефимовича*).

Отъ души обнимаю Васъ, любезный Николай Александровичъ, и желаю Вамъ всѣхъ благъ.

Всегда Вашъ усердный
Б. Прутченко.

---

[1]) Наперекоръ архіерею.
[2]) Подразумѣвается: „не служитъ“.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

24 ноября 1854 г. 2 декабря 1854 г. [1]).

Сегодня получилъ я два письма Ваши, любезная, милая Тетенька, Фавста Васильевна и мой другъ Михаилъ Ивановичъ. Прежде всего каюсь въ моемъ письмѣ, которое три дня тому назадъ послалъ я къ Вамъ. Что дѣлать?.. Простите моей тоскѣ, моему горькому положенію... Бываютъ нерѣдко минуты, когда все на свѣтѣ подозрѣваешь, ничему не вѣришь, когда все тревожитъ и наводитъ на мысли одна другой тяжеле, одна другой мрачнѣе... Какъ родные, Вы скорѣе, чѣмъ кто нибудь простите моей грустной недовѣрчивости, моимъ желчнымъ упрекамъ... Изъ полученныхъ мною писемъ я вижу, что Вы не перестали любить меня по прежнему, что Ваши чувства ко мнѣ нѣжны, дружественны, родственны... Благодарю васъ за эту маленькую отраду, которую доставляетъ сладостная мысль, что есть еще люди, которые насъ любятъ и принимаютъ въ насъ участіе.

Теперь позвольте мнѣ обратиться къ дѣлу, о которомъ узналъ я изъ писемъ—твоего, Михаилъ Ивановичъ, и Александры Максимовны. Она пишетъ, что *счастливое* рѣшеніе—помѣстить Катю въ заведеніе симбирское, доказываетъ попеченіе Господне о сиротахъ; она говоритъ, что Катенькѣ тамъ будетъ очень хорошо, что всѣ единогласно отдаютъ полную справедливость отличному устройству этого заведенія, что Ренненкампфъ [2]), знакомый ихъ и Трубецкихъ, будетъ принимать въ нашей Катѣ особое участіе, постоянно будетъ извѣщать насъ о всемъ и пр. Короче—она весьма довольна, кажется, этимъ рѣшеніемъ... Изъ твоего письма, мой другъ Михаилъ Ивановичъ, я заключаю, что ты тоже не противъ этого. Вы, Тетенька, ничего мнѣ не пишете въ послѣднемъ письмѣ; но я думаю, что, обдумавъ дѣло, и Вы не будете отвергать его пользу... Конечно, жалко, очень жалко отпустить этого маленькаго, свѣженькаго, веселенькаго ребенка,—послѣ жизни домашней, гдѣ она окружена была всѣмъ вниманіемъ, любовью, снисхожденіемъ родныхъ,—тяжело отпустить ее,—одну, съ незнакомыми, въ чужой городъ, въ невѣдомое училище,—на всѣ жизненныя испытанія и лишенія, безъ надежды, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, увидѣть ее, утѣшить, ободрить, подкрѣпить... Я—не ей чета, могу похвалиться и присутствіемъ духа, и твердостью, и пренебреженіемъ жизненныхъ лишеній и горестей: но и я на себѣ испыталъ горесть одинокой жизни въ незнакомомъ кругу, не видя близкаго человѣка, не имѣя съ кѣмъ поговорить о томъ, что наполняетъ сердце... Но наша жизнь осуждена на лишенія, на страданія... Сердце мое сжимается и слезы навертываются на глазахъ при мысли о томъ, сколько горя ждетъ бѣдную Катеньку нашу; но—таково наше положеніе, что невозможно

---

[1]) Отмѣтка времени полученія, сдѣланная рукою Михаила Алексѣевича.

[2]) Рудольфъ Павловичъ Ренненкампфъ (бывшій прежде прокуроромъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а тогда управляющимъ удѣльной конторой въ Симбирскѣ) и супруга его Амалія Богдановна, дѣйствительно, выказывали самую добрую заботливость о Катеринѣ Александровнѣ, когда она воспитывалась въ симбирскомъ духовномъ пансіонѣ для дѣвушекъ-сиротъ.

устроить ее лучше... Дѣлать нечего—и я покоряюсь судьбѣ, вѣря, что рѣшеніе тѣхъ, кто принималъ въ насъ такое искреннее, такое благородное участіе, не можетъ быть вредно для насъ. Это—мой первый отвѣтъ, мое первое сужденіе... А потомъ, думая о дѣлѣ, я нахожу, что дѣйствительно—этого требуетъ польза, даже счастье Катеньки... Нужно признаться, что я уже мало имѣю надежды на то, чтобы преосвященнаго заставили сдѣлать что нибудь въ нашу пользу. Если же ничего не будетъ, какъ устроится судьба Кати, еслибы она осталась у Васъ?.. Получивъ мѣсто и 400—500 руб. жалованья [1]), я не могу же много сдѣлать для нея... Между тѣмъ, по выходѣ изъ симбирскаго училища стараются—особенно хорошихъ—ученицъ выдавать за священниковъ, имѣя въ виду поступающихъ въ лучшіе приходы... Такъ пишетъ мнѣ Александра Максимовна. Это одна польза. Съ другой стороны, я не думаю, чтобы Катя была такъ слаба, что не перенесетъ разлуки съ родными и новой жизни... Будетъ горько, тяжело... Но—тѣмъ лучше... За то послѣ будетъ лучше пользоваться счастьемъ, если получитъ его когда нибудь на свою долю. А мнѣ кажется, что нашъ родъ такъ ужь осужденъ судьбой на бѣдствія, Богъ знаетъ за что;—въ такомъ случаѣ—горько будетъ ей и въ послѣдующей жизни, но все не такъ, какъ было бы горько, еслибы бѣды поразили ее по выходѣ изъ теплаго гнѣздушка, изъ пріюта родныхъ, гдѣ она не знала ни тоски, ни заботы... Не такъ бы перенесъ я мои потери, если бы не былъ приготовленъ къ нимъ разлукой съ родными и суровой жизнью Института...

Сообразивши все это, я думаю, что наше дѣло теперь—только постараться, чтобы все дѣло обошлось какъ можно лучше, чтобы разставанье было для нея не такъ тяжело, чтобы переходъ къ послѣдующей жизни не былъ такъ рѣзокъ... Поэтому, прошу Васъ, приготовьте ее къ разлукѣ, не балуйте ее *на послѣдкахъ*, заставляйте больше учиться и работать, отпускайте почаще къ кому нибудь изъ чужихъ, оставьте ее на нѣсколько дней даже въ незнакомомъ ей домѣ... «Это жестоко», скажете Вы, «сердечное чувство не допуститъ до этого». Это полезно, отвѣчу я Вамъ; это необходимо для ея счастья; это предписываетъ разсудокъ и любовь къ ней. Не давайте ей читать моего письма. Ей я пишу другое... Прощайте. Цѣлуйте Ниночку, Ванечку, Анночку и не сердитесь на меня.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

25 ноября 1854 г.

Со слезами на глазахъ и съ горестью въ сердцѣ прочиталъ я твое письмо, моя добрая, милая Катенька, моя родная, моя ненаглядная... Вижу, что тебѣ горько, тебѣ тяжело, и вполнѣ понимаю твою грусть... Мнѣ самому грустно и тяжело... Но утѣшься, моя милая, успокойся; тебѣ

[1]) По занятіи должности старшаго учителя гимназіи.

будетъ не такъ дурно, какъ ты думаешь... Да ты и сама, вѣрно, любишь меня, вѣрно, не думаешь, чтобы я могъ пожелать тебѣ зла. Вѣдь, я твой братъ, и вспомни, что я всегда такъ любилъ, такъ хвалилъ тебя, такъ бранилъ иногда за твои маленькіе капризы... Вспомни это и успокойся... Ты сама теперь вспоминаешь слова Папаши, которымъ ты не хотѣла вѣрить; теперь Папашу и Мамашу замѣнили тебѣ добрая наша тетенька [1]) да я. Повѣрь же, что мы тебѣ говоримъ правду, и успокойся. Спроси у тетеньки: она похвалитъ тебѣ заведеніе, въ которомъ ты будешь... Я тоже знаю его, какъ очень хорошее... Представь—поѣдешь ты туда съ какой нибудь доброй, хоть и незнакомой, барыней,—вотъ какъ Александра Максимовна [2]): она вѣдь тоже была тебѣ не знакома, а ты сама видишь теперь, какая она добрая, и вѣрно бы не отказалась ѣхать съ ней, хоть на край свѣта... Такъ ты поѣдешь; пріѣдешь въ Симбирскъ; это не такъ далеко, какъ, напр., Петербургъ, куда я уѣхалъ... Тамъ представятъ тебя преосвященному тамошнему; а онъ такой добрый, благородный, снисходительный... онъ тебя благословитъ и отправитъ въ заведеніе. Ты явишься къ одной дамѣ, начальницѣ; тебя введутъ въ классъ, гдѣ будетъ множество такихъ же маленькихъ, бѣдненькихъ дѣтей, какъ и ты, тоже дочерей священниковъ, тоже сиротокъ. Вы скоро, я думаю, подружитесь, потому что маленькія дѣти не бываютъ злы, а добрые скоро дружатся между собою... Васъ будутъ учить хозяйству, рукодѣльямъ, разнымъ наукамъ... Ты будешь всегда скромна, всегда прилежна; тебя будутъ любить и хвалить... Ты будешь въ числѣ первыхъ, будешь получать разныя награды, напр., хорошенькую книжку на экзаменѣ... Гордиться ты не будешь и потому подруги не будутъ тебѣ завидовать, а станутъ любить тебя... На праздники ты будешь ходить къ Ренненкампфу, который, говорятъ, прекраснѣйшій человѣкъ, съ своимъ семействомъ. Каждыя двѣ недѣли я буду писать тебѣ... Тетенька тоже будетъ часто писать. Такимъ образомъ, ты будешь съ родными... Да и что такое разлука, моя душечка Катенька?.. Богъ дастъ, свидимся всѣ... На слѣдующій годъ и я, можетъ быть, буду въ Симбирскѣ, и тогда-то какая радость будетъ!.. Притомъ теперь ты разстаешься съ родными—по желанью добра для по тебя, старанію сдѣлать тебя счастливою... Съ Папашей и Мамашей разстались же мы—навѣки, безъ возврата,—противъ воли нашей, вопреки всѣмъ разсчетамъ, къ величайшему несчастію всего семейства. Да и то переносимъ... живемъ;—хорошо, тебѣ досталось [3]) у родныхъ, а другіе живутъ и въ чужихъ людяхъ... Повѣрь же, моя душенька, милая моя Катенька, что тебя посылаютъ въ Симбирскъ не по горькой необходимости, а по желанью счастья для тебя... Не думай, что это рѣшили и приказали тебѣ чужіе люди;—объ этомъ давно думалъ я—съ Папашей еще. Если бы я думалъ, что это вредно для тебя, развѣ бы я допустилъ отнять тебя у насъ? Помнишь, когда тебя хотѣли въ монастырь отдать—вѣдь я не позво-

---

1) Февста Васильевна, у которой жила она.

2) А. М. Прутченко, принявшая на себя заботы и расходы по отправленію Катерины Александровны въ Симбирскъ.

3) Подразумѣвается: „жить“; то есть: хорошо еще, что тебѣ досталось жить у родныхъ.

жилъ этого сдѣлать, не смотря на то, что архіерей хотѣлъ... Положись же на меня, моя душенька, и успокойся. Все будетъ хорошо, и будешь ли ты въ Нижнемъ, въ Симбирскѣ, еще гдѣ нибудь—помни, что всегда будетъ съ тобой Милосердый Господь; всегда будутъ съ неба смотрѣть на тебя наши Мамаша и Папаша; всегда мыслями и сердцемъ буду съ тобой я и [1]) наши добрые родные... Молись, трудись, старайся заслужить любовь всѣхъ, кто будетъ окружать тебя, и повѣрь, что Богъ тебя не оставитъ. Прости, моя душечка, моя дорогая, родная моя Катенька... Успокойся, не плачь, надѣйся на Бога и вѣрь, что тебя всегда любитъ, и помнитъ, и желаетъ добра тебѣ

брать твой
Николай Д.

ПИСЬМО ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 22 дек. 1854 г.*).

Извини, милый племянничекъ, что мы такъ долго не отвѣчали на Ваше [2]) письмо, полученное 21 числа ноября мѣсяца; домашнія обстоятельства отвлекали отъ этого. Да вѣдь мы ждали же отъ Васъ [3]) три мѣсяца, поэтому и намъ не грѣхъ просрочить три недѣли. Прости меня за упрекъ, что-то горько слышать, что Вы такъ скоро перемѣнились въ родственной любви къ намъ и въ насъ сомнѣваетесь. Напрасно; мы все такъ же Васъ любимъ; да и отчего намъ перемѣниться?—мы живемъ все по старому; напротивъ, Вы такъ, кажется, нами стали гнущаться [4]), простыми незнатными родственниками, и не хотѣли извѣстить насъ о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ. Намъ не нужно было Вашихъ сочиненій [5]), для насъ пріятно было [6]) получить пять строкъ отъ Твоего сердца. Вы пишете, что отъ насъ ждали утѣшенія; но я думаю, что Вы ихъ много получали отъ умныхъ людей; но можетъ ли это принести Вамъ какую пользу? Я полагаю, что нѣтъ, потому что Ваша горесть такъ велика и неожиданна, что трудно ее забыть. Вотъ Вамъ еще забота объ Катенькѣ, будетъ-ли ей тамъ [7]) хорошо или нѣтъ, Богъ вѣсть; а Вы знаете чужую сторону, какъ трудно жить въ кругу чужихъ и большому, не только что ребенку, а особенно Катѣ, съ ея умнымъ, чувствительнымъ сердцемъ. Вотъ напримѣръ бы Анночкѣ было бы [8]) легче съ ея жесткимъ [9]), молчали-

---

[1]) Подразумѣвается „будутъ сердцемъ".

[2]) „Извини", а потомъ „Ваше", „Вы"; для Варвары Васильевны было слишкомъ непривычно говорить „Вы" племяннику, котораго она продолжала любить; потому на первомъ же словѣ она забыла, что хочетъ писать ему холодно, церемонно; написавъ нѣсколько словъ, вспомнила; и дальше идетъ то же: „прости" и снова „Вы".

[3]) Подразумѣвается: письма.

[4]) Пренебрегать.

[5]) Длиннаго письма, написаннаго съ заботливостью о хорошемъ слогѣ.

[6]) Оборотъ простаго разговорнаго языка, вмѣсто: „пріятно было бы".

[7]) Въ Симбирскѣ.

[8]) Два раза „бы"—плеоназмъ разговорнаго языка.

[9]) „Жесткимъ" въ смыслѣ „замкнутымъ и выносливымъ".

вымъ характеромъ. Кстати скажу объ ей [1]), что она живетъ у меня, какъ будто бы всегда жила, и никогда не скучаетъ. Я ей очень довольна, но только часто ссорюсь съ ней за молчаливость, которую не могу искоренить изъ нея. Такъ же, какъ и прежде, ее спрашиваешь, а она улыбается и молчитъ; но я надѣюсь, что она оставитъ со временемъ и эту привычку; другихъ же недостатковъ въ ней нѣтъ, всегда послушна, рукодѣльна, учится хорошо у Луки Ивановича, подлѣкаря, который сталъ учить ее писать почти снова, и еще кой чему, что необходимо знать, напримѣръ хоть, чтобы не эдакъ писать, какъ я пишу. Ходитъ со мной въ кухню и пособляетъ мнѣ въ хозяйствѣ. Объ Володѣ также слышу отъ своихъ жителей [2]), которые ходятъ къ Мичурину [3]); они удивляются его бойкости и ласковости ко всѣмъ. Теперь скажу, что я стала писать къ Вамъ и забыла поздравить съ начала письма Васъ съ праздникомъ, который желаю провести въ радости и не грустить много. Богъ милостивъ, все будетъ хорошо, родителей же этимъ не воротишь [4]), будешь много грустить и думать—сдѣлаешься угрюмымъ, неприступнымъ - старикомъ; а это очень непріятно видѣть въ молоденькомъ мальчикѣ. Теперь заставлю писать къ Вамъ Анночку; хотя не скоро, да напишетъ что нибудь. Прости меня, что я много написала къ Вамъ даже лишняго и высказала на бумагѣ, что было на сердцѣ. Остаюсь любящая Васъ

тетка Варвара Колосовская.

(*Приписка Анны Александровны*).

Милый и любезный мой Братецъ!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ и желаю Вамъ въ радости провести его. А объ себѣ я скажу, что я, слава Богу, жива и здорова. Мнѣ у тетеньки очень хорошо жить; я занимаюсь работою вмѣстѣ съ Сонечкой [5]), и помогаю тетенькѣ въ хозяйствѣ. Я услыхала, что Катенька уѣзжаетъ и мнѣ ея стало очень жалко; теперь хотя мы и не вмѣстѣ живемъ, но все-таки часто видимся, а когда она уѣдетъ, то тогда я ее вовсе не буду видѣть. Она мнѣ и сама сказывала, что ей очень грустно разставаться съ родными. Не сердитесь на меня, милый мой Братецъ, что я Вамъ такъ долго не писала. Прощайте. Остаюсь любящая сестра Ваша Анна Добролюбова.

(*Приписка Луки Ивановича*).

Любезный Племянничекъ Николай Александровичъ!

Съ сердечнымъ чувствомъ удовольствія спѣшу я поздравить Васъ съ праздникомъ Рождества Христова, и желаемъ Вамъ добраго здо-

---

1) „Объ ей“ вмѣсто „объ ней“, о ней—провинціализмъ.
2) „Отъ своихъ жителей“—отъ Кунавинскихъ жителей.
3) Купцу, у котораго жилъ Володя.
4) „Воротить“ и т. д., 2 лицо единственнаго здѣсь употреблено не въ безличномъ смыслѣ (нельзя воротить), а въ прямомъ личномъ значеніи: „ты, Николенька, не воротишь“ и т. д.
5) Старшею дочкою Варвары Васильевны.

ровья и душевнаго спокойствія и во всѣхъ занятіяхъ счастливаго успѣха. И скажу, Племянничекъ, о всѣхъ родныхъ, что мы Слава Богу живы и здоровы и благополучны, а впредь уповаемъ на волю Всевышняго Творца.

Остаюсь истинно любящій дядя

священникъ Лука Колосовскій.

1854 г. декабря 22 дня.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

29 декабря 1854 г.

Сегодня, сейчасъ, получилъ я Ваше письмо, моя милая Тетенька Варвара Васильевна и Дяденька Лука Ивановичъ [1]). Отъ всей души благодарю Васъ за то, что Вы наконецъ вспомнили обо мнѣ, и не хочу снова подымать вопроса о томъ, кто долженъ былъ,—не по старшинству и церемоніямъ,—а по любви и по сердцу—писать прежде—я, или Вы,.. [2]) Если Вы не сочли нужнымъ написать до сихъ поръ, значитъ—Вы имѣли свои причины, и я не хочу знать ихъ, довольный уже тѣмъ, что Вы сочли нужнымъ, по крайней мѣрѣ, теперь, отвѣтить на мое письмо... Я до сихъ поръ былъ увѣренъ, что оно, какъ и другія, пропало на почтѣ, потому что писано оно еще 25 октября. Слѣдовательно Вашъ упрекъ, что я *три* мѣсяца не писалъ къ Вамъ—несправедливъ: Нижегородская почта виновата въ томъ, что Вы прибавили цѣлый мѣсяцъ...

Но, какъ бы мнѣ ни хотѣлось говорить съ Вами тѣмъ же тономъ, какой Вы приняли со мною въ Вашемъ письмѣ, это для меня совершенно невозможно... Я вспоминаю въ эту минуту Вашу прежнюю доброту, Ваши слезы при прощаньи со мною, Вашу дружбу съ моей матерью,—и я не могу на Васъ сердиться, не могу не жалѣть, что Вы ко мнѣ стали такъ холодны и подозрительны, не могу не говорить съ Вами, какъ родной, какъ близкій къ Вамъ человѣкъ... Да, Тетенька, мнѣ горько, мнѣ тяжело было читать Ваше письмо, исполненное упрековъ, самыхъ обидныхъ упрековъ... Богъ съ Вами... Я не ропщу... Я переношу потерю отца и матери; перенесу какъ нибудь и потерю любви родственниковъ... Но вѣдь то и другое горько,—о, какъ горько... Вы, разумѣется, не повѣрите, что я плакалъ надъ Вашимъ письмомъ; но, къ несчастію, это вполнѣ справедливо... Вы такъ жестоко выразили мнѣ свое презрѣніе, говоря, что я попалъ

---

[1]) Послѣ общаго привѣтствія теткѣ и дядѣ все слѣдующее обращено исключительно къ теткѣ.

[2]) Съ точки зрѣнія Варвары Васильевны дѣло шло вовсе не о старшинствѣ. По всеобщему обычаю, остающіеся дома ждутъ отъ уѣхавшаго, что онъ увѣдомитъ ихъ о своемъ пріѣздѣ туда, куда поѣхалъ. Николай Александровичъ не сдѣлалъ этого, и воображалъ, что обѣ тетки и Михаилъ Ивановичъ будутъ писать ему, не получивъ отъ него увѣдомленія о пріѣздѣ въ Петербургъ. Варвара Васильевна была права, оскорбившись его долгимъ молчаніемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

въ знать, что гнушаюсь родными, что Вы не можете утѣшать меня, потому, что, вѣрно, утѣшили меня умные люди... Видитъ Богъ, что я не заслужилъ этого... Какой поводъ подалъ я Вамъ думать обо мнѣ такъ несправедливо и оскорбительно?.. Неужели тѣмъ, что долго не писалъ къ Вамъ?.. Да вѣдь я Вамъ говорилъ, почему это... Неужели никогда, никогда не удастся мнѣ убѣдить Васъ, что часто и много пишу я тѣмъ, на кого мало надѣюсь, для кого считаю нужнымъ безпрестанныя напоминанія... А потомъ, самый простой долгъ общежитія, простая учтивость требуютъ, чтобы я отвѣчалъ на письма. Въ одинъ день съ письмомъ къ Вамъ отвѣчалъ я на *письмо* княгини Трубецкой, черезъ двѣ недѣли получилъ *отвѣтъ*, черезъ два дня самъ отвѣчалъ, черезъ три недѣли еще получилъ *письмо;* потомъ по стеченію обстоятельствъ не отвѣчалъ три недѣли; но сегодня, вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ, получилъ отъ нея еще—*четвертое*... Судите сами, не совершенно ли необходимъ и неизбѣженъ подобный ходъ дѣлъ [1]), при обстоятельствахъ, которыя я Вамъ описалъ... А между тѣмъ—все-таки по родномъ болитъ сердце, хочется имѣть хоть что нибудь родное, близкое, съ теплымъ чувствомъ, съ родственнымъ сердцемъ... Но судьба такъ создала меня, что я, при всемъ своемъ желаніи, никакъ не могу заслужить ничьей любви... *Знатные люди!..* Да повѣрите ли, что только по необходимости веду я подобныя связи, и что никогда не склонно было сердце мое къ кружку, который выше меня?.. Да и могу ли я здѣсь [2]) держаться, при моемъ воспитаніи, при моемъ положеніи, при отсутствіи всякихъ средствъ... Да вотъ Вамъ случай: я теперь гощу праздники у Галаховыхъ [3]). Меня принимаютъ прекрасно, ласкаютъ и занимаются мною. Но [4]), вставая поутру, я поскорѣе стараюсь накинуть сюртукъ, чтобы человѣкъ не взялъ его чистить и не увидалъ, какъ онъ худъ и вытертъ, мой несчастный казенный сюртукъ. И сколько труда стоитъ мнѣ прикрыть въ продолженіи дня разные недостатки этого сюртука... А новаго сшить... куда, я и думать не смѣю... [5]). Мнѣ стыдно, что я это написалъ. Не читайте, пожалуйста, не старайтесь разобрать. Прошу Васъ объ этомъ... Я Вамъ разскажу это, если мы съ Вами увидимся. Но толковать много нечего... Простите, что позабылъ поздравить Васъ съ новымъ годомъ. Желаю провести его счастливо и благополучно. Что касается до меня, то я уже вѣрно не потерплю въ этотъ годъ столько бѣдъ, сколько вытерпѣлъ въ про-

---

[1]) То есть, неизбѣжно ему не дѣлать промедленій въ отвѣтахъ на письма княгини Трубецкой, которая сама такъ внимательна къ нему.

[2]) Въ этомъ кружкѣ.

[3]) Эти Галаховы были: Сергѣй Павловичъ и Наталья Алексѣевна. Г-жа Галахова была сестра княгини Трубецкой. С. П. и Н. А. Галаховы были люди богатые. Они принадлежали къ петербургскому свѣтскому обществу.

[4]) Слѣдующія строки, были вычеркнуты Николаемъ Александровичемъ, но вычеркнуты торопливо и плохо, такъ что Варвара Васильевна прочла ихъ.

[5]) Все это мѣсто, отъ слова „вставая" до слова „смѣю..." было, какъ мы замѣтили при началѣ его, зачеркнуто. Слѣдующія слова, до „увидимся" написаны между вычеркнутыми строками. Такимъ образомъ, по первоначальному тексту письма, слова „Но толковать много нечего" непосредственно слѣдовали за вычеркнутыми подробностями о плохомъ состояніи одежды и относились къ нимъ.

клятый 1854 годъ. Будетъ онъ памятенъ... И такъ будьте увѣрены, что новый годъ встрѣчу я радостно.

Весь Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

29 декабря 1854 г. Получено 4 янв. 1855 г.

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Поздравляю тебя съ праздниками, Рождествомъ Христовомъ и Новымъ годомъ; дай Богъ, съ новымъ годомъ получить намъ облегченіе и утѣшеніе отъ неудачъ и потерь величайшихъ въ бывшемъ 1854 году. Никогда не забуду я этого несноснаго года, который весь былъ пыткой и требовалъ на каждомъ шагу Іовля терпѣнія, къ которому мы по несчастію не привыкли, по крайней мѣрѣ я. Справедлива твоя претензія на меня за долгое молчаніе, но вѣрно ты терпишь это невниманіе, потому что Іовлево терпѣніе [1]). Дурно дѣлалъ я, что не писалъ, и мучился этимъ, но все-таки до сихъ поръ не выходилъ изъ своего непріятнаго оцѣпенѣнія. Съ первыхъ денъ пріѣзда въ Нижній меня одолѣли неисполненныя безъ меня бумаги, потомъ квартира, которая мучитъ меня и выводитъ изъ терпѣнія; но подивись обстоятельствамъ: я и до сихъ поръ живу въ сырой квартирѣ, на старомъ мѣстѣ.

— — [2]).

Княгиня [3]) говоритъ, что начальница училища вмѣстѣ съ ея матерью училась и обѣщалась хлопотать сама, то есть начальница, и увѣряетъ, что ее примутъ.—Симбирское училище хвалятъ больно, но Катенька еще не отправлена, потому что архіерей не получилъ на свое требованіе увѣдомленія отъ тамошняго архіерея Ѳеодотія о принятіи ея. Былъ у архіерея и по этому случаю; онъ обѣщалъ дать пособіе нужное при помѣщеніи въ Симбирскъ Катеньки; благодарилъ его и за расположеніе къ Володенькѣ: онъ на него послалъ въ приказъ 150 руб. сер., но только съ тѣмъ, чтобы процентами съ этихъ денегъ онъ содержался въ семинаріи, когда начнетъ учиться и до тѣхъ поръ, когда окончитъ курсъ. Хотя по принятому тобою намѣренію отдать его въ гимназію благодарность была и лишняя, но она была для того, чтобы побольше далъ пособіе Катенькѣ [4]).

---

[1]) Потому, что у тебя Іовлево терпѣніе.

[2]) Василій Ивановичъ разсказываетъ, что ему была обѣщана квартира въ домѣ Дворянскаго Собранія, но не дана; онъ разсказываетъ свои заботы о сестрахъ Николая Александровича, сообщаетъ, что 16 декабря подалъ прошеніе о пріемѣ Юленьки въ Царскосельское училище.

[3]) Трубецкая.

[4]) Впослѣдствіи объяснилось, что эти 150 р. составляли только небольшую часть денегъ, собранныхъ Іеремією съ духовенства подъ предлогомъ пособія дѣтямъ умершаго священника А. И. Добролюбова. Разсказъ этотъ находится въ Дневникѣ, который велъ Николай Александровичъ въ началѣ 1857 года.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ЮЛЕНЬКѢ.

31 декабря 1854 г.

Твое письмо, моя милая, дорогая моя Юленька, доставило мнѣ такъ много отрады и радости, что я прошу тебя писать мнѣ еще—часто, очень часто. Мнѣ очень интересно слѣдить за твоими успѣхами, очень пріятно знать, что ты становишься прилежна, что тобою довольна добрая наша Софья Алексѣевна [1]), также какъ и Марія Алексѣевна [2]) и Елизавета Никитична [3]). Ты должна быть много, много благодарна имъ за ихъ внимательность, за ихъ попеченія о твоемъ образованіи, отъ котораго можетъ зависѣть твое счастье. Старайся же заслужить ихъ любовь своимъ прилежаніемъ, послушаніемъ, скромностью. Я увѣренъ, что ты уже любишь ихъ, привязана къ нимъ, какъ къ роднымъ. Но ты обязана имъ болѣе, нежели роднымъ: онѣ такъ много, такъ искренно о тебѣ заботятся. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы, можетъ быть, увидимся съ тобою въ Петербургѣ. Можетъ быть, тебя примутъ въ Царскосельское училище; мы будемъ часто видаться, будемъ разсказывать другъ другу все, чтó съ нами случится. Вообрази, моя душечка, какъ это будетъ весело. Я съ нетерпѣніемъ жду, когда это дѣло будетъ рѣшено окончательно. Прощай, моя милая сестра; пиши ко мнѣ: это меня много радуетъ. Желаю тебѣ провести наступающій годъ счастливѣе, нежели провели мы проходящій 1854 годъ. Навѣрное, такихъ ужасныхъ бѣдствій въ этомъ году для насъ уже не будетъ.

Братъ твой Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Писано около половины января 1855*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю тебѣ добраго здоровья и счастія.

По твоему письму, полученному мною въ понедѣльникъ, т. е. 9 января, я тотчасъ же отправлялся за совѣтомъ къ Неофиту Николаевичу, который нынѣ непремѣннымъ членомъ въ Строительной коммиссіи. Вотъ что онъ мнѣ сказалъ: что они не могутъ принять отъ насъ просьбы о сложеніи ссудныхъ денегъ, имѣя въ виду отказъ главноуправляющаго——. Неофитъ Николаевичъ совѣтуетъ тебѣ подать просьбу къ Чевкину——; когда по формѣ будетъ запросъ коммиссіи, то она скажетъ, что она и прежде находила полезнымъ сложить недоимку, и опять будетъ ходатайствовать.

Наши всѣ здоровы. У Мичуриныхъ была свадьба 8-го января, от-

---

[1]) Пальчикова, написавшая ему объ Юленькѣ.
[2]) Княгиня Трубецкая, взявшая Юленьку къ себѣ.
[3]) Пещурова, тетка кн. Трубецкой и С. А. Пальчиковой.

дали дочь за помѣщика Владиміра Павловича Лѣнивцева, который у насъ служитъ; поздравь съ новымъ годомъ и зятемъ. И поэтому Володенька жилъ съ 24 декабря у меня по 8-е, а теперь гоститъ у Луки Ивановича и тамъ будетъ, пока у Мичуриныхъ придетъ въ порядокъ все.

Недавно у насъ въ Собраніи былъ балъ, и мы были на хорахъ; тамъ видѣли княгиню [1]), онъ тамъ и облапилъ ее съ радости, и она обѣщалась [2]) ему купить, по его избранію, пистолетъ; послѣ, на 4-й день приглашала его къ себѣ на елку и подарила пистолетъ и большую восковую куклу съ музыкой и живой обезьяной [3]), и онъ былъ очень радъ.

——Что ты рѣдко пишешь и не отвѣчаешь на мои письма? Я тебѣ писалъ о продажѣ дома——. Выпросить дозволеніе, на которое потребно много времени, не значитъ продать его. А не ровенъ случай, явится хорошій, выгодный покупатель, развѣ тебѣ не пріятно освободить себя отъ узъ и нажить свободу. А потомъ сойдутъ Трубецкіе [4]), чѣмъ [5]) платить въ коммиссію? что будетъ, если продадутъ съ аукціона?

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 19 янв. 1855*).

Получено 25 янв.

Любезный Николенька!

Давно я, мой другъ, къ тебѣ собиралась писать, но все день за день откладывала и теперь напишу тебѣ за то большое письмо. Вопервыхъ, поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ; дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ, и съ терпѣніемъ переносилъ свой крестъ; что дѣлать, не все убиваться. Во-вторыхъ, поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего рожденія. Скажу тебѣ мой другъ, что проводила Катеньку 11 числа во вторникъ рано утромъ. Не буду говорить, какъ было грустно разставаться и какъ всѣ дѣти плакали. И Анночка [6]) гоститъ у меня съ Крещенья и до сихъ поръ. Александра Максимовна проводила ее [7]) на своихъ лошадяхъ до своего хутора и по возвращеніи лошадей я имѣла удовольствіе получить отъ Катеньки письмо. Она пишетъ, что ей ѣхать очень спокойно и тепло, и что она не плачетъ; это меня очень утѣшило. И Александрѣ Максимовнѣ также прислала письмо; это ей очень пріятно. Она собрала ее, какъ самая добрая мать: нарочно приготовила кибитку; и съ мѣховымъ одѣ-

---

1) Трубецкую.
2) Здѣсь въ подлинникѣ описка: „онъ обѣщался“.
3) То есть, которая была какъ живая, двигалась.
4) То есть: притомъ, надобно принять въ сооображеніе, что если сойдутъ Трубецкіе, то домъ можетъ долго простоять пустымъ.
5) Чѣмъ будетъ тогда платить въ коммиссію.
6) Пріѣхавшая (или пришедшая) изъ подгородной Кунавинской слободы проводить сестру.
7) Катеньку.

ялом; сшила новую шубу шелковую на заячьем мѣху и дала сверхъ этого надѣть свой дорожный салопъ, и все теплое, какое нужно для ребенка. Провожать ее поѣхала—ты, я думаю, помнишь толстую Анну Ивановну, которой она[1]) очень довѣряетъ[2])—и всего на дорогу напекла и нажарила, скоромнаго и постнаго, потому что онѣ поѣдутъ на крестьянскихъ лошадяхъ, а не на почтовыхъ [3]). Катя написала тебѣ письмо и просила переслать, а тамъ ужь будетъ писать изъ Симбирска; мы ей и адресъ написали. Еще не забыть бы: адресъ къ намъ пиши на мой домъ—канцелярія [4]) уничтожена и Миша переведенъ въ казенную палату, а въ палатѣ есть имя и фамилія точно его, поэтому письма могутъ теряться. Была у меня Екатерина Петровна Захарьева и сказывала, что Лиза начинаетъ стоять дыбокъ [5]) и скоро будетъ ходить. Она такъ ее, говорятъ, любитъ; а тобой очень огорчена, ни одной строчки не получала отъ тебя. Она сказывала, что у нея въ Симбирскѣ есть близкіе и очень добрые родные; я ее просила, чтобъ она написала объ Катенькѣ и они ее бы иногда навѣстили; ты по себѣ знаешь, какъ дорога ласка на чужой сторонѣ. У Ванечки все еще не прошла золотуха и я съ нимъ ѣздила разъ пять къ Линдеману, и теперь ему хотя и лучше, но все не прошло и онъ постоянно пьетъ череду. Василій Ивановичъ и съ супругой вчера былъ у насъ. Въ прошедшій разъ съ Ниночкой я тебѣ не писала, потому что ходила хоронить Александра Дмитріевича Казина [6]),—какъ жаль!—онъ по осени такъ скоро помогъ было Ванечкѣ; а теперь бѣда моя, если я захвораю сильно, не знаю къ кому и прибѣгнуть—такого добраго и внимательнаго не скоро найдешь. Миша просилъ меня тебѣ кланяться; онъ самъ хотѣлъ къ тебѣ писать, но не успѣлъ: сегодня, какъ нарочно, поздно встали и пора было идти въ палату,—тутъ [7]) больше дѣла [8]). Извини, мой другъ, что я такъ несвязно пишу: я прошедшею ночью очень сдѣлалась нездорова, и поэтому чувствую большую слабость въ головѣ, да и Ваня все мѣшаетъ. Прощай, будь здоровъ и не забывай насъ.

Тетка твоя

Фавста Благообразова.

Января 19 числа [9]).

Любезный и безцѣнный мой [10]) братецъ!

Поздравляемъ Васъ съ наступающимъ днемъ Вашего рожденія, желаю Вамъ отъ всей души всего, всего лучшаго. Написать мнѣ Вамъ

---

1) Александра Максимовна.

2) Анна Ивановна была, кажется, одна изъ старшихъ служанокъ А. М. Прутченко,—экономка, ключница или что нибудь такое.

3) То есть: онѣ будутъ ѣхать медленно,—вѣроятно, на однѣхъ лошадяхъ до самаго Симбирска, и пробудутъ въ дорогѣ нѣсколько дней.

4) Въ которой служилъ Михаилъ Ивановичъ и въ которую Николай Александровичъ адресовалъ свои письма къ Фавстѣ Васильевнѣ и къ нему.

5) Держаться на ножкахъ.

6) Изъ словъ Фавсты Васильевны видно, что А. Д. Казинъ былъ врачъ.

7) Въ казенной палатѣ.

8) Чѣмъ было въ канцеляріи, гдѣ прежде служилъ Михаилъ Ивановичъ.

9) По содержанію письма ясно, что это январь 1855 года.

10) Эта приписка писана Антониной Александровной; когда она писала первую

больше некогда. Мы думали, что Вы напишете намъ на святкахъ, но не получали; я удивляюсь очень этому. Прощайте, остаюсь любящая Васъ

Антонина и Анна Добролюбовы.

Ванечка заочно цѣлуетъ, братецъ, Ваши ручки [1]).

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(*Приложенное къ письму Фавсты Васильевны*).

Любезный братецъ!

Поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Вашего рожденія, желаю Вамъ провести этотъ день хорошо. Теперь спѣшу Вамъ писать и желаю хоть заочно проститься съ Вами, потому что А. М. [2]) наканунѣ сочельника прислала за мной и за тетенькой лошадь и сказала, что я въ субботу уѣзжаю, а въ пятницу я вмѣстѣ съ тетенькой ѣду къ архіерею и въ тотъ же вечеръ, въ который мы у ней были, просила тетеньку скроить выкройку и посадила шестерыхъ дѣвушекъ шить мнѣ на заячьемъ мѣху шубу, а верхъ черный шелковый, а на другой день уже совсѣмъ наваченную приносили мѣрять. Теперь, покуда я здѣсь, буду писать каждый день по немножку; теперь писать мнѣ нечего, оставляю до завтрашняго дня; да и притомъ Михаила Ивановича нѣтъ дома, и потому я пишу непочиненнымъ перомъ, и и потому такъ дурно написала.

Мы были у архіерея, онъ благословилъ меня и далъ мнѣ золотой крестъ, и сказалъ, чтобы я его носила и не потеряла; а въ субботу мы всѣ были на кладбищѣ и отстояли тамъ обѣдню, потомъ просили отслужить панихиду, потомъ зашли къ Мичуринымъ; Володенькѣ очень меня жалко стало и онъ заплакалъ. Извините меня, милый братецъ, что я такъ дурно написала: не знаю, разберете ли Вы; и еще я была съ тетенькой у бабушки,—она немножко поплакала; а потомъ у Щепотьевыхъ, тамъ сидѣли долго, пили чай. Аннѣ Ѳедоровнѣ рожденье. А нынче, то есть въ субботу, Ниночкѣ съ Анночкой рожденье. Анночка у насъ гоститъ; а Юленька тоже гостила, только нынче ушла, потому что за ней прислали; а нынче мы утромъ пошли къ Александрѣ Максимовнѣ, и ее не застали дома; потомъ она узнала, что мы у ней были, и прислала дѣвушку сказать, чтобы мы въ 6 часовъ пришли къ нимъ, и мы отправились къ Александрѣ Максимовнѣ въ 6 часовъ, сидѣли тамъ и пили чай; потомъ въ 7 часовъ мы стали прощаться и Александра Максимовна благословила меня образомъ и велѣла повѣсить мнѣ его у своей кровати и молиться, и Борисъ Ефи-

---

строку, то полагала, вѣроятно, что Анна Александровна сдѣлаетъ особую приписку; но кончая строку, услышала отъ сестры просьбу писать и за нее. И въ самой припискѣ мѣняются „я“ и „мы“, смотря потому, забудется или вспомнится, что надобно писать отъ имени не своего только, но и сестры.

1) Эта приписка сдѣлана рукою Анны Александровны.

2) Александра Максимовна Прутченко.

мовичъ простился со мной. А нынче опять прислали къ намъ Юленьку прощаться, а завтра въ 9 часовъ я отправляюсь и очень рада, что я ѣду съ Анной Ивановною. Я знаю ее. Прощайте, милый братецъ.

Сестра Ваша К. Д.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

4 февраля. Лукояновъ. Получено 9 февр.

Ну, любезный Николай Александровичъ, соскучился я о тебѣ, захотѣлось побесѣдовать. Какъ ты встрѣтилъ новый годъ? Какъ проводишь его, и до какой степени ты приходишь въ себя, послѣ сильныхъ несчастій? Ты знаешь, какъ велико твое горе и для меня, и потому, вѣрно, не удивишься, если я тебѣ напишу, что я еще только немного прихожу въ себя. Что дѣлать, все превозмогаетъ время. Ты писалъ, что впослѣдствіи и ты долженъ будешь по необходимости показываться веселымъ. Такъ, вотъ какъ до сихъ поръ я провожу время, и часто хохочу и рѣзвлюсь съ молодой женой, потому что самъ молодой, но въ душѣ далеко отъ смѣха: все, мой любезнѣйшій, опротивѣло; долго и много времени надобно, чтобы полюбить жизнь и всю суету житейскую послѣ Вашего несчастія: все было хорошо, всѣ любили братца, и средства къ жизни были хорошія—все это пріобрѣтеніе пота постояннаго и крови—оставалось радоваться, — — но вдругъ все измѣнилось. — —

Ну, любезный, слушай приказаніе твоего опекуна безъ разсужденій, которыя я, сходствуясь съ твоимъ характеромъ [1]), впередъ вижу, и которыя отъ меня никакъ не принимаютъ [2]). Изволь выполнять мои просьбы. Ха, ха, ха! Ну, да не шутя, слушай приказъ и, собравъ всѣ силы, понатужась, пиши во всѣ концы и предѣлы — — по крайней мѣрѣ, на первомъ году всѣхъ проси, всѣмъ свидѣтельствуй почтеніе, — — Фавста Васильевна сердится до-нельзя: говоритъ, что жилы вытянула [3]). И, дѣйствительно, ей очень тяжело; ну, потѣшь ее, — — пиши къ ней, скажи — — что будешь писать часто; да и напиши [4]) раза по три въ мѣсяцъ по немножку. То же сдѣлай и съ Михаиломъ Алексѣевичемъ; и онъ говоритъ, что «я уже не надобенъ сталъ, лишній, во мнѣ нужды нѣтъ» и проч., и что онъ не будетъ ужь тебя безпокоить до тѣхъ поръ, пока ты вновь будешь внимателенъ къ нему. Такъ же поступи и съ прочими. Пиши коротко — —: такой да сякой, да и будетъ. Повѣрь, что все старое забудется и тебя вновь будутъ хвалить. Тяжело съ дѣтьми, надобно держаться тѣхъ гнѣздъ, къ которымъ они привыкли. Что тебѣ сказать о Володѣ?—Недавно онъ жилъ у меня двѣ недѣли. Дѣло было вотъ какъ: захотѣлось мнѣ видѣть ихъ у себя вмѣстѣ съ Юленькой, и взялъ ихъ къ себѣ вмѣстѣ. Юленька ночевала ночь, а Володѣ дозволили и

---

1) То есть: по сходству твоего характера съ моимъ.
2) Когда я высказываю ихъ въ оправданіе твоего молчанія.
3) Жилы вытянула себѣ, заботясь о дѣтяхъ покойной сестры.
4) Разговорная форма рѣчи, вмѣсто „пиши“.

двѣ; только насильно могъ я его съ ужасными слезами отвести домой и съ условіемъ только выпросить позволеніе прожить у меня и еще недѣлю. Прожилъ онъ ее. Отправились къ Преосвященному, съ которымъ Володя былъ смѣлъ, какъ и со всѣми. Архіерей говорилъ, что надобно его пріютить гдѣ нибудь въ приличномъ домѣ, что въ большомъ купеческомъ домѣ ему неудобно, пора учиться, и велѣлъ мнѣ объ этомъ подумать. Повезъ я опять къ Мичуринымъ;—опять слезы у нихъ [1]): «я къ Вамъ» [2]); прошу у Василія Климовича, предупреждаю, что мнѣ пріятно его видѣть [3]), но не отстанетъ ли онъ отъ Вашего дома? Нѣтъ, говоритъ, что онъ скоро привыкнетъ къ Пашенькѣ; и это сказано сухо: — — И я Володю опять взялъ на недѣлю, и только одно могло его выжить отъ меня, что я — — уѣхалъ въ Лукояновъ. Сильно онъ плакалъ, жалуясь на холодность Мичуриныхъ. Я въ этомъ увѣрился, потому, что они и ко мнѣ никогда не выйдутъ, какъ слѣдуетъ и не поговорятъ; и, вѣроятно, одна холодность такъ тяжела Володѣ, потому что во всемъ прочемъ ему хорошо, какъ видно; и одѣваютъ, и кушанье вмѣстѣ; но нѣтъ жизни, науки. Какъ ты посовѣтуешь, если архіерей вздумаетъ отдать его кому либо. Хорошо, какъ бы сложили ссуду, тогда было [4]) изъ чего отдѣлить на содержаніе Володи, и согласно его желанію и мнѣ бы можно было помѣстить его у себя, потому что Елена полюбила Володю за его остроту до крайности. Юленька умнѣетъ, много знаетъ хорошо читать и выражать наизусть басенъ, и пишетъ, и шьетъ, и вяжетъ,—это я видѣлъ.

Къ князю [5]) будь довѣрчивъ — —.

Архіерей положилъ въ Приказъ до 300 рублей серебромъ на содержаніе процентами съ этихъ денегъ Володи въ Семинаріи, но съ тѣмъ, что [6]) проценты ему пошли со дня поступленія въ училище и до окончанія курса. Обѣщался для Катеньки положить въ Приказъ 100 руб. серебр.

ПИСЬМО ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

Февраля 5 дня 1855 г. **Получено февр. 13** [7])

Поздравляю Тебя, милый Николенька, съ святымъ великимъ постомъ и желаю провести его благополучно и въ радости встрѣтить праздникъ Христовъ. Ты сердишься на меня, что я называю въ письмахъ тебя Вы, а я боюсь, что ты обидишься за слово «ты»; это и для меня что-то тяжело, и я рада писать къ Тебѣ проще, ближе къ сердцу. Вѣдь я право люблю тебя все по старому и ты знаешь, что я люблю тебя лучше всѣхъ племянниковъ; я и нынче не могу читать твоего

---

[1]) То есть по пріѣздѣ къ нимъ.
[2]) Подразумѣвается: говоритъ Володя.
[3]) У себя.
[4]) По недосмотру, пропущено „бы"; должно читать: „было бы".
[5]) Трубецкому.
[6]) Описка; должно читать: „чтобы".
[7]) Эта помѣтка сдѣлана Николаемъ Александровичемъ (по недосмотру), не вверху первой, а вверху послѣдней страницы письма.

письма безъ особеннаго чувства. Ежели я пишу къ тебѣ рѣдко, то это потому, что я боюсь надоѣсть тебѣ своими каракулями; и какъ только обмоглась и стала сидѣть на стулѣ, то и принялась писать къ тебѣ письмо. Причина же моей болѣзни была та: въ самый день твоего рожденія, Богъ далъ мнѣ дочь Антонину. Вчерась была у насъ сестрица [1]) и привозила Катенькино письмо изъ Симбирска. Ахъ, какъ она хорошо пишетъ по лѣтамъ своимъ; и мы радуемся, что она довольна и ей все хорошо понравилось и ласково ее тамъ приняли. Милый Николенька, прости меня, что я постаралась разобрать въ письмѣ твоемъ [2]) замаранныя слова и спросить тебя, что ежели тебѣ надо шить новый сюртукъ, то имѣешь ли на это деньги или нѣтъ? Прошу тебя именемъ твоей матери, скажи мнѣ откровенно, и я пришлю ихъ тебѣ, и много ли на это надо; сдѣлай милость, будь откровененъ: я знаю, что ты не захочешь, чтобъ это кто зналъ; увѣряю тебя, что это будутъ знать ты, да я. Я бы и теперь тебѣ послала, да не съ кѣмъ, я сама не выхожу никуда; а напиши ты просто въ Анночкиномъ письмѣ [3]); ежели ты любишь меня, то не будешь гнушаться [4]) моимъ предложеніемъ. Ты скажешь: пусть лучше изведутъ эти деньги сестрамъ моимъ. Онѣ не имѣютъ нужды въ томъ; если же чего нѣтъ у нихъ лишняго, такъ на что имъ, онѣ сидятъ дома, ходить некуда; будутъ большія, все будетъ; а ты ходишь въ хорошіе дома и себя можешь сконфузить и хозяевамъ непріятно, что у нихъ гость неопрятно одѣтъ; поэтому тебѣ не надо отказывать себѣ въ необходимо нужномъ. Скажу тебѣ еще объ Володѣ, что я его давно не видала, а говорятъ, что онъ просится къ намъ. Сестрица боится привести ко мнѣ его, говоритъ, что онъ не пойдетъ отъ насъ домой, онъ отъ всѣхъ уходитъ [5]) съ великимъ плачемъ. Не знаю, что это за причина, хорошо-ли ему тамъ жить, не знаю; только жалко его; если бы было можно и ты велѣлъ, я бы его взяла къ себѣ. Прости, милый Николенька, что я это написала къ тебѣ; знаю, что это тебѣ непріятно и никто не напишетъ про это, кромѣ меня.

Остаюсь любящая тебя тетка Варвара Колосовская.

6 февраля, утро.

(*Приписка Анны Александровны*).

Милый и любезный мой Братецъ!

Наконецъ и я получила отъ Васъ письмо, которое меня очень обрадовало. Въ Крещеніе тетенька Фавста Васильевна съ Катенькой и съ Ниночкой пріѣхали къ намъ и сказали, что Катенька въ субботу уѣзжаетъ въ Симбирскъ и потому взяли меня къ себѣ, провожать Катеньку. Но ее оставили еще до вторника, а во вторникъ, 11 чис-

[1]) Фавста Васильевна.
[2]) Отъ 9 декабря.
[3]) То есть: въ письмѣ къ Анночкѣ.
[4]) Провинціализмъ, вмѣсто: „не пренебрежешь".
[5]) То есть: отъ всѣхъ родныхъ уходитъ обратно къ Мичуринымъ.

ла, она уѣхала, а я осталась еще у тетеньки [1]), потому что тетенька и Михаилъ Ивановичъ были оба нездоровы и поэтому меня некому было провожать домой; я даже провела у нихъ и свои именины. А въ мои именины тетенька [2]) выздоровѣла и ходила со мной и съ Ванечкой къ обѣднѣ. Ванечку пріобщали; а на другой день моихъ именинъ, я съ тетенькой и съ Ниночкой поѣхала домой. И еще я Вамъ скажу, милый мой Братецъ: Вы пишете мнѣ, чтобы я Вамъ писала «Ты», а не «Вы». Какъ же это можно?—Вы у насъ старшій братъ, старше насъ всѣхъ и остались у насъ вмѣсто папаши и мамаши и будемъ Вамъ писать Ты. Теперь, милый и любезный мой Братецъ, больше мнѣ нечего Вамъ писать. Прощайте.

Остаюсь всегда любящая Васъ сестра Ваша
Анна Добролюбова.

(*Приписка Софьи Лукиничны*).

Любезный братецъ, Николай Александровичъ, благодарю Васъ за память объ насъ. Прощайте. Остаюсь любящая Васъ сестра Софья Колосовская.

(*Приписка Луки Ивановича*).

P. S. Наконецъ и я, всегда Васъ помнящій и сердечно любящій дядя священникъ Лука Колосовскій, свидѣтельствую Вамъ свое почтеніе, и Дай Богъ Тебѣ провести душеполезно Святый Великій Постъ, и радостно встрѣтить Святую Пасху.

Остаюсь любящій дядя священникъ Лука
Колосовскій.

(*Приписка Варвары Васильевны*).

Еще забыла я написать Тебѣ поклонъ отъ товарища твоего, Михаила Веселовскаго, а отечество забыла. Онъ просилъ меня усердно объ этомъ и увѣдомить тебя, что онъ женился на Никаноровой сестрѣ (что живутъ въ Соборномъ домѣ), на Капитолинѣ и выходитъ во священники въ какое-то село.

1855 года, февраля 6 дня [3]).

---

[1]) Подразумѣвается: „Фавсты Васильевны".
[2]) Фавста Васильевна.
[3]) Эта помѣтка сдѣлана внизу приписки Варвары Васильевны рукою Луки Ивановича.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

С.-п.-б. 6 февраля 1854 г.

Сегодня Вы именинница, моя милая Тетенька, а я до сихъ поръ не могъ собраться писать къ Вамъ, чтобы заблаговременно поздравить Васъ и пожелать провести этотъ день весело, спокойно и благополучно. За то теперь, въ самое время Вашего праздника, поздравляю Васъ и вѣрю, что доброе желаніе моего сердца отзовется и въ Вашемъ сердцѣ въ тотъ же часъ, въ ту же минуту. Какъ мать, какъ благодѣтельницу привѣтствую Васъ и желаю Вамъ всего, всего, что только можетъ быть хорошаго въ жизни и въ чемъ судьба отказала мнѣ. До сихъ поръ я тоскую, мрачно тоскую, если только шумной, кипучей, лихорадочной дѣятельностью не заглушаю тяжелыхъ своихъ мыслей и чувствованій... Но не хочу увлекаться въ описанія и нарушать радость Вашу въ этотъ день своимъ горемъ. Жаль, что оно подоспѣло къ этому дню... Отказъ Клейнмихеля [1]), о которомъ Вамъ уже, вѣроятно, сказали, окончательно меня разстроилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожитъ меня еще одно собственное дѣло по Институту, весьма непріятное [2]). Всего же болѣе растревожило меня извѣстіе о проводахъ Катеньки. Что-то съ ней, бѣдненькой, дѣлается? Можно ли будетъ мнѣ получать отъ нея извѣстія изъ Симбирска и черезъ кого?.. Пожалуйста, ежели будетъ можно, присылайте мнѣ чаще и подробнѣе свѣдѣнія о ней; пишите все, что узнаете отъ княгини, отъ Александры Максимовны и отъ всѣхъ, отъ кого только можно будетъ получить какія нибудь извѣстія... Скажите мнѣ еще, сдѣлалъ ли для нея что нибудь преосвященный? Василій Ивановичъ писалъ мнѣ, что преосвященный обѣщалъ внести за нее деньги въ училище... У меня очень много разныхъ дѣлъ и потому я не скоро буду писать и за одно уже поздравляю и Анночку, и Ниночку со днемъ ихъ ангела. Желаю быть имъ веселыми, умными, здоровыми, счастливыми, ежели только можно имъ быть счастливыми. Кстати, спросите тетеньку Варвару Васильевну, получено ли у нихъ письмо мое отъ декабря 30. Если можно, узнайте, получено ли мое письмо отъ 30 ноября Александрою Максимовною и не нашла ли она въ немъ чего нибудь непріятнаго для нея, не разсердилась ли она на меня за что нибудь... Можетъ быть, потому она мнѣ не отвѣчаетъ столько времени. Я, право, столько благодаренъ [3]), столько люблю и уважаю ее, равно какъ и Бориса Ефимовича, что потерять ихъ расположеніе было бы для меня весьма горько.

Поздравляю тебя, любезный другъ Михаилъ Ивановичъ, съ нашей дорогой именинницей. Благодарю тебя за любовь твою къ нашему

---

[1]) На просьбу о сложеніи съ дома остававшейся на немъ части долга по займу изъ строительной коммиссіи. Клейнмихель былъ тогда главноуправляющимъ путей сообщенія и публичныхъ зданій; строительныя коммиссіи находились подъ его начальствомъ.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ Николай Александровичъ разсказываетъ Михаилу Ивановичу въ письмѣ отъ 18 іюня 1855 г.

[3]) По недосмотру пропущено „ей"; должно читать: столько благодаренъ ей, столько люблю и т. д.

Ванечкѣ. Надѣюсь, что ты уже не сердишься болѣе на меня, потому что причины нѣтъ больше. Я аккуратно отвѣчаю на всѣ ваши письма. Желаю и отъ васъ того же.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО КНЯГИНИ М. А. ТРУБЕЦКОЙ.

Получено 15 марта. Нижній-Новгородъ. 1855 г. 8 марта.

Милый Николай Александровичъ, когда Вы получите это письмо, Вы уже будете знать о горестной потерѣ, постигшей Васъ и насъ. Не стало нашей милой, хорошенькой, умненькой Юленьки; и хотя я пишу эти слова, не могу еще повѣрить дѣйствительности этого несчастія. Говорятъ, все къ лучшему; говорятъ: ей тамъ лучше; говорятъ, что она ангелъ; многое говорятъ,—все то, наконецъ, что въ такихъ случаяхъ говорится людьми не принимающими къ сердцу или принимающими благоразумнѣе, чѣмъ я; но я не могу вспомнить безъ горькихъ слезъ эту милую, добренькую фигурочку, всегда веселую, всегда ласковую, которую мы уже привыкли почитать своею и любить какъ свою. Все я думала, что Вы пріѣдете лѣтомъ, и радовалась впередъ, думая, какую Вы найдете въ ней перемѣну; я знаю чего Вы ей желаете, и она бы отвѣчала Вашимъ желаніямъ: и манеры, и привычки, все день ото дня становилось въ ней лучше, и училась прекрасно, и характера была рѣдко-ангельскаго [1],—никогда ни сердца, ни нетерпѣнія, ни каприза, какъ всякій ребенокъ! Какъ это случилось, я до сихъ поръ не могу опомниться! Воскресенье 2-го числа погода была прекрасная; я своей маленькой велѣла одѣваться, чтобъ идти гулять пѣшкомъ, а Юленька должна была ѣхать кататься, но ей такъ хотѣлось идти вмѣстѣ, обѣ [2]) такъ объ этомъ просили, что я рѣшилась взять ихъ обѣихъ. Прогулка была самая веселая. Жоржъ [3]) съ нами же былъ, и обѣ дѣвочки такъ прыгали и смѣялись, что я должна была ихъ унимать. Проходя мимо Прутченки, дѣти Дельвигъ [4]), которыя катались съ снѣжной горы, умоляли насъ остаться, и гувернантка ихъ, которая нашъ другъ, просила меня оставить Жоржа и Юленьку, какъ болѣе имъ подъ лѣта; но точно какъ будто предчувствіе, я оставила Жоржа, а Юленьку, къ великому ея сожалѣнію, увела вмѣстѣ съ Дашенькой, и мы продолжали себѣ гулять съ большой веселостью. Вечеромъ Юленька отказалась отъ ужина, но и Дашенька ничего не хотѣла взять въ ротъ, такъ что я приписала это тому, что мы обѣдали въ этотъ день почти въ 7 часовъ. На другой день просыпаюсь,—и слышу, что Юленьку рветъ; я пошла къ ней, она была очень красна и говорила, что у нея голова болитъ. Съ ней уже это случалось, и мы напоили ее мятой и снова уложили и

---

[1]) Такого ангельскаго, какой рѣдко встрѣчается.
[2]) То есть, она и дочка княгини.
[3]) Сынъ княгини.
[4]) Дочь Бориса Ефимовича, Александра Борисовна была за барономъ Дельвигомъ; это были ея дѣти.

держали въ постелѣ до вечера; пріѣхалъ Линдеманъ [1]) и объявилъ, что онъ думаетъ, что это будетъ сыпь, которая очень ходитъ здѣсь по городу, называется краснуха и проходитъ въ три дня; однако, чтобы не пристало къ Дашенькѣ, онъ совѣтовалъ ее тотчасъ же перенести внизъ, что мы сейчасъ и сдѣлали; ее понесли на рукахъ закутанную въ шубу и она била въ ладоши и хохотала, говоря: «я точно дитя, меня какъ ее на рукахъ несутъ». На другой день ей казалось лучше и ни малѣйшей сыпи не показывалось; на третій, когда бы должно было высыпать, ей вдругъ стало хуже, такъ что она играла и говорила цѣлый день, а въ теченіи часа потеряла всякую память, такъ что хотя докторъ пріѣхалъ черезъ полчаса, она уже была совершенно безъ памяти. Что Вамъ еще сказать? Все, что ни дѣлали, осталось безполезно: всѣ лекарства дѣйствовали хорошо и скоро, но ни одно не помогало. Память не возвращалась и бѣдняжка металась безпрестанно: всю ночь мы сидѣли у ней; наконецъ, ударили заутреню и я рѣшилась послать за Павломъ Ивановичемъ причастить нашего милаго ангела Юлечку. Она не могла выговорить слова, но видѣла и чувствовала и хорошо приняла святые Дары. Ниночка была тутъ, сама больная гриппомъ. Тетенька Ваша [2]) также приходила, но у нея Ванечка въ золотухѣ и она скоро ушла. Что продолжать? Юленьки нашей не стало, не смотря на наши слезы и на всѣ старанія искусства. Кажется, Софья Алексѣевна къ Вамъ писала и оттого я не вхожу въ большія подробности. Скажу Вамъ только, что мы всякую минуту вспоминаемъ о нашей миленькой Юленькѣ. Писала ли Вамъ Софья Алексѣевна ея сонъ? Еще нѣсколько дней до болѣзни своей она утромъ мнѣ говорила, что она видѣла во снѣ мамашу, которая за ней приходила; на другой день опять говоритъ: сегодня ночью папаша и мамаша ко мнѣ приходили и будто мы всѣ были вмѣстѣ, а мамаша взяла меня и говоритъ: «теперь я возьму одну Юленьку», и посадила на лошадь, сказавъ: «садись, скорѣе доѣдешь», и я будто поѣхала. Что сказать послѣ этого, и не вѣщіе ли бываютъ сны? Не могу Вамъ выразить, какъ мнѣ тяжело на сердцѣ. Надѣюсь, что Вы увѣрены, что Юленьки не стало не по недостатку попеченія. Видно ужь такая наша судьба. А я знала, что Вы, именно Вы рады были, что она у насъ и мы съ радостью надѣялись оправдать Вашу довѣренность. Но Богъ обрекъ иначе! Прощайте, напишите намъ, здоровы ли Вы и будете ли любить насъ по прежнему? Володя былъ у насъ два раза; очень поправился и очень забавенъ. Всѣ мои Вамъ кланяются; Ваши теперь всѣ здоровы [3]).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

23 марта 1854 г. [4]).

Можетъ быть, опять, моя милая, любезная тетенька, не получили Вы письма моего отъ 6 февраля. Въ такомъ случаѣ да проститъ

---

1) Врачъ.
2) Фавста Васильевна.
3) Подписи нѣтъ, потому что не осталось мѣста для нея.
4) Цифра 4 написана по ошибкѣ; слѣдуетъ читать: 1855.

Вамъ Богъ Ваше долгое, долгое молчаніе, въ продолженіи котораго столько новыхъ, горькихъ для насъ событій совершилось на Божьемъ свѣтѣ. Колебались троны, умирали цари, гибли тысячи цвѣтущихъ и здоровыхъ защитниковъ отечества, гибли невинныя творенія, малютки-сироты, призрѣнныя въ чужомъ домѣ... Не правда ли, что судьба страшно преслѣдуетъ насъ и особенно меня, на котораго валится куча бѣдствій всею своей тяжестью? А мнѣ даже и опереться не на что... Я какъ будто завязъ въ ужасномъ болотѣ... Вокругъ меня утопаютъ въ тинѣ мои родные братья и сестры, я силюсь помочь имъ, но при каждомъ движеніи еще болѣе погружаюсь внизъ... А мнѣ никто не подаетъ руки помощи: одни не хотятъ, другіе и хотѣли бы, можетъ быть, да не знаютъ, какъ подступиться къ болоту и боятся замочить въ немъ ноги... Горько и тяжело погибать такимъ образомъ, и я рѣшилъ, что если ужь суждено мнѣ гибнуть, то сгину со свѣта не даромъ!..

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Юленьки я получилъ извѣстіе отъ Трубецкихъ, что Ниночка больна гриппомъ, а у Ванечки золотуха. Если Ниночка до сихъ поръ жива, то, вѣроятно, уже и выздоровѣла: гриппъ не такая болѣзнь... Но золотуха Ванечки ужасно меня безпокоитъ. Ради самого Милосердаго Господа, умилосердитесь, тетенька!.. Не сердитесь на меня или, по крайней мѣрѣ, не переносите своего гнѣва на другихъ моихъ братьевъ и сестеръ. Займитесь имъ [1]) рѣшительно, не пожалѣйте ничего, возьмите у Трубецкихъ деньги, назначенныя для меня и которыя они мнѣ уже предлагали получить. Мнѣ онѣ не нужны: пусть идутъ на леченье Ванечки. Я не могу вспомнить безъ ужаса хромой, слѣпой и увѣчной Вареньки, 7 лѣтъ страдавшей такъ невыносимо. Что, если у Ванечки будетъ то же? Неужели еще этимъ Господь накажетъ меня и Васъ? Неужели наша семья должна приносить только несчастье всякому, кто принимаетъ въ насъ участіе?.. Употребите всѣ средства, не переставайте лечить его, пока не выгоните совсѣмъ этой ужасной болѣзни!... Спросите, можетъ быть есть какія нибудь даже простыя средства; Михаилъ Фроловичъ сказывалъ мнѣ, что онъ вылечился отъ золотухи въ рукѣ, прикладывая къ ней творогу... Во всякомъ случаѣ, пожалуйста, не пренебрегайте этой болѣзнью: всѣ наши бѣдствія начались съ того, что слишкомъ безпечно смотрѣли сначала на болѣзнь Мамаши, которой она страдала столько лѣтъ. Напишите мнѣ, въ какомъ положеніи болѣзнь Вани, какія части тѣла поражены, опишите весь ходъ болѣзни... Меня терзаетъ это ужасное обстоятельство!..

Смерть Юленьки, — эта капля въ чашѣ нашихъ горькихъ бѣдствій,—перелила черезъ край... Невыносимо тяжко мнѣ было это извѣстіе, и Богъ знаетъ, что бы было со мной, еслибы я получилъ его не во время болѣзни. Но изнуреніе тѣлесное препятствовало слишкомъ сильнымъ движеніямъ души и вмѣсто отчаянной тоски только тихая грусть, даже съ успокоительными слезами, была слѣдствіемъ поразительной вѣсти... Да, я понимаю Васъ, совершенно понимаю, милая Тетенька, понимаю даже то, что Вы сами, можетъ быть, не

[1]) Ванечкой.

рѣшились бы написать ко мнѣ, говоря объ этой смерти [1])... Но Вы знаете,—мы были въ такомъ положеніи, что выборъ былъ невозможенъ. Не могли мы отвергать хорошаго, не имѣя въ виду лучшаго!..

До сихъ поръ я ни строчки не писалъ Вамъ о себѣ [2]); да и что писать? Если я Вамъ пишу, Вы уже ясно видите, что я, стало быть, живъ и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, здоровъ... Чего же больше?— Право, я не знаю... Спросите, я отвѣчу, какъ могу... Впрочемъ, кого же можетъ интересовать теперь моя бѣдная, жалкая жизнь!..

Для меня теперь рѣшительно все равно, что праздникъ, что будни и потому я чуть-было не позабылъ поздравить Васъ съ праздникомъ. Желаю Вамъ провести его весело и благополучно. Если Вамъ будетъ грустно, вспомните, что и я тоскую здѣсь и хотѣлъ бы плакать, горько плакать—да не могу, къ несчастью...

Желаю всего хорошаго тебѣ, мой другъ Михаилъ Ивановичъ... Надѣюсь, что ты здоровъ и веселъ.

Узнайте, пожалуйста, не сердятся ли на меня Прутченко и получили [3]) они послѣднее письмо мое, о которомъ я Вамъ уже писалъ прежде.

Ниночкѣ ничего теперь не пишу: не могу еще много писать: очень слабъ послѣ болѣзни. Получаете ли письма отъ Катеньки? Я получилъ одно и отвѣчалъ ей и Ренненкампфу..

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

24 марта 1855 г. С.-п.-б.

Давно собирался я отвѣчать Вамъ на Ваше письмо отъ 6 февраля, любезная Тетенька и Дяденька... Но такъ много было въ это время разныхъ происшествій, что они совершенно поглотили мое вниманіе. А потомъ новый ужасный ударъ поразилъ меня... Смерть Юленьки, такъ неожиданно случившаяся во то самое время, когда она почти совсѣмъ уже была устроена [4]), когда я уже радовался, надѣясь свидѣться хоть съ ней въ этомъ году, здѣсь, въ Петербургѣ, — эта смерть столько принесла мнѣ горя, что я до сихъ поръ еще не могу опомниться... Какъ будто какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ нашимъ родомъ, какъ будто такъ ужь суждено, что изъ поколѣнія въ поколѣніе переходятъ и должны переходить въ немъ только одни непрерывныя бѣдствія!... Тошно, горько, тяжко на свѣтѣ... Зачѣмъ было родиться на свѣтъ, чтобы такъ страдать съ ранней молодости, чтобы такъ провести лучшіе годы, которые даются для наслажденія и радости человѣку!..

Безцвѣтно и безотрадно проходятъ дни мои, и каждый новый день страшитъ возможностью новой утраты!.. Страшно-горько, когда по

1) То, что не слѣдовало отдавать дѣтей чужимъ людямъ.
2) О томъ, какъ идутъ его личныя дѣла.
3) По недосмотру пропущено „ли“; должно читать: „получили ли“.
4) Опредѣлена въ царскосельское училище.

цѣлому мѣсяцу не получаешь извѣстій ни отъ кого, ни отъ кого!.. Какъ будто нѣтъ больше родной души для меня въ мірѣ!.. Какъ будто суждено несчастному быть забытымъ и брошеннымъ всѣми на свѣтѣ. Я плакалъ, читая письмо Ваше, моя милая Тетенька, и слезы эти такъ облегчали, такъ успокоивали мое разбитое сердце... Ваши строки напомнили мнѣ былое время, которое уже никогда не возвратится, напомнили мнѣ мою страдалицу-мать, съ ея душою, полною безграничной, вседѣйственной любви... О, зачѣмъ, зачѣмъ я потерялъ тебя, моя чудная, незабвенная, родная моя, мой геній-хранитель въ превратностяхъ жизни!.. Отлетѣла она отъ насъ и рушилось все, на чемъ опиралось спокойствіе и счастье семьи!.. Не возвратить мнѣ васъ, молодые годы; не повторить уже никакою волшебною силою чудныхъ, золотыхъ впечатлѣній дѣтства!.. Горе и страданія послѣдуютъ по пятамъ за бѣднымъ сиротою-странникомъ, брошеннымъ, по прихоти судьбы, въ безлюдной, безплодной, безпредѣльной пустынѣ!..

Я предаюсь своимъ чувствамъ и забываю, что *у Васъ* будетъ праздникъ, когда Вы получите мое письмо... Нѣтъ для меня праздника, нѣтъ для меня воскресенія мертвыхъ, — и холодно, безъ сердечнаго чувства поздравляю я Васъ съ наступающимъ праздникомъ. Желаю Вамъ провести его весело... Не желайте мнѣ того же.

Не хотѣлось бы мнѣ говорить Вамъ о себѣ, о своемъ внѣшнемъ положеніи, которое даже меня самого такъ мало интересуетъ... До сихъ поръ ни строчки никому еще не писалъ я объ этомъ... [1]). Но Вы своею заботливостью вынуждаете меня говорить и объ этомъ. Будьте увѣрены, что я ни въ чемъ не нуждаюсь здѣсь, особенно теперь. Къ святой выдали намъ новые сюртуки, шляпы, шпаги и пр... У меня еще осталось болѣе половины тѣхъ денегъ, которыя я взялъ съ собою... Для меня слишкомъ ничтожны тѣ маленькія лишенія, къ которымъ я долженъ былъ пріучить себя... Теперь рѣшительно ко всему я привыкъ, и къ казенному сбитню [2]), и къ брюквенному соусу, и къ выростковымъ сапогамъ, которые я самъ чищу... [3]) Да что!.. Стоитъ ли объ этомъ говорить!... Повѣрьте, что все это не доставляетъ мнѣ ровно никакой непріятности, и, пожалуйста, обо мнѣ не безпокойтесь!..

Недавно я простудился, и недѣли двѣ лежалъ въ больницѣ... Въ это самое время получилъ я и извѣстіе о смерти Юленьки; оно меня еще больше разстроило, и я пролежалъ, можетъ быть, нѣсколько дней лишнихъ... До сихъ поръ еще чувствую слабость.

Будучи увѣренъ въ Вашемъ родственномъ расположеніи ко мнѣ, я умоляю Васъ, Дяденька и Тетенька, обратить его и на моихъ сестеръ и братьевъ. Мнѣ, собственно мнѣ, ничего не нужно: я буду доволенъ, если хорошо будетъ сестрамъ и братьямъ моимъ.

Не пишу ничего Анночкѣ, потому что не имѣю ничего особеннаго сказать ей. Передайте ей, что я здоровъ, помню и люблю ее, и что не сомнѣваюсь нисколько въ томъ, что ей хорошо у родныхъ.

Пишетъ ли Катенька? Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть о ней какое

---

[1]) Кромѣ того, что написано было имъ объ этомъ Варварѣ Васильевнѣ и вычеркнуто.

[2]) Которымъ по институтскимъ правиламъ замѣнялся чай для студентовъ.

[3]) То есть, онъ не имѣлъ теперь денегъ платить сторожу за чистку сапогъ.

нибудь извѣстіе. Я замѣчаю, что если я очень долго ни отъ кого писемъ не получаю, то непремѣнно послѣ этого получу какую нибудь горькую вѣсть. Потому-то у меня всегда такъ тяжело бываетъ на сердцѣ, когда долго нѣтъ ничего изъ Нижняго... Прощайте.

Веселитесь на праздникахъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*отъ 24 марта 1855*).

Получено марта 30.

Любезный мой другъ,

Николай Александровичъ!

Я надѣюсь, что ты это письмо будешь читать въ Пасху, и потому говорю тебѣ: Христосъ Воскресе!..

Поздравляю съ праздникомъ, желаю провести его хорошенько, такъ, какъ хочется тебѣ. Извини, что послѣ полученія твоего письма (отъ 6-го февраля) такъ долго не писали. Ты, навѣрное, извѣщенъ о смерти Юленьки, какъ намъ обѣщано [1]). Не хочу утѣшать тебя въ ея смерти. Самъ знаешь, хорошо ли это или худо, и для нея и для тебя.—Правду сказать, что я вовсе не хотѣлъ тебѣ никогда писать, потому что всѣ мои резоны и совѣты ты не принимаешь и даже не обращаешь на нихъ вниманія. Хотя ты умнѣе меня въ наукахъ, но въ жизни я буду много опытнѣе. Я побольше дѣлалъ глупостей и знаю глупости другихъ; потому не худо [2]), для твоей же пользы, обращать нѣкоторое вниманіе на [3]) совѣты и обдумать ихъ. Если они совсѣмъ не годны и не умѣстны, то *плюнуть* на ихъ [4]); а если маломальски хороши, то не стыдиться исполнять ихъ только оттого, что тебѣ совѣтуютъ и будто ты самъ не можешь знать, что должно дѣлать и какъ жить. И такъ, въ послѣдній разъ прошу принять мой самый дружескій совѣтъ.

Не дожидаясь отвѣтовъ отъ А. М. Прутченко, писать къ ней и писать почаще. Она много разъ выражала маменькѣ свое огорченіе, что ты забываешь ее. Помни, что ей извѣстно бываетъ про каждое письмо, присланное [5]) Трубецкимъ; не худо писать и ей. Она стараго вѣка — —; между тѣмъ, ея участіе не словесное, но *положительное*: напримѣръ, Катю она собрала и проводила, какъ свою дочь; не забываетъ и другихъ дѣтей, которыя у насъ. Стало быть, твои сироты ей очень много обязаны; а такъ какъ онѣ не могутъ сами выражать благодарность ей, а ты почитаешься старшимъ въ родѣ,

---

1) Трубецкими.
2) Подразумѣвается: „тебѣ“.
3) Подразумѣвается: „мои“.
4) Провинціализмъ; вмѣсто: „на нихъ“.
5) Подразумѣвается: „тобою“.

то и обязанъ быть внимательнѣе. Пріятно, должно быть, что такіе люди желаютъ имѣть отъ тебя вниманіе.

Катерина Петровна [1]) въ каждомъ письмѣ выражаетъ свою обиду за твое невниманіе. Не худо и ее помнить, и хотя бы нѣсколько разъ въ годъ писать ей. Адресъ ея тебѣ извѣстенъ. Посылаю отрывокъ изъ ея письма ко мнѣ; почитай его и сознайся, что дурно дѣлаешь.

Я отъ самаго Рождества Христова все хвораю; недѣлю выхожу, а двѣ—лежу. Маменька тоже нездорова. Ваня не перестаетъ хворать: золотухи усиливаетъ стараніе доктора [2]). Я, даже, нынѣшній постъ не говѣлъ. Маменька нынѣ (въ великій четвертокъ) пріобщается; теперь она въ церкви, потому велѣла отъ своего имени кланяться тебѣ и христосоваться съ тобой.—Еще прошу: не пиши къ намъ загадками (въ родѣ того, что въ послѣднемъ письмѣ [3]), гдѣ ты говоришь, что имѣешь непріятности по Институту, а не сказываешь какія. Если мы не можемъ знать ихъ, то и не начинай, а то матушка безпокоится; а ее всякая непріятность убиваетъ).

Я совѣтовалъ бы тебѣ похлопотать о сложеніи долга (казеннаго); можетъ быть, ты бы успѣлъ, и это бы было очень хорошо.

Прощай, будь здоровъ.

Твой Мих. Благообразовъ.

24-го марта 1855 года.

Отрывокъ изъ письма К. П. Захарьевой къ Михаилу Ивановичу [4]).

Что касается Николая Александровича, можно сказать слѣдующее: столица, молодость и наконецъ теперь *своеволіе* могли измѣнить его добрыя свойства, впрочемъ онъ оправдаться не имѣетъ чѣмъ; и не грѣшно бы помнить тѣхъ, кто имѣетъ право на воспоминаніе.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

31 марта 1855 г. [5]). Получено 6 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Милый братецъ,

Поздравляю Васъ съ праздникомъ, надѣюсь, что хорошо встрѣтили его и уже теперь здоровы. Мы вчера получили письмо Ваше, изъ ко-

---

[1]) Захарьева, взявшая на воспитаніе малютку Лизу. — Она жила въ своемъ помѣстьѣ, и лишь изрѣдка пріѣзжала въ Нижній.

[2]) По недосмотру пропущено существительное, въ именительномъ падежѣ, отъ котораго зависитъ родительный падежъ слова „золотухи"; это пропущенное слово, вѣроятно, „усиленіе" и, вѣроятно, слѣдуетъ читать такъ: „усиленіе золотухи" и т. д., то есть: слѣдуетъ понимать такъ: съ усиленіемъ золотухи увеличивается и заботливость доктора.

[3]) Отъ 6 февр.

[4]) Это отрѣзокъ нижней части послѣдняго листа письма. Онъ составлялъ приписку. Вверху отрѣзка находится подпись К. П. Захарьиной (какъ она пишетъ свою фамилію) подъ письмомъ ея къ Михаилу Ивановичу.

[5]) Вмѣсто „1855" написано по ошибкѣ „1854".

тораго узнали, что Вы были нездоровы. Мнѣ кажется, что Вы грустите о томъ, что Вы одни и что Вамъ не съ кѣмъ помѣняться чувствами. Бѣдный, бѣдный братецъ! я очень понимаю это, я вѣрю Вамъ; но что же дѣлать. Если Вы любите меня, если вы хотите, то всегда можете писать мнѣ все, что хотите, все, что чувствуете; что бы Вы мнѣ ни написали, я всему бы была очень рада; но Вы совсѣмъ забыли меня, Вы ничего не хотите написать мнѣ... Тетенька [1]) все время, какъ проводила Катеньку, почти все нездорова и потому не собралась писать къ Вамъ; а я потому не писала къ Вамъ, что не надѣялась предоставить Вамъ черезъ это никакого удовольствія; но все-таки, если бъ я знала о томъ, что Вы были больны и о томъ, что Вамъ про меня написали Трубецкіе [2]), то непремѣнно бы написала, успокоила Васъ. Правда [3]), я съ недѣлю была не очень здорова; и то тому [4]) была вотъ какая причина: первая, то, что я пробыла цѣлую ночь у Юленьки безъ сна, много мучилась и плакала, смотря на ея сильное страданіе. За мной пріѣхали поздно вечеромъ въ среду и сказали, что Юленька нездорова; тетенька думали, что нибудь такъ [5]) и обѣщали придти завтра утромъ рано; но я не знаю отчего весь тотъ день думала о Юленькѣ и даже плакала о ея несчастіи, что попала она въ этотъ домъ, и услыхавъ, что она захворала, мнѣ очень захотѣлось съѣздить къ ней, хотя не надолго. Когда я пришла, она была безъ чувствъ и безъ языка и билась такъ сильно, что ей держали руки и ноги. Я думала, что она проживетъ не болѣе одного или двухъ часовъ и потому осталась у нихъ на ночь и просила Софью Алексѣевну [6]) послать спросить тетеньку [7]), но она послала меня самое. Я вышла на крыльцо вспотѣлая, но кучера на дворѣ не было и я стояла болѣе четверти часа; тутъ меня очень продуло и я стала кашлять—вотъ вторая причина моей болѣзни. У меня все-таки не было никакой особенной болѣзни, кромѣ кашля, насморка и (можетъ отъ того) головной боли. Я ночевала у Юленьки; на другой день въ 11 часовъ ушла отъ ея [8]), хотѣла вечеромъ опять идти, но не могла,— у меня голова заболѣла очень. Юленька воскресенье и понедѣльникъ ходила гулять и очень простудилась; въ понедѣльникъ, говорятъ, когда пришла домой, стала жаловаться, что заболѣла голова и за столомъ ничего не кушала. Мнѣ сказывала нянька Трубецкихъ, что во вторникъ, когда она стала вставать и хотѣла одѣваться, то вся дрожала и не могла обуть ногъ; они посылали за докторомъ, но онъ не пріѣзжалъ до вечера и Юленькѣ въ тотъ день не давали ничего кушать, думая, что у ней засоренъ желудокъ, хотя она и просила.

---

[1]) Фавста Васильевна.

[2]) Княгиня Трубецкая въ своемъ письмѣ отъ 8 марта упомянула, что Антонина Александровна была больна.

[3]) По ошибкѣ написано „правду“.

[4]) „И то тому была“ и т. д., разговорный оборотъ: его слѣдуетъ понимать такъ: для болѣзни была особая, случайная причина, болѣзнь не была результатомъ слабости моего здоровья, здоровье мое не хилое.

[5]) То есть: что нибудь маловажное.

[6]) Пальчикову, сестру княгини Трубецкой.

[7]) То есть: спросить у тетеньки позволенія остаться на ночь при Юленькѣ.

[8]) Провинціализмъ вмѣсто „нея“.

Но докторъ, узнавъ это, сказалъ: «напрасно: у ней, напротивъ, очень пустъ желудокъ, дайте ей кушать чаю съ хлѣбомъ и еще чего захочетъ»; и она кушала. Они думали, что у ней корь, и чтобъ не пристала къ княжнѣ [1]), велѣли своему кучеру снести ее внизъ, гдѣ она и скончалась. Въ среду у ней сдѣлалось воспаленіе въ мозгу; можетъ, когда сносили, еще простудили ее... а въ пятницу она уже скончалась.

Я, слава Богу, совсѣмъ здорова; тоже и Ваня и Володя; его [2]) нынче отпустили къ намъ до понедѣльника. Отъ Катеньки мы получили письмо, три дня; она пишетъ, что получила отъ Васъ письмо и очень, очень была ему рада. Прощайте, мой безцѣнный и милый братецъ; извините меня, что я Вамъ такъ дурно написала. Я знаю, что Вы не взыщете; только пожалуйста никому не показывайте.

А. Добролюбова.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ, МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ И АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

20 апрѣля 1855 г. С.-Петербургъ.

Двѣ недѣли тому назадъ, печальный и полубольной, получилъ я Ваше письмо, милая Тетенька; благодарю, что такъ скоро отвѣчали мнѣ. Оно меня утѣшило, успокоило, обрадовало, насколько можетъ теперь радовать меня что нибудь. Ваше извѣстіе о болѣзни Ванечки показало мнѣ, что она не такъ опасна, но все-таки я не могу еще вполнѣ успокоиться. Вѣдь золотуха—болѣзнь у насъ наслѣдственная; не лучше [3]) было бы выгнать ее всю, нежели заставлять спрятаться? Что, ежели она падетъ на какія нибудь внутреннія части и сдѣлается неизлечимою? На Васъ, впрочемъ, я вполнѣ надѣюсь, и всѣ мои печальныя размышленія объ этомъ предметѣ порождены письмомъ бѣдной нашей Катеньки, которая пишетъ, что у ней тоже золотуха бросилась въ глаза и она ходитъ завязанная. Тамъ кто же о ней позаботится? Не будетъ тамъ такихъ попеченій, такого *уходу* за ней, какъ за Ванечкой, потому что тамъ хоть и добрые, но не родные люди. Дай Богъ, чтобы помогъ ей докторъ Ренненкампфа!... Они [4]) такъ добры и такъ внимательны къ ней,—какъ видно,—что я отъ души прощаю имъ пренебреженіе, которое оказали они моему письму къ нимъ, не отвѣтивши на него ни строчки. Какъ скоро Вы будете имѣть свѣдѣнія о Катѣ,—какимъ бы то ни было образомъ,—напишите мнѣ, пожалуйста, все. Можетъ быть, и ей не долго жить...

Вы пишете, что я не собрался поблагодарить Александру Максимовну Прутченко за ихъ [5]) благодѣянія сестрамъ моимъ. Могъ ли я это сдѣлать? Могъ ли я допустить подобную небрежность и разсѣянность

---

1) Дочкѣ князя и княгини.
2) Володю.
3) По недосмотру пропущено „ли"; должно читать: „не лучше ли".
4) Г. и г-жа Ренненкампфъ.
5) „За ихъ",—то есть ея, и ея мужа.

съ моей стороны? Напротивъ, черезъ нѣсколько дней по полученіи Вашего извѣстія о проводахъ Катеньки я писалъ, отъ 29 ноября, письмо къ Борису Ефимовичу и къ Александрѣ Максимовнѣ, въ которомъ, какъ Вы можете догадываться, не забылъ излить свои благодарныя чувства. Потому-то я и просилъ Васъ, еще въ концѣ декабря, узнать, получено ли ими мое письмо. Между тѣмъ, я до сихъ поръ этого не знаю, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ считаютъ меня неблагодарнымъ и невѣжею, думая, что я не хотѣлъ написать и поблагодарить нашихъ благодѣтелей. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что Вы не считаете меня способнымъ на такой поступокъ.

Никакъ не могу надивиться, что значитъ двухмѣсячное молчаніе Василія Ивановича. Я ему писалъ въ послѣдній разъ отъ 18 февр. о нашемъ дѣлѣ по дому, объяснялъ, что, не смотря на отказъ Клейнмихеля, можно еще употребить нѣкоторыя средства и хлопоты; но онъ не говоритъ мнѣ ничего—ровно ничего, такъ же какъ и Трубецкіе. Я думаю, что я имѣю право знать, что дѣлается у насъ въ домѣ, что я даже обязанъ заботиться объ этомъ, и оставлять меня въ такомъ полномъ невѣдѣніи довольно странно... Я никакъ не могу безпрестанно посылать письма. У меня слишкомъ мало времени, да и денегъ-то немного. Письмо, которое вы читаете, начато было, какъ видите, еще 20 апрѣля, а дописывается и отправляется 25-го, потому что на недѣлѣ не было у меня денегъ на конвертъ, [1]) и только въ воскресенье могъ я сходить къ Галаховымъ, гдѣ хранится небольшой остатокъ моей суммы въ моемъ чемоданѣ. Слѣдовательно, большихъ претензій на неисправность мою въ корреспонденціи нельзя имѣть. Говорю это не для того, чтобы разжалобить Васъ: пожалуйста, не безпокойтесь нисколько о мнѣ лично; я хочу только объяснить Вамъ, какія ничтожныя, повидимому, обстоятельства могутъ задержать мои дѣла и набросить дурную тѣнь на человѣка. Что же дѣлать? Не перестроить мнѣнія Екатерины Петровны, [2]) которая воображаетъ, что я позабылъ о ней, утопая въ роскошныхъ удовольствіяхъ столицы, предаваясь всѣмъ влеченіямъ молодаго сердца и увлекшись вихремъ своевольной жизни,—безъ гроша денегъ и съ жестокою тоскою въ душѣ... Что же, пусть воображаетъ!.. Пришлите мнѣ, впрочемъ, адресъ ея: можетъ быть, въ горькую минуту и напишу къ ней... Мнѣ какъ-то еще въ сентябрѣ писалъ Василій Ивановичъ ея адресъ, да я затерялъ то письмо.

Что еще я скажу Вамъ, моя милая, дорогая Тетенька? Право, боюсь начать, чтобы какъ нибудь не свернуть на свою постоянную, грустную, несчастную тему. Горько мнѣ жить, моя милая, добрая Тетенька. Одинъ я остался на этомъ свѣтѣ, и, къ моему великому несчастью, такъ еще я неопытенъ, такъ неразвитъ, такъ слабъ духомъ, что не могу побѣдить себя, не могу найти себѣ успокоенія и утѣшенія въ лучшей, возвышенной дѣятельности... Изрѣдка доходитъ ко мнѣ слабый голосъ любви и родственнаго участья отъ васъ [3]) изъ

---

[1]) Тогда марокъ еще не было, были штемпельные конверты, стоившіе 10 коп.
[2]) Захарьевой.
[3]) „Васъ" тутъ означаетъ не одну Фавсту Васильевну, но и Варвару Васильевну и другихъ родныхъ.

Нижняго и потомъ опять я остаюсь, какъ въ пустынѣ. А мои сестры—Ниночка и Анночка?.. Ихъ судьба тяготитъ и тревожитъ меня: я готовъ былъ бы броситься въ огонь и въ воду, чтобы доставить имъ счастье; но напрасны были бы эти жертвы! Нужно что-то другое сдѣлать, и—я не знаю, что именно!..

Полагаюсь пока на васъ, моя милая Тетенька. Вы знаете: въ Васъ теперь для меня—мать, отецъ, братья и сестры; Вы поддерживаете и соединяете оставшихся членовъ нашего семейства и замѣняете для нихъ тѣхъ, которые насъ оставили. Вамъ трудна Ваша обязанность; но въ сознаніи добраго дѣла, въ душѣ своей, полной любви, Вы почерпнете силы для исполненія этого благороднаго, высокаго призванія. Любовь и благословенія наши низведутъ счастье на Вашу последующую жизнь, если только возможно счастье для нашего несчастнаго рода.

Н. Добролюбовъ.

20 апрѣля 1855 г. Получено 1 мая 1855 г.

Любезный мой другъ,

Михаилъ Ивановичъ!

Я былъ необыкновенно радъ, когда получилъ твое письмо и увидѣлъ, что ты пересталъ на меня *дуться* и снова обращаешься ко мнѣ съ родственнымъ участіемъ и совѣтомъ. Я давно ожидалъ и желалъ этого, и если не писалъ тебѣ, то потому, что думалъ, что ты примешь мои слова совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ бы хотѣлось. Для избѣжанія всякаго рода непріятностей я рѣшился молчать, и молчалъ. Кажется, что я въ самомъ дѣлѣ поступилъ довольно благоразумно. Не имѣя обо мнѣ собственно никакихъ свѣдѣній, не зная никакихъ подробностей о моей жизни, потому что я никогда и никому въ послѣдній годъ не писалъ объ этомъ, не встрѣчаясь, наконецъ, съ моими убѣжденіями, которыхъ ты не зналъ,—какую причину могъ ты имѣть, чтобы сердиться на меня?.. И вотъ ты возвращаешься къ прежнимъ воспоминаніямъ, оставляешь свои подозрѣнія и упреки, и снова между нами возможна дружеская откровенность и братская любовь.

Благодарю тебя за доставленіе свѣдѣній о Катеринѣ Петровнѣ и Александрѣ Максимовнѣ. Послѣдней я уже давно писалъ и даже получилъ отвѣтъ, а о первой... да что объ ней говорить!.. Пусть ее думаетъ, какъ хочетъ... Я думаю, маленькая Лизенька отъ этого не пострадаетъ. Если же это такъ, то для меня, право, совсѣмъ не интересно, чтó обо мнѣ думаетъ такой-то Сидоръ Карповичъ или такая-то Ѳекла Кирбитьевна. Я уже до такой степени несчастливъ, что одна лишняя бабья сплетня ничего не можетъ прибавить къ моему горю. Да и вообще люди ничего не могутъ мнѣ сдѣлать: захочетъ судьба, такъ не минуешь ея, и на меня падетъ ея тяжелая рука, какъ на прочихъ членовъ нашего семейства... Всего скорѣе, что я сойду съ ума, помѣшавшись на какомъ нибудь одномъ пунктѣ; этого я боюсь; умереть не боюсь,—по крайней мѣрѣ рѣдко бываютъ минуты, когда мнѣ жаль было бы разстаться съ жизнью... Напиши мнѣ

когда нибудь поподробнѣе о житьѣ-бытьѣ всѣхъ нашихъ: прежде всего Ниночки и Ванечки [1]), потомъ Володи, Анночки; узнай, получено ли тетенькой Варварой Васильевной мое письмо отъ 26 марта, кланяйся имъ [2]) отъ меня. Кланяйся также Михаилу Алексѣевичу. Кстати: ты говоришь: «онъ обижается, что я не пишу къ нему». Это странно. Въ сентябрѣ получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что мое горе и несчастье происходитъ отъ моей молодости и неопытности, именно оттого, что я не умѣю смотрѣть на жизнь и т. п. Я и дожидаюсь того времени, когда буду опытнѣе и выучусь лучше смотрѣть на жизнь, чтобы достойнымъ образомъ отвѣчать ему. Если онъ еще разъ когда нибудь выскажетъ свое неудовольствіе, можешь сказать ему это. Я очень удивился, узнавъ, что онъ обратилъ свое философское вниманіе на неотвѣтъ презираемаго имъ мальчишки, неумѣющаго смотрѣть на жизнь. Прощай.

Твой преданный другъ Н. Добролюбовъ.

20 апрѣля, 1855.

И ты противъ меня, моя любезная, родная моя Ниночка,—ты, въ которой я хотѣлъ бы имѣть подругу моей души, спутницу моего горя и радости... Ты упрекаешь меня, что я позабылъ тебя! Могла ли ты предположить, что я позабылъ тебя? О чемъ же и о комъ стану я помнить, какъ не о моихъ милыхъ сестрахъ, которыя, смѣю думать, все еще любятъ меня?.. Если бъ я далъ волю своей любви, своему чувству,—всѣ мои письма превратились бы въ вопросы самые нѣжные, заботливые... Ты должна была бъ отвѣчать на нихъ и мнѣ бы хотѣлось многое, многое знать изъ твоей всегдашней жизни, о твоихъ занятіяхъ, твоихъ свиданіяхъ съ сестрою и братьями, твоихъ умственныхъ успѣхахъ, о томъ, любишь ли ты, какъ должно, свою вторую мать, нашу добрую тетеньку, и сама заслуживаешь ли ея любовь? Ты бы мнѣ могла подробно описать весь твой день отъ утра до вечера, могла бы многое разсказать объ играхъ и занятіяхъ Ванечки, о томъ, что ты замѣчаешь за Володею и его воспитателями, какъ ты переносишь свое собственное горе... Да мало ли чего ты могла бы писать мнѣ,—хоть каждую недѣлю на большое письмо доставало бы. А ты только ждешь отъ меня писемъ, и думаешь, что я такъ мало люблю тебя, что твои письма даже не могутъ доставить мнѣ удовольствія... Откуда взяла ты подобныя мысли, милая сестра моя? Повѣрь, что если я не пишу, то не пишу къ тебѣ потому, что мнѣ рѣшительно нечего писать. Скажи мнѣ, неужели я долженъ описывать тебѣ Петербургъ, говорить о новостяхъ, о столичныхъ удовольствіяхъ, и т. п.? Ты, я думаю, не предполагаешь, какъ Катерина Петровна, чтобы столичныя удовольствія были мнѣ извѣстны и чтобъ я пользовался ими. О моихъ занятіяхъ въ Институтѣ нечего тоже говорить... А душа моя открыта всегда передъ всѣ-

---

[1]) Жившихъ у Февсты Васильевны.
[2]) То есть: ей и Лукѣ Ивановичу.

ми, и особенно передъ родными, и я жалѣю, что открываю ее, потому что въ ней слишкомъ много горя, которое можетъ заразить грустью и другихъ. Не желаю этого тебѣ, моя Ниночка, и потому не часто пишу тебѣ... Можетъ быть, ты тоже удивляешься, какъ и другіе, почему я такъ часто пишу Трубецкимъ; этому двѣ причины: во-первыхъ, они очень аккуратно поддерживаютъ корреспонденцію, и я никакъ не жду отвѣта на мое письмо долѣе двухъ недѣль, а иногда получаю его и черезъ недѣлю; во-вторыхъ—ты знаешь, что здѣсь единственное, близкое мнѣ семейство, гдѣ я могу быть почти какъ дома,—это Галаховы. Здѣсь Наталья Алексѣевна Галахова меня непремѣнно спрашиваетъ, когда я бываю у нихъ: «Имѣете ли извѣстіе отъ моихъ сестеръ, [1]) пишутъ ли вамъ Трубецкіе, писали ли Вы къ нимъ, давно ли писали?..» Эти вопросы напоминаютъ мнѣ, что нужно писать, когда я позабуду объ этомъ въ своей грустной разсѣянности... Если бы ты мнѣ такъ же часто напоминала объ отвѣтахъ своими письмами, и къ тебѣ бы я, можетъ быть, сталъ писать почаще. Прощай, моя дорогая, милая Ниночка. Будь здорова и весела. Прощай.

Твой братъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Б. Е. ПРУТЧЕНКО.

(*Отъ 20 апр. 1855 г.*)

20 апрѣля. [2])

Письмо Ваше, любезнѣйшій Николай Александровичъ, доставило намъ особенное удовольствіе; мы увидѣли съ душевною радостью здоровое направленіе Вашихъ мыслей, происходящее, конечно, отъ настоящаго понятія о роковыхъ случайностяхъ жизни. Разскажу Вамъ анекдотъ, случившійся со мною прошлое лѣто въ нашемъ хуторѣ на Пянѣ. Пришли ко мнѣ съ визитомъ нашъ священникъ и діаконъ села—— [3]а); я угощалъ ихъ и разговаривалъ. Діаконъ, оглядывая наше жилище, купленное у Елизаветы Ивановны Крюковой, задумался и сказалъ мнѣ: какъ жаль будетъ Вашему Превосходительству со всѣмъ этимъ разстаться и умирать. На это я тотчасъ отвѣчалъ ему послѣдними словами Исповѣданія Вѣры: чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Священникъ кончилъ, сказавъ: аминь. Этотъ анекдотъ служитъ отвѣтомъ на прекрасныя чувства, выраженныя въ письмѣ Вашемъ о покойникахъ, близкихъ нашему и Вашему сердцу. Вы хорошо знаете, что родившееся непремѣнно должно умереть, и кто имѣетъ начало, долженъ получить окончаніе. Прожившій почти столѣтіе, какъ покойный князь Грузинскій, уже отжилъ свой вѣкъ съ барышемъ; но нельзя не жалѣть о ранней кончинѣ такихъ людей, какъ Ваши

---

1) Княгини Марьи Алексѣевны Трубецкой и Софьи Алексѣевны Пальчиковой.

2) Годъ опредѣляется содержаніемъ.

3а) Названіе села написано неразборчиво.

родители, какъ нашъ Дмитрій, [1]) въ цвѣтѣ лѣтъ, въ силѣ жизни оставившіе здѣшній свѣтъ. Но премудрость Милосердаго Господа Бога неисповѣдима; можетъ быть, продолженіе жизни ихъ было бы для нихъ тягостнымъ испытаніемъ, а потому можно жалѣть, лишась ихъ, и молиться за нихъ, пока придетъ время, когда и за насъ станутъ молиться, если заслужимъ. Преемникъ Вашего Батюшки—хорошій человѣкъ; но мы не можемъ привыкнуть къ нему и ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи [2]) замѣнить покойника. Каждый разъ [3]) вспоминаемъ и говоримъ: нѣтъ ужь нашего добраго, любезнаго Александра Ивановича. Стоя въ церкви, мы все еще воображаемъ объ немъ и это не съ однимъ нашимъ семействомъ: съ нами участвуетъ Пещурова съ семействомъ [4]) и всѣ прихожане. Такая память, такія чувства должны успокоивать Васъ и радовать, что Вы имѣли такого отца, такую мать. Пишу это, воротясь отъ обѣдни; тутъ я видѣлся съ Вашею тетушкой, приводившею малютку Вашего брата; онъ причащался. Славный мальчикъ. На страстной мы говѣли вмѣстѣ съ сестрою Вашей и тетушкой; всѣ, слава Богу, здоровы и благополучны. Отъ Катеньки изъ Симбирска привезено намъ письмо чиновникомъ, нарочно бывшимъ у нея; она выросла и очень отзывается довольною своею жизнью. Слѣдственно, Вы должны только благодарить Господа Бога и продолжать стараться совершенствовать себя для совершенствованія другихъ и для самостоятельной жизни. Теперь у Васъ забота—учиться; но наступитъ година, когда Вы должны будете учить, наставлять другихъ, хлопотать о своемъ хозяйствѣ и продолжать совершенствовать себя: теперешнее ученіе есть только начало будущаго, самаго труднаго. У насъ на Руси есть прекрасная и многознаменательная пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь.

Вы хвалитесь [5]) участіемъ Александра Максимовича. Я знаю его больше 30 лѣтъ; это—ангелъ во плоти. Только одинъ Богъ знаетъ всю доброту души его. Много, очень много кому онъ благодѣтельствовалъ. Я былъ увѣренъ въ горячемъ участіи его въ Вашемъ положеніи. Заходите къ нему: Вы имѣете человѣка, съ которымъ, что называется, пріятно душу отвести.

Кланяются Вамъ Александра Максимовна и Елизавета Борисовна [6]) и желаютъ Вамъ отъ души всѣхъ благъ. Елизавета Борисовна провела съ нами почти всю зиму; здѣсь она захворала и лечилась; потомъ распутица задержала ее; но вотъ уже три дня, какъ Ока и Волга стали сплавныя и можно пуститься въ дорогу.

Христосъ съ Вами, мой любезнѣйшій Николай Александровичъ; будьте здоровы и благополучны; да пожалуйста не думайте, чтобы

---

[1]) Сынъ Бориса Ефимовича и Александры Максимовны, умершій не задолго передъ тѣмъ.
[2]) Подразумѣвается „онъ“.
[3]) Когда бываемъ въ церкви.
[4]) То есть, съ Трубецкими.
[5]) То есть: Вы съ похвалой, съ благодарностью говорите о томъ, что Александръ Максимовичъ (Княжевичъ) выказалъ Вамъ живое участіе.
[6]) Дочь его и Александры Максимовны.

разрывъ переписки между нами могъ измѣнить наши чувства. Часто и писать не о чемъ, а часто и недосугъ.

Всегда искренно Васъ любящій
Борисъ Прутченко.

21-го апрѣля. Нынче экстра [1]) и нынче я видѣлъ въ церкви Вашихъ сестрицу и тетушку; онѣ здоровы и цѣлуютъ Васъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 23 апрѣля 1855*).

Получено 27 апрѣля.

Прости, любезнѣйшій Николай Александровичъ: кругомъ виноватъ передъ тобою. Ну, давай похристосуемся, еще Пасха не кончилась, и помирясь говоримъ.

Я послѣднее письмо писалъ тебѣ изъ Лукоянова, тамъ было свободно, и тамъ-то я услыхалъ о всеобщемъ ополченіи. По пріѣздѣ въ Нижній, намъ пришла страшная работа: по цѣлымъ днямъ и ночамъ сидѣли въ Собраніи, смаялись вовсе, а особенно я: на мнѣ лежали всѣ дѣла по ополченію. Нынѣ становится посвободнѣе, и я тебѣ пишу.— —

Ты слышалъ ли претензію Екатерины Петровны? Она желаетъ, чтобы ты ей былъ благодаренъ письмами; пожалуйста пиши, тѣшь ихъ, потѣшь Прутченко, не дожидаясь отвѣта, и Трубецкихъ, и Щепотьевыхъ, и Фавсту Васильевну, и Михаила Алексѣевича.— —

У насъ идетъ стройка. Князь непремѣнно захотѣлъ, чтобы сарай переправить, и я, по совѣту прочихъ опекуновъ, рѣшился приступить къ дѣлу: перестлать полы въ конюшняхъ и каретникѣ, и покрыть сарай новымъ тесомъ. За работу взяли 50 руб. сер.; лѣсу, примѣрно, на 77 руб. сер., гвоздей на четыре руб. сер. Деньги взялись подождать до справы.— —

Жалованье мое увеличилось на 45 руб. сер. по случаю перемѣщенія на другое мѣсто.

Тебѣ кланяется Елена, жена моя, и проситъ не забывать ее, какъ преданную тебѣ ближайшую родственницу. — Митрофанъ Ефимовичъ просился было въ академію, но архіерей велѣлъ еще ждать одинъ годъ, говоря, что еще успѣешь. Онъ теперь славныя вещи выдѣлываетъ изъ алебастра, мы любуемся и поощряемъ его.

23 апрѣля. Преданный тебѣ Василій Добролюбовъ.

Недавно я послалъ, черезъ Фавсту Васильевну, Катенькѣ три руб. сер. на письма и прочія мелочи—она просила. Ей хорошо, дескать.

---

[1]) Отправляется экстренная почта.

ПИСЬМО П. ПѢВНИЦКАГО (МУЖА МАРЬИ ИВАНОВНЫ, ОДНОЙ ИЗЪ СЕСТЕРЪ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА), ПИСАННОЕ ИМЪ ОТЪ ИМЕНИ СВОЕГО, МАРЬИ ИВАНОВНЫ И МАРЬИ ѲЕДОРОВНЫ (МАТЕРИ МАРЬИ ИВАНОВНЫ И АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА).

(*Отъ 25 апрѣля 1855*).

Любезнѣйшій и дражайшій
Николай Александровичъ,

Христосъ воскресе!

Желаемъ Вамъ добраго здравія и всякаго благоденствія. Поздравляемъ Васъ вмѣсто отца и матери съ прошедшимъ праздникомъ свѣтоноснаго Воскресенія, который Вы, лишенные такъ неожиданно отца и матери, провели не безъ великой печали и унынія. Отъ материнскаго сердца просимъ Васъ много не печалиться о внезапной, страшной и незабвенной, вполнѣ рѣдкой потерѣ. Такая скорбь можетъ и Вамъ, причинивши сильную болѣзнь, весьма скоро приготовить гробъ и хладную могилу. Если же окажете терпѣніе въ такой скорби и потерѣ отца и матери, то, по крайней мѣрѣ, со временемъ можете безпріютнымъ [1]) быть вмѣсто отца и матери. И мы весьма скорбимъ и сѣтуемъ о потерѣ; особенно получавши иногда извѣстіе о горестномъ положеніи сиротъ. Не могли мы провести безъ слезъ тѣхъ дней, какъ получили извѣстіе, что Катеньку отправили въ Симбирскъ [2]) и какъ Володенька отъ Мичурина одинъ приходилъ къ Василію Ивановичу въ Собраніе и просился къ нему жить, горько рыдая [3]). Да, прежде всѣ вы были въ объятіяхъ отца и матери, питаемые и покоимые, а теперь по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла такъ раздѣлены по чужимъ людямъ!—По справедливости, такой примѣръ лишенія отца и и матери изъ тысячи случился одинъ.—И оправдался онъ на опытѣ въ нашемъ родствѣ. Я же съ своей стороны весьма благодарю Бога за то, что имѣю возможность каждодневно приносить безкровную жертву о упокоеніи душъ незабвенныхъ братца Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны. Скажу Вамъ откровенно, что ихъ имена никогда ни на заказныхъ литургіяхъ, ни на панихидахъ, никогда [4]) не выходятъ изъ устъ моихъ. Равно и о сиротствующихъ (равно) [5]), и объ Вашемъ здравіи тоже производится каждодневное номиновеніе. Покорнѣйше просимъ, если будете въ Нижнемъ, посѣтить и насъ, что составитъ для насъ единственное удовольствіе. Мы, по благости Божіей, живемъ благополучно въ Зеленогорской общинѣ, отъ Арзамаса

---

1) Сестрамъ и братьямъ своимъ.

2) То, что написано далѣе о Володенькѣ, зачеркнуто писавшимъ; но зачеркнуто плохо, такъ что легко прочесть.

3) Зачеркнуто до этого мѣста.

4) По недосмотру, осталось не вычеркнуто излишне повторенное слово.

5) Это слово, также излишне написанное, обведено скобками, такъ: (равно); то есть, по стариннымъ правиламъ орѳографіи, отмѣчено, какъ лишнее, которое должно быть считаемо зачеркнутымъ.

въ 30 верстахъ. Домъ построили, и въ ономъ живемъ. Василій Ивановичъ съ Еленой Ефимовной намъ пишутъ намъ [1]) часто. По полученіи сего письма, если найдете свободную минуту, то увѣдомьте хотя въ пяти строкахъ по слѣдующему адресу: въ г. Арзамасъ, Воскресенскаго собора священнику Василію Афанасьевичу Рачинскому, съ передачею въ Зеленогорскую общину священнику Петру Пѣвницкому. Маменька [2]) и Ваша бабенька желаетъ Вамъ преуспѣянія въ наукахъ.

Затѣмъ остаемся съ почтеніемъ къ Вамъ: бабенька Марія Өедоровна Добролюбова и родственники священникъ Петръ и Марія Пѣвницкіе.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 30 апр. 1885*).

Получено 7 апрѣля [3]).

Любезный Николенька!

Поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего Ангела. Желаю, чтобы ты былъ здоровъ и не грустилъ, что уже нѣтъ письма отъ незабвенныхъ сердцу; но что дѣлать. Это я каждый день себѣ повторяю; такъ вѣрно угодно Богу, и потому прошу тебя: береги свое здоровье и старайся успѣвать на пути, по которому пошелъ, это послужитъ къ счастію не только твоему, но и всѣмъ дѣтямъ. Теперь они такъ малы или молоды [4]), имъ немного нужно, но со временемъ потребуютъ больше попеченія, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю, когда ты будешь съ нами и будемъ вмѣстѣ дѣлить заботы, какъ ихъ устроить. Я очень огорчилась, что ты былъ нездоровъ; а не пишешь, чѣмъ; и потому очень безпокоюсь, какъ ты,—поправился ли совершенно. Не знаю, какъ ты живешь, и не нуждаешься ли въ деньгахъ. Что ты, мой другъ, такъ неоткровененъ; повѣрь, что я тебя очень люблю, и твои нужды—мои; я желала бы, чтобы ты хотя не очень себѣ отказывалъ, хотя въ необходимомъ. Я посылаю тебѣ пятнадцать рублей серебромъ—это твои собственные, я получила ихъ за корову [5]); они дѣтямъ не нужны, у нихъ все есть, а тебѣ могутъ послужить на пользу. У насъ есть новость: Лука Ивановичъ переведенъ къ Троицкой церкви, что на Нижнемъ Базарѣ; и теперь такъ часто видимся, Анночка и Ниночка такъ рады, что живутъ такъ

---

[1]) Это излишне повторенное слово осталось по недосмотру не обведено скобками, равнозначительными вычеркиванью.

[2]) Подразумѣвается: „наша".

[3]) „Апрѣля"—описка; слѣдуетъ читать „мая".

[4]) „Малы" относится къ братьямъ и младшимъ изъ сестеръ Николая Александровича, „молоды"—къ двумъ старшимъ сестрамъ, имѣвшимъ теперь 14 лѣтъ.

[5]) Принадлежавшую покойнымъ Александру Ивановичу и Зинаидѣ Васильевнѣ, и теперь проданную. Очевидно, нужда въ деньгахъ была очень велика, если Фавста Васильевна нашла надобнымъ продать ее.

близко, а Ваня, что встаетъ, то и спрашиваетъ, пойдемъ ли мы на Троицу,—это его выраженіе; онъ очень любитъ просвиры, а дядя его ими балуетъ. Ванечка здоровъ, хотя все продолжаетъ постоянно пить чай [1]), который ему очень помогъ отъ золотухи, и гуляетъ— это также ему велѣлъ докторъ. Володю давно не видала, но часто слышу и знаю, что онъ здоровъ; Лиза,—недавно получила извѣстіе, что также здорова [2]), и потому ты объ нихъ не безпокойся. Не знаю, что́ Катя; я ей сегодня послала письмо. Мишенька просилъ меня поздравить тебя заочно, самъ не пишетъ,—рано ушелъ, а вчерась не приготовилъ письма. Мы живемъ все по старому, вспоминаемъ тебя и Катю каждый день, Ваня шалитъ, Ниночка занимается рукодѣльемъ. Извини, что такъ дурно пишу — Ваня все мѣшаетъ и потому спѣшу кончить.

Любящая тебя тетка твоя

Фавста Благообразова.

Апрѣля 30 числа
1855 года.

(*Приписка Антонины Александровны*).

Милый мой братецъ Николенька!

Поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела, заочно цѣлую Васъ сто разъ и желаю Вамъ отъ всей души провести этотъ день хорошо и весело, забыть свое горе хоть на этотъ день. Я бы очень желала видѣть и поздравить Васъ, прижать Васъ къ своему сердцу, но этого нельзя сдѣлать. Я бы желала хоть чѣмъ нибудь подарить Васъ въ этотъ день, но не знаю чѣмъ, кромѣ искренней любви и уваженія къ Вамъ. Милый мой братецъ, писать мнѣ къ Вамъ много нечего и некогда—пора на почту.

Прощайте, остаюсь любящая Васъ сестра Ваша

Антонина Д.

ПИСЬМО ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 30 апр. 1855*).

Получено 3 мая.

Надѣясь, что письмо мое придетъ прежде 9-го числа, то поздравляю тебя се днемъ твоего Ангела и желаю провести его спокойно и не грустить много. Ты пишешь, что былъ нездоровъ; это показываетъ, что ты не забываешь своего горя, милый Николенька; побереги себя для братьевъ и сестеръ своихъ и не думай много,—Богъ все устроитъ, какъ Ему угодно, надо надѣяться на Его милосердіе. А покуда они живутъ хорошо, покойно,—по крайней мѣрѣ, которые

---

1) Чай изъ череды, травы, считавшейся лѣкарствомъ отъ золотухи.

2) Разговорный оборотъ рѣчи,—вмѣсто: „Лиза—какъ я недавно получила извѣстіе—также здорова.

у насъ живутъ; Ваню сестрица такъ любитъ, что даже смѣшно глядѣть на нее, когда она имъ восхищается. Да еще, милый Николенька, я скажу тебѣ радость, что мы живемъ теперь въ городѣ: насъ перевели изъ Кунавина къ Троицѣ, что на Нижнемъ Базарѣ, 13 апрѣля; поэтому мы видимся съ сестрицей почти каждый день. Ваня всегда просится, какъ только встаетъ утромъ, на Троицу кушать просвиры. Вотъ какъ неожиданно Господь насъ соединилъ съ сестрицей; жалко, что не прежде это случилось, когда бы еще порадовались покойные твои папаша и мамаша. А Троицкаго священника— на наше мѣсто. Домъ мы уже продали и живемъ возлѣ самой Троицкой церкви, въ церковномъ домикѣ, хотя маленькомъ, но все лучше квартиры. Маленькая моя дочь Ниночка умерла; жалко, да Богъ съ ней, у меня есть три дочки [1]), будетъ съ меня. Остаюсь любящая тебя тетка Варвара Колосовская.

(*Приписка Анны Александровны*).

Милый и любезный мой братецъ, поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела и желаю Вамъ въ радости провести его. Я слава Богу жива и здорова. Живемъ мы нынче въ городѣ; я очень рада, что часто проводимъ время вмѣстѣ съ Ниночкой и Ванечкой; только еще Володеньку не видала. Остаюсь всегда любящая Васъ сестра Ваша Анна Добролюбова [2]).

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 10 мая 1855*).

Получено мая 13 [3]).

Со днемъ ангела поздравляю тебя, милый Николай Александровичъ, желаю тебѣ здоровья. Я вполнѣ сознаюсь, что виноватъ передъ тобою, обѣщавшись писать тебѣ черезъ двѣ недѣли обо всемъ, что только будетъ касаться до твоихъ сиротъ. Прости меня любезный, совѣсть меня постоянно грызетъ за эти упущенія, столько тягостныя для тебя. Повѣрь, дружочекъ, что въ моемъ молчаніи ты не найдешь и тѣни какого либо къ тебѣ нерасположенія. Обѣщаюсь тебѣ писать навсегда два раза въ мѣсяцъ; а потомъ снова присоединю тебѣ къ своимъ прежнимъ оправданіямъ въ молчаніи еще нѣкоторыя обстоятельства: новая жизнь женатая, трудныя слишкомъ обязанности службы, усталость отъ нихъ, неблагодарность службы, нужды, знакомство,

---

[1]) Это значитъ: она считаетъ и Анночку родною своею дочерью; у нея было теперь двѣ дочки—Сонечка и Машенька.

[2]) Дальше слѣдуетъ приписка Луки Ивановича, содержащая родственныя поздравленія и пожеланія отъ него. Подъ припискою сдѣлана его рукою помѣтка: „1855 г. апр. 30 д.“.

[3]) Цыфра „13“ быть можетъ ошибочна, и слѣдуетъ читать „мая 15-го“. Или письма изъ Нижняго стали доходить до рукъ получателей быстрѣе прежняго.

которое надо или завести, или поддерживать для семейства, хотя бы онаго и не хотѣлъ,—все это отклоняло меня отъ святой обязанности бесѣдовать съ тобой почаще. Повѣрь, любезный, что я тебя люблю, люблю всѣхъ васъ и всегда готовъ на все; и вотъ нѣкоторыя подробности, которыя и ты, вѣрно, примешь въ уваженіе, какъ и я на все твое смотрю или хорошо, или снисходительно: передъ масляницей жена запросилась домой,—это послѣ выборовъ, которые лежали на мнѣ; требуютъ, чтобы все было кончено, вотъ отъ чего я тебѣ писалъ изъ Лукоянова [1]). Еще въ Лукояновѣ я услыхалъ объ ополченіи; поторопился пріѣхать, и тотчасъ же появилось у меня столько работы, что каждый день съ 9 или даже съ 8 до 4 утромъ и съ 6—7 до 2 и 3 вечера сидѣли по 4-е мая. До того устанешь, хоть бы не смотрѣлъ ни ни что; между тѣмъ жена молодая плачетъ—скучно, сѣтуетъ на уединеніе и на тягость службы; опять работа уговоритъ и проч. Ко всему этому крайняя нужда въ деньгахъ; иногда не на что и письма послать,—вотъ о чемъ я тебѣ когда-то хотѣлъ поговорить при свиданіи: писать стыдно было. Да, не взявши за женой ни гроша и не много приданаго, я послѣ понялъ свою доброту [2]), какъ она мнѣ повредила, и имѣя на себѣ 80 руб. сер. долгу и постоянные расходы на обзаведеніе, и потомъ — — безпокоясь объ этомъ и ветхостяхъ сарая [3]), трудно было жить; не зналъ какъ и поправиться. Все это слилось въ одно, а что еще важнѣе, нанявъ квартиру у Ивана К. Скворцова, дорогую и сырую, не зналъ какъ и выйти изъ нея, потому что ко всему и я и Елена постоянно были больны. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ я подолгу не писалъ къ тебѣ. Нынѣ все открылъ, но да будетъ это тайной: я люблю и уважаю тебя и хочу, чтобы ты не считалъ меня передъ собой виноватымъ. Нынѣ дѣла мои поправились изрядно, я надѣюсь и изъ долгу выйти, котораго и теперь съ 50 руб. Мнѣ 3 мая сверхъ 45 рублей, прибавленныхъ къ жалованью, о чемъ я тебѣ, между прочимъ, писалъ съ недѣли двѣ, дали и казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а этимъ предоставили [4]) видѣть часто и Володю и всѣхъ; но я еще не переѣхалъ. Фавста Васильевна получила твое письмо и Ниночка, я ихъ [5]) читалъ.

Я уже писалъ къ тебѣ, что приступилъ къ перестройкѣ сарая, и что будетъ стоить до 130 руб. сер. Постройка эта почти кончена; я нашелъ нужнымъ, для прочности крыши, выкрасить ее краскою, за что взяли 11 руб. сер. Ты, я думаю, увѣренъ, что эти работы необходимы, и что я приступилъ къ нимъ по настояніямъ князя. Что будешь дѣлать, все надо исправить, все валится и рушится; все на свѣтѣ не прочно. Недавно я лазялъ на крышу дома; она во многихъ мѣстахъ изржавѣла, краска свалилась мѣстами и, если будутъ средства, тоже надо будетъ покрасить, хоть на черно, то есть загрунто-

[1]) То есть: вотъ почему я ѣздилъ въ Лукояновъ, откуда и писалъ тебѣ.
[2]) То есть, излишнюю уступчивость въ разговорѣ съ отцомъ невѣсты о приданомъ.
[3]) Принадлежавшаго къ дому Александра Ивановича.
[4]) Предоставили возможность.
[5]) То есть: оба эти письма.

вать, за что берутъ 15, и можетъ быть, возьмутъ и 13, а со всѣмъ выкрасить дескать стоитъ 40 рублей сер. Погреба всѣ не годятся. Князь настаиваетъ, что осенью надо перечинить, а я, убѣдясь въ необходимости, отвѣчаю, что если будутъ средства, надо. Я уже тебѣ писалъ, что за прошлый годъ деньги внесъ въ Коммиссію; недавно получилъ [1]) еще, сначала 10, потомъ 20 и 100 руб. сер., изъ которыхъ и отдалъ 30 руб. сер. плотнику и за лѣсъ немного, а прочія у меня; расплатиться съ подрядчикомъ останется рублей 90. А надо внести въ Коммиссію 200; просилъ князя — — и [2]) обѣщался остальныя 92 руб., которые на немъ, отдать 12 числа. — — Я непремѣнно постараюсь заплатить въ Коммиссію на этой недѣлѣ и расплатиться съ плотниками и тебя обо всемъ увѣдомить. Вотъ наши приходы: получено за квартиру съ дома 479 руб. 44 коп., — — съ флигеля 50 руб., отъ Якова Ивановича 25, отъ священника Милорадовскаго за прежнюю службу братца 10 руб. сер., а всего 564 р. 44 коп. Израсходовано: за страховку дома 74 рубли 20 копѣекъ, на гербовую бумагу при хлопотахъ, на метрическія свидѣтельсва Катенькѣ и Юленькѣ и въ Строительную коммиссію на прошеніе 3 р. 40 к. — — [3]). Катенькѣ на дорогу 1 руб. и недавно послано 3 р., Фавстѣ Васильевнѣ на башмаки дѣтямъ 3 руб., Тихановскому процентовъ 24 р., въ Строительную коммиссію 212 руб. 16$^1/_2$ коп., а всего 368 руб. 36$^1/_4$ коп. Эти приходъ и расходъ значатся записанными по шнуровой книгѣ. Израсходовано, но еще не записано, за неокончаніемъ, а значится у меня въ памятной книжкѣ, — — а всего 67 руб. 70 коп.; а всего въ расходѣ 436 руб. 6$^1/_4$ к. сер. — — Остается 169 руб. 65$^1/_4$ коп., а внести нужно 200 руб , да штрафу [4]) — — 1 руб. 50 коп. Недостаетъ 31 руб. 85 коп., которыя я постараюсь выпросить гдѣ нибудь. Вотъ тебѣ вся моя математика.

Милый Николенька, учись, батюшка, по прежнему. Счастье сестеръ и братьевъ твоихъ будетъ зависѣть отъ твоихъ успѣховъ и поведенія. Ниночка — милая дѣвица; она очень ласкова ко всѣмъ и ее любятъ. Анночка поправляется хоть куда. Бѣдная Катенька проситъ тебя писать къ ней, у ней все еще не зажили глазки. Володя—разлюбезный, веселый; я его буду часто къ себѣ брать, когда перейду въ Собраніе. Ваня здоровъ, у него золотухи не видно уже — —. О Лизенькѣ не знаю. Потѣшь старуху [5]), напиши, Богъ съ ней, вѣдь ужь мы ее не переучимъ, а она охотнѣе займется Лизенькой. Опять прошу тебя, продолжай свои науки съ прежнимъ успѣхомъ; не хлопочи и не задумывай, чтобы только въ Нижнемъ одномъ получить мѣсто; учись, чтобы вездѣ получить, гдѣ только можно, и туда можешь взять своихъ братьевъ. А между тѣмъ, въ будущемъ польза будетъ, тѣмъ болѣе, что современемъ и домъ, если будетъ выгодно, ты, можетъ быть, надумаешься продать.

---

[1]) Отъ князя Трубецкаго.
[2]) То есть: и онъ обѣщался.
[3]) Слѣдуетъ перечисленіе мелкихъ расходовъ по дѣламъ о принятіи Катеньки и Юленьки въ училища и по ремонту дома.
[4]) Въ Строительную коммиссію.
[5]) За просрочку взноса.
[6]) К. П. Захарьеву, у которой воспитывалась Лиза.

Елена, моя милая жена,—я ее очень люблю, за ея любезный характеръ и ангельскую душу, и я забываю ея бѣдность приданаго (секретъ)—она тебѣ низко кланяется и благодаритъ за память. Я и позабылъ было тебѣ написать подробности произведенныхъ перестроекъ. Въ каретникѣ полъ на переди весь новый, — — [1]). Тесу пошло 230 тесницъ, да что у забора лежалъ, купленный еще братцемъ, 50 тесницъ. Стараго много; я говорилъ Фавстѣ Васильевнѣ, чтобы взяла [2]), но она присовѣтовала лучше продать.

Прощай, будь спокоенъ.

Преданный тебѣ В. Добролюбовъ.

10 мая.

Извини, въ этомъ письмѣ много некрасиваго изложенія, но право, лучше некогда; и впередъ извини. Прощай, спи спокойно, уже половина 2-го и я крѣпко усну.

ПИСЬМО Б. Е. И А. М. ПРУТЧЕНКО.

Нижній, 1-го іюня 1855 г.

Послѣднее письмо Ваше, мой любезный Николай Александровичъ, чрезвычайно порадовало меня и Александру Максимовну. Съ сердечнымъ удовольствіемъ мы увидѣли твердость духа и характера, приличнаго умному, дѣльному молодому человѣку, и такъ какъ надѣющіеся на Господа Бога никогда не постыдятся, то и Вы на торжественныхъ экзаменахъ получили такую пріятную награду, какая не многимъ избранникамъ Божіимъ доступна. Можете быть увѣренными въ нашемъ искреннемъ сочувствіи Вашимъ успѣхамъ, и тѣмъ больше Вы должны стараться совершенствовать себя, что Ваша мать, Вашъ отецъ, а съ ними и мы глядимъ на Васъ, и посылаемъ наше благословеніе. Неужто пріятнѣе будетъ Вашимъ родителямъ и намъ, если слабость характера допуститъ Васъ до сумасбродства [3]) и заставитъ отправить въ домъ сумашедшихъ? А Вы именно вели себя къ этому положенію. Теперь, благодареніе Богу, Вы образумились и тѣмъ пріятнѣе намъ поздравить Васъ съ побѣдою надъ собою. Выраженія начальства и другихъ почтенныхъ особъ въ отзывахъ о Вашемъ ученіи, о Вашихъ познаніяхъ, о Вашихъ чувствахъ доказываютъ явное покровительство Господне; при его содѣйствіи Вы, конечно, стряхнете съ себя всѣ припадки, препятствовавшіе Вамъ слѣдовать призванію Васъ въ жизни. Помните: нѣтъ человѣка, который не испыталъ бы сердечнаго горя; но Милосердый Спаситель послалъ намъ утѣшеніе въ святой своей жизни. Христосъ съ Вами, мой любезнѣйшій Николай Александровичъ. Будьте увѣрены въ искреннемъ чувствѣ всегда любящаго Васъ

Бориса Прутченко.

---

[1]) Перечисляются поправки въ службахъ, принадлежащихъ къ дому.
[2]) На топку.
[3]) Слово „сумасбродство“ употреблено здѣсь въ смыслѣ „помѣшательство“.

(*Приписка сдѣланная рукою Бориса Ефимовича*).

Елизавета Борисовна уѣхала въ Москву; она принимаетъ участіе въ Вашемъ положеніи, и потому мы передадимъ ей успѣхи Ваши въ возстановленіи здоровья и въ наукахъ. Она порадуется.

(*Письмо Александры Максимовны*).

И я посылаю Вамъ мой усердный поцѣлуй, любезнѣйшій Николай Александровичъ, желая болѣе и болѣе укрѣпляться въ Вашемъ здоровьѣ и оканчивать съ полнымъ успѣхомъ начатый Вами экзаменъ, что истинно порадуетъ насъ. Не повѣрите, какъ прискорбно было читать послѣднее, отчаянное письмо Ваше; я было тотчасъ написала Вамъ отвѣтъ, но пріѣздъ Елизаветы Борисовны помѣшалъ мнѣ его отправить (она пробыла всего три недѣли), а потому и просила [1]) Бориса Ефимовича замѣнить меня [2]). Отвѣтъ Вашъ къ нему совершенно успокоилъ меня; слава Богу, Вы стали размышлять, а не безотчетно предаваться влеченію первыхъ впечатлѣній, которыя и теперь проскакиваютъ въ Вашемъ письмѣ, но по крайней мѣрѣ не съ тою силой. Напримѣръ, Вы говорите о впечатлѣніи, которое сдѣлали на Васъ горестныя сцены кончины батюшки и матушки; а я Вамъ скажу на это, что эти сцены, при подобныхъ случаяхъ, для всякаго любящаго своихъ родителей однѣ и тѣ же, и такъ же остаются не временно, но на вѣчно; и въ началѣ такъ же ужасны, а потомъ по милосердію Божію дѣлаются менѣе раздирательны, и, наконецъ, превращаются въ сладкую думу, что и за гробомъ есть сердца, ожидающія насъ съ любовью, и эти мечты вмѣсто того, чтобъ быть мучительнымъ, доставятъ Вамъ невыразимую отраду. Конечно, Вы еще молоды, до Васъ это еще не касается; но, вѣрьте, милый, и къ Вамъ придетъ это время. Прощайте, мой любезнѣйшій, будьте здоровы и благополучны, сего желаетъ Вамъ любящая Васъ

Александра Прутченко.

Отъ Кати получила на дняхъ письмо; она еще въ лазаретѣ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*9 іюня 1855 года*) [3]).

9 іюня.

Давно уже я собирался писать къ тебѣ, моя милая, любезная, добрая Катенька. Я виноватъ передъ тобою, заставивши ждать моего письма цѣлыхъ два мѣсяца. Но мои занятія были такъ велики во

[1]) Т. е. не имѣя досуга по пріѣздѣ дочери, я просила.
[2]) Отправить (или докончить и отправить) мое письмо (или написать другое письмо, въ замѣнъ ея письма, неконченнаго).
[3]) Годъ опредѣляется упоминаніемъ о смерти Юленьки.

все это время, что у меня совершенно не было свободной минуты. У насъ съ начала мая идутъ экзамены и теперь уже приходятъ къ концу. Я по всѣмъ предметамъ сдаю экзамены прекрасно: ты этому порадуешься такъ же, какъ я радовался твоимъ успѣхамъ въ училищѣ. Я недавно былъ у преосвященнаго Ѳеодосія [1]). Онъ прекрасно принялъ меня, отзывался съ большой похвалой о твоихъ успѣхахъ и способностяхъ, очень жалѣлъ о твоей болѣзни и говорилъ, что напишетъ въ Симбирскъ, чтобы тебя отправили на сѣрныя воды лечиться отъ золотухи. Я ему чрезвычайно благодаренъ за попеченія о тебѣ... Вообще, въ немъ нашелъ я добраго, благороднаго, прекраснаго человѣка. Надѣюсь, что ты не имѣешь причины жаловаться на что нибудь въ своемъ положеніи, исключая, разумѣется, тяжкой нашей горести о потерѣ отца и матери... Это уже ничѣмъ не замѣнимо, и повѣрь, что, живя съ близкими людьми въ своемъ даже домѣ, чувствуешь всю силу своего горя ничуть не меньше.

Меня очень безпокоитъ твоя болѣзнь, мой другъ Катенька. Вотъ уже два мѣсяца, какъ ты страдаешь, а вѣдь это много значитъ для такой маленькой, слабенькой дѣвочки, какъ ты. Пожалуйста, не скрывай своей болѣзни, а напротивъ опиши, если можешь писать, все, какъ можно подробнѣе; скажи, чего тебѣ не достаетъ, чего хочется... Тебѣ пришлютъ, или же я попрошу преосвященнаго, и онъ разрѣшитъ дать тебѣ, что нужно и можно. Повѣрь, что я никогда не забываю тебя, хоть и не могъ до сихъ поръ часто писать къ тебѣ. Вотъ, когда кончатся экзамены, тогда я часто буду писать, буду говорить съ тобой много, много. Недавно я получилъ письма отъ Прутченко, отъ тетеньки и отъ Василія Ивановича. Ванечка, какъ узналъ я изъ этихъ писемъ, тоже былъ боленъ золотухой, но ему помогли, давая пить какой-то наборный чай, и теперь онъ почти здоровъ... Жаль Юленьки. Она, бѣдная, тоже должна бы поступить въ училище Царскосельское; а вмѣсто того Богъ взялъ ее къ себѣ. Что дѣлать?.. Да будетъ воля Господня. Желаю и тебѣ постоянно, во всѣхъ мысляхъ, во всѣхъ обстоятельствахъ, всегда утѣшаться надеждою на Бога и преданностью его святой волѣ.

Знаю, что тебѣ, вѣрно, грустно, и скучно, и тяжело; но могу тебя увѣрить, что твоя судьба еще не такъ печальна, какъ ты, можетъ быть, думаешь. У тебя есть люди, которые о тебѣ заботятся, которые готовы внимать съ участіемъ каждому твоему слову, каждой мысли, исполнить каждое твое желаніе, раздѣлить съ тобою радость и горесть, жертвовать всѣмъ для твоего счастья... Будь только благоразумна и откровенна со мной и съ тетенькой [2]), милая сестра моя. Будь увѣрена, что мы все готовы сдѣлать, чтобы доставить добро тебѣ. Можешь просить отъ насъ всего, что только въ нашихъ силахъ... О своей болѣзни не слишкомъ безпокойся, моя милая Катенька: это, вѣдь ты знаешь, очень обыкновенная болѣзнь, которая, хоть и долго иногда продолжается, не бываетъ слишкомъ опасна при соблюденіи разныхъ предосторожностей, которыя, конечно, тобою и

---

1) Симбирскаго епископа.—Въ слѣдующихъ письмахъ Николай Александровичъ называетъ этого преосвященнаго не Ѳеодосій, а Ѳеодотій,—кажется, правильнѣе.

2) У которой прежде жила, Фавстой Васильевной.

соблюдаются по предписанію доктора. Прощай, моя душечка; не грусти много и пиши ко мнѣ и къ тетенькѣ, если можешь. Если же не можешь сама по болѣзни, то попроси Рудольфа Павловича [1]) извѣстить насъ о тебѣ. Мы всѣ о тебѣ очень заботимся, и письма твои радуютъ меня чрезвычайно. Отвѣчай мнѣ; я во всякомъ случаѣ буду писать тебѣ еще разъ въ этомъ мѣсяцѣ. 18 числа у насъ кончатся экзамены, и я буду совершенно свободенъ. Ты въ послѣднемъ письмѣ не пишешь мнѣ о Рудольфѣ Павловичѣ и Амаліи Богдановнѣ; вѣроятно, они по прежнему къ тебѣ внимательны и не оставляютъ тебя. Не дичись и ты ихъ, будь къ нимъ ласковѣе, любезнѣе, откровеннѣе. Прощай, душенька, до слѣдующаго письма.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

(*Было начато 12 іюня, кончено 15-го*).

Іюня 12, 1855 г. С. п. б.

Давно уже, давно, милая Тетенька, хотѣлось мнѣ писать къ Вамъ, но до сихъ поръ не позволяли мои занятія. Въ началѣ прошлаго мѣсяца я получилъ Ваше письмо съ 15-ю рублями. Меня очень удивило то, что Вы, не довольствуясь попеченіями о моихъ сестрахъ и братьяхъ, захотѣли еще удѣлить и мнѣ частичку Вашихъ матеріальныхъ средствъ, столь небогатыхъ и столь необходимыхъ для Васъ самихъ, съ новымъ семействомъ Вашимъ. Во всякомъ случаѣ, я былъ тронутъ Вашею любовью и заботливостью; я принялъ Вашъ подарокъ, какъ напоминаніе о заботливости и нѣжности материнской и отцовской, какою я нѣкогда такъ безмятежно пользовался. Благодарю Васъ отъ искренняго сердца, но умоляю не безпокоиться обо мнѣ. Я, собственно, не терплю никакой нужды; да если бы и терпѣлъ, такъ это не бѣда. Не лѣзть же мнѣ въ число франтовъ и аристократовъ между товарищами. Будетъ время, можетъ быть и наши обстоятельства поправятся; тогда можно будетъ позволить себѣ и лишнее. А теперь всѣ наши заботы должны ограничиться судьбою сестеръ моихъ, особенно старшихъ. Воображаю, какъ онѣ выросли, поумнѣли, похорошѣли. Вѣрно, Ниночка теперь стала старательна, заботлива, обдумываетъ свои дѣла и слова; вѣрно, и лицо ея стало теперь чисто, и она совершенно здорова.

15 іюня.

Съ какою бы радостью увидѣлся я съ Вами, моя милая Тетенька, и съ вами, милыя сестры мои! Какъ бы хотѣлось мнѣ посмотрѣть на васъ, увѣриться своими глазами, что вы всѣ веселы и спокойны, что вы привыкаете къ своему настоящему положенію. Но,

---

[1]) Реппенкампфа.

къ сожалѣнію, миновало то счастливое время, когда я могъ мечтать съ окончаніемъ своихъ занятій летѣть въ объятія родныхъ, близкихъ къ сердцу моему. Теперь я долженъ оставаться одинъ, среди людей совершенно мнѣ чуждыхъ, потому что даже Галаховы, съ семействомъ которыхъ я такъ сроднился, уѣзжаютъ отсюда въ Нижній... Что дѣлать? Буду заниматься; постараюсь, чтобы время мое не пропало даромъ. Въ минуту, когда я пишу къ Вамъ [1]), у насъ продолжается экзаменъ изъ педагогики. Я только-что отвѣтилъ и, какъ всегда, очень хорошо... По всѣмъ предметамъ, кромѣ французскаго и нѣмецкаго, я получилъ высшій баллъ—*5*, а по этимъ языкамъ—$4^1/_2$. Еще въ пятницу, 17 числа, будетъ экзаменъ изъ русской словесности, на которомъ, я не сомнѣваюсь, что тоже получу прекрасную отмѣтку. Слѣдовательно, могу Вамъ сказать уже, что я перехожу въ 3-ій курсъ. А все-таки еще *два* долгихъ года придется мнѣ, можетъ быть, страдать тѣмъ, что не могу еще приносить пользы семейству нашему. Постараюсь, по крайней мѣрѣ, быть ему полезнымъ впослѣдствіи и какъ можно скорѣе. Стыдно мнѣ было получить отъ Васъ деньги; это показало мнѣ все мое безсиліе, всю ничтожность моего существованія, дало мнѣ увидѣть, что я не только не могу помогать другимъ, а еще самъ нуждаюсь въ пособіи. Грустно мнѣ стало... Но надѣюсь, что болѣе я не буду такимъ образомъ безпокоить Васъ. Послѣ каникулъ я навѣрное буду имѣть уроки. Уже въ маѣ мѣсяцѣ было у меня нѣсколько уроковъ, только, къ сожалѣнію, они прекратились въ началѣ іюня, потому что мои ученицы отправились на дачу. Въ августѣ или сентябрѣ постоянно будетъ у меня опять по два урока въ недѣлю, по рублю серебр. за урокъ. Этого для меня и будетъ достаточно. Ничего не стану Вамъ писать о своемъ житьѣ въ Институтѣ.

Письмо это Вы получите отъ Алексѣя Сергѣевича Галахова, который сообщитъ Вамъ все [2]), что знаетъ обо мнѣ. Другое письмо, при этомъ же прилагаемое, передайте тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ. Скоро, по окончаніи всѣхъ дѣлъ нашихъ [3]), я буду писать Вамъ и имъ [4]) еще разъ; припишу тогда нѣсколько отдѣльныхъ строчекъ и Ниночкѣ съ Анночкой. Напишу и Екатеринѣ Петровнѣ [5]), только пришлите, пожалуйста, адресъ ея... Недавно писалъ я къ Катенькѣ. Я былъ у преосвященнаго Феодотія Симбирскаго, который теперь въ Петербургѣ. Онъ съ большой похвалой отзывается о способностяхъ и характерѣ Катеньки, жалѣетъ объ ея болѣзни и обѣщалъ мнѣ, для успѣха въ леченіи, отправить ее на Сергіевскія сѣрныя воды. Если Вы получите объ этомъ какія нибудь свѣдѣнія, напишите мнѣ: я еще разъ отправлюсь къ нему и попрошу, чтобы онъ исполнилъ это

---

1) Николай Александровичъ снова обращается собственно къ Фавстѣ Васильевнѣ.

2) Алексѣй Сергѣевичъ Галаховъ, сынъ Сергѣя Павловича и Натальи Алексѣевны, былъ годами тремя или четырьмя моложе Николая Александровича. Онъ тогда учился въ Лицеѣ и потому, послѣ отъѣзда отца и матери, оставался въ Петербургѣ до окончанія лицейскихъ занятій; теперь ѣхалъ въ Нижній къ отцу и матери.

3) Нашихъ институтскихъ.

4) Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу.

5) Захарьевой, у которой жила Лиза.

обѣщаніе. А что нашъ Ванечка? Выздоравливаетъ ли? О Володѣ ничего не знаю. Мичурины [1]) не отвѣчали мнѣ на два письма мои, не смотря на то, что я въ обоихъ убѣдительно просилъ хоть двухъ строчекъ отвѣта... Пошлю еще третье на той недѣлѣ. Прощайте, милая Тетенька.

Здравствуй и прощай, братъ Михаилъ Ивановичъ. Я знаю, что ты порадуешься моимъ успѣхамъ... Можетъ быть, пришлю тебѣ книгу нашего акта, который будетъ въ слѣдующій понедѣльникъ, т. е. 20 числа.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

15 іюня 1855 г.

3 мая получилъ я Ваше письмо, моя любезная тетенька, и Вашу приписку, добрый дяденька, Лука Ивановичъ, и до послѣдняго дня не могъ еще отвѣчать Вамъ. Весь май мѣсяцъ и половина іюня прошли у насъ въ экзаменахъ. Теперь, слава Богу, скоро конецъ, и я отдохну и поскучаю на свободѣ... Да, милая тетенька, грустно теперь смотрѣть на отъѣзжающихъ товарищей; тяжелы для меня ихъ сборы въ дорогу, ихъ радостныя, шумныя мечты о предстоящемъ свиданіи съ своими родными и близкими... Мнѣ Богъ привелъ пройти жизнь путемъ тяжкихъ испытаній, и я терплю, терплю все, въ надеждѣ на лучшую будущность... Можетъ быть, съ послѣднимъ ударомъ судьба и умилостивится надъ нами, и будущая участь нашихъ родныхъ будетъ свѣтлѣе и благодатнѣе, чѣмъ прошедшая. Уже не воротить намъ прошлыхъ радостей, не быть такъ счастливымъ, какъ были; но, по крайней мѣрѣ,—можетъ быть къ прежнимъ горестямъ не прибавится новыхъ. И то бы хорошо...

Я порадовался, узнавъ изъ Вашего письма, что Вы, дяденька, переведены къ Троицкой церкви [2]) и довольны своимъ положеніемъ. Только—подумалъ я—не уловка ли это со стороны архіерея, чтобы имѣть Васъ постоянно предъ глазами?.. Мнѣ кажется, это ужасно хитрая бестія, и если захочетъ сдѣлать кому зло, то и самое добро нужно отнимать [3]) отъ него осторожно. Впрочемъ, дай Богъ, чтобы мое предположеніе было несправедливо [4]). Можетъ быть, за Вашу доброту, за Вашу любовь къ сиротамъ, за Ваше родственное участіе къ нуждамъ несчастныхъ нашихъ малютокъ Богъ даетъ Вамъ счастіе и благословеніе свое... Сказать ли Вамъ [5]), что меня нисколько не безпокоитъ настоящее положеніе Ниночки и Анночки? Я знаю, что онѣ у Васъ [6]) живутъ теперь подъ лучшимъ, можетъ быть, надзо-

---

[1]) У которыхъ жилъ онъ.

[2]) Въ Нижній.

[3]) По всей вѣроятности—описка, вмѣсто „принимать".

[4]) Вѣроятно, оно и было несправедливо.

[5]) Рѣчь обращается преимущественно къ Варварѣ Васильевнѣ.

[6]) „У Васъ" надобно понимать объ обѣихъ теткахъ; у Варвары Васильевны жила одна Анна Александровна; Антонина Александровна жила у Фавсты Васильевны.

ромъ и при болѣе нѣжныхъ попеченіяхъ, нежели, какъ могли бы жить и дома, при отцѣ, безъ матери... Я съ кроткимъ, тихимъ наслажденіемъ думаю о Вашемъ мирномъ семейномъ кругѣ, и мечтаю когда нибудь самъ находиться среди его, воспоминая прошлыя радости и горести... Жалѣю, что такъ мало имѣю извѣстій отъ Васъ, какъ и отъ всѣхъ родныхъ... Право, мнѣ самому нечего и писать: цѣлый годъ одно и то же: лекціи да лекціи, занятія да занятія, прерываемыя только промежутками сна и обѣда... А Вы описаніемъ самыхъ мелкихъ подробностей изъ Вашего ежедневнаго быта, столько мнѣ знакомыхъ и всегда милыхъ, могли бы доставить мнѣ величайшее утѣшеніе и наслажденіе, напомнивъ о давно знакомомъ и близкомъ сердцу, пробудивши мысли и представленія, которыя когда-то были такъ живы и радостны, а теперь прошли безвозвратно... Прошу Васъ [1]), не лишите меня моей доли удовольствія, какое доступно мнѣ на чужбинѣ. Вы не можете представить, съ какимъ наслажденіемъ, съ какимъ свѣтлымъ чувствомъ читаю я Ваши письма, съ какимъ нетерпѣніемъ жду ихъ, съ какимъ восторгомъ получаю... Настанутъ каникулы—дѣлать нечего, библіотеки всѣ заперты: скука, тоска. Еще больше мечтаешь о родинѣ, еще больше хочешь имѣть извѣстія о своихъ. Пишите же, пишите мнѣ,—скажите объ *Анночкѣ*, какъ она живетъ, учится, хозяйничаетъ, все, все... Да лучше пусть она сама напишетъ... Скажите о Василіѣ Ивановичѣ и его молодой женѣ: я объ ней ничего не слыхалъ еще. Что у васъ дѣлается въ городѣ? Какъ архіерей? Каково ведетъ себя Яковъ Никитичъ? Что Щепотьевы, Николаевы, Польцъ? Гдѣ нынѣ Флегонтъ Алекс. Васильковъ? Эльпидифору Алексѣевичу кланяйтесь. Всѣ мои вопросы адресую столько же къ Вамъ, какъ и къ тетенькѣ Фавстѣ Васильевнѣ, равно какъ и мольбу мою: пишите, пишите мнѣ скорѣе, чаще и больше.

Весь Вашъ
Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

19 іюня 1855 года.

Простите меня, милый мой братецъ, что я такъ долго не могла собраться писать Вамъ; я всякій день собиралась писать Вамъ, но или кто нибудь придетъ къ намъ, или я забывшись сяду за работу, или я съ тетенькой [2]) уйду къ тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ, и такъ время идетъ со дня на день. Мы получили отъ Васъ послѣднее письмо Ваше 1 мая [3]), и вотъ уже отъ Васъ не получали писемъ второй

---

[1]) Просьба относится собственно къ Варварѣ Васильевнѣ.

[2]) Фавстой Васильевной.

[3]) Это было письмо Николая Александровича отъ 20 апрѣля. Оно или долго оставалось не отослано имъ, или долго пролежало на почтѣ. — Письмо Николая Александровича отъ 12 (15) іюня еще не было получено, когда Антонина Александровна писала это свое письмо (19 іюня).

мѣсяцъ. Вы тутъ и мнѣ пишете, любезный и милый мой братецъ, но меня безпокоитъ очень, не огорчило ли Васъ что нибудь изъ письма моего; я, право, сама не помню, что тогда писала Вамъ. Пожалуйста, не сердитесь на меня, если я не обдумавшись что нибудь [1]) написала Вамъ.

Ахъ, милый и безцѣнный мой братецъ, какъ бы я желала увидѣть Васъ; у Васъ теперь кончились, я думаю, экзамены. Какъ бы было хорошо, если бы Вы пріѣхали къ намъ нынче. Пожалуйста, милый братецъ, постарайтесь пріѣхать сюда. Не будетъ ли у Васъ какого случая хоть съ Галаховыми. Или, если вы не поѣдете сюда, то нельзя ли Вамъ будетъ, какъ Вы говорили прежде, съѣздить хоть къ Катенькѣ; она, вѣрно, писала Вамъ, что она нездорова. У ней очень болѣли глаза, такъ что мы, не получая отъ нея полтора мѣсяца писемъ, получили одно передъ послѣднимъ письмомъ, которое она не сама писала; а теперь мы не получали отъ нея письма болѣе мѣсяца. Въ послѣднемъ письмѣ она очень огорчалась, что Вы ей во все время написали только одно письмо. Она думаетъ, что или Ваши, или ея письма пропадаютъ на почтѣ. Повѣрите ли, милый братецъ, что я почти ни на минуту не перестаю думать о Васъ и о милой Катѣ, тоже и о Володѣ, да и о всѣхъ моихъ милыхъ братьяхъ и сестрахъ, а болѣе всѣхъ о Васъ и о Катѣ. Вы ни на минуту не выходите изъ ума моего; а теперь не могу знать, здоровы ли Вы, не могу утѣшить и успокоить Васъ; но что же дѣлать: такъ угодно Богу, чтобы мы всѣ разошлись по разнымъ сторонамъ.

Вы меня спрашиваете, часто ли я вижусь съ братьями и сестрами. Анночку я вижу очень часто, а Володю не такъ часто. Тетенька рѣдко беретъ его къ себѣ, оттого что всякій разъ, когда надо провожать его домой, онъ нейдетъ, плачетъ и умоляетъ всячески, чтобы его не отводили, оставили хоть до завтра. Его оставятъ; на другой день онъ опять просится до завтра и отвести его надо ужъ какъ нибудь съ обманомъ. Этто [2]) тетенька Варвара Васильевна взяла его на нѣсколько дней къ себѣ, но цѣлыя двѣ недѣли не могла проводить его, и проводили его уже съ обманомъ. Но я не знаю, чѣмъ ему тамъ не нравится. Тетенька была тамъ [3]) нѣсколько разъ и всегда оставалась ихнимъ обращеніемъ съ Володей очень довольна. Я тамъ была сама только разъ и потому не могу хорошо знать ничего. Когда я была тамъ, онъ съ Пашенькой [4]) и Василіемъ Климовичемъ ѣздилъ къ преосвященному и я почти не видала его.

Ваня теперь, слава Богу, совсѣмъ поправился; онъ играетъ, поетъ, бѣгаетъ въ саду и до безконечности любитъ рядиться.

Тетеньку [5]) я люблю очень, очень много и даже признаюсь, что я, видѣвши нѣжную любовь ко мнѣ моей милой и незабвенной матери, не испытавши нужды въ ней, не могла цѣнить и дорожить ей такъ, какъ слѣдовало, и такъ, какъ я теперь дорожу любовью моей

---

[1]) Что нибудь непріятное.
[2]) Провинціализмъ, вмѣсто „недавно".
[3]) У Мичуриныхъ.
[4]) Сыномъ В. К. Мичурина.
[5]) Фавсту Васильевну.

второй матери, милой моей тетеньки. Ахъ, я въ умѣ моемъ очень люблю ее. И я очень довольна тѣмъ, что живу здѣсь, и я часто думаю, за что Господь такъ наградилъ меня, что я теперь счастливѣе другихъ моихъ братьевъ и сестеръ. И притомъ, милый братецъ, тетенька такъ меня пріучила къ работѣ, что мнѣ теперь за наказаніе сидѣть такъ [1]). Прощайте, милый и дорогой братецъ; будьте здоровы, веселы и спокойны и пріѣзжайте къ намъ.

Я такъ расписалась, что не хочется перестать. Прощайте. А. Д. [2])

(*Приписка вверху послѣдней страницы*).

Я, должно быть, наколола или занозила палецъ, такъ что онъ нарываетъ, и я съ трудомъ написала письмо Вамъ и дурно.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

(*Послано 20 іюня 1855 г.*).

18 іюня 1855 г. С. п. б. 25 іюня 1855 г.

Секретное [3]).

Наконецъ, могу писать и къ тебѣ, мой другъ Михаилъ Ивановичъ, писать о дѣлѣ, о которомъ черезъ почту писать невозможно. Я хочу объяснить тебѣ обстоятельства, которыя такъ непріятно дѣйствовали на меня въ послѣднее время. Только главное дѣло—никому ни слова не говори о томъ, что будешь читать теперь.

Ты знаешь, что я писалъ прежде стихи. Знаешь также, что я приверженецъ новой литературной школы и что подлости старичковъ, подвизающихся въ «Сѣверной Пчелѣ», раздражали меня, какъ нельзя болѣе. Въ началѣ нынѣшняго года (т.е. академическаго) представился мнѣ случай отомстить одному изъ нихъ, Гречу. Я написалъ пасквиль на случай его юбилея и стихи разошлись по городу весьма быстро. Ихъ читали на литературныхъ вечерахъ, ихъ хвалили профессора наши, не зная еще автора... Между тѣмъ, нѣкоторые изъ товарищей, знавшихъ дѣло, были столько неосторожны, что проболтались въ нѣсколькихъ домахъ, и скоро мое имя стало подъ рукой повторяться тѣми, которые читали и списывали эти стихи. Наконецъ, дошло до директора [4]). Меня допросили и обыскали. Не нашли того, чего искали [5]), но захватили другія бумаги, тоже довольно смѣлаго содержанія... Много было возни и хлопотъ. Я могъ поплатиться за мое легкомы-

---

[1]) Безъ дѣла.

[2]) Почтовый листъ исписанъ весь до самаго низа 4-ой страницы, и послѣднія строки написаны внизу первой страницы.

[3]) Помѣтка, сдѣланная рукой Михаила Ивановича.

[4]) Директора Института.

[5]) То есть подлинника стихотворенія на юбилей Греча.

сліе цѣлою карьерой; но, къ счастью, имѣлъ довольно благоразумія, чтобы не запираться передъ директоромъ и, признавшись въ либеральности своего направленія, показалъ видъ чистосердечнаго раскаянія. Профессора заступились за меня; поведеніе мое было всегда весьма скромно; Сергѣй Павловичъ Галаховъ просилъ за меня директора (не зная, впрочемъ, что я писалъ стихи),—и заблужденія юности были оставлены безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Я отлично сдалъ всѣ экзамены, и директоръ самъ поздравилъ меня съ переходомъ въ третій курсъ, куда по числу балловъ я *долженъ* перейти вторымъ, но можетъ быть еще меня понизятъ немножко. Актъ будетъ у насъ въ понедѣльникъ, 20-го числа.

Такъ какъ мы не увидимся еще годъ, по крайней мѣрѣ, то я и думалъ, что нужно сообщить тебѣ это обстоятельство, пока представляется удобный случай. Ты можешь лучше понимать потомъ намеки, которые буду я дѣлать въ другихъ письмахъ. Это письмо передастъ вамъ человѣкъ, который знаетъ обо мнѣ *все* и который отличается благороднѣйшимъ направленіемъ... [1]) Можешь говорить съ нимъ обо мнѣ все, не опасаясь нисколько. Тетенька пусть не знаетъ этого, или ты можешь сказать имъ что нибудь, полегче, чтобы онѣ не стали тревожиться и плакать Богъ знаетъ изъ-за чего. Бѣды большой еще нѣтъ въ моихъ дѣлахъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали пасквили, Искандеръ до сихъ поръ пишетъ на Россію ѣдкія статьи, Даль выгнанъ былъ изъ корпуса за «написаніе пасквилей»... А я, слава Богу, отдѣлался еще довольно легко, и теперь подобное обстоятельство со мною не повторится. Другое дѣло—легкая эпиграмма... Это вещь совершенно безвредная. Напримѣръ: ты, вѣрно, видѣлъ каррикатуры Степанова на англичанъ и французовъ; замѣтилъ, какъ онъ представляетъ и унижаетъ Наполеона III... Вотъ на него двѣ эпиграммы [2]):

1.

Что намъ смотрѣть каррикатуры
На нашихъ западныхъ враговъ?..
Да наша Русь вся и въ натурѣ
Есть съ иностранныхъ образцовъ
Каррикатурная гравюра.

2. *Степанову.*

. . . .
. . . .

Можешь распространить эти эпиграммы: онѣ могутъ убить авторитетъ Степанова и его глупыхъ, нелѣпыхъ каррикатуръ, гдѣ нѣтъ ни вкуса, ни остроумія, ни мѣткости насмѣшки.

О дѣлахъ семейныхъ пишу въ другомъ письмѣ къ тетенькѣ [3]).

---

[1]) Институтскій товарищъ и близкій другъ Николая Александровича, Михаилъ Ивановичъ Шемановскій, ѣхавшій черезъ Нижній въ Вятку къ роднымъ на каникулы. — М. И. Шемановскій, уроженецъ Вятки, былъ чистый русскій; по-польски онъ вовсе не зналъ.

[2]) Изъ двухъ эпиграммъ, сообщенныхъ Николаемъ Александровичемъ Михаилу Ивановичу, помѣщаемъ первую,—опуская вторую.

[3]) Въ письмѣ къ Фавстѣ Васильевнѣ отъ 20 іюня.

Началъ повѣсть. Если кончу во время каникулъ, то постараюсь напечатать въ одномъ изъ журналовъ.

Прощай и пиши ко мнѣ о томъ, что дѣлается въ Нижнемъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

20 іюня 1855 г. С. п. б..

Недавно я писалъ Вамъ, милая Тетенька, съ Алешей Галаховымъ. Теперь опять представляется случай и я снова ловлю его, чтобы извѣстить Васъ о себѣ. Студентъ, съ которымъ посылаю Вамъ это письмо—одинъ изъ наиболѣе любящихъ меня и любимыхъ мною людей. Онъ ѣдетъ теперь въ Вятку, и былъ такъ добръ, что по моей просьбѣ согласился передать Вамъ мое письмо. Пожалуйста, примите его, какъ моего друга, такъ, какъ Вы приняли бы меня, если бы я пріѣхалъ къ Вамъ. Это добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

О своемъ положеніи я не много могу сообщить Вамъ новаго. Скажу только, что мои надежды на послѣдній экзаменъ вполнѣ оправдались: я отвѣчалъ очень хорошо. Но и тутъ нельзя не замѣтить насмѣшки судьбы надо мною. Отвѣчать мнѣ пришлось почти послѣднимъ,—по жребію. Я ужасно утомился въ ожиданіи своей очереди. Потомъ выхожу отвѣчать—даютъ мнѣ вопросъ о томъ, что я зналъ хуже всего,—о драматической литературѣ у испанцевъ. Разумѣется, по-испански я не знаю, переводовъ съ этого языка у насъ очень немного... пришлось довольствоваться тѣмъ, что слышалъ на лекціи профессора. А я надѣялся блеснуть своими познаніями... И все-таки отвѣтъ вышелъ очень хорошій... Сегодня будетъ у насъ актъ... Впослѣдствіи напишу Вамъ и о немъ.

Я скоро жду отъ Васъ письма, и потому буду писать обстоятельнѣе уже послѣ. Теперь тороплюсь, потому что Михаилъ Ивановичъ Шемановскій торопится на желѣзную дорогу. Жить я буду всѣ каникулы частью здѣсь въ Институтѣ, частью у Галаховыхъ. Но письма Вы можете всегда адресовать по прежнему въ Институтъ.

Недавно я былъ въ Духовной Академіи и узналъ много новостей о Нижнемъ. Вы мнѣ ничего не пишите. Горбатовъ выгорѣлъ почти весь, Страховъ и Раевъ женились, Розовъ изъ Института [1]) вышелъ въ отставку.—Послѣднюю новость узналъ я, впрочемъ, не изъ Духовной Академіи. Кстати, нельзя ли Вамъ, узнавая хоть черезъ Платона Петровича, писать мнѣ иногда о перемѣнахъ учащихъ въ Нижегородскихъ гимназіи и институтѣ?.. Это для меня очень нужно.

Да напишите же мнѣ, что́ Володя и Ваня? Что Анночка и Ниночка? Не знаете ли чего о Катенькѣ? По прежнему ли дуется [2]) Катерина Петровна? [3]) Я здѣсь ничего не знаю. Василію Ивановичу скоро буду писать.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) „Изъ Института“—вѣроятно Нижегородскаго дворянскаго.

[2]) На него за то, что онъ не писалъ ей.

[3]) Захарьева.

Хотѣлъ поговорить съ тобою много, моя милая дорогая Ниночка, но времени осталось такъ мало, что едва могу написать тебѣ нѣсколько строкъ, пожелать всѣхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, сказать тебѣ, что я всегда тебя люблю и помню, что надѣюсь на твою скромность, разсудительность, послушаніе и прилежаніе,—что цѣлую тебя заочно, тебя и Ванечку, что желаю отъ тебя получить милое, хорошенькое, длинное письмецо,—сказать это—и проститься до слѣдующаго письма.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

24 іюня 1855.

Милый и неоцѣненный братецъ!

Я получила письмо Ваше [1]) и очень была рада. Благодарю Васъ за это дражайшее письмо; Вы мнѣ пишете, что Вы были у нашего преосвященнаго [2]) и я этому очень рада. Я уже знала, что у Васъ вѣрно экзамены. Милый братецъ, и у насъ будетъ 1 іюля вакатъ, а экзамена не будетъ. Теперь я уже совсѣмъ здорова. Амалія Богдановна и Рудольфъ Павловичъ [3]) уѣзжаютъ въ деревню гостить на мѣсяцъ, и тогда я не знаю, милый братецъ, кого буду просить переслать Вамъ письма; и потому я теперь уже всѣмъ напишу, а отсюда [4]) я боюсь посылать. Однажды я послала отсюда письмо тетенькѣ и оно пропало—они не получили это письмо. И еще бы надо мнѣ написать Александрѣ Максимовнѣ [5]) и княгинѣ [6]), но я право не знаю, что писать имъ; подумайте, милый братецъ, что я буду писать имъ, я даже не могу и придумать. Однако очень бы нужно написать имъ. Теперь я еще Васъ хочу спросить, милый братецъ, поѣдете ли Вы на вакатъ въ Нижній; ежели поѣдете, то надѣюсь, что и ко мнѣ пріѣдете въ гости—ужь какъ я рада буду. А я бы очень, очень желала увидѣть Васъ. Еще Вы спрашиваете [7]), милый братецъ, чтобы я писала Вамъ, что мнѣ нужно. Мнѣ ничего не нужно, милый братецъ. Очень я еще благодарна Вамъ, милый братецъ, что Вы были у преосвященнаго; онъ еще не писалъ, что меня надо на сѣрныя воды свозить; вѣрно онъ забылъ.

Милый и неоцѣненный братецъ, простите меня, что я Вамъ такъ дурно написала, надѣюсь, что Вы не будете сердиться. Вы говорите, милый братецъ, что я не пишу про Амалію Богдановну и Рудольфа Павловича. Я не знаю, что̀ я буду писать Вамъ про нихъ. Они все

---

[1]) Отъ 9 іюня.
[2]) Симбирскаго, Ѳеодотія.
[3]) А. Б. и Р. П. Ренненкампфъ.
[4]) Изъ института, отдавая письмо начальницѣ для отправленія на почту.
[5]) Прутченко.
[6]) Трубецкой.
[7]) „Спрашиваете“ вмѣсто „просите“.

также посѣщають меня, и я очень рада и очень, очень бываю спокойна въ тотъ день, въ который они у меня бываютъ. Право, простите меня, милый братецъ, что я такъ дурно написала Вамъ и очень много ошибокъ. Я очень тороплюсь, потому что мнѣ еще много надо писать писемъ, а они [1]) можетъ быть нынче ко мнѣ придутъ, такъ я отдамъ имъ эти письма. Прощайте милый и неоцѣненный братецъ. Остаюсь любящая Васъ сестра Ваша

К. Д.

Прощайте, да прощайте. Мнѣ хочется, чтобы Вы развеселились моимъ письмомъ.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

25 іюня 1855 года.

Любезный Николенька!

Получила я твои два письма первое [2]) и второе отъ 12 іюня и очень рада, что ты здоровъ. Ты не можешь себѣ представить, когда я увидѣла Галахова, идущаго къ себѣ, то не хотѣла вѣрить, что и ты съ нимъ по лѣтошнему не пріѣхалъ. Съ какой бы радостью я тебя встрѣтила; кажется, я въ эту минуту забыла бы всѣ горести, такъ неразлучныя со мною; или если бы я имѣла возможность удѣлить на дорогу отъ своей собственности, повѣрь, мой другъ, я бы давно тебѣ докучала, чтобы ты пріѣхалъ; но мои средства такъ ограничены, что я, любя тебя отъ всего сердца, не могу ничего удѣлить. Я увѣрена, если бы ты увидалъ, что твои братья и сестры живутъ покойно, то тебѣ бы спокойнѣе было переносить потерю незабвенныхъ сердцу. Повѣрь, дѣти счастливы; они не понимаютъ, чего лишились. Странно сказать: Ниночка довольно большая, кажется [3]), но меня любитъ немного меньше родной матери; а Ванечка, хотя и вспоминаетъ папашу и мамашу — онъ каждый день молится за нихъ, за упокой—но столько ко мнѣ привязанъ, что не отходитъ отъ меня ни на минуту и не боится меня нисколько, даже меня бьетъ [4]) и послѣ проситъ прощенія. Онъ много исправился; ты, я думаю, помнишь, какой онъ былъ непослушный; нонче сталъ умнѣе и совсѣмъ перемѣнился, не бѣгаетъ, какъ бывало прежде у няни, съ утра до ночи на дворѣ. Хотя я его и посылаю гулять передъ окошками, выйдетъ на четверть часа и бѣжитъ опять ко мнѣ; а сколько разъ каждый вечеръ, когда ложится спать, со мной прощается!—такъ ко мнѣ привязанъ, какъ будто мой родной сынъ; и Миша такъ его любитъ. Не думай, пожалуйста, много объ нихъ, имъ теперь всѣмъ очень хорошо, заботы всѣ впереди, какъ ихъ Богъ поможетъ устроить. Анночкѣ

---

[1]) Амалія Богдановна и Рудольфъ Павловичъ.
[2]) Отъ 20 апрѣля.
[3]) То есть: ужъ можетъ понимать разницу между любовью матери и любовью тетки.
[4]) Онъ былъ еще маленькій ребенокъ.

также у тетки и дяди жить хорошо; они ее любятъ и держатъ на равнѣ, какъ и своихъ дѣтей, вмѣстѣ всему учатъ. Жаль, что Володя нисколько ни привязанъ къ Мичуринымъ, а ему по моему жить не дурно, они его нисколько не стѣсняютъ, не бьютъ; конечно, не могутъ такъ ласкать, какъ бы мы, родные, но они едва-ли нѣжны и съ своими дѣтьми. Но онъ такое имѣетъ отвращеніе отъ нихъ, какъ покойная Юлинька отъ Трубецкихъ. Его взявши къ себѣ очень трудно проводить домой; столько бываетъ слезъ, что я даже рѣдко беру къ себѣ, потому что Мичурины ропщутъ. Онъ, пришедши отъ насъ, сутки трои тоскуетъ. Тетушка Елена [1]) Володѣ не понравилась (онъ у Василія Ивановича гостилъ). Не знаю, почему бы это было, что онъ ее не полюбилъ: она такая дама славная и добрая, и хорошенькая и [2]) такъ между собой живутъ хорошо, что пріятно видѣть. Мы хотя не часто, но бываемъ другъ у друга. Лизѣ у Екатерины Петровны очень хорошо; всѣ говорятъ, что она такъ ее любитъ и ея дѣвушки горничныя очень любятъ,—это еще больше [3]). Жаль только Катеньки, что она одна на чужой сторонѣ; когда тебѣ большому грустно, какъ же теперь ребенку, привыкшему быть въ родномъ семействѣ, жить совершенно съ чужими, да еще вотъ и нездоровой. Вотъ уже давно я отъ нея не получала письма и не знаю, какъ она находится въ своемъ здоровьѣ. Послѣднее письмо ея меня нисколько не успокоило; она ничего не писала о себѣ, что какъ ей, лучше ли, или зажилъ ли глазъ или оба, ничего не знаю. Ахъ, какъ мнѣ ея жалко; я такъ было привыкла къ ней, она такого милаго характера и такая была веселенькая и внимательная ко всѣмъ и терпѣливая къ шалостямъ Ванечки. Она жалуется, что отъ тебя получила только одно письмо, а тебѣ послала пять. Я очень боюсь, какъ бы ее не залечили; сохрани Богъ, глаза важнѣе всего. Слава Богу, что Ванечка у меня теперь совершенно здоровъ. Онъ такъ много выросъ и похорошѣлъ, скоро догонитъ ростомъ Володю; тотъ все такъ же худъ и желтъ; я даже прекратила поить травой Ваню; до осени не буду, чтобы не припилось лекарство, да и не нужно. Какъ я рада, Николенька, твоимъ успѣхамъ на экзаменѣ! Дай Богъ всегда такъ заниматься тебѣ; это ты дѣлаешь для себя и для папаши и мамаши, которыхъ такъ это утѣшало, а теперь принесетъ пользу дѣтямъ со временемъ, когда Богъ тебя устроитъ; ты ихъ [4]) долженъ замѣнить одинъ. Я бы только желала дожить до этого, порадоваться на тебя. Ты пишишь объ кондиціяхъ; это меня много утѣшило, что ты хотя немного будешь имѣть собственности. Я знаю, безъ денегъ нельзя жить; а о тѣхъ, которыя ты отъ насъ съ Ниночкой получилъ, не безпокойся—онѣ ей не нужны, у ней все есть, ни въ чемъ не нуждается.—Негдѣ больше писать [5]). Прощай, мой милый Николенька, и вѣрь, что я тебя люблю. Тетка твоя

Фавста Благообразова.

---

[1]) Елена Ефимовна, жена Василія Ивановича.

[2]) Подразумѣвается: она и Василій Ивановичъ.

[3]) Это (то, что любятъ горничныя) еще важнѣе любви самой Катерины Петровны.

[4]) Отца и мать.

[5]) Дѣйствительно, на послѣдней страницѣ оставалось мѣсто лишь для одной строки.

(*Приписка на первой страницѣ, вдоль ея, у перегиба, на узкой полоскѣ передъ началомъ строкъ*).

Адресъ Екатерины Петровны пришлю въ слѣдующемъ письмѣ; Миша въ палатѣ,—безъ него не нашла.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 7 іюля 1855*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ, давно слѣдовало отвѣчать на твое письмо и исполнить твое желаніе подачею просьбы о сложеніи ссуды; но обстоятельства отвлекали меня: прежде не было губернатора, онъ осматривалъ губернію, а потомъ, по пріѣздѣ, Неофитъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что просьбы этой нельзя подавать въ Коммиссію, чтобы не заставлять ее, наведя на справку прежнее свое ходатайство о сложеніи долга съ дома и отказъ Клейнмихеля, отказывать на нее и тѣмъ тратить бумагу и деньги, а совѣтовалъ онъ подать просьбу прямо Клейнмихелю. — — Будетъ ли успѣхъ и не лучше ли подать ее прямо къ Государю отъ всѣхъ опекуновъ?—Но опять на это не соглашается Павелъ Ивановичъ, чтобы не обидѣть архіерея [1]) и не заставить его гнать себя и сиротъ; а спросить архіерея значитъ опять сидѣть сложа руки. Вотъ что я придумалъ. Посылаю тебѣ на оборотѣ прошеніе, поданное нами къ губернатору въ 1854 г., отзывъ Клейнмихеля, выписку изъ положенія объ устройствѣ Нижняго. Подумай теперь, тебѣ свободнѣе, составь самъ просьбу и, посовѣтуясь, подай или къ Клейнмихелю, или къ Государю. Параграфы, хотя не говорятъ въ нашу пользу прямо, но имѣютъ въ себѣ смыслъ такой, что ихъ разъясня, можно и основаться, и уважить желаніе. — —

Другое обстоятельство, отклониваюшее [2]) меня отъ отвѣта, это—желаніе Михаила Ивановича жениться. Ждалъ, чѣмъ кончится дѣло. Онъ — — [3]) захотѣлъ доказать ей свою любовь женитьбой, и уже испрашивалъ позволенія у Бориса Ефимовича [4]), который ему сказалъ, что прежде чѣмъ получитъ согласіе отъ матери, не согласится на разрѣшеніе жениться. Михаилъ Ивановичъ такъ много имѣетъ воли, что заставилъ было бѣдную дать согласіе: но разнесшаяся молва по добрымъ людямъ остановила и пристыдила ихъ гнусный поступокъ. Я слишкомъ [5]) обязанъ Екатеринѣ Петровнѣ. Она нынѣ только

---

[1]) Подачею просьбы помимо его.

[2]) Написано ошибочно, вмѣсто „отклонявшее".

[3]) Слѣдуютъ рѣзкія выраженія о дѣвушкѣ или вдовѣ, на которой хотѣлъ жениться Михаилъ Ивановичъ.

[4]) Прутченко, предсѣдателя Казенной Палаты, въ которой служилъ Михаилъ Ивановичъ.

[5]) „Слишкомъ"—провинціализмъ, вмѣсто „очень". У Василія Ивановича „слишкомъ" почти постоянно употребляется въ этомъ значеніи. „Я очень благодаренъ Ек. Петровнѣ за участіе въ этомъ дѣлѣ".

уѣхала въ Борцово [1]). Она ей (Фавстѣ Васильевнѣ) напрямки высказала всѣ дѣла Михаила Ивановича — — [2]). Теперь остаюсь немного спокоенъ, что сироты не будутъ племянницами этой — — [3]); но если ужь случится, то развѣ крайняя нужда заставитъ оставить ихъ у Фавсты Васильевны. Я тогда готовъ устроить имъ жилье хорошее у себя, тѣмъ болѣе, что теперь предполагается устроить новыя квартиры въ Собраніи, если, впрочемъ, ты позволишь такъ сдѣлать, а безъ твоего позволенія я ни на какое дѣло не рѣшусь.

Лизенька здорова, Анночка, Ниночка, Ваня [4]); Володя похудѣлъ. Я, кажется, просилъ у тебя позволенія поговорить архіерею, чтобы онъ велѣлъ перевести его жить къ Лукѣ Ивановичу, который съ радостью соглашается на это; а у Мичуриныхъ ему не такъ хорошо: купеческій сухой домъ, грубый, безъ ласки. Не знаю, какъ и быть; архіерей вмѣшался въ Володю [5]), а Лука Ивановичъ не рѣшается брать, не получивъ его приказанія. — — Пріятно бы видѣть тебя черезъ годъ [6]). Но не изнурись въ здоровьѣ, чтобы послѣ не быть менѣе полезнымъ. Дѣла идутъ, и особеннаго не будетъ и еще два года [7]). 400 рублей деньги [8]),—но ты ихъ послѣ будешь имѣть съ бо́льшимъ здоровьемъ.

Преданный тебѣ

В. Добролюбовъ.

7 іюля.

(Вѣроятно, приложеніемъ именно къ этому письму отъ 7 іюля было прибавленіе, написанное Василіемъ Ивановичемъ на отдѣльномъ лоскуткѣ бумаги):

Изъ письма этого видишь, что обстоятельства неблагопріятны; смотри и думай какъ и что дѣлать и писать ли и просить ли,—какъ бы не сдѣлать ихъ еще худшими. Но не предавайся отчаянію, покоряйся необходимости, терпѣніе все превозмогаетъ, а погорячишься—все испортишь. Будь по прежнему къ Фавстѣ Васильевнѣ внимателенъ.

---

[1]) Въ свое имѣніе.

[2]) Катерина Петровна (Захарьева) заставила Фавсту Васильевну обѣщаться, что не согласится на этотъ бракъ.

[3]) Рѣзкое слово.

[4]) Подразумѣвается „тоже“.

[5]) Говорилъ, что самъ займется судьбой Володи, и потому Лука Ивановичъ и т. д.

[6]) Николай Александровичъ, которому оставалось теперь два года до окончанія курса, хотѣлъ просить дозволенія держать выпускной экзаменъ годомъ раньше, чтобы скорѣе получить должность и съ нею возможность помогать сестрамъ и братьямъ. Онъ надѣялся, что тогда ему дадутъ должность старшаго учителя въ Нижегородской гимназіи.

[7]) То есть: Дѣла по содержанію сестеръ и братьевъ Николая Александровича и по освобожденію дома отъ долговъ идутъ недурно, и еще два года не понадобится никакихъ особенныхъ расходовъ; еще рано готовить приданое для старшихъ сестеръ Николая Александровича.

[8]) Жалованье старшаго учителя гимназіи.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

16 іюля 1855 г. Нижній.

Любезный мой другъ,
Николай Александровичъ!

Я думаю, ты ничего не можешь представить, отчего такъ долго не получаешь отвѣта на твои письма, и, особенно, на послѣднее, посланное съ товарищемъ Михаиломъ Ивановичемъ [1]) Вѣроятно, думаешь, что первыя письма пропали на почтѣ, а послѣднее пропало оттого, что погибъ, умеръ или убитъ твой посланный; но причина во мнѣ; впрочемъ, не нерадѣніе и не невниманіе въ этомъ ты долженъ видѣть, а причину въ моихъ обстоятельствахъ. Твоему письму [2]), откровенности и пріятелю я очень былъ радъ; былъ онъ (пріятель) у насъ съ 3-хъ часовъ субботы до второго часа слѣдующаго дня. Спалъ онъ на моей кровати, и спалъ долго, часовъ до 9-ти. Много съ нимъ говорили; онъ мнѣ показался очень неглупымъ человѣкомъ: я не по наукѣ сужу объ людяхъ, а такъ себѣ, по взгляду и пріемамъ. Ученье мнѣ не далось и оттого я его совсѣмъ отъ себя удалилъ. Теперь ученая книга у меня не бываетъ никогда въ рукахъ, а потому я не могу знать и въ другихъ силу, полноту, глубину и важность ихъ познаній.—Хвалю твое расположеніе ко мнѣ и увѣренность въ томъ, что я никому не скажу, что въ немъ [3]) писано. Тебѣ давно бы слѣдовало объ этомъ [4]) писать мнѣ, хотя за то, что я люблю Ваню не менѣе, чѣмъ своего бы сына любилъ. Я тебѣ скажу, чтобы ты впередъ этого не дѣлалъ никогда, иначе будетъ худо; понимаешь что? Ты необходимъ для дѣтей; помни это. Но также, скажу по совѣсти, что если ты не кончишь курса, то никакой пользы не принесешь имъ, даже сдѣлаешь вредъ. Я тебѣ писалъ, какъ ты имъ и чѣмъ вредишь, но ты не хотѣлъ понять, а я не буду повторять, тѣмъ болѣе, что я успѣлъ и самъ заслужить отъ начальства *гоненіе*, отъ людей презрѣніе и насмѣшки. А какъ это случилось и отчего, напишу подробно въ слѣдующій разъ: теперь еще мои дѣла въ разгарѣ, и я не знаю что будетъ, т. е. что я буду, какъ, гдѣ, съ кѣмъ и прочее. Я самъ имѣю къ тебѣ большую просьбу, и не одну; не можешь ли что нибудь сдѣлать. Если можешь, сдѣлай, а если сдѣлаешь, я тебѣ скажу спасибо и буду благодаренъ. 1-е) Не имѣешь ли ты знакомаго кого нибудь изъ начальниковъ отдѣленія въ департаментахъ, или въ какомъ другомъ присутственномъ мѣстѣ, или людей выше или ниже, но, только, могущихъ или имѣющихъ возможность дать мнѣ какое либо мѣсто у васъ въ Питерѣ. Я говорю не объ классной должности, а, просто, объ писцѣ. Постарайся, и поищи случая, и напиши мнѣ, и какое тамъ

---

1) Шемановскимъ, который ѣздилъ на каникулы домой, въ Вятку, и по дорогѣ заѣзжалъ въ Нижній.

2) Письму отъ 18 іюня, привезенному М. И. Шемановскимъ.

3) Въ письмѣ.

4) О непріятностяхъ, которымъ подвергло Николая Александровича стихотвореніе на юбилей Греча.

у васъ жалованье. 2-е) Или не можешь [1]) чрезъ жену Галахова [2]) (женщины много значать въ этомъ: онѣ имѣютъ большую силу у мужей) похлопотать мнѣ объ мѣстѣ въ нашемъ нижегородскомъ почтамтѣ. Тутъ я мекаю объ классной должности. И ты мнѣ объ этомъ только напиши, можешь ли, и то въ томъ случаѣ, когда не можешь успѣть въ первой просьбѣ. А хлопотать будешь тогда, когда она [3]) пріѣдетъ къ вамъ въ Петербургъ. И хлопочи такъ, чтобы Прутченко не зналъ объ этомъ. Разумѣется, если она дастъ слово, то объяви обо мнѣ [4]). Мнѣ необходимо перемѣнить службу эту, а можетъ быть [5]) и выгонятъ. 3-е) Это ты долженъ непремѣнно исполнить. Постарайся сходить въ инспекторскій департаментъ, вскорѣ послѣ полученія этого письма; узнай тамъ, въ какое отдѣленіе представляютъ отъ насъ, т. е. нижегородской Казенной Палаты, къ чинамъ. Дѣло въ томъ, что меня представили, вмѣстѣ съ другими, къ первому чину (22 іюня за № 3927), но говорятъ, что, можетъ быть, откажутъ: находятъ какія то препятствія. Потому ты спроси объ представленномъ писцѣ М. Благообразовѣ Казенной Палаты отдѣленія питейныхъ сборовъ, получитъ ли онъ чинъ по настоящему представленію, и скоро ли это утвердится. Я такъ прошу положительно, оттого, что мнѣ это необходимо знать и оттого, что, вѣроятно, ты отыщешь туда дорогу, и тамъ люди образованные, не будутъ требовать взятокъ за эти пустяки. А если это и будетъ трудно тебѣ, то за то я тебя прошу, самымъ убѣдительныхъ образомъ. А взятокъ не давай. Во всякомъ случаѣ, не пропуская возможности, начни хлопотать объ моихъ просьбахъ, и извѣсти меня, оттого что я буду съ нетерпѣніемъ ждать.—Твои сестры всѣ здоровы. Ваня гуляетъ. Володя у тетушки Варвары Васильевны. Мичуринъ уѣхалъ въ Казань до сентября и оттого онъ будетъ гостить у нихъ во все это время. Ожидай скоро отъ меня подробнаго письма. Твои обстоятельства—по прежнему [6]), особеннаго нѣтъ; главное, всѣ здоровы и веселы, и гуляютъ.

Твой другъ Михаилъ Благообразовъ.

P. S. Я это писалъ у дяденьки Луки Ивановича 15-го іюля. Они [7]) и маменька моя кланяются.

---

[1]) Не можешь ли.
[2]) Сергѣя Павловича Галахова, занимавшаго важную должность по почтовому вѣдомству.
[3]) Наталья Алексѣевна Галахова.
[4]) То есть: сначала говори, не называя по имени, для кого просишь должности; и лишь когда Н. А. Галахова дастъ слово, скажи, что просишь за меня.
[5]) То есть: если я самъ не уйду изъ Казенной Палаты, то можетъ быть выгонятъ меня.
[6]) Твои дѣла (то есть дѣла твоихъ сестеръ и братьевъ) идутъ по прежнему.
[7]) То есть: Лука Ивановичъ и Варвара Васильевна.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

18 іюля 1855. С. п. б. (Получено) 25 іюля 1855 г.

Напиши, наконецъ, ко мнѣ, дорогой другъ мой Михаилъ Ивановичъ, и покажи, что ты остался все тѣмъ же, чѣмъ я привыкъ знать тебя. Вотъ уже третій день сегодня, какъ я самъ не свой и никакъ не могу отгадать истиннаго смысла комедіи, которую разсказали мнѣ пріѣхавшіе сюда Щепотьевы. Давно ли ты попалъ въ романическіе герои? Какой изъ писателей юной Франціи свелъ тебя съ ума и заставилъ превратиться изъ умнаго, разсчетливаго, положительнаго человѣка нашего времени въ чувствительнаго селадона прошедшаго столѣтія? Кто перенесъ тебя въ счастливую Аркадію и заставилъ мечтать о счастьѣ въ хижинѣ съ твоею не совсѣмъ цѣломудренною пастушкой?.. Скажи мнѣ, какъ твоему другу—какимъ чудомъ, какими чарами вовлеченъ ты въ эту грязную, пошлую идиллію. Я рѣшительно не узнаю тебя. Неужели красоты царицы твоего сердца (немножко рябой, довольно пожилой и довольно изношенной—помнится) до того приковали тебя, что ты и умъ, и совѣсть потерялъ? Неужели, наконецъ, ты уже не имѣешь собственной воли, не имѣешь рѣшительности смотрѣть на вещи своими глазами, слушать все собственными ушами, а не предаваться слѣпо и безсмысленно въ распоряженіе твоей любимицы? Чего можешь ты ожидать отъ союза, который предположилъ? — — [1]) Да и что за необходимость была тебѣ жениться? Если она жила съ тобой безъ церемоніи два года, то могла прожить и третій, и четвертый, по крайней мѣрѣ до лучшаго оборота обстоятельствъ...— — [2])

Ты знаешь меня, мой братъ, я холоденъ, недовѣрчивъ, гордъ, но я не золъ, не глупъ и не педантъ. Не школьныя предубѣжденія, не жалкій взглядъ провинціальныхъ сплетницъ руководитъ моими сужденіями. Я не скажу тебѣ, что безчестно жениться на солдаткѣ, не стану толковать о выгодной партіи, которую ты могъ бы сдѣлать впослѣдствіи, не буду утверждать, что всякая — — [3]) есть чудовище человѣческаго рода. Но я тебѣ говорю, что она — — [4]) неспособна составить счастіе такого человѣка, какъ ты, потому что я очень хорошо знаю тебя.— — [5]) За всѣмъ тѣмъ я долженъ сказать тебѣ и о томъ важномъ обстоятельствѣ, на которое ты, кажется, никогда не обращалъ вниманія. Это—спокойствіе твоей матери — — [6]). Скажи мнѣ, братъ мой, въ послѣдній разъ, неужели въ самомъ дѣлѣ ты до того огрубѣлъ и очерствѣлъ, до того сталъ безчеловѣченъ — — [7]),

---

[1]) Опускаемъ рѣзкую характеристику качествъ той дѣвушки или вдовы, о которой идетъ рѣчь.

[2]) Опускаемъ рѣзкія предположенія о томъ, какъ могло быть возбуждено въ Михаилѣ Ивановичѣ намѣреніе жениться на этой вдовѣ или дѣвушкѣ.

[3]) Опускаемъ рѣзкое выраженіе.

[4]) Опускаемъ рѣзкія предположенія.

[5]) Опускаемъ рѣзкія мысли объ отношеніяхъ его къ ней.

[6]) Опускаемъ рѣзкія выраженія о томъ, что если онъ не откажется отъ своего намѣренія, то будетъ дурнымъ сыномъ.

[7]) Опускаемъ рѣзкія выраженія.

что несчастіе матери уже нисколько тебя не трогаетъ, что ты спокойно можешь перенести названіе *матереубійцы*, которымъ заклеймить тебя за твой поступокъ проклятіе Божеское и человѣческое? Вспомни, братъ мой, все еще любимый, вспомни сколько трудовъ и заботъ, сколько горя и тоски, сколько слезъ и страданій вынесла изъ-за тебя и для тебя мать твоя; вспомни, чѣмъ она жертвовала для твоего счастія и чѣмъ ты ей отплатилъ за ея любовь... Неужели ты ничѣмъ, ничѣмъ не хочешь для нее пожертвовать?— —[1]) Положимъ, ея убѣжденія ложны, и ты вправѣ поступить такъ, какъ хочешь, да пожалѣй же мать свою, имѣй къ ней хоть каплю сострадагія, дай ей дожить спокойно свой, и безъ того нерадостный, вѣкъ; можетъ быть, уже недолго остается ей тяготить тебя своимъ присутствіемъ.

Прости меня, другъ, за мои упреки: повѣрь, я люблю тебя и жалѣю о тебѣ. Знаю, тебѣ тяжело... Знаю и то, что теперь въ Нижнемъ нѣтъ тебѣ другой невѣсты;—но свѣтъ—не въ одномъ Нижнемъ, и притомъ отчего и не подождать тебѣ? Отчего и не уступить, хотя на время, предубѣжденіямъ общества, среди котораго живешь ты? Я болѣе имѣю права презирать это общество, но признаюсь тебѣ, въ этомъ случаѣ я уважу его мнѣніе, и моя сестра съ братомъ исчезнутъ изъ вашего дома въ ту минуту, когда вступитъ въ него эта женщина. Съ сокрушеніемъ сердца тогда отрекусь отъ тебя, какъ отречется и все общество, къ которому ты принадлежишь. Прощай, мой братъ и другъ доселѣ—и вѣрь искренности и неизмѣнности моихъ словъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО КНЯГИНИ М. А. ТРУБЕЦКОЙ.

27 іюля 1855.

Любезный Николай Александровичъ,

Очень я передъ Вами виновата, что долго не отвѣчала на доброе письмо Ваше; но, право, все это время такъ дурно себя чувствую, что никому не писала ни строки; наконецъ, сегодня во что бы то ни стало хочу написать Вамъ, хотя немного, чтобы Вы не думали, что я сержусь на Васъ или что нибудь подобное. Радуюсь отъ души Вашимъ успѣхамъ. Алеша [2]) мнѣ сказалъ, что Вы перешли въ высшій курсъ; ради Бога, продолжайте; выбирайте осторожно Вашихъ знакомыхъ и не завлекайтесь заманчивыми рѣчами; онѣ часто не что иное, какъ чистѣйшіе софизмы, которыхъ пустота и вредъ являются въ поздней жизни. Вы поймете, до чего мои слова касаются [3]); но по-

---

[1]) Опущены рѣзкія выраженія.

[2]) Галаховъ, племянникъ княгини, пріѣхавшій на каникулы въ Нижній.

[3]) Княгиня говоритъ о непріятностяхъ, которымъ подвергался Николай Александровичу по дѣлу о стихотвореніи на юбилей Греча. Это было близко извѣстно Галаховымъ; Сергѣй Павловичъ хлопоталъ за Николая Александровича. Княгиня если не знала раньше, изъ писемъ сестры, въ какой опасности былъ Николай Александровичъ, то услышала теперь отъ племянника.

вѣрьте, что не желаніе дѣлать Вамъ глупыя нравоученія побуждаетъ меня Вамъ такъ говорить, но твердое и непоколебимое убѣжденіе, что оно такъ, и что многія молодыя, исполненныя надеждъ, жизни [1]) должны были пропасть и сдѣлаться безполезными отъ неосторожностей въ словахъ, а особливо на бумагѣ. — Я сегодня же хочу писать къ Реннонкампфу о Катенькѣ; у ней болятъ только одинъ глазъ, и конечно, если бы ее повезли къ Сергіевскимъ водамъ, то ей, я думаю, было бы очень полезно, потому что эти воды удивительно дѣйствуютъ на золотуху; во всякомъ случаѣ будьте покойны, потому что вѣроятно сдѣлаютъ все нужное для поправленія ея здоровья. Володя у дяди Вашего Колосова [2]); я его давно не видала, но онъ еще такъ малъ, что ему еще рано учиться. Говорятъ, преосвященный имъ чрезвычайно интересуется; не знаю, довольны ли Вы будете этимъ, а по мнѣ такъ это, кажется, все-таки хорошо покамѣстъ, а тамъ когда выростетъ, да если будетъ способенъ, тогда Вы уже можете распорядиться сами его дальнѣйшимъ существованіемъ. Ванечка славный мальчикъ, толстушка и ужасно на Васъ похожъ; кажется, Ваша тетушка отъ него безъ ума. Василій Ивановичъ очень старается о Вашихъ дѣлахъ и очень, кажется, аккуратно ведетъ ихъ: домъ Вы бы нашли немного лучше прежняго: конюшни и сараи поправлены; постояльцы у Васъ [3]) хорошіе и смирные люди, никогда ни шуму, ни брани на дворѣ между людьми. Вотъ Вамъ отчетъ Вашего дома. О насъ собственно ничего не умѣю сказать особеннаго: живемъ понемножку. Ярмарка началась. Скоро минетъ годъ Вашему доброму и почтеннѣйшему папенькѣ. Не предавайтесь тоскѣ въ этотъ день, а помолитесь и начните новый годъ [4]) съ упованіемъ. Богъ дастъ, Вы и успѣете въ этомъ. Прощай [5]), Николай Александровичъ; буду думать о Васъ въ грустное для насъ всѣхъ *6 число* [6]). Никогда не сомнѣвайтесь въ истинной къ вамъ дружбѣ любящей васъ

Кн. М. Трубецкой.

31 іюля 1855.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

30 іюля 1855 г. Получено 6 августа.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправленія къ тебѣ моего письма, я получилъ твое. Хоть большихъ радостей отъ него я и не ожидалъ, но все-таки пріятно было получить отъ тебя извѣстіе: все лучше, чѣмъ ничего... Изъ письма увидѣлъ я, что ты въ добромъ здоровьѣ и здравомъ умѣ; слѣдовательно, остальное все какъ нибудь устроится, ежели только ты не вздумаешь упрямиться. Будучи увѣренъ, что ты принялъ послѣднее мое письмо такъ, какъ я его писалъ, т. е.

---

[1]) То есть: многія молодыя жизни, исполненныя надеждъ.
[2]) Ошибка, вмѣсто: „Колосовскаго“.
[3]) Во флигелѣ, Терскіе.
[4]) Т. е. второй годъ по смерти отца.
[5]) Описка вмѣсто „Прощайте“.
[6]) Августа, день смерти Александра Ивановича.

совершенно подружески, по крайней мѣрѣ не надулся за него, я продолжаю говорить съ тобою моимъ прежнимъ тономъ и съ прежнимъ искреннимъ расположеніемъ. Разскажу тебѣ объ исполненіи мною твоихъ коммиссій. Главную я исполнилъ черезъ два дня по полученіи твоего письма, т. е. 26 числа, во вторникъ. Въ воскресенье былъ праздникъ и, слѣдовательно, присутствія въ Инспекторскомъ департаментѣ не было, а въ понедѣльникъ не успѣлъ. Въ департаментѣ мнѣ сказали, что губерніи представляются министру въ алфавитномъ порядкѣ, и потому до Нижегородской черезъ еще не дошелъ, а будутъ въ докладѣ ея представленія не ранѣе двадцатыхъ чиселъ августа. Я хотѣлъ узнать, нельзя ли что нибудь сдѣлать для устраненія препятствій, о которыхъ ты мнѣ пишешь, но увидѣлъ, что тутъ одно можетъ быть препятствіе—воля министра. Молодой чиновникъ, къ которому обратился я за справкою, очень любезно объяснилъ мнѣ, что дѣла эти совершаются обыкновенно такимъ образомъ: министру представляется длинный списокъ представляемыхъ, и если этотъ списокъ покажется ему очень великъ, то онъ возьметъ, да и зачеркнетъ, безъ большихъ справокъ,—нѣсколько десятковъ, съ начала, въ серединѣ или въ концѣ реэстра, смотря потому, какъ ему вздумается. Если ты попадешься ему подъ руку, между прочимъ, то уже, конечно, никакая человѣческая сила не спасетъ тебя отъ *безчинія* до слѣдующаго года. Нужно, слѣдовательно, подождать, не пошлетъ ли судьба удачи. Послѣ 20 августа справлюсь опять и немедленно напишу къ тебѣ.

Другую просьбу твою исполнить гораздо труднѣе. Какъ человѣкъ не слишкомъ искательный и притомъ не поступающій въ гражданскую службу, я не старался пріобрѣтать здѣсь связи, а довольствовался легкими, случайными знакомствами, которыя посылала мнѣ судьба. Такимъ образомъ, кромѣ Галахова [1]), я могъ бы обратиться только къ троимъ людямъ. Одинъ изъ нихъ сенаторъ и могъ бы сдѣлать то, о чемъ я его попрошу. Но его вѣдѣнію подлежатъ дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ: туда ты попасть не можешь, по незнанію иностранныхъ языковъ. Заставить же старика ѣздить и просить за тебя другихъ я не могу: мало еще знакомъ съ нимъ для этого и опасаюсь обременить его подобной просьбой. Другой господинъ—директоръ департамента Княжевичъ [2]). Этотъ находится даже въ вашемъ министерствѣ [3]) и перейти къ нему на службу было бы тебѣ очень удобно. Но тутъ опять новая помѣха: познакомился я съ нимъ посредствомъ Прутченко; они закадычные пріятели, и какъ только Княжевичъ узнаетъ, что ты служишь у Бориса Ефимовича, тотчасъ же, ничего не говоря и не обѣщая, отпишетъ ему и спроситъ его мнѣнія [4]). Въ этомъ я увѣренъ, какъ дважды два четыре. Слѣдо-

---

[1]) Сергѣя Павловича: онъ служилъ въ почтовомъ управленіи.

[2]) Александръ Максимовичъ Княжевичъ, вскорѣ послѣ того назначенный министромъ финансовъ.

[3]) Михаилъ Ивановичъ служилъ въ казенной палатѣ, подъ начальствомъ Б. Е. Прутченко.

[4]) А Михаилъ Ивановичъ полагалъ, что Б. Е. Прутченко сталъ враждебенъ ему (предположеніе было ошибочно, какъ видно изъ писемъ Бориса Ефимовича къ Николаю Александровичу).

вательно, оставался еще одинъ,—начальникъ отдѣленія, у котораго я теперь даю уроки сыну и у котораго живу на дачѣ все лѣто [1]). Я и обратился къ нему въ самый день полученія твоего письма. Не прося прямо мѣста, потому что онъ не можетъ его дать, а можетъ похлопотать только,—я спрашивалъ его мнѣнія и совѣта о томъ, какимъ образомъ удобнѣе перебраться сюда на службу, на какую выгоднѣе, и нельзя ли помочь какъ нибудь этому дѣлу. Онъ началъ тѣмъ, что напалъ на столичную службу, насчиталъ мнѣ множество примѣровъ, что здѣсь студенты университета киснутъ въ палатахъ и ждутъ-не-дождутся мѣстечка въ министерствѣ, сказалъ, что молодой человѣкъ безъ высшаго образованія здѣсь совсѣмъ пропадетъ, и заключилъ тѣмъ, что если и можно, съ большими усиліями, получить здѣсь мѣсто, то развѣ безъ жалованья, да и то нужно ждать неопредѣленное время. Вотъ тебѣ результатъ моихъ попытокъ. Если ты непремѣнно хочешь, я попытаюсь еще похлопотать черезъ одного товарища, съ которымъ я очень близокъ и котораго отецъ тоже начальникъ отдѣленія. Только едва ли что нибудь выйдетъ изъ этого. Жаль мнѣ, что не могу услужить тебѣ, какъ бы хотѣлъ; но—видитъ Богъ, что я не имѣю силъ для этого. О мѣстѣ въ почтамтѣ жалѣю, что ты не написалъ мнѣ раньше двумя недѣлями: тогда я бы обдѣлалъ это дѣло безъ всякаго затрудненія. Здѣсь была жена нижегородскаго почтмейстера, С. И. Буринская, и я провелъ съ нею нѣсколько часовъ очень пріятно. Она давнишняя пріятельница съ женою того господина, у котораго живу я, была у нихъ нѣсколько разъ, я представленъ былъ, какъ учитель ихъ сына и какъ нижегородецъ, нашелъ много общихъ предметовъ, о которыхъ распрашивать и разсказывать было интересно и для меня и для нея. Кстати, упомянулъ я о своемъ знакомствѣ съ Галаховымъ и она сдѣлалась ко мнѣ еще ласковѣе. Тутъ бы стоило сказать нѣсколько словъ, и дѣло было бы слажено. Теперь она давно уже уѣхала. Впрочемъ, если тебѣ некуда будетъ дѣваться болѣе, напиши мнѣ, и я постараюсь дѣйствовать черезъ мать моего ученика, чтобы она попросила свою пріятельницу, а та своего мужа. Могу я также просить и С. П. Галахова (хлопотать черезъ его жену будетъ лишнее; да она притомъ возвратится въ Петербургъ тогда уже, когда и Галахова въ Нижнемъ не будетъ: а вѣдь онъ и имѣетъ тамъ вліяніе только, какъ ревизоръ). Но это только въ крайнемъ случаѣ, потому что переписка по этому дѣлу будетъ довольно щекотливая вещь...

Ну, теперь на всѣ твои коммиссіи худо ли, хорошо ли—отвѣтъ сдѣланъ. Самъ обсуди свое и мое положеніе и рѣши, что намъ дѣлать [2]). А я опять тебѣ повторю, побойся Бога,—не убивай мать свою: она такъ любила и любитъ тебя... Не говорю тебѣ: откажись совсѣмъ отъ своего предпріятія [3]), а по крайней мѣрѣ—отсрочь его на неопредѣленное время и поставь себя въ порядочное положеніе, чтобы на тебя не указывали пальцами. Вѣдь Богъ знаетъ, какъ на тебя теперь смотрятъ. Я бы тот-

[1]) Это былъ г. Малоземовъ.

[2]) Для исполненія желанія Михаила Ивановича перемѣнить службу.

[3]) Отъ намѣренія жениться на дѣвушкѣ или женщинѣ, казавшейся дурною всѣмъ, слышавшимъ о ней.

часъ же принялся хлопотать за тебя у Буринской,—да боюсь: что, если — — [1]) исторія твоя надѣлала шуму въ городѣ и она уже слышала о тебѣ? Надобно осрамиться будетъ, вмѣстѣ съ тобою... Вѣдь дернулъ же тебя чортъ на такую — — [2])!.. Отвяжись, братъ, отъ нея [3]), пожалуйста; — постарайся отвязаться... Имѣй немножко побольше энергіи и воли надъ собою (а не надъ бѣдною матерью) [4]): вѣдь ты уже не ребенокъ.

Я, братъ, тоже жду себѣ большихъ и большихъ непріятностей. Въ извѣстныхъ тебѣ стихахъ затронутъ былъ кн. Вяземскій и названъ продажнымъ поэтомъ. Теперь вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ сдѣланъ товарищемъ нашего министра. Мое имя извѣстно; не мудрено, что обиженные мною пріятели его подожгутъ, и въ Институтѣ меня не будетъ [5]). Начальники изъ желанія угодить товарищу министра начнутъ снова меня преслѣдовать и даже защищать меня всякій побоится. Каюсь теперь въ неосторожности, да утѣшаюсь хоть тѣмъ, что это [6]), по крайней мѣрѣ, не дѣло, а слово и слово, довольно не глупое и имѣвшее своего рода успѣхъ, такъ что все-таки много есть людей, которые въ душѣ всегда будутъ за меня.

Ну, теперь прощай. Благодарю тебя за любовь къ Ванечкѣ: я и ожидалъ отъ тебя хорошаго отношенія къ нему, потому что это былъ всегда твой фаворитъ и потому что въ любви твоей къ нашему семейству я никогда не сомнѣвался. Желаю, чтобы твое ослѣпленіе на счетъ извѣстнаго обстоятельства не разорвало нашихъ отношеній, такъ хорошо установившихся, особенно въ послѣднее время.

Благодарю еще разъ за хорошій пріемъ моего товарища [7]) и хорошее о немъ мнѣніе. Я отъ души люблю этого человѣка за его умъ, доброту и благородство, и Богъ знаетъ какъ радъ былъ, что Вы его оставили у себя: онъ очень затруднялся тѣмъ, гдѣ остановиться. Однако, пора кончить. Прощай, пиши ко мнѣ скорѣе и откровеннѣе обо всемъ. Пожалуй, разругай меня, если это доставитъ тебѣ удовольствіе: обѣщаю не разсердиться.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Опускаемъ рѣзкій эпитетъ.

[2]) Опускаемъ рѣзкое слово, значеніе котораго можно передать выраженіемъ „на такую дурную мысль“.

[3]) Отъ этой женщины.

[4]) У которой онъ требовалъ одобренія своему намѣренію.

[5]) То есть; „меня исключатъ изъ Института“. Опасеніе непріятностей отъ кн. Вяземскаго было напрасно; онъ или не зналъ, что авторъ стихотворенія на юбилей Греча—студентъ педагогическаго института Добролюбовъ, или простилъ ему оскорбленіе. Вмѣсто того, чтобъ имѣть преслѣдователя въ новомъ товарищѣ министра, Николай Александровичъ нашелъ въ немъ защитника.

[6]) Т. е. не въ частности стихъ о кн. Вяземскомъ, а все стихотвореніе.

[7]) М. И. Шемановскаго, заѣзжавшаго къ Фавстѣ Васильевнѣ по пути домой въ Вятку.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ И ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

1 августа 1855 г. [1]).

Вѣроятно еще въ началѣ іюля мѣсяца или въ концѣ іюня, Вы получили письмо мое, любезный Дяденька, Лука Ивановичъ, и Тетенька, Варвара Васильевна. Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ собирался писать къ Вамъ, но каждый разъ останавливали меня обстоятельства, то мои собственныя, то Ваши нижегородскія. Наконецъ уже собрался теперь увѣдомить Васъ о себѣ и попросить за другихъ.

Я живу очень, очень хорошо, сколько то возможно въ моемъ положеніи и при безпрестанныхъ непріятностяхъ со стороны нашихъ нижегородскихъ дѣлъ. Вы, конечно, уже слышали, что я живу на дачѣ [2]) и приготовляю къ поступленію въ корпусъ одного мальчика, за что долженъ получить 30 руб. сер. Какъ ни ничтожна эта сумма, но я не раскаялся, что согласился принять на себя это дѣло. Мальчикъ, ученикъ мой, очень неглупъ и любитъ заниматься; мои объясненія слушаетъ онъ съ охотою и вниманіемъ, и, слѣдовательно, мнѣ заниматься съ нимъ очень пріятно. Семейство, въ которое попалъ я, чрезвычайно доброе и милое; меня всѣ очень полюбили, заботятся обо мнѣ, какъ о родномъ. Дѣти всѣ привязались ко мнѣ, какъ нельзя больше: просто, не отходятъ отъ меня, не хотятъ безъ меня обѣдать, если я запоздаю какъ нибудь въ городѣ или на прогулкѣ, отказываются отъ гулянья и остаются дома безъ всякаго неудовольствія, ежели только я остаюсь. По всему этому Вы можете судить, какъ я самъ привязанъ къ дѣтямъ и ко всему семейству гг. Малоземовыхъ, у которыхъ нахожусь теперь. Что касается до внѣшнихъ удобствъ, то я тоже очень доволенъ всѣмъ: довольно хорошій обѣдъ, сытный завтракъ, кофе, ягоды и пр. каждый день. Нерѣдко пріѣзжаютъ гости, съ которыми тоже весело и незамѣтно проходитъ мое время. Кромѣ того, я пользуюсь правомъ безплатнаго входа въ купальни, въ садъ графа Безбородко, гдѣ три раза въ недѣлю играетъ музыка и бываетъ иногда иллюминація, и гдѣ каждый разъ нужно бы платить по 15 к. сер. за входъ. Прибавьте къ этому катанья на лодкѣ, иногда отправленіе въ другія увеселительныя мѣста, куда я тоже сопровождаю всегда семейство, не платя ничего,—и Вы увидите, какъ мнѣ здѣсь спокойно и пріятно послѣ однообразной институтской жизни, нарушавшейся обыкновенно только домашними непріятностями.

Теперь о Васъ. Я радъ, что, наконецъ, Вы въ городѣ, что соединились наши семейства; и какъ я благодаренъ Вамъ, милые мои Дяденька и Тетенька, за Вашу любовь къ Володенькѣ. Мнѣ писалъ Василій Ивановичъ, что онъ теперь у Васъ и останется до сентября, пока не пріѣдетъ Мичуринъ. Не знаю, не обременитъ ли онъ Васъ: вѣдь онъ такой рѣзвый; за нимъ надобенъ надзоръ, а кому же у

---

[1]) Внизу письма сдѣлана рукою Луки Ивановича помѣтка: „6 дня получено“.
[2]) У г. и г-жи Малоземовыхъ.

Васъ смотрѣть за дѣтскими шалостями? Разумѣется, я знаю, что Вы его не бросите, что всегда о немъ позаботитесь: Ваша доброта и любовь къ намъ мнѣ очень хорошо извѣстна. Но меня тревожитъ мысль, что для Васъ эта забота можетъ быть тяжела и непріятна. А между тѣмъ, Василій Ивановичъ писалъ мнѣ даже, что у Мичуриныхъ совсѣмъ плохо жить Володѣ, и что Вы хотѣли оставить его у себя. Не знаю, право, какъ и распутать это дѣло... Опишите мнѣ, пожалуйста, все поподробнѣе. Боюсь я сгубить ребенка, какъ Юленьку. Я никогда не простилъ бы себѣ этого. Напишите мнѣ, милая Тетенька: вѣдь я знаю, что Вы меня любите. Вспомните, какъ Вы, бывало, качали меня на рукахъ да спать заставляли. Я это часто припоминаю... и прощанье наше припоминаю. Вы, да тетенька Фавста—вѣдь вотъ кто у меня теперь вмѣсто матери. Ахъ, бѣдная тетенька Фавста! Передайте ей письмо, которое при этомъ приложено, да постарайтесь утѣшать и успокоивать ее. Я думаю, у нея на душѣ теперь столько горя, столько горя!.. Какъ это Михаилъ Ивановичъ такъ рѣшился поступить!.. Поговорите съ нимъ, убѣдите его, если онъ еще кого нибудь слушаетъ... Да не показывайте ему какого нибудь гнѣва или пренебреженія, а говорите ласковѣе и спокойнѣе съ нимъ: тогда ему скорѣе совѣстно будетъ передъ Вами... Я на Васъ надѣюсь, Дяденька, въ этомъ дѣлѣ. А больше всего— поберегите тетеньку Фавсту Васильевну и для нея, и для себя, и для нашихъ сиротъ... Что съ ними будетъ безъ нея?.. Господи, неужто еще мало несчастій перенесла семья наша? Неужели еще будутъ онѣ? Пора бы ужь кончиться... Прощайте, дорогой Дяденька и милая моя Тетенька. Поцѣлуйте Анночку и велите ей написать что нибудь ко мнѣ побольше: тогда и я буду писать къ ней особо. А главное,— Вы сами пишите ко мнѣ поскорѣе.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО В. Е. ПРУТЧЕНКО.

Нижній. 3-го августа 1885.

Вы, мой милый Николай Александровичъ, сдѣлали изъ мухи слона и безпокоитесь о совершенныхъ пустякахъ. Ваше игривое воображеніе населило такихъ фантастическихъ привидѣній въ домѣ тетки Вашей. — — [1]) поторопились наговорить пустяковъ. Дѣло въ томъ, что Благообразовъ, какъ пылкій мальчикъ, связался съ дѣвчонкой и явился ко мнѣ просить дозволенія жениться; но я велѣлъ ему, чтобы принесъ дозволеніе отъ матери. Это было еще передъ петровымъ постомъ. Съ тѣхъ поръ онъ не являлся, да и не явится; такимъ образомъ, эта исторія кончена. Но, чтобы больше увѣриться,

---

[1]) Здѣсь названа фамилія нижегородскихъ знакомыхъ, ѣздившихъ въ Петербургъ и при свиданіи съ Николаемъ Александровичемъ разсказавшихъ ему о намѣреніи Михаила Ивановича жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ, которую всѣ слышавшіе о ней считали дурною. Николай Александровичъ просилъ Б. Е. Прутченко не давать его подчиненному разрѣшенія на эту женитьбу.

я вчера же, по полученіи Вашего письма, приглашалъ къ себѣ Вассу Васильевну [1]) и говорилъ съ нею объ ея сынѣ. Она рѣшительно утверждаетъ, что онъ уже оставилъ намѣреніе жениться на своей избранной, а она приготовляетъ ему другую невѣсту. Я замѣтилъ ей: не рано ли хочетъ женить; но она боится, чтобъ сынокъ ея опять не напроказилъ. Видите ли, какъ это дѣло просто. Всему виною Ваше пылкое воображеніе. Какъ Вамъ не стыдно думать такъ о пустякахъ, какъ Вы написали: «снова несчастья, снова горькіе дни на нашу горькую семью!» Тутъ у Васъ родилась мысль о несчастной матери, объ ея отчаянномъ положеніи, объ ея болѣзняхъ; а она, слава тебѣ Господи, здорова, какъ нельзя больше; побранила сына, какъ водится и какъ слѣдуетъ, и все осталось благополучно.

Пожалуйста не фантазируйте, занимайтесь существеннымъ и будетъ хорошо. Прекрасно Вы поступили, написавъ мнѣ о новыхъ страданіяхъ Вашей головы [2]); пожалуйста, и впередъ то же дѣлайте; я для Васъ лучшій лекарь, любя Васъ и желая Вамъ счастья. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго, да побольше. Жена моя въ Москвѣ у нашихъ дѣтей [3]); но она любитъ Васъ по прежнему и желаетъ Вамъ всѣхъ благъ.

Всегда Вамъ усердный

Б. Прутченко.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

10 августа 1855 года.

Любезный Николенька!

Письмо твое я получила 6 августа, въ день для насъ очень горестный, вѣчно незабвенный [4]). Очень рада, что ты здоровъ и благодарю тебя за твою любовь и нѣжное, истинно утѣшительное письмо. Я въ тебѣ всегда была увѣрена, не дѣлила хотя съ тобой горести [5]), потому что не хотѣла тебя огорчать; ты такъ убитъ уже своимъ горемъ, что еще прибавлять не было силъ у меня, такъ много любящей тебя, хотя была увѣрена, что бы ты меня утѣшилъ. Я знала Мишу и ожидала всегда, что онъ опомнится и не сдѣлаетъ такого смѣлаго [6]) поступка, который меня рѣшительно бы убилъ. Такъ, милый Николенька, я бы не перенесла этой послѣдней горести; я такъ уже много страдала, что уже не молила Бога о жизни, когда дѣлаюсь больна, а просила и ждала смерти, какъ милосердія Божія. Но вотъ, слава Богу, все перемѣнилось, Миша меня успокоилъ: онъ рѣшительно не только оставилъ свое глупое намѣреніе жениться, но

---

1) Б. Е. ошибочно называетъ такъ Фавсту Васильевну.

2) То-есть, вашего воображенія.

3) Подразумѣвается: поэтому не пишетъ Вамъ.

4) День смерти Александра Ивановича.

5) Была увѣрена въ томъ, что онъ сочувствуетъ ея печали о безразсудномъ намѣреніи сына ея, хотя не дѣлилась съ нимъ своей горестью, т. е. не писала о ней.

6) Опрометчиваго.

и прервалъ совсѣмъ свою связь и уже нѣсколько недѣль ни разу не былъ [1]); это правда; онъ меня еще никогда не обманывалъ, и я поэтому вѣрю ему. Человѣкъ хотя и въ заблужденіи былъ, но помнящій обязанности сына и любящій мать свою, какъ онъ меня, рано или поздно долженъ опомниться. Не сомнѣвайся, это правда; я знаю и отъ постороннихъ людей, и какъ она его ругаетъ, слышала; онъ вѣренъ своему обѣщанію, и я съ его согласія стараюсь найти ему приличную партію, что и объявила Борису Ефимовичу. Онъ какъ пріѣхалъ изъ отпуска, то въ этотъ же день за мной присылалъ и сказывалъ, что хочетъ тебѣ отвѣчать на твое письмо. Не знаю, что онъ тебѣ напишетъ, но желала бы знать его мнѣніе, нельзя ли тебѣ будетъ объ этомъ написать намъ. Но я такъ обречена горю, что не успѣла отдохнуть отъ одного, безпокоюсь объ другомъ. Мичурины уѣзжали въ Вятку на мѣсяцъ, Володеньку и маленькую дочь [2]) оставляли дома и поэтому Володенька гостилъ у Луки Ивановича недѣли двѣ, потомъ 25 іюля пришелъ ко мнѣ съ ними [3]) въ гости и никакъ съ ними не хотѣлъ идти, а остался у меня; и такъ Ваня и Володя все вмѣстѣ играли. Но 4-го августа заболѣла головка [4]) не знаю съ чего—время теплое, простудиться нельзя, холоднаго ничего не кушалъ,—но теперь нездоровъ и лежитъ на Ваниной кроваткѣ; что-то въ родѣ горячки; и лечитъ его нашъ докторъ, который такъ хорошо вылечилъ Ваню. Онъ ѣздитъ каждый день. Ты знаешь, какъ худъ и слабъ Володя; онъ нисколько не поправился, но все такой же блѣдненькій и даже желтый. Я надѣюсь, что ему послѣ болѣзни будетъ лучше, онъ можетъ быть поправится, и эта болѣзнь можетъ послужить къ лучшему. А Ванечка спитъ съ Мишей. Ты не можешь представить, какъ онъ насъ забавляетъ и какъ Миша его любитъ; онъ такъ много годомъ выросъ, и такой полненькій. Миша ему было сшилъ ополченный костюмъ и такъ имъ мы любовались, но теперь запрещено и мы передѣлали. Ванѣ очень его жаль. Твоему товарищу я была такъ рада, обрадовалась точно тебѣ. Письмо отъ него твое мы получили, а также и отъ Галахова [5]); онъ все такой же мальчикъ—вѣтеръ, и отъ него объ тебѣ хорошенько узнать было нельзя, а книги онъ не доставилъ. Отъ Кати давно не получала [6]), она очень скучаетъ и должно быть хорошенько не выздоровѣла; но такъ мало обстоятельно объ себѣ пишетъ, что хорошенько не знаю, въ какомъ видѣ ея болѣзнь; и очень скучаетъ, что она одна на чужой сторонѣ. Писала, что получила отъ тебя письмо и очень ему рада. Очень ея жаль, но помочь нечѣмъ, такая ея доля, и Богъ знаетъ когда увидимся съ ней. Бабушка слѣпая еще жива, живетъ у Анны Васильевны; недавно я была у ней; она очень скучаетъ жизнію и вся ужь высохла. Сейчасъ былъ докторъ, онъ говоритъ, что у Воли [7]) горячка и, говоритъ, хорошо, что онъ у васъ; вы его больше чѣмъ

[1]) У той, на которой хотѣлъ жениться.
[2]) Свою.
[3]) Т. е. съ Лукой Ивановичемъ и Варварой Васильевной.
[4]) У Володи.
[5]) Алексѣя Сергѣевича.
[6]) Подразумѣвается „письма".
[7]) Володи.

чужіе люди успокоите и сбережете. А Аксинья [1]) здорова и сейчасъ отправилась въ аптеку. Она тебѣ очень благодарна, что ты ее вспомнилъ; но и не грѣхъ [2])—она безропотно служитъ дѣтямъ и Ваню очень любитъ; это [3]) идолъ всего дома. Сейчасъ докторъ сказалъ о Волѣ, что дѣлать, что онъ худъ, за то уменъ не по лѣтамъ; а я говорю: они оба очень умны, то есть и Ваня. Повѣришь ли, покуда пишу, десять разъ вставала къ Володѣ, да десять дважды къ Ванѣ. Насилу отъ одного отдѣлалась, то есть Ваня бай бай улегся— и я пишу съ вечера, а утрѣ [4]) не успѣешь. Вотъ, Николенька, мои дѣла какъ идутъ. Нина здорова. Надѣюсь скоро писать тебѣ. О здоровьѣ Воли будь покоенъ.

Любящая тебя тетка
Благообразова.

А Миша въ палатѣ. Нина шьетъ себѣ платье.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(*Отъ 16 августа 1855 г.*).

Милый и неоцѣненный братецъ!

Я получила письмо Ваше отъ нихъ [5]) 8-го числа августа, и меня это письмо какъ нельзя болѣе обрадовало и еще болѣе то, что Вы научили меня какъ писать Аннѣ Максимовнѣ. Благодарю Васъ за это письмо, милый братецъ; я хотѣла Вамъ отвѣчать на это письмо вскорѣ послѣ полученія, но у меня не было бумаги, и когда ко мнѣ пришли [6]), тогда я попросила бумаги и они мнѣ принесли и потому я теперь пишу Вамъ. Амалія Богдановна и Рудольфъ Павловичъ недавно еще пріѣхали и какъ пріѣхали, то поручили [7]) мнѣ письмо Ваше. Я недавно получила письмо отъ княгини [8]) и послѣ этого не должна ли я писать къ ней и благодарить ее за то? И потому прошу Васъ, милый братецъ, напишите мнѣ, какъ писать къ ней. Еще я хочу Вамъ сказать, милый братецъ: Вы думаете, что я скрываю отъ Васъ болѣзнь свою; могу Васъ увѣрить, что я пишу Вамъ всю правду и никогда не рѣшусь обманывать Васъ въ томъ. Я это [9]) знаю по себѣ: я и до сихъ поръ не могу увѣриться, совершенно ли здоровъ милый Ванечка; я писала тетенькѣ [10]) и умоляла ихъ ничего не скры-

---

1) Служанка.
2) Вспомнить ее.
3) Ваня.
4) Утромъ.
5) Отъ Рудольфа Павловича и Амаліи Богдановны Ренненкампфъ.
6) Вѣроятно Ренненкампфы.
7) Вмѣсто „вручили“, передали.
8) Трубецкой.
9) То, какъ тяжело не имѣть увѣренности, что родные написали всю правду, не скрыли ничего печальнаго.
10) Фавстѣ Васильевнѣ.

вать отъ меня. Вы пишете, милый братецъ, что тетенькѣ я даже не сама писала [1]); можетъ быть тетенькѣ я писала прежде или послѣ [2]); но Вамъ я писала совершенно здоровая. Теперь я Вамъ скажу, что у меня отъ этой негодной золотухи все лицо опухло и я сижу въ больницѣ. Седьмаго и восьмаго числа сего мѣсяца былъ экзаменъ и я не была на экзаменѣ, потому что у меня тогда болѣло горло; а теперь прошло, и я очень рада, что нашла случай писать Вамъ [3]). Теперь я, милый братецъ, непремѣнно послушаюсь Вашего совѣта и заведу себѣ эдакую тетрадку и буду записывать [4]). Ахъ, милый братецъ, какъ я рада, что Вы ходите къ преосвященному [5]) и какъ онъ ласково принимаетъ Васъ, какъ я узнала это изъ Вашего письма, милый братецъ. Вы не безпокойтесь, ежели Вамъ некогда писать, то я могу и подождать. Я это [6]) также знаю по себѣ. Теперь спрошу Васъ, кто это Вамъ пишетъ, что моя болѣзнь очень опасна; эта болѣзнь—золотуха обыкновенная; теперь я принимаю капли отъ этой золотухи. Вы пишете, что Вамъ очень хочется увидѣть меня; и мнѣ также, милый братецъ, очень, очень хочется взглянуть на Васъ. Вы спрашиваете меня, что мнѣ нужно; я не понимаю на счетъ чего Вы это говорите, и что Вы можете сдѣлать для меня такъ далеко. Вы пишете, чтобы я написала Вамъ подробнѣе о своей жизни. У насъ нынче вакатъ будетъ продолжаться до 15 сентября. Учителей у насъ пятеро; четверо изъ семинаріи [7]); вотъ они изъ чего преподаютъ: Первые два свѣтскіе. Первый изъ географіи въ младшемъ классѣ, а въ старшемъ еще изъ россійской имперіи и еще изъ выписковъ [8]). Второй, изъ ариѳметики и грамматики, третій—протоіерей—изъ русской исторіи, а въ старшемъ еще изъ разсказовъ [9]), четвертый учитъ писать. Пятый — протоіерей Захаръ Петровичъ; онъ учитъ Закону Божію, изъ катихизиса и еще изъ разсказовъ въ младшемъ классѣ, а въ старшемъ еще исторію Рождественскаго, изъ Богослуженія, объ обязанностяхъ христіанина и еще о трудахъ Апостола Павла. Теперь я Вамъ все написала объ этомъ, милый братецъ. Въ понедѣльникъ седьмаго числа Амалія Богдановна прислала дѣвушку, а на другой день опять кормилица приходила съ дѣтьми и принесла письмо отъ княгини. На другой день приходила сюда въ больницу матушка казначея, читала это письмо и сказала: «очень мило писано», пожалѣла обо мнѣ я умила. Дружна я, милый братецъ, со всѣми, всѣ меня любятъ; Господь меня нигдѣ не оставляетъ. Вправду сказать, я насилу разобрала письмо Ваше; но Вы мое не знаю разберете ли. Те-

---

1) Потому что не могла писать, страдая глазами отъ золотухи.

2) То есть, можетъ быть, письмо отъ ея имени, полученное Фавстою Васильевною, было послано раньше или позднѣе письма ея къ нему; и можетъ быть, тогда кто нибудь писалъ отъ ея имени, слышавъ отъ нея, что она хотѣла бы писать, но не можетъ, страдая глазами; какъ это было, она не знаетъ.

3) То есть, что Ренненкампфы вызвались взять и отправить ея письмо (помимо институтскаго начальства).

4) Вести дневникъ.

5) Симбирскому, жившему тогда въ Петербургѣ.

6) То, что иногда бываетъ недосугъ писать.

7) Четверо изъ нихъ—профессоры семинаріи.

8) „Выписками“ назывался, какъ видно, какой-то предметъ преподаванія.

9) „Разсказы“ эти были, вѣроятно, „разсказы изъ священной исторіи“.

перь я бы Вамъ, милый братецъ, написала такъ много, только не упишется больше. Прощайте, остаюсь любящая Васъ всѣмъ сердцемъ и душою сестра Ваша

Екатерина Добролюбова.

Прощайте. Екатерина Добролюбова сестра. Прощайте братецъ мой, желаю Вамъ быть здоровымъ и веселымъ.

16 августа 1855.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 1 сентября 1855*).

Оба письма Ваши, Николай Александровичъ [1]), я получилъ, но не могъ рѣшиться отвѣчать; наконецъ, теперь хочу писать Вамъ на письмо Ваше отъ 30 іюля.

Я Васъ просилъ о многомъ; знаю, что мои просьбы могутъ показаться жителямъ столицы довольно нелѣпыми, но не ожидалъ отъ Васъ такого мнѣнія. Я знаю, что осмѣиваютъ людей, которые, блаженно живя въ губернскихъ городахъ, стараются попасть въ столицы; но у меня была цѣль, цѣль, которая извиняла такую рѣшительность; но объ этомъ довольно. Вы не можете [2]), я и говорить еще не буду.

Объ мѣстѣ въ почтамтѣ тоже Вы что-то на себя плохо надѣетесь,— стало быть и это кончимъ.

Еще я Васъ просилъ похлопотать объ чинѣ; Вы довольно опрометчиво поступили, повѣривъ на слово какому-то вертопраху, по просту сказать, пустой головѣ [3]). У меня день былъ дорогъ, а Ваша неосмотрительность увела больше мѣсяца; но дѣлать нечего, учить Васъ я не хочу, а думаю доставить Вамъ случай быть мнѣ очень полезнымъ, и потому прошу Васъ опять побывать въ Инспекторскомъ департаментѣ. Если этотъ же человѣкъ Вамъ встрѣтится, то Вы спросите его опять, и скажите, что этого не бываетъ, чтобы прихоть человѣка, какъ бы онъ высокъ и важенъ ни былъ, могла дѣлать невозможное. У насъ не было примѣровъ, чтобы отказывали въ какихъ либо дѣлахъ по одной прихоти, но всегда находятъ причину, особенно при дѣлахъ о чинопроизводствѣ. Вы же писали мнѣ, что около двадцатыхъ чиселъ августа нижегородцы будутъ представляться къ Министру на разсмотрѣніе, потому теперь это дѣло будетъ яснѣе Вамъ видно. Прошу не замедлить отвѣтомъ, я буду очень благодаренъ. Если же я получаю чинъ [4]), то Вы справьтесь, скоро ли о томъ извѣстно будетъ въ нашей Казенной Палатѣ.

---

[1]) Отъ 18 и отъ 30 іюля.

[2]) Исполнить просьбу его о доставленіи ему должности въ Петербургѣ.

[3]) Михаилъ Ивановичъ въ этомъ неправъ: тотъ чиновникъ говорилъ Николаю Александровичу съ полнымъ знаніемъ дѣла и откровенно.

[4]) Если же Вамъ скажутъ, что я получу чинъ.

Володя еще съ постели не встаетъ, но теперь есть надежда, что онъ будетъ живъ; хотя мы не упустили ничего для облегченія его болѣзни, но мѣсяцъ прошелъ, а мы еще недавно увѣрились въ его выздоровленіи. Прочія всѣ дѣти живы и здоровы. Матушка Вамъ кланяется.

Вашъ слуга

Михаилъ Благообразовъ.

1 сентября 1855 г.

ПИСЬМО Б. К. ПРУТЧЕНКО.

Нижній. 3 сентября 1855 г.

Я и моя жена, воротившаяся изъ Москвы 21 августа, съ истиннымъ удовольствіемъ читали письмо Ваше, любезнѣйшій Николай Александровичъ. Вы писали 24 августа уже, слава Богу, не съ тѣми порывами отчаянія, какими наполнены Ваши прежнія письма. Вы уже перестаете носиться въ тѣхъ невѣдомыхъ сферахъ, гдѣ все кажется или страшно, или непонятно. Ну, помиримся же; перестанемъ думать о мечтахъ; сойдемъ на твердый грунтъ земли и станемъ въ рядъ людей мыслящихъ. Скажу еще нѣсколько словъ о Благообразовѣ. Онъ, какъ и многіе другіе, заблуждался. Мать побранила его и тѣмъ кончилось; надо однако же сказать въ похвалу его, что онъ гораздо лучше многихъ, связавшихъ свою судьбу съ недостойными ихъ тварями. Благообразовъ увидѣлъ свою пагубу, и, при всей слабости характера, успѣлъ укрѣпиться, можетъ быть и потому, что его прелестница надоѣла ему, и онъ послушался матери. А сколько у меня въ Палатѣ несчастныхъ молодыхъ, женившихся при первомъ увлеченіи страсти. И какая жизнь: жена въ одну промышленность, мужъ въ трактиръ или въ кабакъ; тѣмъ кончаютъ свою страсть, а въ добавокъ, я долженъ отказать пьяницѣ отъ службы. По этимъ-то примѣрамъ я вижу надъ Благообразовымъ небесное благословеніе, низведенное отцомъ, матерью, дядею. Ихъ молитвы отстранили молодаго неопытнаго юношу отъ бездны, въ которую влекла его пагубная слабость. Возблагодаримъ же Милосердаго Бога и перестанемъ объ этомъ толковать.

Вы спрашиваете моего совѣта о времени окончанія Вашего курса въ Институтѣ. Я нахожу мнѣніе директора и профессоровъ справедливымъ, и тоже думаю, что для Васъ лучше остаться положенное время, нежели форсировать, сокращая однимъ годомъ. Ваши лѣта еще такъ молоды, Ваша опытность такъ еще нова, Ваше здоровье, потрясенное домашними, семейными огорченіями, еще такъ нѣжно и слабо, что усиленная дѣятельность вгонитъ Васъ въ объятія чахотки и Вы будете безполезнымъ и для себя, и для другихъ. Но идя мѣрнымъ шагомъ въ наукахъ, оставаясь въ Институтѣ, не желая быть выскочкой, Вы укрѣпитесь и въ здоровьи и въ опытности; словомъ, въ два года возмужалости Вы будете другимъ человѣкомъ, полезнымъ и для себя, и для свѣта. Намъ чрезвычайно пріятно видѣть

лестное къ Вамъ вниманіе директора и профессоровъ; оно заслужено Вами съ Божіею помощью и Вашими усердными трудами. Продолжайте, съ Богомъ, также дѣлать; увидите впослѣдствіи, какъ хорошо поступали и будете дѣлать [1]). Въ сношеніяхъ съ Малоземовымъ и его семействомъ [2]) мы видимъ даръ Неба, желавшаго наградить Васъ за труды и прекрасное поведеніе. Мы всѣ живемъ подъ Богомъ. Онъ— единственная наша надежда и прибѣжище; мы знаемъ Вашу крѣпкую, твердую вѣру, въ ней спасеніе Ваше и наше. Перекреститесь и, съ Богомъ, продолжайте и жизнь, и ученье. Вы только-что вступаете въ жизнь для свѣта, держите ухо востро для предостереженія отъ мечтательныхъ съ собою бесѣдъ, и, дастъ Богъ, Вы укрѣпитесь, созрѣете на благія дѣла. Здѣсь у насъ все, слава Богу, благополучно; всѣ Ваши родные здоровы. На дняхъ посѣтила насъ Фавста Васильевна въ добромъ здоровьи.

Христосъ съ Вами; кланяюсь Вамъ и передаю поклонъ моей жены. Письма Ваши доставляютъ намъ удовольствіе, а потому не церемонясь съ нами, пишите.

Всегда искренно Васъ любящій

Борисъ Прутченко.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 5 сент. 1855*).

Имѣю честь увѣдомить тебя, Николай Александровичъ, что мы здоровы; дѣла наши понемногу идутъ. Володя выздоравливаетъ. Ниночка здорова. Княгиня непремѣнно требуетъ поправки погребовъ, а ты мнѣ и до сихъ поръ не отвѣчаешь, приступить ли къ поправкѣ. Наши родные всѣ здоровы и тебѣ кланяются. Это, кажется, четвертое, если не пятое письмо, на которое я не имѣю отвѣта, которымъ я тебя, впрочемъ, обременяю потому, что думаю, что тебѣ мои распоряженія по дому вашему не нравятся.

Жена моя здорова, тебѣ свидѣтельствуетъ почтеніе. Прощай, мой милый. Пишу въ торопяхъ, и поэтому ты извини.

Преданный тебѣ

В. Добролюбовъ.

5 сентября.

ПИСЬМО КН. М. А. ТРУБЕЦКОЙ.

(*5 сент. 1855 г.*)

5 сентября.

Посылаю Вамъ, любезный Николай Александровичъ, письмо, недавно полученное мною отъ добраго Ренненкампфа: надѣюсь, что оно

---

[1]) То есть: и увидите, что пріобрѣли этимъ возможность дѣлать пользу сестрамъ и братьямъ, которую тогда и будете дѣлать.

[2]) Николай Александровичъ близко сошелся съ Малоземовыми, у которыхъ давалъ уроки, и прожилъ на дачѣ у нихъ каникулы того года.

Васъ совершенно успокоитъ на счетъ Катеньки. Володя, говорятъ, поправляется, Вамъ о немъ скажетъ Алеша [1]); Софья Алексѣевна очень часто къ нему ходитъ, но я не была потому, что сама нездорова. Мнѣ Василій Ивановичъ сообщилъ о семейныхъ дѣлахъ Фавсты Васильевны; ради Бога, будьте покойны и думайте только объ одномъ: блистательно кончить ученье Ваше. Я просила Прутченку и онъ мнѣ далъ честное слово не позволить женитьбы ни подъ какимъ видомъ. Александра Максимовна взяла на себя объявить Фавстѣ Васильевнѣ, что если она будетъ довольно слаба, чтобы согласиться на желаніе сына, то Ниночка у нея ни дня не останется, потому что она этого не позволитъ, но къ этому Александра Максимовна прибавила, что она слышала навѣрное, что Вашъ двоюродный братъ уже отказался отъ женитьбы, и ищетъ другую невѣсту, хорошую, честную молодую дѣвушку, которую и тетенька [2]) желаетъ. Какъ бы то ни было, но будьте покойны на счетъ сестеръ Вашихъ и думайте объ одномъ: учиться, учиться и учиться. Напишите хоть нѣсколько словъ къ дядюшкѣ [3]), онъ очень о вашихъ дѣлахъ заботится и хлопочетъ, и сейчасъ у меня былъ съ тѣмъ, чтобъ просить написать Вамъ, чтобы Вы писали. Прощайте, милый Николай Александровичъ. Постарайтесь увидать князя въ Петербургѣ; онъ тамъ будетъ около 25, я думаю. Будьте здоровы и покойны.

Кн. М. Трубецкая.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

7 сентября 1855. С.П.Б.

Ваше Благородіе,

Милостивый Государь,

Михаилъ Ивановичъ!

По просьбѣ Вашей, изложенной въ наивномъ Вашемъ письмѣ, полученномъ мною третьяго дня [4]), я ходилъ вчера снова въ Инспекторскій Департаментъ и честь имѣю извѣстить Васъ, что Вы, какъ мнѣ сказали, произведены въ первый чинъ приказомъ за № 168, отъ 27 августа, и что оффиціальное увѣдомленіе объ этомъ пошлется въ Нижній на слѣдующей недѣлѣ.

Съ истиннымъ уваженіемъ и нелицемѣрною преданностью имѣю честь быть

Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою,

Студентъ Гл. Пед. Института,

Николай Добролюбовъ [5]).

---

[1]) Галаховъ (племянникъ княгини).
[2]) Т. е. тетенька ваша, Фавста Васильевна.
[3]) Вашему дядюшкѣ, Василію Ивановичу.
[4]) Письмѣ отъ 1 сент.
[5]) Шутливый оффиціальный тонъ письма показываетъ, что Николай Александровичъ считалъ досаду Михаила Ивановича на него мимолетной. Онъ ошибался; Михаилъ Ивановичъ долго сердился на вмѣшательство Николая Александровича въ дѣло о его безразсудной женитьбѣ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

21 сентября 1855 г. Получено 26 октября [1]).

Окончивъ покуда серьезныя дѣла свои по вашему дому, я имѣю честь увѣдомить объ этомъ тебя, Николенька, можетъ быть даже и для большаго твоего удовольствія въ успѣхахъ по дому, или же для нѣкотораго утѣшенія въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Занятія мои въ прошлыхъ двухъ недѣляхъ преимущественно состояли: уговорить Тихоновскаго [2]) ждать деньги съ 4-го января 1856 года впредь четыре года, съ уплатой въ каждый по 100 р.; упросить князя отдать за квартиру деньги, для уплаты въ Страховое общество, и въ перестройкѣ погребовъ. Не помню, писалъ ли я тебѣ о подачѣ Тихановскимъ просьбы въ Полицію о взысканіи съ васъ 400 р., и о моихъ съ нимъ переговорахъ; если не писалъ, то чтобы не разгрустить тебя. Противу просьбы его я подавалъ въ Полицію объясненіе, что деньги платить буду при первой возможности, по мѣрѣ полученія съ дома доходовъ, и проценты по 6 на всю сумму. Я ходилъ къ Ив. Тихановскому, упрашивалъ его согласиться на мое объясненіе; и онъ обѣщался. А между тѣмъ, когда передали ему мое объясненіе, то отозвался, что за неопредѣленіемъ времени на уплату долга не можетъ согласиться на мое объясненіе, и просилъ снова о взысканіи. Я опять къ нему, говорю, что въ два года заплачу деньги и что на бумагѣ обязуюсь заплатить ихъ черезъ четыре года [3]). Онъ согласился. — —

О сиротахъ ты хорошо заботишься. Нынѣ Павелъ Ивановичъ [4]) былъ у меня, а потомъ къ Фавстѣ Васильевнѣ пошли мы съ нимъ обрадовать ее отзывомъ объ тебѣ твоего начальства и просьбой его о зачисленіи за Ниночкой мѣста. Неизвѣстно еще, что архіерей придумалъ по этой бумагѣ. Павелъ Ивановичъ обѣщался навѣдываться, и мы тебя извѣстимъ. По крайней мѣрѣ дѣло начато, а тамъ могутъ просить и Синодъ. Фавста Васильевна была очень рада этой вѣсти о прекрасныхъ твоихъ успѣхахъ и примѣрномъ поведеніи, Ниночка тоже; а Ваня задушилъ было меня своимъ радушіемъ, — эдакая прелесть ростетъ! При мнѣ читалъ азбуку всю, узнаетъ многія слова. Фавста Васильевна отъ него въ восхищеніи, Михаилъ Ивановичъ тоже; я это видѣлъ. Вообще у нихъ все хорошо. Володя здоровъ, но я еще не былъ свободенъ для того, чтобы позаботиться выбрать время застать Василія Климыча [5]) дома, бывъ занятъ, кромѣ опеки, службой, стройкой въ Собраніи и разными порученіями. Анночка выздоровѣла. Всѣ здоровы. Въ заключеніе всего пишу тебѣ, мой любезный Николай Александровичъ, что мнѣ слишкомъ [6]) отрадно слышать о твоихъ успѣхахъ въ наукахъ и въ твоемъ поведеніи, и мы всѣ

---

[1]) Названіе мѣсяца написано по разсѣянности ошибочно; слѣдуетъ читать „сентября“.

[2]) Одного изъ кредиторовъ.

[3]) То есть: въ четыре года.

[4]) Лебедевъ, одинъ изъ опекуновъ.

[5]) Мичурина.

[6]) Провинціализмъ, вмѣсто очень.

радуемся; а поэтому я осмѣливаюсь спросить тебя, какъ имѣющій нѣкоторое право: что ты и за симъ думаешь предпринять? Неужели не доучишься еще году? [1]) Потомъ, чѣмъ ты занимаешься, что тебя особенно интересуетъ въ нынѣшней жизни? Потомъ по опыту спрошу тебя, не имѣешь ли ты какихъ непозволительныхъ занятій отъ начальства, которыми всякій можетъ увлечься, повидимому, на пользу, а на самомъ дѣлѣ и по многимъ опытамъ, во вредъ. Пишу тебѣ какъ ближайшій и усерднѣйшій твой родственникъ и твой поклонникъ, изъ любви къ тебѣ; и ты, обдумавши и сообразивши, что твои занятія дѣйствительно тѣ, и твое поведеніе то же, какъ пишетъ вашъ директоръ, хваля тебя, отвѣть мнѣ безъ утайки и утѣшь меня, не обижаясь на сію отчетность; я самъ тебѣ дамъ во всемъ отчетъ. Ужь я худого не пожелаю, и ты меня пойми, и напиши поскорѣе. Не тяготись науками институтскими, и продолжительнымъ ученіемъ: слюбится послѣ и будетъ видно одно только хорошее отъ долгаго ученія. Молись Богу о братцѣ и сестрицѣ [2]), и о своихъ сестрахъ.

В. Добролюбовъ.

Съ Галаховыми я тебѣ пришлю: почтовой бумаги, сургуча, резины и карандашъ. Напиши, крайне ли тебѣ нужны деньги и сколько; можно немного удѣлить. Не мори себя слишкомъ. — —

У княгини [3]) родилась дочь, назвали Ѳеклой. Въ день рожденія была такая святая [4]); новорожденная была плоха, и чтобы жила, поймала Наталья Александровна Галахова приказчика Кужелева на перекресткѣ и съ нимъ крестила.

Елена тебѣ низко кланяется.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(28 сент. 1855) [5]).

Надѣюсь, что Вы уже совершенно успокоились теперь, моя милая, добрая Тетенька, по дѣлу Михаила Ивановича. Чтобы еще болѣе Васъ утѣшить, я передаю Вамъ вполнѣ мнѣніе Бориса Ефимовича объ этомъ

---

1) То есть: остаешься при намѣреніи держать выпускной экзаменъ годомъ раньше срока.

2) Подразумѣвается „моихъ", то есть объ Александрѣ Ивановичѣ и Зинаидѣ Васильевнѣ.

3) Трубецкой.

4) Назвали ее такъ потому, что въ день ея рожденія праздновалась память святой Ѳеклы.

5) Листъ, на которомъ написано письмо къ Фавстѣ Васильевнѣ, истерся, и лѣвый верхній уголъ, гдѣ сдѣлана отмѣтка времени, оторвался; первая половина отмѣтки, состоявшая изъ цифры числа и начала названія мѣсяца, исчезла съ уголкомъ листа; сохранилась только вторая половина: правая черта буквы н, буква т. и цифра года:

нт. 1855

очевидно, мѣсяцъ этотъ—сентябрь; день опредѣляется надписью на письмѣ къ Антонинѣ Александровнѣ, которое было приложеніемъ къ этому письму, какъ видно по содержанію.

обстоятельствѣ. Вотъ что недавно онъ писалъ мнѣ: ...«Скажу (вамъ) еще нѣсколько словъ о Благообразовѣ [1]): онъ, какъ и многіе другіе, заблуждался. Мать побранила его и тѣмъ кончилось; надо, однако же, сказать въ похвалу его, что онъ гораздо лучше многихъ, связавшихъ свою судьбу съ недостойными ихъ тварями. Благообразовъ увидѣлъ свою пагубу и при всей слабости характера успѣлъ укрѣпиться, можетъ быть и потому, что его прелестница надоѣла ему, и онъ послушался матери. А сколько у меня въ палатѣ несчастныхъ молодыхъ, женившихся при первомъ увлеченіи страсти. И какая жизнь: жена въ одну промышленность, мужъ въ трактиръ или кабакъ; тѣмъ кончаютъ свою страсть, а въ добавокъ, я долженъ отказать пьяницѣ отъ службы. По этимъ примѣрамъ я вижу надъ Благообразовымъ небесное благоволеніе, низведенное отцомъ, матерью, дядей. Ихъ молитвы отстранили молодого, неопытнаго юношу отъ бездны, въ которую влекла его пагубная слабость».—Вотъ его отзывъ; изъ этихъ словъ Вы можете очень ясно видѣть его неизмѣнно-доброе расположеніе къ намъ и желаніе помогать во всемъ, что касается нашего семейства. На дѣло Михаила Ивановича онъ совсѣмъ не сердится, а смотритъ на него просто какъ на слабость, гибельную, но все-таки простительную для такого пылкаго молодаго человѣка, какъ онъ. По всему этому мнѣ кажется, что Михаилъ Ивановичъ напрасно опасается немилости Бориса Ефимовича и хочетъ выходить изъ его службы. Надѣюсь, что онъ этого не сдѣлаетъ безъ нужды. Онъ и на меня разсердился за мое немножко строгое и насмѣшливое письмо по поводу его сватовства; но это, конечно, пройдетъ. Поклонитесь ему отъ меня и скажите, что я его помню и люблю. Передайте, кстати, мое почтеніе и Михаилу Алексѣевичу и спросите его, думаетъ ли онъ, что я сдѣлался теперь довольно уменъ, чтобы удостоиться чести писать къ нему [2]).

Я живу довольно спокойно въ Институтѣ, окруженный внимательностью начальства и всеобщею, полною любовью товарищей. Для своихъ издержекъ я имѣю 8 р. сер. въ мѣсяцъ, которые получаю за свои уроки,—два раза въ недѣлю, по рублю сер. за урокъ. Для меня и того очень довольно, такъ что деньги у меня никогда не переводятся. Слѣдовательно, съ этой стороны Вы должны быть совершенно спокойны. Занятія мои идутъ очень успѣшно, и для нихъ я оставляю многія знакомства, которыя въ послѣднее время развелись у меня въ необыкновенномъ количествѣ во всѣхъ слояхъ общества: и между чиновниками, и между профессорами, и между духовными, и между офицерами, и между студентами, и даже между купцами, впрочемъ не торгующими,—вродѣ Шестакова. Ходить ко всѣмъ имъ часто—невозможно, а рѣдко—сердятся. Поэтому я къ нѣкоторымъ совсѣмъ перестаъ ходить, чтобы сберечь свое время. А при всемъ томъ, что празднымъ никогда не бываю, часто подумываю я о Нижнемъ, о васъ, мои родные, милые, о сестрахъ и братьяхъ, о

[1]) Это выписка изъ письма Б. Е. Прутченко отъ 3 сент. 1855.

[2]) Выраженіе остатка ослабѣвшей досады на Михаила Алексѣевича, за то, что въ письмѣ отъ 22 сент. 1854 онъ объяснялъ отчаяніе Николая Александровича его неопытностью.

знакомыхъ домахъ. Какъ бы хотѣлось мнѣ повидаться съ Вами, съ тетенькой Варварой Васильевной, съ Ваней, Володей, Ниночкой, Анночкой—всѣхъ бы собрать вмѣстѣ... Богъ дастъ, ужь на будущій годъ непремѣнно увидимся. Право, и не замѣтите, какъ пролетитъ этотъ годъ, а теперь пока хоть пишите мнѣ почаще, не смотря на мои неотвѣты. Право некогда, душечка Тетенька, и зная, что писать нечего, какъ-то и не хочется сидѣть, да ломать голову, что̀ бы такое написать. А у Васъ всегда есть интересныя для меня вещи: Вы вѣдь знаете, что я на чужой сторонѣ, слѣдовательно, для меня каждый домикъ, каждый житель, каждое окошечко, каждый камешекъ на родной землѣ очень дороги. Притомъ, Ваши письма напоминаютъ мнѣ мать мою, такъ рано насъ покинувшую. Бѣдная страдалица! Все худое, все тяжкое она вынесла, и судьба поразила ее въ то самое время, когда ей нужно бы было наслаждаться только радостями семейными, утѣшаться на дѣтей своихъ. Но полно... Прощайте, милая, дорогая, любезная моя Тетенька. Будьте здоровы, будьте веселы и спокойны. Напишите мнѣ скорѣе о Володенькѣ: что онъ, какъ онъ выздоравливаетъ.

Н. Добролюбовъ.

PS. Отчего не пишутъ мнѣ Лука Ивановичъ и Варвара Васильевна?

28 сентября 1855.

Я уже очень давно не получалъ отъ тебя, милая моя Ниночка, ни одного слова, ни одной строчки, ни одной приписочки. Здорова ли ты, или не сердита ли на меня за что нибудь? Правда, я виноватъ, что и самъ давно не писалъ къ тебѣ; но вѣдь я, кажется, такъ и просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ, чтобы ты писала ко мнѣ, не дожидаясь моихъ отвѣтовъ, потому что мнѣ иногда невозможно бываетъ отвѣчать скоро. Особенно теперь я чрезвычайно занятъ, и потому не могу часто писать; но прочитывать твои письма было бы для меня особеннымъ наслажденіемъ, которое я себѣ не рѣдко позволяю во время отдыха: беру какое нибудь старинное письмо твое, тетенькино или другое чье нибудь и перечитываю его, и послѣ того такъ сладко мечтаю о васъ, о всѣхъ родныхъ нашихъ; только мамаши и папаши писемъ я не имѣю духу читать, потому что какъ прочту пять строкъ, такъ и покажутся слезы на глазахъ... Да, душечка моя, тяжело среди чужихъ, и я очень, очень часто вспоминаю о васъ, и желалъ бы, очень бы желалъ получать почаще отъ васъ извѣстія. Надѣюсь, милая Ниночка, что ты ведешь себя хорошо, умно, что ты прилежна, почтительна, опрятна, скромна, что умѣешь цѣнить попеченія о тебѣ тетеньки, что вознаграждаешь ее за это своею любовью и послушаніемъ. — — [1]. Напиши мнѣ обо всемъ, не церемонясь и не опасаясь ничего.—Прощай, душечка. Скажи, получили

[1]) Тутъ слѣдуютъ вопросы и совѣты относительно здоровья Антонины Александровны; опасенія и совѣты относятся къ золотухѣ.

ли вы книгу нашего Акта отъ Галахова [1]). Тамъ найдете нѣкоторыя подробности объ моей институтской жизни.

Братъ твой
Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 30 сент. 1855*).

Увѣдомляю тебя, милый мой Николай Александровичъ, что Володенька выздоровѣлъ, и я его, 27-го сентября, отвелъ къ Мичуринымъ. Они приняли его ласково. Я просилъ Авдотью Васильевну [2]) усердно не оставить сироту, и она обѣщалась въ томъ.

Я приступилъ къ переправкѣ погребовъ: они всѣ выгнили. Работа обойдется не менѣе 120 р., а можетъ быть и поуэкономимъ — —.

У Трубецкихъ родилась дочь. Княгиня поправляется. Она еще прежде просила меня (и тебѣ дескать писала), чтобы я тебѣ посовѣтовалъ попросить о сложеніи съ дома ссудныхъ денегъ правителя канцеляріи Клейнмихеля, Мицкевича чрезъ Галахова, Сергѣя Павловича. У Луки Ивановича прежде Сонечка захворала, а теперь Анночка, и обѣ сильно. Сонечка поправляется, а Анночка нѣтъ еще,—захворала горячкой. Мы здоровы. Вчерашній день проводили Ниночку, потому что Фавста Васильевна прислала за ней. Она у насъ гостила два дня и видѣла, вмѣстѣ съ Фавстой Васильевной и Михаиломъ Ивановичемъ, представленія физика и механика Мольдуано въ Собраніи.

У насъ все по старому. — — Скоро пойду къ Мичуринымъ поговорить, не будутъ ли учить Володю, а можетъ быть, судя по обстоятельствамъ и свободѣ (теперь мнѣ свободнѣе), самъ вызовусь покуда учить его и Пашеньку [3]).

Преданный тебѣ
В. Добролюбовъ.

Сказывали Трубецкіе, что недавно А. М. Прутченко дала Фавстѣ Васильевнѣ для дѣтей 50 руб. сер. Писалъ ли я тебѣ объ этомъ? Въ суетѣ забылъ.

30 сентября 1855.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 1, 2 и 3 ноября 1855*).

Письмо твое я получилъ, любезный Николай Александровичъ 1-го ноября. Спѣшу доставить тебѣ подробное свѣдѣніе о приходѣ и рас-

---

1) Алексѣя Сергѣевича.
2) Мичурину.
3) Сына Мичуриныхъ.

ходѣ вашихъ денегъ. Я позабылъ, на чемъ въ прошлый разъ я остановился, и поэтому начинаю снова. Въ приходѣ: получено за квартиру съ князя, начиная, кажется, съ марта 1854 года, 20 го октября 75 р., 30-го декабря 25, 9-го марта 219 р. 44 к., 23-го апрѣля 10 руб., 2-го мая 20 руб., 8 го мая 130 р., 15-го мая 91 р. 99 к., 2-го іюня 20 р. 60 к., 17-го іюня 25 р., 17-го августа 35 р., 10-го октября 50 р., 18-го октября 50 р. Съ Терскихъ [1]): 30-го декабря 25 р., 23-го апрѣля 25 р., 1-го іюня 6 р. 25 к., 7-го іюля 6 р. 25 к., 2-го августа 6 р. 25 к., 9-го сентября 6 р. 25 к., 3-го октября 6 р. 25 к., 23-го октября 6 р. 25 к. Отъ разныхъ лицъ: отъ Я. И. Пятова 4-го января 25 р., [2]) отъ священника доходовъ [3]) 10-го января 10 р., съ князя за старый лѣсъ съ сараевъ 2-го іюня 3 р., 18-го августа отъ священника доходовъ на часть братца 2 р., [4]) процентовъ на серіи, объ которыхъ я писалъ тебѣ, 3-го октября 2 р. 16 к.; съ кузнеца за старый лѣсъ изъ погребовъ 3 р., итого 884 р. 69 коп. Въ расходѣ: въ Страховое Общество 20-го октября 25 р. 50 к., 2 ноября 48 р. 70 к., на гербовую бумагу о выдачѣ метрическаго свидѣтельства на Катеньку и Юленьку 3 р. 30 к., за пересылку прошенія къ Государынѣ о принятіи Юленьки въ Царскосельское училище 20 декабря 83 к.; 30 декабря Ольгѣ Аѳанасьевнѣ [5]) за треть 11 р. 43 к., да прежнихъ не полученныхъ ею съ братца за майскую треть $85^3/_4$ к.— —[6]); 3-го января Катенькѣ на письма при отправленіи ея въ Симбирскъ 1 руб., 4-го января Фавстѣ Васильевнѣ на мелочные расходы по ея просьбѣ 3 р.; 4-го января процентовъ Тихановскому 24 р.; 11 марта въ Строительную коммиссію 200 р., за просрочку 11 р. $86^1/_2$ к., за квитанцію 30 к — — 2-го апрѣля Фавстѣ Васильевнѣ на мелочные расходы 3 р., 14 апрѣля Ольгѣ Аѳанасьевнѣ 11 р. 43 к.— — Въ строительную коммиссію 17-го мая 200 р., за просрочку 2 р. 12 к., за квитанцію 30 к.; 22 мая подрядчику плотничному за сараи и тутъ же за ворота, что между сараевъ (построили Трубецкіе и вычли деньги) и за половой лѣсъ въ сараяхъ употребленный 84 р 85 к.,— —[7]) 2-го августа по второму требованію Думы и полиціи заплачено въ Думу за чистку будто

---

[1]) Терскіе занимали квартиру во флигелѣ.

[2]) Это были деньги, собранныя прихожанами въ пособіе дѣтямъ Александра Ивановича по его смерти.

[3]) Доходовъ, которые пришлись на долю Александра Ивановича по разсчету, сдѣланному церковнымъ причтомъ по его смерти.

[4]) Эти деньги пришлись на долю покойнаго Александра Ивановича по счету другой части общихъ доходовъ причта.

[5]) Ольга Аѳанасьевна Трушенникова была старушка, у которой Александръ Ивановичъ купилъ старый домикъ съ дворовымъ мѣстомъ для постройки дома. Онъ обязался платить ей пожизненную пенсію, по 34 р. 50 к. въ годъ. Очевидно, что въ изустномъ условіи пенсія была опредѣлена по счету на ассигнаціи, оставлявшемуся единственнымъ употребительнымъ у простыхъ людей, какъ Ольга Аѳанасьевна; по этому счету старушка хотѣла получать 10 рублей въ мѣсяцъ (120 рублей въ годъ). При составленіи формальнаго акта, надобно было переложить счетъ на серебро; 120 р. асс. составляли по счету на серебро 34 р. $28^2/_7$ коп.; эта цифра была округлена маленькой прибавкой, такъ что вышло 34 р. 50 к.

[6]) Перечисляются разные расходы по содержанію дома въ порядкѣ.

[7]) Перечисляются менѣе крупные расходы по ремонту дома.

бы казенными трубочистами трубъ въ домѣ въ 1846 и 1847 годахъ, потому что въ первый разъ я подавалъ объясненіе, что трубочистовъ этихъ никогда не бывало, 2 р. 60 к.; пономарю Авксентію Вас. [1]) 17-го августа въ уплату долга [2]) 30 р.; 18 августа Ольгѣ Аѳанасьевнѣ 11 р. 43 к.; 23-го августа Фавстѣ Васильевнѣ (заплатить лекарю, дескать, необходимо за леченіе Володеньки) 10 р.; — —[3]); въ Страховое общество— —18 октября— —99 р. 10 к.; 27-го октября— — приказчику Макаровскаго за лѣсъ (въ счетъ оставшихся 35 руб.)— 15 р.—Все это записано по книгѣ, какъ на приходѣ такъ и въ расходѣ. Не записано до окончанія трети и выдано Ольгѣ Аѳанасьевнѣ 2-го сентября 1 р. 55 к., 15 сентября 1 р. 30 к.; за октябрь, 3-го октября 1 р. 45 к., 17-го окт. 1 р. 40 к.; 1 ноября за ноябрь 1 р. 5 к.=6 р. 75 к., а всего въ расходѣ 885 р. 38¼ к. сер. Эти итоги по книгѣ.—Ну-ко, не пропустилъ ли какой статьи прихода и расхода—повѣрю. Вышло—вѣрно, безъ пропусковъ. Сверхъ того должны за лѣсъ Макаровскому 20 р., другому лѣснику 36 р. 60 к., кажется (пишу въ Собраніи, а запись черновая дома), но не больше; деньги до пасхи; плотнику за погреба 40 руб.; не заплачено еще трубочисту за майскую треть 1 р. 73 к.; Шапошникову 7 р. Потомъ надобно заплатить Ольгѣ Аѳанасьевнѣ за сентябрьскую треть — — [4]); 4-го января 1856 года Тихановскому процентовъ 24 р.; 28 января въ Строительную коммиссію 100 р.; да лѣтомъ крыши необходимо красить, чтобы не продырились, да верхніе карнизы поправить—вываливаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичи. Потомъ опять — — въ Строительную коммиссію 29 апрѣля еще 100 р. За княземъ по 10-е ноября будетъ 80 р. 11½ к. Нынѣ ходилъ, [5]) чтобы расплатиться съ плотникомъ; обѣщался 10 числа отдать 50 р. Вотъ подробное положеніе дѣлъ вашихъ и моихъ дѣяній; они, дѣйствительно, не завидны, но не тужи; покоряйся необходимости, терпи. Я боюсь сильно, чтобы тебя эти подробности не сбили съ толку и не растраивали въ ученіи; но я пишу не съ тѣмъ: ты, вѣрно, послѣ этого, немного разсудя, больше успокоишься, нежели разстроишься. Позволь мнѣ принести тебѣ оправданіе при сей вѣрной оказіи. Вотъ нынѣ мои дѣла стали много лучше, и я вѣдь не рѣдко пишу къ тебѣ и, кажется, подробно; такъ ты и прости, что я по необходимости прежде не былъ исправенъ. Да похлопочи или посовѣтуй мнѣ хлопотать о сложеніи съ дома ссудныхъ денегъ. Радуюсь, что ты имѣешь выгодную покуда для тебя кондицію. Это особенно успокоиваетъ меня, всегда представлявшаго твое недостаточное состояніе, и утѣшаетъ, что ты покуда будешь сытъ, и съ чаемъ, и съ булками. Ты не сердись, что я плохо величаю тебя; я даже затрудняюсь называть тебя Николаемъ Александровичемъ, слишкомъ бывъ преданъ тебѣ и любя тебя братски. Что касается до причудъ и политики—я въ кусты, и самый плохой для тѣхъ, кто любитъ только пустяки; а по нашему съ тобой дѣло въ дѣлѣ, а не въ тру-

1) Написанная сокращенно фамилія пономаря.
2) Долга Александра Ивановича ему.
3) Перечисляются расходы по ремонту дома.
4) Перечисляются предстоящіе расходы по содержанію дома въ порядкѣ.
5) Къ князю, просить денегъ.

нобѣ.—Наши, я слышалъ, здоровы. Жена моя тебѣ кланяется. Митрофанъ [1]) учитъ, и Маменька [2]) бродитъ, живетъ въ Зеленыхъ горахъ [3]).

Заканчиваю свое письмо потому, что теперь все написалъ. Завтра войду къ Фавстѣ Васильевнѣ и Павлу Ивановичу Лебедеву или въ Консисторію, чтобы написать тебѣ, получено ли письмо [4]) и какъ распорядился Іеремія.

В. Добролюбовъ.

1 ноября 1855 года.

2-го ноября, утромъ.

Не прекращай дружества или знакомства съ Галаховыми и Трубецкими, будь по прежнему внимателенъ: это пригодится послѣ, когда выйдешь въ свѣтъ.— —

Архіерей прежде отказалъ въ пенсіи, [5]) что дома велики; что то теперь напишетъ князю Вяземскому.— —

2-го ноября, вечеромъ.

Фавста Васильевна письмо [6]) получила и приготовила уже отвѣтъ. Я просилъ твоего письма прочитать, но отозвались, что далеко искать. Я не думаю, чтобы въ немъ что нибудь могло быть секретное для меня и на меня, а если что есть, такъ лучше сказать: говорить все можно. Ан. Ив. Николаева, вмѣсто того, чтобы помочь, говоритъ, не понимая ничего: куда деньги дѣваю, почему не удѣляю на сиротъ.

---

[1]) Митрофанъ Ефимовичъ Лебедевъ, братъ супруги Василія Ивановича, Елены Ефимовны, бывшій товарищъ Николая Александровича по семинаріи.

[2]) Мать Василія Ивановича и Александра Ивановича, Марья Ѳедоровна.

[3]) У дочери, Марьи Ивановны Пѣвницкой и ея мужа, который былъ священникомъ тамъ.

[4]) Письмо князя П. А. Вяземскаго, товарища министра народнаго просвѣщенія, къ преосвященному Іереміи, о зачисленіи за одною изъ старшихъ дочерей Александра Ивановича отцовскаго мѣста. — Увѣдомленіе объ этомъ письмѣ, помѣченномъ 12-мъ числомъ октября (1855 г.), находилось, безъ сомнѣнія, въ томъ письмѣ Николая Александровича къ Василію Ивановичу, на которое онъ отвѣчаетъ теперь племяннику.

[5]) Осиротѣвшимъ дѣтямъ Александра Ивановича.

[6]) Василій Ивановичъ полагалъ, что письмо Николая Александровича къ Фавстѣ Васильевнѣ было прислано на дняхъ и заключало въ себѣ копію съ письма князя Вяземскаго. Онъ ошибался: это было письмо Николая Александровича отъ 26 сентября, какъ видно изъ письма Антонины Александровны и Фавсты Васильевны отъ 6 ноября. Тамъ Фавста Васильевна говоритъ племяннику, что о письмѣ князя Вяземскаго она только слышала отъ П. И. Благовидова, заходившаго къ ней. А онъ узналъ о письмѣ кн. Вяземскаго или въ консисторіи, или отъ письмоводителя архіерея, или отъ самого архіерея. Такимъ образомъ, она знала о письмѣ кн. Вяземскаго меньше, нежели Василій Ивановичъ, и утаивать ей отъ него было нечего. Письмо Николая Александровича не показали Василію Ивановичу потому, что оно было давнее, лежавшее цѣлый мѣсяцъ, и при суетахъ во время болѣзни Володи его сунули куда нибудь и забыли, куда именно, такъ что трудно было отыскать. Отвѣчали на него по памяти (Антонина Александровна нерѣдко говоритъ брату, что перечитываетъ его письма по нѣскольку разъ). Всѣ сомнѣнія и опасенія Василія Ивановича произошли изъ его недоразумѣнія о томъ, когда писано то письмо Николая Александровича, на которое отвѣчаютъ теперь Антонина Александровна и Фавста Васильевна.

Можетъ быть, и Фавста Васильевна говоритъ то же [1]). Но изъ моихъ разсчетовъ видно, которые я и показывалъ, куда деньги идутъ. И притомъ я знаю, что они [2]) получаютъ отъ А. М. Прутченко, а если ужь не станетъ, то скажи, я дамъ, а долги не заплачу; такъ и ты скажи, что не такъ. Но я имъ твое письмо ко мнѣ читалъ. Они всѣ довольны твоими хлопотами.— —

Они тебѣ кланяются. Ниночка большая выросла; Ваня ходитъ съ карандашемъ, пишетъ разныя литеры и кажетъ, и радуется, какъ похвалятъ.

3-го ноября 1855 г.

Архіерей еще не сдѣлалъ ни привѣта, ни отвѣта, и бумагу держитъ у себя.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ И ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

1855 года, 5 ноября.

Милый и безцѣнный братецъ мой, Николенька!

На этихъ дняхъ, милый мой Николенька, я получила черезъ Тетеньку [3]) письмо Ваше ко мнѣ [4]а). Я не могу Вамъ передать того, какъ я обрадовалась ему: я сряду разъ пять перечитывала его и плакала; ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось повидаться съ Вами, хоть бы взглянуть на Васъ! Тетенька сказала мнѣ, что Вы ей пишете, что на будущій годъ Вы непремѣнно надѣетесь съ нами увидаться. Ахъ, какъ бы это было хорошо! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь того времени, когда увижусь съ Вами! О, если бы Вы знали, какъ я люблю Васъ! Не проходитъ ни одного дня, чтобы мы не вспоминали о Васъ и о бѣдной, милой Катенькѣ, т. е. не поговорили бы о Васъ. Но думать никогда не перестаю о Васъ; мнѣ все представляется, какъ было прежде, какъ мы жили у мамаши съ папашей всѣ вмѣстѣ; какъ, бы-

---

[1]) Это опасеніе Василія Ивановича было напрасное, какъ видно изъ писемъ Фавсты Васильевны къ племяннику.

[2]) Деньги были даны собственно Фавстѣ Васильевнѣ; но сынъ, получавшій ничтожное жалованье, жилъ на счетъ матери; потому недостатокъ въ деньгахъ у нея уменьшалъ удобства жизни и у него, а всякое облегченіе денежныхъ стѣсненій, въ какія вводило ее содержаніе племянницы и маленькаго племянника, улучшало жизнь и Михаила Ивановича; потому и можно было сказать, что „получили деньги“ отъ Александры Максимовны „они“, мать и сынъ.—Деньги были даны Фавстѣ Васильевнѣ на содержаніе племянницы и племянника, жившихъ у нея; и безъ сомнѣнія, она не взяла себѣ ни копѣйки изъ нихъ; но благодаря тому, что ими была покрываема нѣкоторая часть ея расходовъ на содержаніе племянницы и племянника, она могла нѣсколько увеличить свои расходы на общій столъ; въ этомъ смыслѣ, деньги обращались на пользу и ей и ея сыну. Но, разумѣется, они все-таки имѣли столъ скуднѣе, чѣмъ когда жили вдвоемъ: большая часть расходовъ на содержаніе племянницы и племянника все-таки должна была производиться изъ денегъ самой Фавсты Васильевны: долго ли можно было кормить и одѣвать ихъ на 50 рублей? — При всей возможной экономіи, развѣ мѣсяца четыре.

[3]) Фавсту Васильевну.

[4]а) Письмо отъ 28 сентября.

валю, ссорились другъ съ другомъ. И я часто думаю, что е
мы теперь сошлись всѣ вмѣстѣ, если бы воротилось къ н
счастливое, беззаботное время, какое мы проводили при м
Но нѣтъ, мы его лишились безвозвратно; дай Богъ, чтобы
шиться и того, что я теперь имѣю. Да, именно, милый бр
я теперь очень счастлива въ моемъ положеніи: тетенька меня
любитъ, а я привязана, расположена и откровенна во всемъ
такъ, какъ бывала съ мамашею; но еще я тогда мамашину
ко мнѣ не такъ могла цѣнить и понимать хорошо, какъ тете
Да, я очень ее люблю, и теперь, кажется, я ни за что въ св
своей волѣ не соглашусь разлучиться съ ней.

Еще Вы мнѣ писали, отчего я Вамъ такъ давно ничего не
и спрашиваете, не сердита ли я на Васъ. За что же я могу с
ся?—и на кого же?—на Васъ, на моего милаго, добраго и
наго брата!—нѣтъ, я никогда и не думала этого! Ахъ, е
Вы знали, какъ я люблю Васъ! Я очень часто вижу Васъ
обнимаю, цѣлую Васъ, иногда отъ радости вскрикиваю, а пото
сыпаюсь,—тогда мѣсто радости замѣняетъ горесть, слезы льют
глазъ моихъ. Ахъ, не знаю, когда я на яву увижу, обниму
цѣлую Васъ. А я не могла такъ давно собраться писать Ва
того, что у насъ отъ 25 іюля гостилъ Володя. Сначала, ка
пришелъ къ намъ, я въ это время собиралась Вамъ много
но Володя съ Ваней вмѣстѣ шалили, бѣгали по двору, кажд
нуту ссорились, такъ что я не успѣвала глядѣть за ними, и
отложила писать Вамъ до того времени, какъ уйдетъ Володя;
вмѣсто того захворалъ съ 4 августа и недѣль пять не встав
постели. Въ это время мнѣ было не до писемъ. Если бы Вы
какъ я маялась съ нимъ; двѣ недѣли я не снимала платья, н
въ руки никакого дѣла. Тетенька, вѣрно, писала Вамъ, что мы
ко ночей дожидались только того, какъ онъ изойдетъ; притомъ о
кую минуту просилъ то одѣть, то его снять, поворотить, дать пи
гонять мухъ, хотя у насъ ихъ почти и не было, но ему все чу
А говорилъ онъ очень плохо: ни одного слова не выговаривал
шенько и притомъ всякое слово собирался выговорить по нѣскол
нутъ. А когда сталъ выздоравливать, то сталъ просить всего, ч
взойдетъ въ голову, капризничать. Я писала, когда ему уже ст
легче, Катенькѣ, и не рада была, что начала писать, потому
не напишу еще строки, какъ онъ кричитъ меня; я схожу к
потомъ опять приду,—только что возьмусь за письмо, онъ опя
читъ меня, такъ что я на силу могла написать. Отъ Катень
нынче получили письмо; она пишетъ, что здорова, что у нихъ, в
бирскѣ, былъ недавно пожаръ, и очень сильный, близъ ихняго
стыря, такъ что и монастырь загорался сколько разъ. Мы
тетенька, когда она уѣзжала, въ утѣшеніе ей сказали, что ны
сной мы всѣ на пароходѣ пріѣдемъ къ ней; да и Вы писали
да, что нынѣшнимъ лѣтомъ, можетъ быть, увидитесь съ ней.
немного успокоило: она стала будто меньше плакать и все го
что ей тамъ если не понравится, такъ тетенька, когда пріѣдут
увидятъ, что ей нехорошо, и возьмутъ ее назадъ. А когда уѣх

все писала намъ во всякомъ письмѣ, что ждетъ насъ съ нетерпѣніемъ; нынче только въ первый разъ пишетъ, что «ужь вы вѣрно нынче не пріѣдете и я буду васъ всѣхъ уже дожидаться весною». Бѣдная, она надѣется, что мы пріѣдемъ къ ней непремѣнно. Ахъ, мнѣ очень, очень жаль ея и очень бы хотѣлось повидаться съ ней — —[1]). Прощайте, милый мой и безцѣнный братецъ. Теперь я, кажется, Вамъ все написала, забыла только сказать объ Анночкѣ. Она была больна горячкой вмѣстѣ съ Сонечкой, а теперь уже стала поправляться; она Вамъ кланяется. Ваня теперь тоже, слава Богу, здоровъ и иногда вспоминаетъ Васъ. Объ Володѣ мы ничего не слыхали съ тѣхъ поръ, какъ проводили его; сами все собираемся сходить туда, но очень грязно.

Прощайте, остаюсь любящая Васъ сестра Ваша

А. Д.

Любезный Николенька!

5 ноября 1855.

Письмо твое отъ 28 сентября я получила и очень тебѣ благодарна за выписку мнѣнія Бориса Ефимовича. Теперь я спокойна; эта исторія со временемъ забудется, хорошая женитьба все исправитъ. Миша всегда былъ добрымъ сыномъ и я была увѣрена, что онъ такъ безразсудно не поступитъ, чтó и оправдалъ.—Теперь ужь ничего и не слышно. Я очень рада, Николенька, что ты имѣешь кондицію и не нуждаешься въ деньгахъ; дай Богъ тебѣ успѣха во всемъ, это меня очень радуетъ въ разлукѣ съ тобой. Я слышала отъ Бориса Ефимовича, что ты совѣтовался съ нимъ объ исключеніи изъ института; но и мнѣ кажется, что для тебя и дѣтей полезнѣе продолжать курсъ, это много значитъ. Недавно былъ у меня протопопъ Павелъ Ивановичъ Благовидовъ и сказывалъ, что изъ Петербурга была къ преосвященному бумага о зачисленіи мѣста; не знаю, какъ онъ принялъ и что будетъ, но все-таки дѣти будутъ на виду и можно со временемъ хлопотать. Я была съ Ниночкой у Трубецкихъ и Наталья Алексѣевна [2]) хотѣла быть у меня. Анночку она не видала; она [3]) теперь выздоровѣла, но все еще не выходитъ изъ комнаты, и поэтому Галахова хотѣла быть у нихъ сама. У Мичуриныхъ я съ Ниной была; Володя здоровъ и начинаетъ учиться читать; они его любятъ и насъ такъ радушно звали даже съ Ваней бывать почаще. Ванечка здоровъ, играетъ; онъ уже всѣ буквы знаетъ твердо, но склады лѣнится учить; я его занимаю [4]) вмѣсто игрушки понемножку; но все-таки меня это очень радуетъ [5]); у него очень хорошая память. Василій Ивановичъ, я думаю, тебѣ пишетъ о починкѣ дому, онъ этимъ занимается; иначе нельзя допустить до упаду, никто безъ удобствъ жить не станетъ. У Бориса Ефимовича [6]) сынъ Димитрій померъ въ

[1]) Тутъ Антонина Александровна отвѣчаетъ на вопросы брата о ея здоровьѣ.

[2]) Галахова, пріѣзжавшая погостить у сестры, княгини М. А. Трубецкой.

[3]) Анночка.

[4]) Чтеніемъ.

[5]) Подразумѣвается: слѣдовало бъ ему больше учиться; но и то, какъ онъ учится, меня очень радуетъ.

[6]) Прутченко.

Москвѣ. У насъ въ городѣ все старо по старому. Отъ Катерины Петровны [1]) недавно было извѣстіе, что Лиза здорова.

И такъ будь покоенъ. Мы всѣ живы и здоровы. Будь здоровъ и ты и не забывай насъ. Тетка Фавста Благообразова.

ПИСЬМО П. И. ЛЕБЕДЕВА [2]).

(*Отъ 28 ноября 1855*).

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Спѣшу на Ваше письмо отвѣтствовать.

Извѣстное дѣло [3]) остается еще безъ движенія.

Много на это не сѣтуйте. Причины невыполненія просьбы князя Вяземскаго могутъ быть слѣдующія: 1) несовершеннолѣтіе сироты, 2) отсутствіе праздной вакансіи на священническое мѣсто, 3) синодальное предписаніе преосвященному дать мѣсто въ городѣ Ильинскому священнику Амбелонову, который доселѣ еще безъ мѣста, а притомъ на дняхъ выгорѣлъ. Бѣдность, долги—только осталось ему въ наслѣдіе...

При всемъ желаніи всякаго благополучія Вашему семейству, котораго участь всегда близка моему сердцу, и память почившихъ о Господѣ незабвенна, за нужное почитаю просить Васъ не слишкомъ круто приниматься за столь интересное дѣло, чтобы его не испортить. Преосвященный найдется дать отзывъ, а между тѣмъ потеряетъ расположеніе къ дѣлу, которое вполнѣ отъ него зависитъ. Терпѣніе все побѣждаетъ.

Не лучше ли Вамъ убѣдительнѣйше просить преосвященнаго о вспомоществованіи семейству изъ суммъ попечительскихъ? Можетъ быть, другіе думаютъ, что домъ—о, убійственный домъ!—много даетъ сиротамъ. Почти ничего: ремонтъ, страхованіе, уплата долговъ — это какъ бездна поглощаетъ малый источникъ доходовъ съ дома. Притомъ страховая сумма чрезвычайно возвысилась.

Еще, нельзя ли просить главноуправляющаго путями сообщеній и строеній,—или другого кого понадежнѣе [4]), о сложеніи долга съ Вашего дома. Капитальная сумма вся выплачена, остались одни проценты и что стоитъ для казны простить эту сумму для несчастнаго семейства?

Боимся одного, если князь [5]) сойдетъ съ квартиры — явная бѣ-

---

[1]) Захарьевой, у которой жила Лиза.

[2]) Одного изъ опекуновъ сестеръ и младшихъ братьевъ Николая Александровича.

[3]) То есть, дѣло о зачисленіи отцовскаго мѣста за одною изъ старшихъ дочерей Александра Ивановича.

[4]) То есть, самого государя.

[5]) Трубецкой.

да. На весь домъ весьма мало найдется желающихъ, а порознь не уладишь [1]).

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь преданный Вамъ

Протоіерей П. Лебедевъ.

28 ноября 1855, Нижній.

Расположеніе преосвященнаго къ Вашему семейству, кажется, не сумнительно. Онъ изъ своего капитала внесъ 200 рублей серебромъ на имя Володи, съ полученіемъ съ нихъ процентовъ, когда онъ обучаться будетъ въ семинаріи.

P. S. Недавно скончался здѣсь священникъ Михаилъ Акрицкій— Николаевской что на Грядахъ церкви. На это мѣсто преосвященный назначилъ арзамасскаго священника Тихомирова, долго бывшаго безъ мѣста, и которому Св. Синодомъ велѣно было дать достойное мѣсто. А между тѣмъ еще остался кандидатъ [2]), какъ выше я писалъ, Амбелоновъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

23 ноября 1855. С. П. Б.

Милая сетрица моя! Цѣлыхъ два мѣсяца все хотѣлъ я писать къ тебѣ, и никакъ не могъ собраться, потому что задерживали постоянно то свои дѣла, то хлопоты по дѣламъ семейнымъ. Да, моя душечка Катенька, я опять принялся хлопотать о семействѣ. Чтобы имѣть возможность помогать моимъ братьямъ и сестрамъ, я просилъ, чтобы меня въ этомъ же году выпустили изъ Института (а мнѣ нужно бы еще оставаться два года). Но чтобы меня не считали исключеннымъ, не кончившимъ курса, я хотѣлъ держать экзаменъ за весь курсъ. Прошеніе мое подали министру [3]) и онъ, вникнувъ въ мое положеніе, сказалъ, что постарается устроить мое семейство безъ меня, а мнѣ совѣтовалъ оканчивать курсъ, чтобы потомъ получить отличное мѣсто. Послѣ того тотчасъ онъ написалъ письмо къ нижегородскому преосвященному, въ которомъ просилъ его зачислить за Ниночкой мѣсто какое нибудь въ Нижнемъ. Преосвященный до сихъ поръ еще ничего не отвѣчалъ, хотя прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, и князь Вяземскій, который хлопоталъ за меня, хочетъ теперь просить прямо оберъ-прокурора. Надѣюсь, что наши обстоятельства и поправятся какъ нибудь. Между прочимъ, я все-таки готовлюсь къ экзамену, занимаюсь, пишу сочиненія; дѣла множество. Отъ этого-то у меня такъ мало свободнаго времени для того, чтобы писать ко всѣмъ нашимъ.

---

[1]) То есть: а если раздѣлить домъ на нѣсколько квартиръ, то не уладишь жильцовъ, чтобъ они не ссорились и не уходили съ квартиръ изъ-за ссоръ между собою.

[2]) Кандидатъ на священническое мѣсто въ губернскомъ городѣ.

[3]) Сокращенное выраженіе вмѣсто „товарищу министра“.

Іе сердись же, что я такъ рѣдко къ тебѣ пишу, моя миленькая, отая моя Катенька. Повѣрь, что я всегда, всегда помню тебя и съ ичайшимъ наслажденіемъ перечитываю твои письма. Пиши ко мнѣ ыше, если только можешь, обо всемъ, что ты думаешь, чувствуешь, видишь и слышишь относящееся къ тебѣ. Впрочемъ, не оста- й все-таки своихъ занятій; учись, душенька, прилежнѣе, ежели ько позволяетъ тебѣ твое здоровье. Ты, я думаю, много отстала своихъ подругъ въ продолженіе своей болѣзни; но для тебя не дно будетъ догнать ихъ: вѣдь ты у насъ всегда была *умненькая очка*, и самъ преосвященный [1]) такъ называетъ тебя. Но осо- но старайся отличаться скромнымъ поведеніемъ, любовью ко всѣмъ ругамъ, послушаніемъ начальству во всемъ. Это самое главное; ни это, мой неоцѣненный другъ, Катенька.

іавтра твои именины. Когда придетъ мое письмо, они уже прой- ъ; но я все-таки поздравляю тебя, желаю провести весело этотъ ь и прожить спокойно весь этотъ годъ. Можетъ быть, тебя на ъ день отпустятъ къ Ренненкампфамъ: они такъ добры къ тебѣ. да увидишься съ ними послѣ этого письма, кланяйся имъ отъ ме- т. е. скажи, что я свидѣтельствую имъ свое почтеніе, а не пишу нимъ потому, что боюсь, не обременилъ ли ихъ и прежними сво- письмами.

Ірощай, моя красавица, моя голубушка, Катенька! Я хотѣлъ бы арить тебѣ что нибудь въ день ангела, да не знаю что. Посылаю ѣ просто денегъ 5 рублей, которые ты можешь употребить, куда очешь, т. е. на то, что тебѣ можетъ быть нужно. Для сохране- можешь отдать эти деньги своей начальницѣ или кому другому, ъ это у васъ дѣлается [2]).

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(*Отъ 5 дек. 1855*).

Милый и неоцѣненный братецъ!

І получила письмо Ваше 2 декабря [3]) и, прочитавъ это письмо, ыла въ великой радости, болѣе всего о томъ, что Васъ тамъ іять и не оставляютъ. Желаю я знать, что, ежели бы Вы вышли, окончивши курсъ, то такое ли бы Вы получили мѣсто [4]) или ке. Но Вамъ, я думаю, милый братецъ, очень трудно было бы жать такой экзаменъ. Вы не повѣрите, милый братецъ, съ ка-

---

[1]) Симбирскій, Ѳеодотій.

[2]) Подписи нѣтъ; быть можетъ потому, что Николай Александровичъ отло- ъ письмо, думая продолжать его, не успѣлъ, и торопливо вложивъ написанное конвертъ, не взглянулъ, сдѣлана ли подпись; но, быть можетъ, конецъ пись- находился на другомъ листѣ, утратившемся.

[3]) То-есть: письмо брата отъ 23 ноября было получено ею 2 дек.

[4]) Такое ли же, какъ и по окончаніи курса.

кимъ я наслажденіемъ читаю Ваши письма. Я знаю, что Вамъ некогда писать часто. Я знаю по себѣ, милый братецъ; хотя у меня не такія занятія, какія у Васъ,—можетъ быть въ тысячу разъ меньше,—и то не нахожу времени часто писать. Теперь же у меня болѣлъ немножко лѣвый глазъ и теперь стало лучше и потому я не утерпѣла, что не писать Вамъ на другой же день послѣ полученія Вашего письма. Благодарю Васъ, милый братецъ, за деньги. Хотя я, милый братецъ, я [1]) давно, давно уже не писала Вамъ, но не подумайте, что забыла я Васъ и всѣхъ моихъ родныхъ: нѣтъ дня, въ который я бы не вспоминала Васъ, и не могу вспомнить безъ слезъ разлуку,—какъ Вашу, когда Вы уѣзжали въ Петербургъ, такъ съ тетеньками, съ даденьками [2]), съ братьями и сестрами, когда я уѣзжала въ Симбирскъ. Ахъ, какъ теперь мнѣ хочется увидать Васъ и прочихъ моихъ родныхъ. Я очень скучилась объ Васъ и объ нихъ. Надѣюсь, что ко мнѣ пріѣдутъ на будущій годъ и съ нетерпѣніемъ жду и Васъ. Теперь я учусь, мнѣ не хочется отставать отъ другихъ; правда, я отстала немного отъ нихъ тогда [3]), но я уже догнала ихъ. Не могу сказать, милый братецъ, что мнѣ здѣсь весело,—надобно говорить правду. Я люблю всѣхъ своихъ родныхъ и желаю заслуживать любовь иху [4]); я стараюсь, чтобы меня всѣ любили и здѣсь; благодаря Бога, меня любятъ и не оставляютъ. Въ именины свои я не была даже и у обѣдни; но матушка игуменья прислала мнѣ просфору. Теперь ежели къ Рождеству заживетъ у меня глазъ, то Рудольфъ Павловичъ и Амалія Богдановна обѣщали просить [5]) меня на праздникъ къ себѣ, и я очень рада этому. И еще разъ благодарю Васъ, милый братецъ, за неоцѣненное письмо Ваше; я съ восхищеніемъ читаю его. Теперь я, милый братецъ, Вамъ все написала, что думала. Теперь хорошо. Глазъ немножко поправляется, но негодная золотуха не выходитъ. Она постоянно на лицѣ, такъ что я лицо не умывала послѣ Пасхи ни одного раза,—теперь и это сказала Вамъ. Прощайте, милый и неоцѣненный братецъ. Остаюсь любящая Васъ сестра Ваша

5 декабря 1855 года. Екатерина Добролюбова.

Увѣдомляю Васъ, милый братецъ, что наша казначея уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Извините меня, милый братецъ, за ошибки.—Въ именины утромъ мнѣ было очень скучно, но во время обѣда пришла ко мнѣ Амалія Богдановна съ дочкою своею Милечкою, и Амалія Богдановна подарила мнѣ коробку конфектъ, а Рудольфъ Павловичъ—рубль серебромъ, а Милечка—куклу. Остаюсь любящая Васъ Е. Д.

---

[1]) Это второе „я“, лишнее, осталось не вычеркнуто по недосмотру.
[2]) То-есть: съ Василіемъ Ивановичемъ и Лукою Ивановичемъ.
[3]) Когда сильно болѣли глаза, которые теперь выздоравливаютъ.
[4]) „Иху“—разговорная форма, вмѣсто „ихъ“.
[5]) То-есть: просить у институтскаго начальства позволенія взять меня, и т. д.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Отъ 25 дек. 1885*).

25 декабря. С.П.Б. [1]).

Милая моя, добрая моя сестра, моя неоцѣненная Катенька! На дняхъ я получилъ милое твое письмо [2]) и хочу отвѣчать тебѣ теперь, чтобы письмо мое, дошедши до тебя тотчасъ послѣ праздниковъ, продолжило для тебя ихъ веселье, если только можешь ты веселиться. Дай Богъ, чтобы была для тебя какая нибудь отрада въ эти святые, прекрасные дни! Не ропщи на свою судьбу, моя добренькая, умненькая Катенька. Ты знаешь, что горемъ и слезами ничего не сдѣлаешь, ничему не поможешь; а я прибавлю къ этому еще то, что всякое горе становится еще тяжеле, когда позволишь себѣ слишкомъ много горевать. Старайся разсѣять и занять себя: сначала насильно, противъ воли, а потомъ и привыкнешь всегда быть занятою. Помни, моя душечка, что мы должны себя приготовить къ тому, чтобы быть въ состояніи жить самимъ собою, чтобы умѣть доставать себѣ и кусокъ хлѣба, и теплый уголъ, и приличное платье. Кто предается безплодному плачу и ропоту, тотъ годится только въ нищіе; а кто умѣетъ работать и заниматься, тотъ съумѣетъ самъ поддержать себя въ несчастіи...,

Теперь лучшее, что ты можешь дѣлать, это—учиться, исполнять всѣ свои обязанности, вести себя скромно, никого не обижая и не доводя себя до обиды. Я знаю, моя голубушка, моя бѣдненькая сестреночка, что тебѣ бываетъ тяжело, горько, что тебѣ иногда ни на что смотрѣть не хочется, что ты и въ самомъ дѣлѣ иногда ничего не видишь предъ собою, потому что думаешь о родныхъ, о Нижнемъ, о тетенькиномъ садикѣ, въ которомъ мы всѣ, бывало, такъ весело гуляли, о нашемъ оставленномъ домѣ, гдѣ мы были такъ счастливы всѣ вмѣстѣ... Мнѣ самому тебя жаль, очень жаль; я готовъ бы заплакать вмѣстѣ съ тобою о прошедшемъ времени... Но знаешь ли что, моя душенька,—вѣдь ужъ это все прошло и не воротится больше; зачѣмъ же себя по пустому разстраивать? Лучше старайся не думать объ этомъ... Тебѣ будетъ легче. Я самъ то же самое испытывалъ очень часто, когда давалъ себѣ волю задумываться; а когда перестанешь тотчасъ думать объ этомъ [3]) и обратишься къ чему нибудь другому—и пройдетъ. Да, милая Каточекъ, пора намъ съ тобою быть и поспокойнѣе: я тебѣ скажу кстати, что и дѣла наши, можетъ быть, скоро поправятся. Архіерей нижегородскій не отвѣчалъ ничего министру нашему [4]) на его просьбу, но министръ хочетъ всетаки хлопотать черезъ синодъ. Я теперь имѣю уроки, и потому у

---

[1]) Годъ опредѣляется упоминаніемъ о полученіи письма Катерины Александровны отъ 5 дек.

[2]) Это было письмо отъ 5 дек., какъ очевидно по содержанію отвѣта на него.

[3]) То есть: тотчасъ же, какъ появятся эти мысли, подавишь ихъ при самомъ же началѣ.

[4]) Какъ въ письмѣ отъ 23 ноября употребляется для краткости выраженіе „министръ“ вмѣсто „товарищъ министра“.

меня есть деньги. Если тебѣ что нибудь нужно, напиши мнѣ: вѣроятно, у тебя есть тоже разныя маленькія надобности и, вѣрно, присланныя мною деньги не были тебѣ лишними. Разумѣется, я увѣренъ, что большихъ прихотей у тебя не бываетъ, да и не позволятъ вамъ имѣть ихъ; но мнѣ кажется, что тебѣ, особенно какъ больной, можно позволить нѣкоторыя развлеченія, забавы, игрушки, лакомства даже, умѣренныя и безвредныя. Мнѣ будетъ очень пріятно, моя миленькая Катенька, если ты напишешь мнѣ, что́ тебѣ нравится особенно, чего тебѣ хочется и что̀ тебѣ нужно. Будь, пожалуйста, со мной откровенна во всемъ, во всемъ.

Мнѣ чрезвычайно жаль, что ты не написала мнѣ, гдѣ остановится и когда именно будетъ въ Петербургѣ ваша казначейша: теперь я не могу отыскать ее, а между тѣмъ такъ было бы пріятно разспросить ее о тебѣ. Если она долго еще пробудетъ въ Петербургѣ, попроси кого нибудь къ твоему слѣдующему письму приписать полный адресъ ея, чтобы я могъ ее найти. А если она еще не уѣхала [1]), то вручи ей твое письмо, и она меня легко отыщетъ по адресу [2]): я къ ней явлюсь.

Увѣдомляй меня чаще и подробнѣе о твоей жизни, и особенно о ходѣ твоей болѣзни, которая меня очень безпокоитъ. Я ужаснулся, когда узналъ, что ты даже не умывалась ни разу отъ самой пасхи. Я думаю, это тебѣ очень тяжело и неловко. Впрочемъ пусть ужь лучше вся болѣзнь выйдетъ наружу: за то́ тогда не трудно будетъ совсѣмъ прогнать ее и вылечить... Дѣлать нечего, душечка, вытерпимъ и это. Оттерпимся, и потомъ уже пойдетъ все прекрасно: терпи, казакъ, атаманъ будешь.

Скажи Рудольфу Павловичу и Амаліи Богдановнѣ, что я свидѣтельствую имъ глубочайшее мое почтеніе и очень, очень благодарю ихъ за внимательность и любовь къ тебѣ. Вѣрно, ты передала имъ то, что я писалъ въ прошлогоднемъ письмѣ?.. Да еще: писала ли ты къ княгинѣ или нѣтъ? Часто ли пишутъ тебѣ наши родные изъ Нижняго? Часто ли ты имъ пишешь? Они восхищаются твоими письмами и, правду говорю тебѣ, ты пишешь очень мило и даже правильно. Я этому радуюсь. Только не пиши *ни* вмѣсто *не*: въ послѣднемъ письмѣ у тебя вездѣ *ни*... Впрочемъ, все-таки хорошо: ты, вѣрно, учишься и грамматикѣ. Прощай же, моя душечка, ненаглядная, незабвенная, милая, хорошая Катенька. Пиши ко мнѣ, и горюй меньше.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

---

1) Изъ Симбирска въ Петербургъ.

2) Подразумѣвается: и если не зайдетъ сама въ Институтъ, то извѣстить меня о своемъ пріѣздѣ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

Янв. 5, 1856 г. С.П.Б.

Милостивый Государь,

Михаилъ Алексѣевичъ!

Извините, что я, послѣ полуторагодоваго молчанія, осмѣливаюсь Васъ безпокоить моимъ письмомъ. Неожиданно встрѣтившаяся надобность заставила меня прибѣгнуть къ Вашему великодушію, и я надѣсь, что Вы, по старинной дружбѣ къ нашему дому, не откажетесь помочь мнѣ. Впрочемъ, не думайте, чтобъ это были вновь какія нибудь ребяческія жалобы и сѣтованія о семейныхъ бѣдствіяхъ: послѣ Вашихъ хладнокровно-разсудительныхъ, неопровержимо-логическихъ и самоотверженно-религіозныхъ писемъ [1]) я уже вполнѣ убѣдился, что тоскуя о потерѣ всего, что̀ считалъ дорогимъ для себя въ мірѣ, я именно поступалъ какъ мальчишка, не понимающій благодѣяній, какія Богу и архіерею угодно было послать на меня и все наше семейство... Теперь, если бы даже и оставалась тѣнь прежней скорби въ душѣ моей, я бы не осмѣлился обратиться съ нею къ Вамъ, изъ опасенія оскорбить Ваше глубокое нравственное чувство покорности предъ гнетущею насъ судьбою, и навлечь на себя «своимъ дѣтскимъ лепетомъ» новые упреки въ «молодости, неопытности и одностороннемъ развитіи»... Нѣтъ, просьбу другаго рода имѣю я къ Вамъ, добрый Михаилъ Алексѣевичъ, и выполнить ее Вамъ чрезвычайно легко. Дѣло вотъ въ чемъ: Вы, помнится, писали въ академіи сочиненіе о трудахъ отцовъ іезуитовъ, и сказывали мнѣ, что имѣли подъ руками при этомъ какія-то французскія книги. Теперь я тоже занимаюсь исторіей іезуитскихъ школъ. У меня есть Crétineau-Joly, Michelet и Constitutions des Jesuites. Но Constitutions — слишкомъ обширны, Michelet очень отзывается республиканствомъ, а Crétineau самъ совершенный іезуитъ. Не можете ли Вы сообщить мнѣ заглавія тѣхъ сочиненій, которыми вы пользовались? Этимъ Вы меня чрезвычайно бы обязали. Не смѣя ожидать отъ Васъ отвѣта на это письмо, я прошу Васъ только выписать заглавія на лоскуткѣ бумаги и передать ихъ Василію Ивановичу или Фавстѣ Васильевнѣ, чтобы они мнѣ переслали это въ своемъ письмѣ. Вамъ будетъ это стоить какихъ нибудь 2—3 минутъ, и я смѣю надѣяться, что Вы не откажетесь пожертвовать ими для человѣка, въ которомъ Вы принимали прежде участіе и который, хотя успѣлъ Васъ раздражить своею неопытностью и дѣтскимъ лепетомъ, но, вѣроятно, не успѣлъ еще подвергнуться полному Вашему презрѣнію. Надѣюсь, что точно также, Вы не откажете мнѣ въ просьбѣ передать приложенное здѣсь

[1]) Это относится къ письмамъ Михаила Алексѣевича отъ 27 марта, 12 мая 1854 года, и въ особенности къ его письму отъ 22 сент. 1854, которое заставило Николая Александровича прекратить переписку съ нимъ, по мотиву, объясняемому въ письмѣ къ Михаилу Ивановичу отъ 20 апр. 1855.

письмо Фавстѣ Васильевнѣ [1]), къ которой, конечно, Вы сохраняете прежнее расположеніе.

Еще разъ извините, что я осмѣлился безпокоить Васъ своимъ письмомъ; но—законъ необходимости извиняетъ все.

Вашъ покорный слуга

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

8 января 1856 г. С.П.Б.

Я еще не поздравлялъ Васъ ни съ Рождествомъ ни съ Новымъ годомъ, милая Тетенька. Извините, что такъ запоздалъ; но лучше поздно, чѣмъ никогда, и я поздравляю Васъ теперь, желая Вамъ, чтобы наступившій годъ былъ лучше, веселѣе, счастливѣе, нежели былъ для насъ всѣхъ прошедшій и особенно предпрошедшій. Да, намъ всѣмъ именно нужно желать въ полномъ смыслѣ «новаго счастья». Можетъ быть, оно и наступитъ. Не все же терпѣть, не все же страдать; получимъ и мы что-нибудь въ вознагражденіе за бѣды, которыя претерпѣли.

Отчего Вы ко мнѣ не пишете? Отчего не пишетъ Ниночка? Неужели Вы сердитесь на меня за то, что я долго не отвѣчаю на Ваши письма? Право, кажется, ужь Вамъ грѣхъ бы не довѣрять мнѣ и сердиться на меня послѣ того, какъ мы объяснились съ Вами открыто, чистосердечно и толково. Мнѣ не трудно писать, оттого-то я и пишу Вамъ большею частью довольно длинныя письма. Но дѣло въ томъ, что принявшись за письмо, я теряю весь этотъ день: какъ-то ужь ни за что другое и приняться не хочется, все думаешь о Нижнемъ, о Васъ, о сестрахъ, о братьяхъ. Воспоминанія же эти не слишкомъ сладки; такъ по неволѣ стараешься избѣгать ихъ. Впрочемъ, если Вы хотите знать обо мнѣ, то Вы всегда можете имѣть извѣстіе, потому что я аккуратно въ двѣ недѣли пишу одно письмо въ Нижній, то къ Вамъ, то къ Василію Ивановичу, то къ тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ, то къ Пав. Ив. Лебедеву, то къ Трубецкимъ, то къ Прутченко, то къ другимъ еще. Мнѣ какъ-то не хочется повторять одно и то же въ десяти письмахъ... Впрочемъ, какъ хотите; разумѣется, я много виноватъ предъ Вами, не писавши къ Вамъ цѣлыхъ три мѣсяца. Простите же меня, какъ виноватаго, и не сердитесь на меня больше. Бывало, тетенька, вѣдь Вы меня много, очень много любили. И теперь, повѣрите ли, лучшая мечта моя, это—прі-

---

[1]) Письмо къ ней отъ 8 янв.—Итакъ, письмо къ Михаилу Алексѣевичу, начатое 6 янв., было дописано 8-го или 9-го или даже 10-го янв. (въ томъ году 8 янв. приходилось въ воскресенье; почта изъ Москвы въ Нижній ходила по средамъ; письма, отправляемыя изъ Петербурга въ Нижній въ воскресенье или въ понедѣльникъ, лежали въ Москвѣ до среды, и отправлялись вмѣстѣ съ посланными изъ Петербурга во вторникъ).

ѣхать домой, увидаться съ Вами, пожить у Васъ, поплакать вмѣстѣ надъ родными могилками...

Вы знаете о началѣ моихъ хлопотъ, знаете и о томъ, что архіерей не отвѣчалъ на письмо кн. Вяземскаго, который просилъ его весьма убѣдительно. Теперь я упросилъ, чтобы начальство наше прямо обратилось въ Синодъ—и на дняхъ это, можетъ быть, будетъ сдѣлано. Потомъ князь Вяземскій попроситъ лично оберъ-прокурора и, вѣроятно, дѣло будетъ устроено. Еще: Н. С. Сперанскій пишетъ къ нашему инспектору, что онъ имѣетъ въ виду устроить скоро одну изъ сестеръ моихъ; напишите мнѣ, не говорилъ-ли онъ чего нибудь Вамъ или Василію Ивановичу, и что у него за намѣренія. Мнѣ необходимо знать это, и надѣюсь, что безъ меня ничего не станутъ дѣлать.

Но главное—какъ Вы живете съ нашими маленькими? Здоровы ли они, здоровы ли Вы сами? Вѣдь отъ Вашего спокойствія и здоровья зависитъ теперь все ихъ счастье. Ради Бога, ради добраго дѣла, ради памяти покойной сестры Вашей, которая Васъ такъ любила, берегите себя, милая Тетенька, не принимайте слишкомъ къ сердцу мелкихъ огорченій, которыя Вамъ причиняютъ, конечно, малютки,— не сокрушайтесь о тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ. Что дѣлать! Есть люди еще беднѣе, еще несчастнѣе, да вѣдь живутъ же. А намъ всѣмъ еще есть надежда къ поправленію обстоятельствъ.

Я удивляюсь, отчего мнѣ не пишутъ Варвара Васильевна и Лука Ивановичъ. Я не получалъ отъ нихъ отвѣта на два письма уже. Собираюсь еще написать. Напишите хоть Вы, какъ они живутъ, здорова ли Анночка, выросла ли она хоть сколько нибудь и пр. Михаилу Ивановичу передайте мое почтеніе; кстати—я еще не поздравлялъ его съ чиномъ, такъ поздравьте отъ меня. Прощайте, милая Тетенька; надѣюсь, что мнѣ нѣтъ нужды говорить о чувствахъ моей любви, уваженія и глубокой признательности къ Вамъ.

Н. Добролюбовъ.

P. S. Вы мнѣ какъ-то писали, что письма мои, доставленныя Вамъ черезъ Галаховыхъ, были перепечатаны ими. Вы вѣрно это подумали потому, что они были запечатаны не моей печатью. Но дѣло объясняется: накануне отъѣзда Галаховыхъ я ночевалъ у нихъ, чтобы поутру проводить ихъ на желѣзную дорогу, и вечеромъ писалъ эти письма у нихъ; печати моей со мной не было и я употребилъ ихъ печать.

9 января 1855.

Поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ, любезная моя Ниночка, и желаю тебѣ провести его лучше прошедшихъ двухъ. Не знаю, что тебѣ написать особеннаго, потому что давно уже не имѣю свѣдѣній о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Не лѣнись, моя душечка, и напиши мнѣ поскорѣе о всемъ, о чемъ только тебѣ захочется и покажется нужнымъ. У насъ съ Катенькой теперь дѣятельная переписка. Въ концѣ ноября послалъ я ей письмо; въ половинѣ декабрѣ получилъ

отвѣтъ, въ 20-хъ числахъ послалъ другое, а въ началѣ этого мѣсяца опять получилъ письмо отъ нея. На дняхъ буду отвѣчать. Это прекрасно: теперь я знаю ея положеніе, даже не по тому, что она пишетъ, а *какъ* она пишетъ: по тону, по духу я угадываю, въ какомъ она расположеніи, и если она весела, это веселитъ меня самого на цѣлую недѣлю; если грустна, я ей посылаю утѣшенія, убѣжденія, и опять успокоиваюсь отъ тревожной неизвѣстности. Я бы желалъ, моя милая, чтобы и у насъ съ тобою была такая частая, дружеская, откровенная переписка. Теперь же ты въ такихъ лѣтахъ [1]), что уже пора тебѣ думать, разсуждать и свои разсужденія сообщать тому, кто можетъ всегда тебя и поправить, и побранить, и похвалить. Разумѣется, я увѣренъ, что ты всегда вполнѣ откровенна съ тетенькой, ничего не утаиваешь, все ей говоришь и всегда слушаешь ея совѣты; но я бы желалъ и самъ тоже знать твои мысли и чувства, чтобы не терять тебя изъ виду, чтобы мы не сдѣлались другъ другу наконецъ чужими и незнакомыми. Пиши же ко мнѣ, милая Ниночка, слушайся тетеньки, веди себя скромно и не забывай брата своего

Н. Добролюбова.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

16 января, 1856 года.

Милый и неоцѣненный братецъ!

Я получила письмо Ваше 5 января и была рада. Простите меня, милый братецъ, что я такъ долго не писала на отвѣтъ. Я люблю Вамъ писать письма, но не могу часто. Я всѣ праздники провела весело у Амаліи Богдановны и Рудольфа Павловича, сюда [2]) пришла на третій день Крещенія, и на другой день у насъ началось ученіе. Я учусь, слава Богу, не худо и время провожу весело. Братецъ, Вы мнѣ писали про матушку казначею; она уже давно пріѣхала — на другой день Рождества. Я потому не писала Вамъ, гдѣ она остановится: во 1) не было мѣста, гдѣ написать яснѣе, во 2) я думала, что она вѣрно останавливалась у Преосвященнаго, и думала, что Вы прямо пойдете туда; но навѣрно не знаю, гдѣ она останавливалась. Еще я, милый братецъ, хочу Васъ спросить, получили ли Вы то письмо, въ которомъ я просила Васъ написать мнѣ письмо, какъ писать къ княгинѣ; а я все дожидалась его. Я еще то письмо не писала Александрѣ Максимовнѣ, потому что уже нужно было писать и къ княгинѣ; а не написать ей неловко; но сама не могла никакъ сочинить ей даже и немного. Ваши деньги, милый братецъ, нисколько мнѣ не лишни, я благодарю Васъ за нихъ. Вы не подумайте, братецъ, что они у меня всѣ [3])—я еще ихъ немного издержала. Ахъ, милый братецъ, Вы не повѣрите, какъ мнѣ хочется увидать Васъ.

---

[1]) Антонинѣ Александровнѣ исполнилось 8 января 15 лѣтъ.
[2]) Въ институтъ.
[3]) Т. е. всѣ вышли.

Я потому, Вы замѣтьте, и пишу [1]) въ каждомъ письмѣ. Вамъ уже навѣрно очень надоѣла. Я не могу, чтобы не написать, чтобы Вы не забыли. Я пишу къ своимъ роднымъ въ Нижній и они мнѣ пишутъ; но не могу сказать, чтобы очень часто я писала,—повѣрьте, милый братецъ, что не достаетъ время писать часто. Вы меня все просите писать Вамъ подробнѣе о своей жизни. Я, право, не знаю, какъ написать, я и такъ всегда Вамъ пишу все, что у меня есть на умѣ, а болѣе не могу, хотя мнѣ и очень пріятно писать Вамъ болѣе, но не знаю какъ. Я жду Васъ, когда Вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я буду очень весела; мнѣ будетъ пріятно и Вамъ также, если только Богъ дастъ доживу до тѣхъ поръ. Богъ знаетъ, можетъ быть и не будетъ меня. Прощайте. Остаюсь любящая Васъ сестра Ваша

Екатерина Добролюбова.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ И АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

19 января 1856 г.

Любезный Николенька!

Поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего рожденія и съ наступившимъ новымъ годомъ, и желаю тебѣ во всемъ новаго успѣха. Твое письмо я получила отъ Михаила Алексѣевича и очень тебѣ благодарна, что ты насъ вспомнилъ и что ты здоровъ. Я очень безпокоилась о твоемъ молчаніи; ты ничего не пишешь о твоемъ свиданіи съ Натальей Алексѣевной [2]), какъ она отозвалась о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Мы живемъ слава Богу; Ниночка занимается рукодѣльемъ, Ваня здоровъ—играетъ и много шалитъ, Володя гоститъ третью недѣлю у Луки Ивановича. Мичурины выдали старшую дочь за Лѣнивцева, и по этому случаю архіерей приказалъ Лукѣ Ивановичу взять на время этихъ хлопотъ къ себѣ, чтобы онъ ихъ не безпокоилъ, а они въ самое Рождество Христово просили взять его Василія Ивановича. Онъ былъ у него недѣли съ двѣ. Лука Ивановичъ былъ съ нимъ у архіерея; онъ Володю спрашивалъ, чѣмъ онъ занимается, онъ сказалъ, что учится; поэтому онъ приказалъ подать Библію, чтобы онъ что нибудь прочиталъ, а Володенька сказалъ, что онъ не можетъ ничего прочитать, потому что учится по гражданской азбукѣ; по этому случаю онъ велѣлъ дядѣ учить его, покуда у него гоститъ, славянскую азбуку, и теперь онъ учитъ его. Свадьба была уже, но они еще не присылали за нимъ. Отъ Кати я получила недавно два письма; въ первомъ, она очень скучаетъ и пишетъ, что глазъ все болитъ и она отъ Святой Пасхи не умывалась и лицо всегда распухшее, и поэтому съ трудомъ продолжаетъ занятія; во второмъ, она спокойнѣе, потому что гоститъ у Ренненкампфа и ей у нихъ очень пріятно быть. Жаль, что такъ дурно ее лечатъ; я очень боюсь, чтобы ее не сдѣлали слѣпой. Какъ жаль, что она не съ нами; вѣрно, она не рѣдко

---

[1]) Объ этомъ.
[2]) Галаховой.

плачетъ и тѣмъ прибавляетъ свою болѣзнь. Анночка ростетъ послѣ болѣзни, но все очень мала и едва ли будетъ настоящаго роста; и слаба здоровьемъ: у ней часто, какъ и прежде, дѣлаются на горлѣ железы [1]) или болятъ зубы. Лиза, какъ слышно, здорова, ростетъ, бѣгаетъ и лепечетъ. У Василія Ивановича мы бываемъ и они у насъ. Они очень внимательны къ Ниночкѣ и иногда она у нихъ ночи двѣ ночуетъ, и была съ Еленой Ефимовной на хорахъ въ Собраніи во время бала. Ольга Аѳанасьевна все еще жива, хотя чуть бродитъ; а бабушка слѣпая въ самый новый годъ въ обѣдню умерла и ее положили въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Константинъ Васильевичъ ее схоронилъ и въ продолженіи жизни давалъ по два рубля серебромъ на содержаніе; но ей не такъ было хорошо, какъ она привыкла жить у Вашей мамаши и поэтому уже желала смерти, и вотъ ее Богъ успокоилъ. Авдотья Ивановна Николаева очень плоха и почти безъ ногъ; ее таскаютъ подъ руки по комнатѣ; я очень часто бываю [2]) и съ Ваней. Анночкѣ она ничего не помогаетъ, какъ пишется, что она на ея попеченіи. Анночка послѣ болѣзни [3]) у ней не бывала, потому что тетка боится, чтобы она не простудилась. Волосы у ней почти всѣ вышли. Она и у меня также, какъ и Сонечка, не бывала. Ее Лука Ивановичъ и тетка очень любятъ. Она вышиваетъ въ пяльцахъ съ ними вмѣстѣ и занимается всякимъ рукодѣльемъ. Мы очень часто другъ къ другу ѣздимъ семейно. Ванечка очень любитъ Машеньку [4]), она его такъ занимаетъ, онъ всегда съ такимъ удовольствіемъ къ нимъ собирается. Какъ бы пріятно было, чтобы ты и Катя были бы съ нами и жили бы какъ и прежде. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю тебя видѣть. Дай Богъ счастливо окончить тебѣ ученье. Остаюсь любящая тебя тетка Фавста Благообразова.

Милый и неоцѣненный братецъ Николенька! Поздравляю Васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, желаю Вамъ въ этотъ годъ всего, всего лучшаго. Дай Богъ, чтобы мы съ наступленіемъ новаго года получили новое счастіе. Еще, милый Николенька, поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Вашего рожденія и желаю Вамъ болѣе всего, чтобы Вы были здоровы и поскорѣе бы пріѣхали къ намъ. О, если бы Вы знали, какъ мнѣ хочется повидаться съ Вами, какъ я люблю Васъ; право, кажется, больше всѣхъ. Я, слава Богу, здорова, живу очень хорошо и, благодаря Васъ, почти ни въ чемъ не нуждаюсь; конечно, нѣтъ у меня лишняго, но нужное все есть. Но если бы у меня не было денегъ, которыя вы мнѣ оставили [5]), то я бы должна была нуждаться въ нужныхъ вещахъ, оттого что тетенька не можетъ во всемъ удовлетворять меня. Конечно, она бы не отказала мнѣ ни въ чемъ, если бы имѣла состояніе, но у нихъ нѣтъ его. Но теперь деньги всѣ лежатъ у тетеньки; если мнѣ что нужно, то она поку-

[1]) Въ смыслѣ „опухаютъ железы“.
[2]) У нея.
[3]) Очевидно, это былъ тиѳъ.
[4]) Младшую дочку Луки Ивановича и Варвары Васильевны.
[5]) При отъѣздѣ изъ Нижняго, въ августѣ 1854 года.

паетъ мнѣ и я выписываю [1]). Если бы Вы пріѣхали сюда, то я бы все разсказала Вамъ, Вы бы все и о обо всемъ узнали; но писать обо всемъ нельзя. Если писать по большому письму всякую недѣлю, и то нельзя описать все то, что бы можно пересказать въ одинъ день. Володя теперь гоститъ у тетеньки Варвары Васильевны, Анночка все не очень здорова, а Ваня теперь совсѣмъ здоровъ; только большой шалунъ, все шалитъ, но за то и очень уменъ: все понимаетъ. Онъ начинаетъ понемножку учиться читать, знаетъ нѣсколько молитвъ и много поетъ пѣсенъ и очень бываетъ иногда забавенъ; но ужь когда расшалится, то ужь не знаемъ, какъ усадить его; но, я думаю, маленькіе, особенно мальчики, и всѣ бываютъ эдакіе шалуны. Сейчасъ онъ мнѣ все мѣшалъ — трясъ столъ — и даже наконецъ пролилъ чернила.

Прощайте, милый и неоцѣненный мой братецъ, желаю Вамъ всего лучшаго и остаюсь всегда любящая Васъ сестра Ваша

Антонина Добролюбова.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Января 19 дня 1856 года.

Поздравляю Васъ, Николай Александровичъ, съ новымъ годомъ. Дай Богъ Вамъ и здоровья и успѣховъ, словомъ—исполненія всѣхъ Вашихъ желаній!..

Ваше письмо отъ 5 января я получилъ и что̀ слѣдовало отправить къ Фавстѣ Васильевнѣ, [2]) на другой же день по полученіи его отправилъ, а на спросъ Вашъ о книгахъ, какія у меня были при составленіи моего сочиненія «О трудахъ Іезуитовъ въ пользу...» ни мало не лѣнясь отвѣчаю самъ. Къ сожалѣнію—отвѣтъ мой слишкомъ плохъ. Подъ руками у меня, кромѣ названныхъ Вами книгъ, не было еще ничего; развѣ упомянуть о «Римскихъ папахъ» Ранке и статьѣ объ Іезуитахъ; помѣщенной нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ», помнится, за 1849 годъ, которую я читалъ и не дочиталъ. И такъ, послужить Вамъ въ настоящемъ случаѣ не могу при всемъ моемъ усердіи. Но думаю, это для Васъ вовсе не бѣда; надѣюсь, что Вы, при руководствѣ и по указанію своего профессора, достали уже себѣ все, что нужно, и даже больше, чѣмъ сколько я могъ имѣть въ свое время; и впрочемъ, если не скрывать этого, я сильно сомнѣваюсь, чтобы Вы серьезно писали мнѣ объ этомъ... [3])

Родные Ваши здѣсь въ Нижнемъ всѣ живы и здоровы, о чемъ Вы, конечно, знаете и скоро получите свѣжее увѣдомленіе.

Ванечка посылаетъ Вамъ поклонъ.

---

[1]) Записываю.

[2]) То есть, письмо Николая Александровича къ ней, вложенное въ конвертъ письма къ нему.

[3]) Михаилу Алексѣевичу показалось, что просьба Николая Александровича—насмѣшка надъ нимъ. Тѣмъ больше чести его характеру дѣлаетъ его отвѣтъ.

У насъ въ семинаріи новости слѣдующія: на мѣсто Вас. Ѳ. Никольскаго опредѣленъ А. П. Понятовскій, который также есть преподаватель и еврейскаго языка; на мѣсто Н. В. Охотина, перемѣщеннаго въ Симбирскую семинарію, опредѣленъ А. И. Стекловъ, который по какой-то причинѣ доселѣ не явился еще къ должности. О. Антоній вчерашняго числа отправился въ г. Тамбовъ, куда онъ перемѣщенъ инспекторомъ тамошней семинаріи, а кто пріѣдетъ на его мѣсто, сіе пока неизвѣстно.

Вашъ покорный слуга М. Костровъ.

Жалѣю, что Вы такъ приняли прошлогоднее письмо мое... [1]) Григорій Ал. Политковскій поручилъ мнѣ передать Вамъ поклонъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

3 февр. 1856.

Я недавно получилъ Ваше письмо, моя милая, добрая Тетенька, и спѣшу отвѣчать на него, чтобы поздравить Васъ со днемъ ангела. Къ сожалѣнію, письмо мое, кажется, нѣсколько опоздаетъ. Но что же дѣлать, занятія мои такого рода, что иногда не оставляютъ часа свободнаго въ день. Вотъ, напримѣръ, описаніе моего понедѣльника. Встану часовъ въ шесть, семь, до половины девятаго занимаюсь приготовленіемъ къ лекціи греческой литературы и потомъ французской литературы. Въ $8^1/_2$ завтракъ и чай—до 9-ти. Въ 9 часовъ начинаются лекціи. У насъ нѣтъ первой лекціи; но въ это время я долженъ приготовиться къ вечернимъ урокамъ. Отъ $10^1/_2$ до 3—лекціи, въ 3—обѣдъ. Въ 4 я уже долженъ быть на урокѣ—въ Семеновскомъ полку, т. е. версты $3^1/_2$ отъ Института. Здѣсь занимаюсь ариѳметикою съ 6—7 дѣвочками отъ 7—10 лѣтъ [2]), въ одномъ частномъ пансіонѣ. Отсюда отправляюсь на другой урокъ, русской литературы, и здѣсь бываю отъ 6 до 8 часовъ; въ $8^1/_2$ прихожу въ Институтъ ужинать... Усталый, измученный, провожу въ болтовнѣ или легкомъ чтеніи полчаса, и потомъ опять сажусь за работу до $10^1/_2$. Въ это время гасятъ огонь, и я отправляюсь въ спальню, гдѣ иногда тотчасъ засыпаю мертвымъ сномъ, а иногда еще часа полтора ворочаюсь съ боку на бокъ, раздумывая объ обстоятельствахъ домашнихъ и тоскуя о своихъ милыхъ, изъ которыхъ

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.

Такъ же почти проходятъ вторникъ, среда, четвергъ. Въ пятницу мнѣ облегченіе, потому что нѣтъ ни одного урока; но въ этотъ день

---

[1]) Дѣйствительно, Николай Александровичъ былъ совершенно не правъ, оскорбившись его дружескими убѣжденіями не предаваться отчаянію. — Выраженіе „прошлогоднее письмо“ не точно: оно было писано еще въ 1854 году.

[2]) Слѣдуетъ читать „отъ 7 до 10 лѣтъ“.

я отправляюсь заниматься въ Публичную Библіотеку. Въ субботу опять урокъ.—Немножко это обременительно; но за то я получаю теперь болѣе 25 руб. въ мѣсяцъ, и, слѣдовательно, скоро, удовлетворивши всѣмъ собственнымъ нуждамъ, могу помочь и домашнимъ обстоятельствамъ, хоть, разумѣется, очень немного. Что касается до оффиціальныхъ хлопотъ по дому, то, вѣроятно, Вы уже знаете о нихъ изъ разсказа Василія Ивановича, которому я недавно писалъ объ этомъ.

Пишите ко мнѣ почаще и побольше, милая Тетенька. Вы не можете себѣ вообразить, какъ пріятно мнѣ читать Ваши письма ко мнѣ. Они напоминаютъ такъ много, такъ много прекрасные дни моего спокойнаго дѣтства, моихъ беззаботныхъ игръ въ родномъ домѣ, моего перваго пылкаго и еще безсознательнаго ученья, подъ руководствомъ матери и отца, для ихъ радости и утѣшенія... Повѣрите ли, что одна уже *рука* Ваша на письмѣ возвращаетъ меня въ чудный міръ ребяческихъ воспоминаній; а Ваши слова, полныя участія и любви, выражающія такъ просто и нѣжно Ваши чувства,—эти слова совершенно чаруютъ меня и заставляютъ сердце биться сильнѣе и чувствовать полнѣе и глубже. Въ Васъ я вижу вторую мать, воспитательницу моихъ милыхъ сестеръ и братьевъ; въ Васъ я увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ, какъ въ родной матери... Послѣ этого какъ же не дорожить мнѣ Вашимъ привѣтомъ, какъ мнѣ не цѣнить Вашу любовь, каждое Ваше слово ко мнѣ?.. Сдѣлайте же мнѣ эту милость, это благодѣяніе, если Вы меня любите, пишите ко мнѣ почаще и побольше. Не сердитесь на меня, моя душечка Тетенька, что я рѣдко пишу къ Вамъ: право, первая моя свободная минута принадлежитъ Вамъ. Освободясь отъ дѣлъ, я буду Вамъ писать часто, очень часто, но теперь—простите меня и пишите ко мнѣ, не дожидаясь моихъ писемъ. Я вѣдь знаю, что Вы меня любите; Вы тоже знаете, что я люблю Васъ и что мнѣ дорого каждое, самое ничтожное, извѣстіе о моей милой семьѣ. Надѣюсь, что мнѣ не нужно говорить, сколько я Вамъ благодаренъ за Ваши попеченія о Ванечкѣ, о Ниночкѣ, милая Тетенька. Быть можетъ, этимъ лѣтомъ увидимся; тогда переговоримъ обо всемъ, обо всемъ... Прощайте, душечка моя тетенька, прощайте. Поклонъ мой Михаилу Ивановичу, Михаилу Алексѣевичу, которому я не успѣлъ еще отвѣчать на его письмо. Тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ я все собираюсь писать, но никакъ не могу собраться. Надѣюсь ужъ на масляницѣ. Прощайте и пишите ко мнѣ, милая Тетенька. Надѣюсь, что Вы проведете свои именины весело, радуясь на тѣ добрыя дѣла, которыя Вы сдѣлали.

Добролюбовъ.

3 февраля.

Я очень радъ, милая Ниночка, что ты весела и довольна, и что не бранишься съ Ванечкой, какъ мы съ тобой, бывало, бранились Ты, вѣрно, позабыла объ этомъ, а я часто вспоминаю теперь и мнѣ становится очень, очень стыдно. Если ты вспомнишь объ этомъ, прости меня, душенька моя, или лучше, совсѣмъ не вспоминай объ этомъ. Мнѣ и безъ того часто дѣлается грустно и жалко, что я

не умѣлъ пользоваться своимъ счастьемъ, когда мы жили всѣ вмѣстѣ. Теперь я лишенъ даже возможности этого счастья, потому что живу одинъ. Но ты, милая сестра моя, можешь еще наслаждаться хоть частичкой этого, и мнѣ пріятно видѣть, что прежній опытъ научилъ тебя, что ты теперь стала умнѣе и кротче въ обхожденіи съ братьями и сестрами. Надѣюсь, что ты такъ же хорошо ведешь себя и въ отношеніи къ нашей доброй тетенькѣ и, навѣрное, ужъ не огорчаешь ее такъ, какъ огорчала покойную маменьку нашу [1]). Впрочемъ, я не хочу упрекать тебя: всѣ мы тогда мало понимали сокровище, которое было дано намъ. Теперь за то будь благоразумна, будь скромна, обходительна, слушайся тетеньки, моя милая Ниночка.

Надѣюсь, что ты здорова и весела теперь — — [2]). Къ лѣту — — я, можетъ быть, пріѣду къ вамъ на нѣсколько времени. До тѣхъ поръ пиши ко мнѣ чаще и больше.

Прощай, моя милая сестра, цѣлую и обнимаю тебя.

Твой братъ

Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

16 февраля 1856 г.

Давно бы слѣдовало уже мнѣ поблагодарить Васъ, добрый Михаилъ Алексѣевичъ, за Вашъ отвѣтъ на мою просьбу; но, по разнымъ житейскимъ суетамъ, все откладывалъ. Я жалѣю, что безпокоилъ Васъ понапрасну, и еще болѣе жалѣю о томъ, что успѣлъ возбудить въ Васъ сомнѣніе насчетъ чистоты моихъ намѣреній. Я не знаю, чѣмъ и увѣрить Васъ. Дѣйствительно, я въ источникахъ недостатка не имѣлъ; но странная, хлопотливая черта моего характера заключается къ томъ, что я не могу успокоиться, не собравъ всего, что можно собрать. Это стремленіе къ полнотѣ заставляло меня еще въ семинаріи писать огромныя сочиненія, оно же въ прошломъ году заставило ограничиться маленькимъ отрывкомъ изъ обширной задачи, оно же заставило меня нынѣ обратиться къ Вамъ съ просьбою объ источникахъ для моей темы. Повѣрьте же мнѣ, что обращаясь къ Вамъ, я не имѣлъ никакой задней мысли и не подозрѣвайте меня.

Благодарю Васъ за сообщенныя Вами извѣстія и надѣюсь, что Вы будете писась ко мнѣ.—Вы говорите, что я не такъ понялъ Ваше прошлогоднее письмо; но я понялъ его, какъ умѣлъ. Я перечитывалъ его нѣсколько разъ и нашелъ только упреки и обвиненія... Впрочемъ, если я ошибся, то лучше не вспоминать объ ошибкѣ, хотя я и желалъ бы ея объясненія для себя.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Василій Ивановичъ передастъ Вамъ,

---

[1]) Само собою разумѣется, это были только неизбѣжныя нарушенія спокойствія матери ничтожными дѣтскими проступками.

[2]) Слѣдуютъ вопросы о здоровьѣ.

вѣроятно, письмо мое къ Ф. А. Василькову. Потрудитесь, пожалуйста, при случаѣ передать его.

Не можете ли Вы написать мнѣ чего нибудь о Михаилѣ Ивановичѣ и его отношеніяхъ къ нашему семейству? Мнѣ это было бы любопытно, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже нужно.

Пишу второпяхъ, и оттого мало и дурно. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Ивану Алексѣевичу [1]). Скажите также поклонъ мой Григорію Алексѣевичу и Александру Андреевичу.

Прощайте, и, можетъ быть, до свиданія.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

16 февр. 1856 г.

Милая моя Тетенька, Варвара Васильевна!.. Простите меня за мои многія и многія вины противъ Васъ! Простите, да и только. Больше ничего я не хочу... А пока Вы не простите, я и говорить съ Вами не буду ничего: все буду ждать прощенья: Простите, такъ сейчасъ начну. Ну-съ, простили ужь, кажется: вѣдь я знаю, что Вы на меня долго сердиться не можете... Это Вы такъ только нарочно говорите, что ужь и разлюбили меня, и сердиты, и прощать не хотите [2])... А право, все такъ же еще любите... Бывало, когда я былъ еще очень маленькимъ, Вы тоже бранили меня и приказывали закрывать глаза, когда я не спалъ, а все-таки любовь-то оставалась по прежнему. Безъ всякихъ шутокъ, душенька моя Тетенька,—неужели въ самомъ дѣлѣ Вы ужь меня не любите больше? Я никакъ не хочу повѣрить, чтобы... ну, положимъ даже изъ-за простой лѣни, по которой я не писалъ къ Вамъ, — чтобы на меня изъ-за этого разсердились... А иначе, — отчего же Вы не хотите писать ко мнѣ, или по крайней мѣрѣ, Анночку не заставите?.. Между нами, право, какія-то недоразумѣнія, которыхъ въ письмѣ и не объяснишь. Придется мнѣ, просто, пріѣхать на каникулы къ Вамъ для объясненій... А въ самомъ дѣлѣ, Тетенька, я прибѣгаю къ Вамъ, и къ Вамъ, дяденька Лука Ивановичъ,—съ просьбою: можно ли мнѣ будетъ найти пріютъ на нѣсколько времени у Васъ, ежели вздумаю пріѣхать въ Нижній на каникулы? Меня тоска беретъ, и ужасно хочется со всѣми Вами видѣться; но только останавливаетъ дума о томъ, что хоть и пріѣдешь на родину, а вѣдь тамъ головы преклонить некуда... Для проѣзда я сколочу денегъ, а для проживки не смогу.... Впрочемъ, можетъ быть, и все дѣло-то разстроится... Можетъ быть, представится возможность ѣхать къ кому нибудь на уроки. За каникулы получаютъ у насъ нѣкоторые 100 и 150 рублей... Отъ этого я не откажусь, разумѣется... Теперь я получаю около 30 рублей въ мѣсяцъ, начи-

---

[1]) Младшему брату Михаила Алексѣевича.

[2]) Этотъ шутливый тонъ былъ неумѣстенъ, потому что Варвара Васильевна сильно (и справедливо) досадовала на племянника за слишкомъ долгое молчаніе его.

ная съ февраля, и никакъ не могу придумать, куда мнѣ будетъ дѣвать деньги... Но главное не въ деньгахъ, а въ томъ, чтобы Вы на меня не сердились. Пусть это письмо будетъ нашимъ примирителемъ. Напишите мнѣ, пожалуйста, о себѣ, объ Анночкѣ, которую цѣлую и поздравляю съ прошедшимъ днемъ Ангела, и которой желаю всего, всего хорошаго...

Я Вамъ ничего не написалъ, Тетенька [1]), но вѣдь я еще не знаю, точно ли Вы меня простили; а до тѣхъ поръ я писать къ Вамъ о чемъ нибудь не могу. Прощайте.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Письмо къ Фавстѣ Васильевнѣ*).

28 февр. 1856 г.

Въ началѣ этого мѣсяца я писалъ къ Вамъ, милая моя Тетенька, но, вѣроятно, письмо мое не получено Вами. Въ такомъ случаѣ — снова поздравляю Васъ съ прошедшимъ днемъ Вашего ангела и съ наступающей именинницей. Поздравьте отъ меня Ниночку, разцѣлуйте ее, поласкайте, и пр. А я въ этотъ день буду думать о Вашемъ веселье и мнѣ тоже будетъ пріятно, можетъ быть. Свое веселье мнѣ какъ-то мало доставляетъ пріятности. Я даже позабываю здѣсь счетъ днямъ, и о днѣ своего рожденія вспомнилъ только черезъ недѣлю, когда нужно было выставить число на просьбѣ Чевкину [2]). Думаю, что Вы на меня не разсердитесь, если я теперь рѣшусь не писать къ Вамъ до Вашего отвѣта. Если бы Вы получили мое прошедшее письмо, то увидали бы, изъ описанія моего обычнаго дня, какъ много я занятъ и какъ мало свободнаго времени могу удѣлять для переписки. Теперь у меня число уроковъ увеличилось еще двумя въ недѣлю (слѣдовательно на 8 руб. въ мѣсяцъ), и я занятъ рѣшительно каждый день, не исключая и воскресенья. Къ этому присоединяется еще то, что въ апрѣлѣ срокъ подавать сочиненіе, а въ маѣ—экзамены. Все это идетъ къ тому, что теперь менѣе, чѣмъ когда нибудь, могу я распространяться въ письмахъ и потому, извѣщая Васъ, что я есмь и движусь, болѣе ничего не имѣю о себѣ прибавить. Вамъ же я желаю всѣхъ возможныхъ радостей и благополучій. Михаилу Ивановичу кланяюсь низко.

Чтобы вѣрнѣе дошло это письмо, я дѣлаю его страховымъ, посылая Ниночкѣ на именины 25 рублей. Думаю, что эти деньги не будутъ лишними; когда соберусь со средствами, постараюсь прислать побольше.

(*Письмо къ Антонинѣ Александровнѣ*).

Душечка моя, Ниночка! Дорогая моя именинница! Поздравляю тебя, моя миленькая, голубушка Ниночка... Желаю тебѣ быть счастливѣе,

---

[1]) Опять шутка, и опять неумѣстная.

[2]) Просьба была о сложеніи долга съ дома.

здоровѣе, умнѣе, чѣмъ были мы съ тобой въ прежніе годы. Старайся пользоваться тѣмъ счастьемъ, которое Богъ послалъ тебѣ: ты живешь у родной тетеньки, которая тебя любитъ и лелѣетъ, которую ты сама любишь. Умѣй же вести себя такъ, чтобы не огорчать тетеньку, чтобъ было тебѣ всегда хорошо и спокойно на душѣ, чтобы потомъ пріятно было вспомнить объ этомъ времени,—не такъ, какъ тогда, когда мы жили дома, ссорились другъ съ другомъ и безпрестанно огорчали нашу мамашу. Будь умна, люби также и Ванечку, старайся учить его, занимать и веселить, такъ чтобы изъ него вышелъ умный и добрый мальчикъ. Помни обо мнѣ, милая сестра моя... Будь увѣрена, что и я тебя помню, хоть и не часто пишу къ тебѣ. Можетъ быть, удастся намъ и свидѣться въ это лѣто. Мнѣ очень этого хочется. Не знаю только, будутъ ли лишнія деньги... Теперь я пока посылаю тебѣ 25 руб. на именины. Я нарочно постарался скопить ихъ къ этому времени, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе и доказать, что я тебя помню. Анночкѣ тоже я хотѣлъ послать, да къ тому времени не было еще у меня денегъ... Впрочемъ, ты, если хочешь, и если нужно, можешь подѣлиться съ ней. Надѣюсь, что тетенька Варвара Васильевна не обидится этимъ... Прощай, моя милая Ниночка. Пиши ко мнѣ. Жаль, если ты не получила моего письма отъ 3 числа этого мѣсяца.

Твой братъ
Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

11 марта 1856 года.

Любезный Николенька!

Получила я отъ тебя два письма [1] и постараюсь оправдать себя въ молчаніи. Благодарю тебя, что ты меня не забылъ. День именинъ я провела въ кругу родныхъ; только тебя, мой другъ, не доставало къ моему удовольствію. Что вспоминать невозвратимое, надо пользоваться и тѣмъ, что осталось и чѣмъ Богъ благословилъ. Теперь скажу объ долгомъ моемъ молчаніи. Мнѣ хотѣлось увѣдомить тебя окончивши дѣла: Миша сговорилъ невѣсту и такъ неожидано и скоро. Въ субботу передъ масляницей ихъ благословили. Сосватали въ четыре дня. Семейство невѣсты тебѣ знакомо—Варвары Александровны Улыбашевой [2]) родная племянница, сирота, нѣтъ ни отца, ни матери; ее

---

[1]) Отъ 3 и отъ 29 февр.

[2]) Улыбашевы или, какъ писали свою фамилію носившіе ее, Улыбышевы, принадлежали къ высшему кругу нижегородскаго дворянства. Главою семейства былъ въ это время Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ, пользовавшійся тогда въ Европѣ извѣстностью, какъ писатель по исторіи музыки. Приводимъ статью о немъ, помѣщенную въ 12-мъ изданіи Conversations-Lexikon'a Брокгауза (1879).

„Улыбышевъ, Александръ Дмитріевичъ, по французскому правописанію Oulibicheff, извѣстный художественный критикъ, принадлежавшій къ фамиліи татарскаго происхожденія, родился въ 1791 году въ Нижегородской губерніи, учился въ нѣмецкихъ университетахъ и до 1831 года служилъ по министерству ино-

только привезли изъ Твери, гдѣ она воспитывалась въ пансіонѣ, какъ наша Катенька. Въ іюлѣ мѣсяцѣ она пріѣхала, и говорила Варвара Александровна съ одной помѣщицей нашей знакомой, которая по близости деревень имъ знакома, что она желаетъ поскорѣе пристроить племянницу, чтобы она не привыкла къ пышной жизни, не имѣя состоянія послѣ родителей; а та дама и сказала объ насъ очень лестные отзывы. Варварѣ Александровнѣ было очень пріятно найти въ насъ старыхъ знакомыхъ; когда было-пріѣхала [1]) въ городъ, не могла этого дѣла окончить, потому что два мѣсяца была въ Петербургѣ [2]), а невѣста въ это время гостила въ Семеновѣ у тетки Ольги Александровны; а возвратившись изъ Петербурга къ концу мясоѣда, не могла окончить до поста. Женихъ и невѣста другъ другу очень понравились; ее зовутъ Марьей Дмитріевной, отецъ ея служилъ стряпчимъ. Теперь я бываю у нихъ очень часто и Ниночку они такъ ласкаютъ; она была два раза въ театрѣ съ ними; и Ваня у нихъ бываетъ.—Вотъ какія заботы меня удержали тебѣ писать. Теперь поговоримъ о тебѣ. Ты пишешь, что даешь много уроковъ; прошу тебя, мой другъ, не изнуряй своего здоровья. Ты прислалъ Ниночкѣ денегъ; она покуда не имѣетъ нужды и пользуется еще тѣми деньгами, которыя ты оставилъ [3]),—надо благоразумно ихъ тратить, и ты

странныхъ дѣлъ. Потомъ, вышедши въ отставку, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ, совершенно посвятивъ себя изслѣдованіямъ по музыкѣ, которую страстно любилъ съ ранней молодости. Особенно предметомъ восторженнаго уваженія его былъ Моцартъ, о которомъ онъ написалъ обширный трудъ: Nouvelle biographie de Mozart, suivie d'un aperçu sur l'histoire générale de la musique et de l'analyse des principaux ouvrages de Mozart, 3 vols., Moscou, 1843 („Новая біографія Моцарта, съ прибавленіемъ очерка общей исторіи музыки и анализа главныхъ произведеній Моцарта, 3 тома, Москва 1843). Этотъ трудъ былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки (нѣмецкій переводъ изданъ въ 1847 г., Stuttgart, 1847) и доставилъ Улыбышеву очень обширную извѣстность геніальнаго художественнаго критика. Менѣе успѣха имѣла его книга Beethoven, ses critiques et ses glossateurs Leipzig, 1851 (Бетховенъ, его критики и его пояснители; нѣмецкій переводъ Бишофа, Leipzig, 1859). Улыбышевъ умеръ въ Нижнемъ Новгородѣ 5 февраля 1858".

День смерти обозначенъ, вѣроятно, по новому стилю: если такъ, то по нашему стилю это было 24 января.

Статья 12-таго изданія перепечатана въ послѣднемъ, 13-томъ изданіи Conversations-Lexikon'a (1887 г.) безъ всякихъ перемѣнъ, кромѣ того, что въ выраженіи „извѣстность геніальнаго художественнаго критика" выброшено слово „геніальнаго". Это показываетъ, что сужденія Улыбышева о произведеніяхъ Моцарта утратили свою авторитетность во мнѣніи спеціалистовъ по исторіи музыки, но что его трудъ сохраняетъ довольно большую важность для нихъ (иначе статья была бы выброшена или хотя сокращена въ новомъ изданіи „Лексикона").

Родъ Улыбышевыхъ имѣетъ фамилію, дѣйствительно показывающую татарское происхожденіе его: „Улыбышевъ"—или, какъ сохранилось въ мѣстномъ произношеніи, „Улыбашевъ",—это слегка передѣланное въ русскую форму татарское прозваніе улугъ-башъ „большеголовый". Но уже съ незапамятныхъ для мѣстнаго населенія временъ, Улыбышевы были чистыми русскими.

[1]) „Было" тутъ имѣетъ одно изъ тѣхъ разговорныхъ значеній, которыя не перешли въ литературный языкъ; „когда было пріѣхала" имѣетъ здѣсь такой смыслъ: „когда послѣ того, на короткое время пріѣхала".

[2]) То есть: скоро уѣхала въ Петербургъ и прожила тамъ два мѣсяца.

[3]) При отъѣздѣ въ Петербургъ, въ августѣ 1854,—то есть ужъ больше чѣмъ за полтора года до времени, когда писалось это письмо; денегъ не могло быть много; но пользовались ими очень бережливо.

не очень безпокойся. Повѣрь, что у ней все нужное есть, а излишняго я ее не пріучаю имѣть. Я очень и тому рада, что ты не имѣешь самъ нужды; а потому твое здоровье и окончаніе ученья больше принесутъ имъ пользы, чѣмъ [1]) ты теперь будешь убивать себя излишними трудами;— у тебя есть маленькіе братья, ты имъ заступишь мѣсто отца. Пріятно для меня, что ты такъ заботишься объ Нинночкѣ, но горько, что ты такъ много трудишься и не имѣешь свободной минуты; пожалуйста, побереги себя, труды не по силамъ погубили папашу вашего. Ты пишешь, что можетъ быть къ намъ пріѣдешь; какъ бы это было пріятно. Я съ нетерпѣніемъ буду льстить себя свиданіемъ съ тобою; дай Богъ, чтобы это исполнилось; и вотъ предметъ нужный—откладывать лишнюю копѣйку на проѣздъ и отдыхъ отъ твоихъ трудовъ. Какъ много найдешь перемѣны въ дѣтяхъ, какъ они всѣ выросли, ты оставилъ ихъ очень маленькими. Отъ Кати я получила въ одинъ день письмо [2]) съ твоимъ первымъ письмомъ и отвѣчала тогда же; она ничего не пишетъ объ здововьѣ своемъ. У насъ всѣ дѣти здоровы.

Прошу тебя, береги себя. Будь здоровъ и не забывай насъ.

Тетка твоя Фавста Благообразова.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 21 марта 1856*).

Мнѣ такъ нынѣ хлопотно, любезный мой Николай Александровичъ, что я только нынѣ, и то ужь въ Собраніи, рѣшился, наконецъ, отвѣчать на послѣднія три письма твои.

Ниночка гостила у насъ съ недѣлю, и я спрашивалъ ея откровеннаго признанія о своемъ житьѣ, и она мнѣ сказала, что ей такъ хорошо, что она бы и не желала покуда лучше жить.

Я тебѣ уже писалъ, что Володя гостилъ у меня и у Варвары Васильевны, гдѣ онъ и прожилъ до Великаго поста; а теперь живетъ у Мичуриныхъ. Ему, конечно, лучше бы было у родныхъ, но, покорясь необходимости, можно сказать, что и ему хорошо, и его любятъ.

Я былъ у князя [3]). Онъ меня утѣшилъ твоимъ хорошимъ здоровьемъ и успѣхами въ кондиціяхъ; а Ниночка сказывала женѣ, что ты ей прислалъ къ именинамъ 25 р. сер. Вотъ благодарю, все дѣло исправилъ: Фавста Васильевна тебя называетъ примѣрнымъ и рѣдкимъ братомъ, и очень тобой довольна.

Михайло Ивановичъ женится на родной племянницѣ Варвары Александровны Улыбышевой. Я думаю, что ты объ этомъ знаешь.

Деньги съ Трубецкихъ слѣдуетъ получить съ 1-го января; а по 1-е мая, считая по 43 р. 45½ коп., составится за четыре мѣсяца

---

[1]) Чѣмъ то, что ты теперь будешь.
[2]) То есть: получила письмо въ одинъ день съ твоимъ.
[3]) Трубецкаго, возвратившагося изъ Петербурга.

173 р. съ копѣйками; а изъ нихъ надобно заплатить мнѣ до 50 р. лѣснику, — — [1]). Впрочемъ, еще будутъ деньги, которыя получатся отъ жильцовъ флигеля; а на уплату въ Коммиссію [2]), вмѣсто 200 р., останется не болѣе 100 р.

Я хлопочу, но не знаю что будетъ, чтобы наняли флигель, когда явятся инженеры для постройки желѣзной дороги.

Деньги Тихановскому 100 р. сер. я всѣ уплатилъ еще въ февралѣ.

Жена моя тебѣ кланяется. Мы всѣ здоровы. Хотѣлось, чтобы ты пріѣхалъ на вакацію; но и хотѣлось бы, чтобы ты остался въ С.-Петербургѣ, чтобы ты или могъ скопить часть издержанныхъ на пути денегъ про черный день [3]), или прислалъ ихъ на покрытіе долговъ, а потомъ, чтобы своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга не разстроилъ своихъ кондицій, да и на время вакацій не лишился бы отъ нихъ значительнаго числа денегъ.

Прощай,—дѣлай, какъ знаешь; а мы будемъ хвалить твои дѣйствія. Ты теперь получаешь на всемъ гототомъ полторы тысячи ассигнаціями, а я получаю ихъ на всемъ своемъ и съ семействомъ: и все-таки имѣю небольшіе остатки. Береги деньги про черный день.

Твой доброжелатель В. Добролюбовъ.

21 марта 1856 г.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

Марта 24, 1856 г., С. П. б.

Сегодня я исповѣдывался и пріобщался святыхъ таинъ, любезная моя Тетенька Варвара Васильевна, и сегодня непремѣнно хочу писать къ Вамъ, чтобы хоть на этотъ разъ повѣрили Вы искренности моихъ словъ. Признаюсь, послѣднее Ваше письмо глубоко огорчило меня, стоило мнѣ много грусти. Тяжело было мнѣ перенести горькое впечатлѣніе отъ него и удержаться отъ того, чтобы ту же минуту сѣсть и написать на него рѣзкій, холодный отвѣтъ. Къ счастью, я переломилъ себя, и теперь, черезъ недѣлю, могу спокойно и мирно говорить съ Вами. Знаете ли, что̀ мнѣ всего грустнѣе? Это—Ваша неискренность. Я знаю, мой другъ, моя прошлая радость, моя постоянная заступница въ прежнія времена,—я знаю, милая Тетенька, что Вы не перестали любить меня. Я не повѣрилъ бы Вашей нелюбви, хотя бы всѣми возможными клятвами увѣряли меня въ этомъ. Можетъ быть, Вы сами хотите увѣрить себя, что не любите меня; но я очень хорошо знаю Ваши чувства. Представьте, если бы вдругъ пришли и сказали Вамъ, что я умеръ, или что за ослушаніе властямъ сосланъ въ Сибирь, въ каторжную работу, или что отъ чрезмѣрныхъ

---

[1]) Перечисляются платежи подрядчикамъ, содержавшимъ дворъ и домъ въ порядкѣ.

[2]) Строительную коммиссію.

[3]) То есть: чтобы могъ скопить часть тѣхъ денегъ, которыхъ стоила бы тебѣ поѣздка.

занятій ослѣпъ и не могу болѣе продолжать ученья,—право, Вы бы пожалѣли не менѣе, а можетъ быть, и поболѣе всякого другого, даже поплакали бы. Къ чему же принуждать себя, нарочно выказывать видъ холодности, сухости, насмѣшливости, когда я такъ просто, ребячески, по родному, истинно по родному обратился къ Вамъ. Ну, положимъ, Вы оскорбились непочтительностью моего тона: въ такомъ случаѣ Вамъ бы нужно только замѣтить мнѣ объ этомъ, опять-таки по родному и попросту; я бы съ благодарностью принялъ замѣчаніе и на другой разъ остерегся. Повѣрьте, Тетенька, что мои чувства всегда оставались къ Вамъ тѣ же, каковы были за три года передъ этимъ. Да навѣрное Вы и сами не думаете того, что́ написали,—будто знакомство съ *знатными* людьми заставило меня гордиться, и будто я стану смѣяться надъ Вашими письмами. И неужели Вы въ самомъ дѣлѣ по этой причинѣ не писали ко мнѣ слишкомъ полгода? Мнѣ стыдно и подумать объ этомъ, не только оправдываться противъ такихъ обвиненій. Скажу Вамъ только, что это мнѣ больно, горько, очень, очень горько... Отъ Васъ я никогда не могъ ожидать этого.

То же самое намѣреніе выдержать свой характеръ замѣтно и въ Вашемъ приглашеніи меня къ себѣ на каникулы. Я обратился къ Вамъ, прося Васъ сказать мнѣ откровенно, могу ли я надѣяться на пріютъ. Опять-таки я очень хорошо зналъ, и знаю, что Вы всегда будете мнѣ рады, что Вы меня не прогоните и незванаго; но я хотѣлъ знать, не обремeню ли, не стѣсню ли я Васъ... Вѣдь я теперь не знаю, какъ Вы живете: у Васъ новое помѣщеніе, новая жизнь, а Вы никогда мнѣ не описывали ея подробностей... Зачѣмъ же съ такимъ горделивымъ смиреніемъ говорите Вы мнѣ, что ежели *не погнушаюсь* и пр... Какъ будто бы я сталъ ужъ на такой высотѣ, что только во дворцѣ могу жить!.. Нѣтъ, Тетенька, если бы Вы знали, какъ я живу въ Институтѣ, Вы не сказали бы этого!..

Боюсь, что Вы опять разсердитесь на мое письмо и скажете: «ну вотъ, и правда, что мы не умѣемъ къ нему писемъ писать... Гдѣ ужъ намъ къ этакому ученому», и пр... Да, любезная Тетенька,—мы съ Вами такъ просты и добры, что, дѣйствительно, хитрить не умѣемъ, и ежели захотимъ прикинуться какъ нибудь, то мало въ насъ найдется искуства для этого. Но письмо простое, искреннее, написанное отъ сердца,—повѣрьте, что оно всегда для меня и для всякаго порядочнаго человѣка дороже и лучше самаго лучшаго свѣтскаго краснорѣчія. Ничего въ жизнь мою не читалъ я трогательнѣе, прекраснѣе и возвышеннѣе писемъ моей матери. Въ прежнее время я отъ души восхищался и Вашими письмами, равно какъ и письмами Фавсты Васильевны. Богъ знаетъ, съ чего Вамъ вздумалось такъ охладѣть ко мнѣ и прекратить переписку.

Простите меня, пожалуйста, ежели я опять не умѣлъ угодить Вамъ своимъ письмомъ. По крайней мѣрѣ, я старался высказать то, что дѣйствительно думаю и чувствую, ничего не скрывая отъ Васъ. Право, мы и то уже довольно обижены судьбою; она насъ гнала—гнала, и разлучала, и лишала нашихъ милыхъ, и повергала въ нищету... Чего ужъ съ нами не было!.. И къ этому еще прибавлять добровольныя неудовольствія, лишать себя и послѣдней отрады—дружныхъ, родныхъ

отношеній между собою, которыя одни только и остаются намъ въ утѣшеніе!.. Нѣтъ, тетенька, это жестоко—и для себя, и для другихъ. Повѣрьте мнѣ, самому какъ-то веселѣе и легче, когда нѣтъ на душѣ никакой непріязни и неудовольствія, особенно противъ близкихъ... Простите же меня, Тетенька, ежели я въ чемъ виноватъ передъ Вами, и помиримтесь...

Дяденькѣ [1]) я буду писать въ слѣдующемъ письмѣ (если Вы захотите, чтобы оно было). А теперь передаю мой почтительнѣйшій привѣтъ и поклонъ, и прошу молитвъ и благословенія родственнаго и священническаго.

Анночку мою, Сонечку и Машеньку [2]) хотѣлъ бы обнять и расцѣловать по-братски. Желаю имъ всѣмъ веселья и здоровья.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

25 марта 1856 г.

Милая моя, душенька моя тетенька (позвольте мнѣ такъ называть Васъ)! Въ какомъ я былъ восхищеніи, читая послѣднее письмо Ваше [3])! Какъ я радъ былъ Вашей радости, какъ былъ счастливъ Вашимъ счастьемъ!.. Наконецъ, судьба надъ нами сжалилась. Ваша необыкновенная материнская любовь, Ваше терпѣнье и труды вознаграждаются... Теперь Вы можете быть совершенно успокоены въ своемъ семействѣ: у Васъ будутъ сынъ, который Вамъ одолженъ теперь всѣмъ своимъ счастьемъ, и дочь, которая будетъ любить и благословлять Васъ за то счастье, которое, безъ сомнѣнія, найдетъ въ своемъ мужѣ. И какъ все это неожиданно, какъ непостижимо совершилось! Давно мы были знакомы съ Улыбышевыми; но кому же приходило въ голову, что въ этомъ семействѣ найдется невѣста для Михаила Ивановича? Еще недавно были они въ Петербургѣ, давали вечера музыкальные, на которыхъ бывали Галаховы и на которые и я могъ попасть, если бы захотѣлъ и если бы зналъ то, что случится. Во всякомъ случаѣ, это такая счастливая партія, лучше которой нечего желать, и которая порадовала меня такъ, какъ давно уже ничто не радовало. Скажите, эта воспитанница Александра Дмитріевича [4]) не сестра нашей старой знакомой — Дунечки (право, совѣстно,—но я никогда не зналъ и теперь не знаю, какъ ея отчество) и не похожа ли она на нее умомъ и характеромъ? Если похожа, то это—совершенное счастье, потому что лучше этого живаго, милаго, добраго, веселаго характера трудно и вообразить что нибудь. Если она [5]) еще въ Нижнемъ и если Вы ее увидите, то скажите ей,

---

[1]) Лукѣ Ивановичу.

[2]) Дочерей Варвары Васильевны.

[3]) Отъ 11 марта, съ извѣщеніемъ, что Михаилъ Ивановичъ женится на племянницѣ В. А. Улыбышевой.

[4]) Улыбышева.

[5]) Дунечка.

что я ее до сихъ поръ люблю, какъ радужное воспоминаніе счастливаго и незамѣтно промелькнувшаго дѣтства... Какъ будто вчерашній день представляется мнѣ та минута, когда она въ первый разъ явилась къ намъ въ голубомъ, коротенькомъ платьицѣ, съ открытой шеей, съ остриженными въ кружокъ волосами, падавшими ей на плечи и окинула всѣхъ насъ своимъ открытымъ, задушевно-веселымъ взглядомъ... Я помню, что она спросила меня, почти незамѣтно картавя, который часъ теперь; я помню, что побѣжалъ бѣгомъ въ другую комнату, посмотрѣлъ на часы и сказалъ ей,—она поблагодарила меня такъ мило, такъ просто,—и въ то время какъ будто солнце вышло изъ за тучи и освѣтило все такимъ радостнымъ, такимъ отраднымъ свѣтомъ. И все стало веселѣе и свѣтлѣе, и не только на это время, а на долго еще послѣ, когда Дунечка приходила къ намъ и распространяла веселье на всѣхъ лицахъ своими разсказами, играми, своимъ теплымъ, задушевнымъ смѣхомъ. Все это живо помню я, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло уже 9 или 10 лѣтъ... Напомните ей обо мнѣ, или по крайней мѣрѣ напишите мнѣ, что съ ней сдѣлалось, гдѣ и какъ она живетъ теперь... Во всякомъ случаѣ, если ее увидите, то перескажете ей все, что я пишу къ Вамъ: я нисколько не стыжусь этого ребяческаго, но глубокаго и чистаго чувства.

Теперь я до праздниковъ не буду писать къ Вамъ, потому что будетъ много работы. Одинъ изъ профессоровъ нашихъ ѣдетъ заграницу, и потому экзаменъ его будетъ у насъ на 6-й недѣлѣ поста, вмѣсто 15-го мая, какъ было назначено; поэтому, нужно готовиться и эту недѣлю и слѣдующую. Кромѣ того, и уроки мои тоже отнимаютъ довольно времени, хотя, конечно, не столько, чтобы можно было захворать, какъ Вы опасаетесь. Прогулка мнѣ необходима послѣ занятій, а уроки именно доставляютъ прогулку, потому что каждый день я прохожу версты 2—3, а иногда (если вздумается идти пѣшкомъ и *на* урокъ и *съ* урока) придется и 5—6 верстъ пройти. Это прекрасный моціонъ. Имѣя теперь 8 уроковъ въ недѣлю, я получаю 9 р. 50 к.,—отнимая изъ этой суммы 1 р. 50 к. на извозчиковъ, все-таки остается въ мѣсяцъ 32 руб. серебромъ. Этихъ денегъ такъ много, что, отложивши на проѣздъ въ Нижній [1]) рублей 60, я все-таки буду имѣть еще столько же лишнихъ до каникулъ. А можетъ быть еще напечатаютъ одно мое сочиненіе, которое я кончу въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, и за него дадутъ рублей 50—60 [2]) Наконецъ, можетъ быть, представится случай остаться у кого нибудь на урокахъ съ выгодными условіями: студенты наши берутъ отъ 100 до 150 рублей за каникулы. Если мнѣ удастся подобное мѣсто, то я, разумѣется, останусь; даже, можетъ быть, и на менѣе выгодныхъ условіяхъ соглашусь. Во всякомъ случаѣ, ѣхать, или не ѣхать мнѣ на каникулы, это еще рѣшитъ [3]) время и обстоятельства.

Поздравьте меня, милая Тетенька, съ принятіемъ святыхъ таинъ, совершившимся вчерашній день. Не знаю, говѣли ли Вы, но на вся-

[1]) На поѣздку туда, на проѣздъ туда и оттуда.

[2]) Николай Александровичъ говоритъ о своей статьѣ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“.

[3]) Недосмотръ, вмѣсто „рѣшатъ“.

кій случай спѣшу пожелать Вамъ мира и спокойствія душевнаго и здоровья тѣлеснаго, необходимыхъ для этого священнаго дѣла. Того же желаю и Ниночкѣ. Не пишу къ ней особо потому, что сейчасъ погасятъ огонь и я не успѣю дописать письма. Но Вы поцѣлуйте ее за меня и скажите, что я не могъ безъ особеннаго чувства читать ея простое, милое письмо. Даже слезы навернулись у меня на глазахъ. Я вѣрю, что она меня очень любитъ, какъ сестра. Напишите мнѣ и Вы, довольны ли Вы ей,—любитъ ли она Васъ, слушается ли, не огорчаетъ ли?.. Любитъ ли Ванечку? Напишите мнѣ вообще побольше, если только будетъ Вамъ время. Мнѣ такъ пріятно, такъ утѣшительно читать и перечитывать Ваши письма...

Что ко мнѣ не пишетъ давно Василій Ивановичъ? Я къ нему посылалъ уже два письма... И онъ не сердитъ ли, какъ тетенька Варвара Васильевна, которая, въ отвѣтъ на мою просьбу—дать мнѣ пріютъ у себя на каникулы,—отвѣчаетъ: «полноте, станете ли Вы у насъ жить? *Вы погнушаетесь* [1]) нами». Скажите, тетенька, неужели такъ говорятъ родные между собою?.. Вѣдь это значитъ прямо отказать мнѣ въ моей просьбѣ.... Я, впрочемъ, не сержусь, потому что хорошо знаю доброту Варвары Васильевны.

Н. Добролюбовъ.

(Приписка Михаилу Ивановичу).

25 марта 1856 г. С. П. Б. — 4 апрѣля 1856 года.

Спѣшу поздравить Васъ, Михаилъ Ивановичъ, съ радостью, о которой узналъ я нѣсколько дней тому назадъ изъ письма Вашей маменьки. Я порадовался отъ всей души, видя, что наконецъ Ваше положеніе прочно, счастливо и благородно устраивается судьбою. Лучшаго невозможно было желать, и намъ всѣмъ остается только радоваться за Васъ. Теперь, надѣюсь, Вы уже позабыли о тѣхъ письмахъ, которыя такъ странно поразили Васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, или, если помните, то смотрите на нихъ совсѣмъ иначе, нежели тогда. Слѣдовательно, поводовъ къ разрыву, ссорѣ или холодности между нами не существуетъ, и Вы, поэтому, не сочтете страннымъ или неприличнымъ, что я обратился къ Вамъ, какъ къ брату, съ моимъ искреннимъ, дружескимъ поздравленіемъ. Надѣюсь, что Вы не оттолкнете протянутую къ Вамъ руку примиренія и любви и примете миролюбиво мое душевное, горячее желаніе Вамъ всякаго добра и счастія надолго, надолго, или, лучше сказать, навсегда. Въ надеждѣ видѣться съ Вами мѣсяца черезъ три, а можетъ быть, поговорить съ Вами письменно и раньше (если Вамъ будетъ угодно),—остаюсь

готовый быть Вашимъ братомъ и другомъ

Николай Добролюбовъ.

---

[1]) Пренебрежете.

ПИСЬМО И. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

8 апрѣля 1856 г. С. П. Б.

Христосъ воскресе! моя милая Катенька. Вѣрно, когда получится въ Симбирскѣ это письмо, ты уже будешь праздновать пасху въ добромъ семействѣ Рудольфа Павловича. Поздравляю тебя съ этимъ праздникомъ, который мы, бывало, такъ весело проводили въ родномъ кругу, и желаю, чтобы ты вспомнила объ этомъ, какъ и я, для того, чтобы лучше оцѣнить настоящее свое положеніе. Теперь, конечно, не то, что было прежде: ужь нѣтъ у насъ любящихъ родителей, нѣтъ своего теплаго гнѣздушка; мы христосуемся издали и, посылая свое поздравленіе, еще не знаемъ навѣрное, дойдетъ ли оно... Но нужно помнить и то, мой милый другъ, Катенька, что наше положеніе еще не самое худшее на свѣтѣ. Есть бѣдняки, которые терпятъ несравненно больше насъ, которые, можетъ быть, завидуютъ и нашей долѣ... Ты теперь все-таки не безъ пріюта, все-таки не страдаешь отъ голода и холода, все-таки ты не одна брошена на произволъ судьбы, а пользуешься вниманіемъ и заботливою любовью превосходнаго, добраго семейства, въ которомъ, какъ ты сама пишешь, тебя любятъ, какъ родную. Кромѣ того, ты можешь утѣшаться еще и тѣмъ, что тамъ, далеко, за сотни и тысячи верстъ, есть еще люди, любящіе тебя нѣжно и горячо, люди близкіе тебѣ, твои родные. Утѣшься же, милая сестра моя, въ невозвратномъ прошедшемъ и постарайся оцѣнить настоящее. Это главное во всей нашей жизни, дорогой другъ мой. Вспомни, когда мы были еще малы, умѣли ли мы пользоваться тѣмъ счастьемъ, которымъ были окружены? Не ссорились ли мы съ сестрами, не огорчали ли маменьку, не оказывали ли равнодушія къ папенькѣ? Теперь жаль намъ, что мы не понимали своего счастья, что мы сами разстраивали и портили его... Такъ точно, черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ намъ жаль, можетъ быть, и нынѣшняго нашего положенія, если мы не съумѣемъ имъ воспользоваться. Плакать и вздыхать теперь уже напрасно, будить въ своемъ сердцѣ нарочно воспоминанія былаго счастья не для чего, потому что—что̀ прошло, уже не воротится. Лучше же будемъ думать, моя добрая, хорошенькая Катенька, о томъ, чтобы не испортить намъ стариннымъ горемъ настоящей радости; будемъ пользоваться настоящимъ и заботиться о будущемъ. Веселись же и празднуй беззаботно и свѣтло эту свѣтлую недѣлю,—а тамъ будетъ у тебя забота о твоемъ ученьи.

Я къ тебѣ очень, очень давно не писалъ, голубушка Катенька; но я знаю, ты на меня не будешь сердиться, и—вѣрно—тотчасъ повѣришь, когда я скажу тебѣ, что все-таки я тебя помнилъ, любилъ, заботился о тебѣ въ это время, какъ во всякое другое... Ты всегда любила меня особенно и, навѣрное, не разлюбила еще; поэтому-то я такъ и увѣренъ въ тебѣ.

Напиши мнѣ, моя милая сестрица, поправляешься ли ты, наконецъ, въ своемъ здоровьи и не нужно ли попросить преосвященнаго, чтобы онъ отправилъ тебя нынѣшней весной для леченья на Сергіевскія сѣрныя воды? Онъ такой добрый, что навѣрное не откажетъ, осо-

бенно если Рудольфъ Павловичъ попроситъ его, и я напомню ему его прошлогоднее обѣщаніе.

Передай, пожалуйста, мое глубочайшее почтеніе и благодарность Рудольфу Павловичу и Амаліи Богдановнѣ, и скажи, что единственно опасеніе надоѣсть имъ своими письмами (потому что я писалъ уже имъ нѣсколько разъ) удерживаетъ меня и на этотъ разъ отъ пріятной обязанности писать къ нимъ.

Я здѣсь живу очень хорошо, моя душечка, Катенька. Совершенно здоровъ, занимаюсь, какъ слѣдуетъ, даю много уроковъ и получаю деньги. Немножко и тебѣ посылаю, чтобы вѣрнѣе дошло письмо. Вѣрно эти деньги не будутъ для тебя лишними. Прощай, моя добрая, умная сестрица. Желаю веселиться на свѣтлой недѣлѣ...

Твой братъ Н. Добролюбовъ.

P. S. Письма для княгини Трубецкой не посылалъ я тебѣ, потому что узналъ, что она не ждетъ отъ тебя письма, зная о тебѣ все отъ Рудольфа Павловича и Амаліи Богдановны. На этотъ счетъ ты можешь успокоиться.

ПИСЬМО АННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ И ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 9 апр. 1856 г.*).

Христосъ воскресе! [1]).

Милый и любезный мой братецъ, поздравляю Васъ съ праздникомъ и желаю вамъ провести его весело. Благодарю Васъ за память и подарокъ, который я получила отъ Ниночки, 5 руб. сер. Зачѣмъ Вы, братецъ, лишаете себя, можетъ, чего нужнаго и намъ дѣлитесь деньгами; я всѣмъ довольна у дяденьки съ тетенькой. Ахъ, милый братецъ, какъ бы я была рада, когда бы Вы пріѣхали къ намъ, какъ мнѣ хочется повидаться съ Вами и поглядѣть на Васъ! Не сердитесь на меня, что я Вамъ такъ мало пишу. Цѣлую заочно Васъ нѣсколько разъ. Прощайте; остаюсь всегда любящая Васъ сестра Ваша

9 апрѣля.

Анна Добролюбова.

Христосъ воскресе!

Поздравляю тебя, милый Николенька, съ великимъ свѣтлымъ праздникомъ и желаю отъ души провести его тебѣ весело и спокойно. Ты писалъ ко мнѣ послѣ принятія св. таинъ и просилъ вѣрить чувствамъ твоимъ; и я готовлюсь говѣть на этой недѣлѣ, и прошу тебя тоже вѣрить моей любви и что я такая же, какъ и прежде, ненадолго сер-

---

[1]) Въ 1856 году 9-е апрѣля приходилось въ понедѣльникъ страстной недѣли; Анна Александровна и Варвара Васильевна начинаютъ пасхальнымъ привѣтствіемъ по счету времени, когда письмо получится Николаемъ Александровичемъ.

дита, и все люблю тебя по прежнему, и вовсе не думаю хитрить передъ тобою, въ чемъ ты подозрѣваешь меня, и даже не много смѣешься, будто бы я не умѣю это сдѣлать. Точно, признаюсь въ томъ, что я была сердита на тебя за то, что ты не хотѣлъ писать къ намъ такъ долго, потому что мы не отвѣчали на письмо твое; положимъ, что у тебя мало времени и много занятій, но все бы можно хотя не много черкнуть и лишній разъ противъ насъ. Мы не писали по случаю перевозки и устройства своего жилища и продажи дома, и не отвѣчали на твое письмо, а ты и осердился. Теперь хочу описать тебѣ нашу хату, болѣе назвать не знаю какъ: домъ не домъ, богадѣльня не богадѣльня, а такъ маленькій флигерчикъ, низенькій, возлѣ самой церкви, даже нѣтъ двора и воротъ, а прямо ходъ съ улицы въ сѣни чрезъ маленькую дверь. Помѣщеніе для насъ довольно: у насъ 5-ть комнатъ, а шестая вверху подъ колокольней, гдѣ и живутъ дѣти. Если можетъ это случиться—однако я не надѣюсь—что пріѣдешь къ намъ, то мы отдѣлимъ тебѣ комнату и будемъ очень, очень рады. Вотъ ты скажешь: опять стала тетенька писать мнѣ «ты». Но что дѣлать! Это какъ-то ближе къ сердцу и родсвеннѣе; я и Мишеньку [1]) такъ же зову и говорю «ты»; жениху бы не надо, да онъ и не сердится. Надѣюсь, что и тебѣ это не будетъ непріятно. Ахъ, милый Николенька, неужели ты съ своею ученостью разлюбилъ насъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть: человѣкъ чѣмъ умнѣе, тѣмъ долженъ быть добрѣе.—Но я заболталась; боюсь, чтобы ты опять не осердился на меня. Прости и не сердись на меня, если я что и лишнее написала. Лука Ивановичъ тебѣ кланяется и поздравляетъ съ праздникомъ, а писать ему некогда: извини его. Софья и Маша заочно цѣлуютъ тебя. Остаюсь л. т. В. К. [2]).

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 10 апрѣля 1856*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Письмо твое я получилъ 9 числа, а съ нимъ и деньги, которыя я, по совѣту съ Фавстой Васильевной и твоему уполномочію, распредѣлю такъ: Авксентію Васильевичу [3]) 25 р., и долгу [4]) болѣе не будетъ, Шапошникову 7 руб. за муку, взятую еще братцемъ; Анночкѣ на башмаки и прочее 3 р., Катенькѣ въ Симбирскъ послать для писемъ, иголъ, нитокъ и прочее 3 руб., а остальные 2 руб.—

---

[1]) Михаила Ивановича, который былъ много старше Николая Александровича.
[2]) Любящая тетка Варвара Колосовская.
[3]) Лебедеву, пономарю, который далъ нѣсколько денегъ въ заемъ Александру Ивановичу.
[4]) Ему.

куда придется. И затѣмъ приступаю къ отвѣту на твое письмо Я очень утѣшенъ полнотой твоего письма, и радъ, что я нечаянно послалъ тебѣ коротенькое письмо, послѣднее: оно тебя вызвало на подробности, а на прежнія большія ты мнѣ отвѣчалъ коротенькими. Благодарю тебя за хлопоты по долгу [1]): если ужь не будетъ пользы, по крайней мѣрѣ съ спокойнымъ духомъ можно послѣ сказать: мы все сдѣлали, что нужно было, и не мы виноваты въ томъ-то и проч.

Когда я прочиталъ твое письмо Фавстѣ Васильевнѣ и Михаилу Ивановичу, разумѣется выпустивъ слова, что другіе думаютъ сказать да скрываютъ,—они съ участіемъ жалѣли тебя и твои труды, и говорили, что ты напрасно такъ мучаешь себя для сестеръ, что у нихъ есть что дать въ приданое, и лучше бы тебѣ меньше имѣть кондицій и меньше присылать денегъ; а я имъ отвѣтилъ и тебѣ скажу то, что ты самъ думаешь, и значитъ скажу согласно твоему мнѣнію, что по смерти отца и матери ты теперь, какъ старшій, отецъ и мать всѣхъ сиротъ,—ты объ нихъ долженъ и обязанъ заботиться больше, нежели о себѣ, и трудиться для нихъ и присылать имъ изъ своихъ трудовыхъ въ безотчетное и безвозвратное ихъ владѣніе; лишь бы это не стоило тебѣ особенныхъ самопожертвованій; усталъ, такъ отдохнешь, а изнурился—брось одну кондицію. Ужь чего умнѣе, остаться въ Петербургѣ на вакаціи, если только не чувствуешь надобности въ подкрѣпленіи здоровья, а то надобно пріѣхать, тѣмъ болѣе, что, кромѣ свиданія и поправленія здоровья, ты сознакомишься обстоятельнѣе съ своимъ домомъ. Я только и виноватъ тѣмъ, что считая время по своему, насчиталъ, полагая по 35 рублей въ мѣсяцъ, 1500 руб., а никакъ не писалъ тебѣ того, что я не могу даже представить, куда ты дѣваешь кучу денегъ. Тратясь недавно на свой мундиръ съ приборами и пальтами, я точно также могу представить, что и ты, если захочешь подражать своимъ товарищамъ и вообще людямъ твоего положенія, можешь потратить на улучшеніе только одной одежи, часовъ и проч. всѣ получаемыя тобою деньги. Но я, зная духъ и нравственное направленіе нашего дома [2]), думалъ, что и ты поступишь съ своими доходами по своему душевному расположенію на добро, и прямо бы сказалъ тебѣ; но получивъ довольно грубое письмо твое,—4-е, передъ послѣдними тремя,—въ которомъ ты писалъ еще съ боку, что озябъ, и руки не пишутъ,—да можетъ быть и сердце, озлобленное неудачей какой нибудь, тоже озябло,—не рѣшился писать тебѣ, какъ сыну, брату, племяннику, другу, прямо: ты такъ-то и такъ-то поступи, а, желая тебѣ и всѣмъ вамъ всякаго улучшенія и всего полезнаго и хорошаго, въ коротенькомъ письмѣ своемъ, выставляя тебѣ положеніе вашихъ дѣлъ, указывалъ тебѣ, намекая и на полезное употребленіе трудовыхъ твоихъ денегъ. Конечно, чѣмъ больше денегъ, тѣмъ лучше; но если ты ихъ получишь отъ кондицій и 200 руб. сер. въ годъ, то и тутъ тебя можно назвать и примѣрнѣйшимъ, и преумнѣйшимъ; а если ты изъ этихъ трудовыхъ денегъ, не желая роскошничать, чтобы послѣ не

---

1) По дѣлу о сложеніи долга строительной коммиссіи.
2) Семейства.

тяготиться тебѣ и сестрамъ, перешлешь по назначенію на платье и для уплаты изъ этихъ денегъ долговъ, то ты почтешься не только благоразумнымъ и истиннымъ братомъ, но и благодѣтелемъ. Мы отъ тебя многаго не надѣемся (отвѣчаю по ходу твоего письма), но если что будетъ оставаться, то присылай,—утѣшишь меня и родныхъ сестеръ, и отца съ матерью, думаю, что и въ раю заботящихся о васъ и, особенно, молящихся объ тебѣ, какъ о старшинѣ всѣхъ сиротъ.

Иначе нельзя, чтобы не записать твои деньги въ шнуровую книгу полученными отъ тебя; а то какъ показать уплату долговъ извѣстныхъ Консисторіи; такъ, какъ сдѣлать?

Я теперь говѣю, а на Пасхѣ или, можетъ, раньше деньги заплачу, какъ назначено выше, съ роспискою въ книгѣ; а записывать погожу до твоего отвѣта. Но отчего не записать въ книгу?—и не обратятъ вниманія; книга же пойдетъ на ревизію въ 1857 году, въ январѣ.

Письма отдалъ Ф. А. и М. А. [1]), но Флегонтъ Алексѣичъ просилъ меня объ оказіи, и какъ будто опасается послать свое письмо, чтобы не прочитали: пожалуй, дескать, болтая ученый вздорецъ, и проговоришься о чемъ нибудь непозволенномъ. Но я ему послалъ повтореніе съ Митрофаномъ Ефимовичемъ, который здоровъ и благодаритъ тебя за память, и обѣщался писать тебѣ объ Иванѣ Алекс. Веселовскомъ. Всѣ здоровы наши, и тебѣ кланяются. Ниночка, когда я былъ у Фавсты Васильевны, была у Варвары Васильевны. Володю я вижу (на дворѣ катается на салазкахъ съ Пашенькой) и дома въ окно, а на пасхѣ пойду въ домъ; учится, но безъ учителя.

Приходъ съ 1-го января 1856 г.

Отъ прошлаго года осталось	18 р.	79	к.
Получено съ князя за квартиру по 1-е янв.	54 ›	36¾	›
Съ Терскаго за январь	6 ›	25	›
› › › февраль	6 ›	25	›
› › › мартъ.	6 ›	25	›
5 апрѣля съ князя съ 1 января 1856 г.	50 ›	—	›
	141 р.	90¾	к.
да твоихъ	40 ›	—	›
А всего теперь	181 р.	90¾	к.

Расходъ.

15 января А. В. Лебедеву	25 р.	—	к.
27 › Тихановскому	60 ›	—	›
4 февраля ему же	40 ›	—	›
Ольгѣ Аѳанасьевнѣ.	11 ›	10	›
А всего.	136 р.	10	к.

Остальными деньгами надобно удовлетворить еще — — [2]) и за лѣсъ; но это не твоя бѣда; какъ нибудь заплатимъ понемножку.

---

[1]) Флегонту Алексѣевичу и Михаилу Алексѣевичу.
[2]) Подрядчиковъ, поддерживавшихъ порядокъ на дворѣ и въ домѣ.

Княгиня хотѣла еще заплатить 50 р. Увѣдомь, платить или нѣтъ въ Коммиссію [1]). Первые сто рублей надобно было заплатить еще 28 января, а съ этого числа должны заплатить штрафъ по $^1/_2$ к. съ рубля, то есть за все 1 руб. 50 коп.

Прощай, мой милый Николай Александровичъ, будь здоровъ и веселъ. Елена тебѣ кланяется и поздравляетъ съ праздникомъ.

В. Добролюбовъ.

10 апрѣля 1856 г.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(*Начатое 25 марта, дописанное 18 апрѣля 1856*).

25 марта 1856.

Милый и дорогой братецъ Николенька!

Я хотѣла писать Вамъ вскорѣ послѣ моего послѣдняго письма, но никакъ было нельзя, оттого, что мы съ того же дня какъ послали письмо Вамъ, начали перебираться съ мѣста на мѣсто и теперь еще не разобрались хорошенько. У насъ сослали постояльцевъ изъ гостиной и отдѣлывали весь низъ; зало и гостиную оклеивали обоями, другія комнаты красили, и теперь еще красятъ окна и двери тамъ, гдѣ жили постояльцы [2]). Да еще тетенька, должно быть, простудились съ хлопотами-то и сдѣлались очень больны и цѣлую недѣлю лежали въ постели и теперь только стали поправляться. Отъ Катеньки мы получили письмо не очень давно; она пишетъ, что ей много стало легче и что у ней глаза почти ужь не болятъ. Я очень радуюсь этому; только боюсь, какъ бы ей отъ весенняго воздуха опять не стало хуже; вѣдь она тамъ, что ни живетъ, почти постоянно все хвораетъ. Анночка тоже часто бываетъ нездорова горломъ; но это я думаю оттого, что она не бережется; и вѣрно уже лѣтомъ не будетъ хворать. Изъ денегъ, присланныхъ мнѣ Вами, я дала ей пять рублей серебромъ. Я просила тетеньку, чтобъ онѣ позволили мнѣ дать ей хоть десять рублей; но онѣ нашли это ненужнымъ, оттого, что у Анночки есть почти все нужное. Шляпку ей тетенька В. [3]) купила на ярмаркѣ новенькую и очень хорошенькую, платья у ней есть; только не было бурнусу, но и его раздумали шить, а просто перешили старый и сдѣлали очень хорошенькую нынѣшнюю длинную тальмочку.

12 апрѣля 1856.

Милый и безцѣнный братецъ, какъ я виновата передъ Вами, не собравшись писать Вамъ столько времени. Пожалуйста, не сердитесь

---

[1]) Строительную коммиссію.

[2]) Это были приготовленія къ свадьбѣ Михаила Ивановича.

[3]) Варвара Васильевна.—(Хотя написано не В. В., а только одно В., но при одинаковости первыхъ буквъ имени и отчества, одна буква считалась обозначающей и имя и отчество).

на меня за это и простите меня: у меня очень много было работы и не было времени на письма. Я вчера исповѣдывалась, а нынче приобщалась Святыхъ Таинъ вмѣстѣ съ тетенькой и Михаиломъ Ивановичемъ и заочно прощалась съ Вами [1]). Я боюсь, не оскорбила ли я Васъ чѣмъ нибудь въ послѣднемъ письмѣ моемъ, Вы мнѣ ничего не пишете. Тетенька тоже мнѣ очень рѣдко даетъ читать Ваши къ ней письма; и признаюсь Вамъ, меня это очень огорчаетъ; знать, что получено письмо отъ брата, отъ милаго и безцѣннаго брата, и не имѣть удовольствія прочитать его,—меня это очень огорчаетъ. Я никогда не могу въ это время удержать слезъ; я всегда съ нетерпѣніемъ дожидаюсь того, какъ распечатаютъ письмо Ваше и прочитаютъ, и спрашиваю, нѣтъ ли ко мнѣ отъ Васъ хоть маленькой приписочки. Когда скажутъ мнѣ, что нѣтъ, то я всегда плачу; и потому прошу Васъ, милый мой братецъ Николенька, пожалуйста, если только Вамъ можно и если Вы меня любите, то приписывайте мнѣ хоть маленькую записочку, хоть нѣсколько словъ,—и это [2]) мнѣ доставитъ большое удовольствіе и утѣшеніе; меня, кажется, ничто такъ не радуетъ, какъ письма Ваши.

18 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Милый мой и дорогой братецъ, Христосъ Воскресе! Вы, я думаю, дожидаетесь письма отъ насъ; можетъ быть, думаете, что я не помню Васъ. Пожалуста, не думайте этого; я никогда не перестаю думать о Васъ, я люблю Васъ такъ сильно, какъ теперь, можетъ быть, Васъ никто не любитъ; я не могу никакъ Вамъ изъяснить моего чувства любви къ Вамъ и Вы не можете знать это. Ахъ, скоро ли я увижусь съ Вами,—о, тогда бы Вы узнали, какъ я люблю Васъ и вѣрно бы у насъ съ Вами тогда бы ничего не было тайною и мы бы поговорили съ Вами обо всемъ, обо всемъ. Я увѣрена, что Вы меня также очень любите. Я вчера была у дяденьки Василія Ивановича и читала письмо Ваше; Вы прислали ему своихъ трудовыхъ денегъ на уплату долговъ; мнѣ очень жаль Васъ,—Вы, можетъ быть, сколько положили трудовъ, доставая ихъ. О, еслибы былъ живъ папаша, онъ никогда бы Васъ не допустилъ до этого. Мнѣ кажется, дядюшка разговариваетъ Васъ пріѣзжать сюда,—пожалуйста, не слушайте его [3]): вѣдь

---

[1]) То есть: передъ причащеніемъ мысленно просила у Васъ прощенія, если въ чемъ виновата передъ Вами.

[2]) То есть: даже и записочка, состоящая лишь изъ нѣсколькихъ словъ.

[3]) Василій Ивановичъ не былъ скупъ; и ошибочна была мысль другихъ родныхъ, что онъ отклонялъ племянника отъ намѣренія пріѣхать въ Нижній на каникулы того года; Василій Ивановичъ только отвѣчалъ Николаю Александровичу, что находитъ основательными соображенія, по которымъ онъ отказался отъ этого намѣренія.—Подростающая дѣвушка не понимала, въ чемъ состоялъ главный мотивъ брата отбросить мысль о поѣздкѣ въ Нижній, чтобы пріобрѣсти побольше денегъ, оставаясь въ Петербургѣ: братъ заботился приготовить денегъ на приданое ей. Мѣсто было зачислено за нею; черезъ годъ ей должно было исполниться 16 лѣтъ; когда дѣвушка, за которой было зачислено отцовское мѣсто, достигала возраста, при которомъ дозволялось вступленіе въ бракъ, епархіаль-

Вы знаете, каковъ онъ. Онъ очень скупъ и, кажется, готовъ бы уморить Васъ, только были бы деньги. При двухъ тысячахъ 50 рублей не счетъ, [1]) мнѣ кажется, если бы и занять ихъ, а не только пріѣхать на свои собственныя. Прощайте, другъ мой.

Антонина Добролюбова.

(*Приписка на верхнихъ поляхъ страницъ*).

Простите меня, что я написала Вамъ такъ дурно, можетъ быть даже глупо; я писала Вамъ отъ чистаго сердца и не занималась сочиненіемъ [2]). Я хотѣла было оставить это письмо и написать Вамъ все новое; но оставила. Вы можете прочитать начало [3]) какъ давно полученное [4]) письмо, не будете знать что я пишу [5]).

Записка Михаила Ивановича, на отдѣльномъ лоскуткѣ бумаги, посланная въ одномъ конвертѣ съ этимъ письмомъ Антонины Александровны.

Прошу извиненія у Васъ, Николай Александровичъ, что я кромѣ этихъ немногихъ строкъ не могу теперь писать Вамъ. Письмо Ваше получилъ, и благодарю за память и Вашу радость о моемъ счастіи. Причина моего недосуга, можетъ быть, извѣстна Вамъ [6]), и какъ скоро устроюсь, долгомъ поставлю писать Вамъ.

Вашъ слуга
Мих. Благообразовъ.

19 апрѣля 1856 года.

ное начальство требовало, чтобы родные не медлили выдать ее замужъ. Пора было брату и Василію Ивановичу заботиться о приготовленіи денегъ на приданое Антонинѣ Александровнѣ.—О томъ, что получаетъ теперь много денегъ (за уроки), Николай Александровичъ писалъ Василію Ивановичу; Антонина Александровна забыла истинную цифру, какую слышала отъ Василія Ивановича, и нѣсколько преувеличила ее; Николай Александровичъ писалъ Василію Ивановичу, что получаетъ почти 1,500 р. (ассигнаціями), а не 2,000, какъ казалось теперь Антонинѣ Александровнѣ.

[1]) Тутъ смѣшанъ, по недоразумѣнію, счетъ на ассигнаціи со счетомъ на серебро. Расходы поѣздки въ Нижній Николай Александровичъ оцѣнивалъ въ 50 р. сер.; это составляло 175 р. на ассигнаціи; Антонина Александровна думала, что 50 рублей, о которыхъ слышала отъ Василія Ивановича, считаются тоже на ассигнаціи. Притомъ, она не знала, что главный разсчетъ не въ этомъ расходѣ, который представлялся ей меньше истинной величины, а въ томъ, что поѣздка въ Нижній отняла бы у Николая Александровича доходы его.

[2]) Дѣйствительно, письмо это писано (какъ и всѣ письма Антонины Александровны, да и всѣхъ родныхъ, писаны) прямо на-бѣло.

[3]) Написанное почти цѣлымъ мѣсяцемъ прежде конца.

[4]) Какъ давно отправленное, давнее письмо.

[5]) Разговорный оборотъ, замѣняющій условную форму глагола положительной. Смыслъ словъ: „Если бъ я бросила это письмо, замѣнила бы его новымъ, то Вы не узнали бы моихъ мыслей, высказанныхъ въ немъ“.

[6]) Эта причина—хлопоты по приготовленіямъ къ свадьбѣ. Понятно, что ссылка на нихъ лишь предлогъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

22 апрѣля 1856 года.

Любезный мой Николай Александровичъ — Христосъ Воскресе! Я медлилъ отвѣтомъ на Ваше письмо, затрудняясь сказать Вамъ что нибудь на вопросъ Вашъ объ отношеніяхъ Михаила Ивановича къ Вашему семейству; но какъ Вы, кажется, рѣшительно его ждете и даже спрашивали Василія Ивановича, отчего я не пишу къ Вамъ, если получилъ Ваше письмо, то я и рѣшился писать къ Вамъ неотложно. — Дѣло въ томъ, начну, что Михаилъ Ивановичъ весь нынѣшній годъ всего болѣе занятъ былъ и есть своей женитьбой и невѣстами, оттого, ему, пожалуй, хоть бы и не до другихъ, и некогда много думать и заботиться о Васъ, а приходится имѣть попеченіе о сестрѣ и братѣ Вашемъ всего болѣе Фавстѣ Васильевнѣ, что она, сказать по всей правдѣ, при всѣхъ хлопотахъ и непріятностяхъ, какія пришлось ей перенести изъ-за Михаила Ивановича, исполняетъ отлично. Впрочемъ, и Михаилъ Ивановичъ, когда бываетъ дома, смотритъ за Ниночкой и Ванечкой, наставляетъ ихъ, чему приведется наставить, и строго требуетъ исправности и аккуратности во всемъ, иногда приласкаетъ и потѣшитъ ихъ чѣмъ нибудь, особенно Ванечку, которому онъ шьетъ обновы и покупаетъ игрушки. Впрочемъ, Ниночку, кажется, менѣе долюбливаютъ, чѣмъ Ванечку, и причины этому, кажется, просты. Во-первыхъ, она уже не маленькая, сравнительно съ Ванечкой, а большой вѣдь часто менѣе возбуждаетъ къ себѣ сочувствія, чѣмъ малый; во-вторыхъ, она въ самомъ началѣ какъ-то не смогла (какъ съумѣла Катенька) приласкаться и побольше привязать къ себѣ, особенно Михаила Ивановича, по желанію коего почти все въ этомъ домѣ и дѣлается; главное же, кажется, то, что, особенно послѣдній годъ, въ своемъ домѣ она жила какъ-то свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ другія дѣти; оттого и по переходѣ ея къ Фавстѣ Васильевнѣ ей какъ-то трудно переломить себя и наравнѣ съ Ванечкой идти по той же стрункѣ.— — Впрочемъ, не пугайтесь: и Ниночкѣ и Ванечкѣ жить пока очень хорошо, и сиротамъ рѣдко выпадаетъ такое счастіе. Въ особенности трудъ и усердіе Фавсты Васильевны заслуживаютъ полную благодарность. Что касается до Васъ собственно, то Михаилъ Ивановичъ былъ недоволенъ Вами за письма Ваши къ г. Прутченко и къ нему;— — но послѣднее письмо Ваше къ нему примирило Васъ съ нимъ. Послѣдними письмами Вашими и Фавста Васильевна и Михаилъ Ивановичъ очень довольны. У Михаила Ивановича свадьба будетъ, кажется, въ слѣдующее воскресенье.

Изъ письма Вашего къ Фавстѣ Васильевнѣ я видѣлъ, что Вы просили пріюта у Варвары Васильевны въ случаѣ пріѣзда сюда на каникулы и получили отказъ; это, вѣроятно, произошло (самому мнѣ говорить съ нею не привелось) подъ вліяніемъ прежняго чувства неудовольствія на Вашу рѣдкую корреспонденцію съ своими родными; и если еще письмо напишете къ ней, то вѣрно и она заговоритъ иное. Если у ней, или у Фавсты Васильевны или у Василія Ивановича Вы найдете почему нибудь неудобнымъ остановиться, то милости

прошу ко мнѣ; я съ полнымъ удовольствіемъ всегда готовъ принять Васъ; а если можно будетъ, не мѣшало бы Вамъ и самимъ [1]) пріѣхать сюда хоть недѣли на двѣ.

Прошу, чтобы все, что я говорю и болтаю теперь съ Вами, осталось между нами двоими; я говорю такъ откровенно съ Вами по своимъ все прежнимъ отношеніямъ къ Вашему семейству и вполнѣ полагаюсь на Вашу скромность и аккуратность.

Всѣ сестры Ваши и братья пока живы и здоровы. Володя, я слышалъ, обѣдалъ на дняхъ у Владыки, который объ немъ заботится не мало.— — [2])

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

25 апрѣля 1856 г.

Сейчасъ получилъ письмо твое, душенька моя Ниночка, и спѣшу тебѣ отвѣчать, не медля ни минуты. Мнѣ было очень, очень грустно, что я неумышленно вводилъ тебя въ горе и слезы, не дѣлая особенныхъ приписокъ для тебя. Съ этихъ поръ всегда буду писать тебѣ, и не только въ письмахъ къ тетенькѣ Фавстѣ Васильевнѣ, а и въ письмахъ къ Василію Ивановичу и къ тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ. Прежде я не писалъ тебѣ особо единственно потому, что думалъ, что навѣрное тетенька даетъ тебѣ читать или сама прочитываетъ тебѣ мои письма. Я тамъ всегда говорилъ о тебѣ, и былъ увѣренъ, что тебѣ все равно—читать ли мои привѣты на отдѣльной бумажкѣ или въ общемъ письмѣ. Я никогда не могъ даже вообразить, чтобы тебѣ не давала тетенька моихъ писемъ... И теперь я рѣшительно не понимаю причины этого... Надо спросить тетеньку; можетъ быть, она и объяснитъ мнѣ это непостижимое для меня обстоятельство. Но утѣшься, моя красавица, голубушка Ниночка. Я все-таки по прежнему, и еще больше прежняго, люблю тебя; не думай, пожалуйста, чтобы твое письмо могло когда нибудь и чѣмъ нибудь оскорбить меня. Ты меня такъ любишь, что любовь твою вижу я въ каждомъ твоемъ словѣ, въ каждой строчкѣ письма твоего. Продолжай же меня радовать своими отвѣтами на мои спѣшныя записочки и будь со мной откровенна во всемъ. Повѣряй мнѣ свои чувства, пиши ко мнѣ по нѣскольку строчекъ хоть каждый день, а по окончаніи недѣли отсылай—хоть въ письмѣ тетеньки, или съ письмомъ Василія Ивановича. Мнѣ такъ пріятно читать твои милыя, безхитростныя письма, полныя такой любви, такого горячаго чувства... Правда, что ты еще мало выучилаеь писать, но я умѣю хорошо разбирать твою руку; не знаю, разбираешь ли ты мои каракули.—Ты жалѣешь обо мнѣ, моя милая Ниночка, и боишься, что я изнуряю себя трудами. Это совершенно

---

[1]) То есть: не только для Вашихъ сестеръ и братьевъ, но и для Васъ самого было бы полезно.

[2]) Слѣдуютъ извѣстія о новостяхъ и поклоны знакомыхъ.

напрасно. Я теперь гораздо здоровѣе и свѣжѣе, потому что покойнѣе духомъ. Я теперь каждый день засыпаю спокойно, увѣренный, что не безъ пользы провелъ его; я постоянно теперь полонъ счастливой увѣренности, что никому я не въ тягость и даже могу быть полезнымъ для другихъ... Это много придаетъ душевной бодрости, а вмѣстѣ съ ней приходитъ и здоровье. Труды же мои не Богъ знаетъ какіе. Я только долженъ передавать другимъ то, что самъ знаю. Это вѣдь особеннаго труда не составляетъ. Для меня же это очень полезно, потому что я, по своему назначенію, долженъ быть учителемъ гимназіи: теперь, давая уроки, я и пріучаюсь учить дѣтей, пріобрѣтаю навыкъ къ этому дѣлу. Значитъ, и для будущаго труды мои не пропадутъ. Ты говоришь, что если бы былъ живъ папаша, то онъ бы не допустилъ меня трудиться. Нѣтъ, мой другъ, папаша самъ весь вѣкъ трудился и, вѣрно, съ удовольствіемъ бы увидѣлъ, что и я (какъ онъ же во время своего ученья) сталъ добывать себѣ деньги трудомъ, еще до выхода изъ заведенія... Развѣ хорошо, моя душечка, быть тунеядцемъ и прожить весь вѣкъ, не принося пользы ни себѣ, ни людямъ?..

О пріѣздѣ моемъ въ Нижній напрасно ты заботишься; напрасно также думаешь, что Василій Ивановичъ меня отговариваетъ отъ этого. Напротивъ, милая сестра моя, онъ зоветъ меня, и ежели теперь тебѣ говоритъ, что пріѣзжать мнѣ не нужно, и дорого, и не зачѣмъ, то, вѣрно, потому, чтобы облегчить для тебя продолжительность разлуки, на которую снова мы обрекаемся, такъ какъ я Василію Ивановичу на отрѣзъ уже сказалъ, что не пріѣду. Тебѣ же я скажу, что еще можетъ быть и вздумаю пріѣхать, если казенный долгъ съ насъ снимутъ. Тогда мы много поправимся. Впрочемъ, я не отъ скупости не хочу доставить себѣ удовольствіе [1]) со всѣми вами, а главное вотъ почему. У меня предположено много дѣла на каникулы. Чтобы выполнить нѣкоторые планы въ будущемъ, я долженъ, во первыхъ, хорошо знать языки французскій и нѣмецкій. Французскій я знаю теперь такъ, что понимаю всякую книгу и всякій разговоръ, и немного побывъ съ французами, пріучусь говорить; но нѣмецкій еще я знаю мало, такъ что и книги читаю только съ лексикономъ. Въ эти вакаціи я хочу заняться нѣмецкимъ языкомъ, что будетъ очень удобно здѣсь, потому что у насъ много студентовъ и надзирателей нѣмцевъ. Въ учебное же время совсѣмъ некогда заниматься. Вотъ видишь ли, какое важное дѣло меня удерживаетъ. Кромѣ того, у меня здѣсь, если не будетъ уроковъ, то будетъ ученая работа, за которую могу я выработать рублей 100 серебромъ въ продолженіе каникулъ. Это, душенька моя Ниночка, деньги хорошія, и ихъ потерять было бы, право, совѣстно человѣку, который находится въ такомъ положеніи, какъ мы теперь, перебиваясь съ копѣйки на денежку. Отдохнуть, моя милая, всегда еще будетъ можно, а какъ съ-молоду излѣнишься, такъ никогда и не выучишься дѣлать что нибудь. Не безпокойся же обо мнѣ нисколько, моя душенька Ниночка, и повѣрь,

[1]) По недосмотру пропущено слово „видѣться“ или „повидаться“; слѣдуетъ читать: „удовольствіе повидаться со всѣми“.

что я тоже умѣю беречь себя. Постоянно имѣя деньги въ своихъ рукахъ, я и самъ себѣ могу болѣе доставлять удовольствій и удобствъ, чѣмъ въ прежней нищетѣ своей. Я теперь постоянно имѣю булки, и слѣдовательно каждый день сытъ, не смотря на скудость казеннаго обѣда; постоянно ведется у меня чай; калоши никогда не худы, сапоги—тоже; шинель не нужно мнѣ таскать одну и ту же лѣтомъ и зимою; являясь на урокъ или въ гости, не долженъ я прятаться отъ свѣта, чтобы скрыть заплатанные локти, какъ бывало прежде. Въ грязь и дождь (которые теперь вотъ уже цѣлый мѣсяцъ продолжаются здѣсь безпрерывно) я не долженъ шлендать пѣшкомъ, а всегда имѣю пятиалтынный, чтобы заплатить извозчику. Сапоги я теперь тоже не чищу самъ, потому что могу теперь нанимать на это солдата [1]). Иногда хожу въ театръ, покупаю нужныя книги. Все это меня интересуетъ, успокоиваетъ, придаетъ легкость и свѣжесть, такъ что я теперь совершенно здоровъ; и даже, можно сказать, былъ бы веселъ, если бы не безпокоили домашнія отношенія. Прежде я ничего не говорилъ о моемъ положеніи, а теперь, когда оно уже кончилось, мнѣ забавно вспомнить о немъ и я со смѣхомъ написалъ тебѣ всю эту страницу [2]).

Прощай, милая Ниночка. Люби тетеньку и слушайся по прежнему; кланяйся ей и Михаилу Ивановичу отъ меня и скажи, что не пишу къ нимъ, потому что не успѣю уже иначе отослать письмо сегодня. А тебѣ мнѣ хочется отвѣтить на милое письмо твое поскорѣе. Будь во всемъ откровенна съ тетенькой и не вздумай, пожалуйста, скрывать отъ нея что нибудь. Я тебя могу увѣрить, что скрытность есть основаніе и начало всѣхъ семейныхъ неудовольствій. Положи же себѣ за правило быть всегда откровенною и ничего не дѣлать такого, что бы нужно было скрывать отъ кого нибудь. Прощай. Безъ счета тебя цѣлую и обнимаю, тоже и Ваню.

Твой братъ [3]).

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

4 мая 1856 года.

Милый и безцѣнный братецъ!

Поздравляю Васъ съ наступающимъ днемъ Вашего ангела, желаю Вамъ провести его какъ можно веселѣе. Мнѣ очень жаль, милый братецъ, что я не могу ни чѣмъ подарить Васъ въ этотъ день, хотя желала бы это сдѣлать отъ всей души. Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Михаилъ Ивановичъ женился; 29 апрѣля была ихъ свадьба. Вечеромъ въ этотъ день меня послали къ тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ; у ней теперече гощу я и, можетъ быть, прогощу еще долго.

---

[1]) Сторожа, отставнаго солдата.

[2]) Начинающуюся тѣмъ, что теперь онъ постоянно имѣетъ булки.

[3]) Подпись имени не прибавлена, потому что не осталось мѣста для нея.

Еще, милый Николенька, я забыла написать Вамъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ, а болѣе не написала и потому, что недостало мѣста на бумагѣ, поклонъ отъ Бабкина А. Е. Онъ говорилъ со мною о Васъ еще на страстной недѣлѣ, спрашивалъ, здоровы ли Вы, какъ учитесь, скоро ли кончится ученье, часто ли пишете намъ и пріѣдете ли нынѣшнее лѣто; потомъ говорилъ мнѣ, что онъ давно Вамъ не посылалъ поклона и просилъ меня, чтобъ я непремѣнно, какъ только буду писать Вамъ, написала бы отъ него поклонъ.

На этой недѣлѣ умерла Переплетчикова, П. Ф., послѣ родовъ, и оставила несчастныхъ сиротъ восемь человѣкъ; я не могла удержать слезъ, когда услыхала это, и очень плакала.

Прощайте, милый и неоцѣненный братецъ; будьте здоровы и веселы и непремѣнно пріѣзжайте къ намъ на каникулы. Наплюйте пожалуйста на всѣ разсчеты: Вы можете пріѣздомъ своимъ, можетъ быть, принесть даже пользу, не только удовольствіе. Остаюсь любящая и съ нетерпѣніемъ желающая обнять Васъ сестра ваша

Антонина Добр.

(*Приписка Варвары Васильевны*).

И я хочу отъ всей души пожелать тебѣ здоровья, милый Николенька, и поздравить съ ангеломъ, хотя уже и придетъ къ тебѣ письмо послѣ именинъ; извини, что не прежде написала: загулялись на свадьбѣ и день за день просрочили долго. Мы всѣ, слава Богу, здоровы и веселы. Лука Ивановичъ тебѣ кланяется и поздравляетъ тебя тоже съ ангеломъ. Я слышала отъ Ниночки, что Василій Ивановичъ тебѣ не велитъ пріѣзжать къ намъ въ Нижній; не слушай его, пріѣзжай непремѣнно, повидайся съ нами, и можешь устроить дѣла болѣе, чѣмъ другой кто; всего горя не огорюешь, всего долгу не оплатишь, особенно своими трудами. Если есть возможность, то пріѣзжай: право, хочется поглядѣть на тебя. Остаюсь любящая

В. К.

(*Приписка Софьи Лукиничны*).

Милый и неоцѣненный мой братецъ, поздравляю Васъ съ ангеломъ и желаю Вамъ провести его весело. Теперь я провожу время очень весело, потому что у насъ гоститъ Ниночка. Прощайте, милый мой братецъ, будьте здоровы. Остаюсь сестра Ваша

Софья Колосовская.

(*Приписка Анны Александровны*).

Милый и неоцѣненный мой братецъ, поздравляю Васъ со днемъ Вашего ангела и желаю Вамъ провести его весело. Объ себѣ скажу Вамъ, что я, слава Богу, здорова; праздникъ провела очень весело. Машенька [1]) тоже кланяется Вамъ и поздравляетъ Васъ съ анге-

[1]) Младшая дочь Варвары Васильевны.

ломъ. Прощайте, милый братецъ; желаю Вамъ быть здоровымъ и проводить время весело. Остаюсь всегда любящая Васъ сестра Ваша

Анна Добролюбова.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ И АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(*Письмо Фавсты Васильевны, отъ 5 мая 1856*).

Любезный Николенька,

Христосъ воскресе!

Поздравляю тебя, мой милый, съ наступающимъ днемъ твоего ангела и желаю тебѣ провести его весело, много не грустить. Я тебѣ давно не писала, и теперь скажу, что у насъ 29 апрѣля была свадьба, и я все была этимъ озабочена и все занята домашними дѣлами, такъ что насилу ноги таскала. За недѣлю передъ свадьбой доставала бутыль съ полки большую съ уксусомъ и упала со стуломъ и разбила себѣ лицо, такъ что каждый день ѣздилъ докторъ и насилу могла поправиться и быть на свадьбѣ. Столъ былъ у Улыбышевыхъ, а ночевать пріѣхали домой. Семейство Трубецкихъ все было, а Пещурова была матерью у Машеньки. Она [1]) Варвары Александровны [2]) родной сестры дочь и жила въ Твери. А Авдотья Степановна—племянница Александра Дмитріевича [3]), она все еще въ дѣвицахъ и живетъ у нихъ; я ей сказывала, что ты ее не забылъ; ей это очень пріятно. Ниночка и Ваня ѣздили одѣвать невѣсту и потомъ съ ними въ церковь. Ниночка даже изъ церкви была у нихъ, ужинала и потомъ совсѣмъ пріѣхала домой и я ее отпустила къ Варенькѣ; она еще и теперь тамъ гоститъ — мнѣ не хотѣлось, чтобы она была у меня первые дни. Ты спрашиваешь, довольна ли я ей? Она немножко мнѣ не по характеру, очень любопытна и многоговорлива, во все вступается, обо всемъ судитъ. Такъ ее пять мѣсяцевъ послѣ мамаши испортили, что я ее не могу никакъ отъучить — — [4]) Къ работѣ я ее хорошо пріучила [5])—это меня утѣшаетъ — —. Отъ Кати получила я письмо вмѣстѣ съ твоимъ; она пишетъ, что ты ей прислалъ пять рублей—это очень хорошо; ей, можетъ, и нужны; но переходя къ Василію Ивановичу [6]), опять скажу, напрасно изнурять

---

[1]) Машенька.

[2]) Улыбышевой.

[3]) Улыбышева.

[4]) Дѣло въ томъ, что Антонина Александровна была ужъ разсудительной дѣвушкой, когда на 14-томъ году, по смерти отца, перешла жить къ Фавстѣ Васильевнѣ, а тетка считала ее ребенкомъ, и обращалась съ нею, какъ съ дѣвочкой. Она пять мѣсяцевъ была хозяйкой въ домѣ отца, привыкла судить самостоятельно, а Фавста Васильевна не умѣла понять, что по развитію разсудительности она не нуждается въ мелочныхъ наставленіяхъ, какими надобно руководить маленькихъ дѣтей.

[5]) Она еще при матери привыкла быть трудолюбивой; Фавста Васильевна обольщала себя, воображая, что племянница пріучена къ труду собственно ею.

[6]) То есть: переходя къ совѣту Василія Ивановича, чтобы ты отложилъ мысль

будешь себя: весь долгъ ты своими трудами не можешь оплатить, а только свое здоровье погубишь и не будешь полезенъ своему семейству. Ахъ, Николенька, съ какимъ нетерпѣніемъ я тебя желаю видѣть, какъ я тебѣ буду рада! Хотя ты и не хочешь у меня остановиться, но повѣрь, что ты мнѣ никогда въ тягость не будешь,— я тебя очень люблю. Не скажу, какъ твой дядя, что не ѣзди, а копи деньги и больше присылай; онъ боится, вѣрно, чтобы ты его не обременилъ [1]), но ты вѣрно этого не сдѣлаешь,— у тебя есть еще тетки, которыя тебя любятъ. Лиза здорова, недавно получила [2]) отъ Катерины Петровны [3]) письмо [4]). Володя также и Аннечка [5]). И Ванечка здоровъ, онъ заочно тебя цѣлуетъ — — [6]). У Василія Ивановича тесть умеръ и онъ теперь въ горѣ и хлопотахъ. Не сдѣлаетъ ли архіерей имъ милости — есть еще дочь невѣста [7]). Вотъ я тебѣ какъ написала и жалѣю, что дурно сдѣлала: это тебя можетъ огорчить, что я ссорюсь съ Ниночной объ Ванечкѣ [8]); повѣрь, если бы я ее не любила, то бы и не старалась исправить [9]).

Будь здоровъ и не забывай любящую тебя
тетку Фавсту Благообразову.

1856 года мая 5.

(*Письмо Антонины Александровны*).

6 мая 1856 г.

Сейчасъ получила я письмо Ваше, милый мой братъ Николенька; оно очень обрадовало меня; но, признаюсь, и очень огорчило то, что не такъ уже, какъ прежде, говорите о своемъ пріѣздѣ. Ахъ, лучше бы Вы и не говорили никогда, что Вы пріѣдете сюда, а то я ожидала и ожидаю Васъ всякую минуту. Я уже изнѣжила себя мыслью увидать скоро Васъ, переговорить съ Вами обо всемъ, спросить Васъ и сказать Вамъ. Я увѣрена, что Вы не скроете отъ меня ничего и что бы я ни сказала Вамъ, осталось [10]) никому неизвѣстнымъ. Я, при-

---

пріѣхать на каникулы въ Нижній. Фавста Васильевна, подобно Антонинѣ Александровнѣ, думала, что Николай Александровичъ отказался отъ этого намѣренія по совѣту Василія Ивановича.

[1]) Поселившись на каникулы у него. Предположеніе Фавсты Васильевны, что Василій Ивановичъ обременился бъ этимъ, совершенно ошибочно, какъ видимъ изъ писемъ его къ племяннику. Да и не было, ни у Николая Александровича мысли поселиться у Василія Ивановича, ни у Василія Ивановича мысли, что племянникъ имѣлъ ее.

[2]) Подразумѣвается: „я".

[3]) Захарьевой, у которой жила Лиза.

[4]) Письмо, говорящее, что Лиза здорова.

[5]) Здоровы.

[6]) Слѣдуютъ подробности о томъ, что Ваня держитъ себя очень мило.

[7]) То есть: не зачислитъ ли архіерей отцовское мѣсто за этою дочерью.

[8]) Она баловала Ванечку, Антонина Александровна старалась удерживать маленькаго брата отъ шалостей, Фавста Васильевна огорчалась и бранила Антонину Александровну за своего любимца.

[9]) Отъ недостатка потворства шалостямъ Вани, которыми восхищалась сама.

[10]) Пропущено по недосмотру „бы".

знаюсь, очень много мечтаю о Вашемъ пріѣздѣ; я думаю, какъ бы я Васъ тогда встрѣтила и гдѣ бы Вы ни были въ это время, я бы вездѣ была съ Вами, то есть гдѣ бы ни остановились, гдѣ бы Вы ни жили, потому что я сочла бы великимъ несчастіемъ знать, что Вы здѣсь, въ городѣ, и не видать Васъ по нѣскольку дней. Пожалуйста, милый, душечка, дорогой мой Николенька, если Вы только маломальски имѣете возможность и любите насъ, то не лишайте удовольствія и себя и насъ, увидать Васъ. Я уже давно жду Васъ и считаю время, скоро ли увижусь съ Вами, и теперь не могу себѣ представить безъ слезъ, что можетъ случиться то, что я и нынѣшнее лѣто не увижусь съ Вами. Еще разъ благодарю Васъ, милый другъ и братецъ мой, за письмо Ваше; оно доставило мнѣ много удовольствія; я очень люблю читать Ваши письма. Еще хотѣла писать Вамъ, но теперь не могу, слезы мѣшаютъ; можетъ быть, скоро буду опять писать Вамъ. О, если бы Вы знали, какъ я люблю Васъ; но я никакъ не могу въ письмѣ выразить Вамъ то, что я къ Вамъ чувствую. Прощайте, мой другъ; цѣлую Васъ несчетно разъ и остаюсь всегда много любящая Васъ А. Д.

Записка Михаила Ивановича на особомъ листкѣ. (Приложенная къ этому письму Фавсты Васильевны и Антонины Александровны).

Николай Александровичъ!

Все еще не могу собраться писать Вамъ много. Наконецъ я исполнилъ желаніе всѣхъ—я женатъ. Теперь доволенъ пока; что будетъ дальше, то увидимъ. Скажу Вамъ откровенно, что Вы на совѣты Василія Ивановича много не смотрите. Онъ Васъ разговариваетъ пріѣхать въ Нижній; пожалуйста не слушайтесь, разсчеты бросьте въ сторону. Вы много сдѣлаете хорошаго и полезнаго для дѣтей, если будете лично нынѣ въ каникулы. Я до тѣхъ поръ погожу говорить Вамъ свое мнѣніе [1]). Если же Вы рѣшительно откажетесь [2]), то тогда буду писать Вамъ обо всемъ.

Остаюсь Вашимъ слугою

Мих. Благообразовъ.

Моя жена Вамъ кланяется.

Вы насчетъ квартиры не думайте [3]): у насъ есть комната, которая уже назначена Вамъ, потому что мы увѣрены, что Вы захотите послушаться совѣта самаго положительнаго—быть въ Нижнемъ.

---

1) О томъ, что должно сдѣлать въ пользу сестеръ и братьевъ.
2) Пріѣхать въ Нижній.
3) Не затрудняйтесь.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

6 іюня 1856 г.

Любезнѣйшій Николай Александровичъ! Кажется мы съ тобой помирились [1]); теперь давай радоваться. Когда я дочиталъ [2]) до милости Государя [3]), былъ самъ не свой, и какъ на воздухѣ побѣжалъ удостовѣриться въ Строительную коммиссію. Тамъ еще не былъ конвертъ распечатанъ. Потомъ побѣжалъ къ Фавстѣ Васильевнѣ, тутъ была и Варвара Васильевна и невѣста наша, будущая попадья [4]); и всѣ мы радовались радостью великою, и благодарили тебя за великія хлопоты и умныя дѣла. Слава Богу, теперь не великъ долгъ [5]); одному Тихановскому 300 руб. сер., и больше никому. Каково? Ура!! Изъ письма моего, отъ 2 іюня [6]), ты видѣлъ, что архіерей зачислилъ для помощи семейству второе священническое мѣсто у Николы за Ниночкой. Покуда до совершеннолѣтія будутъ давать и половину дохода. Радость къ радости. Я теперь и за хлопоты при перестройкахъ и поправкахъ, впрочемъ, умѣренныхъ и необходимыхъ, примусь весело, хотя и будетъ мнѣ это тяжело, при поправкахъ и перестройкахъ по Собранію и по служебнымъ дѣламъ [7]); но все ни почемъ: другъ для друга, а Богъ за всѣхъ.

Вотъ подробности архіерейскихъ распоряженій: на мѣсто Василія Ивановича Сахарова изъ Москвы Ипполита Ивановича, на его мѣсто Якова Никитича, къ Николѣ [8]) Порфирія Асафовича, къ Покрову Асафа Егоровича, а Александра Павловича Тихомирова оставилъ у Николы на Гребешкѣ. Въ это-то время получено письмо Сербиновича [9]) о зачисленіи за Ниночкой мѣста, и вотъ ужасъ! Мой знакомый письмоводитель архіерея сказывалъ, что онъ такъ бѣсился, такъ былъ сердитъ и золъ, что никто не могъ являться къ нему; на письмѣ же написалъ: «по справкѣ отвѣчать. Отвѣтъ заготовить Василію Ивановичу Громову, гдѣ сказать, что князь Вяземскій былъ извѣщенъ чрезъ директора Сперанскаго: юноша Добролюбовъ много

---

1) Василій Ивановичъ говоритъ въ шутку „мы съ тобой помирились“ вмѣсто „я съ тобой помирился“—пересталъ сердиться на тебя (за прежнюю неаккуратность въ перепискѣ).

2) Въ письмѣ Николая Александровича, на которое отвѣчаетъ теперь.

3) О сложеніи долга Строительной коммиссіи.

4) Антонина Александровна, за которой было зачислено отцовское мѣсто.— „Она была тутъ“ значитъ: она была дома и сидѣла въ одной комнатѣ съ тетками, когда онъ вошелъ, такъ что съ самаго начала участвовала въ разговорѣ.

5) То есть, не великъ остатокъ долговъ.

6) Это письмо утратилось.

7) При множествѣ дѣлъ по службѣ.

8) Эта Никольская церковь и была та, при которой служилъ Александръ Ивановичъ и было зачислено теперь священническое мѣсто за Антониной Александровной. Полное оффиціальное названіе ея было Николаевская Верхнепосадская церковь. Другая Никольская церковь, находившаяся въ Нижнемъ, была отличаема отъ нея прибавкою „на Гребешкѣ“; объ этой церкви говорится у Василія Ивановича дальше.

9) Сербиновичъ былъ или управляющій канцеляріею Св. Синода или директоръ канцеляріи оберъ-прокурора; его письмо было передаваемымъ черезъ него въ формѣ частнаго сообщенія приказаніемъ: или Св. Синода или оберъ-прокурора (отъ имени Синода).

меня оскорблялъ и прежде и своихъ отца и мать поступленіемъ въ свѣтское заведеніе, а не въ духовную академію, куда онъ былъ принятъ по моему ходатайству». Хотѣлъ, вѣрно, поставить [1]) тебя непослушнымъ. На этомъ основаніи требовались отъ Павла Ивановича [2]), тайно отъ меня, приходъ и расходъ по дому, чтобы сказать, что дома велики и прочее. И, вѣроятно, потому и не принято отъ меня Павломъ Ивановичемъ подробнаго изложенія дѣлъ по дому и по положенію сиротъ; хотя я сильно настаивалъ на этомъ, и просилъ дозволенія объясниться и подать мою «саписку» [3]) Громову. Потомъ архіерей требуетъ дѣло или лучше письмо 1851 г. Бориса Ефимовича [4]), гдѣ онъ [5]) убѣждалъ его не опредѣлять къ Николѣ второго священника. Но въ это время Яковъ Никитичъ уже много наговорилъ ему дѣльнаго за свою обиду и подалъ просьбу о произведеніи и раскрытіи его несправедливыхъ дѣйствій, заставившихъ архіерея такъ хорошо возвысить его въ санъ протоіерея. На этомъ-то письмѣ и пишетъ: «хотя священникъ Ал. Добролюбовъ и не желалъ имѣть при себѣ второго мѣста, но нынѣ для поддержанія его семейства и согласно желанію еще предмѣстника моего преосвященнаго Іакова, я бы находилъ полезнымъ зачислить за его семействомъ при Никольской церкви второе священническое мѣсто». Это понимаешь; наконецъ, даетъ предложеніе о зачисленіи за Ниночкой мѣста, съ пріисканіемъ священника, который бы до ея совершеннолѣтія могъ исправлять требы съ полученіемъ изъ половины нѣкоей части [*]), и прежній отвѣтъ перемѣнивъ, велѣлъ отвѣчать [6]), что зачислилъ.

Хорошо, если по новому ходатайству князя не писали еще къ архіерею, а то опять взбѣсится. *Да, Яковъ Никитичъ*. Наконецъ, архіерей видитъ, что съ нимъ не сладишь, сталъ убѣждать его тѣмъ, что у Николы будетъ два священника, и что ему будетъ бѣднѣе, и что онъ его переведетъ, если макарьевскій климатъ ему не здоровъ, въ Ардатовъ, а ардатовскаго протоіерея, года два переведеннаго изъ Макарьева, опять въ Макарьевъ; въ Горбатовъ же священника изъ Ардатова Смирнова. Ты напиши архіерею благодарственную: годится впередъ. Да не позабудь поблагодарить за участіе всѣхъ, кто принималъ, хотя на словахъ, участіе въ твоемъ дѣлѣ, особенно Галахову, какъ лицо [7]), гдѣ ты началъ знать петербургскую знать. А я князя, княгиню [8]) и Галахова [9]) благодарилъ усерднѣйше за участіе.

---

[1]) Выставить.

[2]) Лебедева, одного изъ опекуновъ сестеръ и младшихъ братьевъ Николая Александровича.

[3]) „Саписку" вмѣсто „записку"—шутливое подражаніе косноязычному произношенію—быть можетъ, П. И. Лебедева.

[4]) Прутченко.

[5]) Борисъ Ефимовичъ.

[*]) Въ Консисторіи судятъ и рядятъ, кого послать на время исправлять требы, но еще не кончили; и поскольку давать этому священнику, а также сколько оставлять для сиротъ, такъ какъ архіерей написалъ темно. *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

[6]) Сербиновичу.

[7]) Наталью Алексѣевну, какъ хозяйку дома, гдѣ Николай Александровичъ познакомился съ вліятельными людьми, которые помогли успѣху его просьбы о сложеніи долга Строительной коммиссіи.

[8]) Трубецкихъ.

[9]) Сергѣя Павловича, который, какъ видно, пріѣзжалъ тогда по дѣламъ службы

Митрофанъ [1]) представлялъ къ князю Голицыну [2]) проекты объ устройствѣ ружей съ безпрерывной пальбой, о вытягиваніи ружей и объ устройствѣ пушекъ [3]). И его теперь вызываютъ въ Петербургъ на Сестрорѣцкій артиллерійскій заводъ. Проэкты его признали удовлетворительными и сказали, что онъ имѣетъ врожденный геній.

Жена моя здорова, тебѣ кланяется.

Пишетъ ко мнѣ маменька, чтобы я ей написалъ о положеніи дѣлъ вашихъ, объ тебѣ и о сиротахъ, и тебѣ проситъ кланяться и сказать, что она не нарадуется на тебя и твою заботливость о сестрахъ и братьяхъ;— это она говоритъ объ твоихъ деньгахъ, 65 руб., присланныхъ Ниночкѣ и мнѣ, и 5 рубляхъ Катенькѣ.

Прощай, мой милый. Спасибо тебѣ. Я такъ радъ, что не умѣю достойно выразить свою радость; а Ниночка... мы съ ней на радостяхъ цѣловались, цѣловались!

В. Добролюбовъ.

Не пріѣхать ли тебѣ? Вѣдь можно... Впрочемъ, какъ хочешь; а не мѣшало бы отдохнуть. Пріѣдешь же не на горе, а на радость.

ПИСЬМО Б. Е. ПРУТЧЕНКО.

Нижній, 10 іюня 1856 г.

Сегодня мы [4]) получили письмо Ваше, любезнѣйшій Николай Александровичъ. Вы писали 1 іюня; не знаю, отчего такъ замедлилось; а впрочемъ, оно всегда въ пору выраженіями добрыхъ чувствъ Вашихъ и радостнаго извѣстія объ успѣхахъ Вашихъ по Институту. Мы твердо увѣрены, что святыя молитвы Вашихъ родителей низводятъ на Васъ и семейство Ваше благословеніе Божіе; оно видимо въ покровительствѣ Александра Максимовича [5]), въ прощеніи долга, въ устройствѣ сестрицъ Вашихъ. Да, мы съ душевнымъ удовольствіемъ узнали здѣсь прежде письма Вашего, что долгъ на домѣ Вашемъ прощенъ. Къ этому добавляютъ о намѣреніи Владыки пристроить старшую сестру [6]) къ нашей Никольской церкви, въ предположеніи назначить будущаго ея мужа вторымъ священникомъ. Знаете ли, что у насъ уже другой священникъ? Вы помните того, кто поступилъ на

въ Нижній; онъ уѣхалъ ненадолго, и Наталья Алексѣевна оставалась въ Петербургѣ; потому благодарить лично ее долженъ былъ Николай Александровичъ.

[1]) Митрофанъ Ефимовичъ Лебедевъ, братъ Елены Ефимовны, жены Василія Ивановича.

[2]) Одному изъ высшихъ должностныхъ лицъ военнаго управленія, начальнику спеціальнаго учрежденія, занимавшагося дѣлами по улучшенію огнестрѣльнаго оружія.

[3]) М. Е. Лебедевъ, по любви къ техническимъ искусствамъ, занимался нѣкоторыми изъ нихъ, какъ самоучка. Онъ дѣйствительно былъ человѣкъ очень даровитый.

[4]) Онъ и Александра Максимовна.

[5]) Княжевича.

[6]) Подразумѣвается: „Вашу“.

мѣсто покойнаго Вашего батюшки? Сегодня посвящают его въ протоіереи и посылаютъ въ Ардатовъ. Никакія просьбы и убѣжденія не помогли [1]). Намъ дали отъ Покрова, бывшаго вторымъ, зятя Лебединскаго. Странно: для одного зятя перевели Іакова Милорадовскаго къ намъ, для другаго зятя переводятъ его въ Ардатовъ. Сперва назначенъ былъ въ Макарьевъ, но по нездоровью его перемѣнилъ на Ардатовъ. Ардатовскаго протопопа въ Макарьевѣ и еще нѣсколькихъ священниковъ перевелъ; словомъ, тасуетъ ихъ, какъ картами. Никто изъ нихъ не увѣренъ, встанетъ ли въ томъ приходѣ, въ которомъ легъ спать. Одинъ вздумалъ жаловаться Синоду; за то Владыка продержалъ его четыре года, не смотря на синодскіе указы о возвращеніи ему прежняго мѣста. Такое самовластіе, конечно, и у другихъ отбило охоту жаловаться. Говорятъ, однакожь, что онъ испугался высшаго настоянія о семействѣ Вашемъ, и отъ того объявилъ желаніе принять участіе въ судьбѣ старшей сестры Вашей; только я плохо вѣрю этой лисицѣ; для нея виноградъ—все кислый; одна надежда—на милосердіе Божіе. Я говорилъ съ опекуномъ Павломъ Ивановичемъ Лебедевымъ; онъ, повидимому, принимаетъ горячее участіе и, сколько въ силахъ, старается; да вѣдь Вы знаете нашего пашу-владыку; съ нимъ и самъ чортъ не справится. Будемъ молиться и надѣяться.

Изъ Симбирска отъ Катеньки получили на дняхъ письмо; видимо, умъ ея образуется. (Чуть было не вставилъ нынѣшнее любимое словцо: развивается). Она хвалится своимъ положеніемъ [2]) и добавляетъ, что для нея необходимо быть и лечиться на Сергіевскихъ водахъ, что одно хорошее семейство ѣдетъ туда и можетъ свезти ее съ собою и тамъ вмѣстѣ жить; но оно не богато и потому нужно заплатить. Однакожь не писала, сколько денегъ надобно. Кстати, отсюда отправляется знакомая Ваша Софья Алексѣевна Пальчикова. Моя жена тотчасъ съ нею переговорила, дала ей деньги и мы увѣрены, что Софья Алексѣевна на мѣстѣ въ Сергіевскѣ, или даже на пути, все устроитъ къ лучшему, чтобы Катенька могла получить пользу. Софья Алексѣевна совсѣмъ готова, и предполагала ѣхать на прошлой недѣлѣ, но пароходъ еще не являлся; коль скоро придетъ, тотчасъ отправится, чтобы не пропустить урочнаго для леченія времени. Ее провожаетъ князь Трубецкой: все знакомое для Катеньки; она, конечно, будетъ съ ними жить; они воротятъ ее въ Симбирскъ.

Было бы непростительно, еслибы Вы не порадовали насъ пріятнымъ извѣстіемъ объ аттестаціи профессоровъ; пожалуйста, не скромничайте съ нами и пишите все, что съ Вами бываетъ. Да, у насъ и у Васъ только и надежды на милость Господа Бога и на собственныя силы; тѣмъ пріятнѣе видѣть успѣхи и похвалу безъ всякихъ протекцій, добытые вѣрою и правдою. За то можемъ смѣло смотрѣть въ глаза всякому; хотя и невольно, а все-таки изъявляютъ уваже-

---

[1]) Василій Ивановичъ въ письмѣ отъ 6 іюня, говоритъ, какъ непріятно было этому священнику (Якову Никитичу) производство въ протоіерейскій санъ, соединенное съ перемѣщеніемъ въ Ардатовъ, то есть, съ разорительнымъ переселеніемъ.

[2]) То есть: хвалитъ свое положеніе, свою жизнь въ Институтѣ.

ніе. Зависть, это ужасное чувство, всегда явится противъ самостоятельныхъ людей; завистники хотятъ поставить въ уровень съ собою и похожи на лягушку, надувавшуюся, чтобы сравняться съ воломъ. Богъ съ ними; мы будемъ идти своею дорогою, указанною намъ Милосердымъ Господомъ Богомъ. Христосъ съ Вами, мой любезнѣйшій Николай Александровичъ. Жена моя искренно кланяется Вамъ, а я душевно Васъ обнимаю.

Всегда сердечно Васъ любящій Борисъ Прутченко.

На дняхъ я встрѣтилъ молодожена Безобразова [1]), съ женою и маленькимъ Вашимъ братцемъ; славный мальчикъ; они гуляли; малютка былъ въ плащѣ и мило одѣтъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ТУРЧАНИНОВУ.

1 августа. Получено въ Саратовѣ 11/VIII 1856.

Мы [2]) такъ долго ждали письма отъ тебя, мой милый Николай Петровичъ, что оно пришло наконецъ совершенно неожиданно. Можешь представить, какъ обрадовался ему я, и не одинъ я: всѣ наши друзья, существованія которыхъ ты не подозрѣвалъ въ Институтѣ [3]), тоже участвовали въ этой радости. Миша [4]), Львовъ, Буренинъ, Сциборскій—все это было и есть въ Главномъ Педагогическомъ и все это слушало съ видимымъ восхищеніемъ чтеніе твоего письма. Старшіе и младшіе учителя [5]) смотрѣли на нашу радость при этомъ случаѣ съ какимъ-то робкимъ изумленіемъ, не понимая, какъ наши серьезныя или злонасмѣшливыя физіономіи могли вдругъ принять выраженіе такого добродушнаго, дѣтскаго веселья и сердечнаго участія. Это изумленіе превратилось, конечно, въ нѣкотораго рода ужасъ, когда мы стали потомъ толковать о La Comtesse [6]) — —. Но чортъ съ

---

[1]) Шутливое выраженіе; новобрачнаго, Михаила Ивановича Благообразова, безобразничавшаго прежде, думавшаго вступить въ безобразный, безразсудный бракъ.

[2]) Оставшіеся въ Петербургѣ институтскіе друзья Турчанинова, уѣхавшаго на каникулы къ роднымъ въ Саратовъ.

[3]) О которыхъ ты не предполагалъ, что они останутся на каникулы жить въ Институтѣ.

[4]) Михаилъ Ивановичъ Шемановскій.

[5]) Студенты, окончившіе курсъ въ томъ году и получившіе званіе старшихъ или младшихъ учителей гимназіи, и остававшіеся до назначенія на должности жить въ Институтѣ; этотъ курсъ былъ послушенъ Давыдову; кружокъ друзей Добролюбова чуждался приверженцевъ директора, съ которымъ велъ борьбу Добролюбовъ.

[6]) Это передѣланная въ каламбуръ фамилія одного изъ бывшихъ воспитанниковъ Института; онъ служилъ тогда въ Саратовѣ, и Турчаниновъ, какъ видно, сообщалъ о немъ что нибудь смѣшное. Николай Александровичъ, читая письмо Турчанинова, прибавилъ анекдотъ, о наивности этого лица, слышанный имъ отъ одного изъ знакомыхъ.

ними, съ контессами и старшими учителями; у меня есть новости гораздо интереснѣе ихъ. Только не лѣнись читать. Всѣ онѣ относятся къ Главному Педагогическому.

Въ «Современникѣ» пропущена уже статейка о нашемъ послѣднемъ актѣ, наполненная самыми злокачественными выписками изъ него. Написана она въ такомъ духѣ, какъ напримѣръ статья о стихотвореніяхъ Растопчиной [1]), и разумѣется Бекетовъ [2]) ея не понялъ. Но Некрасовъ, боясь все-таки, что Давыдовъ будетъ жаловаться, спросилъ разрѣшенія у Щербатова [3]); тотъ сказалъ очень просто: «Да помилуйте, въ чемъ же вы затрудняетесь?—Печатайте смѣло; вѣдь это [4]) уже извѣстный негодяй»... Кому изъ своихъ пріятелей обязанъ Ванька [5]) этой рецензіей, тебѣ, конечно, не нужно говорить.

Между тѣмъ случилось и другое событіе. Кто-то изъ бывшаго пятаго курса [6]) настрочилъ письмо къ министру объ институтской администраціи. Письмо это было послано въ министерство; тамъ его распечаталъ дежурный чиновникъ, потомъ оно перешло по инстанціямъ къ столоначальнику, начальнику отдѣленія, директору департамента и проч. Наконецъ дошло оно до Авраама Сергѣича [7]), который, конечно, не зналъ, что ему и дѣлать въ этомъ случаѣ и рѣшился посовѣтоваться объ этомъ съ Давыдовымъ, вслѣдствіе чего и переслалъ ему письмо. Ванька созвалъ инспектора, Андрюшку [8]) и эконома, и тутъ началось чтеніе, при которомъ повторилась, говорятъ, сцена, завершающая «Ревизора», такъ какъ въ письмѣ всѣмъ досталось; Ванькѣ впрочемъ, судя по разсказамъ читавшихъ письмо, должно быть, всѣхъ меньше; инспекторъ названъ пѣшкой, Андрюшка хвостомъ директорскимъ, экономъ подлецомъ, какихъ свѣтъ не производилъ. Разумѣется, Ванькѣ не трудно было оправдаться противъ письма, написаннаго въ подобномъ духѣ, и въ заключеніе этого дѣла Авраамъ Сергѣичъ, говорятъ, расцѣловалъ его. Но по городу начали носиться смутные слухи о ревизіи въ Главномъ Педагогическомъ. Экономъ зазывалъ пятый курсъ

---

[1]) Статья объ Актѣ Главнаго Педагогическаго Института (напечатанная въ № 8 „Современника“ 1856 г.) принадлежала Николаю Александровичу. Она произвела большой шумъ.—Статья о стихотвореніяхъ графини Растопчиной, была написана тѣмъ сотрудникомъ „Современника“, который передалъ Некрасову статью Николая Александровича объ Актѣ. Н. П. Турчаниновъ былъ знакомъ съ этимъ литераторомъ. Сходство между статьями состояло въ томъ, что рѣзкая насмѣшка въ обѣихъ прикрыта формой утрированной похвалы.

[2]) Бывшій тогда цензоромъ „Современника“.

[3]) У князя Г. А. Щербатова, бывшаго тогда попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа и по этой должности предсѣдателемъ петербугскаго цензурнаго комитета.

[4]) Давыдовъ.

[5]) Такъ называлъ Давыдова кружокъ друзей Николая Александровича.

[6]) Изъ студентовъ Института, кончившихъ курсъ въ томъ году,—тѣхъ, которые прежде были названы старшими и младшими учителями.

[7]) Норова, министра народнаго просвѣщенія.

[8]) Этимъ именемъ друзья Добролюбова называли того институтскаго чиновника, который былъ помощникомъ Давыдова по надзору за благонравіемъ студентовъ. Это былъ особый чиновникъ, а не инспекторъ. Инспекторъ занимался наблюденіемъ только за учебной частью.

къ себѣ и поилъ виномъ— — [1]) и другихъ (названныхъ я самъ видѣлъ пьющими съ экономомъ, возлѣ его квартиры, подъ арками).

Между тѣмъ, случилось другое обстоятельство, которое я хотѣлъ бы тебѣ передать достойнымъ образомъ, но чувствую, что перо мое слишкомъ слабо для этого. Попытаюсь на простой лѣтописный разсказъ. Въ концѣ іюня послано было кѣмъ-то [2]) письмо къ Краевскому, въ которомъ просили его напечатать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе, что директоръ Главнаго Педагогическаго Института, членъ Ком. [3]) и пр. и пр., Иванъ Давыдовъ въ ночь съ 24 на 25 іюня высѣченъ студентами за то-то и за то-то. Краевскій, какъ истинный либералъ, продержалъ у себя это письмо недѣли три, разсказавши кое-кому его содержаніе, но потомъ, въ качествѣ вѣрноподданнаго, отправился съ письмомъ къ министру. Оказалось, что министръ тоже получилъ безъименное увѣдомленіе объ этомъ и молчалъ только, думая, что кромѣ его никто ничего не знаетъ. Теперь, видя, что ничего не скрыто отъ свѣта, онъ послалъ за Давыдовымъ и тутъ произошла картина, которую, конечно, легче вообразить, нежели описать, тѣмъ болѣе, что единственными ея свидѣтелями были вышепоименованныя два дѣйствующія лица. Чѣмъ все это дѣло кончилось между ними, осталось неразгаданной тайной. Но на другой день Ванька призвалъ старшихъ и младшихъ учителей и опять произошла сцена, которую я и могъ бы описать, да не хочу, потому что слишкомъ отвратительно. Въ тотъ же день учителя писали любовное письмо къ Давыдову; писаніе возложено было на N [4]), который совершенно простодушно началъ его (говорятъ) такъ: «Сегодня поутру Ваше Превосходительство изволили призвать насъ и объявить, что его Высокопревосходительству г. министру сдѣлалось извѣстнымъ, что Васъ высѣкли студенты Института; считаемъ долгомъ объяснить, что мы не только отказываемся отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но и признаемъ его низкимъ и презрѣннымъ» и т. д. Но кто-то изъ нихъ догадался, что это будетъ въ родѣ новой экзекуціи надъ Ванькой и потому Z [5]) написалъ другое письмо, въ которомъ увѣрялъ Ваньку, что его не только не сѣкли, но и не могли сѣчь, потому что всѣ студенты чрезвычайно къ нему привержены. Ванька съ письмомъ отправился къ министру, чтобы посрамить клевету.

Въ городѣ сильно поговариваютъ, что къ намъ директоромъ назначатъ Фишера [6]) (при чемъ Благовѣщенскій намѣренъ, по его словамъ, подать въ отставку!) Въ Институтѣ ждутъ ревизіи Вяземскаго и вслѣдствіе того, съ начала іюля наняли купальню и даютъ очень порядочный (сравнительно) столъ. И то выгода (конечно, не для директора и эконома).

Контессѣ своей можешь сказать, что если она не пріѣдетъ съ своими

[1]) Тутъ названы по фамиліямъ трое изъ студентовъ пятаго курса (т. е. кончившихъ курсъ).

[2]) Оно было написано и послано Николаемъ Александровичемъ.

[3]) То есть, какого-то комитета.

[4]) Тутъ названъ по фамиліи одинъ изъ студентовъ, которыхъ приглашалъ къ себѣ Давыдовъ.

[5]) Тутъ названъ по фамиліи другой студентъ того курса.

[6]) Профессора философіи въ Петербургскомъ университетѣ.

плаксивыми рожами сюда, то увидитъ шишъ...[1]) Многихъ изъ кончившихъ курсъ дѣйствительно послали за-границу—Европейской Россіи. Напримѣръ, N [2]) съ спокойной увѣренностью отправившійся въ— —[3]) и разгласившій тамъ, что онъ получилъ серебряную медаль и ѣдетъ слушать Якова Гримма,—онъ назначенъ учителемъ въ Иркутскъ. Подобная участь постигла и другихъ. Вреденъ [4]) въ домашніе учители. Только баронъ Розенъ, опредѣленный, кажется, въ Пензу, или Сызрань, или Сарепту,—что-то въ этомъ родѣ,—проситъ себѣ отпускъ за-границу на два года. Но это опять таки только на томъ основаніи, что у всякаго барона своя фантазія. Въ С.-Петербургѣ не получилъ мѣста никто, даже историческая кобыла... Классическій N N [5]) оставленъ безъ мѣста, при Институтѣ впредь до востребованія, и окончательно теперь смотритъ на человѣчество носомъ, а не глазами, безмѣрно возгордившись тѣмъ, что читаетъ корректуру собственнаго сочиненія, печатаемаго въ «Опытахъ трудовъ» и т. д. [6])

Наши студенты (которыхъ Андрюшка въ «Актѣ» перевелъ изъ третьяго прямо въ VI курсъ, вмѣсто IV: вотъ сближеніе-то... пятый, шестой) занимаются ералашью, что пріучаетъ ихъ къ лѣности, апатіи и тому подобнымъ гнуснымъ порокамъ. Принесъ я имъ отъ Срезневскаго «Кто виноватъ», и вотъ недѣли двѣ не могутъ прочитать его. Принесъ «Запутанное дѣло», [7]) и они не только не прочли, но еще потеряли его. Писать никто ни къ кому не хочетъ. Отъ Поржницкаго и Михайловскаго имѣемъ письма, въ которыхъ пишутъ, что имъ теперь гораздо лучше. Михайловскій пишетъ, что главный докторъ уволилъ его отъ должности фельдшера, и сказалъ, что пора ему обратиться къ прежнимъ занятіямъ. Сциборскій, по своей невинности, достойной лучшаго вѣка, потерялъ 10 рублей, назначавшихся для посылки N [8]). Ихъ нашелъ какой-то солдатъ и принесъ Сциборскому, который и далъ ему за это три рубля, доставивши намъ такимъ образомъ нѣсколько отрадныхъ мгновеній, при благородной мысли о честности неиспорченной русской натуры. У того же Сциборскаго завязалось знакомство съ Кошкиными, изъ котораго, впрочемъ, онъ, по своимъ дивнымъ качествамъ, не можетъ извлечь ни малѣйшей пользы. У того же Сциборскаго есть уроки по славянской филологіи (!)

---

[1]) Бывшій воспитанникъ Института, фамилію котораго передѣлывали въ это французское слово, надѣялся, кажется, что его отправятъ за-границу для приготовленія къ занятію профессорской каѳедры.

[2]) Опускаемъ фамилію этого бывшаго воспитанника Института.

[3]) Опускаемъ имя города, куда уѣхалъ онъ пожить съ родными въ ожиданіи отправленія за-границу для приготовленія къ занятію профессорской каѳедры.

[4]) Подразумѣвается: „поступилъ“.

[5]) Этотъ студентъ Института, кончившій курсъ въ томъ году, названъ по имени и отчеству; опускаемъ ихъ.

[6]) Полное заглавіе было, кажется, такое: „Опыты трудовъ воспитанниковъ Главнаго Педагогическаго Института“.

[7]) Повѣсть М. Е. Салтыкова, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ концѣ 1847 или началѣ 1848 года, надѣлавшую тогда большаго шума и продолжавшую возбуждать интересъ въ людяхъ молодого поколѣнія.

[8]) Находившемуся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ пріятелю того институтскаго кружка, къ которому принадлежали Б. И. Сциборскій, Н. П. Турчаниновъ и Николай Александровичъ.

на Черной рѣчкѣ, куда онъ ѣздитъ два раза въ недѣлю по 1 р. 25 к. за разъ. У того же Сциборскаго, наконецъ, явилась невѣдомая доселѣ способность получать шлемы въ ералаши и капоты въ пикетѣ. Способность эту онъ передаетъ каждому, кто садится играть его партнеромъ. Миша [1]) ѣздитъ къ Малоземовымъ [2]), Львовъ тоже получилъ уроки. Щегловъ живетъ въ Павловскѣ. Буренинъ переводитъ географію для Зуева. Янковскій и Янцевичъ прохаживаются. Янковскій занимается еще удивленіемъ тому, что есть ученые, занимающіеся славянскими нарѣчіями и не обращающіе исключительнаго вниманія на Польшу. Дивится, дивится цѣлые каникулы и все надивиться не можетъ.—О дѣлѣ Александровича министръ написалъ: «оставить безъ производства». Онъ теперь опять хлопочетъ у Вяземскаго. — — [3]) Здѣсь кстати сказать, что недавно двоихъ чиновниковъ изъ государственнаго контроля потребовали въ III-е отдѣленіе собственной [4]) за какіе-то стихи; начальство тотчасъ ихъ выгнало изъ службы. Прошло недѣли двѣ: къ нимъ [5]) справка о службѣ и поведеніи этихъ чиновниковъ. Начальникъ самодовольно отвѣчаетъ, что ихъ уже и нѣтъ у него на службѣ. Но вмѣсто похвалы, которой онъ, конечно ждалъ, ему сдѣлали выговоръ, а еще недѣли черезъ двѣ присланъ Высочайшій приказъ: считать ихъ *неуволенными*.

Теперь поговорю и о себѣ. Живу я въ 3-й линіи, напротивъ церкви Благовѣщенья, за Среднимъ проспектомъ, въ домѣ Добролюбова [6]), въ квартирѣ Срезневскаго. Это значитъ, что въ первыхъ числахъ іюля Срезневскій пріѣхалъ изъ Новгорода, перебрался на новую квартиру и опять уѣхалъ. Мнѣ предоставлено было, между прочимъ, разобрать и разставить его книги. Пока шла славянская филологія, я удивлялся богатству библіотеки его: книгъ чешскихъ, сербскихъ, болгарскихъ у него болѣе нежели я предполагалъ всего существующаго въ этихъ литературахъ. Но когда дѣло дошло до русской литературы, удивленіе мое уступило мѣсто ужасу; вообрази, нѣтъ не только Лермонтова, Кольцова (это еще было бы понятно) нѣтъ даже Карамзина (кромѣ конечно «Исторіи»), Державина, Ломоносова (опять кромѣ «Грамматики»). Пушкинъ и Гоголь есть только въ новыхъ изданіяхъ, слѣдовательно до прошедшаго года и ихъ не было!.. «Мертвыхъ Душъ» такъ и нѣтъ, и по одной роспискѣ, брошенной между книгами, видно, что онъ [7]) бралъ ихъ читать изъ академической библіотеки. Русскіе журналы, впрочемъ, есть всѣ и вѣроятно ихъ присылаютъ ему даромъ. Между прочимъ интересно то, что они (не подумай пожалуйста, что *они* относятся къ русскимъ журналамъ) занимаются списываніемъ разныхъ невинныхъ стихотвореній, которыми снабжаетъ ихъ извѣст-

---

[1]) М. И. Шемановскій.

[2]) Давать уроки ихъ сыну. Вѣроятно, они и теперь жили на дачѣ, какъ въ предъидущее лѣто, когда провелъ каникулы у нихъ на дачѣ Николай Александровичъ.

[3]) Тутъ передается, что одному изъ общихъ пріятелей, студенту петербургскаго университета, инспекторъ угрожалъ исключеніемъ изъ университета.

[4]) Пропущено слово „Канцеляріи“.

[5]) Разговорный оборотъ, вмѣсто: въ то учрежденіе, гдѣ служили они, приходитъ требованіе справки о службѣ и т. д.

[6]) Этотъ однофамилецъ не былъ родственникомъ Николаю Александровичу.

[7]) Срезневскій.

ный тебѣ ученый, Гильфердингъ (который пишетъ о своихъ статьяхъ къ Срезневскому: пришлите мнѣ 150 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ: ихъ полезно будетъ послать побольше въ Польшу и за границу). Тутъ есть и «Демонъ» и «На смерть Пушкина» и «Конь верховой» Крылова и «Новгородъ» Губера и «Русскому царю», и «Насильный бракъ» и не напечатанные стихи изъ «Саши»: все это видѣлъ я, переписанное женою Срезневскаго. Тутъ же, разумѣется, и отвѣтъ Филарета на стихотвореніе Пушкина: «Жизнь» и подобныя прелести. Самъ Срезневскій оказывается человѣкомъ весьма добродушнымъ и благороднымъ. Я даже думаю, что онъ былъ бы способенъ къ нѣкоторому образованію, если бы не имѣлъ такой сильной учености въ своемъ спеціальномъ занятіи и если бы въ сотняхъ своихъ статеекъ не находилъ точки опоры для своего невѣжества въ вопросахъ человѣческой науки. Факты его благородства и ума (факты неопровержимые) представлю въ послѣдствіи; теперь скажу только, что я убѣдился въ этомъ всего болѣе чрезъ сравненіе его съ N. A. [1]). Этотъ человѣкъ, будучи въ десять разъ глупѣе Срезневскаго, въ десять разъ больше о себѣ думаетъ и, слѣдовательно, къ образованію способенъ уже во сто разъ менѣе. Тутъ же [2]) встрѣтился еще съ глупою размазнею (но либераломъ) NB и съ пошлымъ дуракомъ во всей формѣ NC. Изъ порядочныхъ людей видѣлся раза два съ Островскимъ, который оказывается дѣйствительно порядочнымъ человѣкомъ и съ Ламанскимъ [3]), съ которымъ потомъ встрѣтился и у NN—— [4]). Я до сихъ поръ не могу различать время, когда сижу у него. Два раза долженъ былъ ночевать у него: до того досидѣлся. Одинъ разъ, зашедши къ нему въ одиннадцать часовъ утра, досидѣлъ до обѣда, обѣдалъ, и потомъ опять сидѣлъ до семи часовъ, и ушелъ только потому, что онъ сказалъ, что къ нему придутъ сейчасъ Пекарскій и Шишкины (съ которыми можно толковать развѣ о скандальныхъ анекдотахъ) [5])

---

[1]) Названа фамилія одного изъ профессоровъ Института.

[2]) У Срезневскаго, въ дни между первой и второй поѣздками его въ Новгородъ.

[3]) Владиміромъ Ивановичемъ Ламанскимъ, славянистомъ, въ то время еще молодымъ человѣкомъ.

[4]) Тутъ названъ по имени и отчеству одинъ изъ тогдашнихъ литераторовъ. Николай Александровичъ говоритъ, что находитъ разговоры съ нимъ занимательными.

[5]) Петръ Петровичъ Пекарскій (сдѣлавшійся впослѣдствіи академикомъ) и Іакинѳъ Ивановичъ Шишкинъ вели до того времени пустую жизнь; литераторъ, у котораго бывалъ Николай Александровичъ, смѣялся надъ ними за это и какая нибудь изъ его насмѣшекъ была ошибочно понята Николаемъ Александровичемъ въ томъ смыслѣ, что они и теперь неспособны ни къ какимъ разговорамъ, кромѣ пустыхъ. Нѣтъ, теперь они занимались исторіею старинной русской литературы и толковали все о ней. Съ тѣмъ литераторомъ жилъ его родственникъ, человѣкъ однихъ лѣтъ съ Пекарскимъ и Шишкинымъ, но ужъ заслужившій извѣстность, какъ изслѣдователь исторіи русской литературы. Они и бывали собственно у этого ученаго, чтобъ учиться изъ разговоровъ съ нимъ.. Литератору эти разговоры были скучны, были бы скучны и Николаю Александровичу; хозяинъ и посовѣтовалъ своему гостю уйти отъ предстоящей скуки. Продолжать при постороннихъ людяхъ разговоръ, интересный Николаю Александровичу, было невозможно. Литераторъ называлъ пустымъ разговоръ ожидаемыхъ гостей, только что начавшихъ ученыя занятія и потому требовавшихъ объясненія элементарныхъ фактовъ и понятій; онъ говорилъ, что они привыкли къ пустой жизни;

съ NN толкуемъ не только о литературѣ, но и о философіи, и я вспоминаю при этомъ какъ Станкевичъ и Герценъ учили Бѣлинскаго, Бѣлинскій—Некрасова, Грановскій—Забѣлина и т. п. Для меня, конечно, сравненіе было бы слишкомъ лестно, если бы я хотѣлъ тутъ себя сравнивать съ кѣмъ нибудь; но въ моемъ смыслѣ вся честь сравненія относится къ NN. Я бы тебѣ передалъ, конечно, все, что мы говорили, но ты самъ знаешь, что въ письмѣ это не такъ удобно. Я, наконецъ, доставилъ ему ту книгу, какой мы долго ждали, и онъ сказалъ мнѣ потомъ, что прочитавъ эту книгу и еще второй нумеръ журнала, издаваемаго тѣмъ же, онъ приходитъ къ мысли, что дѣйствительно авторъ человѣкъ весьма замѣчательный,—независимо отъ того, что мы его любимъ за идеи его [1]). Этотъ отзывъ меня, конечно, чрезвычайно порадовалъ, потому что оба эти человѣка для меня авторитеты. У NN, между прочимъ, познакомился я съ Сѣверцовымъ (т. е. не то, чтобы познакомился, а видѣлся и говорилъ); человѣкъ— — очень умный, хотя еще остались въ немъ нѣкоторые предразсудки. Тоже самое можно сказать и о другомъ братѣ [2]). Говорили мы и о Z... [3]) Я, разумѣется, хвалилъ его и предлагалъ [4]) его переводъ изъ Сентъ-Илера о Суезскомъ перешейкѣ. NN сказалъ, что нужно посмотрѣть, какова статья. Между тѣмъ, какъ узналъ я, Z пріискалъ какой то новый способъ сбыта для своей статьи, въ какой то политико-экономическій сборникъ. Я больше и не поминалъ о статьѣ.

Николай Александровичъ, какъ видно, подумалъ, что это порицаніе относится и къ настоящему, что они и теперь ведутъ только пустые разговоры; онъ ошибся: оно относилось лишь къ тому, что они, по прежней пустотѣ своей жизни, еще мало подготовлены къ ученой дѣятельности; но они усердно готовились къ ней. Пекарскій черезъ нѣсколько времени сталъ дѣльнымъ ученымъ; сталъ бы и Іакинѳъ Ивановичъ Шишкинъ, если бы не умеръ вскорѣ послѣ того, какъ началъ заниматься исторіею старинной русской литературы. Съ Іакинѳомъ Ивановичемъ бывалъ иногда его братъ, имя котораго было, кажется, Тимоѳей; это былъ очень серьезный человѣкъ и дѣльный юристъ.

[1]) Книга, о которой говоритъ Николай Александровичъ, была одна изъ написанныхъ Герценомъ за-границей, и кажется, именно Du Développement des idées revolutionnaires; второй нумеръ журнала — это былъ 2-й нумеръ „Колокола". Литераторъ, о которомъ говоритъ Николай Александровичъ, ужь имѣлъ тогда образъ мыслей, не совсѣмъ одинаковый съ понятіями Герцена, и сохраняя уваженіе къ нему, ужь не интересовался его новыми произведеніями. Видя, что Николай Александровичъ огорчается холодными отзывами о нихъ, этотъ литераторъ перешелъ отъ разъясненія причинъ своего недовольства нѣкоторыми понятіями Герцена къ похваламъ тому, что находитъ у него хорошимъ, и, между прочимъ, говорилъ о томъ, что высоко цѣнитъ его блестящій литературный талантъ, что собственно по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену. Это утѣшало Николая Александровича.

[2]) Это относится къ старшему изъ двухъ Сѣверцовыхъ, бывавшихъ у того литератора, Николаю Алексѣевичу, натуралисту, путешественнику по Азіи.—Другой братъ, почти ничего не писавшій, былъ тоже человѣкъ даровитый и очень начитанный. Имя его не можемъ припомнить съ достовѣрностью.

[3]) Здѣсь названа фамилія одного изъ товарищей Николая Александровича, съ которымъ онъ былъ очень друженъ въ началѣ своей институтской жизни, потомъ имѣлъ размолвку, а теперь разговаривалъ, какъ съ товарищемъ. При всей холодности своей къ нему, Николай Александровичъ, по памяти прежней дружбы, всячески старался быть ему полезенъ.

[4]) Для помѣщенія въ „Современникѣ"; тотъ литераторъ былъ знакомъ съ Некрасовымъ.

Z, между прочимъ, писалъ ко мнѣ, «черезъ Туръ, черезъ тебя или черезъ себя я познакомлюсь съ NN». Душевно желаю, чтобы сбылось послѣднее.

«Собесѣдникъ» [1]) напечатанъ въ этой книжкѣ [2]), но деньги получатся не ранѣе 20-го числа, слѣдовательно моя поѣздка домой не состоялась. Цензура пропустила все, но редакція выкинула нѣсколько строкъ изъ предисловія, по уваженію къ библіографамъ и еще уничтожила насмѣшку надъ Соловьевымъ, такъ какъ она хочетъ скоро помѣстить какую то статью Соловьева и потому онъ сдѣлался на нѣсколько мѣсяцевъ неприкосновеннымъ. Въ этомъ нумерѣ «Современника» печатаются превосходныя стихотворенія Некрасова. NN помѣстилъ критику описанія Кіевской губерніи Фундуклея. Замѣть также, когда будешь имѣть книжку Современника, и разборъ стихотвореній Огарева.

Н. Добролюбовъ.

Кланяйся А. Н. Пыпину [3]) и Ростиславу Сократовичу [4]). Кланяйся и Михалевскому [5]). Заходилъ я однажды къ Дурасову, но не засталъ его дома. Кельсіевъ пустился въ естествознаніе. N [6]) написалъ повѣсть—Mauvais genre, которой я не читалъ, но съ которой онъ носится, какъ курица съ яйцомъ. Сорокинъ уѣхалъ на уроки въ Новгородъ,—25 рублей за лѣто. Бордюговъ въ Петербургѣ, но мы его не видимъ, ибо онъ живетъ на Лахтѣ, гдѣ по словамъ исторіи Кайданова, «Петръ сильно простудился» и вслѣдствіе того умеръ. Гдѣ эта Лахта, объ этомъ я не имѣю ни малѣйшаго представленія.

Твои занятія и успѣхи съ братомъ меня очень радуютъ и я тебя съ ними поздравляю. Только—на что же ты и твои родные рѣшаетесь теперь? Напиши объ этомъ, а если лѣнь, то заставь писать братьевъ, для знакомства съ которыми я и рекомендуюсь (честь имѣю...) Но во всякомъ случаѣ еще письмо отъ тебя къ намъ должно быть. Прощай. Цѣлую тебя, написалъ бы если бы не боялся напомнить карамзинскую сентиментальность.

Георгій Амартолъ просто дуракъ, котораго издавать не стоитъ, а переписчики его—болваны, которыхъ совсѣмъ нѣтъ надобности сличать. Я жалѣю, что взялся тратить время на такое безплодное занятіе. Работа подвигается медленно, особенно потому, что съ начала іюля я имѣю девять уроковъ въ недѣлю.

---

[1]) То есть, статья Николая Александровича о „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова.

[2]) „Современника“.

[3]) Уѣхавшему изъ Петербурга въ Саратовъ навѣстить родныхъ.

[4]) Васильеву, родственнику того литератора, студенту медико-хирургической академіи, уѣхавшему въ Саратовъ къ роднымъ.

[5]) Студенту петербургскаго университета, товарищу Н. П. Турчанинова по гимназіи, ставшему другомъ его университетскихъ друзей.

[6]) Здѣсь названа фамилія одного изъ товарищей Николая Александровича по Институту.

ПИСЬМА ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКАГО.

1.

1 августа 1856. Новгородъ [1]).

Вотъ и еще письмо, добрѣйшій Николай Александровичъ; пишу его по поводу корректуръ «Извѣстій», [2]) при семъ посылаемыхъ.

Сдѣлайте милость, потрудитесь внимательно посмотрѣть, все ли такъ исправлено и вновь набрано, какъ есть въ моей корректурѣ.

Есть тамъ и важная приписка къ моей статейкѣ о помѣсячныхъ замѣткахъ. Если для нея мало будетъ мѣста, то можно выпустить и ссылку [3]) на Новгородскія лѣтописи. Можетъ быть, мнѣ удастся отыскать и еще что нибудь въ томъ же родѣ, но пока и это припоминаніе о солнечныхъ часахъ не только не лишне, а необходимо, какъ наблюденіе «очевидца».—За Ваши библіографическія замѣчанія сердечно благодаренъ. Особенно хорошо извлеченіе о жизни Челяковскаго.

При этомъ выпускѣ [4]) не будетъ Словаря Востокова, потому что двухъ листовъ мало, и при томъ у меня здѣсь нѣтъ всѣхъ моихъ пособій, необходимыхъ для держанія корректуры и поправокъ случайныхъ описокъ автора. О кое чемъ надо будетъ переговорить съ нимъ лично.

Вашимъ словомъ объ «Обзорѣ» преосвященнаго Филарета [5]) Вы меня тронули до глубины души. Ваша правда, что нельзя было довѣрять списку «Обзора», а провѣрять ссылки; но я могъ это дѣлать кое когда, урывками, а чаще не могъ, не только по недостатку времени, но и по недостатку пособій. Неисправности встрѣчались мнѣ не только въ томъ, что писано писцомъ, но въ припискахъ автора. Впрочемъ, утѣшился: все-таки неисправностей не можетъ быть много. Когда нибудь мы ихъ и поправимъ. Что же касается до Указателя, то поправить или лучше сказать передѣлать не трудно. Вы попросите Ф. Е. Нагеля [6]) и онъ прикажетъ Вамъ выдать экземпляръ. Я

---

[1]) Въ каникулы 1856 года Николай Александровичъ жилъ въ городской квартирѣ Измаила Ивановича, которому ужъ давно помогалъ въ ученыхъ работахъ. Измаилъ Ивановичъ, жившій лѣтомъ на дачѣ, проводилъ въ своей городской квартирѣ очень много времени, по надобностямъ занятій. На нѣкоторое время въ это лѣто онъ уѣхалъ въ Новгородъ, пересмотрѣть уцѣлѣвшія тамъ славянскія рукописи и обозрѣть древности. Изъ Новгорода онъ написалъ Николаю Александровичу нѣсколько писемъ; два изъ нихъ уцѣлѣли.

[2]) „Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи наукъ". Основателемъ и редакторомъ этого изданія былъ И. И. Срезневскій.

[3]) „Выпустить и ссылку";—это „и" заставляетъ полагать, что въ корректурѣ были отмѣчены строки, которыя можно выпустить, чтобъ освободить мѣсто для прибавляемой замѣтки, и было надписано, что Николаю Александровичу предоставляется выбрать, какія изъ нихъ надобно выбросить. Если жь и по исключеніи всѣхъ ихъ будетъ все-таки мало мѣста для новой замѣтки, то можно будетъ, говоритъ Срезневскій, „выпустить и ссылку" на Новгородскія лѣтописи.

[4]) „Извѣстій".

[5]) Филарета, архіепископа Черниговскаго, заслужившаго большую ученую известность своими трудами по исторіи русской церкви. Тотъ его трудъ, о которомъ идетъ рѣчь,—„Обзоръ русской богословской литературы".

[6]) Управлявшаго тогда типографіею Академіи Наукъ.

ему объ этомъ пишу. Если же онъ паче чаянія заупрямится, то у Севрюка есть корректурные листы. Къ Указателю авторовъ хорошо бы прибавить указатель сочиненій (что особенно важно для трудовъ безъименныхъ писателей): если Вы не будете прочь отъ этого, то да благо Вамъ будетъ. Этотъ указатель и напечатается, какъ Вашъ трудъ. Менѣе всего потеряется на него времени, если записывать факты каждый на отдѣльной строкѣ съ указаніемъ параграфа и страницы (гдѣ нужно) одинъ за другимъ въ-подрядъ на длинныхъ полоскахъ бумаги, съ одной стороны ихъ; потомъ разрѣзать эти полоски, отдѣляя фактъ отъ факта, и затѣмъ, приведя въ азбучный порядокъ, наклеить лоскутки на чистую бумагу крахмаломъ (который для этого умѣетъ варить Настасья [1]); она дастъ и кисть), смазывая крахмаломъ не лоскутки, а бумагу, на которой должны быть наклеены (это для тройной скорости). Послѣ можно, перечитывая, поправить что нужно для печати.

Ворочаюсь къ своей библіотекѣ. Вообразить себѣ не могу безъ ужаса, сколько Вамъ было хлопотъ съ этимъ хламомъ и благодарю Васъ и скорблю о потраченномъ Вами времени. Но какъ дѣло чуть не на исходѣ, а между тѣмъ Вы такъ добры, то я хочу просить Васъ и еще. Между шкафами, стоящими въ большомъ кабинетѣ, надо протянуть полки, т. е. окрашенныя доски съ передками подъ лакъ, положа ихъ на подставки (въ родѣ тѣхъ, какія есть на верхнихъ полкахъ въ маломъ кабинетѣ), а сверху наложить одну общую полоску карниза (у насъ есть и готовая, кромѣ той, которая для Катиной [2]) спальни). Сдѣлайте милость, поговорите со столяромъ, и если онъ возьметъ до 10 рублей, такъ закажите. Тогда разомъ прибавится много мѣста. Надобно только, чтобы сдѣлано было покрасивѣе, для того чтобы комната не испортилась, а украсилась. Я и этимъ Васъ безпокою, потому что мнѣ бы хотѣлось къ пріѣзду Катеньки убрать въ нашемъ жильѣ, какъ можно болѣе. Я не предполагаю остаться здѣсь болѣе двухъ недѣль, и воротясь, займусь окончаніемъ того, что руками Вашими и Елизаветы Григорьевны [3]) уже и безъ того почти кончено. А между тѣмъ попрошу Елизавету Григорьевну замѣнить мое мѣсто тутъ. Работы мнѣ здѣсь на годы, и потому я равнодушно уѣду, въ надеждѣ воротиться опять и въ мысли, что времени не потратилъ и не потрачу.

Душевно преданный И. Срезневскій.

2.

(*Написано черезъ нѣсколько дней послѣ перваго письма*).

Къ Вамъ, добрѣйшій Николай Александровичъ, пишу о книжныхъ шкафахъ [4а]). Мнѣ кажется, что всѣ они станутъ, кромѣ двухъ вы-

[1]) Служанка, остававшаяся въ городской квартирѣ Срезневскихъ.
[2]) Имя супруги Измаила Ивановича—Катерина Ѳедоровна.
[3]) Лизавета Григорьевна было, кажется, имя гувернантки Срезневскихъ.
[4а]) Это письмо было какъ будто продолженіемъ другаго, говорившаго тоже

соких и самаго маленькаго, что со спинкой, въ маленькомъ кабинетѣ, не заслоняя ни однихъ, ни другихъ дверей. Маленькій поставьте пока хоть въ передней, а два высокіе въ большомъ кабинетѣ (1, 2,) по угламъ [1]). Ихъ надо полировать и промежду ними [2]) накладныя полки, просто какъ доски, только разумѣется крашенныя и спереди полированныя. Это, впрочемъ, оставьте до моего пріѣзда. Только для маленькаго кабинета закажите верхнія наставки на полки простыя, какъ и тѣ, что есть для тройнаго шкафа, такъ какъ я Вамъ говорилъ: на нихъ можно помѣстить всѣ журналы. Въ большомъ кабинетѣ будетъ филологія съ литературой, а въ маломъ все остальное. Не помѣстятся развѣ только изданія ученыхъ обществъ и Академіи: это будетъ въ большомъ кабинетѣ. Въ маломъ же останутся оттиски, что во многихъ экземплярахъ.

Не знаю какъ и благодарить Васъ за Ваше доброе участіе.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ В. В. ЛАВРСКОМУ.

3 августа 1856 года.

Валеріанъ Викторовичъ!

Я рѣшаюсь вспомнить давно забытое время нашихъ радушныхъ, товарищескихъ бесѣдъ, и поправить вину долгаго молчанія. Я, конечно, не правъ, что столько времени не писалъ къ Вамъ, но всетаки я имѣю сильное оправданіе. Со мной, послѣ нашего послѣдняго свиданія [3]), случилось много такого, что совершенно отвлекло мое вниманіе отъ дружеской переписки. Вспомните нашъ послѣдній разговоръ [4]), въ которомъ я, по какой-то странной, вѣчно-неудовлетворяемой жаждѣ дѣятельности, желалъ поскорѣе «вступить въ жизнь», тогда какъ Вы изъявляли свое отвращеніе отъ этого скораго вступленія... На другой день послѣ этого разговора мое желаніе было исполнено самымъ ужаснымъ, самымъ непредвидѣннымъ образомъ... На моихъ рукахъ были домъ и сироты... И чтоже—этотъ горькій опытъ не заставилъ меня раскаяться въ своемъ желаніи. Тяжело, непривычно было сначала, долго было горько, и теперь еще все грустно, и теперь еще мнѣ новыя радости мысли и воли не могутъ замѣнить радостныхъ воспоминаній дѣтства, какъ той душѣ, у Лермонтова, которой

Пѣсенъ небесъ замѣнить не могли
Скучныя пѣсни земли. [5а])

объ устройствѣ квартиры и адресованнаго къ кому-то другому,—быть можетъ, къ Лизаветѣ Григорьевнѣ. (Срезневскіе въ это время переселились на новую квартиру; оттого-то и шла работа новой разстановки книгъ довольно большой библіотеки Измаила Ивановича).

[1]) На оборотѣ листа Измаилъ Ивановичъ начертилъ планъ своей новой квартиры и отмѣтилъ на немъ цифрами тѣ мѣста, о которыхъ говоритъ въ письмѣ.

[2]) По недосмотру пропущено слово „поставятся" или „положатся".

[3]) На каникулы 1854 года.

[4]) 5-го августа 1854, наканунѣ смерти Александра Ивановича.

[5а]) Опуская, по требованію хода рѣчи, союзъ „и", которымъ начинается первый цитируемый стихъ, Николай Александровичъ оставляетъ безъ замѣны опу-

Но мнѣ жаль моего мирнаго дѣтства только уже такъ, какъ Шиллеру—боговъ Греціи, какъ поэтамъ—золотого вѣка. Я нашелъ въ себѣ силы помириться съ своей личною участью: наслажденія труда замѣнили мнѣ былыя наслажденія лѣни, пріобрѣтенія мысли—увлеченія сердца, любовь человѣческая [1]—любовь родственную... Не знаю, не покажется ли Вамъ, что «говорю я хитро, непонятно»; [2] можетъ быть, мои простыя слова противорѣчатъ Вашей метафизической фразеологіи. Но, прошу Васъ, вспомните, что вѣдь я въ православной философіи не пошелъ дальше того, что́ имѣлъ неудовольствіе выслушать у Андрея Егоровича; а во всемъ, что я читалъ послѣ—находилъ діаметральную противуположность съ ученіемъ его, и вѣроятно, всѣхъ другихъ академическихъ философовъ; поэтому оставьте въ покоѣ мою терминологію и поймите слова мои просто, безъ высшихъ претензій и взглядовъ. Надѣюсь, впрочемъ, что Вы такъ не дѣлаете [3]), потому что и Вы, вѣроятно, измѣнились въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ... Какъ бы хотѣлъ я взглянуть на нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и поговорить съ ними!.. Что-то стало изъ этихъ мирныхъ овечекъ Христова стада? Во что-то превратились эти отверженныя козлища? Что-то и съ Вами сдѣлала Казанская Академія, въ которой на Васъ тоже, вѣроятно, надѣли цѣпи, только не золотыя, конечно, о какихъ Вы мнѣ писали по поводу моего вступленія въ Институтъ (мнѣ право жаль, что у меня такая длинная память). Утвердились ли Вы еще болѣе въ добродѣтели, проникли ли насквозь священнымъ девизомъ православія, самодержавія и народности, напитали ли душу свою вдоволь благоговѣйными размышленіями о томъ,— — [4]) и тому подобными— — важными для блага міра соображеніями? Дремлете ли Вы мирно подъ сѣнію всепримиряющей вѣры, или тлетворное дыханіе буйнаго Запада проникло и въ казанское убѣжище православія и, миновавъ стоглазыхъ аргусовъ, въ видѣ «Православнаго Собесѣдника» и пр., нарушило спокойный, безгрезный сонъ Вашъ? Душевно жалѣю, если такъ; но утѣшаюсь надеждою, что Вы крѣпки въ своихъ вѣрованіяхъ, что Ваша голова издавна заперта наглухо для пагубныхъ убѣжденій и Васъ не совратитъ съ Вашего пути ни Штраусъ, ни Бруно Бауэръ, ни самъ Фейербахъ, не говоря уже о какомъ нибудь Герценѣ или Бѣлинскомъ. Только въ этой увѣренности, предполагая въ Васъ всегдашнюю христіански-смиренную готовность къ прощенію ближняго, я рѣшился Вамъ написать эти строки.

Что касается до меня, то я доволенъ своею новою жизнью,—безъ надеждъ, безъ мечтаній, безъ обольщеній, но за то и безъ малодушнаго страха, безъ противорѣчій естественныхъ внушеній съ сверхъестественными запрещеніями. Я живу и работаю для себя, въ надеж-

---

скаемое слово „ей“, которымъ начинается второй стихъ; такимъ образомъ, размѣръ обоихъ стиховъ измѣняется одинаково, и сохраняется ритмъ, обыкновенно нарушаемый при подобномъ неполномъ цитированіи.

1) Любовь къ людямъ, къ человѣчеству.

2) Стихъ изъ „Саши“, Некрасова.

3) То есть, не находите дурными понятія, несогласныя съ семинарской метафизикой.

4) Слѣдуютъ примѣры того, какими вопросами занимаются въ академіяхъ.

дѣ, что мои труды могутъ пригодиться и другимъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ я все воевалъ съ старыми врагами, внутренними и внѣшними. Вышелъ я на бой безъ заносчивости, но и безъ трусости,—гордо и спокойно. Взглянулъ я прямо въ лицо этой загадочной жизни, и увидѣлъ, что она совсѣмъ не то, о чемъ твердили о. Паисій и преосвященный Іеремія. Нужно было идти противъ прежнихъ понятій и противъ тѣхъ, кто внушилъ ихъ. Я пошелъ сначала робко, осторожно, потомъ смѣлѣе, и наконецъ предъ моимъ холоднымъ упорствомъ склонились и пылкія мечты, и горячіе враги мои. Теперь я покоюсь на своихъ лаврахъ, зная, что не въ чемъ мнѣ упрекнуть себя, зная, что не упрекнутъ меня ни въ чемъ и тѣ, которыхъ мнѣніемъ и любовію дорожу я. Говорятъ, что мой путь смѣлой правды приведетъ меня когда нибудь къ погибели. Это очень можетъ быть; но я съумѣю погибнуть не даромъ. Слѣдовательно, и въ самой послѣдней крайности будетъ со мной мое всегдашнее, неотъемлемое утѣшеніе—что я трудился и жилъ не безъ пользы...

Впрочемъ, это еще очень далекая исторія. А теперь я хочу на нѣкоторое время возвратить себѣ память минувшаго, и надѣюсь, что Вы не откажетесь помочь мнѣ въ этомъ своимъ письмомъ. Бывало, я любилъ бесѣды съ Вами, не смотря на то, что мы часто кололи другъ друга и мнѣ даже, можетъ быть, доставалось болѣе. Неужели теперь отвернемся мы другъ отъ друга, только потому, что наши дороги разошлись немножко? По крайней мѣрѣ я совсѣмъ не хотѣлъ бы этого. Надѣюсь, что и Вы тоже. Пишите же ко мнѣ, Валеріанъ Викторовичъ, о Вашей жизни, ученіи, успѣхахъ, объ академіи, ея духовномъ устройствѣ, и пр.; о нашихъ товарищахъ, о которыхъ ничего не знаю, вотъ уже три года. Я бы самъ написалъ къ В. И. С., да не знаю, куда адресовать письмо. Въ Академію—боюсь писать: тамъ вы, вѣроятно, всѣ такъ заняты, что некогда и прочитать будетъ моего письма, не только отвѣчать на него. Вотъ и къ Вамъ [1]) я нарочно выбралъ каникулярное время, когда Вы не подавлены тяжестью возвышенныхъ размышленій и имѣете свободныя минуты для того, чтобы удѣлить время семинарскимъ воспоминаніямъ, которыхъ Вы (почему знать?) можетъ быть и стыдитесь. Но мнѣ пріятно думать, что Вы не стыдитесь меня, какъ человѣка, тоже въ свое время стыдившагося семинаріи, и только недавно понявшаго истинное ея значеніе,—конечно, отрицательное. Во всякомъ случаѣ я жду отъ Васъ письма, жду съ нетерпѣніемъ.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Пропущено по недосмотру слово „писать"—„вотъ и къ Вамъ писать я" и т. д.

ПИСЬМА Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ, МАРЬѢ ДМИТРІЕВНѢ, ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ [1]).

(*Письмо къ Михаилу Ивановичу*).

10 авг. 1856 г. 23 августа 1856 г. Въ Палатѣ.

Милостивый Государь!

Однако это очень пошло, Михаилъ Ивановичъ, что мы другъ друга мучимъ такимъ образомъ своими жеманствами. Какъ будто между нами произошло чортъ знаетъ что такое... Совсѣмъ нѣтъ: я никогда не переставалъ отдавать справедливость твоему отличному характеру и изъ послѣдняго письма твоего замѣтилъ, что и ты тоже не прочь *приписать мнѣ честь*, гдѣ только слѣдуетъ. Помиримся же, и будемъ по старому. У меня теперь и здѣсь довольно ссоръ; домашнія нужно покончить. Надѣюсь, что ты не откажешься забыть всѣ непріятности, бывшія между нами; я даже увѣренъ въ этомъ. Итакъ, разскажу тебѣ теперь просто, отчего я не пріѣхалъ. Послѣ твоего письма я долго думалъ объ этомъ и даже одно время совсѣмъ было рѣшился. Но тысячи причинъ удержали меня. Важнѣйшія—слѣдующія: 1) здѣсь я могъ въ это время заработать много денегъ, а 2) поѣхавши, долженъ былъ много издержать; 3) съ января еще я взялся приготовлять одного молодаго человѣка въ университетъ къ августу—и бросить его въ іюнѣ было бы очень неловко, не говоря уже о потерѣ денегъ; 4) съ весны тоже занялся я той работой сличенія рукописей, которой и теперь занимаюсь, и когда я говорилъ о своемъ отъѣздѣ профессору [2]), онъ былъ недоволенъ видимо, потому что дѣло изданія такимъ образомъ откладывалось еще на полгода (такъ какъ въ учебное время и въ полгода трудно было бы сдѣлать то, что я могъ сдѣлать въ каникулы); 5) самое важное: въ Нижнемъ я боялся перессориться со многими изъ благодѣтелей. Ты знаешь, что N. N. A. считаетъ себя благодѣтельницей за то, что обѣщала присылку холста Анночкѣ; N. N. B. тоже, за обѣдъ на похоронахъ; N. N. C. [3]) тоже, потому что кричалъ о подпискѣ, которой не собралъ; архіерей тоже, потому что далъ мѣсто по приказанію синода, и пр. и пр. Нужно было всѣмъ имъ кланяться въ ножки, цѣловать ручки, ласкаться по собачьи, увѣряя, что по гробъ имъ обязанъ, тогда какъ въ душѣ чувствуешь только невыносимое презрѣнье. А это для меня такъ тяжело теперь, что я готовъ откупиться отъ этого всѣмъ блаженствомъ будущей жизни. На будущій годъ другое дѣло: тогда я кончу курсъ и явлюсь уже человѣкомъ самостоятельнымъ, а не мальчикомъ... Можно тогда и дѣйствовать смѣлѣе; да многое и забудется тогда.

Прощай, передай пожалуйста письма и деньги по принадлежности.

---

[1]) Это письмо пролежало на почтѣ больше недѣли.

[2]) Срезневскому.

[3]) Лица, имена которыхъ замѣнены этими буквами N. N. A., N. N. B., N. N. C., разумѣется, не тѣ, которыя дѣйствительно имѣли право на благодарность Николая Александровича и получали отъ него выраженія ея.

(*Письмо къ Марьѣ Дмитріевнѣ*).

10 авг. 1856 г. Получено 26 августа [1]).

Добрая Марья Дмитріевна,

Позвольте мнѣ передать Вамъ черезъ руки Вашего мужа мой сердечный привѣтъ, привѣтъ человѣка, незнакомаго Вамъ, но уже имѣвшаго счастье узнать Васъ, хотя не лично, и близкаго тѣмъ, которые Вамъ близки. Не сочтите нескромностью моего безцеремоннаго обращенія къ Вамъ: я надѣюсь, что успѣю съ Вами познакомиться, когда пріѣду въ Нижній, какъ родной Вашей новой семьи; но я хотѣлъ бы ускорить для себя наслажденіе этимъ знакомствомъ и потому рѣшаюсь начать его письменно. Къ этому побуждаетъ меня еще и чувство искренней признательности къ Вамъ за Ваше дружеское участіе къ моей старшей сестрѣ и за попеченія о моемъ братѣ, которыя [2]) успѣли дойти и до меня. И эта самая любовь и участіе къ сестрѣ ободряютъ меня въ моей надеждѣ, что Вы не откажете въ частичкѣ того же участія и брату. Я такъ люблю ту семью, въ которую недавно вошли Вы, что не хотѣлъ бы оставаться чуждымъ ни одному изъ ея членовъ, въ особенности же тому, которому назначено украсить и осчастливить собою тихую жизнь этой мирной семьи. Я отъ души благословилъ тотъ часъ, въ который Вы вошли въ нее; мнѣ что-то говорило, что Вы несете съ собою счастіе, и я не ошибся. Именно со времени Вашего присутствія съ нами, начинаются благопріятныя событія въ нашемъ, столько несчастномъ до того, семействѣ. Я не суевѣренъ и не хочу произвести Васъ въ какую нибудь волшебницу Добраду; но все же я не могу не замѣтить этого добраго знака. Иногда и слѣпая, безжалостная природа умѣетъ щадить прекрасное: такъ она смирилась и передъ Вами, предоставляя Вамъ еще болѣе украсить своимъ явленіемъ радостную обстановку, въ которой застали Вы нашу семью. И Вамъ самимъ, конечно, будетъ пріятна эта радость, и со счастіемъ другихъ Вы съумѣете слить и собственное счастіе, въ наслажденіяхъ мирной семейной жизни, въ заботахъ о томъ, что мило и дорого Вашему сердцу. Дай Богъ, чтобы мнѣ пришлось самому насладиться прекрасной картиной этого домашняго счастія и отдохнуть отъ безпокойствъ моей хлопотливой, обязанной [3]) жизни въ родномъ семействѣ, среди тѣхъ людей, силу любви которыхъ Вы, конечно, въ полной мѣрѣ испытали уже на себѣ и достоинства которыхъ, навѣрно, успѣли уже оцѣнить.

Надѣюсь, что Вы примете благосклонно этотъ простой, искренній голосъ и знакомъ этой благосклонности да будетъ отвѣтъ Вашъ. А

---

[1]) Цифра 26 описка; слѣдуетъ читать 23; всѣ четыре письма были сложены въ одинъ конвертъ, который былъ полученъ Михаиломъ Ивановичемъ 23 августа.

[2]) То есть извѣстія о которыхъ (объ участіи и попеченіяхъ).

[3]) Проводимой мною въ подневольной обстановкѣ Института.

до тѣхъ поръ прошу Васъ объ одномъ: будьте по прежнему добры къ моей сестрѣ и ко всѣмъ *моимъ*.

Преданный Вамъ душевно

Николай Добролюбовъ.

(Письмо къ Фавстѣ Васильевнѣ).

10 августа 1856. С.П.Б.

Милая моя Тетенька! Вы—или ждете отъ меня обѣщаннаго письма, или сердиты на меня за долгое молчанье, а можетъ быть и то и другое. Но, клянусь Вамъ, добрая Тетенька, что совсѣмъ не имѣю свободнаго времени: работаю и работаю. Поселился я на каникулы у одного изъ своихъ профессоровъ [1]а) для того, чтобы удобнѣе заниматься сличеніемъ нѣсколькихъ древнихъ рукописей [2]), которыя теперь приготовляются къ изданію. Это работа тяжелая сама по себѣ; но кромѣ того, у меня еще на рукахъ корректуры сочиненій, выходящихъ подъ редакціей того же профессора Срезневскаго, а кромѣ того—уроки, которыхъ хоть не слишкомъ много теперь, но которые отнимаютъ много времени. Хочется сдѣлать все поскорѣе, и получше, и побольше, а оттого и боишься терять золотое время. Теперь, слава Богу, я знаю, что дома все, что можно было устроить, устроено, и надѣюсь, что Вы (да и никто) не станете обвинять меня въ равнодушіи и холодности къ роднымъ. Подавая прошеніе объ увольненіи меня изъ Института, я рисковалъ потерять очень многое, если бы меня дѣйствительно уволили; но и тогда я бы не сталъ раскаяваться, потому что зналъ бы, что это сдѣлано для пользы сестеръ и братьевъ. Не обвиняйте же меня и не наказывайте своимъ молчаніемъ, которое, признаюсь, тяжело для меня. Вѣроятно, Алеша Галаховъ передалъ Вамъ мое письмо, «Актъ Института» и свѣдѣнія обо мнѣ. Онъ Вамъ засвидѣтельствуетъ, что я даже къ нимъ почти совсѣмъ не ходилъ въ послѣднее время. Теперь мнѣ немножко свободнѣе, и я уже цѣлую недѣлю собирался писать къ Вамъ, да все ждалъ полученія денегъ. Но полученіе это все какъ-то не приходитъ. Изъ пяти мѣстъ мнѣ нужно получать теперь деньги, а между тѣмъ получилъ только изъ одного; остальныя всѣ [3]) къ концу августа... А между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы что нибудь купили на ярмаркѣ нашей будущей невѣстѣ [4])... И такъ какъ ярмарка проходитъ, то посылаю ей пока 25 руб.; скоро пришлю еще столько, а можетъ и больше, смотря по обстоятельствамъ. Напишите мнѣ, сколько ей опредѣлено изъ доходовъ отъ мѣста? Василій Ивановичъ тоже что-

---

[1]а) Измаила Ивановича Срезневскаго.

[2]) Рукописей перевода хроники Амартола.

[3]) Подразумѣвается „отсрочены“, то есть: уплата остальныхъ отложена до конца августа.

[4]) Антонинѣ Александровнѣ.

то лѣнится писать ко мнѣ. Вѣрно, все домашнія хлопоты
гини [1]) недѣлю тому назадъ... какое! еще въ концѣ ію
чалъ я письмо, и до сихъ поръ не отвѣчалъ. Она пишетъ
тила у Василія Ивановича. Поздравьте его отъ меня.

Я не знаю, когда мнѣ теперь пріѣхать въ Нижній. Зи
но много расходовъ: шубы, теплые сапоги, и пр. и пр. I
дороги, кажется, скверныя. На каникулы [2])—невозможно б
тому что нужно дожидаться здѣсь назначенія на мѣсто; б
го присутствія такое мѣсто дадутъ. что издохнешь, преж
него доѣдешь... А между тѣмъ побывать мнѣ въ Нижне
димо. Что бы мнѣ сдѣлать? Присовѣтуйте, пожалуйста; мо
на пасхѣ дороги и не такъ дурны, какъ это думается?..
бы видѣть Нину, Ваню, Володю, Анночку. И Лизу хотѣл
смотрѣть. Вѣдь ей ужъ третій годъ... Что она, ходитъ,
Знаетъ ли она, что у ней есть братья и сестры? Катен
лечится на водахъ. Я очень радъ, что преосвященный
забылъ исполнить даннаго мнѣ обѣщанія, что Александра
на и Борисъ Ефимовичъ оказали такое благодѣтельное
что Софья Алексѣевна поѣхала туда же. Это все случи
кстати.

Знаете, о чемъ я Васъ хочу попросить, моя душечка,
голубушка Тетенька? Я знаю, что Вы мнѣ не откажете.
что Вы меня очень любили когда-то. А эта просьба рѣши
меня составитъ утѣшеніе и счастіе, если Вы ее исполните.
душечка Тетенька? Обѣщайте, что исполните. Вотъ она, э
мнѣ хочется, чтобы хоть каждыя двѣ недѣли было пись
шего дома. Если Вамъ некогда, напишетъ Михаилъ Иван
Ниночка, или даже Марья Дмитріевна, къ которой я нар
для этого. Устройте такъ, чтобы каждое 15 и 1-ое число
ко мнѣ письмо, не смотря на мой отвѣтъ или неотвѣтъ
Вы меня утѣшили, если бы согласились на это. Мнѣ э
очень, очень хочется. И я буду Вамъ писать по возможн
хоть понемножку. Вѣдь всего десять мѣсяцевъ, значитъ
писемъ... Много ли же это?.. Я надѣюсь, милая Тетеньк
добры.

Мой искренній привѣтъ и поклонъ Михаилу Алексѣевич
кто меня помнитъ. Тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ и дяде
Ивановичу кланяюсь низко и прошу прощенія за мои про
торые скоро надѣюсь загладить длиннѣйшимъ, отчаяннымъ
только съ условіемъ, чтобы они не толковали его въ худу

(*Письмо къ Антонинѣ Александровнѣ*).

10 августа 1856 г.

Какъ я виноватъ передъ тобою, душечка Ниночка, в
виноватъ! Не писать столько времени—это очень непрос

[1]) Трубецкой.
[2]) Будущаго года.

мнѣ, и—тебѣ, моя дорогая Нинеточка! Да, душенька, тебѣ бы всетаки не мѣшало написать мнѣ хоть двѣ, три строчки. Ты знаешь, что я о тебѣ постоянно помню, и ежели не пишу, такъ потому, что не имѣю времени. А между тѣмъ, если писемъ слишкомъ долго нѣтъ, я тоже начинаю безпокоиться, впадаю въ мечтательность о томъ, что съ вами дѣлается, и это отнимаетъ у меня еще больше времени, чѣмъ письмо. Теперь я прошу тетеньку писать мнѣ постоянно два раза въ мѣсяцъ; попроси и ты, душенька, чтобы тетенька согласилась и напоминай потомъ каждый разъ, какъ будетъ приходить срокъ. Теперь мнѣ очень нужны письма твои, милая Ниночка. Не видя тебя, я хоть буду говорить съ тобой... Теперь и тебѣ будетъ полезно говорить со мною. Только, если ты меня любишь хоть сколько нибудь (слышишь: хоть сколько нибудь), то не пиши мнѣ *Вы* въ письмахъ: мнѣ это тяжело, и непріятно, и горько. Если еще разъ будешь ты называть меня *Вы* — это будетъ значить, что стараешься сдѣлать мнѣ непріятность. Скажи то же и Анночкѣ. Помни же это, душенька, не забудь же просьбы твоего брата. Если ты будешь писать мнѣ *Вы*, и я тоже буду называть тебя *Вы*: неужели это будетъ тебѣ пріятно? Вспомни, что прежде, пока я не уѣхалъ, мы всѣ говорили *ты* другъ другу, и какъ это хорошо было. Пиши же ко мнѣ откровенно и свободно, моя милая. Я надѣюсь, что ты помнишь мои совѣты, и особенно совѣтъ быть какъ можно откровеннѣе съ тетенькой. Знай, милая сестра моя, что каждая тайная мысль—не хороша, что только тогда можешь ты быть совершенно чиста и спокойна совѣстью, когда каждое дѣло, каждое слово, каждую думу можешь открыто выставить предъ всѣми, не боясь никакихъ осужденій. Если тебѣ придетъ въ голову какая нибудь мысль, если въ сердцѣ явится какое нибудь чувство, которыхъ нельзя обнаружить, то старайся лучше совсѣмъ уничтожить ихъ. Напримѣръ, если ты чувствуешь обиду, то или прямо выскажи, что ты обижена вотъ чѣмъ, или прогони всякій гнѣвъ изъ сердца; но никогда не затаивай въ душѣ досады, непріятнаго вида или колкихъ намековъ. Отъ этого происходитъ много несчастій: и семейныя ссоры, и подозрѣнія, и разрывъ дружбы, и постоянныя опасенія другъ друга... Будь откровенна, и ничего этого не будетъ. Особенно же это нужно соблюдать съ тетенькой, нашей второй матерью: ей ты должна повѣрять всѣ свои чувства и мысли, на нее должна полагаться въ самыхъ тайныхъ, самыхъ священныхъ и глубокихъ стремленіяхъ. Это тебѣ мой завѣтъ, добрая Ниночка, изъ далекой стороны, послѣ многихъ тяжелыхъ опытовъ житейскихъ столкновеній. Пиши ко мнѣ обо всемъ, добрая Ниночка, и поблагодари еще отъ меня за себя и за Ваню добрую Марью Дмитріевну. Жду отъ тебя скоро письма. Желаю, чтобы у тебя были обновы на полученныя деньги.

Твой братъ Николай.

Аксиньѣ [1]) поклонись отъ меня.

---

[1]) Аксиньѣ Якимовнѣ, служанкѣ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Написано во второй половинѣ августа 1856 г.*).

Милая Ниночка, отчего я такъ долго не могу дождаться твоего письма, что мнѣ становится страшно и горько. Здорова ли ты, не разучилась ли писать, не случилось ли съ тобой чего нибудь особеннаго? Напиши мнѣ, пожалуйста, душечка. Я очень нетерпѣливо жду письма твоего. Только пиши проще, какъ родная сестра, безъ церемоній и, главное, безъ *Вы*. Иначе и я тебѣ буду *Вы* писать. Не забудь этого. Теперь тебѣ совѣстно уже быть такой маленькой, такимъ жалкимъ дитятей передъ братомъ, который старше тебя всего пятью годами. Мы должны обращаться другъ съ другомъ какъ ровные, а не какъ подчиненные. Всякая формальная уважительность будетъ выражать только отчужденіе и холодность. Другое дѣло—наши отношенія къ тетенькѣ: ее должны мы уважать, какъ вторую мать нашу, и потому ты всегда должна находиться подъ руководствомъ ея совѣтовъ, почитать ея наставленія, слушаться ея приказаній. Надѣюсь, что ты не забываешь моихъ совѣтовъ объ этомъ, которые я пишу тебѣ въ каждомъ письмѣ.

Полученіе денегъ мое все какъ-то отдаляется. Посылаю тебѣ только 30 руб., которыми можешь подѣлиться и съ Анночкой. Денегъ за сочиненіе все еще жду. Одна половина его напечатана въ августѣ, въ «Современникѣ»; но другая будетъ еще въ сентябрѣ, и тогда получатся и деньги. Теперь пока деньги у меня получаются съ уроковъ. Прощай, моя душечка. Кланяйся всѣмъ нашимъ.

Письмо ко мнѣ можно послать съ Галаховыми. Алеша [1]) поѣдетъ въ послѣднихъ числахъ августа. Нельзя ли сообщить хоть черезъ Василія Ивановича Флегон. Ал. Василькову, чтобы мнѣ переслали мою тетрадь, которую я присылалъ ему черезъ Галахова.

Н. Добролюбовъ.

Пишите мнѣ опять въ Институтъ: я уже перешелъ отъ Срезневскаго.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

23-го августа 1856.

Милый и неоцѣненный братецъ,

Давно уже я не писала Вамъ: Я пріѣхала [2]) съ сѣрныхъ водъ 3 августа съ Софьей Алексѣевной [3]) и остановились въ гостинницѣ. На другой день меня привели въ пріютъ и мнѣ очень было жалко разставаться съ Софьей Алексѣевной: она такая добрая. Я радовалась,

---

[1]) Галаховъ.
[2]) Въ Симбирскъ.
[3]) Пальчиковой.

что Юленька жила у такой доброй благодѣтельницы. Когда я пріѣхала сюда, у насъ еще не кончился каникулъ и я еще могла цѣлую недѣлю отдохнуть послѣ такихъ тяжелыхъ ваннъ. Тамъ [1]) очень весело, милый братецъ. Какой прекрасный большой садъ и галлерея для тѣхъ, которые пріѣзжаютъ туда лечиться. Но послѣ мнѣ такъ наскучило все это, что я со слезами шла пить эту противную сѣрную воду и принимать ильныя ванны. Теперь мнѣ, слава Богу, получше; вѣрно, мнѣ помогли сѣрныя ванны. Вы не повѣрите, братецъ, какая это противная вода; и нужно было пить по нѣскольку стакановъ утромъ и вечеромъ. Теперь, милый братецъ, прошу Васъ, ежели Вамъ будетъ некогда отвѣчать мнѣ на это письмо, то я могу и подождать. Прошу Васъ, милый братецъ, не сердитесь на меня за то, что я такъ долго не писала Вамъ. Теперь я пишу Вамъ утромъ въ пятницу, а завтра пошлю Вамъ; надѣюсь, что въ четвергъ Вы его [2]) получите. У насъ теперь начались классы еще только изъ Закона Божія, а прочіе [3]) начнутъ еще, можетъ быть [4]), въ сентябрѣ. Я еще отъ тетеньки [5]) не получала писемъ; можетъ быть, они не знаютъ, что я пріѣхала; но, я думаю, они видѣли Софью Алексѣевну. Я была на сѣрныхъ водахъ только мѣсяцъ, — пріѣхали мы позже всѣхъ и уѣхали позже всѣхъ; тамъ такъ холодно, что по утрамъ только шесть градусовъ тепла. Мнѣ было очень весело жить у Софьи Алексѣевны. Она такая добрая, ласкала меня и разсказывала мнѣ про Юлечку. Я была у Амаліи Богдановны [6]) на новой квартирѣ. Ахъ, Вы не повѣрите, милый братецъ, какъ у нихъ весело; меня такъ всѣ любятъ, и я такъ весело играю съ Милечкой [7]); она очень добрая, и я очень, очень люблю ее. Ахъ, милый братецъ, Вы не повѣрите, какъ я люблю Амалію Богдановну,—все равно какъ родную мамашу. Я такъ рада, когда Амалія Богдановна приходятъ ко мнѣ сами; мнѣ такъ у нихъ спокойно, и я воображаю, что я дома. Я думаю, милый братецъ, что Вы очень будете рады, что мнѣ жить очень весело и спокойно здѣсь, потому что я не одна здѣсь, они [8]) все равно мнѣ, какъ родные, и всѣмъ я обязана княгинѣ Трубецкой. Прощайте, милый братецъ, остаюсь любящая Васъ сестра Ваша

Екатерина Добролюбова.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

23, 24 и 25 августа 1856 г., Нижній Новгородъ.

23-го числа.—Сейчасъ получилъ твои, Николай Александровичъ, письма, и удивился, что изъ такого малаго конверта такъ много вы-

[1]) На Сергіевскихъ водахъ.
[2]) Письмо.
[3]) Подразумѣвается: „учители“
[4]) Подразумѣвается: „только“.
[5]) Фавсты Васильевны.
[6]) Ренненкампфъ.
[7]) Дочкой Амаліи Богдановны.
[8]) Амалія Богдановна и ея семейство.

шло; а что всего лучше—письма-то мнѣ нынѣ понравились. Я получилъ въ Палатѣ, потому, отбросивъ всякую деликатность, прочиталъ и адресованныя не на мое имя. Славно, ратуй! Четыре письма [1]) ты разнообразилъ съ искусствомъ: всякому свое; впрочемъ, я всегда говорилъ, что у тебя голова умная; только въ послѣднее время ты надѣлалъ мнѣ много хлопотъ.

Лучше поздно, чѣмъ никогда, говоритъ одна пословица, и нѣтъ худа безъ добра, гласитъ другая. Первая заставляетъ меня, наконецъ, высказаться, а вторая извиняетъ въ любопытствѣ, которое я нынѣ показалъ, прочитавъ письмо къ Ниночкѣ (чего я прежде не дѣлалъ). А именно письмо-то это и заставило меня говорить откровенно: въ немъ есть чувство, а я люблю говорить съ чувствительными людьми. Слушай же!

Я сердитъ на тебя и сердитъ очень; но такъ какъ на сердитыхъ воду возятъ, то я лучше скажу, на что сержусь. Помнишь ли, въ прошломъ году, кажется въ августѣ (но не позже), я писалъ тебѣ отчаянное письмо [2]), просилъ твоего покровительства, высказывалъ, хотя не ясно, свое жалкое положеніе, обѣщаясь вскорѣ подробно высказать все и пояснить; но черезъ недѣлю призываетъ матушку Борисъ Ефимовичъ Прутченко, и говоритъ ей много дерзкаго и непріятнаго на счетъ моего поведенія, говоря, что ты просишь его покровительства объ исправленіи меня и удержаніи отъ бездны и пропасти, въ которую готовлюсь попасть *по слабоумію* [3]). Это хоть кого взбѣситъ. Ты повѣрилъ какой-то сволочи,— — [4]), которые (т. е. его жена), бывши у насъ въ іюлѣ нынѣшняго года, заперлась во всемъ, потому что матушка намекнула довольно ловко на счетъ ея язычка [5]). Я говорю, что не спросивши меня что и какъ, ты повѣрилъ имъ и прямо бросился къ моему начальнику съ жалобою. Это мнѣ повредило окончательно, и я теперь—жалкій человѣкъ, что увидишь дальше. Отъ этого человѣка (Прутченка) узнали Трубецкіе и еще многіе знакомые менѣе значительные, и всѣ стали *колоть* глаза матушкѣ [6]). Я, всегда по-

---

[1]) Первое было къ Фавстѣ Васильевнѣ; другое было къ нему; третье къ его женѣ, Марьѣ Дмитріевнѣ; четвертое къ Антонинѣ Александровнѣ, помѣщенное на одной изъ предъидущихъ страницъ, съ отмѣткой: „написано во второй половинѣ августа 1856, вѣроятно 17 или 18 авг.“.

[2]) Это было письмо его отъ 16 іюля 1855.

[3]) Николай Александровичъ въ письмѣ къ Б. Е. Прутченко называлъ безразсудное намѣреніе Михаила Ивановича проявленіемъ безхарактерности; вѣроятно это же выраженіе, а не собственно слово „слабоуміе“, употреблялъ и Борисъ Ефимовичъ въ разговорѣ съ Фавстой Васильевной; она, вѣроятно, заливаясь слезами, называла сына дуракомъ, и Борисъ Ефимовичъ могъ, соглашаясь съ нею, говорить, что дѣйствительно ея сынъ хочетъ поступить какъ дуракъ.—Михаилъ Ивановичъ, вѣроятно слышавшій отъ матери это выраженіе Бориса Ефимовича въ подлинной формѣ, замѣняетъ его, для соблюденія собственнаго достоинства, болѣе благороднымъ словомъ „слабоуміе“. Онъ былъ человѣкъ даровитый, бойкій, и потому „слабоумнымъ“ никто не могъ называть его.

[4]) Тутъ названа фамилія нижегородскихъ знакомыхъ Николая Александровича, ѣздившихъ тогда въ Петербургъ и разсказавшихъ ему о безразсудномъ намѣреніи его двоюроднаго брата.

[5]) Язычекъ ея могъ быть слишкомъ остръ, но въ данномъ случаѣ сказалъ Николаю Александровичу правду.

[6]) За то, что она, уступая требованію сына, дала свое согласіе на его безразсудное намѣреніе.

читая и уважая ее, рѣшился поправить свою репутацію женитьбой [1]); но въ этомъ случаѣ женитьба нужна была значительная [2]). На этотъ грѣхъ чортъ послалъ одну помѣщицу (Макарьеву), которая предложила мнѣ Улыбашеву племянницу, а имъ меня; и дѣло смастерила. Видимое отлично! Жена генеральскаго рода, это счастье, рѣдкость. Я былъ съ визитомъ у Прутченки (жены). Она приняла отлично, даже прослезилась моему счастію. Пещурова была матерью жены [3]). Трубецкіе всѣ пировали свадьбу мою; столъ былъ богатый, и шампанское... Все какъ нельзя лучше. Но такъ какъ ты имѣешь столько опытности, чтобы разсудить, что генеральскую племянницу выдать за простого приказнаго что-то странно... и приказный, попавъ къ генералу, не можетъ самъ лично спрашивать о приданомъ,—а именно это-то и важно: приданое есть блаженство, деньги—рай. Притомъ же этотъ чортъ, Макарьева (старая дѣвка) старалась увѣрить меня, что за Улыбашевой племянницей даютъ денегъ 300 рублей серебромъ и приличное приданое; въ правдивости [4]) моихъ словъ храню ея письмо, гдѣ она увѣряетъ въ важности генеральскаго слова, *высочайше благороднаго*, а больше этого я и не могъ искать. Это бы было хорошо, но вышло не то: я свадьбою пріобрѣлъ 300 р. сер. долгу, а за женой взялъ *0;* не думай, что увеличиваю или уменьшаю. Спроси хоть Ниночку по секрету; она тебѣ скажетъ, какъ ловко генералы — — [5]) съ нашимъ братомъ. Но, между тѣмъ, генеральская племянница не можетъ быть такой женой, какая... хоть [6]) Ниночка въ примѣръ: Ниночка можетъ и шить, и варить, убрать, прибрать, купить, гладить и даже у ней необыкновенное достоинство, беречь вещи, потому что она черезъ чуръ скупа [7]). А за генеральской племянницей нужна услуга [8]), которую генеральское слово тоже обѣщалось дать и тоже пуфъ; а самъ я не только нанимать кого либо и платить, часто даже не имѣю гроша въ карманѣ. У меня долгъ въѣхалъ до 500 руб. сер., а жалованье 120 руб.; слѣдовательно, положивъ, что я могъ бы постоянно жалованье убивать на долги, то и тогда бы понадобилось на эту спекуляцію четыре года и два мѣсяца. Но это невозможно: у меня должны быть расходы необходимые (въ родѣ обуви) [9]). А долгъ есть одно изъ самыхъ мучительныхъ инквизиціон-

---

[1]) На какой нибудь другой дѣвушкѣ, чтобъ доказать всѣмъ ошибочность слуха о намѣреніи жениться на той дѣвушкѣ (или вдовѣ), которую всѣ слышавшіе о ней считали дурной.

[2]) Но для возвращенія себѣ уваженія знакомыхъ, надобно было жениться на такой дѣвушкѣ, которая принадлежала бы къ семейству, занимающему почетное положеніе въ обществѣ.

[3]) То есть: посаженой матерью невѣсты.

[4]) То есть: въ удостовѣреніе правдивости.

[5]) Рѣзкое выраженіе, которое можетъ быть замѣнено словомъ „поступаютъ".

[6]) Подразумѣвается „будетъ".

[7]) Михаилъ Ивановичъ хотѣлъ высказать похвалу, потому его слова должно понимать въ смыслѣ „чрезвычайно экономна".

[8]) То есть, для нея нужна прислуга.

[9]) Расходы на пищу и чай онъ не считаетъ, потому что Фавста Васильевна, кормившая сына до его женитьбы, кормила теперь и его и жену его;—вѣроятно, на маленькія сбереженія, какія сдѣлала изъ платы за комнаты, отдававшіяся до свадьбы сына въ наймы.

ныхъ мученій. Пойми же мою жизнь, и мое расположеніе къ тебѣ [1]), потому что это надѣлало твое письмо къ Прутченкѣ [2]). Онъ до такой степени злопамятенъ [3]), что я даже не надѣюсь на улучшеніе моей должности, чего, по правдѣ сказать, стою. Сколько разъ матушка просила его (и жену его) объ этомъ; отвѣтъ всегда одинъ: «молодъ, избалуется» [4]). Между тѣмъ мальчишки, не умѣющіе писать, занимаютъ просимыя мною мѣста [5]). Я не живу, а мучусь: у меня нужда, а между тѣмъ должники постоянно тревожатъ и постоянно нужны деньги. Все это разстраиваетъ мое, не ахти завидное, здоровье, и я боюсь дурныхъ послѣдствій. Впрочемъ, *Богъ съ тобою*; это я говорю не какъ формулу, а отъ души. Ты сдѣлалъ по гордости [6]), она-то убила меня, а тебя возвысила; слѣдовательно, что одному вредно—другому полезно. И такъ я говорю, что забываю твое необдуманное зло, потому что это мальчишество. Прошу впередъ не повторять такихъ исторій. Я между прочимъ [7]) стараюсь, сколь возможно, быть полезнымъ твоимъ сестрамъ и братьямъ, потому что я, если бы захотѣлъ, то матушка отказалась бы отъ всякаго вмѣшательства въ ваши дѣла, а это будетъ худо. Послѣ объясненія моего я буду при всякомъ нужномъ случаѣ писать тебѣ о твоихъ. Считай это письмо, сказанное случайно, въ пылу откровенности; [8]) хотя оно не полно, но многое можешь видѣть изъ немногаго. Притомъ же это

---

1) То есть: силу моего расположенія къ тебѣ, заставляющаго меня помириться съ тобою.

2) Ничего особеннаго это письмо не сдѣлало: Михаилу Ивановичу для исполненія его намѣренія жениться было необходимо разрѣшеніе Б. Е. Прутченко; согласіе матери на ту, порицаемую всѣми родными, женитьбу, было ужь вытребовано Михаиломъ Ивановичемъ и скоро онъ явился бы къ Прутченко съ просьбой о разрѣшеніи; Прутченко спросилъ бы, кто невѣста, безъ малѣйшаго труда увидѣлъ бы, какъ слѣдуетъ думать о ней, и посовѣтовалъ бы Михаилу Ивановичу бросить это безразсудство; а если бы молодой приказный не захотѣлъ подчиниться совѣту, Прутченко послалъ бы за Фавстой Васильевной, и развязка была бы та же самая. При благородной заботливости Бориса Ефимовича о родныхъ покойнаго Александра Ивановича совершенно ясно, что онъ и безъ просьбы Николая Александровича поступилъ бы такъ.

3) Мысль, совершенно напрасная: Прутченко не имѣлъ ровно никакой причины сердиться на Михаила Ивановича; начальникъ удержалъ своего молодаго подчиненнаго отъ безразсудства, подчиненный былъ виноватъ только передъ самимъ собой и матерью, а начальнику не сдѣлалъ никакой непріятности. Притомъ, Б. Е. Прутченко былъ человѣкъ очень добрый, не могъ бы быть злопамятенъ, если бъ и былъ обиженъ,—чего вовсе не было. Къ Михаилу Ивановичу онъ оставался расположенъ по прежнему. Но самъ Михаилъ Ивановичъ стыдился теперь своего безразсудства, потому воображалъ, что и начальникъ сталъ смотрѣть на него дурно.

4) Прутченко не хотѣлъ обидѣть другихъ чиновниковъ, служившихъ дольше Михаила Ивановича и потому имѣвшихъ болѣе права на повышеніе.

5) Это, разумѣется, фантазія; самъ Михаилъ Ивановичъ всего еще только за годъ передъ тѣмъ получилъ первый чинъ, слѣдовательно былъ по служебному порядку еще „мальчишка".

6) Гордость Николая Александровича приплетена къ дѣлу съ такой же основательностью, какъ злопамятность Б. Е. Прутченко. Николаю Александровичу просто было жаль двоюроднаго брата и еще больше жаль Фавсты Васильевны.

7) „Между прочимъ" вмѣсто „однако же"; провинціализмъ.

8) То есть: считай непріятныя для тебя слова этого письма за вырвавшіяся у меня непреднамѣренно, въ пылу откровенности.

есть тайна (т. е. мой ропотъ на судьбу) даже отъ матушки и жены; поэтому совѣтую уничтожить даже изъ памяти мои слова; всего, что я чувствую теперь, не могу выразить. А между прочимъ многіе завидуютъ (даже и ты) моему счастію; вотъ мнѣніе людское—суди, цѣни и вѣрь ему. Я посмотрю изъ твоего отвѣта [1]) на это письмо, и, можетъ быть, опишу всю мою счастливую и завидную жизнь; а въ разъ я не могу дѣльное все высказывать. Знаю только, что меня не проведешь: я, къ несчастію, дальновиденъ дѣлаюсь до невѣроятія. Пожалуйста не лавируй со мной, если хочешь дружбы. Впрочемъ, я тебя не обязываю отвѣчать особенно скоро; а только говорю это въ томъ случаѣ, что ты захочешь оправдаться, захочешь показать, что я ошибаюсь, и будешь отписываться, чего бы не нужно потому, что я больше не буду напоминать о твоей опрометчивости, устроившей мнѣ такое счастіе.—Ты пишешь, чтобы я не сердился за то, что [2]) не пріѣхалъ въ Нижній; это лишнее, мнѣ не было особенно тебя нужно, а потому и сердиться не за что. А писалъ объ этомъ потому, что тебѣ нужно бы быть для устройства вашихъ дѣлъ; но можетъ быть это и хорошо, какъ ты самъ говоришь: ты бы могъ съ *благодѣтелями* рассориться.

24 число. Одна половина моего счастія тебѣ извѣстна стала, вотъ другая... Впрочемъ, я жаловался на судьбу, можетъ быть, очень сильно, и даже обидно тебѣ; но такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то и у меня въ женитьбѣ есть сторона хорошая, а именно: жена у меня чудо! Вотъ ея портретъ. Она небольшаго роста, довольно кругленькая, что не безобразитъ ее, смуглая; Улыбашевъ звалъ ее смолкой; характеромъ тиха, довольно не глупа, любитъ меня и, главное, слушается и боится. Я больше бываю дома; время идетъ съ ней незамѣтно. Она довольно рукодѣльна, только работы не хозяйственныя, а высшія, въ родѣ глупаго вышиванья. Не сварлива, довольно легкомысленна [3]), такъ что не большаго труда бываетъ убѣдить ее сидѣть дома, потому что мы выходить часто не можемъ за неимѣніемъ *въ чемъ*. И могу сказать, если бы не подлый обманъ, или [4]) покровительство добраго духа, давшаго мѣсто, я бы былъ доволенъ и счастливъ, сколько можно. Извини, что я много распространился о своемъ житьѣ; и радъ хоть съ кѣмъ нибудь поругаться: отъ этого какъ-то легче; за то не буду сердиться.—Теперь стану говорить о твоихъ. Сколько разъ я просилъ матушку написать тебѣ, требуя разрѣшенія на нѣкоторые вопросы, но она никакъ не соберется, а между тѣмъ время приближается, и потому я за нее... Архіерей зачислилъ мѣсто за одной изъ сестеръ твоихъ, но такъ какъ Анночка мелка [5]), слѣдовательно Ниночкина можетъ быть судьба. Но устроить мудрено и

---

[1]) То есть: я увижу изъ твоего отвѣта, продолжать ли мнѣ откровенныя объясненія съ тобой.

[2]) Подразумѣвается: „ты“.

[3]) „Легкомысленна“ говорится въ похвалу ей; то есть, Михаилъ Ивановичъ хотѣлъ сказать: „не упряма“, „сговорчива“.

[4]) Подразумѣвается: или если бы помогъ мнѣ какой нибудь добрый духъ, который далъ бы мнѣ должность получше нынѣшней.

[5]) Остается еще ребенкомъ по медленности роста.

дочь, не только племянницу; объ выборѣ жениха и говорить нечего; маменька не будетъ давать никакого совѣта; это поручи Василію Ивановичу или судьбѣ. Но о приданомъ нужно знать твое мнѣніе. Послѣ тетеньки [1]) осталось знаешь что?—Есть и вещи и платья; если теперь отдать все за Ниночкой, что было бы порядочнымъ приданымъ, то будетъ обидно другимъ сестрамъ; притомъ же Ниночка имѣетъ капиталъ, хотя и небольшой (я думаю до 600 руб. ассигн.). И такъ ты, обдумавъ, напиши матушкѣ положительно, какъ объ вещахъ тетеньки, такъ и объ деньгахъ, которыя положены на ея имя [2]) Николаевымъ. Доходу отъ церкви не даютъ, да и не назначено; я объ этомъ говорилъ Василію Ивановичу, чтобы онъ тебя извѣстилъ; и до сего времени думалъ, что ты знаешь. Пожалуйста, распорядись самъ этимъ, не полагайся ни на кого; подумавъ хорошенько, хвати къ опекунамъ письмо, что вотъ я желаю того и этого. А такъ какъ Ниночка имѣетъ счастливую судьбу и пользовалась, какъ отъ родителей, такъ и отъ всѣхъ особеннымъ расположеніемъ, то не поступи тутъ пристрастно; это будетъ грѣхъ. А чтобы тебѣ менѣе ошибиться, скажу вотъ что: прочихъ сестеръ и братьевъ участь незавидная, много хуже Ниночкиной; особенно Володя—самый жалкій ребенокъ безъ всякаго надзора и участія; не знаю, что и выйдетъ изъ него. Одолженіе Мичуриныхъ состоитъ только въ кускѣ хлѣба. Одѣваютъ его, какъ нельзя хуже, и физически, и нравственно, понимаешь?

Объ Лизѣ не знаю, что сказать. Ея воспитательница какъ-то пріѣзжала въ Нижній и завозила къ намъ. Сказать правду, одѣта отлично, милый ребенокъ, но баловень. Если Захарьева доживетъ до совершеннолѣтія Лизы, будетъ не худо, потому что ей даютъ барское воспитаніе, что при нашемъ образѣ жизни слишкомъ [3]) вредно.

Анночка, положимъ, живетъ у тетушки, но тоже, кромѣ хлѣба, ничего не имѣетъ: Авдотья Ивановна рѣшительно испортила дѣло, обѣщаясь воспитывать на свой счетъ; если бы не это глупое обѣщаніе, можетъ быть тетка держала бы ее лучше. Слѣдовательно, сообрази и это! При томъ же ей шестнадцатый годъ, хотя ростомъ похожа на двѣнадцатилѣтнюю, но на это полагаться нельзя: въ это время, въ полгода, дѣвица можетъ вырости и усовершенствоваться, стало быть и она можетъ быть невѣстой; но она не будетъ имѣть уже священническаго мѣста, слѣдовательно ей особенно нужно хорошее приданое.— —

Зачѣмъ ты сталъ присылать деньги трудовыя? Это не хорошо: ты этимъ убиваешь здоровье; или не присылай, или копи себѣ [4]): тебѣ нужны еще будутъ деньги, но никто не пришлетъ. У васъ есть домъ, доходомъ котораго могутъ пользоваться не только дѣти, но и ты.

---

[1]) То есть, послѣ его тетки, послѣ Зинаиды Васильевны.

[2]) То есть, на имя Ниночки.

[3]) „Слишкомъ“ употреблено въ смыслѣ „очень“; провинціализмъ.

[4]) Вмѣсто слова „присылай“ было первоначально написано какое-то другое, котораго нельзя прочесть подъ чертами переправки его въ это слово; оно, безъ сомнѣнія, имѣло смыслъ противоположный словамъ „копи себѣ“; вѣроятно, выражало совѣтъ не изнурять себя для пріобрѣтенія денегъ; уничтоживъ поправкой альтернативу совѣта, Михаилъ Ивановичъ забылъ зачеркнуть соотвѣтствовавшіе ей союзы „или“. Слѣдуетъ читать: или не изнуряйся или копи (деньги) себѣ.

Теперь долгъ, по милости твоей, сложенъ, слѣдовательно должны быть деньги, которыя не слѣдуетъ терять глупо. Вникни въ это!

Я хоть и писалъ, что не обязываю тебя отвѣчать на мое письмо, но такъ какъ тутъ есть вопросы нужные, то отвѣть не въ долгихъ.

Я пишу тебѣ секретно; если что нужно тебѣ будетъ пояснить— обращайся ко мнѣ, а то выйдутъ сплетни.

Жена моя, т. е. Машенька, благодаритъ тебя, хотѣла было сама писать, но не успѣла. Ваня здоровъ, учится читать. Я уже другую недѣлю умираю зубами, хотя и не сижу дома.—Не сердись же на это письмо.

Остаюсь извѣстный тебѣ
Михаилъ Благообразовъ.

Посылается 25-го августа.

PS. Деньги мною въ тотъ же день переданы.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ, МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ И МАРЬѢ ДМИТРІЕВНѢ.

28 авг. 1856.

Не знаю, что и думать мнѣ о Васъ, милая Тетенька, любезный братъ, дорогая сестра моя. Меня какъ будто хотятъ пріучить къ тому, чтобы я забылъ, что у меня есть родные. Цѣлыхъ два мѣсяца, даже три, кажется, никто не написалъ мнѣ ни строчки. Не только почта, даже оказіи приходили (въ послѣднее время ихъ было очень много), а мнѣ все ничего отъ моихъ милыхъ родныхъ. Вѣроятно, что нибудь очень важное, тяжелое, хлопотливое задерживаетъ Васъ; иначе, конечно, Вы бы отвѣтили мнѣ на мои письма. Умоляю Васъ, не оставляйте меня еще долѣе въ неизвѣстности о Васъ и о всѣхъ нашихъ. Теперь это мнѣ особенно нужно и важно. Въ моей жизни много теперь встрѣчается и еще встрѣтится такихъ часовъ, въ которые необходима помощь и утѣшеніе любящаго сердца, чтобы я зналъ, что не всѣ меня оставили, не всѣ отреклись отъ меня. Я прошу Васъ не безпокоиться на счетъ меня, по причинѣ этихъ словъ. Моему внѣшнему положенію нѣтъ опасности: я кончу курсъ и буду учителемъ гимназіи, старшимъ или младшимъ, небольшая разница. Но у меня есть внутреннія тревоги, есть потребность отдохнуть отъ давленія чужой непріязни, подозрительности и мстительности, въ изліяніи любви добрыхъ, родныхъ сердецъ. Право, я Васъ очень люблю, мои дорогіе, мои милые, и я не сомнѣваюсь, что и Вы меня любите. Горько мнѣ было бы думать, что другія заботы, другая жизнь отвлекли насъ другъ отъ друга и сдѣлали насъ далекими, почти чужими. Не убивайте во мнѣ спасительной вѣры въ Вашу доброту, въ Вашу любовь ко мнѣ. Я съ такимъ добрымъ и чистымъ расположеніемъ обращаюсь къ Вамъ, Тетенька, къ Вамъ, Марья Дмитріевна, къ тебѣ, мой бывшій другъ Михаилъ Ивановичъ, что, вѣрно, Вы не отвернетесь отъ моего привѣта, отъ моего призыва. Пишите ко мнѣ... Пишите. Мнѣ это очень нужно.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 5 сент. 1856*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ, извини, что долго не увѣдомлялъ тебя о поправкахъ по дому. Вотъ тебѣ отчетъ, какъ значится и въ шнуровой книгѣ, по порядку: заплачено за листовое желѣзо для поправки крышъ на домѣ и на крыльцахъ и для обивки балкона и воротныхъ столбовъ, за ручки и шпингалеты къ окнамъ, за цѣпи для пристегиванія воротъ на день и за гвозди для плотничной работы—13 р. 31½ коп. сер. — —[1]) Денегъ въ 1856 году въ приходѣ, съ остаточными отъ прошлаго года 18 р. 79¾=414 р. 91½ к., въ расходѣ—402 р. 22½ к. — —.

За квартиру получено съ князя съ 1-го января 250 р.; затѣмъ, по 1-е октября приходится получить 141 р. 7¼ к.

Я настоялъ, хотя много мнѣ мѣшала и княгиня, чтобы квартирующая во флигелѣ платила 90 р. или съѣзжала, и она, послѣ долгихъ переговоровъ, согласилась; и даже обязалась, по моему требованію, принять на себя и всѣ рѣшительно поправки по флигелю; и у ней очень чисто; заднія комнаты она оклеила обоями. За августъ я получилъ уже 7 р. 50 к.

Кажется, не много я израсходовалъ на поправку дома; по крайней мѣрѣ, я убѣжденъ, что выторговалъ у мастеровъ рублей до 50 сер. — —. Полы въ домѣ всѣ окрашены подъ дубъ. За раскраску подъ дубъ княгиня мнѣ обѣщалась приплатить своихъ по 20 коп. съ сажени, т. е. то, что просили маляры. — —.

Архіерей мѣсто зачислилъ, но доходовъ не даетъ. Я много разъ ходилъ въ консисторію; всѣ ссылаются на Лебединскаго[2]). По совѣту одного тамошняго столоначальника, на досугѣ пойду просить Василія Ив. Громова (въ консисторіи при синедріонѣ) о скорѣйшемъ окончаніи этого дѣла.

А знаешь ли, сколько у меня хлопотъ? При поправкахъ по дому, для чего я бывалъ по необходимости въ домѣ не менѣе 5, 4 и 3 разъ[3]), кромѣ особенныхъ случаевъ, когда и не бывалъ: у меня 3-го іюля родилась дочь, Надежда; тутъ крестины; маменька пріѣхала и захворала такъ, что не могла сходить съ мѣста, и уже пріобщалась; няньки не могъ найти четыре недѣли; водился по очереди съ женой, и днемъ и ночью самъ съ дочерью, и ходилъ за маменькой. Потомъ дочка, черезъ 6 недѣль послѣ рожденія, умерла. Тутъ пріѣзжали всѣ трое зятьевъ, послѣдніе двое съ дѣтьми; гости изъ Лукоянова[4]). А разныя порученія постороннихъ лицъ,—это ужасъ! Но теперь гостей всѣхъ проводилъ, и даже маменька пожелала, по выздоровленіи, уѣхать и отправилась нынѣ съ Александромъ Петровичемъ

---

[1]) Перечисляются другія статьи расходовъ на поправку дома.

[2]) Протоіерей Лебединскій имѣлъ очень сильное вліяніе на епархіальное управленіе; говорили, что Іеремія, при всемъ своенравіи,—игрушка, которой вертитъ Лебединскій.

[3]) Въ день.

[4]) Родные его жены.

Тольскимъ въ Зеленыя горы [1]); — и кажется вздохну свободнѣе и приготовлю тебѣ копію со всей [2]) книги, если только ты найдешь это надобнымъ для себя, и пришлю съ Натальею Алексѣевной [3]).

Что ты мнѣ не напишешь про жениховъ для Ниночки; какъ и кто будетъ хлопотать. Что ты не написалъ, учить ли Володю; вѣдь пора. Что ты не напишешь Екатеринѣ Петровнѣ. Она такъ горячо любитъ Лизеньку, — вѣдь великое дѣло воскормить дитю. Я испыталъ, каково водиться-то съ ними.

Ниночка вчерашній день была у меня прощаться съ бабушкой. Всѣ тебѣ мои гости кланяются, а особенно добрая маменька приказала съ любовію писать тебѣ поклонъ и благодарить за попеченіе о сестрахъ. Жена тебѣ кланяется.

Прощай. Пиши куда прошу, если меня ты любишь за любовь мою къ тебѣ и всѣмъ вамъ.

Василій Добролюбовъ.

5 сентября 1856.

Въ домѣ двери, лѣстницы, потолки, полы - все поновлено, кромѣ нижняго этажа, гдѣ хранилась мебель и гдѣ еще чисто. Ворота и рѣшетки—новыя и выкрашены масляною зеленою краской. Улица устлана щебнемъ; на дворѣ также. Окна у калитки спереди заложены, и прочее; однимъ словомъ, домъ много поправленъ, и это слишкомъ [4]) замѣтно вездѣ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Сент. 22 дня 1856 года.

Сегодня я рѣшился обойти письмами всѣхъ своихъ пріятелей, а въ числѣ ихъ и Васъ, Николай Александровичъ. Какъ вы живете, здоровы ли? Объ Васъ здѣсь въ Нижнемъ Новгородѣ, право, почти ничего не слышно; а имѣть хоть какія нибудь свѣдѣнія объ Васъ, по крайней мѣрѣ для меня, не безъинтересно. Родные Ваши здѣсь, въ городѣ, всѣ живы и здоровы. Сестры ростутъ, успѣшно вяжутъ и шьютъ, покойны и веселы. Аннушка стала немножко побольше и поживѣе, а Ниночка формируется очень хорошо и скоро будетъ хорошей невѣстой. Володя чему-то учится; скоро начнутъ поучивать и Ванечку. На дняхъ слышалъ я, что и Катенька недавно прислала къ Фавстѣ Васильевнѣ письмо и худого о себѣ не писала.

Я здоровъ пока. Въ нынѣшнее лѣто и я было подвергся гнѣву Владыки. Въ маѣ мѣсяцѣ у меня сбѣжало нѣсколько мальчиковъ [5])

---

[1]) Къ своей дочери Марьѣ Ивановнѣ Пѣвницкой, у которой жила прежде.

[2]) Приходо-расходной книги по управленію оцекой.

[3]) Галаховой, гостившей тогда у сестры, княгини М. А. Трубецкой.

[4]) „Слишкомъ"—значитъ: „очень", какъ обыкновенно въ письмахъ Василія Ивановича и нерѣдко въ письмахъ другихъ родныхъ Николая Александровича.

[5]) Въ тѣ времена мальчики, скучавшіе въ духовныхъ училищахъ, убѣгали домой въ деревню. Прежде, убѣгали и юноши, учившіеся уже въ семинаріи.

и онъ приказалъ было мнѣ подать прошеніе объ увольненіи отъ должности; но черезъ день обошелся. Въ половинѣ ярмарки, онъ заставилъ и Ивана Ивановича Лебединскаго подать прошеніе объ увольненіи отъ училищной службы, и съ 11-го сентября Иванъ Ивановичъ болѣе уже не ректорствуетъ у насъ; а исправленіе его должности, вслѣдствіе предложенія Владыки, поручено бывшему смотрителю Свіяжскаго духовнаго училища, кандидату іеромонаху Іонѣ. — — [1]).

Я собирался было писать къ Вамъ еще въ ярмарку, но мнѣ сказали какъ-то, что Вы живете у котораго-то профессора, а не въ Институтѣ, такъ я и оставилъ это дѣло до нынѣшняго времени. Какъ идетъ Ваше сочиненіе, которое Вы писали, кажется, для печати? [2])

Надобно бы попросить г. Мичурина, чтобы занялись побольше ученьемъ Володи. Я думаю, что это дѣло идетъ кое-какъ, учатъ его кое-чему и—бабы [3]); а ему уже восьмой годъ, пора учиться, покуда не избаловался.

— — [4])

Желаю Вамъ всякаго благополучія,

Вашъ покорнѣйшій слуга М. Костровъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 24 сент. 1856*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Письмо твое и деньги 50 руб. сер. я получилъ 24 сентября [5]), которыя и употреблю по уполномочію твоему, по запискѣ на приходъ въ шнуровую книгу, или на уплату долговъ, или для приданаго Ниночки, и потомъ на обученіе Володи. Да, его надобно учить. Я третьяго дня посылалъ за нимъ съ цѣлью узнать объ его ученьи, а онъ пришелъ, съ провожатымъ разумѣется, нынѣ утромъ [6]), и, не заставъ ни меня, ни бабушки [7]), которая уѣхала къ сестрѣ, началъ плакать, что ему скучно; и его тотчасъ же Елена отпустила къ Мичуринымъ. Надняхъ пойду къ Мичуринымъ толковать объ учителѣ,

---

[1]) Слѣдуютъ подробности объ Іонѣ, потомъ сообщаются семинарскія новости.

[2]) Михаилъ Алексѣевичъ вѣроятно ужъ видѣлъ іюльскую книжку „Современника", въ которой была напечатана первая часть этой статьи Николая Александровича; но онъ не могъ узнать ея автора, потому что она была подписана псевдонимомъ Лайбовъ.

[3]) Полубезграмотныя старушки, учившія по Часослову.

[4]) Посылается поклонъ одному изъ нижегородцевъ, уѣхавшихъ въ Петербургъ; предлагается вопросъ о возвращеніи другаго въ Нижній.

[5]) Василій Ивановичъ не употребилъ слова „нынѣ" вѣроятно потому, что не зналъ, успѣетъ ли дописать письмо въ тотъ день, когда началъ его. Онъ былъ обремененъ спѣшной и часто неожиданной работой.

[6]) То есть: только ужъ нынѣ утромъ.

[7]) Фавсты Васильевны, къ которой пришелъ, не заставъ Василія Ивановича; возвратившись на квартиру Василія Ивановича, онъ началъ и т. д.

а тотчасъ идти некогда: у меня нынѣ такая дѣятельная жизнь, что даже слишкомъ тяжело становится.

Недавно я познакомился съ Демидовымъ, у котораго, въ Петербургѣ, въ домѣ помѣщается Англійскій клубъ; онъ живетъ здѣсь, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, и у насъ съ нимъ то и дѣло переписка: и уже раза четыре по ночамъ будили для полученія его эстафетъ. Но, не смотря на все это, я покуда поддерживаю переписку и, если онъ будетъ признателенъ, какъ обѣщается, то мнѣ, какъ человѣку бѣдному, и жалко даже опустить этотъ случай, если бы почему нибудь пришлось опустить его [1]).

О томъ, какъ я живу и что сдѣлалъ для дома и въ домѣ и на какую сумму, ты увидишь изъ письма моего, посланнаго съ С. А. [2]) Галаховымъ.

Архіерей тянулъ, тянулъ, да наконецъ сдѣлалъ распоряженіе и въ половинѣ этого мѣсяца опредѣленъ на время къ Николѣ священникъ, съ выдачею, изъ получаемыхъ имъ денегъ, половины для вашего семейства.

Жена моя тебѣ кланяется; да ея здоровье незавидно, и она часто прихварываетъ серьезно.

Ахъ, Николенька!—понимаю, что вашъ директоръ гадина, но вѣдь участь твоя отъ него зависитъ: ты можешь выйти изъ Института 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ или же 5—10. Если не для уроковъ, то, по крайней мѣрѣ, для будущаго своего счастія похлопочи, чтобы онъ и на тебя излилъ свое расположеніе, хотя и глупое и проч., что для тебя важно на всю жизнь, и что можно успѣть сдѣлать въ продолженіе, почти, еще года. Тебѣ надобно хлопатать остаться въ Петербургѣ. Напиши, пожалуйста, можешь ли ты на это надѣяться, и нельзя ли такъ устроить? Вѣдь на всю жизнь.

Ваши и наши всѣ здоровы, и тебѣ кланяются. Вотъ еще, какъ ты находишь? Фавста Васильевна крайне нуждается въ деньгахъ: не дать ли ей, не записывая въ книгу, изъ твоихъ денегъ—25 р. на содержаніе Ниночки и Ванечки и вообще въ ея распоряженіе, куда она хочетъ; отвѣть откровенно, не стѣсняясь. Впрочемъ, лучше дать эти деньги, когда будетъ заводиться свадьба (и когда ей быть?) да, это лучше.

24 сентября. В. Добролюбовъ.

Ниночка была у насъ на дняхъ.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 25 сент. 1856*).

Любезный Николенька!

Не сердись, пожалуйста, что я рѣдко пишу къ тебѣ; я право не вижу, какъ идетъ время,—все собираюсь писать и все откладываю.

---

[1]) Демидовъ поручилъ Василію Ивановичу разъясненіе нѣкоторыхъ своихъ денежныхъ вопросовъ и потомъ поручилъ ему ликвидированіе своихъ счетовъ.

[2]) Это ошибка, слѣдуетъ читать А. С. (Алексѣемъ Сергѣевичемъ).

Днемъ рѣшительно не имѣю спокойной минуты: то Ваня мѣшаетъ, то займусь работой, то кто придетъ; и вотъ наконецъ пишу вечеромъ, уложивши Ваню спать;—онъ завтра именинникъ, и я тебя поздравляю съ именинникомъ. Не знаю, можно ли завтра идти будетъ къ обѣднѣ—у насъ такая нонче грязь и идетъ дождикъ. Послѣднее письмо отъ 10 августа отъ тебя получено съ деньгами Ниночкѣ, и передъ этимъ также. Ты такъ заботишься,—право, я все думаю, что ты самъ себѣ отказываешь во всемъ—и твоя любовь и заботливость къ сестрамъ много утѣшаетъ меня. Ахъ, если бы ты скорѣе пріѣхалъ къ намъ на житье! Я надѣюсь, что Володя и Ваня нашли бы въ тебѣ больше отца, нежели брата, особенно Володя, который не видитъ родной ласки. Я была у Трубецкихъ по пріѣздѣ Наталіи Алексѣевны [1]) и слышала лично объ тебѣ, что ты здоровъ. Она сказывала, что звала тебя съ собой, но ты отказался, чтобы не потерять время безъ пользы. Дай Богъ успѣха всѣмъ твоимъ дѣламъ. Отъ Софьи Алексѣевны [2]) также слышала объ Катенькѣ, что она здорова. Я получила письмо, Катя очень благодарна Софьѣ Алексѣевнѣ и очень весело провела время съ нею. Катерина Петровна была въ іюнѣ съ Лизенькой у насъ; она очень хорошенькая дѣвочка, бѣленькая и полненькая, я не могла насмотрѣться на нее. А послѣ отъѣзда Катерина Петровна ко мнѣ не писала ни разу, потому что я не успѣла сдѣлать ей визита; когда она у меня была а я на другой день уѣхала въ Оранки [3]) провожать Божію матерь и взяла Ниночку и Ванечку съ собой, а оттуда заѣхали къ Улыбашевымъ въ Лукино и тамъ гостили дней съ пять. Намъ было очень весело, особенно Ванечка такъ утѣшалъ собою, и имъ всѣ занимались. Варвара Александровна [4]) подарила ему рубашечку, которую купила зимой въ Петербургѣ для своего внука, да ошиблась: очень малу; а Ванѣ впору, и онъ съ удовольствіемъ ее надѣваетъ. Я ему сшила шинель, изъ суконнаго полукафтанья стараго [5]), тепленькую, ходить, его словами, къ дядѣ Лукѣ на Троицу. Еще у насъ новость: архіерей поставилъ [6]) втораго священника изъ села, вдоваго, на время [7]), вѣрно въ силу твоей просьбы. Не знаю, объявлено ли въ консисторіи о зачисленіи мѣста [8])—прежде не слышно было, а нонче еще не успѣли ни у кого спросить. Ниночка Анночкѣ подѣлилась [9]) 15 цѣлковыми на ея нужды;—она [10]) здорова, я вчерась ее видѣла и говорила ей, что̀ она не пишетъ къ тебѣ. Мишенька послалъ тебѣ письмо и очень безпокоится, получилъ ли ты его. Когда будешь писать, то пожалуйста, напиши, получилъ ли ты его [11]). Я не видала, что̀

---

[1]) Галаховой, пріѣхавшей въ гости къ сестрѣ, княгинѣ М. А. Трубецкой.

[2]) Пальчиковой.

[3]) Т. е. я уѣхала въ Оранки на другой день послѣ того какъ она была у меня.

[4]) Улыбашева.

[5]) Стараго отцовскаго.

[6]) Опредѣлилъ подразумѣвается: къ Никольской церкви.

[7]) Служить до занятія этого новаго, втораго, священническаго мѣста будущимъ мужемъ Антонины Александровны.

[8]) За Антониной Александровной.

[9]) Изъ присланныхъ ей Николаемъ Александровичемъ денегъ.

[10]) Анна Александровна.

[11]) Это было письмо, въ которомъ Михаилъ Ивановичъ разсказывалъ Нико-

онъ тебѣ писалъ, но очень безпокоится, чтобы оно не попало куда нибудь, кромѣ тебя. Марья Дмитріевна благодаритъ тебя за вниманье къ ней. Мы этотъ мѣсяцъ провели довольно скучно, у Миши все очень болѣли зубы, все сидѣли дома и не пользовались временемъ. чтобы погулять. И на ярмаркѣ я была раза три; она у насъ нонче была очень плохая и Ниночка отложила до ноября, когда привезутъ изъ Москвы новыхъ товаровъ, покупать обновы себѣ. Тутъ, говорятъ, будетъ подешевле, потому что по случаю коронаціи все было очень дорого и всего мало.

Прощай, будь здоровъ и не забывай тетку Фавсту Благообразову.

25 сентября 1856 года.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

1 октября. Получено 6 октября 1856 года.

Я немножко виноватъ передъ тобою, любезный братъ,—но только немножко: проклятая почта, доставивши тебѣ мое письмо отъ 10 августа черезъ двѣ недѣли, съиграла и со мной почти такую же штуку... Но дѣлать нечего... Послѣ полученія письма, я сталъ думать о томъ, какъ бы помочь тебѣ, и нашелъ нѣкоторое средство. Средство это состоитъ въ деньгахъ, которыхъ я ждалъ для отвѣта. Вчера получилъ я 100 рублей [1]) и посылаю ихъ тебѣ. Можешь распорядиться ими для удовлетворенія назойливѣйшихъ должниковъ твоихъ, разумѣется, не сказывая никому, что получилъ деньги отъ меня.

Для уплаты долговъ [2]) посылать теперь денегъ не нужно [3]). Для Ниночки, Анночки и Володи—вы сдѣлаете все, что можно, и я надѣюсь на васъ, т. е. на тебя и на тетеньку, какъ нельзя болѣе надѣяться и какъ я не надѣялся бы и на себя. Если имъ случится надобность крайняя, то, конечно, ты самъ сдѣлаешь то же, что бы я сдѣлалъ, и не пожалѣешь даже пожертвовать чѣмъ нибудь своимъ. . Что касается до моихъ собственныхъ нуждъ, то обо мнѣ и говорить нечего: я до новаго года получу еще рублей 50, слѣдовательно, нуждаться ни въ чемъ не буду. Слѣдовательно, возьми мои деньги и распорядись ими безъ церемоніи, какъ знаешь. Можешь развѣ Анночкѣ удѣлить сколько нибудь; о Ванѣ и Нинѣ я не считаю нужнымъ говорить.

На дняхъ я пришлю тебѣ обширное посланіе, а теперь тороплюсь, чтобы поскорѣе отослать деньги. Ниночка скоро будетъ получать деньги изъ церковнаго дохода, потому что я написалъ въ началѣ сентября

лаю Александровичу, въ какія денежныя затрудненія поставила его женитьба (письмо отъ 23—25 августа).

[1]) Вѣроятно, это была часть гонорара за статью о „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова.

[2]) Отцовскихъ долговъ.

[3]) Потому что ихъ осталось очень мало и Василій Ивановичъ легко уплатитъ ихъ изъ доходовъ съ дома.

сердитое письмо къ Лебединскому [1]), ясно указывая на то, что его зять [2]) пользуется доходами моей сестры, и обѣщая снова просить синодъ, если они сами не покончатъ этого дѣла, какъ слѣдуетъ. Видишь, что твой намекъ не прошелъ даромъ.

Вчера получилъ я письмо отъ Михаила Алексѣевича. Благодари его за память и поклонись ему отъ меня. Скажи, что скоро буду ему писать.

Къ тебѣ тоже скоро я буду писать, и къ дяденькѣ Лукѣ Ивановичу и Варварѣ Васильевнѣ. Теперь пока все некогда было.—Прощай. Не сердись на меня. Скоро мы объяснимся лучше.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

20 ноября 1856 г.

Любезный Николай Александровичъ,

Я къ тебѣ посылалъ письмо въ августѣ съ Галаховымъ и послѣ по почтѣ въ отвѣтъ на твое письмо, при которомъ присланы деньги 50 р. сер., и остаюсь въ такомъ долгомъ молчаніи въ ожиданіи твоего письма.—Мы всѣ здоровы. За работы по дому я расплатился дешево: маляру отдалъ за крыши, полы, стѣны и вообще за все—только 85 р.; и онъ остался доволенъ, хотя счетъ его былъ за 130 р.

Доходу по 1-е ноября изъ церкви получилъ 21 р.

Мы Ниночку готовимъ въ невѣсты. Что же ты не отвѣчаешь, какъ и что дѣлать: отдавать ли ее послѣ Рождества или оставить до весны, и за кого. Михаилъ Алексѣевичъ, какъ видно, желаетъ...— — [3]) Вотъ бѣдный Володя все и остается съ азбукой, а архіерей все еще не надумалъ. Попроси ты [4]), чтобы позаботились, да поласковѣе напиши поклоны его женѣ и поздравь со внучкой, Лѣнивцевой.

Фавста Васильевна тоже ждетъ отъ тебя письма.

Теперь мнѣ свободнѣе становится: я покончилъ дѣла съ Демидовымъ и болѣе не будетъ у него ихъ [5]).

Желаю тебѣ здоровья. Отвѣчай поскорѣе.

В. Добролюбовъ.

Жена тебѣ кланяться велитъ.

---

[1]) Руководителю архіерея.

[2]) Получившій мѣсто священника при Никольской церкви и не дававшій ничего Антонинѣ Александровнѣ впродолженіе времени отъ зачисленія мѣста за Антониной Александровной. Вѣроятно вслѣдствіе этого письма и былъ назначенъ къ Никольской церкви второй священникъ для временнаго исполненія обязанностей, которыя по замужствѣ Антонины Александровны перейдутъ къ ея мужу, и съ обязанностью отдавать ей половину дохода временно исправляемой имъ должности.

[3]) Слѣдуютъ соображенія о томъ, принять ли ожидаемое предложеніе его; далѣе говорится, что архіерей взялъ на себя выборъ учителя для Володи.

[4]) Мичурина.

[5]) Василій Ивановичъ ошибался: Демидовъ, желая привести свои денежныя дѣла въ порядокъ, попросилъ его завѣдывать ими.

ПИСЬМО БОРИСА ЕФИМОВИЧА ПРУТЧЕНКО.

25 декабря 1856.

Сегодня мы [1]) обрадованы для праздника Вашимъ письмомъ отъ отъ 20 числа. Намъ весьма пріятно было видѣть чувства Ваши, любезнѣйшій Николай Александровичъ. Вы заслужили доброе вниманіе и расположеніе профессоровъ и высшаго начальства, не давшаго Васъ въ обиду. Чудное дѣло! Пишутъ, умствуютъ въ кабинетѣ: какъ улучшить нравственное образованіе воспитанниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и тутъ же, подъ глазами высшаго начальства, допускаются люди съ закоренѣлыми дурными качествами и привычками. Какой же нравственности, какого примѣра ждать отъ подобнаго наставника. Не всѣ молодые люди могутъ выполнять правило пьянаго пастора, говорившаго прихожанамъ: дѣлай не то, что я дѣлаю, а то, что я говорю. Въ здѣшнемъ Институтѣ дворянъ вышла почти та же исторія, какая была и въ Вашей Педагогикѣ; только не по части кармана, а по нравственнымъ причинамъ. Вѣроятно, Вы помните инспектора Позернъ; воспитанники жаловались на него за придирчивость; наконецъ, не видя вниманія къ ихъ жалобамъ, задумали расправиться сами собою, и расправились слишкомъ громко: вѣроятно, выпалъ жребій и одинъ изъ воспитанниковъ далъ ему въ классѣ пощечину. Фамилія этого воспитанника—Фортунатовъ; онъ сынъ Васильскаго почтмейстера. Это случилось дней съ десять назадъ. Сперва слишкомъ заговорили объ этомъ случаѣ, но теперь стали забывать, какъ и многое. Фортунатова посадили въ больницу, предполагая въ немъ бѣлую горячку, а по пріѣздѣ сюда отца его, отпустили съ нимъ въ Василь. Говорятъ, будто присланъ изъ Казани слѣдователь. Неизвѣстно, чѣмъ этотъ случай кончится; но всѣ жалѣютъ 15-лѣтняго юношу, изъ первыхъ учениковъ, всегда отличавшагося лучшимъ поведеніемъ и ученіемъ. Тутъ, конечно, виноваты воспитанники, за дерзость самоуправства; но, разумѣется, еще больше виновно начальство, доведшее до такого отчаяннаго поступка. Легко писать трактаты о воспитаніи, но какъ трудно найти исполнителей. Мнѣ кажется, что подобные инспекторы и директоры вовсе не понимаютъ и не занимаются своими обязанностями. Читали ль Вы книгу Аксакова «Семейная Хроника и Воспоминанія»? Совѣтую прочитать; это прелюбопытная книга во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ Вы найдете разсказъ Аксакова о себѣ, какъ онъ воспитывался въ Казанскихъ гимназіи и университетѣ, съ разными продѣлками со стороны воспитателей и учениковъ. Тутъ увидите и нашего добрѣйшаго Александра Максимовича [2]) и другихъ, еще, слава Богу, здравствующихъ. Тутъ найдете весьма замѣчательнаго человѣка, Григорія Ивановича Карташевскаго, бывшаго наставника Аксакова, профессора Казанскаго университета, а потомъ Попечителя Бѣлорусскаго учебнаго округа. Онъ умеръ; я зналъ его по службѣ въ Министерствѣ, но Аксаковъ даетъ объ немъ полное понятіе: это типъ воспитателей.

---

[1]) Онъ и его жена.

[2]) Княжевича.

Вашу тетушку съ сестрицей Вашей [1]) мы видѣли вчера у обѣдни, у всенощной, а сегодня за обѣдней. Онѣ и братишка [2]) здоровы. Изъ Симбирска давно не получали извѣстія отъ Катеньки, и думаемъ, что у нея тамъ все благополучно: иначе, непремѣнно увѣдомили бы. Слѣдственно, на ихъ счетъ Вы должны быть покойны; думайте о себѣ и молитесь, а въ важныхъ случаяхъ просите совѣта у Александра Максимовича; онъ не оставитъ Васъ.

Христосъ съ Вами, любезнѣйшій Николай Александровичъ. Жена моя кланяется Вамъ и вмѣстѣ со мною поздравляетъ Васъ съ праздникомъ и новымъ годомъ.

Всегда искренно Васъ любящій

Борисъ Прутченко.

ПИСЬМА АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ И ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(*Отъ 13 и отъ 16 янв. 1557*).

(*Письмо Антонины Александровны*) [3]).

13 января 1857 года.

Милый и безцѣнный мой братъ, Николенька,

Поздравляю тебя, мой душечка, съ наступившимъ новымъ годомъ; желаю тебѣ всего, всего лучшаго. Я еще 25 декабря писала тебѣ и поздравляла тебя съ наступающимъ новымъ годомъ, но, къ великому моему сожалѣнію, письмо мое осталось неотосланнымъ, оттого, что я прогостила святки у тетеньки Варвары Васильевны, а безъ меня тетенька не исполнила моей просьбы, не написала сама и не отослала моего письма. А время идетъ и я, быть можетъ, теперь уже получила бы письмо отъ тебя, котораго желаю болѣе всего на свѣтѣ, и я не могу ни съ чѣмъ сравнить это удовольствіе. Ахъ, если бы ты зналъ, сколько доставляетъ мнѣ удовольствія письмо твое, то вѣрно бы въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ написалъ бы [4]) хоть что нибудь. Ты, впрочемъ, въ это время, кажется, не писалъ никому изъ насъ, и это еще болѣе удивляло и огорчало меня. Я очень боялась за твое здоровье; но за то нынче дяденька очень обрадовалъ меня: онъ сказалъ, что ты здоровъ и что ты ему пишешь, что будешь скоро писать мнѣ, и потомъ еще то, что ты хочешь пріѣхать къ намъ лѣтомъ. Все это очень обрадовало меня и я теперь даже дрожу отъ радости, какъ только вспомню объ этомъ. Надѣюсь, мой милый, что ты уже не обманешь насъ нонче, какъ обманулъ лѣтосью [5]). О, на-

---

1) Фавсту Васильевну съ Антониной Александровной.
2) Ваня.
3) Отправленное вмѣстѣ съ письмомъ Фавсты Васильевны отъ 16 января.
4) Повтореніе „бы"—разговорный плеоназмъ.
5) „Лѣтосью" (вмѣсто „лѣтось")—провинціализмъ.

кая радость будетъ намъ всѣмъ увидать тебя, въ особенности же мнѣ; я начинаю уже мечтать объ этомъ. Я чувствую, что я люблю тебя болѣе всѣхъ и даже горжусь моею къ тебѣ любовью. Еще: душечка, мой братецъ, поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего рожденія; желаю тебѣ провести этотъ день какъ можно лучше, и пожалуйста, въ этотъ день прими заочный поцѣлуй мой, летѣвшій къ тебѣ за тысячу верстъ. Я непремѣнно въ этотъ день вмѣсто тебя прижму къ сердцу портретъ твой и пошлю тебѣ поцѣлуй мой, который ты, навѣрно, примешь, а я буду мечтать, что цѣловала тебя. Теперь мы всѣ здоровы. Анночка гоститъ у насъ со вторника, а святки я гостила у нихъ, значитъ, мы съ ней теперь вмѣстѣ, и я этимъ очень довольна. Только меня очень огорчаетъ то, что я почти совсѣмъ не вижу Володю; его нонче не берутъ къ намъ, оттого что, бывало, когда онъ бываетъ у насъ, всегда очень плачетъ, когда его нужно провожать къ Мичуринымъ. Отъ Катеньки мы тоже не получали давно письма; не знаю, пишетъ ли она тебѣ. Прощай, милый мой братъ. Я съ нетерпѣніемъ всякій день жду письма отъ тебя и когда получу его, то буду писать тебѣ много; а теперь не знаю, что и писать, когда ты мнѣ ничего не пишешь.

Надѣюсь, что ты получилъ письмо мое отъ Галаховой [1]); въ немъ я просила тебя похлопотать за тетенькина постояльца и еще разъ повторяю эту просьбу. Если можно, то сдѣлай для него, что онъ просилъ, а если нельзя, то напиши мнѣ о немъ что нибудь, чтобы я могла дать ему какой нибудь отвѣтъ отъ тебя. Онъ въ Петербургѣ никого не знаетъ и потому проситъ тебя. Прощай, душечка; цѣлую тебя заочно. Сестра твоя Антонина Добролюбова.

(Приписка Михаила Ивановича).

Желаю и поздравляю тебя, любезный мой Николай Александровичъ, съ тѣмъ, съ чѣмъ и прочіе [2]);—скоро писать буду отдѣльно, теперь некогда.

Твой слуга

Михаилъ Благообразовъ.

(Письмо Фавсты Васильевны).

(Отъ 16 янв. 1857).

Любезный Николенька!

Поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего рожденія и съ новымъ годомъ и желаю тебѣ, чтобы твои желанія всѣ исполнялись благополучно. Я видѣла письмо твое къ Василію Ивановичу; ты не можешь себѣ представить, какъ оно меня обрадовало, что ты пишешь

[1]) Это письмо не сохранилось.
[2]) То есть Фавста Васильевна и Антонина Александровна.

не спѣшить на счетъ Ниночки [1]), и что ты самъ можешь пріѣх
лѣтомъ. Ниночку еще никто не сватаетъ и я слышала отзывы п
фессоровъ [2]), что они поэтому не дѣлаютъ предложенія, что мы
ждаемся тебя. А какъ они угадали твое желаніе, не знаю. Это оч
хорошо, что мѣсто не зависитъ отъ Іереміи и доходъ даютъ Ва
лію Ивановичу; поэтому не торопясь гораздо лучше будетъ это д
устроить. А я давно, мой другъ, къ тебѣ не писала; очень нужн
ничего нѣтъ, да и отъ тебя на послѣднее письмо отвѣта не по
чала, которое я давно къ тебѣ съ Натальей Алексѣевной Галахо
послала; все семейныя обстоятельства заставляютъ откладывать д
за день. Миша былъ очень нездоровъ, у него въ ярмарку забол
зубы и потомъ сдѣлался флюсъ, который онъ тогда застудилъ, и вс
все съ тѣхъ поръ нездоровъ, и только съ новаго года стало получ
постоянно ѣздитъ докторъ; и теперь [3]) не выходитъ изъ комнаты
дѣль пять; такъ вотъ и причина моего долгаго молчанія. Ты може
себѣ представить, какъ это меня безпокоитъ. Машенька [4]) здоро
Ваничка тоже; Анночка недѣлю какъ у меня гоститъ и я сего
собираюсь ее проводить домой. Объ Володѣ слышала, что онъ з
ровъ и учится. Миша тебѣ кланяется, онъ самъ собирается къ т
писать, а я въ ожиданіи и отъ тебя письма остаюсь любящая т
тетка твоя Фавста Благообразова.

Января 16 1857 года.

(*Приписка Анны Александровны*).

Милый братецъ, Николенька!

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и съ наступающимъ дн
твоего рожденія. Желаю быть здоровымъ. Я здорова; больше
писать нечего, потому рѣдко и пишу. Твоя сестра Анна Добролюбо

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 18 янв. 1857*).

Любезный мой

Николай Александровичъ!

На этотъ разъ я очень виноватъ предъ тобою, и тѣмъ болѣе,
трудно представить причину въ оправданіе, хотя ихъ и много.
Да, я благодарилъ тебя за твое истинно великодружеское посо

---

[1]) То есть не спѣшить въ дѣлѣ выбора жениха для нея.
[2]) Семинаріи.
[3]) Подразумѣвается: „Миша".
[4]) Марья Дмитріевна, жена Михаила Ивановича.

сопряженное съ лишеніями и предложенное со всею деликатностью, не такъ, какъ бы слѣдовало [1]); но повѣрь, что какъ велико добро твое ко мнѣ, такъ велика благодарность; но это ни языкъ, ни бумага не могутъ передать. Если бы не было пошло, потому что это въ письмѣ, я сказалъ бы, что цѣлую твои щедрыя руки. Однимъ словомъ, хотя и не первое впечатлѣніе, но все-таки при воспоминаніи объ этомъ является чувство, котораго не объясню. Въ прошедшій разъ я какъ-то мало благодарилъ, думалъ нынѣ лучше успѣть, но все то же; и такъ скажу опять, что очень благодаренъ... если можно сказать,—до гроба.

Въ томъ письмѣ я обѣщался писать тебѣ часто, какъ ты просилъ; но вышло иначе. Ты какъ-то сталъ самъ немного неаккуратенъ: обѣщался прислать мнѣ подробное письмо, объясняющее все... но до сихъ поръ нѣтъ; это — одна причина моего долгаго и неизвинительнаго сбора писать тебѣ, а другая: я съ 13-го августа, *включительно* все хвораю [2]); болѣзнь, повидимому, пустая, но на самомъ дѣлѣ не такъ. Въ ярмарку заболѣли зубы, сдѣлался флюсъ, я его застудилъ и теперь дорого расплачиваюсь. Въ настоящее время съ 10 декабря сижу дома; до 6 января дѣлалъ припарки къ щекѣ, съ 1 января пью декоктъ, который и буду продолжать до 15 февраля, и, стало быть, домосѣдство мое не измѣнится. А въ уничтоженіи флюса сомнѣваюсь потому, что нашъ палатскій докторъ въ зубныхъ боляхъ оказывается не совсѣмъ ловокъ.

Оно разумѣется, что болѣзнь моя не постельная; но какъ-то, откладывая то за тѣмъ, то за другимъ, я и не писалъ. Но много передумалъ, не имѣя отъ тебя ни къ кому писемъ; но отъ Василія Ивановича узналъ, что ты существуешь, и довольно. Объ семействѣ твоемъ писать нечего, потому что ты на дняхъ получилъ ихъ письма. Жена кланяется. Скоро, можетъ быть въ концѣ этого мѣсяца, или въ началѣ февраля, я буду отцомъ: буду имѣть *наслѣдника фамиліи*. Обыкновенно при этомъ многіе городятъ чушь, но я не скажу ничего; должно быть, такъ на роду написано. Время проводимъ незамѣтно: вечеромъ играемъ въ карты и въ лото; теперь особенно занимаетъ «стуколка» по 1/4 коп. серебромъ. Почти каждый вечеръ кто нибудь бываетъ. Говорятъ, ты пріѣдешь нынѣ лѣтомъ; я особенно желаю, чтобы лично хотя выразить [3]) чувства благодарности.

Твой... все [4]).

Михаилъ Благообразовъ.

18 января 1857.

---

[1]) То есть: я не благодарилъ тебя такъ, какъ бы слѣдовало, за и т. д.

[2]) „Включительно“ употреблено здѣсь въ смыслѣ „непрерывно“,—съ 13 августа непрерывно хвораю.

[3]) Чтобы хотя изустно выразить чувство благодарности, котораго не умѣлъ выразить на бумагѣ.

[4]) То есть: твой братъ, другъ, слуга и все, что хочешь.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 23 янв. 1857*).

Любезный Николай Александровичъ! Ниночка и Фавста Васильевна тебѣ много благодарны за твое попеченіе объ нихъ, и первая осталась чрезвычайно покойною на свой счетъ.

19 января мы представили отчетъ въ консисторію; вотъ его содержаніе, что тебѣ знать не мѣшаетъ: въ 1856 году получено за квартиру съ князя В. А. Трубецкаго, остававшихся за нимъ въ неполученіи за 1855 годъ, 54 р. 36¾ к.; за 1856 г. получено съ него въ число годовой платы 521 р. 43 к.—496 р., затѣмъ осталось получить съ него въ 1857 г. 25 р. 43 к. За квартиру во флигелѣ получено съ 1 го января 1856 г. по 1-е августа, по 6 р. 25 к. въ мѣсяцъ, 43 р. 75 к., а съ сего числа по 1-е января, по 7 р. 50 к.— 37 р. 50 к. Отъ студента Пед. Ин. Ник. А. Добролюбова 90 р.; за проданную картину (портретъ Іакова) 50 к.; отъ причта Николаевской Верхнепосадской церкви 84 р. [1]) итого 806 р. 11¾ к., да оставалось отъ прошлаго 1856 года у опекуновъ 18 р. 79¾ к., а всего 824 р. 91½ к. Изъ нихъ употреблено въ расходъ: пономарю Нижегородской Николаевской Верхнепосадской церкви Лебедеву въ уплату должныхъ ему 50 р. по сохранной роспискѣ покойнаго священника Добролюбова, 50 р.; мѣщанкѣ Ольгѣ Трушениковой по условію съ 1-го января 1856 г. по 1-е февраля 1857 г. 37 р. 58 к. (по разсчету немного болѣе, чѣмъ по 1-е февраля, но это я буду имѣть въ виду при послѣдующихъ выдачахъ); купцу Тихоновскому въ уплату 400 р. по заемному письму—260 р. и процентовъ за 1856 г. 18 р. (въ послѣдній разъ я заплатилъ 90 р., потому что первыя сто р. отданы ему въ началѣ года *). Лѣснику за лѣсъ въ уплату долга, остававшагося отъ 1856 г., 36 р. 87 к.; на удовлетвореніе годовыхъ подрядчиковъ 30 р.; мѣщанину Шапошникову за муку, взятую еще самимъ священникомъ Добролюбовымъ, 7 р. Употреблено на ремонтное исправленіе дома 233 р. 72½ к.; уплачено въ Страховое общество за страхованіе дома съ 26 октября 1856 г. впредь на годъ 100 р. 20 к.; на покупку для сироты Антонины Добролюбовой разныхъ вещей 41 р. 3 к.; а всего израсходовано 814 р.; затѣмъ у опекуновъ осталось 10 р. 51 к. Это общее извлеченіе изъ шнуровой книги написано въ концѣ ея, послѣ всѣхъ расходовъ; а для тебя, какъ незнакомаго съ ней, я дѣлалъ выше поясненія. Для Ниночки куплено на 41 р. 3 к. (не помню, писалъ ли я тебѣ): лисій мѣхъ 19 р., плетеная косынка, кружева, перчатки и воротничекъ. На 10 р. 50 к. я куплю ей, какъ освобожусь, платье: она проситъ.

У насъ, въ Нижнемъ, веселье началось обѣдомъ губернскаго предводителя дворянству, то ему отвѣчало баломъ, потомъ дворянство

---

[1]) Та часть дохода съ зачисленнаго за Антониной Александровной мѣста, которая приходилась на ея долю.

*) Т. е. проценты уплачены только за 300 рублей. *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

давало балъ губернатору; а завтра даетъ блестящій балъ губернатору купечество, въ 2000 руб. серебр., у насъ въ залѣ [1]). Ниночка обѣщалась придти [2]).

Наши всѣ здоровы. Марья Дмитріевна скоро окажетъ свои успѣхи отъ замужней жизни. Ваня—веселый мальчикъ. Володю недавно видѣлъ, шелъ [3]) съ Пашей въ классъ къ мадамъ Бакаевой. Очень радъ, что учится [4]). Анночка гостила у Фавсты Васильевны съ недѣлю. Она какъ быть дѣвочка [5]), но плохо растетъ; но я не отчаяваюсь, чтобы она не выросла. Екатерина Петровна ко мнѣ пишетъ не рѣдко съ такими нѣжными восхищеніями объ умныхъ рѣзвостяхъ Лизеньки.

Надѣюсь, что ты мнѣ скоро отвѣтишь, или лучше напишешь такъ, кое о чемъ своемъ; это дастъ мнѣ поводъ порадоваться, что ты здоровъ, веселъ и спокоенъ, и насъ любишь.

Былъ ли у тебя Митрофанъ [6]) и передалъ ли мое письмо тебѣ? Если увидишь его, скажи, что маменька [7]) съ дѣтьми еще у меня,— дожидается его письма и, не получая его долго, опасается за его здоровье.

За сдѣланнымъ выше объясненіемъ къ отчету я и позабылъ было дописать его; вотъ продолженіе: числящійся на домѣ сиротъ Добролюбовыхъ долгъ Строительной Коммисіи въ 1380 руб., по просьбѣ Студ. Пед. Инст. Н. А. Добролюбова, Государемъ Императоромъ въ видѣ особой Монаршей милости къ сиротамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года сложенъ. Затѣмъ на наслѣдникахъ священника Добролюбова остался только одинъ долгъ купцу Тихоновскому въ 140 р., объ уплатѣ коего опекунами будутъ приняты надлежащія мѣры, не смотря на то, что по случаю зачисленія за сиротой А. Добролюбовой при Никольской церкви священническаго мѣста многое потребуется употребить на необходимое ея приданое.

У Князя [8]) давно живетъ князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой и скоро уѣзжаетъ.

В. Добролюбовъ.

Писано 21, а посылается 23 янв. 1857.

Пиши къ Мичуринымъ: они будутъ ласковѣе къ Володѣ, къ Фавстѣ Васильевнѣ и Варварѣ Васильевнѣ [9]).

Поздравляемъ со днемъ рожденія.

Ниночка нынѣ у насъ.

---

1) То есть въ залѣ Дворянскаго собранія.

2) На хоры зала, посмотрѣть на высшее общество.

3) То есть: онъ шелъ.—Паша, сынъ Мичуриныхъ, былъ нѣсколько старше Володи.

4) То есть: я очень радъ, что Мичурины начали учить его.

5) Она здоровая дѣвушка.

6) Митрофанъ Ефимовичъ Лебедевъ, уѣхавшій въ Петербургъ на службу въ оружейномъ вѣдомствѣ, по вызову главнаго начальника этого вѣдомства, князя Голицына.

7) Мать Митрофана Ефимовича и Марьи Ефимовны, пріѣхавшая изъ Лукоянова погостить у дочери.

8) Владиміра Александровича Трубецкаго.

9) Подразумѣвается: тогда Фавстѣ Васильевнѣ и Варварѣ Васильевнѣ будетъ удобнѣе навѣщать Володю.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Писано въ концѣ февраля или самомъ началѣ марта 1857*) [1].

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Прости, что такъ долго не отвѣчалъ тебѣ на письмо отъ 11-го февраля. Увѣдомляю тебя, что Лиза сколько была въ первый мѣсяцъ капризна и несносна по своимъ привычкамъ, столько же нынѣ мила и послушна. Я ее привезъ изъ Борцова [2]) съ няней ея, Зиновьей. Она до того знала ее одну, что первыя двѣ недѣли не позволяла выйти ей въ сѣни, иначе и не уйдешь отъ громогласнаго Лизина крику: ни просьбы, ни угрозы, ни ласки,—наконецъ, ни ея любимые конфекты—ни что не дѣйствовало; и я вынужденнымъ нашелся отослать няньку въ деревню, съ тѣмъ, чтобы она прислала взамѣнъ себя сестру свою, къ которой Лиза не была привязана и прежде. Это было въ субботу утромъ. Дѣло пошло на ладъ. Правда, что Лиза всю субботу проплакала, но въ воскресенье, когда я пригласилъ Ниночку, Ваню и Володю и обклалъ ихъ всѣхъ разными игрушками,—наша «барь», или барышня, какъ зоветъ себя Лиза, обошлась, и въ этотъ день не было ни слезинки. Проводивши своихъ дорогихъ гостей и не видѣвши Зиночки (имя ея няни), Лиза такъ же привязалась къ женѣ, и она, покуда Лиза не засыпала, не смѣла никуда уходить, опасаясь крику. Между тѣмъ, пріѣхала другая дѣвушка, Ѳектиста. Мы думали, что Лиза, забывши Зиновью, будетъ ласковѣе къ намъ,—ничего не бывало, она опять принялась вести дѣла свои по старому, подпуская, впрочемъ, къ себѣ меня, когда я давалъ ей конфектъ. Убѣдившись, что при нянькѣ Лиза будетъ оставаться при прежнихъ своихъ привычкахъ, мы отослали и эту дѣвушку въ деревню, и Лиза наша въ послѣднія двѣ недѣли стала совсѣмъ другимъ ребенкомъ: сама чулочки съ башмаками надѣваетъ и, проснувшись по ночамъ, одѣвается одѣяломъ, тогда какъ прежде она пробужденіе свое обозначала ужасным крикомъ, чтобы ее одѣвали. Она нынѣ остается дома одна со мною или съ Настасьей кухаркой, и, по возвращеніи тетеньки, рапортуетъ ей, что она не капнизичала, или же иногда—капнизичала, и ее дяденька въ уголъ ставилъ. Умъ у Лизы свѣтлый, сображеніе бойкое, и она ни сколько не застѣнчива. Ласкова стала до-нельзя, и мы ею утѣшаемся и радуемся, когда она рѣзвится или разсуждаетъ. А разсуждаетъ или обсуживаетъ она слышанные разговоры то и дѣло, только слушай. Я много благодаренъ женѣ, которая, живши въ семействѣ благовоспитанномъ, умѣла, наконецъ, исправить Лизу. Вотъ тебѣ, какъ старшему брату и хозяину, подробное описаніе, даже съ мелочами, о меньшей сестрѣ.

---

[1]) Въ письмѣ къ Катеринѣ Александровнѣ отъ 8 марта, Николай Александровичъ передаетъ ей, что Лиза теперь живетъ у Василія Ивановича, — свѣдѣніе, полученное, по всей вѣроятности, именно изъ этого письма его.

[2]) Имѣнья, въ которомъ жила ея воспитательница Катерина Петровна, умершая, какъ видно въ этого письма, въ январѣ 1857 (или декабрѣ 1856 года).

Получилъ я на-дняхъ изъ консисторіи обревизованную книгу о приходѣ и расходѣ въ 1856 г. Хотѣлъ было послать къ тебѣ посмотрѣть, потому что я завелъ на 1857 г. новую, но побоялся расхода на пересылку и тебя отвлечь отъ занятій.

Тихоновскому я заплатилъ еще 40 р. давно; теперь осталось 100. Получивши съ княгини, еще уплачу.

Письмо твое я читалъ Ниночкѣ, и она очень была довольна твоимъ къ ней вниманіемъ; но не видалъ ея по полученіи отъ тебя денегъ, потому что Марья Дмитріевна ждется [1]) родить, и Ниночка живетъ у Варвары Васильевны [2]). Недавно я ей купилъ два платья шерстяныхъ, вуаль, одеколону фунтъ, лентъ и еще кое-чего, на 15 р., и она слишкомъ [3]) была довольна.

У NN [4]) есть сынъ, окончившій курсъ,—не будутъ ли они какъ нибудь и чрезъ кого нибудь сватать у тебя за него Ниночку. Если ужь ждать, то будь остороженъ и подожди до пріѣзда въ Нижній. Женихъ этотъ вовсе не будетъ стоить ни Ниночки, ни мѣста. Пишу тебѣ объ этомъ потому, что NN сваталъ у меня Ниночку, но я отказалъ ему рѣшительнымъ отвѣтомъ, что сватовство отложено до твоего пріѣзда. Чтобы онъ не сталъ дѣйствовать чрезъ Тихомандритскаго [5]).

Дай Богъ тебѣ счастья въ успѣхахъ и хлопотахъ. Я тоже все суечусь и хлопочу по чужимъ дѣламъ: недавно взялъ по довѣренности въ управленіе имѣніе 140 душъ, неподалеку отъ Нижняго; а благодарность за труды еще впереди и неизвѣстна; сказали только, что вполнѣ оцѣнимъ.

Скажи Митрофану [6]), что мы здоровы, и что желаемъ знать объ его житьѣ. Наше идетъ по старому и ему извѣстно.

В. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Начатое 21 янв., дописанное 4 марта 1857*).

21 января 1857.

Милая моя сестра, душечка моя Ниночка! Вотъ тебѣ уже 16 лѣтъ. Скоро и мнѣ будетъ 21 [7]). Я освобождаюсь отъ всякой опеки и попечительства; ты вступаешь въ возрастъ совершеннолѣтія. Для насъ обоихъ это много значитъ, и для тебя, конечно, болѣе, нежели для

---

1) „Ждется родить“ — провинціализмъ, вмѣсто: ожидается, что М. Д. родитъ, „ожидаются роды ея“.

2) Въ дальней части города, куда недосугъ идти ему.

3) Очень была довольна.

4) Названъ по имени одинъ изъ людей, занимавшихъ высшія мѣста въ нижегородскомъ духовномъ вѣдомствѣ.

5) Инспектора Педагогическаго Института, родственника его.

6) Митрофану Ефимовичу Лебедеву.

7) Подразумѣвается „годъ“.

меня. Теперь скоро (полгода, годъ, даже два — все это недолго) ты будешь предоставлена самой себѣ, будешь жить съ людьми, которыхъ до того почти не знала, но съ которыми разстаться будетъ уже не въ твоей волѣ, послѣ того какъ ты однажды навсегда съ ними сойдешься. Для того, чтобы сдѣлать этотъ шагъ и не раскаяться въ немъ, нужно много благоразумія, твердости воли, умѣнья владѣть собой. Я бы хотѣлъ быть съ тобою, чтобы мало-по-малу приготовить тебя къ ожидающему тебя поприщу (такъ какъ я успѣлъ немножко узнать людей); но судьба хотѣла, чтобы я былъ далеко отъ тебя, и я могу только подать тебѣ издали нѣсколько общихъ совѣтовъ. Прими ихъ, какъ доказательство любви моей: ты увидишь, что они будутъ тебѣ полезны.

Я не знаю, по прежнему ли ты легкомысленна [1]) теперь: изъ писемъ твоихъ видно только, что ты добра по прежнему. Если эта доброта соединяется съ обдуманностью поступковъ, то хорошо; если же она лишена разумнаго основанія, то она принесетъ тебѣ несчастье въ жизни скорѣе, чѣмъ счастье. Къ сожалѣнію, я имѣю причины подозрѣвать въ тебѣ легкомысліе. Я на тебя былъ очень, очень сердитъ (не безпокойся, душечка, я теперь не сержусь больше). Помнишь, я тебѣ и тетенькѣ писалъ, что нуждаюсь въ вашихъ письмахъ, что если вы меня любите, — хоть бы въ мѣсяцъ два раза писали ко мнѣ... хоть поочередно... Мнѣ въ самомъ дѣлѣ это было очень, очень нужно. Но вы приняли мои слова за пустую фразу и даже не удостоили отвѣтить на мой вызовъ хоть какимъ нибудь замѣчаніемъ. Мнѣ было очень горько, и я пересталъ писать, думая, что всѣ твои увѣренія въ искренней любви — такъ только пишутся отъ нечего дѣлать, потому что ты не хотѣла успокоить брата пустымъ исполненіемъ пустой просьбы... Я, разумѣется, сердился не долго; но что, если ты такъ поступаешь и будешь поступать съ посторонними? Тебя ославятъ вѣтренницей, болтушкой, говорящей то, чего не хочешь сдѣлать, и не дѣлающей того, что говоришь... Повѣрь, душенька, что ничего не можетъ быть хуже подобной репутаціи [2]). Что,

---

[1]) То-есть: по прежнему ли ты иногда дѣйствуешь необдуманно, подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія. Это опасеніе опытнаго совѣтника показываетъ, что его знаніе жизни было менѣе глубокое, чѣмъ нужно было бы для удовлетворительнаго исполненія принятой имъ на себя обязанности: когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, сестрѣ было 13 лѣтъ; она, какъ ребенокъ, поступала иногда не подумавъ; онъ воображалъ, что она и теперь остается такимъ же ребенкомъ. Онъ могъ бы видѣть по ея письмамъ, да и по отзывамъ родныхъ о ней, что въ ея характерѣ получила сильное развитіе разсудительность; когда родные — какъ это неизбѣжно при жизни вмѣстѣ — бывали въ досадѣ на нее, то винили ее въ излишней разсудительности, а ужъ никакъ не въ „легкомысліи".

[2]) Не менѣе Антонины Александровны были виноваты въ этомъ „легкомысліи" Фавста Васильевна и Варвара Васильевна. Николай Александровичъ никакъ не хотѣлъ разсудить, что невозможно роднымъ писать къ нему часто, когда онъ оставляетъ ихъ письма къ нему безъ отвѣта по нѣскольку мѣсяцевъ. Почему онъ такъ неисправенъ въ перепискѣ съ ними, онъ еще не понималъ тогда, понялъ послѣ. Онъ тогда ссылался на недосугъ; но тетки, сестры, Василій Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ и не требовали отъ него длинныхъ писемъ, просили его писать имъ хотя по нѣскольку строкъ; на это всегда нашлось бы пять минутъ; но онъ не исполнялъ и этой ихъ просьбы, исполнять которую легко было бы и при величайшемъ недосугѣ. Дѣло въ томъ, что ему тяжело было

если бы я серьезно усомнился въ тебѣ за твое невниманіе, и написалъ къ тебѣ письмо съ упреками и жалобами, заключивши его фразой: а еще говоришь, что любишь меня!.. Зная тебя хорошо, я не сдѣлалъ этого; но многіе ли знаютъ и будутъ знать тебя такъ хорошо, какъ я?

Поэтому, я прошу тебя: обдумывай свои слова и поступки какъ можно больше, будь осторожнѣе во всемъ и, главное, наблюдай за собою, за своими чувствами, за своими наклонностями: это необходимо тебѣ для того, чтобы ты могла опредѣлить свой характеръ, чтобы знать, съ кѣмъ ты можешь сойтись и съ кѣмъ не можешь, что́ тебѣ можетъ нравиться долго и прочно. Иначе, неизбѣженъ грустный обманъ; минутное увлеченіе легко принять за истинную, сердечную склонность... Помни, милая сестра моя, что тебѣ предстоитъ великое дѣло, важнѣйшее въ нашей жизни, отъ котораго зависитъ вся будущая судьба твоя. Съ тобой я не буду жеманиться и говорить обиняками; ты понимаешь и сама, о чемъ я говорю съ тобой. Заговариваютъ о женихахъ для тебя; но выборъ ихъ долженъ зависѣть отъ твоего рѣшенія... Безъ тебя никто не вправѣ въ этомъ случаѣ распорядиться твоей судьбой. Если вздумаетъ кто нибудь, такъ это развѣ архіерей, но тому я непремѣнно по волоску выщиплю всю его безобразную бороду, если онъ осмѣлится сдѣлать хоть малѣйшее притѣсненіе. Кромѣ же его никто не станетъ отнимать у тебя твоей доброй воли. Изъ этого ты видишь, какая важная и трудная обязанность лежитъ на тебѣ, въ отношеніи къ тебѣ самой. Этой обязанности никто не можетъ взять на себя, потому что никто не можетъ рѣшить за тебя твоего счастія. Вотъ почему теперь особенно необходимо тебѣ хорошенько подумать о себѣ и опредѣлить, что тебѣ нужно, чтобы не ошибиться въ своемъ счастіи. Но самой о себѣ судить трудно, пока не пріучишься наблюдать за собой. Поэтому, я прошу тебя еще разъ писать ко мнѣ чаще, быть откровеннѣе въ своихъ письмахъ, разсказывать твою жизнь, твои занятія, чтобы я могъ судить о томъ, что́ происходитъ теперь въ душѣ твоей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ты должна чаще открывать свою душу передъ тетенькой и ни въ чемъ передъ ней не скрываться... Я не знаю, какова съ тобой Марья Дмитріевна, потому что не могъ отъ нея дождаться отвѣта на мое письмо; но, вѣроятно, и она, по своей добротѣ, не откажется раздѣлить съ тобой твои думы.

4 марта. Откладывая день за день, я промедлилъ полтора мѣсяца и, разумѣется, самъ виноватъ, что во все это время не получалъ отъ васъ никакой вѣсточки. Правда ваша: зачѣмъ писать къ

писать роднымъ: его понятія стали не такими, какія сохранялись у нихъ, стремленія его были чужды имъ; и переноситься мыслями въ ихъ понятія, въ ихъ интересы было и трудно и непріятно ему. Въ такое отношеніе къ жизни провинціальнаго духовенства и мелкаго чиновничества онъ сталъ еще при жизни матери: онъ былъ неисправенъ и въ перепискѣ съ нею. Онъ началъ становиться въ это отношеніе къ жизни родной семьи еще до отъѣзда въ Петербургъ. Жить для матери, по смерти матери жить для отца, по смерти отца жить для сестеръ —онъ хотѣлъ, и этой своей волѣ онъ оставался вѣренъ до самой смерти; но жить ихъ жизнью онъ пересталъ еще до отъѣзда въ Петербургъ, и бесѣдовать съ ними становилось для него все затруднительнѣе и затруднительнѣе.

невѣжливому, грубому, беззаботному, лѣнивому брату и племяннику, который цѣлыхъ три мѣсяца не хочетъ отвѣтить на посланныя ему два письма, между тѣмъ какъ изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что онъ живъ и здоровъ... Да, правда ваша: я непростительно виноватъ и не стараюсь даже оправдываться. Можетъ быть, вы меня и простите когда нибудь и напишете мнѣ нѣсколько строчекъ хоть передъ свѣтлымъ праздникомъ, когда всѣхъ прощаютъ, когда въ церквахъ поютъ прощеніе, примиреніе и любовь.

А признаюсь, если бы я не нашелъ у себя начатаго давно письма, я и теперь не собрался бы писать, потому что дѣломъ задавленъ и задушенъ... Теперь осталось три мѣсяца до окончанія курса; дѣло идетъ о томъ, остаться ли мнѣ въ Петербургѣ, гдѣ я могу достать тогда до 1000 руб. сер. въ годъ, или отправляться въ какое нибудь захолустье на 400 цѣлковыхъ, чтобы схоронить тамъ себя на всю жизнь, опуститься и обрюзгнуть, надѣвши стеганый халатъ и вязаный колпакъ. Для меня собственно, дѣло это довольно важно, и разница положенія очень значительна. Потерпи, душечка-Ниночка, лѣтомъ мы съ тобой увидимся непремѣнно. А теперь прощай. Поздравляю тебя съ прошедшимъ ангеломъ и кстати посылаю 25 руб. на обновы.

Твой братъ Н. Добролюбовъ.

Милая моя, дорогая Тетенька! Любезный мой другъ и братъ Michel! Заклинаю и умоляю Васъ—не сердитесь на меня: право издыхаю, какъ собака, и все надъ письмомъ. Каждый день приходится написать отъ 4 до 6 листовъ писанныхъ... А сколько еще прочитать нужно для этого писанья... Просто, чортъ знаетъ что такое!.. Простите меня, пожалуйста. Я теперь забываю все и всѣхъ. Къ концу марта поосвобожусь немного. Освѣжите меня, пожалуйста, вашими письмами.

Вашъ Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н.—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Отъ 8 марта 1857*).

8 марта.

Милый мой другъ, дорогая сестра моя Катенька, какъ мнѣ жалко, какъ я виноватъ передъ тобою! Неужели я не писалъ къ тебѣ со времени именинъ твоихъ!.. Я все воображалъ, что послалъ тебѣ письмо, а вышло, что я только хотѣлъ, но не собрался сдѣлать это. Все это время я былъ очень занятъ, моя душенька, и теперь тоже занятъ разными дѣлами въ Институтѣ. Въ этомъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ я долженъ кончить курсъ, моя милая Катенька, и поступить на службу. Поэтому надо много работать, чтобы получить порядочное мѣсто. Впрочемъ, все-таки я много, много виноватъ передъ тобою, добрый другъ мой, и прошу у тебя прощенія за мою невнимательность. Я надѣюсь, что ты меня простишь и не будешь сердиться на меня... Ты меня такъ много любишь, что не подумаешь,

будто я не люблю тебя... Да, моя милая, голубушка моя Катенька, если бы ты могла видѣть, какъ я радовался на письмо твое, какъ его перечитывалъ... Если бы знала, какъ много, какъ искренно отъ всего сердца благодарилъ я добрую твою благодѣтельницу Амалію Богдановну и Рудольфа Павловича!.. Ты ихъ поблагодаришь за себя и отъ моего имени. Я бы самъ съ радостью сталъ писать къ нимъ, да боюсь ихъ безпокоить своими письмами: я имъ уже нѣсколько разъ писалъ, но они мнѣ не отвѣчаютъ... А твое письмо послѣднее премило написано, душечка Катенька; даже почеркъ твой теперь очень хорошъ,—лучше, чѣмъ у всѣхъ сестеръ. Только, тебѣ нужно грамматикѣ учиться больше, чтобы не дѣлать ошибокъ въ языкѣ. Старайся больше читать, если есть свободное время, и всматриваться въ то, какъ пишутся слова и составляются фразы. Напиши мнѣ, каково ты учишься, какіе предметы больше любишь, въ чемъ находишь больше трудностей, какіе учителя у васъ особенно хороши, съ кѣмъ ты дружна больше другихъ, чѣмъ ты занимаешься въ свободное время, какъ поправляется твое здоровье, какое платье теперь носишь въ институтѣ, часто ли вспоминаешь Нижній, Петербургъ и меня, спокойна ли, весела ли ты, скромно ли ведешь себя, любятъ ли тебя начальницы и наставники, по прежнему ли громко и беззаботно ты смѣешься, давно ли получала письма отъ родныхъ,—и еще напиши, что знаешь... Я жду, что ты не такъ лѣнива и не столько занята, какъ я, и потому скорѣе соберешься отвѣчать мнѣ, чѣмъ я тебѣ. Прошу тебя, будь весела и спокойна, моя красавица, душечка-сестрица... Обо мнѣ много не думай; пиши чаще Ниночкѣ, которую въ Нижнемъ собираются замужъ отдавать. Пиши и къ Василью Ивановичу: ты, вѣрно, знаешь, что теперь и Лиза у него: Екатерина Петровна [1]) умерла и Лизенька осталась одна, Василій Ивановичъ и взялъ её къ себѣ. Право, онъ заслуживаетъ большой благодарности и любви отъ насъ... Такой онъ добрый.

Прощай, душечка. Цѣлую тебя и твои ручки.

Твой братъ.

Пока посылаю тебѣ 5 рублей.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

19 марта 1857 г. Посылается 24 марта 1857 г. [2]).

Милый мой братъ и безцѣнный другъ Николенька, я третьяго дня получила отъ тетеньки письмо твое, котораго уже болѣе мѣсяца ждала отъ тебя всякій день; вмѣстѣ съ письмомъ я получила отъ тебя еще 25 руб. Я тебѣ очень благодарна за это; но все-таки позволь сказать тебѣ мою мысль; можетъ, ты скажешь, что это глупость,—какъ хочешь; но ты самъ сказалъ, что я могу писать тебѣ все, что

[1]) Захарьева, у которой жила Лиза.

[2]) Эта дополнительная отмѣтка написана рукою Михаила Ивановича.

думаю, а я думаю, что ты напрасно мучишь себя, разстраиваешь свое здоровье чрезвычайными трудами. У тебя, я думаю, очень много занятій и безъ кондицій и разныхъ постороннихъ сочиненій; конечно, можно имѣть занятія, чтобъ имѣть что-нибудь для себя; но я боюсь, чтобъ ты, занимаясь очень много, не разстроилъ своего здоровья; ты постоянно, почти въ каждомъ письмѣ пишешь, что у тебя очень много дѣла и что ты заваленъ работою, и судя поэтому, думаю, что тебѣ нѣтъ большой нужды такъ трудиться теперь: домъ почти оплаченъ; казенный долгъ прощенъ, и ты могъ бы самъ отъ него [1]) пользоваться, а не только свои деньги тратить въ него. Но я заговорилась объ одномъ, хотя хотѣла сказать многое. Ты уже слышалъ о смерти Захарьевой и о томъ, что Лиза у дяденьки; она очень милый и забавный ребенокъ и очень полюбила меня; какъ она бываетъ рада, когда прійду къ нимъ: начнетъ обнимать меня; и часто плачетъ, когда я ухожу домой. Я тоже люблю ее и скучаю, когда не могу ее долго видѣть.

Еще, милый Николенька, надо сказать тебѣ, что мнѣ очень горько и прискорбно было узнать, что причина, по которой ты не писалъ мнѣ цѣлые полгода, была та, что ты на меня сердился. Признаюсь, я никогда отъ тебя не ожидала этого; ты хотѣлъ, чтобы я писала тебѣ каждыя двѣ недѣли; но что же я такъ часто буду писать тебѣ: если я буду писать тебѣ все одно и то же, то ты самъ же скажешь, что я это ужъ не разъ слышалъ. А новаго я ничего не знаю; если что и бываетъ, то тебѣ пишетъ дяденька, котораго я часто прошу писать обо мнѣ и отъ меня; я сама не получала отъ тебя писемъ съ сентября; въ это время я послала тебѣ четыре или пять писемъ, но ты не написалъ мнѣ на нихъ въ отвѣтъ ни одной строчки, хотя кромѣ меня тебѣ тутъ писала тетенька. Къ рожденію твоему мы послали послѣднее письмо къ тебѣ. Послѣ этого я, хотя сколько разъ собиралась писать тебѣ, но не писала, во-первыхъ, потому что дожидалась отъ тебя письма, которое ты обѣщалъ мнѣ въ письмѣ своемъ къ дяденькѣ, во-вторыхъ, потому что здѣсь были всѣ не очень здоровы: Михаилъ Ивановичъ постоянно былъ боленъ зубами, тетенька тоже была не очень здорова. Марья Дмитріевна съ каждымъ днемъ ждалась [2]) разрѣшенія отъ бремени; и я частью для того, чтобы побольше наработать, а болѣе для того, чтобы избѣжать этого случая, цѣлыя три недѣли гостила у тетеньки Варвары Васильевны и только 16 марта вечеромъ пріѣхалъ за мной Михаилъ Ивановичъ. Ему въ этотъ день Богъ далъ дочь Марію. Марія Дмитріевна цѣлыхъ двое сутокъ мучилась, такъ что отворяли царскія врата; теперь, слава Богу, опасности нѣтъ; ребенокъ тоже здоровъ. Впрочемъ, докторъ ѣздитъ постоянно два раза въ день.

21 (марта). Мнѣ хотѣлось нынче послать тебѣ письмо. Но я не успѣла написать вчера: было не до письма. Вчера крестили младенца; воспріемниками были генеральша Улыбышева и докторъ Лебедевъ.

---

[1]) Отъ дома.

[2]) Тотъ же провинціализмъ, какъ у Василія Ивановича въ письмѣ, писанномъ въ концѣ февраля или началѣ марта.

Еще, кажется, нечего [1]) писать тебѣ и потому я буду писать тебѣ на твое письмо. Ты пишешь мнѣ о выборѣ жениховъ, о моемъ характерѣ, говоришь, чтобы я не ошиблась, чтобы не почла минутное влеченіе сердца за любовь и чтобъ не сдѣлалась оттого несчастна, чтобъ не скрывала ничего отъ тетеньки и была бы съ ней откровенна; я не знаю, откуда ты взялъ эти мысли [2]); конечно, я благодарна тебѣ за предосторожность [3]); но все, чтобы ты не думалъ этого, хочу сказать тебѣ, что я ни о чемъ этомъ не думаю много. Выборъ жениховъ я отдала на волю божію и вашу: [4]) я сама никого не знаю и такъ еще неопытна, что ни о комъ судить не могу. Что касается до меня, то будь увѣренъ, что я не только теперь, но и впередъ надѣюсь никогда не полюбить никого прежде чѣмъ буду развѣ принуждена къ тому [5]). Притомъ же я почти никого не знаю изъ тѣхъ, кому могу отдать себя и буду думать объ этомъ развѣ только тогда, когда ты пріѣдешь. Я буду стараться выйти за того [6]), кого мнѣ вы назначите, если онъ только мало-мальски мнѣ понравится; но если это отдадутъ собственно на мою волю, то я, кажется, никогда и никого не выберу; по крайней мѣрѣ я теперь такъ думаю; кто знаетъ, что со мной случится: можетъ быть, черезъ нѣсколько времени я сама буду думать иначе, кто знаетъ; но все же хотя теперь могу сказать, что я ко всѣмъ равнодушна, и потому не имѣю не только отъ тетеньки, но ни отъ кого ничего тайнаго; что я знаю, то знаютъ всѣ,—я ни отъ кого ничего не скрываю и потому всегда спокойна.

Вотъ я написала тебѣ какъ другу, какъ брату, даже болѣе, какъ отцу, все, что я чувствую. Ты самъ велѣлъ не скрывать мнѣ ничего, говорить прямо отъ сердца. Я сдѣлала это и надѣюсь, ты не осудишь меня. Я обѣщаюсь тебѣ во всякомъ случаѣ ничего не скрывать отъ тебя; только прошу тебя дѣлать то же: пусть между нами будетъ все открыто; говори мнѣ все прямо, а не стороной. Я увѣрена, что ты любишь меня, а если любишь, то пожалуйста пиши мнѣ чаще, не забывай меня. Если ты будешь писать мнѣ, то и я буду часто писать тебѣ, и такъ у насъ съ тобой будетъ постоянно переписка; а то, посуди самъ, что мнѣ часто писать тебѣ, когда ты не пишешь мнѣ по полугоду. Надѣюсь, что ты будешь по полученіи этого письма писать мнѣ, а если не будешь, то я буду думать, что ты все на меня сердишься.

---

[1]) Подразумѣвается: „новаго".

[2]) Дѣйствительно, онѣ совершенно не примѣнялись—не то что только въ частности къ Антонинѣ Александровнѣ, но и вообще къ дѣвушкамъ того скромнаго круга, въ которомъ жила она. Братъ, насмотрѣвшись въ Петербургѣ на свѣтскихъ барышень, безпрестанно танцующихъ, мечтающихъ о романической любви, вообразилъ свою сестру подвергающейся такимъ же опасностямъ увлеченія страстью, нуждающеюся въ такихъ же предостереженіяхъ. Это была ошибка очень забавная, если судить со стороны, но оскорбительная для скромной дѣвушки того тихаго, бѣднаго круга. И однако жь, Антонина Александровна отвѣчаетъ ему безъ досады.

[3]) Предостереженіе.

[4]) Твою и тетушекъ.

[5]) Принуждена обязанностью жены любить мужа.

[6]) Принудить себя къ согласію на бракъ съ тѣмъ и т. д.

Ты хочешь знать мою жизнь, мои занятія; но я не знаю, что тебѣ сказать объ этомъ, потому что тутъ нѣтъ ничего особеннаго и ты самъ знаешь, я думаю, все; но изволь, я скажу тебѣ. Я встаю часовъ въ 7, пью чай, убираю комнаты, а иногда ихъ убираетъ самъ Михаилъ Ивановичъ, потомъ чешу голову, одѣваюсь и принимаюсь за работу. Шью себѣ платья всегда сама, также и крою. Дѣла у меня всегда есть много; но нельзя же сказать [1]) тебѣ все, что я дѣлаю. Скажу только то, что я дѣлаю все нужное для себя и для Ванечки; для тетеньки я дѣлаю [2]) мало, потому что не успѣваю. Въ гости я никуда, кромѣ своихъ, иноче не хожу. Когда я шью платье, то стараюсь уйти съ нимъ къ Троицѣ [3]), оттого что дома негдѣ сорить съ нимъ: у насъ зало и кабинетъ, гдѣ гостиная [4]), чистые; въ гостиной [5]) спальня Михаила Ивановича, а въ узенькой—тетенькина; моя комната въ спальнѣ [6]); но въ ней обѣдаютъ и ужинаютъ и потому въ ней негдѣ работать. Теперь я исполнила твое желаніе: написала все; не знай [7]), будешь ли ты только доволенъ. Не знаю еще, разберешь ли ты мое письмо: такое скверное, толстое перо; починить некому было; ужь теперь я пишу имъ задомъ-напередъ, но и тутъ все пачкаетъ. Еще я хотѣла замѣтить тебѣ, милый Николенька,—только пожалуйста не сердись за это на меня,—ты напрасно такъ дурно относишься объ архіереѣ; конечно, ты ничего съ нимъ сдѣлать не можешь, но я думаю, что грѣшно о немъ и говорить такъ; кромѣ того, хотя ты и вышелъ изъ его власти, но братья и сестры твои, можетъ быть, отъ него зависятъ. Еще прошу, не пиши о немъ такъ; хотя тебѣ не говорятъ, но многіе тебя за это осуждаютъ. Прощай, другъ и братъ мой. Я надѣюсь скоро получить письмо отъ тебя. Тетенькѣ некогда писать тебѣ, да она и несовсѣмъ здорова.

Сестра твоя Антонина Добролюбова.

(*Приписка Михаила Ивановича*).

Любезный мой другъ, Николай Александровичъ, писать тебѣ отдѣльно мнѣ крайне недосугъ. Новости ты узнаешь отъ Ниночки. Желаю тебѣ всего хорошаго. Отъ всѣхъ передаю поклонъ.

Твой братъ Мих. Благообразовъ.

---

[1]) То есть перечислить все это множество мелочныхъ занятій по домашнему хозяйству.

[2]) То есть: шью.

[3]) То есть, къ Варварѣ Васильевнѣ.

[4]) То есть, комната, бывшая прежде кабинетомъ, а теперь сдѣланная гостиною.

[5]) То есть, въ прежней гостиной.

[6]) То есть, въ той, которая прежде была спальней.

[7]) Разговорная форма, вмѣсто „не знаю“.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

3 апрѣля 1857.

Любезный мой другъ, Михаилъ Ивановичъ, надѣюсь, что ты на меня не сердишься за то, что я не отвѣчалъ тебѣ на обстоятельные разспросы касательно Ниночки. Я имѣлъ на это весьма уважительную причину, именно: мнѣ нечего было сказать. Издали, по однимъ описаніямъ, этого дѣла сообразить невозможно. Переговоримъ и устроимъ мы все, когда я пріѣду къ Вамъ на лѣто, а это будетъ, вѣроятно, въ началѣ іюля или никакъ не позже конца этого мѣсяца, т. е. іюля. Можно бы мнѣ и въ половинѣ іюня пріѣхать, но нужно устроиться здѣсь сначала... Я совершенно раздумалъ служить въ Нижнемъ; всѣ мнѣ совѣтуютъ остаться въ Петербургѣ [1]) и я самъ вижу, что здѣсь могу быть несравненно полезнѣе для моихъ сестеръ и братьевъ. У меня здѣсь теперь знакомствъ множество; профессора меня знаютъ, какъ человѣка отлично умнаго, и этимъ, конечно, нужно пользоваться, пока они не успѣли забыть меня; я пишу и перевожу, и довольно близокъ къ нѣкоторымъ литературнымъ кругамъ [2]); слѣдовательно, здѣсь для меня готовы хоть сейчасъ же всѣ средства къ жизни,—не уроки, так ъ служба, не служба, такъ литература. Особенно литература—почетный, полезный и выгодный родъ занятій. Мнѣ даже какъ-то странно иногда подумать, что съ небольшимъ усиліемъ я въ день могу выработать мѣсячное твое жалованье. Суди самъ, долженъ ли я отказываться отъ этого для того, чтобы удовлетворить нѣжной прихоти сердца?..

Но между тѣмъ нужно тебѣ замѣтить, что начальство мое, послѣ всѣхъ исторій, какими я насолилъ ему, радо будетъ отправить меня въ Иркутскъ или въ Колу, а никакъ не оставить въ Петербургѣ. Директоръ уже давно порывался меня выгнать, да профессора не позволили. Это вѣдь обыкновенная у меня исторія: ярое вольнодумство, непокорство начальству, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличные успѣхи и безукоризненная нравственность во всемъ остальномъ. Такъ теперь я долженъ самъ себѣ отыскивать мѣсто. И я почти уже нашелъ мѣсто домашняго учителя [3]), при которомъ своими тру-

[1]) Существенную важность имѣлъ тутъ, разумѣется, голосъ Некрасова, сказавшаго Николаю Александровичу, что проситъ его писать въ „Современникъ“ сколько успѣетъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

[2]) Должно понимать: къ кругу Некрасова; впрочемъ, множественное число „къ нѣкоторымъ кругамъ“ имѣетъ буквальную справедливость: Николай Александровичъ ужь былъ тогда сотрудникомъ не одного „Современника“, но также „Журнала для воспитанія“.

[3]) Князь и княгиня Куракины, у которыхъ давалъ онъ уроки, выразили готовность сдѣлать все надобное для того, чтобъ онъ получилъ формальное право отказаться отъ учительской службы въ провинціи, и остаться въ Петербургѣ. По тогдашнимъ правиламъ, мѣсто домашняго учителя освобождало учившихся на казенный счетъ отъ обязанности служить на должности учителя въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Николай Александровичъ рѣшился быть у Куракиныхъ домашнимъ учителемъ не по названію только, но и на дѣлѣ, если это будетъ необходимо для устраненія придирокъ Давыдова; тогда онъ получалъ бы жалованье отъ князя и княгини Куракиныхъ. Но обошлось безъ этого: онъ только считался домашнимъ учителемъ у нихъ.

дами могу навѣрное получать столько, сколько учитель-то гимн
т. е. отъ 500 до 600 руб. А тамъ и перейду на казенное мѣ
Главное только, чтобы быть въ Петербургѣ; иначе я пропаду
тоски и отъ лѣни, потому что, согласись, вѣдь въ Нижнемъ тр
сыскать занятіе по душѣ; а въ какой нибудь Костромѣ или П
и рѣшительно коптителемъ неба сдѣлаешься. Поэтому въ первое
мя по окончаніи курса намѣренъ я хлопотать о мѣстѣ, а тамъ, ус
вшись уже, ѣхать въ Нижній. Ниночка до тѣхъ поръ можетъ и
дождать выходить замужъ. Вамъ-то она не будетъ въ это время
бенно тяжелымъ бременемъ, а церковь-то, авось, не отнимутъ. А и
тѣмъ она подростетъ немножко умомъ-разумомъ. Въ эти года дѣв
развиваются ужасно скоро, и мѣсяцъ много значатъ. А она ещ
счетъ любви, семейства, жизни вообще—совершенное дитя, какъ в
изъ ея писемъ. Сватался къ ней NN [1]), и братъ его— —[2]) пр
дилъ ко мнѣ разсказать объ этомъ, сообщивши, что Вы предлож
отца его приняли съ удовольствіемъ, только сказали, что меня ж
будете. Мнѣ кажется, что тутъ ждать нечего: семейство все, ско
мнѣ извѣстно неимовѣрно глупо и грубо,—а, кажется, нѣтъ ни
хуже въ жизни, какъ имѣть дѣло съ дураками. Мошенника еще м
убѣдить, можно внушить ему, что его выгода самая требуетъ
и того,—напримѣръ, семейнаго спокойствія и ласки, а съ дурак
да еще съ упрямымъ, ничего не сдѣлаешь. Какъ ты объ этомъ
маешь? Мнѣ-то лично это дѣло, разумѣется, было бы очень выго
NN родственникъ нашего инспектора, и породнившись съ ним
бы разомъ могъ загладить всѣ прошедшія непріятности и «выиг
по службѣ». Но, конечно, ты меня знаешь и потому поймешь,
я не унижусь до того, чтобы продавать сестру свою, какъ бы т
этотъ ни былъ выгоденъ. Мнѣ кажется, что NN можетъ соста
только несчастье Ниночки. Я такъ думалъ, судя по братьям
одинъ изъ моихъ товарищей, знавшій NN и теперь пріѣхавшій
да, подтвердилъ мнѣ то же самое о немъ лично.

Хотѣлось бы мнѣ поговорить и о тебѣ самомъ, но думаю, чт
съумѣю... Лучше уже подождемъ свиданья. Теперь же я только і
равлю тебя съ новорожденной дочкой; передай мое почтеніе и і
равленіе отъ всей души Марьѣ Дмитріевнѣ... Тетеньку я поздра
кажется, завтра въ особомъ письмѣ, которое пишу къ ней вм
съ письмомъ къ Ниночкѣ. Впрочемъ, на всякій случай, поздравь и
съ праздникомъ и со всѣмъ хорошимъ. Думаю послать это пи
съ Садоковымъ,—такъ оно, конечно, скорѣе придетъ къ Вамъ,
жели почтовымъ путемъ... Кланяйся, пожалуйста, всѣмъ моимъ
комымъ: надобно съ ними мириться теперь.

Въ твоемъ же письмѣ посылаю письмо къ Василію Ивановн
деньги, которыя потрудись передать ему. Это для Лизы и ча
для Анночки.

Прощай, мой другъ, пиши ко мнѣ, пожалуйста.

---

[1]) Тотъ молодой человѣкъ, отецъ котораго говорилъ съ Василіемъ Ива
чемъ о желаніи женить этого своего сына на Антонинѣ Александровнѣ,
разсказываетъ Василій Ивановичъ, въ письмѣ относящемся къ концу фе
или началу марта.

[2]) Названо имя его брата, жившаго въ Петербургѣ.

Объ Иванѣ Кузьмичѣ тогда же я справился, да ничего путнаго не узналъ, кромѣ того, что ему отказано... Я просилъ одного изъ товарищей, который знакомъ съ Брюловымъ, разузнать, какъ, за что отказано и что нужно дѣлать. Можетъ быть, онъ что нибудь узнаетъ... Тогда и напишу.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ, ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ И АННѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

6 апрѣля 1857 г.

Хотѣлось мнѣ поздравить Васъ съ свѣтлымъ праздникомъ, милая Тетенька и Дяденька, да за разными хлопотами не успѣлъ сдѣлать этого во время. Но лучше поздно, чѣмъ никогда, и потому поздравляю Васъ теперь съ праздникомъ. Надѣюсь, что Вы провели его весело и благополучно, и желаю того [1а]) веселья и радости и на бубудущее время. Вѣрно, у Васъ, Дяденька, было много трудовъ и хлопотъ во время поста и пасхи; но за то по крайней мѣрѣ теперь Вы хоть немножко отдохнуть можете. Архіерей нынѣшній, говорятъ, у Васъ человѣкъ хорошій и, вѣрно, не тѣснитъ и не тревожитъ священниковъ, подобно бывшему преосвященному Іереміи. Кстати: если будете мнѣ писать, то напишите, какъ идутъ Ваши нижегородскія дѣла — — [2]). Словомъ, отпишите мнѣ, что есть въ Нижнемъ особенно замѣчательнаго. Я, съ своей стороны, желалъ бы сообщить Вамъ все, что можно о нашихъ общихъ знакомыхъ, да къ сожалѣнію почти ни съ кѣмъ изъ нихъ не вижусь теперь. Отецъ Макарій уѣхалъ въ Рязань ректоромъ, отца Парійскаго не видалъ я послѣ пріѣзда изъ Нижняго, Н. П. Глоріантовъ сдѣлался экономомъ въ Академіи — — я — — нынѣ не хожу къ нему. А больше, кажется, никого здѣсь и нѣтъ изъ нижегородскихъ. Если кто нибудь есть еще, то скажите мнѣ: можетъ быть, мнѣ удастся отыскать земляка и познакомиться съ нимъ.

Васъ, моя добрая Тетенька, прошу не сердиться на меня, если и это письмо покажется Вамъ неприличнымъ. Я и то удерживаюсь, а хотѣлось бы еще кое-что написать, о — — [3]) и о многомъ другомъ. Ну, да на этотъ разъ Богъ съ ними.

Сонечкѣ, Машенькѣ, Митрошенькѣ [4]) желаю здоровья. Всѣмъ знакомымъ (даже и тѣмъ, которыхъ обругалъ) кланяюсь. Прощайте.

Н. Добролюбовъ.

Анночкѣ посылаю пока 25 рублей.

[1а]) Вѣроятно, пропущено по недосмотру „же", и должно читать: того же веселья.

[2]) Слѣдуютъ шутливые вопросы о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ духовнаго вѣдомства.

[3]) Слѣдуютъ шутки о нѣкоторыхъ лицахъ духовнаго вѣдомства.

[4]) Дочерямъ и маленькому сыну Варвары Васильевны и Луки Ивановича.

(*Письмо къ Аннѣ Александровнѣ*).

Тебя, моя милая Анночка, я хочу побранить за то, что ты не пишешь. Мнѣ помнится, что тебѣ уже 17 лѣтъ минуло; по перестать быть ребенкомъ и дичиться своего брата. Я съ тоб буду говорить охотно, толково и откровенно, если только ты чаще и больше писать ко мнѣ. Правду тебѣ сказать, я зн въ дѣтскіе годы ты была у насъ немножко въ загонѣ и ласки в видѣла; оттого ты и выросла такая диконькая. Но теперь така что ты еще не могла огрубѣть совершенно, а у тетеньки и дя какъ я успѣлъ замѣтить въ прошлое лѣто, строгость на теб не велика лежитъ. Пора же тебѣ по людски смотрѣть. Слав умомъ ты не обижена, хоть и туго, бывало, понимала разны Давно, помню я, говорили, что ты на дядюшку Василья Ив похожа: это не дурной признакъ. Посмотри, какъ онъ исполни аккуратенъ, разсчетливъ и догадливъ сталъ. Любо посмотрѣт онъ свои дѣла ведетъ, да еще и нашихъ не оставляетъ. кабы ты въ хозяйствѣ такая была. Вѣдь онъ тоже ни съ чѣ началъ,—какъ и мы съ тобою. Да у тебя еще, я надѣюсь, будетъ. Теперь пока, на твои необходимыя нужды, посыла 25 рублей; будетъ время, будетъ нужда, можно будетъ присы побольше.

На этотъ разъ прощай, душенька Анночка; пиши ко мнѣ и слушайся диденьку съ тетенькой, будь дружна съ сестрами, съ братцемъ маленькимъ: вотъ тебѣ мои наставленія.

Тетеньку попроси держать тебя построже да побольше раб вать; я думаю, теперь тебя называютъ ужь невѣстой.

Твой братъ Н. Добролю

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

12 апрѣля 1857 года.

Христосъ Воскресе!

Поздравляю тебя, милый мой братъ Николенька, съ праз и заочно христосуюсь съ тобою. Христосъ Воскресе!

Прости меня, что я не написала тебѣ на первыхъ дняхъ пра я не успѣла; да притомъ слышала отъ Михаила Ивановича, ч получилъ письмо отъ тебя и что ты обѣщаешь скоро прислать Вчера былъ у насъ Садоковъ; онъ очень хвалитъ тебя. При мнѣ очень было пріятно узнать что нибудь поподробнѣе о потому я много спрашивала о тебѣ. Онъ на все отвѣчалъ охотою; сказывалъ, что ты былъ у него уже передъ отъѣзд сюда, потому что прежде не зналъ его адреса; что ты сидѣлъ съ 3 до 5 часовъ и что ему было бы очень пріятно, если просидѣлъ у него долѣе; но онъ принужденъ былъ съ тоб статься, потому что нужно было ѣхать къ Галаховымъ. Онъ пришелъ, то спросилъ меня, получила ли я деньги, присланн

отъ тебя. Я очень удивилась и сказала, что це только не получала, но даже и не слыхала объ этомъ. Онъ спросилъ тетеньку и я только тутъ узнала, что ты прислалъ денегъ дяденькѣ для Лизы. Ахъ, милый другъ мой, какъ ты заботишься о своихъ братьяхъ и сестрахъ. Будутъ ли они въ состояніи, хоть сколько-нибудь, заслужить тебѣ за это. Еще прошу тебя, милый Николенька, когда будешь писать дяденькѣ, тетенькѣ или Михаилу Ивановичу, присылай мнѣ въ ихихъ письмахъ хоть по маленькой записочкѣ: она доставитъ мнѣ большое удовольствіе; я давно уже привыкла получать твои письма съ особеннымъ удовольствіемъ. О, если бы ты зналъ, какъ получали бывало дома ихъ мамаша и папаша: я не могу безъ слезъ вспомнить это; бывало, мамаша заплачетъ и даже вся задрожитъ отъ радости: о, она, вѣрно, чувствовала, чти ужь болѣе не увидитъ тебя! Мамаша читала сначала про себя, потомъ не одинъ разъ вслухъ всѣмъ намъ, папаша тоже вслухъ сами и потомъ тѣмъ, кто спрашивалъ о тебѣ, что ты пишешь. Я думаю, тогда я каждое письмо твое слышала разъ пять или болѣе. А теперь мнѣ не только не даютъ читать, но даже, когда я спрашиваю, что ты пишешь, то говорятъ: что пишетъ, до тебя не касается, а тебѣ онъ ничего не пишетъ. Я не хотѣла тебѣ писать этого, но не знаю, какъ написалось; что дѣлать? когда ты не пишешь, мнѣ надо какъ нибудь упросить тебя, когда мнѣ этого очень хочется.

Милый другъ Николенька, если бы ты зналъ, какъ мнѣ хочется увидать тебя; я съ нетерпѣніемъ жду того дня, когда мы увидимся. Надѣюсь, что нынче мои ожиданія не обманутся какъ лѣтосюю [1]), и мы черезъ два мѣсяца увидимся; время лежитъ скоро: не увидимъ, какъ пролетятъ эти два мѣсяца, а за ними послѣдуетъ радостное свиданіе съ тобой. Еще бы я очень желала увидаться съ Катенькой, но не знаю, когда дождусь этого. Скажи пожалуйста, пишетъ ли она тебѣ: я съ полгода или долѣе не получала отъ ея [2]) писемъ и не знаю, какая причина этому; здорова ли она ужь; или, можетъ, письма не доходятъ. Но вѣдь доходили же прежде. Нѣтъ, должно быть, другая какая причина, но какая я этого никакъ не знаю. Нонче тетенька [3]) была у Троицы [4]); тамъ гоститъ Володя; но я его не видала, потому что нельзя уйти изъ дому всѣмъ. Марья Дмитріевна сдѣлалась на второй день праздника очень нездорова и теперь еще въ постели. Лизу я тоже не видала на праздникѣ, хотя бы мнѣ этого и хотѣлось. Ваня здоровъ; онъ нынче пріобщался, а я съ тетенькой пріобщалась въ великую субботу. На пасхѣ подходила ко мнѣ твоя крестная мать, спрашивала о тебѣ, здоровъ ли ты, и просила, когда буду писать о тебѣ, то передать отъ нея поклонъ; она почти [5]) таскаетъ ноги и постоянно больна.

Еще я не знаю, что писать тебѣ. Ты, вѣрно, получилъ послѣднее

---

[1]) „Лѣтосюю" провинціализмъ вмѣсто лѣтось; въ одномъ изъ прежнихъ писемъ была употреблена другая форма этого провинціализма: „лѣтосью".

[2]) Провинціализмъ, вмѣсто „отъ нея".

[3]) Фавста Васильевна.

[4]) У Варвары Васильевны.

[5]) Т. е. она ходитъ такъ, что можно сказать: она таскаетъ ноги.

письмо мое. Если я тамъ написала, какъ мнѣ кажется, глупо и дурно, то, прошу тебя, не сердись на меня; я помню только то, что я тогда была чѣмъ-то огорчена.

„На деньги твои мнѣ очень хотѣлось сдѣлать тальму; но самой дѣлать—нѣтъ фасону [1]), а мадамы просили за работу 4 руб. сер.; готовыхъ не было дешевле 25 руб. сер., и потому я ничего не сшила; да и хорошо сдѣлала, потому что пасха холодная, снова выпалъ снѣгъ, и теперь, не смотря на то, что страстную недѣлю ходили въ одныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпкахъ, снова стали носить теплые сапоги и зимнія шляпки. Теперь пасха прошла, а тамъ [2]) мнѣ ходить некуда и потому я, кажется, уже не буду себѣ шить до тебя никакой тальмы. Мнѣ хотѣли къ празднику сдѣлать шляпку, потому что у меня одна соломенная, и то лѣтошняя; но мнѣ очень хотѣлось браслетку, и потому я купила ее, а отъ шляпки отказалась. Я купила къ пасхѣ браслету въ 5 рублей, галстухъ и ботинки, и Ванѣ сапоги; еще надо купить ему фуражку. За все это я тебѣ очень благодарна, потому что на все истрачены деньги трудовъ твоихъ и мнѣ теперь уже жаль, что я истратила деньги на браслету; но мнѣ ея очень хотѣлось и я надѣюсь, что ты простилъ мнѣ эту глупость, потому что я, не купивши ея, купила бы шляпку, безъ которой очень можно обойтись. Прощай, безцѣнный мой братъ, цѣлую тебя заочно.

Сестра твоя Антонина Добролюбова.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

13 апрѣля 1857.

Любезный мой другъ

Николай Александровичъ!

Письма твои чрезъ Садокова получилъ я 8-го числа, въ понедѣльникъ на Пасхѣ; Василію Ивановичу передалъ въ исправности во вторникъ. Благодарю за память. Я очень обрадовался твоему письму и извѣстію отъ Константина Ивановича [3]); онъ передалъ о тебѣ много, очень много хорошаго: что ты уже человѣкъ солидный, ученый и смотришь на свѣтъ не студенчески, а положительно. Такое извѣстіе отъ человѣка, какой Садоковъ, рѣдко можно слышать; особенно хорошо, что ты останешься служить въ Петербургѣ. Отъ души пріятно хорошее извѣстіе. Твоя правда, Нижній затретъ тебя и ты закиснешь между его жителями, гордецами и сплетниками; еще лучше бы было, если бы нашелъ настоящую службу, а не частную; впрочемъ, это дѣло твое. О семействѣ много говорить нечего, устроится со временемъ и будетъ хорошо, а живши тамъ, больше принесешь пользы, нежели въ Нижнемъ.

Ты пишешь, что отъ NN [4]) узналъ, что мы изъявили полное со-

---

[1]) Выкройки.

[2]) Потомъ, т. е. послѣ Пасхи.

[3]) Садокова.

[4]) Отъ того молодаго человѣка, жившаго въ Петербургѣ, который приходилъ къ Николаю Александровичу говорить о желаніи брата жениться на Антонинѣ Александровнѣ.

гласіе его отцу и радость при сватовствѣ его [1]) за Ниночку. Вретъ онъ и, можно сказать, вретъ подло. Мы и не видали NO [2]), а только слышали отъ Василія Ивановича, что онъ [3]) ему [4]) дѣлалъ предложеніе; слѣдовательно, мы тутъ не участвовали. NN и его отецъ какъ нибудь хотятъ схитрить, чтобы успѣть завладѣть мѣстомъ Николая Чудотворца [5]), вотъ и все.— —[6]) Никакимъ слухамъ не вѣрь. Мы [7]) съ своей стороны ничего не дѣлаемъ и говоримъ, что это дѣло оставлено до твоего пріѣзда; и поэтому-то, кажется, NO [8]) обратился къ Василію Ивановичу.

Я думаю, слышалъ, что Прутченко переведенъ въ Петербургъ служить; въ среду на страстной вступилъ [9]) уже новый предсѣдатель, изъ Калуги. Съ особеннымъ удовольствіемъ я услышалъ объ этомъ перемѣщеніи, потому что въ половинѣ поста мы повздорили съ Прутченкомъ. Впрочемъ, это только такъ говорится; ты понимаешь, что съ начальникомъ не вздорятъ. Я, видишь, подавалъ ему просьбу, гдѣ настоятельно просилъ мѣсто помощника пристава соляного— —[10]); все это я высказалъ хотя очень деликатно, но все-таки ему показалось нахальствомъ и неуваженіемъ къ персонѣ его превосходительства. Стало быть, можешь судить, какъ хорошо, что я лишился покровительства Прутченко. Не говорю, что лучше будетъ при новомъ, но теперь я знаю, что этотъ и не обѣщался и не сулилъ ничего хорошаго,— и пойду наравнѣ со всѣми. На дняхъ я переписывалъ просьбу къ Царю отъ Александра Дмитріевича Улыбышева и онъ очень хвалилъ мой почеркъ; стало быть, можетъ и выйдетъ что нибудь.

Дома у меня очень скверно: жена съ понедѣльника пасхи очень захворала, молоко играетъ [11]); маленькая плачетъ.

Остаюсь твой братъ и другъ

Михаилъ Благообразовъ.

PS. Жена и маменька тебѣ кланяются и христосуются.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 16 апр. 1857*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ, письмо твое отъ 3 апрѣля я получилъ 8 числа. Благодарю тебя за присылку денегъ 40 р., ко-

---

[1]) То есть: при его словахъ, что онъ явился сватать за своего сына Антонину Александровну.

[2]) Его отца.

[3]) Отецъ.

[4]) Василію Ивановичу.

[5]) У Николая Чудотворца.

[6]) Слѣдуютъ соображенія о томъ, какими мотивами руководятся эти люди и о томъ, почему должно отказать этому жениху.

[7]) Фавста Васильевна и онъ.

[8]) Отецъ жениха.

[9]) Подразумѣвается: въ должность.

[10]) Слѣдуютъ подробности о томъ, какія права имѣлъ Михаилъ Ивановичъ просить себѣ этой должности.

[11]) Послѣ родовъ развилась родильная горячка.

торыя я получилъ и употребилъ по назначе
Анночкѣ, которая была въ восхищеніи за вни
поручила благодарить за дорогой подарокъ;
Лука Ивановичъ были тоже въ радости; они, ож
поручили тебѣ кланяться. А другіе 20 р. я в
зеньки и по теперешнему разсчету думаю, чт
точно съ 1 апрѣля впредь на 6 мѣсяцевъ;
двухъ мѣсяцевъ, я издержалъ на нее, съ 27
4 р. 25 к.; ея нянѣ 4 р. и ей жалованья за
во второй мѣсяцъ по 1 апрѣля на одну Лиз
отослалъ домой; и безъ церемоніи записалъ
расходъ сей былъ великъ потому, что Лизѣ н
фектъ для пріученія къ намъ; а теперь, какъ
по 3 руб. съ копѣйками въ мѣсяцъ.

Благослови Богъ твои труды, но пожертвов
кратить тебѣ: ты ужь такъ много сдѣлалъ, чт
сдѣлать могъ подобныя приношенія своему се
разстрой слишкомъ своего здоровья; постарайс
товить себѣ одежи: тамъ у васъ дешевле.

— — [2]).

Слава Богу, что ты имѣешь надежду остать
этого всегда желалъ [3]); если не въ высшемъ
гимназіи.

Я было думалъ скопить часть денегъ для Ни
Тихоновскому оставшихся 100 р., оставилъ
тому времени; и уже 50 р. внесъ было въ пр
твое письмо объ уплатѣ этого долга [4]), 8-го
Тихоновскому 100 р. и получилъ отъ него ве
радости сильно надорвалъ со всѣхъ сторонъ;
для храненія. Думаю, что подобное дѣло тебя с
Теперь долговъ болѣе нѣтъ. Тихоновскій же
центовъ за три мѣсяца.

Съ Трубецкихъ съ 1-го января получено до
правлюсь просить денегъ; за мартъ изъ церкви
думаю пойти въ церковь взять то, что причте

Пожалуйста, поклонись Митрофану. Я такъ н
некогда лишняго письма написать; а особенн
Слишкомъ много имѣю разныхъ заботъ и хлоп
и за все это придется, можетъ быть, покуда

---

[1]) Быть можетъ, слѣдуетъ понимать такъ: нянѣ
ванья 1 р. 50 к.

[2]) Разсказываются новыя подробности о томъ свят
ралось въ предъидущихъ письмахъ Василія Ивановича,
и Михаила Ивановича.

[3]) Подразумѣвается: чтобы получилъ въ Петербургѣ
ность если не при и т. д.

[4]) О томъ, что ты желаешь немедленной уплаты эт

[5]) Получилъ обратно долговое обязательство, данное
ственномъ смыслѣ слова, едва ли былъ этотъ докумен
векселя могли давать тогда только купцы.

[6]) Очень.

55 р. сер., не болѣе. Думаю, по пріѣздѣ твоемъ, обо всемъ съ тобой поговорить и посовѣтоваться, потому что надѣюсь, что мнѣ поможешь совѣтомъ прямымъ, дѣльнымъ и полезнымъ, потому что отъ разнородныхъ дѣлъ своихъ слишкомъ разстроиваюсь. Что же касается до крестьянъ, которыхъ я принялъ въ управленіе отъ брата Екатерины Петровны наудачу, не зная еще за какое вознагражденіе (можетъ быть менѣе 100 руб. въ годъ), то я и взялся за это дѣло только съ тѣмъ, чтобы крестьяне были побогаче да имѣли побольше промысла. Оброкъ же ихъ 20 руб. сер. съ тягла, а съ иныхъ 17, остается и будетъ оставаться по прежнему [1]).

Тебѣ кланяется жена. Лиза слишкомъ [2]) стала мила и послушна; ты даже и не воображаешь ее такою. Возьми въ воображеніе Володю и покойную Юленьку,—вотъ тебѣ одна Лиза. Володя гостилъ сначала у меня пасху, но по жестокой болѣзни жены, которую она вытерпѣла во всю пасху, я его провожалъ къ Варварѣ Васильевнѣ до понедѣльника. Архіерей былъ у Мичурина во 2-й день пасхи и поручилъ ему писать къ тебѣ; но онъ не успѣлъ этого сдѣлать за болѣзнью жены.

В. Добролюбовъ.

16 апрѣля.

И у насъ завтра [3]) будетъ пальба изъ пушекъ, 101 выстрѣлъ и балъ въ Собраніи. Театръ освѣщенъ на 500 р. сер.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 5 мая 1857*).

Любезный мой другъ

Николай Александровичъ!

Въ надеждѣ, что письмо мое попадетъ къ тебѣ въ руки числа 9-го, я поздравляю съ днемъ ангела, желаю всего хорошаго и пріятнаго. — — [4]).

У меня домашнія обстоятельства никуда не годятся: жена послѣ родовъ все хвораетъ, и хвораетъ скверно: у нея грудница [5]); я думаю, слыхалъ про эту штуку. Дочь крикунья большая и баловница, постоянно любитъ быть на рукахъ. По случаю болѣзни жены я, кромѣ Палаты, никуда не хожу — —. По службѣ дѣла еще хуже; палатская служба къ чорту негодится, было скверно, теперь еще хуже. — — [6]) Я завелъ эту исторію [7]) съ цѣлью попросить тебя: не откажи, если

---

[1]) Ясно, что на извѣщеніе дяди о принятіи имъ управленія крѣпостными крестьянами Николай Александровичъ отвѣчалъ вопросомъ, не сдѣлался ль онъ орудіемъ помѣщичьяго угнетенія.

[2]) Очень.

[3]) Въ день рожденія Государя (Александра II).

[4]) Слѣдуютъ пожеланія.

[5]) Родильная горячка.

[6]) Слѣдуютъ жалобы на непріятности и разсказы о хлопотахъ для полученія мѣста въ другомъ вѣдомствѣ.

[7]) Этотъ разсказъ.

найдешь случай, похлопотать обо мнѣ; ты, говорятъ, въ силѣ. Я не назначаю куда и скоро, но только знай, что я готовъ хоть въ Нижнемъ или въ уѣздахъ, въ другой губерніи, или гдѣ угодно служить; я буду радъ и частной службѣ, какъ, напримѣръ, по пароходству. Хотѣлъ было я дождаться твоего пріѣзда, чтобы лично просить тебя, да думаю: не бѣда и ранѣе, можетъ быть, выпадетъ счастье.— —.

Домашніе тебѣ кланяются и поздравляютъ, какъ-то маменька и жена. Ниночка гоститъ у тетушки Варвары Васильевны.

Твой слуга

Мих. Благообразовъ.

5-го мая 1857 года, Нижній.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 19 мая 1857*).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Увѣдомляю тебя, что мы всѣ здоровы, и дѣла наши идутъ хорошо. NN [1]), наконецъ, отсталъ, и я очень радъ; что то будетъ дальше.

Доходъ съ дома получается исправно: на Трубецкихъ по 1-е мая осталось только 20 р. Произведенные въ послѣднее время расходы на покупки для Ниночки не буду описывать: они и не велики, и ты скоро къ намъ пріѣдешь.

Въ слѣдующемъ прошу тебя сколько возможно похлопотать для меня и помочь. У насъ здѣсь есть вѣрные слухи, что въ компаніи желѣзныхъ дорогъ для разныхъ надобностей нанимаются чиновники и что менѣе 1000 р. сер. жалованья нѣтъ, а есть двѣ и три тысячи. Получая здѣсь, покуда есть случай, до тысячи рублей серебромъ, считая въ томъ числѣ и готовую квартиру, я не могу согласиться никуда идти въ частную службу за одну тысячу; а если бы выпалъ случай за бо́льшую плату, я съ удовольствіемъ готовъ оставить свою службу. Для этого я прошу тебя и надѣюсь, что ты не откажешься сдѣлать съ толкомъ и энергически слѣдующее: сходить въ компанію или къ кому ты заблагоразсудишь и сказать, что въ Нижнемъ служитъ въ Дворянскомъ Собраніи чиновникъ, который получаетъ жалованье 500 р.; сверхъ службы онъ смотрителемъ дома и опекуномъ надъ домомъ и, слѣдовательно, знаетъ хозяйственную часть и управленіе съ людьми; сверхъ этого, управляетъ имѣньемъ одного помѣщика и другаго дѣлами въ Нижнемъ, и за это получаетъ 500 р. *). На все это можетъ представить одобрительные аттестаты, равно и о службѣ своей отъ губернскаго предводителя дворянства. Вотъ тебѣ, мой милый Николай Александровичъ, вся моя душа на

[1]) Фамилія того знакомаго, который сваталъ за своего сына Антонину Александровну.

*) Это для того, чтобы они поставлены были въ необходимость дать больше. Во всякомъ случаѣ не надо скоро соглашаться на полученіе менѣе двухъ тысячъ р.- *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

распашку. Только при занятіи всѣми этими дѣлами я могу здѣсь получать безбѣдное содержаніе; но послѣднія могутъ и рушиться, почему и хотѣлось бы мнѣ заняться однимъ дѣломъ и получать хорошую плату, которую будутъ же получать люди не мудрѣе меня. Все предоставляю твоему благоразумію, можетъ [1]) и попросить кого, посовѣтоваться, и я надѣюсь, что ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ поможешь столько, сколько можно. Предложивши мои услуги и если увидишь маленькое согласіе, скажи, что я и самъ могу пріѣхать въ Петербургъ для заключенія условія; да узнай, нельзя ли наняться и по контракту лѣтъ на 10, цѣною отъ 1500 до 2000 р. сер. въ годъ и можно ли согласиться идти на 1000 р., въ чаяніи получить черезъ годъ, два—больше, если окажу способность и усердіе. Было бы хорошее жалованье, а на работу, кромѣ технической, я на всякую пойду, хоть въ канцелярію, хоть въ конторщики или приказчики. Это мнѣ все равно. Но только узнай, будетъ ли мнѣ квартира, можетъ ли жить при мнѣ жена и не буду ли я имѣть постоянно бивачное положеніе или только по временамъ. Извини, что я такое порученіе даю тебѣ въ теперешнее время; но ты его можешь отложить до окончанія экзаменовъ, а исполненіе онаго поручи Митрофану Ефимовичу, только какъ можно поскорѣе. Ну-ко, братъ Митрофанъ, посуетись-ко для меня да помоги: спасибо скажу; а вѣдь чего человѣкъ-то съ характеромъ не сдѣлаетъ; все ему удастся. Ты, мой милый Николай Александровичъ, и не такія дѣла обдѣлывалъ и бралъ верхъ. Помоги и похлопочи, а если ужь никакъ нельзя, то хоть, узнавши, меня обо всемъ увѣдомь поскорѣе: я бы поговорилъ съ княземъ Трубецкимъ, не можетъ ли онъ чего сдѣлать. Скажи, пожалуйста, Митрофану Ефимовичу, что мы его письмо получили и благодаримъ. Вмѣсто своего, посылаю къ нему письмо Соколова, полученное мною еще въ январѣ, которое переслать я все ждалъ случая.

Елена здорова, Лукояновскіе здоровы, Ниночка, и Анночка, и Володя, и Ваня, и Лиза всѣ здоровы; мы нынѣ всѣ видѣлись. Пишу въ торопяхъ къ своимъ роднымъ и, конечно, вы оба извините меня за небрежность.

В. Добролюбовъ.

19 мая 1857 г.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Мая 31 дня 1857 года.

Я бывало писалъ къ Вамъ, Николай Александровичъ, въ настоящую пору [2]), такъ вотъ захотѣлось написать что-нибудь и нынѣ, тѣмъ болѣе, что отъ родныхъ своихъ Вы, кажется, давно уже не получали писемъ.

Здоровы ли и гораздо ли можете Вы? Теперь, я представляю себѣ, у Васъ трудное время; много заботы, много хлопотъ и суетливости, тѣмъ болѣе, что эти испытанія уже послѣднія;—потому особенно же-

---

[1]) То есть: можетъ быть найдешь.

[2]) Года.

лаю, чтобы Вы были здоровы и успѣшно, и добрым
кончили свои дѣла.

Сестеръ Вашихъ и братьевъ недавно я видѣлъ в
исключеніемъ Аннушки. Всѣ теперь пока живы и
видѣлъ въ первый разъ и она мнѣ очень понравила
кой умненькой и хорошенькой, только хорошенько п
ней я не успѣлъ еще. Аннушка также здорова, и
беззаботно. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ Вашего прі
давно уже не видались и скучились по Васъ. Это н
мнѣ и Ниночка, для которой Вашъ пріѣздъ сюда ещ
торая, какъ замѣтно, сознаетъ свое неопредѣленное
много тяготится имъ.

Кстати еще о Вашемъ пріѣздѣ сюда. Вѣроятно, он
состояться; но гдѣ Вы остановитесь? Не худо бы за
объ этомъ кого нибудь изъ родныхъ, и они позаботил
вить для Васъ и мѣсто. Впрочемъ, это Ваше дѣло
это. Я могу только сказать Вамъ, что можно Вамъ
Фавстѣ Васильевнѣ, и къ Варварѣ Васильевнѣ, и
новичу, потому что вездѣ можно отдѣлить для Вас
Василія Ивановича не будетъ-ли покойнѣе и удоб
семья у него небольшая, да и малютокъ нѣтъ, а у Ф
ны [1]) или лучше у Марьи Дмитріевны дитя, да и у Ва
ны, кажется, будетъ скоро тоже.

О семинарскихъ новостяхъ говорить Вамъ, кажется
тому что о перемѣнѣ Ректора семинаріи, вѣроятно
знаете, а о другихъ не капитальныхъ новостяхъ узн
будетъ это интересно. Для насъ теперь есть ожидае
усиливается слухъ объ увольненіи на покой преосвя
Молва даже и преемника его наименовала уже: гов
намъ назначается пензенскій преосвященный Варлаа
когда нашимъ ревизоромъ [3]).

О себѣ пока ничего не скажу; можно будетъ пере
да, когда Вы пріѣдете сюда. Съ своей стороны и я
и прошу Васъ къ себѣ, и надѣюсь видѣть Васъ у се
и по родному. Итакъ, до свиданія! Остаюсь живъ и

М

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ И МИХ

(*Отъ 10 іюня 1857*).

10 іюня.

Милая моя Ниночка! Я очень, очень виноватъ перед
писалъ совсѣмъ въ послѣднее время. Надѣюсь, что

---

[1]) То есть: въ семействѣ Фавсты Васильевны.
[2]) Желанная.
[3]) Пріѣзжавшій ревизовать семинарію.

вознаграждено и прощено только съ моимъ пріѣздомъ. До тѣхъ поръ прощай меня заочно и проси за меня прощенья у всѣхъ нашихъ добрыхъ родныхъ и знакомыхъ, но мнѣ уже не пиши. Я хотѣлъ было отправиться въ Нижній около 20 числа, но разныя дѣла задержать меня, вѣроятно, до іюля и я пріѣду домой уже въ первыхъ числахъ. Тогда обо всемъ поговоримъ, все другъ другу разскажемъ и порѣшимъ съ тобой. Я увѣренъ, что ты меня по прежнему любишь и будешь рада моему пріѣзду. Я намѣренъ ѣхать на пароходѣ и потому думаю, что прежде всего буду у дяденьки на Троицѣ, какъ говоритъ Ваня, а потомъ явлюсь и къ вамъ [1]). До тѣхъ поръ посылаю пока свой портретъ. Увѣряютъ, что онъ очень похожъ. Изъ него ты увидишь, что я очень и очень здоровъ.

Твой братъ
Н. Добролюбовъ.

---

10 іюня.

Любезный мой братъ, Михаилъ Ивановичъ! Я не отвѣчалъ тебѣ на послѣднее, дѣловое письмо твое, и очень дурно, разумѣется, дѣлалъ. Но это объясняется и извиняется тѣмъ, что я еще не могъ ничего рѣшительно сказать тебѣ. Я надѣюсь, что болѣе устроимъ мы дѣло при свиданьи. Здѣсь о такихъ дѣлахъ, каково твое, хлопотать трудно. Какъ разъ выйдутъ недоразумѣнія, какъ у насъ два года тому назадъ. Хотѣлъ было я сказать на дняхъ Трубецкому о твоемъ помѣщеніи (онъ вѣдь теперь въ палатѣ государственныхъ имуществъ); но побоялся, что ты, по какимъ нибудь отношеніямъ, не слишкомъ охотно будешь служить подъ его начальствомъ. По пріѣздѣ въ Нижній я надѣюсь познакомиться съ Далемъ [2]) и, можетъ быть, буду имѣть порученіе къ губернатору. Смотря по тому, каковы люди, можно будетъ пустить ихъ въ дѣло. Впрочемъ, въ сущности я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Моихъ силъ доставало на то, чтобы насолить Еремѣ, Ив. Давыдову и т. п. Но не знаю, гожусь ли я на что другое. Впрочемъ, увидимъ все при свиданьи. Прощай, до свиданья.

Н. Добролюбовъ.

Тетенька! Вамъ кланяюсь низко, цѣлую ручки и прошу вашего гостепріимства, когда къ Вамъ пріѣду.

---

[1]) Троицкая церковь, у которой жилъ Лука Ивановичъ, была по дорогѣ отъ пароходныхъ пристаней къ дому Фавсты Васильевны.

[2]) Писателемъ; онъ занималъ тогда въ Нижнемъ одну изъ важныхъ должностей.

ПЕРЕПИСКА

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

іюнь 1857—май 1860.

(Отъ окончанія курса въ Педагогическомъ Институтѣ до о
границу).

Поѣздка въ Нижній по окончанія курса.—Возвращеніе въ Пет
Проявленіе разстройства здоровья.—Поѣздка на воды въ Стар
Жизнь въ одной квартирѣ съ Н. А. Некрасовымъ.—Перестро
дома, въ которомъ жилъ Н. А. Некрасовъ, принуждающая Ник
сандровича переселиться на особую квартиру.—Тревога Н. А.
за его здоровье.—Отъѣздъ за границу для леченья и отдыха, п
нію Н. А. Некрасова.

*(Вторая половина 22-го—первая половина 25-го года жизни Ник
сандровича).*

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ ЗЛАТОВРАТСК

(*Отъ 23 іюня 1857*).

Тверь, 23 іюня.

Къ удовольствію или неудовольствію твоему, любезный
сандръ Петровичъ, предполагавшаяся переписка моя съ тоб
начаться просьбой съ моей стороны. Вотъ она, безъ пред
взялъ недавно книгу: «Донесеніе слѣдственной коммиссіи» о 1
у студента [2]) Кипіяни и обѣщалъ отдать ему ее до от
укладываясь, второпяхъ я ее отложилъ куда-то и позабы
Посмотри, пожалуйста, не отыщется ли она между тѣми кн
остались въ лабораторіи. Если она тамъ, то сдѣлай одол
редай ее самъ или черезъ Сциборскаго или другого вѣрна
ка,—въ домъ (кажется) Корзинкина на углу Вознесенскаго
и Адмиралтейской площади, входъ парадный съ проспекта

---

[1]) Одному изъ товарищей по Институту.
[2]) Петербургскаго университета.

сторонѣ), въ самый верхъ,—на лѣвой рукѣ, безъ надписи (а на правой надпись—Браунъ). Тутъ живутъ студенты восточнаго факультета, кавказскіе. Спроси Кипіяни; если его нѣтъ дома, оставь книгу и попроси передать.—Въ случаѣ же, если, паче чаянія, ея въ книгахъ моихъ не окажется, то поспрошай о ней, пожалуйста, у Шемановскаго (если онъ еще не уѣхалъ; потому и не пишу къ нему, что не знаю, застанетъ ли его письмо мое въ Петербургѣ), у Александровича, Буренина, Львова и пр. Бордюговъ, вѣроятно, теперь уже на дорогѣ въ Тверь. Похлопочи, сдѣлай одолженіе. Я въ такомъ глупомъ положеніи остался передъ этимъ господиномъ Кипіяни... Ты можешь быть моимъ освободителемъ. Кстати: напомни Сциборскому, чтобъ онъ досталъ поскорѣе Бруно Бауэра и отдалъ Николаю Петровичу [1]). Кланяйся имъ всѣмъ [2]). Не пишу къ нимъ потому, что они на меня дуются. Я подожду, пока станутъ ко мнѣ писать, потому, что съ нѣкотораго времени возгордился страшно [3]). Адресъ мой: въ Нижній Новгородъ, въ домъ Благообразова, на Зеленскомъ съѣздѣ, напротивъ Соборнаго дома.—Пиши ко мнѣ.—Я потерялъ, къ несчастью, письмо Лебедева, и потому не знаю въ точности адреса. Но кажется, такъ: Его благ. г. студенту Лебедеву, въ Аренсбургъ, въ домъ генерала Экборта, или другая какая нибудь нѣмецкая фамилія; ты, вѣрно, знаешь.—Пиши къ нему, кланяйся отъ меня, пошли мой адресъ, а я не знаю навѣрное, куда писать. Пришли мнѣ фамилію его генерала.

Спроси Буренина, передалъ ли онъ, по моей просьбѣ, Чичерина диссертацію; если нѣтъ, то возьми и занеси ее самъ когда нибудь къ Срезневскому.

Завтра отправляюсь я съ Пыпинымъ и Вороновымъ (не тѣмъ, который тебѣ такъ ненавистенъ, а съ медикомъ, знакомымъ Николая Петровича) до Рыбинска, а оттуда до Нижняго. Надѣюсь кончить свой путь 28 числа.

Прощай. Больше писать не хочется. Я сегодня два раза пилъ кофе, три раза чай, одинъ разъ завтракалъ, два раза принимался обѣдать,—и все неудачно,—и все это начиная съ двухъ часовъ пополуночи. Вслѣдствіе этого я очень утомленъ и сердитъ, особенно на тверскую гостинницу Миллера. Вотъ ужь четверть часа, какъ приказалъ я человѣку подать мнѣ стаканъ воды; но я успѣлъ написать это письмо, а онъ еще и не думаетъ нести воду. И вѣдь не то, чтобы парень позабылъ: нѣтъ, онъ принесетъ, только когда вода успѣетъ нагрѣться и чуть не вскипятиться, точно такъ, какъ котлету онъ принесъ мнѣ тогда, когда она уже успѣла замерзнуть... Славный, расторопный народъ эти русскіе въ службѣ у нѣмца.

Когда будешь въ Валдаѣ, кланяйся Михайловскому и попроси кончить то, что что имъ было начато въ Институтѣ.

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Турчанинову.

[2]) Турчанинову, Сциборскому и другимъ, повѣрившимъ, что Николай Александровичъ хотѣлъ помириться съ Давыдовымъ.

[3]) Шутливое повтореніе словъ кого нибудь изъ товарищей, оскорбившихся тѣмъ, что онъ не захотѣлъ разсуждать съ ними о ихъ вопросѣ, правда ли, что онъ хотѣлъ помириться съ Давыдовымъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

Рыбинскъ, 27 іюня, 1-й часъ утра.

Рыбинскъ, какъ ты знаешь, мой любезный Александръ Петро
замѣчателенъ тѣмъ вообще, что онъ ведетъ обширную хлѣбну
говлю; въ частности для насъ съ тобой интересенъ онъ по бли
его отношеніямъ къ нашему очаровательному Радонежскому; въ
бенности же для меня въ настоящую минуту дорогъ, т. е. н
рогъ, но милъ онъ потому, что—«не дорогъ и милъ»: кормят
немъ хорошо и за кормленье берутъ очень недорого. Вообрази
порціи здѣсь двойныя: супъ—25 к., съ двумя частями цыплен
лая миска; жаркое 25 к.—2 котлеты и т. п. Вчера мы при
въ Рыбинскъ около часа пополудни, испытавши на дорогѣ м
ководія, и потопленія, и тому подобныя милыя вещи. Однимъ из
водныхъ камней пробило дно парохода; побѣжала тотчасъ во
принялись ее откачивать. Народу, разумѣется, на пароходѣ ма
бочаго, а потому въ крайнемъ случаѣ сами пассажиры рѣш
промышлять о себѣ [1]). Между прочимъ, и я захотѣлъ свою у
силку попытать на помпѣ [2]). Но, разумѣется, по неопытности
показалъ свое усердіе, нежели принесъ пользы, какъ со мной
новенно бываетъ,—и даже, тоже впрочемъ по своему обыкнов
нанесъ себѣ существенный вредъ. Схватившись за ручку пом
такъ сильно нагнулся, чтобы раскачать ее, что у меня позади
нули штаны; я накинулъ шинель, чтобы прикрыть слѣды с
самоотверженія, и снова принялся за дѣло,—но тутъ, уже не
какъ, зацѣпился полой ея за что-то и выдралъ очень поряд
лоскутъ. Не знаю, видѣлъ ли кто нибудь въ этомъ случаѣ мо
устрашимость; но какъ бы то ни было, разрывъ, сдѣланный
мною, подѣйствовалъ на меня несравненно непріятнѣе, чѣмъ ра
съ Давыдовымъ и К°. Пообѣдавши и напившись молока въ Рыби
я часовъ въ пять завалился спать и проснулся всего часа по
назадъ. Слѣдовательно, города я не видалъ, о чемъ и сожалѣ
немъ теперь ярмарка петровская. Сегодня тоже не успѣю, п
что въ шесть часовъ утра пароходъ уже отправляется въ Ни
Въ субботу утромъ я буду тамъ.

Пишу я къ тебѣ вотъ зачѣмъ. Бордюговъ привезъ мнѣ въ
записку о книгахъ, тобою сдѣланную. Я очень тебѣ за нее бла
ренъ, и въ знакъ моей благодарности и полнаго довѣрія (кото
ты, безъ сомнѣнія, долженъ гордиться, какъ неоцѣненной мил
судьбы)—прошу тебя еще вотъ о чемъ. Кучу листовъ «Совр
ника» и «Вѣстника» [3]) ты возврати отъ Чистякова и предло

---

[1]) Выраженіе изъ лѣтописей.

[2]) Передѣлка стиховъ Кольцова:

„Свою удаль-силу
Показать на людяхъ".

[3]) „Русскаго Вѣстника".—Эти два журнала были выписываемы общес
студентовъ того курса, къ которому принадлежалъ Николай Александр
устроившій дѣло о подпискѣ и завѣдывавшій раздачею книгъ для чтенія
никамъ подписки; у него и хранились журналы.

выдѣлъ господамъ Александровичу, Львову, Буренину и Сцiборскому. Къ симъ листамъ присовокупи книжку «Современника», находящуюся у Турчанинова. Щеглову выдери «Лессинга» и «Разсказы объ исторiи Англiи». Они ему принадлежатъ [1]). Изъ ноябрьской книжки стихотворенiя Некрасова можешь самъ у нихъ спросить для себя, а безъ того не смѣй брать: иначе меня обвинятъ въ воровствѣ, какъ обвинили въ подлости. Для меня попроси у нихъ только переводовъ изъ Гейне, какiе тутъ найдутся: мнѣ они нужны, а имъ совершенно излишни.

Поговори, пожалуйста, съ Шемановскимъ о книгахъ, которыя мнѣ нужно прислать,—т. е. Некрасова, «Губернскiе Очерки» и портретъ, о которомъ я писалъ. Прежнихъ моихъ просьбъ не повторяю: надѣюсь, что онѣ исполнены.

Я не знаю, буду ли здѣсь читать журналы, и потому прошу тебя, напиши мнѣ, если до твоего отъѣзда выйдутъ новыя книжки: не будетъ ли переводовъ изъ Гейне въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и чьи и сколько? Въ какомъ видѣ пройдетъ моя статья въ «Современникѣ» о Соллогубѣ? . Не будетъ ли въ «Журн. для Восп.» № 7—статьи о географiи, о Марiи Вордъ, или объ учительскихъ экзаменахъ въ Віртембергѣ? Все это въ такомъ случаѣ, если ты будешь имѣть возможность писать изъ С.-Пб. прямо по полученiи книжки. Иначе къ концу-то мѣсяца я и самъ это узнаю.

Если ко мнѣ будутъ письма, то, пожалуйста, немедленно поручи ихъ переслать ко мнѣ. Пусть хоть швейцаръ или бѣлевой [2]) этимъ дѣломъ займутся. Особенно если письма по городской почтѣ: тогда отъ промедленiя въ ихъ присылкѣ можетъ быть для меня существеннѣйшiй вредъ, какой только можетъ быть: могу денегъ лишиться. Я недавно получилъ нѣкоторую пассiю къ презрѣнному металлу и ужасно дорожу имъ: онъ подарилъ мнѣ, т. е. вѣрнѣе,—продалъ недавно нѣсколько прiятнѣйшихъ минутъ, обѣщающихъ обратиться въ прочное счастiе, котораго достанетъ, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ моей жизни [3]). Ну, да это меня только касается, да еще впрочемъ одного человѣка [4]), тебѣ совершенно неизвѣстнаго. Отвѣчай мнѣ.

Н. Добролюбовъ.

PS. Я остался долженъ, кажется, рубль съ копѣйками булочнику и копѣекъ 75 уткѣ [5]). Попроси заплатить за меня кого нибудь изъ должниковъ моихъ (ихъ знаетъ Шемановскiй), когда у нихъ будутъ деньги. А то, по прiѣздѣ, за этимъ вздоромъ нарочно нужно будетъ тащиться въ проклятый Институтъ.

---

[1]) По прежнему соглашенiю о томъ, какъ будутъ по окончанiи курса участниками подписки раздѣлены между ними статьи журналовъ.

[2]) Институтскiй служитель, завѣдывавшiй студенческимъ (казеннымъ) бѣльемъ.

[3]) Подъ этими неопредѣленными словами должно понимать отношенiя Николая Александровича къ бѣдной, одинокой дѣвушкѣ, находившейся въ долгу, очень тяготившемъ ее; Николай Александровичъ далъ ей денегъ на уплату долга.

[4]) То есть, этой дѣвушки.

[5]) „Уткой" назывался на институтскомъ языкѣ, вѣроятно, какой нибудь мелкiй торговецъ съѣстными вещами, приходившiй съ ними въ Институтъ, или служитель Института, торговавшiй ими.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(Писано въ концѣ іюня или самомъ началѣ іюля 1857. Отвѣтъ на письмо Н. А—ча изъ Твери отъ 23 іюня).

Твоему письму, любезнѣйшій и премногоуважаемый мной Николай Александровичъ, я несказанно обрадовался. Разумѣй это въ собственномъ смыслѣ, а не въ переносномъ. Послѣ глупыхъ институтскихъ исторій я совершенно потерялъ всякую надежду на твое вниманіе и участіе ко мнѣ. А мнѣ казалось, и теперь кажется, что я тогда только былъ хорошъ и буду такимъ, когда былъ связанъ товариществомъ съ тобой и твоей шайкой и когда не прервется эта связь и по выходѣ изъ Института. Мнѣ ужь дали слово вести переписку со мной Щегловъ и Сциборскій; ты вызываешь меня на переписку. Ну, какъ не быть довольнымъ твоимъ письмомъ. Я бы разсыпался передъ тобой въ благодарностяхъ, да боюсь какъ бы не впасть въ глупый лиризмъ, въ восклицательные знаки, въ пышную риторику,—все это мнѣ крайне не нравится.

Просьбы твои такъ пусты [1]), что объ нихъ и говорить ни стоитъ. Право. А ты еще даешь мнѣ титулъ «освободителя», если я исполню эту просьбу [2]). Будетъ исполнена. На этотъ счетъ можешь быть покоенъ.

Встрѣча твоя съ Бордюговымъ (какъ видно изъ письма къ Шемановскому) избавляетъ меня отъ пріятной обязанности разсказывать походы почтеннаго нашего отца и благодѣтеля [3]) противъ насъ. Тебѣ, вѣроятно, передалъ Бордюговъ приказъ Давыда къ 1-му іюля выбираться всѣмъ изъ Института;—вѣроятно, извѣстно также, что у насъ и за нами Иванъ Ивановичъ учредилъ тайную полицію. Положеніе наше чортъ знаетъ какое!

Самые [4]) окончившіе курсъ раздѣляются на три класса. Одинъ строго подчиняется всѣмъ предписаніямъ и требованіямъ инструкціи. Всюду ходятъ по звонку, съ улыбкой раскланяваются съ надзирателями, ласково заговариваютъ съ ними, курятъ въ укромномъ мѣстечкѣ или въ саду. въ камерахъ сидятъ за книгой, тетрадью, молчатъ, и если говорятъ, то не иначе какъ въ саду; предметы разговоровъ—объясненіе отношеній Давыда къ студентамъ, пересуды нѣкоторыхъ студентовъ [5]) и, въ числѣ ихъ,—увы!—ты на первомъ планѣ. Ну къ чему послужила твоя дружба съ такой толпой? Не сближаясь съ ними, ты, по крайней мѣрѣ, выдержалъ бы свой характеръ. А тутъ всякій изъ господъ такъ и посылаетъ тебѣ взадъ самые непріятные эпитеты.

---

[1]) То-есть исполненіе ихъ такъ легко.

[2]) То-есть одну изъ этихъ просьбъ, о возвращеніи студенту Китіяни взятой у него книги.

[3]) И. И. Давыдова.

[4]) „Самые"—описка, вмѣсто „сами".

[5]) То-есть о нѣкоторыхъ студентахъ.

Другой классъ, совершенно пренебрегающій всѣмъ. Любопытно наблюдать за гг. двухъ классовъ, когда они находятся въ одной *камерѣ*. Представь себѣ: за конторкой, прямо противъ двери, сидятъ четверо съ папиросами въ зубахъ, жарко спорящіе между собою о правильности или неправильности хода [1]). Въ сторонѣ, за столомъ сидятъ трое. Одинъ серьезно занятъ чтеніемъ «Наставленій Оратору», Квинтиліана, постоянно шевеля губами и съ глубокомысліемъ взбивая себѣ хохолъ на головѣ; vis-à-vis такъ же яростно занимается перепискою другой monsieur... Рядомъ съ первымъ сидитъ третій, держитъ книгу, но глаза его невольно обращаются въ сторону къ играющимъ и его уши постоянно выслушиваютъ вещи, отъ которыхъ невольно появляется на губахъ улыбка. Онъ желалъ бы принять участіе въ игрѣ, онъ принимаетъ, но только внутренно. Любопытны бываютъ ихъ [2]) походы курить. Они желали бы курить такъ же свободно, какъ и тѣ, но не стаетъ духу на такую дерзость. А такъ какъ постоянное куренье играющихъ особъ весьма сильно и часто возбуждаетъ ихъ аппетитъ, то они постоянно шляются.

Къ третьему классу принадлежу я,—по крайней мѣрѣ, не знаю никого другаго. Такъ тяжело и грустно жить, или, вѣрнѣе, вращаться въ этой сферѣ, что ужасъ! До настоящаго дня я былъ въ Институтѣ съ 11 до 5 часовъ, а все слѣдующее время проводилъ внѣ Института. Не знаю, какъ пойдутъ дѣла дальше. Надобно отрыть гдѣ нибудь жилье. Это невыносимо, это ужасъ жить въ Институтѣ. Не знаю, скоро ли получу изъ дому письма;—ихъ ожидаю; и ранѣе 3-го іюля не могу отправиться.

Недавно я былъ у Измаила Иваныча [3]) и Николая Алексѣевича [4]);—отъ перваго я получилъ сочиненіе [5]), а второй оставилъ сочиненіе у себя, прося [6]) напечатать. Обдуетъ, каналья [7])!—обѣщался дать отвѣтъ къ 1-му іюля.

Разговоры съ обоими были очень интересны. Я, кажется, изумилъ Измаила Ивановича своимъ хладнокровіемъ [8]); по крайней мѣрѣ, только холоднымъ отзывомъ о своемъ младшемъ учительствѣ я объясняю себѣ его серьезныя требованія, чтобы я держалъ кандидатскій экзаменъ въ августѣ же мѣсяцѣ. Онъ не повѣрилъ мнѣ, когда я сказалъ, что начальство Института считаетъ тебя человѣкомъ *малаго ума*. А мнѣ кажется, что это такъ. Я заключаю это изъ — — скихъ и — — скихъ [9]) разговоровъ.

---

1) Хода въ игрѣ; они играютъ въ карты, пренебрегая запрещеніемъ этого.

2) Тѣхъ, которые подчиняются институтскимъ правиламъ.

3) Срезневскаго.

4) Некрасова.

5) Которое, вѣроятно, находилось на разсмотрѣніи у него, какъ у профессора.

6) По недосмотру пропущены слова: „которое я отдалъ ему“, прося его напечатать.

7) То-есть: обманетъ въ своемъ обѣщаніи дать отвѣтъ въ назначенный имъ срокъ, скажетъ тогда, что еще не прочелъ.

8) Къ тому, что получилъ при выпускѣ званіе младшаго, а не старшаго учителя гимназіи. Этимъ Давыдовъ отмстилъ А. П. Златовратскому (и нѣкоторымъ другимъ товарищамъ его) за борьбу противъ дурныхъ институтскихъ порядковъ.

9) Выпущенные нами первыя части двухъ словъ—фамиліи двухъ товарищей, бывшихъ въ милости у Давыдова.

Николай Алексѣичъ обругалъ Давыда, пожалѣлъ объ насъ, что не успѣли мы въ своемъ дѣлѣ.

Для Михайловскаго я купилъ сочиненія Гоголя, изд. Кулѣша. Признаюсь, мнѣ не нравится это изданіе. — — Я читаю теперь V томъ, письма Гоголя. Прочиталъ около 100 страницъ и кромѣ чуши рѣшительно ничего не нашелъ. Такая пустота, такая дрянь, что не стоитъ и печатать. Не знаю, что будетъ далѣе. Подобныя письма еще могутъ имѣть мѣсто въ біографіи, но никакъ не въ полномъ собраніи сочиненій. — — Я скоро уѣду [1]). — — Если около 15 іюля будешь проѣзжать Владиміромъ, такъ пожалуйста увидайся со мною. На станціи же можешь спросить домъ діакона Николозлатовратской церкви Петра Златовратскаго. — — Ты обязалъ бы меня очень.

Поляки [2]) дѣйствительно на тебя дуются. Изъ-за чего, я не знаю [3]). Николай Петровичъ думаетъ тебѣ писать [4]). Сциборскій [5]) — — Бруно Бауэра отдавать не хочетъ, потому что ты прежде долженъ возвратить «Réalité» Поттера, кажется.

Поклоновъ, кромѣ своего, я не знаю отъ кого еще послать. Живемъ хоть вмѣстѣ, но каждый отдѣльнымъ домомъ.

Будь здоровъ.

Златовратскій.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

30 іюня 1857 г. Нижній-Новгородъ.

Я къ тебѣ давно не писалъ, милая сестра моя Катенька, и даже не отвѣчалъ на послѣднее письмо твое, потому что все собирался ѣхать изъ Петербурга въ Нижній. Теперь я наконецъ въ Нижнемъ, съ братьями и сестрами, съ милой тетенькой Фавстой Васильевной, которая замѣнила для насъ родную мать, съ тетенькой Варварой Васильевной, съ Василіемъ Ивановичемъ, со всѣми родными. Всѣ мы вмѣстѣ

---

[1]) Домой, во Владиміръ.

[2]) Студенты, бывшіе стипендіатами царства польскаго. Здѣсь говорится собственно о тѣхъ изъ нихъ, которые были товарищами Николая Александровича и А. П. Златовратскаго по курсу. Однимъ изъ нихъ былъ Николай Петровичъ Турчаниновъ.

[3]) Онъ зналъ, но не хотѣлъ высказывать свое мнѣніе о томъ, правы ли товарищи, повѣрившіе словамъ прислужниковъ Давыдова, что Николай Александровичъ помирился съ своимъ врагомъ.

[4]) Турчаниновъ. Онъ очень любилъ Николая Александровича, но повѣрилъ сплетнѣ о примиреніи его съ Давыдовымъ, спросилъ у него, справедлива ли она; Николай Александровичъ отказался отвѣчать. Теперь онъ, вѣроятно, хотѣлъ требовать письменнаго объясненія. Николай Петровичъ былъ человѣкъ благородной души, но чрезмѣрно наивенъ. Онъ не понялъ, что вопросъ его былъ нелѣпъ и оскорбителенъ.

[5]) Одинъ изъ товарищей.

[6]) Книга Бруно Бауэра, о которой говорится тутъ, была или Kritik der Synoptiker или тотъ отдѣлъ исторіи переворотовъ, въ которомъ разсказывается о временахъ Директоріи и объ 18-мъ брюмера.

теперь; только тебя нѣтъ съ нами, моя душечка, и если бы ты знала, какъ всѣмъ намъ хочется тебя видѣть!.. Тетенька Фавста Васильевна каждый день вспоминаетъ тебя, каждый день разсказываетъ, чуть не со слезами, о твоемъ житьѣ у нихъ до отъѣзда въ Симбирскъ. Мы читаемъ твои письма, которыя такъ милы и умны, что даже я всегда радуюсь, смотря на то, какъ опи гладко и разумно написаны. Напиши мнѣ, душенька, кто васъ учитъ словесности, и какъ учитъ?.. Мнѣ это хочется знать и потому, между прочимъ, что я теперь кончилъ курсъ и буду учителемъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мои ученики успѣвали столько, сколько ты успѣла въ этотъ годъ. Правда, ты запятыхъ никогда не ставишь, это очень дурно; но я надѣюсь, что ты скоро и отъ этого исправишься, особенно когда будешь писать не торопясь. Мнѣ очень нравится, между прочимъ, то, что ты умѣешь хорошо пользоваться тѣмъ, что учишь. Такъ въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ ты вставила слова Карамзина о родинѣ; въ письмѣ къ тетенькѣ я видѣлъ стихи изъ Жуковскаго. Это прекрасно; надобно только чужія слова или оговаривать, прибавляя, что такъ говоритъ такой-то писатель, или, по крайней мѣрѣ, отдѣлять ковычками « », которыя въ грамматикѣ называются «чужесловами». А то, пожалуй, кто нибудь изъ незнающихъ можетъ подумать, что это собственное твое сочиненіе. Это, впрочемъ, дѣло не важное, и я тебѣ говорю о немъ только такъ, кстати. Гораздо важнѣе то, что умѣешь порядочно составлять свое письмо.

Нынѣшній годъ мнѣ очень хотѣлось съ тобою видѣться, душечка Катенька, и я все собирался проѣхать изъ Нижняго въ Симбирскъ по Волгѣ, хоть это и довольно далеко, какъ ты, вѣроятно, знаешь изъ географіи. Ты въ прошломъ году писала, чтобы я *заѣхалъ* къ тебѣ, когда поѣду въ Нижній. Теперь ты, конечно, узнала уже, что *заѣхать* можно только по дорогѣ, а Симбирскъ совсѣмъ не на дорогѣ изъ Петербурга въ Нижній. Мнѣ нужно будетъ до Симбирска проѣхать почти столько же, сколько я ѣхалъ отъ Петербурга до нашего Нижняго. Такимъ образомъ я теперь затрудняюсь исполнить свое намѣреніе, и сейчасъ разскажу тебѣ причины. Я кончилъ курсъ въ Институтѣ и остаюсь служить въ Петербургѣ; это для меня гораздо выгоднѣе и удобнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Не хочу тебѣ подробно этого объяснять; ты можешь спросить у нашей доброй Софьи Алексѣевны [1]), которой и ты, и я столько обязаны, равно какъ и все наше семейство. Она тебѣ можетъ растолковать, отчего мнѣ не слѣдовало оставаться на службѣ въ Нижнемъ. Рѣшившись остаться въ Петербургѣ, я уже не могу теперь слишкомъ долго располагать своимъ временемъ и пріѣхалъ въ Нижній только на мѣсяцъ, повидаться съ сестрами и постараться объ устройствѣ Ниночки, которая скоро выйдетъ за мужъ. Если я поѣду къ тебѣ, то потеряю дней десять, по крайней мѣрѣ, а между тѣмъ съ тобой видѣться—это прихоть, а съ Ниночкой остаться—необходимость, потому что теперь рѣшается ея судьба. Кромѣ того нужно еще замѣтить, что ты весь этотъ мѣсяцъ на сѣрныхъ водахъ и, слѣдовательно, мнѣ пришлось

---

[1]) Пальчиковой.

бы ѣхать къ тебѣ за Самару — еще дальше, чѣмъ въ Симбирскъ. Надѣюсь, что ты можешь разсудить все это, милая, дорогая моя Катенька, и не будешь обвинять меня, будто я тебя обманываю. Вмѣсто меня ты въ началѣ августа, если воротишься къ тому времени съ водъ, увидишь Михаила Ивановича, который ѣдетъ по командировкѣ въ Астрахань и по дорогѣ можетъ заѣхать въ Симбирскъ. Если же тебя тамъ въ это время не будетъ, то онъ заѣдетъ къ тебѣ, *можетъ быть*, на возвратномъ пути, около половины сентября. Прощай, душенька моя Катенька; пиши ко мнѣ по адресу тетеньки Фавсты Васильевны.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ БОРИСУ ИВАНОВИЧУ СЦИБОРСКОМУ. [1])

6 іюля 1857 г. Нижній.

Спѣшу писать къ тебѣ, Борисъ Иванычъ, затѣмъ, чтобы предупредить одну непріятную штуку, которую ты хочешь сыграть съ человѣкомъ достойнымъ полнаго нашего уваженія. Златовратскій написалъ мнѣ, что ты не хочешь отдать N [2]) Бруно Бауера, пока я не отдамъ тебѣ Поттера. Мѣра съ твоей стороны хороша, какъ понудительная мѣра въ отношеніи ко мнѣ; но я умоляю тебя не приводить ее въ исполненіе. Я даю тебѣ какое хочешь ручательство за то, что Поттеръ не пропадетъ даромъ. Можешь, напримѣръ, взять въ залогъ всѣ долги, какіе оставилъ я въ Петербургѣ. Ты сомнѣваешься во мнѣ, но несомнѣваешься конечно въ Щегловѣ: онъ долженъ мнѣ 91 руб. 15 к. сер. и я предоставляю тебѣ письменно, формально, собственноручно—задержать эти деньги и не отдавать ихъ мнѣ, пока я тебѣ Поттера не представлю. Вотъ тебѣ ручательство—вѣрнѣе и значительнѣе, чѣмъ книжка Бруно Бауэра. А то посуди самъ: чѣмъ же виноватъ — — N, что я тебѣ не отдалъ книги, принадлежавшей Павлову или Кошкину?

Сдѣлай милость—не мѣшай этого человѣка,——въ наши дрязги и не смѣшивай его съ такими негодяями, какъ я. Я прошу тебя объ этомъ не для себя, а во имя твоего собственнаго достоинства: тебѣ послѣ стыдно будетъ вспомнить о подобной штукѣ.—Поттеръ остался у Шемановскаго, Львова или Буренина. Если у нихъ не окажется, то онъ можетъ найтись между моими книгами, которыя остались у Чистякова. Ты потрудись самъ или пошли кого нибудь къ нему пересмотрѣть ихъ; а всего лучше, спроси Львова, если онъ тутъ, или напиши къ Шемановскому. Отъ него отвѣтъ получишь, вѣроятно, не позже недѣли. Если все это не поможетъ или ты не захочешь этого сдѣлать, то успокой владѣтеля книги на счетъ моей состоятельности и отдай Бруно Бауэра Николаю Петровичу, который его

---

[1]) Одному изъ товарищей по институту.

[2]) Одному изъ знакомыхъ Николая Александровича.

отнесетъ къ N [1]). Повѣрь, что это съ твоей стороны будетъ не только не безчестно, а даже великодушно, а я всегда считалъ тебя способнымъ на великодушіе, для людей, которые его стоютъ. Надѣюсь, что N стоитъ его, и слѣдовательно ты исполнишь то, о чемъ я тебя покорнѣйше и убѣдительнѣйше прошу.

Полный прежняго уваженія къ тебѣ

Н. Добролюбовъ.

ЗАПИСКА Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Отъ 7 іюля 1857*)

Василій Ивановичъ!

Ольга Аѳанасьевна [2]) сегодня по утру умерла. Въ первоначальномъ условіи съ ней было сказано, помнится, что она требуетъ только честнаго погребенія, если умретъ не получивши своихъ денегъ. Не знаю, нужно ли, по условію, похоронить ее, если она умретъ получивши всю сумму; но во всякомъ случаѣ—думаю, что нашъ долгъ—по христіанскому человѣколюбію, принять на себя послѣднія издержки. Похороны могутъ стоить не болѣе 10 рублей серебромъ, и мы можемъ записать ихъ въ расходъ, какъ употребленныя съ согласія всѣхъ опекуновъ и опекаемыхъ. Тетенька Фавста Васильевна на это совершенно согласна, о моемъ согласіи свидѣтельствуетъ эта записка; Ниночка тоже согласна. Извѣстите меня съ этимъ же посланнымъ,—есть ли у Васъ теперь деньги и можете ли Вы послать ихъ. Если нѣтъ, то я могу пока дать свои.

Н. Добролюбовъ.

7 іюля 1857.

(*Отвѣтъ Василія Ивановича, написанный на томъ же листкѣ*).

По условію не сказано хоронить; но я далъ 10 р. 50 к. асс., [3]) и будетъ за глаза; а если не достанетъ, прибавлю еще 1 р. с.

---

[1]) Н. П. Турчаниновъ былъ знакомъ съ N.

[2]) Трушеникова, та старушка, которая получала отъ Александра Ивановича и потомъ отъ его дѣтей пожизненную пенсію по условію, заключенному при продажѣ ея стараго домика съ дворомъ Александру Ивановичу.

[3]) То есть, 3 р. сер.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

9 іюля 1857 г.

Благодарю тебя, мой добрый Александръ Петровичъ, за твое обязательное письмо [1]) и за исполненіе моихъ порученій. Мнѣ очень непріятно отозвался только мрачный, осенній тонъ твоего письма,— какъ будто бы ты пишешь только что воротившись изъ-подъ мелкой изморози, промочивши ноги и продрогши всѣмъ тѣломъ. Теперь, право, время совсѣмъ не такое,—то есть такое-то, дѣйствительно, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Нижнемъ; но все же еще не осень... Мы съ тобой еще только начинаемъ нашу весну... Насъ ожидаютъ наслажденія науки, мысли, правды, радости любви и дружбы... Чего намъ печалиться... Не будетъ ли слишкомъ много чести и радости Ванькѣ, ежели мы станемъ падать духомъ отъ единаго почерка пера его... [2]) Никогда и никто не унизитъ насъ, пока сами мы высоко себя держимъ,—таково мое правило, и вслѣдствіе его я не смотрю ни на кого и ничѣмъ не стѣсняюсь въ моихъ, собственно отъ меня зависящихъ и меня касающихся, дѣйствіяхъ. Меня удивило немножко твое сожалѣніе, что я «велъ дружбу» съ разною сволочью... [3]) Неужели тебѣ мало было моихъ объясненій, неужели ты до сихъ поръ считаешь меня, вмѣстѣ съ институтскимъ начальствомъ, человѣкомъ такого *малаго ума*, что приписываешь мнѣ намѣреніе привлечь къ себѣ истинное расположеніе этихъ людей?.. Богъ съ тобой, я не хочу входить въ новыя подробности, увѣренія и объясненія... Скажу только, что человѣку, у котораго есть интересы и цѣли повыше институтскихъ отмѣтокъ и благосклонностей, странно и смѣшно было бы принимать серьезно всѣ эти пустяки, которые волновали нашихъ товарищей въ послѣдній годъ... Я жилъ душою въ Институтѣ, я работалъ [4]), сколько было силъ моихъ, подвергаясь опасностямъ и непріятностямъ (тебѣ хорошо извѣстнымъ),— пока у меня было дѣло полезное и благородное и пока я не утратилъ вѣры въ тѣхъ, для которыхъ, между прочимъ, работалъ [5]). Цѣли своей [6]) я достигъ, хоть отчасти, а преслѣдовать ее до конца почелъ излишнимъ и безплоднымъ, увидѣвши, съ кѣмъ я имѣю дѣло... [7]) Все, что было мною совершено противъ начальства въ послѣднее время, было уже не плодомъ святаго убѣжденія, а дѣломъ старой привычки, поднявшейся при удобномъ случаѣ... Если бы я далъ себѣ трудъ подумать, я бы никогда не сталъ терять даже получаса времени (котораго стоило мнѣ

---

[1]) Бывшее отвѣтомъ на письмо Николая Александровича отъ 23 іюня.

[2]) Т. е. отъ того, что онъ не далъ тебѣ званія старшаго учителя и повредилъ мнѣ сколько могъ.

[3]) Съ тѣми товарищами, которые заискивали милости Давыдова и которыхъ чуждались друзья Николая Александровича.

[4]) Для устраненія дурныхъ институтскихъ порядковъ.

[5]) Въ большинство товарищей.

[6]) Устраненія дурныхъ порядковъ.

[7]) Какъ слабы характеромъ многіе изъ тѣхъ товарищей, которыхъ Николай Александровичъ считалъ людьми твердыми въ благородныхъ чувствахъ.

это дѣло) [1]) для людей, которые стóятъ моего полнаго равнодушія, если не болѣе... И передъ этими людьми я долженъ былъ, по твоему мнѣнію, *выдерживать характеръ!..* Неужели ты не понялъ, что такой фразой могъ смертельно оскорбить меня?.. Чтобы я сталъ заботиться о выдержкѣ характера!.. Да что я за школьникъ, что за мальчишка, что за безхарактерное существо, чтобы принять на себя подобную заботу?.. Мой характеръ уже сложился,—онъ высказывается всегда свободно и естественно; зачѣмъ же я буду хлопотать объ искусственной выдержкѣ его? Великій бы пошлякъ былъ я, если бы вздумалъ стѣснить себя и направить всѣ свои мысли къ тому, чтобы остерегаться говорить съ N 1, смотрѣть на N 2, смѣяться надъ N 3, подать руку N 4 и т. д. [2]). Меня бы, разумѣется, стало на то, чтобы выдержать характеръ по твоему: и ты и Щегловъ были бы мною довольны... Третій курсъ [3]) и доказательствомъ служитъ моей душевной силы... Но, право, я и тогда дѣлалъ это только потому, что слишкомъ много еще придавалъ значенія институтскимъ дрязгамъ и считалъ ихъ достойными серьезнаго негодованія... Нѣтъ, Златовратскій, если ты въ чемъ меня могъ упрекнуть, то развѣ въ нечистоплотности, какъ выражается мой двоюродный братъ. [4]) Мнѣ ничего не значитъ сѣсть на запыленную скамейку въ городскомъ саду,—если я усталъ,—такъ же какъ ничего не стоитъ заговорить съ N 2, или N 5; я не замѣчу, что надѣну нечищенные сапоги, также, какъ не замѣчу, что похристосовался съ N 6... На меня не производитъ непріятнаго впечатлѣнія паутина, которою весь я опутаюсь, собирая малину въ саду, также какъ не пугаетъ меня пошлость N 7, когда я наблюдаю его наивную натуру... Я съ удовольствіемъ могу расцѣловать руку — — [5а]) дѣвушки, которая мнѣ нравится, также какъ съ удовольствіемъ могу выслушать остроту N 8 или умную выходку N 3 [6]). Вотъ мое несчастье, котораго никто, кромѣ меня, не видитъ; а я и вижу, да не стараюсь отъ него избавиться, а напротивъ, благословляю судьбу за него: во мнѣ мало исключительности, у меня недостаетъ духу для повальной оцѣнки человѣка, и я, умѣя презирать мерзости, не гнушаюсь добромъ; а если его нѣтъ, то я не нахожу особеннаго удовольствія охотиться за зломъ, а просто оставляю его безъ вниманія и ищу добра въ другомъ мѣстѣ... Впрочемъ, пора мнѣ и перестать объ этомъ... Я и забылъ, что не хотѣлъ входить въ объясненія...

---

1) Плеоназмъ; не сталъ бы терять даже полчаса времени на это дѣло.

2) Знаками N 1, N 2, N 3, N 4 замѣнены фамиліи четырехъ товарищей, которыхъ чуждались друзья Николая Александровича и съ которыми былъ ласковъ онъ, жалѣвшій огорчать людей.

3) Тотъ годъ, когда Николай Александровичъ и его друзья были въ третьемъ курсѣ, то есть академическій годъ съ августа 1855 до іюля 1856.

4) Михаилъ Ивановичъ.

5а) Выраженіе, обозначающее презираемую всѣми дѣвушку.

6) Знаки N 2, N 3 соотвѣтствуютъ повторенію фамилій, замѣненныхъ ими при первомъ перечисленіи товарищей, которыхъ чуждались друзья Николая Александровича и не чуждался онъ; знаками N 5, N 6, N 7, N 8 замѣнены фамиліи четырехъ другихъ товарищей той же презираемой друзьями Николая Александровича партіи.

Кулѣша [1]) я тоже купилъ и нашелъ, что корректурная часть небрежна въ высшей степени. Кажется, это даже хуже чѣмъ Анненкова изданіе Пушкина. Но письма показались мнѣ весьма интересны, особенно начиная съ 1827 года. Мнѣ показались даже очень родными и милыми нѣкоторыя страницы... Напримѣръ, страница 71-я [2]); не напомнитъ ли она и тебѣ чего нибудь знакомаго?.. Не знаю, вышли ли теперь остальные два тома. У меня пока только четыре...

А отчего не описалъ ты мнѣ торжества Ваньки 24-го сего іюня? Говорятъ, было великолѣпно,—съ пѣніемъ, поклонами и превращеніями? Должно быть, интересное зрѣлище,—не то, что 24 іюня 1856 года.

На это письмо отвѣчай мнѣ уже въ Петербургъ. Числа 25 я уѣду навѣрное... Прощай; можетъ быть, встрѣчу тебя во Владимірѣ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ШЕМАНОВСКАГО.

(*Отъ 11 іюля 1857 г.*).

11 іюля.

Любезный другъ,

Николай Александровичъ!

Вѣроятно, ты получилъ мое первое нелѣпое письмо; иначе я не могу объяснить твоего молчанія, противнаго твоему же обѣщанію. Цѣль этого письма двоякая: исправить свою неаккуратность и упрекнуть тебя за твои письма къ Златовратскому, въ которыхъ пустословіе, конечно невинное, даетъ поводъ твоимъ бывшимъ друзьямъ почесать свои язычки. — Посылаю тебѣ „Губернскіе очерки" и портретъ, а Некрасова не могъ найти нигдѣ, а самъ ты не соблаговолилъ меня извѣстить объ этомъ; слѣдовательно, долженъ пенять только на

---

1) Изданіе Гоголя, сдѣланное Кулѣшемъ.

2) Вотъ тѣ мѣста 71-й страницы, къ которымъ относятся слова Николая Александровича:

„Врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. (*какъ я*). Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ — — никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ (*въ родномъ городѣ*) считаютъ меня... думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ — — Здѣсь (*въ Петербургѣ*) меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ — болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ уменъ, у другихъ—глупъ. Какъ угодно почитайте меня (*т. е. какъ угодно думайте обо мнѣ*), но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что к всю жизнь свою обрекъ благу. Вы (*мать и родные*) меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними (*мечтателями*). Нѣтъ, я слишкомъ много (*хорошо*) знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на-вѣки неизгладимыми. — — Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями". (Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Изданіе П. А. Кулиша. Томъ 5-й. С.П.Б. 1857. Стран. 71).

себя. Портретъ ты долженъ привезти обратно въ Петербургъ. Долговъ твоихъ я не могъ собрать и тебѣ самому придется похлопотать объ этомъ по пріѣздѣ, потому что всѣ, или по крайней мѣрѣ большая часть, отзываются совершеннымъ неимѣніемъ денегъ и откладываютъ расплату до полученія третнаго жалованья. Что сказать тебѣ новаго? Въ Институтѣ все по прежнему; дѣло о Бордюговѣ и о другихъ [1]) еще не рѣшено, и неизвѣстно когда рѣшится; между тѣмъ говорятъ, что до 15 іюля размѣстятъ по должностямъ. Объ участи, постигшей Бордюгова въ Твери [2]), ты, вѣроятно, знаешь; больше о немъ я ничего не знаю, потому что не получалъ отвѣта на два мои письма. Мое здоровье поправилось значительно сравнительно съ прежнимъ — —. Для поправленія здоровья эту недѣлю я жилъ на Лахтѣ и сегодня только пріѣхалъ, чтобъ написать нѣсколько писемъ; другой воздухъ и совершенно другая жизнь, безъ заботъ и даже веселая, много поправила мое здоровье. — —

Прощай; написалъ бы еще кое что, да спать ужасно хочется, а завтра некогда. Въ заключеніе по обыкновенію нужно пожелать бы тебѣ здоровья или чего нибудь другого, да не знаю, чего тебѣ желать, потому что ты ко всему равнодушенъ. Да, виноватъ, желаю тебѣ пріобрѣсти какъ можно больше денегъ.

Твой Шемановскій.

ПИСЬМО СОФЬИ АЛЕКСѢЕВНЫ ПАЛЬЧИКОВОЙ.

Сергіевскъ, 17 іюля 1857 г.

Письмо Ваше, отъ 1-го сего мѣсяца сейчасъ только получила, любезный Николай Александровичъ, и спѣшу на него отвѣчать; хотя думаю, что сама пріѣду прежде этого отвѣта, но не хочу еще разъ быть виноватой передъ Вами, и потому, не медля, берусь за перо.

Вы меня напрасно обвиняете въ желаніи *Васъ наказать*, потому что не отвѣчала на послѣднее письмо Ваше. Увѣряю Васъ, что этого у меня и въ помышленіяхъ не было. Ваше письмо, Ваши мысли, Ваши чувства меня не удивили; все это въ порядкѣ вещей. Вы испытали горе, и эта ужасная школа влечетъ обыкновенно за собой минуты отчаянія, сплина, сильно потрясаетъ вѣру, отнимаетъ надежду въ лучшіе дни. Все это я испытала на себѣ, и потому не могу не понимать другихъ, не могу не сочувствовать этимъ тяжелымъ положеніямъ, черезъ которыя, болѣе или менѣе, всякій переходилъ въ жизни. Не отвѣчала я Вамъ по непростительной, можетъ быть, но весьма простой причинѣ: я очень лѣнива писать; сначала откладывала отъ почты до почты, а потомъ нашла, что уже поздно отвѣчать и кончилось тѣмъ, что совсѣмъ не написала. Вотъ Вамъ мое чистосердечное признаніе. Обвиняйте меня въ непростительной лѣни, но

---

[1]) О назначеніи ихъ на должности.

[2]) Вѣроятно, это было какое нибудь смѣшное дорожное приключеніе.

не въ безчувственности, не въ холодности, не въ отсутствіи сострадація къ тогдашнему Вашему положенію. Очень рада я была узнать изъ Вашего сегодняшняго письма, что Вы теперь спокойны духомъ. Нахожу, что Вы очень благоразумно рѣшили служить въ Петербургѣ, а не въ Нижнемъ, тѣмъ болѣе, что для семейства Вашего Вы теперь тамъ ничего сдѣлать не можете. Братья еще малы, сестры всѣ по мѣстамъ; пока время есть, Вамъ надо думать самимъ о себѣ. Непріятно только одно, что Вы будете теперь служить безъ жалованья; но, вѣроятно, это не долго будетъ продолжаться. Катенька сегодня не будетъ отвѣчать на Ваше письмо: почта сейчасъ отходитъ, и я, признаюсь, боюсь, чтобъ она меня не задержала. Леченіе ея не совершенно удовлетворительно; болѣзнь ея не опасная, но чрезвычайно упорная, и доктора здѣсь говорятъ, что этотъ родъ золотухи не скоро излечивается. Она, впрочемъ, совершенно здорова, и единственный признакъ болѣзни заключается въ опухоли лица, которая по временамъ уменьшается, а по временамъ возобновляется съ новою силой. Все это пройдетъ съ лѣтами. Надѣюсь Васъ еще застать въ Нижнемъ, и тогда поговоримъ подробнѣе о ней, о ея воспитаніи, о характерѣ и проч. Какъ всѣ члены Вашего семейства, она имѣетъ доброе и чувствительное сердце, кроткій характеръ и огромную любознательность. Прощайте; боюсь опоздать на почту. Не благодарите меня за ничтожныя услуги, которыя могу оказать Вашему семейству. Я всегда такъ счастлива, когда могу сдѣлать что нибудь полезное для другихъ, что, право, не стоило благодарности. До свиданья. За что Вы сердитесь на Іеремію? Вѣрно, недовольны выборомъ жениха для Ниночки? [1]) А Катенька наша ни за что не хочетъ выйдти замужъ за духовнаго; ужь не знаю, какъ съ нею сладитъ симбирскій архіерей, а только, кажется, будетъ трудно.

С. Пальчикова.

ПИСЬМО ИВАНА ИВАНОВИЧА БОРДЮГОВА.

Зміевъ, 20 іюля 1857 года.

Отъ души благодарю тебя, добрый другъ нашъ, за хлопоты по моимъ дѣламъ. Не смотря на первыя неудачи, я увѣренъ, что онѣ, т. е. хлопоты увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. — — Впрочемъ, будемъ терпѣть и ждать 2-й части divin'-ы comedi'-и. — — Съ печальною повѣстью нашей поѣздки домой не хочу тебя знакомить. Скажу только, что вмѣсто того, чтобы явиться домой на 6-й день послѣ отъѣзда, мы прибыли на 13-й! Это было путешествіе съ ощущеніями. Т... [2]) имѣлъ намѣреніе описать тебѣ нѣкоторыя подробности его съ тѣмъ, чтобы ты, на досугѣ дополнивъ ихъ еще *произ-*

---

[1]) Нѣтъ; выбору жениха онъ не мѣшалъ; но прежде выказывалъ непріязнь къ осиротѣвшимъ дѣтямъ Александра Ивановича по непріязни къ отцу.

[2]) Товарищъ по курсу, ѣхавшій вмѣстѣ съ И. И. Бордюговымъ; вѣроятно, Тачановскій.

веденіями творческой фантазіи, составилъ что нибудь въ родѣ *эпической пуэмы* [1]).— Съ горемъ пополамъ добравшись домой, я, какъ бы въ вознагражденіе за перенесенныя непріятности дороги, наслаждаюсь теперь полнымъ спокойствіемъ въ кругу милаго мнѣ семейства. Взоръ мой отдыхаетъ отъ созерцанія пошлыхъ физіономій пошлыхъ людей, каковы Ванька, Андрюшка etc. Тѣлеса мои начинаютъ укрѣпляться подъ вліяніемъ сытныхъ малороссійскихъ обѣдовъ. Чистый воздухъ, постоянное движеніе, катанье, купанье, дѣйствуя благодѣтельно на тѣло, успокоиваютъ отчасти и духъ, потрясенный возмутительными разсказами несчастныхъ крестьянъ о ихъ бѣдствіяхъ. Но объ этомъ послѣ. Касательно общаго святаго дѣла, я еще ничего не предпринималъ. Въ Харьковѣ я пробылъ 1 день; но никого изъ прежнихъ моихъ товарищей [2]) не нашелъ. Почти всѣ они разъѣхались. Къ нѣкоторымъ я отправилъ письма. Изъ тѣхъ трехъ господъ, о которыхъ говорили, что они поступаютъ въ Институтъ, ни одинъ не поѣдетъ, по разнымъ причинамъ.—Прощай, другъ мой. Извини за короткость моего письма. Твое милое письмо стоитъ лучшаго отвѣта и я готовъ дать его; но любовь и вниманіе моихъ родныхъ не даютъ никакъ мнѣ больше 10 минутъ сидѣть въ моемъ кабинетѣ. Прощай! Кланяйся всѣмъ *нашимъ* и чаще пиши [3]).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

23 іюля 1857.

Посылаю тебѣ письмо, моя милая сестра, съ Михаиломъ Ивановичемъ [4]), который теперь увидится съ тобой вмѣсто всѣхъ насъ. Если ты получила письмо мое, которое я послалъ въ письмѣ, адресованномъ къ Софьѣ Алексѣевнѣ, то знаешь, что я живу теперь въ Нижнемъ вмѣстѣ съ тетенькой Фавстой, вмѣстѣ съ братьями и сестрами. Сегодня, впрочемъ, я уѣзжаю опять въ Петербургъ, а завтра Михаилъ Ивановичъ отправляется въ Астрахань и по дорогѣ заѣдетъ къ тебѣ. Пиши ко мнѣ, моя дорогая, милая Катенька, въ Петербургъ, въ домъ Сергѣя Павловича Галахова, въ Шестилавочной улицѣ. Я тамъ проживу нѣсколько времени, пока не устрою собственной квартиры. Напиши мнѣ, принесли ли тебѣ пользу сѣрныя воды и совершенно ли здоровы твои глаза. Напиши также, чему ты учишься теперь и сколько у тебя занятій, какъ ты проводишь время съ своими подругами. Опиши, какъ ты жила на водахъ съ Софьей Алексѣевной. Она писала сюда, что ты очень любишь читать и читаешь все очень скоро. За это спасибо тебѣ; только не старайся читать однѣ сказки да повѣсти, а больше читай исторію, путешествія и

---

[1]) Подражаніе произношенію,—вѣроятно, этого товарища.

[2]) По гимназіи.

[3]) Подписи нѣтъ.

[4]) Онъ провожалъ, какъ чиновникъ Питейнаго отдѣленія, партію спирта, отправляемую въ Астрахань.

т. п. книжки. Вѣрно, вамъ даютъ книги по выбору; напиши мнѣ, кто вамъ выбираетъ книги и какія. Разскажи мнѣ, пожалуйста, какія книги читала ты и что тебѣ въ нихъ особенно понравилось. Мнѣ будетъ очень интересно узнать это. Я тебѣ тоже буду писать изъ Петербурга и о томъ, какія есть хорошія книги, которыя ты могла бы прочитать. Можетъ быть, я буду и присылать тебѣ какія нибудь изъ нихъ. Теперь ты на свои расходы получишь отъ Михаила Ивановича 3 руб. сер. Онъ же тебѣ передастъ обо всемъ, что у насъ дѣлается въ Нижнемъ. Письмо твое Василій Ивановичъ получилъ, но не отвѣчалъ на него потому, что ты была на сѣрныхъ водахъ; какъ скоро получится здѣсь извѣстіе изъ Симбирска отъ тебя, онъ будетъ тоже писать тебѣ. Увѣдомь меня кстати въ слѣдующемъ письмѣ, сколько лѣтъ тебѣ остается учиться въ Симбирскѣ, два или три года? Вообще, пиши больше.

Твой братъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ.

7 августа 1857 г.

Милая и добрая Тетенька Варвара Васильевна и Дяденька Лука Ивановичъ, Вы вѣроятно сердитесь все-таки на меня за мое подозрѣваемое равнодушіе и холодность въ родственныхъ чувствахъ. Богъ съ Вами. Право, мнѣ только не хочется оправдываться, а я могъ бы блистательно оправдаться отъ всѣхъ обвиненій, какія на меня взводятся. Но пусть лучшимъ оправданіемъ будетъ это письмо, которое, предсказываю заранѣе,— совершенно не понравится Вамъ по причинѣ своей крайней пустоты. Я думаю разсказать Вамъ мою поѣздку до Петербурга, потому что въ Петербургѣ я еще ничего не дѣлалъ и описывать въ моей жизни нечего. Выѣздъ мой изъ Нижняго оставилъ по себѣ *кровавый слѣдъ* отъ почтовой конторы до главнаго дома [1]) на ярмаркѣ. Это явленіе весьма замѣчательное... Только что на ярмаркѣ остановились мы предъ почтовымъ отдѣленіемъ, какъ кондукторъ замѣтилъ, что подъ ногами одной лошади образовалась кровавая лужа и далеко позади тянулся слѣдъ крови. Ямщикъ подбѣжалъ къ лошади, поднялъ ей ногу, посмотрѣлъ, почавкалъ, почесался, потомъ задумчиво-раздраженнымъ тономъ спросилъ другого ямщика: «Егоръ! Никакъ лошади-то вчерась раковину подымали?»—«А что?»—«Да вотъ этой лошади».—«Что?»—«Раковину ей никакъ подымали»—«Когда?»—«Да вчерась, безъ меня»—«Подымали».—«Эхъ, голова, что жь ты мнѣ не сказалъ? Я бы ее запрягать не сталъ»—«А я почемъ зналъ»... Разговоръ въ этомъ родѣ обѣщалъ протянуться до тѣхъ поръ, пока лошадь истекла бы кровью,—что́ самъ ямщикъ замѣтилъ тотчасъ: «Экъ-то [2]) она часу

---

1) Главнаго почтоваго дома.
2) Этакъ-то.

не простоитъ», говорилъ онъ:—«вся кровью изойдетъ». Дѣйствительно, кровь текла ручьемъ изъ ноги лошади, и пока мы стояли на мѣстѣ, я думаю съ ведро ея вытекло... А мужики все стояли и разсуждали, подымая и щупая ногу у лошади. Наконецъ, я сказалъ кондуктору, чтобы онъ велѣлъ поскорѣе выпрячь лошадь, потому что ѣхать на ней нельзя. Кондукторъ крикнулъ, и лошадь мигомъ была выпряжена, отправлена куда-то, и на мѣсто ея явилась другая. На свѣжихъ лошадяхъ доѣхали мы скоро до Орловки, потомъ до Чернорѣчья, потомъ до Золина, потомъ до Краснаго села, и т. д. Станція за станціей мѣнялись очень быстро. До Владиміра я ѣхалъ одинъ въ четырехъ каретахъ, изъ которыхъ одна была десятимѣстная, двѣ шестимѣстныхъ и одна четырехмѣстная [1]), такъ что не только для каждой руки и ноги моей могло быть особое мѣсто, но даже если бы я хотѣлъ всѣ свои пальцы размѣстить по особымъ комнатамъ,—и то бы достало... Отъ Владиміра ѣхала со мной одна барыня съ сыномъ гимназистомъ, и потому я считалъ уже себя нѣсколько стѣсненнымъ, хотя не имѣлъ ни малѣйшаго повода обижаться нарушеніемъ какого нибудь изъ моихъ правъ. Здоровье мое было во всю дорогу въ наилучшемъ положеніи. Спалъ я отлично бо́льшую часть пути. Впрочемъ, можно уже, кажется, и кончить это письмо. Другая его половина надлежитъ Фавстѣ Васильевнѣ, которымъ [2]) не замедлите ее передать.

Н. Добролюбовъ.

Нельзя ли какъ нибудь передать отъ меня *земной поклонъ* тетенькѣ Фавстѣ Васильевнѣ [3]). Вы бы меня чрезвычайно этимъ обязали!..

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

7 августа 1857 г.

Милая Тетенька, Фавста Васильевна!

Когда Вы меня подчивали супомъ, котораго я уже не хотѣлъ ѣсть, я говорилъ Вамъ: благодарю! Когда Вы меня заставляли ѣсть жирную дрочену, отъ которой я уже былъ сытъ до-нельзя, я говорилъ: покорно благодарю! Когда мнѣ предлагали набиваться пшенникомъ, отъ котораго я и то уже растолстѣлъ въ Нижнемъ, я Вамъ говорилъ: покорнѣйше Васъ благодарю, Тетенька!.. Когда, наконецъ, Вы

---

[1]) Онъ ѣхалъ съ почтою; ее возили тогда изъ Нижняго въ Москву въ каретахъ, имѣвшихъ мѣста для пассажировъ.

[2]) Описка, вмѣсто „которой".

[3]) Тутъ начерчена фигура мужчины, лежащая вдоль строки, то есть изображенъ земной поклонъ Николая Александровича Фавстѣ Васильевнѣ.—Письмо его къ Фавстѣ Васильевнѣ начинается тоже шутливымъ сообщеніемъ, что онъ посылаетъ ей земной поклонъ въ искупленіе своей вины передъ нею. Но то, что кажется ему забавно, было во мнѣніи Фавсты Васильевны серьезной виной; да и Варвара Васильевна, навѣрное, находила, что онъ виноватъ передъ ея сестрой.

имѣли покушеніе напитать меня манною (кашею), то я съ испуганной физіономіей, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ произносилъ: отъ всей души благодарю Васъ, великодушнѣйшая Тетенька! Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, которые, какъ Вы сами можете припомнить, совершенно справедливы, Вы можете весьма вѣрно и основательно заключить, что я (вашъ племянничекъ то есть) — существо благодарное и умѣющее цѣнить благодѣянія [1]). Поэтому Вы, надѣюсь, ни малѣйшаго невыгоднаго значенія не придадите тому обстоятельству, за которое получилъ я слезный выговоръ отъ Аксиньи [2]) и которое состояло въ томъ, что при прощаньи я не поблагодарилъ Васъ ни за что и не попросилъ ни о чемъ [3]). Не знаю, оскорбились ли Вы моею забывчивостью и торопливостью, но она была весьма ею недовольна и, провожая меня, на дорогѣ сообщила мнѣ въ видѣ назиданія слѣдующее: «Вотъ, Михаилъ Ивановичъ-то какъ прощался, такъ любо посмотрѣть было: поклонился Фавстѣ Васильевнѣ-то въ ноги и просилъ ее, чтобы Машеньку не оставила». Повѣствованіе о семъ замѣчательномъ событіи такъ меня растрогало, что я хотѣлъ даже для поправленія своей вины и для доказательства, что я тоже не безчувственный какой нибудь,—хотѣлъ уже броситься къ ногамъ Аксиньи, воображая, что предо мной Вы, милая Тетенька. Но—въ это самое время подушка свалилась было съ дрожекъ... нужно было подойти къ извозчику и поправить подушку... Это разстроило мое чувствительное настроеніе, и доброе намѣреніе осталось безъ исполненія. Нельзя ли замѣнить это письменно?.. Знаете что, Тетенька? Въ слѣдующемъ письмѣ къ кому нибудь изъ нашихъ родныхъ я вложу къ Вамъ земной поклонъ... Это вѣдь все равно будетъ... право... можно такъ и на конвертѣ написать: «со вложеніемъ земнаго поклона,—а Васъ прошу передать моей тетушкѣ». Я постараюсь это непремѣнно исполнить. А до тѣхъ поръ не сомнѣвайтесь въ моей полной признательности и любви.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

Пишите ко мнѣ: Н. А. Д. въ Итальянской улицѣ, въ домѣ Мюссарда, квартира № 18-й.

Прочтите это письмо и Ниночкѣ: въ немъ вѣдь нѣтъ секретовъ и нѣтъ ничего такого, что молодой дѣвочкѣ знать было бы неприлично [4]).

---

[1]) Вся эта шутка была неумѣстна. Николай Александровичъ забывалъ, что Фавста Васильевна, у которой жилъ онъ, имѣетъ старосвѣтскія привычки. Да и помимо того, хозяйкѣ, ухаживавшей за роднымъ гостемъ, не могло не показаться обидно, что онъ при прощаньѣ не поблагодарилъ ее. Онъ увеличилъ ея огорченіе, обращая въ шутку свою забывчивость, за которую слѣдовало бъ ему серьезно просить извиненія. Онъ воображалъ, что его тетка, пожилая женщина старомоднаго общества, можетъ взглянуть на забвеніе обычая такъ же легко, какъ онъ.

[2]) Служанки, которая была послана съ нимъ на почтовую станцію помогать ему уложить вещи въ почтовую карету.

[3]) Старосвѣтскій обычай требовалъ, чтобъ онъ попросилъ ее быть заботливой о его сестрѣ и братѣ, жившихъ у нея.

[4]) Вѣроятно, шутливое напоминаніе о разговорахъ, въ которыхъ Фавста Васильевна объясняла ему, что не показывала Антонинѣ Александровнѣ тѣхъ писемъ его, въ которыхъ была рѣчь о ея замужествѣ.

Я думаю, что Марья Дмитріевна, по своей добротѣ, перестала уже на меня сердиться и простила мнѣ ту болтовню, которой я предавался въ послѣдніе дни пребыванія у Васъ.

Поклонитесь отъ меня Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу, Сонечкѣ, Машенькѣ, Митрошенькѣ [1]), Анночкѣ.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(*Конецъ лѣта или начало осени 1857 г.; вѣроятно, начало августа*) [2]).

Еще до пріѣзда въ Рязань я составилъ было планъ письма къ тебѣ; теперь его забылъ совсѣмъ и чѣмъ долѣе здѣсь живу, тѣмъ все менѣе и менѣе нахожу содержанія для письма, хоть сколько-нибудь интереснаго для тебя. — —

Наслышаться — — интересныхъ новостей я еще не успѣлъ. Узналъ только одну. Многіе недовольны здѣсь заключеніемъ мира, потому что въ такомъ случаѣ нечѣмъ правительству развлечься отъ крестьянскаго вопроса, оно можетъ уже спокойно приняться за это дѣло и скоро его окончить. Въ противномъ же случаѣ Россія приняла бы участіе въ войнѣ [3]), пошли бы рекрутскіе наборы и крестьянскій вопросъ отодвинулся бы, по ихъ мнѣнію, на неопредѣленное время. До сихъ поръ я еще ничѣмъ не занимаюсь и не развернулъ еще твоего Фейербаха. — — Будь здоровъ.

А. Златовратскій.

Если не найдешь чего нибудь необходимаго и интереснаго для меня, такъ можешь не отвѣчать. Вѣдь у тебя время—капиталъ, на который безъ нужды посягать не хочу. Скоро, можетъ быть, напишу еще.

ПИСЬМО ЛИЗАВЕТЫ НИКИТИЧНЫ ПЕЩУРОВОЙ.

Нижній Новгородъ, 10 августа 1857 г.

Вотъ почти три недѣли, любезный Николай Александровичъ, какъ Вы оставили Нижній, а я еще никакого не имѣю извѣстія въ отвѣтъ на мою посылку. Сдѣлайте одолженіе, спросите у Бухлаева, исполнилъ ли онъ мое порученіе къ портному Ивану Ѳедорову, и скажите ему, что я его убѣдительно прошу, чтобъ онъ отъ него вытребовалъ от-

---

[1]) Дочерямъ и маленькому сыну Варвары Васильевны.

[2]) Институтскій товарищъ Николая Александровича, Александръ Петровичъ Златовратскій былъ по окончаніи курса назначенъ преподавателемъ въ Рязанскую губернію. Онъ пріѣхалъ въ Рязань, вѣроятно, въ концѣ каникулъ; письмо это писано вскорѣ по пріѣздѣ, какъ показываетъ его содержаніе.

[3]) То есть: Россія интересовалась бы войною.

вѣтъ на мое письмо [1]). Простите меня, что Васъ занимаю моей просьбой, но такъ какъ Вы живете въ одномъ домѣ съ Буслаевымъ, то надѣюсь, что васъ не затруднитъ ея исполненіе.

Уважающая Васъ

Е. Пещурова.

Только что сложила это письмо и хотѣла печатать, какъ Sophie [2]) прислала мнѣ здѣсь приложенныя два, вотъ отъ чего оно такъ измято [*]). Говорю Вамъ это въ оправданіе. Надѣюсь, что приложенныя дадутъ ему достоинство, котораго оно само по себѣ не имѣетъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 22 августа 1857*).

Наконецъ, любезный мой другъ Николай Александровичъ, 19-го числа приплыли мы въ Симбирскъ. Можешь судить, какъ скоро летитъ нашъ пароходъ! Первой обязанностью поставилъ себѣ идти къ Катенькѣ; это было въ 8 часовъ вечера. Она ужинала, а я оставался съ ихъ классной дамой. Надзирательница эта изъ духовнаго званія, вдова и довольно женщина умная. Она отзывалась о Катѣ, какъ нельзя лучше; жалѣетъ только о ея здоровьѣ, потому что — — ей теперь много хуже (чѣмъ было въ Нижнемъ). — — Выросла Катя мало. Какъ она горюетъ, что должна жить одна на чужой сторонѣ! Мнѣ стало жаль ея, и я рѣшился просить тебя за нее: возьми ее назадъ въ Нижній. Я обязываюсь давать ей столъ, а одѣвать вы теперь можете; да и много ли ей надо; да и можетъ быть вылечили бы. Вспомни, что она ребенокъ и притомъ дѣвочка, стало-быть, ей втрое труднѣе, чѣмъ намъ. Хорошаго ничего не будетъ [3]). Эта женщина говоритъ, что у нихъ не было примѣровъ, чтобы дѣвицъ выдавали замужъ въ

---

[1]) Эта просьба — повтореніе просьбы, находившейся въ письмѣ Л. Н. Пещуровой къ А. С. Галахову, сыну ея племянницы. Оно сохранилось въ бумагахъ Николая Александровича, которому, какъ очевидно, отдалъ его А. С. Галаховъ. Письмо это было отъ 2 августа. Оно написано на французскомъ языкѣ. Содержаніе его — личныя дѣла Галаховыхъ и Л. Н. Пещуровой. Въ концѣ Л. Н. Пещурова проситъ А. С. Галахова передать отъ нея поклонъ Николаю Александровичу, и при этомъ замѣняетъ французскій языкъ русскимъ:

„Si tu vois Николай Александровичъ, поклонись ему отъ меня и скажи, что я бы желала знать, отдалъ ли онъ мою посылку Буслаеву, и имѣть отвѣтъ на мое письмо Ванѣ портному, которое я просила Буслаева ему доставить“.

Этими словами кончается письмо. Подписи нѣтъ. Буслаевъ былъ петербургскій повѣренный Л. Н. Пещуровой по мелкимъ дѣламъ, — вѣроятно, крѣпостной человѣкъ или отпущенникъ ея или ея родныхъ, или, быть можетъ, мелкій чиновникъ.

[2]) Софья Алексѣевна Пальчикова, племянница ея.

[*]) И въ такомъ непрезентабельномъ видѣ. *Примѣчаніе Л. Н. Пещуровой.*

[3]) Если она останется въ Симбирскомъ училищѣ до окончанія курса.

городъ. Вотъ и разсчетъ [1]). А приданое все-таки понадобится. Письмамъ ея нельзя вѣрить вполнѣ потому, что ихъ прочитываютъ [2]),— все равно и тѣ, которыя она получаетъ. Она довольна только Ренненкампфами; говоритъ, что добрые люди; но часто у нихъ бывать ей нельзя, потому что каждый разъ должно спрашиваться у архіерея. Подумай хорошенько объ этомъ и, сообразившись, напиши мнѣ въ Астрахань съ оставленіемъ на почтѣ. Если признаешь возможнымъ и нужнымъ взять ее, то я, пожалуй, за ней заѣду на обратномъ пути на пароходѣ; а если будетъ поздно, и я долженъ буду отправиться на лошадяхъ, то въ такомъ случаѣ она можетъ одна пріѣхать; этого бояться нечего: у меня Машенька пріѣхала же изъ Твери одна и все было благополучно.— — [3]). Хорошо бы ѣхать какому нибудь человѣку умному [4]): много было бы ему развлеченія. Представь, отъ самаго Симбирска идутъ все высокія горы и многія—мѣловыя. Рабочіе постоянно разсказываютъ про разбойниковъ, бывши сами очевидцами, которые уничтожены окончательно въ 46 году.

Пожалуйста, похлопочи обо мнѣ. Я буду домой въ концѣ октября. Служить тутъ не останусь, то есть въ этомъ столѣ;—библіотеку открою; если что можешь, постарайся къ осуществленію моихъ плановъ. Хорошо бы, если [5]) ты написалъ объ этомъ Трубецкому и Сомову, они безъ всякихъ отговорокъ будутъ участвовать, да и могутъ другимъ рекомендовать. Во всякомъ случаѣ, жду твоего письма въ Астрахань, и ты получишь оттуда мое письмо. Прощай, будь здоровъ. Я надѣюсь, что ты нисколько не въ претензіи на размолвку при прощаніи. Домой я писалъ, чтобы погодили [6]) свадьбу [7]) до меня; всѣ они вмѣстѣ ничего не сдѣлаютъ путнаго безъ меня. Какъ ты думаешь, такъ и распорядись; вѣроятно, изъ Нижняго что нибудь будутъ тебѣ писать.

Въ чемоданѣ я нашелъ листокъ съ твоими замѣтками; посылаю цѣликомъ; можетъ быть, тебѣ онѣ нужны.

Твой на вѣкъ

Мих. Благообразовъ.

Самара, 22 августа 1857 года.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Августъ 1857*).

Благодарю тебя, что ты на меня надѣешься и вѣруешь въ меня. Только что прочиталъ я первыя строки письма твоего, какъ тотчасъ

---

1) Слѣдовательно, нѣтъ разсчета оставаться въ училищѣ.

2) Начальницы.

3) Здѣсь Михаилъ Ивановичъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ.

4) То есть, ученому.

5) По недосмотру, пропущено „бы"; должно читать: „если бы".

6) Подразумѣвается „дѣлать".

7) Антонины Александровны; по пріѣздѣ Николая Александровича въ Нижній было рѣшено принять предложеніе Михаила Алексѣевича.

же узналъ, идетъ ли нынѣ въ Петербургъ почта, чтобы послать тебѣ на нужды 50 руб. Умно ты распорядился, что не заставилъ меня и себя дѣлать пересылки денегъ понапрасну. Чай я куплю и пришлю на имя — — Срезневскаго [1]).

На прежнее письмо не отвѣчалъ тебѣ потому, что получилъ его 10 числа. Молю Бога, чтобы ты остался въ Петербургѣ; и, кажется, останешься; признаюсь, я слишкомъ [2]) много сочувствовалъ тебѣ.

Пишу такъ небрежно тотчасъ по полученіи твоего письма.

В. Добролюбовъ.

Жена все еще лежитъ, но теперь, кажется, не умретъ, а по отъѣздѣ твоемъ очень, очень плоха была. Фавста Васильевна сдѣлалась нынѣшнею ночью больна, вродѣ холеры, но теперь проходитъ болѣзнь. Михаилъ Алексѣевичъ вчера подарилъ Ниночкѣ браслетъ, въ 37 р. сер.

Демидовъ выручилъ меня: онъ былъ на ярмаркѣ и заплатилъ мнѣ и долгъ и впередъ 50 р., такъ-что я съ деньгами былъ, хотя на лекарства всѣ израсходовалъ: докторъ 4-ю недѣлю сряду ѣздитъ. — —

Фавста Васильевна прослезилась отъ огорченія при полученіи твоего письма [3]), а Варвара Васильевна кричитъ себѣ [4]). Когда мнѣ Ниночка разсказывала о содержаніи этихъ писемъ, я не мало хохоталъ.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Нижній Новгородъ, 7 сентября 1857.

Считая на обѣщаніе Ваше, любезнѣйшій Николай Александровичъ, взять на себя исполненіе нѣкоторыхъ коммиссій, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой получить изъ казначейства, по посланной на имя Ваше бумагѣ, треть моего пансіона, состоящей [5]) изъ 94 р. 54 к. сереб. Много бы меня одолжили, если бы изъ сихъ денегъ *сами* отнесли 15 руб. сер. князю Михаилу Александровичу Горчакову, сыну министра, съ приложенной отъ меня запиской. Мнѣ бы очень пріятно было Васъ съ нимъ познакомить; это мой внукъ и корреспондентъ, сынъ моего двоюроднаго племянника. Вы, кажется, видѣли у меня его портретъ. Желала бы, чтобы Вы могли выбрать такое время, чтобъ застать его дома; ежели же не застанете, то отдайте записку и деньги швейцару подъ его росписку. Еще прошу Васъ доставить 10 руб. сер. г. Дюфуру, книгопродавцу, также съ приложенной здѣсь запиской на его имя и получить также отъ него росписочку, кото-

---

[1]) По возвращеніи изъ Нижняго Николай Александровичъ просилъ, какъ видимъ, Василія Ивановича купить на ярмаркѣ чаю для И. И. Срезневскаго.

[2]) Очень.

[3]) Отъ 7 августа. Неумѣстная шутливость его обидѣла ее.

[4]) Въ досадѣ на тонъ письма (тоже отъ 7 авг.) къ ней, также неумѣстно шутливый.

[5]) Описка; должно читать: „состоящую“.

рую Вы мнѣ пришлете. Итого у Васъ останется моихъ денегъ 69 р., кои прошу отдать Бузлаеву. Я хотѣла адресовать Вамъ это письмо въ домъ Сергѣя Павловича [1]); но сейчасъ узнала, что Вы имѣете мѣсто и теперь боюсь, чтобы мои порученія не были Вамъ въ тягость при новыхъ обязанностяхъ Вашихъ. Но обѣщаю Вамъ, что эти коммиссіи будутъ какъ первыя, такъ и послѣднія, а все-таки надѣюсь, по расположенію Вашему ко мнѣ, что Вы ихъ исполните. Я слышала вскользь о Вашемъ помѣщеніи и другихъ выгодахъ, которыя Вы будете имѣть занятіями Вашими, и отъ души порадовалась. Дай Богъ Вамъ болѣе и болѣе успѣховъ всякаго рода, это искреннее желаніе много уважающей Васъ

Е. Пещуровой.

Я знаю, что у Васъ нѣтъ экипажа, то пожалуйста располагайте моими деньгами по моимъ коммиссіямъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 25 сент. 1857*).

Что ты ничего не пишешь, Николай Александровичъ? А я все жду твоего письма каждый день. Мы живемъ по старому; Елена [2]) все еще въ постели; впрочемъ, скоро, думаю, встанетъ, если не случится новой болѣзни.

Завтра ждутъ архіерея, и наше дѣло будетъ ближе. Ниночка бѣдная въ ужасныхъ хлопотахъ: [3]) все на ея заботѣ; Фавста Васильевна, а въ особенности Варвара Васильевна, какъ чужія; только онѣ же насмѣхаются надъ рекомендованнымъ ими женихомъ, такъ что Ниночка зареклась даже ходить къ Варварѣ Васильевнѣ. Ну она, по разсказамъ Ниночки и Михаила Алексѣевича, который тоже въ высшей степени обижается ею, просто баба-крестьянка или вродѣ красавицъ [4]). Вся опора Ниночки теперь на Елену, которая руководитъ ее совѣтами, а я исполняю, по возможности, ихъ порученія; но это по секрету, хотя объ этомъ, какъ объ раскольничьихъ дѣлахъ, всѣ знаютъ и толкуютъ близкіе и знаеміи [5]).

Цѣль же настоящаго моего письма къ тебѣ—посовѣтовать подать къ Государынѣ просьбу о принятіи Лизы въ какой-то благородный институтъ, куда принимаются круглыя сироты, малолѣтнія. Поторопиться этимъ дѣломъ полезно, потому что, въ случаѣ запросовъ, можно будетъ отвѣчать, что ни одна изъ сестеръ еще не пристрое-

---

[1]) Галахова; Николай Александровичъ, уѣзжая изъ Нижняго, говорилъ, что первое время по возвращеніи въ Петербургъ будетъ жить въ домѣ Галаховыхъ.

[2]) Жена Василія Ивановича.

[3]) По приготовленіямъ къ свадьбѣ.

[4]) Т. е. она высказываетъ свое неудовольствіе въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ крестьянка или уличная женщина.

[5]) Славянская форма; выраженіе взято изъ Библіи.

па, чтобы послѣ не сказали, что можетъ жить у Ниночки. Говоря откровенно, Лиза живетъ у насъ не такъ прилично, какъ слѣдовало бы, да и жить-то негдѣ; но, конечно, будетъ жить отъ нужды, а отдать Ниночкѣ думалъ я съ тѣмъ, чтобы на общій опекунскій счетъ нанять для нея прислугу: жалко Ниночки, у которой будетъ жить Володя, а можетъ быть, и Ваня; а тамъ и свои набѣгутъ. Чего не можетъ быть? Отъ Ниночки перейдетъ къ Анночкѣ и такъ далѣе, и все новые характеры, новыя правила, а въ институтѣ было бы не то. Такъ не потрудишься ли что нибудь устроить для нея, если признаешь и ты полезнымъ, и заведеніе хорошимъ; въ противномъ случаѣ пусть будетъ между нами.

Пославши къ тебѣ квитанцію транспортовъ [1]) въ страховомъ письмѣ, думаю, что ты ее получилъ, и получилъ чай. Понравился ли онъ г. Срезневскому?

Михаилъ Ивановичъ все еще не доѣхалъ до мѣста назначенія, какъ видно изъ писемъ его, разсказываемыхъ Фавстой Васильевной, и много онъ натерпѣлся, бѣдный. — —

Не знаю, что будетъ, а кажется, что Трубецкіе переѣдутъ въ Москву, потому что Муравьевъ [2]), въ бытность свою здѣсь, хотѣлъ его перемѣстить въ управляющіе московской удѣльной конторой. Дѣло длилось за тѣмъ, что онъ въ эту же должность хотѣлъ перемѣстить Даля, а Трубецкаго на его мѣсто; но г. Даль, какъ сказывалъ нынѣ мнѣ Ив. Алек. [3]), отказался отъ перемѣщенія.

В. Добролюбовъ.

25 сентября 1857 г.

Предвидя свои недосуги, я это письмо приготовилъ 23 числа, а 24 числа, наконецъ, имѣлъ случай прочитать твой «Доносъ» [4]). Прекрасно! Молодецъ! Если я могу судить, то, по моему, и страсти и характеры прекрасно высказаны! Не хуже Щедрина или Печерскаго.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Октябрь 1857; вѣроятно, начало октября*).

Вотъ что, Николай Александровичъ: приходитъ время застраховки, а денегъ у меня вовсе нѣтъ. Конечно, въ крайнемъ случаѣ я долженъ найти этихъ денегъ, но я бы былъ очень тебѣ благодаренъ, если бы ты мнѣ поторопился выслать что̀ у тебя, можетъ быть, скопилось и былъ бы доволенъ покуда хоть 25 р. сер. Ты мнѣ не от-

---

[1]) Квитанцію общества транспортовъ, которому отдалъ Василій Ивановичъ чай для отправленія къ И. И. Срезневскому.

[2]) Министръ удѣловъ и государственныхъ имуществъ.

[3]) Вѣроятно, Иванъ Алексѣевичъ Костровъ, младшій братъ Михаила Алексѣевича.

[4]) Разсказъ Николая Александровича, напечатанный въ августовской книжкѣ „Современника“ 1857, и подписанный псевдонимомъ Н. А. Александровичъ.

вѣчаешь, получилъ ли мой чай и потомъ на второе письмо, писанное въ концѣ сентября.

Дѣла наши [1]) идутъ своимъ чередомъ. Архіерей пріѣхалъ. Вчерашній день Михаилъ Алексѣевичъ въ сопровожденіи Павла Ивановича Лебедева ходилъ къ архіерею подать прошеніе [2]). Въ концѣ октября будетъ, можетъ быть, свадьба, а денегъ ни гроша; потребуется же на разныя разности до 150 р. сверхъ израсходованныхъ 300 р. сер. Но какъ нибудь обойдусь; если у тебя теперь денегъ нѣтъ, то ты слишкомъ не безпокойся высылкою ихъ.

В. Добролюбовъ.

Елена почти выздоровѣла, но она еще съ мѣсяцъ не выйдетъ на волю.

Хотя и пишу, какъ пьяный, но водки не пью еще; это отъ того, что вотъ уже съ двѣ недѣли имѣю страшно много хлопотъ и бѣготни и дома почти не живу.

ПИСЬМО КНЯГИНИ ТРУБЕЦКОЙ.

8 октября.

Что Вы должны думать обо мнѣ, любезный Николай Александровичъ, не получивъ до сихъ поръ отвѣта отъ меня, тогда когда я сама просила Васъ писать именно ко мнѣ, и торжественно дала слово отвѣчать съ первой почтой? Я съ перваго же раза провинилась и прошу прощенія; виновата. Письмо Ваше получила еще въ Молитовкѣ [3]), получила съ величайшимъ удовольствіемъ, читала со всевозможнымъ участіемъ и хотѣла отвѣчать немедленно... Но тутъ я еще разъ убѣдилась, что всѣ наши твердыя намѣренія подвластны высшему опредѣленію, ибо при всемъ желаніи, при ежедневномъ о томъ помышленіи я не могла приступить ни къ какому письму и не могла склеить двухъ мыслей, до такой степени чувствовала себя въ тревожномъ положеніи. Причина этому пріѣздъ Муравьева и безпрестанное мое ожиданіе извѣстія отъ князя, котораго я по сему случаю не видала цѣлую недѣлю [4]). Разъ онъ пріѣхалъ обѣдать на часъ, и еще разокъ вечеромъ, только чтобъ на насъ посмотрѣть, озабоченный, исхудалый отъ непомѣрной работы. Все это кончилось тѣмъ, что Муравьевъ предложилъ князю черезъ брата своего мѣсто въ Москву управляющимъ удѣльною конторою; мѣсто сіе имѣетъ казенную квартиру, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и 4500 руб. сер. жалованья; стало, [5]) отказаться нельзя было и думать [6]), и не

---

[1]) О замужествѣ Антонины Александровны и предоставленіи зачисленнаго за нею мѣста Михаилу Алексѣевичу.

[2]) О разрѣшеніи ему жениться на Антонинѣ Александровнѣ и посвященіи въ іереи на зачисленное за нею мѣсто.

[3]) Кажется, такъ должно читать названіе села, въ которомъ князь и княгиня Трубецкіе жили лѣтомъ 1857 года.

[4]) Онъ сопровождалъ Муравьева, объѣзжавшаго губернію.

[5]) Стало быть.

[6]) Князь и княгиня были люди небогатые.

смотря на наше сердечное сожалѣніе разставаться съ Нижнимъ, князь принялъ предложеніе съ благодарностью; и вотъ мы теперь только временные обитатели мѣста Вашего рожденія. Кто могъ это думать, когда мы въ послѣдній разъ съ Вами видѣлись? Только что передѣлали мою мучительную лѣстницу, только что отдѣлали и оклеили гостиную и столовую,—насъ переводятъ на новое, чужое мѣсто. Дастъ Богъ, когда нибудь и въ Москвѣ привыкнемъ; а покамѣстъ какъ то дико оставлять мѣсто, въ которомъ мы пробыли 10 лѣтъ. Будьте покойны на счетъ Вашего дома: мы постараемся, чтобы онъ ни одного дня не стоялъ пустой, и уже имѣемъ въ виду хорошихъ постояльцевъ. Всѣ эти перемѣны, состояніе неизвѣстности, которое предшествовало этому рѣшенію, до такой степени разстроило мои и такъ не крѣпкіе нервы, что я рѣшительно не могла взять перо въ руки. Теперь я успокоилась покамѣстъ. Вещь рѣшенная, что мы ѣдемъ въ Москву; поэтому единственный вопросъ остается: когда?— и я надѣюсь, что это еще не прежде двухъ мѣсяцевъ. Теперь перейдемъ-те къ Вашему письму ко мнѣ, которое князь читалъ въ то же время [1]), и къ тому, которое онъ получилъ отъ Васъ вчера, и которое пробудило всѣ угрызенія моей совѣсти. Онъ поручаетъ мнѣ сказать Вамъ, что онъ Васъ очень, очень благодаритъ за откровенное и подробное сообщеніе всего того, что до Васъ касается, и что насъ обоихъ истинно интересуетъ, какъ родныхъ. Князь очень доволенъ манеромъ, которымъ Вы свои дѣла повели, и тѣмъ, что Вы остаетесь въ Петербургѣ,—это всего лучше. Черезъ годъ опять что нибудь дастъ Богъ устроится, чтобъ Вы продолжали тамъ же быть, а между тѣмъ князь совершенно согласенъ съ Вашимъ образомъ мыслей и *доволенъ* Вашимъ намѣреніемъ: работать въ «Современникѣ» сколько можно и давать уроки, сколько придется не мѣшая болѣе серьезнымъ занятіямъ; его радуетъ и прельщаетъ мысль Ваша продолжать науки и держать магистерскій экзаменъ, и онъ велитъ Вамъ сказать: работайте по возможности и держите этотъ экзаменъ какъ можно скорѣе, а онъ все будетъ продолжать надѣяться увидѣть Васъ на профессорской каѳедрѣ, хоть въ Москвѣ. Вы знаете, надѣюсь, съ какою радостью будетъ принятъ всякій Вашъ успѣхъ въ нашемъ семействѣ; продолжайте же намъ писать аккуратно все, что Вы дѣлаете, а я обѣщаю стараться быть аккуратнѣе. Очень я смѣялась о томъ, что Вы три дня сидѣли *на возахъ*; но знаете, я нѣкоторымъ образомъ рада, что Вамъ не удалась сдѣлка съ мошенникомъ-почтальономъ: это Васъ еще болѣе такъ сказать *классируетъ* въ моемъ мнѣніи: Вы стало нашъ братъ, человѣкъ, которому хитрости и старанія неправильнымъ путемъ не удаются; Вы, вѣроятно, никогда дешево ничего не купите, никогда ничего съ выгодою не продадите, за то будете смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ, и отъ Вашего взгляда нечестнымъ людямъ будетъ неловко. Весело ли это?—довольно [2]); и спокойствіе внутреннее дастъ даже средство ни за кѣмъ не ухаживать и ждать происшествій [3]). А Вы все-таки наказаны были, что

[1]) Т. е. въ одно время со мною.
[2]) Т. е., довольно весело.
[3]) Т. е. и ждать, пока счастье прійдетъ само собою, безъ нашихъ хитростей.

не остались у меня въ Молитовкѣ, гдѣ было весело и спокойно, и воздухъ такой славный, и невидимые грибы, и видимыя вишни. Долго не писала, а вотъ разъ принявшись и заболталась. Ваши всѣ здоровы: я вчера видѣла Ниночку, Вашу сестру, и спрашивала о ея свадьбѣ; она говоритъ, что еще ничего не рѣшено, и что прежде надо будетъ переговорить съ преосвященнымъ. Онъ недавно пріѣхалъ и, кажется, всѣмъ нравится; говорятъ, прекраснаго характера; дай Богъ! А Іеремія, говорятъ, сдѣлался отличнымъ монахомъ. Всякому свое мѣсто.—Прощайте, Николай Александровичъ. Маменька стоитъ возлѣ меня и поручаетъ мнѣ очень, очень Вамъ поклониться; отъ души пожимаю Вамъ руку и прошу Васъ еще разъ простить меня, не поминать лихомъ, не платить тою же монетою [1]) и писать мнѣ когда Вамъ будетъ время.

Кн. М. Трубецкая.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Нижній Новгородъ. 9 окт. 1857.

Чувствительно благодарю Васъ, любезный Николай Александровичъ, за исполненіе моихъ коммиссій. Получа письмо Ваше, я была совершенно успокоена на счетъ судьбы моихъ денегъ, потому что, не имѣя отъ Васъ никакого извѣстія, я начинала сомнѣваться въ присутствіи Вашемъ въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что дядюшка Вашъ сказалъ намъ, что Вы намѣревались куда-то ѣхать, и я, чтобъ удостовѣриться въ томъ, только-что отправила вопросительное письмо къ Буслаеву, а съ тою же почтою получила посылку отъ портного, который увѣдомлялъ меня о полученіи слѣдующихъ ему отъ меня денегъ, что уже и доказало мнѣ, что Вы получили наши бумаги; вслѣдъ же за этой посылкой пришло и Ваше письмо. Очень сожалѣю, что Вы были нездоровы, и нисколько теперь, когда я успокоена, не сѣтую за то, что замѣшкали увѣдомленіемъ. Пока же была въ недоумѣніи, признаюсь, что не совсѣмъ хладнокровно ожидала поясненія. Надобно Вамъ сказать, что я имѣю слабость или лучше сказать le ridicule (какъ Вы мнѣ это переведете по русски?) думать, что мои письма часто не доходятъ, что̀ заставляетъ обыкновенно *моихъ* смѣяться надо мною и говорить, что почта имѣетъ противъ меня что-то враждебное и нарочно играетъ со мною такія штуки. Вотъ Вамъ мое оправданіе за мое безпокойство. Впрочемъ, Вы такъ хорошо выполнили все то, о чемъ я Васъ просила, что мнѣ остается только благодарить Васъ, *а не сердиться*, какъ Вы говорите; и конечно, ежели Вамъ именно нужно на то доказательство, то я не упущу перваго случая къ тому, давъ Вамъ новыя порученія. Жаль мнѣ очень, что мой молодой человѣкъ [2]) вѣроятно не могъ принять Васъ и также жаль, что онъ далъ Вамъ поводъ язвительно надъ нимъ посмѣ-

---

[1]) Долгимъ молчаніемъ.

[2]) Молодой князь Горчаковъ, сынъ министра.

яться, сохраняя его росписку, какъ autographe *будущаго великаго человѣка*. Мнѣ хотѣлось его съ Вами познакомить и слышать отъ Васъ ему похвалу; а вышло иначе, и виноватъ въ томъ онъ; но не менѣе желала бы, чтобъ Вы видѣли въ его поступкѣ, который конечно не извиняю, не что иное, какъ молодость и необдуманность 17-лѣтняго мальчика. Я такъ даже полагаю, что можетъ быть въ эту минуту онъ былъ столько занятъ, что не могъ бы принять кого бы то ни было; потому что онъ ходитъ въ университетъ на лекціи и бываютъ часы, въ которые онъ на дому беретъ уроки; mais j'avoue que les apparences étaient contre lui [1]). Это я узнаю изъ перваго его письма; а между тѣмъ не оставлю безъ замѣчанія его дѣйствіе, о коемъ онъ, конечно, будетъ жалѣть. Прощайте, любезный Николай Александровичъ. Будьте здоровы, не отдавайте больше дани петербургскому климату и вѣрьте неизмѣнному моему къ Вамъ уваженію.

Е. Пещурова.

Деньги отъ Бузлаева получила съ приложенной роспиской отъ Дюфура; ежели увидите Бузлаева, скажите ему это.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

(*Отъ 4 нояб. 1857*).

4 ноября.

Я не знаю, возвратился ли Михаилъ Ивановичъ изъ Астрахани, и потому не пишу ему поздравленія со днемъ его ангела, а только поздравляю съ имениникомъ Васъ, милая Тетенька. Вы не отвѣчали на первое и вмѣстѣ послѣднее письмо мое, посланное еще въ началѣ августа: изъ этого я заключаю, что оно Вамъ не понравилось. Дѣлать нечего, надо себя удерживать и не писать къ Вамъ писемъ въ веселыя минуты, чтобы Вы не приняли веселой шутки за насмѣшку и не обидѣлись. Въ самомъ дѣлѣ, простите меня ради Христа, если я въ послѣднемъ письмѣ не выказалъ должнаго уваженія къ Вамъ: впередъ этого ужь не будетъ.

Считаю долгомъ увѣдомить Васъ, милая Тетенька, что я, благодаря Господа, теперь здоровъ совершенно, а въ прошедшемъ мѣсяцѣ былъ боленъ недѣли двѣ простудой, которая меня сначала очень перепугала. Два дня продолжалась сильная рвота, все желчью, пока не стало дѣйствовать прописанное докторомъ слабительное. Потомъ распухли всѣ жилы на шеѣ и образовалась *свинка*, мѣшавшая мнѣ

---

1) „Но сознаюсь, что поступокъ его долженъ былъ показаться дурнымъ“.

2) Дѣло, повидимому, состояло въ томъ, что швейцаръ пошелъ доложить молодому князю, возвратился со словами, что князь не можетъ видѣть г. Добролюбова и проситъ его отдать деньги; Николай Александровичъ отдалъ ихъ, швейцаръ отнесъ и возвратившись передалъ Николаю Александровичу росписку молодаго князя въ полученіи ихъ.

поворотить голову въ сторону. Чтобы предохранить себя на будущее время отъ простуды, я завелъ себѣ шубу и теперь все хожу въ ней, хотя послѣднее время въ Петербургѣ и не такъ холодно. Занятія мои теперь очень разнообразны и хлопотливы. За то представляется возможность добывать около 150 рублей въ мѣсяцъ. Если эта цифра установится окончательно (а это будетъ въ декабрѣ) [1], то я непремѣнно попрошу въ январѣ же привезти Володю сюда. Теперь пока еще не могу ничего сказать объ этомъ навѣрное.

Архіерея нижегородскаго я здѣсь не видалъ, и не знаю даже, кто назначенъ туда. Отъ Ниночки не получалъ ничего и потому скоро хочу писать къ ней особо. Къ Михаилу Алексѣевичу тоже. Все это время я былъ очень занятъ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ. Прощайте.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ШЕМАНОВСКАГО [2]).

(*Отъ 24 ноября 1857*).

Это письмо состояло изъ трехъ листовъ почтовой бумаги (формата въ восьмушку). Сверху лежалъ листъ, на первой страницѣ котораго было написано крупнымъ почеркомъ, съ широкой разстановкою строкъ:

Ковно.

Любезный другъ, Николай Александровичъ!

Чортъ бы Тебя взялъ, скотина!

М. Шемановскій.

Вторая страница и другой полулистъ этого листа были оставлены совершенно бѣлыми.

Подъ первымъ листомъ лежали два письма.

Дружеское воззваніе съ сопровождающей его оцѣнкою достоинства друга было воздаяніемъ ему за аккуратность въ перепискѣ, — съ рѣчи объ этомъ его качествѣ и начинается серьезное письмо.

---

[1]) Дѣло идетъ о томъ, сколько будетъ онъ получать отъ сотрудничества въ „Современникѣ". Въ кассѣ журнала не было денегъ, какъ и всегда во второй половинѣ года; не было и у Некрасова своихъ денегъ; приходилось занимать ихъ въ счетъ будущей подписки у Базунова, при магазинѣ котораго была московская контора „Современника". Понятно, что надобно было до новой подписки ограничивать расходы журнала необходимѣйшими уплатами въ наивозможно меньшемъ размѣрѣ. По возвращеніи Николая Александровича изъ Нижняго, Некрасовъ, объяснивъ ему все это, сказалъ: „До новой подписки буду давать вамъ по 150 руб. въ мѣсяцъ; а что будетъ дальше, увидимъ по тому, какова будетъ подписка".—Но это было только удостовѣреніемъ, что меньше 150 р. Николай Александровичъ не будетъ получать; съ самаго же начала, Некрасовъ давалъ ему и больше 150 р. въ мѣсяцъ, если было нужно ему.

[2]) Михаилъ Ивановичъ Шемановскій и Иванъ Ивановичъ Бордюговъ были ближайшими друзьями Николая Александровича; они были также очень дружны между собою.

Не хотѣлъ было совсѣмъ писать къ тебѣ, любезнѣйшій Николай Александровичъ, потому что сильно сердитъ на тебя; да Ковенская жизнь [1]) кого не умалитъ, кого не сведетъ съ ума — — [2]). Притомъ же у меня есть до тебя и просьба, которую я, конечно, изложу не въ началѣ, а въ концѣ письма, чтобъ не показать тебѣ, что причина моего письма есть *просьба*.

Прежде всего должно бы тебѣ сказать о самомъ городѣ Ковно, ковенскихъ обывателяхъ, о гимназіи и принадлежащихъ къ ней лицахъ. Но что же могу я сказать обо всемъ этомъ, когда еще до сихъ поръ ни съ чѣмъ здѣсь не свыкся, когда еще до сихъ поръ все мнѣ кажется дикимъ до такой степени, что еще не могу вѣрить что это *дѣйствительность*. — — Я нахожу даже Вятку [3]) гораздо лучше во всемъ, чѣмъ Ковно и, кажется, лѣтомъ буду стараться о своемъ переводѣ хоть въ Сибирь или въ Россійско-Американскія владѣнія. Ковно—это Крутогорскъ [4]) въ болѣе утонченномъ, въ болѣе гадкомъ видѣ: въ настоящемъ Крутогорскѣ всѣ дѣла дѣлаются прямо, нахрапомъ, какъ говоритъ Щедринъ; здѣсь все хитростью съ различными китайскими ужимками, церемоніями, поклонами.— — Даже гимназія представляетъ Крутогорскъ въ миніатюрномъ видѣ: въ ней нѣтъ учителей, наставниковъ, а есть только чиновники, грызущіе другъ друга и тайно и явно. Положеніе учителей въ обществѣ самое унизительное.— — Я говорилъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей о причинахъ такого положенія учителей въ обществѣ; бо́льшая часть изъ нихъ обвиняетъ въ этомъ Бибикова, бывшаго виленскаго попечителя, который топталъ и гналъ ихъ такъ, что разсказы объ этомъ дѣлаются невѣроятными. Если ты пожелаешь знать кое-что объ управленіи Бибикова, то я могу представить тебѣ нѣсколько образчиковъ варварскаго и фанатическаго его обхожденія съ учителями; здѣсь воспоминанія о его правленіи еще очень живы и, вѣроятно, долго не изчезнутъ. Но теперь Бибикова нѣтъ, а отчего-же положеніе учителей не перемѣнилось?—вотъ вопросъ, на который имъ трудно было отвѣтить. Одинъ только втихомолку, когда мы были вдвоемъ, отвѣтилъ: нельзя же требовать уваженія отъ другихъ, когда человѣкъ самъ себя не уважаетъ. И это дѣйствительно правда: нѣтъ ничего печальнѣе въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, какъ учителя Ковенской гимназіи. Чрезвычайно ограниченное содержаніе по здѣшней дороговизнѣ и нѣкоторыя другія причины заставляютъ учителей прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ зашибить копѣйку: между ними есть люди порядочные, но семейные—они цѣлые дни работаютъ, давая уроки по 50 к. сер. и менѣе, чтобъ хоть сколько нибудь жить порядочно. Да при томъ и сами они, подавленные Бибиковымъ, загнанные имъ, не могутъ, кажется, опять подняться на ноги, и быть такими, какими бы имъ слѣдовало быть.

Вотъ тебѣ самое краткое описаніе того, среди чего я живу, что

---

[1]) М. И. Шемановскій получилъ должность учителя Гимназіи въ Ковнѣ.
[2]) Опускаемъ подробности.
[3]) Вятка была родина М. И. Шемановскаго.
[4]) Названіе Вятки въ „Губернскихъ очеркахъ“ Щедрина.

каждый день вижу и слышу. Я не хочу [1]) и не ставлю себя выше ихъ, даже стараюсь всѣми силами пропитаться ихъ понятіями, ихъ взглядомъ—но до сихъ поръ я не только не успѣлъ въ этомъ, даже больше, я начинаю *ненавидѣть* все ковенское. Это письмо написано хладнокровно, но были письма, въ которыхъ я съ ненавистью ругалъ ихъ. Были даже такія минуты, въ которыя я думалъ, что сойду съ ума или застрѣлюсь: въ моей головѣ все перемѣшалось, я не могъ отличать чернаго отъ бѣлаго, и это было вслѣдствіе того, что я старался сблизиться съ ними. Дѣла мои въ гимназіи, которыя сначала шли хорошо, теперь идутъ гадко: я дѣлаюсь совсѣмъ не такимъ, какимъ бы я хотѣлъ быть. Сплетни обо мнѣ, китайскія ужимки и скверная, нездоровая квартира, какую я въ торопяхъ нанялъ, сдѣлали меня раздражительнымъ: я чувствую, что я боленъ и боленъ серьезно. Я даже не имѣю средствъ отвлечь себя отъ Ковенскаго, потому что въ гимназіи нѣтъ никакихъ средствъ для занятій, никакого кабинета [2]), библіотека запущена такъ, что самъ директоръ, служащій уже 25 лѣтъ при гимназіи, не знаетъ хорошо, что въ ней есть. Изъ журналовъ здѣсь я могъ только достать: «Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія» и «Отечественныя Записки», первые нумера изъ газетъ: «Сѣверную пчелу» и «Ковенскія Губернскія Вѣдомости»;—больше гимназія ничего не выписываетъ. Я нѣсколько разъ просилъ директора о томъ или другомъ—и всегда одинъ отвѣтъ: нѣтъ денегъ; даже вслѣдствіе этого мои отношенія съ нимъ дѣлаются непріятными. А нужно замѣтить, что Норовъ, проѣздомъ посѣтившій гимназію, нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, остался всѣмъ доволенъ. Это Министръ Народнаго Просвѣщенія!.. Въ послѣднее время я даже самъ ему [3]) предложилъ услуги потрудиться надъ библіотекою, составить каталогъ, и на Рождествѣ займусь этимъ, если къ тому времени меня не сошлютъ куда нибудь въ Кейданы или Россіены и проч., потому что на самомъ дѣлѣ я плохой учитель для здѣшней гимназіи, нуждающейся въ сильныхъ, здоровыхъ учителяхъ, могущихъ поддерживать свои требованія оглушительнымъ крикомъ или... [4]) Впрочемъ послѣ Рождества мы съ Борзаковскимъ [5]) будемъ выписывать «Русскій Вѣстникъ» [6]) и еще что нибудь, какъ позволятъ наши собственныя средства.

Былъ я и въ обществѣ учителей, и здѣсь я чувствовалъ, что *Ковно не для меня;* исключая того, что я поссорился съ однимъ дуракомъ, котораго здѣсь вездѣ принимаютъ и который говоритъ обо мнѣ, что я *властей не уважаю* и хочетъ писать на меня Министру—я ничего не вынесъ хорошаго. — — Теперь я далъ слово никуда не ходить, ограничиться сношеніями самыми необходимыми—но впередъ знаю, что это не исполню, потому что скука можетъ все сдѣлать изъ че-

---

[1]) По недосмотру, пропущено слово „ставить“. — „Я не хочу ставить и не ставлю себя“ и т. д.

[2]) М. И. Шемановскій былъ преподавателемъ математики и физики.

[3]) Директору.

[4]) Должно понимать: кулаками.

[5]) Товарищемъ по институту, какъ видимъ, тоже получившимъ должность учителя въ ковенской гимназіи.

[6]) Имѣвшій тогда прогрессивное направленіе.

ловѣка. Я пускался даже *играть въ штоссъ*—какъ же-съ!—но скоро нашолъ, что это удовольствіе не такъ пріятно, какъ невыгодно. Ну, кажется, довольно съ тебя, а для меня уже слишкомъ довольно; теперь просьба. Во время писанія этого письма у меня родилось даже нѣсколько просьбъ до тебя.

Во 1) ты *долженъ непремѣнно* писать ко мнѣ, утѣшать и поддерживать—это ты долженъ дѣлать изъ чувства человѣколюбія. Писать по возможности чаще, сообщать мнѣ все то, что ты сообщилъ бы мнѣ, если бъ мы оба жили въ Петербургѣ. Всегда *при этомъ долженъ думать*, что самая интересная новость во всѣхъ мірахъ: и политическомъ, и ученомъ, и литературномъ—въ Ковнѣ не извѣстна; развѣ пройдутъ вѣка прежде, чѣмъ дойдетъ такая новость въ Ковно, да и то она едва ли можетъ заинтересовать ковенскихъ обитателей, если не касается денегъ. Съ своей стороны въ вознагражденіе за это обѣщаюсь быть тебѣ послушнымъ, обращаться всегда къ тебѣ за совѣтами и наконецъ придѣлать золотой вѣнчикъ кругомъ твоей головы на твоемъ портретѣ, а также выкрасить желтой краской, на портретѣ, твои очки, ибо мнѣ кажется, что золотые очки къ тебѣ будутъ *идти*.

2) Посовѣтовать, что мнѣ дѣлать въ настоящемъ моемъ положеніи. Я думаю проситься лѣтомъ въ Восточныя губерніи и потому прошу тебя справиться въ Министерствѣ или гдѣ нибудь, можно ли будетъ сдѣлать это, и какъ. Готовиться къ пробной лекціи въ военно-учебныя заведенія моя голова теперь не въ состояніи; развѣ начну заниматься съ весной, когда мое душевное и тѣлесное состоянія, вѣроятно, поправятся. Во всякомъ случаѣ, прошу тебя, если тебѣ не лѣнь, справиться, что тамъ такое нужно знать, какъ читать и когда. Я желалъ бы прочесть [1]) изъ физики; впрочемъ, если позаймусь, такъ и изъ математики. Узнай также при этомъ, имѣетъ ли какое нибудь вліяніе или значеніе mòj przyjaciel [2]) Ал. Ник. Савичъ [3]).

3) Непремѣнно писать въ своихъ письмахъ о себѣ все. Я догадываюсь, что ты теперь zakochal [4]) и потому не пишешь ничего. Пока я тебѣ сообщу нѣкоторыя филологическія свѣдѣнія по польскому языку относительно слова «любить». Въ польскомъ языкѣ есть три слова, имѣющія повидимому одно и тоже значеніе: lubic, kochac и milowac [5]); первое употребляется очень рѣдко, второе чаще всего, а третье въ особенныхъ случаяхъ. Задача тебѣ будетъ на русскомъ языкѣ. Теперь я учусь польскому языку и уже довольно много понимаю въ разговорномъ языкѣ.

---

[1]) Пробную лекцію; она замѣняла экзаменъ на право быть преподавателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

[2]) „Мой другъ". Михаилъ Ивановичъ употребляетъ польское выраженіе въ шутливую похвальбу тѣмъ, что вотъ онъ ужь выучился польскому языку; это была шутка надъ собою; и дѣйствительно, М. И. Шемановскій не съумѣлъ правильно написать слово przyjaciel: онъ написалъ: вмѣсто „y" простое „i".

[3]) А. Н. Савичъ былъ профессоромъ астрономіи въ Петербургскомъ университетѣ и въ Педагогическомъ Институтѣ.

[4]) Полюбилъ. Это слово написано правильно, съ твердымъ (перечеркнутымъ) l.

[5]) Lubic—слово устарѣлое, почти вышедшее изъ употребленія; kochac—„любить;"—milowac—„имѣть нѣжную любовь", „ласкать". Эти слова написаны правильно съ удареніемъ на с.

4) Если можешь прислать «Восточный Вопросъ» Грановскаго и рѣчь Бакунина, то сдѣлаешь для меня большое одолженіе. Я обѣщаюсь тебѣ выслать ихъ назадъ чрезъ такое время, какъ ты самъ назначишь. Здѣсь глушь такая, что легко вообразить себя въ Камчаткѣ: ничего не слышишь, ничего, кромѣ жидовъ, не видишь.

Прощай! Сейчасъ нужно отослать письмо. Кланяйся отъ меня Малоземовымъ; передай имъ, если поинтересуются, то, что ты найдешь передать изъ этого письма. Передай мой поклонъ Рене и напиши что нибудь о нихъ, а равно и о Малоземовыхъ.

Щеглову передай, что онъ долженъ благодарить и землю и небо, что не попалъ въ Кейданы. Кстати, я получилъ письмо отъ его брата изъ Казани, въ которомъ онъ укоряетъ, что мы ихъ забыли и проч.

Остальное, что не успѣлъ написать тебѣ, напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

Твой М. Шемановскій.

Отъ Бордюгова получилъ одно письмо, изъ котораго и узналъ твой адресъ.

24 ноября 1857 года.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

30 ноября 1857 г.

Дорогая моя Тетенька, Варвара Васильевна! Спѣшу Васъ поздравить со днемъ Вашего ангела, думая, что Вы уже перестали на меня сердиться за необдуманное письмо мое, писанное въ августѣ. Честь имѣю поздравить и Васъ, Дяденька Лука Ивановичъ, съ нашей общей дорогой именинницей. Я долго не писалъ къ Вамъ и ко всѣмъ роднымъ потому, что ждалъ окончательнаго устройства своихъ дѣлъ, которыя и до сихъ поръ устроены еще очень не прочно. Надѣюсь, впрочемъ, къ Рождеству [1]) совершенно порѣшить со всѣми дѣлами. Много помѣшала мнѣ болѣзнь моя въ октябрѣ, пустая и непродолжительная,—всего какихъ нибудь дней десять,—но разстроившая порядокъ нѣкоторыхъ изъ моихъ занятій. Теперь я не буду свободенъ еще числа до 8-го или 10-го; послѣ этого буду писать ко всѣмъ роднымъ; къ Василію Ивановичу и къ Ниночкѣ не пишу теперь потому, что у меня кое-чего недостаетъ [2]). О Ниночкѣ, впрочемъ, заботъ теперь уже меньше, надобно хлопотать объ Анночкѣ намъ съ Вами, милая Тетенька. Надѣюсь, что Вы не откажетесь принять и меня въ Ваши сотрудники по этому дѣлу. Я, конечно, съ совѣтами и требованіями мѣшаться въ незнакомыя мнѣ дѣла не буду. Но надобно

---

1) Когда выяснится, какова будетъ подписка на „Современникъ“.

2) То есть, въ кассѣ „Современника“ еще нѣтъ денегъ для того, чтобъ онъ взялъ, сколько ему хочется послать Антонинѣ Александровнѣ.

подумать о томъ, чтобы обезпечить Анночкѣ приданое, такъ какъ у ней нѣтъ ничего, что было у Ниночки, и даже всякой рухляди [1]) на ея долю осталось уже меньше. Теперь я пока не очень богатъ: все до сихъ поръ расплачивался съ долгами за свою экипировку, теплое платье шилъ, бѣлье прикупалъ, книги, мелочи разныя и т. п. Попрошу Васъ пока передать ей 20 рублей. Думаю, что каждый мѣсяцъ могу присылать по стольку. Къ ней самой не пишу, потому что хочу отвѣчать ей уже на ея письмо [2]).

Прощайте, душенька Тетенька, не сердитесь на меня, пожалуйста, за мои безалаберныя письма. Кланяйтесь нашимъ всѣмъ. Сонечку и Машеньку за меня поцѣлуйте. Митрошу—тоже. Писать ко мнѣ, если будете—нужно: Близъ Аничкина моста, по Фонтанкѣ, возлѣ Екатерининскаго института, въ домѣ Дебольцова, кварт. № 31.

Вашъ племянникъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Москва, 11 декабря 1857 года.

Пріѣхавъ вчера только сюда, любезный Николай Александровичъ, первое письмо, которое я пишу, это къ Вамъ. Если я не отвѣчала на Ваше послѣднее, то это потому, что оно было отвѣтомъ на мое и слѣдовательно не требовало немедленнаго отголоска, тѣмъ болѣе, что Вы должны были получить между тѣмъ записочку отъ меня, вложенную въ письмѣ княгининомъ къ Вамъ, гдѣ я оправдывала совершенно моего бѣднаго Мишеля, который боленъ съ тѣхъ самыхъ поръ, и котораго я руки 2 мѣсяца какъ не видала [3]). Эта записочка моя должна была Васъ успокоить тѣмъ, что я не успѣла его бранить за мнимую его неучтивость. Я получила сегодня письмо отъ его отца, который говоритъ мнѣ, что онъ такъ слабъ, что не надѣется, чтобъ онъ скоро могъ владѣть перомъ. Все то, что Вы мнѣ объясняли въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ, его оправдываетъ и меня успокоило со стороны его обращенія [4]). Я хоть лично его не знаю, но все то, что я объ немъ и братѣ его слышала, удостовѣряло меня въ ихъ отличномъ воспитаніи; но я могла также думать, что по молодости его и по высокой степени, на которой поставленъ отецъ его, онъ могъ забыться. Но теперь все пояснилось, и Вы и я не имѣемъ ни въ чемъ упрекнуть его, и меня только одно безпокоитъ—его здоровье. И такъ, этотъ эпизодъ нашей корреспонденціи конченъ. Въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ Вы пишете, что перемѣнили квартиру, чтобъ ужь адресовать къ Вамъ у *Аничкова моста* вмѣсто *Итальянской улицы*; это

---

[1]) Изъ оставшейся послѣ матери.
[2]) То есть: жду письма отъ нея.
[3]) То есть: отъ котораго я два мѣсяца не получала писемъ.
[4]) То есть: относительно того, какъ поступилъ онъ при Вашемъ посѣщеніи.

все хорошо, но Вы такъ скоро перемѣнили квартиру, что я боюсь еще новой перемѣны, а имѣю надобность адресовать Вамъ нужныя бумаги къ первому января для полученія денегъ изъ казначейства. Надѣюсь, что Вы, какъ и въ сентябрѣ, не откажетесь сдѣлать намъ это одолженіе. Sophie [1]) мнѣ поручила Вамъ очень кланяться и просить, чтобъ Вы ее простили, что она Вамъ по сихъ поръ не отвѣчала; но она получила Ваше письмо во время самыхъ сборовъ отъѣзда [2]), прощаній и прочаго, такъ что никакъ не имѣла свободной минуты; теперь же, какъ немножко поопомнится, непремѣнно будетъ писать къ Вамъ и дастъ Вамъ извѣстіе о всѣхъ Вашихъ, которыхъ она видѣла передъ самымъ отъѣздомъ. Ежели же хотите знать о насъ, то скажу вамъ, что мы грустно разстались съ Нижнимъ и съ *домомъ* Вашимъ, qui nous était sympathique (надѣюсь, что ученикъ мой проститъ мнѣ эту фразу, которую по русски перевести не умѣю, и увѣрена, что онъ ее пойметъ по французски). Мнѣ, право, домъ Вашъ, *мѣстоположеніе* его такъ были по сердцу, что мнѣ кажется, что нигдѣ мнѣ такъ хорошо не будетъ. Здѣсь мы нашли *великолѣпіе* [3]), но все еще такъ ново, что еще надобно нѣсколько привыкнуть, чтобы пріютиться. Со временемъ, конечно, найдутся всѣ удобства. Въ Нижнемъ были магазины, хотя не такъ богато снабжены, но подъ руками, а здѣсь все далеко. За то у князя удобства удивительныя по его службѣ. Присутствіе въ домѣ, прямо изъ его кабинета и пр. Ежели когда поѣдете въ Нижній, то, конечно, заѣдете къ намъ на перепутьѣ и сами увидите наше житье-бытье. Не знаю, Алеша [4]) сказывалъ ли Вамъ, что я ему писала о сестрицѣ Вашей [5]), которая была у насъ съ визитомъ съ мужемъ. Она весела и, кажется, счастлива. Но вотъ и конецъ моей бумаги [6]); едва есть ли [7]) мѣсто пожелать Вамъ *добраго здоровья*, что не есть пошлая фраза, а искреннее выраженіе, потому что Вы, кажется, въ немъ нуждаетесь, т. е. въ добромъ здоровьѣ.

Е. Нещурова.

Простите нескладицу и мараніе этого письма моимъ преклоннымъ лѣтамъ [8]).

---

1) Софья Алексѣевна Пальчикова.

2) Изъ Нижняго въ Москву.

3) То есть: казенная квартира управляющаго удѣльной конторой великолѣпна.

4) Галаховъ.

5) Антонинѣ Александровнѣ.

6) Эти и предъидущія слова написаны ужь на верхнемъ полѣ послѣдней страницы, а слѣдующія переносятся на верхнія поля 3-ей и потомъ 2-й страницъ.

7) То есть: едва ли есть, едва ли найдется мѣсто на поляхъ другихъ страницъ.

8) Поля были ужь исписаны; и эта приписка сдѣлана вдоль 3-ей страницы, на узенькой полоскѣ передъ началомъ строкъ.

ПИСЬМО А. П. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(*Отъ 31 дек. 1857 г.*).

Предвижу твое удивленіе, Николай Александровичъ, при полученіи моего письма и при встрѣчѣ въ немъ стиховъ — — [1]).

Читая стихи, ты, конечно, увидишь, что они переводъ изъ Беранже и переводъ не мой. Я читалъ ихъ еще прежде, чѣмъ «Современнику» вздумалось помѣстить «Le vieux vagabond» въ переводѣ Ленскаго. Строгій критикъ—я не считалъ представляемый тебѣ переводъ за совершенство, но прочитавши Ленскаго и сравнивши оба перевода съ подлинникомъ, я не могъ не подосадовать на Ленскаго, совершенно исказившаго смыслъ оригинала неумѣстнымъ приноровленіемъ къ нашимъ нравамъ (сравни 2-й и 4-й куплеты съ подлинникомъ) и опустившаго изъ виду глубокую иронію Беранже, находящуюся въ двухъ послѣднихъ куплетахъ, при передачѣ ихъ въ одномъ. — — Повѣрь [2]), пожалуйста, меня, и если я говорю правду, если настоящій переводъ ближе передаетъ смыслъ подлинника, такъ пожалуйста *напечатай*. — — Какъ тебѣ покажется также «Мелодія» Байрона? — —

Г. Славутинскій личность для тебя извѣстная, если не моимъ письмомъ къ Михайловскому, такъ по его стихотвореніямъ, — — помѣщеннымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за февраль (кажется). Въ 1 й или 2-й (непремѣнно) книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1858 г. напечатана будетъ его «Исторія моего дѣда», начало которой мнѣ менѣе нравится «Праваго дѣла», которымъ онъ занимается теперь. Не угодно ли будетъ редакціи «Современника» прочитать и помѣстить его въ своемъ журналѣ? Катковъ ему далъ за листъ 48 руб.; скажи, пожалуйста, сколько даетъ «Современникъ» minimum и maximum.

Рязань не совсѣмъ «медвѣжій уголъ». Въ ней живутъ люди не только слѣдящіе за современными вопросами, но и сами посильными трудами старающіеся объ уясненіи ихъ. Здѣсь живетъ Крестовскій— человѣкъ (если барышню можно назвать человѣкомъ) въ высшей степени заслуживающій уваженія. Своими литературными трудами онъ содержитъ все семейство. Здѣсь (въ уѣздѣ) живетъ княгиня Вадбольская, отъ «Стараго холостяка» которой Катковъ въ восторгѣ. Мы сходимся и болтаемъ.

Твой Златовратскій.

1857 г. 31 дек. 12 ч. утра.

---

[1]) Къ этому письму были приложены „Старый Бродяга“ Беранже и „Мелодія“ Байрона „Ты кончилъ трудный путь земной“, въ переводѣ С. Т. Словутинскаго, жившаго тогда въ Рязани.

[2]) То есть: „провѣрь“.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ БОРИСУ ИВАНОВИЧУ ОЦИБОРСКОМУ.

(*Декабрь 1857 или январь 1858*).

Любезный мой Борисъ! Будь такъ добръ, сообщи Игнатію [1]) книги, посылаемыя тебѣ отъ меня,—«Современникъ» 1857 г. № IX—XII. Тутъ краснымъ карандашемъ обведены статьи, писанныя мною. Игнатій хотѣлъ просмотрѣть ихъ, чтобы видѣть, до какой степени справедливы извѣстныя тебѣ обвиненія Щеглова относительно моего образа мыслей. Я желалъ бы, чтобы и ты также прочелъ ихъ съ тою же цѣлью. Можетъ быть, изъ чтенія ихъ ты вынесешь и не столь дурное впечатлѣніе, какъ ожидаешь. Надѣюсь видѣться съ Игнатіемъ и съ тобой, какъ скоро нога моя позволитъ дѣлать продолжительныя путешествія по городу.

Никогда не перестававшій уважать тебя

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 3 янв. 1858*).

Милый мой Николай Александровичъ, не могу я на тебя сердиться. Получивши твое письмо, у меня отлегло отъ сердца то безпокойство, которое меня тяготило въ продолженіи 4 мѣсяцевъ объ тебѣ и о твоемъ житьѣ-бытьѣ на волѣ — на свободѣ.

Что же касается до денегъ, то скажу тебѣ, что хотя и напоминалъ объ нихъ, но ты не долженъ былъ стѣсняться откровеннымъ отвѣтомъ, а между тѣмъ и не заставлялъ бы меня ждать, зная, что я денегъ во что бы то ни стало найду, точно также какъ и ты при всѣхъ своихъ чрезвычайныхъ расходахъ нашелъ ихъ для присылки ко мнѣ. Это могущество въ нашемъ характерѣ.

За тѣмъ скажу, что остальная уплата 6 или 96 р. предоставляется на полную твою волю и ради Бога не стѣсняйся скорой высылкою.

Домъ я сдалъ 1 января купцу Котельникову по контракту на годъ 4 мѣсяца, т. е. до 1 мая 1859 года, за 600 руб. въ годъ, съ уплатою денегъ за квартиру впередъ за треть. Кажется, хорошо.

Ниночка довольна своимъ мужемъ и живутъ ладно въ домѣ Фавсты Васильевны. Лиза здорова, а жена моя опять слегла съ 1-го января; теперь впрочемъ лучше чувствуетъ себя. Что вотъ тутъ будешь дѣлать.

За Трубецкими осталось до 18 р. денегъ, я имъ объ этомъ напишу.

---

[1]) Поржницкому, пріятелю Николая Александровича и его друзей, бывшему студенту медико-хирургической академіи, испытавшему много бѣдъ, и не кончившему курса.

Прошу тебя убѣдительно: непремѣнно увѣдомить меня съ первою почтою о слѣдующемъ.

По прежнему я занимаюсь дѣлами помѣщика Дениса Алексѣевича Демидова.— — Онъ еще въ прошломъ году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ послалъ своего управляющаго Матвѣева въ С.-Петербургъ для продажи дома его, который доселѣ не сдѣлалъ не только продажи, но даже не имѣетъ въ виду и покупателей. Послѣднимъ письмомъ утѣшаетъ его только тѣмъ, что домъ этотъ пріѣзжалъ смотрѣть Зубовъ или жена его.— — Не будешь ли столько добръ, похлопотать объ этомъ дѣлѣ и узнать покупателей, предварительно съѣздивши въ Демидовскій домъ въ качествѣ покупателя или повѣреннаго отъ кого нибудь, дабы имѣть понятіе. Стоитъ захотѣть заняться, тогда можно устроить дѣло скоро, тѣмъ болѣе, что при настоящихъ обстоятельствахъ [1]), всѣ бросятся съ деньгами на домъ, а не на имѣніе, хотя правда домъ этотъ только въ крайнемъ случаѣ можно отдать за 150 тысячъ руб. сер. Впрочемъ, ты только увѣдомь, и если будешь согласенъ похлопочи, а торговаться могутъ родственники Демидова, Дюклу и Демидовъ, братъ его, о которыхъ адресъ я тебѣ доставлю.

За труды свои ты имѣешь полное право получить отъ 100 до 300 руб. судя по успѣху въ дѣлѣ, на что г. Демидовъ вполнѣ согласенъ. *Адресъ дома*: 2-й Адмиралтейской части, 3 квартала, что въ Большой Мѣщанской, на углу Демидова переулка подъ № $^{65}/_{6}$.

В. Добролюбовъ.

3 января 1858 г.

Если не можешь взяться за это дѣло, то ради Бога сходи въ домъ, не объясняй своей фамиліи и посмотри на дѣйствія и усердіе Матвѣева и увѣдомь.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Москва, 4 января 1858.

Покорнѣйше благодарю Васъ, любезный Николай Александровичъ, за письмо Ваше, полученное мною черезъ Алешу [2]), также и за готовность исполнить мое порученіе, пользуясь которою посылаю на имя Ваше бумагу для полученія денегъ изъ казначейства, прося Васъ передать оныя немедленно Буслаеву съ приложенной здѣсь къ нему запиской. Мнѣ пріятно было видѣть изъ письма Вашего, что Вы довольны были моими чувствами къ Вашему семейству; они, конечно, останутся всегда одинаковы. Вы вѣрно пожалѣли о смерти столь неожиданной добрѣйшей Александры Максимовны [3]), которую мы любили отъ всего сердца. Это большая потеря для Вашихъ: она такъ

---

[1]) При освобожденіи крестьянъ.
[2]) Галахова.
[3]) Прутченко.

къ нимъ душевно была расположена. Надѣюсь, что Вы на мнѣ не взыщете, если я сегодня не долго съ Вами побесѣдую; Алеша Вамъ живая грамотка, Вы отъ него можете узнать объ насъ все, что касается до нашего новаго житья-бытья. Письма Ваши я читаю всегда съ большимъ удовольствіемъ, и не знаю почему Вы говорите, что не умѣете писать *по русски*; мнѣ кажется напротивъ, мнѣ бы должно стыдиться писать, какъ я пишу; но мое оправданье въ томъ, что во время моей молодости болѣе писали по французски, равно какъ и говорили, и я чувствую, къ стыду моему, что мнѣ гораздо легче изъяснять мои мысли на этомъ языкѣ. То время прошло, когда Пушкинъ сказалъ: *«Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки, безъ грамматической ошибки я женской рѣчи не люблю»*. Я думаю однако жь, что со всѣмъ его пристрастіемъ къ такому невѣжеству, онъ слишкомъ бы много нашелъ ошибокъ въ моихъ письмахъ, которыя прошу Васъ простить моимъ 73 годамъ. Исторію съ моимъ Мишелемъ [1]) мы предадимъ забвенію, прибавя только, что мнѣ пріятно, что ни Вы, ни онъ тутъ нисколько не виноваты. За симъ прощайте, любезный Николай Александровичъ, желаю Вамъ всѣхъ благъ съ симъ наступающимъ новымъ годомъ. Будьте здоровы и вѣрьте искреннему моему уваженію.

Е. Пещурова.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 22 янв. 1858*).

Любезный Николай Александровичъ, хотя отказъ твой [2]) и огорчилъ г. Демидова, но за то много успокоило его увѣдомленіе объ усердіи его повѣреннаго Матвѣева по продажѣ дома. Я съ своей стороны крайне тебѣ благодаренъ за одолженіе.

У насъ по книгѣ въ приходѣ, въ 1857 году было 756 р. 90½ к., а съ остаточными отъ 1856 г. 10 р. 51 к. — 767 р. 41½ к.; въ расходѣ 707 р. 73½ к. Затѣмъ въ остаткѣ отъ 1857 г. къ 1858 г. осталось на-лицо 59 р. 68 к.

Съ дому получится въ годъ, вмѣстѣ съ флигелемъ, 690 р. По контракту я принялъ [3]) только капитальныя поправки. — — Такъ какъ я нынѣшній годъ не намѣренъ дѣлать никакихъ поправокъ, то думаю, что къ 1859 г. денегъ скопится до 500 р. и болѣе, или до 400, если по совѣту съ Ниночкой будемъ постепенно покупать приданое Анночкѣ, у которой нѣтъ даже и порядочнаго платья. Можетъ быть даже, что къ 1859 г. останется и по твоему 250 р. [4]), если Анночка подростетъ, и мы вздумаемъ на ярмаркѣ купить ей мѣхъ и

---

[1]) Княземъ М. А. Горчаковымъ, сыномъ министра.

[2]) Отъ участія въ дѣлѣ о продажѣ дома.

[3]) То есть: принялъ на счетъ опеки обязанность производить.

[4]) Можетъ быть, останется къ 1859 году 250 р. даже и въ томъ случаѣ, если мы, исполнивъ твое желаніе, вздумаемъ и т. д.

верхъ на салопъ и тому подобное. Но объ этомъ и съ тобой поговоримъ, когда пріѣдешь въ Нижній. Написалъ бы тебѣ и о приданомъ Ниночкѣ, которое довольно хорошо вышло, но, право, некогда: постоянно суечусь.

Объ улучшеніи быта крестьянъ, конечно, много идетъ и было толковъ, не согласныхъ съ цѣлью правительства; но такъ какъ правительство, освобождая личность и свободу крестьянъ отъ ига тяжкаго, не лишаетъ помѣщиковъ права и средствъ на полученіе тѣхъ же доходовъ отъ земли и даже отъ промысловъ, какими они пользовались, то, конечно, при нынѣшнемъ просвѣщенномъ взглядѣ на вещи, всѣ [1]) поймутъ цѣли правительства и, свыкнувшись съ новымъ ограниченнымъ правомъ на своихъ собратій, будутъ по прежнему жить да поживать, да батюшку Царя прославлять. Лиза здорова, Елена плохо.

В. Добролюбовъ.

22 января 1858 г.

Что не напишешь молодымъ? [2])

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 22 янв. 1858*).

Вѣроятнѣе всего, мой любезный другъ Николай Александровичъ, что не получилъ ни одного моего письма изъ четырехъ, а то хоть что нибудь написалъ бы въ отвѣтъ. Я все дожидался твоихъ писемъ, и потому не писалъ тебѣ; теперь случай: скоро день твоего рожденія, а потому рѣшился писать, съ тѣмъ, чтобы поздравить съ наступающимъ днемъ (онъ 24 числа) твоего рожденія и пожелать всего хорошаго.

Твои родные живутъ, по прежнему, хорошо; Ниночка, кажется, и [3]) очень привыкла къ своему мужу — —. Въ приходѣ его принимаютъ, какъ сына Александра Ивановича; служитъ онъ хорошо — — Только требъ хорошихъ и выгодныхъ ему не приходится исполнять [4]); но и это со временемъ устроится. — —

Маменька у меня немного хилѣетъ. Маленькая моя дочка начала ползать и довольно забавная, но подъ часъ много плачетъ и капризничаетъ.

Новостей больше нѣтъ. Матушка и жена тебѣ кланяются; хотя я пишу и въ Палатѣ, но имъ говорилъ объ этомъ, и онѣ велѣли тебя и отъ ихъ имени поздравить.

Анночка недѣли двѣ гоститъ у Ниночки.

Твой Мих. Благообразовъ.

22 января 1858 г.

---

1) Помѣщики.
2) Антонинѣ Александровнѣ и Михаилу Алексѣевичу.
3) „и" — разговорный плеоназмъ.
4) Потому что у зажиточныхъ прихожанъ оставалась привычка приглашать на требы того священника, который прежде былъ одинъ при церкви.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

15 февраля 1858 г.

Милый мой братъ, Михаилъ Ивановичъ, изъ твоихъ четырехъ писемъ я получилъ, помнится, два. Не писалъ же къ тебѣ потому, что до конца ноября не зналъ, куда именно адресовать къ тебѣ письма; послѣ же, когда узналъ, что ты въ Нижнемъ, какъ-то откладывалъ все съ одного дня на другой. Я, конечно, отличаю тебя отъ другихъ [1]; но все же боюсь, чтобы и ты не сталъ толковать мои слова въ кривую сторону. Поэтому нельзя къ вамъ въ Нижній писать въ первую свободную минуту, безъ размышленій и соображеній, просто и откровенно. Нужно дождаться болѣе свободнаго времени и засѣсть за письмо на нѣсколько часовъ. Иначе выйдутъ такія толкованія, что только упаси Господи. Если въ скверную, ругательную минуту письмо написано,—скажутъ: *на насъ сердится, нами недоволенъ, насъ ругаетъ*... Если въ веселую минуту посмѣяться вздумаешь въ письмѣ, — опять бѣда: *мы* ему смѣшными кажемся. Поэтому и надо стараться, чтобы въ письмѣ ни къ одному слову нельзя было придраться. Ты знаешь, что это можно сдѣлать, только работа эта чрезвычайно утомительна и длинна, а времени свободнаго у меня мало. На этомъ основаніи я и умѣряю себя въ перепискѣ. Впрочемъ, съ тобою-то, кажется, я могу еще переписываться, потому что мы уже ругались другъ съ другомъ въ письмахъ [2], а съ человѣкомъ, съ которымъ поругался, какъ-то ужь гораздо легче объясняться. Теперь у меня есть немножко досуга, и потому я надѣюсь скоро отвѣтить тебѣ на слѣдующее письмо, въ которомъ ты дашь мнѣ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы: какъ идетъ твоя служба въ Палатѣ? кто у васъ вмѣсто Кобрита [3] и какъ онъ къ тебѣ, и вообще каковъ, и кто, и откуда? Не имѣешь ли ты въ виду чего нибудь другаго кромѣ Палаты и что именно? Теперь, когда надежды на Трубецкаго рушились [4], надо бы тебѣ (въ случаѣ надобности выйдти изъ Палаты) придумать что нибудь другое... Затѣмъ—почему ты бросилъ мысль о библіотекѣ? Неужели отъѣздъ Трубецкихъ этому помѣшалъ? Въ такомъ случаѣ нужно сказать тебѣ, что коммерческій разсчетъ, опирающійся на участіе одного человѣка, — очень плохой разсчетъ. Безъ всѣхъ этихъ Улыбышевыхъ, Трубецкихъ и пр. читатели найдутся... Кстати, что произошло для васъ отъ смерти Улыбышева, о которой прочелъ я недавно въ «Сынѣ Отечества»? Вѣроятно ничего, кромѣ плача—ни худаго, ни хорошаго. Напиши, пожалуйста, объ этомъ. Марьѣ Дмитріевнѣ засвидѣтельствуй мое почтеніе. У тетеньки Фавсты Васильевны попроси за меня прощенія, что я оскорбилъ ее въ единственномъ письмѣ,

---

[1] Отъ Фавсты Васильевны и Варвары Васильевны; разница въ томъ, что онъ менѣе ихъ расположенъ сердиться изъ-за мелочей, обижаться шутками.

[2] По дѣлу о намѣреніи Михаила Ивановича вступить въ безразсудный бракъ.

[3] Фамилія написана неразборчиво; но кажется слѣдуетъ читать такъ.

[4] Когда съ отъѣздомъ кн. Трубецкаго рушились твои надежды получить мѣсто въ Нижегородской удѣльной конторѣ.

посланномъ мною тотчасъ по прiѣздѣ изъ Нижняго въ Петербургъ. Право, это вышло какъ-то неумышленно.

Не знаю, какъ пойдутъ мои дѣла, а слѣдовало бы мнѣ въ этомъ году еще разъ прiѣхать въ Нижнiй,—для Володи. Что съ нимъ дѣлается? и что съ Ваней? Напиши, пожалуйста. Надобно бы Володю прiучить хотя бѣгло читать и писать правильно, да начало ариѳметики показать ему. Надѣюсь, что съ осени я могъ бы уже взять его къ себѣ,—если только мои дѣла будутъ идти по прежнему.

Прощай. Больше писать некогда, потому что сейчасъ отправляюсь на урокъ.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

15 февр. 1858.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. А. ЧУМИКОВУ [1]).

(*Отъ 3 марта 1858*).

Милостивый Государь,

Александръ Александровичъ!

И Вы, и я позабыли о Дистервегѣ, когда я уходилъ отъ Васъ. Черезъ нѣсколько дней я хотѣлъ къ Вамъ заѣхать; но тутъ у меня, какъ нарочно, разболѣлись глаза. Болѣзнь до сихъ поръ еще не совсѣмъ прекратилась; но писать я уже могу, и въ пятницу, или не позже воскресенья, явлюсь къ Вамъ съ составленными мною разборами Архангельскаго, Подснѣжника и еще двухъ или трехъ книжекъ. Переводъ, если Вы никому еще не отдали, тоже могу взять тогда. Съ истиннымъ уваженiемъ и преданностью имѣю честь быть:

Вашъ покорный слуга

Н. Добролюбовъ.

3 марта 1858 г.

ПИСЬМО ВАСИЛIЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 26 марта 1858*).

По порядку вопросовъ, изложенныхъ въ письмѣ твоемъ, Николай Александровичъ, такъ буду тебѣ и отвѣчать на оное и по обыкновенiю пространно. Володя учится писать и читать, ариѳметикѣ, грамматикѣ и закону Божiю. Михаилъ Алексѣевичъ не имѣетъ, говоритъ, времени учить его самъ, а поэтому нанялъ ученика изъ своего класса, которому я плачу деньги, въ томъ числѣ и за содержанiе Володи,

---

[1]) Издателю „журнала для воспитанiя".

по четыре руб. въ мѣсяцъ [1]). Такъ какъ его учитъ мальчикъ, то, конечно, онъ [2]), не имѣя къ нему никакого уваженія, почасту спорить съ нимъ и лѣнится. Моя мысль: нанять для обоихъ ихъ, то есть и для Вани, хорошаго учителя, и тогда дѣло пойдетъ быстрѣе. Но всего вездѣ я одинъ не успѣю сдѣлать; объ этомъ должна заботиться Ниночка.

Не скрывая отъ тебя ни малѣйшихъ подробностей о положеніи твоего, и моего вмѣстѣ, осиротѣлаго семейства, я тебѣ передамъ слѣдующія свѣдѣнія: Фавста Васильевна тянется до нельзя съ своимъ любезнымъ сынкомъ и дочкой, и почти вся истянулась. Любезный сынокъ, съѣздивши въ Астрахань бариномъ,— — захотѣлъ показать себя,— — спустя недѣлю послѣ своихъ именинъ [3]) вздумалъ сдѣлать именины свои, назвалъ гостей и веселился. Послѣ какъ-то я былъ по своимъ дѣламъ у Демидова, въ гостинницѣ Лопашева (въ «Россіи»), вижу вдругъ Михаила Ивановича, Фавсту Васильевну и Марью Дмитріевну идущихъ ужинать въ гостинницу и, разумѣется, по барски, и посылали за пирожнымъ. Съ большою грустью смотрѣлъ я на эти праздники, хотя на именинахъ и не былъ, и ожидалъ, что-то будетъ. И вышло то, что совѣтникъ, какъ выражается М. Ив., узнавши объ именинахъ, началъ гнать его [4]). Теперь хотя и держится на мѣстѣ, но все за тѣ же 8 р. 50 к.; а что сдѣлаешь на эти 8 р. 50 к.;—одному, и то жить въ конурѣ да ѣсть хлѣбъ съ солью. Это длинное предисловіе я тебѣ счелъ необходимымъ написать, чтобы ты видѣлъ, почему прежде любимый Ваня сталъ лишній въ домѣ. Михаилъ Ивановичъ то и толкуетъ, чтобы я его куда хочу, туда и бралъ. — — Теперь дойду до себя. Жена у меня все болитъ, а теперь другой день лежитъ опасно больна; но ты видишь, что я уже свыкся съ этимъ безотраднымъ, мучительнымъ состояніемъ. Такъ какъ жена больна постоянно, и не проходитъ мѣсяца, чтобы она не слегла въ постель дня на 3—4, то ты можешь представить, до какой степени мнѣ надоѣдаетъ съ своими шалостями капризная и вмѣстѣ милая Лиза. Еще мѣсяца два назадъ я, жалѣя свою страждущую жену, рѣшился было отдать ее Ниночкѣ на томъ основаніи, что она, получивши хорошее мѣсто, данное всему семейству, должна и какъ старшая сестра замѣнить братьямъ и сестрамъ мать, а мнѣ для Ниночки мучить и добивать свою чахлую жену непростительно, для чего предлагалъ имъ флигель для жилья. Но Елена поправилась, мнѣ жалко стало Лизы, такъ все и осталось по старому.— — На счетъ же Володи хочу тебя просить, чтобы ты никакъ не думалъ брать его къ себѣ. — — Ты, взявши къ себѣ Володю, будешь изнурять себя на его содержаніе — — ты долженъ Володю помѣстить въ казенное заведеніе за дорогую плату, которая будетъ для тебя ощутительна; можетъ быть, ты чрезъ три—четыре года женишься, пойдутъ свои

---

[1]) То есть: я плачу деньги этому учителю; плачу и Михаилу Алексѣевичу за содержаніе Володи; вмѣстѣ, это составляетъ 4 р. въ мѣсяцъ.

[2]) Володя.

[3]) Это потому, что онъ возвратился ужь послѣ дня своихъ именинъ.

[4]) Предполагая, что у него много денегъ и досадуя, что разбогатѣвши, подчиненный не подарилъ ему ничего.

дѣти, а съ ними и ужасные недостатки, а при нихъ Володя на твоемъ содержаніи. Ну, не женишься,—тебя переведутъ въ какую нибудь губернію—Володя съ тобой, ты умрешь, тогда кто будетъ поддерживать содержаніе Володи въ свѣтскомъ казенномъ заведеніи, въ дали отъ родныхъ?— —Держать же Володю при себѣ было бы безразсуднѣе, ибо тогда ты рисковалъ [1]) или дать ему образованіе хуже здѣшняго, или же долженъ былъ [2]) оставить свои доходныя занятія [3]).

Брось корректуру,—это такая египетская работа, что только ты съ своимъ желѣзнымъ здоровьемъ и волей рѣшился принять на себя [4]).— — Брось эту пустую работу. — —

Съ октября мѣсяца до 20 марта я какъ въ смолѣ кипѣлъ, чего не передѣлалъ! [5])— — А между тѣмъ семейство, докторъ, постоянное лекарство; то я, какъ ни тяжело, долженъ былъ броситься въ комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ за 20 р. въ мѣсяцъ. Но куда, какъ тяжело такъ жить; а живешь, потому что расходъ великъ: менѣе 50 р. не бываетъ. Комитетъ былъ открытъ 20 февраля до марта, а съ этого времени члены до 1-го мая распущены для собранія свѣдѣній. Представлялись членами и прочими дворянами разныя мнѣнія. Многіе хлопочутъ объ оцѣнкѣ земли, такъ чтобы послѣ брать съ приведеннаго въ извѣстность капитала по 6 до 8%. Многіе не хотятъ продавать усадьбъ, а отдаютъ ихъ даромъ крестьянамъ, съ разными ограниченіями; и еще кое какія были мнѣнія. большею частію толковыя и безпристрастныя. Комитетъ, надобно думать, еще пробудетъ съ годъ.

О постояльцахъ я тебѣ писалъ. Купецъ Котельниковъ живетъ по барски.— —

Я теперь какъ въ царство попалъ [6]),— — Котельниковъ отдалъ впередъ за треть 200 руб.

Деньги твои получилъ; теперь осталось за тобой 71 р. 30 к. [7]).

Вотъ расходъ на дѣтей:

Фавстѣ Васильевнѣ выдано на Ваню съ декабря . . . 12 р.

На Володю Ниночкѣ . . . . 4 »

Анночкѣ на бурнусъ (ужь невѣста, да такая большая да хорошая стала). . . . . 30 »

---

[1]) То есть: рисковалъ бы.

[2]) Былъ бы.

[3]) Чтобы заниматься воспитаніемъ Володи.

[4]) Василій Ивановичъ полагалъ, что Николай Александровичъ сдѣланъ корректоромъ „Современника"; онъ не зналъ, что дѣло, которое поручилъ ему Некрасовъ, было совершенно иное; вскорѣ по возвращеніи его изъ Нижняго, Некрасовъ сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ помощниковъ въ такъ называемомъ чтеніи редакторской корректуры, то есть, однимъ изъ фактическихъ редакторовъ журнала.

[5]) Особенно много хлопотъ было по дѣламъ Демидова; вознагражденія отъ него Василій Ивановичъ еще не получалъ.

[6]) По отношенію къ полученію уплаты за отдаваемый въ наемъ домъ.

[7]) Николай Александровичъ давно объявилъ, что отказывается отъ всякой доли наслѣдства. Уѣзжая лѣтомъ 1857 года изъ Нижняго, онъ взялъ у Василія Ивановича изъ опекунскихъ денегъ около 96 рублей, сказалъ, что беретъ ихъ взаемъ и будетъ возвращать частями по мѣрѣ возможности.

Ниночкѣ по обѣщанію опекуновъ въ замѣнъ выдачи до свадьбы на отдѣлку бурнуса и на шляпу . . . . 20 »
Катенькѣ отослано въ январѣ еще . . . . 5 »

Ты къ чему это сказалъ, чтобы я объ себѣ-то тебѣ писалъ подробнѣе; ужь не имѣешь ли въ виду хорошенькой должности? А ужь куда какъ я усталъ заниматься разными и разнообразными занятіями; вѣдь сколько у меня должностей;— — и за все это съ рискованными Демидовскими 900 руб. сер.; но когда не будетъ комитета, то до 650 р. Впрочемъ, изъ комитета выйдетъ жалованье мѣсяца черезъ три—четыре, а покуда буду сидѣть на 19 р. 17 к. и 8 р. 35 к., да на 1 р. 50 к., выдаваемыхъ на покупку свѣчъ, а отъ посреднической коммиссіи, гдѣ получалъ 6 р. 66 к., отказался: силъ нѣтъ.

Замучился самъ писавши, а тебя замучаю читавши это письмо.

Не имѣешь ли въ виду знакомыхъ предоставить мнѣ продажу картъ, быть агентомъ котораго либо страховаго общества или коммиссіонеромъ какого нибудь барина, купчины дороднаго и проч. и проч., и тому сему подобное.

В. Добролюбовъ.

26 марта 1858 г.

Съ праздникомъ поздравляю.— —

Елена немного опомнилась; она тебѣ велѣла кланяться и христосуется.

Ты ужь братъ извини, что не толково пишу и не договариваю мыслей по спѣшности: я вѣдь прямо валяю, съ плеча; занимаюсь и тамъ, и сямъ; гдѣ побѣгаешь, гдѣ попишешь, гдѣ поговоришь, (и это у меня за службу идетъ). Я привыкъ безъ стѣсненія писать, особенно гдѣ не судятъ.

Теперь ужь не осердишься, что замѣшкалъ отвѣчать; ты мнѣ по стольку то въ годъ не пишешь, а я тебѣ во одинъ разъ.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ [1]).

2 апрѣля 1858 года.

Христосъ Воскресъ!

Милая и дорогая сестра моя,

Извините меня, пожалуйста, что я такъ долго не отвѣчала [2]) тебѣ на письмо твое; но я очень желала похристосоваться съ тобою, милая сестра моя, и посылая заочно свое христосованье, не знаю навѣрное, дойдетъ ли оно. Желаю тебѣ, незабвенный ангелъ мой, счастія и здоровія и всего, всего лучшаго на свѣтѣ. Прошу тебя, по-

---

1) Вѣроятно, это письмо было переслано Антониной Александровной Николаю Александровичу, чтобы по совѣту съ нимъ рѣшить, можно ли исполнять просьбу сестры.

2) „Извините“ и „тебѣ“ „Вы“ и „ты“ перемѣшиваются.

жалуйста, напиши мнѣ рѣшительно, можете ли меня взять домой или нѣтъ; если можете, то пожалуйста лѣтомъ, а не зимою. Ты не по вѣришь, милая сестрица, что даже игуменья наша [1]) предлагаетъ сама мнѣ, чтобы я просилась. Она говоритъ, что здѣсь есть свои сироты, побѣднѣе меня. Я скажу тебѣ по всей правдѣ, что мнѣ теперь уже не такъ хочется домой, какъ прежде; эта перемѣна произошла рѣшительно послѣ полученія твоего письма, которое меня очень, очень огорчило. Я вижу, что братья мои и сестры не часто пользуются отрадными минутами; мнѣ горестно вспомнить объ этомъ. Я не думала, милая сестра моя, что ты живешь у тетеньки, я воображала, что у тебя съ Михаиломъ Алексѣевичемъ собственный домъ, и потому надѣялась на Васъ. Мнѣ всѣхъ болѣе жалко Володеньку; прочіе, по крайней мѣрѣ, у родныхъ, которые хотя сколько нибудь будутъ стараться о нихъ; но онъ у чужихъ и не видитъ [2]), можетъ быть, никогда ласковаго слова, и безъ совершеннаго надзора [3]) Я вполнѣ поняла письмо твое и столько опечалилась, сколько прежде обрадовалась; но не думай, чтобы я недовольна была имъ; напротивъ, видѣла всю справедливость твоего письма. Пасху и Ѳоминую я провожу у безцѣнныхъ моихъ благодѣтелей [4]), и лью слезы, когда вспоминаю о разлукѣ съ ними; я увѣрена, что здѣсь на землѣ нигдѣ не найду я такихъ добрыхъ благодѣтелей, не думаю, чтобы можно найти — — [5]). Скажи мнѣ, безцѣнная сестрица, что дѣлается съ моимъ братцемъ Николенькой; онъ съ сентября ни строчки не пишетъ мнѣ; что съ нимъ дѣлается? здоровъ ли онъ? право, я такъ боюсь за его здоровье, что не могу вспомнить о томъ. Если ты знаешь что нибудь про него, то, пожалуйста, напиши. Ты не повѣришь, что я рѣшительно съ каждой почтой ожидаю письма его и не получаю; даже къ святой пасхѣ не получила этого утѣшенія, а ждала съ великимъ нетерпѣніемъ. Болѣзнь моя, дорогая Ниночка, не уменьшается и не увеличивается, а находится въ прежнемъ своемъ состояніи; но теперь надѣюсь, что получу пользу—лечусь гомеопатіей и по этой причинѣ нахожусь здѣсь у Амаліи Богдановны [6]) и страстную недѣлю. Праздники провела и весело и спокойно — — [7]).

Прощай, не забывай много любящую тебя твою сестру.

Екатерину Добролюбову.

Цѣлую тебя и крѣпко, крѣпко прижимаю тебя къ сердцу, съ надеждою скоро увидѣться. Кончаю письмо свое.

---

[1]) Начальница училища, находившагося при монастырѣ.
[2]) Описка, вмѣсто „слышитъ“.
[3]) Описка, вмѣсто: „и совершенно безъ надзора“.
[4]) Г-на и г-жи Ренненкампфъ.
[5]) Продолжаются похвалы имъ.
[6]) Ренненкампфъ.
[7]) Слѣдуютъ новыя похвалы А. Б. и Р. П. Ренненкампфамъ и поклоны роднымъ и Аксиньѣ (Акимовнѣ, нянькѣ).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

(*Отъ 3 апрѣля 1858 г.*).

3 апрѣля.

Наконецъ, улучилъ я полчаса свободныхъ, чтобы сочинить тебѣ посланьице, дорогой мой Александръ Петровичъ. Ты удивляешься и, конечно, не вѣришь тому, что въ три мѣсяца въ первый разъ случилось у меня свободныхъ полчаса. Ты готовъ уже саркастически отпѣть мнѣ рацею, какую Бильдинскій пѣлъ Ванькѣ. Но—успокойся и разсмотри внимательнѣе тѣ пункты, кои намѣренъ я тебѣ представить.

Пунктъ 1, я лишенъ аккуратности въ распредѣленіи своего времени.

Пунктъ 2, я боленъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Пунктъ 3, я хандрю, вслѣдствіе болѣзни.

Изъ соединенія этихъ трехъ пунктовъ выходитъ то, что я иногда сижу по цѣлымъ часамъ и о чемъ-то думаю, а о чемъ,—того я и самъ хорошенько не знаю, да и того, что знаю, не могу разсказать другимъ. Кромѣ того, я бываю въ разныхъ мѣстахъ и остаюсь дольше, нежели слѣдуетъ. Повѣришь ли, что иногда на урокѣ (который кончается въ часъ пополудни) я остаюсь завтракать, потомъ сижу до обѣда, затѣмъ обѣдаю и послѣ обѣда захватываю еще значительную часть вечера. Для чего я это дѣлаю,—не могу знать; но дѣлаю нерѣдко. При этомъ однако же не надо забывать, что дома есть у меня кое-какія занятія. Придешь поздно, примешься за работу, просидишь до поздней ночи,—по утру встанешь съ тяжелой головой, потащишься на урокъ, потомъ гдѣ нибудь и какъ нибудь пообѣдаешь (иногда въ первомъ, а иногда въ шестомъ часу), и тутъ-то вотъ или читаешь какой нибудь вздоръ или думаешь такой же вздоръ, или наконецъ (самое благоразумное) спать завалишься. Такъ и идетъ все время. Ничего не сдѣлалъ, ничему не выучился въ этотъ годъ, и даже не пожилъ весело. Въ октябрѣ простудился, похворалъ, къ этому привязалась золотуха, и до сихъ поръ донекаетъ меня — —[1]).

Теперь ты поймешь, я думаю, что называю я *свободнымъ* часомъ. Это такой часъ, въ который я довольно спокоенъ сравнительно, и не имѣю предъ собой близкой грозы срочнаго дѣла, которымъ хоть и не занимаюсь, а все-таки руки себѣ связываю.

Напиши мнѣ, пожалуйста, о рязанской семинаріи и о новомъ ея ректорѣ [2]). Это мой бывшій профессоръ, инспекторъ и потомъ петербургскій пріятель. Онъ имѣетъ непреодолимое стремленіе сдѣлаться митрополитомъ Евгеніемъ, и для того роется постоянно въ архивахъ, вторгается въ разныя ученыя общества, и все описываетъ да сообщаетъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ издалъ громаду книгъ. Цѣлый томъ Записокъ Археологическаго Общества наполненъ (буквально) его статьями. Онъ — — между монахами одинъ изъ лучшихъ — —.

Общество ваше оживитъ, вѣроятно, Салтыковъ [3]), который на дняхъ, кажется, ѣдетъ уже къ вамъ. Вотъ будетъ поле практической

1) Слѣдуютъ подробности о болѣзни.

2) Макарій, изслѣдователь исторіи русской церкви.

3) Назначенный вице-губернаторомъ въ Рязань.

дѣятельности литератора! Пиши мнѣ о немъ, пожал
что онъ будетъ держать себя страшно гордо, или
рѣ съ большимъ гонеромъ, какъ выражался, бывал
Журавлевъ.

Что ваши рязанцы съ своими крестьянами? Все еп
кажется? Вѣрно, нѣтъ между нами Ляпуновыхъ Пр
это очень!

Не знаю, не замѣтишь ли ты чего нибудь въ тон
ки [1]). Но право, тонъ-то самъ собою слагается, без
съ моей стороны. Если что нибудь нехорошее почу
мнѣ, пожалуйста; только не молчи. А я тебя завѣ
дурнаго у меня къ тебѣ на умѣ нѣтъ и не было.
я всегда былъ къ тебѣ расположенъ; теперь я могу
уважаю тебя. Прощай пока.

Н.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИ

(*Отъ 4 апрѣля 1858*).

4 апрѣля.

Михаилъ Ивановичъ, милый мой братъ и пріят
дняхъ получилъ я письмо твое и оно мнѣ напомина
ля, день именинъ Машеньки [2]). Жаль, что я по сво
до сихъ поръ позабылъ о немъ. Но все равно: хоть
таки лучше поздравить всѣхъ васъ съ ангеломъ и
что симъ и исполняется. Подарка не шлю никакого
знаю, что бы послать, да и на почтѣ хлопотать съ
чется. Вмѣсто того посылаю просто 25 руб.; купи
покажется нужнымъ и лучшимъ. На большемъ не в
отъ меня всѣмъ нашимъ и попроси, чтобы на мен
пора бы ужь, кажется, перестать. А то я не знаю,
я дѣлать. Хотѣлъ-было въ ярмарку пріѣхать въ Н
и носъ къ вамъ показать, потому что все, что я н
дитъ какъ-то не по вашему. Не говоря о другихъ,
Михаиломъ Алексѣичемъ сердятся за что-то; по к
вотъ уже цѣлый мѣсяцъ жду отвѣта на мое письмо
ночкѣ передъ ея именинами. Пропасть мое письмо н
что оно страховое. Другіе тоже не пишутъ ко мнѣ.
дѣлать...

Твои дѣла по службѣ плоховаты, какъ мнѣ каж
совѣтникъ тебя преслѣдуетъ за то, что ты съ нимъ
Но развѣ нельзя было дать ему знать, что дѣлиться

---

[1]) Эти слова отзывъ на то, что А. П. Златовратскій пор
ческихъ статей и рецензій Николая Александровича съ „Со
[2]) Марьи Дмитріевны, жены Михаила Ивановича.
[3]) Деньгами, пріобрѣтенными, по предположенію совѣтник
Астрахань.

быть, это вслѣдствіе того хвастовства, которымъ ты отличился въ Палатѣ еще при мнѣ,—помнишь? Ты обѣщалъ привезти тысячи, а они сдуру и повѣрили, конечно. Напрасно, разумѣется, ты языкъ чесалъ. Вѣроятно, тебѣ будетъ лучше поступить въ частную службу, если только будетъ возможно. Въ казенныхъ-то мѣстахъ теперь все народъ новый, такъ что и попросить, кажется, некого.

Мои дѣла кое-какъ идутъ. Работая много, и получаю въ мѣсяцъ теперь довольно денегъ для меня. Много денегъ уходитъ на леченіе, потому что я уже нѣсколько мѣсяцевъ постоянно боленъ. Все золотуха бросается въ разныя мѣста; теперь дѣлаются нарывы въ горлѣ. Проклятая эта болѣзнь присунулась къ простудѣ, которую получилъ я еще въ октябрѣ, и теперь не отстаетъ отъ меня.

Напиши мнѣ, пожалуйста, о Володѣ пообстоятельнѣе; я спрашивалъ какъ-то Василья Ивановича, но онъ написалъ мнѣ только, что у Володи *тоже, кажется, золотуха*. Разскажи мнѣ подробнѣе, какъ, въ чемъ, гдѣ проявляется эта золотуха? Лечите ль вы Володю, и чѣмъ? Что дѣлаетъ Ваня? Ты мнѣ ничего не сказалъ о немъ. Нѣтъ ли кого нибудь въ виду для Анночки? Она, должно быть, хорошѣетъ и ростетъ теперь. На этой же недѣлѣ я надѣюсь писать и къ ней. Если же не успѣю написать, то поклонись отъ меня тетенькѣ и дяденькѣ [1]), а Анночку побрани, зачѣмъ она не пишетъ. Мнѣ бы хотѣлось знать между прочимъ (да это ужь, я думаю, напишетъ Ниночка), что осталось для Анночки изъ приданаго?

Тетеньку Фавсту Васильевну прошу простить меня за неблагоразумное письмо мое и принять свидѣтельство чувствъ моего искренняго почтенія и признательности за все доброе, что ею для насъ сдѣлано.

Марьѣ Дмитріевнѣ кланяюсь низко. Прощай и пиши.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО А. П. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(Отвѣтъ на письмо Н. А—ча отъ 3 апр. 1858, написанный за много дней до 27 апр., вѣроятно около 8 или 10 апр.).

Я безконечно тебѣ благодаренъ за твое послѣднее письмо, Николай Александровичъ. Перебрасываться, хоть изрѣдка, съ тобой письмами для меня всегда составляло желаніе; но послѣ холоднаго печоринскаго послѣдняго твоего письма мнѣ не хотѣлось разыгрывать предъ тобою роль Максима Максимыча. Я не хотѣлъ тебѣ надоѣдать своими *пустыми* (не отрой, пожалуйста, въ этомъ словѣ смиренія паче гордости) письмами, разспросами о твоемъ житьѣ-бытьѣ и т. п., а думалъ удовольствоваться наблюденіемъ за твоей дѣятельностью и

---

1) Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу.

жизнію только по письмамъ Михайловскаго [1]) и твоимъ статьямъ. Своимъ письмомъ ты даешь мнѣ поводъ (надѣюсь, что ты не объяснишь это губернскимъ этикетомъ, а найдешь причину моего прежняго молчанія и настоящаго немолчанія въ чемъ-нибудь другомъ повыше, болѣе нравственномъ) снова поболтать съ тобой. Мало этого. Ты даешь даже матеріалъ для моего письма—свою собственную личность, которую позволяешь мнѣ цѣнить, какъ угодно будетъ мнѣ, и рязанскую жизнь, жизнь рязанской помѣщичей аристократіи въ связи съ вопросами объ улучшеніи быта крестьянъ и отношеніями ея или къ ней отставнаго надворнаго совѣтника Щедрина [2]).

— — Теперь между помѣщиками и чиновниками существуетъ совершеннѣйшая тишина. До 27 апрѣля дѣло о крестьянскомъ дѣлѣ нисколько не подвинется впередъ. Тогда будетъ здѣсь общее собраніе дворянъ. — — Сталкиваясь съ ними кое-гдѣ, я замѣтилъ только одно, что у всѣхъ ихъ коммерческіе разсчеты стоятъ на первомъ планѣ. Одинъ господинъ сообщалъ мнѣ прежде съ большимъ неудовольствіемъ, что будто московское дворянство рѣшило отдать усадебную землю крестьянамъ даромъ. Пожалуй, говорилъ онъ, и этимъ увлекутся всѣ и всѣхъ дворянъ заставятъ сдѣлать то же самое. Недавно онъ же съ большимъ удовольствіемъ сообщилъ мнѣ *подъ секретомъ,* что московское дворянство рѣшило не дѣлать *никакихъ* уступокъ въ пользу крестьянъ. А надобно замѣтить, что этотъ человѣкъ благонамѣренный. — — Вообще о рязанскихъ помѣщикахъ нельзя сказать *слишкомъ много* дурнаго. Правда, въ различныхъ уголкахъ встрѣчаются типы фонъ-визинскихъ помѣщиковъ, которые на *послѣдкахъ* стараются натѣшиться надъ крестьянами, и гоголевскихъ государственныхъ мужей, которые въ настоящей перемѣнѣ видятъ политику французовъ, досадующихъ на то, что у насъ все тихо и нѣтъ такихъ революцій, какія часто бываютъ у нихъ,—но эти типы во первыхъ рѣдки, во вторыхъ около ихъ растетъ молодое поколѣніе, которое не раздѣляетъ ихъ мнѣній. Я знаю такихъ господъ, а не выдумываю для твоего удовольствія.

Щедринъ пріѣхалъ сюда въ воскресенье и уже успѣлъ сдѣлать визиты губернскимъ властямъ. Никто еще не видитъ въ его поведеніи ничего страннаго. — —

Какъ горько отозвалось во мнѣ твое письмо. Человѣкъ жалѣетъ о прошедшемъ годѣ, говоритъ, что ничего не сдѣлалъ, что ничему не выучился, что даже не пожилъ весело! Я не понимаю, какого же еще нужно для тебя дѣла! Почти, а можетъ быть и каждый мѣсяцъ, ты приготовлялъ статьи для журнала. Чего же больше? — —

---

[1]) Одного изъ товарищей, съ которымъ переписывался А. П. Златовратскій.
[2]) М. Е. Салтыкова, назначеннаго тогда вице-губернаторомъ въ Рязань.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 15 апр. 1858*).

15 апрѣля.

Любезный мой Николай Александровичъ, увѣдомляю тебя, что я живу все такъ же плохо, какъ и жилъ прежде: жена не сходитъ съ постели — вотъ и все; что тутъ дѣлать. А назадъ тому недѣлю совсѣмъ было убралась на другой свѣтъ Божій отъ воспаленія въ груди. Но не теряя слишкомъ присутствія духа, я, какъ суета, объ суетѣ все и забочусь. Видишь ли, въ чемъ дѣло: отъ Демидова я почти ничего не могу получать по его самымъ крайнимъ запутаннымъ дѣламъ, и поэтому я уже сдѣлалъ начало, чтобы отъ него отдѣлаться.

Доселѣ всѣми помѣщичьими имѣніями управляли ихъ бурмистры и старосты. Конечно, при новомъ устройствѣ дѣлъ, не останется почти ни одного крестьянина управляющимъ: всѣ будутъ наемные, и ихъ потребуется тысячи. — Не будетъ ли тебѣ случая *) какому нибудь барину похвалить меня; я уже за себя могу постоять, тѣмъ болѣе, что довольно уже изучилъ и барскіе и пономарскіе, сирѣчь крестьянскіе нравы. Но, ради Бога, нельзя ли къ умному попасть, а ужъ дураки-то у меня на шеѣ сидятъ, да чтобы не мотыга былъ.

У васъ все перемѣны. Княжевичъ сталъ министромъ финансовъ, а также и другіе смѣнились. Тебѣ не будетъ ли случая что нибудь еще повыдѣлать въ пользу свою чрезъ Княжевича.

Твой покорный слуга

В. Добролюбовъ.

Лиза здорова, и всѣ наши.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

18 апрѣля 1858 г.

Добрый мой другъ, Николай Александровичъ, какъ благодарить за твое доброе расположеніе, со вложеніемъ *25 руб.*, я никогда не буду умѣть, а заслужить — и говорить нечего. Если особенно когда тряслась [1]) моя душа отъ удовольствія несказаннаго, то это три раза, и вотъ въ двухъ трясеніяхъ причиною—ты. Какъ кстати твой подарокъ и какъ драгоцѣненъ во всѣхъ отношеніяхъ для меня, ты не можешь представить! Жалко, что и на сей разъ я не вполнѣ исполняю твою волю. Теперь ты послалъ въ подарокъ моимъ *Марьямъ* [2]), но я даже до сего дня не сказалъ объ этомъ ни которой [3]). Причина

---

*) Въ неопредѣленное время, т. е. въ годъ, въ два. *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

1) То есть: „дрожала", „трепетала".

2) Женѣ и маленькой дочкѣ его.

3) Этотъ оборотъ словъ, выражающій, что онъ не говорилъ о подаренныхъ деньгахъ не только женѣ, но и дочери, должно понимать какъ шутку: дочь была еще малютка; рѣчь идетъ собственно лишь о томъ, что онъ не сказалъ женѣ.

очень простая,—что я твоими деньгами уплатилъ въ два мѣста долгу, и тѣмъ избавилъ себя отъ мучительнаго состоянія; а женѣ заслужу чѣмъ другимъ. Итакъ, прими мою благодарность отъ чистаго сердца,— самую *огромную!* Письмо твое съ деньгами я получилъ 14-го апрѣля, и пропустилъ [1]) только одну почту.

Теперь, сколько могу, постараюсь отвѣтить на твои вопросы. Ниночка послала тебѣ два письма послѣ своихъ именинъ [2]), это я знаю навѣрное; и отъ чего ты не получилъ, не можемъ понять; можетъ быть, посланные полѣнились или прельстились гривенникомъ [3]). Володя живетъ у Ниночки, которая квартируетъ у насъ. Учитъ его мальчикъ изъ семинаріи [4]); успѣваетъ онъ, для начала, довольно хорошо — —; только пишетъ онъ плохо, потому что и самъ учитель не умѣетъ [5]). Здоровье его во все время, какъ онъ въ нашемъ домѣ, нисколько не измѣнилось, и золотухи въ немъ не видно. — — Ванѣ съ этого мѣсяца мы наняли учителя изъ карабинернаго полка.— — Для Анночки никого [6]) въ виду нѣтъ. О приданомъ [7]) Ниночки писать подробно—очень долго, но Василій Ивановичъ хочетъ стараться и Анночкѣ дать такое же. Прежнія вещи—носильныя [8]) хорошія почти всѣ отданы Ниночкѣ, а вещи матеріальныя, какъ-то серебро, раздѣлено было на двѣ части: что Ниночкѣ, то и Анночкѣ [9]). Да объ ней я послѣ буду писать поподробнѣе, и, особенно, если пойдутъ мои дѣла. Мои дѣла слишкомъ не хороши. Не знаю, что будетъ дальше, а на себя нисколько не надѣюсь, и опять къ благодарности примѣшиваю свою просьбу: не можешь ли чрезъ Прутченко или кого нибудь изъ близкихъ своихъ знакомыхъ похлопотать обо мнѣ; нынѣ министръ нашъ [10]) новый [11]) и хорошъ съ Прутченкомъ [12]), а я бы былъ вполнѣ признателенъ тебѣ, постарался бы что нибудь сдѣлать для твоихъ полезное. Нельзя ли мнѣ схлопотать или виннаго пристава, или помощника солянаго пристава. Одно слово Прутченка къ Терскому, и я бы — соляной помощникъ. Впрочемъ, что бы ты ни придумалъ или нашелъ возможнымъ — все будетъ хорошо; во всякомъ случаѣ напиши мнѣ непремѣнно на это письмо, и поскорѣе. — —

Машеньку извини, что она давно не писала: ея жизнь — постоян-

---

[1]) Отвѣчать тебѣ.

[2]) Послѣ половины января.

[3]) Въ то время были штемпельные конверты; но письма посылались обыкновенно не въ нихъ, а въ простыхъ конвертахъ; при подачѣ письма отдавались деньги пріемщику.

[4]) Точнѣе говоря, не собственно изъ семинаріи, которую составляли только три высшіе класса курса, а изъ 4-го (высшаго) класса духовнаго училища; это былъ одинъ изъ учениковъ Михаила Алексѣевича, бывшаго преподавателемъ въ томъ классѣ.

[5]) Еще не пріобрѣлъ хорошаго почерка.

[6]) Никакого жениха.

[7]) Перечислять составъ приданаго.

[8]) Оставшіяся послѣ матери.

[9]) То есть: сколько — столько же.

[10]) То есть: министръ финансовъ.

[11]) А. М. Княжевичъ.

[12]) Который теперь ужъ не былъ предсѣдателемъ нижегородской казенной палаты, а занималъ должность гдѣ-то въ другомъ городѣ.

ная забота; труды и плохое здоровье — все это вмѣстѣ какъ-то ее стѣсняютъ во всемъ, такъ что, можно сказать, что и время нѣтъ; впрочемъ, она, какъ и всегда, тебя любитъ и Ваню. Объ твоемъ добрѣ [1]) я только ей сказалъ.

Жена тебѣ кланяется, матушка тоже. Всѣ наличные живы и здоровы, только я одинъ несчастный страдаю щекою [2]); впрочемъ, хожу въ Палату.

Прощай, будь здоровъ.

Твой братъ Михаилъ Благообразовъ.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Москва, 23 апрѣля 1858 г.

Алеша [3]) въ бытность свою здѣсь сказалъ мнѣ, любезный Николай Александровичъ, что Вы переѣхали еще на другую квартиру, кажется, на Литейной, въ домѣ князя Долгорукова; но такъ какъ я навѣрное не помню, то и пишу къ Вамъ черезъ Буслаева и прошу Васъ покорнѣйше сказать мнѣ, могу ли я по прежнему просить Васъ взять на себя трудъ доставить мнѣ деньги слѣдующія мнѣ за треть изъ казначейства? Если Вы мнѣ дадите удовлетворительный отвѣтъ, то уже и напишите мнѣ Вашъ адресъ. Ежели же это порученіе сколько нибудь для Васъ затруднительно, то убѣдительно прошу Васъ мнѣ опое сказать откровенно. Я еще не благодарила Васъ за брошюрку, которую Вы мнѣ прислали съ Натальей Алексѣевной [4]), и которую мы всѣ съ большимъ удовольствіемъ читали. Я бы желала знать, въ какой журналъ Вы посылаете Ваши статьи и подъ какимъ именемъ; увѣдомьте меня пожалуйста, и скажите мнѣ что нибудь о Вашемъ житьѣ-бытьѣ, въ коемъ мы всѣ интересуемся сердечно. J'espère que vous déroberez quelques moments à vos occupations pour me donner de vos nouvelles avec détails et que vous me pardonnerez certaines phrases qui viennent se ranger plus facilement en français sous ma plume [5]). Что дѣлать? виною тому привычка, а въ 74 года ее преодолѣть трудно. За симъ прощайте, любезный Николай Александровичъ, будьте здоровы и окружены успѣхами, которыхъ я Вамъ желаю отъ всего сердца. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта.

Много уважающая Васъ Е. Пещурова.

---

[1]) О твоей денежной помощи.
[2]) Отъ зубной боли.
[3]) Галаховъ.
[4]) Галаховой.
[5]) То есть: „Надѣюсь, что Вы отнимете у Вашихъ занятій нѣсколько минутъ, чтобы подробно разсказать о себѣ мнѣ, и что Вы простите мнѣ фразы, которыя по французски ложатся легче подъ мое перо“.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА И ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

4 мая 1858 года.

Какъ ни мало теперь у меня время, но все-таки спѣшу поздравить тебя, добрый мой другъ Николай Александровичъ, со днемъ твоего ангела. Вѣроятно, это письмо получится въ день твоихъ именинъ. Мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы.

Съ твоей легкой руки у меня пошли дѣла немного лучше: я нанялся дѣлать въ аптеку Тейнера коробки для лекарствъ. Рублей шесть выработаю въ мѣсяцъ. Весною, въ 5 часовъ, кромѣ Палаты [1]), постоянно за работой; поэтому такъ трудно и пишу теперь, что хочется побольше поработать.

Я тебѣ въ прошедшемъ мѣсяцѣ послалъ письмо, гдѣ благодарилъ за твое *добро* [2]), не знаю, получилъ [3]) его; поэтому опять скажу, что благодарность моя будетъ навсегда.

Извини за краткость письма. Спрашивать когда что будешь, то я буду отвѣчать подробно.

Твой братъ Михаилъ Благообразовъ.

Жена тебѣ кланяется и поздравляетъ.

Любезный мой Николенька!

Я такъ давно тебѣ не писала за своими домашними хлопотами, что не знаю, съ чего и начать. Хорошо что теперь случай: твои именины, а потому поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, желаю отъ души тебѣ счастія на этотъ годъ. Я все по прежнему тебя люблю, и не думай, что сержусь за что нибудь на тебя. Ты мнѣ—все тотъ же Николенька маленькій; старайся быть и ко мнѣ по прежнему. Мы живемъ, слава Богу, порядочно; Ваня началъ учиться писать, и понимаетъ довольно. Ниночка живетъ еще у насъ съ мужемъ; она хороша и онъ очень добръ къ ней и даже балуетъ ее, какъ ребенка; есть надежда, что такъ и будетъ жить. Внучка у меня хорошѣетъ и скоро дожидаемся, что будетъ ходить. Объ Анночкѣ писать, пока, нечего, но много не думай о ней: Василій Ивановичъ пока живъ— будетъ хорошо, потому-что старается для нихъ слишкомъ [4]) много; жаль только, что Елена Ефимовна [5]) все нездорова: она такъ любитъ Лизу. Катенька ко мнѣ давно не пишетъ, потому вѣрно, что я рѣдко пишу ей. Желаю тебѣ быть здоровымъ и не забывать всегда любящую тебя тетку твою Фавсту Благообразову.

---

1) То есть: кромѣ тѣхъ дней, когда надобно быть вечеромъ въ Палатѣ, я съ 5 часовъ постоянно и т. д.

2) За добро, сдѣланное мнѣ присылкою денегъ.

3) По недосмотру пропущено „ли ты".

4) Очень много.

5) Жена Василія Ивановича.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

15 мая 1858 г.

Поспѣшаю отвѣчать тебѣ на письмо твое, мой прекрасный Николай Александровичъ. Деньги получилъ. Радуюсь, что у тебя все хорошо. И у меня идетъ на порядокъ: завтра Елена обѣщается встать съ постели; покуда только еще..

Пожалуйста, пришли адресъ изъ Старой Русы; тогда я тебѣ напишу подробно обо всемъ, а нынѣ замучили въ комитетѣ, некогда.

Чаю нѣтъ въ лавкѣ Болотова [1]): вышелъ красный и цвѣточный, а фамильный не стоитъ покупать. Въ другихъ лавкахъ есть, но цѣна не дешевая, и тѣмъ невыгоднѣе обойдется покупка, что дорога будетъ пересылка. Не лучше ли выписать изъ Москвы отъ Кириллова, который, какъ видно изъ газетъ, предлагаетъ выгодныя условія: а въ ярмарку готовъ съ удовольствіемъ послужить.

Я тебѣ на счетъ доброты-то нашей хочу описать поподробнѣе: есть хорошій у меня случай и много напишу.

В. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Москва, 26 мая 1858 г.

Только что получила письмо Ваше отъ 23-го, любезный Николай Александровичъ; прочитавъ сейчасъ, сажусь отвѣчать Вамъ и успокоить на счетъ ожидаемаго Вами моего порученія, что я хоть уже и сдѣлала (черезъ Алешу или черезъ Буслаева, не помню). Не имѣя отъ Васъ скораго отвѣта, я рѣшилась поручить мою коммисію князю Мурузи. которому даны были такого же рода порученія въ то же время Елизаветой Христофоровной [2]) и Софьей Алексѣевной. Лишь только наши бумаги были отправлены, я получила отъ Буслаева отвѣтъ Вашъ, порученный Вами ему мнѣ: сказать готовность Вашу исполнить мою просьбу; но и этимъ отвѣтомъ я не могла бы воспользоваться, потому что не знала Вашего адреса; онъ говорилъ мнѣ только мимоходомъ, что Вы живете *въ домѣ Долгорукова*, но на какой улицѣ, мнѣ не было извѣстно, а домовъ Долгоруковыхъ, полагаю, въ Петербургѣ не одинъ. Теперь же я очень рада, что Вы мнѣ положительный даете адресъ Вашъ, по которому я съ увѣренностью могу послать это письмо. Мнѣ жаль, что неумышленно какъ съ Вашей, такъ и съ моей стороны мы навели другъ другу нѣкоторое безпокойство. Вѣрьте, что я нисколько не виню Васъ, что Вы замедлили отвѣтомъ на первое письмо мое: Вы были нездоровы, а это причина неоспоримая; въ готовности же Вашей услужить мнѣ я нисколько не сомнѣваюсь. Жаль мнѣ, что Вы не говорите, куда Вы

[1]) Очевидно, Николай Александровичъ опять просилъ Василія Ивановича купить чаю для И. И. Срезневскаго, какъ въ 1857 году.

[2]) Матерью Софьи Алексѣевны Пальчиковой и княгини М. А. Трубецкой.

рѣшились ѣхать и вообще жаль расположенія Вашего духа; какое-то découragement видно въ Вашихъ письмахъ. Я понимаю, что это происходитъ отъ одиночества; но надѣюсь, что это мало-по-малу пройдетъ. Я вижу, что Ваши занятія, о которыхъ Вы говорите болѣе нежели съ скромностью, а съ униженіемъ (humilité) Васъ интересуютъ только по денежной пользѣ, что они Вамъ приносятъ. Если бы Вы писали съ увлеченіемъ, было бы иначе, и Вы бы не имѣли время *тосковать*. Я не прощаю Вамъ, что Вы не хотите мнѣ сказать, подъ какимъ именемъ Вы выдаете Ваши статьи, и досадую, что можетъ быть читаю ихъ, не зная, что онѣ Вами писаны. Ежели Вы желаете знать что объ насъ, то скажу Вамъ, что Елизавета Христофоровна съ Sophie ѣдетъ на лѣто въ нашу псковскую деревню, а я съ Marie остаюсь здѣсь и ѣдемъ вмѣстѣ за 60 верстъ въ деревню къ князевой теткѣ графинѣ Потемкиной, а князь будетъ разъѣзжать по своимъ удѣламъ, что продолжится, можетъ быть, до сентября. Оленька съ мужемъ уѣхала въ Эмсъ, куда ее доктора почти насильно послали. Про Вашихъ я ничего не могу Вамъ сказать, потому что съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Нижній, ничего о нихъ не знаемъ. Они лишились большой подпоры и участницы въ судьбѣ ихъ въ потерѣ Александры Максимовны [1]), которой смерть и насъ очень огорчила. У насъ былъ здѣсь недавно Борисъ Ефимовичъ [2]); очень жалокъ, сильно чувствуетъ свою потерю. Но пора мнѣ кончить мое письмо, пишу его ужъ свѣчку погася. Кончаю не 26, а 27 мая. Итакъ прощайте, любезный Николай Александровичъ, будьте здоровы и не скучайте жизнью, она еще, можетъ быть, много готовитъ Вамъ хорошаго.

Многоуважающая Васъ Е. Пещурова.

ПИСЬМО А. П. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(*Написано весною или въ началѣ лѣта 1858*; *вѣроятно*, *въ маѣ*).

Отъ чего это зависитъ, любезный Николай Александровичъ, что я никакъ не могу списаться съ тобою? Напишу къ тебѣ письмо и непремѣнно или я тебя чѣмъ нибудь оскорблю, или ты чѣмъ нибудь оскорбишься. Кажется, это зависитъ отъ несовсѣмъ ясной опредѣленности нашихъ отношеній.

Припоминаю прошедшее свое письмо. Въ немъ только и есть одна фраза—досадная, помѣщенная въ самомъ началѣ и заставившая сказать тебѣ, что ты не считаешь себя связаннымъ со мною узами учтиваго этикета и не думалъ найти во мнѣ человѣка, который бы въ состояніи былъ объяснить твое молчаніе признакомъ гордости, пренебреженія и т. п. Я замѣтилъ эту фразу самъ, хотѣлъ вычеркнуть ее и оставилъ ее собственно потому, что ты, зная обста-

---

[1]) Прутченко.
[2]) Прутченко.

новку настоящей моей жизни, зная мысль, которая преслѣдуетъ меня или которую преслѣдую я (почти безуспѣшно) и наконецъ, помня уваженіе (это не комплиментъ, а правда, которую, впрочемъ, я не хотѣлъ высказывать) которое я имѣлъ и имѣю къ тебѣ,—поймешь настоящую причину, заставившую меня написать эти слова, и прочтешь безъ всякаго гнѣва. Благодарю тебя за комплиментъ, что я настолько искусился въ правилахъ общежитія, что въ состояніи сердиться и сердиться серьезно на тебя только за то, что ты не отвѣчалъ мнѣ съ слѣдующей почтой. Жалѣю только, что этотъ комплиментъ выслушиваю отъ тебя.

А ужь гдѣ увидалъ мое смиреніе паче гордости—я рѣшительно не постигаю. Я и теперь готовъ повторить тебѣ то же самое и повторю рѣшительно отъ души. Такъ скудна интереснымъ настоящая моя жизнь, такъ мало новостей въ ней, что право, весь интересъ, всѣ новости уложишь въ одно письмо, а для всѣхъ другихъ писемъ остается однообразное повтореніе прежняго—скуки, скуки, скуки... Безъ сомнѣнія, кому же могутъ быть интересны подобныя завыванія, постоянная музыка на одинъ и тотъ же мотивъ. Признаюсь, я самъ бы вовсе не интересовался подобными письмами, а о другихъ людяхъ я судилъ по себѣ. Я имѣю настолько силы, чтобы не сердиться на людей, когда они поступаютъ со мной такъ, какъ поступилъ бы я, хотя не въ силахъ освободиться отъ томительной досады, когда самому приходится быть въ томъ же положеніи.— — Я не думалъ скрывать предъ тобой своей досады. Конецъ моего письма... Да, впрочемъ, къ чему писать апологіи прошедшаго своего письма.— —

Эхъ, Николай Александровичъ! Чѣмъ болѣе я дорожу твоимъ сочувствіемъ къ себѣ, чѣмъ болѣе хлопочу о поддержаніи твоего сочувствія ко мнѣ, тѣмъ, кажется, болѣе и болѣе зижду основаній для полнѣйшаго равнодушія [1]. Первый камень уже положенъ и камень чрезвычайно крѣпкій. По крайней мѣрѣ я не могу иначе объяснить твоихъ словъ: «писать письма интимныя... у меня вовсе нѣтъ свободнаго времени». Слова чрезвычайно горькія.— —

Златовратскій.

ПЬСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

Старая Руса, Дмитріевская улица,
домъ Гольтяева 7 іюля.

Вздумалъ я тебѣ, Александръ Петровичъ, написать изъ Старой Русы посланіе; но взявшись за перо, я остановился въ недоумѣніи,— о чемъ писать? Увѣряю тебя, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ написать путное письмо къ тому, съ кѣмъ годъ не видался и къ кому уже четыре мѣсяца не писалъ. За что ни хватишься, все отбивается отъ рукъ. Къ моему вящшему горю, я не захватилъ съ собою послѣдняго письма твоего, на которое могъ бы отвѣчать, слѣдя его строчку за

[1]) Подразумѣвается: „твоего ко мнѣ“.

строчкой. Помнится, ты меня тамъ бранилъ за что-то, находилъ, что я, кажется, каждый мѣсяцъ мѣняю убѣжденія, только не къ лучшему, виляю безпрестанно изъ стороны въ сторону, и еще что-то такое... боюсь, чтобы не наврать лишняго. Помню только, что письмо было такъ строго, что я ожидалъ отъ него окончанія, въ родѣ слѣдующаго: «такъ какъ, дескать, ты, почтеннѣйшій, палъ духомъ, унизился предъ авторитетами въ родѣ Аксакова, не имѣешь никакихъ убѣжденій или тортуешь ими, то—извини—переписка наша должна этимъ кончиться». Я уже заранѣе сокрушался духомъ, предчувствуя, что и ты, tu quoque, хочешь оставить меня, подобно Турчанинову, Александровичу, Сциборскому, Щеглову (котораго, впрочемъ, не нужно смѣшивать съ первыми). Къ счастію, предчувствіе мое не оправдалось: письмо оканчивалось комплиментами и просьбой—отвѣчать тебѣ. Тутъ только я вздохнулъ свободнѣе и отказался отъ намѣренія оправдываться предъ тобою, которое возъимѣлъ было я, читая первую половину письма. Впрочемъ, сообщу тебѣ, что какъ бы письмо ни оканчивалось, а оправдываться я все-таки не сталъ бы: это не въ моихъ правилахъ. По моему, если я сказалъ или сдѣлалъ что нибудь такое, за что меня осуждаютъ другіе, то ужъ тутъ нѣтъ оправданія: значитъ, мои слова или поступки *имѣли такой видъ*, что могли подать поводъ къ осужденію. Слѣдовательно, или я виноватъ, что не умѣлъ имъ придать добраго вида, и тогда я дѣйствительно виноватъ; или же и видъ ихъ былъ добрый, да только не по вкусу осуждающихъ,—въ такомъ случаѣ я имѣю полное право презирать вкусъ осуждающихъ. И въ томъ и другомъ случаѣ оправданіе не имѣетъ мѣста. Вообще я могу одобрить только оправданіе по необходимости, когда иначе меня сейчасъ казнятъ, и оправданіе публичное, когда мірская сходка потребуетъ, чтобъ я разрѣшилъ ея недоумѣнія касательно моей личности. Во всѣхъ другихъ случаяхъ оправданія тотчасъ съѣзжаютъ на любовное объясненіе... и для влюбленныхъ они дѣйствительно хороши.

По симъ соображеніямъ не оправдывайся и ты передо мной въ томъ, что обвинялъ меня въ подлости, измѣнѣ убѣжденіямъ, горькомъ паденіи и т. п. Если ты въ этомъ раскаялся, то извѣсти меня, что молъ я раскаялся; если же нѣтъ, то прими слѣдующій совѣтъ. Прочти послѣдовательно и внимательно всю критику и библіографію нынѣшняго года, всю написанную мною (исключая статьи Костомарова въ первой книжкѣ) да статью о Щедринѣ въ прошломъ годѣ, въ декабрѣ, да библіографію прошлаго года съ сентября, въ «Современникѣ»—тамъ тоже почти все писано мною, исключая трехъ или четырехъ рецензій, которыя не трудно отличить. Прочти все это, и если чтеніе убѣдитъ тебя, что я дѣйствительно человѣкъ безъ убѣжденій, виляющій изъ стороны въ сторону и падающій ницъ предъ авторитетами, словомъ, если я дѣйствительно подленькая душонка, то ужъ не пиши ко мнѣ лучше вовсе. Меня ужъ не научишь, я все такимъ негоднымъ останусь. Слѣдовательно, продолженіе сношеній со мною будетъ безполезно даже и съ филантропической точки зрѣнія. Чувствительное сердце мое будетъ, конечно, сокрушаться о потерѣ благородныхъ друзей; но что дѣлать? Я уже привыкъ отчасти къ подобнымъ ударамъ рока.

Мнѣ пришло теперь въ голову твое выраженіе, что мы «никакъ не можемъ списаться». Можетъ быть, и это письмо тоже должно быть отнесено къ разряду такихъ неклеящихся писемъ. И все это отчего? Оттого, готовъ я сентиментально повторить съ Майковымъ что—

Ахъ, не одна у насъ дорога!
То, чѣмъ я гордъ, тебя пугаетъ,
И не увѣруешь ты въ Бога,
Который духъ мой наполняетъ.

Стихи мерзки, но въ заключеніе письма, соображая чистоту и крѣпость твоихъ убѣжденій и нравственную стойкость и возвышенность, я приведу еще два стиха изъ того же глупого стихотворенія:

Ахъ, мчись скорѣй въ свой міръ надзвѣздный,
Но не зови меня съ собою!

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Старая Руса. Дмитріевская улица,
домъ Гольтяева.

8 іюля 1858 г.

Много виноватъ я передъ Вами, великодушнѣйшая Елизавета Никитична, что долго не отвѣчалъ на послѣднее письмо Ваше, котораго я рѣшительно не стою. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга я оканчивалъ нѣкоторыя спѣшныя дѣла, а по пріѣздѣ сюда какъ-то все былъ очень разбросанъ до сихъ поръ, и не зналъ, за что приняться. Здѣсь люди живутъ очень весело, и я могу веселиться вмѣстѣ съ ними, если только захочу. Но, къ сожалѣнію, веселое общество какъ-то мало веселитъ меня, и едва ли расположеніе моего духа, за которое Вы упрекаете меня, перемѣнится здѣсь къ лучшему. Вы очень хорошо угадали мое душевное состояніе въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ, и я не знаю, какъ мнѣ благодарить Васъ за то, что Вы не оскорбились имъ, а, напротивъ, такъ кротко и радушно меня образумили. Въ этакихъ случаяхъ я узнаю истинное расположеніе и участіе, и Вашъ поступокъ (потому, что въ письмѣ Вашемъ я вижу не одни слова, а именно *поступокъ* въ отношеніи ко мнѣ) будетъ для меня служить вѣчнымъ памятникомъ Вашего благодѣтельнаго участія въ моей судьбѣ.

Мнѣ горько признаться Вамъ, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ своей не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки умственнаго превосходства. Кромѣ того, я ли-

шенъ и матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія знаній и развитія своихъ идей въ томъ видѣ, какъ я бы желалъ и какъ нужно было бы. Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и прохожу въ умѣ то, надъ чѣмъ до сихъ поръ я бился. Лѣтъ съ шести или семи я постоянно сидѣлъ за книгами и рисунками. Я не зналъ дѣтскихъ игръ, не дѣлалъ ни малѣйшей гимнастики, отвыкъ отъ людскаго общества, пріобрѣлъ неловкость и застѣнчивость, испортилъ глаза, одеревенилъ всѣ свои члены... Если бы я захотѣлъ теперь сдѣлаться человѣкомъ свѣтскимъ, то не могъ бы уже по самому устройству моего организма, которое пріобрѣлъ я искусственно. А между тѣмъ—и въ дѣлѣ науки и искусства я не пріобрѣлъ ровно ничего. Лѣтъ пять рисовалъ я разныхъ солдатиковъ, и теперь не могу вывести ни собачки, ни домика, ни лошадки...Читалъ я пропасть книгъ, но что читалъ,—если бы Вы знали!.. Недавно перебиралъ я свои старинныя тетрадки, и нашелъ, что въ 13—14 лѣтъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о вещахъ, которыя хорошо извѣстны моимъ теперешнимъ десятилѣтнимъ ученикамъ и даже ученицамъ. Чего же Вы хотите? Пятнадцати лѣтъ я началъ учиться по нѣмецки, и до сихъ поръ еще не безъ труда читаю ученыя нѣмецкія книги,—а повѣсти ихъ [1]) и теперь не умѣю читать. По французски сталъ я учиться на восьмнадцатомъ году, и если теперь читаю на этомъ языкѣ, то именно благодаря Вамъ. Англійскаго до сихъ поръ не знаю... Сколькихъ же сокровищъ знанія лишенъ я былъ, до двадцати лѣтъ умѣя читать только русскія книги!.. Да и изъ русскихъ книгъ я читалъ не то, что было нужно, и до послѣдняго времени остался какимъ-то недоумкой... Мнѣ тяжело и грустно бываетъ, когда мои теперешніе знакомые и пріятели начинаютъ иногда говорить со мною, какъ о вещахъ, извѣстныхъ всѣмъ, о такихъ предметахъ науки и искусства, о которыхъ я не имѣю понятія... Я тогда терзаюсь и сержусь, и хочу все время посвятить ученью... Но—это легко сказать... Пора ученья прошла. Теперь мнѣ нужно работать, для того, чтобы было чѣмъ жить... А работа моя, къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно... Я самъ удивляюсь, какъ меня стаетъ на это, и этимъ я измѣряю силу моихъ природныхъ способностей... Иногда мнѣ приходится встрѣчать людей тупыхъ и безполезныхъ, но громадными средствами обладающихъ для образованія и развитія себя. Тогда я думаю: если бы я такъ былъ воспитанъ, если бы я столько зналъ и имѣлъ средствъ—какой бы замѣчательный человѣкъ изъ меня вышелъ!.. Но за неимѣніемъ этого, я работаю,—пишу кое какъ;—и какъ же Вы хотите, чтобы мое писанье составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, чтó пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ, и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ... Чтобы удовлетворить Вашему желанію, скажу Вамъ, что мною писана вся критика и библіографія въ «Современникѣ» нынѣшняго года. Не правда ли, что Вы

---

[1] То-есть: нѣмцевъ.

никогда ни разрѣзали ни одной страницы изъ этого отдѣла журнала?.. И не правъ ли я былъ, говоря, что статей моихъ Вы, какъ и бо́льшая часть читателей, никогда не могли не только прочитать, но даже и замѣтить?

Впрочемъ, пора мнѣ прекратить мою исповѣдь; она очень скучна. Здѣшняя жизнь гораздо веселѣе. Если бъ я могъ, то проводилъ бы все время въ полномъ удовольствіи. Душа здѣшняго общества-семейство Неклюдовыхъ, можетъ быть не безъизвѣстныхъ Вамъ, потому что они помѣщики псковскіе. Михаилъ Михайловичъ Неклюдовъ живетъ здѣсь для новаго устройства военныхъ поселеній, обращенныхъ въ удѣльное вѣдомство. Иванъ Ивановичъ Панаевъ познакомилъ меня съ нимъ, а черезъ него знакомлюсь я и со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ... Только у меня все какъ-то душа не на мѣстѣ... Напишите мнѣ нѣсколько строкъ въ Старую Русу, добрая Елизавета Никитична; Ваши письма какъ-то утѣшаютъ меня. Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Всѣмъ Вашимъ глубокое мое почтеніе.

ПИСЬМО А. П. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

(*Писано послѣ письма Н. А—ча отъ 7 іюля 1858, въ іюлѣ или августѣ 1858; вѣроятно, около 12 іюля*).

Въ 11 часовъ вечера мнѣ подали два письма: одно отъ тебя, другое отъ Михайловскаго—отъ двухъ лицъ, переписка съ которыми освѣжала готовыя завянуть мои нравственныя силы и сообщала хоть какой-нибудь колоритъ моей жизни среди почти безцвѣтной, скучной и однообразной рязанской учительской среды.— —

Я получилъ письмо отъ Славутинскаго, автора «Исторіи моего дѣда», «Читальщицы» и «Трифона Аѳанасьева», который помѣщенъ будетъ въ одной изъ августовскихъ или сентябрскихъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» [1]).— —Онъ проситъ меня— —«написать Добролюбову»—не можетъ ли «Современникъ» напечатать первыя пять главъ «Праваго дѣла» (которое, въ скобкахъ, мнѣ нравится лучше всѣхъ поименованныхъ статей), продолженіе котораго онъ будетъ высылать, по мѣрѣ изготовленія.— —«Русскій Вѣстникъ», по его словамъ, въ восторгѣ отъ этого «Дѣла» и не помѣщаетъ потому, что «не принято въ немъ печатать неоконченныхъ пьесъ». Сдѣлай милость, скажи, что́ мнѣ отвѣтить ему. Главы—превосходны. Ты, конечно, посовѣтуешь переслать въ редакцію, какъ и совѣтовалъ; но ему хочется найти во мнѣ поруку, что его «Дѣло» не пропадетъ, и если редакція не найдетъ удобнымъ помѣстить, такъ оно назадъ пріѣдетъ въ Рязань. Само собою разумѣется, я могу поручиться только

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ выходилъ тогда два раза въ мѣсяцъ.

тогда, когда ты завѣришь меня своимъ словомъ и примешь подъ свое покровительство «Правое дѣло».— —

Я не такъ несчастливъ, какъ ты. Письмо твое предъ моими глазами и я могу, если только захочу, «отвѣчать, слѣдя его строчку за строчкой» [1]). Извиняться, а тѣмъ болѣе оправдываться предъ тобою я не стану. Объясню тебѣ, сколько могу припомнить, содержаніе своихъ писемъ, на которыя ты намекаешь. На два письма ты указываешь. Въ одномъ я говорилъ о разборѣ книги Милюкова и «Невскаго альбома», въ другомъ о разборѣ книги Аксакова. Въ первомъ, собственно говоря, не было рѣчи объ убѣжденіяхъ, я говорилъ о перемѣнѣ взгляда на практическіе пріемы и научныхъ воззрѣній. Право, извини (впрочемъ, я не извиняюсь), до сихъ поръ не понимаю твоего глумленія надъ статьею Лайбова о Пушкинѣ за то, что она азы говоритъ о художественности произведеній Пушкина, а не отличается такимъ фактическимъ направленіемъ, какъ статья —*бова* по поводу книжки Милюкова. Ты, можетъ быть, скажешь, что ругаешь Лайбова за повтореніе всѣмъ извѣстнаго; но я, какъ посторонній читатель, не имѣю права думать такъ, какъ ты. Рецензія на критику Лайбова и критика —*бова* помѣщена въ одномъ нумерѣ и послѣдняя критика поставлена, т. е., какъ бы въ примѣръ Лайбову. *Лайбовъ* и —*бовъ*—ты; но въ ихъ статьяхъ вижу приложеніе различныхъ критическихъ пріемовъ и притомъ —*бовъ* ругаетъ пріемы Лайбова. Выводъ, кажется, логиченъ. Сравнивалъ, кажется, я еще критику —*бова* съ диссертаціей Ведрова, разборъ которой, какъ я писалъ, не знавши, что ты ее писалъ, доставилъ [2]) чрезвычайное наслажденіе. Но, во-первыхъ, я предлагалъ свои услуги высказать основанія—почему это мнѣ такъ кажется, и во-вторыхъ, *смиренно* признавался, что я легко могу ошибаться, и *просилъ* освободить меня отъ ошибки. То же самое говорилъ я и о научныхъ воззрѣніяхъ. На это письмо я не получилъ отвѣта (оно адресовано было не къ тебѣ [3]) и, признаюсь, ужасно злился и скорбѣлъ. Ты его читалъ—это несомнѣнно, и не сказалъ ни слова.— —Ты отвернулся, такъ мнѣ представилось, и посмѣялся надъ моею глупостью. Мнѣ очень было обидно, но я сносилъ эту обиду чисто *по-христіански*. Я не сердился на другихъ, а злился на самого себя.— —Я снова перечелъ статью —*бова*, я говорилъ объ ней въ своемъ кружкѣ и снова остался при прежнемъ объ ней мнѣніи [4]), не переставая въ то же

---

[1]) Выраженіе, взятое изъ письма Николая Александровича отъ 7 іюля.

[2]) По недосмотру пропущено „мнѣ“.

[3]) А къ Н. М. Михайловскому (товарищу по Институту).

[4]) А. П. Златовратскій построилъ свои обвиненія на недоразумѣніяхъ очень наивныхъ.

Въ статьѣ о книгѣ г. Милюкова („Современникъ“ 1858, № 2; „Сочиненія Н. А. Добролюбова“, изданіе 1885 г., томъ 1, стран. 449—499), смутили А. П. Златовратскаго слова, смыслъ которыхъ совершенно ясенъ. Тамъ говорится, что когда нельзя было писать ни о чемъ серьезномъ, то вмѣсто разъясненія дѣйствительно важныхъ вопросовъ исторіи русской литературы изслѣдователи ея занимались библіографическими мелочами; а когда стало можно писать о чемъ-нибудь менѣе пустомъ, чѣмъ эти мелочи, то даже и люди, занимавшіеся прежде ими, стали изслѣдовать вопросы важные. („Совр.“ 1858 № 2, критика и библіографія, стран. 113, 114; „Сочин. Н. А. Д.“, 1885, томъ 1, стран. 449).

время уважать *—бова* за прежнія статьи, и въ этомъ случаѣ я не насиловалъ своихъ чувствъ. Мнѣ горько было, что *—бовъ*-то не уважаетъ моихъ мнѣній. И вотъ *—бовъ* пишетъ письмо, въ которомъ прямо пишетъ, что онъ меня всегда любитъ, а теперь и *уважаетъ*. Признаюсь, моему самолюбію очень понравилось это словечко, но въ то же время, голова невольно задала вопросъ: за что же? который я такъ наивно и высказалъ въ послѣднемъ письмѣ. Нужно было имѣть

Кажется, трудно было перетолковать это въ томъ смыслѣ, что —бовъ (какъ подписался Николай Александровичъ подъ этой статьей) противорѣчитъ Лайбову, написавшему статью о „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“, въ которой изслѣдуются важные вопросы и съ пренебреженіемъ говорится о работахъ тѣхъ библіографовъ, которые занимались лишь пустыми мелочами. Но А. П. Златовратскій смутился и огорчился за Лайбова.—Возникновенію этого неразумѣнія помогло то, что онъ не понялъ досады, съ которой Николай Александровичъ въ томъ же нумерѣ журнала (въ февральской книжкѣ 1858) говорилъ о запоздалости появленія статьи, которую написалъ онъ за полтора года передъ тѣмъ для сборника, задуманнаго г. Крыловымъ.—А. П. Златовратскій по ошибкѣ памяти называетъ эту книгу „Невскимъ сборникомъ“; дѣйствительное ея названіе было „Русскій иллюстрированный альманахъ“. Рецензія ея не вошла въ собраніе „Сочиненій Н. А. Добролюбова“, какъ не вошли многія другія мелкія статьи его. Объяснивъ происхожденіе книги, приведемъ начало рецензіи о ней, опечалившее А. П. Златовратскаго.

Г. Крыловъ, которому принадлежали клише „Иллюстраціи“, задолго до 1856 года прекратившейся, хотѣлъ воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ; онъ вздумалъ въ 1856 году издать сборникъ, къ статьямъ котораго годились бы клише, казавшіяся ему сохранившими интересъ. Однимъ изъ этихъ рисунковъ былъ портретъ Пушкина. Г. Крыловъ попросилъ Николая Александровича написать для его сборника статью о Пушкинѣ. Николай Александровичъ написалъ ее. Но тѣ литераторы, которые обѣщались написать другія статьи, медлили писать ихъ; дѣло тянулось, тянулось, и сборникъ составился кое-какъ лишь въ началѣ 1858 года, полутора годами позднѣе того времени, въ которое долженъ былъ выйти. Когда Николай Александровичъ писалъ свою статью о Пушкинѣ, мысли, высказываемыя имъ въ ней, имѣли интересъ новизны; а въ тѣ полтора года онѣ утратили его и статья имѣла теперь видъ повторенія чужихъ, всѣмъ извѣстныхъ мыслей. Николаю Александровичу было это досадно, и онъ начинаетъ рецензію „Сборника“ ѣдкимъ выраженіемъ досады на появленіе своей статьи о Пушкинѣ, предотвратить котораго не могъ.—Другія статьи „Сборника“ были плохи; многія клише были взяты избитыя, а всѣ оттиснуты небрежно, такъ что и рисунки вышли плохіе. Потому, тонъ всей рецензіи—порицаніе. Но для насъ теперь имѣетъ важность только начало ея, говорящее о статьѣ Лайбова. Вотъ оно:

„РУССКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХЪ“.

„Вы открываете первый листъ, и видите портретъ какого-то кислаго, до нельзя сморщеннаго господина, окруженный какими-то финтифлюшками. Подъ портретомъ подпись: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Непосредственно за симъ портретомъ слѣдуетъ статейка о Пушкинѣ, съ подписью: Н. Лайбовъ. Мы полагали, что г. Лайбовъ удовольствовался громкою извѣстностью, которую доставило ему нѣкогда остроуміе г. Галахова, удостоившаго дать ему щелчокъ и назвать его верхоглядомъ и вѣтренной мельницей. По крайней мѣрѣ, послѣ убійственной, хотя и тонкой, критики г. Галахова, имя г. Лайбова исчезло изъ литературы, и не было о немъ ни слуху, ни духу. Мы уже думали, что сей пылкій библіографъ, столь презрительно отозвавшійся о великой наукѣ библіографіи, съ горя „смертію прекратилъ жизнь свою“. Но вотъ онъ опять является, только—увы! въ какомъ видѣ! Теперь ужь г. Галаховъ на него и нападать не станетъ. Статейка о Пушкинѣ, занимающая 12 страницъ, повторяетъ всѣмъ извѣстные факты біографіи Пушкина и всѣмъ извѣстныя мысли о его талантѣ. Подъ статьею выставленъ 1856 годъ. Не знаемъ, какъ тогда, но теперь неужели кому-нибудь интересны

уже самыя скромнѣйшія о себѣ мнѣнія, а о тебѣ самыя сквернѣйшія, чтобы твое «уваженіе» понять въ обратномъ смыслѣ. Я понялъ буквально, но не видѣлъ основаній. Я прочиталъ твою статью объ Аксаковѣ и первая похвальная страница показалась тоже не имѣющей основаній и, къ ужасу! встрѣтилъ даже слово «авторитетъ», который мѣшаетъ ему заняться серьезнымъ разборомъ съ художественной стороны, а дозволяетъ ему пользоваться книгой Аксакова, какъ Евангеліемъ, изъ котораго онъ, à la Иннокентій, составляетъ сочиненіе подъ названіемъ «Послѣдніе дни земной жизни стараго боярства». Къ несчастію, я не имѣю подъ руками «Современника», чтобы провѣрить себя. Я прочелъ твое письмо. Въ немъ ты говоришь о хандрѣ. И вотъ А. П., возмнивъ о себѣ очень высоко и вполнѣ сочувствуя больному человѣку, началъ ему писать наставленія, что ты, дескать, въ хандрѣ не разрушай своихъ прежнихъ святыхъ убѣж-

---

и новы будутъ мысли о томъ, что Пушкинъ не имѣлъ прочнаго образованія, былъ испорченъ съ самаго начала вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ—своихъ гувернеровъ, увлекался разными порывами, пока живописная природа Кавказа и Тавриды не замѣнила для него всѣхъ внутреннихъ вопросовъ, что впослѣдствіи онъ предался исключительной художественности, которой ужь мы теперь не довольствуемся, и пр. и пр. Полтора года тому назадъ все это, можетъ быть, еще имѣло какой-нибудь интересъ; но къ чему было издавать это теперь, когда уже и о Пушкинѣ, и о художественности, и объ общественныхъ вопросахъ наговорено столько хорошихъ вещей". („Соврем." 1858, № 2, критика и библіографія, стран. 178—179).

Въ то время всѣмъ читателямъ русскихъ журналовъ было еще памятно пораженіе, которому подвергся А. Д. Галаховъ, написавшій большую статью противъ статьи Лайбова о „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова": отвѣтъ Лайбова (помѣщенный въ „Современникѣ" 1856 г., № 11, „Замѣтки о журналахъ"; „Сочиненія Н. А. Добролюбова", 1885, томъ 1, стран. 89—95) заставилъ А. Д. Галахова стыдиться: всѣ хохотали надъ нимъ, онъ сталъ заискивать милости Добролюбова, познакомился съ нимъ, сталъ оказывать услуги ему. А. П. Златовратскій не догадался, какой смыслъ имѣютъ слова объ „остроуміи г. Галахова, удостоившаго дать щелчокъ" Лайбову и т. д.—Это была насмѣшка надъ г. Галаховымъ.

Не менѣе наивно недоразумѣніе относительно смысла тѣхъ выраженій, которыя огорчили А. П. Златовратскаго въ статьѣ Николая Александровича о книгѣ С. Аксакова „Дѣтскіе годы Багрова внука";—тѣ мѣста, которыми смутился А. П. Златовратскій, осмѣиваютъ восхищеніе журналистовъ „Семейной хроникой" С. Аксакова, говорятъ, что единственнымъ достоинствомъ этой книги было историческое значеніе воспоминаній, переданныхъ въ ней; но что воспоминанія эти, написаны плохо, растянуто, что авторъ ихъ выказалъ себя человѣкомъ слабымъ по уму и бездарнымъ, что новую книгу его не стоитъ и разбирать, умно ли и хорошо ли написана она, что можно лишь пользоваться историческимъ матеріаломъ, находящимся въ ней, какъ пользуются историки нашего быта „Записками" Болотова, о которыхъ всѣ согласны, что онѣ написаны очень плохо; С. Аксаковъ пишетъ не лучше Болотова. Осмѣяніе похвалъ уму и таланту С. Аксакова было самое полное, самое ѣдкое.—Но А. П. Златовратскій принялъ всѣ ироническія выраженія Николая Александровича въ буквальномъ смыслѣ и вообразилъ, что статья его—панегирикъ Аксакову.

Недоразумѣнія А. П. Златовратскаго были очень наивны. Но еще несравненно замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи случай такого же рода, происшедшій черезъ годъ;—удивительное недоразумѣніе, въ которое впалъ при чтеніи „Литературныхъ мелочей прошлаго года" Николая Александровича одинъ изъ знаменитѣйшихъ и дѣйствительно лучшихъ дѣятелей русской литературы. Въ своемъ мѣстѣ, мы разскажемъ эту исторію, на сколько она можетъ быть предметомъ печатнаго разсказа теперь, когда еще живъ одинъ изъ участниковъ того спора.

деній. Впрочемъ, онъ скорѣе согласится въ томъ, что не понялъ прочитаннаго, чѣмъ въ справедливости того, что̀ осталось у него въ головѣ послѣ чтенія. Жалѣю, что сію минуту я не имѣю «Современника». Вотъ я и теперь, хоть зарѣжь, не понимаю стиховъ Майкова и не вижу цѣли, въ которой они направлены. «Соображая» то, что̀ ты говоришь далѣе о «чистотѣ и крѣпости моихъ убѣжденій», я принимаю ихъ за самый злой сарказмъ.— — Вся бѣда въ томъ, что ты меня сталъ узнавать изъ писемъ, а для объясненія ихъ недостаетъ личнаго со мной знакомства. Еслибъ не домашнія обстоятельства. я непремѣнно увидался бы съ тобой въ нынѣшнемъ году для скрѣпленія дружественныхъ узъ или для окончательнаго разрыва ихъ.— —

Мнѣ хочется теперь дѣлать. Я вполнѣ счастливъ буду, если сдѣлаюсь редакторомъ газеты и дѣлопроизводителемъ по Статистическому Комитету, въ чемъ я не потерялъ надежды Но если нѣтъ? Будь, пожалуйста, добръ—назначай мнѣ работу.— — Есть у меня еще подъ руками разныя «Пчелы», «Чѣпи», крюковыя ноты, сборники, но я не знаю, что̀ съ ними дѣлать. Посовѣтуй. Да не пренебреги же.

Полный къ тебѣ уваженія Златовратскій.

2 часа ночи 13 дня.

P. S. Пожалуйста, Николай Александровичъ, имѣй побольше ко мнѣ снисхожденія и не считай за оправданіе объясненіе чего-нибудь непонятаго мной.

А. Златовратскій.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 16 іюля 1858*).

Несчастіе, тяготящее меня всею своею силою, все еще продолжается. Жена все больна больше и больше; вотъ уже пятый день не ѣстъ, а не умираетъ; а признаюсь: истинно ужь и этого желаю. Самъ боленъ былъ жестоко и теперь еще не поправляюсь. Все это даетъ мнѣ возможность отвѣчать тебѣ лишь коротенько на твое письмо. Если же я поправлюсь, то Володю можно прислать съ Драницынымъ, для чего пришли адресъ.

Кажется, полезно тебѣ прислать просьбу къ архіерею, прося его разрѣшенія;—нѣтъ, этого покуда не надо.—Объ Катенькѣ [1]) какъ нибудь похлопочемъ.

Ради Бога пиши почаще; да знаешь, поподробнѣе: меня твои письма развлекаютъ и утѣшаютъ.

Если и выпадетъ что, то обо мнѣ погоди хлопотать; во всякомъ случаѣ надо остаться здѣсь на полгода и окрѣпнуть.

В. Добролюбовъ.

16 іюля 1858 г.

---

[1]) О ея возвращеніи къ роднымъ.

Демидовъ теперь въ С.-Петербургѣ. Жду его, чтобы получить своихъ 1500 руб.— —. Получивши же эти деньги, я могу и въ С.-Петербургѣ появиться и прожить безъ особенной нужды, но здѣсь я рѣшительно только до смерти жены.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

Старая Руса. Дмитріевская улица,
домъ Гольтяева.

Іюля 17 дня, 1858.

Благодарю тебя, милый мой Jean, что ты ни разу не писалъ ко мнѣ; мнѣ передъ тобою не такъ совѣстно, какъ передъ Шемановскимъ, которому не отвѣтилъ я на два письма. Скажи мнѣ, если знаешь, гдѣ онъ теперь.

Пишу къ тебѣ затѣмъ, чтобы узнать, въ Москвѣ ли ты и могу ли я къ тебѣ пріѣхать около 10 августа. Въ это время кончится курсъ моего леченія на здѣшнихъ водахъ, останется свободная недѣля, и мнѣ хотѣлось бы употребить ее на свиданье съ тобой, на воспоминаніе нашей, такъ позорно забытой, дружбы. Пожалуйста, мой Jean, не обращай вниманія на эту забывчивость твоего друга, какъ и я на нее не обращаю вниманія. Смѣшно было бы намъ заниматься въ письмахъ гигіеническими наблюденіями надъ собственными особами; а то, чтó я хотѣлъ бы въ самомъ дѣлѣ пересказать тебѣ, чтó я *долженъ* по праву дружбы тебѣ открыть, того я ни за что въ мірѣ не напишу въ письмѣ. Заочно плохая дружба, все равно какъ и любовь. Вотъ почему я хочу съ тобой видѣться, чтобы поддержать потухающій огонь ея. Въ недѣлю, которую могу пробыть я въ Москвѣ, мы столько наговоримъ другъ съ другомъ, сколько и въ десять лѣтъ не напишешь. Отвѣчай мнѣ скорѣе на это письмо двумя строчками. Длинныя письма пойдутъ потомъ, когда мы введемъ другъ друга въ тайны собственной жизни. Прощай, мой добрый другъ. Желаю въ эту минуту одного — чтобы письмо мое нашло тебя въ Москвѣ.

Твой всегда неизмѣнно

Н. Добролюбовъ.

Адресъ твой пишу наобумъ. Напиши мнѣ, гдѣ живешь ты.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ.

(*Отъ 24 іюля 1858*).

24 іюля. Старая Руса. Дмитріевская улица,
домъ Гольтяева.

Любезнѣйшій дядюшка Лука Ивановичъ и любезнѣйшая тетушка Варвара Васильевна, съ милыми сестрицами Аннушкой, Соничкой и Машенькой и съ братцемъ Митрофанушкой! Здравствуйте!

Давно я не писалъ къ Вамъ, и Вы должны это мнѣ простить за моими недосугами. Въ Старой Русѣ я теперь купаюсь въ грязи, для излеченія отъ золотухи, и, кажется, дѣло начинаетъ идти на ладъ. По крайней мѣрѣ, сыпь по всему тѣлу вышла страшная. Бралъ я здѣсь сначала соленыя ванны; а теперь беру грязныя; до сихъ поръ наливали мнѣ по двѣ шайки здѣшней черной грязи, а съ нынѣшняго дня будутъ по три. Это еще мало,—инымъ сыплютъ по цѣлому ушату. Кромѣ того, я пью здѣсь йодъ, о вкусѣ котораго знаетъ, я думаю, Михаилъ Ивановичъ. Пріѣзжихъ на воды здѣсь очень много, и всѣ очень веселятся, кромѣ, впрочемъ, меня.

Не знаю, какъ идутъ дѣла въ Нижнемъ. Вы мнѣ не пишете, тетенька Фавста — тоже. Василій Ивановичъ прислалъ, бѣдный, нѣсколько строчекъ; но онъ въ такомъ положеніи, что нельзя и требовать отъ него какихъ-нибудь подробностей. Увѣдомьте меня и о немъ,—жива ли еще Елена Ефимовна?

Въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ понравилось мнѣ названіе холернаго бога. Ну, а N [1]) называете ли Іудою Христопродавцемъ? Вѣдь онъ очень похожъ на него. И рыжій отчасти, и сребреники собираетъ.

Кстати о сребреникахъ. Я обѣщалъ посылать ихъ Анночкѣ, да все какъ-то не удавалось. Думаю теперь поправить свою вину разомъ. Для этого я распорядился отправить письмо это въ Петербургъ, гдѣ остались у меня деньги, и оттуда уже вышлютъ Вамъ 100 руб. [2]).

Не удивляйтесь поэтому, что я пишу къ Вамъ изъ Старой Русы, а штемпель на конвертѣ петербургскій. Я пробуду здѣсь еще числа до 10 августа. Отвѣчайте мнѣ скорѣе сюда, по адресу, выставленному въ началѣ письма. Всѣмъ нашимъ кланяйтесь.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

Надѣюсь, что Анночка весела, здорова и умна. Объ этихъ пунктахъ увѣдомьте меня поподробнѣе.

Я постараюсь вскорѣ послать Вамъ отсюда еще другое письмо, поподробнѣе.

ПИСЬМО Л. Н. ПЕЩУРОВОЙ.

Аниково, подмосковная графини Потемкиной.
24 іюля 1858.

Ежели я не такъ скоро отвѣчала, какъ бы желала, на Ваше письмо, любезный Николай Александровичъ, тому причиною Марья Алексѣевна[3]), которая непремѣнно хотѣла къ Вамъ писать и про-

---

[1]) Здѣсь названъ по фамиліи одинъ изъ людей, принадлежавшихъ къ нижегородскому духовенству и считавшихся въ своемъ сословіи дурными.

[2]) То есть: онъ послалъ это письмо къ одному изъ своихъ знакомыхъ въ Петербургъ, съ порученіемъ взять изъ кассы „Современника“ 100 р., и вложивъ ихъ въ письмо, переслать Лукѣ Ивановичу.

[3]) Княгиня Трубецкая.

сила меня не отправлять моего письма безъ письма ея. Но она все занята, а я не хочу болѣе мѣшкать, ибо хочу сказать Вамъ сколько все то, что Вы мнѣ говорите въ *Вашемъ*[1]), меня тронуло. Я очень счастлива, что могла Вамъ сказать что-нибудь утѣшительнаго и доказать Вамъ искреннее участіе, которое я въ Васъ принимаю; но желала бы сдѣлать что-нибудь болѣе, напримѣръ заставить Васъ быть болѣе довольнымъ жребіемъ, посланнымъ Вамъ Богомъ. Вы сами говорите, что чувствуете, что Вы человѣкъ *не дюжинный*, то какъ же Вамъ не благодарить его зо данныя Вамъ способности. Я увѣрена, что Вы можете пріобрѣсти все тó, что Вамъ не достаетъ, ежели не будете обезкураживаться. Je sais combien le découragement est un sentiment pénible[2]). У меня есть драгоцѣнная книжечка, которая можетъ служить лекарствомъ противъ этого тяжелаго чувства. Я непремѣнно Вамъ ее пришлю, если достану другой экземпляръ. Она на французскомъ языкѣ et a pour titre: Consolations et conseils de l'éxpérience tirés du journal d'un affligé[3]). А покамѣсть не ропщите на прошедщее, старайтесь преодолѣвать это *недовольство самимъ собою* и призывая на то помощь Божію; *нравственныя* силы зависятъ отъ Васъ—съ этою помощью; и матеріальныя онъ же пошлетъ неожиданно, если это нужно для Вашего *истиннаго* счастія. Прочее принимайте съ покорностью волѣ его[4]) Вѣрьте мнѣ, что ни что не можетъ такъ успокоить во всѣхъ волненіяхъ жизни. Рожденіе Ваше, связи, въ которыхъ Вы находитесь, состояніе Ваше—все *имъ* для Васъ избрано; Вамъ только остается извлечь изъ всего этого чтó можно лучшаго и стремиться къ полезнѣйшей цѣли. Не надо на то досадовать, чтó не зависитъ отъ Васъ; иначе никогда покойнымъ быть не можно. Послѣ моей философіи скажу Вамъ, что Марья Алексѣевна[5]) можетъ Вамъ открыть нѣкоторые пути, полезные для Вашего поприща; и такъ я ей оставляю говорить Вамъ объ этомъ предметѣ. Прибавлю еще къ моей *морали* мою собственную опытность: я провела все мое дѣтство и молодость въ Петербургѣ и часто, какъ и Вы, была недовольна собою, не имѣла почти никакихъ радостей этого возраста; но, будучи часто одна, имѣла много время на размышленія и приготовила тѣмъ себѣ самую пріятную старость; и конечно не себѣ я этимъ обязана, а Богу, котораго милосердіе ко мнѣ безконечно. Простите мнѣ это *маранье;* надѣюсь, что Вы умудритесь его разобрать, переписывать письма не въ состояніи. Если Вы хотите знать что-нибудь объ насъ, то скажу вамъ, что сестра Елизавета Христофоровна поѣхала въ свое имѣніе Псковской губерніи и Софья Алексѣевна съ нею, а княгиня съ дѣтьми и я гостимъ у тетушки князя, графини Потемкиной, въ прелестной подмосковной[6]). Князь къ намъ ѣздитъ довольно часто и проводитъ

---

[1]) Подразумѣвается: „письмѣ" (отъ 8 іюля).
[2]) То есть: „Я знаю, какое тяжелое чувство уныніе".
[3]) То есть: „и ея заглавіе: Утѣшенія и совѣты опыта, извлеченныя изъ дневника опечаленнаго человѣка".
[4]) То есть: Бога.
[5]) Княгиня Трубецкая.
[6]) Въ 60 верстахъ отъ Москвы. *Примѣчаніе Л. Н. Пещуровой.*

по нѣскольку дней. Теперь онъ въ хлопотахъ, въ ожиданіи Государя, который будетъ въ Москвѣ 25 августа. Я также *ожидаю*, но *безъ хлопотъ*, моего князя Горчакова, который будетъ съ Государемъ и котораго я 10 лѣтъ какъ не видала. Вотъ Вамъ наши новости. Я забыла сказать, что сестра и Sophie не на всегда поѣхали въ Псковскую губернію, и что мы зимою надѣемся опять быть вмѣстѣ. Скажите мнѣ что-нибудь о семействѣ Неклюдова, я его самого очень хорошо знаю, онъ умный и начитанный человѣкъ, у него хорошая библіотека, которою я встарину пользовалась. Жена его была очень хорошенькая собой. Скажите, много ли у нихъ дѣтей и около какихъ лѣтъ. Это меня интересуетъ. Ее я видала только въ Псковѣ, а его и въ Петербургѣ послѣдній разъ, какъ я тамъ была, четыре года тому назадъ. Онъ служилъ въ почтамтскомъ департаментѣ и бывалъ у Сергѣя Павловича [1]). Но пора мнѣ кончить. Прощайте, любезный Николай Александровичъ, *будьте здоровы*. Это не пошлая фраза, а истинное мое желаніе и вѣрьте неизмѣннымъ чувствамъ

многоуважающей Васъ

Е. Пещуровой.

Я знаю, что Marie будетъ въ неудовольствіи, что я ея письма не дожидалась; ну что жъ дѣлать? оно у Васъ будетъ въ перспективѣ.

Простите мнѣ ошибки правописанія; я думаю, ихъ очень много. Я вѣку Пушкина; это мое оправданье, какъ вы знаете.

Особый листъ, писанный рукою Л. Н. Пещуровой [2]).

Я еще не получила моей книжечки, о которой я вамъ говорила, но выписываю изъ нея, что мнѣ на глаза попалось. Je souhaite que ces lignes répondent a quelques uns des mouvements de votre coeur.

„Il y a des temps plus ou moins longs, où notre esprit est profondément abattu, où nous sommes plongés dans une nuit obscure de trouble, d'accablement, d'appréhensions et d'angoisses. Nous envisageons tout d'un regard sombre et inquiet. Toutes nos sensations ont quelque chose d'aigu, de déchirant et d'amer. Les doutes nous effrayent, les soucis nous rongent. Les plus légères bagatelles deviennent pour nous pesant fardeau. Si nous voulions, dans cet état, juger de Dieu, de nous-mêmes, de notre sort, de nos éspérances,

---

1) Галахова, тоже служившаго въ почтовомъ департаментѣ.

2) Этотъ листъ былъ, вѣроятно, приложенъ къ письму княгини М. А. Трубецкой отъ 30 іюля (то есть, къ тому письму княгини, о которомъ Л. Н. Пещурова въ своемъ письмѣ отъ 24 іюля говоритъ, что не стала дожидаться пока оно будетъ написано).

de notre avenir, d'après nos sensations et nos sentiments, combien nous serions à plaindre! Au milieu de pareilles souffrances il faut nous défier de nos impressions et de nousmêmes. Le mélancolique a beaucoup gagné, s'il en est venu, par l'expérience, à se persuader que ses sensations tristes et maladives ont pour effet habituel de lui faire porter de faux jugements. Cette expérience, cette conviction le tranquillisera sur un grand nombre de ses doutes et sur des pensées qui l'angoissent...

„Il y a toujours deux faces à considérer dans votre sort: l'une qui vous attriste, et l'autre qui est propre à vous offrir des consolations. Quand vos regards veulent se porter sur la première, detournez-les pour les porter sur la seconde. Si d'une part, la sentiment de ce qui vous manque, de ce que vous avez perdu, vous peine et vous ronge; de l'autre, n'oubliez pas de vous demander ce qui vous reste, ce que vous pouvez avoir encore. Reconnaissez humblement chaque circonstance favorable qui se rencontre dans vos adversités. Le moindre avantage qui vous reste, doit servir, dans le malheur, à nourrir votre contentement. Au milieu même des pertes et des privations, il nous reste toujours de quoi reconnaître la bonté de Dieu envers nous, et de quoi rendre nos souffrances moins douloureuses par la reconnaissance que cette bonté doit nous inspirer“ [1]).

Буду ожидать съ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта.

ПИСЬМО КНЯГИНИ М. А. ТРУБЕЦКОЙ.

30 іюля 1858. Село Аниково.

Давно я къ Вамъ не писала, любезный Николай Александровичъ, и Вы, можетъ быть, думаете, что я Васъ забыла, или что я пере-

---

[1]) „Я желаю, чтобъ эти строки соотвѣтствовали нѣкоторымъ движеніямъ Вашего сердца“.

Переведемъ выписку, сокращая многословіе подлинника.

„Бываютъ съ нами періоды унынія. Если мы въ этомъ настроеніи захотимъ судить о Богѣ, о насъ самихъ, о нашей судьбѣ, мы будемъ очень жалки, мы должны тогда не довѣрять нашимъ впечатлѣніямъ. Меланхоликъ много выиграетъ, если дойдетъ по опыту до убѣжденія, что его печальныя, болѣзненныя ощущенія внушаютъ ему ложныя сужденія; это значительно успокоитъ его...

„Наша судьба всегда имѣетъ двѣ стороны, грустную и утѣшительную. Когда ваши мысли влекутся сосредоточиваясь исключительно на первой, старайтесь обратить ихъ на вторую, думать не о томъ, чего вы лишились, а о томъ, что можетъ служить утѣшеніемъ для васъ. При всѣхъ потеряхъ, у насъ всегда остается многое такое, въ чемъ мы должны признавать благость Божію къ намъ, и признаваніе этой благости облегчитъ наши страданія“.

мѣнилась къ Вамъ; но ни то, ни другое несправедливо, и я все та же, какъ была прошлаго года, когда я Васъ такъ звала оставаться у меня въ Молитовкѣ, а Вы рѣшились ѣхать скорѣе и сидѣли *на возахъ* въ Нижнемъ; точно также мы Васъ любимъ, и по прежнему все до Васъ касающееся живо интересуетъ меня. Прочитавъ Ваше послѣднее письмо къ тетенькѣ [1]), я отлагаю въ сторону свою непреодолимую лѣнь и берусь за перо, чувствуя, что въ Вашемъ теперешнемъ расположеніи духа Вамъ будетъ пріятенъ родной привѣтъ, и можетъ быть полезенъ знакомый голосъ давней дружбы. Вы не одни чувствуете и думаете то, что Вы изъясняете въ письмѣ Вашемъ; сколько молодыхъ людей даровитыхъ и дѣльныхъ находятся въ такомъ же смутномъ положеніи души и духа! Это, какъ бы сказать, переходное состояніе отъ первой юности къ совершеннымъ лѣтамъ; но вѣрьте мнѣ, Ваши лучшіе годы еще впереди, и тогда Вы увидите результатъ борьбы Вашей съ жизнью, послѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ Вашихъ и плодъ Вашего знанія. Не унывайте и продолжайте мужественно стремиться къ цѣли, которую самъ Богъ Вамъ указалъ; подумайте, что въ карьерѣ, избранной Вами, было что-то совершенно—providentiel, я бы сказала по-французски; напишите, какъ бы это выразить по-русски. Непреодолимое влеченіе къ наукѣ должно же принести свой плодъ, и не жалѣйте о томъ, что средства иногда Васъ затрудняютъ; повѣрьте, что если бы всѣ средства были, Вы лишились бы главнаго двигателя, а именно воли превозмочь всѣ препятствія для достиженія желаемаго. Я говорю Вамъ, можетъ быть, общія мѣста; но Вы увидите, надѣюсь, въ моихъ дурно-склеенныхъ фразахъ желаніе утѣшить Васъ, пожать Вамъ одобрительно руку, объяснить Вамъ, что отъ Васъ многіе ждутъ добра и пользы, и что Ваше поприще все еще передъ Вами. Напишите мнѣ обстоятельно положеніе дѣлъ Вашихъ, и чего бы Вы теперь желали, чтó могло бы Вамъ быть полезно и для здоровья и для карьеры. Не можемъ ли мы общими силами что-нибудь для Васъ устроить? Меня безпокоитъ Ваше здоровье и то, что Вы себя не бережете; а о *незнаніи* Вашемъ я не хлопочу, потому что увѣрена, что Вы будете знать, когда захотите, все, чтó Вы вздумаете изучать. Поговорила бы съ Вами, кабы могла. Не знаю, будете ли вы въ Москвѣ; но если мнѣ случится нынче зимой побывать въ Петербургѣ, то я Васъ отыщу и надѣюсь лично побранить и утѣшить. Не могла я не смѣяться о Вашемъ потерянномъ искусствѣ рисовать солдатиковъ. Неужели Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Вы ничего не пріобрѣли? Хоть бы ужь то, что теперь Вы знаете, что Вамъ многое остается изучить; а тогда Вы думали, что Вы уже много знаете. Мнѣ совѣстно Вамъ читать мораль, потому что я чувствую, что Вы гораздо умнѣе меня; но я думаю, что имѣю больше опытности, и особливо что я гляжу на Васъ болѣе справедливыми глазами, нежели Вы сами. Не жалѣйте, что Вы потеряли способность быть свѣтскимъ человѣкомъ: свѣтскіе люди, т. е. *только свѣтскіе*, никуда не годны и только тогда кажутся довольными собой, когда на нихъ всѣ смотрятъ, а

---

[1]) Л. Н. Пещуровой.

наединѣ сами съ собой также недовольны и скучаютъ, какъ Вы,— но по важнѣйшимъ причинамъ, болѣе основательнымъ. Вообразите, что меня въ эту минуту муха такъ сильно укусила, что я замахнулась на нее, забывъ, что у меня перо въ рукѣ и сдѣлала это пятно, за которое прошу прощенія [1]). Мы проводимъ лѣто у тетушки, графини Потемкиной, въ прелестной подмосковной; насъ тутъ маленькое, дружное общество и мнѣ хорошо и спокойно, выше всякихъ описаній. Князь все въ разъѣздахъ, но дѣти со мной. Даша [2]) очень выросла, славная, понятливая дѣвочка. Что мой старый другъ Володя? что Вы съ нимъ думаете дѣлать? Если его провезутъ черезъ Москву, то надѣюсь, что привезутъ ко мнѣ. Что-то всѣ Ваши сестры? что Ниночка, какъ живетъ? что Катенька? Знаете ли Вы что нибудь о нихъ? Напишите мнѣ скорѣе и адресуйте все-таки въ Москву, въ удѣльную контору. Прощайте, Николай Александровичъ, будьте прежде всего здоровы, потомъ умны и, наконецъ, вѣрьте всегда истинной моей дружбѣ.

Кн. М. Трубецкая.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

(*Отъ 1 авг. 1858*).

1 авг.

Прежде всего о дѣлѣ, Александръ Петровичъ. Словутинскаго «главы» пришли, пожалуйста, или попроси его прислать въ контору «Современника» при книжномъ магазинѣ Давыдова, для передачи Н. А. Д. Тогда рукопись навѣрное попадетъ въ мои руки, я ее покажу Некрасову, и могу поручиться по крайней мѣрѣ за то, что не пропадетъ, а будетъ, если бы понадобилось, возвращена автору. За напечатаніе, конечно, нельзя ручаться заранѣе. Некрасову, впрочемъ, понравилась «Читальщица». Я ее прочелъ уже здѣсь, въ Старой Русѣ. Она не дурна, но, говоря откровенно, я не удивился тому, что авторъ стихотворенія «Ходитъ тихо сонъ по улицѣ» могъ написать такую повѣсть. «Исторіи дѣда» не читалъ и потому, разумѣется, ничего не могу сказать о ней. Дѣйствуя въ видахъ редакціи «Современника», ищущей хорошихъ статей, я прошу тебя *во всякомъ случаѣ* написать Словутинскому, чтобъ онъ прислалъ свои «главы». Лично же отъ себя я прибавилъ бы просьбу, не можетъ ли онъ обозначить приблизительно срока, когда онъ кончитъ свое дѣло. Я предвижу въ помѣщеніи его вотъ какое затрудненіе: теперь августовская книжка готова, сентябрьская будетъ готова, пока пройдетъ пересылка, а можетъ быть даже и октябрьская. Значитъ, «главы» поспѣютъ къ октябрю или даже ноябрю. Въ послѣднихъ книжкахъ напечатать начало повѣсти, которой конецъ будетъ въ слѣдующемъ году, редакція можетъ затрудниться, а выдавать ее новымъ подпис-

---

[1]) Пятно отъ чернилъ сведено такъ хорошо, что если бы не было сказано о немъ, то читающій письмо и не замѣтилъ бы его.

[2]) Дочка княгини.

чикамъ, какъ это принято, опять будетъ особый расходъ. Если бъ можно было изъ «главъ» сдѣлать что-нибудь, имѣющее видъ самостоятельности, то, конечно, было бы лучше. Но въ такомъ случаѣ и «Русскій Вѣстникъ» взялъ бы, конечно, эти «главы». Впрочемъ, неконченность во всякомъ случаѣ не помѣха, если это произведеніе замѣчательное. А ты пишешь, что «главы» — превосходны. Стало быть, попроси Словутинскаго отъ меня, если хочешь, и отъ редакціи «Современника», чтобы онъ присылалъ поскорѣе свою рукопись.

Теперь — о твоихъ объясненіяхъ на счетъ моихъ статей. Читая твое письмо, я что-то много хотѣлъ писать тебѣ, но теперь рѣшительно не въ состояніи разсуждать о чемъ нибудь серьезно. Нѣсколько дней уже я хожу, какъ помѣшанный, и все на свѣтѣ мнѣ кажется необычайно пошлымъ, начиная съ меня самого. Недавно случилось одно обстоятельство, въ которомъ я оказался такимъ серьезнымъ мерзавцемъ, что всѣ литературныя мерзости, которыя на меня взводятъ, ничто уже передъ этимъ [1]). Поэтому я могу тебѣ сказать только, что какъ бы ни худо рекомендовали меня мои статьи, на дѣлѣ я еще хуже, еще гаже. Только гадость эта совершенно другого рода и, пожалуй, она можетъ не мѣшать нашей перепискѣ, равно какъ и твое мнѣніе о моихъ статьяхъ, котораго, впрочемъ, ты не высказалъ. Я все-таки не знаю, недостатокъ ли смысла только ты находишь въ нихъ или и подлую измѣну убѣжденіямъ. Судя по тому, что ты отвѣчалъ мнѣ, а не замолчалъ, должно быть, ты въ моихъ литературныхъ работахъ подлости не видишь. А если такъ, то и дѣло кончено. Ты можешь, сколько угодно, смѣяться надъ тѣмъ, что́ я пишу, и все-таки быть со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ бывшій товарищъ и школьный пріятель. Надѣюсь, что наша связь основывалась вовсе не на единствѣ литературныхъ мнѣній. Да притомъ же очень можетъ быть, что скоро я прекращу свою безтолковую дѣятельность по этой части и посвящу себя скромнымъ педагогическимъ трудамъ далеко отъ Петербурга, причемъ, можетъ быть, попрошу и твоихъ совѣтовъ и указаній. Дальнѣйшіе подвиги по библіографіи въ «Современникѣ» приметъ на себя Н. М. Михайловскій [2]). Письмо, о которомъ ты говоришь и въ которомъ ты сравнивалъ мою статью съ диссертаціей Ведрова и проч., я не читалъ. Вѣрно, Михайловскій не показалъ мнѣ его по какой-нибудь ложной деликатности, а можетъ быть и случайно. Я только слышалъ отъ него, что ты моей статьей недоволенъ, вотъ и все. Подробности твоихъ сужденій я узналъ теперь въ первый разъ. Постараюсь сохранить твое письмо и, можетъ быть, когда-нибудь на него отвѣчу. А теперь я совершенно ни на что не способенъ. Что-то ломитъ, давитъ,

---

[1]) Это относится къ одному изъ случаевъ жизни той дѣвушки, имя и отчество которой мы замѣняемъ буквами В. Д. З. Дѣло было очень обыкновенное, и притомъ такое, въ которомъ Николай Александровичъ ровно нисколько не былъ виноватъ; но онъ воображалъ его ужаснымъ, а себя виновникомъ его. Оно будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Въ этомъ случаѣ Николай Александровичъ ошибался. Если бъ онъ, подъ фантастическимъ угнетеніемъ мысли, пересталъ писать въ „Современникѣ“, то онъ не былъ бы замѣненъ новымъ сотрудникомъ, пришлось бы возобновить тотъ порядокъ журнальной работы, какой существовалъ до его сотрудничества.

тѣснитъ меня. Я точно въ угарѣ хожу цѣлый день. Не знаю, что̀ будетъ изъ всего этого.

Пробуду здѣсь не дольше 10 числа; значитъ, отвѣчай мнѣ уже въ Петербургъ по прежнему адресу, или черезъ контору «Современника».

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Отъ 2 авг. 1858*).

2 августа. Старая Руса.

Милая моя Катенька! Ты, вѣрно, на меня сердишься и думаешь, что я позабылъ тебя. Вовсе нѣтъ, душечка. Я часто о тебѣ думалъ и писалъ о тебѣ нашимъ, а къ тебѣ писать все откладывалъ до времени, да такъ понемногу и протянулъ все время. Надѣюсь, что ты простишь меня.

Ты не хочешь оставаться въ симбирской *эпархіи*, и, по моему мнѣнію, моя милочка, ты дѣлаешь хорошо. Довольно было того, что тебя воспитывали, когда ты не могла дома учиться. А теперь тебѣ вовсе нѣтъ надобности стѣснять другихъ, которыя беднѣе тебя и болѣе нуждаются въ устройствѣ судьбы своей. А между тѣмъ и тебѣ гораздо лучше отдохнуть послѣ ученья, пожить на свободѣ, посмотрѣть на людей и, если выходить замужъ—то по своей охотѣ и на своей сторонѣ. Я уже писалъ къ Василью Ивановичу, чтобы похлопотать о возвращеніи тебя въ Нижній по окончаніи курса. Тамъ ты могла бы жить съ Ниночкой и заняться ученіемъ Лизы. Вѣдь ты знаешь, мой другъ, что жена Василія Ивановича, Елена Ефимовна, отчаянно больна и едва ли долго проживетъ. Если же ея не будетъ, то Василію Ивановичу уже нельзя будетъ держать у себя Лизу. Вотъ и хорошо было бы, если бы вы соединились всѣ около Ниночки. Володю я хочу взять къ себѣ въ Петербургъ и заняться его ученьемъ. Пора уже и ему приняться за дѣло.

Меня безпокоитъ только то, что золотуха твоя до сихъ поръ еще не вылечена. Напиши мнѣ, другъ мой, лучше ли тебѣ, по крайней мѣрѣ, противъ прежняго. Я здѣсь, въ Старой Русѣ, живу другой мѣсяцъ и тоже лечусь отъ золотухи. Здѣшнія ванны нѣсколько помогаютъ мнѣ. Скажи мнѣ, помогли ли тебѣ Сергіевскія воды и гдѣ ты проводила нынѣшнее лѣто. Напиши мнѣ также, въ какое время у васъ кончается и когда бы ты могла ѣхать домой изъ Симбирска? Пиши ко мнѣ уже не въ Старую Русу, а въ Петербургъ, по адресу: На Литейной, близъ Итальянской, домъ княгини Долгорукой, кварт. № 19. Черезъ двѣ недѣли я буду опять въ Петербургѣ, потому что леченье мое на этотъ годъ кончается. Можетъ быть, пріѣду сюда и на слѣдующій годъ. Если тебѣ нужно будетъ лечиться, то могла бы и ты пріѣхать сюда, мой милый другъ. Можетъ быть, и тебѣ здѣшнія воды принесли бы пользу.

При письмѣ этомъ посылаю тебѣ пока десять руб. Тебѣ, душечка,

кажется, никто въ этотъ годъ ничего не посылалъ, а ты ни разу и не сказала никому, не нужны ли тебѣ деньги... А вѣдь вѣрно были нужны на что-нибудь, не смотря на то даже, что добрые благодѣтели твои Рудольфъ Павловичъ и Амалія Богдановна ни въ чемъ не оставляли тебя. Передай имъ отъ меня мое истинное почитаніе и благодарность за всѣ ихъ попеченія о тебѣ.

Желаю, моя милая, добрая Катенька, чтобы письмо мое нашло тебя совершенно спокойной, веселой и здоровой. Пиши ко мнѣ больше, описывай все подробнѣе, какъ умѣешь. Я теперь буду отвѣчать тебѣ скоро. Прощай, моя Катенька, не забывай меня и не думай, что я тебя забываю.

Твой братъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА [1]).

(Отъ 11 авг. 1858).

Елена умерла, любезный мой другъ Николай Александровичъ, въ самый день Преображенія Господня, ранѣе покойнаго брата [2]) нѣсколькими часами. Царство имъ небесное! оба были прелесть люди.

Отъ души тебя благодарю за сочувствіе, и утѣшенный тобой и другими добрыми людьми, я совершенно спокоенъ; вчера былъ даже и въ театрѣ. И такъ какъ я принималъ всѣ мѣры, какія только были по силамъ, къ возстановленію здоровья друга моего, но все это оказалось неуспѣшнымъ, то я даже радъ, что мои и ея страданія, наконецъ, кончились. У меня теперь одно желаніе: чтобы Господь принялъ ее въ свое царство, о чемъ и молю Господа.

Какъ близкій родной и какъ опекунъ, сочувствующій сиротамъ, какъ ихъ отецъ, скажу тебѣ, что благодѣянія твои сестрамъ и вообще всему семейству мнѣ такъ же милы, такъ же пріятны всегда, какъ и твоимъ сестрамъ, какъ будто бы я самъ ихъ получаю. По-

---

1) Это письмо, состоящее изъ листа и полулиста почтовой бумаги формата въ 8 долю, было положено въ большой конвертъ, такъ что было сложено только пополамъ, а не въ три сгиба. По срединѣ линіи сгиба, оно надорвано. Разрывъ на всѣхъ трехъ полулистахъ одинъ и тотъ же: листы оставались еще не развернуты, когда произведено было движеніе рукъ, сдѣлавшее разрывъ.

Ясно, что это было такъ: Николай Александровичъ вынулъ письмо изъ конверта; письмо было согнуто и положено такимъ способомъ, что вверху находилась верхняя половина первой страницы, и первыя слова, бросившіяся въ глаза Николаю Александровичу, были тѣ, которыми начиналось письмо: „Елена умерла",—онъ, въ ожесточеніи на новое несчастье своего семейства, рванулъ письмо пополамъ. Конвертъ былъ длиннѣе и шире письма; послѣдній полулистъ письма лежалъ подъ первымъ листомъ его нѣсколько выдвинувшись въ-лѣво и подавшись отъ перегиба перваго листа къ другой сторонѣ конверта; потому разрывъ на немъ пришелся нѣсколько дальше отъ лѣваго края, нѣсколько ближе къ правому, и короче; но изгибы линіи разрыва однѣ и тѣ же; потому это одинъ разрывъ черезъ всѣ три полулиста; письмо было надорвано неразвернутое, при первомъ взглядѣ на первыя слова его.

2) Умершаго также 6 августа.

этому и я благодарю тебя, мой добрый другъ, за присланныя тобою деньги Анночкѣ.

Катенька уже въ Нижнемъ; она такая полная и высокая, какъ Ниночка; но жаль, что ея лицо опухлое и губы [1]); болѣе болѣзни нѣтъ. Управлюсь—займусь ея леченіемъ. Катенька очень много знаетъ и мило разсказываетъ свое знаніе. Анночка тоже очень мила и невѣста будетъ, не ранѣе впрочемъ какъ черезъ годъ,—красавица въ полномъ смыслѣ.

Ты пишешь, чтобы Володѣ запасти бѣлья; но зачѣмъ много, вѣдь ты навѣрное отдашь его на казенное содержаніе; иначе, ей Богу, онъ тебя свяжетъ, и ты потеряешь и время, и деньги; но Ниночка обѣщалась сшить ему необходимое, а одежа у него очень удовлетворительная.

Еще въ іюлѣ я далъ Ниночкѣ на бѣлье [2]) и прочія нужды [3])— 25 р., въ томъ числѣ и на Ванечку пошло 10 р.; вчера я ей выдалъ 25 руб. для покупокъ Катенькѣ и Володѣ.

За Катенькой ѣздилъ Михаилъ Ивановичъ, и дорога обошлась въ 33 руб.,—вотъ расходы, о которыхъ ты еще не имѣешь свѣдѣнія.— Драницынъ поѣдетъ на пароходѣ до Твери; слѣдовательно, проѣздъ Володинъ обойдется очень дешево; но, не смотря на это, ты не спѣши высылать денегъ на проѣздъ его: я его запишу на общій вашъ счетъ изъ доходовъ съ дома.

Я думаю, что конецъ уже моимъ несчастіямъ, тѣмъ болѣе, что я, какъ видишь, не преклоняюсь предъ ними, и тогда я помогу дѣтямъ, а то ты мнѣ помоги, если случится бѣда.

Твое здоровье я считаю драгоцѣннымъ и даже неоцѣнимымъ для сиротъ, и поэтому побереги его, ради Бога!

Вотъ ты былъ на водахъ въ Русѣ; мнѣ хоть бы черезъ годъ попасть туда, а какъ хочется провѣтриться.—Теперь помни опять обо мнѣ, я бы мѣсяца черезъ два готовъ былъ отсюда удрать.

Не писавши долго, пишу дурно и несвязно.

В. Добролюбовъ.

11 августа.

Поправившись, я тебѣ буду писать письма тетрадями; а много есть интереснаго, особенно объ нашемъ комитетѣ [4]), получившемъ высочайшій строгій выговоръ за старыя пониманія дѣла по крестьянскому вопросу.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

Москва, 15 августа.

Въ священномъ писаніи повѣствуется, что древній вавилонскій царь Навуходоносоръ, возгордившійся своею силою, на семь лѣтъ обра-

---

[1]) Отъ золотухи.
[2]) Для Володи.
[3]) Младшихъ братьевъ.
[4]) О комитетѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

щенъ былъ Господомъ Богомъ въ скотину, и потомъ принесши въ это время, въ образѣ скотскомъ, слезное покаяніе, снова обратился въ человѣка разумнаго, созданнаго по образу Божію, состоящаго изъ тѣла и души. Примѣръ сей доказываетъ, что и послѣ семи лѣтъ скотьей жизни люди могутъ снова стать человѣками. — — Отсюда прямо и неопровержимо слѣдуетъ, что ежели я цѣлый годъ былъ скотиною, свиньею и всѣми животными, прозвищами которыхъ ты столь часто и столь ревностно обзывалъ меня, вѣроятно, въ теченіе всего года, то не слѣдуетъ еще заключать изъ этого, будто я не могу совершить благодѣтельнаго перехода изъ царства животныхъ въ царство человѣческое, тѣмъ болѣе, что Бордюгъ увѣряетъ, будто они оба въ сущности составляютъ одно царство. Такъ, дескать, написано во всѣхъ учебникахъ естественной исторіи. Все это клонится къ тому, что я хочу тебя просить включить меня снова въ сонмъ друговъ твоихъ и не отвергнуть меня за мои прежнія преступленія, которыя превзыдоша главу мою. Отъ многаго раскаянія и сокрушенія сердечнаго со мной произошли въ этомъ году странныя явленія, выразившіяся между прочимъ въ томъ, что я внезапно почувствовалъ непреодолимое желаніе отправиться къ кому-нибудь изъ своихъ друзей бывшихъ и сказать ему, что я скотина. Желаніе это немедленно было исполнено. Являюсь я къ Бордюгу и говорю ему: а, знаешь ли, бывшій другъ мой, что я скотина? Онъ говоритъ: знаю.—Да кто же тебѣ сказалъ объ этомъ?..—Менделѣевъ, говоритъ, сказывалъ, дошедши до этого по теоріи Жерара, которая нынѣ принимается уже всѣми учеными, да кромѣ того я и самъ это знаю, да и Миша тоже говоритъ.—Меня, знаешь, слезы прошибли. Я и говорю: что же мнѣ дѣлать, чтобы скотиной не быть? Постился я довольно: въ Старой Русѣ полтора мѣсяца на строгой діэтѣ сидѣлъ, вина и сикера не пилъ, хлѣба вкушалъ даже съ крайней умѣренностью... Молился я тоже довольно: въ Старой Русѣ въ одномъ крестномъ ходѣ образа носилъ, рядомъ съ одной миленькой мѣщаночкой. А все толку нѣтъ, — все остался скотиною изъ скотинъ.—Ну, говоритъ Бордюгъ,—послѣднее средство: пиши къ Мишѣ, онъ тебя заклялъ на скотинство, онъ же можетъ и снять заклятіе. Если онъ будетъ столь великодушенъ, то, авось, говоритъ, ты и будешь маненько походить на людей.—Вотъ я и пишу къ тебѣ свои смиренныя мольбы, съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ всего дѣла. Ты отъ меня теперь не жди ничего хорошаго, а думай, что это будетъ впереди, и отчасти отъ тебя зависитъ. Ты меня теперь выругай хорошенько, да покраснорѣчивѣе, знаешь—даже неприличными словами, если умѣешь; а потомъ и утихомирься, и скажи: «если ужъ, молъ, ты прощенья просишь, то повинную голову мечъ не сѣчетъ; такъ и быть, позволяю тебѣ начать со мной настоящую переписку»,—чѣмъ премного обяжешь любящаго и уважающаго тебя навѣки нерушимо

Н. Добролюбова.

P. S. Не оскорбись, Миша, этимъ шутовскимъ тономъ. У меня тяжело на душѣ, и если бы я сталъ писать серьезно, то, вѣрно, расплакался бы, что было бы еще хуже.

(*Приписка И. И. Бордюгова*).

Милый Миша! Прости ужь за одно и другую скотину; не гнѣвайся и на меня, оскотинившагося вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ. Удостой принять мое ручательство въ справедливости всего сказаннаго Добролюбовымъ, въ искренности покаянія, въ сильномъ желаніи возобновить прежнія отношенія и пр. Ты узнаешь причину его годоваго молчанія и, надѣюсь, не будешь обвинять его. Что касается другихъ обвиненій, высказанныхъ тобою въ письмахъ ко мнѣ, то они основаны, какъ кажется, на недоразумѣніяхъ, возникшихъ между вами. Мнѣ очень хотѣлось прояснить для себя ваши отношенія, потому (извини!) показывалъ Добролюбову нѣкоторыя изъ твоихъ обвинительныхъ писемъ. Онъ отрекался отъ всего. Ему нельзя не вѣрить, и я думаю, что ты не захочешь пускаться въ твоихъ слѣдующихъ письмахъ къ нему въ разбирательство прошлаго. Онъ теперь находится въ томъ скверномъ состояніи, послѣ котораго мы дѣлаемся лучше. Пиши ему по адресу: Его Высокоблагородію Николаю Алексѣевичу Некрасову, на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Норова. Мой адресъ пока прежній; о перемѣнѣ его увѣдомлю.

Твой И. Б.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Отъ 25 авг. 1858*).

25 авг. С.-П.-Б.

Все еще я не совсѣмъ устроился, и потому не буду много писать Вамъ, добрѣйшій Василій Ивановичъ, хотя слѣдовало бы писать много. Вы именно въ томъ положеніи, когда можно и нужно говорить много съ людьми, близкими сердцу, а я думаю, что я близокъ Вашему сердцу, по крайней мѣрѣ, не менѣе чѣмъ Вы моему. Горе Ваше велико; но въ немъ есть отрадныя черты, именно тѣ, что Вы горюете разумно, слѣдовательно, не можете дойти до того безтолковаго отчаянія, которое терзаетъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ само горе. Это Васъ поддержитъ и еще болѣе поддержитъ дѣятельность, въ которой Вы хотите искать развлеченія и забвенія. Въ самомъ дѣлѣ, если сидѣть одному, да раздумывать о прошедшемъ, такъ неминуемо додумаешься чортъ знаетъ до чего. Мнѣ самому стало горько и тяжко, когда я позволилъ себѣ предаться нѣкоторымъ думамъ и воспоминаніямъ по полученіи Вашего письма [1]). Мнѣ всего больше жаль было этой грустно и безполезно прожитой жизни, не успѣвшей дать никакихъ жизненныхъ наслажденій больной страдалицѣ. Я сблизилъ ея судьбу съ судьбой моей матери, такой же превосходной, любящей женщины, также безвременно убитой нуждою жизни и продолжительными болѣзнями, такъ же безрадостно, темно, холодно проведшей

[1]) Отъ 11 августа.

дни свои. Ваша жена счастливѣе: она умерла раньше и не оставила дѣтей; мысль о ихъ судьбѣ и о судьбѣ мужа съ ними не отравила послѣднихъ минутъ ея... Скажу, что и Вы въ этомъ случаѣ счастливѣе меня и моего отца. Вы безмятежно вѣрите въ райское успокоеніе, въ свиданіе за гробомъ. Мой отецъ сомнѣвался въ этомъ; горькое колебаніе его замѣчено было мной въ послѣдній мой пріѣздъ въ Нижній предъ его смертью. Обо мнѣ ужь нечего и говорить: не только себѣ, но и другимъ не могу я дать загробныхъ утѣшеній, а потому молчу о нихъ. Каюсь даже, что написалъ эти строки. Но, вѣроятно, онѣ не смутятъ Вашей вѣры.

Предполагая, что теперь всевозможное отвлеченіе Васъ отъ грустныхъ собственныхъ размышленій должно быть полезно, я на Васъ возлагаю нѣсколько порученій. Въ слѣдующемъ письмѣ Вы напишете мнѣ подробно о томъ, что́ теперь полагаете Вы сдѣлать съ Лизой. У Васъ ей оставаться будетъ, разумѣется, уже неудобно, она понапрасну будетъ Васъ связывать. Къ кому и какъ лучше помѣстить ее? Относительно денегъ Вы мнѣ напишите, какими средствами можетъ теперь располагать наше семейство. Ни въ какомъ случаѣ не отказываюсь и не откажусь я, въ случаѣ надобности, помогать сестрамъ и братьямъ моимъ; мнѣ даже совѣстно было бы, имѣя средства, оставить ихъ безъ поддержки. Но я не хочу все-таки, чтобъ они на меня разсчитывали, какъ на что-то должное и обязательное. Я могу имѣть въ виду женитьбу, я могу предполагать употребленіе лишнихъ денегъ, если заведутся, на какое-нибудь предпріятіе, могущее доставить выгоду, наконецъ я могу просто откладывать деньги про запасъ: мое здоровье не такъ сильно, чтобъ я могъ надѣяться работать постоянно безъ перерыву. Это все только отдаленныя предположенія; но что ближе, такъ это желаніе мое съѣздить черезъ годъ за-границу. На все это и на содержаніе Володи я ни у кого не спрошу ни копѣйки. Для сестеръ же и братьевъ я полагаю достаточнымъ устроить вотъ что. Теперь доходъ съ дома получается уже чистый. Можно, вѣроятно, разсчитать, сколько бы мнѣ причиталось по праву изъ этого доходу, если бы я шалопайничалъ и не могъ жить безъ этой поддержки. Деньги эти можно считать особо и изъ нихъ удовлетворять нужды сестеръ и братьевъ. Пусть они знаютъ, которыя ихъ деньги, которыя мои, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть знаютъ и то, что моими деньгами могутъ располагать, какъ своими. Мнѣ не нужно даже знать, на что будутъ употреблены эти деньги; пусть только скажутъ мнѣ, кому онѣ даны.—Это и будетъ обязательная съ моей стороны поддержка для сестеръ. Все же остальное, если и [1]) что буду присылать, будетъ уже добровольнымъ подаркомъ, на который онѣ разсчитывать не могутъ.

Мысли мои я Вамъ сообщаю просто, въ ихъ грубомъ и нагомъ видѣ; но теткамъ и сестрамъ, разумѣется, надо ихъ смягчить нѣсколько, а то обидятся: онѣ вѣдь всѣ такія щепетильныя. Если Вамъ самимъ эти мысли покажутся неудобными или неисполнимыми, то напишите мнѣ, а имъ тогда ужь вовсе ничего и не говорите.

---

[1]) „И“ вѣроятно описка; слѣдуетъ, вѣроятно, читать „я“.

Жить буду я теперь очень удобно, въ домѣ Краевскаго, бывшемъ Норовой, на углу Литейной и Бассейной. Такъ и пишите мнѣ. Въ первыхъ письмахъ, пока еще дворникъ и почтальонъ не привыкнутъ меня отыскивать, можете прибавлять: *въ квартирѣ Некрасова.* Я устроился вмѣстѣ съ нимъ, вотъ какимъ манеромъ. Ему для себя нужна была комната еще, а возлѣ его квартиры была квартирка въ три комнаты. Онъ взялъ ее, отдѣлилъ для себя одну комнату, а двѣ другія предложилъ мнѣ. Я, разумѣется, охотно согласился, и теперь за 15 рублей въ мѣсяцъ я имѣю квартиру съ отопленіемъ и отчасти съ мебелью, тогда какъ за эту квартиру иначе нельзя было заплатить меньше 25 рублей. Кромѣ этой выгоды, квартира удобна и для моихъ постоянныхъ сношеній съ Некрасовымъ и съ типографіей. Панаевъ живетъ тутъ же, и его жена, прекрасная женщина, можетъ быть полезна даже для Володи. Володю теперь адресуйте прямо въ мою квартиру; да пожалуйста не жалѣйте пустячныхъ денегъ для того, чтобы одѣть его прилично и тепло. Пять, шесть рублей лишнихъ пожалѣютъ, а тамъ пріѣдетъ больной—двадцать пять на него пролечишь. Я на Васъ, Василій Ивановичъ, надѣюсь въ этомъ случаѣ, зная, что Вы не любите сквалыжничать.

Отвѣчайте мнѣ поскорѣе, а между тѣмъ и я, вѣроятно, еще письмецо Вамъ скоро пошлю. Будьте, пожалуйста, спокойнѣе и разнообразьте свои занятія. Ничто лучше труда не прогоняетъ горя.

Весь Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

(Отъ 27 авг. 1858).

27 авг. С. П.'Б.

Любезный мой Александръ Петровичъ! Легко можетъ быть, что ты не получилъ послѣдняго письма моего, посланнаго тебѣ во Владиміръ [1]) изъ Старой Русы. Поэтому еще разъ повторю тебѣ то, что писалъ насчетъ повѣсти Словутинскаго. Я ручаюсь за то, что она не пропадетъ и, если авторъ пожелаетъ, будетъ возвращена ему. Съ своей стороны, я желалъ бы присылки «Праваго дѣла», и кромѣ того могу прибавить теперь, поговоривши съ Некрасовымъ, что и онъ желаетъ этого. Онъ просилъ меня написать объ этомъ тебѣ или Словутинскому. Надѣюсь, что «Правое дѣло» не послано еще въ «Русскій Вѣстникъ», и потому ожидаю, что оно скоро будетъ прислано въ редакцію «Современника». Сентябрьская книжка готова; есть статьи и для октябрьской; но для ноября еще ничего нѣтъ. Переслать можно: въ контору «Современника» для передачи Н. А. Добр.—Мнѣ же писать можешь такъ: на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Краев-

---

[1]) А. П. Златовратскій ѣздилъ на каникулы изъ Рязани во Владиміръ, къ роднымъ.

скаго. бывшемъ Норова. Я еще не совсѣмъ устроился съ своей квартирой и съ нѣкоторыми другими обстоятельствами; поэтому не могу много писать тебѣ, тѣмъ болѣе еще, что теперь приходитъ конецъ мѣсяца и мои писательныя способности должны быть употреблены на «Современникъ». Къ счастью теперь Константинъ Михайловичъ [1]) вмѣстѣ со мною подвизается, только крайне лѣнивъ, чудакъ, въ 16 разъ лѣнивѣе меня: я напишу пять листовъ, а онъ пять страницъ. Такой чудной! Побрани его за лѣность и посовѣтуй не отставать отъ литературы для уроковъ въ корпусѣ, которыхъ онъ на первый разъ набралъ 9, а потомъ еще пять. Писаніе и веселѣе да и выгоднѣе, чѣмъ уроки, какіе бы то ни были: я это ужь испыталъ.—Ты, помнится, говорилъ, что у тебя какіе-то крюки и петли есть; напиши мнѣ о нихъ что-нибудь пообстоятельнѣе, чтобъ я могъ объ этомъ сообщить что-нибудь Срезневскому, къ которому безъ этого боюсь показаться послѣ трехъ мѣсяцевъ невидѣнья. Все-таки у меня будетъ и предлогъ для посѣщенія, и предметъ для ученаго разговора. Не совѣстно будетъ мнѣ сидѣть посреди Полѣнова, Лыжина, Геннади, Гильфердинга и т. п. филологическихъ знаменитостей, сотворенныхъ десницею Срезневскаго.

Благовѣщенскій, другой мой покровитель, начинаетъ меня оплакивать, какъ свѣтлую голову, омраченную журнальнымъ туманомъ. Это онъ уже высказалъ Михайловскому. Услышавъ объ этомъ, я чуть не пришелъ въ состояніе, которое выражается въ одномъ стихотвореніи Гейне такимъ образомъ:

И самъ я заплакалъ, и слезы
Катилися вдоль моихъ щокъ;
Я все не могу еще вѣрить,
Чтобъ я потерять тебя могъ.

Если удастся мнѣ преодолѣть ужасъ, наводимый на меня субботами [2]), то когда-нибудь отправлюсь къ Срезневскому и Благовѣщенскому, а отъ нихъ въ баню [3]).

Въ первыхъ числахъ, кончивши съ «Современникомъ» сентябрскимъ, напишу тебѣ вѣроятно еще что-нибудь, и, можетъ, отвѣчу на нѣкоторые твои вопросы о моихъ литературныхъ убѣжденіяхъ, хотя мнѣ и пріятно было бы, если бы ты меня отъ этого избавилъ.

Твой Н. Добролюбовъ.

Былъ я въ Москвѣ отъ 11 до 15 августа, видѣлъ Бордюгова, который все такъ же благороденъ, милъ и недѣятеленъ. Онъ тебѣ кланяется.

---

1) Михайловскій.

2) По субботамъ собирались знакомые и у И. И. Срезневскаго и у Н. М. Благовѣщенскаго.

3) Шутка о надобности отправиться въ баню, чтобъ омыться отъ избытка учености, который будетъ пріобрѣтенъ на этихъ вечерахъ, направлена не противъ хозяевъ, людей дѣйствительно ученыхъ, а противъ большинства ихъ посѣтителей, мнимыхъ ученыхъ, наводившихъ скуку.

ПИСЬМО Н. А—ЧА И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 29 авг. 1858).

29 авг. С. П. Б.

Ты, можетъ быть, полагаешь, что наша переписка будетъ и въ этомъ году такъ же дѣятельна, какъ въ прошломъ: ошибаешься! Если я тебѣ не писалъ доселѣ, такъ это потому, что хотѣлъ тебѣ дать вздохнуть немножко; а теперь пойду жарить и въ хвостъ и въ голову. Только успѣй прочитывать и отвѣчать. На первый разъ буду краткокъ, но обѣщаю скоро сдѣлаться краснорѣчивымъ и плодовитымъ до безтолковости. На сей разъ удовольствуйся слѣдующимъ.

Деньги Евдокимову отданы и благодарность съ него получена, каковая тебѣ по принадлежности и пересылается въ этомъ письмѣ. Что касается до контрамарки [1], которую мы съ тобой пересылали изъ Москвы на имя В. Д. З. [2], то она не получена, и въ письмѣ ея не оказалось. Виновникомъ этого казуса признанъ на нашемъ совѣтѣ—ты, вслѣдствіе чего и получилъ ты нѣсколько ругательствъ, яко злодѣй, выронившій контрамарку при запечатываніи письма, а може [3] и нарочно утаившій, чтобы при пріѣздѣ въ Спб. поживиться таинствами, которыя укрывались въ моемъ чемоданѣ. Получить чемоданъ сей стоило мнѣ не малыхъ хлопотъ. Нужно было непремѣнно заявить, кто я такой, засвидѣтельствовать мою личность въ полиціи, подать прошеніе, ходить, расписываться и т. д. Да еще въ полиціи встрѣтилось затрудненіе: не хотѣли было засвидѣтельствовать подлинность моей личности. Ужь я хотѣлъ было обратиться изъ явной полиціи въ тайную, которая должна знать меня нѣсколько лучше [4]. Къ счастію, дѣло не дошло до этого, и я теперь блаженный и спокойный, единственный и безспорный обладатель моего чемодана, который 21 августа торжественно привезенъ былъ на ванькѣ со станціи желѣзной дороги въ мою квартиру. Празднуй впредь 21 августа, годовщину перенесенія честнаго чемодана Н. Д—ва со станціи Николаевской желѣзной дороги на уголъ Литейной и Бассейной, въ домъ Краевскаго, куда и письма свои адресуй.

Квартира моя такова, что ты можешь въ нее пріѣхать безбоязненно. В. [5] живетъ отдѣльно. Она довольно спокойна теперь и безъ

---

1) Для полученія посылки съ желѣзной дороги.

2) Буквами В. Д. З. мы замѣнили имя, отчество и фамилію дѣвушки, о которой ужь нѣсколько разъ упоминалось въ прежнихъ письмахъ Николая Александровича къ его институтскимъ товарищамъ; она была называема тамъ только по имени (безъ отчества и фамиліи),—и мы замѣняли ея имя буквой В., которая замѣняетъ его и здѣсь.

3) „Може"—шутливое приспособленіе рѣчи къ пониманію И. И. Бордюгова, который былъ уроженецъ Харьковской губерніи.

4) Николай Александровичъ, по всей вѣроятности, ошибался. Должно полагать, что онъ до самаго конца сохранялъ репутацію человѣка, чуждаго дѣламъ, несогласнымъ съ интересами существовавшаго порядка.

5) Буквою В. замѣнено, какъ прежде, имя той дѣвушки, которая раньше была названа въ этомъ письмѣ по имени, отчеству и фамиліи (В. Д. З., въ нашей замѣнѣ ихъ буквами).

особенныхъ затрудненій согласилась на отдѣльное помѣщеніе, хотя до сихъ поръ не перестаетъ меня упрекать за это.

Ты, какъ я ожидалъ, надулъ меня относительно твоего пріѣзда сюда. Это съ твоей стороны неблагородно. А я ожидалъ, что ты не только пріѣдешь самъ, но еще привезешь мнѣ и зонтикъ, который я оставилъ въ Клину. Съѣзди по крайней мѣрѣ туда и возьми его; лучше же тебѣ имъ воспользоваться, нежели какому-нибудь другому, мазурику. (Замѣть, что между словами: *другому* и *мазурику*, стоитъ запятая, значитъ названіе мазурикъ къ тебѣ не относится. Для подтвержденія смотри въ грамматикѣ Иванова статью о знакахъ препинанія) [1]).

Прочиталъ ли ты Куторги о земной корѣ и намѣренъ ли обругать его? Напиши, тѣмъ болѣе, что здѣсь кто-то распространилъ слухъ, будто Куторга отправляется въ Москву на мѣсто Рулье. Равнымъ образомъ, хочешь ли написать что-нибудь о книжкахъ Ленца, «Физической Географіи», и «Земля и человѣкъ», Арнольда Гюйо? Если можно написать интересныя рецензіи, то напиши и пришли, пожалуйста, миленькій, хорошенькій. Да напиши мнѣ объ Анетѣ и Юліи, у которыхъ я цѣлую ручки. Юленькѣ желаю отъ всей души, чтобъ она отправилась поскорѣе въ Даниловъ, или, по крайней мѣрѣ, пріѣхала бы въ Петербургъ изъ этой гадкой Москвы, гдѣ все покрыто пылью и пахнетъ дегтемъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ сырость вездѣ, не смотря на засуху, и повсюду краской воняетъ, а въ день коронаціи отъ плошекъ невыносимо несло маслищемъ. Все-таки нѣсколько благороднѣе. А ужь я бы помѣстилъ Юленьку вмѣстѣ съ В., которая занимаетъ теперь двѣ очень миленькія комнатки.

Ты думаешь, — я еще писать буду? Нѣтъ, братъ, будетъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА

(писанное вскорѣ послѣ 21 авг. 1858).

По опыту еще прошу тебя не слишкомъ ввѣряться людямъ, просящимъ взаймы денегъ, а особенно которые клянутся и много обѣщаютъ; говорю къ тому, чтобы представить тебѣ весь адъ, въ которомъ я находился май, іюнь и іюль мѣсяцы: одинъ кредиторъ хотѣлъ посадить Демидова въ тюрьму; онъ 21 апрѣля обратился ко мнѣ съ мольбою помочь. Ну, какъ мнѣ не помочь, человѣкъ достаточный; получивши за фортепіано 50 р., я отправился еще къ Котельникову [2]), у него взялъ 200 руб. и заплатилъ эти деньги за Демидова. Вотъ, думаю, поблагодаритъ за выручку. Дѣйствительно поблагодарилъ, но ласковымъ словомъ, а деньги могъ содрать только

---

1) Запятая между „другому“ и „мазурику“ поставлена такъ, чтобы видно было, что первоначально не считалась она надобной и прибавлена послѣ, только для формальнаго оправданія отъ обвиненія въ причисленіи пріятеля къ мазурикамъ.

2) Купцу, жившему теперь въ домѣ Добролюбовыхъ.

21 августа. А между тѣмъ въ это время съ докторомъ расплатился, въ аптеку переплатилъ страсть, хоронилъ, поминалъ; да и дѣти стали требовать по случаю ярмарки,—и такимъ образомъ на мнѣ оказалось долгу 400 р. сер.; да жалованье впередъ за два мѣсяца. Но скажу тебѣ, что ни разу я не измѣнилъ себѣ, ни разу не удержалъ чужихъ денегъ долѣе срока, перехватывая у добрыхъ людей то и дѣло, и ни разу не отказалъ дѣтямъ, стараясь, чтобы не обнаружиться [1]), дать всегда больше. Даже въ послѣднемъ письмѣ къ тебѣ насчетъ расходовъ на отправку Володи совѣтовалъ тебѣ не высылать денегъ, обѣщаясь израсходовать ихъ изъ опекунскихъ денегъ, хотя, говоря по совѣсти, и не прочь былъ [2]) получить 25 р., чтобы вновь не занимать; и все это я долженъ скрывать; и тебѣ даже не хотѣлъ открыть своего несчастія и безвыходнаго положенія. Урокъ, кажется, вразумительный для меня на будущее время. — — Но за всѣмъ тѣмъ, я не раскаиваюсь въ этомъ знакомствѣ [3]), какъ вздумалъ мнѣ глупый Митрофанъ отвѣчать на мое любезное письмо семинарскими глупыми пошлостями, въ родѣ того: надѣюсь ли я быть секретаремъ. Сохрани Богъ быть секретаремъ на 18 руб. въ мѣсяцъ. Потомъ что мой Демидовъ? что онъ [4]) не лѣзетъ не въ свои сани, не въ свой кругъ, какъ я, и не думаетъ разбогатѣть, какъ думалъ и надѣялся прежде. Какъ будто я самъ лѣзъ на знакомство къ Демидову, и притомъ для компаньонства. По его мнѣнію, всѣ повѣренные не въ свои сани лѣзутъ, занимаясь дѣлами значительныхъ людей. Это служба для пользы каждаго. Конечно, сидѣть и фантазировать лучше. Но что всего пошлѣе, такъ это то: не нашелся [5]) у меня еще другой Демидовъ. Ну какъ такъ писать! Экая пустая голова съ своими глупыми пониманіями! и давать мнѣ такое пониманіе обо мнѣ! И все это пишетъ въ отвѣтъ на письмо мое, гдѣ я, вызванный его прежнимъ письмомъ: нѣтъ ли у меня охоты и дороги служить въ компаніи, просилъ его помочь мнѣ въ прінсканіи должности, полагая, что это онъ можетъ сдѣлать по сношенію компаніи желѣзныхъ дорогъ съ ихъ заводомъ [6]); по крайней мѣрѣ онъ такъ далъ понять. Прости, что объ этомъ такъ распространился; но ужасно тяжело и больно видѣть подобный взглядъ людей умныхъ, съ какимъ-то особеннымъ пониманіемъ дѣла, и я не могъ утерпѣть, чтобы хоть тебѣ при случаѣ не поругать его, хотя рѣшительно хотѣлъ оставить это безъ вниманія, для чего и письмо его, тотчасъ по полученіи, изорвалъ, чтобы забыть о немъ.

Володю я послалъ къ тебѣ въ квартиру, что около желѣзной дороги. Я давалъ денегъ Ниночкѣ, просилъ, приказывалъ, сердился, что она плохо его срядила, но болѣе я не могъ по своимъ недосугамъ. Я даже самъ за калошами Володиными заѣзжалъ, шерстяные

---

[1]) Не обнаружить передъ нимъ и тетками ихъ затруднительность своего положенія.

[2]) Разговорный оборотъ, вмѣсто „былъ бы“.

[3]) Потому-что пріобрѣлъ хорошую опытность въ стряпчествѣ и деньги

[4]) Митрофанъ Ефимовичъ.

[5]) По недосмотру пропущено „ли“—„не нашелся ли у меня“ и т. д.

[6]) Митрофанъ Ефимовичъ служилъ тогда на Сестрорѣцкомъ заводѣ.

чулки ему покупалъ, и все это предъ отъѣздомъ. Отъ меня зависѣло [1]) посадить его удобнѣе на пароходѣ, и я его помѣстилъ въ 1-й классъ.—Катенькѣ салопъ, и платье, и шляпки, все сдѣлали.

Весь твой В. Добролюбовъ.

У меня теперь дѣнъ на 20 страшно много разныхъ занятій.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА

(писанное вскорѣ послѣ предъидущаго письма, въ концѣ августа или началѣ сентября 1858).

Любезный другъ мой Николай Александровичъ, посылаю къ тебѣ Володю. Я, не смотря не недосуги, много заботился и толковалъ Ниночкѣ, чтобы она приготовила ему бѣлье и все необходимое къ пути; чего она не исполнила, взыщи съ нея. Метрическое свидѣтельство и увольнительное я на-дняхъ къ тебѣ вышлю; подалъ просьбу давно, но некогда было сходить въ консисторію.

На проѣздъ Володинъ я ассигновалъ 25 руб., изъ коихъ *до 14* заплатится за пароходъ, 3 за желѣзную дорогу, а 8 отдамъ Драницыну, въ которыхъ ты возьми съ него отчетъ.

Царскій балъ рѣшительно меня сбилъ съ толку [2]), и я теперь съ ранняго утра до глубокой ночи, какъ маятникъ, суечусь: то съ уборкой, то пишу, то сдаю, то бѣгаю и ѣзжу. Лѣвый бокъ мой, отъ котораго я страдаю съ 15-го мая, другой день почти не болитъ; а ноги часто какъ ледяныя, не смотря на бѣготню, вѣроятно отъ раздраженія и прилива крови къ головѣ.

Съ Демидова я, наконецъ, получилъ 1000 руб., изъ коихъ 600 рублей долженъ былъ заплатить за него по поручительству, а 400 руб. оставилъ у себя на уплату 120 р. долга и 280 рублей на покупки, потому-что весь оборвался, и на проѣздъ куда-нибудь погулять.

Какъ ты думаешь, во что мнѣ обойдется проѣздъ въ С.-Петербургъ съ обратнымъ путемъ, и когда пріѣхать, чтобы вынести с.-петербургскій климатъ? Напиши, пожалуйста.

За Демидовымъ осталось теперь еще 1000 руб., обезпеченныя векселемъ въ 2000 руб., которыя обѣщалъ заплатить черезъ два мѣсяца.—За расходами на Володю и Катеньку, у меня теперь вашихъ денегъ осталось все-таки болѣе 200 рублей.

Михаилъ Ивановичъ еще стребовалъ съ меня семь руб., и такимъ образомъ Катенькины проѣзды [3]) обошлись 40 руб.

В. Добролюбовъ.

---

[1]) То есть: зависѣло только.

[2]) Служа при дворянскомъ собраніи и завѣдуя домомъ его, Василій Ивановичъ долженъ былъ помогать губернскому предводителю въ приготовленіяхъ къ этому балу.

[3]) То есть: проѣздъ Михаила Ивановича за Катенькой въ Симбирскъ и проѣздъ его съ нею оттуда въ Нижній.

(Особый листокъ, который былъ приложенъ, по всей вѣроятности, къ этому письму).

Посылаю къ тебѣ свидѣтельство о рожденіи Володи и объ увольненіи его изъ духовнаго званія; ты меня объ этомъ не просилъ, а я сдѣлалъ, чтобы тебѣ не встрѣтить препятствій. Но хорошъ я буду, если ты не хотѣлъ увольненія Володинова изъ духовнаго званія; а между тѣмъ дѣло уже сдѣлано.

Преданный тебѣ

В. Добролюбовъ.

Пишу мало и плохо потому, что недавно писалъ, а главное, какъ ни кажусь я спокойнымъ и веселымъ, но на дѣлѣ чувствую себя еще далекимъ отъ этого завиднаго положенія: все мнѣ опротивливаетъ, все не нравится, ну, однимъ словомъ, все ни почемъ. Но это необходимая дань несчастію, въ которомъ я находился одинъ годъ и два мѣсяца [1]) и въ которомъ теперь еще нахожусь. Говорятъ опытные люди, что по прошествіи шести недѣль подобное настроеніе духа пройдетъ. На послѣднее твое письмо я уже отвѣчалъ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТРУБЕЦКАГО.

(Отъ 9 сент. 1858).

Любезнѣйшій Николай Александровичъ!

Посылаю вамъ четыре довѣренности на полученіе денегъ изъ казначейства. Елизавета Никитишна и Софья Алексѣевна уже просили Васъ сдѣлать извѣстныя распоряженія съ суммами, имъ принадлежавшими;—по прошеніямъ же Елизаветы Христофоровны слѣдуетъ получить 995 р. с. Эти деньги потрудитесь внести въ С.-Петербургскій опекунскій совѣтъ въ уплату процентовъ по имѣнію тещи моей въ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, селеніяхъ — — и Нестюшнѣ [2]). Квитанцію, которую Вамъ выдадутъ, пришлите на мое имя.—Вы на меня не будете сердиться за нахальство моей просьбы,—надѣюсь на снисхожденіе какъ за возлагаемыя на Васъ порученія, такъ и за то, что не пишу длинныхъ просительныхъ и извинительныхъ фразъ, полагаюсь на Вашу дружбу,

душевно Вамъ преданный

Кн. В. Трубецкой.

9 сентября.

---

[1]) Столько времени длилась болѣзнь Елены Ефимовны.
[2]) Написаны названія двухъ селеній; названіе перваго написано такъ неразборчиво, что мы опустили его; быть можетъ, слѣдуетъ читать: „Ляминовѣ“.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

10 сентября 1858.

Не помню, кто изъ насъ первый замолчалъ, Михаилъ Ивановичъ; должно быть, что я. Кажется, что я не писалъ тебѣ съ мая мѣсяца, когда по твоему порученію отыскивалъ по Петербургу Прутченко, а онъ былъ въ Москвѣ. Оттого, кажется, я ничего и не писалъ тебѣ, думая, что на какой, молъ, чортъ переливать намъ изъ пустого въ порожнее. Теперь опять не знаю, что̀ написать тебѣ путнаго, такъ какъ нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно твоего положенія. Надѣюсь, что ты на меня не сердишься за лѣтнее молчаніе и теперь изобразишь мнѣ свои обстоятельства.

При этомъ рѣшаюсь просить отъ тебя откровеннаго и безпристрастнаго отзыва о томъ, что̀ сталось съ Ниной? Судя по Володѣ, она сильно плоха для родныхъ, да и письмо ея какъ-то странно. Жалуется, что ей хотятъ навязать Ванечку, но что она рѣшительно не можетъ взять его, потому что онъ будетъ ей мѣшать въ гости ходить, такъ какъ Володя мѣшалъ и Лиза мѣшаетъ. Что это такое, скажи на милость? Меня такая выходка очень удивила. Или это она не сама отъ себя написала? [1]) Да, кажется, и этого не можетъ быть... Объясни мнѣ, пожалуйста, всю эту исторію. Ты, вѣроятно, лучше другихъ это дѣло понимаешь и скорѣе другихъ скажешь настоящую правду.

Опиши мнѣ и свои дѣла. Тогда я тебѣ отвѣчу обстоятельно.

Твой братъ Н. Добр.

Что твоя библіотека?

Марьѣ Дмитріевнѣ кланяюсь и ручку цѣлую.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

12 сент. 1858 г.

Миша! Милый мой другъ! Письмо твое страшно. Ты весь въ какомъ-то лихорадочномъ, отчаянномъ положеніи. Неужто такая полная безотрадность господствуетъ во всемъ, что̀ окружаетъ тебя? Неужто ни души живой нѣтъ, ни одного существа мыслящаго или способнаго къ мысли не встрѣтилъ ты тамъ? Грустно вѣрить этому, Миша. Ты ничего не пишешь о гимназистахъ: развѣ ты не сблизился съ ними? Развѣ не старался пробивать хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ кору ковенской пошлости и апатіи? Ради Бога, Миша, напиши мнѣ объ этомъ подробнѣе. Вѣдь ты знаешь, что вся наша надежда на будущія поколѣнія. Было время, и очень недавно, когда мы надѣялись на себя, на своихъ сверстниковъ; но теперь и эта

---

1) А по внушенію мужа.

надежда оказывается неосновательною. Мы вышли столько же вялыми, дряблыми, ничтожными, какъ и наши предшественники. Мы истомимся, пропадемъ отъ лѣни и трусости. Бывшіе до насъ люди, вступившіе въ разладъ съ обществомъ, обыкновенно спивались съ кругу, а иногда попадали на Кавказъ, въ Сибирь. въ іезуиты вступали или застрѣливались. Мы, кажется, и этого не въ состояніи сдѣлать. Полное нравственное разслабленіе, отвращеніе отъ борьбы, страсть къ комфорту, если не матеріальному, то умственному и сердечному,— дѣлаетъ насъ совершенно безполезными коптителями неба, негодными ни на какую твердую и честную дѣятельность. Ты можешь подумать, что все это я пишу о тебѣ, желая упрекнуть тебя въ томъ, что ты такъ упалъ духомъ. Да, пожалуй, относи и къ себѣ все, чтó мной сказано: я тебя не исключаю изъ этой характеристики нашего поколѣнія. Но повѣрь, что я никого не исключаю изъ нея, и всего меньше себя. Разница между нами, въ отношеніи къ нашей спячкѣ, не очень велика. Одинъ спитъ 24 часа въ сутки, другой—23 часа и 59 минутъ, третій 23 часа и 59 минутъ съ половиной, съ четвертью, съ осьмушкой и т. д.; но повѣрь, что разница нейдетъ дальше одной минуты. При видѣ великихъ вопросовъ, подымаемыхъ жизнью, при заманчивой перспективѣ трудной и горькой, но плодотворной дѣятельности, ожидающей новыхъ тружениковъ, при воспоминаніи о великихъ урокахъ исторіи—пробуждается иногда какая-то рѣшимость, шевельнутся проклятья, разольется сладкое чувство человѣческой, идеальной любви по всему организму,—но все это тотчасъ же и замретъ, не успѣвши выразиться даже и въ словѣ, не только на дѣлѣ. И это не только въ себѣ замѣчаешь; то же самое дѣлается и съ другими, кого любишь и уважаешь за благородство и честность, на кого мы, бывало, возлагали наши лучшія, святѣйшія надежды. Я хотѣлъ бы тебѣ написать много и горячо о той мрачной, безсильной, ожесточенно-грустной тишинѣ, которая господствуетъ теперь между нашими лучшими людьми, послѣ тѣхъ неумѣренныхъ надеждъ, какимъ предались три года тому назадъ... Но я не пишу потому, что на письмѣ такія вещи могутъ быть дурно поняты, и притомъ я не знаю, до какой степени не похожи на господина Шпекина ковенскіе и прочіе почтари. Непріятно было бы, если бы задушевное описаніе, съ помѣщеніемъ другихъ лицъ, попало, вмѣсто тебя, чортъ знаетъ къ кому.

Не въ одномъ Ковнѣ тяжело и грустно, мой милый Миша. Горько и здѣсь, горько и въ Москвѣ, горько и въ Казани. О Москвѣ я знаю, да и ты, вѣрно знаешь по Бордюгову; о Казани разсказывалъ мнѣ Поржницкій, уволенный изъ казанскаго университета и пріѣхавшій сюда для поступленія въ Медицинскую Академію, чтó ему, кажется, не удастся. И онъ значительно укротился противъ прежняго. Но все-таки онъ моложе сердцемъ, онъ болѣе полнъ надеждъ и энергіи, чѣмъ мы съ тобой и съ Ваней Б. [1]). Это значитъ, что на немъ не легла мертвенная апатія русскаго крѣпостного народа, какъ легла она на насъ всѣхъ. Онъ, между прочимъ, недоволенъ тобой, хотя и не говоритъ рѣшительнаго сужденія подобно Михайловскому и Щеглову,

[1]) Бордюговымъ.

узнавшимъ о твоемъ письмѣ къ брату въ Казань. Ты въ горькую минуту написалъ ему о N. [1]), прося его поклониться этому мерзавцу, поблагодарить его и т. д. Все это было принято за чистую монету, не исключая и фразы въ родѣ того, что наставленія NN [2]) были тебѣ очень полезны и что ты каждый день на опытѣ убѣждаешься все болѣе и болѣе въ ихъ справедливости. За это на тебя воздвиглось негодованіе, въ родѣ того, какъ на меня за то, что я валялся въ ногахъ у Давыдова. Я, разумѣется, выслушалъ всѣ обвиненія на тебя довольно хладнокровно, потому что находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ писемъ твоихъ, читанныхъ мнѣ въ Москвѣ Бордюговымъ. (Ты, надѣюсь, за это не разсердишься?) [3]). Впрочемъ, и не зная твоихъ писемъ, я бы не смутился отъ нелѣпаго обвиненія [4]). Мнѣ странно и жалко всегда смотрѣть на людей, которые ни на какой степени сближенія не могутъ найти въ душѣ своей достаточно довѣрія къ человѣку. Имъ [5]) все нужно *казаться* хорошимъ, нужно употреблять условныя учтивости и приличія, нужно танцовать на фразахъ. Ты можешь, кажется, скопить [6]) себя для нихъ, и все-таки они будутъ подозрѣвать тебя, если какой-нибудь дуракъ скажетъ имъ, что ты въ связи съ ихъ женами. Поржницкій еще лучшій изъ нихъ, да и самое недовѣріе къ людямъ въ немъ можно извинить тѣми гадостями, какія случалось ему вытерпѣть на своемъ вѣку. Но другіе... Вообрази, напримѣръ, что Ст. [7]) (до сихъ поръ не отдавшій мнѣ 90 цѣлковыхъ) писалъ обо мнѣ Турчанинову и Поржницкому, что я вошелъ въ дружбу съ генералами, съ барономъ Корфомъ, что я, поддѣлываясь подъ ихъ образъ мыслей, сочиняю статьи, въ которыхъ ругаю нашего общаго любимца изъ Вятки [8]) и его образъ мыслей, и что для вящаго позора подписываю подъ такими статьями имена своихъ товарищей, именно Турчанинова и Александровича [9]). Турчаниновъ смутился этимъ

---

1) Замѣняемъ этой буквой фамилію лица.

2) Замѣняемъ этими буквами имя и отчество того лица.

3) Въ этихъ письмахъ высказывалось подозрѣніе противъ Николая Александровича.

4) То есть: не подумай, что я принялъ обвиненія противъ тебя холодно, по досадѣ на тебя; нѣтъ, чтеніе твоихъ писемъ не ослабило моего расположенія къ тебѣ.

5) Т. е. для того, чтобы удовлетворить ихъ.

6) Оскопить.

7) Этими буквами мы замѣнимъ фамилію одного изъ товарищей, повѣрившихъ клеветѣ, что Николай Александровичъ при окончаніи курса помирился съ Давыдовымъ.

8) Герцена.

9) Сплетня, сообщенная Н. И. Турчанинову, взяла предлогомъ для обвиненія Николая Александровича статью его, напечатанную подъ псевдонимомъ „Н. Турчиновъ" и два разсказа, которые напечаталъ онъ, подписавъ ихъ псевдонимомъ „Н. Александровичъ". Эта статья и эти разсказы не имѣютъ важности, потому не вошли въ собраніе „Сочиненій Н. А. Добролюбова"; но всѣ они хороши, и давали бы право на извѣстность писателю, который не имѣлъ бы другихъ правъ на нее.—Составляя псевдонимъ „Н. Турчиновъ", Николай Александровичъ, по всей вѣроятности, воспользовался фамиліею Турчанинова; псевдонимъ „Н. Александровичъ" онъ составилъ просто черезъ обращеніе своего отчества въ фамилію, и трудно сказать, припомнилось ли ему тогда, что этотъ псевдонимъ совпадаетъ съ фамиліею одного изъ бывшихъ товарищей, разошед-

и не имѣя подъ руками «Современника», спрашивалъ Михалевскаго, правда ли это; Михалевскій передалъ ту же просьбу съ вопросомъ Спиборскому, а Спиборскій разузнавалъ отъ Ник. Михайловскаго, который передалъ обо всемъ мнѣ. Поржницкій просилъ у меня «Современникъ», чтобы повѣрить истину словъ Ст... Скажи на милость, не потѣха ли это?

шихся съ нимъ по поводу вымысла о его примиреніи съ Давыдовымъ: его прежнія отношенія къ г. Александровичу не были особенно коротки, потому, когда онъ вздумалъ употребить свое отчество какъ псевдонимъ, ему могло и не прійти въ мысль, что эта подпись будетъ одинакова съ фамиліею бывшаго товарища. Но такъ ли, или нѣтъ, все равно: при употребленіи этихъ псевдонимовъ не могло быть у него никакого намѣренія сдѣлать обиду или непріятность Турчанинову ли, или г. Александровичу: то, что́ напечаталъ онъ съ подписями „Н. Турчиновъ“ и „Н. Александровичъ“, не содержало въ себѣ никакой мысли, которую не захотѣли бъ признать честной эти ль его товарищи или вообще тогдашніе молодые люди честнаго образа понятій.—Подъ псевдонимомъ „Н. Турчиновъ“—онъ напечаталъ въ сентябрской книжкѣ „Современника“ 1857 года статью: „Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи“. Статья написана по поводу возстанія сипаевъ, начавшагося въ маѣ того года и продолжавшаго лѣтомъ расширяться. Оно возбуждало всеобщій интересъ и въ западной Европѣ и у насъ. „Современнику“ нужна была статья о немъ. Тотъ сотрудникъ, который обыкновенно писалъ статьи по подобнымъ предметамъ, не имѣлъ досуга написать ее и попросилъ объ этомъ Николая Александровича. Онъ отказывался, говоря, что мало знакомъ съ предметомъ, получилъ отвѣтъ, что все-таки справится съ дѣломъ удовлетворительно, и согласился исполнить просьбу. И дѣйствительно, статья вышла хорошая. Онъ дѣлаетъ обзоръ исторіи Остъ-Индіи, объясняетъ ею происхожденіе возстанія сипаевъ и показываетъ, что подавивъ мятежъ, англичане произведутъ въ своемъ управленіи Остъ-Индіей улучшенія, благодаря которымъ оно, ужь и прежде бывшее полезнымъ для этой страны, станетъ еще благотворнѣе и дастъ ихъ власти болѣе прочную основу, на которой и будетъ держаться оно до той поры, когда индійцы, благодаря заботамъ англичанъ о ихъ просвѣщеніи, станутъ способны къ самоуправленію, а потомъ и къ полной политической независимости. Вотъ конецъ статьи:

„Вѣроятно, еще англійская цивилизація будетъ долго господствовать въ Индіи и руководить ея народы на пути просвѣщенія. Но теперь уже и значеніе Англіи въ отношеніи къ Остъ-Индіи должно перемѣниться. Назначеніе ея будетъ уже не эксплуатація народа, наконецъ обнаружившаго, что онъ начинаетъ понимать самъ себя, а его образованіе. Это уже замѣтили государственные люди Англіи, выражавшіе убѣжденіе, что Индія должна быть управляема изъ Индіи и для Индіи, а не изъ Англіи и для Англіи. Теперь, даже среди ожесточенія, какое возбуждено въ общественномъ мнѣніи англичанъ неистовствами сипаевъ, раздаются уже въ парламентѣ и на митингахъ голоса противъ злоупотребленій англійскаго управленія въ Индіи; въ лондонскихъ газетахъ печатаются статьи и письма, полныя упрековъ Англіи и сожалѣнія объ участи туземцевъ. Въ этой смѣлости, безпощадности, съ которой во всякое время могутъ быть раскрыты правительственные и общественные недостатки, заключается величайшая сила Англіи. Съ этимъ благодѣтельнымъ правомъ общественнаго голоса, она избѣгала многихъ ошибокъ въ своей государственной жизни. Оно же, вѣро́ятно, поможетъ ей и теперь устроить управленіе Индіею съ бо́льшимъ вниманіемъ къ нуждамъ народа, съ большею заботою о его благѣ, нежели съ корыстолюбивыми разсчетами относительно налоговъ и пошлинъ. И тогда, конечно, англійское могущество сильнѣе прежняго надолго утвердится въ Остъ-Индіи, которая пойдетъ рука въ руку съ своей метрополіей на пути цивилизаціи“.

Н. И. Турчаниновъ не могъ бы написать такой статьи; но если бы не былъ сбитъ съ толку чужими внушеніями, то призналъ бы ее соотвѣтствующей понятіямъ его о справедливости.

Подъ псевдонимомъ „Н. Александровичъ“ Николай Александровичъ помѣстилъ въ „Современникѣ“ два разсказа: „Доносъ“ (въ августовской книжкѣ 1857

Спѣша отослать письмо, не распространяюсь о многомъ, о чемъ бы хотѣлъ говорить съ тобой. Пиши мнѣ, ради Бога. Это можетъ облегчать душу намъ обоимъ. Совѣтую тебѣ перемѣщаться изъ Ковна: если не будетъ лучше, то не будетъ и хуже, — а между тѣмъ разнообразіе оживитъ тебя, а впослѣдствіи можетъ и пригодиться.

Пиши теперь на мое имя,—на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Краевскаго (бывшемъ Норова). Я живу съ Некрасовымъ въ одномъ домѣ и почти въ одной квартирѣ.

Н. Добр.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

15 сентября 1858.

Письмо твое, любезный мой другъ Николай Александровичъ, я получилъ вчера и поспѣшаю самъ отвѣтить тѣмъ же. Впрочемъ, есть небольшой разсчетъ [1]) въ моихъ и твоихъ письмахъ: мои—всегда просьба, и просьба всегда почти затруднительная, а на этотъ разъ и очень трудная. Прошу только хоть «да», хоть «нѣтъ», а все-таки отвѣть до перваго октября, чтобы я въ половинѣ того мѣсяца могъ имѣть отъ тебя свѣдѣніе. Прежде же всего отвѣчаю тебѣ.—Объ Ниночкѣ сказать однимъ словомъ довольно трудно и особенно потому, чтобы не ошибиться. Замужняя жизнь ея не вполнѣ такая, какъ я ожидалъ, но все-таки жизнь не плохая: бывшій женихъ ея, а настоящій мужъ, немного перемѣнилъ свой ангельско-кроткій характеръ на болѣе положительный, но все-таки можно утвердительно говорить, что лучшаго требовать невозможно: не пьяница, не драчунъ, не шатунъ и—довольно этого. Ошибка въ немъ на счетъ любви къ роднымъ, которую онъ выказывалъ болѣе женихомъ, чѣмъ мужемъ, но этого не передѣлаешь. — — Жизнь Катина совсѣмъ не такая, какая была Ниночкина: та у насъ при своемъ умѣ—умѣла всегда каждую минуту употреблять на свои дѣла, и сходна съ Катиной жизнью только тѣмъ, что и эта сидитъ дома, во-первыхъ, потому, что не въ чемъ ходить, а во-вторыхъ, потому, что не кому оставаться будетъ съ

года) и „Дѣлецъ" (въ майской книжкѣ 1858). Оба они—изложенные въ формѣ повѣстей—факты изъ служебной дѣятельности чиновниковъ. Такіе разсказы составляли важнѣйшую часть тогдашней такъ-называемой обличительной литературы. Въ обоихъ нѣтъ ничего несоотвѣтствующаго понятіямъ тѣхъ прогрессистовъ, къ числу которыхъ принадлежали г. Александровичъ и г. Ст. Напротивъ, эта часть публики была тогда въ восторгѣ отъ обличительной литературы. Разсказы Николая Александровича были по литературному достоинству не ниже тѣхъ ея произведеній, которыя считались очень хорошими. Но Николай Александровичъ, написавшій ихъ еще въ Институтѣ, вскорѣ послѣ того ужъ перестадъ придавать обличительной литературѣ значеніе, какое продолжала видѣть въ ней масса прогрессистовъ, и напечаталъ свои разсказы лишь уступая желанію Некрасова, который справедливо нашелъ, что когда они ужъ написаны, то слѣдуетъ воспользоваться ими для пополненія беллетристической части журнала.—Очеркъ ихъ содержанія мы дадимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе, чѣмъ въ этихъ примѣчаніяхъ, будетъ помѣщать длинныя выписки изъ произведеній Николая Александровича, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій.

[1]) Есть небольшая разница.

Лизой. — — На счетъ Вани ты много не думай. Мы нарочно пугаемъ то Ниночку, то Ваню, что послѣдняго держать не будемъ, тѣмъ болѣе, что за него платитъ Василій Ивановичъ на содержаніе 3 рубля въ мѣсяцъ, что съ ребенка достаточно, а любовь матушкина добавляетъ прочіе расходы на его шаловство и работу на обмундировку. Она печется объ немъ больше, чѣмъ обо внукѣ. Насчетъ помѣщенія Кати у Ниночки никто насъ не спросилъ: матушка хотѣла ее взять къ себѣ, разумѣется, съ нѣкоторыми условіями, но кончилось тѣмъ, что она тамъ поселилась. Впрочемъ, матушка современемъ будетъ писать тебѣ сама, если ея жизнь ухудшится, когда Михаилъ Алексѣевичъ сойдетъ отъ насъ на казенную квартиру, тогда и я вполнѣ узнаю характеръ Михаила Алексѣевича и, стало-быть, жизнь Ниночкину. Много не заботься о Катѣ, ее матушка любитъ не много меньше Вани и много худаго не допуститъ. Ваня, послѣ отъѣзда Володи, не учится: мы отказали учителя [1]) потому, что онъ не совсѣмъ здоровъ, да и у насъ въ залѣ даже мѣста нѣтъ: тутъ у меня сдѣлана мастерская; послѣ отъѣзда Михаила Алексѣевича [2]) опять онъ будетъ учиться. Впрочемъ, онъ въ четыре мѣсяца довольно успѣлъ, при всей своей лѣности.

Теперь о себѣ. Я долго не писалъ тебѣ потому, что на три моихъ и *нужныхъ* писемъ ты не отвѣтилъ. Я не осердился, а счелъ лучшимъ подождать лучшаго отъ тебя времени, которое и настало: ты самъ вспомнилъ обо мнѣ, о моихъ планахъ и жизни. Насчетъ службы я тебя не хочу и безпокоить: я очень несчастливъ, вполнѣ вижу, что ничего не выиграю, при всѣхъ хлопотахъ, стало быть и утруждать другихъ не для чего. — — Я рѣшилъ придумать другое. Теперь у меня дѣла съ апрѣля мѣсяца пошли лучше: я сталъ картонщикъ, то есть, дѣлаю все, что можно изъ картона. Работы имѣю довольно, особенно отъ двухъ аптекъ: Тейкнера [3]) и Эвеніуса. Но еще хотѣлось бы устроить что-нибудь посущественнѣе; это давно задуманный планъ—библіотека. Не имѣешь ли ты сношеній съ книгопродавцами петербургскими, и не выищется ли кто изъ нихъ охотникъ дать рублей (на тысячу) книгъ: романовъ, повѣстей, однимъ словомъ, что можетъ читать людъ нижегородскій. Условія мои были бы теперь: деньги уплатить въ пять лѣтъ, а дальше могутъ и измѣниться, приноравливаясь къ обстоятельствамъ, какія откроются изъ твоего письма. Кемарскій беретъ на свою отвѣтственность; стало-быть, купцамъ опасаться нечего. Если же это окончательно не удастся—нельзя ли имѣть нѣкоторыя изданія будущаго года (1859 г.) съ тѣмъ, чтобы деньги за нихъ получить съ меня въ половинѣ года. Я бы рискнулъ на чтеніи новыхъ журналовъ: у Кемарскаго [4]) это есть, и теперь приноситъ двойной барышъ, хотя въ первый годъ шло и безъ барыша. При этомъ, видишь, могъ бы я понемногу на-

1) Провинціализмъ, вмѣсто: „учителю“.

2) То-есть, послѣ переѣзда его на квартиру въ церковный домъ, когда будетъ попросторнѣе.

3) Фамилія написана неразборчиво; кажется, должно читать такъ.

4) Г. Кемарскій имѣлъ кондитерскую и выписывалъ для нея журналы, книжки которыхъ, по полученіи новыхъ, отдавалъ для чтенія на домъ.

чать торговлю, въ которую я давно хотѣлъ бы пуститься, но не знаю съ чего. Не забывай же моей просьбы, какой бы отвѣтъ ни былъ, отвѣтить на это письмо, хотя двѣ строки. Я буду съ нетерпѣніемъ дожидаться; а, можетъ быть, ты придумаешь самъ что-нибудь еще лучше и главное—возможное осуществить.

Жена тебѣ кланяется.

Твой братъ Мих. Благообразовъ.

(Приписка Фавсты Васильевны).

Любезный Николинька!

Отъ всего сердца извиняюсь, что не успѣла отвѣтить на твое послѣднее письмо: домашнія дѣла не даютъ хорошенько обдумать ничего. Не вижу совсѣмъ, какъ идетъ время. Скажу тебѣ новость, что я пріучилась къ работѣ: постоянно клею коробки, и Миша очень доволенъ. У насъ чистая мастерская: вездѣ обрѣзки—картонъ и всякая всячина; слава Богу, что мало ходятъ гости. Внучка у меня день ото дня хорошѣетъ, а какъ учится шалить, нельзя и сказать. Скоро дожидаемся еще прибыли въ моемъ родѣ, и Ниночка не захотѣла уступить моей невѣсткѣ, тоже толстѣетъ животомъ. Володеньку благодарю за письмо; очень рада, что онъ здоровъ и желаю, чтобы хорошо учился. Ваня его и тебя цѣлуетъ и пишетъ вамъ всё письма. Я очень рада, что Катю привезли; она очень выросла и потолстѣла. Тиха она по прежнему, и я ее по прежнему люблю. Спитъ она у меня, хотя живетъ у Ниночки. Теперь она гоститъ у Вареньки [1], и потому ничего не могу сказать о томъ письмѣ твоемъ къ ней. Она сама напишетъ, когда будетъ дома. Цѣлую тебя и Володеньку заочно. Тетка твоя Фавста Благообразова.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

13 сент. 58 г.

Лѣности бываютъ предѣлы также, какъ и терпѣнію. Прошу тебя не забывать этого, хотя и знаю, что прошу напрасно: тебѣ лѣнь будетъ это запомнить, ты возьмешь да и забудешь опять. Удивляетъ меня только то, что ты собрался написать къ Мишѣ. Я не хотѣлъ вѣрить этому, но полученное вчера письмо отъ него свидѣтельствуетъ, что ты не только отослалъ къ нему мою записочку, но и самъ приписалъ нѣчто. Это изумительная дѣятельность!

Оказалась забавная вещь: Степановъ [2], не видавшись со мною, успѣлъ написать тебѣ письмо съ новымъ требованіемъ денегъ. Я сначала подосадовалъ на него, а потомъ обрадовался: пусть онъ, жидоморъ, будетъ наказанъ хоть гривенникомъ за тѣ проценты, кото-

[1] Варвары Васильевны.
[2] Очевидно, портной.

рые съ насъ зашибаетъ на платъѣ. И выходитъ, что иногда письма писать бываетъ не только безполезно, но и невыгодно. Не потому ли ужъ и ты ко мнѣ не пишешь? Впрочемъ,—развѣ у тебя станетъ энергіи на то, чтобы разсчитывать, чтó тебѣ выгодно, чтó невыгодно! Просто—лѣнь хохлацкая заѣла тебя. Если ты не отвѣтишь въ скоромъ времени на это письмо, такъ я напишу къ твоему инспектору, чтобы онъ офиціальнымъ манеромъ заставилъ тебя писать ко мнѣ. Если же и это не поможетъ, напишу къ Анетѣ; сообщи мнѣ для этого ея адресъ.

Ты можешь, пожалуй, соврать, сказавши, что писалъ мнѣ въ Новую Деревню, откуда я перебрался въ городъ уже 25 августа. Но твое вранье не пойдетъ въ прокъ: оттуда два раза въ недѣлю ходитъ къ В. молочница, которая непремѣнно принесла бы письмо, если бы оно было.

Ты видишь, что мнѣ нечего писать и я гну всякую ерунду, чтобы написать листокъ. Это значитъ, во-первыхъ, что я радъ письму отъ Миши, во-вторыхъ тому, что отработалъ свое дѣло въ «Современникъ» на сентябрь. Покончилъ даже съ *объявленіемъ*, въ которомъ имя мое неоднократно упоминается всуе, по желанію Некрасова. Скажи мнѣ, какъ тебѣ понравятся стихи Волгина въ этой книжкѣ? Пять изъ нихъ, которые получше, не пропустила цензура; но и тѣ, которые остались, мнѣ лично очень нравятся. Ты обязываешься содѣйствовать прославленію этого молодаго человѣка, рѣшившагося наконецъ, опять по совѣту Некрасова [1]), выступить на стихотворное поприще. Но, прославляя всѣми правдами и неправдами господина Волгина, ты долженъ знать, что это его настоящая фамилія и что болѣе этого ты ничего о немъ не знаешь.

Въ Москвѣ, кажется, начинаютъ появляться глупые листки по пятачку, въ родѣ «Смѣха», «Весельчака» и т. п. Здѣсь ихъ нельзя достать, а въ Москвѣ, я думаю, легко. Сдѣлай милость, собирай ихъ по мѣрѣ появленія и потомъ, когда наберется значительное количество, пришли мнѣ. Это для меня необходимо. Въ этомъ случаѣ ужь я тебя прошу не лѣниться.

Ко мнѣ пріѣхалъ девятилѣтній братъ. Кажется, я тебѣ еще не писалъ объ этомъ. До сихъ поръ онъ живетъ у В., потому что у меня въ квартирѣ не совсѣмъ устроено еще: мебель, назначенная въ мои комнаты, расклеилась и переломалась при перевозкѣ съ дачи,—теперь ее еще починяютъ. Послѣ завтра, впрочемъ, поселю его у себя окончательно, и мы примемся учиться съ нимъ всѣмъ наукамъ. Мнѣ хочется начать съ естественной исторіи. Сдѣлай милость (да брось свою лѣнь,—сядь сію минуту и отвѣть), скажи мнѣ, какую бы книжку употребить при этомъ. «Міръ Божій», по моему, ни къ чорту не годится; Дараганъ—не лучше ли? А то хоть и французскую или нѣмецкую книжку укажи. Я ему буду переводить вслухъ. Не забудь при назначеніи книжки одного условія: нужно, чтобъ она была съ рисунками, которые бы походили хоть немножко на тѣ предметы, какіе ими изображаются. А то недавно у меня была въ рукахъ кни-

[1]) То-есть: какъ по совѣту его напечаталъ Николай Александровичъ и свои разсказы.

жонка, въ которой заяцъ ужасно похожъ на тигра, а корова на бегемота. По моему, подобное сближеніе вовсе не нужно для дѣтей, начинающихъ учиться.

Не откладывай, пожалуйста, своего письма въ долгій ящикъ. Ты видишь, что отвѣтъ твой мнѣ нуженъ.

В. по прежнему страдаетъ ушами и, кромѣ того, постоянной безсонницей съ тѣхъ поръ, какъ живетъ одна. Не знаю, что съ ней дѣлать. Только тогда и засыпаетъ, когда находится въ моихъ объятіяхъ,—такъ что я служу для нея Морфеемъ.

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Сентября 24 дня 1858 года.

Письма Ваши къ намъ, отъ 7-го сентября, получены нами и я сажусь отвѣчать Вамъ на нихъ. Прежде всего скажу о Володѣ. Какъ видно изъ Вашихъ писемъ, Вы недовольны нашею невнимательностію къ Володѣ, отсутствіемъ всякой съ нашей стороны заботливости объ немъ, подумали, кажется, что мы совершенно тяготились имъ.—Конечно, мы и учили его мало и не столько, какъ Вы надѣялись, и чесали мало, мало и ласкали его. Но что дѣлать? Всему есть своя причина. Я сначала думалъ самъ учить его, но служба моя въ приходѣ и училищѣ рѣшительно не позволили мнѣ этого. Какъ я уже и прежде писалъ Вамъ объ этомъ, я ни одного дня и самъ не сидѣлъ дома. Поэтому я рѣшился взять для Володи ученика [1]), тѣмъ болѣе [2]), что Володю мнѣ прислали еще съ ничѣмъ: учился онъ у какой-то Павлы Осиповны только свящ. исторіи, да и той не зналъ ничего,—а самъ я рѣшился наблюдать за ними, когда бываю дома. Ну, и дѣло пошло было недурно. Цѣль моя — посадить Володю за ученье и сообщить ему ученическое настроеніе, возбудить въ немъ охоту учиться, любознательность—понемногу стала достигаться. Онъ явился ко мнѣ уличнымъ мальчикомъ, разсѣяннымъ, думалъ только явно или тайкомъ сшалить что-нибудь, съ восторгомъ разсказывалъ каждый день о томъ, какъ они съ Пашенькой Мичуринымъ дѣлали то и другое,—какъ воровали деньги, били людей, — . — и т. п. А теперь онъ сталъ отставать отъ всего этого, сталъ сознавать, что все это дурно, сталъ говорить, что будетъ учиться, что это лучше, и т. д. А мальчикъ мой былъ очень хорошъ для него на первый разъ,—довольно развитой и мало смотритъ семинаристомъ... Одного я опасался, что Вы скажете, зачѣмъ я велѣлъ своему мальчику учить Володю понемногу катихизису и св. исторіи, и почему вмѣсто этого не училъ его нѣмецкому и французскому языку или русской

---

[1]) То-есть: поручить одному изъ учениковъ моихъ (учениковъ высшаго отдѣленія духовнаго училища) учить Володю.

[2]) То-есть: Михаилъ Ивановичъ нашелъ тѣмъ болѣе возможнымъ поручить своему ученику учить Володю, что Володя былъ присланъ къ нему почти ничему не выученный и преподаваніе ему должно было быть самое элементарное

исторіи; но я думалъ, что куда Вы ни помѣстите его,—вездѣ этому учатъ, а читать по-нѣмецки или по-французски я не успѣлъ поучить его. Да тутъ явились другія причины, чуть не отбившія у меня вовсе охоту имѣть болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ обученіи Володи. Вамъ почему-то неугодно было обратиться прямо ко мнѣ съ вопросомъ о томъ, учится ли и какъ учится у меня Володя, а писали объ этомъ къ Мих. Ив., который вслѣдствіе этого, какъ сказывалъ мнѣ Володя, звалъ его къ себѣ и дѣлалъ ему экзаменъ, и т. д. Я подумалъ, не поручаете ли Вы Михаилу Ивановичу имѣть за нами надзоръ въ этомъ отношеніи. Потомъ Михаилъ Ивановичъ, желая, можетъ быть, доставить лишній рубль своему пріятелю, сталъ говорить, что лучше отдать Володю Ванечкину учителю, по тому поводу, что учитель Володи пишетъ плохо, а выучиться писать хорошо—для Володи всего нужнѣе, и т. д. Впрочемъ, до іюля мѣсяца Володя все продолжалъ учиться особо, и тогда уже перешелъ къ Ванечкиному учителю, когда мой мальчикъ поѣхалъ на каникулы. Ванечкинъ учитель все началъ, разумѣется, съ начала, сказавъ, что у нихъ въ гимназіи и катихизисъ, и св. исторію, и географію, и грамматику, —все учатъ подъ-рядъ; потому всѣ пять недѣль прошло у Володи въ повтореніи да изученіи того, что́ мы опускали; оттого дѣло впередъ не пошло, да много позабыто и того, что́ сдѣлано; а мнѣ уже мѣшаться въ это дѣло и нельзя было. Такимъ образомъ, оттого я и долженъ былъ мало-по-малу отступиться отъ Володи. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ собственно, Вы не жалуетесь на то, что я самъ не училъ Володю, а еще очень благодарите меня. Но я счелъ нужнымъ подробнѣе сказать уже и объ этомъ, чтобы Вы знали, какъ было дѣло, и, видя, что я поставленъ былъ, наконецъ, въ сторонѣ, не считали меня виноватымъ. Я такъ и сталъ думать, успокоиваясь тѣмъ, что, можетъ быть, Володя скоро уѣдетъ отъ насъ и тогда все вознаградится... Володя не хвалится, думаю, нашими ласками. Но иначе и быть не могло. Онъ пришелъ къ намъ такой глупый, грубый, дерзкій и непослушный, что его на каждомъ шагу нужно было учить, ограничивать, бранить, даже наказывать, а потому гладить по головѣ еще не приходилось и не годилось; да баловать дѣтей и не въ моемъ духѣ; а Ниночку сначала онъ и вовсе не хотѣлъ знать, такъ что мнѣ самому нужно было не рѣдко вмѣшиваться въ ихъ отношенія. Но онъ такъ привыкъ у Мичуриныхъ. Можетъ быть, и Володя что нибудь лишнее говорилъ Вамъ объ насъ, особенно о Ниночкѣ;—это могло быть, потому что дѣтямъ нравится только то, когда ихъ балуютъ и все позволяютъ имъ; а его весьма часто и бранили, и наказывали, особенно на первыхъ порахъ. Но я думаю, Вы упрекаете Ниночку потому особенно, что Володя пріѣхалъ къ Вамъ безъ ничего, необутый, неодѣтый, нечесанный и со вшами. И это не могло случиться иначе. У насъ Володя жилъ по-просту, какъ вообще живутъ дѣти у нашей братіи. Спалъ онъ сначала на кроваткѣ, а потомъ [1]), за неимѣніемъ мѣста, гдѣ поставить кровать,—на диванѣ,

[1]) Когда отдана была овдовѣвшимъ Василіемъ Ивановичемъ на воспитаніе сестрѣ Лиза.

уступивъ свою кроватку Лизѣ; — —. Чтобы въ головѣ не было вшей, его стригли. Пальто люстриновое онъ надѣвалъ только въ церковь, да сходить куда-нибудь съ нами или къ Мичуринымъ. Но онъ никогда не жаловался, что въ этомъ пальтѣ ему неловко, что ему третъ оно шею или что-нибудь другое, а напротивъ, всегда рядился въ него съ радостью, потому что для лѣта у него не было еще ничего, и я уже велѣлъ ему сшить хоть это пальто; ну, да по моему мнѣнію на первый разъ и этого достаточно [1]) для Володи. Пока [2]) онъ живетъ у насъ, никто его не видитъ и онъ не нуждается въ лишнемъ. Да и главное дѣло, кажется, не въ томъ, чтобы дѣти рядились, а въ томъ, чтобы учились... Ѣхать къ Вамъ—точно, дѣло другое... Надобно было уже срядить его какъ слѣдуетъ. И Ниночка, точно, докладывала объ этомъ Василію Ивановичу, когда онъ, кажется, за мѣсяцъ еще до отъѣзда Володи, упомянулъ ей о томъ, что «Николенька хочетъ взять къ себѣ Володю». Но Василій Ивановичъ сказалъ, что для Володи ничего не нужно, что бѣлье и все прочее братъ купитъ ему въ Петербургѣ, если это понадобится. Ниночка замолчала, а потомъ ничего онъ и не говорилъ уже до самаго отъѣзда Володи—даже поѣдетъ ли онъ. И я, признаюсь, какъ-то къ слову замѣтилъ Ниночкѣ, что Володя и не поѣдетъ, по крайней мѣрѣ, въ это лѣто, и что съ сентября надобно опять учить его у насъ. Но потомъ, вдругъ, наканунѣ отъѣзда Володи, послѣ будничной всенощной (Ниночка была на ярмаркѣ), Василій Ивановичъ прислалъ ко мнѣ съ просьбой сходить къ Арсенію Григорьевичу [3]) и узнать, какъ рано завтра отправляется Алекс. Арсеньевичъ. Я сходилъ и узналъ, что въ $7\frac{1}{2}$ часовъ нужно быть уже на пристани. Теперь представьте, когда же уже, если бы мы и непремѣнно захотѣли, вопреки Василію Ивановичу, собрать [4]) Володю, какъ слѣдуетъ. Я не обрѣзалъ ему и волосъ, да нельзя было мнѣ и проводить его. Теперь не мудреное дѣло, что у Володи завелись дорогой и вши; въ банѣ онъ не былъ, можетъ быть, двѣ недѣли, а дорогой сидѣлъ, и ходилъ, и спалъ, какъ попало и въ шапкѣ... Значитъ, виноватъ кто-нибудь другой, а не я съ Ниночкой, на которую Вы вылили все свое неудовольствіе. Такъ вотъ все, кажется, что дѣлалось дурно на счетъ Володи, не отъ того, что мы совершенно тяготились имъ... Кстати теперь объ этомъ. Вы напрасно полагаете, что я или Ниночка желали бы только избавиться отъ братьевъ или сестеръ. Она высказывала Вамъ свои затрудненія держать кого-нибудь у себя только по причинѣ неудобства настоящей квартиры нашей. Намъ теперь тѣсно,—повернуться негдѣ [5]). Конечно, держать ихъ—лишнія непріятности и неудовольствія (примѣръ—вотъ Володя); но что же дѣлать? Мы сами понимаемъ, что иначе жить имъ негдѣ. Да пока у насъ есть возмож-

---

1) Подразумѣвается: „было".
2) То-есть: я разсуждалъ такъ: пока.
3) Протоіерею А. Г. Драницыну, сынъ котораго взялъ съ собой Володю въ Петербургъ.
4) Подразумѣвается „было": когда жь ужь, если... и т. д., было собрать.
5) Они жили у Фавсты Васильевны; обоимъ семействамъ было дѣйствительно тѣсно, какъ видно это и изъ письма Михаила Ивановича отъ 15 сент.

ность,—почему же и не жить имъ у насъ? Ниночка—родная сестра, а я всегда любилъ васъ всѣхъ. Впрочемъ, если Вы находите лучше устроить ихъ иначе—Ваше это дѣло. Въ такомъ случаѣ прошу Васъ обратиться съ просьбой объ этомъ къ Василію Ивановичу. Кстати о Ниночкѣ. Если Ниночка въ чемъ была и неисправна къ братьямъ и сестрамъ своимъ, то, по моему, нельзя и не извинить ея. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же требовать еще отъ нея чего-нибудь многаго? Она сама-то молода еще, сама-то первый годъ еще замужемъ, сама-то только что еще какъ птичка вылетѣла изъ клѣтки и не успѣла оглядѣться. Прибавьте къ этому еще маленькія или и немаленькія непріятности съ родными Вашими, которые своими — — претензіями — — огорчаютъ и разстраиваютъ ее,—мудрено ли, что ей иногда и не до другихъ, а врядъ до себя. Да, подчасъ могутъ быть непріятности и съ Вашими родными... Особенно Василій Ивановичъ въ отношеніи ко мнѣ — — невѣжа, такъ что однажды я сказалъ Ниночкѣ, чтобы она запирала отъ него двери. Теперь о своихъ дѣлахъ. Въ приходѣ у меня пока все хорошо; отъ училища въ августѣ я совсѣмъ уволенъ — —. Съ понедѣльника буду переходить въ церковную квартиру — —. Но прошу извинить; кажется я уже много отписалъ.

М. Костровъ.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(*вложенное въ тотъ же конвертъ*)

23 сентября 1858 года.

Милый и незабвенный братецъ Николенька, ты просишь меня, чтобы я говорила тебѣ *ты*,—я, изволь, исполню это. Ты спрашиваешь, гдѣ я живу и хорошо ли мнѣ. Я живу у Ниночки и очень, очень рада этому, хотя теперь у тетеньки въ квартирѣ [1]) весьма тѣсно, такъ что я ночевать хожу къ тетенькѣ [2]). Я вотъ уже другой мѣсяцъ какъ пріѣхала изъ Симбирска, но еще не могу привыкнуть; но вотъ скоро, къ Покрову, перейдемъ въ казенную квартиру. Михаилъ Алексѣевичъ такъ добръ, что даетъ мнѣ съ Лизанькой особенную комнату. Я прошу Ниночку, чтобы она позволила мнѣ заниматься хозяйствомъ—такъ, какъ дѣлаетъ Анночка у тетеньки [3]), и я надѣюсь, что мнѣ тамъ будетъ хорошо и пріятно; надѣюсь, что не услышу ни одного попрека за какой-нибудь кусокъ, такъ, какъ часто слышатъ другіе, которые живутъ у чужихъ. Нѣтъ, милый братецъ, не безпокойтесь и не сомнѣвайтесь, что мнѣ нехорошо... Мнѣ очень хорошо и пріятно, и я надѣюсь, что мнѣ лучше нигдѣ не можетъ быть. Ниночка мнѣ родная сестра и она не пожелаетъ мнѣ ничего худого... Я очень, очень люблю ее и рада, спокойна и сча-

---

[1]) Описка; слѣдуетъ читать: „у Ниночки въ квартирѣ“.
[2]) Фавстѣ Васильевнѣ, въ другую половину дома.
[3]) Варвары Васильевны.

стлива, что живу у нея. Объ Лизанькѣ тоже не безпокойтесь: ей дурно быть не можетъ... Что же можетъ ей не нравиться?.. неужели она понимаетъ что? [1]) Она встанетъ, прямо напьется чаю, потомъ играетъ, ходитъ въ ожиданіи обѣда; пообѣдавши—ложится спать, потомъ опять встаетъ къ самому чаю, послѣ чаю—дожидается ужина и потомъ опять спитъ,—чего же ей лучше надобно? Теперь она начинаетъ учиться читать; но, впрочемъ, здѣсь некогда, а на той квартирѣ мы хорошенько займемся ея ученіемъ; она будетъ славная дѣвочка, и мнѣ очень нравится. Ниночка тоже нисколько не тяготится Лизанькой и очень, кажется, любитъ ее. Михаилъ Алексѣевичъ тоже очень добръ и любитъ насъ. Я 18 числа этого мѣсяца получила письмо отъ Амаліи Богдановны [2]), и въ томъ письмѣ твое и деньги 10 руб. сер. Я очень была рада, что получила письмо, и очень, очень благодарю тебя за деньги. Желаю тебѣ, милый и безцѣнный братецъ, всего, всего лучшаго на свѣтѣ, а самаго главнаго—здоровья и спокойствія. Я очень, очень рада, что воды помогли тебѣ, а мнѣ сѣрныя воды нисколько не помогли; моей золотухѣ отдыха нѣтъ; развѣ помогли тому, что глаза мои теперь не болятъ. Я хочу написать письмо Софьѣ Алексѣевнѣ Пальчиковой про то, что я пріѣхала: она просила меня написать. Лизанька и Ванечка просятъ меня написать Вамъ поклонъ и цѣлуютъ Васъ. Простите меня, милый братецъ, что я мало и дурно пишу Вамъ. Я очень тороплюсь, потому что мнѣ еще ныньче нужно писать въ Симбирскъ Амаліи Богдановнѣ и подругамъ... Прощайте, милый, незабвенный братецъ. Остаюсь много, много любящая и уважающая тебя сестра твоя

Екат. Добролюбова.

Миленькій мой братецъ Володечка!

Благодарю тебя, дружечекъ мой, за твою память и любовь... Я очень была благодарна тебѣ за маленькую твою записочку. Я буду всегда писать тебѣ, дружечекъ мой; не забывай сестру твою, люби, пиши мнѣ; я буду отвѣчать тебѣ тѣмъ же... Жалко, ангелъ мой, что такъ мало мы пожили вмѣстѣ: право, только вѣдь двѣ недѣльки! А теперь скоро ли увидимся съ тобою, добрый другъ мой? Мы скоро переходимъ въ казенную квартиру; намъ съ Лизой дадутъ особенную комнату. Жалко, что тебя не будетъ. Я долго плакала объ тебѣ, и до сихъ поръ не могу вспомнить, что я разсталась съ тобой и, можетъ быть, надолго. Желаю тебѣ, безцѣнный братецъ, успѣховъ въ твоихъ занятіяхъ. Цѣлую тебя несчетно разъ. Лиза и Ваня цѣлуютъ тебя. Лизанька учится читать и складываетъ уже *би*. Прощай, мой ангелочекъ, мой миленькій братецъ. Прощай, душечка, не забывай любящую тебя душой сестру твою Екатерину Добролюбову.

---

[1]) То-есть, что-нибудь кромѣ ѣды и игры.
[2]) Ренненкампфъ.

Тетенька и Марья Дмитріевна тебя цѣлуютъ, и передай отъ нихъ поклонъ Николенькѣ.

(*Приписка Михаила Ивановича*).

Пожалуйста, любезный мой другъ Николай Александровичъ, не забудь отвѣтить на мое послѣднее письмо.

Твой другъ Мих. Благ.

(*Приписка Антонины Александровны*).

Милый мой другъ Володя, благодарю тебя, что написалъ мнѣ. Прошу и впередъ, дѣлай такъ же. Я хотѣла писать Николенькѣ, но Михаилъ Алексѣевичъ самъ писалъ очень много, а я уже въ другой разъ... Я долго не могла привыкнуть безъ тебя... Цѣлую тебя. Антонина.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

27 сентября, 1858 г.

Не сердись, пожалуйста, милый другъ Николай Александровичъ, что долго не отвѣчалъ на письмо твое отъ 10-го сентября: въ Казани былъ, провѣтривался и скидывалъ съ себя тяжкое горе.— — Ниночка черезъ недѣлю перейдетъ въ казенный домъ, авось такъ будутъ жить почище, потому что тамъ просторнѣе. Жалко и то, что способности Ванечкины мало работаютъ, а онъ слишкомъ умный мальчикъ. Чтó дѣлать, теперь и деньги есть, да матери съ отцомъ нѣтъ, отъ этого и деньги не идутъ съ должной пользой, хотя ихъ тратится довольно. Да, все, чтó ты сказалъ про ломанье характеровъ—справедливо; это я тѣмъ больше чувствую, что, при своемъ прямомъ характерѣ, хорошемъ пониманіи дѣла, передъ старшими всегда робокъ, молчаливъ и кажусь мало понимающимъ дѣло, а ужь если выведутъ изъ терпѣнія, то черезъ чуръ рѣзко высказываюсь. Но я свое ломанье приписываю начально къ покойному батюшкѣ.

У Володи кори не было, по крайней мѣрѣ этого никто не знаетъ.

Положеніе по крестьянскому вопросу у насъ уже окончательно составлено, и не далѣе 10 октября будетъ представлено къ министру. Вотъ главныя основанія: усадебная десятина оцѣнена въ 480 руб., каждая усадьба будетъ состоять изъ 650 квадратн. саженъ; крестьяне надѣляются 5-ю десятинами на тягло пашни и луговъ за оброкъ въ 20 р. съ тягла, а гдѣ платили меньше, тамъ будетъ старый окладъ, или же за работу: два дня въ недѣлю. Въ промысловыхъ имѣніяхъ оброкъ положенъ также отъ 15 до 25 руб. съ тягла.

Пріѣздъ Государя, конечно, ускорилъ окончаніе этого дѣла, но скажу тебѣ, что и прежде дѣйствія комитета были добросовѣстны; говорю это тебѣ, какъ человѣкъ, давно желавшій улучшенія несчастнаго и тягостнаго крестьянскаго быта, а не какъ раскольникъ. Весь

срамъ, весь позоръ нашего комитета, а съ нимъ и дворянства, произошелъ не отъ дѣла, а отъ интригъ и страстей. Ахъ, другъ мой! ужь 28 лѣтъ мнѣ, пора понимать, кто что̀ дѣлаетъ и съ какимъ намѣреніемъ. Одинъ хлопочетъ дѣйствовать по мысли начальника губерніи, чтобы получить крестъ, другой—чинъ, третій—выгодную должность, четвертый—и проч., и проч. Говорю, что̀ знаю. Губернаторомъ былъ опредѣленъ въ члены отъ правительства молодой генералъ Штевенъ, человѣкъ либеральный и дѣйствующій на пользу общую, не будучи обуреваемъ оными рѣченными нуждами. Этотъ господинъ подалъ отъ себя длинное мнѣніе комитету, наполненное упреками и строжайшей критикой дѣйствій комитетскихъ; — такъ онъ, разбирая замѣченныя имъ противорѣчія въ неподписанныхъ имъ постановленіяхъ, сказалъ такими шутками и пр.; потомъ: «и не нашъ онъ будетъ русскій мужикъ, если онъ по своему не расквитается съ бариномъ или бурмистромъ»; далѣе въ концѣ, укоряя и своихъ единомышленниковъ: «мало уже осталось защитниковъ правды и истины, но я, пользуясь правомъ высказывать свое мнѣніе, буду говорить его открыто» и пр. Это было въ маѣ, и я подробности уже забылъ. Но желаніе г. Штевена было: непремѣнно нынѣ же дозволить крестьянамъ переселяться на новыя мѣста, отлучаться безъ задержанія на промыслы и строить на помѣщичьей землѣ заводы и фабрики. И онъ имѣлъ основаніе критиковать 3-ю главу, потому что въ первой безъ оговорокъ все сказанное было написано, а въ 3-й уже сдѣлали поясненія, что все это крестьяне могутъ дѣлать черезъ 12 лѣтъ, по истеченіи переходнаго состоянія. И вотъ поднялись наши члены-консерваторы, составили журналъ, чтобы представить его дерзкія выраженія министру для внушенія ему уваженія къ комитету. Долго дѣло тянулось, и нѣкоторые члены, отрицая его отъ себя, при Штевенѣ говорили: «мало ему, чтобы онъ у насъ просилъ прощенія, но чтобы передъ каждымъ на колѣняхъ оное выпрашивалъ»; и толкамъ и разговорамъ не было конца, покуда губернаторъ не увѣдомилъ комитетъ, что онъ, раздѣляя мнѣніе комитета, сдѣлалъ Штевену внушеніе, но что представлять его мнѣніе министру находитъ лишнимъ, такъ какъ дѣйствія комитета ему подчинены. Послѣ этого столкновеніе комитета съ губернаторомъ вышло по 4-й главѣ положенія объ усадьбахъ, которыя комитетъ отдавалъ крестьянамъ въ вѣчное пользованіе за 1% или же предоставлялъ право выкупа цѣлымъ обществомъ. Губернаторъ далъ предложеніе: во-первыхъ, оцѣнить усадьбы, и во-вторыхъ, дозволить право выкупа каждому семейству; а также, не изъявивъ согласія и на другіе пункты журнала, просилъ отвѣчать категорически: согласны или не согласны, дабы онъ, въ случаѣ несогласія, могъ обо всемъ донести министру. Черезъ три дня послѣ этого губернаторъ, увѣдомляя огорченный комитетъ о пріѣздѣ Государя, просилъ къ прибытію его приготовить проектъ Положенія, хотя въ главныхъ основаніяхъ. Противъ этого послѣдняго предложенія одинъ изъ членовъ, Яковъ Ивановичъ Пятовъ, подалъ мнѣніе, гдѣ говорилъ, что невозможно такъ спѣшно окончить новый трудъ, которому всѣ они еще учатся, и что прежде продолженія занятій необходимо начать пересмотръ

всѣхъ пройденныхъ главъ, въ которыхъ есть и противорѣченія и упущенія, тѣмъ болѣе, что по предложенію начальника губерніи должна быть измѣнена и 4-я глава Положенія, и что мы второпяхъ составленное представимъ Государю, того послѣ нельзя ужь измѣнить. Это-то резонно, но бѣда, что тутъ уже было много личностей противъ либеральной, меньшей, но сильной партіи. Мнѣніе это подписали и другіе 13 членовъ. Губернаторъ вполнѣ отомстилъ за Штевена, выпросивши Пятову строгій выговоръ, членамъ, подписавшимъ его мнѣніе, строгое замѣчаніе, а либераламъ Монаршее благоволеніе. Государь былъ милостивъ къ дворянству: былъ на его балѣ; не привѣтилъ только ни разу генерала Шереметева, какъ подписавшаго мнѣніе Пятова. Крестьяне, наконецъ, поняли свое положеніе и терпѣливо ждутъ своей пасхи, ибо вполнѣ знаютъ, что недолго уже страдать и что всякая выходка противъ барина лишитъ его [1]) навѣки причастія благословеннѣйшей и вожделеннѣйшей пасхи. Дворянство тоже молчитъ, хотя многимъ слишкомъ [2]) ощутительно новое положеніе; но хочетъ [3]) показать, что и оно вполнѣ сознаетъ прибытіе времени нравственнаго возрожденія и что пора уже и русскому человѣку перестать быть животнымъ.

Я знаю, что всякія постороннія хлопоты сильно изнуряютъ, а въ особенности человѣка сочиняющаго; отъ этого и мысли теряются, и дѣлается какая-то хандра и лѣнь, вслѣдствіе устатка, — говорю по себѣ—и поэтому мнѣ совѣстно, что я тебя безпокою своими просьбами. Такъ какъ я еще не вполнѣ успокоился: плохо лѣзетъ въ голову, а въ особенности потому, что имѣю возможность и здѣсь жить хорошо и спокойно, то ты не торопись хлопотать для меня; но прошу тебя вотъ о чемъ: при первыхъ случаяхъ поговори съ опытнымъ человѣкомъ, полезно ли мнѣ поступить на службу въ министерство—рублей за 200 и могу ли я при этомъ имѣть свободное время, чтобы управлять домомъ или заниматься хлопотами и дѣлами всякаго рода; впрочемъ, мнѣ все-таки бы хотѣлось, если можно, имѣть [4]) прежде частное занятіе. Что же касается до службы, то при случаѣ соглашайся на всякую, а я ужь отвѣчу; и если попаду на новое дѣло, — умру, а выучусь скоро.

А Митрофанъ [5]) подлецъ и фантазеръ! Я ему заплачу послѣ, когда буду имѣть возможность отвѣчать на глупости; а теперь и дѣло-то веду съ какимъ-то небреженіемъ особеннаго рода, потому что все опостылѣло.

Цѣлую Володю.

В. Добролюбовъ.

---

[1]) Описка вмѣсто: „ихъ" (крестьянъ).
[2]) Очень.
[3]) Дворянство.
[4]) По пріѣздѣ въ Петербургъ.
[5]) Митрофанъ Ефимовичъ Лебедевъ, товарищъ по семинаріи и пріятель Николая Александровича, братъ покойной жены Василія Ивановича, служившій тогда на Сестрорѣцкомъ заводѣ и нерѣдко пріѣзжавшій въ Петербургъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 15 октября 1858).

Любезный другъ мой, Николай Александровичъ, не любо тебѣ будетъ это письмо по всему, но что же дѣлать: по послѣднимъ письмамъ моимъ ты видѣлъ все колебаніе мое, ѣхать или не ѣхать въ С.-Петербургъ. Долго думалъ, жалко было разставаться съ дѣтьми, съ домомъ, съ лѣнью или, правильнѣе, насиженнымъ мѣстомъ; какъ да что; но не могу же я быть постоянной жертвой дѣтямъ и ихъ интересамъ; — будетъ, уладилъ, устроилъ; все теперь въ порядкѣ: квартиры сданы выгодно, деньги есть, слѣдовательно новому опекуну останется идти по слѣдамъ старымъ покуда; не все быть мнѣ нянькой. Эти-то убѣжденія, наконецъ, дали мнѣ возможность разстаться съ своей глупой бездѣльной должностью и искать что-нибудь прочнѣе для будущаго, тѣмъ болѣе, что по обстоятельствамъ, смотрительская должность стала для меня сомнительною, а безъ нея оставаться на 19 рубляхъ, чтобы быть только полезнымъ дѣтямъ, я считаю, да и ты найдешь, безразсуднымъ. Итакъ—тебѣ работа: я уже половину распродалъ своего имущества и черезъ два или ранѣе мѣсяца сяду тебѣ, какъ снѣгъ, на голову. Счастливъ я буду, если тебѣ въ Кадетскомъ корпусѣ дадутъ казенную квартиру [1]), и тогда я хоть въ прихожей вымолю у тебя мѣсто для жилья. Такъ по крайней мѣрѣ я здѣсь разсказываю останавливающимъ и стращающимъ меня, что „вотъ съ этотъ коверъ выпрошу у племянника мѣсто и буду на немъ жить". На все рѣшился, даже сапоги чистить. Но Богъ милостивъ, кажется, дѣло обойдется безъ этихъ крайностей: рублей до 400 я сберу за вещи; не знаю, что будетъ, а судя по послѣднимъ увѣреніямъ, Демидовъ, кажется, заплатитъ 1000 руб. 20-го октября.

Сдѣлай одолженіе, похлопочи обо мнѣ по своему полному усмотрѣнію. Если нельзя быть въ частной службѣ, то я бы крайне желалъ поступить въ министерство финансовъ. Не сдѣлаетъ ли тебѣ и на этотъ разъ милость Княжевичъ и не дастъ ли тебѣ надежду опредѣлить меня помощникомъ столоначальника, а ужъ если нельзя, то, что дѣлать, я готовъ быть писаремъ. Не нужно ли тебѣ выслать мой формулярный списокъ, чтобы показать кому слѣдуетъ. Не помогутъ ли тебѣ г. Некрасовъ и кто-нибудь другіе толкнуть меня на распутіе питерское. Опеку я сдаю Михаилу Алексѣевичу. Пожалуйста тотчасъ, по полученіи этого письма, напиши мнѣ свое мнѣ-

---

[1]) Чтобъ оставаться въ Петербургѣ, Николаю Александровичу надобно было числиться занимающимъ должность преподавателя; иначе, онъ долженъ былъ бы быть посланъ въ провинцію отслуживать тѣ годы, которые обязаны были служить на преподавательскихъ должностяхъ студенты Педагогическаго Института. Когда оказалось ему невозможнымъ считаться домашнимъ учителемъ у князя Куракина, онъ, благодаря Г. Г. Даниловичу, бывшему тогда инспекторомъ 2-го Кадетскаго корпуса, былъ зачисленъ служащимъ при этомъ корпусѣ. Нижегородскіе родные не могли разобрать, что эта служба лишь номинальная, воображали ее дѣйствительной.

ніе по этому письму, предварительно хлопотъ, а также увѣдомь о полученіи послѣдняго моего письма, гдѣ я не былъ скроменъ, и доставилъ ли тебѣ человѣкъ Жадовскаго метрическое свидѣтельство для Володи.

Просить болѣе твоей помощи считаю лишнимъ.

В. Добролюбовъ.

15 октября 1858 г.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

16 октября 1858.

Дорогой мой Михаилъ Ивановичъ, желая тебѣ сказать что-нибудь положительное, я наводилъ кое-какія справки о томъ дѣлѣ, о которомъ ты писалъ мнѣ, и потому не отвѣчалъ тебѣ довольно долго. Но, къ сожалѣнію, извѣстія, собранныя мною, не утѣшительны; и если у тебя нѣтъ въ виду особенныхъ какихъ-нибудь средствъ для расходовъ на библіотеку, то о ней нечего и думать. Здѣсь можно смастерить библіотеку и за 1000 рублей серебр., Смирдинъ берется за эту поставку. Но, во-первыхъ, нужно ему дать сейчасъ же хоть половину денегъ; положимъ, что это я еще и могъ бы здѣсь коекакъ устроить—но на что же глядя рисковать деньгами? 500 рублей для меня тоже не малыя деньги, а выручишь ихъ или нѣтъ, это все на водѣ вилами писано. Во-вторыхъ, Смирдинъ, если и повѣритъ въ кредитъ, то цѣны книгъ поставитъ дороже, чѣмъ ихъ можно купить на наличныя. Въ-третьихъ, онъ напичкаетъ въ общій счетъ книгъ, которыя нейдутъ у него съ рукъ, и библіотека наполнится залежалою мерзостью всякаго рода. Что же за удовольствіе браться за такую спекуляцію?

Можно бы обойтись и безъ Смирдина, если бы были деньги. Можно бы накупить на толкучкѣ разныхъ издѣлій Зотова, Масальскаго, Воскресенскаго, Булгарина и другихъ писуновъ, которыхъ *публика*-то, кажется, еще съ наслажденьемъ почитываетъ въ Нижнемъ. Но такое дѣло именно можно бы завести только тогда, когда бы можно было бить навѣрное. А то, право, не стоитъ хлопотать и рисковать изъ-за того, чтобы набивать головы нижегородцевъ всякимъ навозомъ, въ родѣ Поль-де-Кока и Зотова. Я, по крайней мѣрѣ, изъ-за этого хлопотать не могу.

Другое дѣло, если бы можно было завести въ Нижнемъ основательную библіотеку русскихъ и иностранныхъ книгъ, выписывать въ нее нѣсколько порядочныхъ журналовъ, иностранныхъ газетъ, лучшія сочиненія историческія, политико-экономическія и т. п. Тогда бы я постарался употребить всѣ свои усилія и деньги на это дѣло; но есть ли хоть маленькая надежда, чтобы подобная библіотека удалась? Напиши и тогда подумаемъ.

Вообще, ты мнѣ написалъ очень глухо и неопредѣленно о своихъ намѣреніяхъ. Я помню, что въ прошломъ году всѣ твои надежды опирались на Трубецкихъ и Улыбашевыхъ. Теперь ихъ нѣтъ; кто

же замѣнилъ ихъ и съ чьей помощью надѣешься извлечь пользу изъ библіотеки? Говорилъ ли ты съ кѣмъ-нибудь и нашелъ ли участіе къ себѣ? Знаешь ли навѣрное, что въ Нижнемъ долго не будетъ *публичной библіотеки*, которыя открываются теперь безпрестанно во всѣхъ городахъ, даже уѣздныхъ? Все это нужно знать для того, чтобы тебѣ совѣтовать что-нибудь.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, во мнѣ ты найдешь дѣятельнаго и аккуратнаго помощника, если тебѣ чтó окажется нужнымъ по дѣлу выписки книгъ и журналовъ изъ Петербурга. Только денегъ обѣщать теперь не могу, потому что самъ ихъ имѣю не совсѣмъ много, а расходы мои теперь прибавились.

Жду отъ тебя еще письма. До конца года можно еще пустить въ ходъ дѣло о библіотекѣ, если ты рѣшишься. Только не надѣйся слишкомъ много на кредитъ Кеморскаго, о которомъ ты такъ великолѣпно выражаешься въ письмѣ. Ежели онъ представитъ формальные залоги, то, конечно, ему повѣрятъ, какъ и всякому другому; но увѣренъ ли ты, что онъ это сдѣлаетъ? А простому поручительству его, я думаю, не больше дадутъ цѣны, какъ и моему, примѣрно сказать.

Кланяйся нашимъ всѣмъ; я имъ пишу на дняхъ. Передай Ванѣ письмо отъ Володи, т. е. прочти, ежели разберешь. Все не могу пріучить Володю писать разборчиво. За то утѣшаюсь тѣмъ, что онъ очень не глупо разсуждаетъ и постоянно веселъ теперь,—и за ученьемъ, и на прогулкѣ, все одинаково.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 22 окт. 1858).

Милый мой Николай Александровичъ, спѣшу подѣлиться съ тобой радостью: представь, я получилъ съ Демидова 1000 руб.— — Вещей я продалъ уже рублей на 300 и очень выгодно, осталось торговли еще рублей на 120.

Ради Бога, хлопочи обо мнѣ, и я бы желалъ ѣхать прямо къ должности. — — Я увѣренъ, что ты похлопочешь обо мнѣ такъ, какъ о себѣ и поэтому передаю тебѣ себя въ полное и безотчетное съ моей стороны распоряженіе. Я же твои упущенія постараюсь вознаградить хоть перепиской твоихъ сочиненій.

Будь молодцомъ, схлопочи что-нибудь получше писаря, а ужь нельзя, и писаремъ буду.

В. Добролюбовъ.

22 октября 1858 г.

Ты, пожалуйста, не огорчайся, что тебѣ и еще лишняя ноша на шею садится; если я увижу, что тебѣ лишній и не принесу пользы по хозяйству, и не компаньонъ по разнородности дѣлъ нашихъ, то

я тебя не буду стѣснять ни мало, но вполнѣ увѣренъ, что ты на первое время Спб.—ской жизни меня примешь радушно, какъ родного и единомышленника [1]).

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 3 ноября 1858 г.*).

Не знаю, чему приписать твое молчаніе, Николай Александровичъ; ради Бога, увѣдомь ты меня на письмо, посланное тебѣ назадъ тому мѣсяцъ. Мнѣ не нужно еще должности, если ты останавливаешься отвѣтомъ за непріисканіемъ ея, но необходимо твое ласковое слово. Намъ, провинціаламъ, Петербургъ кажется чѣмъ-то особенно страшнымъ и неприступнымъ; но и на самомъ-то дѣлѣ такъ; и поэтому отрадно имѣть тамъ человѣка, который бы руководилъ на первый разъ.

Я человѣкъ безъ претензій, рѣшившійся на все, и ты нисколько не затрудняйся отказать мнѣ въ квартирѣ, если это будетъ для тебя хоть почему-нибудь неудобно.

Я все распродалъ и остался, не имѣя ни кола, ни двора; дѣла не много, и я бы крайне былъ радъ получить отъ тебя какое-либо утѣшеніе.

Нынѣ я, не дождавшись отъ тебя отвѣта, подалъ просьбу архіерею о передачѣ опеки Михаилу Алексѣевичу, и, сдавая ее, я считаю необходимымъ тебѣ припомнить о 46 р. 30 к. и спросить тебя, какъ ты хочешь: ты переслалъ мнѣ для уплаты долговъ вашихъ 90 руб., которые и записаны въ книгу, послѣ взялъ у меня 90 рублей, да за чай [2]) я заплатилъ, кажется, 36 р. 30 к.; въ число этихъ денегъ ты мнѣ переслалъ 80 руб., какъ мнѣ поступить съ 46 р. 30 к.? записать ли ихъ въ расходъ на что-нибудь или уплатить изъ своихъ, съ тѣмъ, чтобы съ тебя получить въ С.-Петербургѣ, чтобы избѣжать пересылки?

Вотъ еще что: если не будетъ должности, то пріѣзжать ли мнѣ въ С.-Петербургъ въ концѣ или половинѣ декабря, если не успѣю раньше? Потому—что въ праздники будетъ не до меня [3]), а я между тѣмъ въ это время долженъ расходовать деньги, можетъ быть, сверхъ обыкновеннаго.

В. Добролюбовъ.

Наши всѣ здоровы, я ихъ всѣхъ видѣлъ нынѣ. Пожалуйста ужь ты прими меня подъ свое покровительство и на первый разъ не оставь.

---

[1]) То есть: раздѣляющаго твои чувства и понятія.
[2]) Посланный И. И. Срезневскому.
[3]) Людямъ, отъ которыхъ зависятъ назначенія на должности.

ПИСЬМО И. И. БОРДЮГОВА.

(*Писано въ Петербургѣ, въ октябрѣ или въ началѣ ноября 1858 г.*)[1].

Миленькій! Теперь ужь навѣрное есть письма ко мнѣ; сдѣлай милость, пришли ихъ, да попроси Василія[2]) собрать мое бѣлье все, какое ни на есть, и отдать оное подателю сего. Въ воскресенье я не думаю быть у тебя, потому что боюсь простудиться. Лекарство дѣйствуетъ хорошо.— —Кланяйся отъ меня Ивану Максимовичу[3]), В.[4]) и поцѣлуй Володю. Напиши, какъ твое здоровье.

Твой И. Б.

Братъ кланяется тебѣ.

Если писемъ нѣтъ, то потрудись увѣдомить по городской почтѣ, когда получатся.

ПИСЬМО И. И. БОРДЮГОВА.

(*Писано по возвращеніи въ Москву изъ поѣздки въ Петербургъ, 7 или 8 ноября 1858 г.*).

Въ числѣ множества писемъ, ожидавшихъ меня въ Москвѣ, оказалось письмо отъ Миши Шемановскаго. Вотъ экстрактъ изъ него: 1) я, Иванъ Бордюговъ, очень беззаботенъ, такъ что позавидовать можно, съ чѣмъ согласенъ и ты; 2) ковенская жизнь—гадка, и жизнь вообще, «какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—такая пустая и глупая шутка»; 3) дается право причислить его, Мишу, къ числу разочарованныхъ; 4) разныя психологическія разсужденія; 5) разсужденіе о судьбѣ учителей вообще и ковенскихъ въ особенности; 6) просьба не удивляться, когда услышу о женитьбѣ его; наконецъ 7) выраженіе желанія съѣздить въ Петербургъ или въ Москву—освѣжиться. Удивительно хорошее это выраженіе «освѣжиться». Въ послѣднее время житья у тебя и теперь, я чувствую себя какъ-то особенно хорошо и все думалъ, что бы это такое произошло со мной. Теперь знаю — я освѣжился. Какъ долго будетъ продолжаться вліяніе этого освѣженія на меня—неизвѣстно и зависитъ отъ тебя; но освѣженіе для Миши необходимо и будетъ прочно. Пожалуйста, напиши ему; а къ лѣту надо послать ему деньженокъ, дабы онъ могъ пріѣхать къ намъ.—Благодаря твоему пикантному совѣту «не свалыжничать», я доѣхалъ до Москвы очень покойно.

---

1) И. И. Бордюговъ жилъ въ Петербургѣ попеременно то у своего брата, то у Николая Александровича,—гдѣ застанетъ ночь; это письмо онъ отправилъ съ квартиры брата.

2) Это былъ слуга Некрасова, прислуживавшій и Николаю Александровичу.

3) Сорокину.

4) Той дѣвушкѣ, имя которой постоянно замѣняемъ мы этой буквой.

M-me Б. [1]) дуется на меня за невниманіе, рѣдкія письма и тѣмъ обнаруживаетъ натуру тщеславной московской барыни [2]). Собирается разыграть комедію, какъ кажется. Въ тѣлесахъ моихъ не происходитъ ничего особеннаго— — [3]). Цѣлую тебя, Володю, В. Д. [4]), кланяюсь Авдотьѣ Яковлевнѣ [5]), Ивану Максимовичу [6]) и сажусь за слѣдующее письмо—къ Мишѣ.

Твой И. Б.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

9 ноября.

Сегодня, мой Миша, или, если хочешь, милостивый государь Михаилъ Ивановичъ, получилъ я письмо отъ Бордюга, извѣщающее о томъ, что ты живъ и пишешь къ нему. Получивъ столь отрадное увѣдомленіе, пишу тебѣ вторично, почти убѣжденный, что ты не получилъ моего посланія, отправленнаго къ тебѣ 13-го сентября, на другой день послѣ полученія твоего отвѣта на мое московское письмо. Этакія бѣдствія со мной нынѣ случаются не рѣдко: чепуха, которой именно и слѣдовало бы пропасть, дойдетъ благополучно, а нужное письмо пропадетъ. Я не зналъ и не знаю твоего адреса, а пишу просто въ Ковенскую гимназію. Не завалилось ли тамъ гдѣ-нибудь письмо мое? Я все ждалъ отъ тебя отвѣта, наконецъ просилъ Николая Михайловича спросить у Штефена, получилъ ли ты мое письмо; но и тутъ отвѣта, кажется, не было.

Или ты, Миша, увлекаясь нынѣ любовью (которую и мнѣ рекомендуешь, какъ радикальное средство отъ всѣхъ болѣзней) презираешь уже права дружбы? Напрасно, скажу я тебѣ и паки повторю: напрасно. Я недавно испыталъ пріятности дружбы, во время пріѣзда сюда изъ Москвы Бордюгова. Въ самомъ дѣлѣ, что-то отрадное и милое есть въ этихъ отношеніяхъ. Живешь полнѣе, чѣмъ обыкновенно, и въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни пошло кажется на словахъ,— всякую печаль раздѣляешь па двое, а радость всякую чувствуешь вдвойнѣ. Я не знаю, отчего и какъ это дѣлается, но со мною такъ было и съ Бордюговымъ тоже. Неужели Миша (извини меня за привычку такъ называть тебя), ты не захочешь понять этого, не возстановишь наши прежнія отношенія? Припоминая все, что было между нами, я не нахожу причины, которая могла бы тебя оттолкнуть отъ моей дружбы. Мнѣ кажется, главное въ этихъ отношеніяхъ—взаимная довѣренность. Я въ тебя вѣрю и искренно желаю,

---

[1]) Этою буквою мы замѣняемъ имя дамы, въ домѣ которой И. И. Бордюговъ былъ принятъ, какъ родной.

[2]) Это шутка. Семейство Б. было искренно расположено къ И. И. Бордюгову и онъ хорошо зналъ это.

[3]) Остаются лишь слабые признаки болѣзни, почти совершенно излеченной.

[4]) Буквы эти обозначаютъ имя и отчество той дѣвушки, имя которой замѣняется буквою В.

[5]) Панаевой.

[6]) Сорокину.

чтобы ты въ меня тоже вѣрилъ. Прежде всего—скажи мнѣ все, что могло накипѣть у тебя въ душѣ противъ меня, вырази всѣ свои сомнѣнья, обругай меня; повѣрь, что я искренно, не рисуясь, смогу тебѣ отвѣтить на твои обвиненія, одни, можетъ быть признать справедливыми, другія опровергнуть или объяснить, и вообще поставить наши отношенія такъ, чтобы не оставалось между нами болѣе недоразумѣній и такихъ тайныхъ мыслей или дѣлъ, открытія которыхъ мы могли бы бояться. Пожалуйста, Michel, прими этотъ вызовъ. Мнѣ бы очень этого хотѣлось. Бордюговъ пишетъ мнѣ, что ты желаешь пріѣхать въ Петербургъ. Это было бы отлично. Не можешь ли пріѣхать раньше, чѣмъ лѣтомъ? Къ Рождеству, напримѣръ? Ежели тебѣ не отвратительна служба подъ начальствомъ Вышнеградскаго, то напиши ему почтительное письмо о своемъ желаніи поступить въ одну изъ женскихъ гимназій. Онъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ всѣхъ женскихъ гимназій настоящихъ и будущихъ, и уже открылъ или приготовилъ къ открытію четыре. Щегловъ поступилъ въ одну изъ нихъ учителемъ исторіи; слѣдовательно, тебѣ можетъ быть надежда, что не откажутъ. Если же этого не хочешь, или не выйдетъ, то пріѣзжай держать лекцію въ Штабѣ [1]). Многіе изъ нашихъ выбираются сюда изъ провинцій; неужели ты только такой безталанный?—Пріѣзжай, Миша. Если тебя затрудняютъ финансовыя соображенія, то повѣрь, что это совершенный вздоръ. Человѣку, имѣющему съ небольшимъ 20 лѣтъ отъ роду, стѣсняться копѣйками не слѣдуетъ. Трать столько денегъ, сколько можешь достать, а тамъ времени впереди много, все заработаешь и съ долгами расплатишься. Если же ты затрудняешься, гдѣ достать, такъ я могу тебѣ предложить свои услуги: здѣсь я могу тебѣ доставить столько, сколько нужно будетъ для прожитія, и если хочешь, могу послать тебѣ въ Ковно, сколько надобно на поѣздку, или даже нѣсколько больше. Говорю это въ ту силу, что ужасно хочется мнѣ увидаться съ тобой.

Ты, кажется, прислалъ въ «Журналъ для Воспитанія» статейку объ учительскомъ жалованіи? Она напечатана въ XI № и произвела исторію. Въ статьѣ есть ссылка на отчетъ министра народн. просвѣщенія. Цензоръ вымаралъ ссылку, считая неприличнымъ, чтобы гадости были засвидѣтельствованы министромъ. Но редакторъ, по опрометчивости, оставилъ ссылку на отчетъ, какъ она была; цензоръ не позволилъ выпустить книжку въ свѣтъ. Чумиковъ [2]) бѣгалъ къ попечителю и въ министерство и едва вымолилъ, чтобы книжку, совсѣмъ отпечатанную, позволили выдавать подписчикамъ. Вотъ что ты надѣлалъ!

Пиши мнѣ: на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Краевскаго, бывшемъ Норова, въ квартирѣ Некрасова.

Н. Добролюбовъ.

Институтъ рѣшили уничтожить. Радуйся и кланяйся Штефену.

---

[1]) Военно-учебныхъ заведеній.

[2]) Издатель журнала.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(*Отъ 19 ноября 1858*).

19 ноября.

Я отъ всей души сожалѣю, что не удержалъ тебя до воскресенья: тогда я, по всей вѣроятности, успѣлъ бы узнать отъ тебя твой нынѣшній адресъ, и не принужденъ былъ бы адресовать письмо въ гостинницу Лобкова. Кромѣ того, ты тогда, вѣроятно, менѣе вещей позабылъ бы у меня. Ихъ теперь набралась такая гибель, что я не знаю, куда съ ними дѣваться. Во главѣ ихъ стоитъ (буквально *стоитъ*, а не лежитъ) папиросочница Менделѣева [1]), изъ-за которой я долженъ имѣть свиданіе съ онымъ почтеннымъ мужемъ. Затѣмъ слѣдуютъ: твои туфли, рубашка, ремень, палка, фотографія Радецкаго, письмо Марьи Петровны, билеты Н. Т. Добринской, счетъ Степанова, изодраное портмоне́ съ записной книжкой, въ которой записана всякая ерунда, прочитанная мною очень внимательно, по врожденной мнѣ любознательности. Изъ всѣхъ этихъ вещей я могу воспользоваться только туфлями; да и тѣми не воспользовался бы, если бы онѣ не были мнѣ въ самую въ пору и если бы моихъ туфель не изодрала собака [2]). Но теперь въ такомъ удивительномъ сцѣпленіи обстоятельствъ видя премудрость Божію, правящую міромъ, я принялся носить оныя туфли во славу создавшаго и въ позоръ позабывшаго ихъ. Здѣсь я вижу даже оправданіе вѣчной истины, что добродѣтель безъ награды, а порокъ безъ наказанія никогда не остается: ты поторопился уѣхать и за то лишенъ туфель; я оказалъ тебѣ гостепріимство, и невидимо Господь послалъ мнѣ туфли въ награду. И въ другомъ мѣстѣ: ты оказалъ мнѣ гостепріимство и получилъ въ награду... не туфли, впрочемъ, а обстоятельство [3]), доставившее тебѣ пріятность свиданія со мною — — .

Больше писать тебѣ, кажется, нечего, окромѣ того, что В. [4]) поручила мнѣ отъ ея лица поцѣловать тебя: она объяснила мнѣ, что у тебя *«характеръ болѣе понятливый»*, чѣмъ у меня. Предположенія мои и ея, смутившія меня въ день твоего отъѣзда [5]), оказались вздоромъ и я твердо рѣшился не подвергать себя болѣе возможности подобныхъ предположеній. До сегодняшняго дня твердость моя подобна была нѣкоему адаманту, но сегодня, послѣ недѣльнаго упорства, я сидѣлъ, сидѣлъ съ В. цѣлый вечеръ одинъ одинехонекъ и въ заключеніи позналъ, что я — человѣкъ, а не адамантъ. Твердость моя, впрочемъ, возобновится съ *вящщею* силою въ слѣдующемъ мѣсяцѣ [6]). Рекомендую тебѣ похвалить меня за доброе намѣреніе.

---

1) Онъ былъ товарищъ И. И. Бордюгова и Николая Александровича по Институту.

2) Вѣроятно, охотничья собака Н. А. Некрасова, жившая въ комнатахъ.

3) И. И. Бордюговъ пріѣзжалъ въ Петербургъ лечиться; Николай Александровичъ шутливо ставитъ его болѣзнь въ связь съ своей поѣздкой въ Москву къ нему.

4) Буква, замѣняющая имя дѣвушки, о которой говорилось въ прежнихъ письмахъ.

5) Предположенія, что она сдѣлалась беременна.

6) Николай Александровичъ, во время своей поѣздки въ Старую Русу, при-

Жду Вашего письма, а затѣмъ и Васъ самихъ. Знайте, что по пріѣздѣ сюда Вы будете располагать мною, какъ стали бы самимъ собою располагать.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Писано послѣ полученія письма Н. А—ча отъ 19 ноября*).

Наконецъ-то, любезный мой другъ Николай Александровичъ, я дождался отъ тебя отвѣта. Правда, что, не получая его въ критическую минуту, когда я, по обстоятельствамъ дѣлъ своихъ, рѣшился на жизнь петербургскую потому только, что всей своей персоной положился на твою помощь и покровительство,—трудно было не впасть въ маленькое искушеніе; но увѣряю тебя честно, что чѣмъ дольше ты молчалъ, тѣмъ болѣе я раскаивался въ своемъ заблужденіи, и если бы въ понедѣльникъ не получилъ твоего письма, то ты бы отъ меня получилъ четвертое письмо, уже бывшее приготовленнымъ, гдѣ я начиналъ такъ: что если ты и годъ будешь молчать, то и тогда не повѣрю, чтобы ты дѣлалъ это отъ невниманія ко мнѣ. Третье и четвертое письма были преисполнены тайнаго страха относительно твоего здоровья; но прости за болтовню,—ты ее не любишь. И такъ, ты здоровъ и счастливъ по прежнему, вотъ и все, что́ мнѣ нужно; значитъ, мои надежды жить въ С.-Петербургѣ сбыточны. Нѣтъ должности—отыщемъ, начнемъ съ 8 р.; вѣдь началъ же я служить нижегородскому дворянству съ 4-хъ руб., послѣ двухмѣсячнаго испытанія. Есть голова, есть умѣнье, найдемъ побольше, потремся, побьемся, да и пробьемъ; вѣдь было же мнѣ здѣсь хорошо. Можетъ быть, и къ лучшему, что не попалось тебѣ должности — —[1]). Завтра рано утромъ ѣду къ Демидову [2]): присылалъ съ поклономъ до земли, чтобы я къ нему пріѣхалъ для устройства дѣлъ его, — — и думаю, что въ Москву явлюсь не ранѣе первыхъ чиселъ января — —. Ты, во всякомъ случаѣ, пиши и мнѣ, и своему пріятелю, чтобы онъ мнѣ выдалъ твои книги; если и не поѣду скоро въ С.-Петербургъ, по крайней мѣрѣ ты дашь мнѣ случай познакомиться съ твоимъ пріятелемъ и знать хоть одного московскаго жителя. Я же твои книги могу переслать къ тебѣ по конторѣ транспортовъ.

Я тебѣ прежде писалъ, что Анночка будетъ хорошая невѣста; но будетъ, а не теперь; надо дать ей выправиться, выровняться, чтобы съ силою нести тяжесть семейную, а теперь она еще маленькая, тоненькая дѣвочка; но увѣряю тебя, что, по бабьимъ вѣрнымъ доводамъ, о которыхъ и я знаю, она должна и вырости и пополнѣть — —.

В. Добролюбовъ.

---

[1]) Должности для него. Дальше онъ разсказываетъ о своей надеждѣ получить веденіе процесса о наслѣдствѣ и, въ случаѣ успѣха, хорошее вознагражденіе.

[2]) Въ его помѣстье.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

29 ноября 1858. Нижній Новгородъ.

Любезный мой другъ,

Николай Александровичъ!

Не знаю, что можетъ подумать человѣкъ, который меня мало знаетъ, обо мнѣ. Я такъ усердно просилъ тебя справиться о нѣкоторыхъ условіяхъ на библіотеку, и получилъ отвѣтъ въ концѣ октября, и — почти мѣсяцъ не отвѣчалъ. А ты хорошо [1]) знаешь мой норовъ, обстоятельства, здоровье и дѣла, что, вѣроятно, мое молчаніе дурному не приписалъ, а можетъ быть ничего не думалъ. Итакъ, вотъ что. Я, обдумавши хорошо все, послалъ тебѣ письмо. Съ недѣлю нетерпѣніе мое не имѣло границъ: такъ хотѣлось узнать отъ тебя что-нибудь и отъ приказчика Улитина [2]), которому я тоже писалъ — — . Но хорошаго и отъ него не дождался. Притомъ же и мои дѣла пошли не въ ту сторону: я съ 25 октября хворалъ опять щекой, и очень сильно, до половины ноября; и не только не могъ хлопотать, но даже все лежалъ. Стало быть, тутъ было упущеніе. Да и въ городѣ молва на счетъ утвержденія для заведенія библіотекъ испортила у многихъ надежду такую же, какъ у меня была, что и теперь еще дѣйствуетъ. При томъ же въ концѣ декабря я еще жду потомства; представь же, могу ли я что-нибудь обдумать для предпріятія. И такъ, оно оставлено до будущаго года. А что касается до твоихъ денегъ, какъ ты пишешь, то мнѣ показалось странно, чтобы тебѣ пришла въ голову такая мысль. Я никогда не былъ и не буду подлецомъ, а отъ тебя разными тонкими хитростями теребить деньги есть высочайшая подлость. Думай обо мнѣ лучше. Я тебѣ обязанъ много, что буду помнить долго и не захочу сдѣлать, чтобы ты раскаялся, что помогъ два раза подлецу.

Теперь у меня дѣйствуютъ [3]) сильно матушка и жена: постоянно улучшаются въ клееніи. Работы довольно. Съ будущаго года хлопочу взять заказъ переплетать; не знаю только, успѣю ли.

На твой вопросъ: имѣю ли я покровителей, скажу, что нѣтъ, и въ виду не имѣю. Впрочемъ, Лебедевъ [4]) за визиты съ меня ничего не беретъ и много хлопочетъ у Эвеніуса па счетъ заказа коробокъ.

У Улыбашевой я даже не бываю, потому что она въ ярмарку запретила мнѣ ходить къ ней. Эта ссора вышла изъ салопа [5]); впрочемъ, на-дняхъ была она у насъ, а меня не удостоила ни однимъ словомъ — — .

Я, наконецъ, выдернулъ свой больной зубъ.

---

[1]) По недосмотру пропущено „такъ",—такъ хорошо...
[2]) Книгопродавца.
[3]) Работаютъ.
[4]) Врачъ.
[5]) Изъ-за того, что онъ напомнилъ ей обѣщаніе сшить салопъ въ приданое племянницѣ.

Кемарскій вчера уѣхалъ въ Москву; хотѣлъ побывать и въ Петербургѣ, и у тебя; пожалуйста, прими его попроще и посовѣтуй ему, о чемъ онъ тебя попроситъ, чѣмъ разувѣришь его въ своей гордости, объ которой пѣли у насъ въ городѣ.

Всѣ тебѣ кланяются.

Твой другъ Мих. Благообразовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 9 дек. 1858).

9 декабря.

Можно не отвѣчать на письма, но только не на тѣ, которыя написаны по сомнительному адресу. Ты, Jean, кажется, этого не знаешь и достоинъ за такое невѣжество нагоняя. Я тебѣ отвѣчалъ на другой день по полученіи твоего письма (что по Ст. [1]) есть первый признакъ порядочнаго человѣка); но, не зная нынѣшняго твоего адреса, писалъ въ гимназію или въ гостинницу Лобкова. Не думаю, чтобы письмо затерялось. Отъ Миши я уже получилъ отвѣтъ, отъ Янковскаго [2]) тоже, а отъ тебя все нѣтъ. А всѣ три письма отосланы въ одинъ день. Сокрушись о своей лѣности и пришли мнѣ за это два письма, одно такъ себѣ, дружеское, а другое враждебное, съ ругательствами на Куторгу, на «Ботаническіе очерки» Бекетова, и еще на что-нибудь. Что фармакологія Кларуса? Что порученіе къ Кочетовымъ? Что твое здоровье? Что лекція въ штабѣ? Что дѣлать съ билетами г-жи Добринской?—и пр., и пр., и пр.

Н. Д.

Могъ бы исписать и кругомъ цѣлый листъ, хоть остротами Некрасова, да ты этого не стоишь.

Если на это письмо не получу отвѣта на этой недѣлѣ, то 15-го числа буду писать уже къ Киттарѣ [3]) или Александрову для передачи тебѣ, или пошлю телеграфическую депешу прямо тебѣ въ голову.

ПИСЬМО И. И. БОРДЮГОВА.

(Отвѣтъ на письмо Н. А—ча отъ 9 дек. 1858).

Не подумай, пожалуйста, что только страхъ получить депешей по головѣ заставляетъ меня писать. Нѣтъ, въ сердцѣ моемъ, переполненномъ, вслѣдствіе твоихъ навѣтовъ [4]), любовью, я слышу голосъ

---

[1]) Этими буквами замѣнена та же фамилія, какъ и прежде.
[2]) Г. Янковскій былъ товарищъ Николая Александровича по Институту.
[3]) Разговорная форма фамиліи; точное правописаніе ея было Китарры.
[4]) Злонамѣренныхъ внушеній.

дружбы, несправедливо называющій меня самыми неприличными именами. Несправедливо, ибо виноватъ во всемъ ты. Чортъ тебя дернулъ посовѣтовать мнѣ влюбиться. Ты думалъ, что, прикинувшись влюбленнымъ, я возстановлю прежнія отношенія, не буду видѣть надутыхъ губокъ, и ты не ошибся... Все уладилось: только, прикинувшись влюбленнымъ, черезъ нѣсколько дней я почувствовалъ себя дѣйствительно таковымъ и все пошло къ чорту. Весною было желаніе переселиться въ Питеръ—теперь нѣтъ ни малѣйшаго. Взялъ я и аттестатъ изъ гимназической канцеляріи, хотѣлъ отправить къ тебѣ для полученія темъ [1]), да какъ увидалъ, что Москвы нельзя оставить неопредѣленно долгое время, то и отложилъ его къ сторонѣ. Прудона я прочиталъ вмѣстѣ съ ней, за Фейербаха и не принимался. Читали мы также Жеребцова (твоего Жеребцова). Она восхищалась твоимъ остроуміемъ (сердце мое въ это время радовалось за тебя) и убѣдительно проситъ тебя перевести твою рецензію на французскій или нѣмецкій, дабы и за границей знали, что Жеребцовъ—скотина и дуракъ. Она предлагаетъ даже для этого одного французика, хорошо знающаго русскій языкъ. Разсматривавшій формакологію Кларуса докторъ медицины Бернштейнъ говоритъ, что за изданіе ея [2]) можетъ взяться только медикъ, ибо она требуетъ большихъ исправленій; онъ не рѣшился предложить ее Щепкину, какъ предполагалъ прежде, а совѣтуетъ Поржницкому обратиться къ Хану, который занимается переводами и изданіями. Вотъ тебѣ и порученіе къ Кочетовымъ [3]). Совѣтую отправиться къ нимъ утромъ. Господина, къ которому адресовано письмо, ты не застанешь дома, а вручишь письмо самой madame, которую, надѣюсь, ты очаруешь до того, что она попроситъ тебя бывать. Отъ брюнетки-кузины получилъ недавно письмо (какъ везетъ въ любви). Если Кочетовы знаютъ о бытности моей въ Петербургѣ, то употреби всевозможныя ухищренія къ оправданію меня, что не былъ у нихъ. Глѣбу ты можешь сказать, что я пріѣхалъ больнымъ и уѣхалъ больнымъ. — — Каковъ Миша? Ни разу не писалъ о своемъ переводѣ въ Вятку, и теперь является [4]) какъ снѣгъ на голову. Сокрушаюсь, что не могу пріѣхать въ Питеръ, провести нѣсколько дней съ вами [5]), самыми милыми моему сердцу. Сообщи Мишѣ мой адресъ: въ Воспитательномъ домѣ, въ квартирѣ инспектора Армфельда; и самъ зазубри его. Сердечныя дѣла не мѣшаютъ мнѣ созидать статью, если не для «Современника», то для тебя. Статья по части сотворенія міра. Къ бранчивымъ же письмамъ, пойми, мой другъ, способенъ ли я?

Твой И. Б.

Поцѣлуй Володю и В. [6]).

P. S. Постоянство Анюты превзошло мои ожиданія. Мы опять сошлись.

---

[1]) Темъ пробной лекціи въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній.

[2]) То есть: за переводъ ея.

[3]) Порученіе, какъ видимъ, состояло въ томъ, чтобы передать письмо.

[4]) То есть пишетъ, что переведенъ въ Вятку и скоро явится.

[5]) То есть: съ тобой и Мишей (М. И. Шемановскимъ), который пріѣдетъ въ Петербургъ и остановится у тебя на нѣсколько дней.

[6]) Ту дѣвушку, имя которой мы постоянно замѣняемъ этой буквой.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 17 дек. 1858).

17 дек.

Счастливецъ ты, мой хохолъ, непростительный счастливецъ! Лирическое письмо твое показало мнѣ, сколько въ тебѣ жизни, молодости и увлеченья... Грустно и безсовѣстно было бы остерегать и разочаровывать тебя, тѣмъ болѣе, что въ моихъ умненькихъ разсужденіяхъ ты не могъ бы не примѣнить значительной доли скрытой зависти. Нѣтъ, ничего я не скажу тебѣ, кромѣ этихъ стиховъ:

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья...
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я...

То есть, относя къ себѣ послѣдніе стихи, я говорю о томъ — *бовъ*, который пишетъ остроумныя статьи про Жеребцова и Розенгейма и еще болѣе про того Лайбова, который очень способенъ былъ къ составленію всевозможныхъ указателей [1]). Но если ты хочешь знать своего бывшаго Колю, своего друга, глупаго и незнакомаго съ жизнью, какимъ онъ вполнѣ остался доселѣ, то узнай, что внутри меня сидитъ сильнѣйшая привязанность къ этой жизни soi—disant ничтожной... Я не задумаюсь признаться, что завидую твоей жизни, твоему счастью. Если бы у меня была женщина, съ которой я могъ бы дѣлить свои чувства и мысли до такой степени, чтобы она читала даже, вмѣстѣ со мною, мои (или, положимъ, все равно—твои) произведенія, я былъ бы счастливъ и ничего не хотѣлъ бы болѣе. Любовь къ такой женщинѣ и ея сочувствіе—вотъ мое единственное желаніе теперь. Въ немъ сосредоточиваются всѣ, мои внутреннія силы, вся жизнь моя, и сознаніе полной безплодности и вѣчной неосуществимости этого желанья гнететъ, мучитъ меня, наполняетъ тоской, злостью, завистью, всѣмъ, что̀ есть безобразнаго и тягостнаго въ человѣческой натурѣ. Пожалѣй обо мнѣ вмѣстѣ съ m—me Б. [2]); если ужь она принимаетъ участіе въ моихъ желчныхъ выходкахъ, то объясни ей и ихъ источникъ, скажи, что я, конечно, неспособенъ былъ бы къ бранчивымъ писаніямъ (какъ ты выражаешься), если бы былъ, напримѣръ, на твоемъ мѣстѣ, а не былъ одинокъ и *пустынень* (нравится ли тебѣ это слово?) въ цѣломъ мірѣ... (твою далекую дружбу я не ставлю въ счетъ, потому что не могу быть сытъ одной отвлеченной мыслью, что у меня есть далекій другъ, отъ котораго разъ въ мѣсяцъ я *могу* получить письмо).

Мои отношенія съ В. [3]) все болѣе и болѣе принимаютъ какой-

---

[1]) То есть, того прежняго Добролюбова, который подписывался псевдонимомъ „Лайбовъ" и былъ и т. д.

[2]) Этою буквою мы замѣняемъ фамилію этой же дамы, какъ въ письмѣ И. И. Бордюгова отъ 7 или 8 ноября.

[3]) Эта буква имѣетъ прежнее значеніе.

то похоронно-унылый характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась ихъ внѣшняя сторона. Я понялъ теперь, что я никогда не любилъ этой дѣвушки, а просто увлеченъ былъ *сожалѣніемъ*, которое принялъ за любовь. Мнѣ и теперь жаль ее, мое сердце болитъ объ ней, но я уже умѣю назвать свое чувство настоящимъ его именемъ. Любви къ ней я не могу чувствовать, потому что нельзя любить женщину, надъ которой сознаешь свое превосходство во всѣхъ отношеніяхъ. Любовь потому-то и возвышаетъ человѣка, что предметъ любви непремѣнно возвышается въ глазахъ его надъ нимъ самимъ и надъ всѣмъ остальнымъ міромъ.

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой,

говоритъ Байронъ въ переводѣ Огарева въ своей bien-aimée,— и я убѣжденъ, что кто не чувствуетъ того же самаго относительно своей милой, тотъ не любитъ въ самомъ дѣлѣ, а обманываетъ себя, увлекаясь чувственностью или бездѣльемъ... Между тѣмъ къ В. я никогда этого не чувствовалъ... Какая же это любовь?...

Если ужь началъ я говорить о любви, то трудно перестать мнѣ: такъ сильна внутренняя потребность высказываться по поводу этой матеріи. Еслибъ ты видѣлъ, какъ горько, какъ безумно плакалъ я, объявляя В. мое рѣшеніе о прекращеніи нашихъ отношеній... О чемъ были эти слезы? Всего скорѣе это былъ плачъ обиднаго сознанья въ пошломъ обманѣ самого себя, плачъ о томъ, что такъ долго не умѣлъ понять своей души и въ своей ничтожности довольствовался такимъ мизернымъ чувствованьицемъ, принимая его даже за святое чувство любви... Несчастная, юродивая у меня натуришка, другъ мой.

И вѣдь какъ я несчастенъ во всемъ, что только можетъ хоть намекнуть на чувство удовольствія отъ женской ласки. Представь себѣ, что мои предположенія о Бетти (надъ которыми ты смѣялся) сбылись буквально. Недавно отправился я къ ней, посидѣлъ съ нею полчаса, но когда хотѣлъ остаться долѣе, оказалось, что ей *нельзя*... Вѣдь уже это ни на что не похоже.

Дождусь въ Петербургѣ только весны, а потомъ уѣду изъ проклятаго города, гдѣ обрекъ себя на жизнь «безъ любви души, безъ радости» [1]). Еслибъ уѣхать за границу, въ Италію... можетъ быть, я тамъ и отдохнулъ бы душою. Если же нѣтъ, вези меня въ свою Хохландію... Я заранѣе уже мечтаю о томъ, какъ стану тамъ ѣсть галушки и ворочусь оттуда съ жинкой, для которой мнѣ такъ весело, такъ отрадно будетъ работать...

А теперь—повѣришь ли? Работа моя сдѣлалась тяжела и отвратительна. Если бы не нужда въ деньгахъ, не взялся бы за перо. Разрѣши мнѣ послѣ этого нравственную разницу между мною и дѣвицами, продающими свои прелести: не такой же ли постыдный торгъ веду я, продавая прелести своего остроумія, учености и прочихъ высокихъ достоинствъ и въ нѣкоторомъ родѣ святынь души моей?

---

1) Стихъ Кольцова.

Твое [1]) порученіе къ Кочетовымъ я не исполню, потому что оно глупо дано. Съ какой стати и съ какими словами явлюсь я къ m—me, которой даже имени не знаю? Для разрѣшенія этой задачи я пересматривалъ даже письмо твое къ нимъ, и нашелъ, что оно весьма прилично для почтовой конторы, но совершенно въ неприличное положеніе ставитъ подателя, о которомъ въ письмѣ нѣту даже намека. Зачѣмъ же тутъ его посредство?

Написавши этотъ вопросъ, я вспомнилъ, что долженъ объяснить Кочетовымъ, что ты не знаешь ихъ адреса (котораго, впрочемъ, и я не знаю: ты не потрудился его мнѣ сообщить), и мое положеніе представилось мнѣ довольно сноснымъ. Вслѣдъ затѣмъ я еще разъ заглянулъ въ письмо и возблаговѣлъ предъ твоею мудростью, прочитавши постскриптумъ, котораго сначала не примѣтилъ [2]).

Порученіе къ Кочетовымъ исполню завтра или въ воскресенье.

Письмо твое получилъ я въ то время, какъ у меня былъ Степановъ [3]). Онъ спрашивалъ, что ты пишешь о немъ; я сказалъ, что велишь кланяться и больше ничего. Онъ хотѣлъ на дняхъ писать къ тебѣ грозное посланіе.

Ради Бога, отвѣчай мнѣ поскорѣе. Мнѣ что-то очень тяжело теперь.

Твой

Н. Добр.

P. S. Не можешь ли сообщить мнѣ нѣсколько глупыхъ анекдотовъ, бывшихъ на лекціяхъ институтскихъ профессоровъ въ наше время? Я хочу написать, въ отвѣтъ на статью Ешевскаго, статейку въ такомъ смыслѣ: «что вы о гимназіяхъ толкуете? вотъ у насъ въ Институтѣ профессора такъ ужь профессора были»!... Если что есть, пришли какъ можно скорѣе: на январь нужно это написать.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 23 дек. 1858).

23 д.

Миленькій Ваня! Сегодня я ждалъ, что ты ко мнѣ пріѣдешь,—и ждалъ по напрасну. И вдругъ мнѣ пришло въ голову: что если ты не поѣхалъ потому, что я тебя не звалъ (кажется);—хотя я и не

---

[1]) Начиная съ этого слова, зачеркнуто все до словъ: „Порученіе къ Кочетовымъ исполню".

[2]) Увидѣвъ, что всѣ размышленія о неудобствѣ визита происходили отъ того, что оставался не замѣченъ постскриптумъ, Николай Александровичъ дописалъ и зачеркнулъ ихъ; но зачеркнулъ лишь слегка, чтобъ И. И. Бордюговъ прочелъ ихъ и посмѣялся надъ его разсѣянностью.

[3]) Портной, которому былъ долженъ И. И. Бордюговъ; онъ приходилъ очевидно за уплатою долга. По мнѣнію обоихъ друзей, онъ поставилъ слишкомъ большую цѣну за взятое у него платье, потому Николай Александровичъ и позабавился надъ нимъ, отложивъ на нѣсколько дней уплату долга за И. И. Бордюгова.

думаю, чтобъ ты былъ столько глупъ, но вѣдь чортъ-чего не бываетъ на свѣтѣ! Вотъ я и сѣлъ за писаніе, чтобы подвигнуть тебя на ѣзду хоть въ субботу, ибо это письмо получишь ты въ пятницу [1]). Я бы къ тебѣ самъ пріѣхалъ, да нельзя: на первую книжку работы много. А тебѣ теперь отдыхъ; пріѣзжай, пожалуйста. Пріѣзжай хоть за тѣмъ, чтобъ послушать Лагруа [2]), которая въ нѣкоторыхъ операхъ рѣшительно лучше всего, что я когда-нибудь могъ вообразить. А говорить-то какъ много бы надо намъ! Я бы тебѣ цѣлую коллекцію хорошихъ офицеровъ [3]) показалъ. Пріѣзжай пожалуйста.

Твой

Н. Д.

Не хочешь ли поступить на химію и физику въ Аракчеевскій корпусъ, на 1200 рублей за 14 лекцій?

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

18 января 1859 г.

Съ новымъ годомъ, Ваня. Ты вѣрно совсѣмъ одурѣлъ, если предполагаешь, что я не писалъ тебѣ потому, что разсердился. Повѣрь, что отнынѣ я не намѣренъ молчать, ежели разсержусь, особенно съ тобою. Да мнѣ и не за что было сердиться; а не писалъ я потому, что во-первыхъ тебѣ теперь все равно, хоть пиши, хоть не пиши, хоть колъ тебѣ на лбу теши,—ты кромѣ своей любви ни о чемъ думать и ничего понимать не можешь до поры до времени, т. е. до лѣта, въ которое ты меня увезешь въ Харьковъ отъ столичной гадости. Во-вторыхъ, все это время я былъ занятъ сочиненіемъ остроумныхъ статеекъ для «Современника». Ужасно пріятно сочинять остроумныя статейки, въ то время когда плакать хочется каждую минуту и на сердцѣ кошки скребутъ. Отыщи пожалуйста людей, знающихъ поэта Б— —ва: моя рецензія на него вся состоитъ изъ тонкихъ намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто, и написана ad hominem. Дѣло въ томъ, что этомъ Б.—ростовщикъ, который— — и въ то же время этотъ господинъ пишетъ идеальныя стихотворенія. Личность, должно быть, милая... Кстати, скажи, что означаетъ превращеніе Киттары въ Ваньку [4]) въ его послѣднемъ отчетѣ о мо-

---

[1]) Письмо было писано во вторникъ, но, какъ видно, послѣ отхода почтоваго поѣзда; оно должно было быть взято поѣздомъ въ среду (24 дек.) и прійти въ Москву въ четвергъ; но въ четвергъ было Рождество; разноски писемъ въ этотъ день не было, потому-то письмо и должно было дойти до И. И. Бордюгова только ужь въ пятницу, 26 дек.

[2]) Примадонна, производившая большой эффектъ необыкновенной силой голоса и способностью держать его необыкновенно долго на длинныхъ высокихъ нотахъ.

[3]) Это были два кружка: одинъ состоялъ изъ лучшихъ офицеровъ (слушателей) Военной Академіи, другой изъ лучшихъ профессоровъ ея. Николай Александровичъ былъ близкимъ другомъ нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей обоихъ кружковъ.

[4]) Въ И. И. Давыдова.

сковской коммерческой академіи? Я хотѣлъ его обругать, но рука не поднялась пока.

Миша [1]) не только не ѣдетъ, но и не пишетъ мнѣ ничего. Вѣрно и онъ влюбился... Я только, несчастный, не могу найти предмета для этого чувства; а чувство бродитъ въ душѣ и безпрестанно мѣшаетъ мнѣ. Съ мѣсяцъ тому назадъ я чуть было не влюбился въ жену Л—скаго [2]); но разсудилъ, что это ужь будетъ слишкомъ.

Если не сочтешь неприличнымъ (впрочемъ между вами, вѣроятно, нѣтъ церемоній и секретовъ — —), то поблагодари за меня m-me Б. [3]) и скажи, что ея мнѣніе обо мнѣ я считаю слѣдствіемъ ея чувствъ къ тебѣ, заставляющихъ ее видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ. По крайней мѣрѣ обо мнѣ до сихъ поръ женское мнѣніе таково, что можетъ сокрушить самую смѣлую самоувѣренность. Недавно Панаевъ возилъ меня въ маскарадъ и пробовалъ навязать меня интриговавшимъ его маскамъ; попытки были неудачны. Я бродилъ «сумраченъ, тихъ, одинокъ» и т. д. Встрѣтился одинъ офицеръ, котораго видѣлъ я у Л—скаго. Этотъ, сострадая моей участи, тоже хотѣлъ напустить на меня одну знакомую ему маску, но получилъ въ отвѣтъ, что «къ этакому уроду она даже подойти не въ состояніи» [4]) — — Могу прибавить и еще случай: Л—ская [5]) хочетъ меня женить [6]) на своей сестрѣ, а та не хочетъ выходить за меня; наконецъ говоритъ, что хочетъ, потому что мнѣ очень удобно будетъ рожки приставлять. Все это и самая женитьба, разумѣется, дѣлается и говорится на смѣхъ; но ты видишь, что и самыя шутки принимаютъ всегда оборотъ, не весьма лестный для моего самолюбія.

И чортъ меня знаетъ, зачѣмъ я началъ шевелить въ себѣ эту потребность женской ласки, это чувство нѣжности и любви!.. Вѣдь шевелилось же оно у меня и пять, шесть лѣтъ тому назадъ, да я умѣлъ заглушить его; отчего бы не заглушить и теперь? А то по-

---

[1]) М. И. Шемановскій.

[2]) Этими буквами замѣнена фамилія одного изъ знакомыхъ Николая Александровича.

[3]) Эта буква сохраняетъ прежнее свое значеніе.

[4]) Николай Александровичъ передѣлываетъ для шутки отзывы, которые слышалъ о себѣ. Женщины дурнаго общества должны были находить его робкимъ.

[5]) Та дама, о которой онъ говорилъ въ этомъ письмѣ, что „чуть было не влюбился въ нее".

[6]) Въ слѣдующихъ письмахъ къ И. И. Бордюгову Николай Александровичъ даетъ болѣе точную характеристику своихъ отношеній къ сестрѣ г-жи Л—ской. Это была добрая дѣвушка живого характера; бывая у Л—скаго почти каждый день, будучи любимъ Л—скимъ и г-жею Л—скою какъ родной братъ, Николай Александровичъ влюбился въ жившую у нея младшую сестру. А. С. (такъ было имя и отчество сестры г-жи Л—ской) обращалась съ нимъ дружески; онъ сказалъ г-жѣ Л., что желалъ бы жениться на А. С.; г-жа Л. отвѣчала, что была бы очень рада этому, но что ея сестра едва ли пріиметъ предложеніе. А. С. дѣйствительно сказала и сестрѣ и Николаю Александровичу, что была и хочетъ остаться дружна съ нимъ, но предложенія его не принимаетъ и никогда не пріиметъ. Дѣло въ томъ, что она была свѣтская дѣвушка, любила балы; она справедливо разсудила, что она и онъ—не пара. Но она оставалась дружна съ нимъ, постоянно отвѣчая отказомъ на его возобновлявшіяся убѣжденія принять его предложеніе. Это длилось до іюля, когда она уѣхала отъ сестры домой; недѣли черезъ двѣ по возвращеніи въ родной городъ она вышла за жениха, съ которымъ познакомилась въ Петербургѣ и который уѣхалъ на службу въ тотъ городъ.

напрасну только мучу самого себя. Постараюсь все скомкать, все порвать въ себѣ и лѣтъ черезъ пять женюсь на толстой купчихѣ съ гнилыми зубами, хорошимъ приданымъ и съ десяткомъ предварительныхъ любовниковъ гвардейцевъ... Чортъ ихъ побери, всѣ эти тонкія чувства, о которыхъ такъ любятъ распространяться поэты!..

У Кочетовыхъ я не былъ и, вѣроятно, не буду, по слѣдующему случаю. На второй день праздника заѣхалъ ко мнѣ Алексѣй Ивановичъ Бордюговъ [1]), чтобы узнать ихъ адресъ. Я упросилъ его ѣхать вмѣстѣ, чтобъ онъ представилъ меня. Онъ какъ любезный кавалеръ, сдѣлалъ видъ, что соглашается; но его драгунскому дендизму изъ Калязина показалось постыднымъ и убійственнымъ ввести мою неуклюжую семинарскую фигуру въ аристократическій салонъ гг. Кочетовыхъ, что на Петербургской. Поэтому онъ придумалъ слѣдующую штуку: «я», говоритъ «долженъ ѣхать еще въ одно мѣсто и уже оттуда заѣду за вами; если же меня тамъ долго задержатъ, то ждите меня завтра часовъ въ двѣнадцать; мы отправимся... А теперь все-таки дайте мнѣ записать ихъ адресъ». Я далъ ему адресъ, ждалъ его цѣлый день и на другой день до обѣда, но онъ не явился. Столь милая вѣжливость отбила у меня послѣдній куражъ и я не ѣздилъ къ Кочетовымъ.

Напиши мнѣ, пожалуйста, адресъ твоего брата, я позабылъ улицу; домъ, кажется, Боклевской? Шуба до сихъ поръ у меня. Надо ему отослать ее, но не знаю, куда.

Мой дядюшка, кажется, являлся къ тебѣ. Онъ—человѣкъ хорошій, навѣсти его когда-нибудь, если онъ самъ къ тебѣ не зайдетъ и достань ему мѣсто въ Москвѣ. Мнѣ ужасно хочется съѣздить въ Москву на недѣльку; думаю, что на пасхѣ соберусь... Я теперь мечусь во всѣ стороны и нигдѣ себѣ покоя не найду... А ужъ какъ золъ я теперь, какъ золъ!.. Если бы хоть тысячную долю моей злости могъ я передать тебѣ, ты бы ужаснулся и даже, позабывши любовь свою, прискакалъ бы сюда по желѣзной дорогѣ, подобно Бабсту—чтобъ меня утѣшить и развеселить хоть немного.

Н. Д.

ПИСЬМО М. И. ШЕМАНОВСКАГО.

(Отъ 7 марта 1859).

Вятка, 7 марта.

4-го числа я пріѣхалъ въ Крутогорскъ [2]), явился къ начальнику и уже вступилъ въ должность. Изъ Москвы съ Ваней [3]) не могли собраться написать къ тебѣ по случаю масляничныхъ и великопостныхъ удовольствій. Впрочемъ, виноватъ въ этомъ больше я, чѣмъ многолѣнивый, но незлобивый Ваня, который нѣсколько разъ под-

1) Младшій братъ Ивана Ивановича.
2) Названіе Вятки въ „Губернскихъ Очеркахъ“ Щедрина.
3) И. И. Бордюговымъ.

стрекалъ меня и себя писать къ тебѣ: можетъ быть для того, чтобы такой уловкой прикрыть, а если не прикрыть, то извинить въ твоихъ глазахъ собственную слабость. Вѣдь онъ хорошій тактикъ! Не такъ, какъ я, уѣхавшій изъ Москвы, даже не простившись съ Ваней; впрочемъ, и я также не причиненъ этому, а больше капитанъ Вяткинъ: всю эту исторію можетъ разсказать тебѣ Ваня при первомъ свиданіи, если ты будешь интересоваться ей.

Въ Нижнемъ былъ у твоихъ родныхъ. Сестеръ и зятя не видалъ—они были въ церкви и я не могъ дождаться конца великопостной службы, чтобы ихъ видѣть. Фавста Васильевна и Михаилъ Ивановичъ кланяются и по ихъ словамъ бѣдствуютъ. Ваня—славный мальчикъ, но имъ тяготятся, на что ты долженъ обратить серьезное вниманіе, тѣмъ болѣе, что ему пора начать учиться полезному, а тамъ его упражняютъ въ зубреніи священной исторіи и катихизиса. Нельзя ли будетъ пристроить его въ пансіонъ какой-нибудь порядочный—все будетъ лучше. Михаилъ Ивановичъ ищетъ должности; онъ хотѣлъ занять мѣсто Василія Ивановича, да тотъ помѣшалъ ему тѣмъ, что отсрочилъ свою отставку на 4 мѣсяца—о чемъ тотъ и горюетъ; хочетъ къ тебѣ обратиться за протекціей.

Въ Казани не былъ, а проѣхалъ въ Крутогорскъ чрезъ Черемисское царство. Здѣсь приняли меня съ отверстыми объятіями; это обѣщаетъ, что вскорѣ объятія закроются. Пока еще ничего, идетъ такъ себѣ. Здѣшняя гимназія и комплектъ учителей на первый разъ далеко лучше ковенскихъ, Щедрина пока всѣ ругаютъ, особенно за то, что онъ заглянулъ въ семейныя отношенія крутогорцевъ, что́ считается здѣсь неприкосновенною святынею. Многое въ его «Очеркахъ» объясняютъ личностями его съ крутогорцами и разсказываютъ про него разныя скандальныя исторіи. Его «Очерки» извѣстны по всей вятской губерніи, даже станціоннымъ смотрителямъ и ямщикамъ почтовымъ. Порфирій Петровичъ [1]) умеръ, оставивъ до 400 тысячъ благопріобрѣтеннаго. Муравьевъ здѣсь сильно дѣйствуетъ, отставляетъ, отдаетъ подъ судъ и проч.; впрочемъ, его дѣйствія походятъ на дѣйствія одного честнаго чиновника въ «Очеркахъ» Щедрина. Нѣтъ сомнѣнія, что крутогорцы примѣнятся къ нему и перехитрятъ его. Говорятъ даже, что онъ уже утомился... Пройдетъ еще годокъ, онъ попривыкнетъ къ взяткамъ, да и крутогорцы будутъ поосторожнѣе,—помирятся и все по прежнему пойдетъ: взятки будутъ и Муравьевъ будетъ. Вѣдь это естественное слѣдствіе всякихъ крутыхъ, не основанныхъ на фактахъ жизни, мѣръ. Его административныя мѣры привели къ слѣдующему факту: крестьяне-вятчане, сосѣдніе съ вологодской губерніей, почувствовавъ его поддержку противъ чиновниковъ, стали явно производить порубку лѣса въ вологодской губерніи; лѣсничій того уѣзда, собравъ понятыхъ, поймалъ ихъ на мѣстѣ преступленія; но на томъ же мѣстѣ преступленія крестьяне поколотили и лѣсничаго, и понятыхъ, и даже подали жалобу на него Муравьеву. Впрочемъ, спѣшу сказать, что это слухи и слухи дорожные, о справедливости которыхъ я еще не успѣлъ справиться въ самомъ Кру-

[1]) Одно изъ лицъ, изображенныхъ въ „Губернскихъ Очеркахъ“.

тогорскѣ. Вятка много перемѣнилась съ того времени, какъ я ее видѣлъ; въ смыслѣ современности ее можно поставить выше Ковна. Журналы здѣсь сильно читаются; есть даже публичная библіотека. Кстати: похлопочи, чтобъ мнѣ выслали «Современникъ» за нынѣшній годъ, а деньги за него я вышлю тебѣ вмѣстѣ съ своимъ долгомъ по окончаніи опекунскихъ дѣлъ. Здѣшняя гимназія выписываетъ какую то дрянь—«Русскій міръ» и «Слово», въ которыя, конечно, не стоитъ и заглядывать. Да напиши мнѣ фамилію сосланнаго приказчика [1])—я ее забылъ. Да еще вотъ что. Свидѣтельство Сорокина [2]) не вполнѣ законно; оно не засвидѣтельствовано учителями гимназій какъ депутатами отъ министерства народнаго просвѣщенія. Не сдѣлаетъ ли онъ мнѣ другого (съ 1-го февраля по 23-е) такого же, а ты набери депутатовъ-учителей для подписи. Если будетъ время, то сдѣлай это, а то, кажется, меня лишатъ жалованья за $1/2$ мѣсяца [3]). Мое почтеніе Панаевымъ, Сорокину, Василію Ивановичу, В. Д. [4]); Володѣ поцѣлуй. Здоровье мое вообще дрянно; надѣюсь, впрочемъ, на родной климатъ Крутогорска и на семью сестры, питающую ко мнѣ родственныя чувства. Кажется, здѣсь я отдохну. Прощай.

Твой Шемановскій.

Адресъ: на Спасской улицѣ въ домѣ Карцева.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 20 марта 1859).

20 марта.

Твое молчаніе убѣждаетъ меня, что ты мнѣ необходимъ, мой милый Ваня. Не знаю, есть ли въ тебѣ это чувство какого-то вожделѣнія (говоря по-славянски) въ отношеніи ко мнѣ; (судя по твоему обхожденію со мною, долженъ бы я предполагать, что нѣтъ его, но мнѣ думается, что оно все-таки по временамъ бываетъ); но во мнѣ оно очень сильно. Недавно я силился увѣрить себя (въ припадкѣ желчнаго раздраженія), что мнѣ, собственно говоря, чортъ съ тобой,

---

[1]) Это былъ г. Лаврецовъ, завѣдывавшій библіотекою для чтенія, принадлежавшей Крылову (раньше это была б—ка Крашенинникова, еще раньше—Смирдина): онъ былъ сосланъ въ Вятку за то, что давалъ своимъ знакомымъ русскія изданія, выходившія за границею.

[2]) И. М. Сорокина, бывшаго тогда ординаторомъ въ одномъ изъ петербургскихъ госпиталей. Онъ былъ, кажется, товарищъ Н. И. Турчанинова по гимназіи и близкій знакомый М. И. Шемановскаго, Николая Александровича и всего этого кружка.

[3]) Свидѣтельство о болѣзни, выданное И. М. Сорокинымъ, имѣло цѣлью дать законное оправданіе тому, что М. И. Шемановскій пріѣхалъ въ Вятку позже дня, опредѣлявшагося такъ называвшимся тогда поверстнымъ срокомъ, то есть разсчетомъ дней пути по разстоянію между мѣстомъ выѣзда и мѣстомъ новой службы.

[4]) Эти буквы замѣняютъ имя и отчество той дѣвушки, одно имя которой замѣняется буквой В.

что наши стремленія и интересы совершенно различны, характеры непонятны другъ другу, и пр. Но немедленно же послѣдовало во мнѣ и разувѣреніе во всѣхъ этихъ гадостяхъ: я возвратился къ ясному сознанію нашихъ отношеній, и сознаніе это сказало мнѣ, что мы оба другъ друга превосходно понимаемъ, что и мысли и чувства каждаго изъ насъ—какъ на ладонькѣ у другого, что наши стремленія совершенно близки, если не одни и тѣ же. Вслѣдствіе сего—я поставилъ себя на свою точку зрѣнія и въ твою шкуру (хохлацкую) и объяснилъ твое молчаніе, не прибѣгая даже къ предположеніямъ о твоей смерти, сумасшествіи, отбитіи у тебя кондрашкою правой руки и т. п. Цѣлый мѣсяцъ уже прошелъ со времени отъѣзда Миши. сегодня получилъ я отъ него письмо изъ Вятки; онъ пишетъ, что о немъ я что-то узнаю при свиданіи съ тобою. Я и заключилъ изъ этого (чего хочется, тому легко вѣришь), что ты въ скоромъ времени собираешься въ Петербургъ и на этомъ основаніи считаешь излишнимъ писать ко мнѣ. Такъ ли это? Другая причина та, что ты на мои жалобы, страданья и тоску смотришь нѣсколько иронически, или по крайней мѣрѣ съ большимъ недовѣріемъ. Ты полагаешь,—не то, чтобы онъ, дескать, прикидывался, а такъ... привередничаетъ и даже отчасти съ жиру бѣсится. Оттого ты и мало обращаешь вниманія на мои вопли. Иначе,—если бы, то есть, мнѣ угрожала дѣйствительная бѣда, если бъ ты серьезно принялъ мои жалобы на свѣтъ и призналъ ихъ *реальную* важность, то я не сомнѣваюсь, что не только письмами бы въ меня посыпалъ, но даже и самъ прискакалъ бы. Я знаю, что и я то же бы сдѣлалъ. Говорилъ я о тебѣ все это Мишѣ, но онъ, вѣроятно, не передалъ тебѣ ничего; такъ я самолично тебѣ изолью мои чувствія...

Ты долженъ непремѣнно переѣхать въ Петербургъ; мнѣ безъ тебя чего-то не достаетъ. Хлопочи, пожалуйста; и мы бы славно могли устроиться... Лѣтомъ, т. е. въ началѣ іюня, я уѣду, если не въ Харьковскую губернію, то за границу,—до сентября. Въ сентябрѣ же пріѣду и устроюсь своимъ хозяйствомъ, нѣсколько уютнѣе и благоразумнѣе теперешняго. Тутъ ты будешь мнѣ необходимъ, да и я тебѣ не вовсе буду безполезенъ; я стану будить и погонять твою лѣнивую фигуру, и изъ московскаго хохла ты быстро превратишься здѣсь въ петербургскаго европейца. Серьезно—рѣшайся, мой миленькій: вѣдь тебя ничто особенно не привязываетъ къ Москвѣ? А если привязываетъ, то я тебя похищу!..

Что до настоящаго касается, то я нахожусь на пути къ погибели, мой миленькій. Можетъ быть, Миша сказалъ тебѣ, что я въ послѣднее время его пребыванія въ Петербургѣ былъ заинтересованъ m-me Л—ской [1]). Съ каждымъ днемъ интересъ этотъ возрастаетъ. Нѣсколько прогулокъ вдвоемъ по Невскому, между двумя и пятью часами, нѣсколько бесѣдъ съ нею въ домѣ, двѣ, три поѣздки въ театръ, и наконецъ два, три катанья на тройкѣ за городъ, въ небольшомъ обществѣ, совершенно меня помутили. Я знаю, что тутъ ничего нельзя добиться, потому что ни одинъ разговоръ не обходится безъ

---

[1]) Эти буквы сохраняютъ прежнее значеніе.

того, чтобы она не сказала, что хотя человѣкъ я и хорошій, но ужь слишкомъ неуклюжъ и почти-что противенъ; я понимаю, что я *не долженъ* ничего добиваться, потому что П. О. [1]) все-таки мнѣ дороже ея. Но въ то же время я не имѣю силъ отстать отъ нея, не могу не чувствовать особенной радости при всякомъ знакѣ ея расположенія. А расположеніе ея вотъ какого рода: она мнѣ разъ повѣряла тайны своего сердца и при этомъ призналась, что собственно не считаетъ меня за мужчину и потому вовсе не стыдится говорить мнѣ многое, чего другимъ и не сказала бы... И, что всего досаднѣе,—признаніе это было совершенно искреннее: оно безпрестанно подтверждается ея обращеніемъ со мною... А между тѣмъ я не знаю,—отчего же я не мужчина [2])? И что же я такое, послѣ этого? Неужели баба?

Не знаю, какъ ты разрѣшишь эти вопросы, но знаю, что въ одномъ ты долженъ отдать мнѣ справедливость: въ томъ, что я необыкновенно глупъ.

Твой Н. Добролюбовъ.

PS. Напиши ко мнѣ,—*однако*... Иначе буду просить Бога, чтобы наказалъ тебя встрѣчею съ Ванькой Давыдовымъ, который теперь ужь въ Москвѣ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 22 апрѣля 1859) [3]).

22 апрѣля.

Письмо Миши [4]) я тебѣ уже отослалъ, мой миленькій. Портретъ пришлю вмѣстѣ съ ключемъ [5]); а ключъ пришлю тогда, когда ты мнѣ напишешь, гдѣ отыскать его. Я съ ногъ сбился, искавши все это время, но не могъ найти. Сегодня ты, я думаю, въ скверномъ расположеніи духа; но это ничего. Я убѣжденъ, что ничего потому особенно, что во мнѣ твое горе, какъ оказалось, не производитъ особенной печали. А между тѣмъ *истинныя* твои страданія во мнѣ возбуждаютъ всегда сочувствіе. Правда, что я теперь самъ-то доволенъ не знаю чѣмъ. Можетъ быть тѣмъ, что вчера съ десяти до двухъ съ половиной часовъ сидѣлъ у одного восторженнаго господина и, вмѣстѣ съ другими пятью или шестью, говорилъ о томъ, что́ мнѣ теперь такъ дорого и о чемъ съ тобой мы тоже толковали. Я все болѣе укрѣпляюсь въ своей мысли.

Относительно моей женитьбы тебѣ, кажется, безпокоиться нечего.

---

[1]) Этими буквами мы замѣняемъ имя и отчество г. Л., мужа г-жи Л—ской

[2]) Она любила его, какъ родного брата, и до сихъ поръ не можетъ говорить о немъ безъ слезъ.

[3]) И. И. Бордюговъ передъ тѣмъ временемъ пріѣзжалъ въ Петербургъ повидаться съ Николаемъ Александровичемъ.

[4]) Михаила Ивановича Шемановскаго.

[5]) Который былъ забытъ И. И. Бордюговымъ у Николая Александровича.

Разскажу тебѣ одинъ поучительный моментъ, изъ котораго видно, пожалуй, какая я свинья, но сознаніе котораго меня хорошо аранжируетъ въ настоящую минуту. Недавно мнѣ показалось, что въ обращеніи А. С. со мной проглянула какая-то нѣжность, какъ будто начало возникающей любви. Это было для меня такъ ново и пріятно, что я не могъ не обратить своего вниманія на чувство, возбужденное во мнѣ этимъ случаемъ. Строгій анализъ показалъ мнѣ, что чувство это—не любовь, а просто пріятное щекотаніе самолюбія. *Она* меня еще и теперь очень интересуетъ, даже гораздо больше, чѣмъ прежде, но судя по тому, *что́ именно* пробуждается во мнѣ при ея внимательности,—я убѣждаюсь, что весь интересъ пропадетъ, какъ только я узнаю, что она меня полюбила. Теперь я только догадываюсь, что могу заставить ее полюбить себя [1]), но все еще сомнѣваюсь, и потому продолжаю съ ней обращаться такъ, чтобы добиться пріятной несомнѣнности. Состояніе это, когда надежда перевѣшиваетъ сомнѣніе, довольно пріятно, и если бъ она была столько умна, что весь вѣкъ могла бы держать меня въ такомъ состояніи, я-бы завтра же на ней женился [2]). Но я знаю, что такихъ умныхъ женщинъ нѣтъ на свѣтѣ, знаю, что очевидность скоро должна заступить мѣсто сомнѣнія и надежды, и потому развязка моего любезничанья очень близка. Я даже, по всей вѣроятности, не стану и ждать того, чтобы она дѣйствительно меня полюбила,—съ меня довольно будетъ убѣдиться, что она совершенно готова на это.

«А если она въ самомъ дѣлѣ полюбитъ и будетъ страдать?.. Не лучше-ли бросить эти игрушки огнемъ?»

Вздоръ,—мы съ ней оба не таковскіе... Любовь, не получая себѣ пищи, пройдетъ у ней въ полтора дня... А если и нѣтъ, такъ что за бѣда?

Пускай ее поплачетъ:
Ей ничего не значитъ [3]).

Но, разумѣется, тутъ-то я и оказываюсь свиньею [4])... Я себя и не оправдываю...

Разсказываю тебѣ эту штуку за тѣмъ, чтобы представить примѣръ,

---

[1]) Черезъ два мѣсяца онъ самъ увидѣлъ, что ошибался въ этой догадкѣ.

[2]) Онъ и женился бъ на ней,—и не „завтра же“, а въ тотъ же день, какъ она согласилась бы,—въ каждый день того времени, съ начала марта до самаго ея отъѣзда. Анализируя свое чувство, онъ увлекается вычитанными изъ романовъ тонкостями игры самолюбія въ мужчинахъ, привыкшихъ побѣждать;—на дѣлѣ, онъ любилъ простымъ, добрымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ благороднаго юноши.

[3]) Лермонтовскіе анализы чувства пресыщенныхъ своими побѣдами свѣтскихъ людей заставляютъ Николая Александровича клеветать на себя: кого онъ любилъ, о тѣхъ не думалъ онъ, какъ этотъ Печоринъ, получившій роль сельскаго парня, сданнаго помѣщикомъ или своимъ сельскимъ обществомъ въ солдаты; нѣтъ, Николай Александровичъ не только въ то время, какъ любилъ, принималъ къ сердцу всѣ радости или огорченія любимой дѣвушки, но и разлюбивъ ее продолжалъ сохранять нѣжное сочувствіе ко всему въ ея жизни. Таковы до самой смерти его были его отношенія не только къ А. С., но и къ той дѣвушкѣ, имя которой мы замѣняемъ буквою В.

[4]) То-есть, Печоринымъ; но онъ оказывался такимъ эгоистомъ только въ собственной фантазіи.

какъ мало дѣйствія человѣка зависятъ отъ теоретическихъ соображеній, доставляемыхъ ему разсудкомъ... Кажется, кто можетъ разсуждать основательнѣе меня, кто лучше можетъ наблюдать за собою? И въ то же время кто съумѣетъ надѣлать столько глупостей?

Пиши же, Ваня, гдѣ ключъ твой отыскать?

Н. Д.

PS. Вчера досталъ программы Военной Академіи для Миши [1]), но потерялъ его адресъ. Напиши, пожалуйста. Кажется, въ Кишиневъ, во второй саперный батальонъ?

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ТУРЧАНИНОВУ.

26 апрѣля 1859. Въ Ловичѣ [2]) 5/17 мая 1859.

Николай Петровичъ,

Недавно услышалъ я отъ Михалевскаго, что Вы собираетесь пріѣхать въ Петербургъ,—и чѣмъ-то роднымъ повѣяло на меня отъ этого извѣстія. Я почувствовалъ, что виноватъ передъ Вами и передъ Александровичемъ—не въ томъ, въ чемъ обвиняли меня, а въ томъ, что, по мелкому самолюбію и гордости, не хотѣлъ съ Вами объясниться какъ слѣдуетъ. Мнѣ сдѣлалось грустно, когда я подумалъ, что люди, столько времени знавшіе другъ друга за людей честныхъ, могли разойтись изъ-за недоразумѣнія. Проживши здѣсь два года, я убѣдился, что честные люди очень дороги, особенно теперь, когда представляется возможность дѣлать что-нибудь полезное, а не сидѣть сложа руки.

Не знаю, упорствуете ли Вы въ своихъ сомнѣніяхъ относительно моей честности, продолжаете ли Вы вѣрить тому, чтó писалъ обо мнѣ Ст. [3]) и можетъ быть еще кто-нибудь; но, во всякомъ случаѣ, Вы не имѣете права отказаться отъ объясненій, которыя я Вамъ предлагаю по пріѣздѣ Вашемъ въ Петербургъ.

Я противъ Васъ не имѣлъ и не имѣю рѣшительно ничего. Вы оставили во мнѣ самое свѣтлое и чистое воспоминаніе, и въ память этого я первый выражаю желаніе возобновить наши отношенія, хотя мнѣ и не легко сдѣлать это, не зная, какъ Вы меня примете. Надѣюсь, впрочемъ, что пора гнѣва миновалась, что голосъ старой дружбы заговоритъ въ Васъ, какъ и во мнѣ, и что если даже мнѣ не удастся вполнѣ уничтожить Ваши подозрѣнія, то Вы сами забудете ихъ, признавши заблужденіемъ или проступкомъ то, за что хотѣли меня карать какъ преступника.

---

1) Для Михаила Ивановича Бордюгова, офицера, думавшаго держать экзаменъ въ Военную Академію. Онъ былъ младшій братъ Ивана Ивановича.

2) То-есть: „получено въ Ловичѣ“ (гдѣ жилъ Н. И. Турчаниновъ, занимая должность преподавателя съ жалованьемъ въ 270 р.).

3) Этими буквами замѣняется здѣсь та же фамилія, какъ въ прежнихъ письмахъ.

Мнѣ не хотѣлось бы самому представлять доказательства того, что я заслуживаю Вашей довѣренности. Спросите лучше у кого-нибудь изъ тѣхъ, кого Вы уважаете и кто меня знаетъ, напримѣръ у Л—скаго, Кавелина. Ихъ отзывъ не будетъ противъ меня. Но всего лучше—не откажитесь отъ прямыхъ и откровенныхъ объясненій со мною лично. Я увѣренъ, что они кончатся хорошо.

Я изъ домашнихъ учителей перешелъ во второй корпусъ и числюсь тамъ репетиторомъ. На службу, впрочемъ, не хожу и жалованья не получаю, а живу тѣмъ, что беру отъ «Современника» за статьи (беру, впрочемъ, довольно много). Живу теперь съ Некрасовымъ и Панаевыми въ одномъ домѣ и почти въ одной квартирѣ. Со мной живетъ [1]) маленькій братъ и. временно, дядюшка, пріѣхавшій изъ Нижняго. Вотъ Вамъ мое внѣшнее положеніе. Въ половинѣ мая думаю переѣхать на дачу вмѣстѣ съ Л—скими. Слѣдовательно, до 15 мая мой адресъ: на углу Литейной и Бассейной, домъ Краевскаго, въ квартирѣ Некрасова; а послѣ 15-го нужно уже писать ко мнѣ черезъ П. О. [2]) (по прежнему—домъ Тулубьева, въ Поварскомъ переулкѣ). Пишу это, надѣясь, что Вы отвѣчать мнѣ будете.

П. О. (которому некогда писать самому) поручилъ Михалевскому и мнѣ сообщить Вамъ, что, въ случаѣ пріѣзда Вашего въ Петербургъ, онъ можетъ постараться сдѣлать что-нибудь въ Вашу пользу. Считаю лишнимъ прибавлять съ своей стороны, что мною Вы можете располагать совершенно.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

Сообщите мнѣ пожалуйста адресъ Александровича, ежели знаете; и ежели ведете съ нимъ переписку, то въ первомъ же изъ слѣдующихъ писемъ поклонитесь ему отъ меня и сообщите мой адресъ. Надѣюсь, что Вы это одолженіе сдѣлаете мнѣ и въ томъ случаѣ, ежели сами не захотите отвѣчать мнѣ.

ПИСЬМО И. И. БОРДЮГОВА.

(Отъ 28 апр. 1859).

Среда [3]).

Милый Коля! Удовлетвори меня, пожалуйста, съ какой точки зрѣнія я долженъ смотрѣть на твое молчаніе? Ходишь ли ты весело по тропинкѣ бѣдствій, т. е. по Невскому [4]), или уже покончилъ и бла-

---

[1]) Описка, вмѣсто „живутъ".

[2]) Этими буквами замѣняются, какъ прежде, имя и отчество того изъ знакомыхъ Николая Александровича, фамилія котораго (тоже по прежнему) замѣняется буквами Л—скій.

[3]) И. И. Бордюговъ ошибся въ отмѣткѣ дня недѣли: онъ писалъ 28-го, то-есть, не въ среду, а во вторникъ, какъ замѣчаетъ ему Николай Александровичъ въ отвѣтѣ на это письмо.

[4]) А. С. любила свѣтскія развлеченія. Однимъ изъ нихъ была прогулка по Невскому проспекту въ часы передъ обѣдомъ. Старшая сестра, когда имѣла

женствуешь. Что касается меня, то вмѣсто желчи, которая была причиною моего глупаго письма, теперь снѣдаетъ меня тоска такая, какой я никогда еще не испытывалъ. Мнѣ кажется, что это происходитъ отъ совершеннѣйшаго одиночества. У К. И. [1]) оказалось гораздо меньше самостоятельности, чѣмъ я предполагалъ. Она еще не видала апрѣльской книжки, когда другъ ея г. А. [2]) сталъ проклинать передъ нею и передъ всей Москвой «Современникъ», потомъ она прочла росписку Московскихъ Вѣдомостей въ полученіи [3])... и возмутилась направленіемъ «Современника». Принесли «Современ-

---

досугъ провожать ее, доставляла ей это удовольствіе. Влюбившись въ А. С., Николай Александровичъ сдѣлался постояннымъ спутникомъ ихъ въ прогулкѣ по Невскому.—И. И. Бордюговъ, смѣясь надъ этимъ, примѣнилъ къ его прогулкамъ стихи старинной пѣсенки:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій.

Далѣе въ пѣсенкѣ изображается и оплакивается бѣдственная судьба непредусмотрительной птички.

1) Этими буквами мы замѣняемъ имя и отчество той дамы, фамилію которой замѣнили буквой Б.

2) Этой буквой мы замѣняемъ фамилію проклинавшаго „Современникъ".

3) И. И. Бордюговъ примѣняетъ къ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей", порицающей № 2-ой „Свистка" (помѣщенный въ апрѣльской книжкѣ „Современника" того года) выраженіе, которымъ Николай Александровичъ характеризовалъ въ этомъ нумерѣ „Свистка" отвѣтъ г. Бѣшенцева на рецензію его „Сочиненій", написанную Николаемъ Александровичемъ и помѣщенную въ январской книжкѣ „Современника" того года: „Росписка г. Бѣшенцова въ полученіи"... Выраженіе это взято Николаемъ Александровичемъ изъ эпиграммы, въ которой Пушкинъ говоритъ объ отвѣтѣ ему одного осмѣяннаго имъ писателя:

Въ полученьи оплеухи
Росписался мой дуракъ.

„Московскія Вѣдомости", находившіяся тогда подъ редакціей В. Ѳ. Корша, были главнымъ органомъ умѣреннаго либерализма въ ежедневной прессѣ.—„Московскія Вѣдомости" оскорбились тѣмъ, что Николай Александровичъ взялъ изъ нихъ нѣсколько образцовъ той неопредѣленной, вялой и подобострастной „обличительной" публицистики, отъ которой продолжали ждать великихъ благъ для Россіи умѣренные либералы. А раньше того, „Московскія Вѣдомости" обидѣлись помѣщенными въ № 1 „Свистка" (въ январской книжкѣ „Современника" 1859 года) насмѣшками надъ знаменитымъ „протестомъ" противъ „Иллюстраціи". Статья противъ „Свистка" была помѣщена въ № 85 „Московскихъ Вѣдомостей". Николай Александровичъ отвѣчалъ на нее въ № 3 „Свистка" (въ октябрской книжкѣ „Современника" того года) замѣткою „Раскаяніе Конрада Лиліеншвагера" и стихотвореніемъ этого поэта „Мое обращеніе":

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.
Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ „Вѣдомостяхъ Московскихъ"
Прочелъ презрительный укоръ... и т. д.

Исторію протеста противъ „Иллюстраціи", разсказываемую Николаемъ Александровичемъ въ 1-мъ и 2-мъ нумерахъ „Свистка", мы пополнимъ въ своемъ мѣстѣ нѣкоторыми подробностями.

никъ». Я прочиталъ ей «Литературныя мелочи» [1]); онѣ ей очень понравились. Она сказала, что написано въ ея духѣ: брань спокойная, приличная, *фактическая*, не такая, какъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но все-таки не можетъ примириться съ «Демономъ». Это бы еще ничего, да досадно, что за Б—ва возстаетъ. Вѣдь я вижу, что въ душѣ рада, что неудовольствіе только наружное и существуетъ только для того, чтобы не перечить другу [2]). Дѣти переложили «Демона» на голосъ «Отгадай, моя родная» и поютъ немилосердно.—Я не думаю, чтобы «Свистокъ» не явился въ майской книжкѣ—это не въ твоемъ характерѣ; а нѣкоторые тутъ пророчатъ не только «Свистку», но и всему «Современнику» капутъ, говорятъ, что апрѣльская книжка есть послѣднее судорожное движеніе «Современника», что тамъ, дескать, всѣ уже исписались и больше писать не о чемъ. Просмотри, пожалуйста, статью —(?)— [3]) нельзя-ли ее пристроить какъ-нибудь. О Рыбниковѣ [4]) еще нѣтъ извѣстій. Со многими студентами я познакомился, а Синцова еще не отыскалъ.

Твой Ив. Бордюговъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Писано послѣ письма отъ 22 апрѣля, въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1859 г.).

Что за дичь такая! Письма мои начали, кажется, пропадать на почтѣ! 22-го, должно быть, я послалъ къ тебѣ письмо, а еще ранѣе отослалъ тебѣ письмо Миши. Въ своемъ письмѣ я говорилъ тебѣ о *ней* [5]) такія вещи, которыхъ не хотѣлъ бы видѣть въ рукахъ у кого-нибудь другаго. Увѣдомь, пожалуйста, не получилъ ли ты моего письма послѣ того, какъ отослалъ свое. У васъ тамъ въ Москвѣ должны быть большіе безпорядки послѣ того, какъ Закревскій промѣнянъ на Строганова: недавно, говорятъ, два милліона фальшивыхъ ассигнацій открыли; въ недѣлѣ всѣ дни перемѣшались: у тебя надъ письмомъ стоитъ *среда*, а на конвертѣ 28 апр., которое было во вторникъ... Чортъ васъ знаетъ, чтó у васъ тамъ дѣлается...

Что касается до меня, то не безпокойся относительно моей судьбы Она рѣшается «въ настоящее время, когда» [6]) и пр. Рѣшается она

---

[1]) Рѣчь идетъ о второй статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ (объ этой книжкѣ и говорится, что она была принесена во время разговора)—первая статья была помѣщена въ январской книжкѣ.

[2]) Тому лицу, фамилія котораго замѣнена у насъ буквой А.

[3]) Фамилія написана неразборчиво и, кажется, съ лишнимъ росчеркомъ въ первой буквѣ; быть можетъ, слѣдуетъ читать: Снедера.

[4]) Которому пришлось тогда переселиться изъ Москвы на сѣверъ Россіи. Чрезъ нѣсколько времени онъ оказалъ очень важную услугу русской литературѣ, записавъ былины, сохранившіяся въ Олонецкой губерніи.

[5]) Объ А. С.,—точнѣе сказать, не о ней, а о себѣ.

[6]) Знаменитая фраза тогдашней публицистики, восхищавшейся быстротою прогресса у насъ.

глупо, но я не виноватъ въ этомъ и, можетъ быть, выйду изъ всего предпріятія превосходно. Вотъ какая третьяго дня произошла исторія. Я обѣщалъ быть у Л—скихъ въ 6 часовъ, чтобы идти гулять по тропинкѣ бѣдствій, какъ ты остроумно выразился краденымъ стихомъ. Но обѣдалъ я не дома и позамѣшкался. Пришедши домой, нашелъ у себя на столѣ конфетку въ видѣ сердца, изъ котораго торчитъ пламя, обернутую въ записку *отъ нея* [1]), такого содержанія: «я васъ жду, Добр—въ; уже половина 7-го, а васъ все нѣтъ. Если можно, придите.—Цѣлую васъ».—Внизу была приписка: «скорѣе, скорѣе, скорѣе», и еще ниже другая: «посылаю вамъ сердце съ пламенемъ».—Я увидѣлъ, что комедія, разыгрываемая надо мною, грозитъ оставить меня въ круглыхъ дуракахъ, и не пошелъ. Вчера тоже не ходилъ къ нимъ, и сегодня не собираюсь. Теперь что же изъ этого выйдетъ? Или на меня надуются и откажутся отъ всякихъ претензій на мою особу, или захотятъ употребить новыя усилія для привлеченія меня, окажутся новые знаки вниманія, и тогда, само собой разумѣется, я погибну, ежели ты не подоспѣешь спасти меня... Но во всякомъ случаѣ — ясно, что судьба моя зависитъ теперь не отъ меня. Будетъ то, что̀ Богу угодно, а мое дѣло тутъ сторона. Не такъ ли? Съ своей стороны я все сдѣлалъ, что было можно.

На счетъ «Свистка» могу тебѣ сообщить, что его въ майской книжкѣ не будетъ. Я не охотникъ нападать на людей, находящихся въ такомъ паническомъ страхѣ, съ какимъ теперь всѣ истые москвичи ждутъ «Современника». Я подожду, пока они успокоятся немного и скажутъ: «вотъ видите,—мы вѣдь говорили» и пр. Тогда-то и сяду имъ опять, какъ снѣгъ на голову: на-те, молъ, вамъ... А теперь у нихъ и воспріимчивость-то страхомъ пришибена.

Мы было принялись съ Некрасовымъ сочинять стихотвореніе, которое начиналось стихомъ:

Душа летитъ въ Армянскій переулокъ...

Но съ первыхъ стиховъ оно оказалось слишкомъ свирѣпымъ, и безъ достаточнаго повода печатать его нельзя. Подождемъ, пока въ Армянскомъ переулкѣ появится на насъ ругательная статья, которую, говорятъ, Катковъ уже готовитъ.

Въ прошломъ письмѣ писалъ я тебѣ адресъ твоего брата, и спрашивалъ, вѣренъ ли онъ. Адресъ этотъ: «въ Кишиневъ, прапорщику 2-го сапернаго баталіона». Такъ ли? Напиши скорѣе. Я досталъ всѣ програмы Военной Академіи, и только потому не посылаю, что не увѣренъ въ адресѣ.

Недавно познакомился съ нѣсколькими офицерами Военной Академіи и былъ у нѣсколькихъ поляковъ, которыхъ прежде встрѣчалъ у Л—скаго. Все это люди, кажется, хорошіе, но недостаточно серьезные.

Нынѣшній мѣсяцъ въ «Современникѣ» подвизался мало,—потому что тропинкою бѣдствій занятъ былъ. Впрочемъ, всѣхъ москвичей выругалъ Обломовыми и сказалъ, что изъ нихъ толку не выйдетъ ни малѣйшаго. Не знаю, какъ это изъ цензуры выйдетъ.

---

[1]) Отъ А. С.

Получилъ ли ты хоть Мишино письмо? Что F? [1]) Когда ты сюда пріѣдешь? Ѣдешь ли все-таки въ Харьковъ? Исхитишь ли меня, въ случаѣ надобности даже противъ моей воли, изъ обольстительныхъ ручекъ, расшевеливающихъ мое сердце такими записочками? Я на тебя надѣюсь, и болѣе ни на кого. Дядюшка, прочитавъ записочку, никакъ не хочетъ вѣрить, чтобы между нами уже не была рѣшена женитьба...

Я отъ тебя отвѣта жду въ понедѣльникъ.—Напиши также, гдѣ отыскать ключъ, который тебѣ ужь вѣрно не нуженъ; я хочу его прислать тебѣ вмѣстѣ съ портретомъ.

Н. Д.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(Начатое 7-го, конченное 14-го мая, 1859).

7 мая.

Добрый нашъ братецъ Николенька.

Поздравляю Васъ отъ имени своего и Ниночкинаго съ ангеломъ или уже съ прошедшимъ днемъ Вашего Ангела и еще поздравляю Васъ съ племянникомъ, и дяденьку Василія Ивановича со внучкомъ Николенькой; онъ родился 2 мая. Ниночка теперь поправляется; но еще очень слаба. Она просила меня написать тебѣ, Николенька, что она очень огорчается, что ты въ продолженіи цѣлаго года не напишешь ей; ей это очень непріятно: она не могла даже говорить равнодушно про это, но говорила со слезами; она всегда къ тебѣ имѣла родственное чувство любви и теперь точно также любитъ и помнитъ тебя. Ради Бога, утѣшь ее, напиши хоть пять строчекъ къ ней: ты ее этимъ утѣшишь до крайности. Повѣрь, что она тебя любитъ такъ, какъ любила прежде; она очень часто безпокоится о тебѣ, здоровъ ли ты; не получая отъ тебя никакого извѣстія, она огорчается. Не знаю, что это—и ты, милый Володечка, позабылъ насъ, позабылъ меня и свою Ниночку: не хочешь написать намъ. Ты не повѣришь, какъ бы ты этимъ утѣшилъ насъ. Анночка, слава Богу, здорова; кланяется Николенькѣ и Володинькѣ, также и дяденькѣ; съ каждымъ днемъ все собирается писать вамъ, не знаю, когда соберется. Лизанька просила меня передать поклонъ дяденькѣ и Володенькѣ и дожидается, когда дяденька исполнитъ свое обѣщаніе, пріѣдетъ сюда къ пасхѣ. Прочіе родные всѣ здоровы. Извини меня, милый братъ мой Николенька, что я такъ дурно пишу. Мнѣ некогда: я тороплюсь; притомъ же такъ жарко, что рука не пишетъ. Надѣюсь, что ты не забракуешь письмо мое. Погода здѣсь очень теплая, даже жаркая; дождей вовсе нѣтъ. Прощайте, милые и

---

[1]) Этою французской буквой мы замѣняемъ имя, написанное во французской формѣ.

безцѣнные братцы Николенька и Володенька и дяденька. Желаю вамъ быть здоровымъ и не забывать сестру вашу и племянницу

Екатерину Добролюбову.

P. S. Извѣсти меня, Николенька, пожалуйста, когда будешь писать къ Ниночкѣ, получилъ ли ты письмо мое, которое я послала вамъ къ пасхѣ.

14 мая. Это письмо, милый братецъ, написано уже нѣсколько дней, но оно не отослано по причинѣ Ниночкиной болѣзни: Сначала она стала поправляться, и мы думали, что она скоро встанетъ; но вдругъ ей сдѣлалось очень дурно, и она сильно занемогла, такъ что мы не имѣли надежды ея выздоровленію. Теперь лечитъ ее докторъ, который лечилъ тетеньку Елену Ефимовну, и кажется, ей немного легче, но она не можетъ даже говорить, ей тяжело и она задыхается. Но теперь, слава Богу, не опасно и есть надежда, что она выздоровѣетъ; впрочемъ, нельзя полагаться ни на что. Да будетъ во всемъ Его всемогущая Воля. Поспѣшите поскорѣе письмомъ своимъ; Вы ее утѣшите и, можетъ быть, сведете ее этимъ съ постели. Будьте такъ добры, не откажите въ этомъ больной сестрѣ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

(Отъ 24 мая 1859).

24 мая.

Другъ мой Миша, отвѣчаю тебѣ тотчасъ по полученіи твоего письма, чтобы опять не затянуть времени на цѣлые мѣсяцы. Повѣришь ли, что я собирался къ тебѣ писать чуть не каждый день, и все что-нибудь мѣшало, или лѣнь нападала. Относительно же «Современника» виновата, должно быть, почта. Черезъ нѣсколько дней по полученіи твоего письма, то-есть въ половинѣ, кажется, марта, я сообщилъ въ конторѣ о твоемъ желаніи, тебя записали въ списокъ и ты долженъ былъ получить первые три номера вмѣстѣ съ апрѣльскимъ. Не далѣе, какъ во вторникъ я справлюсь объ этомъ дѣлѣ, и тебѣ книжки будутъ высланы непремѣнно (если уже не высланы).

Теперь далѣе. Если можешь имѣть какое нибудь вліяніе, посредственное или непосредственное,—на рѣшеніе Жадовскаго, то употреби всѣ усилія, чтобы онъ написалъ что-нибудь и прислалъ въ «Современникъ». Здѣсь, должно быть, надѣются, что не будетъ Жадовскій писать, и потому не только самъ К. вретъ на него, но и какой то г. В. П. напечаталъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» недѣли двѣ тому назадъ, письмо, говорящее, что, кажется, Жадовскій не считалъ и самъ К—ва виноватымъ, или что-то въ этомъ родѣ. Голосъ Жадовскаго въ этомъ дѣлѣ очень важенъ [1]).

---

[1]) Въ мартовской книжкѣ „Современника“ того года была помѣщена статья В. А. Ѳедоровскаго „Подольско-витебскій откупъ“. Это разборъ того, какъ

«Слово» польское запрещено, редакторъ Огрызко сидѣлъ въ крѣпости, по требованію Горчакова Варшавскаго, подъ претекстомъ сношенія съ эмигрантами, по тому поводу, что напечатано было въ Slowie письмо Лелевеля, невиннѣйшаго свойства. Огрызку [1]) посадили было на мѣсяцъ. Но государю представили до 20 (говорятъ) докладныхъ записокъ и частныхъ писемъ по этому дѣлу (въ числѣ ихъ были — одно отъ Тургенева и другое отъ Егора Ковалевскаго, брата министра), и Огрызко былъ выпущенъ черезъ двѣ недѣли. А журналъ все-таки остался запрещеннымъ! Подписчики, которые не захотятъ получить назадъ своихъ денегъ, могутъ получить вмѣсто Slowa [2]) «Volumina legum», вновь издаваемые теперь Огрызкою [3]) (на что разрѣшеніе онъ также получилъ послѣ ужасныхъ хлопотъ и съ чрезвычайными затрудненіями).

Ваня [4]), должно быть, горюетъ сильно; ко мнѣ не пишетъ давно ужь, да и я къ нему съ мѣсяцъ, кажется, не писалъ. Впрочемъ — нѣтъ — меньше: на пасхѣ онъ былъ здѣсь, — это было около половины апрѣля, а съ тѣхъ поръ я уже писалъ къ нему. Въ іюнѣ или въ началѣ іюля думаю съѣздить къ нему, если только онъ будетъ въ Москвѣ [5]).

Что ты клонишься ко сну, — это совершенно понятно; но не засыпайся слишкомъ долго... Повѣрь, что въ жизни есть еще интересы, которые могутъ и должны зажечь все наше существо, и своимъ огнемъ освѣтить и согрѣть наше темное и холодное житьишко на этомъ свѣтѣ. Интересы эти заключаются не въ чинѣ, не въ комфортѣ, не въ женщинѣ, даже не въ наукѣ, а въ общественной дѣятельности. До сихъ поръ нѣтъ для развитаго и честнаго человѣка благодарной дѣятельности на Руси; вотъ отчего и вянемъ, и киснемъ, и пропадаемъ всѣ мы. Но мы должны *создать* эту дѣятельность; къ созданію ея должны быть направлены всѣ силы, сколько ихъ ни есть въ натурѣ нашей. И я твердо вѣрю, что будь сотня такихъ людей хоть, какъ мы съ тобой и съ Ваней, да рѣшись эти люди, и согласись между собою окончательно, — дѣятельность эта создастся, не смотря на всѣ подлости обскурантовъ... Вѣрь, Миша, что

дѣйствуетъ въ Подольской и Витебской губерніяхъ Кокоревъ, взявшій ихъ въ откупъ на торгахъ. Предисловіемъ къ раскрытію характера его откупной дѣятельности тамъ служитъ очеркъ его прежней дѣятельности. Въ этомъ очеркѣ говорится:

„Въ 1844 году г. Кокоревъ находился управляющимъ винокуреннымъ заводомъ г. Ж. въ Оренбургской губерніи. Въ этомъ году г. Ж., повѣряя его, открылъ по управленію заводомъ злоупотребленія, сдѣлалъ на него начетъ и завелъ формальное дѣло. Г. Кокоревъ пошелъ на сдѣлку и г. Ж. прекратилъ дѣло по уплатѣ ему г. Кокоревымъ 4,000 р. сер.“.

Тотъ „г. Ж“., о которомъ говорится въ статьѣ — г. Жадовскій; „К.“ въ письмѣ Николая Александровича — Кокоревъ.

Въ 1859 году г. Жадовскій жилъ, вѣроятно, въ Вяткѣ, гдѣ М. И. Шемановскій занималъ тогда должность учителя гимназіи.

[1]) Неправильная русская разговорная форма склоненія, вмѣсто: Огрызко.

[2]) Въ обоихъ случаяхъ, въ рукописи поставлено, какъ и должно быть, перечеркнутое (твердое) l.

[3]) Тоже, вмѣсто Огрызко.

[4]) Ив. Ив. Бордюговъ.

[5]) То-есть, если онъ останется на каникулы въ Москвѣ.

пока мы сами себя не— —[1]), насъ не задавитъ чужой навозъ. Мы еще чисты, свѣжи и молоды, силъ въ насъ много; впереди еще двѣ трети жизни... Мы можемъ овладѣть настоящимъ и удержать за собою будущее. Нечего унывать и спать... Не спи, Миша, а лучше пріѣзжай сюда лѣтомъ или осенью.

Твой Н. Добр.

Какъ понимать твои слова, что N. [2]) заслужилъ хорошее мнѣніе вятскаго общества? Въ томъ ли смыслѣ, что онъ подлецъ, или только фатъ и говорунъ? Кажется, скорѣе послѣднее.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(*Отъ 24 мая 1859*).

24 мая.

Ваня милый! Пиши ко мнѣ хоть элегическія посланія, только пиши. На сей разъ тебѣ и предметы есть. Во-первыхъ, получилъ ли ты „Листокъ"? (не нашелъ ты журнала глупѣе этого). Во-вторыхъ, доставленъ ли тебѣ портретъ г-мъ Словутинскимъ? Если нѣтъ, то схода или съѣзди на Воздвиженку, въ редакцію «Русской газеты»: онъ тамъ живетъ. Въ-третьихъ, какъ порѣшилъ ты на счетъ Харькова? Если хочешь окончательно меня спасти отъ женитьбы[3]), то я совѣтовалъ бы тебѣ увезти меня куда-нибудь. Въ-четвертыхъ,—до какой поры пробудешь ты въ Москвѣ и не можешь ли прибыть сюда хоть числа около 10-го. Я бы тогда проводилъ тебя отсюда и нѣсколько времени съ тобою отдохнулъ. Въ-пятыхъ,—какъ понята близкими къ тебѣ людьми (т. е. вообще окружающими тебя житейски-близкими, а не сердечно) статейка моя объ Обломовѣ,—гдѣ ругательства, которыя могли бы выпасть на долю Гончарова, пожертвованы брани на все русское общество, за то [4])— — знаешь ли [5])— — вѣдь наши мечты святы и чисты, ихъ смыслъ великъ и благотворенъ. Если ты очень огорченъ, если тебѣ все тяжело и посты-

---

[1]) Употреблено рѣзкое слово, значеніе котораго можетъ быть передано словомъ: „замараемъ".

[2]) Здѣсь названа фамилія, написанная неразборчиво.

[3]) Николай Александровичъ все еще воображалъ, что А. С. не вполнѣ серьезно отвергаетъ его постоянно возобновляемыя убѣжденія выйти за него; ея старшая сестра, видя это, убѣдилась, что онъ и ея младшая сестра не могли бы быть счасливы, потому что онъ и она имѣютъ совершенно различныя понятія и стремленія; онъ часто приходилъ къ мысли, что это правда, хотѣлъ прекратить возобновленіе своихъ просьбъ,—не могъ, и видя невозможность собственной силой спасти себя и А. С. отъ несчастнаго брака, находилъ въ часы этихъ размышленій единственнымъ средствомъ предотвратить бракъ бѣгствомъ отъ А. С.;—все это были мечты: А. С. говорила ему правду, что не хочетъ идти за него, потому бракъ былъ невозможенъ.

[4]) Уголокъ письма, на которомъ были написаны слѣдующія слова, оторванъ.

[5]) Слѣдующія слова тоже были написаны на оторванномъ уголкѣ. Оба пробѣла вмѣстѣ составляютъ строки полторы или двѣ.

ло,—это вовсе не мѣшаетъ, а напротивъ способствуетъ тому, чтобы ты энергически взялся за настоящее дѣло. Въ твоей хохлацкой натурѣ много энергіи, можетъ быть, побольше чѣмъ въ моей,—тѣмъ болѣе, что меня тянутъ въ разныя стороны именно тѣ увлеченія, которыя успѣли тебѣ опостылѣть. Пойдемъ же дружно и смѣло: ты можешь и меня *под*держивать и *у*держивать, напоминая мнѣ о моихъ планахъ и стремленіяхъ. А въ свою очередь и я могу быть тебѣ полезнымъ... Попробуй же, Ваня, сознательно окунуться въ тотъ кипящій водоворотъ, который мы называемъ жизнью мысли и убѣжденія, сочувствіемъ къ общественнымъ интересамъ, и т. д. Можно бы назвать и короче, но ты и безъ того понимаешь, о чемъ я говорю[1]) — — сошелся было[2]) — — нанялъ дачу на Петровскомъ острову и обѣщалъ жить съ ними все лѣто, между тѣмъ, какъ П. О. [3]) уѣдетъ въ А. [4]) Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, сердце мое таяло, записки отъ А. С. получались съ приписками прогрессивно-нѣжными [5])... Но къ счастію сплетни (отродіе московское,—и въ этомъ случаѣ буквально отъ Москвы происшедшія) спасли меня. Про насъ сплели такую гнусную исторію, что я счелъ нужнымъ объясниться съ П. О. и отказаться отъ житья на дачѣ [6]). Теперь я съ ними вижусь ужь довольно рѣдко и связи все слабѣютъ и мѣстами обрываются [7]). На дняхъ я узналъ новыя подробности мерзкой сплетни, сочиненной про насъ, и—диву дался. Вообрази, что въ слухахъ уже рѣшена моя женитьба на А. С. для прикрытія будто бы интриги, которую свожу я съ О. С.!! Никогда ни одной нечистой мысли не приходило мнѣ въ голову по поводу этого семейства, которое я одно время просто обожалъ,—а тутъ вонъ что говорятъ! Только московскія исчадія и способны на это[8])— — легкомысленность. Непріятно всего болѣе то, что я опять чувствую себя какъ-то одинокимъ и трачу множество времени, безтолково болтаясь изъ стороны въ сторону.

Писалъ я къ Турчанинову, отбросивъ наконецъ ложный стыдъ. Отъ него отвѣтъ какой-то неопредѣленный; но надѣюсь, что дѣло это кончится хорошо, и мы по прежнему будемъ друзьями. Въ самомъ дѣлѣ онъ, забитый и сбитый въ сторону, но все-таки честный человѣкъ, такъ честный, что рѣдко можно встрѣтить такихъ. Что же съ нимъ вздорить изъ-за пустяковъ? Честные люди нужны теперь.

---

1) Слѣдующія слова были написаны на оторванномъ уголкѣ листа.
2) Тоже оба пробѣла вмѣстѣ составляютъ полторы или двѣ строки.
3) Эти буквы сохраняютъ прежнее значеніе.
4) Тутъ названъ городъ.
5) Она шутила.
6) П. О. разсмѣялся, и сказалъ Николаю Александровичу, что эти глупости не заслуживаютъ вниманія; его жена, которой пересказалъ онъ вздоръ, смутившій Николая Александровича, тоже посмѣялась и сказала Николаю Александровичу, что не слѣдуетъ обращать вниманія на глупыя сплетни.
7) Это продолжалось нѣсколько дней; послѣ того Николай Александровичъ сталъ по прежнему постояннымъ кавалеромъ А. С., и проводилъ все свободное время на дачѣ у Л—скихъ; обыкновенно и ночевалъ тамъ,—до самаго отъѣзда А. С. въ родной городъ.
8) Слѣдующія слова были написаны на оторванномъ уголкѣ листа.

больше, нежели когда-нибудь. Скажи мнѣ, гдѣ Львовъ? [1]) Я и къ нему написалъ бы? Отъ кого-то не очень давно я слышалъ, что онъ своей жизнью не доволенъ. Онъ, кажется, въ Кишиневѣ? Или нѣтъ? Отвѣчай мнѣ скорѣе.

Твой

Н. Добр.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(*Отъ 4 іюня 1859.*)

4 іюня.

Милый мой Ваня!

Ты знаешь градъ, гдѣ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади,
Гдѣ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди;
Гдѣ дочь свою замужнюю намѣстникъ
Вторичнымъ бракомъ повѣнчать велитъ,—
Какъ водопадъ бушуетъ «Русскій Вѣстникъ»
И «Атеней» какъ ручеекъ журчитъ...
Почтенный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ,
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и Плющихи
Отвсюду вѣетъ чисто русскій духъ.
Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
Оцѣнятъ все, поймутъ и разберутъ,
Анаѳемѣ тамъ преданъ Чернышевскій
И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ!
Ученый градъ! Тамъ Павловъ Соллогуба,
Байборода Крылова обличилъ,
Тамъ Шевыревъ былъ пораженъ сугубо,
Тамъ хрестоматію Галаховъ сочинилъ;
Тамъ безпощадно поражаютъ пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поютъ,
Журналы тамъ не терпятъ балаганства
И нашъ «Свистокъ» проклятью предаютъ!..
Ужасный градъ! Туда, чтобъ видѣться съ тобой,
Мнѣ страшно показаться, милый мой. [2])

Н. Добр.

P. S. Я бы скорѣе хотѣлъ къ тебѣ пріѣхать въ Можайскъ, или куда тамъ ты поѣдешь. До 8-го числа я занятъ «Современникомъ»

---

[1]) Одинъ изъ институтскихъ товарищей.

[2]) Эта редакція „Петербургскаго Посланія“, составляющаго вторую часть „Дружеской переписки Москвы съ Петербургомъ“, значительно отличается отъ окончательной, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ слѣдующаго (1860) года: она гораздо короче, порядокъ стиховъ въ ней не тотъ, и есть стихи, которые въ окончательной редакціи замѣнены другими.

и рѣшительно не могу шагу ступить изъ Петербурга. По литературѣ смирился потому, что теперь новый цензоръ, но все-таки пробую кое-что. Не знаю, пропуститъ ли статеечку объ одной глупѣйшей книгѣ, «Наука жизни», посвященной наслѣднику россійскаго престола, но тамъ есть странички четыре для тебя [1]).

Пожалуйста, мой другъ, не мирись съ гадостью и подлостью: право, мы еще молоды

И передъ нами жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима...

Вотъ тебѣ два порученія: исполни ихъ, пожалуйста, въ день полученія этого письма (если захочешь, впрочемъ). Во-первыхъ, сходи въ гостинницу Бекетова, на Тверской, въ № 16, спроси Степана Николаевича Ѳедорова,[2]) писавшаго въ «Современникѣ», скажи, что отъ меня (на тотъ случай безъ письма къ нему, что я не знаю, не удралъ ли ужь онъ изъ Москвы), и сообщи, что я его ругаю, ибо онъ, прося меня писать къ нему въ Оренбургъ, не написалъ мнѣ своего адреса. Товарищи его (изъ Военной Академіи) всѣ уже уѣхали изъ Петербурга и я не знаю, у кого здѣсь спросить объ адресѣ. Затѣмъ ты съ нимъ познакомься: онъ горячій и милый юноша, — — Во-вторыхъ, — отыщи Плещеева, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Игнатьевой (тоже не пишу, потому что не знаю, не уѣхалъ ли ужь онъ) и сообщи, что его просьба о справкѣ въ III-мъ Отдѣленіи передана мной Панаеву, а имъ Языкову [3]), а Языковымъ Попову (одному изъ чиновниковъ III-го Отдѣленія) [4]),

---

[1]) Статья эта прошла цензуру и была напечатана въ іюньской книжкѣ „Современника" (1859 г.), подъ заглавіемъ: Новый кодексъ русской практической мудрости (наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ. Ефима Дымнана).—Въ собраніи „Сочиненій Н. А. Добролюбова", въ изданіи 1885 г. она находится на 508—522 страницахъ 2-го тома.—Тѣ страницы, которыя Николай Александровичъ рекомендуетъ вниманію своего друга—послѣднія страницы статьи (отъ послѣднихъ строкъ 517 страницы въ изданіи 1885 г.,—со словъ „но довольно, читатель,"—до конца статьи. Содержаніе ихъ совпадаетъ съ тѣми словами, которыя въ письмѣ прямо обращены къ И. И. Бордюгову: „Пожалуйста, мой другъ, не мирись съ гадостью и подлостью: право, мы еще молоды

И передъ нами жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима".

Николай Александровичъ считалъ надобнымъ говорить это своему другу, потому, что Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ очень кроткаго характера, незлобіе котораго дѣлало его, по мнѣнію Николая Александровича, слишкомъ снисходительнымъ къ дурному въ другихъ.

[2]) Г. Ѳедорову принадлежитъ: „Не все коту масляница. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ", напечатанная въ августовской книжкѣ „Современника" 1858 года.

[3]) Николаю Михайловичу Языкову, бывшему товарищемъ И. И. Панаева въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и съ того времени остававшемуся другомъ, впослѣдствіи ставшему другомъ Бѣлинскаго и Некрасова. Это былъ очень добрый человѣкъ, всегда готовый исполнять просьбы своихъ знакомыхъ. Онъ занималъ тогда должность директора одного изъ Императорскихъ заводовъ, находящагося на окраинѣ Петербурга, за Александро-Невской Лаврой;—это былъ или стеклянный, или фарфоровый заводъ.

[4]) Этотъ г. Поповъ былъ учитель и оставался другомъ Бѣлинскаго; онъ старался быть полезенъ литераторамъ, пользовался уваженіемъ и довѣріемъ ихъ.

и какъ скоро отвѣтъ получится, то я извѣщу его. Это человѣкъ хорошій и добродушный, и съ нимъ можно сойтись, ежели ты захочешь.

Словутинскій вѣрно потерялъ твой адресъ: сходи къ нему и кстати сообщи, что повѣсть его набрана была для «Современника» въ эту книжку, названа: «Своя рубашка къ тѣлу ближе», но цензура до сихъ поръ ее держитъ, и отчасти поэтому книжка должна замедлить выходомъ.

Брата твоего нѣсколько разъ видѣлъ я въ Павловскѣ. Славный онъ малый,— —. Берегись, Ваня, чтобы не очерствѣть. — —

Поздравь меня. Я уже другую недѣлю не видался съ Л—скими [1]), познакомился съ двумя семействами, занимаюсь очень спокойно и наконецъ—пристроилъ Володю, отдавъ его на лѣто одному учителю гимназіи, чтобы тотъ къ августу приготовилъ его въ первый классъ. Учитель этотъ живетъ на дачѣ; Володѣ тамъ такъ поправилось, что онъ черезъ три дня уже не хотѣлъ съѣздить домой, когда я его позвалъ. Теперь я на этотъ счетъ спокоенъ.

Твоя тоска, мой Ваня, скоро тебя оставитъ сама собою, и потому считаю лишнимъ давать тебѣ утѣшенія и совѣты. Нельзя ли какъ-нибудь устроить свиданье хоть въ іюлѣ?

Н. Добр.

Отвѣчай мнѣ еще до отъѣзда въ Можайскъ. Слышишь ли?

«Листокъ» тебѣ не вздумалъ ли Крашенинниковъ доставлять черезъ московскій магазинъ Глазунова? Справься. А я справлюсь послѣ завтра, не раньше.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Н. П. ТУРЧАНИНОВУ [2]).

(отъ 11 іюня 1859).

11 іюня. Въ Ловичѣ $^{7}/_{19}$ іюля 1859 [3]).

Николай Петровичъ! Я съ Вами хочу сойтись снова, хочу снова пріобрѣсть хоть нѣкоторое право на Ваше расположеніе. Зачѣмъ я это дѣлаю? Неужели и тутъ ухитрится кто-нибудь найти дипломатическія и корыстныя цѣли въ родѣ тѣхъ, о какихъ Вамъ писалъ когда-то на мой счетъ Ст.? Неужели моя судьба такова, что я предъ лучшими изъ своихъ друзей долженъ стараться выставить себя не тѣмъ, чтó я въ самомъ дѣлѣ, а пріискивать разные благовидные предлоги? Неужели не довольно будетъ для Васъ, ежели я скажу: «бросьте прошедшее въ сторону; пусть въ немъ были ошибки, недоразумѣнія;

---

1) То есть, побѣждаетъ свою несчастную любовь, о чемъ говорено выше.

2) Содержаніе этого письма пополняется и разъясняется разсказомъ М. И. Шемановскаго, въ его „Воспоминаніяхъ,“ которыя будутъ помѣщены въ отдѣлѣ записокъ, составленныхъ родными и друзьями Николая Александровича послѣ его смерти.

3) Помѣта Турчанинова о полученіи письма.

допустимъ, наконецъ, что было съ моей стороны и *нечистое дѣло*, по Вашему выраженію. Что до-этого? Представьте себѣ, что мы только что въ первый разъ сегодня узнали другъ друга, и смотрите, каковъ я теперь: неужели Вы найдете причины оттолкнуть руку, которую я подаю Вамъ»? — Признаюсь, я на Вашемъ мѣстѣ былъ бы снисходительнѣе. Но если Вы хотите непремѣнно объясненій, то я готовъ дать ихъ и относительно прошедшаго, хоть не въ той подробности, какъ возможно было бы при свиданіи.

Вы меня обвиняете въ пренебреженія къ Вамъ. Но войдитѣ въ мое положеніе: могъ ли я поступить вполнѣ спокойно и благоразумно тогда, когда все вокругъ меня сошло съ ума и когда я самъ былъ поставленъ въ такія ложныя отношенія ко всѣмъ и ко всему? Давыдовъ меня ругаетъ и старается вредить мнѣ за то, что я опять пишу на него каверзы [1]; тѣ, кому я пишу ихъ, отказываются отъ своихъ словъ и ругаютъ меня, зачѣмъ я писалъ; мои друзья, знавшіе меня всегда за врага Давыдова, вдругъ обвиняютъ меня въ подличаньи передъ нимъ. Какимъ образомъ произошла эта невообразимо дикая путаница, я и теперь хорошенько не понимаю, а тогда и вовсе ничего разобрать не могъ. Въ Вашихъ обвиненіяхъ, предъявленныхъ мнѣ такъ внезапно и положительно, во время нашей прогулки въ саду, я, естественно, не могъ въ то время ничего увидѣть, кромѣ слабодушія, допустившаго Васъ повѣрить первому вздорному слуху о человѣкѣ, котораго Вы (по собственнымъ словамъ Вашимъ) очень хорошо знали во всѣхъ отношеніяхъ и умѣли цѣнить. Возвращаюсь къ тому мгновенію, когда я въ первый разъ почувствовалъ Ваше недовѣріе вонзившимся въ мое сердце; я и теперь повторю, что я не былъ виноватъ передъ Вами, *даже* въ небрежномъ объясненіи, которое Вамъ далъ тогда. Мой отвѣтъ значилъ, «чтó мнѣ толковать съ Вами, если Вы въ четыре года не успѣли или не хотѣли узнать меня? Намъ остается жить вмѣстѣ четыре дня, и въ эти дни я не могу пріобрѣсти, то, чтó не пріобрѣлъ въ четыре года. Жалѣю, что Вы мнѣ не вѣрите, но не имѣю надежды поправить словами то, чего не умѣлъ сохранить дѣлами»...

Такой отвѣтъ былъ гордъ и обиденъ; теперь я сознаю это и уже извинялся за него передъ Вами еще въ прошедшемъ письмѣ. Но станьте на мое мѣсто, вообразите себѣ мое тогдашнее раздраженіе (во мнѣ, человѣкѣ столь холодномъ и воздержномъ, раздраженіе!!), и Вамъ самимъ представится довольно естественнымъ и извинительнымъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Вамъ.

Что же касается до Давыдова, то повѣрьте, что я не унижался предъ нимъ,—по крайней мѣрѣ послѣ второго курса, когда онъ нѣсколько мѣсяцевъ надувалъ меня обѣщаніями хлопотать о судьбѣ нашего семейства. Тогда, убитый, безпріютный сирота, имѣя на рукахъ еще семерыхъ безпріютныхъ, я самъ себя не помнилъ отъ радости, если хоть малѣйшая надежда подавалась мнѣ на устройство ихъ участи. Тогда Давыдовъ могъ дѣйствительно привлечь меня къ

---

[1] То есть: каверзы по выраженію Давыдова,—это были докладныя записки о состояніи, въ какое приведенъ Педагогическій Институтъ управленіемъ Давыдова.

себѣ, оказавши мнѣ благодѣяніе въ лицѣ моихъ бѣдныхъ сестеръ и братьевъ. Но, къ счастью, ему не суждено было сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ ни въ чемъ. Съ конца второго курса, когда я сидѣлъ въ карцерѣ и писалъ ему умиленныя письма, запуганный Сибирью и гражданскимъ позоромъ,—послѣ этого я уже ни разу не унизилъ себя предъ Давыдовымъ и навѣрное велъ себя съ нимъ гораздо независимѣе и гордѣе, нежели многіе изъ тѣхъ, которые при концѣ нашего курса возставали на меня, да и потомъ, въ письмахъ къ пріятелямъ, благороднымъ образомъ перевирали и перетолковывали мои поступки. Послѣдніе дни институтской жизни, столь роковые для нашей дружбы, уже смѣшались теперь въ моихъ воспоминаніяхъ. Но вотъ, что я могу извлечь изъ нихъ такого, что́ я положительно могу передать Вамъ, не опасаясь переврать. Читайте и судите меня. Я оправдываться не буду и не назову своихъ поступковъ хорошими; только въ нихъ не было подлости; они никого не уполномочивали на обвиненія, которыя сдѣлали мнѣ Вы съ Александровичемъ.

Въ тотъ вечеръ, когда кончилась послѣдняя о насъ конференція, встрѣтилъ я Срезневскаго въ институтской пріемной и узналъ отъ него: 1, *что Давыдовъ меня ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ*, и едва согласился дать мнѣ старшаго учителя; 2, что князь Вяземскій [1]) требовалъ изъ Института учителя словесности въ 4-ю [2]) гимназію, но такого, который бы загладилъ память N [3]) (помните ли его?), и что профессора предложили всѣ въ голосъ меня на это мѣсто, на что и Давыдовъ согласился послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Въ заключеніе Срезневскій совѣтовалъ мнѣ самому переговорить съ Давыдовымъ, и взять съ него слово въ опредѣленіи меня. Не потому, чтобъ я вѣрилъ слову Давыдова, а больше затѣмъ, чтобъ видѣть, до какой степени вѣроятно, что онъ меня надуетъ, я пошелъ. Узнать что-нибудь положительное хотѣлось мнѣ потому, что я на каникулы собирался ѣхать въ Нижній, а между тѣмъ у меня уже затѣяно было дѣло о поступленіи въ домашніе учителя къ Куракинымъ. Убѣдившись, что Давыдовъ надуваетъ, я бы постарался до отъѣзда кончить исторію съ Куракиными. Что́ было у насъ съ Давыдовымъ, я могъ бы легко и умолчать, потому что тутъ никого не было, кромѣ насъ двоихъ и, слѣдовательно, некому подтвердить моихъ словъ. Но, какъ хотите, вѣрьте или нѣтъ, я на всякій случай сообщу Вамъ даже сущность нашего разговора. Давыдовъ вышелъ ко мнѣ мрачный, воображая, конечно, что я буду ругаться за медаль [4]). «Что Вы?» спросилъ онъ отрывисто. А я ему отвѣчалъ такой рѣчью: «Я долженъ Ваше Превосходительство *поблагодарить за доброе мнѣніе*, которое Вы вчера на конференціи обо мнѣ высказали». Давыдовъ смутился даже—отъ неожиданности [5]) и не вдругъ собрался отвѣчать

---

[1]) Товарищъ Министра народнаго просвѣщенія, завѣдывавшій дѣлами по Педагогическому Институту.

[2]) Петербургскую.

[3]) Тутъ названа фамилія прежняго преподавателя той гимназіи.

[4]) За то, что не получилъ золотой медали, которой требовали для него профессора.

[5]) Неожиданностью было это въ томъ смыслѣ, что ѣдкій сарказмъ превосходилъ своей язвительностью прямыя ругательства, какихъ ждалъ Давыдовъ.

мнѣ. Наконецъ заговорилъ: «да... а... если Вы не получили большаго, чтó могли бы получить, то Вы сами виноваты... Мы еще были къ Вамъ а-а-а... милостивы»... Затѣмъ онъ было сталъ распространяться на эту тему, но я перебилъ его, сказавъ, что не претендую ни на что, что *милостей* начальства я никогда и не ожидалъ, а что теперь мнѣ гораздо важнѣе опредѣленіе на службу... Вотъ, дескать, профессоръ Срезневскій говорилъ мнѣ, что въ 4-й гимназіи и пр. Давыдовъ сказалъ, что точно есть мѣсто, и что онъ, согласно желанію профессоровъ, намѣренъ представить меня, но что на службѣ я долженъ буду оправдать свое назначеніе не только умомъ, но и поведеніемъ. Тамъ, дескать, не будутъ смотрѣть отечески, какъ мы въ Институтѣ и пр... Рацея длилась минутъ десять. За нее слѣдовало бы Ваньку выругать и дать ему въ зубы, или, по крайней мѣрѣ, повернуться къ нему — — и уйти съ шумомъ. Но я ничего этого не сдѣлалъ, а выслушалъ молча до конца; это я признаю дѣйствительно дурнымъ поступкомъ, за который и обвиняю себя до сихъ поръ. Впрочемъ, тогда мы такъ привыкли къ Давыдовскимъ рѣчамъ, что не въ диковинку было и это.

Кажется, въ тотъ же день, или на другой, узнаны были всѣ результаты конференціи и поднялся гвалтъ [1]). Златовратскій бѣсновался и наконецъ упросилъ меня написать прошеніе, которое потомъ Янковскій переписалъ и всѣ вы видѣли. Дѣлая это, я зналъ, что лишаюсь шансовъ на мѣсто въ 4-й гимназіи, и тогда же, сочиняя прошеніе (это было въ комнатѣ N [2]) говорилъ, что вѣроятно отъ всего этого никто ничего не выиграетъ, кромѣ N [3]), которому дадутъ за то мѣсто обѣщанное мнѣ. Такъ оно и вышло потомъ. Но нужно было замѣшаться тутъ Z, который со страха донесъ все Никитичу [4]) и испортилъ все дѣло. Ванька узналъ все и черезъ два или три дня послѣ того призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что я неблагодарный и пр., потому что я на дняхъ являлся къ нему *благодарить за его милости*, сознавался, что не долженъ былъ ждать ничего хорошаго и что всѣмъ обязанъ великодушію начальства, обѣщалъ на будущее время вести себя хорошо, лишь бы дали мѣсто,—а теперь вдругъ опять пишу каверзы. Увидя, какую редакцію Давыдовъ даетъ моимъ словамъ передо мной же, я пересталъ съ нимъ церемониться и въ глаза смѣялся ему. Во-первыхъ, я отъ него потребовалъ доказательствъ того, что я точно пишу каверзы; онъ сказалъ, что онѣ у него въ рукахъ. «Такъ покажите мнѣ ихъ», возразилъ я (я зналъ, что ихъ нѣтъ у него), «и тогда я стану съ Вами объясняться. А то что же мнѣ попусту толковать съ Вами?» На это онъ сказалъ, что людей, подобныхъ мнѣ, называютъ безчестными,—на что я отвѣтилъ, что понятія о чести различны у разныхъ людей и что легко можетъ быть, что мнѣ покажутся безчестными многіе поступки, которые онъ

[1]) Человѣкъ десять, имѣвшихъ право получить званіе старшихъ учителей гимназіи, получили званіе младшихъ учителей, по желанію Давыдова отмстить имъ за недостатокъ раболѣпства передъ нимъ; они были раздражены. А. П. Златовратскій былъ однимъ изъ нихъ.

[2]) Здѣсь названа фамилія одного изъ товарищей.

[3]) Названа фамилія другаго товарища.

[4]) Александру Никитичу Тихомандритскому, инспектору Института.

назоветъ честными. Такъ, напримѣръ, ему кажется безчестнымъ писать просьбы противъ того, кто обѣщалъ мѣсто, а мнѣ кажется напротивъ, что стоять за неправду въ надеждѣ получить мѣсто безчестно... Въ этомъ родѣ (хотя не въ этихъ выраженіяхъ) разговоръ продолжался и кончился тѣмъ, что Давыдовъ на меня накинулся: какъ я смѣю не ночевать дома, не возобновивши свидѣтельства [1]). Я отвѣчалъ, что нашъ курсъ конченъ; но онъ потребовалъ, чтобы до акта я былъ въ Институтѣ. Это было наше послѣднее свиданіе наединѣ. Въ тотъ же день, кажется, пущено было Даниловымъ въ Институтѣ извѣстіе о моемъ коварствѣ и подлости и добрые друзья накинулись на меня. Тутъ же еще милѣйшій ZZ [2]) присталъ ко мнѣ: какъ ему написать прошеніе, чтобы его исключили изъ числа недовольныхъ, прописанныхъ въ общемъ прошеніи? Я ему продиктовалъ что-то въ такомъ родѣ: „считая себя по своимъ слабымъ способностямъ и постоянному бездѣльничеству во время институтскаго курса недостойнымъ старшаго» [3])... и пр. ZZ обидѣлся. Но сердиться долго онъ не могъ, и опять вскорѣ пришелъ ко мнѣ. Я пробовалъ усовѣщивать... Куда тебѣ! Наконецъ, написалъ онъ самъ съ помощью Z прошеніе, въ которомъ какъ-то говорилось, что онъ увлеченъ былъ поляками [4]). Показалъ мнѣ черновое. Я сказалъ ему, чтобъ онъ убирался, что я ему поправлять не стану,—пусть подаетъ коль хочетъ, только по крайней мѣрѣ другимъ-то не пакостилъ бы, — не писалъ бы, что его увлекли и пр. Онъ, дѣйствительно, выкинулъ объ увлеченіи фразу, да и подалъ просьбу Никитичу, а потомъ, когда его приперли, увѣрялъ, что я ему прошеніе поправлялъ и одобрилъ подачу его. Тутъ-то, кажется, окончательно утвердилась моя безнравственность въ глазахъ моихъ добрыхъ друзей. И Вы, Николай Петровичъ, были въ числѣ ихъ!!—Но отчего я не разсказывалъ своихъ исторій съ Давыдовымъ и пр. тотчасъ же, не ожидая этихъ слуховъ? На это не могу отвѣтить ничего, потому что не помню. Знаю только, что я говорилъ Бордюгову и Шемановскому, которые потому и не увлеклись въ то время потокомъ общаго ко мнѣ гнѣва... Съ Ст. я въ то время уже разошелся, Александровичъ, помнится, не жилъ въ Институтѣ, да и Вы тоже не убѣгали-ль куда-нибудь? А впрочемъ, и то сказать, что я всегда былъ довольно безпеченъ и отчасти скрытенъ въ мелочахъ, которыя считалъ касающимися только до одного себя.

Чортъ знаетъ какъ мнѣ тяжело было писать все это, Николай Петровичъ. Въ первый и въ послѣдній разъ я на это рѣшился, собственно изъ уваженія къ Вамъ, и въ память нашей прежней дружбы. Я бы хотѣлъ, чтобъ и Александровичъ видѣлъ это письмо; но въ другой разъ я не могу возвращаться къ этимъ грязнымъ глупостямъ, жертвою которыхъ сдѣлался отчасти и я, но еще болѣе Вы, мои друзья.

---

[1]) Свидѣтельства объ отпускѣ изъ Института въ городъ на опредѣленное число дней.

[2]) Здѣсь названъ по фамиліи другой товарищъ.

[3]) Т. е. званія старшаго учителя.

[4]) Стипендіатами царства польскаго (однимъ изъ нихъ былъ Н. П. Турчаниновъ.

Думаю, что Вы меня не осудите за эти объясненія (предполагая, что Вы признаете ихъ справедливость, въ чемъ я не имѣю причины сомнѣваться). Но если даже и осудите, то еще разъ прошу,—оставьте прошедшее. Я Вамъ говорилъ о Кавелинѣ и Л—скомъ не для того, чтобъ Вы справились у нихъ о моей честности, а затѣмъ, чтобъ Вы отъ нихъ прямо или черезъ другихъ (напримѣръ Михалевскаго и т. п.) узнали, *что я дѣлалъ* послѣ того, какъ мы потеряли другъ друга изъ виду, и похожи ли на правду возмутившія Васъ извѣстія о томъ, что я лѣзу въ дружбу съ генералами, составляю себѣ карьеру милостями и т. д. А всего лучше пріѣзжайте сюда и мы поговоримъ. Деньги посылаемыя Вамъ (50 рублей) поручилъ мнѣ передъ своимъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга отослать Вамъ—П. О. [1]). Вѣроятно, это можетъ помочь Вамъ устроить Вашу поѣздку сюда, а здѣсь онъ полагаетъ возможнымъ похлопотать о Васъ. Одинъ чиновникъ министерства просвѣщенія обѣщалъ уже намъ навести справки относительно возможности избавиться отъ варшавскаго учебнаго округа. П. О. очень совѣстился того, чтобы Вы не подумали, что Ваше письмо къ нему, отъ 1 мая, было прямою причиною посылки денегъ, и увѣрялъ, что дѣлаетъ это чисто по дружескому къ Вамъ расположенію, которое Вы, конечно, не отвергнете, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Я теперь еще не имѣю квартиры въ городѣ и потому не могу написать своего адреса. Пишите: на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Краевскаго, въ квартирѣ Некрасова. Въ іюлѣ надѣюсь сыскать себѣ квартиру и надѣюсь, что Вы не откажетесь у меня поселиться, если рѣшитесь пріѣхать въ Петербургъ. Отыскать меня Вы можете спросивши на квартирѣ Некрасова, или у Л—скихъ, или наконецъ въ конторѣ «Современника», въ книжномъ магазинѣ Давыдова, на Невскомъ противъ Аничкова дворца.

Вашъ весь

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) Онъ не умѣетъ припомнить, участвовалъ ли хоть сколько-нибудь въ этомъ пособіи Н. П. Турчанинову: думаетъ, что нисколько не участвовалъ и что всѣ 50 р., посланные Н. П. Турчанинову, принадлежали Николаю Александровичу; онъ помнитъ только, что Николай Александровичъ говорилъ ему что-то о деньгахъ, которыя хочетъ ли послать или ужь послалъ Н. П. Турчанинову; но что такое было говорено о томъ, чьи онѣ—онъ не помнитъ. По всей вѣроятности, Николай Александровичъ сказалъ ему, что послалъ деньги отъ его имени, чтобъ онъ не отвѣчалъ отрицаніемъ, если получитъ отъ Н. П. Турчанинова благодарность. Николай Александровичъ могъ располагать именемъ Л—скаго съ полной увѣренностью, что онъ приметъ на себя все, дурное ли, хорошее ли, что припишетъ ему Николай Александровичъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Писано въ iюнѣ 1859, вѣроятно 11 iюня) [1].

Четвергъ.

Ты знаешь, Ваня, что я собирался за границу и что я не поѣду, если тебѣ на что-нибудь нуженъ въ Харьковѣ. Но вѣроятно я ни на что не гожусь кромѣ, совѣтовъ въ такомъ родѣ: «увези F. [2]) и женись на ней» или: оставь ее выходить замужъ за дурня офицера, и потомъ люби ее какъ жену ея мужа (см. «Искру»). Ты знаешь, что благоразумiя у меня нѣтъ ни на грошъ, и средины я не знаю въ дѣлахъ существенной важности, при всей мягкости и уступчивости моей въ пустякахъ. Если я съ тобой поѣду, то непремѣнно заставлю тебя надѣлать глупостей, въ которыхъ ты будешь самъ послѣ каяться, да еще въ добавокъ какъ-нибудь ухитрюсь помѣшать тебѣ и испортить все дѣло. Въ этомъ случаѣ тебѣ лучшiй совѣтникъ и помощникъ братъ твой.

Сегодня вечеромъ отправлюсь въ Горный Корпусъ и отыщу Дмитревскаго. Завтра напишу тебѣ. Ты самъ долженъ *непремѣнно* прiѣхать. Намъ *нужно* говорить о предметахъ очень важныхъ. Теперь насъ зоветъ дѣятельность; пора перестать сидѣть сложа руки и получая 300 рублей жалованья и т. п. Прiѣзжай, ради Бога. Ты очень нуженъ.

Твой на все

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Писано въ iюнѣ 1859; вѣроятно, во второй половинѣ iюня).

28 мая [3]).

Миленькiй мой,

Л—скiй уѣхалъ за границу, Некрасовъ въ Ярославскую губернiю, на охоту, Панаевъ живетъ на дачѣ и въ городъ не заглядываетъ.

---

1) По содержанiю письма видно, что оно писано послѣ письма отъ 4 iюня, но еще до начала каникулъ въ той гимназiи, гдѣ служилъ И. И. Бордюговъ.— Четвергъ въ iюнѣ 1859 году приходился на 4, 11, 18 и 25 числа Едва ли можно было думать, что письмо, отправленное изъ Петербурга 18 iюня, застанетъ И. И. Бордюгова въ Москвѣ. Потому должно полагать, что „четвергъ“, въ который писалъ это письмо Николай Александровичъ, былъ четвергъ 11 iюня.

2) Этой французской буквой мы замѣняемъ, то имя, написанное во французской формѣ, которое было замѣнено ею прежде.

3) Эта отмѣтка ошибочна; по содержанiю письма ясно, что оно писано въ iюнѣ и притомъ по выходѣ iюньской книжки „Современника“, цензорская подпись на которой „12 iюня“. Очень вѣроятно, что въ помѣткѣ Николая Александровича „28 мая“ ошибочно только названiе мѣсяца, а число выставлено вѣрно; если такъ, то слѣдуетъ читать: „28 iюня“.

На 7-ю книжку они оставили весь матеріалъ; но на 8-ю очень мало, и поэтому мнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ хлопотъ будетъ много. Если я успѣю пораньше кончить августъ, то въ первыхъ числахъ августа и пріѣду къ тебѣ; напиши, будешь ли ты въ это время въ Трепоревѣ, или уже въ Москвѣ. Мнѣ нужно будетъ въ августѣ съѣздить въ Нижній, чтобы взять къ себѣ другаго брата. Володя въ августѣ поступаетъ въ гимназію.

Читай, читай и читай пятый томъ «Исторической Библіотеки», недавно вышедшей: тамъ Шлоссеръ разсказываетъ о французской революціи. Это—блаженство читать его разсказъ. Я ничего подобнаго не читывалъ. Ни признака азарта, никакого фразерства, такъ непріятнаго у Луи Блана и даже Прудона; все спокойно, ровно, умѣренно. Прочитаешь его и увидишь, что П. О. вышелъ изъ *его* школы. Читай его непремѣнно.

Изображеніе Москвы [1]), столько тебя устрашившее, принадлежитъ мнѣ менѣе, чѣмъ на половину. Это мы съ Некрасовымъ однажды дурачились, и конечно всѣ лучшіе стихи его.

Читать съ тобою въ Трепоревѣ мы, конечно, не будемъ, и потому я тебѣ ничего не привезу. Да и самъ-то я опасаюсь пріѣхать, не зная, какъ это понравится К. И. Если она мнѣ позволитъ, то я, конечно, постараюсь воспользоваться ея дозволеніемъ; но на твое приглашеніе я боюсь положиться.

Вообрази несчастье: Краевскій вздумалъ перестраивать домъ и въ началѣ мая выгналъ меня изъ флигеля, въ которомъ я жилъ и который пошелъ въ сломку. Я наскоро перебрался въ квартиру Некрасова (онъ самъ былъ ужь на дачѣ) и при этомъ растерялъ программы, приготовленныя для отсылки твоему брату. Такъ до сихъ поръ и не писалъ ему... Теперь ужь едва ли не поздно... Какъ ты думаешь? Напиши къ нему все-таки (если не писалъ) о Военной Академіи; я тоже напишу и даже могу посовѣтовать (согласно съ нашими обломовскими привычками) готовиться не торопясь—къ слѣдующему году. Время это не ушло еще.

Получаешь ли ты наконецъ «Листокъ для всѣхъ»? Или онъ существуетъ для всѣхъ, кромѣ тебя одного?

Напиши мнѣ объ іюньской книжкѣ [2]) вообще и о *нашихъ* статьяхъ въ особенности. Вообще, пиши мнѣ больше о «Современникѣ», о его впечатлѣніи, о недостаткахъ и т. д. Онъ для меня все болѣе становится настоящимъ дѣломъ, связаннымъ со мною кровно. Ты понимаешь, конечно, *почему*...

Я тебя долженъ ругать за то, что ты мнѣ не написалъ тотчасъ по полученіи моего письма: вообразивъ, что ты исполнилъ мое порученіе (иначе,—думалъ я,—онъ бы меня увѣдомилъ), я не писалъ къ Плещееву, а онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта. Это не хорошо. Словутинскій самъ тебѣ принесъ портретъ, но тебя уже не засталъ; недавно онъ объ этомъ написалъ мнѣ. Кстати—его повѣсть въ іюнь-

---

[1]) Въ „Петербургскомъ Посланіи“, составляющемъ вторую часть „Дружеской переписки Москвы съ Петербургомъ“.

[2]) „Современника“.

ской книжкѣ [1]) тоже относится, по моему, къ разряду статей выражающихъ направленіе «Современника». Какъ тебѣ кажется?

Дмитревскому поклонись, и скажи, что я жалѣю, что не видѣлъ его предъ тѣмъ, какъ онъ поѣхалъ въ Москву.

Твой весь

Н. Добр.

---

1) „Своя рубашка". Вотъ содержаніе этой повѣсти:

Крестьяне большого и богатаго села Байдарова желаютъ откупиться на волю, хотя не дурно имъ жить и подъ властью помѣщика, который беретъ съ нихъ только легкій оброкъ. Они думаютъ, что на волѣ будетъ имъ еще лучше. Бурмистръ Вороненковъ усердно укрѣпляетъ ихъ въ этомъ желаніи: онъ разсчитываетъ, что, сдѣлавшись вольными, они выберутъ его старостой и онъ будетъ наживать съ нихъ плутнями и притѣсненіями еще больше денегъ, чѣмъ теперь. Ловкими убѣжденіями онъ склоняетъ барина согласиться на выкупъ. Байдаровцы становятся вольными, выбираютъ старостой Вороненкова, которому благодарны за устройство дѣла о выкупѣ. Онъ угождаетъ высшему начальству, подкупаетъ мелкихъ чиновниковъ, набираетъ себѣ партію изъ плутовъ и другихъ негодяевъ, забираетъ въ руки владычество надъ селеніемъ, грабитъ массу мужиковъ, гнетъ въ бараній рогъ всякаго, кто хоть словомъ заикнется о его плутняхъ и притѣсненіяхъ.—Между богатыми мужиками въ Байдаровѣ есть одинъ, который не принимаетъ участія въ дѣлахъ Вороненкова, напрасно заискивавшаго дружбы съ нимъ; это Терехинъ, человѣкъ честный и умный. Кажется, онъ могъ бы низвергнуть Вороненкова, потому что пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ селѣ, извѣстенъ съ хорошей стороны и начальству; но онъ не хочетъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Вороненковъ ненавидитъ его за отказъ помогать плутнямъ, но опасается принудить его къ оборонѣ и долго оставляетъ въ покоѣ. Наконецъ, произошелъ случай, послѣ котораго неизбѣжна была рѣшительная ссора. Племянникъ Терехина, большой балагуръ, очень язвительно осмѣялъ Вороненкова при множествѣ народа. Староста велѣлъ писарю составить приговоръ общества объ отдачѣ обидчика въ солдаты. Дѣло было ведено секретно и Терехинъ только тогда узналъ о приговорѣ, когда Вороненковъ повезъ его племянника въ городъ сдать въ солдаты. Племянникъ Терехина былъ единственный сынъ у отца старика, потому отдача его въ рекруты была нарушеніемъ законныхъ правилъ; Терехинъ остановилъ Вороненкова на дорогѣ, рѣзко поспорилъ съ нимъ, но переспорить не могъ. Вороненковъ отвезъ парня въ городъ, сдалъ въ солдаты и, возвратившись въ селеніе, ждалъ случая отомстить Терехину за упреки при толпѣ, сопровождавшей рекрутъ. Пріѣхалъ въ Байдарово окружной начальникъ; Вороненковъ наклеветалъ ему на Терехина. Начальникъ, человѣкъ грубыхъ привычекъ, велѣлъ призвать Терехина и, не разобравши дѣла, ударилъ его по лицу. Такой обидѣ старикъ не подвергался во всю свою жизнь, потому она страшно потрясла его; но онъ держалъ себя съ такимъ благороднымъ спокойствіемъ, что начальникъ скоро раскаялся въ оскорбленіи почтеннаго старика, отпустилъ его домой. Отъ душевнаго волненія сдѣлалось съ Терехинымъ воспаленіе мозга или что-то подобное, смертельное, развивающееся быстро. Пришедши домой, онъ слегъ въ постель и скоро умеръ. Передъ смертью онъ говорилъ сыну:—„Слушай, Ваня: дѣло не начинай съ Вороненковымъ,—тебѣ не подъ силу... Господь отплатитъ ему за все! Можетъ, ужь близко время, и не будетъ ходу такимъ-то злымъ неправдамъ. За меня не вступайся, Иванъ, а за міръ вступиться—трудъ это великій; вотъ и мнѣ пришелся не подъ силу".

Повѣсть показалась Николаю Александровичу совпадающей съ направленіемъ „Современника" слѣдующими чертами:

Байдаровцы въ началѣ разсказа крѣпостные крестьяне, но авторъ не пользуется этимъ обстоятельствомъ для надругательства надъ помѣщиками, бывшаго тогда любимымъ упражненіемъ огромнаго большинства людей либеральнаго образа мыслей. Напротивъ, онъ показываетъ, что освобожденіе изъ-подъ помѣщичьей власти само по себѣ еще недостаточно для улучшенія быта освобож-

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

(*Отъ 6 авг. 1859*).

6 авг.

Милый мой Миша! Вчера я получилъ отъ инспектора 2-го корпуса, въ которомъ *я служу* — — [1]), прилагаемую здѣсь записку. Я немедленно отвѣчалъ всевозможными похвалами тебѣ и прибавилъ, что если они хотятъ тебя вызвать сюда [2]), то хорошо сдѣлаютъ, но что ты не поѣдешь, ежели не предложатъ болѣе средствъ, чѣмъ ты получаешь въ гимназіи. Кажется, я поступилъ въ этомъ случаѣ благоразумно; теперь отписывайся самъ, какъ знаешь.

На послѣднее письмо твое я давно собираюсь отвѣтить, да все какъ-то руки не подымались. Надобно крѣпко ругать тебя!.. Ты думаешь отъ меня отдѣлаться тѣмъ, что честной дѣятельности для насъ нѣтъ и мы *не можемъ создать* ее для себя!.. Такъ поэтому, дес-

---

даемыхъ крестьянъ и очень возможны такія обстоятельства, что судьба ихъ станетъ хуже, чѣмъ была подъ властью помѣщиковъ, не особенно дурныхъ.

Терехинъ человѣкъ честный, умный, заслуживающій уваженія; но онъ не хочетъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла, чтобы не разстроить своихъ личныхъ. Если бъ онъ съ самаго начала выступилъ противъ Вороненкова, притѣсняющаго слабыхъ, они сгруппировались бы около умнаго защитника; они—большинство; нужно было имъ только соединиться, и власть перешла бы въ ихъ руки, Вороненковъ былъ бы низвергнутъ, они выбрали бы старостой Терехина или кого другого изъ людей хорошихъ, управленіе селомъ пошло бы такъ, что спокойствіе и благосостояніе всего сельскаго общества было бъ обезпечено. Но Терехинъ предпочитаетъ свое спокойствіе общему благу: Вороненковъ не затрогиваетъ его и онъ оставляетъ слабыхъ беззащитными отъ притѣсненій. Разсчетъ спастись этимъ отъ личныхъ непріятностей оказывается ошибочнымъ. Личное дѣло принудило Терехина вступить въ борьбу съ притѣснителемъ слабыхъ. Остановивъ Вороненкова на дорогѣ, Терехинъ требовалъ освобожденія своего племянника отъ рекрутства, которому не долженъ былъ подлежать этотъ парень по закону. Вороненковъ отвѣчалъ отказомъ, ругательствами, угрозами. Выведенный изъ терпѣнія Терехинъ сказалъ ему:

— Слушай же ты, песъ-міроѣдъ!.. Отселева—недругъ ты мнѣ заклятой и я тебѣ недругъ!.. Вотъ сначала людской судъ насъ разсудитъ,—а тамъ—вѣдь недолго намъ ждать—придетъ и судъ Божій!... Думалъ я, грѣшникъ (прожить вѣкъ спокойно, не вступаясь въ мірскія дѣла)... суди жь меня Господь... не хотѣлъ все я взяться за мірскую правду, а теперича,—вотъ тебѣ Христосъ!... возьмуся!...

Совѣсть мучитъ его за то, что онъ не защищалъ обижаемыхъ. Возвратившись въ селеніе, онъ говоритъ пришедшимъ къ нему пріятелямъ:

— Упрекайте меня, братцы, по дѣломъ мнѣ! Вотъ за то, что я позабыть хотѣлъ про мірскую обиду, и меня задѣлъ злодѣй мірской. Только твердо вамъ говорю: я-то опомнился, въ разумъ пришелъ! Не позабудьте же рѣчей моихъ: за мірское дѣло надо стоять дружно, такъ Богъ велитъ! Надо стоять, живота не жалѣючи!... И какъ вы тамъ хотите, а я за міръ потягаюсь съ Тарасомъ Вороненковымъ. Дѣло порѣшенное, и я на все готовъ!..

Но онъ не позаботился приготовить свое сельское общество къ борьбѣ съ Вороненковымъ и когда ему пришлось начать борьбу, оно не было готово поддержать его: онъ не вступался за міръ и міръ не успѣлъ организовать свои силы, чтобы вступиться за него; беззаботность его о благѣ общества стала причиной его погибели.

[1]) Это слово подчеркнуто, какъ формальное выраженіе, забавное своимъ несоотвѣтствіемъ факту: Николай Александровичъ только числился на службѣ, не имѣя въ дѣйствительности никакихъ отношеній къ 2-му корпусу.

[2]) На должность преподавателя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

кать, и надо быть Обломовымъ, а то, пожалуй, и Ефимомъ Дымманомъ!.. Бѣдный ты человѣкъ! Вотъ что значитъ любить добро и даже честную дѣятельность—*по принципу*, а не по влеченію натуры. Оно и дѣйствительно такъ: принципъ велитъ быть честнымъ, но честнымъ быть нельзя; значитъ,—нечего дѣлать,—надобно быть безчестнымъ или отказаться отъ всякой дѣятельности... Тотъ, кто поставилъ надъ нами принципъ, не можетъ взыскать съ насъ, потому что невозможнаго и онъ требовать не можетъ... Удивительно успокоительная мораль! Пойми же ты меня, другъ мой, не совсѣмъ еще отчаянный и отпѣтый!.. Никто,—понимаешь ли,—*никто въ свѣтѣ* не вправѣ приказать тебѣ быть честнымъ, не красть, не пить и пр., точно такъ, какъ никто не запретитъ тебѣ выпить ядъ, обложиться змѣями или лягушками — — [1])... Но вѣдь ты ничего подобнаго не сдѣлаешь просто потому, что тебѣ самому это противно, что ты этого выдержать не можешь... Такъ знай же, что человѣкъ можетъ доходить до того, что сказать учтивую фразу Давыдову ему будетъ такъ же точно противно, какъ и — —[2]), сподличать передъ начальствомъ такъ же гнусно, какъ у слѣпаго нищаго украсть копѣйку изъ чашки, увѣрять учениковъ въ томъ, чему самъ не вѣришь,—такъ же противно, какъ — — [3])... Если мы съ тобой не дошли еще до этого, то, конечно, нечего намъ и предъявлять претензій на плодотворную общественную дѣятельность. Но это не значитъ, что мы должны опустить себя... Нѣтъ, теперь наша дѣятельность именно и должна состоять во внутренней работѣ надъ собою, которая бы довела насъ до того состоянія, чтобы всякое зло—не по велѣнію свыше, не по принципу—было нами отвергаемо, а чтобы сдѣлалось противнымъ, невыносимымъ для нашей натуры... Тогда нечего намъ будетъ хлопотать о созданіи честной дѣятельности: она сама собою создастся, потому что мы не въ состояніи будемъ дѣйствовать иначе, какъ только честно. Съ потерею внѣшней возможности для такой дѣятельности мы умремъ,—но и умремъ все-таки не даромъ... Вспомни:

Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной, и т. д...

Прочти стиховъ десять, и въ концѣ ихъ ты увидишь яснѣе, что я хочу сказать [4]).

Прости меня, миленькій, что я тебя такъ безобразно выругалъ; это я оттого, что обидны мнѣ очень показались твои сомнѣнья и отчаянія...

Пріѣзжай, въ самомъ дѣлѣ, сюда, если ты опасаешься за себя въ Вяткѣ. Здѣсь мы могли бы поддерживать другъ друга, и вѣроятно нашли бы для себя дѣятельность —хоть напримѣръ взаимное обученіе...

---

[1]) Опускаемъ примѣръ, выбранный изъ числа пошлыхъ глупостей.

[2]) Примѣръ отвратительной пошлости.

[3]) Такой же примѣръ.

[4]) Приведемъ первые три съ половиною изъ тѣхъ (пяти) стиховъ, ссылкою на которые Николай Александровичъ хочетъ пояснить свою мысль:

Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даромъ.

Здѣсь я все это время никакъ не могъ увидаться съ Пекарскимъ; а Л—скій въ А. [1]) уѣхалъ уже три недѣли тому назадъ. Поэтому для Лаврецова я не имѣю отъ нихъ новыхъ свѣдѣній. Но вотъ что нужно сдѣлать: ты мнѣ пишешь о высылкѣ денегъ [2]); не высылай ихъ, а лучше помоги ими Лаврецову, смотря по надобности. Предоставляяю ихъ въ полное твое распоряженіе по этому дѣлу, и надѣюсь, что ты постараешься достать денегъ, если крайняя нужда Лаврецова одолѣетъ... Прощай, мой миленькій; пиши ко мнѣ скорѣе или, еще лучше,—самъ пріѣзжай. Живу я теперь въ Моховой, близъ Пантелеймоновскаго переулка, № 7, квартира № 1.

Твой

Н. Добр.

Бордюговъ и ко мнѣ не писалъ уже цѣлый мѣсяцъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ И ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

16 августа 1859. Отвѣтъ посланъ 26 авг. 1859.[3])

Милый мой братъ, Михаилъ Ивановичъ, письмо адресовано на твое имя, хотя писано собственно къ тетенькѣ, потому что тебѣ удобнѣе прямо получить деньги съ почты. Лично же къ тебѣ я на этотъ разъ не пишу за недосугомъ. Не обидься, пожалуйста. Твой Н. Д.

Милая тетенька! Не знаю, въ Нижнемъ ли еще Павелъ Ѳедотычъ Лебедевъ, который обѣщалъ мнѣ привезти сюда Ваню. Если это письмо застанетъ его тамъ, то пошлите Ваню съ нимъ. Если же нѣтъ, то вѣроятно въ концѣ августа къ Вамъ пріѣдетъ П. О. Л—скій, который возьметъ Ваню. Если же и его не будетъ, то не найдете ли кого-нибудь сами? На отправку и пр. посылаю 25 рублей.

Я къ Вамъ очень давно не писалъ, потому что все самъ собирался пріѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ. Но разныя дѣла задержали меня, такъ что я никакъ не могъ собраться. Вѣрно ужь побываю на будущій годъ; можетъ, выдадимъ Анночку или Катеньку замужъ. Скажите имъ, что я ихъ не забываю и въ случаѣ надобности могу имъ помочь. Теперь не посылаю ничего, потому что разорился на устройство новой своей квартиры. Я живу теперь въ Моховой, въ домѣ Гутковой, № 7, кварт. № 1-й. Такъ и пишите ко мнѣ.

Надѣюсь, что Вы меня не забыли и не сердитесь, что я пишу къ Вамъ такъ рѣдко. Право, нечего писать. Мы съ Васильемъ Ивановичемъ устроились теперь порядочно. Что Михаилъ Ивановичъ, устроился ли онъ на мѣсто, которое занималъ Василій Ивановичъ? Вообще здоровъ ли онъ и Марья Дмитріевна и какъ идутъ ихъ дѣла?

---

1) Этой буквой замѣняемъ названіе города.
2) Которыя долженъ былъ М. И. Шемановскій Николаю Александровичу.
3) Замѣтка Михаила Ивановича.

Я къ Михаилу Ивановичу собираюсь написать особо; но все еще какъ-то времени не могу улучить. А покамѣстъ передайте имъ, что я ихъ люблю и помню по прежнему. Володя тоже часто вспоминаетъ ихъ, а особенно Васъ, тетенька. Онъ недавно поступилъ здѣсь въ гимназію; пріемный экзаменъ выдержалъ очень недурно. Вообще онъ, кажется, будетъ учиться хорошо. Поблагодарите за него и за меня, когда увидите, Михаила Алексѣевича и Ниночку. Къ нимъ я тоже собираюсь скоро писать.

Здѣсь теперь живетъ Мичуринъ.[1]) и Василій Ивановичъ видѣлъ его недавно; но мнѣ до сихъ поръ не удалось побывать у него. Впрочемъ, онъ давно уже уѣхалъ изъ Нижняго и ни о комъ изъ нашихъ, кажется, ничего не знаетъ.

Тетенькѣ Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу скажите, что я къ нимъ буду писать непремѣнно, но что до сихъ поръ, при всемъ желаніи, не успѣвалъ собраться. Анночку цѣлую и Катю.

Прощайте, милая тетенька, кланяйтесь всѣмъ, всѣмъ нашимъ. Постарайтесь какъ-нибудь отправить Ваню, по тому адресу, какъ я написалъ. Болѣе писать мнѣ нечего.

Весь Вашъ

Цѣлую ручки Ваши

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

26 августа 1859 г.

Любезный мой другъ и братъ

Николай Александровичъ!

Вчера получилъ твое письмо и деньги 25 рублей. Жалѣю, что не имѣлъ времени прежде написать тебѣ объ Ванѣ. Онъ у насъ полтора мѣсяца какъ хвораетъ; совершенно было умеръ, такъ что лекарь назначилъ часъ его смерти; но по особенному какому-то случаю сталъ поправляться. У насъ во всемъ Нижнемъ эпидемическія болѣзни и на малыхъ, и большихъ; у большихъ—холера и самая сильная, у маленькихъ—корь и послѣ кори со всякимъ—водянка. Такъ было съ Ваней и, къ несчастію, къ водянкѣ у него присоединилось воспаленіе печеней[2]). Во всякомъ случаѣ извини, что не извѣстилъ объ этомъ тебя попрежде. Съ мѣсяцъ, если онъ и выздоровѣетъ, онъ не можетъ ѣхать; впрочемъ и этотъ срокъ я назначаю самъ, а докторъ ничего положительно не говоритъ, а твердитъ, что если его сохранимъ отъ простуды и пищи вредной, то онъ поправится.

Деньги твои[3]) я не возвращаю пока потому, что не знаю, нужно

---

1) Тотъ купецъ, у котораго прежде жилъ Володя.
2) Провинціализмъ, вмѣсто „печени“.
3) Присланныя на издержки отправленія Вани въ Петербургъ.

ли это; потому-что рано или поздно, если Ваня не умретъ, долженъ будетъ ѣхать къ тебѣ.

Какъ скоро онъ оправится совершенно, и докторъ разрѣшитъ ему поѣздку—я извѣщу тебя.

Дѣла мои тебѣ извѣстны: я писалъ нѣсколько разъ. Мѣсто Василія Ивановича я не могъ достать. Работать продолжаю. У меня нынѣшнее лѣто всѣ перехворали, и дочь Маша была въ водянкѣ, и жена хворала, а маменька и теперь очень нездорова: едва встаетъ съ постели.—Цѣлую Володю.—Василію Ивановичу свидѣтельствую свое почтеніе, и въ первый разъ позавидовалъ его счастію; дай Богъ ему за его доброту къ моей маменькѣ. Она часто его вспоминаетъ по дѣламъ опеки. Ты, я думаю, знаешь, послѣ отъѣзда Василія Ивановича маменька отказалась отъ опеки по слабости здоровья.

Остаюсь твой братъ

Мих. Благообразовъ.

P. S. Ваня же съ своей стороны только и твердитъ о поѣздкѣ къ тебѣ; это его очень занимаетъ.

Всѣ тебѣ кланяются, равно и Володѣ, а Василію Ивановичу низко кланяются. Пока онъ не отвыкъ отъ насъ, посовѣтуй ему не забыть меня; можетъ быть, онъ что-нибудь по службѣ мнѣ поможетъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 5 сент. 1859).

Миленькій! Пока не наложили цензуры на языкъ, ты можешь считать себя гораздо счастливѣе меня. Не знаю, какъ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ цензура свирѣпствуетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что реакція правительственная совершится довольно скоро, если особыя обстоятельства не заставятъ опять кричать. Здѣсь теперь запрещено писать дурно про Наполеона и вслѣдствіе того запретили въ «Современникѣ» статью, приготовленную для сентябрьской книжки. Кромѣ того, сдѣлали исторію изъ-за статьи о какомъ-то «городкѣ» въ «С.-Петерг. скихъ Вѣдомостяхъ» и обдираютъ всѣ статьи и всѣ выходки о крѣпостномъ правѣ. Рецензія моя о Педагогическомъ Институтѣ [1]) тоже сдѣлала непріятность «Современнику»: перемѣнили цензора, хотѣли задержать книжку, и теперь почти каждую статью разсматриваютъ въ цѣломъ цензурномъ комитетѣ. Третьяго дня запретили цѣлый романъ («Полиціймейстеръ Бубенчиковъ») [2]), который составлялъ болѣе 10 печатныхъ листовъ. Объ откупахъ тоже запрещаютъ писать и потому ободрали на четвертую долю статейку, которую сочи-

---

[1]) Помѣщенная въ августовской книжкѣ.

[2]) Но вскорѣ разрѣшили печатать его; онъ помѣщенъ въ октябрьской книжкѣ „Современника“ того года.

нилъ я,—«О трезвости» [1]). Въ просьбѣ о разрѣшеніи новой газеты «Свистокъ» отказано [2]). Съ «Искрой» сочинена исторія за объявленіе *О старцѣ и ухѣ*... Для «Исторической Библіотеки» разрѣшили было переводъ исторіи французскихъ крестьянъ, Бонмера, а теперь опять запретили. Не позволили даже одного стихотворенія Полонскаго, въ которомъ говорилось о сынѣ Наполеона!.. Словомъ,—перетурка идетъ страшная... Только энергія Некрасова, да совершенная невозможность Л—у написать безцвѣтную пошлость,—даютъ надежду на то, что «Современникъ» до конца года выдержитъ свое направленіе. Въ этомъ мѣсяцѣ у насъ запрещено листовъ 15, т. е. почти половина книжки. Эта половина будетъ, разумѣется, по скорости замѣнена балластомъ; но и въ оставшейся половинкѣ будетъ кое-что... Впрочемъ, «Современникъ» выйдетъ теперь, вѣроятно, даже позже 15-го. Значитъ, я и въ сентябрѣ не могу къ тебѣ пріѣхать. Если октябрьская книжка пройдетъ благополучно и выйдетъ хоть числу къ осьмому, то пріѣду въ Москву по ея выходѣ.

Я все хвораю. Раза два лѣтомъ болѣли зубы довольно сильно, нога болѣла (т. е. въ самомъ дѣлѣ—нога), приливы къ головѣ до сихъ поръ чувствую. Живу я теперь на новой квартирѣ въ Моховой, домъ Гуткова, № 7, квартира № 1. У меня былъ Дмитревскій, сообщилъ, что ты веселъ и беззаботенъ,—Слава Создателю!—какъ говаривалъ (бывало) нашъ общій другъ—Ст.—А. С. уѣхала въ А. и тамъ осталась; у меня остался только ея портретъ, который стóитъ того, чтобъ ты изъ Москвы пріѣхалъ посмотрѣть на него... Я часто по нѣскольку минутъ не могу отъ него оторваться, и чувствую, что влюбляюсь наконецъ въ А. С. Это такая прелесть, что я не знаю ничего лучше...

Впрочемъ, мнѣ еще надо оканчивать библіографію. Прощай, пиши, передай мое почтеніе m-me Б. (съ которою я почему то считаю себя знакомымъ) и разскажи о нашихъ невзгодахъ тѣмъ москвичамъ, которые будутъ сѣтовать о запоздалости «Современника».

Твой весь

5 сент.

Н. Добр.

ПИСЬМО М. И. ШЕМАНОВСКАГО.

(Начатое 20 авг., конченное 14 сент. 1859).

Вятка, 20 августа.

Письмо твое говоритъ, что у насъ есть *честная* дѣятельность, но она не *честна* въ настоящее время, потому-де, что мы сами не честны, что въ насъ хотя и есть желаніе быть честными, но это желаніе остается только желаніемъ; отъ того-то, дескать, мы и Обломовы.

---

1) Она была помѣщена въ сентябрьской книжкѣ.

2) Эту газету хотѣли издавать Некрасовъ и Николай Александровичъ.

Логически,—справедливо. Остается только проникнуться этою мыслью каждому въ русскомъ царствѣ, чтобъ быть всѣмъ честно-дѣятельными, слѣдовательно счастливыми.

Вы, господа литераторы *), *не знаете жизни*,—вы только наблюдаете ее; поражаетесь разными общими фактами ея, стараетесь объяснить каждый изъ нихъ, основываетесь только на свойствахъ человѣческой природы, а между тѣмъ въ ней вмѣстѣ съ человѣческимъ разумомъ дѣйствуетъ и дубовая дурь, и плотоядный (дай Богъ здоровье Щедрину) эгоизмъ. Чтобы показать тебѣ практическую несостоятельность твоего сужденія, я послѣдую твоему же совѣту, т. е. приложу его къ одной изъ 1000 частностей; возьму ее даже изъ сферы моей служебной дѣятельности. Директоръ Вятской гимназіи N, человѣкъ грубый съ гимназистами, начальнически-величавый съ учителями *при ученикахъ*, а безъ учениковъ начальнически самолюбивый—признаки не дальности ума и бѣдности нравственнаго образованія. Входитъ онъ въ классъ съ подобающею важностью и съ такою же важностью спрашиваетъ ученика, и, какъ нерѣдко случается, подъ конецъ выругаетъ его болваномъ, тупой головой и прочими унижающими человѣческое достоинство выраженіями. Я—учитель, человѣкъ современный съ гуманнымъ взглядомъ на воспитаніе и, положимъ, достигшій до той степени развитія, на которой мнѣ дѣлается невыносимымъ всякое униженіе божескаго лика и въ 15-лѣтнемъ мальчикѣ. При такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ я прихожу въ ожесточеніе, горячо высказываю ему свои задушевныя мысли и. конецъ концовъ, ссорюсь съ нимъ. Я достигъ своей цѣли: директоръ не посѣщаетъ мои классы, а если посѣщаетъ, то не ругаетъ учениковъ, и мое нравственное чувство не терпитъ больше глухой боли, какъ было прежде, до ссоры. Приходятъ срочные отчеты въ округъ *о благонравіи* учителей; директоръ аттестуетъ меня по малой мѣрѣ дерзкимъ, непокорнымъ начальству и проч... а меня самого стѣснитъ всевозможными формальностями, при которыхъ моя учительская дѣятельность будетъ мало полезна и для меня тяжела. Начнутся, конечно, постоянныя ссоры, слѣдствіемъ которыхъ должно быть: или мой добровольный выходъ изъ гимназіи, или увольненіе недобровольное. Вотъ конецъ моей *честной, свободной* дѣятельности;—а директоръ по прежнему будетъ ругать учениковъ.

Но, можетъ быть, ты не согласенъ, что и дѣтей не должно унижать въ ихъ глазахъ обидными ругательствами? Возьмемъ другое.

Въ нашей гимназіи педагогическій совѣтъ потерялъ и тѣнь своего значенія. Учителя ропщутъ, но ропотъ ихъ похожъ на тихій ропотъ ручья, текущаго въ непроходимомъ лѣсѣ. Я—истый приверженецъ коллегіальнаго управленія, дошедшій въ своихъ убѣжденіяхъ *до невыносимости, до противности* всякаго другого управленія. Я возстаю на узурпатора-директора, распоряжающагося самодержавно мнѣніями учителей гимназіи и, пользуясь сочувствіемъ своихъ товарищей учителей, возстановляю эту потерянную *тѣнь* совѣта (по уставу гимназіи, по его внутреннему смыслу, въ гимназіи полагается не со-

*) Такъ разсуждающіе. *Примѣчаніе М. И. Шемановскаго.*

вѣтъ, а только его *тѣнь*). Слѣдствія тѣ же: я принужденъ отказаться отъ той пользы, которую, по моему глубокому убѣжденію, могу принести обществу своею дѣятельностью. А отъ чего? отъ фанатизма убѣжденій, которымъ страдаете вы, господа литераторы, оторванные отъ практической дѣятельности нашей русско-служебной жизни, отъ нетерпимости людей, стоящихъ ниже вашей степени развитія, отъ недостатка именно того, чѣмъ ученіе Христа, хотя медленно, захватило чуть не всю землю, а ученіе Магомета ограничилось частичками Азіи и Африки и въ настоящее время уже потеряло всю свою убѣждающую силу.

Есть другой путь, ведущій вѣрнѣе къ той же цѣли. Въ немъ нѣтъ насильственнаго вырубанія стараго, въ немъ больше *любви* и *вѣры* во всякаго негоднаго человѣка, какъ человѣка. Средство это—медленное, какъ червь подъѣдающее старыя убѣжденія,—примѣръ *слова* и *дѣла* въ ничтожнѣйшихъ случаяхъ своей жизни Люди стараго времени, озадаченные нынѣшнимъ движеніемъ, уже сомнѣваются въ правдѣ своего взгляда, но въ то же время съ недовѣрчивостью смотрятъ на новыхъ людей:—перемелется, мука будетъ, говорятъ они. И вотъ тутъ-то должна быть заслуга наша, людей переходнаго времени: самъ живи и служи по своимъ убѣжденіямъ, не ожесточайся и не ожесточай другихъ. Повѣрь, если твоя жизнь разумна и чиста, въ окружающихъ тебя людяхъ явится сознаніе твоей лучшей жизни, а за сознаніемъ и самая жизнь.

Въ настоящей нашей практической жизни нужны черви, а не топоры, рубящіе направо и налѣво. Топоры, пожалуй, нужны въ литературѣ. Каждая рѣзкая журнальная статья, изрыгающая громы и молніи на современное общество, оглушаетъ людей стараго времени, подрываетъ авторитетъ ихъ убѣжденій; волей или неволей они дѣлаютъ уступки въ пользу новыхъ людей. Разумно пользоваться этими уступками для великой цѣли воспитанія лучшаго поколѣнія—дѣло новыхъ людей, нашего поколѣнія. Цѣль наша не въ настоящемъ, а въ будущемъ, томъ, въ которомъ будетъ возможна у насъ, на Руси, свободная и честная дѣятельность.

А настоящая наша общественная жизнь, другъ мой, такая страшная путаница всего, что́ есть въ человѣкѣ хорошаго и гадкаго, что много нужно внутренней силы, чтобы въ каждый моментъ ея держаться прямо, безъ сомнѣнія въ самого себя.

14 сентября.

Посылаю тебѣ письмо это, писанное подъ первымъ впечатлѣніемъ твоего письма ко мнѣ, но не отосланное по моему же капризу. Пользуюсь случаемъ,—высказать тебѣ еше одну мысль на ту же тему, явившуюся при чтеніи твоей статьи «Робертъ Овенъ» [1]).

Другая причина нашей обломовщины, т. е. людей, призванныхъ почему-либо на общественную дѣятельность, лежитъ въ насъ самихъ. Нашихъ новыхъ людей нельзя обвинить въ недостаткѣ сознанія общественнаго зла и въ нежеланіи противодѣйствовать ему всѣми своими

---

[1]) Она была помѣщена въ январьской книжкѣ „Современника" того (1859) года.

силами. Но вотъ что недостаетъ имъ для энергическаго противодѣйствія злу,—это неясность цѣли ихъ желаній, неумѣнье привести ихъ въ одну форму, недостатокъ глубокаго убѣжденія въ неотразимой правдѣ ихъ. Каждый изъ насъ больше чувствуетъ, что такъ будетъ хорошо, а иначе худо, чѣмъ мыслитъ, и бо́льшую часть изъ насъ любой семинаристъ, пожалуй, въ состояніи разбить въ томъ, что̀ называемъ мы своими задушевными желаніями. Это чувствуется всѣми или большей части изъ насъ, общественныхъ дѣятелей; потому-то мы боимся открытой борьбы съ зломъ: мы чувствуемъ, что подъ нами нѣтъ твердой почвы, чтобъ быть хоть въ половину Овенами. Въ этой боязни за себя мы доходимъ даже до того, что, встрѣчая равнодушіе къ себѣ общества, мы не имѣемъ къ чему другому прибѣгнуть, какъ только къ презрѣнію къ нему или, еще хуже, къ равнодушію къ нему. Мы или заключаемся въ самихъ себя, или наружно примиряемся съ тѣмъ зломъ, противъ котораго въ первое время кипимъ негодованіемъ. Для насъ въ настоящее время нуженъ человѣкъ, который объяснилъ бы намъ, чего желаемъ мы, привелъ бы наши желанія къ единству и притомъ доказалъ бы *намъ самимъ*, что эти желанія законны, а всѣ другія, иныхъ людей, незаконны. Дѣло это принадлежитъ вамъ, господа литераторы: познакомьте насъ съ ученіями такихъ людей, какъ Овенъ; знакомьте насъ не съ одною внѣшнею стороною ихъ дѣятельности, а критически разберите основы этой дѣятельности. Этимъ вы поднимете русскихъ Обломовыхъ, дадите имъ и о́гнь и бодрость, которые они теряютъ при своей первой борьбѣ съ зломъ.

О своей вятской жизни нечего и писать—такъ она пуста и жалка.— Лаврецова не видалъ съ того времени и не знаю даже, гдѣ онъ живетъ; не знаю, почему онъ послѣ того ни разу не зашелъ ко мнѣ; а мнѣ тогда не пришло въ голову спросить, гдѣ онъ живетъ. На дняхъ я жду изъ Опекунскаго совѣта денегъ; то постараюсь его найдти.

Сдѣлай одолженіе, спроси этого — — Чумикова [1]), отчего онъ не печатаетъ до сихъ поръ моей статейки, переведенной съ нѣмецкаго: «Простой и легкій способъ рѣшать неопредѣленныя уравненія», *Кунца*. Я досадую на это, потому что убѣжденъ, что способъ этотъ лучше тѣхъ, которые до сихъ поръ употребляются въ гимназіяхъ, и напечатаніе его было бы очень не безполезно. Скажи ему, что денегъ я не потребую, что даже онъ можетъ выбросить (если ему покажется нужнымъ) то небольшое вступленіе, которое я сдѣлалъ. Послана она въ апрѣлѣ.

Здоровье мое неудовлетворительно, такъ что заставляетъ вспомнить совѣтъ Ивана Максимовича [2]) отправиться въ теплый край.

Отъ Бордюгова ни слова; не застрѣлился ли онъ съ отчаянія?

Твой Шемановскій.

Въ Петербургъ пріѣду слѣдующимъ лѣтомъ. Отъ инспектора 2-го корпуса до сихъ поръ ничего не получалъ.

---

1) Издатель „Журнала для воспитанія“.
2) Сорокина.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Отъ 20 сент. 1859).

20 сентября.

Миленькій! «Современникъ» вылѣзъ наконецъ вчера, и я свободенъ,—т. е. до первой присылки корректуръ, которыя, вѣроятно, явятся завтра. Пользуясь «симъ краткимъ мигомъ», пишу къ тебѣ нѣсколько строчекъ, долженствующихъ заключать въ себѣ жалобы на судьбу. Жить мнѣ, дѣйствительно, очень тошно приходится, и я начинаю думать, что это происходитъ:

1) Оттого, что съ тобой мы давно не видались;
2) Оттого, что А. С. уѣхала въ А.
3) Оттого, что цензура становится все хуже;
4) Оттого, что «еще любви безумно сердце проситъ»...

Послѣднее обстоятельство едва ли не самое ужасное, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Что ты станешь дѣлать: дрянь мнѣ не нравится, а хорошимъ женщинамъ я не нравлюсь. Просто, хоть топись... Хочу все «изсушать умъ наукою безплодной», и даже отчасти успѣваю надуть самого себя, задавая себѣ усиленную работу. Но иногда бываетъ необходимость выйти изъ дома, повидаться съ кѣмъ-нибудь по дѣламъ — и тутъ обыкновенно разстраиваешься на цѣлый день. Не смотря на мерзѣйшую погоду, все мнѣ представляется на свѣтѣ такимъ веселымъ и довольнымъ, только я совершенно одинъ, не доволенъ ничѣмъ и никому не могу сказать задушевнаго слова. Въ такія минуты я жалѣю объ А. С.; съ ней по крайней мѣрѣ я могъ говорить все, что̀ приходило въ голову и въ сердце. А теперь чортъ знаетъ, что такое! Иногда ругаю себя, зачѣмъ я не женился на ней, иногда мнѣ приходитъ даже въ голову,—зачѣмъ я полтора года тому назадъ не женился на В. [1]). У насъ былъ бы теперь ребенокъ, на котораго я долженъ былъ бы изливать отеческія попеченія и, слѣдовательно, моя дѣятельность имѣла бы опредѣленную, ближайшую цѣль... А тө цѣль, которую я было предположилъ себѣ, оказалась вовсе не по плечу мнѣ: нужно много еще учиться и смотрѣть на людей, чтобы хоть самому-то сдѣлаться способнымъ къ ея достиженію, не говоря ужъ о другихъ. А людей такъ мало, такъ мало—вовсе почти нѣтъ. Въ послѣднее время я пріобрѣлъ человѣкъ пять-шесть новыхъ знакомыхъ; но только одинъ изъ нихъ до сихъ поръ кажется мнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Прочіе—современные либеральчики. Что-то у васъ въ Москвѣ? Что Буренинъ? Что такое Иловайскій? Я прочиталъ его статью о Дашковой въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это не Богъ вѣсть что такое: выкрадка изъ записокъ Дашковой и изъ статьи Герцена въ «Полярной Звѣздѣ». Но все-таки онъ можетъ, кажется, писать эффектныя статьи или по крайней мѣрѣ выбирать эффектные предметы. Нѣтъ ли у него еще чего-нибудь готоваго или начатаго, и не дастъ ли онъ порядочной статьи въ «Современникъ»? Поговори ему и спроси, что̀ по-

---

1) Эта буква сохраняетъ прежнее свое значеніе.

лучилъ онъ отъ Краевскаго за свою статью о Дашковой. Если бы у него оказалось что-нибудь *теперь*, это бы было очень хорошо, потому что «Современникъ» нуждается теперь въ статьяхъ подобнаго рода. На октябрь у насъ только и есть скучное продолженіе Безобразовскихъ статей о поземельномъ кредитѣ, да статья о «каторжникахъ», которой, пожалуй, и не пропуститъ цензура. Остальное придется все самимъ сочинять. Хоть бы ты помогъ, что ли...

Въ Москву я бы пріѣхалъ съ радостью, если бы ты обѣщалъ влюбить меня тамъ въ кого-нибудь и заставить при этомъ забыть всѣ печали міра. Но вѣдь ты не имѣешь столько чародѣйственной силы; такъ, стало быть, зачѣмъ же я и поѣду? Лучше ужь ты сюда пріѣзжай: здѣсь хоть памятникъ Николаю Павловичу посмотришь, а у васъ въ Москвѣ чего я не видалъ? Давыдова, что ли?.. А кстати,— что же ты не благодарилъ меня за прощальное слово Давыдову, сказанное въ прошлой книжкѣ «Современника»? Я думаю, онъ былъ доволенъ моимъ привѣтомъ его падшему величію... По крайней мѣрѣ Никита остался доволенъ, на свой счетъ, и говорилъ кому-то изъ студентовъ: «читали вы какъ въ «Современникѣ» Давыдова и Смирнова ругаютъ? Это все Добролюбовъ пакоститъ»... Сердечный, слона-то и не замѣтилъ въ моей рецензіи...

Милѣйшій! Выучи наизусть и вели всѣмъ, кого знаешь, выучить пѣсню Еремушкѣ Некрасова, напечатанную въ сентябрскомъ «Современникѣ». Замѣни (только) слово «истина»—равенство, «лютой подлости» — угнетателямъ; это — опечатки, равно какъ и *витъ* въ 3-мъ стихѣ вмѣсто *вишь*. Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идутъ прямо къ молодому сердцу, не совсѣмъ еще погрязшему въ тинѣ пошлости. Боже мой, сколько великолѣпнѣйшихъ вещей могъ бы написать Некрасовъ, если бъ его не давила цензура!

Въ политическомъ обозрѣніи сентября обрати вниманіе москвичей на то, что говорится объ австрійскихъ либералахъ.

Пиши ко мнѣ, пожалуйста.

Твой

Н. Добр.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Б. И. СЦИБОРСКОМУ.

(Осень 1859 г., вѣроятно сентябрь).

Милый мой Борисъ Ивановичъ!

Сердечно благодарю тебя, другъ мой, за твое душевное письмо, которое впрочемъ гораздо болѣе дѣлаетъ чести твоему сердцу, нежели моей дѣятельности. Ты расположенъ принимать за услугу то, что съ моей стороны было просто слѣдствіемъ собственной надобности: дѣло, за которое взялся ты, нужно же было поручить кому-нибудь; ты принялъ его на себя и этимъ обязалъ меня столько же, если не больше, чѣмъ я тебя. Слѣдовательно, здѣсь, какъ въ дѣлѣ обоюд-

номъ, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь признательныхъ чувствахъ и одолженіяхъ. И напрасно ты смотришь на дѣло съ такой умилительной точки зрѣнія... Впрочемъ, въ письмѣ твоемъ меня не удивило выраженіе твоей дружбы: я зналъ о ней гораздо раньше. Ты имѣлъ неосторожность не разъ говорить обо мнѣ съ А., съ Б. [1]), съ Г. Е. [2]) у В. Д. [3]). Съ тѣмъ тонкимъ чувствомъ, которое отличаетъ эту дѣвушку, и съ тѣмъ инстинктомъ любви, которую она имѣетъ ко мнѣ, она тотчасъ же разгадала самыя сокровенныя и внутреннія расположенія всѣхъ васъ. Не разъ она передавала мнѣ свои впечатлѣнія и говорила, что изъ всѣхъ моихъ пріятелей, ей извѣстныхъ [4]), только ты одинъ искренно любишь меня. Я не имѣлъ причины не вѣрить ей, и съ теченіемъ времени постоянно убѣждался къ справедливости ея словъ. Твое письмо прибавило только еще одно небольшое доказательство къ тому, что я уже зналъ прежде.

Но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы наша дружба имѣла основаніемъ только личныя отношенія, столько измѣнчивыя и шаткія (какъ можешь судить по примѣрамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ общихъ пріятелей). Я уже давно имѣю въ виду другія основанія, которыя могли бы меня связывать съ людьми, и надѣюсь, что на этихъ основаніяхъ наша дружба съ тобою можетъ быть крѣпче и чище, нежели просто по личнымъ отношеніямъ.— Основанія эти заключаются въ единствѣ и общности началъ нашей публичной дѣятельности. Ты знаешь, что это за начала, и ты можешь помочь ихъ распространенію и утвержденію въ томъ кругѣ, гдѣ тебѣ пришлось теперь дѣйствовать. Конечно, мы можемъ покамѣстъ дѣйствовать только словами; но вѣдь слово есть выраженіе той же мысли, изъ которой рождается и самое дѣло. Нужно только, чтобы слова были искренни и чтобы дѣло не противорѣчило основному внутреннему смыслу словъ. Искрененъ ли я въ моихъ словахъ — это ты знаешь; всегда ли я на дѣлѣ имъ вѣренъ—за это, конечно, никто не можетъ поручиться, но по крайней мѣрѣ я стараюсь избѣгать тѣхъ противорѣчій, которыя самъ умѣю замѣтить.

Что касается до тебя, то въ твоемъ сердцѣ и совѣсти я нисколько не сомнѣваюсь. Жалѣю только объ одномъ: что мы съ тобой видѣлись такъ рѣдко и говорили такъ мало по душѣ. Много между нами осталось недосказаннаго и невыясненнаго; надѣюсь, что полная откровенность придетъ при слѣдующемъ свиданіи. До сихъ поръ не получилъ я письма отъ Николая Петровича [5]) и самъ онъ не ѣдетъ.

---

[1]) Буквами А и Б замѣнены фамиліи двухъ знакомыхъ Николая Александровича, не принадлежавшихъ къ числу ближайшихъ его друзей.

[2]) Буквами Г. Е. замѣнены имя и отчество одного изъ людей, болѣе, чѣмъ эти два знакомые, близкихъ Николаю Александровичу.

[3]) Этими буквами мы замѣняемъ имя и отчество дѣвушки, съ которой разстался Николай Александровичъ по своемъ возвращеніи изъ старой Русы, осенью 1858 г.

[4]) Должно сказать, что ближайшіе пріятели Николая Александровича не были знакомы тогда этой дѣвушкѣ; такъ, напримѣръ, тогда не было въ Петербургѣ ни И. И. Бордюгова, ни М. И. Шемановскаго.

[5]) Турчанинова.

Владиміръ Петровичъ [1]) полагаетъ, что онъ даже и не пріѣдетъ, вслѣдствіе милыхъ совѣтовъ, посланныхъ ему друзьями [2]). Вотъ хорошо будетъ, если это въ самомъ дѣлѣ такъ!.. Нечего сказать, друзья!..

Владиміръ Петровичъ на латыни провалился, и потому—впрочемъ онъ самъ вѣдь обо всемъ напишетъ въ Аракчеевку [3]).

Поклонись отъ меня Михалевскому [4]). Если Караваевъ обо мнѣ вспомнилъ, такъ ужь потрудись и ему засвидѣтельствовать мое почтеніе.—Тебѣ кланяется В. Д., хотя ты и забылъ о ней въ своемъ письмѣ.

Прощай, мой другъ, до свиданія.

Твой

Н. Добролюбовъ.

P. S. Недавно съ «Современникомъ» произошла исторія изъ-за статейки въ августовской книжкѣ [5]) о Педагогическомъ Институтѣ. Кто-то пожаловался, все министерство взбѣсилось, хотѣли остановить книжку, да не успѣли: была ужь разослана. Ограничились тѣмъ, что перемѣнили цензора въ «Современникѣ». Теперь у насъ Палаузовъ. Вообще наблюденіе за «Современникомъ» усилено,—и все изъза моей глупости, въ которой я немедленно же и раскаялся. Впередъ ужь постараюсь быть осторожнѣе.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

Любезный мой другъ

Николай Александровичъ!

1859 г.
12 октября.

Послѣ послѣдняго моего письма къ тебѣ, отъ 25-го августа, сдѣлалось много перемѣнъ въ отношеніи моей жизни. Тогда я что-то мечталъ о службѣ, а теперь окончательно рушились всякія надеж-

---

[1]) Младшій братъ Николая Петровича, пріѣхавшій въ Петербургъ держать экзаменъ въ университетъ.

[2]) Николай Александровичъ говоритъ о тѣхъ изъ товарищей по Институту, которые увѣрили простодушнаго Н. П. Турчанинова, что Николай Александровичъ при окончаніи курса помирился съ Давыдовымъ.

[3]) Аракчеевскій корпусъ, преподавателемъ въ которомъ былъ тогда Б. И. Сциборскій.

[4]) Василій Михайловичъ (кажется, такъ его имя и отчество) Михалевскій былъ товарищъ Н. П. Турчанинова по гимназіи, поступилъ въ петербургскій университетъ въ томъ же году, какъ Н. П. Турчаниновъ въ Педагогическій Институтъ, сдѣлался однимъ изъ людей того пріятельскаго кружка, къ которому принадлежали Н. П. Турчаниновъ и Николай Александровичъ; кончивъ курсъ въ одно время съ ними, онъ получилъ должность преподавателя въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, преподавателемъ въ которомъ сталъ и Б. И. Сциборскій,

[5]) 1859 года.

цы— —[1]). Я, разумѣется, какъ и всегда, похворалъ отъ разстройства, теперь только лишь обмогаюсь. Пишу тебѣ все это для того, что больше письма не адресуй на имя чиновника Казенной Палаты, а просто на маменькинъ домъ.

Главная причина моего письма къ тебѣ—просьба, уважь ее. Тебѣ хотя и очень некогда, но три или четыре часа въ одинъ день ты можешь же выбрать, тѣмъ болѣе, что это необходимо для меня. Прошедшій разъ я прямо изъ Москвы выписывалъ бумаги [2]) отъ торговцевъ, и они мнѣ рублей 25 принесли убытку: очень подличиваютъ [3]). Возьми на себя трудъ, сходи въ лавки бумажныя и купи рублей на пять серебромъ по одному листу. По этимъ образцамъ я соображу, и тогда попрошу тебя купить побольше и деньги вышлю, а теперь купи на свои.— —Если рѣшительно некогда, то хотя попроси Василія Ивановича отвѣтить мнѣ, чтобы я не надѣялся напрасно. Прилагаю нѣкоторые образцы— — [4]).

Ванечка поправился, и мы не знаемъ, необходимо ли нужно его теперь къ тебѣ, чтобы не пропускать время; если же нужно, то мы будемъ пріискивать съ кѣмъ послать: отъ насъ скоро поѣдутъ купцы. — —

Ты до сихъ поръ ни на одну мою просьбу во время не отвѣчалъ, утѣшь хоть концомъ.

Твой слуга Мих. Благообразовъ.

ПИСЬМО И. А. КОНОПАСЕВИЧА.[5])

Варшава. $^{12}/_{25}$ октября 1859 г.

Николай Александровичъ, недавно я выслалъ въ редакцію «Современника» статейку, подъ заглавіемъ: «Борьба за работу». Если она не будетъ принята тамъ, то сдѣлай милость, распорядись такъ, чтобы ее переслали въ Указатель Политико-Экономическій. Но, признаюсь, я бы хотѣлъ видѣть ее напечатанною въ «Современникѣ», единственно для того, чтобы имѣть возможность расквитаться за второе полугодіе журнала, высылаемаго мнѣ безденежно.

У меня къ тебѣ еще одна просьба. Если можешь, узнай какъ идетъ дѣло о переводѣ меня изъ Царства Польскаго въ Россію. Я подалъ объ этомъ министру прошеніе $^{6}/_{18}$ октября. Извини, пожалуйста, что я безпокою тебя порученіями. Чтожь дѣлать, у меня въ Петербургѣ вовсе нѣтъ человѣка, къ которому бы можно было обратиться съ какимъ-нибудь порученіемъ.

Весь твой Ив. Конопасевичъ.

---

[1]) Слѣдуетъ подробный разсказъ о томъ, что непосредственный начальникъ Михаила Ивановича велѣлъ ему подать въ отставку.

[2]) Цвѣтной бумаги для оклейки коробочекъ.

[3]) Продаютъ плохіе сорты подъ названіемъ хорошихъ.

[4]) Внизу приклеены образцы цвѣтной бумаги.

[5]) И. А. Конопасевичъ былъ товарищъ Николая Александровича по Институту. Онъ былъ теперь учителемъ гимназіи въ Варшавѣ.

P. S. Турчаниновъ переведенъ изъ Ловича въ Влоцлавскъ на мѣсто учителя русскаго языка; но, вмѣсто того, чтобы отправиться на службу, онъ пріѣхалъ въ Варшавскій евангелическій госпиталь. У него явился какой-то — — вередъ, — — и вотъ уже третій мѣсяцъ держитъ въ постели и безъ того сильно страдающаго тоской по родинѣ, или по Петербургу, саратовца. Не подвернись проклятый вередъ, онъ былъ бы на каникулы въ Питерѣ, и вѣроятно не воротился бы къ обязанности обучать русской грамотѣ польскій народъ.

ПИСЬМО М. И. ШЕМАНОВСКАГО.

Вятка. 5 ноября 1859 года.

Извѣщаю тебя, другъ Коля, о происшествіи, взволновавшемъ весь нашъ учебный округъ, возбудившемъ и въ нашемъ сонномъ градѣ толки и сужденія. Опишу его тебѣ по словамъ моего брата, студента Казанскаго университета, который также былъ участникомъ въ немъ и, слѣдовательно, пострадалъ.

Казанскій — — — на какомъ-то публичномъ обѣдѣ *безъ всякой видимой и побудительной причины* обругалъ студентовъ Казанскаго университета. Студенты «въ слѣдствіе сихъ ругательствъ» отправили къ исправляющему должность попечителя — — депутацію съ просьбою о защитѣ. Многохваленный — — по просту, безъ затѣй, объяснилъ депутатамъ, что съ — — тягаться не должно, а когда студенты настаивали на своемъ, то онъ, созвавши декановъ, сдѣлалъ допросъ депутатамъ, въ родѣ того, какъ Ванька производилъ допросы въ Институтѣ. Изъ отвѣтовъ депутатовъ онъ, впрочемъ, ничего не могъ, а можетъ быть не хотѣлъ, вывести. Дѣло этимъ и кончилось, оставивши отъ себя, разумѣется, неудовольствіе въ студентахъ. Вскорѣ послѣ этой исторіи явилась другая, въ которой неудовольствіе выразилось чрезвычайно характеристично. Незадолго до жалобы студентовъ на — — студентамъ было запрещено аплодировать профессору Буличу, на основаніи какого-то циркуляра министра, хотя, по словамъ брата, аплодисменты бывали у Булича долгое время послѣ объявленія имъ министерскаго циркуляра. Лекцій съ четыре аплодисментовъ, дѣйствительно, не было. Но на пятой, на которой присутствовалъ испр. д. п. Булича проводили громомъ рукоплесканій. — —, вслѣдствіе такого ослушанія, переписалъ всѣхъ студентовъ, бывшихъ въ аудиторіи (а ихъ было больше 80), нарядилъ какую-то слѣдственную коммиссію изъ профессоровъ, произвелъ допросы *по формѣ* каждому студенту, исключилъ изъ университета 23 человѣка, въ числѣ которыхъ и находится мой братъ. Девятерыхъ исключенныхъ отправили съ жандармами въ разные города *къ роднымъ*, а остальныхъ отправили также къ роднымъ, но безъ жандармовъ. Это самодержавное распоряженіе испр. д. п. взволновало всю корпорацію студентовъ и частью профессоровъ: по увѣренію брата, въ день его отъѣзда изъ Казани (25-го октября)

было подано болѣе 100 прошеній студентами объ увольненіи изъ университета; нѣкоторые профессора также подали прошеніе объ отставкѣ. Въ настоящее время, по извѣстіямъ изъ Казани, лекціи хотя продолжаются, но бо́льшая часть студентовъ на нихъ не бываетъ; ждутъ закрытія университета, по крайней мѣрѣ на время. Квартира — — окружена часовыми. Ждутъ изъ Петербурга новыхъ слѣдователей.—Сдѣлай одолженіе, извѣсти меня: 1) какъ представлено это дѣло Ковалевскому [1]; т. е. въ какомъ видѣ; вѣроятно, оно въ такомъ видѣ пойдетъ и къ Государю, и 2) кто назначается слѣдователями и чего можно ждать отъ нихъ. Между прочимъ, считаю нужнымъ сказать тебѣ объ отвѣтахъ нѣкоторыхъ студентовъ: 9 человѣкъ, отправленныхъ съ жандармами, отвѣчали на вопросъ, почему они апплодировали, такъ: что были оскорблены присутствіемъ ненавистнаго — — — — остальные изъ 23-хъ отвѣчали, что нарушили министерскій циркуляръ потому, что знали раньше подготовленія къ лекціи — — инспектора съ бумагой и карандашомъ и потому де были оскорблены такимъ поступкомъ его съ ними. Говорятъ, что эти отвѣты остались у — — подъ сукномъ и не посланы въ министерство. Исключенные надѣются на заступничество дворянъ предъ Государемъ.

Сдѣлай милость, сообщи то, что́ ты можешь узнать объ этомъ дѣлѣ въ Петербургѣ и въ министерствѣ. Этимъ много обяжешь меня и находящихся здѣсь *исключенныхъ*, которые рѣшительно не знаютъ ничего о своей будущей судьбѣ и боятся, чтобъ имъ не закрыли навсегда дорогу въ университеты.

«Темное царство»—великолѣпно; всѣ, кто ни читалъ его, интересуются знать имя автора,—разумѣется кромѣ отпѣтыхъ, которые странно негодуютъ.

Получилъ ли ты мое послѣднее письмо?

Что, Ваня Бордюговъ не пишетъ ли тебѣ чего?

Лаврецовъ прощенъ. Онъ какой-то странный: не ѣдетъ отсюда, да и только. Говоритъ, что ему будетъ совѣстно показаться на глаза знакомымъ въ Петербургѣ. У меня былъ одинъ разъ, да и то по моему [2]— —: сидитъ, какъ будто столоначальникъ передъ предсѣдателемъ. По твоему желанію, я ему далъ 20 рублей.[3])

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

14 ноября 1859.

Любезный мой другъ

Николай Александровичъ!

Бумагу я получилъ 8 числа, но не имѣлъ денегъ, и потому до

---

[1]) Министру народнаго просвѣщенія.

[2]) Здѣсь было написано какое-то слово, потомъ поправлено; при поправкѣ, черты буквъ слились такъ, что трудно разгадать, какъ прочесть; смыслъ слова ясенъ: по моему приглашенію.

[3]) Подписи нѣтъ.

сего времени не отвѣчалъ. Выборъ бумаги сдѣланъ удачно, только лаковой цѣна очень высока; но и это—не бѣда: въ гурту уйдетъ. Очень благодаренъ, что исполнилъ мое порученіе. Тамъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть, будетъ опять такая же просьба, прошу не оставить. А особенно хорошо, что долго не задержалъ отвѣтомъ.

Мы живемъ понемногу. Ваня учится грамматикѣ и ариѳметикѣ; способности у него хороши, только очень лѣнивъ. Здоровье у него стало не хорошо: постоянно прихварываетъ. Докторъ говоритъ, что весной его надо попользовать минеральной водой.

Денегъ посылаю пять рублей, а такъ какъ бумаги послано болѣе нѣсколькими копѣйками, то это останется за мною, вмѣстѣ съ деньгами, которыя ты потратилъ на пересылку. При слѣдующей просьбѣ я вышлю всѣ.

Всѣ мои тебѣ кланяются.—Твой братъ Михаилъ Благообразовъ.

Милостивый Государь

Василій Ивановичъ!

Совершенно неожиданно я Васъ затруднилъ, и Вы столько были добры, что не отказались похлопотать. Очень Вамъ благодаренъ. Помните ли Арсенія Петровича Алексѣева, который съ Вами ссорился по дѣлу Екатерины Петровны?[1]) Онъ на-дняхъ померъ отъ разлива желчности; и вслѣдствіе этого я еще нахожусь въ Палатѣ.

Съ почтеніемъ къ Вамъ остаюсь слугою

Михаилъ Благообразовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

(Отъ ноября 1859).

30 ноября.

Милый мой Миша, на другой день по полученіи твоего письма, я отправился къ Кавелину и Б—ну, чтобы узнать что-нибудь о казанской исторіи. Но Кавелинъ зналъ только то, что́ писали ему изъ Казани, а о министерскомъ производствѣ дѣла говорилъ, что Ковалевскій обѣщалъ хлопотать въ пользу студентовъ; сообщали даже свѣдѣніе, что Вяземскій-fils посланъ въ Казань попечителемъ съ тѣмъ, чтобы дать амнистію всѣмъ, кому сочтетъ нужнымъ. Но на это плохая надежда, и притомъ все это слухи. Б—нъ справлялся въ министерствѣ, по моей просьбѣ, и прислалъ мнѣ записку такого содержанія: «ничего еще не могъ узнать; дѣло производится въ великой тайнѣ самимъ директоромъ; мелочь ничего не знаетъ». Директоръ департамента Ребиндеръ; черезъ одного человѣка — именно черезъ Панаева, можно спросить у него, какъ идетъ дѣло; и если

---

[1]) Это былъ начальникъ, велѣвшій Михаилу Ивановичу подать въ отставку.

это не составляетъ государственной тайны, то онъ, конечно, скажетъ. Сегодня попрошу Панаева, и если чтó узнаю, немедленно напишу тебѣ. Теперь же только и могу сказать, что здѣсь общее мнѣніе въ пользу студентовъ.— —[1]) всѣ знаютъ съ весьма дурной стороны.

Письмо твое предъидущее я получилъ. На него нужно бы отвѣчать много, и потому я жду времени, когда буду вовсе свободенъ.

Бордюговъ ко мнѣ пишетъ иногда, но очень лѣниво. Онъ тоже спрашиваетъ о тебѣ, какъ и ты объ немъ; и я отвѣчаю ему то же, что и тебѣ.

Надѣюсь скоро писать къ тебѣ еще и потому кончаю. Прощай.

Твой

Н. Добролюбовъ.

Спроси у Лаврецова, почему онъ не хочетъ ѣхать сюда? Если только потому, что совѣстно, такъ это вздоръ.—Я думаю болѣе потому, что не надѣется здѣсь мѣсто сыскать. Но объ этомъ можно бы похлопотать, особенно если онъ захочетъ поступить къ какому-нибудь купцу и не по книжной части, а съ какимъ-нибудь тряпьемъ или побрякушками возиться за прилавкомъ. Отыщи его, пожалуйста, и спроси.

Присылать ли тебѣ «Современникъ» на будущій годъ, и если посылать, то не хочешь ли и Шлоссера получить, котораго скоро выйдетъ седьмой томъ?

ПИСЬМО М. И. ШЕМАНОВСКАГО.

(Отъ 4 декабря 1859).

Вятка.

Посылаю тебѣ свой долгъ 67 рублей 50 коп. (50 р. занятыхъ въ Петербургѣ и 17 р. 50 к., за «Современникъ») и еще разъ благодарю тебя за обѣ услуги.

Недѣли 3 тому назадъ я писалъ тебѣ объ исторіи въ Казанскомъ университетѣ. Теперь она кончилась и кончилась тѣмъ, что студенты, сгоряча подавшіе прошенія о выходѣ изъ университета, струсили и взяли ихъ назадъ; 23-хъ же человѣкъ исключили на самомъ дѣлѣ за неисполненіе распоряженій начальства, какъ гласятъ выданныя имъ свидѣтельства. Теперь все тихо и спокойно.—Брата своего я хочу слѣдующимъ лѣтомъ отправить въ Московскій университетъ,—думаю, что не откажутъ принять его хоть вольнымъ слушателемъ.— —

«Современникъ» въ 60-мъ году я не буду выписывать. Мнѣ удалось устроить при здѣшней гимназіи изъ учителей съ директоромъ и инспекторомъ компанію для выписки всѣхъ болѣе замѣчательныхъ журналовъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, «Современникъ» на первомъ мѣстѣ. Хотя это устройство стоило мнѣ много желчи, одна-

---

[1]) Здѣсь въ нашемъ спискѣ пропущено слово, написанное въ подлинникѣ неразборчиво; слѣдуетъ читать: „Козляининова“.

кожъ оно случилось къ вящшему моему удовольствію. Изъ этого ты можешь заключить, что и въ Вяткѣ иногда находятъ на меня минуты не обломовскія.

Лаврецовъ наконецъ рѣшился выѣхать изъ Вятки; по пріѣздѣ, разумѣется, онъ будетъ у тебя. Онъ хотѣлъ просить тебя о прінсканіи ему мѣста гдѣ-нибудь, хоть при типографіи, такъ какъ послѣ своей исторіи онъ не надѣется получить его при книжномъ магазинѣ.

Еще бы кое-что нужно сказать, да пора идти въ гимназію, и потому прощай.

Твой Шемановскій.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

(Начато 16 ноября, кончено 16 дек. 1859).

16 ноября.

Обѣщался ты мнѣ писать, Александръ Петровичъ, не дожидаясь моего письма, а между тѣмъ обѣщанія не исполнилъ. Что съ тобою дѣлается? Какъ идетъ твоя рязанская жизнь? Что ваше *общественное мнѣніе* и пр.? Помнится, ты хотѣлъ сообщать мнѣ разныя подробности на этотъ счетъ, и я очень желалъ бы знать ихъ, особенно теперь, когда къ возбужденію толковъ есть такъ много поводовъ. Уважь, пожалуйста, пришли что-нибудь *рязанское*.

Наши дѣла здѣсь идутъ плоховато: крутой поворотъ ко времени до-крымскому совершается быстро, и никто не можетъ остановить его. Разумѣется, за всѣхъ и прежде всего платится литература. Я бы не сталъ говорить о ней, потому что ея стѣсненія слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ общей ретроградной реакціей; но во-первыхъ она мнѣ ближе извѣстна, а во-вторыхъ на ней отражаются всѣ попятные шаги всѣхъ министерствъ. Поэтому скажу тебѣ нѣсколько словъ. Чтобы не пускаться въ даль, разскажу тебѣ судьбу послѣднихъ нумеровъ «Современника». На сентябрь набранъ былъ романъ Филиппова «Полиціймейстеръ Бубенчиковъ». Объемъ его былъ 11 листовъ печатныхъ. Одинъ цензоръ—Обертъ—его запретилъ; но въ это самое время его отстранили отъ «Современника» за пропускъ рецензіи «Акта 30-лѣтія Института». Другой цензоръ—Палаузовъ—тоже затруднился и внесъ романъ въ комитетъ. Комитетъ возвратилъ съ требованіями передѣлки, такъ чтобы не было тутъ ни губернатора, ни другихъ важныхъ лицъ. Передѣлали; потомъ цензура еще оборвала и романъ могъ явиться только черезъ полтора мѣсяца (уже въ октябрьской книжкѣ), потерявши почти $^1/_3$, конечно самую сильную... Между тѣмъ сентябрьская книжка наполнилась мелкими статейками, для замѣщенія романа; и изъ этихъ статеекъ запрещено нѣсколько, напримѣръ статья «О дворовыхъ» запрещена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на томъ основаніи, что она «несогласна съ видами правительства». А въ ней говорилось, что, такъ какъ дворовые землей не владѣютъ, а теперь дѣло идетъ о землѣ,

то нельзя ли съ ними порѣшить поскорѣе, давъ имъ свободу приписываться и пр. Статья «О современномъ состояніи Франціи» запрещена потому, что (будто бы) Наполеонъ присылалъ нарочнаго жаловаться на статью Павлова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и что поэтому запрещено о немъ отзываться дурно;—да кромѣ того передъ тѣмъ была цензурная исторія изъ-за статейки «Инвалида» о Виллафранкскомъ мирѣ (вслѣдствіе чего онъ пересталъ помѣщать у себя общія «обозрѣнія» политическія). Статья «О трезвости» ходила два мѣсяца по цензурамъ и наконецъ пропущена, утративъ заглавіе (Народное дѣло) и третью долю текста — все, что̀ говорилось объ откупщикахъ и объ отношеніи откупа къ народу. Объ откупщикахъ, видишь ли, говорить не хорошо—тоже не ладится съ видами министерства финансовъ. Ѳедоровскій хотѣлъ отвѣчать Кокореву, и для начала послалъ-было одинъ документикъ въ «С.-пб. Вѣдомости»: не позволили напечатать. Для октябрьской книжки была набрана статья: «Каторжники». Ее отправили въ Сибирскій Комитетъ къ Буткову; Бутковъ пропустилъ, замѣтивъ, что бо̀льшая часть статьи относится не къ нему, а къ вѣдомствамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и духовному. Послали въ министерство внутреннихъ дѣлъ; тамъ пропустили на томъ условіи, ежели авторъ беретъ на себя отвѣтственность за все, что̀ говорится о чиновникахъ. Потомъ въ юстицію; тамъ согласились; духовные тоже пропустили (къ нимъ относились мѣста о раскольникахъ). Впрочемъ, нѣтъ, тутъ вышла забавная исторія. Каждый цензоръ, разумѣется, помарывалъ кое-что въ статьѣ (она была $4^1/_2$ листа, увидимъ, много ли останется); духовный же, арх. Ѳедоръ, вымаралъ все, что̀ было о раскольникахъ, да и подписалъ: «со стороны духовной цензуры нѣтъ препятствія». Получивъ отъ Ѳедора, мы думали, что наконецъ можно будетъ печатать статью хоть ужь въ ноябрьской книжкѣ. Не тутъ-то было: нужно было отправлять къ военному и финансовому цензору [1]). Мѣста, относящіяся къ военной цензурѣ, мы сами вымарали, чтобы ускорить дѣло. Послѣ финансовой цензуры думали—конецъ. Ничего не бывало: цензоръ потащилъ-таки въ цензурный комитетъ, а цензурный комитетъ рѣшилъ представить въ главное управленіе цензуры, и книжка опять выйдетъ безъ этой статьи. Неизвѣстно, попадетъ ли она и въ декабрь.

3 октября изданъ циркуляръ, чтобы отъ всѣхъ редакцій и авторовъ цензура требовала фактическихъ доказательствъ, когда они что-нибудь представляютъ обличительное. Такимъ образомъ одинъ господинъ пишетъ, что мальчишекъ сѣкутъ въ корпусахъ; отъ него требуютъ справку: гдѣ, когда и какъ высѣкли, и чѣмъ онъ это докажетъ. Иначе печатать не позволяютъ. И все въ такомъ родѣ.

16 декабря.

Не знаю, почему не дописалъ и не отослалъ это письмо къ тебѣ, Александръ Петровичъ. Теперь нашелъ я его и вздумалъ отослать безъ дальнѣйшихъ разсужденій: охоты нѣтъ говорить о всѣхъ мерзо-

---

1) Разговорная небрежность, вмѣсто: „цензорамъ“.

стяхъ, какія здѣсь дѣлаются. Говорили-было о совершенномъ преобразованіи цензуры подъ управленіемъ Корфа; но это лопнуло. Нѣкоторые жалѣютъ, другіе радуются, но и то и другое глупо. Корфъ ли, Ковалевскій ли, все единственно: стѣсненія, придирки, проволочки, малодушіе и раболѣпство на каждомъ шагу.

Прощай. Пиши ко мнѣ.

Твой Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ИВАНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КОНОПАСЕВИЧУ [1]).

(Писано въ декабрѣ 1859 или въ началѣ января 1860 [2]).

Иванъ Александровичъ.

Пожалуйте министерствомъ управлять! [3]) Относительно твоего перевода получилъ я на дняхъ отъ одного министерскаго чиновника записку, которую при этомъ письмѣ и прилагаю. Больше же ничего не могъ узнать [4]).

Относительно статей твоихъ могу сооообщить слѣдующее: обѣ получены, одна («Современныя аллегоріи») уже и напечатана [5]). Изъ нея вышло $1^1/_2$ листа и деньги за нее (45 р., по 30 р. за листъ) будутъ въ скоромъ времени высланы. Другая передана Некрасовымъ Л—скому, такъ какъ тотъ собирался самъ написать статью объ этомъ предметѣ по англійскимъ извѣстіямъ. Не знаю еще, читалъ ли онъ статью твою. Знаю только, что она въ редакціи оказалась позже «Современныхъ аллегорій», хотя, судя по твоему письму ко мнѣ, и выслана была ранѣе.

Да растолкуй, пожалуйста, что значитъ «безденежное полученіе» «Современника» за второе полугодіе? Это какая-то чепуха,—ошибка или недоразумѣніе.

Статьи твои могутъ, кажется, довольно близко подходить къ тону «Современника» послѣдняго времени, и потому Некрасовъ поручилъ мнѣ написать тебѣ, что сотрудничества твоего онъ желалъ бы и на будущее время.

Кланяйся Турчанинову и скажи ему, что его неотвѣтъ на мое послѣднее письмо кажется мнѣ необъяснимымъ, такъ какъ онъ самъ писалъ мнѣ разъ, что не оставляетъ безъ отвѣта никакихъ писемъ уже и потому, что считаетъ это противнымъ правиламъ вѣжливости. Прощай.

Твой Н. Добролюбовъ.

---

[1]) И. А. Конопасевичъ былъ товарищъ Николая Александровича по Институту.

[2]) Это ясно изъ того, что И. А. Конопасевичъ, очевидно не замедлившій отвѣтомъ, написалъ отвѣтъ 11 января 1860 г.

[3]) Шутливое примѣненіе фразы изъ „Ревизора".

[4]) Отвѣтъ на просьбу, находящуюся въ письмѣ И. А. Конопасевича отъ 13 окт. 1859 г.

[5]) Въ декабрьской книжкѣ „Современника".

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

8 января 1860 г.

Любезный другъ Николай Александровичъ!

Не знаю, что и думать на счетъ тебя. Такъ давно не получаемъ отъ тебя ни одного письма, что можемъ думать, что ты сердитъ на насъ. А иногда бы и написалъ къ тебѣ, но я вѣрнаго адреса твоего не знаю. Ты хоть бы адресъ всегда присылалъ, потому что иногда необходимо, кромѣ удовольствія, писать къ тебѣ, какъ, напримѣръ, нынѣ.

Нынѣшній день мы хоронили Лизу. Много не разстраивайся, такъ угодно судьбѣ. Даны были больной всѣ пособія, лечилъ тотъ же докторъ, который удивилъ на Ванечкѣ, а теперь ничего не могъ сдѣлать. Въ два дня сдѣлался съ ней антоновъ огонь, или воспаленіе. Въ сочельникъ крещенскій, вечеромъ, она захворала, а въ обѣдъ, въ Крещеніе, померла. За обѣдней ее пріобщили на дому. Похоронилъ Михаилъ Алексѣевичъ прилично. Былъ и благовѣщенскій протопопъ, и гробъ обили красиво.

Вѣроятно, ты захочешь узнать о подробностяхъ, то и напишешь къ кому-нибудь изъ насъ [1]). И потому, не затрудняя тебя [2]), я обращаюсь къ тебѣ опять съ просьбою: похлопочи немного мнѣ объ устройствѣ переплетнаго заведенія; я завелъ и имѣю мастера, но нѣтъ матеріаловъ и инструментовъ.

Теперь мнѣ надо, особенно, литеры, а такъ какъ ты участвуешь въ изданіи журнала, то это не трудно. Если тебѣ не продадутъ въ типографіи, то можешь велѣть принести какому-нибудь мастеру; это ничего не значитъ. Если не дороже копѣекъ 40 или 50, то можешь фунтовъ до 10 купить и прислать. Да нужно еще штемпелей, это необходимо видѣть на бумагѣ напечатанные; потому вели оттиснуть нѣсколько середничковъ, угловъ и прочаго, и назначь противъ каждаго рисунка цѣну; я посмотрю и попрошу тебя.—Да пришли, пожалуйста, образцы шегреневаго коленкору, аршина по два, зеленаго, масака и еще какого-нибудь приличнаго цвѣта. Цѣна ему отъ 30 до 50 коп., не дороже. Еще сафьянной бумаги дести двѣ (по 60 к. были въ ярмаркѣ), еще мраморной, называемой французской, дести двѣ, разныхъ рисунковъ; она не дороже 40 коп. Пожалуйста, не оставь отвѣтить и поскорѣе: мнѣ очень нужно.

За прежнюю бумагу денегъ я пять рублей послалъ тебѣ, только за пересылку не приложилъ.

Василію Ивановичу передай наше [3]) и матушкино почтеніе.

---

[1]) То есть: ты захочешь узнать подробности; обратись съ вопросомъ къ Антонинѣ Александровнѣ и Михаилу Алексѣевичу (у которыхъ жила Лиза); я не хочу высказывать своего мнѣнія.

[2]) Не утруждая тебя подробностями о смерти Лизы.

[3]) То есть: его и Марьи Дмитріевны.

Володю мы цѣлуемъ.—Ваня здоровъ и учитъ глаголы изъ грамматики, а писать начинаетъ хуже прежняго.

Жду и надѣюсь. Твой слуга

Мих. Благообразовъ [1]).

Прошу этихъ четырехъ сортовъ буквъ по пяти каждаго шрифта [2]); крупныя литеры за фунтъ—дешевле.

P. S. Какъ-нибудь устрой, только подешевле, а то очень трудно: много денегъ изведъ [3]).

ПИСЬМО И. А. КОНОПАСЕВИЧА.

Варшава, $^{23}/_{11}$ января 1860 г.

Николай Александровичъ, ты предлагалъ мнѣ управлять министерствомъ, а я по христіанскому смиренію отказываюсь отъ такого лестнаго предложенія, предпочитая ему мѣсто учителя въ Казанскомъ учебномъ округѣ. И пусть не удивляетъ тебя мой выборъ; громкіе титулы до того мнѣ надоѣли, что я готовъ бѣжать отъ нихъ хоть бы на Амуръ. Безъ сожалѣнія, а напротивъ съ величайшею радостью, я разстанусь, какъ только обстоятельства позволятъ, съ званіемъ Pana Professora и гдѣ-нибудь въ Крутогорскомъ стану довольствоваться скромнымъ именемъ учителя. Правда, я ухватился за Казанскій учебный округъ, какъ утопающій за соломинку, но чувствую, что тамъ мнѣ будетъ лучше.— —О ходѣ образованія въ здѣшнемъ округѣ я напишу, если будетъ время, статью, и теперь возвратимся къ тому, что́ больше насъ интересуетъ.

Бѣдняжка Турчаниновъ все еще въ Евангелическомъ госпиталѣ и неизвѣстно, когда выйдетъ оттуда. Роковые три мѣсяца [4]) прошли давно и округъ сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи выдачи ему жалованья. Впрочемъ жалованья-то и за первые три мѣсяца болѣзни онъ не получалъ, вслѣдствіе перемѣны мѣста (его перевели изъ Ловича въ Влоцлавскъ) и глупыхъ постановленій о выдачѣ казенныхъ денегъ. На дняхъ обѣщали выдать ему слѣдуемое; ходить къ нему я часто не могу, потому что и самъ не совсѣмъ еще оправился отъ болѣзни—воспаленія легкихъ,—продержавшей меня мѣсяцъ въ постели. Писать къ тебѣ Турчаниновъ не имѣетъ физической возможности, у него еле хватитъ силъ, чтобы взяться за перо съ цѣлью написать отцу нѣсколько словъ о ходѣ своей болѣзни. Такъ изнурителенъ проклятый — — вередъ. Вмѣсто отвѣта на твое письмо, Николай Петровичъ посылаетъ тебѣ поклонъ.

---

[1]) Ниже подписи приклеены вырѣзанныя изъ книгъ слова и отдѣльныя литеры тѣхъ заглавныхъ шрифтовъ, какіе нужны.

[2]) То-есть по пяти штукъ каждой литеры алфавита всѣхъ четырехъ шрифтовъ.

[3]) То-есть: изведъ я.

[4]) Срокъ, дольше котораго не сохраняется должность за больнымъ.

Благодарю тебя за сообщенныя извѣстія, въ особенности министерскія. Въ настоящее время я пишу о трудѣ женщинъ и приготовилъ компиляцію объ обществѣ взаимнаго вспомоществованія въ Рочдалѣ. Если будетъ время, напиши, нуждается ли въ подобныхъ статьяхъ «Современникъ», только поскорѣе. Да кстати напиши, не хочешь ли пріобрѣсти полное изданіе сочиненій Мицкевича, Мерцбахова изданія; у насъ теперь распродажа его; всѣ восемь томовъ, стоившіе 10 руб. серебр., продаются за 5 рублей—на простой бумагѣ и на веленевой за 7, тогда какъ прежде стоили 15 р. сер. Только надо спѣшить.—Прощай! Твой Ив. Кононасевичъ.

P. S. Поправка. Въ предъидущемъ письмѣ, кажется, вмѣсто «безденежное» надо читать *безплатное,* вмѣсто полученія — *получаніе* (отъ «получалъ»). Дѣло видишь въ томъ, что я денегъ за второе полугодіе «Современника» не платилъ, а журналъ получалъ.

ПИСЬМО М. И. ШЕМАНОВСКАГО.

(Отъ 12 февр. 1860).

Вятка, 12 февраля.

Посылая къ тебѣ, милый Коля, рецензію одной ничтожнѣйшей книжонки, но съ претензіями, я желалъ бы, чтобъ ты удѣлилъ для нея три—четыре страницы въ ближайшемъ нумерѣ «Современника», который пользуется въ нашей восточной сторонѣ самымъ большимъ авторитетомъ.

Если же почему-либо найдешь невозможнымъ этого сдѣлать, то, будь добръ, похлопочи объ напечатаніи ея въ одномъ изъ слѣдующихъ журналовъ: въ «Воспитаніи» (да, чай, Чумиковъ побоится: скажетъ, рѣзко!), «Библіотекѣ для Чтенія» или въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но лучше бы было въ «Современникѣ»; потому, если задержка будетъ отъ ничтожной причины, какъ напримѣръ слишкомъ длинна, то даю тебѣ полную свободу укоротить и удлиннить, измѣнить, что́ почтется нужнымъ и проч. Дѣло только въ томъ, чтобъ ее напечатать и поскорѣе. Вотъ видишь ли какія причины тому:

1) Я трудился надъ ней полсутокъ и не хочу, чтобъ трудъ мой пропалъ по-пусту;

2) разбираемая книга, дѣйствительно, страшная дрянь, но съ претензіями на учебникъ; разумѣется, эти претензіи основываются на связи автора съ нашимъ начальствомъ казанскимъ.

3) Авторъ безчестно поступаетъ съ нашими училищами, навязывая сплою свое сочиненіе, и дѣлаетъ это чрезъ попечителя, который только *предписываетъ,* что-де высылайте деньги.

4) Самъ авторъ дрянь. Онъ былъ плохенькимъ учителемъ въ какой-то гимназіи, потомъ вылѣзъ сплетнями передъ В— — и Чашниковымъ, — — [1]) занимается шпіонствомъ и сплетнями. Фразеръ,

---

[1]) И на новой должности.

на что я и намекаю въ своей рецензіи и даже привожу его фразы, что, разумѣется, въ Казани произведетъ должное впечатлѣніе на тѣхъ, къ кому это относится.

5) Боюсь, чтобъ этотъ господинъ, — — не вздумалъ выслать въ нашу гимназію еще книу своихъ сочиненій, какъ это дѣлаетъ съ нами С— —, издатель атласа. Онъ, т. е. С— —, при помощи министра просто насъ обанкрутитъ. А тутъ присоединился еще этотъ каверзникъ. Впрочемъ на дняхъ я представлю объ его сочиненіи свое мнѣніе въ падагогическій совѣтъ [1]) и потребую отъ него [2]) отсылки книгъ автору; но это дѣло впереди—можетъ быть такъ, а можетъ и не такъ.

Извѣсти, пожалуйста, меня объ моемъ чадѣ; куда ты его вотрешь. А теперь я хочу съ тобой поговорить объ очень важной вещи для меня. На слѣдующій годъ я собираюсь за границу на 4 мѣсяца, съ мая до сентября. Не поѣдешь ли и ты? Вмѣстѣ было бы пріятнѣе. А мнѣ непремѣнно нуженъ воздухъ, воздухъ и воздухъ, разумѣется, только не вятскій и не петербургскій, а главное—немного разогнать хандру, въ которой я нахожусь изъ 10 дней 9. Съ здѣшнимъ обществомъ я уже разошелся и сижу дома сиднемъ. Поздравляю васъ всѣхъ литераторовъ съ новымъ цензорскимъ устройствомъ. Все будетъ, чай, полегче, когда баринъ самъ будетъ наблюдать за литературой!

Прощай. — —

Шемановскій.

Получилъ ли ты деньги, отосланныя къ тебѣ. При отсылкѣ ихъ случилась ошибка. Тебѣ я долженъ $50+16^1/_2$ т. е. $66^1/_2$, а я какъ-то разсчиталъ $67^1/_2$, что и написалъ въ письмѣ. Братъ мой, отсылавшій письмо въ то время, какъ я былъ въ гимназіи, замѣтилъ эту ошибку, вынулъ 1 р. и отослалъ тебѣ $66^1/_2$. Такимъ образомъ ты получилъ $66^1/_2$, а въ письмѣ говорится о $67^1/_2$.

Да еще: деньги, которыя будутъ слѣдовать за напечатаніе рецензіи, отдай въ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(*Ночь 24—25 февраля 1860*).

Миленькій Ваня. Кланяйся всѣмъ Армфельдамъ, умоли ихъ, чтобъ простили мою невѣжливость, скажи, что я съ повинной головой прихожу и пр. и пр. Объясни, что я ежечасно помнилъ ихъ добрый пріемъ, ужасно мучился тѣмъ, что не писалъ тотчасъ по пріѣздѣ, но писать не могъ, не могъ рѣшительно. А почему—тому слѣдуютъ пункты, уже для тебя одного излагаемые конфиденціально.

---

[1]) Гимназіи.
[2]) Отъ совѣта.

По пріѣздѣ я нашелъ письмо отъ В. [1]). Она писала мнѣ прямо съ почтовой станціи, говорила, что не могла еще сыскать себѣ квартиры, потому что пріѣхала совсѣмъ больная и слегла. Съ слѣдующей почтой надѣялась писать подробнѣй. Можешь представить, какъ ждалъ я слѣдующей почты; но она прошла (когда я еще въ Москвѣ былъ), прошла и другая, третья, наконецъ четвертая—письма все нѣтъ. Тревога моя росла съ каждымъ днемъ, нервы разстроились до того, что я, совершенно противъ воли, плакалъ по цѣлымъ часамъ и наконецъ рѣшился ѣхать въ N [2]), отыскивать В. Но наканунѣ того дня, когда я долженъ былъ уѣхать, получилъ я наконецъ письмо; она писала, что была очень больна, но теперь стала поправляться и переѣхала на квартиру свою. Я мгновенно перемѣнился и въ тотъ же день отправился въ оперу; изъ оперы одни знакомые затащили меня чай пить къ себѣ. Тамъ оказался другой знакомый, который упросилъ меня на другой день быть у него,—такъ какъ онъ праздновалъ совершеннолѣтіе своей дочери. Я отправился. И тутъ-то настоящая исторія. Это было въ субботу, 6-го февраля. Пріѣхало народу очень много, танцовали паръ 20, играли столахъ на 5. И между танцующими открылъ я одну дѣвушку, отъ которой не могъ оторвать глазъ: такъ была хороша она. Прежде всего поразилъ меня контрастъ черныхъ глазъ и бровей ея съ свѣтло-русыми волосами, потомъ розовая нѣжность ея кожи, правильное до послѣдней степени, симметричное расположеніе всѣхъ чертъ, ротикъ съ улыбкой счастья и доброты, и такое умное, живое и въ то же время ласкающее выраженіе всей физіономіи, особенно глазъ... Ахъ, какіе это глаза, если бъ ты видѣлъ! Они не жгутъ и не горятъ, а какъ-то свѣтятся и грѣютъ тебя... Я впивался въ нее и почелъ бы себя счастливымъ, если бы на меня упалъ одинъ взглядъ этихъ глазъ. Но она танцовала, а я былъ въ толпѣ смотрящихъ изъ дверей. А какъ она танцовала! Сколько прелести и граціи было въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждой улыбкѣ, которою она размѣнивалась съ своимъ кавалеромъ! Нѣтъ, никакой Грёзъ никогда бы не могъ создать такой головки! А тутъ она была предо мною живая, порхающая, говорящая съ другими! А я не смѣлъ даже подойти къ ней близко... Въ первый разъ я отъ глубины души проклялъ свою неуклюжесть и свое неумѣнье танцовать. Но проклятіями взять было нечего. Я рѣшился дѣйствовать иначе. Я спросилъ, кто она; мнѣ назвали фамилію; спросилъ: съ кѣмъ она пріѣхала? Съ отцомъ. Я удовольствовался и прошелъ въ другую комнату. Тамъ попросилъ я, чтобы мнѣ показали г-на такого-то (т. е. отца ея). Мнѣ указали и я началъ около него вертѣться. Подслушалъ я, что онъ не успѣлъ составить себѣ партіи и ищетъ партнеровъ; тотчасъ же побѣжалъ я къ хозяину и попросилъ, чтобъ онъ устроилъ партію въ ералашъ: такой-то съ такимъ-то сейчасъ изъявляли желаніе играть, я—тоже хочу, остается найти четвертаго. Хозяинъ, ничего не подозрѣвая, сладилъ партію, и я сталъ играть съ почтеннымъ отцомъ, которому

[1]) Эта буква сохраняетъ прежнее значеніе.
[2]) Здѣсь названъ городъ, въ который уѣхала В.

тутъ же былъ и представленъ. Надо тебѣ сказать, что онъ генералъ со звѣздой, и не смотря на то я ему куртизанилъ въ картахъ и вообще ужасно егозилъ передъ нимъ. Пойми, какъ я врѣзался-то! Разумѣется, вся эта исторія кончилась тѣмъ, что мы познакомились. Я выспросилъ его адресъ и на другой день явился къ нему съ визитомъ и получилъ приглашеніе бывать по середамъ. Настаетъ середа, ѣду. И нужно же такъ случиться, что у него какой-то комитетъ пришелся тутъ, его дома нѣтъ, женѣ его я не представленъ, общество все незнакомое. Попросилъ одного случившагося знакомаго представить меня хозяйкѣ, но и послѣ этого остался одинокъ. Только и нашелъ отрады, что въ разговорѣ съ однимъ молодымъ путейскимъ офицерикомъ, который пренаивно спрашивалъ меня: живъ ли Кольцовъ, а впрочемъ находилъ, что Бенедиктовъ плохъ и пр. Наконецъ явился хозяинъ, и меня посадили за карты. Я пасовалъ каждую игру и мнѣ дѣйствительно ничего не шло (играли въ табельку), да и не о томъ я думалъ. Наконецъ уставши до нельзя, я посадилъ вмѣсто себя другаго, а самъ вышелъ въ ту комнату, гдѣ были дамы. Тамъ оказался и офицерикъ. Всѣ смѣялись, разсказывали что-то и между прочимъ играли въ дурачки, страшно плутуя и оставляя каждый разъ какую-то старушку, которая тоже плутовала, да не совсѣмъ искусно. Я попросилъ позволенія присоединиться къ игрѣ, въ которой и *она* участвовала. Сѣсть мнѣ пришлось возлѣ нея, такъ что ей приходилось ходить ко мнѣ. Въ первую же игру она пошла мнѣ тремя картами, когда у меня было только двѣ на рукахъ. Я показалъ ей ихъ, а она кивнула головой на схоженныя ею карты и сказала выразительно: кройте. Я посмотрѣлъ, въ ходѣ оказалось четыре карты, а не три. Я тогда нечаянно уронилъ одну изъ нихъ на полъ, потомъ поднялъ и взялъ къ себѣ на руки, а затѣмъ раскрылъ всѣ карты, и мы оба вышли. Подобныя продѣлки повторялись каждую игру, и веселью конца не было. Въ промежуткахъ шли разсказы, анекдоты и всяческое посильное остроуміе. Она была на этотъ разъ небрежно одѣта и причесана и производила менѣе эффекта, но я за то убѣдился, что она дѣйствительно умна и имѣетъ живое сердце. Съ какими мечтами ѣхалъ я оттуда, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующей среды. И не выдержалъ: середи недѣли нашелъ дѣло къ ея отцу и заѣхалъ въ 12-ть часовъ, разсчитывая застать всѣхъ за завтракомъ. Но остался въ дуракахъ: ея не видалъ, а отца встрѣтилъ уже почти на порогѣ: онъ собирался уходить изъ дому. Наконецъ являюсь сегодня въ половинѣ 10-го. Здороваюсь, смотрю: одни играютъ въ карты, и самъ хозяинъ тоже, другіе разсуждаютъ о томъ, можно ли назвать счастливымъ въ производствѣ такого-то подполковника и проводятъ параллель съ его товарищами; дамы все разсуждаютъ о сгорѣвшихъ на масляницѣ двухъ дѣвушкахъ. Я осмотрѣлся и не нашелъ около себя дружелюбнаго лица, съ которымъ бы могъ заговорить, кромѣ опять того же офицерика. Въ прошедшую среду мы съ нимъ немножко сошлись, такъ что я началъ разговоръ такимъ образомъ: «Хорошо мое положеніе въ этомъ домѣ! никого не знаю, никому не представленъ, и заговорить ни съ кѣмъ не могу». Онъ посмотрѣлъ на меня, и тутъ только замѣтилъ я, что онъ чѣмъ-то

особенно сіяетъ.—«А вы знаете *мое* положеніе въ этомъ домѣ?» спросилъ онъ меня.—«Какое? Въ томъ же родѣ, какъ и мое?»—«Нѣтъ, совсѣмъ въ другомъ», отвѣчалъ онъ и ухмыльнулся: «Я сегодня объявленъ здѣсь женихомъ».—«Какъ?» закричалъ я.—«Да, я женюсь на дочери N». Не знаю, что̀ со мной сдѣлалось при этомъ извѣстіи. Я судорожно сжалъ рукой горячій стаканъ чаю, бывшій у меня, прислонился къ двери, и боль обожженной руки отвлекла начинавшееся головокруженіе.—«Я очень доволенъ», прибавилъ онъ, весело смотря мнѣ въ глаза.—«Еще бы», отвѣчалъ я:—«да это такое счастье, больше котораго я ничего и не подумалъ бы пожелать себѣ».—Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько странно; я опомнился.—«Ну поздравляю васъ», началъ я добродушнымъ тономъ:—«Она, кажется, очень умная и добрая, и притомъ»... Словомъ, я пустился въ панегирикъ ей,—который не былъ ему непріятенъ... Между прочимъ я спросилъ, давно ли онъ знакомъ съ нею;—три года, говоритъ. Я заглянулъ въ гостиную, гдѣ она гуляла съ какою-то подругой. У ней на лицѣ такая радость, столько любви и счастья; посмотрѣлъ я на нихъ вмѣстѣ: она такъ кокетливо оборачиваетъ къ нему головку, такъ томно кладетъ свою руку на его, такъ на него смотритъ, какъ будто говоритъ: возьми меня, возьми, я твоя... Посмотрѣлъ я на все это; потомъ посмотрѣлъ на часы: было четверть 11-го. Я пробылъ всего три четверти часа; уѣхать было еще нельзя. Я подошелъ къ играющимъ, глядѣлъ въ карты, но ничего не понималъ. Поставивъ однажды ремизъ, хозяинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну, какъ же было не купить?»—Я не вдругъ сообразилъ смыслъ вопроса, не вдругъ понялъ, что по требованію приличія долженъ я былъ сказать—«да» или «нѣтъ»... Я промычалъ что-то, и вскорѣ потомъ отошелъ. Присталъ я къ какому-то разговору; но въ головѣ у меня ходило что-то, точно я ухомъ прилегъ къ котлу паровоза: такъ и кипѣло, такъ и ходило все,—шумъ и безтолковщина. Въ срединѣ разговора я очнулся какъ-то: слышу, хвалятъ какого-то профессора (должно быть) за то, что добросовѣстно за наукой слѣдитъ; я кивнулъ головой и помычалъ. Потомъ еще разъ очнулся: говорили ужъ что-то объ операторахъ; я улыбнулся въ знакъ согласія и посмотрѣлъ на часы. Было одиннадцать. Я взялъ шляпу и сталъ прощаться. Поклонившись всѣмъ, мнѣ незнакомымъ, я подалъ руку жениху.—«А вы знакомы?» спросила мать, до того не говорившая со мной ни слова.—«Какъ же, maman, прошедшую среду познакомились; мы еще всѣ въ дурачки играли», съ какой-то дѣтской радостью и гордостью подхватила *она*. И при этомъ она такъ на него поглядѣла, что въ значеніи словъ ея нельзя было сомнѣваться. Они значили: не правда ли, что ты, мой милый, лучше всѣхъ здѣсь! Вотъ чужой человѣкъ, въ первый разъ явившійся,—и онъ, не сошедшись ни съ кѣмъ, тотчасъ же познакомился съ тобою. Мнѣ показалось даже, что она улыбнулась ласковѣе при прощаньи, именно за то, что я сошелся съ ея милымъ. А отецъ, прощаясь со мной, наивно проговорилъ:—«А жаль, что вамъ партіи не составилось сегодня».—Я немножко дрогнулъ, и отвѣтилъ: «что дѣлать?» такимъ отчаянно грустнымъ тономъ, что меня всѣ окружающіе сочли, вѣроятно, чудовищнымъ

экземпляромъ записного картежника. А я думалъ совсѣмъ о другой партіи...

Дорога отъ нихъ ко мнѣ была длинная; ванька попался плохой; въ лицо мнѣ хлесталъ мокрый снѣгъ. Въ груди у меня шевелились рыданья, я хотѣлъ всплакнуть отъ бездѣлья; но и то какъ-то не вышло. Дома принялся было за исправленіе одной рукописи, которую хотимъ теперь печатать; но почувствовалъ себя въ настроеніи къ дружескимъ изліяніямъ, и принялся за письмо къ тебѣ.

Итакъ отъ 6-го до 24-го февраля я предавался безумной, хотя и робкой надеждѣ на то, что могу быть счастливъ. Сколько тутъ было плановъ, мечтаній, думъ и сомнѣній! Радостныхъ минутъ только не было, исключая впрочемъ той, когда я получилъ приглашеніе ея отца бывать у нихъ, и тѣхъ немногихъ минутъ, когда мы играли въ дурачки... И вотъ она, аллегорія-то: какъ я ни плутовалъ, а все-таки въ дуракахъ остался. А она вотъ выходитъ! Чортъ знаетъ, что такое!

Я тебѣ не расписываю своихъ чувствъ. Но объ ихъ силѣ ты можешь заключить по несвойственной мнѣ смѣлости и стремительности дѣйствій, выказанныхъ мною въ этомъ случаѣ. Суди же и о великости моего огорченія. Все, окружающее меня, все, что́ я знаю,— дрянь въ сравненіи съ нею; а я принужденъ съ этой дрянью возиться и любезничать, въ то время, какъ у меня сердце защемлено, въ мечтахъ все она, въ глазахъ все ея милый образъ и рядомъ этотъ женихъ... добрѣйшій, впрочемъ, малый, съ которымъ ей жить будетъ спокойно. Она же институтка и кипучей жизни страстей не вѣдаетъ: это видно по тому сіянію, которое разлито по ея нѣжному, доброму и умному лицу. Пусть она будетъ счастлива, и пусть никто не возмутитъ ея спокойствія, ея наслажденія жизнью... Я бы заѣлъ и погубилъ ее... И по дѣломъ не достается мнѣ владѣть такой красотою, такимъ божествомъ!... Эхъ, прощай, Ваня. Напиши мнѣ что-нибудь.

Твой

Н. Д.

P. S. А вѣдь и офицерикъ-то плюгавенькій... Эхъ-ма!!!

ПИСЬМО И. А. КОНОПАСЕВИЧА.

Варшава, $\frac{\text{27 февраля}}{\text{8 марта}}$ 1860 г.

Николай Александровичъ! Скажи, пожалуйста, кто теперь тебѣ дѣлаетъ чай? Самъ—нѣтъ: не успѣтъ тебѣ. Я чай, все читаешь, да пишешь. Если всѣ рецензіи, появляющіяся въ «Современникѣ», твои, такъ у тебя слишкомъ много работы. Правда, что ты набилъ ужь руку въ этомъ дѣлѣ, да все-таки писать такъ много чего-нибудь да стоитъ. Вѣроятно ты тоже готовишься держать экзаменъ на магистра [1];

[1]) Николай Александровичъ давно бросилъ эту мысль, которую имѣлъ въ первое время по окончаніи курса.

тебѣ бы не помѣшало приступить къ этому дѣлу поскорѣе; когда окончишь его благополучно, вліянія будешь имѣть побольше. Кромѣ журнала будешь имѣть возможность проводить свои убѣжденія прямо въ умы людей молодыхъ, воспріимчивыхъ къ добру и правдѣ, какихъ встрѣтишь на университетской скамьѣ [1]). И такъ впередъ, за дѣло! Александровичъ тоже, какъ я слышалъ, намѣренъ держать экзаменъ на магистра; только не знаю, скоро ли. У себя дома онъ много занимается. Больше о немъ ничего не знаю. Турчаниновъ все-таки боленъ. Къ прежней болѣзни присоединилась грудная боль, произведенная истощеніемъ и убійственнымъ больничнымъ воздухомъ. Онъ принужденъ былъ взять особый номеръ, гдѣ воздухъ почище; но его это мало утѣшаетъ, здоровье не поправляется; номеръ стоитъ въ сутки 90 коп. сер.; а деньги на выходѣ. Выдача жалованья ему прекращена съ января мѣсяца. Долженъ просить вспомоществованія у подлѣйшихъ людей! Да и какъ не просить? Дѣло идетъ о жизни. Докторъ совѣтуетъ ему во что бы то ни стало провести весну и часть лѣта въ Карпатскихъ горахъ въ Щавницѣ, гдѣ есть минеральныя воды однихъ свойствъ съ Зальцбургскими. А на что поѣдетъ? Дѣла, значитъ, плохи! Давно я не былъ у него, оттого что самъ боленъ.

Недавно я послалъ въ редакцію «Современника» двѣ статьи: «Неудавшаяся революція» и «Рочдальское общество взаимнаго вспомоществованія». Въ первой, по поводу революціи въ Константинополѣ, проводится мысль, что подлость правителей, а не Магометова религія была причиною варварства турецкаго народа. Второе [2]) представляетъ образецъ, которому нѣтъ подобнаго между множествомъ обществъ взаимнаго вспомоществованія въ Европѣ. При всемъ томъ, если редакція «Современника» признаетъ ихъ неудобными къ напечатанію, то пусть потрудится сохранить до моего востребованія. Я по всей вѣроятности лѣтомъ буду въ Петербургѣ; нужно во что бы то ни стало бросить этотъ проклятый варшавскій учебный округъ. Сначала было я утѣшался пересланной мнѣ запиской къ тебѣ одного изъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, но теперь вижу, что всѣ обѣщанія ни гроша не стоютъ. Надо лично хлопотать да стремиться не въ одинъ казанскій округъ, а гдѣ лучше, т. е. гдѣ не такъ удобно было бы предаваться восточной нѣгѣ, какъ у насъ въ глуши на востокѣ. Впрочемъ я одного только прошу у судьбы, чтобы она не бросила меня въ кругъ добренькихъ людей; съ такими я вовсе не умѣю дѣйствовать и почти готовъ спать. А если будутъ со мной люди порядочные, а противъ негодяи, такъ житье будетъ хоть бы въ Сибири. Въ Варшавѣ же я не могу ужиться, оттого что люди моей среды здѣсь раздѣляются на добренькихъ и негодяевъ; чтобы найти порядочнаго человѣка, надо развѣ придумать какой-нибудь способъ въ родѣ Діогеновскаго.

Сдѣлай милость, если что-нибудь узнаешь на счетъ моего перевода [3]), тотчасъ извѣсти меня, а то здѣсь пожалуй не посовѣстятся

[1]) Николай Александровичъ давно сталъ думать о профессорской дѣятельности иначе.
[2]) То-есть, Рочдальское общество.
[3]) На учительскую должность въ Казанскій округъ.

спрятать переводъ, а министру напишутъ: «проситель раздумалъ ѣхать въ Россію»; въ учителяхъ здѣсь страшный недостатокъ, такъ подлецы на все готовы, чтобы придержать находящіяся въ рукахъ жертвы. Прощай!

Твой Ив. Конопасевичъ.

Я слышалъ, будто бы Географическое Общество намѣрено издать Географическій Словарь Русской Имперіи. Я хотѣлъ бы попасть въ число сотрудниковъ и могъ бы доставлять статьи о городахъ Западныхъ губерній и Царства Польскаго (такъ какъ этотъ край мнѣ хорошо знакомъ), только бы трудъ не пропалъ даромъ.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

15 марта 1860 года. Нижній-Новгородъ.

Не смотря на то, что ты такъ далеко отъ насъ, незабвенный братъ нашъ, ты не забываешь и не перестаешь заботиться о насъ... Какъ можно послѣ этого искренне не любить и не уважать тебя! Мы, имѣя такого брата, совершенно счастливы и спокойны. Милосердый Богъ не всего лишилъ насъ: отнявши родителей, оставилъ брата, который не забываетъ насъ; заботится, какъ иной отецъ не заботится о дѣтяхъ своихъ. Напримѣръ: Володинька и Ваня, что бы они бы [1]) безъ такого брата, какъ ты?.. Ты устроилъ старшую сестру нашу, которая заступила намъ мѣсто матери; ты хлопоталъ о прощеніи долга съ дома, — все, все сдѣлано тобой; повѣрь, что мы цѣнимъ твои благодѣянія, добрый братъ нашъ.

Очень жалко мнѣ, что я не воспитана въ лучшемъ институтѣ: теперь я очень, очень жалѣю объ этомъ; образованіе счастливитъ человѣка! Я съ удовольствіемъ бы тогда могла исполнить твое желаніе — быть гувернанткой; теперь я больше чѣмъ прежде жалѣю, искренно жалѣю объ этомъ; но что же дѣлать? — Я и нынѣшнимъ своимъ положеніемъ довольна.

Но когда же исполнится мое желаніе увидѣть тебя?.. Еще бывши въ Симбирскѣ, я съ нетерпѣніемъ желала этого. Теперь съ какимъ удовольствіемъ, съ какою радостію читаю въ нашемъ письмѣ— —[2]), что ты нынче лѣтомъ, можетъ быть, пріѣдешь въ Нижній. Зачѣмъ это «можетъ быть»?—лучше бы ты написалъ: «непремѣнно пріѣду къ вамъ»... Но я надѣюсь, что наконецъ мы увидимся, послѣ восьмилѣтней разлуки. Не смѣйся, милый Николенька, что я такъ горячо, такъ сильно, съ такимъ нетерпѣніемъ желаю видѣть тебя; ты послѣ этого будешь бояться увидѣться со мною, но не бойся: при свиданіи съ тобою мое внутреннее чувство радости будетъ гораздо сильнѣе

---

1) „Что бы они бы"—разговорный оборотъ, вмѣсто: что были бъ они, что было бы съ ними.

2) То-есть въ твоемъ письмѣ къ намъ.

наружнаго. Я не вскрикну отъ радости, не брошусь тебѣ на шею, не буду плакать, зная, что это не принято и тебѣ не понравится... Пріѣзжай, пріѣзжай, чтобы исполнить желаніе насъ всѣхъ, разумѣется не свое, — тебѣ будетъ скучно съ нами: ты отвыкъ находиться въ нашихъ обществахъ, разучился, я думаю, говорить съ нами. Или ты въ сердцѣ своемъ все такой же добрый, простой Николенька? Умнымъ людямъ не бываетъ нигдѣ скучно: они находятъ предметы разговора во всякомъ обществѣ. Прощай, милый братъ мой; прости меня, что я такъ дурно пишу.

Сестра твоя Екатерина Добролюбова.

(Приписка Михаила Алексѣевича).

Ну, а я уже ничего не буду Вамъ писать, Николай Александровичъ. Желаю только Вамъ здоровья, да поблагодарю Васъ за письмо и деньги. Сестры Ваши, кажется, написали[1]) уже довольно, да, кажется, и все нужное. Дѣла по дому Вашему пока еще въ порядкѣ.

Братъ вашъ свящ. М. Костровъ.

Ниночка охотится еще писать Вамъ по веснѣ и если Вы пришлете намъ свой адресъ, то она напишетъ еще пожалуй и побольше.

ПИСЬМО СТЕПАНА ТИМОѲЕЕВИЧА СЛОВУТИНСКАГО.

(Писано въ половинѣ марта 1859).

Почтеннѣйшій Николай Александровичъ,

Вы считаете меня совсѣмъ уже плохимъ, убѣждая «не обижаться рѣзкостью Вашихъ словъ» [2]). Помилуйте, да за что жь бы я тутъ обидѣлся? Впрочемъ, мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, досадно только на самого себя: я самъ виноватъ,— —зачѣмъ дурно выражаюсь, зачѣмъ такъ выражаюсь, что мысль выходитъ какъ-то совсѣмъ наоборотъ. Но все-таки я хочу непремѣнно оправдываться. Помилуйте, да гдѣ же я говорилъ: «спите, дескать, все пойдетъ хорошо само-собой, вамъ-то собственно нечего и хлопотать; теперь дѣло сдѣлается и помимо васъ?» Ну, нѣтъ! никогда я не былъ такимъ *правовѣрующимъ* въ ходъ историческаго прогресса. Никогда и въ голову мнѣ не приходило убѣждать общество въ необходимости сидѣть смирно, поджавши

---

1) Итакъ, кромѣ письма Катерины Александровны, было вложено въ конвертъ письмо Антонины Александровны; но оно не сохранилось.

2) С. Т. Словутинскій, жившій тогда въ Москвѣ, началъ составлять „Внутреннее обозрѣніе" для „Современника". Онъ посылалъ рукопись Николаю Александровичу, который пересматривалъ и поправлялъ написанное имъ. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о замѣчаніяхъ Николая Александровича на одно изъ „Обозрѣній", составленныхъ С. Т. Словутинскимъ.

ручки. Повторяю: дурно я выразился. А мысль моя была вотъ какая: не все же возбуждать общественное сознаніе кукишами ему подъ носъ, — слѣдуетъ иногда показать ему, что и само оно что-нибудь да значитъ, потому что, проснувшись отъ долгаго сна, дѣлаетъ же кое-что по-маленьку, а коли способно на это, такъ можетъ и гораздо побольше дѣлать. Я убѣжденъ, — да и думаю, что Вы то же раздѣляете мое мнѣніе, что старое умиленіе общества *никакъ* не можетъ уже вернуться, значитъ, нѣтъ никакой опасности указать ему на то, что у него то же есть силы, что оно силы эти кое-гдѣ и кое-въ чемъ въ ходъ уже пустило. Какъ хотите, а довѣріе въ свою собственную силу не мало тоже обезпечиваетъ успѣхъ дѣйствія. Я, право, не знаю, что тутъ хорошаго — толковать все обществу, что оно поганое и *ни къ чему негодное*, что оно и говорить-то стало по приказу. Эта фраза Щедрина меня взбѣсила.— —

Но коли я такъ дурно выразился въ моемъ обозрѣніи, то не стою я за все, чтó кажется такимъ двусмысленнымъ. Пожалуйста, вѣрьте только, что я вовсе не оптимистъ и не фаталистъ, хоть бы и оказывалась дѣйствительная разница между нашими воззрѣніями, а именно слѣдующая разница: Вы, мнѣ кажется, хотите все *дразнить* общественную *волю*, а я думаю, что надо, чтобы проснулось въ обществѣ, кромѣ сознанія своего положенія, и довѣріе къ собственной силѣ.— —

Прощайте. Жму дружески Вашу руку.

Вашъ

С. Словутинскій.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ А. П. ЗЛАТОВРАТСКОМУ.

(Писано во второй половинѣ марта или, вѣроятнѣе, въ апрѣлѣ 1860; если въ апрѣлѣ, то, вѣроятно, около 20 числа) [1]).

Спасибо, Александръ Петровичъ, что не забываешь меня своими письмами. Жаль, что я не могъ тебѣ отвѣчать все это время, чисто по гнусной лѣности. Я подвергался въ теченіи зимы разнымъ болѣстямъ, ничего почти не дѣлалъ, облѣнился до послѣдней степени, и теперь только что оживаю немножко. Твои вѣсти, большею частію мрачнаго свойства, не очень трогали меня, потому что у насъ здѣсь дѣла идутъ еще хуже, чѣмъ у васъ, людей порядочныхъ едва ли больше, а дѣла столько, что страхъ беретъ. Все какъ-то на-

---

1) Это видно изъ того, что Николай Александровичъ отвѣчаетъ здѣсь на мысли, высказанныя А. П. Златовратскимъ въ письмѣ къ нему отъ 16 марта, а въ письмѣ отъ 25 апр. (1860) А. И. Златовратскій отвѣчаетъ на его объясненія.— Въ началѣ письма, Николай Александровичъ говоритъ, что долго оставлялъ безъ отвѣта письмо отъ 16 марта; А. П. Златовратскій, не имѣвшій привычки медлить отвѣтными письмами, отвѣчалъ на это письмо письмомъ отъ 25 апрѣля; потому и должно думать, что Николай Александровичъ послалъ ему письмо около 20 апрѣля.

пряжено и все томится въ жалчайшемъ бездѣйствіи. Всѣ лазареты переполнены сумасшедшими, и все, говорятъ, большею частію молодые люди, и очень порядочные; дуэли, самоубійства, пощечины, сквозь-строй за мордобитіе начальства — чаще, чѣмъ когда-нибудь. Самые нелѣпые слухи принимаются и приводятъ въ волненіе. Харьковская мизерная исторія и здѣсь чуть-было не раздулась въ заговоръ Петрашевскаго. Разсказы о судахъ, обыскахъ и пр. ходили страшные. Одинъ впрочемъ обыскъ—у профессора Павлова—былъ дѣйствительно, хотя и не имѣлъ послѣдствій. И всѣ промолчали на это нарушеніе права человѣка на спокойствіе въ своемъ углу; одинъ сербъ, съ которымъ я встрѣчаюсь кое-гдѣ, — никакъ не могъ понять, какимъ же это образомъ профессора не протестуютъ противъ такого нарушенія, какъ же это можно молчать. Но наши ученые передовые мужи возражали ему весьма логично: какъ же можно протестовать?.. Такъ они другъ друга и не поняли.

Въ литературѣ начинается какое-то шпіонское вліяніе. Всегда пропускались историческія статьи, какъ бы ни было близко описываемое въ нихъ положеніе къ нашему; теперь велѣно обращать на это строжайшее вниманіе и не пропускать никакихъ намековъ. О русской исторіи послѣ Петра запрещено разсуждать. Гласность, дошедшая до геркулесовыхъ столбовъ въ дѣлѣ Якушкина, опять обращается вспять; надавно состоялся циркуляръ, чтобъ не пропускать въ печать никакихъ личностей. На литературныхъ чтеніяхъ Общества пособія нуждающимся литераторамъ запрещались многія пьесы уже изъ напечатанныхъ, какъ напримѣръ «Горькая Судьбина», которую хотѣлъ прочесть Писемскій, «Пѣснь Еремушки» въ полномъ составѣ (т. е. какъ напечатана въ «Современникѣ») и пр. Можешь судить о пріятности нашего положенія. Половина статей, являющихся въ журналѣ, являются въ искаженномъ видѣ; другая половина вовсе бросается.

А между тѣмъ Панинъ предлагаетъ въ коммиссіи [1]) вмѣсто *безсрочнаго* пользованія крестьянъ землею—срочное; между тѣмъ размѣнной монеты нѣтъ и курсъ рубля бумажнаго равняется 90—94 коп.; жалованья въ военномъ вѣдомствѣ не выдаютъ по нѣскольку мѣсяцевъ; штаты сокращаются на цѣлыя сотни и тысячи чиновниковъ, и пр. и пр. И увѣряютъ, что вся причина недовольства заключается въ литературѣ.

Но полно объ этомъ. Надо тебѣ сказать о твоихъ просьбахъ: ихъ исполнить нельзя [2]). О Миллѣ ты самъ ужь теперь знаешь, что онъ

---

[1]) Въ коммиссіи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, предсѣдателемъ которой былъ по смерти Ростовцева назначенъ Панинъ.

[2]) Это отвѣтъ на просьбы, находящіяся въ письмѣ А. П. Златовратскаго отъ 16 марта. Приводимъ извлеченіе изъ этого мѣста его письма:

„Не можешь ли — — прислать (разумѣется, за деньги) *отдѣльно:* 1) Историко-статистическое описаніе европейскихъ государствъ, Карновича, и 2) переводъ Политической экономіи Милля“.

Это были приложенія къ „Современнику“. Онѣ были помѣщаемы въ книжкахъ журнала, и отъ другихъ статей отличались только тѣмъ, что имѣли особую нумерацію страницъ. Выразивъ желаніе получить ихъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, А. П. Златовратскій продолжаетъ:

еще и не готовъ, а будетъ въ теченіи года переводиться въ «Современникѣ». Карновича «Обзоръ», можетъ, и будетъ продаваться, но не раньше конца этого года. Ты какъ-то дико выписалъ мнѣ свои соображенія объ *уловкахъ:* если такъ, то каждая хорошая статья, напечатанная въ «Современникѣ», есть *уловка,* всякая литературная собственность есть *уловка.* Не забудь, что статьи *покупаются* журналомъ, и что ему вовсе нѣтъ выгоды разоряться, отрекаясь отъ права собственности на купленную статью, для того чтобъ дать возможность пріобрѣсти всякому *только* эту статью, а не весь журналъ. При такихъ разсчетахъ журналъ не можетъ существовать [1]).

Прощай покамѣстъ.

Твой Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ [2]).

Апрѣля 20 дня 1860 года.

Нынѣшній день на меня напала охота писать письма. Вотъ сейчасъ написалъ я письмо къ своему батюшкѣ, а теперь начинаю писать къ Вамъ, Василій Ивановичъ. Хорошо ли Вамъ въ Петербургѣ, довольны ли перемѣной своей здѣшней службы на таможнюю?— — Аннушку пока еще не сватаютъ, но она теперь довольно поправилась послѣ прошлогодней своей, довольно долгой, болѣзни, стоившей и намъ рублей до 50-ти. Да впрочемъ не знаю, за кого бы и выдать ее: въ семинаріи [3]) теперь, кажется, нѣтъ для нея жениховъ, а если и есть какіе, то ищутъ только побольше денегъ — — [4]). Такъ смотря на эти примѣры и другимъ профессорамъ хочется же-

---

„Право, ругнулъ бы за такую штуку „Современникъ“. Ну какъ ему не совѣстно только *для подписчиковъ* назначать“ — переводъ Милля. — — „Считать это уловкой „Современника“ я не думаю, потому что это было бы слишкомъ глупо, *заманивать* подписчиковъ“ тѣмъ, что переводъ Милля помѣщается въ журналѣ и желающіе имѣть „Политическую экономію“ Милля принуждаются выписывать „Современникъ“.

1) Прочитавъ эти разъясненія, А. П. Златовратскій говоритъ въ письмѣ отъ 25 апрѣля:

„Горько сожалѣю, что Милля и Карновича нельзя достать. Съ твоимъ мнѣніемъ о покупкѣ статей я совершенно согласенъ; но *позвольте вамъ возразить,* какъ обыкновенно говорятъ у насъ въ Рязани деликатные чиновники съ высшими начальниками: ты говоришь о статьяхъ, а Милль и Карновичъ отдѣльныя сочиненія“.

2) Василій Ивановичъ жилъ тогда съ Николаемъ Александровичемъ. Въ началѣ письма, Михаилъ Алексѣевичъ обращается къ одному Василію Ивановичу; но письмо пишется собственно для Николая Александровича; собственно ему Михаилъ Алексѣевичъ объясняетъ положеніе денежныхъ дѣлъ семейства и спрашиваетъ мнѣнія собственно у него; при этомъ предполагается, что Василій Ивановичъ и Николай Александровичъ, думаютъ обо всѣхъ семейныхъ дѣлахъ одинаково; такъ оно и дѣйствительно было.

3) То есть между профессорами нижегородской семинаріи.

4) Сообщаются извѣстія, что профессоры семинарій, женившіеся передъ тѣмъ временемъ, взяли за женами большія деньги.

ниться такъ, чтобы взять побольше денегъ. А у насъ, какъ Вы знаете, денегъ еще не очень много, а домъ-то не укусишь. Родные не прочь бы, еслибы Аннушку посваталъ какой-нибудь свѣтскій, а я во всякомъ случаѣ согласенъ буду съ Вами, хотя и желалъ бы выдать ее за священника. Катенька теперь, кажется, здорова, и можно бы и ее уже выдавать, да тоже нѣтъ еще жениховъ. — — Денегъ, какія у у меня теперь есть [1]), достаточно будетъ только на порядочное приданое [2]), а тутъ еще понадобится тысяча, по крайней мѣрѣ, наличными въ придачу жениху. Вѣдь и на приданое понадобится много денегъ, потому что у невѣстъ нашихъ нѣтъ ни хорошаго салопа, нѣтъ ни хорошаго бурнуса и т. д. Впрочемъ, что̀ Богъ дастъ. А впрочемъ я желалъ бы знать Ваше мнѣніе, сколько бы Вы согласны были назначить каждой изъ нихъ деньгами хотя изъ будущихъ еще доходовъ съ дома (можетъ быть, не согласится ли кто-нибудь вмѣсто наличныхъ получить вексель и получать по нему деньги по мѣрѣ полученія ихъ съ дома), да также за духовнаго лучше или свѣтскаго желали бы Вы сами выдать ихъ. Такія свѣдѣнія на случай мнѣ нужно.

Несчастіе съ Лизой случилось наканунѣ Крещенія въ 5 часовъ вечера. Она весь день жаловалась на головную боль и поэтому за обѣдомъ, который былъ въ 4 часа, ничего не ѣла и не пила, а сидѣла только облокотившись на руку. Послѣ обѣда сейчасъ же начали пить чай, и она вмѣсто двухъ, выпила только одну чашку. Потомъ я пошелъ служить всенощную, а она походила немного и легла на свою постель и тутъ, говорятъ, заснула. Въ это время Ниночка пошла укладывать Николеньку [3]), а кухарка, отпросившись, пошла въ баню; Катеньки же дома не было, а была она на Нижнемъ базарѣ. Чрезъ нѣсколько времени, Ниночка, укладывавшая Николю, слышитъ, что Лиза встала и идетъ изъ той половины, гдѣ она лежала, и, какъ говорятъ, спала, къ Ниночкѣ, а сама стонетъ,—вошедши въ прихожую, подходитъ къ печкѣ, которая на этотъ разъ еще топилась, и чрезъ минуту же, можетъ быть, начинаетъ кричать: «Мамаша, мамаша [4]), у меня вотъ что»; потомъ, махая загорѣвшимся отъ печки платьицемъ, бѣжитъ къ ней въ спальню. Ниночка бросила ребенка, начала срывать съ нея все, что̀ было на ней, обмазала ее постнымъ масломъ, обсыпала картофельной мукой, обложила ватой и положила въ постель, между тѣмъ послала и за мной и за Катенькой. Мнѣ сказали, только что кончилась у насъ литія; я увидѣлъ все и тотчасъ же поѣхалъ за лекаремъ. Когда она приняла микстуры и ее обмазали какою-то мазью, боль отъ обжога уже миновалась, по крайней мѣрѣ она не чувствовала ея. Ночью она вставала на постелѣ, говорила съ Катенькой о томъ, о другомъ, и хвалилась, что на утро она не будетъ уже хворать и лежать. И утромъ до 11 часовъ она чувствовала себя не дурно еще, но въ исходѣ 12 часа она вдругъ

---

1) Это были деньги, сберегаемыя отъ доходовъ съ дома, принадлежавшаго дѣтямъ Александра Ивановича; при отъѣздѣ въ Петербургъ, Василій Ивановичъ передалъ опеку Михаилу Алексѣевичу.

2) Приданое вещами.

3) Своего сына, маленькаго ребенка.

4) Мамашей Лиза называла Антонину Александровну.

начала слабѣть, все болѣе и болѣе, и въ половинѣ 1-го скончалась... Обжогъ былъ не такъ еще великъ, но, какъ объяснилъ лекарь (который, сказать мимоходомъ, и утромъ былъ еще два раза у ней) всего больше отъ испуга у ней сдѣлалось внутри воспаленіе, отъ котораго она и умерла. По этому случаю мнѣ сказывали множество примѣровъ подобнаго рода, которые всѣ оканчивались почти всегда смертію. Похоронили ее мы какъ слѣдуетъ. Даже купленъ былъ особый для нея покровъ. На погребеніе я приглашалъ и Павла Ивановича Лебедева [1]). Дѣла по дому теперь хорошо идутъ. — — Кланяйтесь отъ меня и отъ Ниночки Николаю Александровичу и Володѣ. Ванечка теперь здоровъ, только, кажется, лѣниво учится. Катенька также кланяется всѣмъ вамъ.

Ну, прощайте; я уже усталъ.

Вашъ покорный слуга и богомолецъ, священникъ

М. Костровъ.

(Приписка Антонины Александровны).

Милые мои братья и дядюшка! Давно я хотѣла писать вамъ, но не знала вашего адреса; вы сами, Богъ знаетъ отъ чего, не пишете мнѣ; что бы хоть Володѣ написать мнѣ, неужели онъ совсѣмъ забылъ меня. Мы теперь всѣ здоровы, Коля мой прыгаетъ, онъ сталъ такой милый ребенокъ и уже учится ходить. Только не стало бѣдной Лизы. Ея смерть, такая нечаянная, очень огорчаетъ меня; я такъ любила ее. Она выучилась читать почти сама и всегда съ радостью читала, когда только ее слушали, и такъ умно разговаривала, что всѣ ее слушали съ удовольствіемъ. Я была увѣрена, что она всегда будетъ жить со мной и считала ее вмѣсто дочери, — вдругъ такое несчастіе; ужасно вспомнить объ этомъ. Она такъ испугалась [2]), что ее било нѣсколько часовъ.

Прощайте. Больше уже негдѣ писать.

Катенька будетъ писать къ именинамъ брата.

А. К.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

1 мая 1860.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Много моихъ писемъ къ Вамъ остались безъ отвѣта. Я думалъ, что Вы перемѣнили квартиру и они къ Вамъ не доходятъ, поэтому обратился къ г. Драницыну, узнать Вашъ адресъ. Онъ сказалъ, что Вы живете все тамъ же; слѣдовательно, хотя одно письмо мое къ Вамъ дошло. И все-таки я думалъ, что вы не имѣете времени, и потому не пишете. Тогда какъ въ послѣднемъ письмѣ Вы говорили, что собираетесь писать къ намъ еще и больше, но что Вамъ

---

[1]) Протоіерея, бывшаго однимъ изъ опекуновъ дѣтей Александра Ивановича.
[2]) Отъ обжога.

теперь некогда. Но вчера Иванъ Александровичъ [1]) получилъ отъ Владиміра Александровича [2]) письмо, изъ котораго я вижу, что не недосугъ заставилъ Васъ промолчать на мои письма, а что-то другое; но что́ именно, я не знаю. Мнѣ не хочется увѣриться, что Вы съ презрѣніемъ получаете мои письма; но посудите сами, что только такая причина можетъ заставить пренебречь всѣ мои просьбы, потому что я ничего объ себѣ не могу думать дурнаго въ отношеніи Васъ. Одна причина можетъ быть этому, только та развѣ, что я будто бы писалъ къ Вамъ о своихъ дѣлахъ и, между прочимъ, извѣщалъ о смерти Елизаветы Александровны [3]). Но я никакъ не хотѣлъ бы думать, что эта причина перемѣнила Ваше обо мнѣ мнѣніе. Сдѣлалъ это я такъ потому, что смерть ея произошла такъ неожиданно, и я не хотѣлъ, чтобы Васъ много и вдругъ огорчить. Подумайте сами; что Ваша сестрица жила не у насъ, слѣдовательно, мы въ ея смерти, особенно я, нисколько не можемъ быть виноваты. Если бы Вы, получивши объ этомъ письмо мое, отвѣтили, тогда я, разумѣется, подробно бы описалъ. Но если же что-нибудь другое заставило Васъ сердиться на насъ, и на меня, то я бы просилъ Васъ сказать тому причину. Вы что-нибудь приняли не съ той стороны, какъ оно было или есть, и рѣшили меня [4]) въ число ничтожныхъ тварей. Повѣрьте, Николай Александровичъ, что это мое письмо очень обидно мнѣ самому, потому что, считая себя ни въ чемъ не виноватымъ, долженъ просить извиненія. Но я помню, что я Вамъ обязанъ и обязанъ необыкновеннымъ образомъ, потому извиняюсь передъ Вами, если Вы что-нибудь увидѣли во мнѣ не хорошее, и прошу Васъ въ послѣдній разъ: объяснитесь. Во всякомъ случаѣ отъ меня къ Вамъ не будетъ никакого другого чувства, какъ только истинная благодарность за Ваше ко мнѣ добро. Извините еще въ томъ, что если и это письмо Вы пренебрежете, какъ и всѣ прежнія, то я не буду больше писать Вамъ, развѣ что-нибудь необыкновенное случится.

Теперь позвольте Васъ поздравить съ наступающимъ днемъ Вашего ангела, съ чѣмъ поздравляютъ Васъ также и матушка и жена моя.

Василію Ивановичу мы всѣ свидѣтельствуемъ свое почтеніе, равно какъ и Владиміру Александровичу.

Остаюсь Вашимъ слугою

Мих. Благообразовъ.

P. S. Вѣроятно, Вы получили деньги пять руб. за бумагу, которую Василій Ивановичъ выслалъ ко мнѣ. Я послалъ 14 ноября прошедшаго года, въ чемъ у меня хранится и почтовая росписка.

М. Б.

---

1) Ваня.

2) Отъ Володи.

3) Лизы. Михаилъ Ивановичъ хочетъ сказать: не досадуете ли Вы на меня за то, что я, извѣщая Васъ о смерти Лизы, написалъ объ этомъ кратко, не сообщилъ подробностей.

4) То есть: и рѣшили поставить меня въ число и т. д.

ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(Письмо въ началѣ мая 1830).

Поздравляю тебя, добрый братъ мой Николенька, съ днемъ твоего ангела. Извини и прости меня, что я такъ рѣдко пишу къ тебѣ: это потому, что, я думаю, тебѣ не нужны мои письма; я очень часто вспоминаю то время, когда я была въ Симбирскѣ: тамъ я писала тебѣ съ большою охотою, потому что ты писалъ ко мнѣ очень часто и въ каждомъ письмѣ самъ писалъ, чтобы я писала чаще, а нынѣ я не смѣю писать, потому что ты въ два года не прислалъ ни строчки мнѣ, а между тѣмъ мнѣ бы очень хотѣлось получить хоть одну строчку. Но не сердись, милый братъ мой, что тебѣ выговариваетъ сестра твоя,—не почему-нибудь, но собственно по чувству родственнаго сердца. Жизнь я здѣсь провожу очень спокойно, ни въ чемъ не нуждаюсь, лишняго не имѣю, но необходимое все. Жаль, очень жаль милую Лизу; но что же дѣлать, на то была воля Всемогущаго; повѣрь, я не могу забыть ее и вспомнить безъ слезъ; но вѣрю, что ей тамъ хорошо, спокойно и весело; она счастливѣе всѣхъ. Болѣзнь моя (т. е. золотуха) совсѣмъ прошла — глаза не болятъ. Недавно я веселилась на сговорѣ и вечерахъ Сонички [1]), она вышла замужъ за хорошаго чиновника. Самъ по себѣ онъ не богатъ, но у него есть отецъ, служитъ въ больницѣ кѣмъ-то и получаетъ хорошее жалованье; живутъ очень чисто и хорошо. Анюта здорова, хочетъ сама писать къ тебѣ. Цѣлую Володеньку и очень желала бы видѣть его. Передайте мое почтеніе дядинькѣ. Прощай, незабвенный братъ.

Сестра твоя Екат. Добр.

Анночка и Михаилъ Алексѣевичъ кланяются тебѣ также и поздравляютъ съ наступающимъ ангеломъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ И. И. БОРДЮГОВУ.

(Май, 1860).

Миленькій! Завтра ѣду. Прощай. Дѣла пропасть. Свиньи таскали меня цѣлый мѣсяцъ, на силу выпустили. Спасибо за Лаврецова [2]). Какая свинья Погодинъ! Кто глупѣе—Катковъ или Т—?, не разберешь никакъ. Прощай, мой милѣйшій. Право, некогда. Изъ Кобленца или даже изъ Берлина напишу тебѣ.

~~Твой весь~~

Н. Добр.

Посылаю тебѣ и бороду: радуйся на нее.

[1]) Старшей дочери Варвары Васильевны.
[2]) Дружески принятаго И. И. Бордюговымъ въ Москвѣ.

ПЕРЕПИСКА

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

май 1860—ноябрь 1861.

Поѣздка за границу.—Возвращеніе въ Россію.—Послѣднее свиданіе съ сестрами.—Предсмертное развитіе болѣзни.

(Конецъ первой половины и вторая половина 25-таго года и послѣдній, 26-ой, годъ жизни Н. А. Добролюбова).

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Берлинъ, 1 іюня 1860 г.*).

Я не забылъ отправить къ Некрасову цензорскія корректуры слѣдующихъ статей: 1) Досуги Кузьмы Пруткова; 2) Волжскихъ татаръ, 3) какихъ-то стихотвореній [1]).—Можетъ, и еще что-нибудь окажется. Если до сихъ поръ Некрасовъ самъ или Ив. Мих. [2]) не вздумали ихъ сыскать у меня, то, пожалуйста, Василій Ивановичъ, отберите корректуры, одобренныя цензоромъ къ печати и подписанныя (не запрещенныя) и пошлите къ Некрасову; а ежели онъ уже уѣхалъ, то въ типографію; только чтобы онѣ не затерялись.

Вторая просьба: если кто будетъ брать книги, то велите записывать въ тетрадку, которую для этого и приготовьте.—Дальше еще вотъ что: узнайте отъ Л—скаго, когда увидите, или попросите его узнать отъ Погосскаго, куда поѣхалъ О— —въ именно, и въ какое время гдѣ онъ намѣревался быть. Мнѣ нужно съ нимъ видѣться, а адреса нѣтъ у меня.

---

1) Досугами Кузьмы Пруткова Николай Александровичъ называетъ, вѣроятно, по общему заглавію рукописи, статью „Еще новое произведеніе Кузьмы Пруткова: Череносдовъ“; эта „оперетта“ была напечатана въ № 5 „Свистка“, въ майской книжкѣ „Современника“ (вышедшей 20 или 21 мая (цензорская подпись на ея оборотѣ „19 мая“): цензорская корректура статьи была принесена Николаю Александровичу послѣ того, какъ цензоръ сличилъ съ нею отпечатанные листы.—Статья „Волжскіе татары“ помѣщена въ іюньской книжкѣ „Современника“, вышедшей ужь по отъѣздѣ Николая Александровича.

2) Иванъ Михайловичъ, кажется, былъ метрампажъ, завѣдывавшій печатаніемъ „Современника“ (въ типографіи Карла Ивановича Вульфа).

Увѣдомьте меня также (узнавши отъ Соковнина, такъ какъ Некрасовъ вѣроятно ужь уѣхалъ,—или отъ Лаврецова), что́ дѣлается съ предположеннымъ изданіемъ и напишите также, получены ли деньги отъ Потк. и Красовскаго и сколько.

Когда вы будете писать ко мнѣ, вѣроятно уже будетъ извѣстно, перейдетъ ли Володя. По крайней мѣрѣ Юрьевъ мнѣ такъ говорилъ. Потрудитесь узнать отъ него и сообщить мнѣ.

Какъ вы распорядитесь съ квартирой, тоже сообщите.

Если есть письмо отъ В. Д., то пришлите его мнѣ вмѣстѣ съ Вашимъ. Пишите мнѣ въ Берлинъ такимъ образомъ:

Preussen. Berlin. Herrn Peter Kasansky. In der Russischen Gesandschaft. Для передачи Добролюбову.

Письмо франкируйте, т. е. заплатите двойную, или какъ тамъ положена плата; это потому, что г. Казанскій въ такомъ случаѣ уже не будетъ платить за письмо и перешлетъ мнѣ его даромъ туда, гдѣ я буду. А гдѣ я буду, этого и Богъ не знаетъ. Если же не франкируете, то съ Казанскаго сдерутъ за Ваше письмо столько же, сколько съ Васъ теперь взяли за это письмо.

Когда увидите Пыпина (а можетъ и Некрасова), то скажите, что порученія ихъ исполнены. Книги Пыпину Ашеромъ уже посланы; письмо, данное Некрасовымъ, я отослалъ въ Мюнхенъ, въ Парижъ тоже писалъ. Л—скаго, когда увидите, то спросите, извѣстна ли ему книга Роберта Пруца: Die deutsche Literatur der Gegenwart, 1848 bis 1858, 2 т., и стоитъ ли сдѣлать изъ нея статью, какъ я намѣревался. Все это можете обдѣлать не торопясь: время терпитъ. Поклонитесь Ивану Максимовичу. Я хотѣлъ было ему тоже приписать кое-что о себѣ, да ужь вижу, что мѣста не хватаетъ. Такъ до другого раза.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

1 іюня. Берлинъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ М. И. ШЕМАНОВСКОМУ.

Лейпцигъ, 23/11 іюня.

Милѣйшій мой другъ Миша! Я къ тебѣ Богъ знаетъ сколько времени не писалъ, и ты опять могъ на меня разсердиться. Въ наказаніе за это посылаю тебѣ нефранкированное письмо, чтобы ты разоренъ былъ платою. Да еще вотъ что, чтобы покончить съ деньгами: ты видѣлъ, конечно, что статейка твоя о Ефремовѣ напечатана, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями [1]. Деньги за нее (15 рублей) ты желалъ пожертвовать въ Общество нуждающихся литераторовъ,—конечно, не съ тѣмъ, чтобъ тебѣ изъявили печатную благодарность. Я и разсудилъ, что общество богато, оно располагаетъ тысячами, такъ и безъ насъ обойдется, а тутъ составлялась подписка для Лаврецова, чтобы помочь ему открыть маленькую, ходя-

---

[1]) Она помѣщена въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ того года.

чую книжную торговлю. Я и вписалъ туда твои деньги: надѣюсь, что ты не будешь противъ этого. Теперь примусь *за дружбу*, т. е. за разсказъ о себѣ. Я за границей уже почти цѣлый мѣсяцъ все смотрю на нѣмцевъ. Отправили меня затѣмъ, что я въ прошломъ декабрѣ пріобрѣлъ сильный хроническій бронхитъ, который при моемъ образѣ жизни и петербургскомъ климатѣ грозилъ перейти въ чахотку. Зимой я былъ серьезно боленъ, такъ что съ мѣсяцъ не выходилъ никуда. Къ веснѣ сталъ поправляться, но плохо; меня и выпроводили за границу. Въ Дрезденѣ я совѣтовался съ докторомъ Вальтеромъ и тотъ меня послалъ въ Интерлакенъ, а потомъ въ Остенде или куда-нибудь купаться въ морѣ. Такимъ манеромъ я буду въ Петербургѣ не ранѣе конца сентября.

До сихъ поръ я какъ будто все въ родной Руси. Можешь себѣ представить, что вчера первый день еще выдался мнѣ такой, что я русскаго языка не слышалъ. А то куда ни оглянись—вездѣ русскіе. Въ Дрезденѣ—такъ это доходитъ до неприличія. Въ театрѣ я разъ сидѣлъ буквально окруженный русскими: впереди, позади и справа были пары и тройки, которыя несли ужаснѣйшую дичь, воображая, что никто ихъ не понимаетъ; слѣва сидѣлъ молчаливый господинъ, имѣвшій видъ нѣмца. Я обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ относительно актеровъ: онъ мнѣ отвѣтилъ, что самъ не знаетъ, что онъ первый разъ въ здѣшнемъ театрѣ; затѣмъ оказалось, что и этотъ—русскій. То же и на гуляньяхъ и концертахъ. Но всего забавнѣе было у Вальтера. Онъ принимаетъ отъ 3-хъ до 4-хъ. Я пришелъ ровно въ три; тамъ уже дожидалось человѣкъ пять, изъ которыхъ были трое русскіе; затѣмъ при мнѣ пришло еще семь человѣкъ, изъ которыхъ только двое были не русскіе. Входя, каждый воображалъ, что онъ одинъ тутъ русскій и обращался съ нѣмецкимъ вопросомъ. Но вдругъ кто-нибудь произносилъ русское слово; пришедшій начиналъ русскій разговоръ, и думая, что остальные иностранцы,—пускался въ замѣчанія относительно ихъ. Та же исторія повторялась и съ другимъ новопришедшимъ. Подъ конецъ оказалось, что комната набита была русскими. Чѣмъ все окончилось между соотечественниками, не знаю, потому что, дождавшись своей очереди, я устремился въ кабинетъ къ Вальтеру, и потомъ не заглянулъ уже въ пріемную комнату.

Ну однако же я о такомъ вздорѣ пишу, что это только и можно извинить *заграничностью* письма, которое конечно будетъ прочтено на почтѣ. Вотъ что: пиши мнѣ, если вздумаешь, въ Интерлакенъ poste restante. Я тамъ буду черезъ недѣлю и проживу цѣлый мѣсяцъ.

Не хочешь ли видѣть мою физіономію? Такъ посылаю тебѣ. Это еще петербургская; теперь у меня ужь настоящая борода, и — вообрази—сначала пошла совсѣмъ рыжая, а теперь темнѣть начинаетъ при дальнѣйшемъ ростѣ.

Твой

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

14 іюня, 1860 г.

Адресъ Обручева [1]) я получилъ давно, но не отвѣчалъ тебѣ потому, что дожидался Володинаго экзамена изъ французскаго. И сколько было заботы сдать экзаменъ хорошо, сколько раскаянія въ лѣности и обѣщаній учиться; обѣщанія дошли до того, что Володя предлагалъ мнѣ пари, что онъ во 2 классѣ будетъ изъ первыхъ, а въ 3-мъ первымъ.— —Петръ Садоковичъ [2]) беретъ Володю 16 іюня, а завтра у нихъ актъ. Чуть было не забылъ сказать, что Володя переведенъ.

Я все на прежней квартирѣ и останусь тутъ до 25 іюня. П. О. [3]) говорилъ мнѣ, когда я былъ у него, получивши твое письмо, что ты останешься за границей и на зиму, чему я крайне радъ во многихъ отношеніяхъ; но это меня поставляетъ въ затрудненіе въ отношеніи квартиры и прислуги. Если останешься—напиши, я устроюсь тогда поэкономнѣе. Какъ съ Володей быть? останется ли онъ со мной, или въ пансіонъ пойдетъ? П. О., разспрашивая меня обо всемъ, выразилъ мнѣніе, что покуда лучше ему дома быть; я бы думалъ тоже; въ наукѣ я ему помогу лишь понуканьемъ, въ развитіи же человѣческихъ отношеній, думаю, сдѣлаю пользу— —.

Должности я не получилъ еще никакой [4]). Деньги изъ А. возвращены были; я писалъ къ бывшей хозяйкѣ В. Д. съ приложеніемъ письма и къ ней. В. Д. откликнулась изъ Б., куда я и отослалъ ей 100 руб. съ твоимъ портретомъ 31 мая [5]).

Объ книгѣ Роберта Пруца П. О. сказалъ, что какъ хочешь: ты самъ лучше знаешь, и что сдѣлаешь, будетъ хорошо.

Некрасова я встрѣтилъ какъ-то на улицѣ, онъ просилъ прислать твой адресъ—и я послалъ. Объ томъ, что ты порученія его и Пыпина исполнилъ, я сказалъ. В. Д. просила прислать твой адресъ и вѣрно изъ Б. тебѣ напишетъ, а сюда болѣе своего письма не присылала— —.

Ты своимъ «Свисткомъ» [6]) кому-то такъ насолилъ, что, по выходѣ «Современника», около 25 мая, приходилъ кто-то и написалъ

---

[1]) Николая Николаевича Обручева, бывшаго тогда профессоромъ Военной Академіи и находившагося въ ученомъ путешествіи по Европѣ.

[2]) Юрьевъ-преподаватель, бравшій гимназистовъ на содержаніе. Володя нѣсколько времени жилъ у него раньше.

[3]) Эти буквы сохраняютъ прежнее значеніе.

[4]) Василій Ивановичъ работалъ въ Государственномъ банкѣ, ожидая вакансіи на маленькую должность, обѣщанную ему.

[5]) Та дѣвушка, имя и отчество которой замѣняется у насъ буквами В. Д., уѣхала изъ Петербурга въ городъ, названіе котораго мы замѣняемъ буквой А. Николай Александровичъ, передъ отъѣздомъ за границу, отослалъ ей туда 100 р. Но оказалось, что ея ужь нѣтъ въ этомъ городѣ, и мѣстный почтамтъ возвратилъ письмо съ деньгами въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько времени В. Д. прислала письмо изъ другого города, названіе котораго мы замѣняемъ буквой Б. Василій Ивановичъ, извѣщая объ этомъ племянника, увѣдомляетъ его, что переслалъ В. Д. въ Б. деньги, возвращенныя изъ А.

[6]) Помѣщенномъ въ майской книжкѣ „Современника“ 1860 г.

карандашемъ на двери: «безнравственный семинаристъ». Я цѣлый день не стиралъ, чтобы не подумали, что струсили.

Ты пожалуйста напиши, что́ ты, и гдѣ ты, что́ нужно и для того, чтобы сказать твой адресъ людямъ нуждающимся [1]). Писемъ получено только одно отъ Словутинскаго, на другой день твоего отъѣзда; онъ тебѣ кается, что прижался и проситъ денегъ на выѣздъ за границу— —.

Твой В. Добролюбовъ.

«Современникъ» выйдетъ 17 іюня.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ПЕТРУ НИКИТИЧУ КАЗАНСКОМУ [2]).

(Дрезденъ 25 іюня нашего стиля, 7 іюля новаго стиля 1860 г.).

7 іюля. Дрезденъ.

Въ Дрезденѣ повѣрилъ я справедливость вашихъ словъ о городѣ и жителяхъ. Въ Саксонской Швейцаріи виды точно превосходны; но въ городѣ все такъ узко, темно, грязно, что онъ годится гораздо болѣе для панорамы, нежели для живого глаза. А въ панорамѣ онъ точно долженъ быть великолѣпенъ, съ своими узкими, закопченными зданіями, мутной и узенькой Эльбой, разрѣзывающей его, и свѣжей зеленью, которая его опоясываетъ, составляя контрастъ съ копотью и грязью стѣнъ. Все это на картинѣ должно имѣть очень внушающій видъ, потому что останутся одни очертанія, а натуральная грязь изчезнетъ.

Впрочемъ, Богъ съ нимъ—съ Дрезденомъ; послѣ завтра я ѣду отсюда въ Прагу, пробуду тамъ дня 3—4 и затѣмъ опять возвращусь сюда и еще останусь здѣсь день или два. Поэтому, если Вы въ теченіи недѣли (до 12 числа) получите какое-нибудь письмо ко мнѣ, то пришлите его сюда, въ отель Stadt Petersburg, противъ Frauenkirche. По всей вѣроятности, я отсюда поѣду не ранѣе 14 или даже 15 числа.

Условились ли вы окончательно съ Вагнеромъ [3]) и будетъ ли онъ публиковаться, какъ обѣщалъ? Онъ, кажется, сказалъ, что сдѣлаетъ это на свой счетъ, стало быть съ нашей стороны тутъ ничего не нужно. Онъ мнѣ говорилъ еще, что на нынѣшній годъ съ половины года онъ могъ бы брать подписку [4]). Обыкновенно это въ «Современникѣ» не дѣлается; но если кто-нибудь у него потребуетъ, то можно сдѣлать и это на первый разъ, въ видѣ исключенія, для заохоченія подписчиковъ. Впрочемъ едва ли кто этого пожелаетъ, по-

---

1) То-есть, имѣющимъ надобность знать его.

2) При отъѣздѣ Николая Александровича изъ Берлина, П. Н. Казанскій, остававшійся тамъ, принялъ на себя исполненіе его порученій.

3) Берлинскимъ книгопродавцемъ, о томъ, чтобъ онъ открылъ у себя подписку на „Современникъ“.

4) То-есть: могъ бы брать подписку лишь на второе полугодіе журнала.

тому что іюльская книжка (выходящая въ половинѣ іюля) никакъ здѣсь [1]) не будетъ раньше конца августа [2]). А въ это время уже всѣ ѣдутъ назадъ въ Россію.

Если до 12-го не получите письма на мое имя, то подождите моего другого письма, которое я Вамъ буду писать вѣроятно изъ Кобленца или изъ Майнца.

Вашъ преданный

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Отъ 30 іюня нашего стиля, 12 іюля новаго стиля 1860 г.*).

12/30.

На дняхъ я сдѣлалъ огромную глупость: послалъ письмо къ В. Д. [3]), но надписалъ его только: Russie, St. Pétersbourg, а Б. [4])-то позабылъ приписать, хоть адресъ дома и надписалъ. Сдѣлайте божескую милость, справьтесь на почтѣ, возьмите это письмо и пошлите его въ Б. Оно не франкировано, и потому вѣрно его не бросятъ, а будутъ возиться съ нимъ.

Квартиру Вы вѣрно ужь наняли и потому нечего Вамъ и писать о ней. За Володю заплачено 50 р. Остальное доплатите. Я пріѣду, можетъ быть, поздно. До 20 іюля [5]) пишите мнѣ сюда въ Интерлакенъ, а потомъ хоть въ Парижъ, или poste restante, или въ hôtel Sainte Marie, Rue Rivoli. Я буду тамъ въ половинѣ августа (по новому стилю), чтобы получить деньги отъ банкира.

Относительно зимы могу рѣшить только черезъ мѣсяцъ. Во всякомъ случаѣ устройтесь, какъ можно экономнѣе. Егора [6]) едва ли можно будетъ отослать [7]), если Володя останется жить съ Вами. Да еще, если я пріѣду, то и Ваню надо бы взять.

Нельзя ли мнѣ прислать сюда «Современникъ», (іюнь), да оглавленіе іюньскихъ и майскихъ журналовъ (хоть изъ «С. П. Б. Вѣдомостей» вырѣзать), а потомъ и іюльскихъ, чтобы мнѣ знать, о чемъ пишутъ теперь тамъ, на случай, если самъ вздумаю здѣсь статейку написать, такъ чтобы не сойтись съ другими.

Напишите мнѣ, гдѣ Некрасовъ и когда будетъ въ Петербургѣ.

Въ Нижній-Новгородъ написали бы самое короткое, — что я умираю и за границу за саваномъ поѣхалъ,—вотъ они и отстали бы.

Адреса моего сказывать некому и незачѣмъ, кому нужно, такъ тѣ сами знаютъ, а если пріятели вздумаютъ чувства изливать, такъ для этого не стоитъ тратиться на плату за письма.

---

1) Подъ словомъ „здѣсь“ должно понимать не Дрезденъ, а вообще Германію.
2) По новому стилю.
3) Эти буквы сохраняютъ прежнее значеніе.
4) Этой буквой замѣнено названіе города, въ которомъ жила В. Д.
5) Нашего стиля.
6) Слугу.
7) Отпустить со службы.

Получили ли Вы отъ А. С. Галахова 20 руб. сер., которые онъ мнѣ долженъ и обязался отдать Вамъ?

Напечатана ли статья Антоновича «О зловредности раскола»? Если да, то напомните Ипполиту Александровичу [1]) что нужно деньги отдать ему, да еще и за прежнее, онъ знаетъ сколько. Если онъ самъ не являлся, то его можно отыскать: Гороховая улица, у Семеновскаго моста, д. Михайлова, кв., № 56. Это отъ Ипполита Александровича недалеко. Если же статью его не печатали, то скажите, чтобы попробовали теперь. Она недурна, и цензура, вѣроятно, послѣ смерти Григорія стала сговорчивѣе. Попросите Захарьина, не найдетъ ли онъ русскаго либретто Трубадура, т. е. въ стихахъ и съ нотами, того самаго, по которому исполняютъ эту оперу въ русскомъ оперномъ театрѣ, — словомъ, русской партитуры, что ли. Если можетъ достать, то пусть вышлетъ мнѣ сюда, а деньги заплатите Вы. Но это только въ такомъ случаѣ, если цѣна не превышаетъ 5 цѣлковыхъ, а если дороже, то и не надо вовсе.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. Н. КАЗАНСКОМУ.

(*Отъ 4 іюля нашего стиля, 16 іюля нов. ст. 1860 г.*).

16 іюля.

Пишу къ Вамъ, добрѣйшій Петръ Никитичъ, во-первыхъ, чтобы поблагодарить Васъ за Ваши хлопоты для меня, во-вторыхъ, чтобы спросить, нѣтъ ли у Васъ еще писемъ на мое имя,—такъ пошлите ихъ въ Интерлакенъ, Schweizerhof, гдѣ я пробуду до 10-го августа [2]) (письма приходятъ [3]) черезъ 3 дня), въ-третьихъ, чтобъ объясниться на счетъ газетъ. Вы ужъ ихъ не посылайте ни ко мнѣ, ни куда; въ нихъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего о Прагѣ, и нумеръ сказанъ мнѣ былъ невѣрно. Извѣстіе о пражскомъ волненіи было напечатано около 1-го іюня, вотъ все, что я знаю. Теперь, впрочемъ, эта исторія потеряла, я думаю, свой интересъ, даже и для пражскихъ моихъ знакомыхъ. Поэтому не хлопочите изъ-за нея. Еще къ Вамъ просьбы. Не найдете ли въ Берлинѣ брошюрку Прево-Парадоля: Les anciens partis. Она запрещена въ Парижѣ, разошлась въ Бельгіи до послѣдняго экземпляра и я не могъ нигдѣ найти ее, а нужно бы. Стоитъ она, должно быть, грошей 10.

Если Вы заглядываете въ газеты, то не видали ли въ австрійскихъ отчета о слѣдствіи по дѣлу Брука-Эйнаттена? Здѣсь только аугсбургскія газеты есть, и въ нихъ я недавно видѣлъ, что дѣло это еще не кончено, но близится къ концу. Да нѣтъ ли на этотъ счетъ

---

[1]) Панаеву, завѣдывавшему конторой „Современника".
[2]) Новаго стиля.
[3]) Изъ Берлина въ Интерлакенъ.

какой-нибудь брошюрки уже? Дѣло Эйнаттена на нашего крымскаго Затлера похоже, такъ описать бы не безполезно.

Состоянiе моего здоровья, можетъ быть, заставитъ меня прозимовать внѣ любезнаго отечества; тогда мнѣ нужно будетъ кое-чѣмъ заняться, и такъ какъ я поселюсь, по всей вѣроятности, въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ-нибудь въ Швейцарiи или Италiи, то нѣмецкiя книжки могу доставать только черезъ Ваше посредство. Напишите мнѣ пожалуйста, не обременятъ ли Васъ подобныя порученiя, и во всякомъ случаѣ, не лучше ли имѣть сношенiя прямо съ книгопродавцами, хоть съ Вагнеромъ напримѣръ, и какъ это сдѣлать? Главное, я не знаю, какъ устроиться съ деньгами. Здѣсь я не знаю, чего стоитъ нужная мнѣ книга и что́ заплатить за пересылку. Не дѣлается ли это какъ-нибудь черезъ почту, т. е. чтобы я могъ заплатить деньги на почтѣ здѣсь при полученiи книгъ, а почтовыя вѣдомства уже сочлись бы между собою и съ книгопродавцемъ?

Если окажется удобнымъ спабженiе меня книгами, то пришлите мнѣ сюда, пожалуйста, за нынѣшнiй годъ Allgemeine Bibliographie, или Central-Anzeiger für Literatur, или Literarisches Centralblatt. Послѣднiй впрочемъ дорогъ, кажется, а первые два, кажется, грошей 20 въ годъ. Выберите изъ нихъ сами, который лучше или въ которомъ (если есть такой) цѣны книгъ выставляются. Если Literarisches Centralblatt не очень дорогъ, то, я думаю, всего лучше бы его взять: тамъ излагается даже содержанiе вновь выходящихъ журналовъ.

Извините, пожалуйста, что такъ Васъ безпокою, но при всемъ этомъ прошу, отвѣчайте поскорѣе: у Васъ должно быть одно письмо изъ Россiи, которое меня очень интересуетъ.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛIЯ ИВАНОВИЧА.

9 iюля 1860 г.

Съ квартирой не мало я намаялся. Ходили, ходили мы съ Егоромъ: по близости нѣтъ квартиръ, а которыя и были, то цѣны страшныя и грязь. Я было дошелъ до такого унынiя, что хотѣлъ твои книги отдать Некрасову, а мебель въ общество и нанять комнату, на томъ основанiи, что безъ тебя мнѣ расходовать въ годъ твоихъ до 1000 рублей безсовѣстно. Такъ было и порѣшилъ. Некрасовъ согласился взять книги; отправился въ общество громоздкостей, но тамъ меня сбили съ толку, и планъ мой рушился: сначала объявили, что у нихъ мѣста нѣтъ, а потомъ рѣшались взять, но съ платою не менѣе 10 р. въ мѣсяцъ только за мебель. Прихожу домой, — Василiй [1]) пришелъ сказать отъ Некрасова, что по его соображенiю книгъ дѣвать некуда, притомъ же они думаютъ мѣ-

---

1) Слуга Некрасова.

нять квартиру. По совѣту Ивана Максимовича я снова принялся искать квартиру и нашелъ на Литейной, въ домѣ Юргенсона, черезъ домъ отъ Некрасова, въ третьемъ этажѣ, 5 оконъ на улицу, и парадная лѣстница съ Баскова переулка, 4 комнаты за 35 р. въ мѣсяцъ по контракту на 2 года. Можетъ, это и не такъ бы надо сдѣлать, да я такъ намучился, что радъ былъ и этой квартирѣ. — — У В. Д. сгорѣло, дескать, все имущество. П. О. послалъ ей по ея письму 60 рублей. Письма твоего къ ней на почтѣ не розыскали. — —

Некрасовъ теперь въ деревнѣ и Василій говоритъ, что воротится къ августу. Галаховъ— — обѣщался заплатить 20 іюля.

О выдачѣ денегъ Антоновичу я написалъ Ипполиту Александровичу Панаеву. Статья напечатана. Захарьину написалъ; отвѣта онъ не далъ еще, потому что письмо его не застало дома. Завтра справлюсь, что онъ.

Ко мнѣ теперь не присылаютъ ни одной газеты. Егоръ нынѣ видѣлъ Звонарева [1]); тотъ ему сказалъ, что они не знаютъ, куда дѣваться съ газетами по случаю твоего отъѣзда, а на вопросъ, зачѣмъ они не высылаются въ нашу квартиру, отвѣчалъ, что они это сдѣлали, потому что ты ничего не сказалъ, значитъ, газеты валяются [2]) безъ всякаго толка; а мнѣ было бы пріятно другой разъ посмотрѣть на нихъ.

Сколько слѣдуетъ заплатить Павлу Садоковичу за Володю?—т. е. почемъ въ мѣсяцъ?—или по старому по 30 р.?

Ужъ теперь наши счеты съ тобой и не сообразишь: и я тебѣ долженъ, и ты мнѣ долженъ; но во всякомъ случаѣ мнѣ деньги будутъ нужны, если не 500 р., то 300 р. Если приспичитъ крайность, то я отправлюсь къ Ипполиту Александровичу попросить по твоей запискѣ, сколько мнѣ понадобится, и это собственно для себя. Если же ты предвидишь, что я встрѣчу затрудненіе, то пожалуйста немедленно снова ему напиши и Некрасову. Видишь ли, какая штука: мнѣ пришлось купить акціи лѣсной торговли перваго взноса за 50 р. вмѣсто 250 р.; своими акціями я доплатилъ за нихъ 2 ой взносъ, но необходимо сдѣлать еще 3-й взносъ по 25 руб. Нынѣ мнѣ Аничковъ [3]) далъ записочку, узнавши, что я пишу къ тебѣ, что его женѣ нужно черное платье пу-де-суа безъ волановъ. Матеріи побольше, чтобы достало на два лифа, а онъ напишетъ тебѣ въ Парижъ.

Когда ты рѣшишься не пріѣзжать на зиму, я постараюсь подыскать приличнаго жильца. Денегъ я издержалъ очень немного; но были свои необходимые расходы изъ оставленныхъ тобою денегъ. Черезъ мѣсяцъ, когда я приведу все въ порядокъ, я тебѣ скажу, куда и сколько дѣвалъ. А что ты: пожирнѣе ли сталъ? Объ Ванѣ я прежде тужилъ и теперь тужу: боюсь, чтобы лучшее время не пропало по пусту. Вотъ кабы ты устроилъ, чтобы я его выписалъ, а А. Я. Панаева продержала его у себя до твоего пріѣзда.

---

[1]) Приказчика, служившаго при конторѣ „Современника“.

[2]) Въ конторѣ.

[3]) Викторъ Михайловичъ, профессоръ Военной Академіи, занявшій важную должность въ военномъ управленіи, одинъ изъ довольно близкихъ знакомыхъ Николая Александровича.

Журналъ нынѣ же отправленъ къ тебѣ Звонаревымъ. Кажется, все написалъ, что́ хотѣлъ. Прощай

Твой

В. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 10 іюня 1860*).

Вчерашній день я отправилъ къ тебѣ письмо въ Берлинъ на имя Казанскаго и вчерашній же день узналъ отъ Ивана Максимовича о новомъ твоемъ адресѣ [1]).

Володю перевели во 2-й классъ.— — Сейчасъ его взялъ съ собою Павелъ Садокычъ. Оставшись одинъ, завтра я ссылаю кухарку, а Егоръ остается впредь до полученія отвѣта на письмо мое въ Берлинъ. Квартиру еще никто не нанялъ и поэтому я сижу на старомъ мѣстѣ; впрочемъ на дняхъ надо будетъ хлопотать и объ квартирѣ.

Даниловича [2]) я не засталъ, а въ канцеляріи 2-го кадетскаго корпуса мнѣ сказали, что нужно тебѣ, въ случаѣ замедленія *) прислать рапортъ о болѣзни съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства, всего лучше засвидѣтельствованнаго въ нашемъ консульствѣ, ну а гдѣ его не будетъ [3]), отъ мѣстнаго полицейскаго начальства. И этого, дескать, будетъ довольно. Обо всемъ этомъ ты можешь узнать еще обстоятельнѣе въ нашихъ посольствахъ, которымъ, вѣроятно, частенько приходится выдавать отъ своихъ медиковъ свидѣтельства о болѣзни и свидѣтельствовать ихъ.

По прежнему адресу тебѣ отправлены письма В. Д., которая откликнулась мнѣ на мое письмо изъ Б., Соковнинымъ, Некрасовымъ и мною. Ты ихъ потребуй отъ Казанскаго.

Твой В. Добролюбовъ.

Егоръ живетъ хорошо. И все хорошо.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Интерлакенъ, 15 іюля стараго стиля 1860*).

15/27 іюля.

Я на зиму не пріѣду, развѣ начальство потребуетъ. Поэтому дѣйствительно хорошо бы жильца пріискать въ квартиру-то или даже

---

[1]) Въ Интерлакенъ.

[2]) Г. Г. Даниловичъ былъ тогда инспекторомъ 2-го кадетскаго корпуса; Николай Александровичъ числился состоящимъ на службѣ при этомъ корпусѣ, и получилъ изъ него отпускъ для отъѣзда за границу; надобно было продлить срокъ отпуска; объ этомъ должно было просить Г. Г. Даниловича.

*) Больно бы было хорошо, какъ бы ты и на зиму-то сюда не пріѣзжалъ. *Прим. Василія Ивановича.*

[3]) Подразумѣвается: тамъ должно взять свидѣтельство отъ, и проч.

совсѣмъ передать ее. Впрочемъ, если довольны Вы квартирой, то устройте такъ, чтобъ оставить ее за собой; а если нѣтъ, то передайте совсѣмъ, это отъ Васъ зависитъ. Пріискать жильца лучше, я думаю, потому, что тогда съ мебелью возиться не нужно, да еще можно и взять за нее что-нибудь. На годъ съ 1-го августа можете отдавать смѣло: если я и пріѣду въ началѣ лѣта, то жить въ Петербургѣ лѣтомъ все-таки не буду.

Счеты наши съ Вами не тревожатъ меня нисколько: мы-то другъ друга не надуемъ и не поживимся на чужой счетъ, я это знаю и Вы знаете, стало быть и толковать нечего. Ипполиту Александровичу я говорилъ при отъѣздѣ о деньгахъ: онъ отказать не можетъ, развѣ подъ предлогомъ безденежья. Но Вы пристаньте хорошенько, такъ достанетъ денегъ. Писать къ нему отсюда не стóитъ, но я просилъ П. О., чтобы напомнилъ ему о моихъ желаніяхъ.

О Володѣ я второпяхъ и не условился съ Юрьевымъ: ежели признаете нужнымъ, то поговорите сами, а я думаю, что придется заплатить по прошлогоднему.

Нельзя ли устроить, чтобы Ваню выписать къ Вамъ хоть до Рождества, а потомъ отдать бы хоть тому же Юрьеву, для приготовленія въ гимназію? Или не подыщете ли Вы небольшаго пансіона и не очень дорогаго, гдѣ бы его взяли? Хотѣлось бы мнѣ его какъ нибудь притащить въ Петербургъ. Только это дѣло надо или въ августѣ сдѣлать, чтобы не прямо тащить его къ петербургской осени; или уже до весны оставить. Впрочемъ недѣли черезъ двѣ, три я вѣроятно увижусь съ Авдотьей Яковлевной въ Парижѣ и, переговоривши съ ней, еще Вамъ напишу. А Вы пока сообщите мнѣ, что̀ на этотъ счетъ думаете, да поговорите и съ Павломъ Садокычемъ.

Держать ли Володю дома или отдать въ гимназическій пансіонъ, объ этомъ я опять ничего не могу отсюда сказать. Какъ найдете удобнѣе для себя, для него и для хозяйства, такъ и сдѣлайте. Пожалуйста не бранитесь, что я на Васъ все навьючиваю; за то обѣщаю Вамъ, что что̀ бы Вы ни сдѣлали, я не буду въ претензіи, развѣ въ маленькой, въ такой, напримѣръ, какъ за то, что Вы мнѣ сообщили содержаніе послѣднихъ нумеровъ «Журнала для воспитанія» а не сообщили «Русскаго Вѣстника», что̀ мнѣ всего нужнѣе (съ 10-го нумера) [1]).

Газеты вѣроятно, будутъ посылаться Л—скому, когда онъ переѣдетъ съ дачи: онѣ ему нужны будутъ. А «СПБ. Вѣдомости» перестали присылать съ 1 іюля, потому что я только на полгода подписывался. Если хотите, такъ велите просто доставлять Вамъ «Московскія Вѣдомости», «Одесскій Вѣстникъ» и что тамъ еще, подъ предлогомъ, что Вамъ нужно сообщать мнѣ какія-нибудь извѣстія. Я уѣзжая нарочно велѣлъ перемѣнить всѣ адресы, затѣмъ чтобы кто-нибудь въ редакціи могъ получать газеты и слѣдить за ними. А они вонъ что надѣлали. Аничкову скажите, что порученіе Марьи Алек-

---

[1]) То есть, съ 2-й майской книжки („Русскій Вѣстникъ“ выходилъ по два раза въ мѣсяцъ). Когда Николай Александровичъ уѣхалъ изъ Петербурга, 2-й майской книжки еще не было получено тамъ.

сандровны [1]) раньше будущаго лѣта я не могу исполнить; хотя я и радъ бы для нея животъ свой положить и проч., но думаю, что ей самой будетъ непріятно уморить меня для своего платья. Такъ скажите.

Отвѣчайте мнѣ еще въ Интерлакенъ: письма ходятъ, какъ оказывается, пять дней, а не семь, какъ я думалъ. Ваше письмо я получилъ 26 (т. е. 14). На дняхъ посылаю просьбу въ корпусъ: черезъ недѣльку справьтесь, пожалуйста, у Даниловича. «Современникъ» ужь и іюльскій, я думаю, вышелъ. Послали бы мнѣ его въ Интерлакенъ.

P.S. Ивану Максимовичу сообщите о моей заботливости о своемъ здоровьи: авось, умилостивится и отвѣтитъ мнѣ на глупое письмо, посланное къ нему недѣли двѣ назадъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 24 іюля 1860).

Письмо твое получилъ я 23 іюля, посылаю тебѣ отвѣтъ 24; едва ли онъ застанетъ тебя въ Интерлакенѣ. Адресъ квартиры моей: на Литейной, домъ № 34, Юргенса, квартира № 6. Послѣ недавней маи [2]) съ квартирой я теперь въ такомъ настроеніи, что оставлю ее за собой и буду хлопотать объ жильцѣ, а тамъ что будетъ. Володѣ я послалъ записку; спрашиваю его, какъ онъ хочетъ: желаетъ ли жить со мной или въ гимназіи; объ Ванѣ я бы желалъ скораго увѣдомленія, чтобы можно было его привезти [3]) съ П. Ф. Лебедевымъ. Я думаю, что отдавать его въ пансіонъ не стоитъ, а нанять для него учителя. Митрофанъ [4]) вѣрно возьмется за 10 рублей въ мѣсяцъ учить и подготовить въ гимназію. Ив М. послалъ тебѣ отвѣтъ около 10 іюля.

Я не виноватъ, что ты не получилъ изъ Берлина писемъ Некрасова, В. Д. и Соковнина: всѣ они взяли твои адресы и обѣщались писать. Я же наивенъ настолько, что всему и доселѣ вѣрю.

— — У меня теперь только и утѣхи-то осталось, что ты даешь мнѣ во всемъ свободу; я же до такой степени привыкъ къ дармоѣдству, что даже ужь пересталъ обижаться на себя, такъ что если бы ты лишилъ меня всего, я бы сталъ вездѣ плакаться, какъ угнетенная невинность. Вотъ до какой пакости дошелъ. Вотъ съ чего люди начинаютъ привыкать къ дармоѣдству, къ нищенству, къ воровству и ко всѣмъ подлостямъ, и дѣлаютъ все это равнодушно, тогда какъ эти же самые люди могли бы и другое положеніе занимать. Вотъ какъ нужда-то ломаетъ; и въ ней-то причина всѣхъ несчастій. Ко-

---

[1]) Аничковой, жены Виктора Михайловича.

[2]) Слово того же корня, какъ глаголъ: „маяться“—послѣ хлопотъ, послѣ того какъ я маялся.

[3]) Прислать.

[4]) Митрофанъ Ефимовичъ Лебедевъ, братъ покойной жены Василія Ивановича. Онъ жилъ тогда ужь не на Сестрорѣцкомъ заводѣ, а въ Петербургѣ.

нечно, ломаются, портятся только дюжинныя личности; да вѣдь ихъ много. Ипполиту Александровичу я написалъ объ газетахъ все, что́ тебѣ писалъ; онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ радъ, чтобы только избавиться отъ газетъ и что онъ сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи газетъ на твою квартиру. Былъ нынѣ у П. О.; онъ говоритъ, что ему не нужны «Московскія Вѣдомости». Аничкову я ничего не скажу, а когда будетъ охота, самъ напиши.

«Современникъ» пойдетъ къ тебѣ въ понедѣльникъ, 25 іюля. Оглавленія журналамъ посылаю при этомъ письмѣ.

П. О. сказывалъ мнѣ, что вашему цензору сдѣлали выговоръ въ бумагѣ, въ которой напередъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставлено дурное направленіе «Современника» за «Наканунѣ» [1]) и еще какія-то твои статьи (но не за «Свистокъ»)— — романъ Авдотьи Яковлевны, всего статей за восемь.

«Русскій Вѣстникъ» во мнѣніи публики падаетъ. Некрасовъ пріѣхалъ 22-го и, кажется, опять куда-то ѣдетъ. Письмо твое онъ получилъ [2]), сказалъ П. О.

Мебель и прочее наше имущество я застраховываю въ 2,000; сто́итъ на годъ не болѣе 12 р., но за то спокойнѣе.

Галаховъ деньги отдалъ. Въ корпусѣ справлюсь.—Какъ же въ самомъ дѣлѣ я буду на твоей шеѣ сидѣть?—ты хоть бы меня къ О—ву адресовалъ, или написалъ къ Некрасову [3]). Вѣдь стыдъ-то еще не совсѣмъ пропалъ. Шутка, какъ я тебя втяну въ тысячу въ годъ.

Съ Егоромъ мы живемъ ладно: полибиральничаемъ — и довольны судьбой.

П. О. говорилъ, что ты спрашиваешь его совѣта объ книгахъ: самъ, дескать, знаетъ, что хорошо.

«Обозрѣніе» Словутинскаго все зачеркнулъ цензоръ; объ чемъ онъ писалъ, П. О. не читалъ.

Твой В. Добролюбовъ.

24 іюля 1860 г.

Адресъ Д—скаго (съ нимъ Пыпинъ живетъ): во 2-й линіи Васильевскаго Острова, домъ № 15, Громова, кв. № 7.

Захарьинъ не нашелъ либретто «Трубадура».

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ И МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

(*Интерлакенъ, 29 іюля стар. стиля, 1860* [4]).

Вотъ гдѣ пришлось мнѣ писать къ вамъ, мои милые, родные мои! Интерлакенъ—это деревенька, куда меня отослали лечиться сыво-

---

[1]) Статья Николая Александровича, написанная по поводу романа „Наканунѣ“, была помѣщена въ мартовской книжкѣ „Современника“ того года.

[2]) То-есть: онъ получилъ, какъ сказалъ мнѣ П. О.

[3]) Чтобъ они похлопотали о должности для него.

[4]) Для письма взятъ былъ листъ съ картинкой, изображающей видъ Интерлакена.

роткой и альпійскимъ воздухомъ, а главное—отдыхомъ отъ дѣла. И точно, въ два мѣсяца, которые я прожилъ за границей, я уже получилъ нѣкоторое облегченіе, особенно въ послѣдній мѣсяцъ, проведенный мною въ Интерлакенѣ. Я знаю, что всѣ родные сердятся на меня за то, что я совсѣмъ пересталъ писать къ нимъ; даже и вы сердитесь, Михаилъ Алексѣевичъ и ты, моя Ниночка! Да вѣдь право—и нечего, и некогда писать было. Если бы я еще съ самаго отъѣзда въ Петербургъ постоянно васъ увѣдомлялъ обо всемъ, чтó со мной дѣлается, такъ бы такъ. А то нѣсколько времени пропустилъ, потому что много хлопотъ было съ отысканіемъ занятія и первымъ устройствомъ, а тамъ ужь и нужно было длинную исторію разсказывать о моемъ житьѣ-бытьѣ. А между тѣмъ, чтó разсказывать-то? Живу себѣ не богато, но и не бѣдно, не безъ труда, но и безъ особенныхъ обремененій. Только здоровье поразстроилось работою, да еще и прежде, жизнью въ Педагогическомъ Институтѣ. Ну, теперь и это, вѣроятно, поправится: доктора увѣряютъ, что чахотки у меня еще нѣтъ, только не велятъ въ Петербургъ ѣхать на зиму, а провести ее въ Италіи или на югѣ Франціи. Прошу отпуска на годъ и думаю, что дадутъ безпрепятственно. Отсюда черезъ нѣсколько дней ѣду въ Діеппъ, къ морскимъ купальнямъ, а оттуда опять въ Швейцарію, въ Веве́, я думаю, на виноградное лѣченье. Въ Діеппѣ пробуду я числа до 5-го сентября; такъ если вы хотите мнѣ написать что-нибудь, разсчитайте время прихода писемъ. Я пишу это письмо 28-го по русскому стилю; думаю, что оно придетъ къ вамъ числа 10 августа. Въ Діеппъ столько же времени пойдетъ; значитъ, если вы напишите раньше 20 авг., то я получу письмо въ Діеппѣ. Денегъ за пересылку не платите: лучше дойдетъ, а я заплачу при полученіи письма. Адресъ: M-r Dobroluboff, France, Dieppe, poste restante. Если же будете писать послѣ 20 августа, то пишите: Suisse, Canton de Vaud à Vevey, poste restante. Въ Веве́ я проживу, вѣроятно, недѣли двѣ.

Поклонитесь всѣмъ роднымъ нашимъ и увѣрьте, что я ихъ не забылъ. Постараюсь скоро написать и имъ. Вамъ теперь пишу въ надеждѣ, что вы скорѣе отвѣтите; да вѣроятно и отправка заграничнаго письма безъ Васъ, Михаилъ Алексѣевичъ, не обойдется, если и изъ нихъ кто-нибудь вздумаетъ писать ко мнѣ. Ва́шъ братъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

29 іюля 1860.

Милая тетенька Фавста Васильевна и милый мой братъ Михаилъ Ивановичъ! Надѣюсь, что Вы перестанете на меня сердиться, узнавши, въ какомъ положеніи былъ я весь послѣдній годъ. Всякаго рода хлопоты и работы до того меня уходили, что я былъ самъ не свой цѣлую осень и зиму. Грудь болѣла, кашель душилъ меня полгода такъ, что только стонъ стоялъ въ комнатѣ; я постоянно былъ раз-

строенъ и боленъ. Письмо твое, милый мой Михаилъ Ивановичъ, съ извѣстіемъ о смерти Лизы получилъ я въ самую скверную минуту: оно подлило большую горькую каплю къ моему прежнему горю. Я смялъ и бросилъ письмо, не дочитавъ его, и вотъ почему не могъ на него отвѣчать и исполнить порученій, которыя тамъ были, какъ ты писалъ послѣ. Черезъ нѣсколько времени я хотѣлъ отыскать письмо, но оно завалилось куда-то. А я въ своей болѣзни дошелъ до того, что на свѣтъ мнѣ смотрѣть не хотѣлось. Доктора ничего не могли мнѣ лучше сдѣлать, какъ посовѣтовать путешествіе и лѣченіе за границей. Первый мѣсяцъ я былъ все такъ же плохъ, какъ и дома, но по крайней мѣрѣ развлекся видомъ разныхъ мѣстъ и людей. А второй мѣсяцъ, который проведенъ мною въ Швейцаріи, принесъ положительную пользу моему здоровью. Кто меня здѣсь видѣлъ, тотъ говоритъ, что я послѣ петербургскаго уже значительно поправился. Я и самъ это замѣчаю, потому что теперь спокойнѣе и веселѣе смотрю на все. Теперь я очень сожалѣю, что былъ прежде такъ раздражителенъ, и прошу тебя, милый братъ, и Васъ, добрая, милая тетенька, простить меня во вниманіе къ моей болѣзни. Я думаю, вы сами знаете, какъ больному человѣку все дурно кажется и какъ все его тревожитъ; подумайте, какъ все терзало меня, когда моя болѣзнь длилась больше полгода и я чувствовалъ, что еще немножко—и у меня откроется чахотка. Я впрочемъ просилъ Василія Ивановича, который теперь остался съ Володей въ нашей квартирѣ, написать Вамъ, что Вы можете къ нему обращаться, какъ ко мнѣ, и онъ исполнитъ всѣ ваши порученія. Вѣроятно, онъ уже писалъ вамъ объ этомъ. Отъ Василія Ивановича Вы, я думаю, знаете, что Володя переведенъ во второй классъ гимназіи. Надо бы позаботиться и о Ванѣ, да не знаю, какъ лучше это устроить. Я не пріѣду въ Петербургъ всю зиму. Если можно найдти для него хорошаго учителя, который бы его приготовилъ къ гимназіи, то постарайтесь. Я бы его взялъ тогда въ іюнѣ или іюлѣ слѣдующаго года, а въ августѣ онъ бы выдержалъ экзаменъ въ гимназію. О деньгахъ не тревожьтесь: напишите Василію Ивановичу, и онъ Вамъ вышлетъ, сколько нужно на учителей. Впрочемъ, я ему писалъ, не пріищетъ ли онъ недорогого пансіона для Вани въ Петербургѣ; можетъ, онъ это и устроитъ. Во всякомъ случаѣ, спишитесь съ нимъ на счетъ Вани: я полагаюсь на Ваше общее желаніе добра всѣмъ намъ. Денегъ у него довольно нашихъ, т. е. не у него въ рукахъ [1]), но онъ можетъ ихъ получить, когда угодно.

Живу я покамѣстъ въ Интерлакенѣ, но скоро отсюда выѣзжаю. На картинкѣ изображены ледники, находящіеся въ Альпахъ недалеко отъ насъ, около деревеньки Гриндельвальдъ. Я недавно ѣздилъ туда: это очень эффектно.

Напишите мнѣ о себѣ, о своихъ дѣлахъ, о Ванѣ, обо всѣхъ нашихъ. Куда писать, узнаете отъ Михаила Алексѣевича; я ему росписалъ всѣ адресы.

---

[1]) А въ конторѣ „Современника“.

Нашимъ всѣмъ передайте мой поклонъ и засвидѣтельствуйте мою любовь и уваженіе, какъ всегда.

Вашъ весь

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И ЛУКѢ ИВАНОВИЧУ [1]).

(*Интерлакенъ, 29 іюля*).

Милые мои дяденька и тетенька, Лука Ивановичъ и Варвара Васильевна! Не писалъ я къ Вамъ изъ Петербурга, такъ за то пишу изъ-за границы; не говорите, что я позабылъ Васъ. Забрался я теперь въ горы, образчикъ которыхъ можете видѣть на этомъ листѣ. Зачѣмъ я забрался, узнаете изъ писемъ моихъ къ другимъ роднымъ нашимъ; повторять не хочется, а лучше сказать о чемъ-нибудь другомъ.

Давно не имѣю я извѣстій объ Анночкѣ и Катенькѣ, о Сонечкѣ и Машенькѣ [2]). Извѣстіе о Сонечкиной свадьбѣ, самое короткое и неполное, пришло передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, такъ что я ничего не успѣлъ послать ей къ свадьбѣ. Вотъ Вы [3]), бывало, все говорили мнѣ: «чай, Николенька, выростешь, да въ люди выйдешь, такъ загордишься—насъ и на свадьбу-то не позовешь». А теперь, что вышло? Вы же небось первые не только не позвали на свадьбу, а даже и не извѣстили. А о такомъ случаѣ можно бы написать. Вы скажете, что я самъ-то Вамъ не пишу? Да вѣдь я не женился, и со мной ничего такого замѣчательнаго не было, о чемъ бы непремѣнно слѣдовало написать. Боленъ я былъ очень, да объ этомъ и говорить-то тошно, не то что писать. Да и Вамъ бы, я думаю, большой радости не было узнать, что я все хвораю. Вотъ теперь поправляюсь, такъ и пишу Вамъ. Будущее лѣто я, можетъ быть, проведу въ Нижнемъ; во всякомъ случаѣ, пріѣду къ Вамъ въ томъ году. Тогда и для Сонечки привезу что-нибудь изъ-за границы, а теперь дѣлать нечего: хоть я и не совсѣмъ виноватъ, а жалко мнѣ, что ничего не успѣлъ сдѣлать до отъѣзда. Ну по крайней мѣрѣ поздравленіе мое посылаю.

Что и какъ Анночка? Я теперь отъ Нижняго далеко и совсѣмъ не знаю, какъ тамъ все устроивается. Одно Вамъ могу теперь сказать: если представится Анночкѣ женихъ хорошій, будетъ Вамъ и ей нравиться, а дѣло будетъ останавливаться единственно только за деньгами, то на мою помощь Вы и она можете разсчитывать во всякое время. Рублей 500, въ случаѣ надобности даже и 1000, я могу прислать. Вы помните, что я обѣщалъ присылать Анночкѣ денегъ, кажется, рублей по двадцати въ мѣсяцъ, и не посылалъ ихъ. Это оттого, что надобности большой не было; но словъ своихъ я не забылъ, и при первой нуждѣ Вамъ стоитъ только написать въ Пе-

---

[1]) Письмо написано на листкѣ съ рисункомъ вида Интерлакена.

[2]) Сонечка и Машенька были дочери Варвары Васильевны.

[3]) Эти слова обращены собственно только къ Варварѣ Васильевнѣ.

тербургъ на имя Василія Ивановича, и черезъ двѣ недѣли деньги будутъ у Васъ въ рукахъ. Разумѣется, я знаю, что Анночка безъ особой нужды лишняго не потребуетъ, зная, что я и для Кати долженъ приберечь кое-что.

Пишите мнѣ по адресу, который я доставилъ Михаилу Алексѣевичу, только сообщите ему, что срокъ моего купанья въ Діеппѣ сокращается, и я уѣду оттуда въ послѣднихъ числахъ августа [1]). Сообразно съ этимъ разсчитайте и посылку писемъ.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Интерлакенъ, 31 іюля стар. стиля 1860*).

Ждалъ я отъ Васъ отвѣта на послѣднее письмо и для этого лишній день остался въ Интерлакенѣ, да такъ и не могъ дождаться. Должно быть, Вы разгорячились, да въ Парижъ послали, а можетъ, чего-нибудь ждете, такъ и не писали вовсе. Теперь пишите мнѣ въ Діеппъ до полученія новаго письма отъ меня: France, Dieppe, Poste restante.

На дняхъ [2]) написалъ я три письма въ Нижній: экъ расходился! Они туда дойдутъ, я думаю, на будущій годъ, но все равно; Вамъ надо знать, что́ я писалъ: 1) Михаилъ Ивановичъ можетъ обращаться къ Вамъ съ просьбами; 2) Вамъ представлены совѣщанія съ ними относительно Вани; 3) къ Вамъ могутъ писать о деньгахъ для Анночки. Я сказалъ, что въ случаѣ надобности могу прислать 500 и даже 1000, если будетъ женихъ, и остановка выйдетъ за деньгами только.

Вы спросите, изъ какихъ богатствъ я это обѣщаю? Надо Вамъ сказать, что относительно кредита у насъ были особые переговоры съ Некрасовымъ и недавно подтверждены въ его послѣднемъ письмѣ. Слѣдовательно, когда Некрасовъ пріѣдетъ, поговорите съ нимъ. Мнѣ бы хотѣлось теперь же послать туда рублей 500, такъ чтобы ихъ раздѣлить пока между Аней и Катей: вѣдь у Кати ужъ ровно ничего нѣтъ. Некрасову объ этомъ я напишу на дняхъ, вѣроятно, изъ Парижа. Теперь тороплюсь уѣзжать. Медицинское свидѣтельство и незнаніе формы прошенія поставило меня въ нѣкоторое затрудненіе. Я писалъ объ этомъ, не помню Вамъ или Ивану Максимовичу, но получилъ отвѣтъ, что, дескать, самъ справься въ русскомъ консульствѣ. Нечего дѣлать, поѣхалъ нарочно въ Бернъ, потерялъ два дня и ничего не узналъ. Можетъ быть, въ Парижѣ это знаютъ, да мнѣ долго ждать будетъ. Дѣлать нечего, на удачу посылаю прошеніе и свидѣтельство, какъ мнѣ Богъ по душѣ положилъ, безъ формы. Но такъ какъ его, за негодностью, могутъ возвратить и это пройдетъ лишній мѣсяцъ, то я и посылаю его къ Вамъ же. Вы прежде

---

[1]) По старому стилю.
[2]) 28 и 29 іюля.

узнайте—кому нужно писать его, инспектору, директору, или на Высочайшее имя, нужно ли подписывать «Къ сему» и пр., или просто; надо ли особую просьбу къ генералъ-губернатору о паспортѣ или благодѣтельное начальство, давши отпускъ, и о паспортѣ само позаботится. Если по Вашимъ изслѣдованіямъ окажется, что мой рапортъ ни къ чорту не годится, то напишите другой, какъ слѣдуетъ, и подпишитесь за меня: я Вамъ на это даю полную довѣренность. Текстъ же рапорта сохраните, разумѣется, тотъ, какъ у меня. Да и похлопочите у Даниловича и вездѣ, гдѣ нужно.

Я ѣду завтра въ Бернъ, кончу тамъ съ посольствомъ, пошлю послѣ завтра бумаги, а самъ отправлюсь въ Діеппъ купаться въ морѣ. Давно бы надо было послать бумаги, да скверные дожди все шли, а я опять прихворнулъ и боялся отправиться въ дорогу.

Ивану Максимовичу скажите, что письмо его я получилъ. Увидѣть онъ меня можетъ въ сентябрѣ, въ Вевé, или Лозаннѣ, а потомъ въ Каннѣ или Ниццѣ. Впрочемъ, я еще напишу положительнѣе. Володю Вы бы брали по временамъ хоть къ Л—скимъ.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

Напишите мнѣ въ слѣдующемъ письмѣ адресъ В. Д.; да нельзя ли, чтобы она свои письма ко мнѣ черезъ Васъ посылала. Ея письма два не дошли ко мнѣ, а одно пришло черезъ 12 дней, вдвое дольше, чѣмъ Ваши.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

Бернъ, 1/13 августа 1860 г.

Въ самую минуту отъѣзда изъ Интерлакена, садясь въ дилижансъ, получилъ я Ваше письмо. «Современникъ» придетъ уже послѣ меня, если Вы его послали тоже въ Интерлакенъ, хотя я и писалъ (кажется, впрочемъ, не Вамъ, а П. О.), чтобы послѣ 25-го [1]) адресовали мнѣ въ Парижъ. А теперь пишите все въ Діеппъ: я тамъ до 20 или 25 августа стараго стиля.

Чиновники вездѣ чиновники, какъ Вы увидите изъ чиселъ на моемъ медицинскомъ свидѣтельствѣ, которое при семъ посылаю. Только сегодня успѣлъ я выхлопотать его изъ посольства, и изъ-за этого пропустилъ поѣздъ желѣзной дороги. Завтра ѣду въ Парижъ, послѣ завтра утромъ буду тамъ, а 16 или 17 въ Діеппѣ.

Некрасову и Л—скому, равно какъ и Даниловичу, напишу сегодня вечеромъ. Вамъ буду писать изъ Діеппа. Теперь тороплюсь на бернское такъ называемое Enge, смотрѣть на снѣжныя горы, освѣщаемыя заходящимъ солнцемъ: любителемъ природы сдѣлался, видите ли.

Пожалуйста, сдѣлайте съ паспортомъ, что́ я Васъ просилъ въ прошедшемъ письмѣ.

---

1) Іюля стараго стиля.

Картинку письма отдайте Володѣ, заставьте его написать мнѣ что-нибудь.

Что Иванъ Максимычъ—собирается ли ѣхать за границу?

Спасибо Вамъ за оглавленія статей: я только-что собирался приняться за двѣ статьи, которыя уже оказались напечатанными въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ».

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Пожалуйста поскорѣе увѣдомьте о моемъ рапортѣ и его результатахъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 4 авг. 1860).

Д— —чъ еще не пріѣзжалъ изъ деревни. Два раза я справлялся въ канцеляріи 2-го Кадетскаго корпуса объ твоей отсрочкѣ, но тамъ и нынѣ мнѣ сказали, что они не получали еще твоей просьбы. Должно быть, что-нибудь задержало тебя въ подачѣ просьбы. Не знаю, каковы законы Франціи, а у насъ въ Россіи жить съ просроченнымъ видомъ, ты знаешь, не вольготно. Если встрѣтишь затрудненіе въ житьѣ и выѣздѣ, то не помогутъ ли тебѣ наши посольства и еще квитанція въ отсылкѣ просьбы. Но это я пишу такъ, на всякій случай, зная напередъ, что ты самъ придумаешь все, что́ только можетъ успокоить тебя.

Авдотья Яковлевна возвратилась изъ-за границы. Зная твои положительныя желанія объ Ванѣ и зная ее, я безъ всякихъ этикетовъ ходилъ поговорить съ ней объ Ванѣ. Она изъявила полное согласіе и желаніе принять его на свою заботу, а если найдутъ удобную квартиру, то и взять къ себѣ жить вмѣстѣ съ Володей и это, дескать, потому будетъ удобно, что Николай Алексѣевичъ [1]) въ нынѣшней осени привезетъ откуда-то сиротку-родственника и помѣстить при себѣ, такъ дескать имъ будетъ охотнѣе учиться. Будетъ ли это дѣйствительно хорошо, не знаю; но очень хорошо будетъ то, что Ванѣ на первый разъ будетъ истинная ласка и чистая любовь, если не по заслугѣ, то по человѣчеству. Всего вѣроятнѣе то, что Панаевы останутся жить у Краевскаго, потому что квартиры страшно дороги (за такую, какъ у нихъ, просятъ по 2000 до 2500 р.), а ребята будутъ жить со мной: Ваня будетъ иногда по цѣлымъ днямъ у Авдотьи Яковлевы, а Володя по праздникамъ. Я написалъ въ Нижній, чтобы его прислали съ П. Ѳ. Лебедевымъ.

Денегъ Панаевъ [2]) мнѣ далъ.

Не надобно ли тебѣ выслать на зиму что-нибудь изъ твоего зимняго платья? И подумай, какъ бы это удобнѣе сдѣлать. — —

---

[1]) Некрасовъ.
[2]) Ипполитъ Александровичъ, завѣдывавшій конторой „Современника“.

Егора все держу: если бы былъ жилецъ за 50 рублей, да двое ребятъ, то онъ былъ (бы) и нелишній; ссылать совѣстно ужасно, особенно послѣ нашихъ частыхъ бесѣдъ, гдѣ онъ мнѣ такъ справедливо выставилъ свое отвратительное состояніе и оно мнѣ показалось еще пакостнѣе чиновничьяго; онъ говоритъ: что такое человѣкъ? [1]) это собаченка, которую гоняютъ съ мѣста на мѣсто, онъ долженъ привыкать къ тысячамъ характеровъ, ласкать всякія пакости, чтобы вѣрно держаться на мѣстѣ, и все это изъ-за куска хлѣба; проживетъ такъ человѣкъ лѣтъ 5 и у него по неволѣ не остается ни характера, ни честности.

Иванъ Максимычъ [2]) здоровъ, у меня бываетъ часто, былъ какъ то у меня и Л—скій, получивши твое послѣднее письмо, чтобы успокоить меня на счетъ денегъ. Квартирой я очень доволенъ; двѣ комнаты большія, которыя я приготовилъ для твоего кабинета, я оставляю за собой: у нихъ двое дверей, комнаты гораздо выше Гутковскихъ. Хорошо, какъ бы были теплы.

4 августа 1860 г. В. Добролюбовъ.

Тебѣ хотѣла писать въ Парижъ Ав. Яков.

Всего расходу за прошлый годъ у насъ было (по 1-е августа) 2345 р. 6½ к., получено отъ тебя 2392 р. 81 к. и затѣмъ у меня твоихъ денегъ 47 р. 74½ и покуда я тебя не считаю себѣ должникомъ. У меня теперь есть опять рублей 200.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 8 авг. 1860).

Послѣднее письмо въ Интерлакенъ [3]) я такъ и начиналъ, что едва ли ты его получишь въ Интерлакенѣ, потому что твое письмо я получилъ въ субботу [4]) и отвѣтъ [5]) не могъ идти ранѣе понедѣльника [6]). Если передъ отъѣздомъ не получилъ, то потребуй — —

Полагая, что ты ужь въ Парижѣ, я третьяго дня [7]) послалъ тебѣ туда письмо, чтобы сказать, что прошенія твоего объ отсрочкѣ еще не получено. Какъ ты пишешь, такого рапорта, кажется, достаточно; а если потребуютъ чего другаго, то я распоряжусь, какъ ты пишешь.

Въ Парижъ я тебѣ писалъ, что Авдотья Яковлевна пріѣхала и что я говорилъ съ нею объ Ванѣ, что она изъявила полное желаніе приласкать его и, если будетъ мѣсто, то и къ себѣ взять, поручила мнѣ

1) То есть, слуга.
2) Сорокинъ.
3) Письмо отъ 24 іюля.
4) 23 іюля.
5) Помѣченный 24-мъ числомъ іюля.
6) 25 іюля.
7) Письмо, о которомъ говоритъ Василій Ивановичъ, помѣчено 4-мъ числомъ августа; итакъ, или оно было отправлено имъ только ужь 6 авг., или Василій Ивановичъ ошибся въ припоминаніи числа, когда оно было послано.

выписать его изъ Нижняго, что я и сдѣлалъ. Она обѣщалась писать тебѣ въ Парижъ.

Къ Володѣ [1]) я дѣйствительно не ѣздилъ еще, боясь дороговизны извозчиковъ — —, но — — прежде я ему писалъ, пославши 3 р., оставленные Авдотьею Яковлевною еще до отъѣзда за границу для подарка въ его именины [2]), и нынѣ послалъ ему записочку, предлагая ему гостепріимство Л—скихъ, которые его давно зовутъ. Объ Авдотьѣ Яковлевнѣ ничего не писалъ ему, потому что у нихъ идетъ страшная передѣлка во всей квартирѣ и она сильно занята, такъ Володя ей будетъ въ тягость, а послѣ на дняхъ она сама хотѣла къ нему съѣздить, а если успѣетъ ѣхать въ Москву, то и туда взять. Отпуская Володю [3]), я ему сказалъ, что если ему будетъ дурно, то чтобы написалъ мнѣ, что онъ соскучился. Не пишетъ, значитъ хорошо.

Когда ты напишешь Некрасову объ деньгахъ для Нижняго, то я ихъ отошлю. Деньги эти во многихъ отношеніяхъ кстати и если только для тебя не слишкомъ тяжелъ будетъ этотъ подарокъ, то я съ большимъ удовольствіемъ исполню твое желаніе и напишу, чтобы дали имъ правильное употребленіе.

В. Д. я написалъ, чтобы она, если желаетъ, присылала ко мнѣ свои письма, а если будетъ писать отъ себя, то чтобы писала въ Парижъ. Адресъ ея: — — [4]).

Мебель и все наше имѣніе я застраховалъ въ 2110 р. и взяли только 8 р. 25 к., такъ что я теперь на счетъ огня спокоенъ, ну а на счетъ грабежа—воля Божія.

Когда приносилъ мнѣ деньги Звонаревъ, я у него видѣлъ въ портфелѣ писемъ 15,—все требуютъ «Современникъ». Звонаревъ говоритъ, что 6500 экземпляровъ не достанетъ, придется отказывать.

Когда ты пожирнѣешь, пришли съ себя ландшафтикъ: я не на шутку соскучился, не видавши тебя такъ долго.

Будь здоровъ. Прощай.

8 августа 1860 г. В. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. Н. КАЗАНСКОМУ.

(Діеппъ, 11 авг. стараго стиля, 1860).

Діеппъ, 23 авг.

Добрѣйшій Петръ Никитичъ, я давно собирался отвѣчать на Ваше послѣднее письмо да нечего писать было, такъ и ждалъ. Я изъ Интерлакена выѣхалъ уже почти двѣ недѣли; теперь купаюсь въ морѣ;

---

[1]) Жившему у Павла Садоковича Юрьева, на дачѣ.

[2]) То есть: онъ еще до возвращенія Авдотьи Яковлевны послалъ Володѣ эти деньги, оставленныя ею при ея отъѣздѣ.

[3]) Къ П. С. Юрьеву.

[4]) Слѣдуетъ адресъ ея.

до 15-го сентября [1]) пробуду здѣсь, потомъ заѣду въ Парижъ, а оттуда опять въ Швейцарію—въ Веве. Въ Интерлакенѣ я выписывалъ нѣсколько книгъ изъ Брюсселя,—обошлось дьявольски дорого: книги сами стоили 24 франка, а пересылка 8 фр. Значитъ, на пересылку надо набавлять процентовъ 35. Это меня заставило еще разъ подумать о Вагнерѣ: не будутъ ли и съ него сдирать еще особыхъ денегъ, если напримѣръ подписчикъ въ Швейцаріи или во Франціи, и не будетъ ли «Современникъ» со всѣми пересылками стоить вмѣсто 22 уже 25, 27, 30 талеровъ? Если такъ, то надо объ этомъ обстоятельно объяснить, какъ въ объявленіяхъ Вагнера, такъ и въ томъ, которое будетъ на oбepткѣ «Современника». Узнайте отъ него положительныя цифры: онъ, вѣроятно, ужъ это знаетъ теперь. Да еще, на «Шервудѣ» (*) — (что это за любопытная скотина!) я прочиталъ адресъ Вагнера уже не Unter den Linden, a Victoria Strasse: перемѣнилъ что ли онъ мѣсто или это такъ себѣ? Объявленій Вагнера я не видѣлъ ни въ одной газетѣ: вѣдь ихъ надо повторять, а то не замѣтятъ. Да я думаю, что среди лѣта нечего было и хлопотать, а съ сентября пустить.

Въ Парижѣ искалъ я всеобщую статистику Кольба [2]), не нашелъ; сказали, что можно черезъ двѣ недѣли выписать. Неужто сообщенія такъ медленны? Если Вы найдете, что пересылка не обойдется особенно дорого (книга должна стоить около 3 талеровъ) и можно будетъ доставить мнѣ книгу въ первыхъ числахъ сентября, то вышлите, только возьмите 2-е изданіе (въ Лейпцигѣ, около марта или апрѣля, 1860).

Объ Anzeiger тоже разсудите сами пересылочную плату: если не страшна, то пришлите мнѣ, чтó есть покамѣстъ, сюда въ Діеппъ, Rue Ancienne Poissonerie № 15, а потомъ въ Веве́.

Письмо, которое я ожидалъ получить черезъ Васъ, пропало. Я получилъ другое [3]), въ которомъ пишутъ, что было послано еще прежде письмо, но по какому адресу оно было, не пишутъ. Вѣроятно, адресъ какъ-нибудь переврали.

Соболева не видалъ я,—видно, онъ почему-нибудь не попалъ въ Швейцарію.

Въ надеждѣ на Ваше доброе расположеніе, за которое не умѣю довольно Васъ возблагодарить, жду отвѣта Вашего, особенно о Вагнерѣ и «Современникѣ».

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА И АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

(Отъ 11 авг. 1860).

Нижній Новгородъ, августа 11 дня.

Письмо Ваше, Николай Александровичъ, мною получено 8 августа

---

1) Новаго стиля.

(*) „Шервудъ. Изъ разсказовъ ген.-маіора Б. П.". *(Замѣтка П. Н. Казанскаго).*

2) Николай Александровичъ говоритъ о нѣмецкомъ подлинникѣ этой книги; онъ только называетъ его по-русски.

3) Рѣчь идетъ о письмахъ В. Д.

утромъ и, разумѣется, тѣмъ пріятнѣе было для насъ получить его, чѣмъ оно было неожиданнѣе. Очень жалѣемъ, что Ваше здоровье такъ разстроилось. Впрочемъ, какъ и Вы сами, надѣемся, что въ этихъ благословенныхъ краяхъ, гдѣ теперь Вы находитесь, оно поправится, а поѣздка Ваша за границу все-таки будетъ не безъ плода, какъ для Васъ, такъ и для другихъ.

О себѣ и о Ниночкѣ говорить мнѣ Вамъ много нечего: живемъ мы, какъ и всѣ здѣшніе духовные. Пока, слава Богу! Доходами и приходами довольны; здоровы. Сынъ нашъ ростетъ и здоровъ. Служба моя, хоть и не бойкая, но порядочная. Владыка не забываетъ меня коекакими порученіями; весною нынѣ сдѣланъ я депутатомъ и увѣщателемъ. Дѣла по дому Вашему также порядочно идутъ; хотя постояльцы и не очень дорого живутъ, но за то постоянные и квартирами довольны. Коптевъ, занимающій весь каменный домъ, сдѣлалъ нынѣ лѣтомъ въ нашемъ переулкѣ мостовую, а поэтому чрезъ два года— по истеченіи срока контракта съ нимъ, есть надежда сколько-нибудь возвысить цѣны на квартиры. Много въ домѣ кое-чего поустарѣло да испортилось, особенно печи, а потому довольно денегъ уходитъ на ремонтъ; да вѣдь безъ этого нельзя же и обойтись.

Аннушка и Катенька живы и здоровы, и довольны своимъ житьемъ. Можетъ быть, зимою не случится-ли которую нибудь выдать за когонибудь. Впрочемъ и больно торопиться выдавать ихъ, особенно Катеньку, кажется, нѣтъ надобности; подольше такъ поживутъ—по прочнѣе [1]) будутъ, особенно Аннушка. Поэтому о нихъ много Вамъ безпокоиться во всякомъ случаѣ нѣтъ нужды.

Насъ больше всѣхъ безпокоитъ Ванечка. Михаилъ Ивановичъ слишкомъ занятъ своими дѣлами, да хлопотами, а Фавста Васильевна, какъ женщина, не могла имѣть и не имѣетъ на него хоть какогонибудь вліянія; ея онъ вовсе не слушается; отъ этого и ученье его шло очень плохо. Я имѣлъ было мысль взять его къ себѣ, да это дѣло тоже не сладилось. Теперь по Вашему порученію отправляемъ его съ Павломъ Ѳедотовичемъ въ Петербургъ. Не знаю, какъ онъ примется за ученье тамъ, хотя способность у него также хорошая, какъ и у Володи. Думаю, на первый разъ, съ нимъ будетъ не мало хлопотъ. Къ отъѣзду его все приготовили мы, кажется, порядочно. Бѣлья довольно и хорошаго. Двѣ пары я заказалъ ему верхняго платья, куплены для него двѣ пары новыхъ сапоговъ. Павелъ Ѳедотовичъ обѣщается представить его цѣла и невредима и позаботиться о немъ въ дорогѣ, какъ слѣдуетъ. Резумѣется, будетъ не мало и слезъ при разставаніи съ нимъ. Особенно, я думаю, неутѣшно будетъ плакать о немъ Фавста Васильевна; ибо она любитъ его чрезъ мѣру и вовсе не желала бы, пожалуй, разставаться съ нимъ. Отъѣздъ его предполагается быть числа 15-го или 16-го.

Всѣ родные Ваши живы и здоровы, и Вамъ кланяются. Лука Ивановичъ въ нынѣшнее лѣто получилъ скуфью.

Это письмо я хотѣлъ отправить къ Вамъ нынѣ же, т. е. 11 числа, но такъ какъ съ самаго утра доселѣ (теперь уже 12 часъ на исходѣ)

[1]) Здоровьемъ.

идетъ все дождь и очень порядочный, вѣроятно за все лѣто, потому что все лѣто у насъ не было вовсе дождя и была большая засуха, то оно отправлено будетъ завтра.

Особенныхъ новостей въ нашей губерніи и городѣ нѣтъ теперь.

Надѣемся, что Вамъ не должно быть совершенно скучно. Вѣроятно есть съ кѣмъ Вамъ дѣлить свой отдыхъ отъ дѣлъ и свое одиночество.

Просимъ Васъ и впредь писать къ намъ: это будетъ очень пріятно для насъ. А теперь прощайте. Желаемъ Вамъ всего хорошаго, а всего болѣе скорѣе поправиться здоровьемъ.

М. Костровъ.

Милый братъ мой!

Пользуясь случаемъ и я хочу написать тебѣ, надѣясь, что мое письмо можетъ доставить тебѣ нѣкоторое развлеченіе. Я увѣрена, что хотя ты, можетъ быть, и сердился на меня, но все-таки любишь по прежнему.

Разстроенное здоровье твое очень огорчаетъ всѣхъ насъ; пожалуйста береги его, оно такъ нужно какъ для тебя, такъ и для твоихъ братьевъ, о которыхъ ты заботы и хлопоты принимаешь на себя. Пожалуйста, пиши намъ, милый братъ мой, и если тебѣ будутъ пріятны письма наши, то и мы будемъ писать тебѣ, а то твое молчаніе въ продолженіи двухъ лѣтъ, заставило и меня не писать тебѣ.

Теперь я пишу, а Коля [1]) ходитъ около меня и просится на руки.

Выздоравливай скорѣе и пріѣзжай къ намъ; тебѣ, я думаю, пріятно бы было побывать на родинѣ и увидаться съ нами, также какъ и намъ съ тобой.

Любящая тебя сестра Антонина К.

ПИСЬМО И. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(Діеппъ, 13 авг. стараго, 25 авг. новаго стиля, 1860).

Діеппъ, 25 авг.

Что-то все нѣтъ отъ Васъ письма, а я было дожидался. Какъ Ваши или, лучше сказать, наши дѣла идутъ? Вы мнѣ пишите иногда, не дожидаясь моихъ отвѣтовъ, потому что мнѣ писать Вамъ рѣшительно нечего: вѣдь не путевыя же наблюденія сообщать, не описывать красоты природы и ярость моря, и не присылать бюллетени о своемъ здоровьи, которое, мимоходомъ сказать, поправляется, но очень медленно. Теперь я вамъ пишу собственно затѣмъ, чтобы сказать, что Авдотью Яковлевну въ Парижѣ я уже не засталъ и потому о Ванѣ ничего не могу Вамъ рѣшить въ томъ родѣ, какъ мы предполагали. Можетъ быть, Авдотья Яковлевна теперь ужъ въ Петербургѣ, и Вы могли бы переговорить съ ней, вмѣсто меня; но лучше этого не дѣ-

[1]) Маленькій сынъ.

лать, потому что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ имѣю основаніе думать, что ей теперь не до насъ съ Ванечкою. Значитъ, устройтесь, какъ найдете удобнѣе; только бы «Современникъ» не запретили, деньги найдутся.

Что́ узнаете о цензурѣ и о журналахъ, сообщайте мнѣ пожалуйста. А то я не знаю, что́ и какъ писать. Недѣли двѣ тому назадъ, я послалъ одну статью; во всякое другое время она конечно прошла бы, а теперь судя по письму П. О., не должна пройти, или должна быть ужь очень изувѣчена. А работать надо же.

Относительно экономіи нечего и говорить: видно намъ никогда не удастся соблюдать ее. Еще нѣтъ трехъ мѣсяцевъ, какъ я за границей, а я ужь истратилъ больше 2000 франковъ. Между тѣмъ разъ на желѣзной дорогѣ я спросилъ молодого француза, на сколько можно жить порядочно во Франціи; онъ мнѣ не безъ хвастливости отвѣтилъ: «о, для этого надо не меньше двухъ тысячъ франковъ въ годъ! И то еще вы должны довольствоваться виномъ не высокаго сорта, ходить въ театръ во вторыя мѣста и кутить развѣ разъ въ мѣсяцъ!..» Поди ты съ французомъ: вотъ кабы такъ умѣть жить! И онъ доволенъ судьбой, хотя не имѣетъ даже и 2 тысячъ франковъ въ годъ.

«Современникъ» получилъ я ужь въ Діеппѣ: онъ пришелъ 7/12 августа. Ежели выйдетъ августъ раньше 20-го, то пришлите мнѣ поскорѣе, чтобы я еще въ Діеппѣ могъ получить книжку. Я въ Діеппѣ думаю пробыть до 1 или даже до 3 сентября, т. е. по новому до 13—15. Время скверное: сегодня, напримѣръ, чуть было не прозѣвалъ купанья. Только полтора часа было, въ которые можно было купаться; а то море такъ поднялось, что и не подходи, съ ногъ валитъ у самаго берега даже опытныхъ пловцовъ. А что дождикъ лупитъ во время и послѣ купанья, на это ужь я и не смотрю: дѣло обыкновенное. Можете судить, какъ полезно леченье при такихъ условіяхъ!.. Это значитъ по русской пословицѣ, что «когда намъ жениться, такъ и ночь коротка».

Скажите это Ивану Максимовичу.

И вдобавокъ говорятъ еще, что въ Россіи погода великолѣпная! Стоило уѣзжать... А все друзья, да благодѣтели, заботящіеся о чужомъ благополучіи... Ну, да все-таки спасибо имъ за благонамѣренность.—Что мой отпускъ? Получили-ль Вы бумагу [1]) и годится ли она? Пожалуйста похлопочите. Если въ Діеппъ не успѣете прислать, то адресуйте въ Парижъ: Rue de Vaugirard, № 30, на имя О——ва съ передачей. А то хоть poste restante.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Въ Діеппѣ мой адресъ: Rue Ancienne Poissonerie, № 15, en face de l'hôtel Royal. Да нѣтъ ли чего нибудь отъ В. Д.? Стосковался я по ней. Перешлите ей записочку, посылаемую въ этомъ письмѣ; я не знаю, куда ей писать теперь, въ N или Б.

1) Просьбу объ отставкѣ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА [1]).

(Отъ 16 авг. 1860).

16 августа.

Объ отсрочкѣ твоей нынѣшняго дня пошло представленіе въ Главный штабъ [2]). Д——чъ говоритъ, что разрѣшеніе получится не раньше двухъ недѣль. Я справлюсь, попрошу, скажу Л—скому; онъ не поможетъ ли. Посылаю тебѣ оглавленія журналовъ. «Современникъ», только-что нынѣ вышедшій, я просмотрѣлъ вскользь; кажется, очень хорошъ. Его тебѣ не посылаю, потому что Пыпинъ сказывалъ, что въ Парижѣ онъ есть, да и пересылка дорога. Напиши, когда будешь писать, высылать ли тебѣ оглавленія журналовъ и послѣ, что́, конечно, для меня не тяжело. — —

Напиши мнѣ, пожалуйста, сколько времени въ прошломъ году Володя жилъ у Павла Садоковича и почемъ въ мѣсяцъ. Павелъ Садоковичъ увѣряетъ, что онъ жилъ у него 1½ мѣсяца и что ты только за 1½ мѣсяца заплатилъ ему 60 руб., т. е. по 40 р. въ мѣсяцъ, а поэтому онъ требуетъ и нынѣ 40 рублей за мѣсяцъ. Володя жилъ у него 50 дней; я думалъ, что будетъ достаточно 50 р.—по 30 р. въ мѣсяцъ, какъ ты мнѣ говорилъ, а онъ проситъ еще 20. Я не далъ, обѣщаясь напередъ списаться съ тобой.

В. Добролюбовъ.

— — [3]).

Можетъ, надо что-нибудь сказать тебѣ про Володю? Онъ веселъ, бываетъ каждый день у Авдотьи Яковлевны. Отправляется туда обѣдать и сидитъ часовъ до 8—9; иногда и позже приходитъ, когда Авдотья Яковлевна ѣздитъ съ нимъ на острова.

ПИСЬМО ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(Отъ 17 авг. 1860).

Августа 17 дня.

Благодарю Васъ, дорогой племянникъ, за память. Хотя много прошло времени послѣ вашего письма, и наконецъ Вы вспомнили объ насъ, и я такъ была этому обрадована, что рѣшилась писать къ Вамъ опять. Мы живемъ все по прежнему, только въ новомъ домѣ, выстроенномъ на томъ же мѣстѣ. Изъ семейства нашего выбыла Соня [4]); ее мы выдали замужъ, объ чемъ вы уже знаете, не знаю отъ кого, за чи-

---

1) Три первыя страницы листа заняты письмомъ Володи. Онъ разсказываетъ брату о своихъ дѣлахъ и кончаетъ письмо словами: „Авдотья Яковлевна тебѣ кланяется и проситъ тебя не пріѣзжать въ Петербургъ, пока не выздоровѣешь“. Письмо Василія Ивановича занимаетъ четвертую страницу листа.

2) Военно-учебныхъ заведеній.

3) Переписано оглавленіе августовской книжки „Современника“.

4) Старшая дочь Варвары Васильевны.

новника удѣльной конторы; онъ жалованье получаетъ небольшое; но мы этого и не искали; онъ такъ тихъ, скроменъ и благороденъ и Соню обожаетъ, что мы этимъ много утѣшаемся; однако же они живутъ очень хорошо,—изъ чиновниковъ такъ рѣдко кто живетъ, потому что отецъ его служитъ аптекаремъ въ Маріинской больницѣ и получаетъ хорошее жалованье и пенсію, а родни только что одинъ отецъ, природный нѣмецъ; чинъ имѣетъ ассессора. Вы не повѣрите, сколько насъ всѣ осуждали и бранили, что выдаемъ Соню за нѣмецкое отродье; въ должности же зять нашъ хорошъ и служитъ подъ рукою у Ивана Алексѣевича, и мы надѣемся, что онъ со временемъ получитъ должность получше. Теперь скажу про Анночку; она очень поправилась и стала хорошенькая, миніатюрная, какъ барышня, и ее много сватало жениховъ, но только свахи ходятъ сватать ее къ сестрицѣ Фавстѣ Васильевнѣ, а не ко мнѣ, а тамъ отзываются, что она для замужества еще молода и приданаго нѣтъ готоваго; даже и за Николая Александровича [1]) пришли сватать ее, сестрица же отказала, что это нельзя скоро сдѣлать: приданое не готово; и сваха пришла ко мнѣ сватать Софью и мы рѣшились... Вѣрно такъ уже судьба, какъ говорится. Скажите, пожалуйста, мнѣ Вы объ ней, за какого мнѣ ее выдавать [2]); женихъ если будетъ хорошій чиновникъ, то можно ли рѣшаться, или ждать духовнаго? Мнѣ что-то не нравятся ни одинъ изъ профессоровъ: они всѣ женятся на тысячахъ — —. Но впереди Богъ, какъ ему угодно. Соня, Маша и Митроша кланяются вамъ, и даже Митроша теперь сколько разъ мнѣ толкалъ подъ руку и писать мнѣ мѣшаетъ. Пожалуйста, извините и не смѣйтесь: лучше не умѣю. Будьте здоровы. Прощайте.

Варвара Колосовская.

Любезный и добрый братъ Николенька, благодарю тебя за твое расположеніе и любовь ко мнѣ. Извини меня, что я такъ долго не писала. Не знала, куда писать, потому что адреса не было. Больше всего желаю тебѣ здоровья, Катенька также кланяется.

Анна Добролюбова.

Любезный племянничекъ Николай Александровичъ! Благодарю, милый, отъ души за твое письмо. Отъ всей искренности желаю Вамъ всѣхъ благъ отъ Бога. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ

Троицкой церкви священникъ Лука Колосовскій.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

(Отъ 20 авг. 1860).

Любезный мой другъ Николай Александровичъ!

Письмо твое отъ 29 іюля мы получили 11-го августа, нѣсколь-

[1]) Имя и отчество молодого человѣка, который послѣ того женился на дочери Варвары Васильевны.

[2]) То-есть, за статскаго или за духовнаго.

ними днями позже письма Василія Ивановича къ намъ, гдѣ онъ писалъ, что ты велѣлъ Ваню отправить со студентомъ Лебедевымъ въ Петербургъ и выдать ему деньги 25 рублей, присланныя тобою въ прошломъ году на имя мое, ему на дорогу. Въ день полученія твоего письма у насъ все уже было готово, и потому твое письмо ничего не могло перемѣнить. Объ оставленіи Ванечки у насъ до будущаго года мы думаемъ иначе: у насъ трудно найти учителя хорошаго, и притомъ онъ такъ привыкъ не только къ матушкѣ, но и ко мнѣ, что перестал совсѣмъ слушаться; потому большихъ успѣховъ быть не могло. А тамъ, при новой обстановкѣ, онъ, какъ я увѣренъ, будетъ учиться хорошо и совсѣмъ исправится. Мы люди стараго вѣка: строго смотримъ на всѣ шалости, а у Васъ все непредосудительно. Только бы съ нимъ, въ началѣ, круто не поворотили; онъ былъ въ ученіи очень понятенъ, только своенравенъ: когда хотѣлъ, то отвѣчалъ со смысломъ, а когда не хотѣлъ, то и учитель не добивался отвѣта. Выучилъ онъ первую часть ариѳметики, русскую грамматику до словосочиненія, священную исторію краткую всю и латинскую грамматику до спряженій; но такъ какъ учитель у него былъ изъ семинаристовъ, а ихъ отпустили по домамъ еще въ іюнѣ, то онъ немного позабылъ, — но надо думать, что припомнитъ.

Матушка снабдила его на дорогу въ довольномъ количествѣ и бѣльемъ, и всѣмъ, чтó можно было съ ея стороны; она связала сама 12 паръ чулковъ, не говоря о сорочкахъ. Просила было опекуна [1]) сдѣлать ему верхнюю одежду и онъ обѣщался, но такъ какъ у насъ ярмарка, то портной не успѣлъ; и потому у Ванечки нѣтъ только сюртуковъ и прочаго верхняго. Ему дали даже образъ въ серебряной ризѣ, благословеніе Авдотьи Ивановны Николаевой [2]), столовую ложку и чайную.

Теперь буду говорить о своемъ. Я на тебя очень былъ сердитъ не потому, что ты что-нибудь былъ бы обязанъ для меня, а у меня не на кого больше напасть, какъ въ Нижнемъ на Николая Николаевича Кемарскаго, а въ Петербургѣ на тебя, и потому, что ты самъ сначала подалъ поводъ думать, что я стóю твоего вниманія и участія. Мнѣ ничего больше и не нужно было, какъ твои маленькія хлопоты въ отвѣтахъ на мои вопросы, и то можно было дѣлать, не торопясь, даже черезъ мѣсяцъ, потому что въ Москвѣ былъ у меня человѣкъ, но такъ въ послѣднее время надулъ меня, что долго будетъ памятно, и убытокъ сдѣлалъ, долго не исполняя порученія, и выслалъ совершенно не того, о чемъ я просилъ. Поэтому я и нападу, по пріѣздѣ твоемъ въ Петербургъ, на тебя; только ты очень не пугайся, большихъ хлопотъ не сдѣлаю.

При этомъ письмѣ прилагаю росписку Лебедева въ полученіи отъ меня твоихъ денегъ 25 рублей и объявленіе о своемъ новомъ заведеніи [3]). Прочти, пожалуйста, въ часъ досуга. Я горжусь, что по-

---

1) Михаила Алексѣевича.

2) А. И. Николаева была, кажется, крестной матерью Вани.

3) Конецъ письма написанъ на оборотной (бѣлой) сторонѣ печатнаго объявленія объ этомъ заведеніи; приводимъ начало и конецъ объявленія:

лучилъ отъ Ремесленной Управы званіе и патентъ на *мастера;* у меня теперь даже вывѣска; есть и наемный работникъ, и мальчикъ въ ученіи на три года. Только все еще не устроился. Чужими руками хорошо/жаръ грести; а самъ еще не имѣю средства быть въ Москвѣ. Поэтому я тебя и просилъ сколько разъ, чтобы ты деньги 25 рублей отъ меня не бралъ, а оставилъ ихъ у меня: я бы на нихъ и проводилъ Ваню въ Петербургъ, и что-нибудь сдѣлалъ бы полезное. Но такъ какъ ты тогда, вѣрно, не понялъ моей просьбы; вѣроятно, думалъ, что я хочу только кататься на твой счетъ, а я сдѣлалъ эту просьбу, разсчитавъ, что и на деньги опекунскія можно было Ванечку отправить, тѣмъ болѣе, что на эти деньги остались только двѣ сестры, а Ванѣ, вѣроятно, не будутъ ничего высылать, какъ и Володя не пользуется. Притомъ есть вещи, которыя хорошо бы передать лично тебѣ, а не писать объ нихъ. Вы съ Василіемъ Ивановичемъ много, кажется, ошибаетесь. Ну, такъ какъ это устроилось все иначе, то и дѣлать нечего: чтó съ возу упало, то пропало.

Живемъ мы по прежнему. Двѣ дочки у меня хорошѣютъ на отцовскіе глаза и дожидаемся еще прибавленія на-дняхъ. Жениться хорошо; только дурно, что нѣкоторые люди очень бываютъ плодовиты не по состоянію, какъ, напримѣръ, я; такъ что не знаю, когда поправлюсь.

Ванечку мы отправили 14-го августа на пароходѣ. Я, матушка и Антонина Александровна провожали его до Балахны. Онъ, вѣроятно, числу къ 20 будетъ въ Петербургѣ.

Затѣмъ прилагаю поклонъ отъ моихъ, то-есть, отъ семейства.

Остаюсь твой братъ

Мих. Благообразовъ.

20 августа 1860 г.
Нижній Новгородъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

22 августа 1860 г., понедѣльникъ вечеръ.

Ты вѣрно не заходилъ въ Парижѣ на почту, тамъ бы получилъ мое письмо. Послѣ этого я посылалъ тебѣ еще два письма въ Діеппъ.

«Современникъ» тебѣ отправленъ 22 августа въ Діеппъ, а самъ я ничего не писалъ тебѣ до нынѣшняго дня, желая сказать что-нибудь положительнѣе объ отпускѣ; для этого я былъ нынѣ въ глав-

---

„Переплетное и футлярное заведеніе
М. Благообразова.
въ Нижнемъ Новгородѣ, на Зелени, противъ Соборнаго дома въ собственномъ домѣ.
Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что въ моемъ заведеніи будутъ производиться переплеты книгъ, альбомовъ.
И т. д.
Для удобства публики, заказы въ мое заведеніе будутъ также принимаемы въ кондитерскомъ заведеніи Н. Кемарскаго. М. Благообразовъ.

номъ штабѣ; но тамъ еще не сдано представленія Кадетскаго корпуса, потому думаютъ, что оно докладывается Михаилу Николаевичу [1]), а уже послѣ внесется въ приказъ, когда послѣдуетъ соизволеніе; но во всякомъ случаѣ ты не получишь паспорта ранѣе 3-хъ недѣль. Если будутъ привязываться, то тебѣ поможетъ посольство, докторъ и болѣзнь твоя.

Заходилъ нынѣ по дорогѣ и къ Л—скому, видѣлъ и Пыпина; они цензуру не хвалятъ; Пыпинъ разсказывалъ, что какой-то главный комитетъ изъ Муханова, Тимашева и подобныхъ дѣлаетъ выговоры самому Медему [2]). Рахманиновъ [3]) говоритъ, что или его выгонятъ или онъ самъ не выдержитъ своего страдальческаго положенія и выйдетъ. Твои «Перепѣвы» [4]) прошли.— —

Твою статью о Маркѣ Вовчкѣ получили поздно и поэтому не помѣстили; въ слѣдующій мѣсяцъ не помѣстятъ, можетъ быть, потому, что цензоръ станетъ вычеркивать много, и тогда она пойдетъ въ октябрѣ и пройдетъ, потому что цензоръ будетъ Бекетовъ, а отъ этого [5]) они хотятъ избавиться. Такъ говорилъ П. О. За «Современникъ» они вовсе не опасаются, потому что публика его любитъ и что запрещеніе его скверно подѣйствуетъ [6]) на публику, а будутъ [7]) ограничиваться выговорами, замѣчаніями, когда добрые люди будутъ подстрекать. Некрасовъ еще не пріѣхалъ; ему желательно было бы доскать твоего свистка, да вѣдь едва ли это возможно. Мои постояльцы [8]) люди, занимающіеся наукой: нынѣ они оба съѣзжались съ разныхъ дачъ, чтобы заняться вмѣстѣ и завтракали у меня, а переѣдутъ не ранѣе 1-го сентября. Деньги съ 20-го августа 70 рублей я уже получилъ съ нихъ. Ваня пріѣхалъ ко мнѣ. Фавста Васильевна отправила его, какъ самаго любимаго сына, снабдивъ всѣмъ въ самомъ достаточномъ количествѣ, даже двумя ложками серебряными, кромѣ [9]) верхней одежи, которую я ему заказалъ на первый разъ за 26 рублей; онѣ [10]) его провожали на пароходѣ до Балахны. Михаилъ Ивановичъ пишетъ мнѣ, что онъ открылъ у себя переплетное заведеніе, имѣетъ мастера и Ваня говоритъ, что живутъ очень достаточно. Письма они твои получили и всѣ рады до крайности; объ этомъ мнѣ сказывалъ и Павелъ Өедотычъ [11]). Вечеромъ 20 числа я былъ съ ребятами у Авдотьи Яковлевны, которая была очень внимательна къ дѣтямъ. Ваня не то, что мы съ тобой были. Онъ съ перваго же разу держалъ себя гораздо бойче и живѣе, чѣмъ Воло·

---

1) Великому князю, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

2) Предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета.

3) Цензоръ, читавшій тогда „Современникъ".

4) Рецензія книги, имѣвшей это названіе; она была помѣщена въ августовской книжкѣ „Современника".

5) Рахманинова.

6) То-есть: подѣйствовало бы.

7) Администраторы.

8) Для сокращенія расходовъ, Василій Ивановичъ сдалъ до возвращенія Николая Александровича половину новой квартиры двумъ молодымъ людямъ, офицерамъ; они имѣли и столъ у него.

9) Онъ былъ снабженъ всѣмъ кромѣ и т. д.

10) Фавста Васильевна и Антонина Александровна.

11) Лебедевъ, который привезъ Ваню.

дя— —. Ваня почти съ него ростомъ и полнѣе. Еще въ первый день не разъ поссорились и разъ подрались. Ваня задорный до крайности. Драку они устроили у Авдотьи Яковлевны при Краевскомъ сынѣ и еще какомъ-то студентѣ. Авдотья Яковлевна, отпуская ихъ, взяла съ обоихъ честное слово, что они будутъ вести себя хорошо и они обѣщались. На другой день она съ ними ѣздила на острова, накупила игрушекъ и они играютъ вмѣстѣ, когда Володѣ свободно. Вообще, кажется, мы будемъ жить хорошо и съ насъ будетъ достаточно 50 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ книгъ и дѣтскаго платья. Ты не огорчайся большими расходами: конечно, широкая натура тутъ много дѣйствуетъ [1]), но главную причину ищи въ гуманности и нежеланіи быть кулакомъ практикомъ; да вѣдь кому нейдутъ твои деньги? Если разсудить, то собственно на тебя-то и не много идетъ, и вышло бы еще меньше, если бы прижимать. — —

В. Добролюбовъ.

Нынѣ ребята жили мирно, все цѣловались; Володя сталъ уступать какъ старшій и болѣе опытный и умный.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВОЛОДѢ И КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Отъ 25 авг. стараго стиля 1860*).

Діеппъ, 25 авг. / 6 сент.

Володя, Ты можешь теперь цѣлую зиму и весну провести очень хорошо, если съумѣешь воспользоваться тѣмъ, что̀ Василій Ивановичъ устроилъ для насъ. Онъ нанялъ квартиру, въ которой вамъ всѣмъ удобно будетъ оставаться, безъ большихъ издержекъ; онъ принялъ на себя заботиться обо всемъ, что̀ будетъ тебѣ нужно; онъ, наконецъ, выписалъ Ваню и просилъ Авдотью Яковлевну приласкать его, какъ и тебя. Значитъ, не смотря на то, что я далеко, ты можешь жить въ полномъ удовольствіи до тѣхъ поръ, пока своимъ поведеніемъ не сдѣлаешься дядѣ въ тягость. Тогда, разумѣется, винить будетъ не кого: если онъ напишетъ мнѣ одно слово, что не хочетъ болѣе держать тебя, ты понимаешь, что я принужденъ буду отдать тебя въ пансіонъ, такъ какъ поручить тебя въ Петербургѣ безъ меня рѣшительно некому. Даже Авдотья Яковлевна не согласилась бы взять тебя, особенно узнавши, что дядя тобою недоволенъ.

Я пишу дядѣ, чтобы тебѣ назначилъ по 3 руб. въ мѣсяцъ для твоихъ расходовъ (исключая книгъ и платья) съ тѣмъ, чтобы ты обѣщалъ вести подробную запись всѣхъ твоихъ издержекъ и по возвращеніи моемъ показалъ ее мнѣ. Хочешь-ли? Авдотьѣ Яковлевнѣ поклонись отъ меня и скажи, что̀ я очень жалѣлъ, не заставши ее въ Парижѣ. Желаю ей быть здоровой и не огорчаться.

---

1) Василій Ивановичъ хочетъ сказать что расходуетъ больше денегъ, чѣмъ могло бы быть достаточно, еслибъ онъ умѣлъ скромничать.

Ты мнѣ пиши; я твои письма получать буду съ удовольствіемъ, особенно если ты станешь мнѣ подробно описывать, какъ ты проводишь время и съ кѣмъ дружишься. Шестаковымъ и Буссе поклонись.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

(Письмо къ Василію Ивановичу).

Я было думалъ, что мое прошеніе не дошло до васъ, и потому третьяго дня отправилъ новый запросъ къ Л—скому. Повидайтесь съ нимъ и скажите, что я успокоенъ. Я писалъ ему также о деньгахъ: если тутъ нужно будетъ о чемъ-нибудь похлопотать, то пожалуйста снимите съ П. О. эту обузу, сказавъ, что Вы можете сдѣлать все, что́ нужно по его указанію.

О Павлѣ Садоковичѣ и Володѣ мое рѣшеніе Вы видите изъ писемъ къ нимъ. Мое правило—разставаться всегда какъ можно чище, чтобы не было претензій. Впередъ будемъ осторожнѣе, а теперь Богъ съ нимъ [1]), если онъ полагаетъ, что ему мало: я же виноватъ, что не условился хорошенько. Да притомъ еще, пожалуй, изъ-за счетовъ съ нами Володѣ пакостить будетъ: кто его знаетъ, каковъ онъ человѣкъ-то? Прочтите письмо къ нему, заклейте и пошлите хоть съ Володей, требуя отвѣта; а то лучше лично передайте и порѣшите все. Володѣ давайте деньжонокъ счетомъ, чтобы и онъ счетъ зналъ. Я ему предлагаю это и думаю, что онъ не откажется.

Напишите мнѣ, какъ велика плата за пересылку книжки [2]): за послѣднюю съ меня взяли 30 коп., такъ какъ она путешествовала изъ Швейцаріи въ Діеппъ. Вы сколько платите? Я бы желалъ получать «Современникъ» постоянно, потому что въ Парижѣ я найду, вѣроятно, только іюльскую, а въ Веве и совсѣмъ ничего не найду. Некрасову я писалъ о деньгахъ. Какъ только явится онъ въ Петербургъ, Вы его и поймайте [3]). Ваше Парижское письмо такъ и лежитъ, разумѣется. Я Вамъ писалъ, что буду въ Діеппѣ 17-го [4]) по новому стилю, т. е. по русски 5-го. Значитъ въ тотъ самый день, какъ Вы писали Ваше письмо, я Вамъ назначилъ свой выѣздъ изъ Парижа. Впрочемъ это не бѣда, а худо то, что Вы и В. Д. обманули: она вѣрно тоже писала мнѣ въ Парижъ, потому что я до сихъ поръ ничего отъ нея не имѣю въ отвѣтъ на мои письма. Что съ нею бѣдняжкой дѣлается? Хоть бы влюбилась она въ кого, да замужъ вышла или такъ сошлась бы съ хорошимъ человѣкомъ. Отлегло бы у меня, кажется, отъ сердца. А впрочемъ, и горько было бы немножко.

Въ Діеппѣ встрѣтилъ я Скурыгиныхъ, которые здѣсь пишутся

---

[1]) Съ П. С. Юрьевымъ.

[2]) Книжки „Современника".

[3]) Въ первые дни по возвращеніи Некрасовъ долженъ былъ проводить почти все время въ разъѣздахъ по дѣламъ, такъ что надобно было заботливо справиться, когда можно застать его дома.

[4]) Августа.

Скуридиными для благозвучія. Поручилъ имъ разсказать Вамъ обо мнѣ: они въ половинѣ сентября будутъ уже въ Петербургѣ.

Что Иванъ Максимовичъ? Когда и гдѣ мы съ нимъ увидимся? Кабы онъ мнѣ написалъ въ Веве, я бы крюкъ какой-нибудь сдѣлалъ, чтобы съ нимъ съѣхаться.

До $^{10}/_{22}$ сентября я въ Парижѣ; значитъ, отвѣчайте мнѣ туда poste-restante, или еще лучше Rue Vaugirard, № 30. Это квартира О— —ва; но я ему скажу, чтобы велѣлъ принимать письма на мое имя; а можетъ, я у него же и остановлюсь. Да, забылъ Вамъ сказать, что я уже нынче не Herr, а Monsieur: французы приходятъ въ большое недоумѣніе, видя на адресѣ нѣмецкаго герра.

Можетъ, и отсрочку отпуска успѣете прислать въ Парижъ? Я бы даже денька два-три подождалъ его [1]) нарочно.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(Руанъ, 1 сент. ст. ст. 1860).

Руанъ, $\frac{1}{13}$ сент.

Давно бы надо написать Вамъ, Василій Ивановичъ, о нѣкоторыхъ счетахъ, оставленныхъ мною въ надеждѣ скораго возвращенія. Вотъ они:

1) Шармеру [2]) я остался должнымъ рублей 140 или 150. Надо будетъ заплатить. 2) Отъ Исакова я взялъ нѣсколько книгъ, которыя не заплачены. Потребуйте списочекъ съ цѣнами и заплатите. Если у меня остались 4 тома Mennechet, Matinées littéraires (такъ, кажется, заглавіе)—въ желтой оберткѣ, въ небольшую осьмушку, то ихъ возвратите; остальное заплатите,—а кстати сдѣлайте вотъ что: мнѣ остался должнымъ рублей 50 Чумиковъ [3]); такъ попросите Исакова, чтобы онъ взялъ слѣдующія съ меня деньги отъ Чумикова, а остальное чтобы Вамъ отдали. Да отыщите Чумикова книги: одинъ нумеръ «Дѣтскаго Собесѣдника», да «Исторію Рыцарства», да «Золотой цвѣтокъ», да «Уроки грамматики»—Алейскаго и отошлите къ нему. Адресъ узнаете отъ Исакова.

3) Съ Давыдовымъ тоже у меня счеты, которые долженъ выплатить Ипполитъ Александровичъ. Но такъ какъ на Давыдова полагаться нельзя (взяли ли Вы съ него записку о книгахъ, которыя отосланы послѣ моего отъѣзда?), то возьмите у него списокъ книгъ, числящихся за мною, провѣрьте со спискомъ, который остался у меня въ бумагахъ и идетъ, кажется, до начала 1860 года, да и пришлите мнѣ. Не торопитесь съ этимъ, потому что счеты будутъ еще въ концѣ года.

---

[1]) Т. е. отпуска.
[2]) Портному.
[3]) Издатель „Журнала для воспитанія“.

4) Получите у Вольфа, въ гостинномъ дворѣ, два послѣдніе тома соч. Мицкевича по билету, который прилагаю.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Напишите мнѣ, сколько лѣтъ Ванѣ будетъ въ сентябрѣ—9 или 10? Если 10, то надо бы его во второй классъ готовить.

Да отыщите хоть Вы статью Грыцько [1]) о судѣ по русской правдѣ: онъ, я думаю, плачетъ, что ее не помѣщаютъ, а ее найти не могутъ. Мнѣ помнится, что я ее вмѣстѣ съ другими отослалъ къ Некрасову въ зеленой кардонкѣ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

1 сентября 1860 г.

Изъ прилагаемой бумаги *) ты увидишь, что отсрочки не дали.

По совѣту Д——ча просьбу твою объ отставкѣ я подалъ въ субботу.

Володѣ даетъ денегъ Авдотья Яковлевна и поэтому онъ согласился расходовать твои 3 руб. пополамъ съ Ваней.

За «Современникъ» берутъ до 3 р., его отправляетъ всегда Звонаревъ, какъ знакомый съ таможнями и всѣми формами.

Недавно ко мнѣ являлся узнать твой адресъ Щ—въ, чтобы переслать тебѣ деньги. Я ему посовѣтовалъ заплатить эти деньги мнѣ, и онъ на другой день принесъ 91 р. 15 к.

Къ Павлу Садокычу пойду завтра и расплачусь. Ребята живутъ дружно очень; это значитъ, что начали справляться съ своими страстями, а на первыхъ порахъ дѣло было дрянь. Шалятъ много, впрочемъ довольно сносно; есть надежда, что когда Ваня втянется въ чтеніе и попривыкнутъ оба другъ къ другу и насладятся шалостями, и шалить менѣе станутъ. Ваня, кажется, что будетъ толковый мальчикъ; онъ совершенно открытъ и нисколько не стѣсняется въ исполненіи своихъ желаній. Дѣти часто бываютъ у Авдотьи Яковлевны и она по прежнему ихъ балуетъ, покупая имъ игрушки и разъѣзжая съ ними по островамъ и по Петербургу. Ваня часто у ней читаетъ и пишетъ.

Въ прошлый разъ я тебѣ забылъ написать, что письмо твое къ В. Д. я не отправилъ тотчасъ по полученіи. Оно лежитъ у меня и доселѣ, потому что В. Д. писала П. О., что она около 25 августа переѣдетъ въ И. [2]) и тотчасъ же его увѣдомитъ объ адресѣ; она не увѣдомляетъ—я и жду, чтобы письмо не погибло.

---

[1]) Это былъ псевдонимъ Григорія Захаровича Елисѣева.

*) Эта бумага можетъ служить тебѣ на нѣкоторое время твоимъ видомъ. *Примѣчаніе Василія Ивановича.*

[2]) Этой буквой мы замѣняемъ названіе города.

О назначенiи Ивана Максимовича [1]) будетъ извѣстно въ концѣ сентября. Къ этому времени пришли адресъ. Онъ горитъ желаньемъ обнять тебя и обругать дружески.

А хорошъ я вышелъ съ герромъ-то!!

Для Ванечки все нужное частью сдѣлано, а частью дѣлается. Я ужасно измученъ разными хлопотами и суетами, и потому извини, что не могъ достать оглавленiе журналовъ, кромѣ «Русскаго Вѣстника».

В. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛIЮ ИВАНОВИЧУ.

(Парижъ, 5 сент. стар. стиля, 1860 г.).

$^{5}/_{17}$ сент.

Всякаго рода пакостей надо ожидать, особенно когда имѣешь дѣло съ чиновничествомъ нашего отечества. Поэтому отказъ въ продолженiи отпуска меня не очень озадачилъ; отставкѣ я даже былъ бы радъ. Но дѣло въ томъ, что при даванiи отставки могутъ вспомнить мое обязательство къ службѣ на восемь лѣтъ и принудить оканчивать. Хотя болѣзнь служитъ достаточнымъ удостовѣренiемъ, что я служить не могу, но вѣдь съ ними, пожалуй, не сговоришь. Я не знаю, что и какъ мнѣ теперь дѣлать: Л—скiй писалъ, что Д— —чъ хотѣлъ мнѣ прислать рецептъ прошенiя; но вчера еще ничего не было отъ него на почтѣ. Сегодня лупитъ дождикъ, и мнѣ страшно носъ показать на улицу. Во всякомъ случаѣ дѣло протянется долго. Я придумалъ вотъ что:

На дняхъ, получу или нѣтъ рецептъ, я смастерю просьбу; можетъ, приложу и медицинское свидѣтельство, а то сошлюсь на прежнее, представленное въ просьбѣ объ отпускѣ. Если выпустятъ, такъ ладно. Если же нѣтъ—я пишу на всякiй случай къ нѣкоему Александру Петровичу Жилину, живущему съ семьею въ Дрезденѣ, чтобы онъ меня принялъ домашнимъ учителемъ. Жилинъ конечно согласится. Въ концѣ сентября (по русскому) будетъ онъ въ Петербургѣ; гдѣ его отыскать, узнайте отъ Еракова: они прiятели, и я съ нимъ тамъ и познакомился. Къ концу сентября дѣло мое будетъ ясно; слѣдовательно, Вы съ Жилинымъ можете уладить, что нужно (а нужно отъ него письмо формальное и засвидѣтельственное, что онъ желаетъ и проч.); я же пришлю прошенiе отъ себя.—Но это въ случаѣ крайности; конечно, я и при болѣзни домашнимъ учителемъ могу быть: это меня не обременитъ, когда человѣкъ живетъ за границей; но все лучше бы и отъ этой чаши отдѣлаться. Пожалуйста, поговорите съ Д— —чемъ и похлопочите. Теперь Институтъ уничтоженъ, воспитанникамъ другихъ казенныхъ заведенiй просто прощаютъ казенную службу; слѣдовательно, и мнѣ могутъ простить. Если завяжется дѣло въ министерствѣ просвѣщенiя, тамъ можно уладить черезъ Некрасова и Панаева. Передайте имъ, что я ихъ

---

[1]) Къ отправленiю за границу для ученыхъ занятiй.

прошу — Панаева поговорить Ребиндеру [1]), а Некрасова подѣйствовать черезъ Ковалевскаго [2]),—чтобы меня уволили совсѣмъ и не привязывались.

«Современникъ» получилъ уже въ Парижѣ: должно быть, цензура очень — —: это видно въ каждой статьѣ. Жаль, что Office du Nord, единственное мѣсто, гдѣ было можно читать здѣсь русскіе журналы, закрыто: теперь я и надлежащаго свиста задать не могу. Присылайте мнѣ все-таки, если Вамъ не трудно, оглавленье журналовъ: за августъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Библіотеки» [3]) я не получилъ.

Передайте Вульфу продолженіе статьи, которое прилагаю. Она не нужна для сентябрской книжки, но можетъ за недостаткомъ набору и ее станутъ набирать.

Два пакета, которые мнѣ навязали (а однихъ штановъ, которые я просилъ, не положили въ чемоданъ), до сихъ поръ постоянно составляли самое главное изъ дорожныхъ неудобствъ моихъ; а Вы еще съ шубой пристаете! Ничего мнѣ не нужно.

Поклонитесь отъ меня Павлу Ѳедотычу и скажите, чтобы не очень убивался надъ филологіей, особенно старой, а болѣе читалъ на новыхъ языкахъ, особенно по исторической части и философской, а тамъ и за политическую экономію принялся бы. Все, что у меня тамъ есть—къ его услугамъ. Если у Л -скаго будутъ дни, то не мѣшало бы отрекомендовать его и Л—скому.

Что Турчаниновъ [4]) дѣлаетъ? Когда увидите, спросите у него также вѣстей о Сциборскомъ. Якову Михайловичу Михайловскому тоже поклонитесь; жаль, что я такъ и не собрался отвѣтить его отцу. Можетъ соберусь, но во всякомъ случаѣ Вы скажите, что счетовъ между нами никакихъ нѣтъ.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. Н. КАЗАНСКОМУ.

(Парижъ, 16 сент. стар. ст. 1860 г.).

$^{16}/_{28}$, Парижъ.

Нѣтъ ли чего-нибудь новаго, Петръ Никитичъ? Вы не охотникъ письма писать, и Ваше отвращеніе отъ нихъ равняется только Вашей аккуратности въ исполненіи всевозможныхъ порученій. На этотъ разъ порученія мои состоятъ только—во 1) въ просьбѣ принять отъ меня благодарность за присылку Кольба и Anzeiger'а (отъ чего Кольбъ въ двухъ пакетахъ раздвоенный присланъ?); во 2) въ увѣдомленіи Васъ, что я еще недѣлю по крайней мѣрѣ пробуду въ Па—

---

1) Директору департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.
2) Егора Петровича, брата министра.
3) То-есть, оглавленія этихъ журналовъ.
4) Владиміръ Петровичъ, младшій братъ Николая Петровича.

рижѣ и что слѣд. Вы можете мнѣ отвѣтить и прислать Анцейгера въ Парижъ, Rue Vaugirard, 30. Затѣмъ—все просьбы—написать что-нибудь о нѣмцахъ, такъ какъ Парижъ на счетъ всего нѣмецкаго очень слабъ. Что нѣмцы теперь объ Венеціи и о папѣ пишутъ? Нѣтъ ли политическихъ брошюръ замѣчательныхъ по этой части? Нѣтъ ли также новыхъ русскихъ книжекъ, полюбопытнѣе Головинскихъ? *) Я думаю, что теперь, къ осени, и у нѣмцевъ, какъ у насъ, начинается нѣкоторое оживленіе въ книжной дѣятельности. Что они о венгерцахъ говорятъ и что сами венгерцы публикуютъ въ *свободныхъ* земляхъ Германіи? Это любопытно было бы знать мнѣ, и если Вамъ не затруднительно это, такъ увѣдомьте вкратцѣ, а то и книжки пришлите, ежели замѣчательныя есть.

Что Вагнеровы публикаціи? [1]) Вы мнѣ о нихъ ничего не сказали. Есть ли признаки, что будутъ подписчики? А въ Россіи все идетъ хорошо; мнѣ пишутъ, что и въ нынѣшнемъ году всѣ экземпляры [2]) разошлись, а было ихъ 6500.

Я вслѣдствіе купаній значительно поправился. Собираюсь на югъ, да все нельзя еще выбраться: отпуска мнѣ не дали, а велѣли выдти въ отставку; а между тѣмъ паспортъ просроченъ. Все надо хлопотать да ждать.

Ежели не захотите или не успѣете отвѣтить скоро, то пишите уже Suisse, Vevey, poste restante.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

И листокъ-то не умѣлъ взять, какъ слѣдуетъ: вверхъ ногами взялъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 19 сент. 1860).

Я тебѣ писалъ въ Парижъ о томъ, что я подалъ просьбу о твоей отставкѣ. Нынѣ могу сказать тебѣ только то, что штабъ [3]) согласился на отставку и 14 сентября представилъ объ этомъ въ Инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Былъ я и тутъ, мнѣ сказали, что въ слѣдующую пятницу подадутъ докладъ вице-директору, въ субботу утромъ онъ будетъ у директора, вечеромъ у министра, а въ воскресенье представится на утвержденіе государя. Если можно жить безъ виду, то такая медленность ничего, а если нельзя, то я и не знаю, чѣмъ тебя утѣшить. Когда получится отставка, я подамъ просьбу о паспортѣ, а ты ужь объ этомъ не хлопочи сочинять новую просьбу.

Объ деньгахъ Шармеру я говорилъ П. О. Онъ посовѣтовалъ мнѣ

---

*) *Замѣтка П. Н. Казанскаго*: „Головинъ — эмигрантъ и авторъ многихъ безсмысленныхъ книгъ“.

[1]) О подпискѣ на „Современникъ“.

[2]) „Современника“.

[3]) Военно-учебныхъ заведеній.

погодить платить до новой подписки. Я случайно видѣлъ Шарнера. говорилъ ему о твоемъ порученіи и заботливости о долгѣ, а также и о томъ, можетъ ли онъ потерпѣть, если денегъ скоро не будетъ; онъ сказалъ, что для г. Добролюбова можно. Деньги Исакову я заплатилъ свои, посылаю счетъ его и описи книгамъ, сданнымъ ему и Давыдову (въ особомъ конвертѣ). Давыдовъ оставилъ мою опись у себя, а для тебя списалъ съ нея копію, которую я свѣрилъ. Чуминковъ былъ въ отъѣздѣ, обѣщался, дескать, пріѣхать 15 сентября. Къ нему я съѣзжу. Двухъ книгъ, а именно «Дѣтскаго собесѣдника» и «Золотого цвѣтка» я не отыскалъ.

Ты меня просишь получить отъ Вольфа два тома сочиненій Мицкевича, но билета не приложилъ.

Продолженіе твоей статьи я отослалъ въ типографію.

Павелъ Ѳедотовичъ благодаритъ тебя за вниманіе. Турчаниновъ не является, поэтому ничего не знаю и о Сциборскомъ. Не видалъ также и Михайловскаго.

Напиши, какъ возвратить книги Давыдову. Разборъ книгъ пишетъ Елисѣевъ.— —

Ванечка очень рѣзвый, но премилый мальчикъ. Онъ теперь боленъ, и довольно сильно, лихорадкою. Иванъ Максимычъ лѣчитъ. Когда Ванечка выздоровѣетъ, то я по необходимости и совѣту [1]) Авдотьи Яковлевны найму ему учителя, чтобы у него было дѣло и чтобы онъ меньше соблазнялъ Володю [2]). Ванѣ 24 сентября будетъ 9 лѣтъ.

Хлопотъ мнѣ страшно много, но жизнь все-таки сносна, а пообглядимся, будетъ лучше.— —

Ни въ Корпусѣ, [3]) ни въ Штабѣ нѣтъ на бумагѣ свѣдѣнія объ обязательной твоей службѣ, поэтому можно надѣяться, что твоя отставка будетъ первая и послѣдняя на гражданской службѣ.

При этомъ письмѣ я посылаю тебѣ оглавленія «Свѣточа» и «Отечеств. Записокъ» за августъ (а больше теперь я не имѣю подъ руками) и «Русскаго Вѣстника» № 16.

Надобно тебя предупредить, что твоя отставка можетъ отдалиться, если государь раньше будущаго воскресенья уѣдетъ въ Вѣну. — —

«Современникъ» пойдетъ завтра.

В. Добролюбовъ.

19 сентября 1860.

Некрасовъ нынѣ пріѣхалъ; еще не ходилъ къ нему.

---

1) То есть „и по совѣту“.

2) На шалости.

3) Т. е. во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ, на службѣ въ которомъ числился Николай Александровичъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Парижъ, 26 сент. стар. стиля, 1860*).

$^{28}/_{8}$, Парижъ.

Дѣло вотъ какое, Василій Ивановичъ: русское посольство не хотѣло меня пропустить на путешествіе съ просроченнымъ паспортомъ; послѣ же увѣреній моихъ, что я жду отставки, рѣшило написать на паспортѣ, что могу я съ нимъ возвратиться въ Россію—черезъ Сардинію. Это въ томъ родѣ, что изъ Москвы въ Петербургъ возвращаться черезъ Одессу; но не въ томъ штука, а въ томъ, что по этой подписи и французская полиція меня выпроваживаетъ изъ Франціи—для возврата въ Россію. Это значитъ, что разъ выѣхавши изъ французскихъ владѣній, я уже не могу въ нихъ опять появиться съ моимъ паспортомъ; а между тѣмъ Ницца и Каннъ, гдѣ я хотѣлъ расположиться на зиму,—во Франціи. Выходитъ, что мнѣ необходимо имѣть новый паспортъ, подобный прежнему; если Вы его успѣете выправить, то надо бы его визировать въ посольствахъ французскомъ, прусскомъ, австрійскомъ и сардинскомъ. Если же Вамъ дадутъ какую-нибудь бумагу, то нельзя ли потребовать, чтобы она была написана по-французски или, по крайней мѣрѣ, по-нѣмецки. Иначе мнѣ надо будетъ постоянно хлопотать, чтобы ея дѣйствительность была свидѣтельствована нашимъ посольствомъ, такъ какъ европейцы, по глупости своей, русскаго языка не понимаютъ. А до посольства нашего иной разъ надо цѣлое путешествіе предпринимать, ибо не во многихъ городахъ оно находится. Впрочемъ, Вамъ должны все сказать, что́ можно и нужно, въ Петербургѣ; устройте, пожалуйста, чтобы наконецъ мнѣ успокоиться можно было. А то вотъ два мѣсяца я вожусь съ паспортами, и это даже лишаетъ меня возможности окончательно опредѣлить планъ своихъ поѣздокъ.

Ландшафтикъ мой посылаю Вамъ: радуйтесь на него. А Ивану Максимовичу не шлю: пусть самъ меня увидитъ. Въ прошломъ письмѣ я писалъ Вамъ о Мицкевичѣ, а билетъ-то позабылъ вложить: теперь вкладываю.

Чтобы знать мнѣ, каковы мои финансы, сходите по выходѣ октябрьской книжки къ Ипполиту Александровичу и попросите свести счетъ, сколько я забралъ денегъ, и сколько мнѣ слѣдуетъ въ нынѣшнемъ году. Вы же, съ своей стороны, сообщите мнѣ, сколько денегъ взято безъ меня на хозяйство,—вообще, чтобы балансъ былъ ясенъ. Вы теперь должны это дѣло мастерски обдѣлывать по бухгалтерской наукѣ [1]).

Пріѣхалъ ли Некрасовъ и видѣлись ли Вы съ нимъ? Я ему писалъ относительно денегъ для Нижняго, и о Васъ.

---

1) Василій Ивановичъ въ это время изучалъ бухгалтерію, чтобы подготовить себя къ полученію хорошей должности въ государственномъ банкѣ, въ которомъ служилъ.

Въ Веве́ вѣроятно есть уже нѣсколько писемъ для меня; а я еще остаюсь въ Парижѣ дней пять, а можетъ, и недѣлю. Погода покамѣстъ не дурна, холоду нѣтъ, шляюсь много.

Отчего «Современникъ» такую несмѣтную сумму стоитъ за пересылку? Это нелѣпость. Развѣ его посылаютъ, какъ письма, по легкой почтѣ? Можно какъ посылку отправлять; онъ придетъ позже, но дешевле будетъ. Чтобы тамъ ни было, но пересылка русскихъ книгъ за границу не должна стоить дороже пересылки заграничныхъ въ Россію. А изъ-за границы книги величиною съ «Современникъ», получаютъ съ платою отъ 20 до 40 коп. за пересылку. Иначе бы не было возможности книги выписывать. Пожалуйста, вразумите Звонарева. Или это *въ годъ* стоитъ 3 рубля за пересылку? Тогда конечно ничего—сносно.

Что Володя съ Ваней дѣлаютъ? Попросите отъ меня Егора, чтобы онъ въ Ваше отсутствіе наблюдалъ за цѣлостью Вани и не пускалъ его на холодъ и дождь. Теперь должно въ Петербургѣ начаться скверное время. Да, съ Ваней вѣроятно надо обращаться совершенно какъ съ взрослымъ — давать ему резоны, а впрочемъ ни къ чему не принуждать. По его характеру, онъ можетъ хорошо развиться и быть тѣмъ, чѣмъ я бы могъ сдѣлаться, если бы меня не давили въ дѣтствѣ. Да еще: не возбуждайте между братьями соревнованія; оно и безъ того должно быть, и надо умѣрять его, а не усиливать похвалами и сравненіями. Это только прибавитъ къ характерамъ обоихъ лишнюю долю непріязненности и тщеславія.

Вкладываю Вамъ еще кусочекъ статьи для немедленной передачи Вульфу [1]. Слѣдующіе листки дочитываются и посылаются къ нему прямо.

Прощайте покамѣстъ. Надѣюсь, что Вы здоровы. Послано ли письмо къ В. Д.? Гдѣ она теперь? Да что Аничковы съ своимъ обществомъ? Не узнаете ли чего о сестрѣ Аничковой? Не видали ли Клемансы? Если встрѣтите, поклонитесь, — скажите, что я ее вспоминаю.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Ежели отъ В. Д. нѣтъ никакого извѣстія, будьте добры, отыщите въ университетѣ N. [2]) и спросите нѣтъ ли о ней извѣстій у N. N. [3]), которая у нихъ живетъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 27 сент. 1860*).

25 сентября, приказомъ за № 41, тебя уволили въ отставку безъ всякихъ обязательствъ—по болѣзни.

---

1) Въ типографіи котораго печатался „Современникъ“.
2) Здѣсь написана фамилія мужчины.
3) Имя и отчество женщины.

Когда получу аттестать, буду хлопотать о заграничномъ паспортѣ. Ванечка все еще боленъ и не поправляется, Иванъ Максимычъ говоритъ, что болѣзнь идетъ правильно и что онъ выздоровѣетъ. Но болѣзнь его меня просто убиваетъ, потому что и день и ночь покою нѣтъ.

Егоръ совсѣмъ сбѣсился и меня огорчилъ такъ, какъ никто въ мірѣ. Ему показалась трудна работа съ постояльцами, началъ искать мѣста и не ночевалъ—почему, спрашиваю? пьянъ, говоритъ, былъ; ну это, разумѣется, ничего. Черезъ день напился пьянъ съ утра и далъ Ванечкѣ вина — сотерну, котораго уже я далъ—ложку Иванъ Максимычъ велѣлъ—а онъ еще далъ рюмку.—«Зачѣмъ?» говорю— «Да Иванъ Александровичъ просили». Ванечка едва перенесъ этотъ пріемъ и я, дѣйствительно, страшно его [1]) обругалъ. Послѣ опять дня два такъ жилъ, и кончилъ тѣмъ, что укралъ у меня 100 р. Вотъ плоды моей либеральности и человѣчнаго обхожденія. Пошелъ объявлять въ кварталъ, стали его допрашивать; не сознается. Посовѣтовали мнѣ посадить его въ арестантскую; я было и согласился,—вышелъ уже—и воротился сказать, что я его прощаю и проклинаю вмѣстѣ. Уродъ я, а не человѣкъ. Этотъ Егоръ убилъ меня и своимъ поступкомъ, и деньгами, которыя для меня не дешевы, и я до сихъ поръ не могу повѣрить, чтобы онъ могъ сдѣлать такую пакость. По всѣмъ строгимъ соображеніямъ, больше его никто украсть не могъ, и укралъ въ то время, когда я выходилъ въ другую комнату, потому что утромъ видѣлъ всѣ деньги. Посылаю тебѣ оглавленія журналовъ.— —

В. Добролюбовъ.

27 сентября 1860 г.

Въ Вевé я тебѣ уже писалъ; это второе письмо. Туда и «Современникъ» пошелъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(*Отъ 5 окт. 1860*).

5 октября.

Пишу тебѣ, Николай Александровичъ, нынѣ затѣмъ, чтобы сказать тебѣ, что Ванечкѣ *гораздо лучше,* что́ меня восхищаетъ и совершенно успокоиваетъ отъ послѣднихъ неустройствъ, о которыхъ я тебѣ писалъ.

Въ прошлый разъ я тебѣ разжаловался, какъ плаксивая баба. Впрочемъ это моя обыкновенная манера и это ничего; но нехорошо я тамъ выразился на счетъ пропавшихъ 100 р., какъ бы желая взвалить ихъ на твою же шею за мою наивность. На другой день я сообразилъ, что выразился дурно, и теперь пишу тебѣ, что 100 р. пропали по моей глупости и если впослѣдствіи у меня ихъ не доста-

---

[1]) Егора.

нетъ, то я попрошу ихъ у тебя взаймы. Некрасовъ еще ничего не сдѣлалъ, да я и не хлопочу теперь объ мѣстѣ. Двойную бухгалтерію я прошелъ, прохожу ее еще въ пространномъ видѣ и къ ноябрю надѣюсь быть смышленнымъ бухгалтеромъ, хотя и не бойкимъ. Выздоровѣетъ Ванечка и тогда начну хлопотать, если Некрасовъ не схлопочетъ; но онъ хотѣлъ усердно заняться.

Уже болѣе недѣли при Ванечкѣ постоянно сидитъ сестра милосердія. Нынѣ онъ поѣлъ и посидѣлъ.

Завтра надѣюсь, послѣ многихъ хлопотъ и разъѣздовъ, получить твой аттестатъ изъ Корпуса, а въ пятницу подать просьбу и сдѣлать именно такъ, какъ ты пишешь, и настоять, чтобы мнѣ выдали паспортъ, а не увѣдомили объ отсрочкѣ посольство наше въ Бернѣ для сдѣланія объ этомъ надписи на твоемъ паспортѣ, какъ мнѣ сказали въ канцеляріи генералъ-губернатора.

«Петербургскія Вѣдомости» громятъ «Современникъ»: въ № 206, 23 сентября, помѣщена статья на N. [1]) за Молинари и Державина: «Особый способъ писанія экономическихъ статей»; 4 октября написано (озаглавлено «Литературная измѣна») ругательство «Современнику» и «Свистку» за то, что не уважаетъ авторитеты и обругалъ Григоровича за его «Бесѣды».—«Петербургскія Вѣдомости» въ концѣ говорятъ, что, можетъ быть, редакторы отзовутся, что еще напишутъ разборъ «Бесѣдъ» и пр. Если ты не знаешь, то я тебѣ скажу, что Григоровичъ назадъ тому мѣсяца три, на замѣчанія «Искры» противу его «Бесѣдъ», писалъ въ редакцію этой газеты, что принимаетъ всякое дѣльное замѣчаніе и что онъ приступилъ уже къ исправленію своихъ «Бесѣдъ». Послѣ такого отзыва самого автора, можетъ ли быть умѣстна критика? Отзывъ Григоровича я самъ читалъ.

Авдотья Яковлевна ужасно огорчена нападками и присудила отправить къ тебѣ всѣ статьи, написанныя противъ «Современника». Чай [2]), пришлютъ.

Въ № 103, 24 сентября, «Одесскихъ Вѣдомостей», пишутъ, что г. Алекевичъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» доказалъ несправедливость опроверженій, сдѣланныхъ Юріемъ Летголой противъ выводовъ Костомарова и прибавляютъ, что Алекевичъ весьма основательно разрушилъ въ лицѣ Летголы авторитетъ въ вопросѣ о литовскомъ языкѣ.

Пишетъ Михаилъ Алексѣевичъ, что къ Аннушкѣ сватается учитель —скаго уѣзднаго училища N; жалованья получаетъ 300;— — они желаютъ твоего отвѣта; а я бы думалъ, что женихъ плохъ.— —

В. Д. живетъ въ Б.— — [3]) и пишетъ, что больна послѣ переѣзда.— — Письмо [4]) отправилъ.

Благодарю за портретъ.

Володя учится лучше.

В. Добролюбовъ.

---

[1]) Здѣсь названа фамилія одного изъ сотрудниковъ „Современника“.

[2]) То есть: „вѣроятно, пришлютъ ихъ тебѣ“.

[3]) Слѣдуетъ адресъ ея въ Б.

[4]) Письмо Николая Александровича, которое оставалось не отправлено Василіемъ Ивановичемъ по неизвѣстности ея адреса.

На мѣсто Егора взялъ Еремѣя, жившаго десять лѣтъ у тетки Ив. Максимов.

Объ заборѣ твоемъ справлюсь. Я взялъ для себя 250 рублей и для хозяйства 120 рублей.

Чуликовъ заплатилъ 45 рублей.

ПИСЬМО Н. А—ЧА ВАСИЛЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Парижъ, 13 окт. стар. стиля, 1860*).

13/25

Пошлите «Современникъ», если еще не посланъ, въ Парижъ, Rue Vaugirard, 30, О— —ву.

Попросите Вульфа сохранить, если можно, до моего пріѣзда цензорскія корректуры статьи моей въ сентябрской книжкѣ и впредь по экземпляру корректуръ, которыя цензоръ обдирать станетъ.

Исаковъ повергъ меня въ изумленіе и ужасъ. Вѣрно по какой нибудь ошибкѣ я не возвратилъ ему «Blonchard, Buffon de la jeunesse» (8,50) [1]), «Masson» (3), «Enfans célèbres» (2,40), «Guizot, L'écolier, Jacob, Petit Buffon» (3) и Zimmermann, Les phénomènes de la nature» (4,80); а можетъ, даже и возвратилъ, либо я не бралъ, а кто-нибудь другой [2]). Дѣло въ томъ, что мои книги это тѣ, которыя записаны въ спискѣ Ивана Максимовича и отосланы при отъѣздѣ; а другой разрядъ книгъ были *дѣтскія* книги, для разбора въ «Журналъ для Воспитанія». Ихъ я отослалъ прежде, вычеркнувъ всѣ отосланныя изъ списка, присланнаго мнѣ тогда изъ магазина. Оставалось, помнится, книжонки три не найденныхъ; а тутъ вдругъ ихъ оказалось на 25 рублей! Поищите, не найдете ли этого списочка: онъ валялся у меня въ столѣ, въ ящикѣ: ужасно мнѣ жаль бросить деньги ни на что, вслѣдствіе одного недоумѣнія; это самая подлая и досадная трата, какая только возможна. Когда украдены деньги, такъ и то легче. Если окажется что-нибудь изъ Исаковскихъ книгъ, попробуйте, нельзя ли возвратить и получить деньги; если не окажется, то попросите Исакова или Превó посмотрѣть хорошенько, точно ли эти книги за мною, и не были возвращены. Я увѣренъ, что я, если бралъ ихъ, то возвратилъ: на какой чортъ мнѣ этакое— —? [3]). Изъ всѣхъ выписанныхъ [4]) ими книгъ я только и хотѣлъ оставить двѣ книги: Мишлé и Леньяна, La satire en France: все это стоитъ 3 р. 65 коп., а не 27 руб. *съ уступкою*. Всего бы лучше, кабы Вы списочекъ-то [5]) отыскали: ихъ

---

1) Эта и слѣдующія цифры, означаютъ цѣны книгъ, выставленныхъ въ счетѣ Исакова.

2) Кто-нибудь изъ писавшихъ рецензіи въ „Журналѣ для Воспитанія“.

3) Слѣдуетъ рѣзкое слово; смыслъ выраженія равнозначителенъ словамъ: „этакую дрянь“.

4) Внесенныхъ ими (Исаковымъ и его приказчиками) въ этотъ списокъ.

5) Тотъ списокъ, составленный самимъ Николаемъ Александровичемъ, о которомъ говорилось прежде.

было два, на двухъ такихъ же лоскуткахъ, какіе Вы и мнѣ прислали. «Золотой цвѣтокъ» оказался въ числѣ книгъ, отосланныхъ Исакову: тамъ ему и быть слѣдуетъ.

Съ Давыдовымъ всякіе счеты должны быть или отложены до моего возвращенія, или преданы въ его полную волю: они тянутся почти на 3 года. Только вотъ что могу написать къ свѣдѣнію: 1) «Положеніе Крестьянъ», 2) «Печатная правда», 3) «Тюрго», Муравьева, 4) «Политическая экономія», Горлова, 5) «Теорія финансовъ», Шиля, 6) «Очерки Англіи», Чичерина, должны быть у Л—скаго; «Русская Бесѣда» 1860 г. № 11, «Годъ на сѣверѣ», «Русскія легенды», Аѳанасьева—у Некрасова; «Пермскій Сборникъ», «О развитіи языка», Билярскаго, «Объ источникахъ баснословія», «Хата», «Записки Марковича»—у Пыпина; «Древняя исторія», Шульгина, и «Исторія Литературы», Зеленецкаго—у А. С. Головачева: при свиданіи спросите, хочетъ ли онъ ихъ оставить у себя или возвратить. «Современникъ» № 8 записанъ по какому-то глупому случаю: я противъ этого, потому что навѣрное знаю, что получилъ *свой* экземпляръ, а другого не бралъ. «Сатирическіе журналы» и «Кобзарь» записаны почему-то два раза: пусть умилостивятся и напишутъ хоть одинъ разъ. А то возьметъ кто-нибудь другой: Некрасовъ, Л—скій, Пыпинъ (или Карновичъ и Колбасинъ прежде брали), а все на меня пишутъ. Журналъ Министерства Юстиціи, № 5, если попалъ ко мнѣ изъ магазина, то возвратите, а то за цѣлый годъ сдерутъ, пожалуй. Да вотъ что я замѣтилъ, что въ спискѣ старомъ, который Вы мнѣ прислали, не вычеркнуты нѣкоторыя книги, о которыхъ я знаю навѣрно, что возвратилъ ихъ, напримѣръ «Военный сборникъ» — 10 книжекъ. Ужь это-то я помню. Я не этого желалъ, а того, чтобы мнѣ присланъ былъ списокъ того, что́ теперь за всѣми отдачами на мнѣ еще числится; а то десять списковъ: одинъ для возвращенныхъ, другой для полученныхъ, третій дополнительный, и все это на цѣлую редакцію. А выходитъ, что почта лишь требуетъ неимовѣрныя деньги за пересылку[1]). Пожалуйста, на почтовомъ листкѣ велите не очень размашисто выписать все, что за мною. Это нужно, главное вотъ для чего: Давыдовъ можетъ, пользуясь моимъ отсутствіемъ, поставить тѣ же книги въ счетъ и Некрасова, и Л—скаго и проч., а съ меня содрать своимъ чередомъ. Такъ надо въ ясность привести. Много я Вамъ дѣлаю возни, да ужь такъ видно и быть, когда-нибудь успокоимся.

Слѣдующее письмо и отставку мою присылайте на имя О— —ва въ Парижъ. Я думаю пробыть здѣсь еще недѣли двѣ. Черезъ Жилина я спрашивалъ Вальтера, нужно ли мнѣ виноградное лѣченье; Вальтеръ сказалъ, что пожалуй, пусть его объѣдается, а впрочемъ главное въ отдыхѣ и теплѣ, да воздухѣ. Узнавъ это, да извѣстясь, что нынѣшній годъ виноградъ по случаю подлаго лѣта вовсе не удался, какъ и всѣ плоды, я счелъ ненужнымъ забиваться въ Вевейскую глушь и остаюсь въ Парижѣ, пользуясь тѣмъ, что погода октябрская несравненно лучше той, какую я имѣлъ въ Швейцаріи

[1]) Писемъ, въ которыя вложено много листовъ списковъ книгъ.

въ іюнѣ. Иванъ Максимовичъ будетъ ругаться,—что парижскій воздухъ мнѣ вреденъ, скажетъ. Утѣшьте его тѣмъ, что я живу почти не въ Парижѣ, за Сеною, противъ Люксамбурга, и по цѣлымъ днямъ шляюсь по саду и по набережнымъ, вечеромъ же бѣгаю въ театръ и на балы. Сюда ждутъ Маріо въ итальянскую оперу, и я хочу его подождать. На прошлой недѣлѣ дня три зубы болѣли, но вообще я здоровъ; кашель почти совсѣмъ превратился, желудокъ исправенъ. Виноградъ я и здѣсь ѣмъ, и трачусь на него очень—франка по три въ день постоянно.

Что за болѣзнь у Вани? И что за болѣзнь у Егора? Вы правду пишете, что онъ, должно быть, сбѣсился: въ здоровомъ положеніи человѣкъ этакъ поступать не можетъ. Не оставила ль его любовница, не умеръ ли сынъ, не обидѣлъ ли до смерти баринъ или что-нибудь въ этомъ родѣ? Во всякомъ случаѣ согласитесь, что ни у кого нельзя было бы воровать такъ удобно, какъ у меня, а между тѣмъ годъ прожилъ Егоръ, не стянувши ни одного гривенника: кабы наклонности воровскія были, вѣдь не удержался бы!

Скоро я буду писать Некрасову. А пока скажите, что вѣдь «Свистокъ» зависитъ весь отъ матеріаловъ, которыхъ у меня рѣшительно нѣтъ. О Европѣ я сочинилъ кое-что для октября, хоть и плоховато вышло, но сойдетъ, можетъ, коли цензура пропуститъ; а для Россіи пусть мнѣ пришлютъ что-нибудь достойное вниманія—я и обработаю. А то вѣдь ничего-таки нѣтъ, рѣшительно ничего! Объ Европѣ я и для ноября пришлю непремѣнно.

Къ вамъ Жилинъ долженъ на дняхъ зайти: полюбезничайте съ нимъ отъ моего имени и скажите, что уже ничего не нужно.

А какимъ меня чиномъ выпустили? Хочу въ Парижѣ карточки визитныя заказать, такъ надо будетъ приписать чинъ мой и достоинства: по пріѣздѣ и буду развозить.

Прощайте, покамѣстъ. Обо мнѣ не сокрушайтесь, и объ себѣ тоже. Все перемелется. На этомъ основаніи я здѣсь даже жениться хотѣлъ.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

(Отъ 19 окт. 1860).

Начинаю съ главнаго: Ванечка почти выздоровѣлъ, ходитъ по комнатѣ, кушаетъ и веселъ. Авдотья Яковлевна старается сосредоточить на немъ всю свою любезность и дружбу къ тебѣ: почти каждый день бываетъ у насъ, разъ сидѣла цѣлый вечеръ и мы играли въ лото; Ванечка выигралъ и былъ крайне доволенъ. Денегъ она ему серебромъ надавала до 7 руб., накупила рубашекъ, кофтъ и кофточекъ, карандашей, ножъ и прочія игрушки. Говорила она прежде, что когда Ванечка поправится, то возьметъ къ себѣ на мѣсяцъ, чтобы сохранить здоровье. Разумѣется, если будетъ здорова—возь-

метъ. В. Д. нынѣ прислала очень веселое письмо, пишетъ, что выздоровѣла, что ее тамъ любятъ и она бываетъ въ хорошемъ обществѣ.

Володя учится изрядно и съ толкомъ. Читаетъ книги.

Ты, чай, злишься, что не шлю паспортъ. Потерпи денька четыре; за то тебѣ предстоитъ чистая отставка и 5-лѣтній паспортъ. Вчера послана бумага отъ канцеляріи генералъ-губернатора къ министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы тебѣ сдѣлали въ посольствѣ надпись на паспортѣ объ отсрочкѣ. Иначе, говорятъ, нельзя. Впрочемъ эта надпись, я, разсудивши, думаю, будетъ тебѣ такъ же полезна, какъ и новый паспортъ. Былъ нынѣ въ министерствѣ, тамъ еще не дошла бумага до столоначальника. Хотѣли въ два дня послать увѣдомленіе въ Бернъ. Помедливши два дня, пошли съ почтой свой паспортъ туда и проси: когда получится бумага изъ министерства, чтобы сдѣлали надпись и выслали къ тебѣ. Я же, если дня черезъ два не вышлется бумага, или, если бы вышла какая-нибудь остановка, обязываюсь тебя увѣдомить; а если ничего не пришлю, то, значитъ, бумагу послали.

Некрасовъ еще не пріѣхалъ изъ Владимірской губерніи, ждали нынѣ домой.

А мои дѣла все плохи. Хотѣлъ покончить съ бухгалтеріей и съ ноября хлопотать объ должности, такъ кровь горломъ пошла; другую недѣлю ничего не дѣлаю. Со вчерашняго дня и кровохарканье исчезло—нынѣ опять принялся за работу.

Въ послѣдній разъ я тебѣ посылалъ вовсе ненужныя объявленія и надѣлалъ себѣ заботы; когда будешь писать, напиши, дошли ли они до тебя.

Иванъ Максимычъ въ концѣ мѣсяца ѣдетъ въ Вѣну и оттуда тебѣ напишетъ, гдѣ Вамъ лучше свидѣться. Читали мы съ Иваномъ Максимычемъ твой «Свистокъ» въ корректурѣ, дивились твоему умѣнью говорить и доказывать такъ, какъ захочешь, — и убѣдительно выходитъ. Дожидались Некрасова, и тогда пошлютъ къ цензору. Цензура плоха, и не знаю, пройдетъ ли [1]); но хлопотать будутъ, Авдотья Яковлевна говоритъ,—она и дала мнѣ его [2]) прочитать.

В. Добролюбовъ.

19 октября 1860 г.

ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА.

25 октября 1860 г.

Я тебѣ, Николай Александровичъ, писалъ въ Веве́, что паспорта не выдадутъ новаго, а пошлютъ бумагу въ Бернъ, чтобы сдѣлали надпись объ отсрочкѣ на старомъ.

---

1) Этотъ „Свистокъ“ былъ напечатанъ черезъ два мѣсяца въ декабрской книжкѣ „Современника“.

2) То-есть, „Свистокъ“.

Я тебѣ тамъ далъ совѣтъ и какъ хлопотать объ надписи. Нынѣ эту бумагу отправили изъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ѣздить за надписью не стоитъ, а пошли старый паспортъ въ Бернъ съ почтой, прося возвратить.

Я и не знаю, что дѣлать съ Исаковскими книгами, гдѣ ихъ искать и какъ открыть истину. Иванъ Максимычъ смотрѣлъ и говоритъ, что тѣхъ книгъ, за которыя взяли деньги, у насъ нѣтъ; а Исаковъ клянется, что онъ тебѣ ихъ послалъ, и что ты ихъ не возвратилъ. Списка я искалъ дома, да не нашелъ; недавно я видѣлъ, и, кажется этотъ, списокъ въ книгахъ, а получивши твое письмо, перелистовалъ книгъ 30 и не нашелъ. Теперь я плохо все здоровъ и устаю скоро; а послѣ пойщу и сдѣлаю все, что нужно будетъ.

Давыдова я не засталъ, а его конторщикъ сказалъ, что они составили общій списокъ всѣмъ книгамъ, взятымъ редакціею, и отослали къ Ипполиту Александровичу Панаеву. Я думаю завтра отправиться къ Ипполиту Александровичу и скажу ему, что ты пишешь, и, кстати, узнаю о твоемъ заборѣ [1]).

Груду списковъ я отправилъ тебѣ по твоему желанію, чтобы ты самъ могъ повѣрить и высчитать, сколько теперь у тебя Давыдовскихъ книгъ; и безъ этихъ списковъ ты бы ничего не могъ вѣрно сказать о томъ, что у тебя есть и что возвращено.

Ванечка поправляется. Некрасовъ все еще не пріѣзжалъ съ охоты. Ужь я не знаю, что тебѣ сказать объ Егорѣ: одно только развѣ, что деньги украсть, кромѣ его, некому. Причина кражи, я думаю, та, что при тебѣ онъ пользовался отъ вина, отъ извощиковъ, отъ Володиныхъ завтраковъ и всякихъ другихъ закусокъ, и все это незамѣтно для тебя; а безъ тебя ничего этого онъ не имѣлъ; а деньги у меня видѣлъ; тутъ нужды подошли: передъ покражей онъ Володѣ говорилъ, что ему нужны 50 рублей,—вѣрно, чтобы купить мѣсто; а утромъ, укравши, ему говорилъ, что у него уже много будетъ. Можетъ, онъ давно имѣлъ эту мысль. Часто я ему говорилъ, что онъ вѣрно боленъ, потому что блѣденъ былъ и худѣлъ, и можетъ быть, отъ думы—украсть или не украсть; а тутъ, кстати, наслушался о покражѣ денегъ у Лаврецова N—ымъ и о томъ, что N—у и сдѣлать-то ничего нельзя, — вотъ и укралъ. Но мнѣ Егора жалко до сихъ поръ и жалко не денегъ, но что онъ укралъ деньги.—Ты бы погодилъ писать новый «Свистокъ»: подожди, когда пропустятъ прежній, который ужь разъ не пропустили. Л—скій говоритъ, что пропустятъ для ноябрской книжки.

Я живу тѣсно; а Жилинъ вѣрно баринъ; я сказалъ Еремѣю, что если не будетъ постояльцевъ дома, то что бы принялъ въ ихную комнату,—а если дома, то чтобы сказалъ, что нѣтъ меня.

Аттестатъ твой остался въ канцеляріи губернатора [2]) до возвращенія паспорта. Объ чинѣ [3]) я мало хлопоталъ, чтобы не сдѣлать остановки и поэтому оставаться тебѣ должно вѣкъ нечиновнымъ.—

---

[1]) То есть, о томъ, сколько денегъ взято тобой изъ кассы „Современника".

[2]) То есть: генералъ-губернатора.

[3]) Подразумѣвается: „для тебя", — о томъ, чтобы тебѣ при отставкѣ былъ данъ чинъ.

Да ты женись [1]), только смотри, чтобы лесть и любезность дѣланная тебѣ не показались истиною. Француженки хитры, ну да и ты гораздъ. Напиши Володѣ, чтобы онъ учился внимательнѣе и нельзя ли въ каждый разъ писать мнѣ, спрашивая: что онъ, хорошо ли учится.

В. Добролюбовъ.

Иванъ Максимычъ черезъ три дня ѣдетъ въ Вѣну и напишетъ тебѣ оттуда.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

Генуя, 5/17 дек. 1860.

Что съ вами сдѣлалось, ужь я и не знаю. Писемъ ни отъ кого — вотъ ужь полтора мѣсяца. А между тѣмъ извѣстія никогда мнѣ не были такъ нужны, какъ теперь. Что Ваня? Что мои счеты съ Ипполитомъ Александровичемъ? Что Ваши занятія и мѣсто? Что квартира и хозяйство? Что подписка на «Современникъ»? Что сватовство Аннушкино? Обо всемъ этомъ Вы хотѣли мнѣ написать, и между тѣмъ рѣшительно ничего нѣтъ. Пожалуйста, отвѣчайте хоть на это письмо во Флоренцію до конца декабря poste-restante. Я писалъ II. О. о присылкѣ мнѣ денегъ къ концу декабря во Флоренцію; если нельзя, то попросите, чтобы хоть увѣдомили поскорѣе, куда и какъ можно выслать деньги. Они должны это лучше знать въ Петербургѣ; я въ Парижѣ не справился, а здѣсь никто ничего не знаетъ.

Я не получилъ извѣстія, прошла ли первая статья о Неаполѣ, но продолжаю на удачу, и на дняхъ вышлю вторую статью. Скажите имъ [2]). Кабы зналъ мало-мальски, что́ въ Россіи дѣлается, къ январю бы «Свистокъ» сочинилъ. Но такъ какъ никто меня не удостоиваетъ письмами, то я рѣшительно понятія не имѣю о русскихъ событіяхъ.

Если бы я въ самомъ дѣлѣ женился за границей, то какъ Вы думаете: смогъ ли бы я устроиться съ семьею сколько нибудь толково? Набралъ-то на свои плечи много, а справиться-то, того и гляди, что силъ не хватитъ.

Впрочемъ это я такъ только говорю, а конечно вернусь одинъ, по прежнему корпѣть за работой. Если и придется со временемъ жениться, то, развѣ на какой-нибудь К. Е. [3]) Кстати, что Ф.? [4]) — видите ль кого нибудь изъ этого вожделѣннаго общества?

Да не случилось ли чего у Л—скихъ? Что-то они мнѣ не пишутъ давно.

---

[1]) Отвѣтъ на слова Николая Александровича (въ письмѣ отъ 13/25 окт.), что онъ въ Парижѣ хотѣлъ жениться.

[2]) Некрасову и его сотрудникамъ.

[3]) Дѣвушка, имя и отчество которой замѣнены этими буквами, видѣла въ Николаѣ Александровичѣ выгоднаго жениха и однажды, къ великому его изумленію, бросилась на шею ему; онъ объяснилъ ей, что не подавалъ ей повода считать его влюбленнымъ въ нее.

[4]) Этою буквою мы замѣняемъ фамилію родныхъ К. Е.

Вообще, съ нѣкотораго времени я представляю, что въ нашемъ современническомъ кружкѣ, что-нибудь не совсѣмъ ладно. Пожалуйста, напишите мнѣ все, что знаете, и постарайтесь узнать побольше.

Кто Васъ теперь лечитъ отъ Вашихъ болѣзней послѣ отъѣзда Ивана Максимовича? А онъ себѣ въ Вѣнѣ отличается!

Вашъ Н. Добролюбовъ.

Снимите съ Володи и Вани вмѣстѣ портретъ и пришлите мнѣ, а другую копію В. Д. [1]), она просила. Хотите, такъ и въ Нижній пошлите; и Авдотьѣ Яковлевнѣ тоже надо.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. Н. КАЗАНОКОМУ.

(*Отъ 18 января, стар. ст. 1860 г.*).

Ницца, $^{18}/_{30}$ января.

Давно ужь я не писалъ къ Вамъ, добрѣйшій Петръ Никитичъ, имѣя въ виду то, что Вы не любите писемъ, когда писать не о чемъ. Теперь пишу, чтобы извѣстить Васъ о моемъ существованіи и спросить о Вашемъ. Затѣмъ, напишите что-нибудь о Вагнерѣ и «Современникѣ»: былъ ли какой результатъ нашихъ стараній или пропали они попусту? Если и пропали, такъ не бѣда. А вотъ бы что не дурно устроить Вагнеру: Вы писали, что многіе заходили спрашивать, нельзя ли *читать* «Современникъ». Не вздумаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ устроить маленькій Lesecabinet для русскихъ книгъ, собственно, разумѣется главнымъ образомъ для заграничныхъ. Въ Ниццѣ есть нѣчто подобное при одномъ магазинѣ, но выборъ книгъ очень бѣденъ. Запросъ однако такъ великъ, что на будущій сезонъ хотятъ устроить это нѣсколько пошире. Въ Парижѣ, правда, Office du Nord не могла существовать и закрылась; но это больше потому, мнѣ кажется, что распоряженія были глупыя.

Я ѣду черезъ нѣсколько дней во Флоренцію (туда мнѣ и пишите poste restante) и не знаю, попаду ли на обратномъ пути въ Берлинъ. Поэтому сведите за меня счетъ съ Вагнеромъ и если будутъ деньги за «Современникъ», то удержите ихъ, а ежели не будутъ, то ужь перешлемся какъ-нибудь изъ Россіи. «Библіографическій Журналъ» мнѣ все высылали въ Діеппъ и ужъ оттуда я его получалъ въ Парижѣ. Не знаю, не продолжаютъ ли и теперь туда же высылать. Отсюда я ужь не справлялся.

Въ послѣднемъ письмѣ Вы мнѣ писали, что заказали Вагнеру какія-то для меня книги: послѣ Кольба я ничего ни въ Парижѣ, ни въ Веве́, ни здѣсь не получалъ.

Что у Васъ съ новымъ королемъ дѣлается? На войну собирается? Австрію защищать? Или ихъ все Гольштейнъ съ ума сводитъ?

---

[1]) То есть: другой экземпляръ портрета пошлите ей.

Нѣтъ ли послѣдняго отчета о финансахъ Австріи напечатаннаго? Нѣтъ ли еще какой-нибудь порядочной исторіи венгерской литературы, новой? Я видѣлъ разъ книжечку—сборникъ стихотвореній въ хронологическомъ порядкѣ, съ венгерскимъ подлинникомъ en regard перевода и съ біографическими примѣчаніями и пр. Кажется, *Кербеньй* собралъ или другой подобный. Только едва ли ее вы найдете, это около 1850 г.

Безпокою я Васъ не мало и все больше безъ толку... А впрочемъ наша ужъ жизнь такова, что никогда ни въ чемъ толку-то и не добьешься. Въ Россіи цензура свирѣпствуетъ, вотъ все, что я знаю изъ любезнаго отечества. Остальное сплетни.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

P. S. Забылъ поздравить Васъ съ новымъ годомъ и пожелать... и такъ далѣе, какъ извѣстно.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАРВАРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

3/15 февраля 1861 г. Флоренція.

Ужь очень давно собираюсь я писать къ Вамъ, милая моя тетенька, и благодарить Васъ за милое, родное письмо, которое получилъ я въ Діеппѣ, въ самую минуту отъѣзда. Но Вы знаете, когда человѣкъ ѣздитъ съ мѣста на мѣсто, то ему не до переписки. Я бы не могъ Вамъ дать даже адреса моего для отвѣта. И теперь долженъ дать Вамъ адресъ приблизительный. Видите ли, на страстной и на пасхѣ я буду въ Римѣ; только здѣшняя пасха мѣсяцемъ раньше нашей; значитъ, около начала марта, т. е. числа до десятаго, я буду въ Римѣ, а потомъ уѣду въ Неаполь. Такъ Вы мнѣ пишите ужь лучше въ Неаполь, такимъ образомъ: Italia, Napoli,—posta restante.

Началъ письмо это я во Флоренціи, а оканчиваю въ Венеціи, двѣ недѣли спустя. Но это ничего. О чемъ я Вамъ хотѣлъ писать, осталось все тоже и такъ же. Я уже много мѣсяцевъ не имѣю никакого извѣстія о сестрахъ. Въ послѣдній разъ Василій Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что какой-то женихъ былъ у Анночки и что Вы спрашивали моего совѣта. Но я не отвѣчалъ потому собственно, что никакого совѣта дать не могу, не видавъ и не зная человѣка. Да если бы и увидѣлъ, то, конечно, разсудилъ бы гораздо, хуже чѣмъ вы сами между собою. Я уже давно отвыкъ отъ той жизни и тѣхъ обычаевъ, которые у Васъ сохраняются; легко можетъ быть, что мнѣ покажется хорошимъ то, что въ Нижнемъ для счастья сестеръ моихъ было бы дурно, или наоборотъ. Одно только могу сказать Вамъ: я ни въ чемъ не хочу и не буду служить помѣхой, а помогать, чѣмъ могу, буду. Заглазное дѣло плохо, и я не знаю до сихъ поръ, посланы ли въ Нижній деньги, о которыхъ я писалъ Василію

Ивановичу. Если нѣтъ, то напишите ему при первой надобности. Теперь покамѣстъ есть возможность послать безъ затрудненій, а послѣ кто знаетъ, чтó можетъ случиться.

О братьяхъ моихъ Вы вѣрно имѣете извѣстія отъ Василія Ивановича и отъ нихъ самихъ. Поэтому ничего не пишу о нихъ.

Надѣюсь, что наши всѣ здоровы. Собираюсь писать ко всѣмъ; если не соберусь скоро, то пусть подождутъ терпѣливо, не сердясь. Къ Вамъ пишу потому, что хотѣлъ сообщить мое мнѣніе объ Анночкѣ, чтобъ Вы не вздумали напрасно ждать моихъ совѣтовъ и разрѣшеній. Поцѣлуйте Анночку за меня и попросите написать мнѣ нѣсколько строчекъ.

Васъ, добрый дяденька, очень благодарю за приписку къ письму тетеньки. Желаю Вамъ счастливо провести постъ, встрѣтить и справить праздникъ. Митрошу, Машу цѣлую; Софью Лукиничну также,— если позволитъ Николай Александровичъ, [1]) съ которымъ мнѣ очень пріятно будетъ познакомиться, если удастся быть въ Нижнемъ нынѣшнимъ лѣтомъ.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ [2]).

$\frac{\text{21 февраля}}{\text{5 марта}}$ 1861 г.

Вчера отправилъ я письмо къ Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу, добрый Михаилъ Алексѣевичъ. Сегодня собрался послать Вамъ видъ Венеціанскаго собора, и сдѣлать къ нему приписочку. Вы, можетъ, вмѣстѣ съ сестрою Ниной, удивляетесь или сердитесь, что я не пишу. Но—знаете, право странно писать послѣ того, какъ давно потерялъ всякія свѣдѣнія о людяхъ. Я ничего не знаю о томъ, чтó Вы и какъ Вы. Описывать мои переѣзды — нечего: всѣ очень благополучно и просто совершаются по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Разсказывать о томъ, чтó видалъ,—объ этомъ въ книжкахъ можно читать гораздо лучше. Остается спрашивать и извѣщать о здоровьи,—чтó я дѣлаю. Но это не надо дѣлать слишкомъ часто... Вотъ другое дѣло будетъ, когда мы увидимся, и я опять войду въ жизнь и интересы нижегородскіе. Тогда переписка можетъ сдѣлаться болѣе интересною.

Меня занимаетъ теперь судьба сестеръ. По моему, выходить замужъ вообще женщинѣ нѣтъ крайности никакой, но только въ такомъ случаѣ, если она что-нибудь имѣетъ или можетъ сама доставать себѣ пропитанье своимъ трудомъ. Если, напримѣръ, Катя могла

---

[1]) Мужъ ея.

[2]) Письмо написано на листѣ съ изображеніемъ венеціанскаго собора св. Марка.

бы быть учительницей или гувернанткой,—да я бы тогда и не подумалъ о женихахъ для нея,—взялъ бы ее съ собой, помѣстилъ бы въ какое-нибудь частное заведеніе или въ хорошее семейство,—а тамъ живи какъ хочешь, выходи за того, кто полюбится, или живи совершенно независимо, если можешь. Но только, кажется, положеніе моихъ сестеръ, особенно Анночки, не таково, и я боюсь, чтобъ онѣ, оставаясь незамужними, не стали очень въ тягость кому-нибудь. А впрочемъ Вы знаете лучше: устроивайте, какъ найдете лучше въ семейномъ совѣтѣ. Только, пожалуйста, въ этомъ дѣлѣ посовѣтуйте всѣмъ не претендовать другъ на друга: а то, какъ видно изъ писемъ, маленькія претензіи самолюбія въ трехъ семействахъ могутъ быть не совсѣмъ благопріятными для счастья и устройства сестеръ моихъ. Объ этомъ поручаю позаботиться особенно Ниночкѣ, она можетъ откровеннѣе и независимѣе говорить, а въ ея искренней любви къ сестрамъ я не сомнѣваюсь.

Я очень былъ доволенъ, узнавъ изъ вашего письма, Михаилъ Алексѣевичъ, что Ваше житье идетъ хорошо. Надѣюсь, что и теперь продолжается тоже самое. Напишите мнѣ въ Неаполь (posta restante). Я тамъ буду до апрѣля или даже позже. Надѣюсь въ концѣ лѣта вернуться и увидаться съ Вами.

Кончена ли желѣзная дорога отъ Владиміра до Москвы, или еще нѣтъ?

Н. Добролюбовъ,

Тетенькѣ Фавстѣ Васильевнѣ и Михаилу Ивановичу буду писать особо.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

(*Миланъ, 25 февраля, стар. стиля, 1861 г.*).

Миланъ, 25 февраля.

Вчера получилъ я письмо Авдотьи Яковлевны съ извѣстіемъ, что дѣти отданы Павлу Садокычу, вслѣдствіе Вашего нежеланія держать при себѣ Володю. Разумѣется, ничего хорошенько не объяснено, но я понимаю, что произошла какая-то непріятность. Въ первую минуту я хотѣлъ отвѣчать выраженіемъ своего изумленія и требованіемъ болѣе положительныхъ объясненій; но потомъ сообразилъ, что это ни къ чему не послужитъ и что наилучшія объясненія можете мнѣ дать только Вы. Къ этому прибавилась еще мысль, что, можетъ быть, и къ лучшему участіе Авдотьи Яковлевны. — — Подумавъ такимъ образомъ, я вздохнулъ о лишнихъ расходахъ, накаченныхъ мнѣ на шею, и написалъ Авдотьѣ Яковлевнѣ изъявленіе чувствительнѣйшей благодарности, которой она и заслуживаетъ. Но меня все-таки удивляетъ, что Вы мнѣ ничего не написали объ этихъ происшествіяхъ. Надѣюсь, что отношенія наши не измѣнились: сердиться Вамъ на

меня не за что. Я давно уже не имѣю о Васъ свѣдѣній. Успенскій [1]) только, бывши у меня въ Ниццѣ, говорилъ, что Вы все злитесь и хвораете; одно, разумѣется, помогаетъ другому, но постарайтесь же успокоиться, ради собственной пользы. Вѣдь не поможешь. Я ужь на что малодушенъ, и то теперь нахожу, что плевать на все—самое лучшее дѣло. Годъ за границей кое-чему научилъ меня и по пріѣздѣ надѣюсь не быть такимъ байбакомъ, какъ до сихъ поръ. Тогда и дѣла наши пойдутъ, можетъ быть, нѣсколько получше.

На дняхъ писалъ я въ Нижній. Что же Анюта? Есть, что ли, женихи у ней? Послали ль ей 500 руб. обѣщанныхъ?

Отвѣчайте мнѣ въ Римъ poste restante. Если долго отвѣта не будетъ—ничего: значитъ, я зажился во Флоренціи, гдѣ долженъ получить деньги, о которыхъ писалъ Л—скому.

Первую книжку «Современника» надо бы послать мнѣ... декабрьскую, ужь Богъ съ ней.

Правда ли, что Вульфъ [2]) умеръ, и не умеръ ли еще кто-нибудь (исключая Гвоздева, разумѣется, о которомъ я знаю).

Не видите ли Галахова Алексѣя Сергѣевича? Такъ спросите, гдѣ они будутъ нынѣшнимъ лѣтомъ?

Вашъ

Н. Доболюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ.

Римъ, 17/29 апрѣля, 1861 г.

Что было, то и было: о дѣтяхъ говорить не будемъ.

Относительно квартиры я бы поговорилъ, но счеты мои съ «Современникомъ» мнѣ неизвѣстны и, слѣдовательно, съ полной обстоятельностью я ничего не могу сказать. Для соображенія пишу Вамъ только вотъ что.

Приблизительно, на мнѣ должно быть теперь до 400 р. долгу у «Современника». Въ этомъ году, по условіямъ, сообщеннымъ мнѣ отъ Л—скаго [3]), я могу покрыть этотъ долгъ и получить еще тысячи двѣ [4]). Но на 2000 въ годъ, платя за братьевъ и еще кой-куда, не разживешься. Поэтому, если можно сдать квартиру, я бы охотно сдалъ ее. Хочу жить совершенно скромно, не принимая никого, не держа у себя ни стола, ни прислуги. Для сношеній по журналу прошу комнаты при типографіи, узнайте, согласятся ли и со-

---

1) Николай Васильевичъ, писатель.

2) Карлъ Ивановичъ Вульфъ, въ типографіи котораго печатался „Современникъ".

3) Эти условія, придуманныя Л—скимъ для успокоенія пустыхъ мыслей Николая Александровича о мнимомъ его долгѣ „Современнику", были приняты Некрасовымъ. Въ своемъ мѣстѣ будетъ разсказано о ходѣ дѣла.

4) Сколько могъ дѣйствительно получить Николай Александровичъ, зависѣло вовсе не отъ какихъ-нибудь условій, а просто отъ того, сколько денегъ найдется въ кассѣ „Современника" и у Некрасова. Денегъ было тогда ужь достаточно на то, чтобы Николай Александровичъ бралъ ихъ, сколько понадобится.

образно съ этимъ распорядитесь, какъ найдете выгоднѣе [1]. Время моего возвращенія я предполагаю въ іюлѣ; но рѣшительно это можетъ сказать Вамъ И. О. «Современника», если не посылали, то ужь и не посылайте: пересылка въ самомъ дѣлѣ очень дорога.

Не знаете ли, что В. Д. жива или нѣтъ, не вышла ли замужъ или не посажена ли въ тюрьму? [2] Нѣсколько мѣсяцевъ уже не пишетъ мнѣ. Вѣрно влюбилась въ какого нибудь Б—скаго— — [3].

Вспомнилъ я о письмѣ съ 100 р., оставленномъ мною при отъѣздѣ, для отсылки къ Д— —чу. Отослалъ было съ Егоромъ; получены ли деньги? Вы потомъ съ Д— —чемъ видались, а онъ долженъ былъ объ этомъ говорить Вамъ?

Напишите о себѣ.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Марта 14 дня, 1861 г.

Любезный, милый братъ мой!

На дняхъ мы получили письмо твое, а нынѣ я нарочно ходила къ Троицѣ [4] и тамъ читала твое письмо. Ты благодаришь тетеньку [5] за ея родственное письмо, но къ сожалѣнію оно было послѣднее: она скончалась еще 18 ноября, 1860 года. Михаилъ Алексѣевичъ еще въ декабрѣ довольно подробно описалъ въ письмѣ къ тебѣ болѣзнь и кончину ея, и, не зная куда писать тебѣ адресъ, послалъ письмо Василію Ивановичу съ просьбою переслать его къ тебѣ, и мы были увѣрены, что онъ исполнилъ нашу просьбу, или самъ извѣстилъ тебя. Сюда онъ тоже лѣнится писать, да и братья вовсе не пишутъ. Денегъ онъ прислалъ еще въ январѣ 500 рублей, но я не знаю, какъ ты при своихъ расходахъ можешь еще удѣлять столько для сестеръ.

Добрый братъ нашъ! Еще ты пишешь, что желалъ бы, чтобы сестры остались въ дѣвицахъ, если бы не боялся, что онѣ будутъ въ тягость; но кому онѣ должны быть тягостны? Мнѣ, родной сестрѣ, горько слышать этотъ упрекъ; онъ отзывается еще на то письмо, которое я писала, когда уѣзжалъ Володя, и на которое ты писалъ столько справедливыхъ и несправедливыхъ упрековъ, и не хотѣлъ больше писать мнѣ; но обстоятельства съ тѣхъ поръ много перемѣнились. Тогда у меня не было ни квартиры, ни кухарки по-

---

[1] Некрасовъ сказалъ Василію Ивановичу, что все это вздоръ; да и самъ Николай Александровичъ скоро выбросилъ его изъ головы.

[2] За предполагаемые Николаемъ Александровичемъ долги, которыхъ не было у нея: деньги высылались ей по первому слову, сколько ей нужно.

[3] Это выраженіе имѣетъ такой смыслъ: „за одного изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ много въ Б.“.

[4] То есть къ Лукѣ Ивановичу.

[5] Варвару Васильевну.

рядочной... Лиза, милая Лиза, которую я не могу вспомнить безъ слезъ, которую схоронить, скажу какъ передъ Богомъ, мнѣ было жаль не меньше, чѣмъ если бы пришлось мнѣ хоронить своего милаго Колю, котораго я такъ люблю и желаю, чтобы онъ жилъ,—Лиза, она тогда была еще очень мала, Володя шаловливъ. Я жила первый годъ замужемъ, мнѣ, послѣ моей дѣвичьей жизни, хотѣлось свободы, хотѣлось погулять, повеселиться; но я должна была глядѣть за Лизой, обувать и умывать ее,—но я никогда не роптала. Разъ мы съ Михаиломъ Алексѣевичемъ собрались гулять; я пошла попросить тетеньку [1]), оставить у нихъ Лизу; но мнѣ сказали, что если мнѣ охота гулять, то я должна ихъ брать съ собой, а у нихъ и безъ ея [2]) есть съ нѣмъ водиться [3]). Послѣ, когда онъ звалъ меня, и я не могла взять Лизы, я говорила, что мнѣ не хочется, и оставалась дома. Потомъ пріѣхала Катя, ей у меня негдѣ было лечь; тамъ [4]) изъ своихъ выгодъ звали ее жить къ себѣ, говорили ей, что у меня ей придется сидѣть одной, няньчиться и обшивать Лизу, потомъ водиться съ моими дѣтьми. Катѣ, хотя и хотѣлось жить у меня—въ чемъ она и не ошиблась, и довольна своимъ выборомъ, потому что ужасно не любятъ, когда придется погостить у нихъ,—но все-таки слова тетеньки и Михаила Ивановича смущали ее; она передавала все мнѣ, что обо мнѣ говорили, и я, видя несправедливость родныхъ, стѣснительное свое положеніе, начиная хворать и чувствуя, что беременна, въ дурномъ расположеніи духа написала тебѣ. Прочіе недостатки, какіе ты нашелъ у Володи, происходили отъ разныхъ причинъ и если хорошенько вникнуть, ты не нашелъ бы меня столько виноватой. Но я и такъ много написала, а дѣльнаго ничего; но ты извинишь мнѣ, что я совсѣмъ разучилась писать. Я увѣрена, что ты по прежнему любишь меня, и жду съ нетерпѣніемъ того дня, когда увижусь съ тобою, будучи увѣрена, что воспоминанія давно прошедшаго—равно намъ пріятнаго и горькаго—опять соединили бы насъ; мы тогда стали болѣе бы понимать и довѣрять другъ другу. Теперь я не пишу тебѣ о болѣзни тетеньки Варвары, потому что, можетъ, ты получилъ наше первое письмо отъ Василія Ивановича, а на случай скажу тебѣ, что она захворала отъ простуды и огорченій, была беременна послѣдніе мѣсяцы, прохворала около 6 недѣль, выкинула мертвую дѣвочку и чрезъ нѣсколько часовъ умерла сама.

Дядя по маненьку привыкаетъ къ одиночеству, кланяется тебѣ и проситъ тебя писать ему, если даже онъ не соберется тебѣ написать. Анночка все живетъ тамъ, хотя мы и находимъ нужнымъ взять ее оттуда, и я съ Катей очень желали бы, чтобъ она жила съ нами. Но когда мы сказали объ этомъ дядѣ, онъ сказалъ, чтобъ дали ему прежде оглядѣться, что Анночкѣ стыдно, проживя у него столько

---

[1]) Фавсту Васильевну, въ домѣ которой жили тогда она и Михаилъ Алексѣевичъ.

[2]) Безъ нея.

[3]) Возиться, няньчиться.

[4]) То есть: въ томъ семействѣ;—рѣчь идетъ о Фавстѣ Васильевнѣ и Михаилѣ Ивановичѣ.

лѣтъ, оставлять его съ малыми дѣтьми одного; но мы видимъ, что положеніе ея тамъ довольно невыгодно, и въ то же время видимъ, какъ она нужна тамъ. Еще при тетенькѣ и Сонѣ [1]) она хозяйничала, учила Машу и шила на ее [2]) и на Митрошу. Теперь Маша мало знаетъ и скучаетъ одна. Но и Анночка теперь въ такихъ лѣтахъ, что ей жить тамъ не совсѣмъ удобно, и потому нельзя ли тебѣ самому написать намъ и дядѣ, чтобъ ее взять оттуда, тогда онъ не будетъ сердиться на Анночку. Дѣло съ женихомъ у насъ кончилось ничѣмъ, потому что Михаилъ Алексѣевичъ раздѣляетъ твое мнѣніе, говоря, что лучше остаться такъ, чѣмъ выйдти и потомъ жить въ бѣдности; но все-таки мнѣ кажется, что если бы этотъ женихъ могъ перейдти изъ N [3]) въ здѣшнее уѣздное училище и получить прибавку жалованья, какъ будто бы обѣщаютъ имъ рублей до 500 серебромъ въ годъ, то онъ бы былъ много лучше чиновника. Остаться же въ дѣвушкахъ онѣ, какъ та, такъ и другая, не желаютъ, особенно Катя. Въ ея начитанной, разныхъ романовъ, головѣ столько мечтаній и надеждъ на любовь и счастіе. Она, живя въ Симбирскѣ, получила болѣе понятія о той жизни, въ которой ей никогда не придется жить. И она еще очень счастлива, что рано вернулась оттуда; вотъ она иногда говоритъ: «что это за наказанье, изволь работать; и почитать нечего; бывало, въ Симбирскѣ постоянно читаешь; въ классѣ или за пяльцами—все книга». Къ дѣвочкамъ тихонько носили семинаристы, родственники, а ей давали Ренненкампфы, и онѣ читали другъ у друга. А лѣтомъ въ деревнѣ Ренненкампфовъ только и дѣлала, что гуляла по полю, саду и оранжереѣ и читала; а на сѣрныхъ водахъ: театръ, концерты и т. д. — «Теперь, какъ выйду замужъ, отдѣлаю отлично комнаты, запишусь въ библіотеку, абонирую годовую ложу. Если бы я была на твоемъ, Ниночка, мѣстѣ, то постоянно бы читала, гуляла, одѣвалась бы всѣхъ лучше, вѣдь деньги всѣ у тебя [4]) и ты отказываешь себѣ».—Но все-таки Катя очень привыкла къ нашей жизни. Она все дѣлаетъ, шьетъ, вяжетъ, гладитъ, занимается Колей [5]), который любитъ ее, зоветъ тетей Катей. И я только такъ написала тебѣ нѣсколько ея вспоминаній и мечтаній. Катя много перемѣнила и мыслей; прежде она стыдилась гулять, когда съ нами Михаилъ Алексѣевичъ [6]), а теперь и сама желаетъ выйдти за профессора [7]), но къ сожалѣнію они нынче сватаютъ у разныхъ управляющихъ [8]) и ищутъ большихъ денегъ. Однако пора кончить, хочется спать: уже первый часъ.

---

[1]) То-есть, когда Софья Лукинична еще жила съ матерью и отцомъ, еще до замужества ея.

[2]) На нее.

[3]) Тутъ названъ уѣздный городъ, въ которомъ служилъ онъ.

[4]) Всѣ доходы Михаилъ Алексѣевичъ отдавалъ въ руки жены.

[5]) Маленькимъ сыномъ Антонины Александровны.

[6]) Потому что онъ—священникъ, не человѣкъ высшаго общества.

[7]) За учителя семинаріи, который немедленно по женитьбѣ станетъ священникомъ (учители семинаріи женились лишь когда хотѣли поступить во священники).

[8]) То есть: управляющихъ помѣщичьими имѣньями, нажившихъ себѣ большія деньги и дающихъ за дочерьми по нѣскольку тысячъ. Примѣры этого приводилъ Василій Ивановичъ въ письмахъ, которыя писалъ племяннику до отъѣзда изъ Нижняго.

Я сѣла писать послѣ ужина, думая писать немного, но написала вонъ сколько, и еще желала бы написать столько же, да—лѣнь [1]).

Надѣюсь, что ты съ терпѣніемъ прочитаешь это простое, безъ старанія и размышленія, второпяхъ писанное письмо, и скоро буду ждать письма отъ тебя.

Любящая сестра Антонина Кострова.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ АНТОНИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

(*Неаполь, 4 мая стар. стиля 1861.*)

16 мая 1861. Неаполь.

Меня очень обрадовало, милая Ниночка, твое письмо: такъ оно просто и разумно написано. Съ братомъ иначе никогда бы и не слѣдовало говорить, и если бы вы всѣ писали мнѣ чаще такія письма, мнѣ пріятно было бы отвѣчать на нихъ. А то, бывало, получишь церемонное письмо и не знаешь, чтó дѣлать съ нимъ...

Я очень радъ, что ваши обстоятельства (т. е. главное, обстоятельства нашего добраго Михаила Алексѣевича) поправились и что содержаніе сестры тебѣ не обременительно теперь. Радъ я и за то, что твои модные порывы немножко угомонились: повѣрь, душечка, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Что дѣлать, намъ судьба не дала особенныхъ радостей въ жизни. И родители наши были всю жизнь тружениками и мучениками, да и насъ жизнь встрѣтила очень непривѣтливо. Невесело прошла и твоя юность, бѣдная моя Ниночка; но повѣрь, что до сихъ поръ ты, можетъ быть, еще счастливѣй насъ всѣхъ. Ты имѣешь добраго, достойнаго мужа, который всегда почти принадлежалъ къ нашему семейству и съ которымъ ты можешь дѣлить всѣ родныя воспоминанія; ты устроена окончательно; у тебя есть сынъ, котораго ты любишь и которымъ занимаешься. Другаго ничего и не нужно для счастья, и если нужда не особенно тяготитъ, такъ, право, при этомъ и желать больше нечего... А вотъ я, напримѣръ, шатаюсь себѣ по бѣлому свѣту одинъ-одинехонекъ; всѣмъ я чужой, никто меня не знаетъ, не любитъ... Если бы я заговорилъ о своихъ родителяхъ, о своемъ дѣтствѣ, о своей матери,—никто бы меня не понялъ, никто не откликнулся бы сердцемъ на мои слова. И принужденъ я жить день за день, молчать, заглушать свои чувства, и только въ работѣ и нахожу успокоеніе. Говоря по правдѣ, со времени маменькиной смерти до сихъ поръ я и не видывалъ радостныхъ дней. Но роптать и жаловаться—къ чему послужитъ? И я покорился своей участи.

О другихъ нашихъ сестрахъ и братьяхъ, тоже еще нельзя сказать, будутъ ли они счастливы. Каково выйдутъ за мужъ сестры? Каково

---

[1]) Не лѣнь, а утомленіе и необходимость встать очень рано, и потому невозможность провести ночь за письмомъ. По разсчету того, сколько времени было нужно, чтобы написать столько страницъ, ясно, что когда Антонина Александровна рѣшилась закончить письмо, была ужь очень поздняя ночь.

будутъ учиться братья? Можетъ быть, еще столько имъ горя впереди готово, что лучше и не думать объ этомъ.

На счетъ замужества сестеръ я вовсе не говорилъ, что желаю имъ оставаться въ дѣвушкахъ. Я только сказалъ, что нѣтъ имъ никакой крайности выходить за перваго встрѣчнаго изъ преувеличенной боязни, какъ бы не остаться въ старыхъ дѣвкахъ. Объ учителѣ, котораго я совсѣмъ незнаю, скажу, что, если онъ человѣкъ точно хорошій и Анночкѣ нравится, то не смущайтесь особенно бѣдностью. О переходѣ его въ Нижній со временемъ можно будетъ похлопотать общими силами; и въ Нижнемъ, ежели онъ не лѣнтяй и не глупъ, найдетъ себѣ средства какъ-нибудь зарабатывать нѣсколько денегъ для содержанія семьи. Впрочемъ я это говорю только такъ; пожалуйста, не принимайте словъ моихъ за какое-нибудь непремѣнное желаніе.

Анночку надо бы взять тоже къ тебѣ: безъ тетеньки ей не совсѣмъ ловко жить у дяди Луки Ивановича. Я ему напишу объ этомъ.

Твой братъ Н. Добролюбовъ.

Письмо это общее и для Васъ, добрый Михаилъ Алексѣевичъ. Затѣмъ дружески и братски жму Вамъ руку.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ КАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ [1]).

(Посланное вмѣстѣ съ письмомъ къ Антонинѣ Александровнѣ.)

Неаполь. $^{4}/_{17}$ мая 1861.

Для моей Кати отыскалъ листочекъ съ залежавшимся видомъ Венеціи. Спасибо тебѣ, моя милая, что меня помнишь и любишь; жаль только, что ты стараешься прикидываться будто бы тонной барышней и думаешь о томъ, что́ принято и что́ не принято... Не вѣрь, пожалуйста, ни глупымъ полубарынямъ, ни еще болѣе глупымъ книжонкамъ, увѣряющимъ нерѣдко, что главное въ человѣкѣ какой-то хорошій тонъ. Въ человѣкѣ всего важнѣе душа, потомъ его понятія, потомъ желаніе и умѣніе работать, а хорошій тонъ и манеры—уже дѣло послѣднее. У тебя доброе сердце, и слѣдуй всегда тому, что́ оно говоритъ тебѣ. Кто надъ тобою засмѣется при этомъ, тотъ, значитъ, глупъ,—такъ ты и знай это.

Относительно твоего образованія сокрушаться нечего. Если бы была крайность или у тебя явилось желаніе непреодолимое, такъ вѣдь образованіе не медвѣдь какой-нибудь. Въ два, три года съ доброй волей и съ твердой рѣшимостью можно образоваться надиво. И средствъ большихъ не надо на это: ты знаешь, велики ли были наши средства, когда я жилъ дома, а вѣдь вотъ учился же и кое-чему вы-

---

[1]) Написано на листѣ, имѣющемъ въ заголовкѣ рисунокъ одного изъ видовъ Венеціи.

учился не хуже другихъ. А ты—сестра моя, значитъ и въ способностяхъ, и въ характерѣ нашемъ не должно быть особенной разницы... Поэтому я и думаю, что ежели ты непремѣнно захочешь что-нибудь съ собою сдѣлать, то и сдѣлаешь. А ежели не сдѣлаешь, такъ значитъ и не нужно.

Когда и какъ я пріѣду въ Нижній, я все еще сказать не могу. Дѣла мои все въ такомъ положеніи, что я не могу рѣшать ничего впередъ.

Въ прошломъ году посланы были въ Нижній на имя Михаила Алексѣевича «Современники» 1858 и 1859 года. Не знаю до сихъ поръ, были ли эти книги получены или нѣтъ. Никто мнѣ о нихъ не писалъ ничего. Теперь Василій Ивановичъ пишетъ, что ты желала имѣть «Современникъ» и за 1860 годъ. Должны были послать и его; но не знаю, не забыли ль и полученъ ли онъ въ Нижнемъ. Когда ко мнѣ будете писать, то и объ этомъ напишите. Теперь я еще не даю своего адреса, потому что жду нѣкоторыхъ писемъ изъ Петербурга, которыя должны рѣщить, куда и какъ мнѣ ѣхать отсюда. Но скоро я пришлю другое письмо и тогда скажу, куда ко мнѣ писать. Письмо-то, я думаю, будетъ къ дяденькѣ Лукѣ Ивановичу. Извѣстіе о смерти тетеньки я получилъ отъ Василія Ивановича уже въ Римѣ и не хотѣлъ писать, потому что думалъ, не найду ли въ Неаполѣ письма отъ самого Луки Ивановича, на которое бы и могъ отвѣчать. Ужасно мнѣ горько было это извѣстіе: я вѣдь, хоть и ссорился по временамъ съ покойницей, а очень, очень любилъ ее, да и она меня тоже. На забыть мнѣ, какъ она меня провожала въ Петербургъ.

Ну, однако, прощай, душечка Катенька... Будемъ живы, такъ увидимся.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. О. Л—СКОМУ.

(Весна 1861.)

Василій Ивановичъ мнѣ не пишетъ и я не знаю, какъ порѣшилъ онъ съ квартирой. Если увидите его, попросите сообщить мнѣ что-нибудь.

О В. Д. я не знаю, почему вы полагаете, что ей не нужно писать моего отказа. Я, напротивъ, прямо и откровенно написалъ ей мое мнѣніе и думаю, что если она огорчится, то всего болѣе отказомъ въ деньгахъ, а не мотивами отказа. Она, видите-ли, какъ умная женщина, должно быть, сообразила въ Б. нелѣпость вольнаго аскетизма и нашла себѣ какого-нибудь нѣмчика; но по неопытности и добротѣ—какъ разъ попала на такого, который обираетъ ее и, пользуясь ея положеніемъ, вызываетъ на поступки, на которые она сама никогда бы не рѣшилась... Такъ мнѣ кажется, и я думаю, что могъ бы рѣшить съ достовѣрностью, если бы видѣлъ подлинное письмо ея

къ Вамъ съ просьбой объ этихъ 725 р. Впрочемъ теперь это ужь не Богъ знаетъ какъ важно. По пріѣздѣ я устрою что-нибудь опредѣленное и по этой части.

Еще забылъ: на дняхъ къ вамъ явится, а можетъ быть, ужь и являлся, нѣкто Фриккенъ, которому далъ я записочку къ Вамъ по его просьбѣ. Это — — человѣкъ хорошій и расположенный поправить недостатки воспитанія, полученнаго имъ въ пажескомъ корпусѣ. Отчасти онъ ужь и успѣлъ въ этомъ. Въ Италіи онъ былъ мнѣ дѣйствительно полезенъ своими знакомствами. Не очень сбивайте его съ толку своей иронiей; онъ такого характера, что способенъ принимать ее за чистую монету.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. Н. КАЗАНСКОМУ.

(Отъ 3 мая стар. ст. 1861.)

Неаполь, 15 мая 1861 г.

Угомоните Вагнера, добрѣйшій Петръ Никитичъ: мнѣ пишутъ изъ Парижа, что «Библіографическій журналъ» все еще мнѣ присылается по діеппскому адресу; а я думалъ, что съ концомъ прошлаго года и присылка кончилась, и потому о немъ не заботился. Теперь мнѣ журналъ этотъ не можетъ послужить ни къ чему и слѣдовательно лучше прекратить высылку.

Что Ваше здоровье? Поправились Вы или все еще хвораете? Теперь надо быть Вамъ здоровымъ: я думаю опять уже русскіе пилигримы показались въ Берлинѣ, послѣ открытія навигаціи, проѣздомъ къ разнымъ водамъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ. А я такъ уже думаю о возвратѣ. Но возвращусь, кажется, не черезъ Берлинъ. Въ такомъ случаѣ поручу мои счеты по книжнымъ высылкамъ одному моему пріятелю, который долженъ быть въ Берлинѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Изъ Россіи давно-давно ничего не имѣю. Не знаю даже, «Современникъ» существуетъ-ли или уже запрещенъ по случаю освобожденія крестьянъ или какого-нибудь другого правительственнаго прогресса. Напишите мнѣ, что знаете интереснаго о нашихъ русскихъ дѣлахъ. У васъ вѣдь небось (о счастливцы!) даже русскія газеты есть?..

Что Ваши нѣмцы подѣлываютъ? Хотятъ воевать съ Италіей, кажется? Недавно появились записки какого-то Снидера объ австрійскомъ правосудіи. Любопытныя вещи тамъ есть; только не знаю, не мошенникъ ли самъ-то онъ? А узнать не отъ кого. Не попадались вамъ отзывы объ этой книгѣ въ нѣмецкихъ газетахъ? Она написана по-французски (La Justice en Autriche, mémoires de A. Snider), и строго преслѣдуется въ Австріи.

Я все это время ѣздилъ по Италіи и извлекъ изъ поѣздокъ ту пользу, что разучился по-нѣмецки: въ Римѣ съ папскими швейцарцами пришлось говорить, такъ просто хуже того, чѣмъ какъ я въ

Берлинѣ говорилъ. А жаль, живя въ нѣмецкой Швейцаріи, я было научился языку. Ну да благо теперь не ѣду въ Германію.

Будьте здоровы. Пишите мнѣ (если скоро) въ Неаполь, poste restante; я здѣсь до конца мѣсяца.

Вамъ преданный

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Б. Н. И.[1])

Неаполь 9 іюня.

Послѣ Вашего отъѣзда, Б. Н., дня три я былъ боленъ такъ, что долженъ былъ сидѣть въ комнатѣ; послѣ того разумѣется и выздоровѣлъ. Теперь собираюсь уѣхать въ четвергъ 13-го и съ недѣлю пробуду въ Палермо и Мессинѣ. Напишитѣ мнѣ, если вздумается, въ Аѳины, poste restante.

О Вашемъ письмѣ справлялся на дняхъ; директоръ сказалъ, что еще troppo presto, что отвѣтъ и не могъ придти такъ скоро, затѣмъ отдалъ приказаніе переписать Вашъ римскій адресъ на Флоренцію. Повидимому, Вы скорѣе получите деньги изъ Петербурга, чѣмъ изъ Константинополя. По моему разсчету къ 20-му числу непремѣнно долженъ Вамъ придти изъ С.-Петербурга отвѣтъ на мое письмо.

Получилъ я и Ваши дукаты, весьма исправно, хотя не безъ странности: сначала я получилъ письмо С.[2]), что деньги посланы, на другой день самыя деньги, а на третій—Ваше письмо о томъ, что Вы просили С. послать деньги. Слѣдовало бы произойти всему этому въ обратномъ порядкѣ.

Ѣздилъ я недавно въ Помпею и влюбился тамъ—не въ танцовщицу помпейскую, а въ одну мессинскую барышню, которая теперь во Флоренціи, а недѣли черезъ двѣ вернется въ Мессину. Какъ видите, мнѣ представлялся превосходный предлогъ ѣхать во Флоренцію, но я признаться Вамъ—струсилъ, и даже въ Мессинѣ, вѣроятно, не буду отыскивать помпейскую незнакомку, хотя отецъ ея и далъ мнѣ свой адресъ и очень радушно приглашалъ къ себѣ.

А другой незнакомки, въ которую влюбился по Вашему указанію въ театрѣ, не видалъ больше, а былъ въ Сенъ-Карло два раза послѣ того.

Какъ видите, по сердечной части все неудачи; за то денежныя дѣла идутъ хорошо: вмѣсто одной тысячи франковъ, которой я ждалъ, прислали мнѣ двѣ. Значитъ, Вы можете совершенно не заботиться на счетъ Вашего долга: сочтемся въ Петербургѣ.

Портрета Вашего Вы мнѣ не прислали и я понялъ, почему Вы такъ недовѣрчиво приняли и мое обѣщаніе на счетъ портрета: Вы

---

1) Этими буквами замѣняемъ имя, отчество и фамилію, инипіалы которыхъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ подобной замѣны, совершенно иныя.

2) Этою буквою замѣняемъ фамилію одного изъ русскихъ, съ которыми Николай Александровичъ видѣлся въ Италіи.

судили по себѣ. Но я, собственно для того, чтобы доказать Вамъ мою аккуратность, отправляю къ Вамъ мою физіономію, немножко кривоглазую, правда, но это ничего. Разумѣется, если Вы не хотите прислать мнѣ Вашего портрета, то и мой сожжете; значитъ, я не обременяю Васъ этой присылкой.

Пожалуйста скажите отъ меня С., чтобы похлопоталъ о своихъ вещахъ у N[1]), я не нашелъ другого средства для пересылки. Если опять что-нибудь случится на почтѣ, пусть пуститъ въ ходъ росписку, полученную мной отъ Cimmino, я позабылъ послать ее въ письмѣ къ С.,—прилагаю теперь и прошу Васъ передать ему.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

P. S. Жаръ ужасный,—не хочется идти за марками почтовыми; извините, что посылаю письмо не франкированное и отвѣчайте мнѣ тѣмъ-же.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. О. Л—СКОМУ.

Мессина, $^{12}/_{24}$ іюня 1861 г.

Мнѣ было очень жаль, добрый П. О., что мои отношенія съ самыми близкими людьми становились было на такую точку, на которой они должны были рвать по три раза начатыя ко мнѣ письма. Не задолго до Вашего предпослѣдняго письма, О— —въ писалъ мнѣ то же самое; а Авдотья Яковлевна и послала письмо, да вслѣдъ за нимъ черезъ день пустила въ погоню другое—съ комментаріями. Вѣроятно, во всемъ этомъ виноватъ былъ я, и мнѣ остается только просить великодушнаго прощенія. Я и готовъ это сдѣлать, хотя къ несчастью не понимаю до сихъ поръ, въ чемъ состоитъ моя вина. Къ счастью послѣднее мое письмо заслужило Ваше одобреніе и я нѣсколько утѣшился.

Въ Вашемъ изложеніи изумительныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ русскомъ обществѣ во время моего отсутствія, я мало понялъ. Вспомнилъ только Ваши же слова: «Всѣ мы очень хорошо знаемъ историческіе законы, а чуть дѣло коснется до насъ, мы сейчасъ же готовы увѣрять себя, что мы-то и должны составить исключеніе».

Впрочемъ я радъ. Я даже еще прежде Вашего письма приходилъ въ такія расположенія, за которыя О— —въ выругалъ меня чѣмъ-то въ родѣ моветона и иллюзіониста. Но при всѣхъ моихъ благородныхъ расположеніяхъ, при всей доброй волѣ, я не потерялъ способности судить о своихъ собственныхъ средствахъ. Жить мнѣ не-богъ знаетъ какъ сладко (какъ и многимъ другимъ, вѣроятно) и если бы было такое дѣло, которое можно бы порѣшить курціевскимъ маneромъ,—я бы безъ малѣйшаго затрудненія совершилъ Курціевъ по-

---

[1]) Тутъ написана фамилія русскаго, жившаго тогда въ Италіи.

двигъ, даже не думая, что бы его можно было ставить въ заслугу. Но вѣдь нужно не это, нужна другая работа, которая мнѣ не подъ силу, какъ нравственно, такъ главнымъ образомъ и физически. Вы радуетесь, что начали чувствовать себя «похожимъ на человѣка», по Вашему выраженію; а я именно чувствую, что на человѣка-то походить я и не способенъ, какъ N. N. оказался, напримѣръ, не способенъ къ изданію журнала. Я знаю, что, возвратясь въ Петербургъ, я буду по прежнему заказывать у Шармера платье, которое будетъ на мнѣ сидѣть такъ же скверно, какъ и отъ всякаго другого портного, ходить въ итальянскую оперу, въ которой ничего не смыслю, потѣшаться надъ Кавелинымъ и Тургеневымъ, которыхъ душевно люблю, посѣщать вечера № 1 и № 2 [1]), гдѣ умираю со скуки, наставлять на путь истины С— —го и А— —на, въ безпутности [2]) которыхъ увѣренъ, и предпринимать поѣздки въ Красный кабачекъ [3]), не доставляющія мнѣ никакого удовольствія. Что бы тамъ у Васъ ни дѣлалось, а для меня нѣтъ другой перспективы. Я это сознаю слишкомъ ясно, и можетъ быть, это-то сознаніе Вы и приняли за досаду въ моемъ письмѣ. Досады никакой не было, увѣряю васъ, было нѣчто совсѣмъ другое. Я рѣшался въ то время отказаться отъ будущихъ великихъ подвиговъ на поприщѣ россійской словесности и ограничиться, пока не выучусь другому ремеслу, нѣсколькими статьями въ годъ и скромною жизнью въ семейномъ уединеніи въ одномъ изъ уголковъ Италіи [4]). Поэтому вопросъ о томъ, сколько могъ бы я получать отъ «Современника», живя за границей, былъ для меня очень серьезенъ. Я бы не думалъ объ этомъ, если бы былъ одинъ; но у меня есть обязанности и въ Россіи, и я зналъ, что при прежней платѣ за статьи и при перемѣнѣ жизни я не могъ бы вырабатывать достаточно для всѣхъ. Ваше упорство не отвѣчать мнѣ на мои вопросы, отняло у меня возможность дѣйствовать рѣшительно, и предположенія мои разстроились, и можетъ быть, навсегда.

Вы скажете, что если бы мои предположенія были такъ существенно важны для меня, то я не далъ бы имъ разстроиться изъ-за такихъ пустяковъ. Скажете, что при серьезномъ рѣшеніи я и писать долженъ былъ не такъ, какъ Вамъ писалъ тогда. Правда, но что же дѣлать, если въ моемъ характерѣ легкомысліе и скрытность соединяются такимъ образомъ, что я даже передъ самимъ собою боюсь обнаружить силу моихъ намѣреній и начинаю чувствовать ихъ значеніе для меня только тогда, когда уже становится поздно.

Впрочемъ Богъ съ нимъ, съ моимъ характеромъ. Не подумайте только, ради... ради чего хотите,—что я Вамъ дѣлаю упрекъ. Нѣтъ, —Васъ упрекать я, вѣроятно, и никогда бы не подумалъ, а теперь я нахожусь въ такомъ состояніи, что никого упрекать не могу: я совершенно потерялся и не умѣю ужь различать, чтó для меня луч-

---

1) Названы двѣ фамиліи; и обѣ поставлены во множественномъ числѣ, потому что рѣчь относилась не къ двумъ отдѣльнымъ лицамъ, а къ двумъ семействамъ.

2) Поэтической безпутности, то есть бездарности.

3) Это былъ загородный ресторанъ, куда ѣздили зимою на пикники.

4) Объ этомъ эпизодѣ жизни Николая Александровича будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

ше, чтó хуже. Часъ тому назадъ просилъ, чтобы мнѣ дали пива; не дали и, вѣроятно, не дадутъ; что жь, я напился скверной воды и теперь думаю, что, можетъ, это еще лучше.

Все это написалось не знаю зачѣмъ; надо бы собственно писать только о моемъ возвращеніи. А то, пожалуй, Вы по привычкѣ не дочитывать письма, самое-то главное и пропустите. Чтобы привлечь Ваше вниманіе, сдѣлаю большой Absatz. Можете съ него и начинать чтеніе письма.

Когда Вы это письмо получите, я, вѣроятно, буду уже въ любезномъ отечествѣ или близко отъ него. Отсюда ѣду съ первымъ пароходомъ; кажется, послѣ завтра. Нѣсколько дней долженъ пробыть въ Аѳинахъ; боюсь даже, чтобы не пробыть цѣлую недѣлю, если не будетъ другого парохода. Я бы теперь и вовсе туда не поѣхалъ, да порученій набралъ изъ Рима и Неаполя: вотъ и надо исполнить. А въ Неаполѣ замедлилъ я тоже, благодаря Н. М. Благовѣщенскому: поѣхалъ въ описанныя имъ Байи, простудился тамъ и дней десять былъ довольно серьезно боленъ,—хотѣлъ-было скрючить меня прошлогодній бронхитъ, да передъ неаполитанскимъ солнцемъ не устоялъ. Это я все говорю къ тому, что мое прибытіе въ Петербургъ, противъ моихъ разсчетовъ, оттягивается недѣли на двѣ. Но это пустяки. Я хотѣлъ въ Одессѣ или гдѣ-нибудь на южномъ берегу остаться недѣли на двѣ для купаній, начатыхъ въ Палермо и Мессинѣ очень неудовлетворительно. Затѣмъ я намѣренъ былъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній и пробыть дней десять съ своими. Все это теперь по моимъ разсчетамъ задержало бы меня до первыхъ чиселъ августа. Но само собою разумѣется, что я могу пріѣхать и въ первыхъ числахъ іюля: купанья мнѣ не важны, а къ своимъ въ Нижній могу съѣздить и послѣ, въ сентябрѣ или октябрѣ. Слѣдовательно напишите мнѣ въ Одессу,—да пожалуйста не деликатничайте со мною,—когда Вы хотите ѣхать въ А. и когда мнѣ нужно пріѣзжать. Можетъ быть, Вы успѣете устроить такъ: выпустивши іюльскую книжку, дать какую-нибудь работу въ типографію на недѣлю, поручить присмотрѣть за нею кому-нибудь и ѣхать. Тогда мы могли бы условиться свидѣться въ Нижнемъ или же Вы могли бы оставить мнѣ записку о всемъ, чтó нужно сдѣлать для слѣдующей книжки. Да вѣроятно и Некрасовъ не такъ ужь боленъ, чтобы рѣшительно не въ состояніи былъ заниматься. А письмо его—не доброе [1])... Не дай Богъ никому получать такія записочки за границей отъ близкихъ людей. Успокоиваетъ меня только то, что Вы ничего не говорите о его болѣзни. Но, пожалуйста, напишите мнѣ въ Одессу, чтó онъ—и какъ. Вѣдь кромѣ Васъ да его у меня никого нѣтъ теперь въ Петербургѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже ближе ко мнѣ... и отъ вашего добраго, оправдывающаго слова мнѣ иногда дѣлается неловко и тяжело, какъ не бываетъ тяжело отъ рѣзкаго осужденія Некрасова.

Такъ пишите же пожалуйста;—не знаю, есть ли въ Одессѣ обычай

---

[1]) Онъ говорилъ въ этомъ письмѣ, что, вѣроятно, скоро умретъ.

оставлять письма на почтѣ... Если нѣтъ, то адресуйте въ Hôtel de Londre;—но это не вѣрно, потому что я тамъ остановлюсь только первоначально. Могутъ, впрочемъ, передать, все равно.

Въ Одессѣ буду я не позже 25 іюня стараго стиля. Буду ждать Вашего письма около 1-го іюля, и сообразно съ нимъ расположу дальнѣйшую поѣздку.

Денегъ мнѣ пожалуй и хватитъ до Спб., а можетъ, и нѣтъ. На всякій случай пошлите въ Одессу рублей 200. Только ужь тутъ не знаю, какъ съ почтой?

Нѣтъ ли въ Одессѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ, кого полезно бы отыскать? Напишите.

Марковичъ [1]) еще не писалъ, потому что не знаю, гдѣ она теперь—во Флоренціи или уже въ Парижѣ. Но въ Аѳинахъ найду отъ нея письмо, и тогда сообщу ей все, что нужно. Передъ отъѣздомъ она дала мнѣ начало повѣсти, которая должна быть не дурна, но, кажется, на зло мнѣ, будетъ длинновата.

Статейка о Кавурѣ въ разныхъ пріемахъ гуляетъ теперь по всѣмъ морямъ. Конечно, къ іюню не поспѣетъ. Но кажется будетъ достаточно отличаться отъ другихъ біографій, такъ что можетъ быть помѣщена и въ іюлѣ, если бы пропустили то, для чего она написана.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. Ѳ. Л—СКОМУ.

(12 іюля 1861).

Денегъ все еще не получилъ; но сегодня приходитъ с.-петербургская почта, и мнѣ, вѣроятно, принесутъ повѣстку. Завтра получу деньги и послѣ завтра ѣду. Если ѣзда будетъ благополучна, 17-таго надѣюсь быть въ Харьковѣ. Тамъ придется, вѣроятно, дня два подождать дилижанса; 23-го разсчитываю быть въ Москвѣ. Если нужно мнѣ въ Петербургъ, то напишите въ Москву къ Базунову. А то, если сверну на Нижній, то не могу вернуться раньше 4 или даже 5 августа. Значитъ, если хотите меня ждать непремѣнно, то Вамъ придется ѣхать не прежде 6-го.

Статью о Кавурѣ допишу завтра; но завтра нѣтъ почты въ Спб., значитъ, конецъ къ Вамъ придетъ черезъ два дня, т. е. 21-го. Кажется, еще не совсѣмъ поздно?

Посылаю на Ваше имя потому, что письмо, адресованное въ типографію, непремѣнно возбуждаетъ любопытство губернской почтовой конторы.

---

[1]) Марья Александровна Марковичъ, или, по своему литературному имени, Марко Вовчокъ.

Не можетъ ли Василій Ивановичъ написать мнѣ хоть въ Москву,— гдѣ я могу остановиться по пріѣздѣ въ Петербургъ?

Вашъ Н. Добролюбовъ.

Кланяются Вамъ Жемчужниковъ и П. М. Ковалевскій.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. О. Л—СКОМУ.

(Отъ 13 іюля 1861).

Я кончилъ статью кое-какъ: у меня хлынула кровь горломъ (вѣроятно оттого, что я наглотался одесской пыли), и докторъ ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ мнѣ ѣхать. Если придется остаться долго, то я уже въ Нижній не поѣду, а явлюсь прямо въ Спб. Во всякомъ случаѣ—если совсѣмъ не слягу,—пріѣду къ пятому числу. Статейку пожалуйста просмотрите: начало теперь не годится,—надо бы измѣнить, а то выкинуть.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

По случаю запозданія почты, деньги получилъ только сегодня, въ четвергъ 13-го.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. О. Л—СКОМУ.

21 іюля 1861 г.

Моя глупая записка изъ Одессы могла васъ ввести въ нѣкоторыя сомнѣнія на мой счетъ, особенно при моемъ дѣйствительномъ замедленіи. Потому, *спѣшу* васъ увѣдомить, что я благополучно выѣхалъ изъ Одессы, надувши доктора, т. е. сказавъ ему, что ѣду на пароходѣ;—и точно, доѣхалъ до Николаева, а оттуда на перекладныхъ,— и на пятый день прибылъ въ Харьковъ. Немедленно къ дилижансу— и узнаю, что есть даже два мѣста... на 24-е число. А я думалъ 24 быть уже въ Москвѣ. Пробѣгалъ я по городу, ища попутчика съ собственнымъ экипажемъ: не оказалось. На перекладныхъ же я не могу больше ѣхать, не отдохнувши два дня. Да если бы и поѣхалъ, то есть вѣроятность, что засѣлъ бы на станціи гдѣ-нибудь, по случаю суматохи, возбужденной на харьковскомъ трактѣ ожиданіемъ проѣзда Его Величества. Такимъ образомъ я рѣшилъ, что самое меньшее зло— взять билетъ на 24-е. Пріѣду я въ Москву 28 го. Значитъ, если всетаки ѣхать въ Нижній, то я туда попаду лишь 30-го, и могу пробыть не болѣе трехъ дней, чтобы поспѣть къ сроку въ Спб. За этимъ, полагаю, не стоитъ и ѣхать. Да еще, пожалуй, сядешь во Владимірѣ, гдѣ тоже страшный гонъ по случаю нижегородской ярмарки. Значитъ—вѣроятнѣе, что я пріѣду прямо въ Спб., а въ Нижній от-

правлюсь ужъ, когда желѣзная дорога готова будетъ. Впрочемъ, если Вамъ можно повременить еще дня два, три, то я, можетъ быть, и рискну пуститься на родину. Вѣдь и долго-то что мнѣ тамъ дѣлать? Въ такомъ случаѣ напишите къ Базунову [1]); я, какъ пріѣду въ Москву, такъ и зайду къ нему. Да, кстати, если не посылали ему записки о выдачѣ мнѣ денегъ, то пошлите. Въ Нижнемъ мнѣ нужно будетъ потратить, вѣроятно. И вообще въ Россіи деньги идутъ страшно скоро; и обираютъ здѣсь съ такой безсовѣстностью, какъ нигдѣ.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

P.S. Базуновъ меня не знаетъ, поэтому вложите записочку о полученіи денегъ и въ мое письмо.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ П. О. Л—СКОМУ.

Москва, 29 іюля 1861 г.

Изъ Харькова писалъ я Вамъ на двое, но теперь рѣшился ѣхать въ Нижній. Не нашедъ у Базунова записки о деньгахъ, я взялъ деньги Плещеева; поэтому ежели записки еще не послано, поторопитесь послать Базунову, чтобъ онъ могъ возвратить Плещееву взятыя мною сто рублей. Плещеевъ говоритъ, что они ему будутъ нужны черезъ нѣсколько дней.

Возвращеніе мое въ Спб. не замедлится, по моимъ разсчетамъ, далѣе 7 го или 8-го числа.

Вашъ Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Б. Н. И.

17 авг. 1861. Спб.

Я только-что на дняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Б. Н. Ждалъ отъ Васъ письма и въ Аѳинахъ, и въ Одессѣ—не дождался; за то здѣсь нашелъ два. И изъ нихъ не узналъ бы, куда Вамъ писать, если бы не вчерашнее письмо Ваше къ Л—скому. Оно мнѣ открыло, что Вы въ Парижѣ, и побудило порѣшить дѣло объ — — [2]). Похвалите Вы меня или побраните—ужъ не знаю. Но во всякомъ случаѣ — прошу Васъ объ одномъ: не очень безпокойтесь о деньгахъ, и если Вамъ въ скоромъ времени встрѣтится надобность, то напишите — можно будетъ выслать еще — — [3]).

---

[1]) При магазинѣ котораго была контора „Современника".

[2]) Объ исполненіи порученія Б. Н. И.—слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ идетъ это дѣло. Оно было денежное.

[3]) „Еще" относится къ тому, что при этомъ письмѣ ужъ посылалась часть денегъ, о которыхъ шло дѣло.

Д—скій уѣхалъ мѣсяца на полтора въ А. Значитъ,—адресуйтесь на мое имя.

А вѣдь Л. Н. Толстой точно хочетъ издавать журналъ! Только Богъ знаетъ, что это будетъ за изданіе! Оно раздѣляется на два отдѣла: первый—*Школа*, а второй—*Книжки*. — — Впрочемъ и въ *книжкахъ* будетъ помѣщаться только то, что̀ пройдетъ черезъ критическую струю читателей, находящихся въ школѣ *Красной Поляны*... [1]).

А можетъ, вѣдь и не дурно выдетъ? Какъ Вамъ кажется?

Пишите мнѣ пожалуйста: на Литейной, домъ Юргенса, № 34.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Да не забудьте же о портретѣ. Кстати, на Ваши вопросы: здоровъ я не совсѣмъ, по-испански не учусь, въ Мессинѣ помпейской знакомки не дождался, въ Одессѣ же хотѣлъ влюбиться въ одну жидовку, да раздумалъ.

P. S. Вексель посылается на 15 дней, а не на обычные три мѣсяца; чтобы Вамъ не платить вычета. За то переводъ [2]) обойдется нѣсколько дороже.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

4 сентября, 1861 года.

Ахъ, какъ скоро прошли дни, проведенные съ тобою, милый, незабвенный братъ мой, точно ихъ и не было. Жалко, что такъ мало я видѣла тебя и ни о чемъ, ни о чемъ рѣшительно не поговорила съ тобою... Но не думай, добрый другъ и братъ мой, чтобы я или чуждалась тебя, или не умѣла; ты вѣроятно подумалъ такъ; и въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ я, родная сестра, не могла откровенно говорить съ тобой; но это потому, что при тебѣ было всегда народу много, да толку мало, какъ говорятъ. Тетенька [3]) и Михаилъ Ивановичъ были неразлучно при тебѣ и мы всѣ, и всякій не зналъ, что̀ передать тебѣ, о чемъ поговорить съ тобой; все зависѣло отъ того, что ты такъ мало времени провелъ у насъ, мало доставилъ намъ всѣмъ удовольствія своимъ посѣщеніемъ. А какъ всѣ, всѣ безъ исключенія твои родные желали продлить дольше, какъ можно дольше твое присутствіе у насъ. Анета пишетъ тебѣ о своемъ счастьи... Да, она дѣйствительно счастлива, какъ любитъ ее женихъ: говорятъ, что она ему давно нравилась.

Стекловъ пріѣхалъ; онъ говоритъ, что тоже [4]) желаетъ жениться

---

[1]) Названіе написано ошибочно; слѣдуетъ читать „Ясной Поляны".

[2]) Банкирскій дисконтъ.

[3]) Фавста Васильевна.

[4]) „Тоже" здѣсь разговорный плеоназмъ, дающій выраженію такой смыслъ:

на мнѣ на такихъ же точно условіяхъ, какъ женихъ Анеты. Михаилъ Алексѣевичъ даетъ по 500 руб., да они оба просятъ дать имъ подъ росписку взаемъ по 200 руб. каждому. Рождественскому Михаилъ Алексѣевичъ обѣщался, а *Стеклову* сказалъ рѣшительно, что занять негдѣ,—на этомъ дѣло это и остановилось. Пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу. А я откровенно признаюсь тебѣ, добрый и милый братъ, что я истинно желаю этого и надѣюсь, что буду счастлива. Жаль бѣдную Ниночку: она, голубушка милая, добрая сестра наша, какъ заботится о насъ; и это самое—причиною ея болѣзни. Ей еще не вышло пяти недѣль послѣ болѣзни, какъ сговорили Анночку; погода была ужасная—сыро, дождикъ не переставалъ лить ливмя, а она бѣдная одна—или попроситъ кого-нибудь изъ знакомыхъ (тетенька совершенно отказалась),—ѣдетъ на ярмарку покупать приданое; нѣсколько разъ пріѣзжала совершенно вся мокрая: очень сильно простудилась и теперь сильно больна; заботы о насъ (а она очень заботится) усиливаютъ болѣзнь ея.

Прощай, добрый, незабвенный другъ и братъ мой, желаю тебѣ отъ души всего счастливаго, спокойнаго для тебя. Молю Господа, да продлитъ жизнь твою для счастья всѣхъ насъ. Поцѣлуй Володю и Ваню. Кланяйся дяденькѣ. Прощай, не забывай всей душой любящую тебя твою сестру Катю.

P. S. Ты не будешь смѣяться надъ письмомъ моимъ, потому что очень тороплюсь.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Б. Н. И.

5 сент. 1861. Спб.

Вы на меня, конечно, не сердитесь, Б. Н., за то, что я не послалъ Вамъ депешу: письмо Ваше писано было въ тотъ самый день, въ который послалъ я Вамъ записку N., значитъ, когда я получилъ Ваше письмо, тогда и Вы могли получить мое и узнать изъ него все, чтó я могъ бы передать депешей. Правда, что N своего обѣщанія не исполнилъ, и на другой день послѣ Вашего письма я получилъ отъ него записку, начинавшуюся такимъ образомъ: «обстоятельства иногда слагаются такъ, чтобы выставить человѣка подлецомъ, хотя онъ»... и пр.... Оказалось, что ожиданныхъ денегъ онъ въ свое время не получилъ (въ удостовѣреніе даже почтовую повѣстку прислалъ мнѣ: о, наивная душа!) и потому могъ послать Вамъ 180 рублей только 30-го, вмѣсто 26-го. Теперь Вы вѣроятно эти деньги уже получили.

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ счеты; — — онъ считаетъ, что Вы ему остаетесь теперь должны немножко, — очень мало по его словамъ, но сколько именно, я не разспросилъ,—должно быть франковъ пять и нѣсколько сантимовъ. — —

у меня тоже есть женихъ, какъ у Анеты; это Стекловъ, онъ пріѣхалъ въ Нижній и говоритъ, что желаетъ жениться на мнѣ, прося такого же приданаго деньгами, какое получаетъ женихъ Анеты.

Относительно дубликата почтоваго, т. е. квитанціи почтамта Вамъ, кажется, хлопотать нечего: вѣдь никто не отвергаетъ, что письмо было точно послано и получено въ Неаполѣ. Для Васъ гораздо полезнѣе былъ бы дубликатъ банкира, на котораго данъ билетъ пропавшій; тогда можно бы узнать, получены ли деньги, кѣмъ получены; а если нѣтъ, то и хлопотать нечего — просто не велѣть платить, а между тѣмъ вытребовать новый вексель. Но для этого нужно знать, *какія именно* деньги пропали. — —

Вы хотите возвращаться въ С.-Петербургъ; а вотъ Тургеневъ ѣдетъ къ Вамъ въ Парижъ. Не будетъ ли онъ такъ «обаятеленъ», что и Вы останетесь въ Парижѣ?

А правду Вамъ сказать — будь у меня малѣйшая возможность, я бы оставилъ Петербургъ и всѣ его гадости, если не для Парижа, то ужь навѣрное для Милана, Флоренціи, или Палермо.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ ФАВСТѢ ВАСИЛЬЕВНѢ И МАРЬѢ ДМИТРІЕВНѢ.

15 сентября 1861.

Милая моя, добрая тетенька! Пожалуйста, не сердитесь, что такъ долго Васъ не извѣщалъ о себѣ: причины этому были особенныя. Какъ только пріѣхалъ я въ Петербургъ, такъ и почувствовалъ себя хуже: время съ самаго моего пріѣзда до сихъ поръ стоитъ невыносимо тяжелое, дождь, изморозь, вѣтеръ, сырость и холодъ такъ и пронимаютъ... А мнѣ надо было много хлопотать, чтобы устроиться съ квартирой, съ братьями, перевезти ихъ, купить имъ все нужное для гимназіи, одѣть Ваню въ форму и т. д. Но—главное—свои работы, за которыя мнѣ необходимо было приняться тотчасъ же, хоть у меня и грудь болѣла, и кашель усилился, и приливы къ головѣ начались. Каждый день собирался я къ Вамъ писать и не могъ. Повѣрите ли,—я до сихъ поръ еще не успѣлъ повидаться съ половиной своихъ прежнихъ знакомыхъ здѣсь... Теперь мнѣ, кажется, нѣсколько лучше и я становлюсь поспокойнѣе. Вспоминаю часто съ братьями про Нижній, про Васъ, милая тетенька, про сестеръ, про Михаила Ивановича и Марью Дмитріевну. На дняхъ получилъ письмо отъ Михаила Алексѣевича о сговорѣ Анночки, и очень радуюсь. Скоро отвѣчать имъ буду, а теперь хочу писать къ Вамъ первымъ, какъ обѣщался. Прилагаю и письмо Вани: онъ Вамъ тутъ даже анекдотъ какой-то приплелъ.

Михаилу Ивановичу я на этотъ разъ ничего не пишу, а пишу письмо къ Марьѣ Дмитріевнѣ, чтобы она, сколько можно, моимъ сестрамъ помогла. Васъ самихъ безпокоить я не смѣю, Вамъ надо беречь себя, особенно въ этакую погоду; а ужь ее-то увольте на нѣсколько деньковъ для семейнаго дѣла.

Добрая, милая тетенька! Какъ мнѣ здѣсь тяжело и нехорошо на

сердцѣ, если бы Вы знали! И боленъ-то я, и дѣла-то много, а кругомъ все чужіе...

Будьте здоровы, моя милая тетенька; повеселитесь за меня хоть на свадьбѣ Анночкиной.

Васъ искренно любящій Н. Добролюбовъ.

15 сентября 1861. Спб.

Милая Марья Дмитріевна! Вы были очень добры ко всѣмъ намъ, какъ я замѣтилъ во время моего короткаго пребыванія въ Нижнемъ. Послѣ отъѣзда я часто думалъ объ этомъ и не забылъ Вашей доброты. Сестры также говорили мнѣ, что онѣ съ Вами всегда были очень дружны. Поэтому я думаю, что Вы, ежели только можете, не откажетесь исполнить мою усердную просьбу принять участіе въ ихъ свадебныхъ хлопотахъ. Бросьте на недѣльку Ваши коробочки и переплетное мастерство,—Михаилъ Ивановичъ для меня не осердится на это,—и похлопочите съ моими сестрами. Онѣ, бѣдныя, я думаю, теперь совсѣмъ замучились;—пишутъ мнѣ даже, что Ниночка серьезно захворала. Вотъ бы Вы и помогли моимъ сестрамъ, да и мнѣ бы написали о томъ, каковы въ самомъ дѣлѣ совѣтъ да любовь у жениха съ невѣстой и можно ли ждать, что они будутъ другъ съ другомъ счастливы. Вамъ вѣдь это со стороны сейчасъ будетъ видно, да и сестры довѣрятъ Вамъ вѣрно больше, чѣмъ мнѣ на письмахъ. Пожалуйста, Марья Дмитріевна, будьте добренькая, да заставьте и моего братца быть добренькимъ,—пусть Васъ отпускаетъ по временамъ къ нашимъ. А въ награду за то скажите ему, что на дняхъ долженъ проѣзжать черезъ Нижній изъ Саратова П. О. Л—скій: онъ хотѣлъ зайдти къ нашимъ, т. е. къ Михаилу Алексѣевичу. Если зайдетъ, то ему можно отдать портреты—двѣ копіи, и переговорить съ нимъ даже о дѣлахъ переплетныхъ. Онъ же можетъ познакомить Михаила Ивановича съ N., служащимъ въ «Меркуріѣ».

А я вотъ собирался пріѣхать на свадьбу, да такъ она скоро сдѣлалась, что мнѣ и не поспѣть. Ну, да ничего, послѣ пріѣду—дѣтей крестить. А вы меня не забудьте.

А въ самомъ дѣлѣ, помните ли Вы меня, или ужь теперь такъ коробочками занялись, что и вспомнить некогда? А я и среди дѣла часто припоминаю, какъ мы послѣ кладбища на бульварѣ гуляли и все дождя боялись, а онъ и не думалъ идти.

Прощайте, добрая Марья Дмитріевна: тороплюсь отправить письмо. Сдѣлайте же, что я прошу Васъ: Вы этимъ доставите большое мнѣ удовольствіе, а сестрамъ моимъ окажете услугу, которой они заслуживаютъ за дружбу къ Вамъ.

Вашъ искренній

Н. Добролюбовъ.

(Приписка Михаилу Ивановичу).

Намъ съ тобою, братъ, фразами перекидываться нечего, а дѣла покамѣстъ никакого нѣтъ, кромѣ развѣ того, что я далъ на дняхъ

Серебряникову 1 рубль для покупки и отсылки мыла. Передай эти письма *женщинамъ*, и напиши мнѣ, ежели что случится нужное. Я остался на зиму на той же квартирѣ.

Твой братъ

Н. Добролюбовъ.

Да отпусти, въ самомъ дѣлѣ, Марью Дмитріевну на помощь Анночкѣ, сколько возможно.

ПИСЬМО ФАВСТЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(Отъ 15 сент. 1861, при письмѣ къ Ванечкѣ).

Любезный мой Николенька!

Что ты насъ не извѣстилъ, какъ ты доѣхалъ и здоровъ ли? Я не знаю, что и подумать объ тебѣ, а это меня очень огорчаетъ. Я думаю, что особенныя какія-нибудь обстоятельства: или ты нездоровъ, или очень разстроенъ, или занятъ, что некогда написать; удѣли, пожалуйста, нѣсколько минутъ; скажи, что ты здоровъ и всѣ твои дѣла благополучны. Кажется, тебѣ сердиться на меня не за что: я тебя люблю, какъ второго сына, ты родился на моихъ рукахъ, выросъ, и теперь называю тебя все также по-руски, по-родному, Николенькой. Прошу тебя, напоминай Ванечкѣ ко мнѣ писать, хотя не часто. Я думаю, что онъ тебя вовсе не узналъ. Скажи, пожалуйста, любишь ли ты его и онъ старается ли заслужить твое расположеніе. А мы все такъ же живемъ, какъ ты видѣлъ насъ. Дѣти только выздоравливаютъ; онѣ порядочно помучили насъ своею болѣзнью. Извини, что безпорядочно пишу, спѣшу посылать письмо. Прощай, будь здоровъ и не забывай любящей тебя Фавсты Благообразовой.

1861 г., сент. 15 числа.

(Приписка Михаила Ивановича).

Любезный мой другъ

Николай Александровичъ!

Посылаю тебѣ три копіи съ портрета дяденьки, одну оставилъ у себя. Деньги за нихъ, 17 рублей, отдалъ, но до сихъ поръ не посылалъ къ тебѣ потому, что дожидался *оказіи*. При семъ прилагаю еще портретъ моей жены. Скажи, пожалуйста, Ванечкѣ, чтобы онъ, хотя въ мѣсяцъ, что-нибудь писалъ матушкѣ, а то мнѣ ея любовь къ нему начинаетъ надоѣдать: у насъ каждый день одна исторія—«не получу ли отъ Ванечки письмо»; а онъ, какъ на смѣхъ, ни одного письма ей не прислалъ послѣ свиданія.—Ты получишь эти вещи отъ

Платона Ивановича Садокова, брата Константина Ивановича, зятя Улыбашевой.

Больше писать не знаю что.—У Ниночки сосватали и Анночку и Катю; торопятся къ свадьбѣ. Но я положительныхъ обстоятельствъ ничего не знаю, а потому и говорить объ нихъ ничего не могу.

За твои книги спасибо; чрезъ нихъ я еще остался опять на службѣ въ Палатѣ. Остаюсь твой братъ

Михаилъ Благообразовъ.

P. S. Передай мое почтеніе Василію Ивановичу.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ Б. Н. И.

Спб. 1861. Сент. 18.

Вотъ и я Васъ надулъ, Б. Н.: такъ-то всѣ люди помаленьку хуже становятся! Денегъ я Вамъ до сихъ поръ не схлопоталъ и утѣшаюсь только тѣмъ, что Z. Вамъ что-то выслалъ, именно 12-го сентября, въ тотъ день, когда я обѣщалъ. Но сколько выслалъ Z., этого я не могъ узнать, потому что его не засталъ, — — а на записочку мою ни отвѣта, ни привѣта не получилъ никакого. Что станете съ этими людьми дѣлать.

— — Вотъ я и вышелъ передъ Вами чѣмъ-то въ родѣ N. Это, впрочемъ, замѣтьте, бываетъ со мною чрезвычайно рѣдко. — —

Могу ли я Васъ побезпокоить просьбой, впрочемъ не настоятельной вовсе? Въ Парижѣ, кажется, живетъ русскій художникъ Флавицкій; не будетъ ли Вамъ случая у кого-нибудь спросить о немъ, какъ онъ и гдѣ? А если случая нѣтъ, такъ и не хлопочите. Онъ мнѣ обѣщалъ писать, да и не пишетъ.

Въ Петербургъ до зимы лучше и не ворочайтесь: такая гадость во всемъ, всѣ больны, воздухъ пахнетъ гнилью и съ неба льются какія-то помои.

А впрочемъ, до свиданія, можетъ и скораго. Да скажите мнѣ, что С., гдѣ теперь, и получилъ ли онъ вещи, которыя я посылалъ ему? Давно я просилъ Васъ написать мнѣ объ этомъ, но Вы — — никогда не отвѣчаете на вопросы. Вотъ и о Мильковичѣ только въ прошломъ письмѣ собрались написать, а когда еще я Васъ о немъ спрашивалъ!

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ МИХАИЛУ АЛЕКСѢЕВИЧУ.

18 сент. 1861.

Добрѣйшій Михаилъ Алексѣевичъ!

Я теперь заваленъ дѣломъ, и потому отвѣчаю Вамъ коротко. Очень радъ замужству Анночки, посылаю ей мой братскій поцѣлуй, а жениху поклонъ. Ниночка, надѣюсь, выздоровѣла. Я сестрамъ напишу скоро особенно.

Относительно какихъ-то денегъ, положенныхъ Николаевымъ, я ничего не зналъ, что тутъ всѣ братья участвуютъ. Но само собой разумѣется, что я отъ этихъ денегъ отказываюсь за себя и ручаюсь за отказъ моихъ братьевъ. Въ случаѣ же, если бы они, по совершеннолѣтіи, вздумали ихъ требовать, то обязуюсь имъ выплатить. Если такимъ объясненіемъ моимъ можетъ быть улажено дѣло, то я готовъ дать его и формальнымъ образомъ.

Денегъ же 150 рублей въ настоящую минуту я считаю довольно затруднительнымъ выслать Вамъ [1]). На мнѣ долгу въ «Современникѣ» около 4000 за прошлый годъ; въ нынѣшнемъ, положимъ, это отчасти покроется, но все же мнѣ забирать еще денегъ не хочется.

Впрочемъ, по правдѣ сказать, я и не считаю это особенно важнымъ: 150 руб. деньги не велики въ сущности и, мнѣ кажется, безъ особеннаго труда можно занять ихъ у кого-нибудь въ Нижнемъ. Посылаю Вамъ 20 рублей, 17 за портреты, а 3 рубля, которые Ваня когда-то обѣщалъ Аксиньѣ [2]). Отдайте ей: пусть старуха утѣшится, что ее помнятъ.

Передайте Катенькѣ письмо Володи.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Къ Вамъ, можетъ, зайдетъ на дняхъ Л—скій: примите его попроще, какъ бы родного, близкаго принимали. Онъ и то мнѣ какъ родной. Съ нимъ и портретъ [3]) можете послать, а если возьметъ, такъ и книжки. А впрочемъ книжки лучше послѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

---

[1]) Михаилъ Алексѣевичъ, вѣроятно, спрашивалъ, не дастъ ли Николай Александровичъ въ займы опекѣ 150 р., которыхъ недостаетъ для того, чтобы немедленно дать и жениху Катерины Александровны 200 р., какъ дается жениху Анны Александровны; и вѣроятно было прибавлено, что дѣло обойдется и безъ присылки денегъ Николая Александровича, если у него нѣтъ лишнихъ: можно занять въ Нижнемъ.

[2]) Аксиньѣ Акимовнѣ, служанкѣ, о которой нѣсколько разъ упоминается въ письмахъ Николая Александровича къ матери и къ Фавстѣ Васильевнѣ.

[3]) Это былъ, кажется, портретъ группы трехъ сестеръ Николая Александровича, его самого и Михаила Алексѣевича.

ПИСЬМО КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

20 сентября 1861 года.

Наконецъ, исполнилось мое желаніе, добрый, незабвенный братъ мой. Я выхожу замужъ за того, кого давно уже выбрало мое сердце. Я счастлива! Онъ точно такой, какого желала я. Я люблю его и чувствую, что не буду раскаяваться въ томъ, что такъ безотчетно полюбила его. Онъ меня любитъ!.. Мы будемъ счастливы. Надѣюсь, надѣюсь несомнѣнно, что ты, добрый братъ мой, отъ души порадуешься моему счастью. Когда будетъ наша свадьба, еще не рѣшено; женихамъ нашимъ хочется сдѣлать вмѣстѣ.

Тебя, милый, добрый братъ мой, не смѣемъ просить пріѣхать, хотя всѣ безъ исключенія истинно желали бы этого.—Ниночка, слава Богу, поправилась. Михаилъ Алексѣевичъ ждетъ отъ тебя письма. Анюта весела и спокойна. Андрей Ивановичъ [1]) просилъ меня передать тебѣ отъ него глубокое почтеніе; онъ уважаетъ тебя и желаетъ послѣ свадьбы вести съ тобою переписку.

Право, не знаю, что̀ еще написать тебѣ; повѣрь, что не могу рѣшительно писать больше ничего, какъ только то, что я счастлива. Прощай.

Не забывай любящую тебя всѣмъ сердцемъ сестру твою Е. Д.

ПИСЬМО Н. А—ЧА КЪ В. Н. И.

$^5/_{17}$ окт. 1861 г. Спб.

Очень благодарю Васъ за портретъ, В. Н. Онъ вышелъ прекрасно,—даже съ красной каемочкой и съ красной надписью позади. Славный портретъ. Только Вы смотрите на немъ такъ, какъ будто бы все собираетесь панихиду служить по Мильковичѣ.

О Мильковичѣ и дубликатѣ я еще не говорилъ съ N, потому что вотъ ужь дней десять какъ лежу больной и никуда не выхожу. Вотъ видите,—я и о себѣ пишу, когда нужно.

По причинѣ болѣзни моей отчасти замедлилось и полученіе денегъ отъ Е. Онъ пріѣхалъ уже дня четыре, а я получилъ деньги только вчера къ вечеру. Вы говорите положительно, чтобы взять изъ нихъ 500 франковъ—я и беру. Курсовъ денежныхъ и переводныхъ я не знаю и не помню, и потому считаю по номинальной цѣнѣ—125 рублей. Когда мнѣ придется занимать у Васъ за границей, то возьму по такому же счету. Посылается Вамъ такимъ образомъ 175 рублей. Сколько это выйдетъ на франки для полученія Вамъ—еще не знаю. Велю себѣ принести дубликатъ.

Если Вамъ все-таки нужны деньги—напишите: къ концу октября

---

[1]) Стекловъ, женихъ Катерины Александровны.

Ж. [1]) соберется съ деньгами и вѣроятно не затруднится выслать Вамъ 1000—1500 франковъ. — —

Не хворайте пожалуйста.

Вашъ

Н. Добролюбовъ.

Какъ буду выходить, отправлюсь къ N. и тогда напишу Вамъ еще.

ПИСЬМО АНТОНИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ И МИХАИЛА АЛЕКСѢЕВИЧА.

(*Отъ 15 окт. 1861*).

15 окт.

Наконецъ и я собралась писать тебѣ, милый братъ мой. Мы и такъ всѣ очень виноваты передъ тобой, особенно сестры. Я сколько разъ говорила имъ, чтобъ онѣ писали тебѣ и извѣстили тебя, какъ о днѣ, въ который назначена свадьба, такъ и обо всемъ другомъ; но онѣ, занятые приготовленіями къ свадьбѣ, а своими женихами еще болѣе, не собрались писать тебѣ. Теперь я хочу сказать тебѣ, что свадьба была обѣихъ сестеръ въ одинъ день, 8-го октября; пировали тоже вмѣстѣ въ квартирѣ Порфирія Асафовича, а послѣ стола обѣихъ проводили по своимъ квартирамъ. Я и Михаилъ Алексѣевичъ благословляли Катю къ вѣнцу, мы же и провожали ее; а Анночку—дядюшка Лука и тетушка Фавста Васильевна. Теперь молодые наши очень веселы. Катя въ особенности довольна своимъ мужемъ, говоритъ, что она очень счастлива и теперь не позавидуетъ никакой царицѣ; ея желаніе исполнилось. Анночка, хотя и не говоритъ такъ, но, кажется, довольна и весела не меньше Кати. Я всегда смотрю на нихъ съ удовольствіемъ, какъ они ласкаютъ другъ друга. Дай Богъ, чтобъ они всегда такъ жили, ихъ счастье также и мое. Они теперь для меня самые близкіе, самые милые родные. Хоть они успокаиваютъ меня; домашнія же дѣла мои идутъ очень скверно: Коля до сихъ поръ все боленъ, сколько ни лѣчили его; и теперь ѣздитъ докторъ, но мало оказывается пользы отъ его лѣченья и, кажется, придется ожидать дурного конца его болѣзни, каково сказать мнѣ это. Прислуга моя тоже никуда не годится, нянька только знаетъ Лизу [2]) и мало занимается Колей, и я, по необходимости, съ этой свадьбой почти совсѣмъ оставила его; при томъ же послѣдняя болѣзнь и эти хлопоты со свадьбой почти совсѣмъ разстроили и безъ того разстроенное мое здоровье. Много еще желала бъ писать тебѣ, милый братъ мой, но пора посылать письмо, да и у самой руки дрожатъ. Коля сидитъ около меня и плачетъ. Какъ-нибудь найду время и напишу много, если только ты этого желаешь. Жду письма отъ тебя.

Любящая тебя сестра Антонина Кострова.

---

[1]) Этой буквой замѣнили мы названіе фирмы, начинающееся совершенно иной буквой.

[2]) Дочку Антонины Александровны.

Я самъ Вамъ не писалъ; и теперь много не пишу, любезный нашъ Николай Александровичъ! Некогда, все хлопочу изъ-за денегъ! Съ женихами я разсчитался на чистую; но за то задолжалъ многимъ другимъ до 250 рублей. Впрочемъ, надѣюсь разчитаться, въ непродолжительномъ времени и съ этими людьми. Во-первыхъ, возьму впередъ до мая у Коптева [1]) 200 рублей (изъ нихъ половина пойдетъ на застраховку дома, а другая на покрытіе долговъ
получу по билету Приказа Общественнаго Призрѣні
часть сестеръ Вашихъ, деньги, и всѣмъ этимъ со всѣ
Въ прошлый разъ, я сдѣлалъ ошибку: нужно бы В
засвидѣтельствовать по существующей, на подобные
а этого-то я и не сдѣлалъ. Поэтому, когда я представи
и ваше письмо, въ которомъ вы отказываетесь отъ
билета Приказа Общественнаго Призрѣнія въ пользу
въ Консисторію, то она опредѣлила отнестись обо
С.-Петербургскую Управу Благочинія, дабы послѣдняя удостовѣрилась въ подлинности этихъ документовъ, снесшись съ Вами самими, а потомъ увѣдомила объ этомъ и Консисторію,—тогда уже я и получу эти деньги... Прошу Васъ съ своей стороны посодѣйствовать скорѣйшему обороту дѣла въ вашей Управѣ. На этой недѣлѣ Консисторія отпишетъ ей.—О свадьбахъ сказать много нечего. Все, разумѣется, сдѣлалось отлично. Сестры Ваши шли замужъ по собственному выбору и теперь пока еще, по собственнымъ ихъ словамъ, какъ нельзя болѣе счастливы.

Вашъ покорнѣйшій слуга священникъ

М. Костровъ.

ПИСЬМО МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

21 октября 1861 г.

Любезный мой другъ,

Николай Александровичъ!

Обстоятельства заставили къ тебѣ обратиться съ просьбою денежною. Оно, я знаю, что и у тебя дѣла не совсѣмъ хороши; а у меня еще хуже, потому что послѣдній, кто въ Нижнемъ давалъ мнѣ взаймы денегъ, мой крестный отецъ Богомоловъ, въ концѣ ярмарки умеръ. Теперь не у кого занять; а у кого и можно, тому долженъ. Я уже четыре недѣли какъ хвораю, не выхожу изъ комнаты, лѣчусь и пользы нѣтъ—одно разореніе. Не работавши мѣсяцъ, такъ разстроилъ дѣло, что́ и дѣлать не знаю. А приходитъ ноябрь, время, въ которое закупаю товаръ, а денегъ нѣтъ: безъ товара нельзя будетъ ра-

[1]) Жившаго въ домѣ, который принадлежалъ сестрамъ и братьямъ Николая Александровича и находился подъ опекунскимъ управленіемъ Михаила Алексѣевича.

ботать. Вотъ почему и прошу тебя, не можешь ли достать мнѣ до 20-го апрѣля рублей 100, или 75, или, даже, 50; но не меньше. Если можешь, то не откажи,—вѣкъ буду помнить твое добро, какъ не забываю прошедшее.

Этихъ денегъ я прошу потому, что могу въ апрѣлѣ отдать, и отдамъ съ благодарностью.—Напиши съ первою же почтой: да или нѣтъ; но денегъ высылать ко мнѣ не надо, потому что въ половинѣ ноября будетъ въ Петербургѣ Кемарскій: я ему поручу купить что мнѣ нужно, и ему ты отдашь деньги.

И Анночка, и Катя вышли замужъ, и обѣ, повидимому, очень счастливы. Соблюдены всѣ обыкновенія и порядки, стало быть, хорошо. Мужья ихъ люди [1]), оправдали больше, чѣмъ я объ нихъ думалъ.

Матушка и жена тебѣ кланяются.

Пожалуйста, не откладывай отвѣтить: твой отвѣтъ важнѣе, чѣмъ ты можешь думать.

Твой братъ и слуга

Михаилъ Благообразовъ.

ПИСЬМО Н. А—ЧА МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ.

5 ноября 1861. Получено 10 ноября 1861.

Въ половинѣ ноября Кемарскій можетъ отъ меня получить 100 рублей, а если понадобится нѣсколько больше, то и больше.

Объ остальномъ напишу, когда стану немножко поправляться. Пишу въ постелѣ; вотъ ужь слишкомъ мѣсяцъ лежу.

Твой братъ и другъ

Н. Добролюбовъ.

---

[1]) То есть: хорошіе, солидные люди.

ОБЗОРЪ БУМАГЪ.

ОБЗОРЪ БУМАГЪ.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ВРЕМЯ.

(Сентябрь 1844—іюль 1853).

1.

ЖУРНАЛЪ УРОКОВЪ М. А. КОСТРОВА.

Въ іюлѣ 1844 года, когда Николаю Александровичу было восемь съ половиною лѣтъ, отецъ и мать разсудили, что пора ему начать учиться правильнымъ образомъ. Для этого надобно было пригласить кого-нибудь давать ему уроки: Зинаида Васильевна ужъ выучила сына всему, чему могла; отецъ, постоянно занятый дѣлами, не могъ употреблять много времени на преподаваніе ему. И былъ приглашенъ учить его г. Садовскій, кончившій тогда курсъ въ нижегородской семинаріи. Но черезъ два мѣсяца г. Садовскій получилъ должность священника и пересталъ давать уроки. Тогда—около половины сентября—Александръ Ивановичъ поручилъ учить Николая Александровича Михаилу Алексѣевичу Кострову, воспитаннику семинаріи, жившему у Фавсты Васильевны, сестры Зинаиды Васильевны, и перешедшему тѣмъ лѣтомъ въ философскій классъ, то есть имѣвшему лѣтъ 17, даровитому и доброму юношѣ, бывшему однимъ изъ лучшихъ студентовъ всей семинаріи.

Уцѣлѣла часть тетради, служившей журналомъ учебныхъ занятій Николая Александровича въ это время. Она—сложенный въ восьмушку и сшитый листъ бумаги, такъ что въ ней было восемь листковъ. Изъ нихъ сохранились первый и четыре послѣдніе; листки 2-й, 3-й и 4-й вырваны.

Первый и послѣдній листки служили обложкой. Наружныя страницы ихъ оставлены бѣлыми. На оборотной сторонѣ перваго листка находится по срединѣ подпись: «Учитель Садовскій»; выше этой подписи сдѣлана подпись: «Учитель Костровъ»; а ниже подписи г. Кострова, Михаилъ Ивановичъ, сынъ Фавсты Васильевны, имѣвшій тогда 13 лѣтъ и учившійся въ высшемъ отдѣленіи духовнаго училища, написалъ по-латыни свою фамилію: Blahoobrazoff.

На внутренней страницѣ послѣдняго листка написано рукою Александра Ивановича распредѣленіе уроковъ по днямъ недѣли. Вотъ оно:

Воскресенье и Понедѣльникъ	Катихизисъ и священная исторія.
Вторникъ	Латинскій и греческій языки.
Среда	Географія.
Четвергъ	Русская грамматика и чистописаніе.
Пятница	Катихизисъ и священная исторія.
Суббота	Географія.

На трехъ уцѣлѣвшихъ внутреннихъ листкахъ (бывшихъ первоначально 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ) находятся отмѣтки уроковъ, писанныя рукою Михаила Алексѣевича. Онѣ начинаются 16-мъ числомъ сентября. На вырванныхъ трехъ листкахъ, очевидно, находился журналъ уроковъ г. Садовскаго.

Очень вѣроятно, что г. Садовскій, имѣя по окончаніи курса совершенный досугъ, съ точностью держался той программы, которая была назначена преподаванію табличкой распредѣленія по днямъ недѣли, давалъ уроки въ томъ самомъ порядкѣ, давалъ ихъ ежедневно; и можно полагать, что онъ давалъ ихъ утромъ, какъ обыкновенно дѣлается, когда учитель свободно располагаетъ своимъ временемъ

Но это не могло такъ продолжаться, когда учителемъ сталъ Михаилъ Алексѣевичъ. Онъ самъ еще учился. По буднямъ онъ долженъ былъ проводить въ классѣ время отъ 8 часовъ до 12 и отъ 2 до 4. Уроки своему ученику онъ давалъ въ будни, безъ сомнѣнія, вечеромъ, а не утромъ. Гораздо важнѣе этой перемѣны была другая: онъ не могъ давать уроки каждый день, нѣкоторые вечера долженъ былъ употреблять исключительно на собственныя занятія, и такихъ вечеровъ было много. Число дней, пропущенныхъ имъ безъ уроковъ очень велико. Дни уроковъ отмѣчены въ журналѣ только числами мѣсяцевъ; какому дню недѣли соотвѣтствовало число, не отмѣчено ни одного раза; чтобы разобрать, въ чемъ состояла причина пропусковъ, надобно было намъ распредѣлить числа мѣсяцевъ по семидневнымъ періодамъ; тогда дѣло разъяснится само собой.

На трехъ уцѣлѣвшихъ листкахъ журнала занесены дни отъ 16 сентября до 18 декабря. Но только до 10 декабря отмѣтки уроковъ сдѣланы аккуратно, напримѣръ:

16 сентября. Катихизисъ и священная исторія. Довольно не худо.
17 » Латинскій и греческій языки. Хорошо,

Такъ идетъ журналъ до 10 декабря, когда сдѣланы отмѣтки: «латинскій и греческій языки. Не худо.—Географія. Очень не худо». Отмѣтки слѣдующихъ дней сдѣланы иначе; характеръ ихъ мы разсмотримъ послѣ; теперь надобно сказать только, что для опредѣленія причины пропуска многихъ дней безъ уроковъ должно оставить внѣ разсчета послѣдніе восемь дней журнала, остановиться на 10 декабря. Распредѣливъ числа отъ 16 сент. до 10 декабря по семидневнымъ періодамъ, мы получаемъ такую таблицу дней, отмѣченныхъ уроками.

Михаилъ Алексѣевичъ велъ свой журналъ на листкахъ тетрадки, служившей журналомъ для г. Садовскаго; уроки, записанные имъ,

были непосредственнымъ продолженіемъ уроковъ г. Садовскаго; потому мѣсяцы этихъ уроковъ принадлежатъ 1844 году.

Распредѣлимъ по днямъ недѣли числа, которыя вошли въ журналъ Михаила Алексѣевича; поставимъ числа на мѣстахъ тѣхъ дней, въ которые онъ давалъ уроки, поставимъ знаки пропуска на мѣстахъ тѣхъ чиселъ, въ которыя онъ не давалъ уроковъ.

1844.

	Субб.	Воскр.	Понед.	Вторн.	Среда.	Четв.	Пятн.
Сентябрь.	16	17	—	—	20	21	—
	23	24	25	—	27	28	—
Октябрь.	—	—	2	3	—	—	—
	7	8	9	—	—	—	—
	14	15	16	—	18	—	—
	21	22	23	24	25	—	—
	—	—	30	31	1	—	—
Ноябрь.	4	5	6	—	—	—	—
	11	12	13	—	15	—	—
	18	19	—	—	—	—	—
	25	26	27	28	29	—	—
	2	3	4	—	—	—	—
	9	10				—	—

Теперь ясно: Михаилъ Алексѣевичъ съ самаго начала нашелъ надобнымъ оставить вечеръ пятницы исключительно для своихъ уроковъ; черезъ двѣ недѣли онъ увидѣлъ, что вечера пятницы недостаточно для дѣла, которое онъ долженъ приготовить къ субботѣ, и взялъ для этого занятія также вечеръ четверга. Суббота была днемъ подачи срочныхъ сочиненій профессорамъ того класса, въ которомъ учился тогда Михаилъ Алексѣевичъ; вечера четверга и пятницы были поглощены у него приготовленіемъ этихъ, такъ называемыхъ, «задачъ». Собственныя учебныя занятія очень часто не оставляли ему досуга для уроковъ ученику и въ другіе вечера. Такимъ образомъ, въ продолженіи десяти недѣль отъ 30 сент. до 8 декабря, изъ 70 дней Михаилъ Алексѣевичъ нашелъ только въ 34 дня досугъ для того, учить Николая Александровича, а 36 дней пропустилъ безъ уроковъ ему. Потерю времени для ученика отъ пропуска этихъ дней безъ уроковъ Михаилъ Алексѣевичъ вознаграждалъ, давая въ свои свободные вечера по два, даже по три урока; случалось, что онъ давалъ въ одинъ вечеръ и четыре урока (такъ было, напримѣръ, въ субботу 11 ноября; вечеръ субботы былъ для Михаила Алексѣевича самый свободный въ цѣлую недѣлю).

Михаилъ Алексѣевичъ часто мѣнялъ распредѣленіе предметовъ; на шести страницахъ его журнала находятся четыре разныя системы распредѣленія уроковъ, слѣдующія одна за другой; этими перемѣнами онъ по всей вѣроятности приспособлялъ ходъ преподаванія къ надобностямъ ученика: уменьшалъ число уроковъ по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ Николай Александровичъ дѣлалъ быстрые успѣхи, увеличивалъ число уроковъ по предметамъ, въ которыхъ успѣхи были менѣе быстры.

Изъ всего этого мы видимъ, что Александръ Ивановичъ предоставлялъ Михаилу Алексѣевичу полную свободу вести преподаваніе, какъ онъ находитъ наиболѣе удобнымъ для себя и наиболѣе полезнымъ для ученика.

Михаилъ Алексѣевичъ, по общепринятому правилу, выставлялъ въ журналѣ отзывы о томъ, хорошо или дурно были приготовлены ученикомъ уроки. Отмѣтки свои писалъ онъ собственно для ученика; это видимъ изъ того, что иногда онѣ имѣютъ форму прямыхъ совѣтовъ ученику (напр., 27 сент., по уроку катихизиса и священной исторіи: «старайтесь»). По характеру ихъ видно, что Михаилъ Алексѣевичъ не имѣлъ желанія хвалиться передъ отцомъ и матерью ученика успѣхами своего преподаванія: въ журналѣ нерѣдко попадаются отмѣтки «неудовлетворительно», «нетвердо» и т. п. Но, разумѣется, преобладаютъ хорошіе отзывы; иначе не могло быть при дарованіяхъ и любознательности ученика.

До 10 декабря Михаилъ Алексѣевичъ дѣлалъ отмѣтки аккуратно: отзывы объ успѣхахъ ученика вписаны каждый въ ту назначенную для него клѣточку разграфленной таблицы дней и предметовъ. Но съ 11 декабря эта аккуратность брошена: Михаилъ Алексѣевичъ не записывалъ отмѣтокъ до 18 декабря, которымъ кончается послѣдняя страница, а когда всѣ эти восемь дней прошли, онъ сдѣлалъ черезъ всѣ клѣтки ихъ вдоль по колоннамъ предметовъ общіе отзывы обо всѣхъ урокахъ: въ графѣ латинскаго и греческаго языковъ «хорошо очень», въ графѣ чистописанія «очень порядочно», въ графѣ географіи «довольно хорошо». По графѣ священной исторіи провелъ онъ черточки, означающія, что уроковъ этого предмета въ тѣ дни вовсе не было,—вѣроятно потому, что ученикомъ были сдѣланы въ немъ успѣхи, дававшіе возможность заниматься вмѣсто него другими предметами.

Должно полагать, что послѣ того и не возобновлялось аккуратное обозначеніе успѣховъ ученика по днямъ уроковъ: учитель убѣдился, что мальчикъ учится не изъ-за желанія получить хорошія отмѣтки, и пересталъ заботиться объ веденіи учебнаго журнала, а можетъ быть и вовсе бросилъ вести журналъ по окончаніи тетради, заготовленной для него.

Уроки Михаила Алексѣевича, начавшіеся въ сентябрѣ 1844, продолжались три года. Въ сентябрѣ 1847 года, Николай Александровичъ, которому шелъ тогда 12-й годъ, поступилъ въ высшее отдѣленіе (высшій классъ) духовнаго уѣзднаго училища. Это былъ второй годъ двухлѣтняго курса того класса.

По окончаніи учебнаго года, Николай Александровичъ перешелъ вмѣстѣ съ товарищами въ семинарію. Михаилъ Алексѣевичъ кончилъ въ это время курсъ семинаріи и былъ посланъ въ московскую духовную академію. Выдержавъ пріемный экзаменъ въ нее, онъ написалъ Александру Ивановичу и Зинаидѣ Васильевнѣ письмо, въ которомъ сообщалъ имъ, что принятъ въ академію, и, безъ сомнѣнія, обращался съ ласковыми словами къ своему бывшему ученику. По порученію отца и матери, отвѣтъ Михаилу Алексѣевичу написалъ Ни-

колай Александровичъ. Этотъ отвѣтъ—самое раннее изъ сохранившихся писемъ его:

«Почтеннѣйшій наставникъ мой,

Михаилъ Алексѣевичъ,

Письмо Ваше отъ 7 сентября мы имѣли удовольствіе получить. Душевно радуемся и отъ всего сердца поздравляемъ Васъ, что труды Ваши увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, чего и должно было ожидать, судя по Вашимъ занятіямъ. Желаемъ Вамъ всякихъ успѣховъ также и во все продолженіе ученія Вашего. Чувствительно благодаримъ Васъ за Вашу память о насъ. Мы всѣ, слава Богу, здоровы, чего и Вамъ искренно желаемъ. Я переведенъ во второе отдѣленіе словесности [1]) третьимъ ученикомъ, чѣмъ я, конечно, обязанъ Вамъ; и за это позвольте искренно поблагодарить Васъ, ибо Вы были первый мой наставникъ [2]), и я обязанъ всегда помнить Васъ, такъ какъ Вы дали первое развитіе моимъ способностямъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть ученикъ Вашъ

Н. Добролюбовъ».

Александръ Ивановичъ сдѣлалъ къ этому письму сына приписку:

«Милостивый Государь,

Михаилъ Алексѣевичъ,

Радуемся и мы всѣ и поздравляемъ Васъ.— Съ желаніемъ всѣхъ благъ,

Вашъ покорный [3]) слуга

священникъ А. Добролюбовъ».

Сентября 18 дня 1848 года.

Должно думать, что изъ всѣхъ учителей и профессоровъ, уроки которыхъ слушалъ впослѣдствіи Николай Александровичъ, ни одинъ не пріобрѣлъ такихъ правъ на нашу признательность за содѣйствіе развитію геніальныхъ способностей его, какъ Михаилъ Алексѣевичъ. Чрезвычайно важно ужь и одно то, что благодаря соотвѣтствію успѣховъ преподаванія Михаила Алексѣевича съ ожиданіями Александра Ивановича и Зинаиды Васильевны, Николай Александровичъ былъ три года избавленъ отъ школьнаго стѣсненія; это, безъ сомнѣнія, было великимъ выигрышемъ для него въ умственномъ отношеніи и великою пользою для укрѣпленія физическихъ силъ его. Должно прибавить, что характеръ преподаванія Михаила Алексѣевича былъ ра-

1) Во второе изъ двухъ параллельныхъ отдѣленій перваго класса семинаріи.

2) Николай Александровичъ не считаетъ г. Садовскаго, потому что его преподаваніе было непродолжительно.

3) Написано сокращенно: „покорн.“; потому можно также читать—„покорнѣйшій“.

зумный, какъ видно по подробностямъ, которыя сообщаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Николаѣ Александровичѣ [1]). Разсудительность, внимательность, любовь учителя несомнѣнно помогли тому, что Николай Александровичъ въ эти три года очень быстро усвоивалъ себѣ тѣ свѣдѣнія, какія требовались програмою духовно-учебныхъ заведеній: когда онъ поступилъ въ высшее отдѣленіе духовнаго уѣзднаго училища, при началѣ второго года двухлѣтняго курса этого класса, ему было только одиннадцать лѣтъ. Прямо на второй годъ курса 4-го класса поступали очень немногіе, и самые младшіе изъ нихъ имѣли по тринадцати лѣтъ; а Николай Александровичъ выдержалъ этотъ экзаменъ, имѣя только 11 лѣтъ. Самые молодые изъ его товарищей по курсу были двумя годами старше его. Это свидѣтельствуетъ, что преподаватель, готовившій его къ поступленію въ школу, былъ очень разсудителенъ и заботливъ, умѣлъ помогать развитію его умственныхъ силъ.

2.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА.

Послѣднимъ мѣсяцамъ передъ поступленіемъ въ духовное училище и первымъ мѣсяцамъ школьнаго времени Добролюбова принадлежатъ три уцѣлѣвшіе листка литературной игры, которую придумалъ онъ, одиннадцатилѣтній мальчикъ, и для которой пріобрѣлъ себѣ товарища. Фамилія этого товарища неизвѣстна намъ. Но въ первомъ изъ двухъ сохранившихся черновыхъ писемъ Добролюбова къ нему есть упоминаніе, показывающее, что имя его было Владиміръ, а въ началѣ письма отчество его сокращенно написано такимъ числомъ буквъ, что совершенно опредѣляется ими: «Нарк.» —Этого нельзя прочесть иначе, какъ «Наркисовичъ».

Этотъ Владиміръ Наркисовичъ былъ сынъ семейства, занимавшаго въ обществѣ положеніе гораздо болѣе почетное, чѣмъ отецъ и мать Николая Александровича. Въ началѣ 1848 онъ уѣхалъ изъ Нижняго и съ той поры ни разу тамъ не былъ до осени 1852 года, когда Добролюбовъ писалъ второе свое письмо къ нему; потому должно думать, что онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Въ маѣ или іюнѣ 1852 года онъ получилъ офицерскій чинъ; изъ этого должно заключать, что его семейство принадлежало къ тому сословію, въ которомъ обыкновенная карьера сыновей была военная, то-есть къ помѣщичьему сословію, что по отъѣздѣ изъ Нижняго онъ поступилъ въ одно изъ тѣхъ военно-учебныхъ заведеній, которыя выпускали своихъ воспитанниковъ съ офицерскими чинами, и въ маѣ или іюнѣ 1852 года кончилъ курсъ; онъ имѣлъ тогда, вѣроятно, отъ 17 до 19 лѣтъ; это значитъ, что онъ былъ годомъ, двумя или тремя годами старше Николая Александровича.

---

[1]) Эти воспоминанія были отчасти напечатаны вскорѣ по смерти Николая Александровича и въ полномъ своемъ видѣ будутъ помѣщены въ настоящемъ изданіи.

Его семейство (и съ семействомъ онъ) уѣхали изъ Нижняго, какъ мы ужъ говорили, въ началѣ 1848 года. Передъ тѣмъ временемъ, онъ и Николай Александровичъ видѣлись очень часто,—по всей вѣроятности, ежедневно. Они были дружны; они развлекались обыкновенными дѣтскими играми. Но вотъ, въ 1847 году, Николай Александровичъ изобрѣлъ игру совершенно оригинальнаго характера: онъ будетъ писать письма отъ имени царей и великихъ полководцевъ къ другимъ людямъ того же класса, а его другъ будетъ отъ имени тѣхъ, кому адресованы эти письма, писать отвѣты на нихъ. Пріятель согласился, и началась переписка. Друзья обмѣнялись больше, чѣмъ семнадцатью письмами: на одномъ изъ трехъ уцѣлѣвшихъ писемъ выставленъ № 12, но цифра 2 написана по подскобленному мѣсту взамѣнъ прежней, которая выскоблена плохо, такъ что осталась отчетливо видна: она цифра 7. Итакъ, письмо это было по недосмотру положено на такое мѣсто листковъ переписки, что на немъ пришлось быть поставленнымъ 17-му нумеру. А сохранилось письмо, не имѣющее нумера и по отмѣткѣ мѣсяца и числа написанное позднѣе перенумерованныхъ писемъ.

Всѣ три уцѣлѣвшія письма этой игры принадлежатъ Николаю Александровичу; изъ отвѣтовъ его товарища не сохранилось ни одного.

Два изъ трехъ писемъ—русскія; третье—латинское. Оба русскія принадлежатъ времени, болѣе раннему, чѣмъ латинское; то изъ нихъ, на которомъ поставленъ № 12, помѣчено только годомъ (1847) и цифрою «12», обозначающею, вѣроятно, число мѣсяца, а мѣсяцъ не отмѣченъ; на другомъ, болѣе позднемъ, помѣтка времени сдѣлана полная: «1847 года, мая 9». А латинское письмо помѣчено календами (то есть 1-мъ числомъ) января 1848.

Вотъ всѣ эти письма, написанныя каждое на сложенной пополамъ восьмушкѣ (не почтовой, а простой) писчей бумаги:

1.

№ 12 [1]). Копія [2]).

Рабъ Джембулатъ[3]),

ты же и невольникъ,

Какъ ты поживаешь? Здорова ли твоя супруга, дѣтки? Я также здоровъ, чего и тебѣ не желаю. Ты болѣе ничего, какъ пробка отъ постнаго масла.

1847. 12 Царь Наполеонъ.

---

1) Поправлено изъ № 17.

2) И дѣйствительно: почеркъ этого письма принадлежитъ не рукѣ Николая Александровича: онъ тверже и красивѣе тогдашняго почерка его.

3) Лицо изъ поэмы Лермонтова „Хаджи-Абрекъ", счастливый соперникъ этого героя въ любви къ Лейлѣ. Царь Наполеонъ называетъ Джембулата рабомъ только по желанію оскорбить: онъ былъ человѣкъ знатнаго рода.

2.

№ 14 [1]).

Ваше Величество

Государь Императоръ

Наполеонъ!

Вы предложили намъ войну, и изъ объявляемой Вами причины я заключаю, что намъ съ Вами никакъ нельзя ужиться дружно. Конечно, я не надѣюсь покорить Васъ; но почему не испытать счастія? Итакъ, желаю войны.

Аннибалъ.

Кароагенъ,
1847 года, мая 9.

3.

Patres Conscripti Romani!

Ego, Hannibal, Dux Carthaginis, convenientibus inter se Senatu et populo, indico vobis bellum, quod Romani arbitrario deripuerunt a Carthageniensibus insulam Sardiniam. Conlaturus sum arma cum vobis apud Zamam. } ха ха ха ха, ха, ха, ха!...

Hannibal.

Millesimo octagesimo quadragesimo octavo anno. Calendae Ianuarii [2]). } ха, ха, ха! [3])

Уѣхавшій изъ Нижняго участникъ переписки Аннибала съ Наполеономъ и римскимъ сенатомъ переписывался съ оставшимся въ Нижнемъ изобрѣтателемъ ея. Изъ его писемъ къ Николаю Александровичу не сохранилось ни одного; но уцѣлѣли черновыя двухъ писемъ

---

1) Цифра 4 поставлена на мѣстѣ прежней цифры, фигуру которой трудно опредѣлить съ точностью; но кажется, это была цифра 8; то-есть, прежній нумеръ былъ, кажется, 18.

2) Переводъ:

„Отцы сенаторы римскіе!

Я, Аннибалъ, вождь кароагенскій, по соглашенію между сенатомъ и народомъ объявляю вамъ войну, за то, что римляне произвольно отняли у кароагенянъ островъ Сардинію. Сражусь съ вами у Замы.

Аннибалъ.

Тысяча восемьсотъ сорокъ осьмаго года,
Январьскія календы".

(То-есть: 1-е число января).

3) Эти „ха, ха, ха" написаны почеркомъ, еще мало улучшившимся по сравненіи съ почеркомъ самого письма, такъ что оцѣнка написана лишь немногимъ позднѣе подвергшагося ей произведенія,—или во второй половинѣ того же года, или въ слѣдующемъ.

Николая Александровича къ нему. Одно имѣетъ помѣтку «7 ноября 1852»; другое, болѣе раннее, служитъ отвѣтомъ на письмо, полученное 31 марта того же года; годъ опредѣляется упоминаніемъ, что 31 число марта было понедѣльникомъ праздника пасхи: это было въ 1852 году.

Владиміръ Наркисовичъ былъ тогда ужь юношей; и какъ человѣкъ, принадлежавшій къ семейству, имѣвшему въ обществѣ положеніе болѣе высокое, чѣмъ Добролюбовы, онъ могъ быть увѣренъ, что отцу и матери его корреспондента будетъ пріятно, если онъ въ своихъ письмахъ будетъ обращаться и къ нимъ; такъ онъ и дѣлалъ, будучи, какъ по всему видно, человѣкомъ деликатнымъ. Потому Николай Александровичъ отвѣчалъ ему и за себя и отъ имени своихъ отца и матери.

Приводимъ оба уцѣлѣвшія письма, пополняя слова, написанныя сокращенно въ этихъ черновыхъ [1]).

1.

Любезный другъ мой

Вл. Нарк.! [2]).

Христосъ Воскресе!

Славный подарокъ получили мы отъ Васъ на второй день праздника, 31 марта. И если бы Вы знали, какъ я ему обрадовался, съ какимъ наслажденіемъ читалъ я Ваше письмо. Хотя оно и не много относится ко мнѣ, но мнѣ пріятно было видѣть Ваши чувства, Ваши мысли въ этомъ письмѣ, и [3]) безъ ума восхищался, что Вы по прежнему остались нашимъ истиннымъ братомъ и другомъ, что Вы не забыли, не разлюбили, не презираете насъ. И какъ хороши эти воспоминанія о нашей прежней жизни! Я читалъ ихъ въ Вашемъ письмѣ со слезами на глазахъ, а между тѣмъ на душѣ у меня было такъ свѣтло и радостно. Часто, очень часто съ безотчетнымъ, невыразимымъ восторгомъ вспоминаю я самыя пустыя подробности, самыя незначительныя обстоятельства нашихъ дѣтскихъ игръ, и меня утѣшаютъ даже наши глупости. У меня и теперь еще хранятся письма Ромула, Аннибала, Батыя, Фердинанда къ Наполеону и писанные Вашей рукой отвѣты его на эти письма! Не помните ли и Вы объ нихъ? А древность ихъ не восходитъ далѣе 1847 г. Какъ вспомнишь, какъ давно, какъ долго мы съ Вами не видались, такъ и вѣрить не хочется, будто въ 47-мъ году продолжались еще наши игры!..

Однако надобно оставить игры для болѣе важнаго занятія, для

---

1) Тѣ сокращенія, которыя могутъ быть пополняемы иначе, нежели читаемъ ихъ мы, помѣщены въ примѣчаніяхъ. Помѣщаемъ въ примѣчаніяхъ и чтеніе тѣхъ собственныхъ именъ, которыя оставлены въ текстѣ сокращенными, какъ написаны въ черновыхъ.

2) То-есть, Владиміръ Наркисовичъ.

3) По недосмотру пропущено „я“; должно читать: „и я безъ“ и т. д.

поклоновъ. И такъ — primo: [1]) папаша и мамаша [2]) посылаютъ Вамъ поклонъ и приветъ сердечнѣйшій и искреннѣйшій. Мамаша [3]) приказываютъ Вамъ сказать, что Вы написали чистый вздоръ, будто мы Васъ не узнаемъ при встрѣчѣ: она съ своей стороны обѣщаетъ узнать Васъ изъ тысячи. Secundo: мои четыре сестры: Анна, Антонина, Катерина и Юлія [4]) Вамъ кланяются и дѣлаютъ ручкой. Tertio: Вашъ тезка, а мой братецъ Владиміръ посылаетъ Вамъ поцьёнъ [5]), а полугодовой братишка Ванечка смотритъ и смѣется— ему тоже, должно быть, весело. Quarto: В. И. Д. [6]) свидѣтельствуетъ Вамъ почтеніе и проситъ увѣрить въ своемъ всегдашнемъ къ Вамъ расположеніи. Quinto: Л. И. и В. В. [7]) живутъ, слава Богу, по-добру, по-здорову, очень часто вспоминаютъ о Васъ, искренно любятъ Васъ, какъ и всегда, но не посылаютъ Вамъ поклона, потому что мы съ ними по полученіи Вашего письма еще не видѣлись. Впрочемъ считайте, что получили и этотъ поклонъ. Тетушка [8]) Варвара Васильевна на память о Васъ выучилась играть на гитарѣ. Только я съ мамашей [9]) остановились, потому что [10])...

2.

7 ноября 1852 г.

М. Г.

Вл. Н.

Не знаю, какъ это случилось, что прошло уже съ полгода съ тѣхъ поръ, какъ мы получили отъ Васъ письмо [11]), а все еще не собрались написать къ Вамъ, при всемъ нашемъ желаніи. Дѣло странное, но довольно понятное для того, кто испыталъ, какъ мелкія житейскія суеты часто поглощаютъ наше вниманіе и важнѣйшія заботы. Надѣюсь, Вы поймете наше положеніе, и великодушное прощеніе загладитъ мою вину. Но между тѣмъ это нисколько не мѣшало мнѣ по прежнему постоянно помнить Васъ и сохранять къ Вамъ всю преж-

---

[1]) Т. е. „во-первыхъ"; дальше будетъ secundo, tertio и проч.—„во-вторыхъ", „въ третьихъ" и проч.

[2]) Или „папенька и маменька";—написано сокращенно: „пап. и м.".

[3]) Также сокращенно.

[4]) Два послѣднія имени написаны сокращенно: „Кат. и Ю." такъ что можетъ быть о нихъ, какъ о маленькихъ дѣвочкахъ; была употреблена форма именъ „Катя" —или „Катенька" и „Юленька".

[5]) Подражаніе дѣтскому лепету Володи.

[6]) Должно читать: Василій Ивановичъ Добролюбовъ.

[7]) Должно читать: Лука Ивановичъ и Варвара Васильевна.

[8]) Написано сокращенно: „Т.", такъ что можно также читать: „тетенька".

[9]) Или „маменькой".

[10]) Этими словами кончается листокъ, а слѣдующій листокъ не сохранился, потому трудно съ достовѣрностью пополнить сокращенно написанныя слова неконченной фразы; но, вѣроятно, должно читать такъ: „только я съ мамашей" (или маменькой) остановились (учиться играть на гитарѣ) „потому что"...

[11]) Итакъ, письмо, на которое отвѣчаетъ Николай Александровичъ, было получено въ маѣ или іюнѣ, когда воспитанники военно-учебныхъ заведеній кончали курсъ и были производимы въ офицеры.

нюю любовь. И нынѣ еще съ какой-то грустной радостью люблю я вспоминать наши любимыя игры, и теперь не стыжусь этого, когда увидѣлъ изъ Вашего письма, что и у Васъ бываютъ подобныя воспоминанія. Съ этими играми, кажется, кончилось для меня то время, когда разсудокъ мой не возмущалъ спокойствія и радостей сердца. Когда Вы уѣхали отъ насъ, я уже началъ учиться [1]. Правда, семинарское образованіе съ самаго начала не слишкомъ привлекло меня; но тѣмъ не менѣе, неизбѣжное вліяніе его отразилось и на мнѣ. Жизнь сердца кончилась, началъ работать разсудокъ. Глупое зубреніе уроковъ не далось мнѣ, гораздо болѣе нравилось мнѣ чтеніе книгъ и вскорѣ оно сдѣлалось моимъ главнымъ занятіемъ и единственнымъ наслажденіемъ и отдыхомъ отъ тупыхъ и скучныхъ семинарскихъ занятій. Я читалъ все, что попадалось подъ руку: исторію, путешествія, разсужденія, оды, поэмы, романы,—всего больше романы. Начиная отъ Жанлисъ и Ратклифъ до Дюма и Жоржа Занда, и отъ Нарѣжнаго до Гоголя включительно, все было поглощаемо мной съ необыкновенной жадностью. Только почти и дѣлалъ я во всѣ эти пять лѣтъ [2]). Выучился я, правда, въ семинаріи писать различныя хріи и диссертаціи на русскомъ и латинскомъ языкѣ, искусился немного въ философіи; но все это чисто по-семинарски, и надо еще въ этомъ отношеніи очищать и сглаживать мои познанія, чтобы сбросить съ нихъ всю пыль и шероховатость школьнаго изученія. Теперь, слава Богу, видѣнъ уже берегъ этого бѣдственнаго моря училищной премудрости: я переведенъ въ послѣдній классъ, и черезъ два года—шутка сказать—всему конецъ, и я свободенъ!

И предо мною жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима.

И я уже начинаю строить планы о будущемъ [3]). Въ настоящемъ я не имѣю никакой привязанности, нѣтъ у меня никакого сердечнаго наслажденія, такъ же какъ нѣтъ истиннаго друга и искренней откровенности. И если мнѣ чего жаль въ моей жизни, то это прошедшаго; не того прошедшаго, когда я былъ глупенькимъ капризникомъ, и за мной съ трогательнымъ участіемъ ухаживала родимая матушка; и не того, когда сказывали мнѣ страшныя сказки про Полкановъ и ягу-бабу; нѣтъ,—именно того прошедшаго, когда мы жили вмѣстѣ съ Вами [4]), когда продолжались еще наши воинственныя игры, когда мы сочиняли глубокомысленныя посланія отъ Ромула къ Наполеону и отъ Наполеона къ китайскому императору и къ Аннибалу. Это время снова хотѣлъ бы я воротить; но чувствую, что не воротится уже не только время, но и то чувство, которое было тогда въ душѣ

---

[1]) То есть: учиться въ школѣ, по условіямъ школьной формалистики, а не по домашнему.

[2]) По досадѣ на то, что терялъ много времени въ чтеніи романовъ, Николай Александровичъ выражался слишкомъ рѣзко. Въ эти пять лѣтъ онъ прочелъ массу книгъ ученаго содержанія. Притомъ, онъ писалъ стихи, повѣсти, занимался учеными работами.

[3]) То, что слѣдуетъ, зачеркнуто.

[4]) Судя по этому выраженію, должно полагать, что семейство Владиміра Нарксисовича до отъѣзда изъ Нижняго жило въ домѣ Добролюбовыхъ.

моей. Не знаю почему, когда дѣло зайдетъ о счастіи и радости, я всегда сбиваюсь на этотъ предметъ [1]).

Порадовался я Вашей радости, что Вы наконецъ сдѣлались дѣйствительнымъ членомъ общества и слугою царскимъ. Что ни говорите, а хорошо должно быть это—жить и служить. Какъ къ Вамъ, я думаю, присталъ офицерскій мундиръ! Я съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда приведется мнѣ увидѣть Васъ въ этомъ нарядѣ,—здѣсь ли, въ другомъ ли мѣстѣ—какъ Богъ приведетъ!

Всѣ наши здоровы и Вамъ кланяются, желаютъ

Служить отлично, благородно [2])

и не теряютъ надежды когда-нибудь увидѣть Васъ.

Прошу Васъ, не забывайте насъ, не будьте такъ лѣнивы, какъ мы—храброму воину это неприлично;—напишите къ намъ нѣсколько строкъ. Да хранятъ Васъ боги безсмертные. Прощайте.

3.

ТАБЛИЦА УЧЕБНЫХЪ ДНЕЙ СЕМИНАРСКАГО КУРСА.

Добролюбовъ перешелъ изъ духовнаго уѣзднаго училища въ семинарію въ іюлѣ 1848 года и оставался въ ней до каникулъ 1853 года. По распредѣленію семинарскаго курса, два первыя изъ этихъ пяти учебныхъ лѣтъ (съ іюля 1848 до іюля 1850) онъ былъ ученикомъ класса словесности, потомъ два года (до іюля 1852) ученикомъ класса философіи; въ іюлѣ 1852 перешелъ въ богословскій классъ и оставался въ немъ до конца перваго учебнаго года двухлѣтняго курса (до іюля 1853).

Сохранилось много бумагъ, принадлежащихъ семинарскому времени жизни Добролюбова. Но, за исключеніемъ одной тетрадки, содержащей въ себѣ таблицу учебныхъ дней семинарскаго курса, и двухъ полулистовъ, на которыхъ записаны эпизоды впечатлѣній семинарскаго преподаванія, всю массу рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ семинарскаго времени Добролюбова, составляютъ бумаги, не имѣющія никакого отношенія къ школьнымъ занятіямъ его.

О двухъ полулистахъ, на которыхъ записаны впечатлѣнія, какія производило на Добролюбова семинарское преподаваніе, мы будемъ говорить послѣ. А теперь займемся таблицей, въ которой отмѣчалъ онъ учебные дни своего семинарскаго курса.

Добролюбовъ началъ вести ее съ самаго начала и велъ до самаго конца своего семинарскаго ученія,—съ сентября 1848 до іюля 1853 года. Она помѣщается въ одной тетрадкѣ. Тетрадка сдѣлана изъ двухъ листовъ, сложенныхъ въ восьмушку, такъ что имѣетъ 16 листковъ. Она сшита, и уцѣлѣла вся.

На каждой страницѣ помѣщается два мѣсяца; одинъ занимаетъ

---

[1]) Зачеркнуто до этого мѣста.

[2]) Легкая передѣлка стиха Пушкина:

Служивъ отлично, благородно.

верхнюю половину страницы, другой нижнюю. Дни мѣсяца распредѣлены на семь строкъ, по числу дней недѣли. Въ началѣ строкъ написаны названія дней, дальше проведены вертикальныя графы, раздѣляющія каждую строку на пять колоннъ, для помѣщенія въ нихъ чиселъ мѣсяца колоннами по недѣлямъ. За послѣдней колонной оставлена у праваго края страницы свободная полоска, чтобы записывать на ней счетъ, сколько учебныхъ дней было въ томъ мѣсяцѣ; на первыхъ страницахъ онъ и записанъ при каждомъ учебномъ мѣсяцѣ строкою, идущею вдоль этой полоски,—то-есть, вертикально.— Верхнюю строку всегда занимаетъ тотъ день недѣли, съ котораго начинался мѣсяцъ, такъ что первую колонну всегда образуютъ первыя семь чиселъ, вторую слѣдующія семь и т. д. Цифра числа всегда поставлена въ срединѣ назначенной для него клѣтки. Сбоку или внизу этой цифры поставленъ значекъ, показывающій, были ль классы въ тотъ день или не было ихъ; въ нѣкоторые дни классы были только до обѣда, отъ 8 до 12 часовъ, а послѣ-обѣденнаго класса, отъ 2 до 4 часовъ, не было; или, наоборотъ, не было классовъ до обѣда, былъ только послѣ-обѣденный классъ; эти дни неполнаго учебнаго времени отличены особымъ значкомъ отъ обыкновенныхъ дней, когда ученіе длилось всѣ шесть часовъ. Тѣ дни, когда были заняты уроками всѣ учебные часы, отмѣчены знакомъ X; тѣ дни, когда вовсе не было классовъ, отмѣчены знакомъ, состоящимъ изъ двухъ поставленныхъ рядомъ и сливающихся своими обводами нулей, такъ что образуется фигура, похожая на лежащую цифру 8; тѣ дни, когда классы были только до обѣда, или только послѣ обѣда, отмѣчены, какъ полусвободные отъ ученья, половиною знака вполнѣ свободныхъ дней, то-есть однимъ нулемъ. Кромѣ этихъ отмѣтокъ, въ нѣкоторыхъ клѣткахъ вписаны особыя замѣтки, относящіяся къ нимъ. Нѣкоторыя замѣтки записаны полными словами, какъ, напримѣръ, въ клѣткѣ 11 сент. 1848 года—перваго дня учебнаго курса—написано: «молебенъ и переводъ былъ» (то-есть, былъ отслуженъ молебенъ при начатіи учебнаго года, и послѣ молебна были прочтены списки учениковъ, переведенныхъ изъ высшаго класса духовнаго училища въ низшее отдѣленіе семинаріи и воспитанниковъ семинаріи, переведенныхъ изъ низшихъ классовъ въ слѣдующіе). Но многія замѣтки написаны сокращенно или тремя, двумя первыми или, еще чаще, только одной первой буквой слова; такъ напр., въ клѣточкѣ 7 числа того же мѣсяца (сентября 1848) написано «Екз.»—то-есть «экзаменъ» (дополнительный для тѣхъ учениковъ, которые не держали экзамена передъ каникулами или получили на немъ дурную отмѣтку); а въ клѣточкѣ 6 сентября слово «Екз.» написано два раза; это значитъ, что 7 сент. былъ экзаменъ по одному предмету, а 6 сент., экзаменъ былъ по двумъ предметамъ. Наиболѣе часто встрѣчаются замѣтки, образуемыя каждая двумя группами знаковъ. Первая группа состоитъ или изъ трехъ или изъ двухъ заглавныхъ буквъ; когда въ ней три буквы, онѣ обозначаютъ имя, отчество и фамилію профессоровъ, не принадлежавшихъ къ монашескому сословію; напр., И. М. С. значитъ: Иванъ Максимовичъ Сладкопѣвцевъ, Л. И. С.—Леонидъ Ивановичъ Сахаровъ. Нѣкоторые профессоры были монахи; группы зна-

ковъ, которыми отмѣчены они въ таблицѣ, состоитъ только изъ двухъ буквъ: первая буква обозначаетъ санъ монаха, вторая—имя или должность его; напримѣръ: «о. П.»—отецъ Паисій; «о. Р.»—отецъ ректоръ.—Подлѣ группы, обозначающей профессора, всегда находится вторая группа знаковъ; она бываетъ поставлена сверху первой группы, если дозволяетъ мѣсто; а если вверху нѣтъ мѣста, то сбоку или внизу. Эта группа, образуемая обыкновенно первыми буквами двухъ словъ, обозначаетъ названіе предмета; напр. «гр. я.» или еще короче «г. я.»—греческій языкъ;—«гр. и.» или «г. и.»—гражданская (всеобщая) исторія (въ различіе отъ священной). Замѣтки, образуемыя именами профессоровъ и названіями предметовъ, слѣдуетъ понимать такъ: профессоръ такой-то преподавалъ такой-то предметъ. Напримѣръ, въ клѣточкѣ 9 окт. 1848 года написано:

Г. я.
Л. И. С.

это значитъ: Леонидъ Ивановичъ Сахаровъ (въ одинъ изъ уроковъ этого дня преподавалъ) греческій языкъ;—вѣроятно, взамѣнъ другого профессора, который по росписанію уроковъ долженъ былъ въ эти часы преподавать какой-нибудь другой предметъ, но не могъ быть въ тотъ день въ семинаріи. Передъ именемъ профессора всегда поставленъ крестикъ; онъ, вѣроятно, обозначалъ, что этотъ профессоръ преподавалъ вмѣсто другого профессора.—При замѣткахъ «Екз.» (экзаменъ) поставлены звѣздочки; мы не умѣемъ сказать, что именно обозначали онѣ; быть можетъ, то, что хоть не было преподаванія въ часы, занятые этими дополнительными экзаменами, и хотя экзаменовались немногіе, но всѣ ученики должны были сидѣть въ классѣ.

Важнѣе всѣхъ другихъ замѣтка: «былъ боленъ»,—то есть, былъ боленъ онъ, Добролюбовъ. Мы перечислимъ всѣ замѣтки «былъ боленъ». Но прежде, кончимъ описаніе таблицъ, въ которыя вошли онѣ.

Для ясности, приведемъ таблицу перваго мѣсяца:

МѢСЯЦЪ СЕНТЯБРЬ 1848 ГОДА.

Среда	oo 1	8 oo	15 x г. я. × А. А. А.	22 x	29 x	Итого учились 15½ дней.
Четвертокъ . .	oo 2	9 oo	16 x	23 x	30 x	
Пятница . . .	oo 3	10 oo	x 17 г. и. × И. И. С.	24 x		
Суббота . . .	oo 4	11 Молебенъ и переводъ. Я былъ.	18 x Г. я. × И. И. С.	25 x Г. я. × Н. А. В.		
Воскресенье . .	oo 5	12 oo	19 oo	26 oo		
Понедѣльникъ.	Екз. 6 o * Екз. *	13 o	20 x г. я. × А. А. А.	27 x × А. А. А. г. я.		
Вторникъ . . .	7 * Екз. o	oo 14	21 x	Гр. 28 x × А. А. К.		

Этимъ способомъ Николай Александровичъ велъ свою таблицу учебныхъ занятій непрерывно во всѣ пять лѣтъ учебнаго дѣленія годовъ, съ сентября, перваго учебнаго мѣсяца 1848—1849 года до іюля 1853 года. Были у него разграфлены и таблицы для слѣдующихъ четырехъ мѣсяцевъ, были поставлены въ нихъ цифры чиселъ, но съ начала іюля 1853 онъ пересталъ ходить въ классъ, получивъ освобожденіе отъ этого.

При каждомъ мѣсяцѣ онъ записывалъ количество учебныхъ дней въ немъ. Эту строку, идущую вертикально, онъ, какъ мы говорили, писалъ сначала на полоскѣ у праваго края страницы за графами таблички; потомъ онъ писалъ ее въ нижней части послѣдней колонны, въ которой двѣ или три верхнія клѣтки были заняты послѣдними числами мѣсяца (29, 30 или 29, 30, 31) а нижнія пять или четыре, оставались свободны.—Тѣ дни, когда классы бывали только до обѣда, или только послѣ обѣда, онъ считалъ за половины полныхъ учебныхъ дней; такъ напримѣръ, дни 6, 7 и 13 сент., отмѣченные знакомъ неполныхъ учебныхъ часовъ, сочтены равняющимися тремъ половинамъ полнаго учебнаго дня, и потому итогъ учебныхъ дней въ этомъ мѣсяцѣ вышелъ 15½.

По окончаніи каждаго учебнаго года Добролюбовъ сосчитывалъ количество учебныхъ дней во все продолженіе его; по окончаніи двухлѣтняго курса словесности, онъ написалъ также итогъ учебныхъ дней всего курса; то же сдѣлалъ по окончаніи двухлѣтняго курса класса философіи, а подъ итогомъ послѣдняго года своего ученья въ семинаріи написалъ сумму учебныхъ дней во всѣ пять лѣтъ, въ которыя былъ ученикомъ семинаріи. Итоги эти написаны внизу тѣхъ страницъ, на которыхъ находятся таблицы дней іюля и августа мѣсяцевъ (учебный годъ кончался въ первой половинѣ іюля, августъ весь принадлежалъ каникулярному времени). Приводимъ итоги, сосчитанные Николаемъ Александровичемъ:

«Итого въ семъ 1848—49 году учились 171½ дней».
«Итого въ 1849—1850 учились мы 184 дня».
«А всего въ этотъ курсъ [1]) 355½ дней»
«Итого въ семъ 1850—51 году учились 187 дней».
«Итого въ 1851—1852 учились 164 дня».
«А всего въ этотъ курсъ [2]) 351 день».
«Итого въ 1852—1853 году учились 156 дней».
«А всего въ пять лѣтъ 862½ дня».

Выраженіе «учились», или «мы учились» употреблено въ этихъ итогахъ не совсѣмъ правильно. Николаю Александровичу слѣдовало-бы писать «я учился». Онъ отбрасываетъ изъ своихъ мѣсячныхъ счетовъ тѣ дни, въ которые былъ боленъ и не могъ бывать въ классахъ. Общее число учебныхъ дней въ эти пять лѣтъ составляло около 910. Изъ нихъ, около 48 было пропущено Николаемъ Александровичемъ по болѣзни.

---

[1]) Въ двухлѣтній курсъ класса словесности (или низшаго отдѣленія семинаріи).
[2]) Въ двухлѣтній курсъ класса философіи (или средняго отдѣленія семинаріи).

Переходимъ къ соображеніямъ о дняхъ, имѣющихъ замѣтку «былъ боленъ».

Начнемъ съ того, что сосчитаемъ, какое количество дней составляли съ сентября 1848 до іюля 1853 большіе перерывы учебнаго времени, въ продолженіе которыхъ Николай Александровичъ не имѣлъ надобности отмѣчать дни своего нездоровья.

Каникулы продолжались въ каждое лѣто отъ 52 до 54 дней. Между пятью учебными годами, охватываемыми таблицей Николая Александровича, было четыре каникулярнаго періода; всѣ вмѣстѣ они составляли около 210 дней.

Кромѣ каникулъ, было три большихъ второстепенныхъ перерыва учебныхъ занятій въ каждомъ году: 1) на Рождествѣ, 2) на первую недѣлю великаго поста, 3) на страстную недѣлю и Пасху. Перерывъ преподаванія на Рождество (и святки) длился по 17 и по 18 дней.— Перерывъ въ началѣ великаго поста захватывалъ послѣдніе дни масляницы и составлялъ 10 или 11 дней.—Перерывъ на страстную недѣлю и Пасху начинался съ субботы передъ страстной недѣлей, длился иногда до среды ѳоминой недѣли, и составлялъ отъ 15 до 17 дней. Такимъ образомъ, эти три второстепенные перерыва, вмѣстѣ взятые, составляли болѣе 40 дней въ годъ, а въ пять лѣтъ составятъ нѣсколько болѣе 200 дней.

Соединяя обѣ цифры, видимъ, что число дней въ большихъ перерывахъ преподаваніе составляло нѣсколько болѣе 410.

Общее число дней охватываемаго таблицею періода (съ начала сентября 1848 до начала іюля 1853 года) составляетъ цифру 1764. Изъ нихъ должно исключить около 415 дней такого времени, въ которое Николаю Александровичу не представлялось надобности дѣлать отмѣтки о болѣзни, если случалось ему тогда бывать больнымъ. Остается около 1350 дней, относительно которыхъ даются таблицами Николая Александровича свѣдѣнія, былъ ли онъ боленъ. Изъ этого числа имѣютъ отмѣтку «былъ боленъ» слѣдующіе дни:

1849 годъ.	Мартъ	10—13 числа.		4 дня.
» »	Іюнь	2— 6 »		5 дней.
» »	Сентябрь	15—18 »		4 дня.
» »	Октябрь	22—25 »		4 »
» »	30 октября—4 ноября	»		5 дней
1850 годъ.	Февраль	15—17 »		3 дня.
1851 »	Май	3— 6 »		4 »
» »	Сентябрь	12—18 »		7 дней.
» »	Декабрь	14—18 »		5 »
1852 »	Январь	24 »		1 день.
» »	Апрѣль	24—29 »		6 дней.
» »	Ноябрь	4—10 »		7 »
1853 »	Май	20—28 »		9 »
			Итого	64 дня.

Такимъ образомъ, съ осени 1848 года до конца весны 1853 года, въ періодъ съ начала второй половины тринадцатаго до средины первой половины осьмнадцатаго года своей жизни, Николай Алексан-

дровичъ былъ боленъ 64 дня изъ количества 1350 дней, то-есть менѣе чѣмъ по 5 дней изъ 100. Это не превышаетъ тогдашней обыкновенной пропорціи дней болѣзни у воспитанниковъ семинарій. Заболѣванія Николая Александровича были, какъ видимъ, непродолжительныя, легкія; болѣзни, сколько-нибудь серьёзной, онъ не подвергался въ эти пять лѣтъ ни одного раза.

Словомъ: ясно, что онъ имѣлъ въ эти годы здоровье, не менѣе хорошее, чѣмъ большинство товарищей его. А семинаристы принадлежали тогда къ наиболѣе здоровому разряду русскихъ юношей. Это замѣчала вся масса русскаго населенія: во всѣхъ сословіяхъ семинаристы пользовались репутаціей людей сильнаго здоровья.

Кромѣ того, что даетъ очень важный выводъ относительно здоровья Николая Александровича до поступленія его въ Педагогическій Институтъ, таблица учебныхъ дней его семинарскаго курса представляетъ матеріалъ, выказывающій одно изъ основныхъ качествъ его характера — силу неуклонно исполнять нравственныя обязанности. Онъ находилъ безполезными для себя уроки почти всѣхъ профессоровъ (кромѣ уроковъ нѣмецкаго языка, преподавателемъ котораго былъ И. М. Сладкопѣвцевъ). Ему было скучно на этихъ безполезныхъ для него урокахъ. Но отецъ и мать огорчились бы, если бъ онъ пропускалъ уроки. Это возлагало на него обязанность не манкировать уроками—и во всѣ пять лѣтъ, которыя охватываются его таблицей учебныхъ дней, онъ не пропустилъ ни одного дня, ни одного урока, кромѣ тѣхъ дней, когда былъ боленъ.

4.

Листки впечатлѣній семинарскаго преподаванія.

Между профессорами семинаріи, у которыхъ учился Николай Александровичъ, безъ сомнѣнія находились люди умные и обладающіе основательными знаніями по предметамъ, считавшимся важными въ курсахъ семинарій и духовныхъ академій,—по богословію, по философіи (приспособленной къ требованіямъ богословія), по словесности (приспособленной къ составленію проповѣдей) и по латинскому языку; могли быть и люди, основательно знающіе то нарѣчіе греческаго языка, на которомъ писали отцы церкви; очень возможно, что были люди съ хорошими свѣдѣніями и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ семинарскаго и академическаго образованія. Такіе учители безъ сомнѣнія принесли своимъ преподаваніемъ нѣкоторую пользу умственному развитію Добролюбова и расширенію его свѣдѣній. Объ одномъ изъ нихъ, Иванѣ Максимовичѣ Сладкопѣвцевѣ, котораго очень горячо полюбилъ Добролюбовъ, мы можемъ рѣшительно утверждать, что онъ по своему уму и характеру былъ дѣйствительно человѣкъ достойный уваженія и любви: такъ скажетъ всякій, прочитавъ въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ нашего «обзора» воспоминанія его

о Добролюбовѣ и письмо, при которомъ они были, вскорѣ послѣ смерти Николая Александровича, присланы лицу, занимавшемуся тогда собираніемъ печатаемыхъ теперь матеріаловъ.

Любовь къ человѣку умному, благородному и частыя продолжительныя дружескія бесѣды его имѣютъ благотворное вліяніе на умственную и нравственную жизнь юноши, сблизившагося съ нимъ, укрѣпляя въ младшемъ другѣ добрыя чувства, помогая юношѣ твердо выносить печаль, составлять благоразумные планы. Въ этомъ отношеніи, дружба съ И. М. Сладкопѣвцемъ, несомнѣнно, была очень полезна для Добролюбова. Но только въ этомъ отношеніи. На развитіе понятій Добролюбова И. М. Сладкопѣвцевъ не имѣлъ вліянія: это ясно изъ сравненія той части дневника 1852—1853 годовъ, которая была писана Николаемъ Александровичемъ до знакомства съ И. М. Сладкопѣвцевымъ и той части, которая была написана послѣ отъѣзда его.

Ничего новаго для себя Добролюбовъ не могъ узнать изъ семинарскаго преподаванія: обо всемъ, чему учили профессоры, онъ ужь много читалъ раньше, нежели началъ слушать ихъ уроки. Какъ и нѣкоторые другіе очень даровитые люди, съ раннихъ лѣтъ полюбившіе чтеніе, онъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ самому себѣ, и школа имѣла для него лишь то значеніе, что давала ему формальное право оставаться свободнымъ отъ занятій житейскими дѣлами для заработки денегъ. Разумѣется, объясненія нѣкоторыхъ профессоровъ должны были приносить Добролюбову нѣкоторую пользу; но она далеко перевѣшивалась тратой времени на занятія схоластикой, составлявшей главное содержаніе семинарскаго курса, и на сидѣнье въ классахъ, въ которыхъ не слышалъ онъ ничего новаго для него.

Потому въ бумагахъ Добролюбова не осталось никакихъ слѣдовъ мысли, что семинарское ученіе казалось полезно ему. Оно возбуждало въ немъ скуку, насмѣшку, досаду. Уцѣлѣли два отрывка замѣтокъ, вызванныхъ этими чувствами: одинъ изъ нихъ, писанный въ началѣ послѣдняго семестра класса словесности, — маленькій сборникъ забавныхъ примѣровъ невѣжества, въ которомъ оставляла семинарія массу своихъ воспитанниковъ, не имѣвшую такой силы характера, чтобы пополнять самостоятельнымъ трудомъ пустоту классныхъ занятій.

Въ семинаріяхъ того времени была очень сильно развита система такъ называемаго подсказыванія уроковъ. Часто случалось, что отвѣчающій, совершенно незнакомый съ содержаніемъ урока, нелѣпо искажалъ фразы, подсказываемыя ему товарищами. Случалось и то, что по незнанію самыхъ обыкновенныхъ терминовъ ученикъ отвѣчалъ смѣшными недоразумѣніями на вопросы учителя о ихъ смыслѣ. Бывали примѣры очень глупыхъ выраженій и въ разговорахъ отупѣвшихъ отъ схоластики учениковъ съ ихъ товарищами. При возобновленіи классовъ послѣ рождественскаго перерыва втораго учебнаго года класса словесности, Добролюбовъ вздумалъ для шутки записывать нѣкоторыя изъ этихъ смѣшныхъ выраженій, или буквально или съ прикрасою для увеличенія ихъ забавности. Записывая глупыя слова, онъ отмѣчалъ, буквально ли записалъ ихъ или увеличилъ

ихъ нелѣпость своими собственными изобрѣтеніями въ томъ же вкусѣ. — Такимъ образомъ составились полторы рукописныя страницы «Лѣтописи классическихъ глупостей». Приводимъ вполнѣ всю ее.

ЛѢТОПИСЬ

КЛАССИЧЕСКИХЪ *) ГЛУПОСТЕЙ.

*(Выдержка изъ дневника Я***).*

Се язъ недостойный приступль начатъ списати дѣла, яже всякаго примѣчанія и похвалы суть достойна и яже суть истинна во истину. И расположихъ язъ по днемъ писаніе свое и придеся по глупости единой на всякъ день. Чесо ради и предлагаю сіе вамъ, читателемъ доброродныимъ. Начнемъ, благословясь.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 9 ЯНВАРЯ 1850 Г.

Нынѣ мы въ первый разъ собрались послѣ вакаціи. Одинъ ученикъ умеръ у насъ во время святокъ. Р. разсказывалъ объ этомъ С., и сказалъ, что тотъ умеръ 25 декабря въ 5 часовъ утра.

— Ну, слава Богу, хоть разговѣться-то успѣлъ, сказалъ С.

(Истинное происшествіе [1]).

ВТОРНИКЪ, 10 ЯНВАРЯ.

Нынѣ былъ у насъ классъ геометріи. Учили о параллелограммахъ. А. сталъ читать урокъ [2]) и вмѣсто словъ: прямая, соединяющая вершины двухъ противолежащихъ угловъ въ параллелограммѣ, называется *діагональю,* сказалъ: прямая, собирающая смѣшанныхъ провопіющихъ дубовъ въ Палермѣ, называется долгополою...

(Съ грѣхомъ пополамъ [3]).

СРЕДА, 11 ЯНВАРЯ.

Нынѣ К. читалъ урокъ изъ словесности. Нужно было читать: сочиненія прозаическія раздѣляются на описательныя, повѣствователь-

---

*) „Не подумайте, что мы говоримъ о классической древности: какъ можно... избави насъ отъ этого, Боже! Производите это просто отъ слова „классъ", т. е. глупости, сдѣланныя въ классѣ учениками. Больше тутъ нѣтъ ничего. Примѣч.ред."

1) То-есть: записано буквально.

2) То есть: отвѣчать урокъ.

3) То-есть, нѣсколько прикрашено.

ныя, ученыя, ораторскія и смѣшанныя, т. е. разговоры и письма. А онъ прочиталъ: сочиненія поразительныя раздѣляются на спасительныя, повелительныя, ученыя, краковскія и смѣшныя, т. е. раздоры и письма.

(Съ грѣхомъ пополамъ).

четвертокъ, 12 января.

Нынѣ былъ классъ богослужебныхъ книгъ. П. читалъ о исправленіи книгъ, и дошедъ до того, что въ 1626 повелѣно не читать въ молитвѣ слово *«и огнемъ»*, неправильно прибавленное къ словамъ: освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ, прочиталъ это мѣсто такъ: въ 426 г. повелѣно печатать это слово огнемъ.

(Истинное происшествіе).

пятница, 13 января.

Нынѣ спросили Н., что такое эра. Онъ *немного* подумалъ, потомъ собрался съ мыслями и отвѣчалъ: вѣра.

(Истинное происшествіе).

суббота, 14 января.

Нынѣ нужно было намъ подать разсужденіе о томъ, что не должно прилѣпляться къ земнымъ благамъ, а С. написала: не должно прилѣпляться къ земнымъ богамъ. Вотъ его разсужденіе, которое я выписываю съ дипломатическою точностью:

(преувеличено).

Приступленіе.

На этомъ первомъ словѣ и останавливается предположенная пародія глупаго разсужденія; съ тѣмъ вмѣстѣ кончается и «Лѣтопись классическихъ глупостей»: Николаю Александровичу наскучило смѣяться надъ грубыми ошибками товарищей, наиболѣе слабыхъ въ семинарской премудрости.

Другой маленькій сборникъ нелѣпостей семинарскаго преподаванія былъ составленъ Добролюбовымъ въ началѣ того учебнаго года, который провелъ онъ въ богословскомъ классѣ. Онъ перешелъ въ этотъ

классъ въ 1852 году. Ему былъ тогда 17-тый годъ. Онъ имѣлъ ужь большую начитанность.

Главнымъ предметомъ преподаванія въ богословскомъ классѣ было догматическое богословіе. Уроки этого предмета были или пять разъ въ недѣлю или ежедневно и занимали или болѣе четвертой части или цѣлую третью часть всѣхъ учебныхъ часовъ недѣли. Профессоромъ догматическаго богословія во второмъ параллельномъ отдѣленіи, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ инспекторъ семинаріи, іеромонахъ (впослѣдствіи архимандритъ) Паисій, стоявшій по объему своихъ свѣдѣній гораздо ниже всѣхъ другихъ профессоровъ, но воображавшій себя знатокомъ по многимъ наукамъ, и между прочимъ по филологіи, постоянно отвлекавшійся отъ богословія въ безконечныя глупыя разсужденія обо всемъ на свѣтѣ, и въ частности о происхожденіи русскихъ словъ отъ латинскихъ и греческихъ, одаренный способностью сбиваться въ выраженіяхъ такъ, что конецъ фразы противорѣчилъ ея началу. Онъ служилъ предметомъ смѣха и для товарищей своихъ и для учениковъ.

Добролюбовъ съ перваго же урока Паисія вздумалъ составить коллекцію нелѣпостей его скучной болтовни, и въ тотъ же урокъ (6 сентября) началъ приводить въ исполненіе свою мысль, давъ возникавшему сборнику названіе «Замѣчательныя изреченія». Но потомъ въ цѣлыя двѣ недѣли онъ лишь два раза прибавлялъ по нѣскольку словъ къ начатому. Съ 20 сентября у него возобновилась охота продолжать коллекцію: онъ сталъ записывать по одному «замѣчательному изреченію» въ каждый урокъ Паисія; но 25 сентября ему надоѣло это. Онъ прибавилъ еще одно изреченіе 2 октября, записалъ 4 октября четыре изреченія—и покончилъ этимъ свой трудъ надъ составленіемъ коллекціи.

Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ нея.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ИЗРЕЧЕНІЯ.

сент. 6. Утопая въ блаженствѣ, онъ все-таки несчастливъ.

сент. 20. Крысы, мыши, зайцы, кролики плодятся чрезвычайно быстро, такъ что родятъ по четыре раза въ мѣсяцъ.

сент. 25. Ни одна пословица не переводится на другой языкъ буквально, исключая нѣкоторыхъ.

окт. 2. Однажды какой-то ораторъ въ англійскомъ департаментѣ говорилъ... не помню, объ чемъ, бишь, онъ говорилъ-то...

окт. 4. Богатство словъ, или многое множество словъ въ языкѣ— хотя съ одной стороны дѣлаетъ несовершеннымъ языкъ, но съ другой стороны придаетъ и многія совершенства языку.

Школа задерживала ходъ расширенія знаній Добролюбова, отнимая у него значительную часть времени на слушаніе того, что ужь было извѣстно ему. За это нельзя винить собственно ту школу, въ которой провелъ онъ шесть лѣтъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Въ такомъ же отношеніи къ Добролюбову находилось бы преподаваніе всякой другой школы. Правда, программа тогдашнихъ семинарій была плоха; но и . другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени програмы были развѣ немногимъ лучше. Правда, характеръ преподаванія могъ быть въ какой-нибудь другой семинаріи и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ нѣсколько получше, чѣмъ въ нижегородской семинаріи; но превосходство не могло быть велико ни въ какомъ изъ тогдашнихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Было бы несправедливостью осуждать въ частности тогдашнюю нижегородскую семинарію за то, что часы, проводимые Добролюбовымъ въ ея классахъ, были напрасной тратой времени для него. Напротивъ, должно, мы думаемъ, похвалить ее за то, что она, мало давая массѣ своихъ учениковъ и не будучи въ состояніи дать почти ничего юношѣ, развивавшемуся съ такой рѣдкой быстротою, какъ Добролюбовъ, не угнетала своихъ воспитанниковъ: сколько видно, въ ней не было мелочного надзора за соблюденіемъ мертвой, тяжелой формалистики, не было шпіонства; отношенія начальства и учителей къ ученикамъ, разумѣется, сохраняли нѣкоторыя дурныя черты старой тяжелой педагогики, но, вообще говоря, были хорошія, честныя, учиться въ ней было почти нечему, кромѣ того, чему не стоитъ учиться; но это слѣдуетъ сказать и обо всѣхъ тогдашнихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. За то она, по крайней мѣрѣ, не губила ни физическаго, ни нравственнаго здоровья своихъ воспитанниковъ. Потому должно сказать: сравнительно съ многими другими тогдашними учебными заведеніями, она была хороша.

Но судить о ней такъ было легко воспитанникамъ лишь разставшись съ нею. А пока надобно было заниматься ея схоластикой; даже тѣ воспитанники, которые по своимъ умственнымъ силамъ не превышали уровня обыкновенной даровитости, не могли не скучать въ ея классахъ, не могли не досадовать на пустоту ея преподаванія. Тѣмъ тяжеле было тратить въ ней время юношѣ такой силы ума, такой пламенной любви къ наукѣ, такихъ обширныхъ знаній, какъ Добролюбовъ. Онъ презиралъ семинарскую программу и свои школьныя занятія по ней.

Этимъ объясняется то, что въ его бумагахъ не осталось никакихъ слѣдовъ занятій по исполненію требованій семинарской программы: должно думать, что онъ бросилъ всѣ свои школьныя семинарскія рукописи.

Но отъ тѣхъ учебныхъ трудовъ, которыми занимался онъ въ свои

семинарскіе годы помимо семинарской програмы, осталось много отрывковъ. Достоинство ихъ, разумѣется, быстро возрастало, соразмѣрно развитію умственныхъ силъ и расширенію знаній работника, лѣтъ съ одиннадцати задумывавшаго дѣльные планы серьезныхъ ученыхъ трудовъ, лѣтъ съ тринадцати ужь бывшаго способнымъ хорошо подготовлять матеріалы для нихъ, а лѣтъ въ пятнадцать ужь умѣвшаго работать, какъ требуютъ условія хорошей ученой дѣятельности.

Онъ расширялъ свои знанія и укрѣплялъ свои умственныя силы чтеніемъ, въ которомъ не имѣлъ никакого руководителя. Между людьми, у которыхъ бралъ онъ книги, не было никого, имѣющаго объ ученыхъ или литературныхъ вопросахъ понятія болѣе развитыя, чѣмъ какія были у него лѣтъ въ четырнадцать; своимъ развитіемъ Добролюбовъ былъ обязанъ только собственному, самостоятельному труду.

5.

КАТАЛОГЪ ОТЦОВСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Съ очень раннихъ лѣтъ Добролюбовъ страстно полюбилъ чтеніе: въ началѣ 1849 года, онъ, одиннадцатилѣтній мальчикъ, ужь имѣлъ большой запасъ знаній, пріобрѣтенныхъ неутомимымъ чтеніемъ всякихъ книгъ, попадавшихся ему въ руки. Съ начала этого года до отъѣзда Добролюбова изъ Нижняго мы имѣемъ относительно источниковъ его умственнаго развитія такія полныя и точныя свѣдѣнія, что ничего равнаго имъ не представляютъ матеріалы для біографій другихъ геніальныхъ дѣятелей русской литературы: мальчикъ и потомъ юноша, онъ съ 1849 велъ списки прочтенныхъ имъ книгъ, и они почти вполнѣ уцѣлѣли.

Кромѣ этихъ списковъ прочтеннаго имъ съ начала 1849 года, уцѣлѣли четыре первые листа каталога библіотеки, относительно которой несомнѣнно, что бóльшая часть находившихся въ ней книгъ была прочтена имъ до начала 1849 года.

Каталогъ этой библіотеки составлялъ или пять, или, вѣроятнѣе, шесть листковъ въ четвертку. Первыя четыре четвертки образуетъ листъ писчей бумаги, перегнутый пополамъ. Этотъ листъ, сложенный въ четыре четвертки, сохранился вполнѣ.

Страницы каталога разграфлены на четыре колонны; первая узкая, имѣетъ надпись «№» и предназначена для нумераціи книгъ; вторая, занимающая бóльшую часть стороны страницы озаглавлена «названія книгъ»; они и написаны въ ней довольно длинными строками. Третья и четвертая колонны такія же узкія, какъ первая, назначены для отмѣтокъ, сколько томовъ книги находится на лицо, сколькихъ недостаетъ, за послѣдней колонной оставлено поле для отмѣтокъ при позднѣйшихъ пересмотрахъ библіотеки.

Каталогъ написанъ рукой Александра Ивановича и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это каталогъ его библіотеки [1]).

---

[1]) Требуетъ разъясненія лишь одно обстоятельство, которое могло бы вести къ ошибочному предположенію, если бы въ каталогѣ не было графы для отмѣтки недостающихъ томовъ.

Названія книгъ расположены въ каталогѣ по буквамъ алфавита, которыми начинаются; вторыя и слѣдующія буквы не приняты во вниманіе, такъ что, напримѣръ, подъ буквой А книги расположены въ такомъ порядкѣ:

1. Ариѳметика....
2. Англія....
3. Агатинъ....
4. Аристиппъ....
5. Альманахъ....
6. Абдеритяне....

и т. д.

Послѣднюю уцѣлѣвшую (8-ую) страницу каталога занимаетъ списокъ книгъ подъ буквой С; онъ, вѣроятно, конченъ на ней; такъ должно думать потому, что подъ послѣдней строкой проведены двѣ маленькія черты. Слѣдующія буквы каталога затерялись. Онѣ должны были занимать или одну четвертку, или, вѣроятнѣе, двѣ.

Въ графѣ съ лѣвой стороны страницъ сдѣлана, какъ мы говорили, нумерація книгъ. Послѣдній нумеръ—155. Подъ книгой, отмѣченной этимъ нумеромъ, есть еще заглавіе книги, но оно зачеркнуто.

Вычеркнуты очень многія книги; нѣкоторыя потому, что для распредѣленія ихъ по порядку первыхъ буквъ были впослѣдствіи взяты другія слова заглавій, а не тѣ, по какимъ они были размѣщены при составленіи каталога; но въ большей части случаевъ книги были вычеркнуты вѣроятно потому, что утратились.

Почти половину нумеровъ составляютъ многотомныя книги; такъ что 19 нумеровъ, помѣщенныхъ на первой страницѣ каталога, образуютъ 50 томовъ, находящихся на лицо (кромѣ того, къ этимъ книгамъ принадлежали 7 томовъ, которыхъ ужь «недоставало» при составленіи каталога). На всѣхъ 8 уцѣлѣвшихъ страницахъ насчитывается больше 550 томовъ, находящихся на лицо; все число томовъ бывшихъ тогда на лицо въ библіотекѣ Александра Ивановича должно было составлять болѣе 650.—Время напечатанія отмѣчено лишь при періодическихъ изданіяхъ; самымъ новымъ изъ нихъ были «Отечественныя Записки» 1846 года,—всѣ 12 книгъ; то есть, въ ихъ числѣ и декабрьская; итакъ, каталогъ былъ составленъ или въ самомъ концѣ 1846 года, или позднѣе. Бóльшая часть книгъ принадлежитъ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ; нѣкоторыя изъ нихъ, вѣ-

---

Въ спискѣ книгъ, которыя въ 1852 году бралъ у родныхъ и знакомыхъ Николай Александровичъ, записано (подъ № 278): „Абдеритяне, сочин. Виланда, часть I" (взята у) „М. И. Благообразова".

А въ каталогѣ, о которомъ мы говоримъ, читается (подъ № 6): „Абдеритяне, нравственно сатирическое сочиненіе Виланда" (находится на лицо) „1" (томъ).

Итакъ, не былъ ли это каталогъ библіотеки отца Михаила Ивановича?—Нѣтъ; такая догадка была бы недоразумѣніемъ.

Книга Виланда состояла не изъ одного тома; экземпляръ, внесенный въ каталогъ, былъ неполный; одинъ изъ его томовъ былъ утраченъ. Этотъ томъ и былъ впослѣдствіи взятъ для прочтенія Николаемъ Александровичемъ у Михаила Ивановича.

То же самое относится къ тѣмъ томамъ „Энциклопедическаго Лексикона" Плюшара, которые Николай Александровичъ бралъ у знакомыхъ.

роятно, составляли библіотеку отца Зинаиды Васильевны, мѣсто котораго было зачислено за нею и получено Александромъ Ивановичемъ при женидьбѣ на ней; другія были пріобрѣтены самимъ Александромъ Ивановичемъ; годы изданія очень многихъ изъ нихъ помнятся намъ; по этимъ годамъ видно, Александръ Ивановичъ покупалъ книги почти только въ первое время своей священнической службы; послѣ у него ужь было слишкомъ мало свободныхъ денегъ, надобно было уплачивать долги, сдѣланные для постройки дома.

Изъ 156 книгъ, записанныхъ на уцѣлѣвшихъ восьми страницахъ каталога, нѣсколько десятковъ принадлежатъ къ богословскимъ или религіозно-назидательнымъ. Но гораздо больше половины библіотеки составляли тѣ книги, которыя на семинарскомъ языкѣ назывались «свѣтскими». Между ними много незначительныхъ по объему и по содержанію. Но есть много хорошихъ. Назовемъ нѣкоторыя изъ находившихся на лицо при составленіи каталога.

«Англія и Италія», Архенгольца, 5 томовъ; «Агатонъ», Виланда; «Аристиппъ» (тоже Виланда), 3 тома; «Абдеритяне», (тоже Виланда); «Американскія степи», Купфера (4 тома); «Библіотека», Каченовскаго (3 т.); «Библіотека ученая» (10 т.); «Библіотека для чтенія» 1834 года (12 т.); «Вѣстникъ Европы», разныхъ годовъ (59 т.); «Валерія Максима, Изреченія» (2 т.); «Всеобщая Исторія», Миллота (9 т.); «Естественная Исторія», Двигубскаго; «Энциклопедическій Лексиконъ», Плюшара (16 т.); «Журналъ новѣйшихъ путешествій» (4 т.); «Исторія XVIII столѣтія» (10 т.); «Историческій журналъ» разныхъ годовъ (15 т.); «Іосифа Флавія, Древности» (3 т.); «Крузенштерново путешествіе» (3 т.); «Лесепсово путешествіе по Сибири» (3 т.); «Мученики», Шатобріана (3 т.); «Москвитянинъ» 1843 г. (10 т.); «Отечественныя Записки», Свиньина (39 т.); «Отечественныя Записки» 1840 г. (11 т.) и 1846 г. (12 т.); «Опытъ о человѣкѣ», Попе; «О разумѣ законовъ», Монтескю—то-есть, Монтескьё; «Письма принцессы Гонзаго объ Италіи»; «Письма русскаго путешественника», Карамзина (2 т.); «Повѣсти», Цшокке (2 т.); «Повѣсти», Бальзака (2 т.); «Переводы изъ Енциклопедіи»; «Плутархъ для юношества» (5 т.); «Повѣсти англійскихъ писателей» (4 т.); «Повѣсти», М. Жуковой (2 т.); «Русскій Вѣстникъ» (прежній, С. Глинки), разныхъ годовъ (12 т.); «Разговоры о множествѣ міровъ», Фонтенеля; «Сочиненія» Карамзина (5 т.); «Сочиненія» архимандрита Макарія (2 т.); «Сочиненія» Геснера (4 т.); «Словарь географическій», Щекатова (6 т.); «Сынъ Отечества», разныхъ годовъ (24 т.); «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» 1838 г. (11 т.); «Стихотворенія» Жуковскаго (2 т.); «Собраніе русскихъ стихотвореній» (5 т.); «Современникъ», Пушкина (4 т.); «Сто сорокъ одна повѣсть иностранныхъ писателей» (12 т.).

Такимъ образомъ, на 8 страницахъ каталога набралось у насъ 345—а во всей библіотекѣ Александра Ивановича набиралось, вѣроятно, больше 400 томовъ такихъ книгъ, которыя или могли быть прочтены съ пользою и были очень рано прочтены Николаемъ Александровичемъ, или могли служить—и, безъ сомнѣнія, служили ему—для справокъ.

Бóльшую часть книгъ отцовской библіотеки Николай Александровичъ прочелъ раньше 1849 года; это видно по замѣткамъ, находящимся въ его бумагахъ слѣдующихъ годовъ. Тѣ, которыхъ не прочелъ раньше 1849, онъ прочелъ почти всѣ въ этомъ году.

Къ 1852 году исчезли изъ библіотеки Александра Ивановича очень многія книги; нѣкоторыя были «зачитаны», какъ это говорится: взяты для прочтенія и по небрежности не возвращены [1]); другія вѣроятно были подарены Александромъ Ивановичемъ младшему брату Василію Ивановичу, племяннику Михаилу Ивановичу, когда они учились въ семинаріи, и товарищамъ ихъ, нуждавшимся въ книгахъ.

На уцѣлѣвшихъ листахъ каталога находятся исключительно русскія книги. Когда Александръ Ивановичъ кончилъ курсъ семинаріи, онъ не могъ не имѣть латинскихъ и греческихъ. Но, вѣроятно, имѣлъ ихъ мало, потому что былъ сынъ бѣднаго отца, и учась въ семинаріи не могъ употреблять денегъ на покупку книгъ, кромѣ необходимѣйшихъ. А по окончаніи курса онъ, вѣроятно, раздарилъ брату, племяннику и ихъ товарищамъ по семинаріи почти всѣ тѣ латинскія и греческія книги, какія имѣлъ. Къ этому предположенію ведетъ то обстоятельство, что въ 1852 году Николай Александровичъ бралъ у другихъ Horatii Opera (бралъ два раза, у двухъ разныхъ лицъ); еслибъ оставалось тогда у Александра Ивановича хоть десятка три латинскихъ книгъ, въ числѣ ихъ находился бы и Горацій: послѣ учебныхъ латинскихъ книгъ, онъ былъ одной изъ первыхъ, покупаемыхъ семинаристами временъ Александра Ивановича.

6.

РЕЭСТРЫ ПРОЧТЕННЫХЪ КНИГЪ.

1849—1853.

Мы не знаемъ, писалъ ли Добролюбовъ раньше 1849 года какія-нибудь замѣтки о томъ, чтó читалъ. Но съ начала 1849 года онъ велъ списки или, какъ онъ называлъ, «реэстры» прочтенныхъ имъ книгъ.—«Реэстръ» 1849 года онъ довелъ до конца. «Реэстръ» 1850 года былъ доведенъ имъ до 26 іюля. «Реэстръ» 1851 года онъ довелъ до 4 ноября. Въ «реэстрѣ» 1852 года онъ остановился въ работѣ 20 февраля; возобновилъ ее въ ноябрѣ, и прекратилъ черезъ нѣсколько дней. Но съ начала этого года онъ велъ другой списокъ, который служитъ замѣной «реэстру»: онъ записывалъ книги, которыя бралъ у родныхъ и знакомыхъ. Этотъ списокъ велъ онъ непрерывно до самаго отъѣзда своего изъ Нижняго въ Петербургъ, продолжалъ вести и въ первое время своей петербургской жизни.

«Реэстры» прочтенныхъ книгъ и списки «книгъ взятыхъ для чтенія», написаны на листахъ и полулистахъ, сложенныхъ въ четвертку, и изрѣдка на отдѣльныхъ четверткахъ. Въ «реэстрахъ» прочтенныхъ

---

[1]) Къ числу книгъ, утратившихся этимъ способомъ, принадлежали нѣкоторые томы „Энциклопедическаго Лексикона“ Плюшара. Въ 1853 году Николай Александровичъ бралъ ихъ у разныхъ знакомыхъ.

книгъ, нѣкоторыя изъ тетрадокъ, образуемыхъ листами или полулистами, оставались не сшитыми; это ясно видно по тому, что перегибы ихъ четвертокъ, сохранившіеся непротертыми, не имѣютъ проколовъ сшиванія. У нѣкоторыхъ другихъ перегибы протерлись, и трудно различить, были ль на нихъ проколы, или нѣтъ. Нѣкоторыя имѣютъ ясные проколы, слѣдовательно были сшиты. Но отдѣльныя четвертки, принадлежащія къ нимъ, были не пришиты и у самихъ тетрадокъ были впослѣдствіи перерѣзаны и вынуты нитки, соединявшія ихъ половинки листовъ; это сдѣлалъ самъ Добролюбовъ: тотъ знакомый Добролюбова, который немедленно по его смерти взялъ къ себѣ его бумаги, нашелъ всѣ тетрадки «реэстровъ» состоящими изъ несшитыхъ полулистовъ. Добролюбовъ разрѣзалъ нитки вѣроятно для того, чтобы перегибы полулистовъ не были прорваны ими при частомъ перевертываніи четвертокъ, и чтобы полулисты не распались отъ этого на отдѣльныя четвертки.

Списокъ книгъ, взятыхъ для чтенія въ 1852 году, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ полулистовъ; списокъ книгъ, взятыхъ для чтенія въ 1853 и 1854 годахъ, состоитъ изъ листа, такъ что образуетъ одну тетрадку, имѣющую четыре четвертки. Эти три тетрадки были сшиты и потомъ тоже расшиты. Въ одномъ изъ проколовъ внутренняго полулиста листовой тетрадки списка 1853 и 1854 годовъ удержался кусочекъ нитки, которой была сшита эта тетрадка.

Всѣ листы, полулисты и четвертки, на которыхъ были ведены «реэстры» прочтенныхъ книгъ и списокъ книгъ «взятыхъ для чтенія», сохранились, кромѣ одного полулиста, образовавшаго внутреннія четвертки въ тетрадкѣ, имѣвшей четыре четвертки.

При составленіи печатаемаго теперь «обзора» всѣ сохранившіяся тетрадки и отдѣльныя четвертки перенумерованы (карандашемъ) по четверткамъ, которыя мы будемъ называть листами. Сообразно общему правилу подобныхъ нумерацій, мы ставили цифры и на тѣхъ четверткахъ тетрадокъ, которыя остались бѣлыми. Число такихъ четвертокъ—пять. Число всѣхъ четвертокъ (вмѣстѣ съ этими пятью)—сорокъ шесть. За исключеніемъ бѣлыхъ, число четвертокъ—41. Двѣ четвертки, какъ мы сказали, утратились; потому, всѣхъ четвертокъ первоначально было 48.

Бумага, на которой ведены «реэстры» и списокъ взятыхъ для прочтенія книгъ, вся принадлежитъ къ дешевымъ, плохимъ сортамъ. Съ половины 1851 года она получше прежней, но все-таки груба, плоха. А часть реэстра 1850 года написана на бумагѣ самаго плохого сорта, очень грубой, шероховатой и вмѣстѣ рыхлой.

Чернила, которыми писалъ Добролюбовъ въ Нижнемъ, всегда были плохія, въ лучшихъ случаяхъ все-таки жидкія, блѣдныя; а очень часто эти чернила, и въ неразжиженномъ составѣ своемъ плохія, были разведены водою такъ, что цвѣтъ ихъ становился не темнымъ, а рыжимъ, блѣднымъ рыжимъ ужь и въ то самое время, когда писалъ ими Добролюбовъ. А теперь, черезъ 28, 29 и 30 лѣтъ, они выцвѣли такъ, что во многихъ мѣстахъ едва замѣтны для перваго взгляда не только отдѣльныя слова, но цѣлыя строки на плохой, расплывчатой, такъ называемой сѣрой, но собственно желтоватой

бумагѣ. Есть цѣлыя страницы, которыя такъ блѣдны, что нельзя прочесть на нихъ ни одной строки, не всматриваясь въ нее съ большимъ вниманіемъ. Но теперь еще можно было прочесть всѣ ихъ [1]).

Переходимъ къ описанію «реэстровъ».

Реэстръ 1849 года имѣлъ сначала такой видъ: съ лѣвой стороны сдѣлана графа для нумераціи книгъ; надъ этой графой написано: «N». Съ правой стороны страницы проведена графа для записыванія числа томовъ каждой книги; надъ ней надписаны слова: «число томовъ»; за этой графой остается па первыхъ пяти страницахъ лишь узкая окраина, не имѣвшая сначала никакого назначенія. Ширина страницы между лѣвой и правой графами оставлена вся для записыванія заглавій книгъ. Надъ этой широкой средней частью страницы написано: «Реэстръ книгъ, читанныхъ мною отъ января [2]) перваго числа 1849 года».

Названія книгъ Добролюбовъ первоначально хотѣлъ писать въ винительномъ падежѣ (безъ сомнѣнія въ зависимости отъ подразумѣваемаго глагола: «я читалъ»). Но первыя заглавія пришлись такія, въ которыхъ винительный падежъ не отличается формой отъ именительнаго: «Отечественныя Записки», «Источникъ св. Екатерины, романъ» и т. д. Винительный падежъ имѣлъ ясную форму только въ дополненіяхъ къ заглавіямъ: «часть 1-ю», «часть 2-ю». Добролюбовъ и оставилъ его только въ этихъ дополненіяхъ, а заглавія, сопровождаемыя опредѣленіемъ частей или томовъ, сталъ писать въ родительномъ падежѣ: «Библіотеки для воспитанія за 1845 годъ, часть 2-ю» [3]). Названія книгъ, не сопровождаемыя опредѣленіями частей, онъ сталъ писать въ именительномъ падежѣ: «Переписка Маріи Стюартъ».

Система счета книгъ подверглась многимъ перемѣнамъ. Изъ нихъ замѣтимъ важнѣйшія. Добролюбовъ велъ нумерацію книгъ въ лѣвой графѣ до 99 нумера; на немъ прекратилъ ее, зачеркнулъ всѣ нумера, замѣнилъ счетъ книгъ по заглавіямъ суммированіемъ числа томовъ, произвелъ суммированіе по всѣмъ книгамъ, ужъ записаннымъ; онъ писалъ суммы томовъ на узкой окраинѣ правой стороны. Заглавія книгъ доходили тогда до половины пятой страницы. Онъ докончилъ ее, не дѣлая новой графы для суммированій, записывая ихъ на окраинѣ за правой графой. Но съ 6-й страницы сталъ дѣлать на правой сторонѣ ужъ не одну графу, а двѣ: въ первой записывалъ число томовъ каждой книги, а во второй суммировалъ томы.

Начиная суммированіе, онъ ошибся, написалъ противъ третьей книги сумму «3», между тѣмъ какъ третья книга состояла изъ че-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ наиболѣе блѣдныхъ прочтены К. М. Ѳедоровымъ, не жалѣвшимъ утомлять свое молодое, превосходное зрѣніе надъ дѣломъ, которое полюбилъ онъ, умѣя цѣнить значеніе Добролюбова въ русской литературѣ.

[2]) „Генваря", какъ писалъ тогда Добролюбовъ по устарѣлой семинарской орѳографіи. Мы въ этомъ и другихъ подобныхъ случаяхъ замѣняемъ устарѣлую школьную орѳографію нынѣшней литературной. При изученіи рукописей Добролюбова дѣло не въ орѳографіи.

[3]) Нынѣ отброшена манера прибавлять буквы окончаній къ цифрамъ частей; потому въ нашемъ извлеченіи изъ реэстра 1849 года исчезли формы винительнаго падежа этихъ числительныхъ.

тырехъ томовъ, и послѣ первыхъ двухъ суммированій однотомныхъ книгъ «1», «2» слѣдовало написать противъ этой книги сумму «6»; не замѣтивъ, что суммированіе «3» прибавлено по ошибкѣ, онъ приложилъ къ нему число томовъ третьей книги, и получилось суммированіе «7»,—единицей больше дѣйствительной суммы томовъ; кромѣ того, строка, на которой слѣдовало бы поставить это суммированіе была ужъ занята излишнимъ суммированіемъ «3», и Добролюбовъ опустилъ цифру «7» на строку заглавія слѣдующей книги; это повело къ частымъ ошибкамъ: трудно не спутаться въ суммированіяхъ, записывая сумму на строкѣ цифры, которая еще не должна входить въ записываемую сумму, а должна войти только въ слѣдующую. Но отъ времени до времени онъ сосчитывалъ цифры томовъ и поправлялъ суммированія, такъ что написанный имъ въ концѣ реэстра итогъ прочтенныхъ томовъ «411» ошибоченъ лишь на одну ту единицу, которая была напрасно введена въ счетъ при самомъ началѣ. Онъ оставилъ безъ провѣрки счетъ томовъ въ началѣ первой страницы, предполагая, какъ всѣ мы часто дѣлаемъ, что въ сложенія очень маленькихъ цифръ не нужно искать ошибокъ.

По многочисленности перемѣнъ въ пріемахъ веденія реэстра 1849 года, должно думать, что начиная его, Добролюбовъ, въ то время тринадцатилѣтній мальчикъ, еще не имѣлъ ни прочно установленнаго плана работы, ни опытности въ подобныхъ дѣлахъ.

Потому очень вѣроятно, что если до 1849 года онъ и писалъ какія-нибудь замѣтки о прочтенныхъ книгахъ, то полныхъ реэстровъ имъ не велъ.

Записывая книжку журнала, сборникъ произведеній разныхъ авторовъ, собраніе повѣстей или стихотвореній одного автора,—словомъ, какую бы то ни было книгу, составленную изъ разныхъ произведеній, онъ, кромѣ ея заглавія, записывалъ болѣе или менѣе подробно и оглавленіе ея; конечно, для того, чтобъ удобно было ему впослѣдствіи справляться, какія стихотворенія, повѣсти или ученыя статьи были прочтены имъ и какія впечатлѣнія были произведены ими на него.

Реэстръ книгъ, прочтенныхъ имъ въ 1849 году, занимаетъ тетрадку, сложенную въ четвертку изъ листа, то есть имѣющую 4 листа въ четвертку. Это листы 1—4 по сдѣланной теперь нами общей нумераціи.

Первая страница написана не очень плотно; на ней, кромѣ двухъ строкъ заглавія, только 29 строкъ; дальше, письмо становится плотнѣе;—не по развитію умѣнья писать плотно: это умѣнье ужъ было и раньше—но просто по бережливости на бумагу: 6-ая и 7-ая страницы имѣютъ по 39 строкъ; послѣдняя страница ужъ и начинается нѣсколько плотнѣе 7-й, а чѣмъ ближе къ концу ея, тѣмъ плотнѣе строки; такъ что на ней 55 строкъ. Послѣднія 12 очень плотны. Видно, что Добролюбову не хотѣлось истратить на окончаніе реэстра хотя бы только еще одну четвертку.

Начиная реэстръ слѣдующаго (1850) года, Добролюбовъ ужъ составилъ вполнѣ выработанную систему веденія дѣла, и она оказалась такъ прочна, что онъ держался ея и въ 1851, и въ 1852 году.

Эта система отличается отъ прежней, кромѣ второстепенныхъ улучшеній, двумя существенно важными прибавленіями: Добролюбовъ сталъ отмѣчать мѣсяцъ и числа, въ которыя прочтена имъ книга, и записывать свои впечатлѣнія отъ прочтеннаго, свои сужденія о немъ.

Форма, по которой ведены реэстры 1850, 1851 и 1852 годовъ, такова: съ лѣвой стороны проведена графа для счета книгъ; на сторонѣ двѣ графы: въ первой отмѣчается число томовъ книги, во второй записаны мѣсяцъ и дни чтенія книги. Среднее пространство страницы между лѣвой и правыми графами раздѣлено на двѣ части: въ лѣвой колоннѣ, ширина которой занимаетъ больше половины всей ширины страницы, записаны заглавія книгъ и болѣе или менѣе подробно списаны оглавленія ихъ, если онѣ—сборники или журналы; или вообще состоятъ изъ разныхъ произведеній; въ правой колоннѣ, узкой сравнительно съ лѣвой, записаны сужденія о прочтенномъ.

Списокъ книгъ, прочтенныхъ въ 1850 году, занимаетъ 17 листовъ (или, по общей нумераціи всѣхъ реэстровъ, листы 5—21).

Число нумеровъ книгъ составляетъ число томовъ—231. Послѣдняя изъ книгъ, внесенныхъ въ этотъ списокъ, была дочитана 26 іюля. Книги, читанныя съ этого числа іюля до конца года, оставались не записываемы.—21-й листъ, на которомъ остановилось записываніе, третій листъ тетрадки, состоящей изъ четырехъ листовъ; четвертый листъ съ (помѣченный въ общей нумераціи цифрою 22) остался бѣлымъ; да и послѣдняя страница реэстра (оборотная страница 21 листа) не дописаны. Изъ этого ясно, что веденіе списка дѣйствительно прекратилось съ 26 іюля; тѣ листы, которые были написаны, уцѣлѣли всѣ, кромѣ двухъ среднихъ листовъ первой тетрадки, затерявшихся.

Реэстръ 1851 года, доведенный до 4 ноября, имѣетъ 93 нумера книгъ, составляющихъ 125 томовъ и занимаетъ 8 листовъ (по общей нумераціи, это листы 23—30); на послѣднемъ изъ нихъ записываніе остановилось, занявъ только помѣтку страницы, такъ что полторы страницы остались бѣлыми; по этому признаку видно, что изъ написаннаго не утратилось ничего.

Реэстръ 1852 года былъ доведенъ на трехъ листахъ до 20 февраля. На этихъ трехъ листахъ (31—33 листахъ общей нумераціи) находится 17 нумеровъ книгъ, составляющихъ 18 томовъ. Четвертый листъ тетрадки (34 листъ общей нумераціи) остался бѣлымъ. Потому ясно, что сохранились всѣ листы, которые были написаны тогда. Черезъ девять мѣсяцевъ, Добролюбовъ возобновилъ записыванье прочтенныхъ книгъ, думая держаться той же системы, и на первыхъ четырехъ страницахъ новой тетрадки, состоящей изъ листа, сложеннаго въ 4-ю долю, написалъ заглавія и подробныя оглавленія сочиненій Лермонтова, Державина, Багдановича; на пятой страницѣ оставилъ вверху пробѣлъ для того, чтобы послѣ вписать въ него какую-то книгу, а ниже пробѣла написалъ подробное оглавленіе сочиненій Муравьева (того, который былъ современникомъ Карамзина).

Но только относительно сочиненій Державина сдѣлана отмѣтка, когда онѣ были читаны: первый томъ ноября 9—14, второй—ноября

14—19. Когда читаны другія книги, записанныя на страницахъ этой тетрадки, нѣтъ отмѣтокъ. Не подведенъ и счетъ суммы томовъ.

Но важнѣйшая неполнота состоитъ въ томъ, что только относительно сочиненій Лермонтова и Державина написаны сужденія; у другихъ книгъ, оглавленіями которыхъ плотно исписана предназначенная для того колонна, другихъ страницъ, осталась совершеннымъ пробѣломъ, колонна назначенная для записыванія сужденій.

Эта тетрадка, состоящая изъ листа, сложеннаго въ четверку, образуетъ своими четвертками 35—38 листы сдѣланной нами теперь общей нумераціи. Въ ней исписаны, какъ мы говорили, только первыя пять страницъ, три послѣднія остались бѣлыми; Добролюбову не понадобилось раскрыть 6-ю и 7-ю страницы, отдѣлить третью четвертку отъ четвертой и осталась не разрѣзана та половина верхняго перегиба бумаги, которая соединяетъ эти четвертки.

Сведемъ теперь въ одно мѣсто сообщенныя данныя о томъ, сколько времени въ какомъ году исполнялъ Добролюбовъ свое намѣреніе записывать прочтенныя имъ книги.

1849. Первая программа, по которой записывались только заглавія книгъ и оглавленія сборниковъ и журналовъ, «Реэстръ» былъ веденъ весь годъ до самаго конца.

Съ 1850 Добролюбовъ сталъ вести реэстры по новой программѣ, прибавившей къ записыванію заглавій и оглавленій записываніе сужденій его о прочтенномъ.

Въ 1850 году онъ пересталъ вести реэстръ 25 іюля.

Въ 1851 году велъ его слишкомъ тремя мѣсяцами дольше, до 4 ноября; но въ этомъ году реэстръ вести было легче, потому что размѣръ чтенія уменьшился: въ 1850 году менѣе чѣмъ въ семь мѣсяцевъ было прочтено 149 номеровъ, составлявшихъ 231 томъ, а въ 1851 году въ 10 мѣсяцевъ только 93 нумера, а число томовъ въ нихъ составляло только 125. Размѣръ чтенія уменьшился, какъ мы увидимъ, потому, что Добролюбовъ сталъ употреблять очень много времени на подготовленіе матеріаловъ для ученыхъ трудовъ.

Въ 1852 году онъ пересталъ вести реэстръ 20 февраля, возобновилъ эту работу въ ноябрѣ, но исполнилъ программу лишь относительно двухъ книгъ, и снова прекратилъ веденіе реэстра.

Причина перерывовъ записыванія состояла въ томъ, что программа, по которой велось оно съ 1850 года, поглощала очень много времени: на всѣхъ страницахъ реэстровъ 1850 — 1852 годовъ колонна оглавленій написана строками, идущими очень плотно одна подъ другой. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: на первой страницѣ реэстра 1850 года эта колонна, кромѣ части, составляющей заголовокъ ея, имѣетъ 45 строкъ; на нѣкоторыхъ другихъ страницахъ реэстра этого года гораздо больше: на обратной страницѣ 11-го листа общей нумераціи колонна заглавій и оглавленій имѣетъ 56 строкъ, на оборотной страницѣ 13 листа 58 строкъ. Еще болѣе плотно исписана колонна «замѣчаній»: она обыкновенно имѣетъ отъ 60 до 70 строкъ, на нѣкоторыхъ страницахъ больше чѣмъ 70. Многія страницы исписаны такъ плотно, что каждая изъ нихъ составила бы въ печати около двухъ страницъ мелкаго шрифта формата «Вѣстника

Европы» или «Русской Мысли» (или этого изданія «матеріаловъ»). Чтобы написать такую страницу, на каждой строкѣ заглядывая въ переписываемыя оглавленія, нужно больше двухъ часовъ времени.

Программа, по которой Добролюбовъ велъ реэстры въ 1850—1852 годахъ, поглощала много времени, потому ни въ первый, ни во второй изъ этихъ годовъ онъ не довелъ реэстръ до конца, а въ третій годъ бросилъ реэстръ на второмъ мѣсяцѣ и, возобновивъ веденіе его по прошествіи девяти мѣсяцевъ, прекратилъ работу черезъ нѣсколько дней.

Но съ начала 1852 Добролюбовъ сталъ вести другой реэстръ: въ немъ были записываемы заглавія книгъ, которыя бралъ онъ у родныхъ и знакомыхъ; отмѣчалось, когда взята книга, у кого взята и когда возвращена. Этотъ списокъ Добролюбовъ велъ непрерывно до самаго дня отъѣзда своего изъ Нижняго (4 авг. 1853) и продолжалъ въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ. Петербургское продолженіе списка мы разсмотримъ, когда будемъ говорить о бумагахъ петербургскаго времени, а здѣсь ограничимся тою частью реэстра, которая была написана Добролюбовымъ до отъѣзда въ Петербургъ.

. . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

ПЕРЕПИСКА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Августъ 1853—августъ 1854.

Отъѣздъ въ Петербургъ. — Поступленіе въ Педагогическій институтъ.— Смерть матери.—Поѣздка въ Нижній на каникулы.—Смерть отца.

(Вторая половина 18-го и первая половина 19-го года жизни Н. А. Добролюбова).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Августъ 1854—іюнь 1857.

Бѣдность.—Пріобрѣтеніе уроковъ и возможности помогать сестрамъ и младшимъ братьямъ.—Начало литературной дѣятельности.—Окончаніе курса.

(Вторая половина 19-го—первая половина 22-го года жизни Н. А. Добролюбова).

Стран.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Іюнь 1857 — май 1860 (отъ окончанія курса въ Педагогическомъ Институтѣ до отъѣзда за границу).

Поѣздка въ Нижній по окончаніи курса.—Возвращеніе въ Петербургъ.— Проявленіе разстройства здоровья.—Поѣздка на воды въ Старую Русу.— Жизнь въ одной квартирѣ съ Н. А. Некрасовымъ. — Перестройка части дома, въ которомъ жилъ Н. А. Некрасовъ, принуждающая Николая Александровича переселиться на особую квартиру.—Тревога Н. А. Некрасова за его здоровье.—Отъѣздъ за границу для леченья и отдыха, по требованію Н. А. Некрасова.

(Вторая половина 22-го—первая половина жизни 25-го года Николая Александровича).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Май 1860—ноябрь 1861.

Поѣздка за границу.—Возвращеніе въ Россію.—Послѣднее свиданіе съ сестрами.—Предсмертное развитіе болѣзни.

(Конецъ первой половины и вторая половина 25-го года и послѣдній, 26-й годъ жизни Н. А. Добролюбова).

ОБЗОРЪ БУМАГЪ.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ВРЕМЯ.

(*Сентябрь 1844—іюль 1853*).

ОПЕЧАТКИ и ОШИБКИ.

Страница	4,	последняя строка:			„это была цѣна билета"; въ 1853 г. это была цѣна *двухъ* билетовъ.
„	44,	стр. 13 снизу	должно	быть:	„получено *8* ноября".
„	45,	„ 3 „	„	„	„прочелъ *въ* Актѣ юбилея".
„	62,	„ 4 „	„	„	„отъ *28* декабря".
„	88,	„ 9 сверху	„	„	„письмо".
„	200,	„ 2 „	„	„	„1855".
„	204,	въ серединѣ	„	„	„къ Варварѣ Васильевнѣ и Лукѣ Ивановичу".
„	217,	„ „	„	„	„30 апрѣля 1855".
„	347,	„ „	„	„	„янв. 1857".
„	432,	„ „	„	„	„къ А. П. Златовратскому".
„	485,	стр. 10 снизу	„	„	„былъ товарищъ".
„	495,	„ 17 „	„	„	„этотъ Б.".
„	539,	„ 18 „	„	„	„страшно негодуютъ".
„	563,	„ 3 сверху	„	„	„іюнь 1860"; стр. 8 снизу д. б.: „Черепословъ".
„	572,	„ 6 „	„	„	„іюля 1860".

Исправленіе нѣкоторыхъ другихъ маловажныхъ опечатокъ очевидно само собою.